В ВГ

ОТЦЫ ОСНОВАТЕЛИ

Василий ГОЛОВАЧЕВ

ЧЕТВЕРТОЕ ИЗМЕРЕНИЕ

ЭКСМО

ОТЦЫ-ОСНОВАТЕЛИ

РУССКОЕ ПРОСТРАНСТВО

ЭКСМО

Василий

ГОЛОВАЧЕВ

ЧЕТВЕРТОЕ ИЗМЕРЕНИЕ

Василий

ГОЛОВАЧЕВ

Василий

ГОЛОВАЧЕВ

ВТОРЖЕНИЕ В РЕАЛЬНОСТЬ
ПРАВИЛА БОЯ
СКАЗАНИЯ О ВЕЕРЕ МИРОВ
ГАСИТЕЛИ СОЛНЦ
ЛИК БЕСА
БОЙ БЕЗ ПРАВИЛ
ВОЙНА РЕАЛЬНОСТЕЙ
ИСКАТЕЛИ СМЕРТИ
ЧЕРНЫЙ ЧЕЛОВЕК
ЧЕРНАЯ СИЛА.ЧЕРНОЕ ВРЕМЯ
ДРЕВО ВРЕМЕН
ВЛАДЫКИ РЕАЛЬНОСТИ
ПРОБУЖДЕНИЕ ДЖИННА
ПРЕОДОЛЕНИЕ НЕВОЗМОЖНОГО
ЧЕТВЕРТОЕ ИЗМЕРЕНИЕ

ОТЦЫ-ОСНОВАТЕЛИ: РУССКОЕ ПРОСТРАНСТВО

ОТЦЫ-ОСНОВАТЕЛИ: РУССКОЕ ПРОСТРАНСТВО

Василий

ГОЛОВАЧЕВ

ЧЕТВЕРТОЕ ИЗМЕРЕНИЕ

Палач времен

ВВГ

Хроновыверт

Москва
ЭКСМО
2006

УДК 82-312.9
ББК 84(2Рос-Рус)6-4
Г 61

Оформление серии *А. Саукова*

Серия основана в 2005 г.

Головачев В. В.

Г 61 Четвертое измерение: Фантастические произведения / В. В. Головачев. — М.: Эксмо, 2006. — 832 с. — (Отцы-основатели: Русское пространство).

ISBN 5-699-16388-3

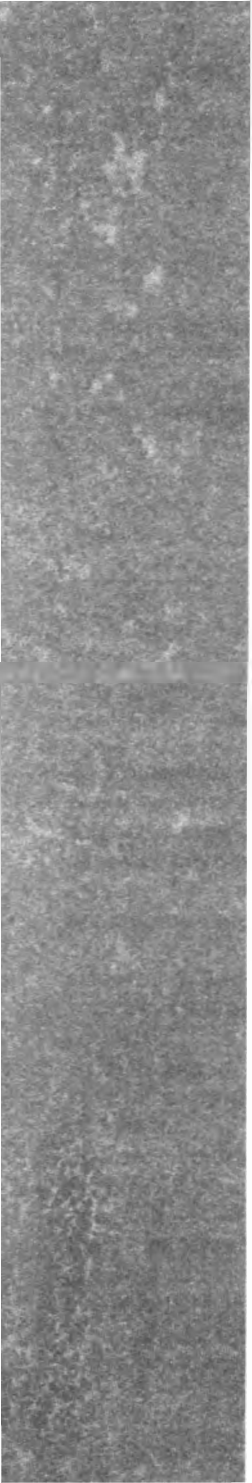
Ивор Жданов еще не догадывается, что несет в себе родовую память и способности оперировать временем и пространством, а следовательно, является потенциальным активным участником Игры, на кону которой стоят судьбы Метавселенных и всего Древа Времен. Первая партия проиграна — отряд хронодесантников под командованием отца Ивора попадает в ловушку в одной из «засыхающих» Ветвей Древа. Собрать команду единомышленников, спасти людей, отыскать эмиссаров противника и обезвредить их — задача-минимум. Понять принципы Игры и заставить их работать на человечество — цель. Но достижима ли она?

В этот том вошли роман «Палач Времен», завершающий трилогию, первыми частями которой были «Бич Времен» и «Схрон», а также роман «ВВГ» и повесть «Хроновыверт».

УДК 82-312.9
ББК 84(2Рос-Рус)6-4

ISBN 5-699-16388-3

© Головачев В. В., 2006
© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2006

ПАЛАЧ ВРЕМЕН

Роман

В романе использованы стихи Э. По, К. Бальмонта, В. Высоцкого, Н. Игнатенко, С. Андреева, В. Гафта, Е. Лукина

А между тем, как Богом речено,
Чей Промысел постичь нам не дано,
Как будто без начала и конца,
Как свиток разворачивается
Пред нами Время — и не внять
в миру нам Таинственным его
и странным рунам.

Д.Р.Р.Толкиен. Мифопоэйя

Часть I

А МЕЖДУ ТЕМ

ГЛАВА 1

Холмистая равнина была покрыта чешуйчатой багровой травой и коричневым перистым кустарником от горизонта до горизонта и с высоты километра казалась алой. В середине ее располагалась круглая впадина, как бы огороженная двумя рядами оплывших багровых скал, вершины которых светились изнутри и все отклонялись от центра впадины, образуя своеобразный колючий воротник. Оттуда вырастала жемчужно-белая колонна высотой около двух километров, которая к вершине превращалась в светящийся дымный столб, постепенно тающий в сиреневом небе.

Изредка на фоне столба можно было увидеть кружившие вокруг него черные точки, пикирующие вниз и вновь возносящиеся в небо.

Завершенность этому необычному пейзажу придавали яркая звезда, низко висящая над горизонтом, и косо перечеркнувшая небосклон светящаяся нить, играющая роль центра системы. Нить представляла собой макрострингм — «суперструну», пронизывающую местный космос, вокруг которой и вращалась планета с торчащей из равнины колонной. По сути, вся эта вселенная — Ветвь Древа Времен — представляла собой чуть ли не бесконечной длины «трубу» с центральной «струной» сверхплотной мате-

рии, очень массивной и светящейся, вокруг которой и кружились материальные объекты — планеты, звезды, облака пыли и струи астероидов, которые по мере замедления скорости вращения падали на «струну» и бесследно ею поглощались.

Там, где образовывались устойчивые конфигурации планет и звезд, на планетах возникала жизнь, однако разумная встречалась очень редко. Мир макрострингa был неустойчив и не позволял эволюционным процессам доводить жизненные циклы до совершенства. Тем не менее разум иногда возникал на планетах «струны», как, например, на планете с необычной колонной, — в виде колоний микроорганизмов.

Беда была в том, что этот мир умирал. Ветвь Времен «засыхала», отрубленная неизвестно кем из Игроков. Жизнь на планетах удивительного мира «струны» была обречена на исчезновение.

Послышался приближающийся тихий стеклянный треск.

Разглядывающее белую колонну существо, похожее на горбатого двуногого и двурукого варана с зеркально бликующей шкурой, оглянулось. К нему подходило еще одно такое же существо, с хрустом давящее ногами красные полупрозрачные перья травы и более темные наплывы мха и лишайника, напоминающие рыбью чешую. Стеклянная хрупкость мха и травы, а также коричневого кустарника, покрывающего равнину, только подтверждала вывод наблюдателей о судьбе здешней области Мироздания. Изменились физические константы мира, параметры его вакуума, а вместе с ними и свойства материальных объектов. Цепочка «холодных» ядерных преобразований сбрасывала химические элементы в «нижние» этажи таблицы элементов, углерод превращался в кремний, и растения становились «стеклянными», чтобы впоследствии рассыпаться в порошок сурьмы, затем в железную пыль и — в финале — заблестеть ртутными озерами с берегами, одетыми свинцовой коростой.

Существа, похожие на зеркально-металлических варанов, были людьми в защитных костюмах. Они уже наблюдали ржавые пустыни и серые свинцовые плеши вдали от белой колонны Ствола и понимали, что это означает. Планета, вращавшаяся вокруг «суперструны», быстро теряла энергию, сжималась и превращалась в полиметаллический шар. Лишь десятикилометровая зона вокруг Ствола еще держалась, сохраняя форму материальных объектов, в том числе — биологических, но и она неуклонно сокращалась. По подсчетам людей, ей осталось жить от силы де-

сять дней — по внутреннему времени скафандров, а что такое время с точки зрения законов данной Ветви — не знал никто.

Вполне возможно, гипотеза одного из членов команды, попавшей в этот мир, — что время в нем подчиняется типологической концепции и представляет собой изменчивость индивидов и таксонов[1], регистрируемую только по положению объектов в пространствах их состояний, — была близка к истине. Во всяком случае, наблюдения показали, что таксоны разных масштабов — от бактериальных кластеров до биосистем типа травы или кустарника обладают разными «объемами времени» и умирают в зависимости от этих объемов — быстро или медленно.

Когда отряд только появился на планете, бактерии еще водились в изобилии в водоемах и в воздухе, теперь же воздух стал стерильно чистым, а на поверхности планеты сохранились лишь массивы лесов и кустарников, остатки «неразумной» природы.

Разум планеты исчез вместе с остальным миром микроорганизмов. О том, что здесь некогда роились разумные «капли» и «вихри» микробов, можно было судить лишь по их «городам» — удивительным сооружениям в виде скопищ бокалов разной формы. Один из таких «городов» располагался в двенадцати километрах от белой колонны Ствола, и любоваться им ходили все члены отряда.

— Его здесь нет, — проговорил второй «варан». — Мы напрасно теряем время. К тому же рискуем остаться здесь навсегда, этот мир вот-вот рассыплется.

Словно в подтверждение его слов холм, на котором они стояли, треснул, и несколько кустов по соседству осыпались, а куртины мха лопнули и расплылись желтым дымком.

Вздрогнувшие «вараны» посмотрели на трещину, пересекшую склон холма, на колонну Ствола, друг на друга.

— Вот тебе и подтверждение, — со смешком проворчал второй. — Зови остальных, пора возвращаться.

— Не паникуй, Гриша, — тихо сказал Жданов. — У нас еще есть время.

— Время, время... — в том же тоне продолжал Григорий Белый. — Я уже совсем запутался и перестал понимать, что это такое. В одной Ветви оно одно, в другой — другое, в третьей —

---

[1] Таксон — группа дискретных объектов, связанных той или иной степенью общности свойств и признаков.

третье... а какое время на самом деле, не знает никто. По-моему, и наш консультант.

— Все времена относительны и реальны для своей Ветви, — рассеянно заметил Павел. — Только время Ствола, можно сказать, абсолютно, так как он соединяет все Ветви и не зависит от их условий.

— Хорошо, хорошо, пусть так, но все же нам пора уносить отсюда ноги, и побыстрей. Федора здесь нет, это ясно, и у меня есть подозрение, что он уже не появится.

Павел промолчал. У него складывалось такое же мнение.

Они появились здесь, в мире «засыхающей» Ветви, — пятеро «хронодесантников», команда подготовки будущего Игрока, — по вызову Федора Полуянова, пообещавшего сообщить нечто очень важное. Однако прошел час, другой, третий, мир вокруг стремительно умирал, рассыпался в прах, звезда, давшая жизнь планете, голубела и усиливала блеск, чтобы взорваться в скором времени, а Федор не выходил из Ствола, и ждать его становилось все трудней.

— Возвращаемся, — решил наконец Павел. — Пошлем сообщение через Стаса и подождем еще пару часов в Стволе. Потом решим, что делать.

Он дал в эфир сигнал внимания и вызвал остальных членов команды, которые разбрелись по равнине в поисках Полуянова.

Через некоторое время над мрачной кровавой равниной просияла серебристая точка, превратилась в летящего «варана».

— Я обнаружил еще один город, — раздался голос Кевина Купера, безопасника из подразделения Белого. — Там целая система пещер, одному мне не справиться.

— Федору там нечего делать, — буркнул Белый. — Он бы оставил какой-нибудь знак или маячок.

Над холмами в другой стороне от Ствола мелькнули зеркальные блики, и через минуту к трем «варанам» присоединились еще два — Атанас Златков и Луиджи Пирелли, приставленный к ученому для охраны.

— Ну, что у нас плохого? — хмыкнул Григорий. — Что тут у них происходит?

— Полным ходом идет вырождение континуума, — отозвался Златков, — упрощение связей и инфляция измерений. Система теряет модальную устойчивость и проходит через иерархию неустойчивых состояний. Здесь уже, к примеру, перестали выполняться транзитивные отношения типа «тяжелее, чем». Во всяком

случае, приборы отмечают хаотические колебания гравитационных полей...

— Чем это все закончится? — перебил ученого Белый.

— «Скатывание» многомерности к сингулярной точке происходит достаточно быстро, причем количество измерений уменьшается по дробным модам с шагом «ноль тридцать три». Нас ждут очень интересные эффекты.

— Какие?

— При переходах от четырехмерия к трехмерию и ниже свертка измерений должна привести к появлению пространственно-временных петель и складок, пространство скоро начнет перекручиваться и рваться на «куски» — топологически не связанные области.

— Но ведь этот процесс опасен? Защита наших «кокосов»[1] выдержит?

— Думаю, подобные преобразования физической базы не выдержит даже защита «големов».

— Тогда чего мы ждем? Пока и нас не разорвет на топологически не связанные области? Слишком хорошо началась наша экспедиция. А что хорошо начинается, всегда кончается плохо.

— Все, что начинается плохо, кончается еще хуже, — меланхолически добавил Златков. — Это известный закон Паддера. Я вообще не понимаю, почему мы вышли из Ствола в этой деградирующей Ветви.

— Нас должен был ждать Федор с отрядом конкистадоров и каким-то важным сообщением.

— Полуянов? Что он может знать об Игре, чего не знаем мы?

— Он наш экипировщик и инициатор похода, — нехотя сказал Жданов.

— А разве не вы руководитель экспедиции?

— Я, но...

— Тогда хорошо бы прояснить все детали похода, что мы должны делать и какая у кого роль.

— Встретимся с Федором и поговорим.

Холм под ногами одетых в защитные костюмы людей с грохотом проборoздила еще одна трещина. Волна треска и гула прокатилась по равнине, порожденная появлением новых трещин. Насколько хватало глаз, кустарник на склонах холмов начал осыпаться, опадать оранжевыми струйками пыли. Сияние звезды

[1] «Кокос» — компенсационный костюм спасателей.

над горизонтом скачком сдвинулось в сине-фиолетовую полосу спектра. Небо потемнело.

— Уходим, — прервал свои размышления Жданов, поднимаясь в воздух.

За ним стартовали остальные «хронодесантники», беря курс на мерцающую вдали колонну Ствола. Однако долететь до нее им не удалось.

Черные точки, кружащие над гигантским сооружением, — эсперы, защитники Ствола в местах его «вытаивания» в реальностях других Ветвей, вдруг перестали бесцельно кружить у стен башни и хищно кинулись к приближающемуся отряду. Если бы не реакция Жданова, почувствовавшего опасность, отряд мог понести потери.

Первый эспер, похожий на металлического ската с размахом крыльев около четырех метров, метнул в Жданова клинок изумрудного огня, но промахнулся. Зато не промахнулся Павел (точнее, инк скафандра), ответив выстрелом из аннигилятора. Эспер разделился на две части, одна из которых пошла вниз и врезалась в склон холма, а вторая превратилась в смерч огня и дыма.

Открыли огонь по отряду и три оставшихся «ската», выбирая каждый свою цель. Ослепительно зеленые молнии ударили по равнине, создавая цепочки кратеров с выплеснувшимися и застывшими в виде лепестков лотоса краями. Однако не сплоховали и спутники Павла, привыкшие к резкой смене обстановки. Гриша Белый сбил два эспера, а Пирелли и Купер справились с оставшимся защитником Ствола. Не стрелял только Златков, справедливо полагая, что война — не его прерогатива, хотя оружием его костюм располагал, как и все остальные.

Скоротечный воздушный бой закончился, дым рассеялся, лишь на склонах холмов продолжали догорать остатки аппаратов, но и они быстро погасли.

Конечно, оружием, встроенным в плечевые турели уников, управляли инки костюмов, люди лишь отдавали мысленные команды уничтожить объекты, поэтому не стоило удивляться их меткости и реакции. Эсперы потерпели поражение закономерно, так как их целевые установки не предусматривали боевые атаки на летательные аппараты за пределами охраняемой зоны. Летающие «скаты» призваны были не допускать внешнего повреждения Ствола-хронобура, ни случайного, ни преднамеренного. И тот факт, что их пришлось уничтожать, подействовал на «хронодесантников» удручающе.

— Ни фига не понимаю! — бросил в сердцах Белый после боя и минуты настороженной тишины. — Что происходит, командир?! Почему они напали на нас?

— Не знаю, — хладнокровно ответил Жданов. — Или я упустил что-то из виду, или одно из двух...

— Скажите, пожалуйста, Павел, — вежливо проговорил Златков, — почему ваш сотрудник выбрал для встречи именно эту Ветвь и что он хотел сообщить?

— Мне известно, что ему предложили принять сторону одного из Игроков.

— Кого именно?

— Разве вы не в курсе? — хмыкнул Белый. — Вы же Судья!

— Во-первых, я Судья, вернее, один из Судей прошлой Игры, во-вторых, я ничего не знал о предложении, сделанном Федору.

— На что вы намекаете?

— Ни на что. Эсперов больше нет?

— Их было всего четыре экземпляра.

— Тогда давайте доберемся до Ствола и поговорим со Стасом, выясним обстоятельства нападения. Если только...

— Если только что?

— Пока ничего.

Жданов молча направился к башне хронобура, похожей издали на сигарету, поставленную на землю горящим концом к небу. Только размеры «сигареты» намного превышали размеры аналога: диаметр Ствола равнялся полутора километрам, а высота достигала трех, не считая «тлеющего» конца.

Башня хронобура, созданная на Земле начала двадцать четвертого века и во время запуска соединившая около миллиарда Ветвей Древа Времен, имела три тамбур-выхода во внешний мир: на первом, двенадцатом и тридцать шестом этажах. Когда отряд Жданова десантировался из Ствола, он воспользовался выходом с двенадцатого уровня, имеющим адаптирующий временной фильтр для согласования физических законов внутри и вне Ствола. Именно к этому поясу хронобура, отмеченному радиомаяком, и подлетел Жданов, вызывая Стаса — инка Ствола. Однако вопреки ожиданиям инк не откликнулся и входной узел не открыл.

«Попробуй другие диапазоны», — мысленно посоветовал Павел инку своего скафандра.

«Естественно, — ответил инк, — этим я и занимаюсь, хотя ответа не слышу».

Приблизились остальные члены отряда, повисли рядом.

— Что за проблема? — мрачно поинтересовался Белый.

Вместо ответа Жданов поднялся выше, нашел еще один радиоконтур, видимый как тонкое светящееся кольцо на фоне пористого белого материала стены Ствола, вызвал Стаса.

Глухое молчание.

Снова и снова инк уника пытался связаться с компьютером Ствола, меняя диапазоны рации, но все было тщетно. Стас либо не слышал вызова, либо не хотел отвечать и впускать своих хозяев обратно. Оставалась еще одна зона входа — на первом горизонте башни, однако она находилась в этом мире под землей: при «вытаивании» основание Ствола оказалось погруженным в местную почву до пятого этажа.

— Может, пробьем в земле тоннель к первому уровню? — предложил молодой и азартный Пирелли, еще не сообразивший, что произошло.

Ответом ему было молчание. Более опытные десантники прекрасно поняли, чем им грозит обрыв связи со Стасом. До полного распада мира «сверхструны» оставались считаные часы.

— Что вы можете сказать по этому поводу? — обратился Жданов к Златкову. — Вы знали, что нас не впустят?

— Не знал, но предполагал, — ответил ученый меланхолически. — Думаю, нас просто заманили в элементарную ловушку.

— Этого не может быть! — взорвался Белый. — Я знаю Федора много лет, он не мог бросить нас здесь.

— Возможны два варианта. Либо он убит, либо...

— Продолжайте, — тихо сказал Павел.

— Либо он уже работает на другого Игрока.

В эфире установилась выразительная тишина. Потом Гриша Белый откашлялся и выругался, завершив тираду «станиславским»: «Не верю!»

— Я тоже не верю, — вздохнул Жданов. — И тем не менее мы отрезаны от своего мира. Предлагайте идеи.

— Надо еще раз попытаться вызвать Стаса. — Белый сорвался с места, вознесся на сто метров выше и принялся вызывать инка Ствола. Все молча смотрели вверх, ожидая результата. Через несколько минут Григорий вернулся.

— Если бы у нас были дриммеры, мы попытались бы пробиться в Ствол через мембрану входа.

— К сожалению, дриммеров у нас нет. Еще хорошо, что ты настоял стартовать в униках и с оружием. Если помнишь, Федор возражал, обещая снабдить нас всем необходимым после встречи.

— Ты думаешь, он... предатель?

— Я не думаю, я только вспоминаю детали разговора. Все в конце концов выяснится.

— Если только мы выберемся отсюда.

— Но у вас же есть «глюк», — с удивлением сказал Пирелли. — И аннигиляторы. Неужели они не пробьют стену Ствола?

— Пробьют, конечно, — мрачно буркнул Григорий. — И мы получим наглядную картину свертки Ствола в «струну».

— Почему?!

— Потому что Ствол — это надвременный топологический тоннель с квантованным выходом, — сказал Златков. — При инструктаже вам должны были дать эту информацию, молодой человек. Выход же Ствола в реальности данной Ветви наполовину виртуален, и, если мы повредим его энергооболочку, законы местной физики просто вытолкнут его из Ветви.

— Извините, — стушевался ошеломленный безопасник, — я не знал...

— Черт! — хлопнул себя ладонью по бедру Белый. — Должен же быть какой-нибудь выход! Атанас, вы же были Судьей, почему бы вам не попробовать вызвать трансгресс?

— Я уже пытался, — спокойно сказал Златков. — Либо меня выключили из контура контроля, либо трансгресс не имеет здесь точки выхода. Возможен и совсем грустный вариант: сразу после окончания прошлой Игры трансгресс перестал существовать как судейская система контроля, а значит, и как система хронопространственных перемещений.

— Вряд ли, — покачал головой Жданов. — Трансгресс по сути сам является Ветвью дендроконтинуума, а то и его Корнем. Он должен был уцелеть, иначе исчезло бы все Древо.

— Возможно, вы правы, — не стал возражать Златков. — Хотя никто не знает базовых законов, встроенных в Игру Садовником, и как они реализуются в Древе.

— Кем-кем? — заинтересовался Павел.

— Так я называю того, кто «посадил» Древо Времен. Изначально Первый. Возможно, он реализовал в Древе самого себя. А возможно, и нет. С недавних пор я начинаю подозревать, что Древо не есть синоним Большой Вселенной, а всего лишь локальный вид пространства Игр. Пусть это покажется вам тавтологией, но возможны еще более сложные системы, учитывающие законы физики невозможных состояний.

В наушнике рации Павла тихо свистнул модем личного канала, послышался голос Белого, слышимый только Жданову:

— Атанас сел на любимого конька, останови его, пусть лучше подумает, как нам смыться отсюда.

С равнины к стенам Ствола докатился скрежещущий гул. Холмы на ней начали оседать, проваливаться сами в себя, в бурокрасной поверхности равнины образовались глубокие рвы, воронки и ямы, увеличивающиеся в размерах. Пелена пыли размыла ландшафт, превратила его в зыбкий полупрозрачный акварельный рисунок. Нить макростринга, пересекающая небосвод, перестала светиться, исчезла, затем вспыхнула сильнее. Светило планеты еще продолжало бросать лучи на ее поверхность, но все более и более слабые — почти фиолетовые.

— Погода ухудшается на глазах, — пробормотал Григорий. — Пора явиться чуду.

— Плохая погода лучше, чем никакая, — заметил Златков. — Думаю, какое-то время у нас еще есть.

— Какое?

— Полчаса, может быть, час.

— Смотрите! — воскликнул вдруг молчавший до сих пор Кевин Купер.

Молния перечеркнула темнеющее небо, и на равнину выпала сияющая золотом конструкция, напоминающая огромную шипастую дубину. Приблизилась к Стволу, и стало понятно, что она вдвое длиннее и толще здания хронобура. Свечение, вуалью окутывающее конструкцию, пошло на убыль, втянулось в корпус, превратилось внутри стометровых шипов в рои искр, создающих впечатление живого организма.

— Что это? — сдавленным голосом проговорил Пирелли.

— Помощь, надо полагать, — пожал плечами Белый. — Атанас, это случайно не ваши коллеги пожаловали? Или нам на всякий случай приготовиться к атаке?

Златков не ответил, разглядывая диковинный летательный аппарат.

Один из шипов «дубины» внезапно оторвался от ее выпуклого лба и устремился к людям, висящим у стены Ствола. Те невольно заняли позиции для отражения атаки, приготовив оружие к бою. Но шип не имел агрессивных намерений. Подлетев к десантникам на расстояние в двести метров, он стал мутно-прозрачным, в его глубине отчетливей засверкали тысячи зеленых звездочек, сложились в символическую фигуру человека, которая вдруг плавно помахала рукой. Шип приветствовал землян! Затем голова фигуры расплылась струйками искр, и Павел почувствовал покалывание кожи на затылке, давление на глазные яблоки, просачи-

вание под череп тоненьких воздушных струек. Впрочем, неприятными эти ощущения не были. Тот, кто сидел внутри шипа, просто хотел поговорить с землянами на пси-языке.

— Он нас гипнотизирует! — сквозь зубы проговорил Белый.

— Спокойно, гриф, — отозвался Златков. — Очевидно, это одна из местных форм разумной жизни. Каждый шип — колония микроорганизмов, обладающая собственным объемом времени.

— Откуда вы знаете?

— Когда я был Судьей, мне была дана информация о многих расах Древа, в том числе и об этих кристалломикробах. Я с ними общаюсь. Они встречались с людьми и знают, кто мы такие.

— Это славно. Значит, наши соотечественники уже побывали здесь до нас. Эти парни могут нам помочь? Кстати, они понимают, что происходит в их вселенной?

— Понимают, но помочь нам вряд ли сумеют. Их космоход по местным пространствам не приспособлен для транспортировки людей.

— Тогда пусть убираются!

— Не психуй, Гриша, — проговорил Жданов недовольно. — Они ни в чем не виноваты. Как они вышли на нас? Вы их действительно позвали, Атанас?

— Я просто звал кого-нибудь, кто меня слышит. Услышали эти... гм, гм, парни. Они пытаются пробить стенку потенциального барьера, отделяющего их домен-Ветвь от соседней.

— Это им удастся?

— Не знаю, сомневаюсь. Хотя утверждать не берусь. Можно послать с ними сообщение о нашем бедственном положении. Если они пробьются в живую Ветвь, есть шанс, что сообщение дойдет до наших пограничников.

— Почему их слышите и понимаете только вы?

— Я паранорм, знаете ли, а эти... э-э... парни играли в данной Ветви роль судебных исполнителей и знали Судью. То есть кого-то из моих кванков[1], не меня лично. Однако я не слишком отличаюсь от Златковых всей реализованной мировой хронолинии.

— Понятно. Что ж, попросите их передать сигнал SOS в Солнечную систему. Только пусть не промахнутся. Ветвей, где имеются Солнечные системы с планетами под названием Земля, Древо имеет предостаточно.

---

[1] К в а н к — хроноквантовая копия, дубль живого существа, реализующийся Ветвями Древа Времен при разделении каждой на копии (см. роман автора «Схрон»).

— Я дам им всю информацию для идентификации.

— Пусть найдут на Земле Жданова, — угрюмо посоветовал Белый. — Или его родственников. Больше я никому не верю.

— Тогда Павлу придется на какое-то время выключить пси-защиту уника, чтобы они сняли скан-портрет его личности.

— Это обязательно?

— Иначе им трудно будет отличить кванков Жданова.

— Рискнешь, Паша? — по личному каналу спросил Белый. — Или ну их к бесу? Кто знает, что у них на уме, у этих кристалло-микробов.

— Хорошо, пусть сканируют, — ровным голосом сказал Павел, не отвечая Григорию.

Давление на мозг усилилось, под череп забрались прохладные «усики и ножки насекомых», забегали по всему объему головы, вызывая ощущение щекотки. Затем Павлу показалось, что в нервные узлы впились крохотные иглы, он невольно вскрикнул от неожиданной боли, и тут же все неприятные ощущения исчезли. «Насекомые» выбежали из головы, оставив странное чувство приятного пузырчатого кипения.

— Что там у тебя?! — пробился в уши напряженный голос Белого.

— Нормально, гриф, жить буду. Что дальше, Атанас?

— Теперь остается только ждать, — отозвался по-философски спокойно Златков.

Шип с разумной колонией микроорганизмов обрел плотность металла, дал задний ход, отодвинулся от Ствола и присоединился к собратьям, усеявшим корпус их транспортника. Вся «дубина» покрылась тусклым золотым сиянием, пошла косо вверх, с хлопком превратилась в длинную яркую искру и исчезла.

Люди долго смотрели в небо, словно ожидая чего-то, прислушивались к грохоту умиравшей планеты и молчали. Потом послышался мрачный голос Белого:

— Черт меня дернул согласиться на эту авантюру! Сидел бы сейчас где-нибудь в кафе с приятной девушкой и горя не знал! Лучше бы вы, Атанас, вызвали судебного исполнителя. Он единственный, кто помог бы нам укротить Игрока.

Ответом ему была тишина.

— Чего молчишь, Жданов?

— Думаю, — отозвался Павел.

— О чем?

— Пытаюсь представить, сколько еще таких команд, как наша, сейчас заперто в ловушках других «засыхающих» Ветвей.

— Много, — рассеянно сказал Златков. — Один человек не может стать Игроком на уровне всего Древа Времен в силу принципиальной темпорально-детерминистской ограниченности. Игроком становится только большая разумная система, стая или рой. Спектр существ. Посредник, предложив вам стать Игроком, имел в виду не вас лично, а с т а ю Ждановых, образованную всеми вашими кванками. Не так ли? Именно поэтому Игрок, против которого мы должны были играть, и предпринял меры по защите своих интересов. Ударил сразу по многим кандидатам.

— Вы считаете, надежды... нет?

— Вот как раз так я и не считаю. Раз Игрок предпринял попытку ограничения размеров вашей стаи, значит, он вас боится. А это в свою очередь означает, что существует свободный от влияния Игрока мир, где либо Федор Полуянов не играет на его стороне, либо вообще не существует, либо ваш кванк еще не получил предложение стать Игроком.

— Не вижу логики... — начал Белый.

— Подожди, — перебил его Павел. — Вы хотите сказать, что Игрок выключает только тех, кто уже согласился стать его соперником? Разве этого недостаточно?

— Конечно, нет. Игрок не всемогущ, ему тоже доступны не все уровни Игры и не все Ветви. Подождем.

— Что нам остается? — проворчал Белый.

С приглушенным всхлипом равнина вокруг Ствола начала оседать, превращаться в пыль. Звезда над горизонтом вспыхнула ярче, за несколько мгновений расплылась в быстро тускнеющее облачко, погасла. Наступила почти полная темнота. Светящаяся в небе нить не могла рассеять тьму и походила на щель в небесном куполе, из которой сочилось призрачное сияние...

ГЛАВА 2

Имя этого существа невозможно было произнести человеческим языком, но его смысл сводился к словам «идущий вопреки».

В прошлой Игре, охватившей весь многомерный континуум Древа Времен, он играл на стороне так называемых Сторожей Будущего, или Тех, Кто Следит, как их называли люди Земли. Они же называли его соотечественников «хронорыцарями» — за облик, схожий с обликом некогда существовавших на планетах

мировой линии Земли всадников-рыцарей, закованных в латы. Правда, размеры «хронорыцарей» впятеро превышали размеры земных прототипов, а «лошадьми» им служили мощные энергоносители, напоминающие кентавров, способные противостоять космическим катаклизмам.

В этой недавно начавшейся Игре Идущий Вопреки стал помощником Судьи, то есть судебным исполнителем, получив картбланш особых полномочий и возможность влиять на Игроков в пределах универсальных Законов Древа Времен. И хотя он походил на людей, имея две руки, две ноги, торс и голову, «хронорыцарь» гуманоидом не был, родившись в мире, который представлял собой четырехмерную гиперплоскость одномоментных событий, движущуюся сквозь пространственно-временную субстанцию вдоль оси времени.

Планетой этот мир назвать было трудно, так как вещество и поля, его образующие, являлись не самостоятельными физическими реальностями, а специфическими структурами самой пространственно-временной субстанции типа сгущений и вихрей. Мир Идущего Вопреки был компактным, но очень сложным объектом и представлял собой как бы одиночную волну наподобие солитона, распространяющуюся в направлении от прошлого к будущему.

Однако, играя на стороне Тех, Кто Следит, Идущий Вопреки побывал в сотнях Ветвей Времен, законы которых в корне отличались от законов его мира, и научился воспринимать их реальность как данность пространства Игры. Научился он и ценить жизнь во всех ее проявлениях, за что и получил приглашение Судьи войти в состав корпуса исполняющих судейские решения.

Игра началась, как и все предыдущие, между двумя основными Игроками, овладевшими всеми энергоинформационными ресурсами своих Ветвей-Метавселенных — за к о н т р о л ь над всем Фракталом Времен — с использованием всех средств, доступных Игрокам, но лишь тех, которые разрешали Законы Игры. Затем характер контактов Игроков резко изменился. Один из Игроков начал игнорировать Законы, заменяя их своими волевыми установками, подкапываясь под базисные принципы, запрещавшие сужать пространство Игры за счет ликвидации к о р н е в ы х пространств или Корней Древа. Тогда в процесс Игры вмешался Судья и восстановил дух и букву Закона, сделав Игроку предупреждение.

Некоторое время, отражаемое в разных Ветвях Времен по-

разному, имеющее разное физическое обоснование (на Земле, к примеру, двадцать четвертого века прошло около двадцати пяти лет), Игра шла на равных, порождая причудливые сочетания «проросших» одна в другую Ветвей, хотя многие Ветви-Метавселенные, поврежденные волей Игроков, «засохли», а некоторые «загорелись», угрожая стабильности соседних Ветвей.

Однако Игрок, уже проявивший склонность к изменению принципов Игры, снова начал свою деятельность в обход Законов Древа, и ситуация заметно ухудшилась. Над Древом Времен нависла угроза многофазового перехода и коллапса. За эту деятельность Игрок получил имя, переводимое на земные языки как Палач. Его соперник — разумная сверхсистема растений, которой можно было бы дать имя Медленный Разум, — явно проигрывал в быстроте принятия решений, несмотря на привлечение на свою сторону сотен цивилизаций биологического цикла.

Идущий Вопреки хорошо зарекомендовал себя во время операций по наказанию разного уровня помощников Палача, действовал строго в рамках законов и заставил Игроков относиться к себе с уважением. Вместе с тем он весьма серьезно мешал Палачу, срывая его планы, и к нему начали присматриваться с двух сторон на предмет вербовки. Однако попытки подкупить Идущего Вопреки ничего не дали, и тогда Палач решил устранить строптивого судебного исполнителя физически. А для начала пообщался с Судьей, который тоже стал опасаться активности своего помощника, способного занять его место.

В один из редких моментов отдыха Идущий Вопреки получил задание восстановить Законы Бытия в одной из «заболевших» Ветвей, где сработал «вирус» Палача в форме энергоинформационного потока, изменившего некоторые физические константы. Судебному исполнителю следовало изгнать из Ветви эмиссаров Палача, контролирующих процесс распада местной вселенной, нейтрализовать «вирус» и заблокировать границы Ветви особой «печатью» — Принципом Судьи, усиливающим потенциальный барьер, который препятствовал бы проникновению в домен чужеродных носителей информации.

Идущий Вопреки не имел в своем лексиконе словосочетаний «не могу» и «не хочу», поэтому без возражений вышел из своего «состояния безвременья» и отправился по указанному адресу.

«Больная» Ветвь, которую предстояло «лечить», принадлежала к кусту так называемых «твердых» Ветвей. Каждая из них была целиком заполнена твердой субстанцией, которую для наглядно-

сти можно было сравнить с толщей камня в глубинах планет земного типа. Естественно, никаких планет такие Метавселенные не имели, их роль исполняли шарообразные полости с медленно пульсирующими «звездами» — центральными «узлами напряжений», в которых «горело» время, превращаясь в энергию, свет и тепло.

Такие воздушные пузыри распределялись по массе «твердых миров» неравномерно, складываясь в своеобразные скопления наподобие галактик и звездных образований в Метавселенной, где существовали звезды, Солнце и Земля. Разумные существа, живущие на внутренних поверхностях «планетопузырей», не могли, конечно, видеть другие «пузыри», так как «твердый вакуум» их мира не пропускал электромагнитные волны зримой части спектра, зато они научились пользоваться звуковыми локаторами и звукоскопами, постепенно расширяя границы своего знания о вселенной.

Скорость звука в «твердом вакууме» составляла половину скорости света в человеческом понимании процесса передачи информации, так что постижение «твердых» Ветвей их обитателями шло медленнее, чем людьми — их мира, но все же не останавливалось.

В конце концов цивилизации, достигшие определенного уровня, начали посылать экспедиции к соседним «планетопузырям» на очень своеобразных аппаратах, которые можно сравнить разве что с земными подземоходами. Эти аппараты не летали, а буквально бурили «твердый вакуум», проделывали в нем «кротовые норы», шахты от «пузыря» к «пузырю». Сначала они были громоздкими и медлительными, затем, по мере совершенствования техники, становились все более изящными и быстрыми, пока их скорость не подошла к информационному пределу. На очереди было овладение «струнной» технологией, позволявшей преодолевать любые пространственные объемы практически мгновенно. Однако именно в этот период развития разума в одной из «твердых» Ветвей Времен и произошло нарушение законов по воле Игрока, бросившее разум в волну регресса.

Идущий Вопреки получил эту информацию вместе с заданием и полагал, что знает все. Но он ошибался. Судья по какой-то причине «забыл» ему сообщить об одной элементарной вещи: система судейского контроля, она же — транспортная система, имеющая на языке землян название трансгресс, в «засыхающих» мирах становилась однонаправленным процессом, своеобразной мембраной, пропускающей в мир «засыхающей» Ветви все и всех, но не выпускающей обратно н и ч е г о и н и к о г о! Во избежание заражения соседних Ветвей «вирусами» чужих дестабили-

зирующих законов. Таким образом, судебный исполнитель не мог воспользоваться трансгрессом в случае угрозы жизни, а в случае неудачи оказывался в ловушке. Мало того, поручая Идущему Вопреки устранить последствия нарушения Игроком принципов Игры, Судья «забыл» также и передать ему «жезл силы» и он же — сертификат особых полномочий, называемый землянами дриммером. А так как Идущий Вопреки привык доверять тем, с кем он имел дело, то и не вспомнил о дриммере, полагая, что, раз ему больше ничего не сообщили и не вручили, он способен справиться с трудностями теми средствами, которыми владел.

Трансгресс высадил его на поверхности одного из «планетопузырей» «твердой» Ветви, освоенного разумными существами данного мира, похожими на земных бабочек, только гигантских размеров. Силу тяжести здесь заменяла сила давления, прижимающая предметы к поверхности «пузыря», а сила пленочного натяжения помогала удерживать равновесие, поэтому местная флора и фауна селилась в основном на стенках «планеты». Размеры «планетопузыря» намного превышали диаметр Земли и даже Солнца, достигая диаметра орбиты Марса в мире людей. Но за время существования цивилизации «бабочки» застроили почти весь объем «пузыря» своими сложными, многокрасочными, красивыми замками, подобравшись чуть ли не вплотную к центральному «светилу» — зоне, в которой время превращалось в энергию. Они уже готовы были напрямую выкачивать эту энергию из своего «солнца» для нужд растущей цивилизации, если бы их не опередили эмиссары Палача. Идущий Вопреки сразу после выхода из трансгресса заметил торчащий из «светила» черный хобот энергоотсоса, направляющего энергию за пределы «планетопузыря» и вообще за пределы Ветви.

Последствия вмешательства Игрока в жизнь «твердой» Метавселенной были видны, что называется, невооруженным глазом.

Жизнь в «пузыре» замерла, парализованная надвигающейся «темнотой». Энергии хозяевам мира катастрофически не хватало, и они резко снизили активность, не понимая причин явления, сосредоточив деятельность на спешной отправке экспедиций к соседним «планетам» в надежде найти приемлемые условия для обитания. Но там их ждало то же самое. А экспедиции гибли одна за другой, застревая в толще «твердого вакуума», который из-за просачивания чужих физических законов становился «желеобразным» и «жидким». По сути, этот мир был обречен и скоро должен был «распухнуть», а затем сжаться в черную дыру.

Идущий Вопреки, оценив состояние местного космоса, при-

нялся за работу, в общем-то не свойственную судебным исполнителям; они редко устраняли последствия несанкционированного вмешательства Игрока в жизнь той или иной Ветви Древа Времен. Хотя, с другой стороны, изгнание из Ветви просочившегося «вируса» — эмиссара Игрока — и означало «свисток Судьи», за которым следовало предупреждение — ликвидация эмиссара.

Первым делом Идущий Вопреки уничтожил хобот энергоотсоса, чтобы восстановить энергобаланс «планетопузыря». Затем принялся искать «струну» просачивания в Ветвь «вируса» Игрока; «твердый вакуум» был для его аналитических систем совершенно прозрачным, и он хорошо видел скопления «планетопузырей» и «кротовые норы», проделанные в толще «твердого вакуума» кораблями разумных существ.

«Струн» просачивания «вируса», изменившего состояние Ветви, он обнаружил множество, целую систему, пронизывающую «твердый космос», однако вопреки уверенности в своем праве влиять на события не смог нейтрализовать ни одной.

Во-первых, ему не хватало полномочий, то есть дриммера, во-вторых, трансгресс в этом мире не работал. Судебный исполнитель буквально застрял в «пузыре» с цивилизацией бабочек, не имея возможности свободно путешествовать в пределах Ветви.

Тогда он определил координаты эмиссара Игрока, контролирующего процесс сворачивания Ветви в данном районе, и предстал перед ним во всем великолепии судебного исполнителя, сурового и неподкупного.

Резиденция эмиссара представляла собой энергетически независимый кокон, похожий на шипастую раковину моллюска, и располагалась на вершине толстой серой башни, в которую превратился в здешних условиях оставшийся со времени прошлой Игры «стержень поддержки Игрока». Люди Земли называли эту башню хронобуром или Стволом. В результате решения Судейской коллегии прошлой Игры обоим Игрокам — «хронохирургам» и Тем, Кто Следит — было засчитано поражение, и они были отстранены от участия в дальнейших Играх, а Ствол, ставший к тому времени своеобразной Ветвью Времен, был заблокирован местными судебными исполнителями в каждом узле выхода. В данной Ветви он тоже не работал как «шахта времен», соединявшая множество Ветвей, хотя был видим и материально ощутим, поэтому судебный исполнитель воспользоваться им не мог. Точнее, м о г б ы, если бы имел «жезл силы» — дриммер.

Ажурные эстетически выверенные творения разумных бабочек уже покосились, оплыли, потеряли цвет, но Ствол и «ракови-

ну» эмиссара процесс распада материи не затронул. Ствол казался непобедимо плотным и массивным, как скала, а резиденция светилась изнутри угрюмым вишневым накалом.

Идущий Вопреки «постучал в ворота» — посигналил особым образом в пси-диапазоне. «Раковина» эмиссара медленно вывернулась наизнанку, открывая фигуру пандава, давнего соперника «хронорыцарей» во времена прошлой Игры. Судьба снова свела их вместе, а точнее — развела по разные стороны баррикад.

Шестилапый урод, похожий на помесь земного динозавра и змеи, выпрямился во весь рост, растопыривая верхнюю пару лап, с надменной холодностью глянул на гостя. Так они стояли некоторое время друг против друга — чешуйчатый, бликующий зеленым металлом обезьянозмей и черно-фиолетовый «рыцарь» на алом «кентавре», торс-рог которого светился сине-фиолетовым накалом. Потом эмиссар Палача проговорил:

«Чего тебе надобно, судейская крыса?»

Естественно, разговор двух негуманоидов шел в мысленном диапазоне, едва ли доступном кому-либо еще, но смысл его сводился к приводимому ниже тексту.

«Я пришел объявить волю Судьи», — ответил Идущий Вопреки.

«Плевал я на твоего Судью!»

«Он не мой, и тебе придется подчиниться. Если не выполнишь требований, я уничтожу остальные энергоотводы и заблокирую домен».

Обезьянозмей ухмыльнулся:

«Прежде тебе придется предъявить свои полномочия исполнителя. Где твой властный сертификат, судейская крыса?»

«Тебе достаточно знать, что я — исполнитель воли Судьи. Или ты подчинишься, или...»

«Или что? Что ты можешь сделать, кретин? Отнять у меня мое право делать то, что я хочу? Ограничить свободу? Уничтожить?»

«Мои полномочия неограниченны».

«Ошибаешься! Это м о и полномочия неограниченны!» — В лапе обезьянозмея внезапно появился длинный предмет, напоминающий меч с туманно-льдистым текучим лезвием. Это был дриммер, «жезл силы», атрибут власти судебных исполнителей, почему-то оказавшийся у эмиссара Игрока.

«Ну, что ты скажешь теперь?!»

Идущий Вопреки метнул черный луч свертки пространства, намереваясь выбить «жезл силы» из лапы обезьянозмея. В следующее мгновение лезвие дриммера удлинилось, пронзило рог «кентавра» и туловище судебного исполнителя, превратилось в

огненный ручей, ударивший в центр «планетопузыря», где пульсировал тускнеющий клубок оранжевого пламени — «светило» этого мира. Идущий Вопреки посмотрел единственным узким и длинным глазом на свою грудь, в которой образовалось дымящееся отверстие, хотел было увеличить потенциал защиты и отступить, уйти в «струну», но не успел.

Его тело заколебалось, как пелена дыма, начало рваться на клочья и струи, втягивающиеся в яростный ручей огня, и в течение короткого времени распалось, влилось в общий поток энергии дриммера.

Последнее, что смог сделать умирающий судебный исполнитель, — это послать компакт-депешу Судье о своей гибели. Он не знал, что в тысячах других миров «засыхающих» Ветвей точно так же погибли тысячи других судебных исполнителей, попавших в ловушку.

Первый «отборочный» этап Игры Палач выиграл вчистую, хотя при этом преступил базовые Законы Древа Времен, запрещавшие ограничивать его рост и упрощать мерность дендроконтинуума.

ГЛАВА 3

Ивору Жданову исполнилось двадцать четыре года.
Это был невысокий по меркам века, хрупкий на вид молодой человек с гривой каштановых волос и синими глазами, в которых светились ум и воля. Лицо у него было овальное, с твердым подбородком. Губы, чуть полнее, чем требовали каноны мужской красоты, всегда были готовы сложиться в улыбку, хотя могли и твердеть до упрямой жесткой линии, а нос, хоть и напоминал о сотнях поколений славянского рода, не портил лица.

В мае две тысячи триста двадцать пятого года Ивор закончил факультет квистории[1] Среднеевропейского гуманитарного университета и теперь раздумывал над своей дальнейшей судьбой. Он получил целых три предложения от разных организаций, но пока не пришел к консенсусу с самим собой, так как предложения казались равноценными.

Одно из них исходило от профессора Кострова, преподающе-

[1] Квистория (квантовая история) — наука, изучающая вероятностные модели исторического развития социальных систем Земли в условиях многовариантного копирования. Квистор — специалист по квистории.

го в университете динамику квистории и одновременно работающего в ИВКе — Институте внеземных культур. Костров предложил молодому квистору не тратить время на аспирантуру, а сразу войти в группу ИВКа, занимающуюся палеоконтактами на основе хронотеории всемирно известного ученого Атанаса Златкова.

Второе предложение сделал декан факультета Трофим Ивашура — стать аспирантом и заняться углублением и расширением теории квантовых состояний Древа Времен.

Третье неожиданно выдал комиссар-два службы безопасности Евразийского нойона Федор Полуянов. Он заявился к Ивору лично — молодой человек жил в отдельной квартире-винограднике Тверской жилой грозди, — долго расспрашивал его о жизни, о контактах с отцом Павлом и матерью Ясеной, интересовался, не рассказывал ли отец о встречах с необычными гостями, а затем предложил войти в группу «Роудаскер» наземной службы безопасности в качестве оперработника. В крайнем случае — в качестве консультанта по квистории.

Последнее предложение было уж и вовсе неожиданным, хотя и лестным, но Ивор не дал Полуянову ответа сразу. И не потому, что не хватило решительности — он как раз отличался быстрой реакцией и дерзостью, свойственной поэтам во все века (молодой ученый писал стихи), — а потому, что хотелось попробовать себя сразу во всех трех областях деятельности, которые открылись перед ним. Посоветоваться он мог только с мамой, работающей в ИВКе под началом Кострова и желавшей видеть сына рядом. Отец еще ранней весной вместе с Атанасом Златковым и своим другом Григорием Белым, советником СЭКОНа, отправился в какую-то секретную экспедицию и до сих пор не вернулся.

Поломав голову и не найдя оптимального решения, Ивор отложил его до лучших времен и согласился провести несколько дней в компании сверстников, таких же выпускников университета, как и он, среди которых была и девушка, которая ему нравилась, — Альбина Яворская, первая красавица факультета и мисс Тверь прошлого года. Заводилой и душой компании был Костя Ламберт, спортсмен и шутник, в которого были влюблены многие девушки факультета, хотя он вел себя со всеми одинаково, в том числе и с Альбиной, что задевало красавицу и заставляло держаться подчеркнуто независимо. Именно Косте принадлежала идея провести уикенд в одной из экозон Венеры, и именно Альбина раскритиковала идею и предложила свой вариант: цен-

тральную Мексику, где недавно раскопали и воссоздали древний город ацтеков — Пинкучиали.

Вероятно, у нее были высокие покровители из числа чиновников Центральноамериканского нойона, которые дали разрешение группе молодых людей в количестве девяти человек провести какое-то время на территории заповедника с обновленным городом. Хотя об этом никто из них не подумал. Главное — их допустили туда, куда другим вход был заказан.

Отряд высадился на плато Дель Парраль с туристического дирижабля, развернул походные модули «Пикник» и принялся заниматься культурным отдыхом, как его понимали члены отряда.

Сначала они посетили город, сняв на видео себя на фоне живописных террасовидных пирамид и ритуальных храмов, поглазели на работу терраформистов, строителей и художников, кропотливо восстанавливающих акведуки, пирамиды, здания, фрески, стелы, орнамент и скульптурный парк древних ацтекских сооружений, искупались в реке Кончос. Затем погуляли по сельве — в защитных униках, естественно, спасающих от москитов и прочих жужжащих и кровососущих тварей, и принялись наслаждаться яствами, которые приготовил им кухонный комбайн «Скатерть-самобранка». После чего начался концерт исполнителей песен под старинные гитару и синтезатор, танцы, философские беседы и раскованный треп. Мужчины изощрялись в остроумии, женщины оценивали их юмор и с удовольствием разрушали воздушные замки надежд сильной половины на завоевание сердец слабой половины человечества.

В этих упражнениях ума и изящного слога нашлось место и стихам Ивора, который прочитал свои последние творения. Мужчинам особенно понравилось:

Я помню — в мощи этих крыл
Слились огонь и мрак, —
В самом уж взлете этом был
Паденья вещий знак.

А женщинам:

Сумрак неизмеримый гордости неукротимой,
Тайна, да сон, да бред:
Это — жизнь моих ранних лет...[1]

[1] В романе использованы стихи Э. По, К. Бальмонта, В. Высоцкого, Н. Игнатенко, С. Андреева, В. Гафта, Е. Лукина.

Однако на Альбину стихи Жданова не произвели особого впечатления, она была занята собой и попытками завладеть вниманием Кости, который в свою очередь умело дирижировал компанией и держал процесс под контролем. Поэтому никто не удивился, когда эта пара вдруг исчезла в неизвестном направлении. Вечер середины мая продолжался, теплый, напоенный ароматами сельвы, но у костра вскоре остался только один Ивор, расстроенный поведением примадонны и завороженный пляской язычков огня. Остальные разбились по парам и разбрелись кто куда, наслаждаясь предельно романтическим по нынешним условиям века живой и умной техники вечером.

Посидев у затухающего костра в позе мыслителя, Ивор заскучал, хотел было пойти спать в одну из кают модуля, но вдруг почувствовал неизъяснимую тягу к приключениям, нацепил на пояс ремень антиграва и взлетел над лагерем в фиолетовое небо, полное искусственно созданных видеокартин — рекламных, информационных и развлекательных, создающих ансамбль световой архитектуры, из-за которой Земля была видна из любой точки Солнечной системы. Поэтому вечер и ночь таковыми назвать было трудно, так как поверхность Земли, не освещенная Солнцем, была всегда освещена почти как днем. Но ухищрениями светотехников ночное небо при этом оставалось темным и звездным, лишь изредка закрываясь пеленой туч для плановых дождей и гроз.

Покружив над лагерем на стометровой высоте, Ивор направил полет к ацтекскому городу, строения которого были освещены еще не все, и опустился на вершину самой высокой пятиступенчатой пирамиды со срезанной вершиной, которая была сложена из пористых каменных плит и пока не восстановлена полностью. Привлекло молодого поэта и будущего квистора то, что пирамида была не освещена и вокруг нее не возились строители и архитекторы. Обойдя верхнюю площадку пирамиды, Ивор запрокинул голову и долго смотрел в небо, на звезды, проглядывающие сквозь эфемерную световую вуаль реклам, хотел было спуститься на нижнюю ступень пирамиды, и в этот момент зенит проколол пронзительно голубой луч света, вырос в поток смарагдового пламени, и в центр площади напротив пирамиды, на которой стоял Ивор, вонзился сияющий огненный кулак. Раздался чудовищный грохот, взрыв, во все стороны полетели ручьи огня, осколки каменных плит и черные рваные хлопья, насквозь пробивающие стены зданий. Один из таких рваных иззубренных об-

ломков упавшего с неба объекта пронзил пирамиду Ивора, второй пролетел мимо буквально в метре, и лишь тогда молодой человек наконец вспомнил об антиграве и прыгнул с покосившейся плиты верхушки пирамиды в небо.

Грохот стих. Огонь втянулся в корпус необычного летающего аппарата, косо воткнувшегося в поверхность площади, окруженного торчком вставшими плитами. Дым и пыль осели, и взору ошеломленного происшествием Ивора предстала утыканная черными колючками деревянная дубина километровой длины.

Именно это сравнение первым пришло в голову. Затем стометровые колючки-шипы начали отваливаться от бугристого, пористого, обуглившегося корпуса «дубины» и распадаться в черную пыль. На глазах пораженного свидетеля катастрофы с поверхности удивительного сооружения за несколько секунд опали все шипы, кроме одного, светящегося изнутри, мутно-прозрачного, как старинное бутылочное стекло. Ивор невольно приблизился к нему, завороженный игрой кружащихся внутри пятигранного шипа зеленых звездочек, и почувствовал пристальный, оценивающий, печальный, с л е п о й взгляд. Вздрогнул, отшатываясь.

«Человек, не уходи! — раздался в голове тихий шуршащий голос, похожий на шелест ветра в ветвях дерева. — Мы тебя не обидим. И у нас кончается запас индивидуальности».

«Кто... вы?» — мысленно спросил Ивор в ответ.

«Мы из тех, кого больше не будет. Мы последние из уходящих. Мы посланы с известием».

С каждой фразой пульсация звезд внутри гигантского остроконечного нароста замедлялась, свечение угасало, звезды тускнели, а «стекло» темнело.

— С каким известием? — спросил Ивор вслух. — Кому?

«Мы прошли семьсот семьдесят шесть Ветвей... — Мысленный шепот существа или существ, живших внутри шипа, стал почти неслышен. — Ваша... Ветвь... последняя... мы ищем... носителей родовой линии человека... по имени Павел Жданов...»

«Это мой отец!»

«Мы его... посланцы...»

«Но он ушел в экспедицию, и на Земле его нет. Где он?!»

«В одной из отмирающих Ветвей... очень глубоко... на пределе... Ты тоже носитель отпечатка... его личности...»

«Я его сын».

«Он в опасности...»

«Что с ним?!»

Шепот почти угас:

«Ветвь становится тенью... виртуальным миром... выхода не... ищи... по запаху... никому не...»

Давление на мозг Ивора прекратилось. Звезды внутри гигантской колючки погасли. Сама она почернела, покрылась сетью трещин и вдруг отделилась от корпуса корабля-матки, упала на одно из восстановленных зданий города и с грохотом раскололась на задымившиеся осколки.

Ивор очнулся, поднялся чуть выше, разглядывая разбившийся негуман-корабль в поисках еще «живых» шипов, ничего не обнаружил и только теперь осознал всю серьезность происшествия и мрачную тайну появления посланцев. Отец оказался в опасной ситуации, и его надо было спасать!

С воем к трубе-«дубине» чужого космического корабля примчалась стая аппаратов, принадлежащих пограничникам, службе общественной безопасности, аварийно-спасательной службе, медикам и аэроинспекции, выбросила десант. Над городом загорелось МК-зеркало, освещая каждую его деталь.

Закипела работа. Эфир заполнился «морским» прибоем оперативных переговоров, команд, сводок, скрипами бланк-сообщений и возбужденными голосами корреспондентов информационных агентств. К зависшему в полукилометре от чужого спейсера Жданову приблизился упавший с неба галеон с эмблемой службы безопасности, откинул колпак блистера.

— Залезайте ко мне, молодой человек, — раздался чей-то глуховатый голос.

Человек на переднем сиденье аппарата повернул к Ивору голову, и тот узнал приятеля отца, комиссара-два Евразийского филиала наземной службы безопасности Федора Полуянова. Ивор не удивился появлению комиссара, лишь подумал, что тот оказался на месте катастрофы наравне с операми своей службы, что говорило о его быстрой реакции и ответственности.

— Какими путями тебя сюда занесло? — продолжал Полуянов, когда Ивор сел рядом с ним.

Пришлось рассказать об отдыхе в компании бывших выпускников университета.

— Они тоже наблюдали падение этой колымаги?

Ивор покачал головой.

— Они все разошлись, и я прилетел сюда ради любопытства.

Лагерь находится в трех километрах отсюда. Если хотите, можем долететь до него и расспросить ребят.

— Мы так и сделаем. А ты видел весь процесс падения или только финальную стадию?

— Не знаю, я смотрел в небо... мечтал... — Ивор слегка порозовел. — И вдруг луч света! И появление этой громадины... издали она очень была похожа на дубину с шипами. Но все шипы при ударе о землю отвалились.

Полуянов пристально посмотрел на Жданова.

— Это точно? Все отвалились? Сразу или в какой-то последовательности?

В памяти Ивора всплыл мысленный шепот уцелевшего существа, обитавшего в глубине шипа:

«Ищи по запаху... никому не...»

Что хотел сказать умирающий организм? Кого следовало искать «по запаху»? И что значит «никому не»? Никому не рассказывай?

Пауза затянулась.

— Что молчишь? — добродушно проговорил Полуянов. — Ты все видел? Шипы отваливались не сразу? Некоторые из них были активными?

— Только один, — пробормотал Ивор.

— Ты с ним... контактировал?

— Н-нет, — ответил Ивор быстро. Слишком быстро.

— Не бойся, — усмехнулся Полуянов. — Никто ничего не узнает. Я друг твоего отца и понимаю кое-что в квистории. Тебе дали информацию о его местонахождении?

— Нет, — более уверенно сказал Ивор. — Я понял только, что он находится в какой-то умирающей Ветви и что ему грозит опасность.

О том, что посланник отца предложил искать его «по запаху», Ивор умолчал.

— В какой именно Ветви, ты не знаешь?

— Не знаю. Честно.

— Верю. — Полуянов задумчиво побарабанил пальцами по изогнутому подлокотнику сиденья, глядя на суету тревожных служб вокруг чужого космолета. — Жаль, что они не успели дать тебе точные координаты команды Жданова. Это помогло бы избежать многих неприятных процедур.

— Каких процедур? — не понял Ивор.

— Информация, которую ты получил, крайне важна, и нам

необходимо знать малейшие детали. Придется сканировать твою память... если ты сам не вспомнишь все подробности.

— Вы шутите?! — не поверил Ивор.

— К сожалению, мой мальчик, ты не понимаешь всей серьезности происходящего.

— Но я действительно больше ничего не знаю! Тот, кто со мной разговаривал на пси-волне, был почти мертв и успел сообщить только об опасности, грозящей отцу. Кстати, вы должны знать больше, так как вы сами посылали его в эту экспедицию.

— Ты прав, — кивнул Полуянов. — Я готовил экспедицию и должен был участвовать в ней, если бы не... — Комиссар пожевал губами. — Впрочем, это уже не важно. Однако прошу тебя о нашей беседе ни с кем не говорить, этим ты только усугубишь положение отца... да и свое тоже. Если вспомнишь еще что-нибудь существенное о выпадении посланника — позвони.

— Как вы сказали? О выпадении?

Полуянов покосился на лицо сбитого с толку молодого человека.

— Этот негуманский спейсер выпал из «струны» у Юпитера, облетел все планеты Солнечной системы, а потом прыгнул к Земле. Мне очень хотелось бы знать, почему он объявился здесь, в Мексике, хотя мы ждали его в другом месте, и почему именно ты стал свидетелем его выхода.

— Я н-не знаю...

— Верю. Хорошо, если на этом инцидент и закончится. Прощай пока. Звони, если что.

Ивор включил антиграв, поднялся над галеоном службы безопасности, проводил его взглядом. Галеон устремился к освещенной угрюмой колонне разбившегося негуманского спейсера, затерялся среди множества огней в карусели спецтехники.

Остро захотелось посоветоваться с отцом, рассказать о странных угрозах комиссара, поделиться впечатлениями от контакта с негуманами. Потом пришла мысль: мама тоже в свое время попутешествовала с отцом по мирам Древа и понимает в этом толк. Она может дать хороший совет.

Приняв решение, Ивор облетел кругом «дубину» чужого корабля, вокруг которого уже установили лучевую завесу для обозначения зоны недоступности, встретил возбужденных приятелей, примчавшихся к месту падения корабля, но делиться с ними полученной информацией не стал. Хотя желание повысить свой статус в глазах Альбины было. Но она с подчеркнутым победно-

независимым видом держала за руку Костю Ламберта, и Жданов с грустью признал в душе свое поражение.

Выслушав с десяток предположений о причинах случившегося, Ивор тихо, по-английски покинул приятелей, забрал свои личные вещи в лагере и на турфлайте добрался до метро. Через несколько минут он вышел из метро Твери, — здесь царил полдень, — взял пинасс-такси и вскоре выбрался из него на сто сорок третьем ярусе седьмой жилой грозди города. Блок под номером девятнадцать, где жила семья Ждановых, венчал ярус и состоял из четырех комнат с перестраиваемым интерьером: двух спален, гостевого зала и рабочего кабинета с двумя независимыми выходами на Интерпаутину.

Мать была дома — занималась триаксом в компании подруг. Увидев сына, она обрадовалась и удивилась.

— Что-нибудь произошло? — спросила она, оставив подруг в гостиной. — У тебя неприятности?

Ивор понял, что она еще не знает о падении негуманского спейсера в Мексике.

— Неприятности, похоже, у отца, — мрачно проговорил он и поведал маме историю своего контакта с негуманоидом.

Ясена выслушала рассказ сына молча, не перебивая и не ахая, как это обычно делают все матери. Это была уже не та испуганно-решительная красивая девочка, стечением обстоятельств вырванная из родовой ниши на планете Гезем одной из «тупиковых» Ветвей Древа Времен. Став женой Павла, она закончила исторический факультет Московского университета, затем Академию психосоциологии, стала эфаналитиком ВКС, потом начальником отдела квистории СЭКОНа. Куда бы ни заносила судьба мужа, она всегда была рядом, умудряясь при этом быть классным специалистом своего дела и любящей женой. Хотя в последний поход Жданова она почему-то осталась дома.

— Что будем делать? — тихо спросил Ивор, не дождавшись реакции матери.

Ясена очнулась.

— К Полуянову больше не обращайся, мальчик. Не нравятся мне его странные намеки. Я попробую навести кое-какие справки по своим каналам, а ты поговори со стариком Ромашиным. Думаю, он тебе кое-что объяснит.

— Кто это?

— Игнат Ромашин, бывший глава службы безопасности, те-

перь просто художник и скульптор. Статую «хронорыцаря» в нашем родном Парке Воспоминаний видел? Его работа.

— Почему ты уверена, что этот старик мне кое-что объяснит? Что именно?

— Поговори с ним, — уклончиво ответила Ясена. — Но больше никому ни слова! Особенно комиссару Полуянову. Обещаешь?

Ивор внимательно посмотрел на мать, и в сорок два года не потерявшую своей привлекательности и красоты.

— Ты от меня что-то скрываешь. Ты знала, что отец ушел в Ствол?

Ясена выдержала взгляд сына.

— Знала, но тебе знать об этом было рано. Разберемся с этим странным посланием негуманов — поговорим.

— Но почему нельзя об отце говорить с дядей Федором? Он же комиссар безопасности и друг отца.

— Есть хорошая пословица на этот счет: никогда не судите о человеке по его друзьям, у Иуды они были безупречны[1]. А теперь займись своими делами, мальчик, мне пора провожать подруг.

Ивор поцеловал мать, спустился в гостиную, попрощался с подругами мамы, проводившими его шутками и любопытными взглядами, и снова вызвал такси. Он решил не откладывать дела в долгий ящик и сразу поговорить с бывшим комиссаром земной СБ Игнатом Ромашиным.

ГЛАВА 4

Мастерская художника и скульптора Ромашина Ивора не поразила. Она состояла всего из двух помещений: компьютерного вириала с видеозоной и виртуальным программатором и собственно скульптурной студии, где видеозарисовки обретали плоть, объем и жизнь. Ивору уже приходилось бывать в подобных мастерских, принадлежавших друзьям или творческим организациям, и ничего нового он увидеть не ждал. Но все же кое-что интересное ему показали.

Игнат Ромашин вышел к гостю сам, седой, темнолицый, худой, костистый, погруженный в свои мысли. Ивор смутился, не зная, как представиться и сообщить, что, собственно, привело его к бывшему комиссару. Но хозяин мастерской просто подал

[1] П. Валери.

ему руку, сделал приглашающий жест и провел Жданова в свои апартаменты.

— Подожди здесь, — сказал он негромко, — я сейчас освобожусь.

Он вышел, а Ивор от нечего делать стал разглядывать выставленные в зале скульптуры, торсы, головы, принадлежащие в основном животным, а также существам, которых Жданов в большинстве своем никогда не видел. Однако встречались и знакомые фигуры, застывшие в пластолите или туг-бетоне, а иногда — в граните или известняке. Так, среди изваяний Ивор с удивлением увидел знакомую по квистории черепаху с усами — герплекса, представлявшего собой киборга-разведчика неких разумных существ. Десятки подобных «черепах» были запущены в Ствол кем-то из Игроков. А чуть дальше возвышалась жуткая шестиметровая фигура со змеиной головой, доставая макушкой потолок. Это был знаменитый пандав — обезьянозмей «хирургов», мощный киборг, способный самостоятельно передвигаться по «струне» через космическое пространство.

Находилась в этой компании и скульптура «хронорыцаря» — гиганта в фиолетовой чешуе с одним горизонтальным щелевидным светящимся глазом, сидящего на «кентавре», торс которого заменял острый голубовато-льдистый рог.

Но все же большинство изваяний коллекции Ивору было незнакомо. Он остановился напротив метровой высоты двояковыпуклой линзы с коричневой морщинистой шкурой, из которой вырастали два желтоватых стебля, увенчанных пластинчатыми шляпками. Эти стебли со шляпками сильно смахивали на гигантские грибы — бледные поганки.

— Это матка мицеллия, — раздался сзади голос Ромашина. — Форма разумной жизни типа «грибница». Ее обнаружила наша Даль-разведка на одной из планет шарового скопления в Волопасе.

— Мы такую не изучали, — пробормотал Ивор.

— Как ни странно, наши мицеллиты не участвовали в прошлой Игре, хотя засылали своих наблюдателей, а вот их кванки стали «правой рукой» Игрока. Я имею в виду «хронохирургов». Но давай о деле, у меня не так уж и много свободного времени. Пошли в мой кабинет.

Ромашин повел гостя на второй этаж строения, и они расположились в креслах уютного рабочего модуля, стены которого походили на светящиеся изнутри пчелиные соты.

— Слушаю тебя, — посмотрел на Жданова серыми проницательными глазами бывший комиссар.

— Понимаете, я попал в необычное положение, — начал Ивор стесненно, — и мама посоветовала обратиться к вам.

— Продолжай.

Глаза Ромашина вспыхнули и погасли, а Ивор вдруг почувствовал облегчение и уверенность, волнение его улеглось.

— Я с друзьями отдыхал в Мексике, — продолжал он смелей, — и случайно оказался недалеко от места падения негуманского космолета. Вы, наверное, слышали об этом?

Взгляд Ромашина изменился, стал острым и сосредоточенным. Он наклонился вперед.

— Ты был там во время падения?

— Мало того, я контактировал с живым негуманом. — Ивор коротко рассказал скульптору о разговоре с обитателем гигантской «колючки» и о встрече с Полуяновым и добавил: — Из всего этого я понял только одно: отец в опасности! Комиссар не стал мне ничего объяснять, а мама знает лишь о походе отца в Ствол. Может быть, вы знаете о цели этого похода и почему он так засекречен?

Ромашин помял пальцами подбородок, склонив голову набок и о чем-то размышляя, потом стремительно вышел из кабинета. Ивор удивленно посмотрел ему вслед, не зная, как реагировать на уход хозяина, но тот вернулся буквально через полминуты и не один. За ним вошел такой же высокий человек в серебристо-сером унике, и ошеломленный Ивор перевел взгляд с его лица на лицо Ромашина и обратно: они были похожи, как братья! Вернее, у обоих было одно и то же лицо! Только прически были разными да волосы второго гостя казались темнее и не столь седыми.

— Знакомьтесь, — сказал Ромашин-первый, — Ивор Жданов, сын Павла и Ясены. Ивор, это Игнат Ромашин.

— Но вы... — Ивор пожал сухую сильную руку гостя. — Вы так...

— Я кванк Ромашина, — улыбнулся Ромашин-второй. — Или он — мой. Смотря с какой стороны посмотреть. Гощу вот у него второй день, разбираюсь с кое-какими проблемами.

— Садитесь, — сказал Ромашин-первый, выращивая еще одно кресло, — поговорим без спешки.

— А как вы попали к нам? — наивно поинтересовался возбужденный Ивор. — Разве Ствол открылся? Он же был заблокирован.

— Ствол заблокирован, однако кое-какие его хронолифты работают. Ты квистор и изучал историю создания хронобура, по-

этому мне не придется начинать с общеизвестных истин[1]. После того как Игра была остановлена, Ствол не исчез, продолжая соединять все Земли в мирах разных Ветвей, но все его выходы были перекрыты судебными исполнителями каждой Ветви.

— Нам это говорили.

— Теперь ты услышишь то, чего вам не говорили. Ствол не только не исчез, но стал самостоятельной Ветвью Времен, пространством обитания многих разумных существ, попавших в него во времена прошлой Игры. Кроме того, у него образовался свой хозяин...

— Стас! — вырвалось у Ивора.

Ромашины переглянулись, с одинаковыми усмешками посмотрели на порозовевшего молодого человека.

— Правильно мыслишь, — сказал Ромашин-первый.

— Именно Стас, инк Ствола, — кивнул Ромашин-второй. — Он-то и регулирует теперь жизнь в этой необычной Ветви, создавая локальные объемы бытия и свои хронолифты, недоступные влиянию извне.

— Но как же вам удалось проникнуть внутрь Ствола, если он заблокирован, а хронолинии подчиняются только Стасу?

— Удалось, — снова усмехнулся Ромашин-два. — Это длинная история. Главное, что мы имеем возможность посещать через Ствол соседние Ветви. Я, твой отец и кое-кто еще.

— Кажется, я понимаю. Все вы в прошлой Игре вместе со Стасом играли на одной стороне...

— И он остался нашим другом. Правильно мыслишь, квистор. Однако давай-ка вернемся к твоей встрече с Полуяновым. Почему он вдруг заговорил о пси-сканировании?

— Меня это тоже удивило. Ведь я сказал ему все, что знал... — Ивор прикусил язык, вспомнив, что не сообщил Полуянову некоторые подробности контакта с негуманом. Виновато обвел глазами внимательные лица собеседников. — Извините, я кажется... солгал. Негуман произнес странную фразу... будто отца можно найти по запаху, но об этом я Полуянову не сказал.

Ромашины обменялись быстрыми взглядами.

— Ты правильно понял посланника? Он так и сказал: «по запаху»?

Ивор пожал плечами.

— Контакт был практически селективным, я слышал мысли

[1] См. книги автора «Бич времен» и «Схрон».

негумана почти как звуковую речь. Он так и сказал: «Можно найти отца по запаху». Если предполагать, что... — Ивор застыл с открытым ртом, прошептал: — Кажется, я понял...

Ромашины не шевельнулись, и он продолжал:

— Негуман имел в виду «запах» мысли, «запах» личности! Ведь сам он нашел меня именно таким образом, посетив множество Земель в других Ветвях.

Ромашин-второй почесал затылок, прищурился.

— Ей-богу, общение с этим юношей доставляет мне удовольствие. Можно говорить, что я не зря посетил вашу Землю.

— Он сын своего отца, — усмехнулся Ромашин-первый. — А Жданов, как говорится, и в Африке — Жданов.

— Жаль, что в нашем мире у нашего Жданова нет такого сына.

— Потому что такая жена, как у нашего Жданова, — единственная на все Ветви.

— Ты прав, скульптор. Давай теперь займемся развитием идеи этого парня — как найти его отца в Мультиверсуме по «запаху» личности.

— Где-где? — встрепенулся Ивор. — В Мультиверсуме?

— Так у нас называют Большую Вселенную, состоящую из бессчетного количества пузырей-Метавселенных, которые в свою очередь образуют «кусты», или Фракталы Времен. Но об этом мы еще поговорим.

Ромашин-второй встал.

— Спасибо за информацию, Ивор Жданов. Сдается мне, мы увидимся в скором времени.

— Но вы не сказали, куда и зачем ушел мой отец!

Ромашин-второй посмотрел на первого.

— Дашь ему пакет? По-моему, он надежен и умеет держать язык за зубами.

— Дам, — пообещал скульптор.

Ромашин-второй похлопал Ивора по плечу, пожал руку хозяину кабинета.

— Найди по своему Полуянову все, что сможешь, нам нужен полный интенсионал. Я свяжусь с тобой сам.

Открылась и закрылась дверь кабинета. Ивор и Ромашин-первый остались одни, глядя на дверь. Затем Ивор сказал:

— Он действительно попытается найти моего отца?

— В принципе он ищет своего Жданова, а не твоего отца, но судьба Ждановых соединяет их всех. Найдется один — отыщутся и остальные. Однако мой кванк —человек решительный, если

сказал — сделает. В своей Ветви он так и остался комиссаром, не то что я здесь.

Ивор прищурился.

— Мне почему-то кажется, что вы и у нас здесь занимаетесь не только свободным творчеством. Мой отец говорил о секторе контрразведки в УАСС. Вы случайно не возглавляете его?

Ромашин добродушно рассмеялся.

— Расколол старика, ясновидец. И хотя сектор контрразведки я не возглавляю, но имéю к нему кое-какое отношение.

Помолчали.

— Все равно не понимаю, зачем вашему кванку понадобилось решать наши проблемы. Своих не хватает?

— Ну, проблем и у них полон рот: хронозеркала, таинственный Наблюдатель, «мячи дьявола», гасящие звезды, «спящие джинны» — роботы негуманов, способные изменять реальность... И Жданов у них свой имеется. Но, во-первых, он тоже пропал, как и твой отец, а во-вторых, их проблемы тесно увязаны с нашими.

— Это как?

Ромашин пожевал губами, с некоторым сомнением глядя на гостя, пощипал подбородок.

— Пожалуй, я дам тебе почитать докладную записку аналитиков безопасности, подготовленную для ВКС. Ты все поймешь.

— Может быть, хотя бы намекнете, что происходит?

— Можно и намекнуть. Вкратце происходит следующее. Ты не интересовался статистикой некоторых отрицательных явлений в масштабах Земли?

— Нет, — озадаченно покачал головой Ивор. — Не приходило в голову.

— А зря. Иначе бы ты заметил некие негативные тенденции. За последние двадцать лет в нашей Ветви произошли изменения некоторых физических констант, повлекшие за собой в свою очередь изменения физических и психических кондиций человечества.

— О каких константах идет речь?

— В первую очередь изменилась масса электрона — увеличилась, хотя и незначительно, на три десятых процента. Плюс к этому — увеличилась эф-константа вакуума, отвечающая за его осцилляции: их амплитуда возросла, а частота снизилась, что в свою очередь отразилось на самочувствии всех существ, населяющих нашу Ветвь. К примеру, люди стали чаще страдать пси-

хическими заболеваниями и умирать от кровоизлияний в мозг, и тенденция эта продолжает развиваться.

— Может быть, изменения констант здесь ни при чем?

— Нам тоже хотелось так думать, но эксперты догадались провести закрытое исследование ситуации с увеличением смертности и нашли его причину. Виноваты именно те процессы, о которых я говорил.

— Но каким же образом экспертам удалось измерить увеличение массы электрона? Ведь это произошло сразу во всем объеме нашего метагалактического домена? Изменились параметры не только измеряемых объектов, но и самих инструментов.

— Молодец, квистор, тебя не напрасно учили премудростям квантовой физики и истории. Мы сами не сразу определили бы сдвиг констант, если бы нам не помогли коллеги из соседней Ветви, предоставив независимую — от наших местных условий — аппаратуру. Раскачка вакуума имеет место, и это означает...

— Что начавшаяся Игра отражается и на нашей Ветви!

— Совершенно верно. Вот для нейтрализации этого воздействия мы и направили группу во главе с твоим отцом в нижние Ветви.

— Вы отправляли?

— Нет, конечно, командовал всем процессом подготовки и запуска Федор Полуянов.

— Почему же он так странно прореагировал на появление посланника отца?

— Разберемся. О нашем разговоре — никому ни слова.

— Даже маме?

— Мама работает вместе со мной, ей можно. — Ромашин улыбнулся, заметив прыгнувшие вверх брови собеседника. — Она из тех редких женщин, которые способны коня на скаку остановить, в горящую избу войти, постоять за себя и хранить тайны. С комиссаром постарайся не откровенничать или не встречаться вовсе. Этот человек явно что-то скрывает от нас всех, необходимо узнать — что именно и по какой причине.

— Я знаю его плохо.

— Возможно, мы тоже знаем его недостаточно. В прошлой Игре он играл вместе с нами... — Ромашин оборвал себя, встал. — Будь внимателен, квистор. Заметишь что-нибудь необычное, постарайся сообщить.

Ивор тоже поднялся, с сожалением подумав, что уходить не хочется, пожал руку Игнату, и тот проводил его к выходу из мас-

терской. На пороге Жданов задержался, кивнул на ряды скульптур, в большинстве своем изображавших чужих существ.

— Вас не компрометирует это анимационное творчество?

Бывший комиссар понял.

— Наоборот, никто не обращает внимания, все считают мое увлечение чудачеством. Очень удобная позиция.

Из-за спины Ромашина вдруг вышла тоненькая миниатюрная девушка в легком сарафане, облегающем фигуру. Она так напоминала Ясену: тот же овал лица, те же широко расставленные удлиненные зеленые глаза, те же брови вразлет, — что Ивор потрясенно уставился на нее, забыв о приветствии.

— Знакомьтесь, — покосился на нее скульптор. — Моя дочь Мириам.

— Здравствуйте, — улыбнулась девушка, окидывая Жданова смеющимся дерзким взглядом. — Я могла вас видеть прежде?

— Ты видела его мать, — проворчал Игнат. — Она бывала у нас в гостях. Уходишь?

— Да, мне пора на занятия.

— Не возражаешь, если тебя проводят?

Глаза Мириам оценивающе прошлись по фигуре Ивора, и тот впервые в жизни пожалел, что он не атлет.

— Если твой гость не спешит...

— Не спешу, — быстро сказал Ивор.

— Я так и предполагал, — кивнул Ромашин, пряча в глазах веселые искры. — Возьмите мой флайт. — Скульптор посмотрел на Жданова. — Она учится на факультете квистории СЕГУ, который ты закончил.

— Правда? — удивленно глянул на девушку Ивор.

— Правда, — засмеялась она. — Заканчиваю четвертый курс. Потом летняя практика в какой-нибудь археоэкспедиции, дипломная работа и экзамен. Пойдемте, а то я опоздаю на коллоквиум.

Мириам схватила Ивора за руку и потащила во дворик дома Ромашиных, где уже стоял готовый к полету личный аппарат Игната — каплевидный трехместный флайт цвета «брызги шампанского». Игнат проводил их задумчивым взглядом и вошел в мастерскую.

Дом, принадлежащий семье бывшего комиссара, располагался на территории Волоколамского заповедника в зоне владений лиц с высоким социальным статусом. Он принадлежал еще отцу Игната Филиппу, бывшему игроку сборной Земли по волейболу,

а потом ее тренеру (в Ветви, откуда к Игнату прибыл его кванк Ромашин-второй, Филипп Ромашин стал конструктором таймфаговой аппаратуры, а потом сотрудником и комиссаром службы безопасности). Это был трехэтажный коттедж, стилизованный под древнерусские хоромы с высокими двускатными крышами, резными наличниками и панелями, с маковками башенок и высоким крыльцом. Мастерская Ромашина была пристроена к дому позднее, но в том же стиле и не портила архитектурных пропорций.

Дом стоял у небольшой реки среди других строений, принадлежащих деятелям науки, культуры, искусства и виратуры[1], а также крупным чиновникам правительства Московского нойона, и не особенно выделялся среди них размерами и эстетикой форм. Здесь встречались гораздо более мощные и вычурные сооружения, созданные фантазией строителей.

Подлетая к дому Ромашиных, Ивор вдоволь налюбовался формой коттеджей, теперь же, улетая вместе с дочкой скульптора, бросил вниз, на отдаляющийся город, утопающий в зелени леса, лишь один взгляд. Мириам завладела его вниманием полностью.

Через минуту после знакомства они уже перешли на «ты» и болтали обо всем, что приходило в голову, вспоминали преподавателей университета, искали общих знакомых, рассказывали о своих пристрастиях и увлечениях, шутили, смеялись, будто были знакомы всю жизнь, и не заметили, что за ними в отдалении следует малозаметный на фоне облаков белый галеон.

Здание Среднеевропейского гуманитарного университета располагалось в Минске, бывшей столице Белоруссии, ныне — правительственном центре Белопольского нойона. До него быстрее можно было добраться на метро из Волоколамска, но молодые люди об этом не подумали, и путешествие на флайте длилось около двадцати минут, пока он мчался на юго-запад в воздушном коридоре скоростных машин.

Попрощались на крыше одной из башен университета, договорившись встретиться вечером. Ивор хотел было прочитать Мириам только что сложившиеся стихи, но вместо этого сказал как нечто очень важное:

— Ты не представляешь, как ты похожа на мою маму!

Девушка засмеялась, выскакивая из кабины флайта.

---

[1] Виратура — видеолитература, литература с игровой текстовой разверткой.

— Потому что моя мама из того же родового клана, что и твоя. Ее зовут Ярина, отец посещал ее мир — Гезем, влюбился и привез сюда, на Землю. Мы еще поговорим на эту тему.

Умчалась.

А он остался сидеть в кабине с ощущением безмерного удивления, ошеломленный, обрадованный, еще не вполне поверивший в счастье знакомства с девушкой, которую ждал и которой уже давно посвятил многие стихи. Альбина Яворская отошла на второй план и исчезла, превращаясь в символ.

Ивор поднял глаза к небу и вслух проговорил:

Прохожих не видно, но самую первую
увижу тебя, мне недолго идти.
А встреча случится.
Я так в это верую,
что это не может
не произойти!..

Стихи эти были написаны давно, но теперь казались пророческими.

ГЛАВА 5

Два дня Ивор прожил как в тумане, находясь под впечатлением знакомства с дочерью Ромашина и проведенного с нею вечера. Стихи почему-то не слагались, хотя душа жаждала каких-то чудесных открытий и ждала новых встреч с девушкой, оказавшейся дальней родственницей мамы. Лишь на второй день после вечерней встречи с Мириам Ивор написал несколько строк:

Что это было? То ли наважденье
От чар луны в глухой полночный час?
То ль краткий миг внезапного прозренья,
Что раскрывает больше тайн для нас,
Чем древние ученья?..

Вечером девятнадцатого мая он не выдержал и позвонил ей, не зная, как она прореагирует на звонок. Однако девушка восприняла его появление нормально и с детской непринужденностью предложила присоединиться к ее компании.

Ивор уже имел опыт одиночества в компаниях приятелей, поэтому согласился не сразу, подумав, что если он не придется ко двору и компании Мириам, то это уже диагноз. Но отказываться

от встречи со ссылкой на то, что не знает друзей девушки, он не стал.

К счастью, опасения его оказались напрасными.

Компания Мириам состояла из двух парней и трех девушек, собравшихся поиграть в теннис на кортах австралийского спорткомплекса в Маалу. Ивор неплохо играл в теннис, и стесняться своей спортивной несостоятельности ему не пришлось. В паре с Мириам он выиграл два матча, после чего окончательно расположил к себе друзей девушки и перестал чувствовать себя лишним.

Наигравшись вдосталь, компания вымылась под душем, поплавала в бассейне с чистой морской водой и вечер просидела в бунгало-баре «Маалу-рок» на берегу океана. Здесь посетителей обслуживали живые люди, выступали живые музыканты и певцы-аборигены, было шумно и весело. Ивор впервые в жизни попробовал австралийскую кухню и полакомился экзотическими фруктовыми салатами из гринадиллы, или «плода страсти», как его называли, чайота и барбакарру. Первое ему понравилось, второе и в особенности третье — нет.

Потом они гуляли по крупному белому песку на берегу океана, глядя на светящиеся изнутри волны, пели, читали стихи, с интересом поглазели на плантацию светящихся в темноте багбрабусов — летающих пузырчатых мхов, привезенных с одной из планет альфы Возничего. Мхи сплетались в причудливые ажурные замки, напоминающие искусственные архитектурные сооружения, и можно было понять дальразведчиков, наткнувшихся на эту форму жизни и принявших ее за следы разумной деятельности.

Поздно вечером по местному времени компания разделилась на пары, и как-то само собой получилось, что Ивор остался с Мириам. Девушка притихла, глядя на высыпавшие звезды, видимые сквозь вуаль реклам и светомузыкальных струй; они стояли на скале, нависшей над водой.

— Тебе не хотелось бы попутешествовать по Вселенной? — прозвучал ее тихий нежный голос.

Ивор, чувствующий ее локоть, но не смеющий обнять, ответил не сразу, мысленно нанизывая на свое настроение строчки рождавшихся стихов:

— Я посещал наши лагеря у других звезд. Вместе с отцом.

— Я имела в виду Большую Вселенную.

— Древо Времен?

— Есть гипотеза, что Древо Времен не одно во Вселенной. Разве ты не проходил курс вариантной истории?

— Проходил и гипотезу слышал.

— Так хочется взглянуть на Земли других Ветвей!

Ивор улыбнулся.

— Мне знакомо это чувство. Наверное, об этом мечтают все, кто занимался квисторией. К сожалению, Ствол заблокирован, и проникнуть внутрь него невозможно.

— Но ведь твой отец каким-то образом проник в него? — заметила девушка.

— Откуда ты знаешь?

Она удивленно оглянулась.

— Ты же сам говорил. Да и папин кванк, приходивший к нам, прибыл сюда из своей Ветви через Ствол.

— Необязательно, он мог использовать трансгресс.

— Нет, не мог, трансгресс, если ты помнишь курс технологии Игр, система, предназначенная для судейского персонала, а не для людей.

— Мой отец пользовался трансгрессом свободно.

— Потому что он был участником Игры и потенциальным Игроком.

— Хорошо, не будем спорить. Но я почему-то уверен, что трансгресс открыт для людей, просто мы не знаем кода его вызова. Кстати, чтобы проникнуть в Ствол, заблокированный прошлым судебным исполнителем...

— Тебе известно, кем он был? — перебила Ивора девушка.

— Отец говорил, что им был Игорь Марич. Так вот, чтобы пройти в заблокированный Ствол, нужен дриммер.

— Значит, он у твоего отца имеется.

— Если бы дриммер был у моего отца, он не просил бы помощи. Надо выяснить, у кого он остался на Земле, и передать отцу.

— А что, это мысль, — загорелась Мириам. — Я подозреваю, что он у комиссара.

— Почему же Полуянов до сих пор не выручил отца?

— Потому что не заинтересован в этом. Недаром он спрашивал о твоем разговоре с посланником и пригрозил сканировать память. Я вообще считаю, что этот человек что-то скрывает и даже, может быть, уже играет на стороне одного из новых Игроков.

Ивор озадаченно посмотрел на профиль девушки, высказавшей то, что мучило его самого.

— Тогда нам надо поговорить с твоим отцом и поделиться нашими соображениями.

— Зачем делиться? Мы сами все выясним и сделаем. Ты не знаешь моего папочку: он на километр не подпустит нас к Стволу и вообще к этой проблеме. Давай действовать самостоятельно.

— Но как-то не очень удобно... — промямлил Ивор.

Мириам повернулась к нему, решительно сдвинув брови.

— Ты хочешь выручить своего отца?

— Хочу.

— Тогда отбрось все колебания! Я попытаюсь выведать место нахождения дриммера по своим каналам, ты по своим. Как только получим его — начнем действовать. А сейчас предлагаю посмотреть на Ствол.

— Можно подумать, ты его не видела.

— Ночью он красивее и таинственнее.

— Нас к нему не пропустят близко.

— У меня есть папин пропуск.

Ивор невольно улыбнулся.

— Я не думал, что ты такая решительная.

— А я не думала, что ты такой несамостоятельный, — рассердилась Мириам. — Летим к метро. — Она взяла его за руку. — Я беру над тобой шефство и выведу в люди. Квисторы мы или не квисторы? Способны заменить дедов и отцов или нет?

— Способны, — со вздохом заверил ее Ивор.

Через минуту они сидели в такси, которое доставило молодых людей к метро Маалу, затем в Брянске нашли свободный флайт и направились к двухкилометровой колонне хронобура, располагавшейся недалеко от небольшого старинного городка Жуковка.

Когда-то Ствол выглядел как куст черного чертополоха, представляя собой конгломерат проросших друг в друга пространств с разными свойствами. Но двадцать лет назад он вдруг потерял форму чертополоха и теперь издали казался гладким светящимся белым минаретом, вершина которого растворялась в световой вуали неба. Вблизи же он вырастал в рифленую пористую гору, ощутимо массивную и тяжелую, внушающую беспокойство и дискомфорт. К тому же эта рукотворная гора была окружена вогнутой полупрозрачной стеной энергоотражателя и цепью рогатых слоноподобных туш хроностабилизаторов, усиливающих эффект тревожного ожидания.

Однако ближе чем на три километра флайт с молодой парой не подпустили. Стоило ему достичь окраины Жуковки, как перед

аппаратом высветилась в воздухе алая надпись: «Внимание! Запретная зона! Вход без пропуска запрещен!» Затем из-за стены энергоотражателя выметнулся луч оранжевого света и нарисовал перед носом флайта решетку, что на языке аэроинспекции означало: «Остановитесь немедленно!»

На панели киб-пилота замигал желтый огонек вызова. Ивор остановил флайт, включил приемник.

— Борт ноль-ноль-шесть, — раздался в кабине скрипучий недовольный голос. — Поверните назад. Зона в радиусе трех километров закрыта для пролета любых видов транспорта.

— Имею пропуск службы безопасности с красной полосой, — ответила Мириам. — Номер сто одиннадцать двести.

Короткая пауза. Потом тот же голос проговорил:

— Пропуска данной серии недействительны. Немедленно покиньте запретную зону!

— Как недействительны?! — возмутилась девушка. — Это же пропуск моего... — Она прикусила язык.

Из темноты перед висящим в воздухе флайтом возник треугольный хищный контур когга с синими огнями воздушной инспекции.

Ивор встрепенулся, дал команду кибу, и флайт сдал назад, удаляясь от фарфорово-белой башни Ствола. Когг воздушного патруля бдительно сопроводил его до вылета из зоны и сгинул.

— Ничего не понимаю! — с досадой сказала Мириам. — Отец же пользовался этим пропуском неоднократно.

— Значит, что-то произошло, — пожал плечами Ивор. — Поменялись коды, сигналы, начальство изменило допуск. Мало ли что еще? Может быть, виной всему появление негуманского спейсера. Если так, то мы вообще не сможем подойти к Стволу.

— Что-нибудь придумаем. — Мириам оглянулась. — На меня хронобур действует, как красная тряпка на быка. Так хочется побродить по его коридорам, побывать в других Ветвях, познакомиться с другими кванками...

Ивор промолчал, хотя у него тоже изредка возникало это желание. Сами собой сложились строки:

Там свой мир.
Он и сложен и прост.
Он прекрасен в своей виртуальности.
Эй, ты там, наверху!
Помоги,
Дай ответ на вопрос:
Что нас ждет за порогом реальности?

Он медленно прочитал их вслух.

Мириам замерла, разглядывая выхватываемое из темноты сполохами реклам лицо спутника, задумчиво проговорила с каким-то странным выражением недоверия и восхищения одновременно:

— Ты действительно поэт, Жданов. А я поначалу отнеслась к твоему дару скептически. Прости, ладно? Почитай еще что-нибудь свое. Впрочем, — вспомнила она, где находится, — у нас еще будет время. Помчались по домам, утром займемся неотложными делами. Время не ждет.

Ивор был с ней полностью согласен, хотя домой лететь не хотелось. Хотелось продолжить вечер и быть с дочкой Ромашина еще долго... долго...

* * *

Мама не одобрила идею Мириам тайно от всех проникнуть в Ствол с помощью дриммера и отправиться на поиски отца. Но Ивор и не ожидал от нее иной реакции. Идея уже захватила его, а отступать, пасовать перед трудностями он не любил, поэтому спорить с матерью не стал, просто сделал вид, что ее доводы его вполне убедили.

Поразмышляв над проблемой проникновения в здание хронобура, Ивор понял, что особых шансов заполучить дриммер у него нет. Единственный путь, ведущий к этой цели, состоял в прямой просьбе комиссару дать ему на время лонг-меч (так называли дриммер соотечественники мамы). Но реакцию Полуянова нетрудно было представить, прямой путь вел в тупик, и молодой квистор решил пока не ломать голову над проблемой добычи дриммера. Стоило попробовать пробраться в Ствол иным путем, для чего надо было как следует проштудировать теорию хронобурения Златкова и вспомнить ее техническое воплощение в конструкции Ствола.

Весь день двадцать первого мая Ивор просидел дома в контакте с инком университета, созерцая эвереттовские «оленьи рога» и «фрактальный папоротник» Златкова, и пытался найти ответ на вопрос: в чем ошибся знаменитый создатель метатеории Древа Времен, занимая пост Судьи в прошлой Игре, за что его освободили от исполнения обязанностей служителя правосудия.

«Оленьи рога» Ивор вполне понимал: они графически поясняли идею древнего ученого Хью Эверетта-третьего, изложивше-

го еще в пятьдесят седьмом году двадцатого века теорию многовекторного ветвления Вселенной как следствия реализации вероятностной изменчивости мира.

А вот «фрактальный папоротник» Златкова с траекторией Ствола каждый воспринимал по-своему, и объяснить им влияние хронобура на Древо Времен было нелегко.

Как объясняли теорию преподаватели университета, Ствол ограничивал количество альтернативных копий в точках своего выхода, как бы угнетал развитие Метавселенных, сужал спектр возможностей многовариантной реализации Древа, зато инициировал другой процесс — рождение Древа маловероятных и совсем невероятных состояний материи. Например, в таких Метавселенных становились равноправными нетранзитивные отношения, при которых одновременно два взаимоисключающих друг друга события спокойно уживались рядом (или «внутри» друг друга), не аннигилируя при этом, порождая причудливые «миры-призраки виртуальных несогласий» и миры парадоксальных метрик (таких, например, где параллельные прямые одновременно являются перпендикулярными). Представить подобные состояния удавалось не всем, даже Ивору с его хорошо развитой фантазией поэта, да он особенно и не старался это сделать, зато еще раз убедился, что Ствол стал своеобразным ограничителем реальных состояний и детонатором недоступных наблюдению человеком миров, где в принципе невозможное становилось возможным. В рамках этого подхода можно было принять и существование «абсолютных невероятий» (термин принадлежал Златкову) и «физики недоступного совершенства» (термин отца Ивора).

В конце концов Ивор устал от попыток анализа умозаключений ученого (когда он еще только учился, эти умозаключения были интересными), создавшего хронобур, и принялся кропотливо искать слабые места сооружения, через которые можно было пробраться к одной из хрономембран. В свое время он отнесся к изучению конструкции хронобура спустя рукава, хотя и сдал предмет — конструирование хронооборудования — на «отлично». Теперь надо было срочно наверстывать упущенное.

Однако углубиться в изучение конструкции Ствола ему не дали. Только он успел выяснить, что Ствол имеет тридцать зон безопасности (модулей, свободных от хроносноса) и всего три тамбур-входа, как домовой сообщил хозяину, что к нему пришел гость.

Ивор, одетый в майку и шорты, открыл дверь и остолбенел.

Гостем оказалась молодая женщина сногсшибательной кра-

соты, одетая по моде «пареонет»: платье на ней как бы имелось и в то же время как бы отсутствовало, и по телу безупречных форм и линий бродили радужные просверки и туманно-прозрачные вихрики, нередко открывающие на несколько мгновений считавшиеся интимными места. Волосы у нее были рыжие, со светящимися кончиками, глаза ярко-желтые, с поволокой, губы то темнели до черноты, то раскалялись до алого свечения. В руке незнакомка держала сумочку-сквош неопределенных очертаний, также похожую на вскипающее облачко.

Все знакомые девушки Ивора, конечно, следили за модой и носили уники или платья в соответствии с рекомендациями ведущих модельных агентств мира, а также не забывали о новейших разработках в области макияжа и артбодинга, но гостья Жданова была в ы з ы в а ю щ е современна! Вдобавок ко всему по коже ее тела бродили паутинки эротических сцен, уши то удлинялись до плеч, то исчезали вовсе, ногти «проваливались» в себя, превращаясь в микровитейры — объемные картинки, комбинации запахов кружили голову собеседника, а весь костюм, представляя собой генератор пси-возбуждения, создавал почти непреодолимый шарм женщины-вамп, обещавшей неизъяснимое наслаждение.

— Вы долго собираетесь держать меня на пороге? — кокетливо улыбнулось небесное создание.

Ивор очнулся, проглотил слюну.

— Вы ко мне?

Гостья засмеялась.

— Если вы Ивор Жданов, то к вам.

Ивор посторонился.

— Проходите, пожалуйста. Извините, я никого не ждал, поэтому в таком виде... я сейчас переоденусь.

— Не суетитесь, я ненадолго и к тому же неплохо вижу в инфракрасном диапазоне, так что не стоит стараться выглядеть лучше, чем вы есть в состоянии онатюрель[1].

Покрасневший Ивор провел даму в гостиную, интерьер которой в стиле маккалоа не менял по крайней мере уже два месяца, и предложил быть как дома, пока он все-таки сменит наряд.

— Что будете пить? — спросил он через минуту, появляясь в спортивном костюме. — Чай, кофе, тоник? Или, может быть, вино?

— Спасибо, я не люблю напитки вашей Ветви, — равнодушно

[1] Au naturel (*фр.*) — в природном виде, голый.

проговорила незнакомка, без особого любопытства окидывая взглядом атрибутику маккалоа: ниши, статуэтки, цыновки, магические чаши с орнаментом, вычурные плетеные стулья и кресла.

Ивор вздрогнул, внезапно прозревая.

— Кто вы?!

— Вы правильно догадались, — усмехнулась гостья, усаживаясь в кресло рядом с двухметровой статуей жихаря, сплетенной из соломы и тростника. — Я не из вашей Ветви и прибыла сюда лишь ради встречи с вами.

— Кто вы? — повторил вопрос Ивор.

— Я гонец одного из Игроков, можете называть меня «хронокурьером».

— Вы... не похожи...

— На женщину?

Золотые глаза гостьи вспыхнули, алые губы призывно раскрылись, руки потянулись к Ивору, так что он невольно сделал к ней шаг, но ее глаза вдруг заледенели, и Жданов отшатнулся, трезвея. Незнакомка засмеялась.

— Для контакта не имеет значения, кто я в вашем понимании — мужчина или женщина. Скажем, во мне есть многое от одного и от другой, хотя и не в половом отношении. А вы молодец, коли учуяли это. Но если вам будет легче, я изображу мужчину...

— Нет-нет, необязательно, — поспешно сказал Ивор. Сделал усилие, и чары гостьи развеялись. Тогда он сел в кресло напротив и сказал уже более свободно:

— Я имел в виду имя. Как вас называть?

— Зовите меня Тирувилеиядаль.

— С какой стати гонца Игрока заинтересовала моя скромная персона? Я ведь только-только закончил университет и еще ничего не...

— Уровень ваших знаний не имеет значения, главное — уровень личности. Вы — сын судебного исполнителя с потенцией Игрока. Этого пока достаточно.

— Я сын... судебного?..

— Человек-спектр Павел Жданов как с т а я кванков в прошлой Игре сыграл роль помощника судебного исполнителя, хотя и неосознанно. Вам же предлагается стать эмиссаром другого Игрока в новой Игре.

— Но почему мне? — растерялся Ивор. — Ничего особенного в своей жизни я не совершил. К тому же я не профессионал спецназа.

— Профессионалов спецназа у нас хватает, — засмеялась Ти-

рувилеиядаль (хотя, может быть, следовало сказать — засмеялся? или вообще — засмеялось?). — Не хватает умных индивидуальных исполнителей с большим пси-резервом и внутренней свободой.

— Вы считаете, что я и есть человек с большим... э-э... пси-резервом? — хмыкнул Ивор.

— Мы не считаем, мы знаем. Наблюдатели наши, как правило, не ошибаются, а они следят за вами практически со дня рождения.

Ивор недоверчиво прищурился.

— Зачем?

— Обычная практика наблюдения за потенциально мощными личностями. Я уже говорила: вы сын судебного исполнителя и дочери колдуна с планеты Гезем, имеющей задатки ведуньи, а значит, и преемник их паранормальных возможностей.

— Но я ничего такого... — Ивор пошевелил пальцами, — не умею!

— Пси-резерв иногда просыпается поздно. Однако вы уже проявляете кое-какие способности, остальное всплывет в нужное время и в нужном месте.

— Какие еще способности?

— Поэтами в вашем мире становятся далеко не все. Это задаток. Но мы уклонились от темы. Вы согласны выбраться из русла рутинного бытия и свернуть на дорогу, ведущую к абсолютной власти?

Ивор усмехнулся, получил хлесткую мысленную пощечину — взгляд золотых глаз посланца Игрока, — инстинктивно загородился прозрачным щитом воли (сразу стало легче) и пробурчал:

— Власть мне не нужна.

— Власть нужна всем! — с презрительной убежденностью заявила Тирувилеиядаль. — Это единственная субстанция на все Древо Времен, придающая смысл Игре, Игрокам и самому Древу, способствующая проявлению творческих сил и высших гармоний.

— Если войну между Игроками вы называете высшей гармонией...

— Войной Игру называете вы, люди. Она же и в самом деле помогает проявлять Древу в с е варианты и комбинации времен и вселенных.

— Ну, не знаю... может быть... не думал...

— И вам неинтересно убедиться в этом воочию? Пробудить свои силы и увидеть то, чего никто из ваших соотечественников никогда не увидит?

— Почему же — интересно...

— Так в чем же дело? В бесконечно многих мирах условия существования таковы, что у людей нет ни слов, чтобы их описать, ни фантазии, чтобы мысленно представить. А вам это станет доступно!

— Я... боюсь, — простодушно признался Ивор.

Тирувилеиядаль засмеялась.

— Мы поможем вам избавиться от страха. Итак, вы согласны?

Молодой человек упрямо сдвинул брови.

— Я еще не принял решения. Мне надо подумать.

— Хорошо, думайте. — Гостья встала, соблазнительно качнув бедрами. — Не в качестве метода вербовки, а в качестве подарка могу предложить сексуальную игру. Убеждена, вы получите истинное наслаждение!

— Не сомневаюсь, — хмуро бросил Ивор, подавляя в душе желание схватить женщину в охапку и бросить на кровать.

Брови посланницы Игрока изогнулись, она смерила хозяина взглядом и направилась к выходу. Уже на воздушной дорожке, ведущей к другим жилым модулям грозди, остановилась и оглянулась.

— О нашем разговоре лучше не рассказывать никому. Решение вы должны принять лично. Иначе придется очищать память.

Из-за соседней «виноградины» вывернулся каплевидный пинасс, затормозил возле рыжеволосой красавицы и унес ее в небо. Ивор постоял немного, провожая аппарат задумчивым взглядом, зябко передернул плечами и поспешил в дом, бормоча под нос:

— Еще одна угрожает сканированием памяти... уж не работает ли дядя Федя Полуянов в одной упряжке с мадам Тирувиле... и как там еще?.. иядаль?..

В кабинете Ивор уселся в кокон-кресло компьютерной зоны и вызвал Мириам. Пора было признаваться, что он не придумал способа добычи дриммера и не знает, как пробраться в Ствол незамеченным.

ГЛАВА 6

В гости к Ромашиным Ивор приходил теперь как к себе домой, хотя всегда с трепетом ждал встреч с Игнатом, которого не то чтобы боялся, но опасался и уважал. Если же Ромашин отсутствовал, молодой человек переживал облегчение и одновременно чувство вины, тут же исчезавшее под натиском энергии Ми-

риам. В такие моменты он подолгу созерцал творения отца девушки, в том числе — объемные картины (в основном пейзажи других планет), и сожалел, что не родился художником.

Так было и на этот раз, когда наутро после встречи с посланцем Игрока он заявился к Мириам, чтобы обсудить дальнейшую программу действий.

Дочери Ромашина тоже не удалось найти лазейку в Ствол в обход всех охранников хронобура, и ее сумасбродный план ничем не отличался от сумасшедшей идеи Ивора — прижать Федора Полуянова к стенке, заставить рассказать все о посылке команды Жданова-старшего в Ствол и отдать дриммер.

Посмеявшись вдвоем над своими идеями, молодые люди приуныли, потом все же поднялись из мастерской в жилой блок, засели за инк-информатор и принялись обсуждать способы проникновения внутрь Ствола, пользуясь полным описанием конструкции хронобура, доступным лишь сотрудникам службы безопасности.

Им повезло: описание хранилось в памяти персон-инка отца Мириам, имевшего доступ ко многим секретным файлам службы.

О предложении, которое ему сделала курьерша Игрока Тирувилеиядаль (не догадался спросить, балбес, — кто этот Игрок, из какой Ветви Времен и что из себя представляет), Ивор пока никому не говорил, в том числе Мириам, но курьерша сама напомнила о себе, и Жданову волей-неволей пришлось рассказать девушке все. Потому что позвонила Тирувилеиядаль именно в тот час, когда Ивор и Мириам разглядывали выданное инком изображение Ствола в разрезе.

Ивор поднес к глазам руку с браслетом видео, и над матово-черным квадратиком развернулся крошечный объем передачи: на Жданова глянула рыжеволосая голова вербовщицы Игрока.

— Вы приняли решение, господин Жданов?

— Еще нет, — сказал застигнутый врасплох Ивор.

— Боюсь, вы переоцениваете свое значение. — Красавица Тирувилеиядаль превратилась в мужчину с птичьим лицом. — Я позвоню завтра. Будьте добры ответить «да» или «нет».

— Я не переоцениваю своего значения, — разозлился Ивор, — но не люблю, когда давят на психику!

— Это еще не давление, — очаровательно улыбнулась Тирувилеиядаль, и объем передачи свернулся в лучик, погас.

— Кто это был? — с сомнением посмотрела Мириам на помрачневшего Ивора. — И что ей было от тебя нужно?

Ивор провел ладонью по щеке, поколебался немного и рассказал девушке о своей встрече с посланницей Игрока.

— Как интересно! — воскликнула Мириам, когда он закончил. — Неужели откажешься?

— Ты не понимаешь, — хмуро сказал Ивор. — Она не сказала, на стороне какого Игрока мне предложено играть. А если за того, кто замахнулся на свертку нашей Ветви?

Радостное оживление на лице Мириам уступило место задумчивости.

— Ты прав, я не подумала. Так спроси у нее, когда она позвонит в следующий раз.

— Вряд ли она скажет правду. История учит, что вербовщики обычно не отличаются честностью и щепетильностью. Может быть, стоит посоветоваться с твоим отцом?

— Конечно, — с готовностью поддержала его девушка, — он не откажет и никогда не ошибается. Только не проговорись о наших планах. А пока его нет, давай прикинем, что нам нужно для похода.

— Ты хочешь идти... вдвоем?

— А тебе еще кто-то нужен? — с потрясающим простодушием спросила Мириам, выгнув бровь. — Вспомни своих родителей, испытавших множество бед, но не разлучавшихся ни при каких обстоятельствах. Вспомни хроноскитальцев из нижних Ветвей — Ивана Кострова и Таю Былинкину. Они вообще долгое время путешествовали по Стволу вдвоем.

— Да я не возражаю, — пробормотал Ивор, отдавая инициативу в руки девушки. — Просто прикидываю, справимся ли мы... я ведь не профессионал по выживанию... а с группой спецназа было бы легче дойти до цели...

— Ты скрытый паранорм, только еще не знаешь этого. Иначе тебе не сделали бы предложение вступить в Игру. А профессионалами по выживанию в экстремальных условиях и мастерами по рукопашному бою не рождаются, а становятся. Научишься. Я тебя научу. Меня отец с детства тренирует. Согласен?

— Куда же я денусь? — невольно улыбнулся Ивор.

— Тогда продолжаем подготовку. Я считаю, что в первую очередь нам нужен дриммер. О нем мы поговорим позже. Затем нам понадобится аппаратура пси-веллинга для идентификации личности и пеленгации твоего отца. Такая наверняка имеется в крупнейших медицинских пси-клиниках и в медцентре УАСС. Думаю, мы сможем достать портативный экземпляр. Кроме того,

нам нужны транш-рации для связи, уники типа «кокос», оружие, НЗ и парочка витсов. Что еще?

Ивор покачал головой, хмыкнул.

— Ты, однако, размахнулась! Да кто ж нам все это даст за просто так?

— Мы и спрашивать никого не будем. Веллингер попытаемся достать в центре Управления, где у меня есть приятель. Кроме того, я знаю код бункера запасной базы СБ на Венере, которая использовалась в прошлой Игре, там и возьмем все, что нам нужно.

— Разве база не охраняется? И откуда тебе известен код доступа?

— Я же тебе говорю: эта база осталась еще с прошлой Игры, она секретная, готовилась как схрон для безопасников, воюющих с эмиссарами «хронохирургов». Отец показывал ее мне, когда я была еще маленькая.

— Сдаюсь. — Ивор поднял руки вверх. — Похоже, у тебя все продумано. Осталось только добыть дриммер, пробиться с его помощью в Ствол и вытащить отца из ловушки.

Брови Мириам сдвинулись, в зеленых глазах появился опасный огонек.

— Ты смеешься? Издеваешься, да?!

— Ничуть! — поспешно возразил Ивор.

— Думаешь, если я еще учусь и вообще девчонка, то способна только в куклы играть и танцевать?

— Ничуть не бывало! Я думаю, что ты очень решительная и смелая, как амазонка. И очень красивая! — Последнее признание вырвалось у Ивора нечаянно, и он тут же пожалел об этом, но, как ни странно, на Мириам оно подействовало успокаивающе.

— То-то же, — сказала она тоном ниже. — Я не потерплю, чтобы надо мной смеялись. Вот увидишь, у нас все получится... если будешь меня слушаться. Обещаешь?

— Обещаю, — помедлив, сказал Ивор серьезно.

Она глянула на него оценивающе, насмешки не увидела, вдруг поцеловала в щеку и продолжила, как ни в чем не бывало:

— Идем дальше. В принципе мы можем обойтись и без дриммера.

— То есть как? — не понял Ивор. — Как же мы тогда... — Он замолчал, с недоверием глянул на собеседницу. — Ну, конечно, кванк твоего отца! Он-то уже проходил в Ствол и обратно!

— Как ты догадался? — удивилась Мириам. — Мысли мои прочитал, что ли?

— Со мной бывает. Интуиция. Но идея, по-моему, неплохая. Беда только в том, что мы не знаем, когда здесь снова появится кванк отца и даст ли он нам дриммер. А время не ждет.

— Черт, ты снова прав! Надо думать. Может быть, у отца есть связь со своими кванками из других Ветвей?

— Вряд ли он скажет. Хотя спросить, конечно, можно.

— Кажется, он уже пришел. — Мириам уловила перемигивание огней на панели домового. — Пап, это ты?

— Я, — раздался негромкий голос Ромашина по системе домашнего интеркома. — Ты одна?

— С Ивором. Можно, мы к тебе зайдем? Пообщаться надо.

— Что-то случилось?

— Есть интересные новости.

— Через пару минут.

— А мы пока кофеем побалуемся, — вскочила со своего стула Мириам, чтобы принести кофейный прибор.

Через десять минут Ромашин принял делегацию в своем кабинете, превратив его в уголок Большого Американского Каньона Колорадо: казалось, площадка с креслами и вириалом инка висит над обрывом колоссального живописного ущелья, прорезавшего плато, к счастью, так и не освоенного людьми. Вся эта территория осталась заповедником геологических формообразований и местом съемок многих видеофильмов.

— Я весь внимание, — сказал скульптор, по обыкновению закинув ногу на ногу и обхватив колено пальцами обеих рук.

— Вот он начнет, — кивнула на Ивора Мириам.

Жданов смутился, но переборол себя и коротко поведал Игнату о визите посланницы Игрока.

Наступила пауза. Ромашин задумался, глядя на каньон под ногами. Молодые люди переглянулись, чувствуя растущую неловкость, будто сделали нечто предосудительное. Игнат заметил их волнение, дернул уголком губ, намечая улыбку.

— Ситуация, дети мои, весьма любопытная. Или я выдаю желаемое за действительное, или наши силы кто-то пытается разделить.

— Что ты хочешь сказать? — подняла брови Мириам.

— Существует вечная формула, изобретенная не человеком, но успешно претворяемая в жизнь во всех Ветвях Мироздания: разделяй и властвуй! Так вот нашу команду, которая начала действовать, пытаться нейтрализовать просачивание в нашу вселенную «вируса» Игрока, этот самый Игрок хочет разделить. Заста-

вить воевать друг с другом. С одной стороны, нам это лестно: нас уважают как реальную силу, способную на равных играть с сильным соперником. С другой — эмиссары Игрока уже действуют в нашей Ветви, а мы не знаем, кто они, сколько их, что они затевают и как далеко продвинулись в своих планах.

— Почему ты считаешь, что эмиссаров Игрока много?

— Не много, но и не один. Вспомните ваш разговор с комиссаром. Он тоже хочет, чтобы молодой Жданов был с ним в одной команде, предлагая ему место опера или консультанта в своей службе.

— Но он ни словом не обмолвился об участии в Игре, — с сомнением проговорил Ивор.

— Пока не было нужды. Если бы ты согласился, объяснение состоялось бы рано или поздно. А визит госпожи Тирувилеиядаль — сомневаюсь, что это женщина, — говорит о прямой заинтересованности Игрока в вербовке на свою сторону творчески мыслящих людей.

— Но ведь и Полуянов, и эта рыжая ведьма могут работать на одного и того же хозяина, — с пренебрежением сказала Мириам.

— Могут, — согласился Игнат. — Хотя ответственности за принятие решения с твоего друга это не снимает.

— Что же мне делать? — пробормотал Ивор. — Отказаться?

— Конечно, отказаться! — Мириам решительно тряхнула волосами.

— Я бы потянул время, — спокойно сказал Ромашин. — Пусть обозначатся оба и хотя бы намекнут, кому они служат. Может быть, кто-то из них все-таки связан с Игроком-джентльменом, выполняющим все правила Игры. В таком случае можно было бы и присоединиться к его команде.

— Я все же не понимаю, что они нашли во мне, — сказал Ивор, виновато покосившись на Мириам.

Та открыла рот, но ее опередил отец:

— Мама тебе ничего не рассказывала?

— О чем?

— О твоих врожденных способностях.

— Н-нет... как будто нет... не помню, если честно.

— Поговори с ней, возможно, узнаешь кое-что интересное для себя. А пока, милые мои, выметайтесь-ка отсюда, мне надо поработать. Держите меня в курсе событий.

Молодые люди вышли из кабинета.

— Что он хотел сказать? — опомнился Ивор.

— То, что ты себя плохо знаешь.

— Но мама никогда мне ничего не говорила о каких-то там способностях... и отец тоже... и вообще я не понимаю, о чем идет речь!

Мириам заговорщицки подмигнула ему, потащила за собой и уже в своей комнате проговорила:

— Во-первых, ты просто не замечаешь своих умений. Я уже не раз удивлялась, когда ты отвечал мне на вопросы, которые я не задавала.

— Что же, по-твоему, я читаю мысли? — скептически хмыкнул Ивор.

— Не читаешь, но интуитивно схватываешь, чувствуешь ситуацию. Ты и моих друзей поразил, когда мы играли в теннис, перехватывая их удары в самый нужный момент. А ведь Боб и Саша — мастера. И во-вторых, я случайно слышала разговор отца с твоей мамой, и он сказал, что ты — потенциальный оператор.

— Что еще за оператор?

— Думаю, это нечто сродни экстрасенсу с выходом на магическое оперирование.

— Значит, мне осталось только вывернуть себя наизнанку и выяснить, что я умею? — улыбнулся Ивор, не придавая особого значения словам девушки.

— Я в это верю! — серьезно ответила Мириам. — Поговори с мамой, может, она знает, как привести тебя в состояние инсайта[1]. А пока что вернемся к нашим баранам. Я сейчас... — Она не договорила.

Снова запиликал вызов видео Ивора.

На этот раз позвонил Федор Полуянов.

— Жданов, ты где находишься?

Ивор и Мириам переглянулись.

— Я скоро буду дома, — уклончиво ответил молодой человек.

— Ничего не хочешь мне сообщить?

— О чем? — Ивор сделал удивленный вид.

— Например, о встрече с красивой рыжеволосой женщиной.

— Откуда вы знаете? — пробормотал Ивор.

— Я обязан знать все. Жду тебя в четырнадцать по среднесолнечному в Управлении. Заодно поговорим и о твоей работе в отделе. Пора определяться.

Изображение головы комиссара погасло.

---

[1] Инсайт — озарение, состояние ясновидения.

Молодые люди молча смотрели друг на друга.

— Мне это категорически не нравится, — сказала Мириам задумчиво. — Судя по всему, за тобой следят работники комиссара, иначе трудно объяснить его информированность о том, кто тебя посещает.

— Я бы заметил...

— Существуют эквидистантные методы слежки, которые практически невозможно обнаружить.

— Откуда ты знаешь?

— Ты забываешь, что я дочь бывшего комиссара. Я много чего знаю и умею. Вот что: время у нас еще есть до встречи с Полуяновым, давай-ка смотаемся на базу, обеспечим себе экипировку, а уж потом пойдем в Управление. Идет?

— Вместе?

— Более удобного момента не придумаешь. Комиссар будет уверен в своей неуязвимости, расслабится, а мы его прижмем и заставим отдать дриммер.

— Так он нас и послушается.

— Ты меня мало знаешь, — подбоченясь, сказала Мириам. — Когда необходимо, я могу быть очень-очень убедительной.

— Хорошо, — согласился Ивор ценой потери душевного равновесия. — Летим на базу.

Девушка подбежала к нему и поцеловала.

Больше он не колебался.

* * *

Игнат слышал весь разговор младшего Жданова с дочерью. Когда они тихонько, не прощаясь, покинули дом, он вызвал по транш-линии особый отдел контрразведки. Виом связи развернулся световым веером и протаял в глубину, открывая вход в тесное помещение с чешуйчатыми стенами и коконом инк-управления. В коконе сидел светловолосый мужчина с угрюмоватым лицом, на котором выделялись крупные губы, крупный же нос и холодные колючие серые глаза. Это был начальник особого отдела секунд-майор Клыков.

— Они направились на Венеру, в район гор Максвелла, восточный внутренний склон кратера Клеопатра.

— На базу ОСС-11, — уточнил Клыков низким голосом.

— Понаблюдайте за этим районом. Мало ли что случится. Боюсь, Жданова ведут.

Майор наклонился вперед, коснулся огонька на «кактусе» вириала, на несколько мгновений замер: разговаривал с кем-то в пси-диапазоне. Окончив разговор, глянул на Ромашина.

— Группа пошла.

— Чья?

— Тео аль-Валида бин-Талала.

— Тогда все в порядке.

— Жданов знает о наших интересах?

— Миа его подготавливает, но он еще сырой, не созрел. Хотя решительности должно хватить.

— Жаль, что он не профессионал по выживанию.

Ромашин усмехнулся.

— Профи спецназа у нас достаточно, нужен именно такой человек — интуиция, порыв и вдохновение. Остальное приложится.

Игнат не знал, что почти дословно повторил речь курьера Игрока в адрес Ивора Жданова.

— Ты прав, — после недолгой паузы сказал Клыков. — Но именно поэтому ему нужна спецохрана. Твоей дочери будет недостаточно, случись что серьезное.

— Ты не знаешь моей дочери, — дернул уголком губ Ромашин. — Хотя группу на всякий случай подготовь.

— По варианту «Аргус»?

— По варианту ВВУ[1] «Шторм».

— Слушаюсь, — кивнул начальник особого отдела, не показав, что удивлен масштабами предполагавшейся функционально ориентированной операции.

— Работай и звони, как пройдут маневры. Кто у нас сегодня следит за комиссаром?

— Пархоменко.

— Пусть не вмешивается, что бы ни произошло.

— Передам. — Клыков поколебался немного, но все же добавил: — Можно вопрос?

— Валяй.

— Тебе не кажется, что парень слишком молод для такого дела?

— Это хорошо, что он молод и неопытен. Никто из наших врагов не будет брать его в расчет.

— Понял. Может быть. Еще вопрос, не относящийся к делу?

— Задавай.

---

[1] ВВУ — внезапно возникшая угроза, императив службы безопасности.

— Зачем Творцу, реализовавшему Древо Времен, Игры на выживание? Почему он сталкивает лбами целые системы цивилизаций?

Ромашин покачал головой.

— Похоже, Ваня, ты начитался Златкова и заболел, раз задаешь такие глубокие философские вопросы. Во-первых, Творец никого не сталкивает лбами, так как не он — организатор Игр, а его ученик. Как бы кто его ни называл. Во-вторых, ты не дочитал труды Атанаса, в последнем из них — об аспектах нового мировоззрения — говорится, что Игра — это просто выражение процесса усложнения и совершенствования Древа Времен.

— А мне кажется, каждая Игра только сокращает варианты развертки Ветвей. Хотя теоретик я слабый...

— Зато критик сильный. Работай и думай, это полезно. Кстати, возможно, ты прав, и начавшаяся Игра действительно направлена на свертку многих Ветвей. До связи.

Виом свернулся в нить, но тут же развернулся снова. На Ромашина взглянули яркие зеленоватые глаза Ясены Ждановой, матери Ивора.

— Что-нибудь с сыном?! — встревожилась женщина.

— Пока ничего серьезного, — ответил Ромашин. — Имеется определенная стадия романа с одной молодой особой.

— То есть с твоей дочерью, — покачала жена Павла Жданова. — Это можно было бы приветствовать, не знай я нрав твоей Миа. Она всегда нравилась мне независимостью суждений, однако иногда она становится слишком самостоятельной и увлеченной.

— Согласен, это далеко не лучшие ее качества, — хмыкнул Игнат. — Порой она бывает слишком независимой, что вредит ей самой. Но уверяю тебя, сына твоего она в обиду не даст.

— В ней течет кровь нашего рода, всегда отличавшегося свободолюбием и независимостью. Я в молодости была не менее увлекающейся натурой, да и твоя Ярина тоже. Где она, кстати? Давно не видела.

— Она пытается запустить на Марсе пивоваренный завод и сутками сидит в Зурбагане. Думаю, объявится не сегодня-завтра.

— Ты отпускаешь ее одну?

— А что с ней сделается? Марс — не центр Галактики. Я звоню тебе по более серьезному поводу. Хочу посоветоваться и поразмышлять о походе Павла.

— Я жалею, что не пошла с ним, — пригорюнилась Ясена. —

У меня были определенные сомнения по поводу планов похода, но интуиции не хватило.

— Не переживай, вытянем мы твоего Павла. Он, к счастью, не один, а с Атанасом. Итак, начнем с базовых позиций. Двадцать лет назад, спустя пять лет после окончания прошлой Игры, началась следующая. Появились новые Игроки, о которых мы почти ничего не знаем, кроме того, что сообщил Посредник. Один представляет собой форму жизни на основе биоядерных реакций, то есть реакций так называемого «холодного» термоядерного синтеза, не имеющую аналогов на Земле и вообще в нашей Ветви. По сути, это «жидкие кристаллы со спонтанно нарушаемой симметрией», способные принимать любую геометрическую форму кроме остроугольной.

— Костров в своей лаборатории создал нечто подобное — удивительная субстанция! Уже есть предложения перевести всю нашу промышленность на создание псевдоживой текучей техники на основе биоядерных технологий.

— Если нет принципиальных возражений, почему бы и нет? Далее. Второй Игрок представляет собой — опять же со слов Посредника — разумную фитоструктуру. Представить трудно, но можно. Это так называемый «медленный объемный разум на основе систем флоры». Данного Игрока мы так и назвали — Мера, по первым буквам слов «медленный разум», в отличие от второго, имя которому — Палач — предложил сам Посредник. Очень символичное имя, надо признаться, весьма многообещающее.

— Если не сказать больше. Боюсь, Посредник не дал нам полного пакета информации о цели Палача и вообще о состоянии Игры.

— Он сказал только, что Палач побеждает, а его действия напрямую затрагивают нашу Ветвь.

— И Ветви многих наших кванков. Может быть, положение еще хуже, и затронут не только наш Куст Ветвей, но и почти все Древо?

— Эта мысль приходит ко мне все чаще, — признался Ромашин, — а посоветоваться не с кем. Златков, к сожалению, ушел с Павлом. Я был против, но Федор настоял на том, чтобы он вошел в команду. Итак, Посредник уговорил Павла подключиться к Игре в качестве независимого судебного исполнителя, для чего необходимо создать кластер Ждановых, то есть объединить всех Павлов во всех Ветвях в с т а ю. И первый же выход за пределы

нашей Ветви привел отряд в ловушку! Почему? Что не сообщил Посредник? Чего не учли мы сами?

— Если бы я знала ответы на все вопросы, мы бы не ошибались. Единственное, что приходит на ум, — это изменение масштабов. Цена Игры такова, что вербовщики Игроков начинают искать союзников и исполнителей все активней, а также устраняют с пути всех, кто может помешать.

— Мне нужен доступ к Стратегу Управления или Мыслителю ИВКа, но так, чтобы не знал Федор. Попробую с их помощью проанализировать ситуацию.

— Я дам заказ якобы от ВКС или лучше от СЭКОНа, — пообещала Ясена; речь шла о доступе к большим инк-системам.

— С Федором давно общалась? Что он говорит?

— Он делает вид, что развил бурную деятельность по розыску Павла и якобы собирается запустить в Ствол еще один спецотряд.

— Это интересно. Мы сможем внедрить в отряд своего человека?

— Постараемся. Ваня Клыков вроде бы является одним из кандидатов.

— Тогда у меня все. — Ромашин поколебался несколько мгновений, но о деятельности сына Ясене так и не сказал. Ей и без того хватало переживаний за мужа.

ГЛАВА 7

Первые достоверные сведения об условиях на поверхности Венеры были получены еще в конце шестидесятых годов[1] двадцатого века, когда на планету один за другим посыпались зонды и спускаемые аппараты, запущенные Советским Союзом и Соединенными Штатами Америки.

Уже тогда стало известно, что атмосфера Венеры почти целиком состоит из углекислого газа, температура воздуха у поверхности близка к четыремстам шестидесяти градусам по Цельсию, а давление достигает девяноста атмосфер. Кроме того, было установлено, что толщина облачного покрова планеты составляет от тридцати до сорока километров, причем верхний слой облаков состоит из капелек концентрированной серной кислоты. Таким образом, освещенность поверхности Венеры оказалась пример-

[1] В 1967 году поверхности Венеры достиг спускаемый аппарат советской межпланетной станции «Венера-4».

но такой же, как в пасмурный день на Земле. Цветовая же палитра венерианского пейзажа была близка средневолновому диапазону видимой части спектра: здесь преобладали зелено-коричневые тона, так как синие и голубые лучи поглощались необычайно плотной атмосферой.

Впоследствии люди узнали, что на Венере случаются грозы намного мощнее земных и что ураганные ветры, постоянно дующие со скоростью до ста метров в секунду на высоте верхней границы облачного слоя, сменяются у поверхности легким «ласковым» дуновением около одного метра в секунду.

Первый пилотируемый полет на Венеру состоялся в две тысячи двадцатом году и едва не закончился трагически. Спускаемый аппарат отнесло от предполагаемого места посадки на двести с лишним километров, и сел он в ущелье, откуда не смог потом взлететь. Пришлось сажать второй модуль и забирать экипаж первого.

Однако и в начале двадцать четвертого века, несмотря на создание сети мгновенного транспорта (метро) и успешное освоение галактических просторов, эта планета оставалась почти не тронутой из-за своих специфичных условий. К тому же на ней была обнаружена жизнь, хотя и весьма своеобразная — на основе кристаллических соединений углерода. Образуя причудливые фестоны, арки, башенки, ротонды, грибообразные наросты, «живые» кристаллы графита, гексавита и алмаза селились в наиболее жарких районах Венеры, и открытие сверкающих «городов» стало сенсацией, хотя держалась эта сенсация недолго — до второй экспедиции на планету. И все же естественные творения местной природы были великолепны. Их текучими переливами можно было любоваться бесконечно, как языками огня в костре или текущей водой. А сохранилась эта форма жизни на Венере лишь благодаря особенности всего живого: стоило отделить от тела «кристаллической грибницы» хотя бы один кристалл, как он через некоторое время распадался в черный графитовый порошок. Именно поэтому люди и не истребили кристаллидов Венеры ради использования их тел в ювелирной промышленности, для украшений, как они это сделали на Земле с моллюсками-жемчужницами.

Секретная база службы безопасности, о которой говорила Мириам, была оборудована в пещере на восточном внутреннем склоне кратера Клеопатры. Кратер этот диаметром девяносто пять километров (на самом деле он двойной, внешний — диамет-

ром девяносто пять, и внутренний — пятьдесят пять) располагался на плато Лакшми, самой высокой части гор Максвелла, и был окружен почти параллельными хребтами-складками, отстоящими друг от друга на пять-пятнадцать километров и тянущимися на сотни километров. Больше всего этот бороздчатый рельеф напоминал морщинистую шкуру моржа, каковое сравнение сделал Ивор, стоя на вершине пика Максвелла и с высоты одиннадцати с половиной километров обозревая горную страну.

Мириам стояла рядом в таком же «кокосе», что и он, похожая на удивительное существо с конусообразной головой и блестящей шкурой (в спецкостюмах типа «кокос» можно было купаться в солнечной фотосфере или разгуливать по ледяным равнинам Плутона), и с таким же романтическим восторгом созерцала дикий пейзаж Венеры.

Оказались они на вершине самой высокой горы Земли Иштар, которой принадлежали и горы Максвелла, и плато Лакшми, лишь по прихоти Мириам, которая захотела опробовать «кокосы», найденные на базе. Но до этого молодые разведчики несколько часов провели в отсеках базы, прибыв сюда по «замороженной» линии метро. Код выхода, известный Мириам, оказался действующим, и прямо из кабины метро университета в Минске они вышли в отсек метро базы.

Инк базы встретил их неласково, огорошив вопросом: есть ли у них доступ степени «А»? Такого доступа ни у Ивора, ни у Мириам не было, и победного шествия по всем помещениям базы, запрятанной в толще базальтовых пород кратера, не получилось. Инк разрешил им лишь посетить зону отдыха и отсек внешнего выхода, где они обнаружили «кокосы». Но ни на оружейный склад, ни в ангар со спецоборудованием гости базы не попали, и надежды Мириам на получение оружия и аппаратуры пси-идентификации не оправдались. Им достались только «универсалы», входящие в стандартный комплект для выхода наружу, блоки НЗ и аптечки.

— Что ж, с паршивой овцы хоть шерсти клок, — не упала духом Мириам. — Придется добывать оружие и спецуху в другом месте.

Ивор с интересом посмотрел на девушку, знавшую словечки из жаргона тревожных служб. «Спецуха» на этом жаргоне означала аппаратуру специального назначения.

Побродив по доступным помещениям базы, оценив комфорт зоны отдыха: жилые модули были довольно большими и имели

все необходимое для отдыха и удовольствия, вплоть до мини-баров, игровых зон и шикарных пневмодиванов (таких уже не делали), — гости посидели в одном из модулей, пытаясь представить, кто здесь жил, потом облачились в «кокосы» и вышли наружу через тамбур-вход.

Короткий коридор привел их к металлической на вид стене, которая оказалась видеофантомом. Вход в пещеру, ведущую к базе, был замаскирован генератором динго[1], создающим видимость твердого скалистого выступа. Отыскать вход со стороны, даже имея локатор, в склоне кратера со множеством каверн и пещер было нелегко.

Выйдя из скалы, как привидения, молодые люди включили антигравы и, поднявшись над кратером, некоторое время созерцали зелено-оранжево-коричневые горы и желтое дно гигантской астроблемы, состоящей из двух ударных кратеров. Потом поднялись выше и устроились на вершине пика Максвелла, с которой можно было увидеть чуть ли не всю поверхность Венеры: из-за очень плотной атмосферы рефракция была чудовищно сильной.

Вид с вершины горы оказался настолько великолепным, что Ивор не удержался и тихо и торжественно прочитал вслух:

Орлом раскинув крылья, с высоты
Я вниз глядел, на жизнь мою, что ныне
Песчинкою затеряна в пустыне.
И красота, низвергнутая в ад,
Звала меня! Звала меня назад!

— Как здорово! — воскликнула Мириам. — Прямо под настроение! Это ты прямо сейчас сочинил?

— Это не я, — смутился Ивор. — Старинный поэт.

— Какой? Я как будто неплохо знаю классику.

— Эдгар По.

— Да, конечно, вспомнила, я читала По в юности. «Ворон» — его стихотворение?

— Его. — Ивор вдруг почувствовал смутное беспокойство, оглядел зеленовато-серый клочкастый небосвод, близко-далекий горизонт (впечатление было такое, будто они стоят в центре гигантской чаши с поднимающимися вверх морщинистыми краями).

Нельзя было сказать, что Венера пустынна и безлюдна, все-таки на ее поверхности люди успели построить десятка три ку-

[1] Динго — аппарат динамической голографии.

польных городов и станций, десятка два шахт, карьеры и заводы по производству силикатов и углепластиков, но местность вокруг пика Максвелла, и вообще плато Лакшми, была слишком пересеченной и дикой, ближайший город был расположен в двухстах с лишним километрах от кратера Клеопатры, за хребтами гор Акны, и все же Ивору показалось, что они с Мириам здесь не одни.

— Миа, давай уйдем отсюда, — пробормотал он.

К его удивлению, девушка отреагировала на его слова без обычного шутливого подначивания, сразу оценив состояние молодого человека.

— Ты что-то увидел? — быстро спросила она.

— Не увидел, но... такое впечатление, что на нас смотрят по крайней мере с двух сторон!

— Тогда сматываемся домой!

Мириам сорвалась с обрыва и стремительно понеслась вниз, к восточному склону кратера Клеопатры. Ивор устремился за ней, выписывая крутую дугу пикирования. И тотчас же за ними хищно кинулся почти невидимый в сумеречном свете венерианского дня треугольник когга, появившийся словно из воздуха.

Дальнейшее произошло в течение нескольких секунд.

До спасительного скального выступа, прикрывавшего входной коридор базы, оставалось всего две-три сотни метров, когда когг открыл стрельбу.

Мириам, летевшая в сотне метров впереди, продолжала мчаться с прежней скоростью, но в момент залпа внезапно сделала петлю и открыла огонь по преследователям из «универсала». Ивор же поступил точно так же, доверившись интуиции, — отвернул влево, и огненная трасса прошла мимо. К счастью, преследователи применили плазменную пушку, а не «глюк» или антимат. В противном случае шансов спастись у беглецов бы не было. В данной ситуации, несмотря на то что огонь вел инк аппарата, залп не достиг цели, а второго не последовало.

Во-первых, световая очередь «универсала» — Мириам применила лазерную насадку — пришлась по кабине когга, ослепив пилота и сбив прицел инка. Во-вторых, откуда-то возник еще один когг и открыл по первому огонь из более серьезного оружия. Трасса неярких штрихов — разряд «глюка» — перечеркнула треугольник агрессора, и тот, задымив, отвалил в сторону.

— Не отвлекайся! — крикнула Мириам замешкавшемуся Ивору.

Жданов метнулся за ней, и молодые люди, проскочив коричнево-желтый бок скалы, ввалились в пещеру.

— Никогда себе не прощу! — бросила в сердцах девушка, подталкивая Ивора в спину. — Можно было предвидеть, что нас вычислят!

— Кто? — тупо спросил Ивор.

— Дед Пыхто! Ты медлишь с ответом вербовщику Игрока, этого достаточно, чтобы на тебя оказали более серьезное давление или вообще ликвидировали для предупреждения утечки информации.

— А кто нам помог?

— Узнаем. Пока это не имеет значения. Надо убираться отсюда. Хорошо, что твоя интуиция не спит, даже когда ты сам спишь.

— Я не сплю, — запротестовал Ивор.

— Это я образно.

Люк в тамбур базы открылся. Первой в него влетела Мириам, за ней Ивор. Люк за его спиной встал на место, отодвинулась ребристая пластина входа в технический холл базы. И тотчас же Ивор ощутил дуновение холодного ветра угрозы.

— Не входи туда! — крикнул он.

Мириам по инерции сделала шаг вперед и... выстрелила!

Ее выстрел оказался неожиданным не только для Ивора, — девушка действовала как бывалый телохранитель! — но и для того, кто ждал их в холле. Она опередила его буквально на долю секунды, сбив ему прицел. Ответный выстрел лишь задел ее плечо, срезав турель с «универсалом».

Мириам развернуло на девяносто градусов и отбросило назад, так что Ивору стали видны холл и две зеркально бликующие фигуры, одна из которых согнулась пополам, а вторая двигалась к люку. Тогда он выстрелил сам и одновременно мысленно вскричал, обращаясь к инку: «Закрой тамбур!»

И люк закрылся, отрезая холл с неизвестными от тамбура.

Ивор бросился к присевшей на корточки девушке.

— Жива?! Не ранена?!

— Вот гады! — с неожиданным хладнокровием проговорила она. — Засаду нам устроили! Ну, вы у меня попляшете!

Ивор взял ее под локоть, чтобы помочь встать, но она высвободилась и легко вскочила сама.

— Не волнуйся, со мной все в порядке. Этот гад стрелял из «дракона», а «кокос» пулей пробить трудно. Как тебе удалось закрыть люк?

— Сам не знаю, — пробормотал Ивор. — По-моему, я крикнул инку, чтобы он загерметизировал тамбур.

— Не слышала я никакого крика... да и не слушается инк базы таких приказов, исходящих не от полномочного персонала. Ладно, потом разберемся, давай выбираться из ловушки.

— А если на выходе нас ждут те стрелки, из когга?

— Когг подбит, я видела, как он задымил и отвалил. Но не уверена, что это сделали наши друзья. Эх, нам бы «глюк»! Или по крайней мере «шукру»! Я бы им показала, где раки зимуют!

— Ты ведешь себя как заправский безопасник, — хмыкнул Ивор, с уважением и недоверием глядя на девушку. — Словно всю жизнь сражаешься с террористами.

— Не сражаюсь, но постоять за себя смогу. И за тебя тоже. Ты просто мало меня знаешь. Папа с трех лет воспитывал меня как мальчишку, я даже в школу выживания ходила... — Мириам замолчала, прислушиваясь к чему-то. — Уходим, а то они откроют люк и перестреляют нас, как куропаток.

В следующее мгновение люк собрался гармошкой, открывая вход.

— К стене! — скомандовала девушка.

Ивор послушно отпрыгнул в угол тамбура, ловя нашлемным прицелом отверстие люка, ожидая выстрела оттуда. Мириам сделала то же самое, вжавшись в стену с другой стороны. Но никто не стрелял и в тамбур не врывался. Прошла секунда, вторая, третья...

— Эй, путешественники, — донесся из холла чей-то гортанный энергичный голос, — можете выходить. Здесь уже тихо и спокойно.

— Кто это? — прошептал Ивор.

— Тео? — неуверенно проговорила Мириам и повторила вопрос через звуковую мембрану «кокоса».

— Совершенно верно, сеньорита, — отозвался обладатель гортанного голоса. — Тео аль-Валид собственной персоной.

— Наши! — взвизгнула девушка, бросаясь к люку и проскальзывая в отверстие.

Ивор степенно вошел следом.

На матово-сером полу холла он увидел два тела в бликующих зеркальных балахонах и валяющееся оружие: устрашающего вида карабин и «универсал». Чуть поодаль стояли два парня в таких же костюмах, но с откинутыми шлемами. Один был черноволос и смуглолиц, второй — пониже ростом — рыжий, с белыми ресницами. Мириам подбежала к черноволосому, на ходу свертывая конус шлема (собирался он складками-пластинками к плечам), и протянула ему руку.

— Привет, ротмистр. Вот уж кого не чаяла увидеть. Какими путями вас сюда занесло?

— Стреляли, — улыбнулся смуглолицый, переводя глаза на Ивора. — Это твой друг?

— Ивор Жданов, — представила спутника девушка, — поэт и квистор и, естественно, мой друг. Мы тут слегка похозяйничали...

— Да уж, слегка. Инк базы уже пожаловался нам на ваши приказы, но ты же знаешь, он не подчиняется даже мне. Тебе же придется объясняться с отцом.

— Ничего не поделаешь, придется, — вздохнула с унылым видом Мириам. — Он мне устроит взбучку. А кто это нас тут ждал? Вы их... убили?

Тео аль-Валид перевел взгляд на тела в скафандрах.

— Одного обездвижили. — Он спрятал в захват на поясе гипноиндуктор «слон». — Второй ранен, сам потерял сознание. Ты стреляла?

— Так получилось.

— Молодец, точный выстрел. Не зря я тебя тренировал.

Мириам оглянулась на Ивора.

— Тео — мой инструктор по стрельбе. А это Дима Лежич, мой тренер по русбою.

Рыжий Дима исподлобья глянул на Ивора, вдруг улыбнулся и протянул ему широкую ладонь.

— Очень приятно.

— Взаимно, — вежливо сказал Ивор.

В холл из коридора, ведущего в недра базы, вышел еще один мужчина в «кокосе», огромный, как шкаф, с мрачноватым бугристым лицом и черными глазами, седой.

— Привет, непоседа. — Он перевел взгляд на Ивора. — Здравствуйте, Ивор Жданов.

— Это Иван Клыков, — несколько стушевалась Мириам, — секунд-майор контрразведки.

Клыков мельком взглянул на тела людей, устроивших засаду.

— Их было четверо, — сказал Тео аль-Валид. — Двое здесь, двое сбежали.

— Обыщите все отсеки на всякий случай. И смените код входа метро.

Тео подтянулся, кивнул.

Гигант еще раз глянул на Ивора и вышел.

— Мне приказано доставить вас домой, — продолжал командир группы, — но вы и сами доберетесь. Только придется сдать оружие.

Мириам сдвинула брови.

— Тео, не напрягай голосовые связки. Спасибо тебе, конечно, за помощь, и все такое прочее, но «универсал» я не отдам. Он мне может пригодиться в любой момент. Ты же видишь, что происходит. За Ждановым чуть ли не охота началась.

— Отец будет недоволен.

— С папенькой я как-нибудь договорюсь.

Тео перевел задумчивый взгляд с лица Мириам на Ивора и обратно, почесал кончик носа и кивнул.

— Что ж, тебе видней, я умываю руки. Но помните: вас здесь не было.

— Спасибо, ротмистр! — Мириам хлопнула ладонью в перчатке по его подставленной ладони, махнула рукой Ивору. — Поехали, Жданов, — и первой направилась к выходу из холла.

Мужчины посмотрели ей вслед.

— Очень решительная молодая особа, — осклабился рыжий Дима. — С ней не соскучишься.

— Ангел с «универсалом», — добавил Тео аль-Валид с непонятными интонациями, покосившись на Ивора. — Вы давно с ней знакомы?

— Четыре дня, — честно признался Ивор.

— Тогда у вас все еще впереди.

Ивор непонимающе посмотрел на безопасника и поспешил на зов Мириам, так и не уяснив, что имел в виду Тео.

Через несколько минут они были на Земле.

* * *

Происшествие на венерианской базе службы безопасности не остудило намерения Мириам добиться своего. Она лишь с большим упорством стала готовиться к прорыву в Ствол и подключила к решению этой задачи всех своих знакомых в тревожных службах, кому доверяла так же безоговорочно, как и отцу. Она же настояла и на том, чтобы Ивор поговорил со своей мамой о визите посланницы Игрока (не говоря ей о сражении на Венере, чтобы не волновать лишний раз) и полюбопытствовал, как бы невзначай, чем он мог заинтересовать самого Игрока.

Разговор с мамой Ясеной получился действительно интересный, хотя убедить сына в его экстраспособностях, якобы просчитанных еще до рождения медиками родильного дома, ей не удалось.

— Почему-то я вовсе не чувствую себя исключительной лич-

ностью, — сказал Ивор, когда они уже заканчивали часовую беседу.

— Это меня радует, — сказала Мириам, почти не принимавшая участие в разговоре: она пришла уже в конце, когда Ивор выяснил практически все подробности своего рождения и воспитания. — Ваш сын — просто чудо, но слишком открыт и непосредствен. Я бы хотела немного позаниматься его воспитанием.

Ясена с некоторым сомнением посмотрела на Мириам, державшуюся подчеркнуто строго и серьезно.

— Что ж, возьмись, девочка. Надеюсь, это поможет ему оценить мир с другой стороны.

— И все же ты не объяснила мне, что за программа вложена в меня, — упрямо заявил Ивор. — Чего мне бояться или чему радоваться.

— Не программа, — мягко возразила Ясена, — а возможности. И тебе надо очень постараться, чтобы их реализовать.

— Но я их не вижу! Не чувствую!

— Их надо разбудить.

— Как?!

— В принципе это могут сделать специалисты Центра нетрадиционной медицины у нас в России или в Мексике, там у меня есть друзья. Но мы с отцом считаем, что твой пси-резерв должен проснуться в естественных условиях, без технологической помощи.

— Почему же он до сих пор не проснулся?

— Ты не готов, сынок, — мягко проговорила Ясена. — Большие возможности — это прежде всего большая ответственность, твердая воля, способность предвидения каждого действия, великая доброта, наконец.

— Что же, по-твоему, я злой? — нахмурился Ивор.

— Ты добрый, обладаешь хорошей интуицией и даже бываешь тверд в намерениях, хотя отец называет это твое качество упрямством, но ответственности тебе еще не хватает. А природа не ошибается. Если она не дает прямого выхода к высотам знания и деяния, значит, так надо. Потерпи немного.

— Мы потерпим, — пообещала Мириам. — Я беру над ним шефство, если не возражаете. Он обязательно вырастет над собой и станет великим человеком.

— Не сомневаюсь, — проговорила Ясена, пряча сомнения на дне глаз. — Только не забывайте: чтобы добиться успеха в этом мире, одного стремления к цели недостаточно, нужны еще хорошие манеры.

Ивор с любопытством посмотрел на мать, повторившую из-

вестное высказывание Вольтера, но в слегка подправленном виде[1]. Она не была уверена в правильности подхода сына к проблеме и сомневалась в его выборе. Но она была матерью и имела право на сомнения.

Он перевел взгляд на Мириам. По ее виду нельзя было судить, поняла ли она намек мамы, однако Ивор почему-то был уверен, что поняла. В уме Мириам отказать было невозможно, как, впрочем, в красоте и решительности.

Они попрощались с Ясеной, выслушали ее напутствие тщательней продумывать каждый свой шаг, и Мириам в кабине такси пожаловалась спутнику:

— Я ей не понравилась. Как ты думаешь, почему? Наговорила лишнего?

— Во-первых, ты ей понравилась, — запротестовал Ивор. — Иначе она никогда бы не доверила тебе взять шефство надо мной. — Он улыбнулся. — Вообще ты меня иногда поражаешь. То ты совсем девчонка, то мастер воинских искусств, то серьезная дама-воспитательница.

— Спасибо, — фыркнула Мириам. — Серьезность — не всегда положительное качество. Как бы сказал мой папаня: серьезность — последнее прибежище заурядности. Чем ты еще меня утешишь?

— Во-вторых, мама беспокоится за меня и не хочет, чтобы я рисковал жизнью, что вполне естественно.

— Может быть. Моя мама тоже такая, хотя всегда мне все разрешала. Слушай, давай я тебя с ней познакомлю? Она сейчас на Марсе, в Зурбагане, строит какой-то завод.

— Нам же надо идти к Полуянову. Разве что потом, после встречи, если получится.

— Я совсем забыла о приглашении комиссара, — поморщилась Мириам, оглядываясь на пинасс, мчавшийся за их такси в некотором отдалении. — Летим ко мне домой, переоденемся в уники понадежней и пойдем к комиссару. Надеюсь, он расскажет правду о твоем отце и отдаст дриммер.

— А если нет?

— Что-нибудь придумаем, — беззаботно махнула рукой дочь Ромашина.

---

[1] Чтобы добиться успеха в этом мире, одной глупости недостаточно, к ней нужны еще хорошие манеры.

ГЛАВА 8

Вздании Управления аварийно-спасательной службы Ивор бывал всего два или три раза, да и то в детстве, когда отец брал его с собой. На сей раз молодой квистор летел туда не как свободный посетитель, а как человек, не имеющий права отказаться от посещения, которому пришел официальный вызов. Впрочем, вины за собой он не чувствовал (приключение на Венере с погоней и стрельбой было инсценировано неизвестными лицами, он только защищал свою жизнь) и летел на встречу с комиссаром с легкой душой. Идея Мириам «надавить» на Полуянова казалась невыполнимой, поэтому ситуация должна была разрядиться сама собой, а о том, что они будут делать дальше, Ивор не задумывался.

Дочка Ромашина посещала Управление, в котором располагалась и служба общественной безопасности, гораздо чаще своего спутника и тоже особенно не переживала за исход встречи с комиссаром. К тому же там у нее были свои связи, друзья и приятели, которые могли помочь при необходимости.

Добирались они, однако, не воздушным транспортом, а веткой метро, код выхода которой был известен Мириам еще со времен работы отца комиссаром, поэтому полюбоваться на огромное, сложное, гармоничное, красивое здание УАСС не пришлось.

В коридорах Управления было немноголюдно, тихо, солнечно (потолки излучали натуральный дневной свет), витали приятные лесные запахи. Скоростной лифт доставил прибывших из зала метро на сто первый этаж здания, где располагался кабинет комиссара наземной службы безопасности, они вышли и остановились перед прозрачной перегородкой, за которой начинался коридор с двумя десятками дверей, ведущих в служебные модули руководителей Управления разного уровня.

В глубине прозрачного материала перегородки высветилась надпись: «Прошу прощения. Чем могу быть полезен?»

— Мы по вызову комиссара, — ответила за Ивора Мириам.

Надпись погасла, появилась другая: «Еще раз прошу прощения, мисс, но в моем формуляре стоит лишь фамилия Жданов. Вашей фамилии нет».

— А если мы вместе?

«Это исключено. Комиссар ждет Ивора Жданова».

— Обратись к нему, он разрешит.

«Уже обратился, но ответ вас не обрадует. Вам придется подо-

ждать своего спутника в уголке отдыха. Налево по коридору, пятнадцать шагов. За вами поухаживают».

— Спасибо, цербер! — сердито бросила Мириам, поглядела на Ивора. — Придется тебе выкручиваться одному. Если что не так — дай знать, я буду ждать тебя здесь до упора.

Ивор кивнул.

«Проходите, пожалуйста», — зажглись два слова в толще перегородки, и тотчас же в ней образовался прямоугольник входа.

Мириам удержала Ивора за руку, шепнула на ухо:

— Не нравится мне это. Будь внимателен!

— Буду, — пообещал Ивор, сам чувствуя легкое беспокойство, и шагнул в дверь.

В коридоре прямо из воздуха сформировался крепкий мужчина в сером унике — фантом инка, обслуживающего зону службы безопасности.

— Идемте, я вас провожу.

Он зашагал вперед как живой человек. Ивор оглянулся на Мириам и двинулся за провожатым.

Дверь в кабинет комиссара с табличкой «Федор Полуянов. Комиссар НФСБ-2» располагалась в тупике другого коридора, перпендикулярного входному. Дверь открылась. Ивор вошел.

Рабочий модуль комиссара мало чем отличался от кабинета отца: те же янтарные стены с проступающими в глубине «пчелиными сотами», с искрами света внутри, тот же матово-черный пол, «облачный» потолок, кокон управления зоной связи, вириал инка, столик в углу с тремя креслами. Ничего лишнего, если не считать старинного плоского портрета какого-то человека на стене.

— Проходи, садись, — сказал Федор Полуянов, сидевший в коконе за полупрозрачным «лепестком». — Я сейчас освобожусь.

Ивор сел в одно из кресел, с любопытством разглядывая портрет на стене и гадая, кому он принадлежит. Волнение, поднявшееся в душе при подходе к рабочему модулю комиссара, слегка улеглось, но все же некий душевный трепет остался. Ивора не каждый день вызывали в службу общественной безопасности, и пустяками эта служба не занималась.

Кокон оперативно-компьютерной системы раскрылся как своеобразный тюльпан, из него вылез Полуянов, приглаживая волосы на висках. Достал из скрытого в стене бара бутылку тоника, отпил пару глотков и поставил обратно, не предложив гостю.

У Ивора внезапно заныло под ложечкой: он только теперь уловил настроение друга отца, и оно явно находилось в миноре.

— Рассказывай, — сказал Полуянов, останавливаясь у кресла; садиться комиссар не стал. — Сиди, — остановил он попытку молодого человека встать.

— Что рассказывать? — пробормотал Жданов.

— О визите рыжеволосой дамы. — Полуянов пристально посмотрел на гостя, снова пригладил волосы на виске. — О бое на Венере в районе кратера Клеопатры.

— Нас там не было, — вырвалось у Жданова.

Брови комиссара подпрыгнули.

— Кого это — нас?

— Я слышал о перестрелке на Венере от мамы, — попытался выправить положение Ивор, — но сам в это время был с подругой в... одном месте.

— Ты не умеешь врать, парень, — усмехнулся Полуянов. — Я знаю, что именно ты находился в горах Максвелла, к тому же не один, а с дочерью бывшего комиссара Ромашина. И именно на вас было совершено нападение, связанное, очевидно, с визитом рыжей красавицы. Кто вам помог отбить атаку?

— Я не понимаю, о чем вы говорите, — упрямо сдвинул брови Ивор, отводя глаза.

Полуянов вздохнул.

— Было бы лучше для нас обоих, а для твоего отца в особенности, если бы ты рассказал мне все как есть. Правду!

— Мне нечего рассказывать... и уж если говорить о правде, то вы первый должны мне рассказать правду об отце...

— Это секрет службы.

— Тогда и у меня пусть будут секреты, недоступные посторонним людям!

Полуянов хмыкнул, смерил Ивора жалостливо-насмешливым взглядом, подошел к разверстому кокону.

— Ты ошибаешься, квистор. У тебя не должно быть секретов от службы безопасности. Но у меня нет времени объяснять тебе очевидные вещи. Или ты рассказываешь все, или...

— Вы просканируете память? — криво улыбнулся Ивор.

— Ты не оставляешь мне другого выбора. — Полуянов ткнул пальцем в один из огоньков на светящейся тумбе вириала. — Басанк, зайди.

В кабинет вошел огромный, бугристый от мышц молодец в обтягивающей могучий торс камуфляжной «облипке», с ничего

не выражающим лицом, с квадратной прической по моде «хэвибрейн». Скользнув равнодушным взглядом по лицу Ивора, он вытянулся перед хозяином кабинета.

— Объект отказывается сотрудничать с нами добровольно. Займись им. Но не переборщи, он нам еще понадобится.

Гигант шагнул к столику, за которым сидел Ивор.

— Пошли.

— Никуда я с вами не пойду! — возмущенно выпалил Ивор.

В следующее мгновение огромная рука схватила его за отвороты куртки и одним движением выдернула из кресла, так что он повис в воздухе, не задевая ногами пол.

— Ну? — посмотрел на него одним глазом комиссар. — Решай. Сам все расскажешь или после применения спецметодов допроса?

— Я буду жаловаться! — прохрипел Ивор, тщетно пытаясь освободиться.

Полуянов махнул рукой, и Жданов получил короткий и сильный удар в живот. Перехватило дыхание. В глазах потемнело, завертелись огненные колеса. Рот наполнился горечью. Еще через несколько мгновений он стал тонуть в тишине и темноте. Последнее, что он услышал, были слова Полуянова:

— Я же сказал — не перестарайся, болван! Он всего лишь мальчишка, простой мечтатель, а не суперагент ноль-ноль-семь...

Что-то дрогнуло в душе, реагируя на оценку «простой мечтатель» и «мальчишка». На миг словно включилось второе дыхание, и он стал видеть себя как бы со стороны. Захотелось доказать этим черствым людям, что и он чего-то стоит. Ивор дернулся в руках помощника комиссара, обжигая его взглядом, крикнул мысленно: «Отпусти!»— и тут же вслед за этим: «Миа, помоги!»

Рука Басанка разжалась, Ивор упал на пол, и ему показалось, что на голову рухнул потолок. Получивший неожиданный псиудар от непокорного объекта, гигант в ярости ответил Ивору ударом по голове огромным кулаком. И лишь потом опомнился, с опаской глянув на взбешенного комиссара.

— Черт бы тебя побрал! — взорвался Полуянов.

— Он меня обжег чем-то...

— Взглядом, что ли? Неси его в лабораторию к Левинзону, — буркнул Полуянов, остывая, озабоченно щупая пульс Жданова. — Пусть поднимет тонус и подключит к «правдососу». Я скоро приду.

— Там его девчонка ждет.

— Пусть ждет. Через полчаса мы его выпустим, а помнить он будет лишь то, что мы ему оставим.

Басанк кивнул, подхватил безвольное тело молодого человека и вынес из кабинета.

* * *

Он плыл сквозь тьму, тьму и тьму... тишину, тишину и тишину... безвольный и безмолвный...

Затем что-то начало меняться вокруг.

Тьма, тьма... тишина, тишина...

Тьма... тишина...

Полутьма... тусклое шипение...

Полусвет... шипение...

Неяркий ровный свет, тени... шорохи...

Свет, свет... шорохи, скрипы, стук, гул, чьи-то голоса... ощущение несвободы...

Он попытался пошевелиться, но его остановил очень мягкий, тихий, раскатистый шепот:

— Не-е то-о-ро-о-пи-ись...

— Кто здесь? — замер Ивор.

— Тво-о-е-е вто-о-ро-о-е-е «я-а-а»...

— Значит, я разговариваю сам с собой?

— Про-о-и-и-зо-о-ше-ел спо-о-нта-а-нный про-о-рыв глу-у-боо-кой пси-и-хи-и-ки в сознание... ты находишься в измененном состоянии... при-и-выка-ай...

— Как это произошло? — Ивор напрягся и вдруг вспомнил последние события. — Меня же ударили по голове! Поэтому я попал в измененное состояние?

— Не-ет... это произошло раньше... ты начал сопротивляться на пси-уровне... и тебя ударили...

— Пора действовать! Мириам не знает, что со мной случилось. Они хотят прочистить мне мозги! Сколько времени уже прошло?

— Мы с тобой сейчас вне времени... готовься... но не суетись, сначала изучи обстановку... тебе будет нелегко привыкнуть...

— Ничего, соображу, что к чему. Начинай отсчет.

— Не спеши... десять, девять, восемь... тебя подключили к «детектору лжи», или «правдососу», как все здесь называют систему целенаправленного психофизического воздействия... семь, шесть, пять... для считывания информации в памяти и ввода

ложной информации в подсознание... четыре, три... я в состоянии заблокировать эту информацию, но лучше не рисковать... два, один, ноль!..

В глаза Ивору брызнул р е а л ь н ы й свет, в уши хлынула волна звуков: пощелкивание, шаги, мелодичные звоночки, человеческие голоса, шорохи, — тело обрело плотность и вес, появились ощущения неловкости, давления, боли. Не шевелясь, Ивор осторожно огляделся.

Он лежал полуголым в глубине саркофага из прозрачного материала с прихваченными к ложу запястьями рук и лодыжками ног. На груди и на животе были прикреплены розовые кругляши присосок с иголочками съемов, из которых били в нависшие фасетчатые щиты тоненькие лучики света. Такой же кругляш, только побольше в диаметре, торчал посреди лба Ивора, создавая ощущение холодного щупальца, высасывающего кровь из головы.

Помещение явно принадлежало медцентру или биолаборатории, судя по заполняющей его аппаратуре. В нем находились четыре человека: гигант Басанк, прислонившийся плечом к двери со скучающим видом, бородатый мужчина с широкими бровями и взглядом Мефистофеля, мужчина помоложе, розовощекий и полный, и женщина с угрюмым желтоватым лицом, на котором было написано презрение ко всему на свете. Эти трое колдовали у вириала местного инка и у панели саркофага, переговариваясь между собой на узкоспециальном жаргоне ученых мужей.

— Мистика какая-то! — сказала женщина, оттопырив губу. — У него парадоксальная реакция на левый торс[1]. Либо это следы дистантной блокады, либо мотивация скрытого паранормального носителя.

— Давайте прогоним тест на подпороговой по невербальным каналам, — предложил розовощекий. — Может быть, он уже является носителем суггестивного приказа?

— Проверим, — буркнул «Мефистофель».

— Он очнулся, — сказала женщина.

Все трое посмотрели на Ивора.

— О с в о б о д и т е меня! — раздельно сказал он.

Троица замерла. Великан Басанк перестал чистить ногти и уставился на Ивора удивленным взглядом. В помещении стало тихо.

— О с в о б о д и т е меня! — повторил Ивор, внезапно покрываясь холодным потом. Волна слабости едва не накрыла его с го-

[1] Имеется в виду «левозакрученное» торсионное поле.

ловой. Это была реакция организма на включение магического волеизъявления, но он этого еще не знал.

Трое работников пси-лаборатории СБ как в сомнамбулическом сне послушно подошли к саркофагу, отстегнули обручи на запястьях рук Жданова, начали отсоединять присоски датчиков и отключать каналы медкомбайна.

— Эй, что вы там делаете? — нахмурился Басанк; пси-приказ Ивора на него практически не подействовал.

«Мефистофель» оглянулся на него, завороженно глянул на Ивора, прислушиваясь к чему-то, глаза его стали проясняться, в них разгорелся огонек понимания и недоумения. Руки перестали отсоединять датчики и освобождать ноги Ивора из захватов.

— Всемилостивый Иезод! — прошептал он. — Этот парень нас... подчинил!

Басанк в два шага пересек помещение, отшвырнул начальника лаборатории в сторону, ударом ладони в грудь опрокинул Ивора на ложе саркофага.

— Лежать! Пеленайте его! Быстро!

Ивор посмотрел в глаза гиганта, мысленно закрыл ему рот и внятно выговорил:

— Спи!

Басанк вздрогнул, замер на мгновение. Женщина с неприятным выражением лица и розовощекий толстяк послушно закрыли глаза и опустились на пол, хотя приказ Ивора их не касался. Осоловел и «Мефистофель», присев на корточки возле саркофага «детектора лжи». Но Басанк не уснул! Он с мрачной улыбкой погрозил Ивору пальцем и произнес:

— Не шали, малыш. Я хоть и не витс, но хорошо защищен и не боюсь направленного внушения. А комиссар тебя, похоже, недооценил. Жаль, что я не имею права тебя убить, — приказ комиссара, — но вот покалечить могу и сделаю это с удовольствием.

Он неожиданно нанес удар в живот лежащему Ивору тяжелым как молот кулаком. Однако Ивор напрягся, уходя в пустоту (интуитивно, не размышляя), определенным образом развернул вектор энергии удара, и... кулак Басанка упруго отскочил от живота Жданова, как от резиновой подушки.

— Не может быть! — оторопел подручный Полуянова, посмотрев на свой кулак. — Ты же не мастер боя! Или я чего-то не понимаю?

Он нанес еще два удара один за другим — в грудь Ивора и в голову, и тот не смог отразить последний, настолько удар был си-

лен и неожиданен. В голове вспыхнуло радужное пламя, разрывая ее на куски, и Жданов снова погрузился в багровую тьму, полную невидимых колючек и твердых предметов. Однако плавал он в этой шелестящей тьме недолго.

Кто-то схватил его за шиворот и вытащил из трясины на мягкий, уютный, ласковый и тихий берег. Во всех осколках головы зазвучал знакомый мягкий бархатисто-раскатистый голос:

— Ау, Жданов, далеко собрался?

— На дно... — вяло буркнул Ивор, чувствуя блаженство от уходящей, отступающей боли.

— Мы так не договаривались. Пора тебе самому лечить себя, сознательно, а лучше — не допускать таких ошибок. Сопротивляться нужно в хорошо подготовленный момент, ты же только провоцируешь своих врагов на нападение и усугубляешь положение.

— Я не знал, что этот квадратноголовый шкаф не поддается воздействию.

— У него скорее всего имеется генератор пси-защиты. Хотя и его можно обойти умеючи.

— Я не умею.

— Научишься. Выползай из своей уютной раковины, но не торопись показывать свои возможности. Мостик, соединивший твои подсознание и сознание, еще хрупок, еще один такой удар по голове — и ты идиот.

— Постараюсь...

— Тогда вперед, квистор. Три, два, один... ноль!

Ивор очнулся и сразу «обнял» весь объем помещения сферой своих сверхчувственных восприятий. И едва не потерял сознание снова — от боли в голове, в груди и животе, а также от нахлынувшей слабости.

Особенно сильно пульсировал болью висок (хорошо, что хоть череп цел!), затем челюсть (вот паразит поганый, он же чуть ее не сломал!), губы, ключица и ребро. Судя по всему, Басанк продолжал избиение пленника после того, как тот потерял сознание. Времени же с момента начала избиения прошло всего ничего — буквально две минуты. Спасибо резерву, вовремя он заработал, без него был бы полный капут!

В помещении лаборатории почти ничего не изменилось. Лишь «Мефистофель» начал приходить в себя, да Басанк отошел от «правдососа», озабоченно разглядывая свою покрывшуюся волдырями, как от сильного ожога, руку.

И в этот момент дверь в лабораторию выгнулась пузырем и

лопнула с громким треском. В помещение тигрицей ворвалась Мириам с «универсалом» в руке, за ней знакомый Ивору по инциденту на Венере Тео аль-Валид, сотрудник особого отдела контрразведки. Он навел на гиганта пистолет с ребристым дулом — суггестор «слон» и нажал на курок.

Но Басанк не впал в транс, как следовало ожидать («Защита!» — мелькнуло в голове Ивора), а выхватил в ответ свой штатный «универсал», рукоять которого торчала из подмышки, и выстрелил в Тео. Вернее, хотел выстрелить.

Напрягаясь так, что вены на лбу вздулись и едва не лопнули, Ивор крикнул в н у т р ь Басанка, внезапно осознавая, как обойти его пси-защиту: «Мимо!»

Ствол «универсала» в руке помощника Полуянова сместился на сантиметр, и лишь после этого последовал выстрел, проделавший в стене помещения крупную звездообразную дыру. Затем выстрелила Мириам, среагировавшая на угрозу, и выбила «универсал» из руки Басанка. Гигант замер, но тут же схватился за рукоять кинжала, укрепленного на поясе, и снова застыл, теперь уже от ненавидящего голоса Ивора:

— Стоять!

Все оцепенели. Приказ был подкреплен надпороговой пси-командой, противиться которой не смог даже обладавший защитой Басанк.

— Освободи меня, — расслабился Ивор, виновато глянув на Мириам. Силы почти оставили его.

Девушка встрепенулась, послушно подбежала к нему, отщелкнула браслеты на ногах, помогла вылезти из саркофага «правдососа». И в этот миг в комнату вошел человек в необычного покроя одежде: мятая на вид полурубашка-полукуртка, переходящая в пузырчатые шаровары, нечто вроде бахромчатой портупеи со множеством висящих сосулек, громадные ботинки с шипами. Он был высок — даже выше двухметрового Басанка, — узкоплеч, с лицом землистого цвета, не вызывающим, впрочем, ощущения болезненности, с очень широким ртом и умными оранжевыми глазами. Оглядев компанию, гость остановил взгляд на Жданове и сказал приятным низким голосом:

— Я вас слушаю, оператор.

— Что? — не понял Ивор, переглядываясь с Мириам.

— Вы меня позвали — я пришел.

— Но я... никого не звал!

Незнакомец раздвинул губы в странной усмешке.

— Разве не вы только что крикнули: «Мимо!»

— Но... я же... я просто заставил его промахнуться! — Ивор указал на неподвижного Басанка. — И вообще это был мысленный крик!

— Извините, — пожал плечами незнакомец. — Я ошибся.

Он повернулся, чтобы уйти.

— Стойте! — опомнилась Мириам, делая шаг к странному гостю. — Вы услышали пси-вызов Жданова?

— Ну, конечно.

— И вас зовут... Мимо?!

— Так точно, леди.

Мириам оглянулась на Ивора. Глаза ее стали большими и сияющими.

— Вспомни рассказы отца! Это бровей Мимо, бродяга по Ветвям! — Она снова повернулась к гостю. — Где вы были в момент вызова? В нашей Ветви?

— Разумеется, иначе я бы не услышал его.

— У меня... у нас просьба...

— Я весь внимание.

— Мы попали в трудное положение... почти безвыходное... не могли бы вы нам помочь?

— Каким образом?

— Можете вызвать сюда, в эту точку, где мы находимся, трансгресс?

— Нет ничего легче.

— Спасибо! — Мириам подбежала к Ивору. — У нас появился шанс обойтись без помощи комиссара. Я знаю, где можно достать дриммер!

— Где? — непонимающе спросил слегка обалдевший молодой человек.

— На Геземе! В мире моих и твоих дедов, в мире, где родились наши матери! Идем туда!

— Сейчас?!

— А когда еще? Вспомни — время не ждет! Твой отец в беде!

Ивор посмотрел на Басанка, на Тео, на терпеливо ждущего бровея Мимо и вдруг понял, что все это ему не снится, все происходит наяву! Но признаться, что ему страшно, он не смог.

— Идем!

— Прощай, Тео! — Девушка бросилась к безопаснику, обняла его на мгновение. — Спасибо тебе за все! Уходи отсюда, когда мы исчезнем. Передай отцу, чтобы не волновался за меня. Я вернусь.

Мы вернемся! — Она взяла Ивора за руку и посмотрела на бродягу по мирам Ветвей. — Вызывайте трансгресс!

Тотчас же помещение лаборатории бесшумно проткнула ажурная двухметровая труба серебристого цвета.

— Прощайте! — вскинула кулак над собой Мириам, прежде чем нырнуть в трубу трансгресса.

Молодые люди подпрыгнули и оказались внутри трубы.

— Как он тебя!.. — прошептала Мириам, проведя пальчиком по разбитым губам. — Но ничего, вылечимся. Ты готов? — Она прижалась к Ивору.

— Готов! — кивнул он, помедлив.

— Тогда поехали!

— Вы находитесь в узле выхода Солювелл-три, — раздался в ушах обоих мягкий женский голос. — Вербальный код перегиба — баму-эс-тридцать-тридцать. Ближайший узел выхода — Балор-девять...

— Нам нужен выход в Ветвь, где есть планета Гезем, — быстро перебила Мириам оператора трансгресса.

Короткая пауза.

— Прошу вас сделать заказ поточнее.

— Я знаю, где это, — возник рядом с обнявшейся парой внутри трубы бродяга по Ветвям. — Даю координаты. — Он замолчал, переходя, очевидно, на «личный» мыслеязык.

— Заказ принят. — Женский голос стал деловитым. — Перегиб длится три минуты по независимому времени. Приятного перемещения.

В следующее мгновение в головы Ивора и Мириам хлынул призрачный «лунный» свет, и сами они превратились в свет...

Когда в помещение ворвался Федор Полуянов в сопровождении трех человек охраны, в нем находились только медленно приходящие в себя сотрудники лаборатории и равнодушно разглядывающий стену Басанк. Куда девался пациент доктора Левинзона, специалиста по «высасыванию правды», никто из них так и не вспомнил.

Часть II

КАК БОГОМ РЕЧЕНО

ГЛАВА 1

Возвращаясь из магазина вдоль линейки машин во дворе собственного дома, Руслан снова заметил сидящих на бетонной приступочке у спуска в подвал двух пацанов весьма специфичного вида и направился к ним. Неделю назад в его новой машине «Мазда» последней модели выбили боковое стекло, чтобы извлечь автокомпьютер, и хотя взломщикам сделать это не удалось, стекло пришлось вставлять, платить немалые деньги и нервничать. Теперь Руслан в каждом парне видел автовора и в своем родном дворе устроил настоящую охоту за молодыми людьми, слонявшимися без дела.

Стекло в машине выбивали такие же пацаны, что и эти двое, мирно попивающие минералку (очень интересный факт: именно минералку, а не пиво или джин-тоник, что выглядело бы естественней). Руслан в тот момент был дома, — жил он на третьем этаже шестнадцатиэтажки, — и после гулкого удара и срабатывания сигнализации успел выглянуть в окно и увидеть спины убегающих парней.

Эти двое, сидящие за торцом дома на бетонном бордюрчике, охватывающем лестницу в подвал, были одеты в точно такие же спортивные костюмы и белые кроссовки.

— Ваши документы, — почти вежливо попросил Руслан, останавливаясь возле парней с пакетом покупок в руке.

Молодые люди — одному можно было дать лет семнадцать, другому не более девятнадцати — подняли головы и непонимающе уставились на Руслана.

— Какие документы? — ломающимся баском спросил семнадцатилетний, белобрысый, с пушком на губах.

— Ваши, — терпеливо повторил Руслан, протягивая руку. — И побыстрей, пожалуйста.

— А ты кто такой, дядя? — прищурился второй, смуглолицый и черноволосый, явно выходец с Кавказа.

— Я местный участковый. Документы!

— Не свисти, — растянул рот в нехорошей улыбке смуглолицый, — мы участкового знаем. — Он встал и оказался почти такого же роста, что и Руслан. — Вали отсюда, дядя! Мы тебя не трогаем, и ты нас не трожь.

Руслан достал из-за ремня сотовик, нажал несколько кнопок, поднес к уху:

— Вася, ты на дежурстве? Быстро группу на Лодочную! Да, ко мне домой. Я тут задержал двух подозрительных парней. Думаю, это они у меня стекло выбили в машине неделю назад...

Молодые люди переглянулись и вдруг рванули прочь, не разбирая дороги, сломя голову, через кусты и штакетник, к берегу водохранилища, затем свернули к проходу между домами, ведущему на мост через канал.

— Увижу еще раз — покалечу! — крикнул им вслед Руслан, довольный произведенным эффектом; никакому дежурному он, естественно, не звонил, хотя мог бы, так как работал в оперативном Управлении по борьбе с терроризмом Федеральной службы безопасности.

Руслану Кострову исполнилось недавно двадцать девять лет. Отслужив в армии в десантных войсках два года, он закончил юрфак МГУ, с малых лет занимался рукопашным боем, много читал, увлекся эзотерикой и даже женился — в двадцать два года, но прожил с молодой красивой женой всего семь месяцев, после чего она ушла от него к бывшему командиру полковнику Щербатову, который увез ее потом в Киргизию. На этом семейная жизнь Руслана закончилась, и вспоминал он о ней редко, лишь в минуты меланхолии, дав зарок жениться только по расчету, а не по любви. С тех пор он жил один, изредка позволяя себе короткие, ни к чему не обязывающие знакомства и расставания без сожалений. Второй такой красивой женщины, как Саша, он пока не встретил.

В дом номер пять по улице Лодочной в Тушине, стоявший на берегу Химкинского водохранилища, он переехал недавно, всего около года назад, когда внезапно умер от сердечного приступа дед Руслана, Петр Мстиславович, доктор физико-математических наук, заведующий лабораторией Тушинского института микротехнологий, и квартира досталась Кострову в наследство. С дедом он особенно дружен не был, заезжал изредка, раз в два-три месяца, да встречался с ним иногда на его же даче в Переделкине. Деда Петю мало кто любил из-за увлеченности того рабо-

той, которой он отдавал практически все время, почти не уделяя внимания семье, хотя, в сущности, был человеком незлобивым и рассеянным. Всем хотелось, в том числе сыну Петра Мстиславовича Ивану, чтобы известный ученый-физик хотя бы в выходные дни переставал быть исследовательской машиной и возвращался в семью чаще, чем два раза в год — в день рождения и на Восьмое марта.

Вырос Руслан в Крылатском, прожив вместе с отцом и мамой Таей двадцать пять с лишним лет (если не считать годы службы в армии) в двухкомнатной квартире. Зато после смерти деда в доме отца внезапно появился судебный исполнитель и зачитал завещание Кострова-старшего о передаче трехкомнатной квартиры в Тушине в собственность внуку. Так Руслан стал обладателем квартиры и вскоре переехал на новое место жительства, разобрал хлам, которым было забито дедово жилище, починил старую, но добротную, времен третьей чеченской войны мебель, переставил все по-своему и впервые в жизни почувствовал себя человеком, не зависимым от социальных условий. Правда, квартира его часто пустела из-за длительных командировок хозяина в разные регионы страны, однако когда Руслан возвращался, это становилось чуть ли не праздником, и в доме всегда собирались гости — либо приятели и друзья, либо отец с мамой и близкие (и не очень) родственники.

Если отец при этом бывал в романтическом настроении, он вспоминал времена своего героического похода в Башню и не менее знаменитого возвращения, каждый раз раскрывая такие удивительные подробности из мира Древа Времен, что слушатели потом долго качали головами, не зная, верить этим откровениям или нет. Но Руслан верил. Он знал отца слишком хорошо, чтобы не сомневаться в его правдивости, да и мама, прошедшая вместе с отцом огни и воды, всегда подтверждала его рассказы.

С тех странных и страшных времен прошло уже более тридцати лет. Отец после возвращения домой из миров Древа Времен некоторое время работал с Игорем Васильевичем Ивашурой в бригаде исследователей Башни, оказавшейся узлом выхода хронобура на Земле. Как убедительно доказал Ивашура (его данные подтвердили все, кто вышел вместе с ним, — Иван Костров, Таисия Былинкина и Вероника Крылова), Вселенная, давшая жизнь и разум человеку, оказалась лишь одной из бесчисленных Ветвей Древа Времен, каждый миг (квант времени) рождавшего новые Ветви. И вот в одной из таких «отпочковавшихся» Ветвей со сво-

им ходом времени ученые реализовали проект «бурения» времени, создав гигантское сооружение — хроноквантовый ускоритель, он же — хронобур, или Ствол. В мире, где родились Ивашура и Костров, это сооружение после его выхода назвали Башней.

После того как растущая Башня принесла много бед и несчастий на многострадальную землю Брянщины, в недрах военных кабинетов созрела идея нанести по ней ядерный удар. Однако благодаря Ивашуре и его друзьям это удалось предотвратить. А спустя некоторое время после ухода группы Ивашуры в Башню она взорвалась изнутри, превратившись в своеобразный гигантский «бутон лотоса». Такой она оставалась долгое время после возвращения группы и лишь спустя двадцать пять лет начала подавать признаки жизни.

Некоторые участки «лепестков лотоса» стали искриться, светиться, обновляться, изменять форму и цвет, а затем в один момент все «лепестки» вдруг срослись, и Башня трансформировалась в огромную коническую скалу фиолетово-багрового цвета с серебристым налетом, с редкими входами-пещерами, постепенно затягивающимися сизо-фиолетовыми пробками. Спустя тридцать лет после взрыва Башня, окруженная пятиметровой стеной с колючей проволокой поверху, стала недоступной для исследователей.

Отец Руслана к тому времени уже не был связан с Башней. Отработав десять лет заведующим лабораторией Центра по изучению быстропеременных явлений природы, он ушел оттуда на преподавательскую деятельность в МГУ, где и работал по сей день на кафедре реконструкции всемирной истории. Изредка его вызывали для консультаций в Брянскую губернию к руководству Криптозоны, как стали называть Башню и все окружающее ее хозяйство, и тогда он выезжал из Москвы на несколько дней, возвращаясь задумчиво-рассеянным или вовсе хмурым. Отвечая жене на вопрос, отчего у него плохое настроение, поседевший и полысевший Иван Петрович говорил с легкой улыбкой:

— Да заела тоска по иным временам и пространствам.

Иногда он брал с собой в командировки сына, и Руслан хорошо изучил Криптозону и саму Башню, восхищаясь ее размерами и удивляясь продолжавшимся внутри нее процессам. Но по стопам отца он не пошел, не стал ученым или инженером, вдруг увлекшись проблемами безопасности страны и борьбой с терроризмом. Впрочем, не вдруг. В две тысячи восемнадцатом году от взрыва бомбы у памятника Пушкину, в самом центре Москвы,

унесшего жизни тринадцати человек, погиб друг Руслана рижанин Валдис, и, когда следствие так и не выявило преступников, Руслан поклялся найти их сам.

Увы, не нашел, хотя и стал работать в Управлении по борьбе с терроризмом Федеральной службы безопасности.

Двадцать второго августа в известном московском ресторане «Богема» сработало очередное взрывное устройство, эквивалентное двумстам граммам тротила, и группу Руслана «Антей» бросили на расследование инцидента, хотя уверенности, что это теракт, не было. Подобным образом происходили и разборки между криминальными структурами, не договорившимися между собой.

Взрыв произошел в кабинете хозяина ресторана в тот момент, когда он разговаривал с приятелем и охранником. Хозяин — Марат Усулганов, бывший претендент на президентское кресло (он участвовал в выборах дважды) — и охранник погибли на месте, а посетитель — известный актер театра и кино Прянишников чудом остался жив. Он и показал, что взорвался телевизор хозяина, метровый «Шарп», используемый Усулгановым в качестве дисплея новейшего компьютера «Интель-Марк-3», созданного на основе нанотехнологий. Однако эксперты группы вместе с коллегами центральной криминалистической лаборатории МВД не нашли ни одного следа взрывчатого вещества. Впечатление складывалось такое, будто взорвалась одна из комплет телевизора — компьютерная плата с высокой плотностью упаковки микросхем.

Во вторник после обеда Руслан встретился с руководителем экспертной бригады, доктором физхимии, полковником Полторацким в его кабинете в здании технического центра ФСБ на Лужковской набережной, и тот поделился с капитаном своими соображениями:

— Взрывы подобного рода стали нередкими в наше время и относятся к так называемым реакциям спонтанного фазового перехода в кристаллах с нарушенной симметрией. Хотя кое-кто из моих коллег пытается доказать, что виновата в этом нарушенная симметрия вакуума, из-за чего увеличилась амплитуда квантовых осцилляций. В компьютерных чипах с высокой плотностью примесей создается локальная нестабильность. Стоит «толкнуть» атомы определенным образом, как происходит цепная реакция сброса напряжений, причем на уровне холодных термоядерных реакций. А это есть взрыв. Но что, какой процесс является причиной таких самопроизвольных лавинообразных реакций, мы

пока не знаем. Это, должно быть, весьма экзотический тонкий процесс, на уровне кварковых превращений. И лично у меня складывается вполне определенное мнение...

— Секретное? Мне его знать не положено?

— Почему? Я из своих исследований секрета не делаю. Я считаю, что за подобные нелинейные процессы должны быть ответственны изменения некоторых фундаментальных констант.

— Что вы имеете в виду?

Полторацкий, крупногабаритный, лысый, с окладистой седой бородой, снял очки и близоруко посмотрел на собеседника.

— Законы нашей физики базируются на так называемых базовых принципах или физических константах...

— Да, я помню школьную программу: принцип Паули, инвариантность, постоянная Планка, заряд электрона... гравитационная постоянная. Так?

Полторацкий надел очки, улыбнулся.

— В ваших познаниях я не сомневался. Так вот причиной спонтанных взрывных фазовых превращений может быть, во-первых, изменение массы электрона — где-то на десятые доли процента, во-вторых, увеличение амплитуды вакуумных осцилляций, о чем я уже говорил. Но предупреждаю — это мое частное мнение, и вашей работе оно вряд ли поспособствует. Во всяком случае, ваше начальство вряд ли отменит поиск террористов или конкурентов директора ресторана.

Так оно и оказалось.

Выслушав Руслана, полковник Варавва, его непосредственный начальник, предложил ему поменьше фантазировать и верить ученым бредням, а побольше заниматься своим непосредственным делом.

В пятницу капитан составил план первоочередных мероприятий по делу «теракта» в ресторане, озадачил группу, распределив обязанности каждого, и отправился на место происшествия.

Ресторан уже работал по полной программе, несмотря на гибель хозяина, а его место занял новый директор — бывший администратор Гольдич, суетливый человечек с рыхлым лицом и бегающими глазками. Ничего нового он, естественно, Руслану не сообщил, зато освободил место представителю официальной власти за столиком в хрустальном зале, за чешуйчатой стеклянной колонной, подсвеченной снизу и изображавшей пальму.

Здесь уже сидел мужчина средних лет с бледным землистым лицом, одетый в необычного покроя костюм — не то комбине-

зон, не то балахон строительного рабочего зеленовато-коричневого цвета. Посмотрев на Руслана вскользь ничего не выражающими яркими, буквально оранжевыми глазами и не ответив на приветствие, он отвернулся. Руслан проследил за его взглядом и увидел за столиком у стены пару: молодой человек боксерского вида с неприятным лицом типичного рэкетира беседовал с девушкой, очень красивой, с точеным смуглым лицом.

Она слушала его со сдвинутыми бровями и пылающими щеками, катая по столу шарик салфетки. Ее короткое фиолетовое платье приподнялось и открыло красивые стройные ноги, но девушка ничего не замечала, видимо, занятая ссорой или не слишком приятным разговором, и все время порывалась уйти, но собеседник хватал ее за руку, усаживал и продолжал что-то втолковывать.

Посидев минут сорок, но так и не дождавшись развязки этой беседы, Руслан иронически поблагодарил молчаливого соседа за компанию и поднялся на второй этаж здания, где находился кабинет владельца ресторана. Показав охраннику удостоверение, еще раз зашел в опечатанный кабинет, где произошел взрыв, задумчиво постоял у развороченного стола. Вспомнились слова полковника Полторацкого: «это реакция спонтанного фазового перехода... изменилась масса электрона... увеличилась амплитуда вакуумных осцилляций...» Что-то стояло за этими узкоспецифичными терминами, отзвук некоего з н а н и я, тревожащего память. Нечто подобное Руслан уже слышал в беседах отца с друзьями, когда они вспоминали свои приключения. Уж не связан ли странный «теракт» с выходом в земную реальность н о в о г о Игрока? Ведь не зря же Полторацкий упомянул об учащении взрывов с фазовыми переходами: за последние несколько лет, по статистике Управления, только в России произошло восемь взрывов — рвались в основном дисплеи компьютеров и новейшие плазменные телевизоры. Интересно, сколько таких инцидентов произошло за рубежом?

Обойдя кабинет кругом, Руслан пообещал сам себе выяснить ситуацию в мире и решил посоветоваться с отцом. Тот мог знать и другие любопытные факты, говорящие в пользу последнего предположения Руслана о целенаправленном «просачивании» в земную реальность чужих физических законов, означающих вмешательство воли Игрока.

Проходя через зал, капитан отметил отсутствие красивой незнакомки и ее крутого партнера, уловил необычно сосредоточен-

ный и заинтересованный взгляд мужчины в балахоне, потягивающего томатный сок, но не обратил на него особого внимания. В нынешнее время можно было встретить человека в еще более странной одежде, либо сильно пьющего, либо не пьющего вовсе. Мало ли кому придет в голову выпендриться и натянуть на тело то, что раньше считалось рабочей одеждой или вообще не годилось в качестве таковой! Садясь в машину, Руслан вдруг заметил брюнетку из ресторана в фиолетовом платье и задержался.

Очевидно, это был уже финал ссоры, начавшейся в зале ресторана. Девушка сбросила с плеча руку настырного молодого человека с манерами и внешностью рэкетира, быстро пошла со стоянки на улицу, но тот догнал ее, схватил за руку, дернул к себе. Девушка снова вырвала руку, но парень вцепился в нее, заломил ей руку за спину так, что она вскрикнула, потащил к белому «Мерседесу», в кабине которого сидели еще двое молодых людей. Дверца открылась, парень стал заталкивать девушку в кабину, влепил ей пощечину. Она снова вскрикнула, отталкиваясь ногой от машины, и сердце Руслана не выдержало.

Подойдя к молодому «боксеру» сзади, он тронул его за шею особым образом, и у того сразу онемела рука, выкручивающая локоть подруги. Девушка вырвалась, посмотрела на Руслана полными слез глазами, пошла прочь, но ее перехватил вылезший из «мерса» мощного телосложения парень с короткой стрижкой, вернее, почти наголо обритый, с небольшим чубчиком над узким и невысоким лбом. Молодой человек, заталкивающий девушку в машину, оглянулся. Глаза у него были почти бесцветные, бешеные, с расширяющимися и сужающимися зрачками. Такие глаза обычно бывают у наркоманов, принявших дозу.

— Тебе чего, козел?!

Руслан глянул на девушку.

— Простите, что вмешиваюсь, но ваши знакомые, по-моему, немного перебрали. Если хотите, я отвезу вас домой.

Незнакомка, закусив пунцовую губу, судорожно кивнула. С румянцем на щеках, с большими миндалевидными серыми глазами, в которых стояли слезы, она была так необычайно хороша, что у Руслана екнуло сердце и он позавидовал тем, кто был с ней в приятельских отношениях.

— Ты чего, козел?! Не понял?! — опомнился «рэкетир», сунул левую руку под полу пиджака, собираясь, очевидно, вытащить оружие, и Руслан ткнул его указательным пальцем в кадык, не желая начинать «показательные выступления» по рукопашному

бою. Затем, продолжая движение, ударил ногой по дверце «Мерседеса», отбрасывая назад начавшего вылезать водителя. Покачал пальцем перед глазами изумленного спортсмена с чубчиком.

— Не стоит продолжать в том же духе, парень, я сегодня не в настроении. Отпусти ее.

— Да я тебя!.. — кинулся на него атлет, вытягивая вперед кулаки-кувалды.

Руслан качнулся вправо, нанес ему мгновенный, незаметный со стороны укол сгибом указательного пальца в ямку за ухом — так называемый «серьгунок», и поддержал брюнетку под локоть.

— Пойдемте, вон моя машина стоит.

Девушка расширенными глазами посмотрела на своих приятелей, один из которых сполз на асфальт, держась за ухо, а второй уже сидел у машины спиной к колесу, перевела взгляд на капитана и, вырвав локоть, торопливо пошла прочь.

Вся эта сцена произошла так быстро, что почти никто из проходивших мимо стоянки людей не обратил на нее внимания.

Руслан пожал плечами, уже ругая себя, что ввязался в историю, его не касающуюся, грустно поплелся к своей «Мазде», поглядывая на исчезающую за углом стройную фигурку, оглянулся, услышав щелчок дверцы: это вылез водитель «мерса», получивший удар дверцей в лоб, такой же накачанный, как и его приятели, с массивной стальной цепью на шее.

— Эй, братан! — прошипел он, держа руку под мышкой, где у него, судя по всему, находилась кобура с пистолетом. — Ты на кого наехал, знаешь?! Мы же тебя грязью сделаем, в бетон замешаем, язык вырвем, на всю оставшуюся жизнь немым будешь!..

Я умею молчать на семи языках, вспомнил Костров чей-то афоризм и незаметно из-под руки метнул в парня расческу. Пока тот отбивал мощной ладонью и доставал оружие, в прыжке ударил его ногой в грудь. Водитель перелетел через капот «Мерседеса», роняя пистолет, и исчез в траве под решеткой заборчика.

Кто-то несколько раз хлопнул в ладоши.

Руслан оглянулся.

На него смотрел тот самый мужчина в странном «строительном» балахоне, сосед по столу в ресторане. Несколько мгновений они оценивающе разглядывали друг друга, потом губы незнакомца искривила усмешка.

— Замечательная подготовка, господин капитан. Вы ни в чем не уступаете своему отцу. Помнится, он тоже был мастером боя.

Голос у мужчины с землистым лицом и яркими янтарными

глазами был гортанный, говорил он по-русски чисто, но с каким-то необычным тонким акцентом.

— Кто вы? — мрачно поинтересовался Руслан. — И откуда знаете меня и моего отца?

— Меня зовут Мимо. — Еще одна кривая усмешка. — Ваш отец вспомнит меня. Прощайте, капитан. Надеюсь, мы еще встретимся. Догоняйте ту красотку, иначе потом пожалеете.

Незнакомец по имени Мимо (странное имя... или фамилия?) отступил и исчез. Будто растворился в воздухе. Ошеломленный Руслан повертел головой, пытаясь определить, куда он делся, потом махнул рукой и поспешил к машине.

Девушку в фиолетовом платье, которую Руслан освободил из рук невежливых парней, он увидел стоящей у перекрестка и голосующей. Подъехал, открыл дверцу, сказал с извиняющейся улыбкой:

— Боюсь показаться назойливым, но вам все-таки лучше было бы сесть в мою машину. Ваши знакомые сейчас очухаются и ринутся за вами. Садитесь и ничего не бойтесь, я не из их компании.

Девушка поглядела на поток машин, нахмурилась, о чем-то размышляя, потом тряхнула головой и села в кабину рядом с Костровым.

— Улица Лодочная, дом семь, если можно. Знаете, где это? Район Тушино.

Руслан невольно присвистнул, трогая машину с места.

— В чем дело? — повернула она к нему красивую точеную головку с короткой, но очень оригинальной стрижкой.

— Мы с вами соседи, я тоже обитаю на Лодочной, в доме номер пять.

Девушка пожала плечами, забилась в уголок сиденья и притихла, глядя перед собой остановившимися глазами. Она все еще переживала свой конфликт с «боксером» и его приятелями, показавшими себя во всей красе «крутого» воспитания.

— Как вас зовут? — поинтересовался Руслан.

— Надежда, — безучастно ответила она.

— Надя, значит. А меня Руслан.

— Меня зовут Надежда, — тихо, но твердо заявила девушка.

Желание разговорить ее, как-то утешить прошло. Но все же он не мог не предложить ей помощь, чтобы не показаться невежливым.

— Чего они от вас хотели? Я заметил вас еще в ресторане. Вы сидели неподалеку, у стеклянной пальмы.

— Это личное, — тем же тоном отозвалась Надежда.

— Может быть, я могу вам помочь? Я мог бы проводить вас до дому...

— Спасибо, я сама. — Девушка очнулась, огляделась, в глазах ее зажглись иронические огоньки. — Вы чрезвычайно любезны. Высадите меня у аптеки, пожалуйста.

— Но мы не доехали.

— Я выйду.

Руслан остановил машину за светофором, девушка открыла дверцу и выскользнула из кабины.

— Может быть, дадите свой телефон? — неуверенно спросил он.

— Это ни к чему.

— Тогда запомните мой на всякий случай. — Он назвал номер: три девятки, три шестерки и семерка. — Вдруг пригодится.

Надежда молча захлопнула дверцу, двинулась по тротуару в обратную сторону, но потом вдруг вернулась и быстро выговорила:

— Извините, что я так себя веду, вы ни в чем не виноваты. Обещаю: если понадобится ваша помощь, я позвоню.

Повернувшись, она быстро перешла на другую сторону улицы. Руслан, обрадованный таким поворотом событий, проводил ее взглядом и поехал домой. Затем внезапно вспомнил встречу со странным человеком по имени Мимо и решил немедленно встретиться с отцом. Сидеть весь вечер дома одному не улыбалось никак.

ГЛАВА 2

Отец и мама были дома: пили чай на просторной кухне в компании с незнакомым мужчиной с сединой в волосах и с умными цепкими серыми глазами. Одет он был, несмотря на лето, в блестящую серую водолазку и такие же брюки с серебристым отливом.

— Ты вовремя, — сказал Иван Петрович, обнимая сына. — Мама торт испекла, твой любимый — медовый. Познакомься — это Игнат Ромашин. Игнат... э-э...

— Филиппович, — подсказал гость, вставая из-за стола и протягивая Руслану крепкую руку.

Руслан задержал на нем взгляд, вспоминая фамилию гостя: где-то он ее уже слышал, — и отвел отца в прихожую.

— Папа, есть разговор.

— Срочный и секретный?

— Не очень срочный, но при твоем госте говорить неудобно. Я сегодня был в ресторане...

— Поздравляю.

— И встретил там интересного человека, — не отреагировал на тон отца Руслан. — Он отрекомендовался, что знает тебя, и передал привет.

— Представился?

— Он назвал себя Мимо.

— Как-как? — Иван Петрович изумленно поднял брови. — Повтори.

— Мимо.

Костров-старший несколько мгновений смотрел на сына как на вестника потрясений и перемен, затем быстро вернулся на кухню. Там заговорили, мама тихо вскрикнула, затем послышался голос отца:

— Руслан, зайди.

Сбитый с толку капитан повиновался. Его встретили три заинтересованных и взволнованных — каждый по-своему — взгляда.

— Как выглядел этот господин Мимо? — спросил Ромашин.

Руслан коротко и точно описал внешность и костюм незнакомца.

— Это он, — тихо сказала Тая, с каким-то страхом переглядываясь с мужем. — Неужели нам снова... — Она передернула плечами, посмотрела на сына и замолчала.

— Что происходит? — нахмурился Руслан. — Вы сидите, как заговорщики, и говорите загадками.

— Мы и есть заговорщики, — мягко улыбнулся Ромашин.

— Ты не помнишь его? — кивнул на гостя отец.

— Вряд ли он меня запомнил, ему тогда шел четвертый год, когда я был у вас в последний раз.

Руслан покачал головой.

— К сожалению, действительно не помню, хотя фамилия знакома...

— Игнат — комиссар службы общественной безопасности Земли двадцать четвертого века, — сказал Иван Петрович. — Естественно, Земли из другой Ветви Времен. Я тебе рассказывал.

Руслан наконец вспомнил фамилию Ромашина и те обстоятельства, с какими она была связана, по-новому взглянул на гостя.

— Вы в самом деле тот самый Ромашин... из другой Ветви?!

— Можешь потрогать и убедиться, — засмеялся Игнат. — Са-

дись, поговорим, коль уж на тебя вышел сам бродяга по Ветвям. Что ты знаешь о Стволе?

— О чем? Ах, да... извините, у нас ваш Ствол называют Башней, я не сразу вспомнил.

— Может быть, не стоит его вовлекать во все это? — робко проговорила Тая.

— Рано или поздно ему все равно пришлось бы принять участие в Игре, — покачал головой Ромашин. — Да и парень он крепкий, бывалый и неженатый к тому же.

Руслан промолчал, не желая рассказывать о своем недавнем знакомстве с красивой брюнеткой по имени Надежда.

— Я знаю о Башне со слов отца. В нашей прессе о ней материалов не встретишь, все засекречены. Насколько мне помнится, Башня представляет собой кусок хронобура, выпавший в наше время. Так?

— Кусок — это сказано сильно, — хмыкнул Костров-старший.

Руслан покраснел.

— Ну, не кусок — часть хронобура, вернее, копия...

— Хроноквантовая копия, — уточнил Ромашин. — Еще Ствол... э-э... Башню можно назвать трактрисой времен, пространственноподобной «сверхструной» или многомерным пространственно-временным многообразием, а также надвременным топологическим тоннелем с квантованным выходом, соединившим множество Метавселенных — Ветвей Дендроконтинуума, то есть потенциально равноценных копий Вселенной. При материальном вытаивании Ствол... м-м... Башня соединила около двух триллионов Ветвей. Я живу в одной из «соседних» Ветвей, отделенной от вашей примерно тремя десятками выходов Ствола. Кстати, ближайшие к вашей Ветви мертвы.

Костров-старший посмотрел на Ромашина озабоченно.

— Я этого не знал. Почему мертвы? Из-за вмешательства прежних Игроков?

— Уточняю: жизнь в этих Ветвях имеется, в том числе и разумная, но Земля мертва. Копия вашей Земли, разумеется.

— Ядерная война? — догадался Руслан.

— По разным причинам. Где-то прошла ядерная война, где-то бактериологическая, а кое-где сработали «мины замедленного действия» типа эпидемий, вырвавшихся из военных лабораторий, либо всплески генетических изменений вследствие применения трансгенных продуктов.

— У нас тоже все шире используются такие продукты, — произнесла Тая. — Неужели последствия так ужасны?

— Дело в том, что генная инженерия относится к так называемым «божественным промыслам», или интеллигибельным технологиям, применение которых имеет непредсказуемые последствия. Жизнь на нашей Земле устояла лишь потому, что мы еще две сотни лет назад отказались от экспериментов на генах. Но не будем о грустном, возможно, ваши правители в скором времени запретят опасные технологии, отражающиеся на потомстве.

— Пока же статистика такова, — хмуро сказал Иван Петрович, — что во всем мире болен каждый второй человек! И тенденция эта увеличивается. Может быть, это следствие новой Игры?

— Не исключено, — кивнул Ромашин. — Я посетил уже около сотни кванк-Земель, и везде картина весьма неприглядна. А у вас в особенности, если проанализировать факты. То, что все страны планеты без исключения охватил терроризм, прямое доказательство агрессии Игрока.

— Вы сказали — кванк-Земель? — заинтересовался Руслан, взглядом благодаря мать, которая налила ему чаю и придвинула тарелку с бутербродами.

— Кванк — это сокращенное «квантовая копия». Каждый предмет, объект, существо, даже каждый атом Земли и всей вашей Метавселенной имеет квантовую копию. Я лично знаком с полусотней моих кванков и двумя кванками твоего отца. Правда, твоих кванков пока не встречал. Но иногда бывают исключения. К примеру, я знаю человека, не имеющего своего кванка.

— Ясена? — прищурился Костров-старший.

— Совершенно точно, Ясена Жданова. Она родилась на планете Гезем, расположенной в своеобразном хронокармане, который не имеет квантовых продолжений. Да и сын Ясены и Павла почему-то существует в одном экземпляре, хотя, возможно, я просто не попадал в Ветви, где есть его кванки. Ствол ведь не трансгресс, он соединил не все Ветви Древа Времен.

— Почему? — спросил Руслан.

— Потому что принцип Паули действовал и во время его запуска, разрешая выходы хронобура только в миры с определенной плотностью вакуума.

— Разве вакуум имеет плотность? Это же пустота...

— Пустота, да не та, — усмехнулся Костров-старший. — Как говорил наш общий знакомый Атанас Златков, вакуум — это

квантовая жидкость с ненулевой плотностью энергии. Есть даже гипотеза, что весь наш мир представляет собой многовариантное возбуждение вакуума типа вихрей, волн и узлов.

— Это не гипотеза, — покачал головой Ромашин. — В некоторых Ветвях Древа все именно так и обстоит. Но это тема отдельного разговора. Вернемся к вашей встрече с бровеем Мимо. Его появление здесь весьма символично и едва ли случайно. А выход на твоего сына, — Игнат посмотрел на Ивана Петровича, — означает одно: он явно ищет новых участников Игры.

— Наверняка мы утверждать этого не можем, — проворчал Костров. — Пока сам бровей не скажет, чего хочет.

Все трое оценивающе — Тая еще и печально — посмотрели на Руслана.

— Что вы на меня так смотрите? — криво улыбнулся капитан.

— Будь осторожен, сынок, — серьезно покачал головой Иван Петрович. — Возможно, ты знаешь то, чего не знаем мы, поэтому Мимо и объявился. Какие новости у тебя на работе?

— Все как всегда, — помрачнел Руслан. — Расследуем причину взрыва в ресторане «Богема»... — Он вдруг замолчал, глядя перед собой остановившимися глазами. — Господи! Кажется, я действительно влип с этим расследованием...

Руслан поймал взгляд матери, очнулся, залпом допил чай.

— Знаете, что мне сказал эксперт-криминалист Управления? Что взорвался микрочип, а не спецустройство с обычным взрывчатым веществом. Мы этого вещества и не нашли ни грамма. Полковник Полторацкий считает, что либо нарушена симметрия вакуума, либо изменились физические константы типа массы электрона, либо вообще произошел спонтанный фазовый переход в кристаллах с нарушенной симметрией. Это его слова. И таких взрывов между прочим зарегистрировано уже достаточно.

Костров и Ромашин переглянулись.

— Я предполагал нечто в этом роде, — кивнул комиссар из другой Вселенной. — Еще одно свидетельство того, что ваша Ветвь затронута «вирусом» воли Игрока. Пора что-то предпринимать.

— Что?

— Встретимся с Игорем Васильевичем и обсудим. А пока я с вашего разрешения откланяюсь.

Игнат встал из-за стола. Поднялись и Костровы, провожая гостя к выходу. Ромашин пожал руку Руслану, поцеловал пальцы

Таи и вышел вместе с Иваном Петровичем на лестничную площадку.

Тая обняла сына.

— Ты знаешь, я не трусиха, но мне почему-то страшно. — Она зябко вздрогнула. — Особенно за тебя. Уж очень ты любишь рисковать.

— Ничего, мам, все будет хорошо, — успокоил ее Руслан, думая о своем. — Вы же в свое время, когда были молодыми, выдержали испытание? Теперь наша очередь. Я считаю, дети должны идти дальше родителей. Да и не такой уж я рисковый, как тебе кажется.

Тая грустно улыбнулась.

— Думаешь, я не знаю, чем ты занимаешься на работе? Кто брал чеченца-смертника в Рязани? А кто весной пересек реку по тонкому льду под Пензой, чтобы зайти в тыл бандитам?

— Откуда ты знаешь? — хмуро удивился Руслан.

— Знаю и всегда переживаю за тебя. Да и не один ты такой, все твое поколение такое: чем тоньше лед, тем больше вам хочется проверить, выдержит ли он.

— Я больше не буду.

— Так я тебе и поверила. — Тая засмеялась, возвращаясь на кухню. — Еще чай будешь?

— Нет, спасибо, домой поеду. У меня сегодня был хлопотливый день, отдохнуть надобно.

Вернулся Иван Петрович.

— Уже уходишь?

— Да вот не уговорила остаться, — грустно вздохнула Тая. — Уж не ждет ли тебя там кто, капитан?

Руслан вспомнил знакомство с девушкой Надей, покачал головой.

— К сожалению, не ждет. А хотелось бы.

— О визите к нам Игната — никому ни слова! — понизил голос отец.

— Само собой. Зачем он вообще сюда прибыл? Я имею в виду Землю. И как он вышел из Криптозоны?

— У него свои секреты. А прибыл он для оценки ситуации и зондирования социума на предмет наличия эмиссаров Игрока. Ты правильно догадался: началась н о в а я Игра, и один из Игроков, похоже, не слишком озабочен соблюдением игровых правил.

— Но, насколько я понимаю, масштаб Игры намного превы-

шает возможности отдельно взятого человека и цивилизации в целом. Или я чего-то не учитываю?

— Игра ведется на многих уровнях, в том числе на уровне человеческих, да и нечеловеческих, сообществ, не прошедших социальную стадию эволюции, хотя большинство людей воспринимает ее через призму общепринятых концепций, через кривые зеркала политики и экономики либо обычного мещанского подхода типа «моя хата с краю», «лишь бы меня не трогали» или «бери от жизни все!». К сожалению, подход властей к проблеме не намного отличается от мещанского. Им важно удержаться в кресле какое-то время, чтобы обеспечить себя и родственников на много лет вперед, а не изучать явление и принимать меры к его устранению. Их кредо: после нас — хоть потоп!

— Разве наши руководители не принимают никаких мер?

Костров-старший пренебрежительно отмахнулся.

— Сомневаюсь, что они знают истинную цену Башни. Вокруг нее всем сейчас заправляют силовики, это их золотая жила, приносящая колоссальный доход. Ты думаешь, к Башне подойти невозможно, все подступы перекрыты? Да, перекрыты, а пройти в Криптозону может каждый, способный за это заплатить.

— Не может быть!

— Может, сынок. Просто ты не копался в этом дерьме и не знаешь людей. Идеалистом я тебя воспитал. Хотя не думаю, что это плохо. Приходи к нам завтра вечером, может быть, появится новая информация.

— Обязательно.

Руслан попрощался с родителями и поехал домой, пребывая в состоянии какого-то необычного возбуждения. Интуиция подсказывала, что впереди его ждут интересные открытия и волнующие встречи.

* * *

Следующий день выдался не менее хлопотливым, чем предыдущий.

Руслан встретился с дюжиной людей, кто мог бы хоть в малой степени поспособствовать поиску «террористов», в том числе с Полторацким и с его другом, специалистом-физиком, работающим в одной из лабораторий Физико-энергетического института в Дубне и занимающимся теорией полевых взаимодействий. Физик подтвердил гипотезу Полторацкого о самопроизвольной

инициации нового типа цепных реакций в полупроводниковых кристаллах, но помочь следствию советом — где искать виновника взрыва (не считать же таковым расшалившийся вакуум?) — не смог. Кроме того, Руслан провел информационный поиск по Интернету и секретным сетям спецслужб в надежде наткнуться на более реальные идеи, объясняющие взрыв в ресторане, чем гипотеза Полторацкого, однако в этой деятельности не преуспел. Лишь подтвердились данные, приведенные Полторацким, о нарастании случаев со взрывами компьютерной техники. В России их набралось уже полтора десятка (многие расследовались на местах, без привлечения специалистов из Москвы), в Европе — более полусотни, в Америке — около двух сотен.

Зато в результате копания в «паутине» вскрылся еще один любопытный факт: за последние два года участились сбои в компьютерных сетях, приводящие иногда к серьезным последствиям. И каждый день добавлял к статистическим сводкам по сбоям по два-три случая. Однако стоило Руслану попросить допуск в лаборатории Министерства обороны, занимавшиеся изучением и разработкой антихакерных технологий, как тут же последовал окрик «не мешать», и допуск ему, естественно, не дали. В результате капитан понял, что в недрах оборонки существует ряд закрытых лабораторий, тематика которых касается всех без исключения научных направлений, в том числе аспектов психотронного управления людьми, кодирования психики и усиления интеллекта, а также создания оружия на основе новейших открытий, таких, как теория спинторсионного поля, теория энергоинформационного обмена или процессы дистанционного влияния на компьютерные сети.

Второй вывод Руслан сделал позже, к вечеру, еще раз побеседовав с Полторацким. Технологии, с помощью которых можно было бы выводить из строя хорошо защищенные сети и базы данных, начали разрабатываться давно, еще в двадцатом веке, а их экспериментальная реализация в нынешние времена лишь подтверждала слова Ромашина о выходе в реальность Земли (и Ветви) «потока внимания» какого-то мощного Игрока, задумавшего подправить некоторые законы бытия Ветви или вообще ее «отсечь».

О своих выводах — с некоторыми сокращениями, разумеется, — Руслан доложил вечером полковнику Варавве, когда тот вызвал его в Управление. К удивлению Кострова-младшего, на сей раз полковник не стал обвинять подчиненного в беспочвен-

ном фантазировании, молча выслушал и буркнул лишь, чтобы капитан поменьше болтал о своих открытиях с кем попало. В этот вечер был полковник хмур и озабочен, говорил мало, и Руслан спросил на всякий случай, не заболел ли он часом.

— Не бойся, капитан, моя болезнь не заразная, — ухмыльнулся Варавва, — старость называется.

Руслан внимательно посмотрел на полковника, которому недавно исполнилось пятьдесят четыре года, покачал головой.

— До старости еще дожить надо, Владимир Кириллович. Что случилось все-таки?

— Пока ничего. — Варавва, морщась, проглотил таблетку анальгина, запил водой, помассировал ладонью шею. — Но если мы будем продолжать копать дело о взрыве в прежнем темпе, что-нибудь непременно случится. Напрасно ты засветился с этим физиком из ФЭИ. На кой это тебе понадобилось? Знаешь, чем он занимается?

— Нет. Чем?

— Разве Полторацкий тебе не говорил?

— Нет.

— Раздолбай! Этот физик уже пять лет сидит в Криптозоне, изучает Башню и ее эффекты. Он редко появляется на свободе, а ты взял его и достал.

— Ну и что? Что тут такого криминального? Мы говорили о физических явлениях...

— Да о чем бы вы ни говорили, он — закрытый специалист! И мне уже звонили *сверху,* — Варавва поднял глаза к потолку, — интересовались, что ты за человек и зачем влез в доверие к спецу из Криптозоны.

— Чепуха какая-то! Мы действительно говорили о разных физических теориях и эффектах. К тому же меня познакомил Полторацкий, я не сам на физика вышел. Что же получается, я не имею права контактировать с нужными следствию специалистами?

— Имеешь, но не со всеми и только по согласованию. Короче, мне дали понять, что расследование взрыва в ресторане надо закрыть. Улавливаешь?

— Велики чудеси твоя, господи! — усмехнулся Руслан. — Вся эта мышиная возня начальства только подтверждает мою уверенность в том, что причина взрывов компьютеров нетривиальна, что в нашем мире что-то происходит на тонком уровне, а если кто-то это замечает, его начинают бить по рукам и отстранять от дела. Не так?

— Может, и так. Умный ты больно, капитан, весь в отца пошел, даром, что не рыжий, как он. — Варавва поморщился еще раз, достал из сейфа плоскую металлическую флягу, налил в колпачок прозрачной коричневой жидкости, выпил.

— Хочешь глоток? Коньяк. Молдавский.

Руслан отрицательно качнул головой.

— Тогда иди работай.

— То есть иди и сочиняй отчет об отсутствии состава преступления?

— Как раз наоборот: ты должен найти преступника, террориста или конкурента хозяина ресторана, которому была выгодна его смерть. Улавливаешь?

Руслан с изумлением посмотрел на полковника.

— Но ведь никакого конкурента не было, в телевизоре сам собой взорвался микрочип...

— Начальству нужен преступник — найди его! В противном случае нас с тобой уволят к чертовой матери за служебное несоответствие. Ты этого хочешь?

— Нет. Но и готовить «липу», искать несуществующего преступника, не хочу и не буду.

— Я все сказал. — Варавва движением бровей показал Кострову на выход, снова налил себе коньяку. — Иди.

Костров направился к двери.

— Стой!

Капитан остановился, оборачиваясь.

— Ты прав, — сказал Варавва трезвым голосом. — Нельзя подставлять ни в чем не повинного человека. Мы призваны защищать народ от террористов, а не спасать собственные задницы от гнева начальства. Делай то, что считаешь нужным, я подпишу твой отчет. Теперь иди.

— Спасибо, Владимир Кириллович.

Руслан щелкнул каблуками и вышел из кабинета в смятении чувств, унося в душе тоскливый взгляд Вараввы, понимавшего, чем он рискует. Поужинал в столовой Управления, еще раз встретился со своим замом старлеем Маркиным и поехал домой.

Вечер прошел в каком-то безрадостно возбужденном состоянии. Руслан не понимал, чего хочет душа, пока не сообразил — общения с женщиной! И тут же зазвонил телефон.

— Руслан? Извините, что я так поздно... вы меня вчера подвозили, помните?

— Надежда?! — не поверил ушам Костров. — А я только что подумал о вас! Прямо наваждение какое-то! Где вы?

— Дома. Не хочется проводить время в одиночестве. Не желаете составить мне компанию?

— Диктуйте адрес.

— Лучше давайте погуляем по берегу водохранилища, вечер такой чудесный.

— Давайте, — легко согласился Руслан, начиная лихорадочно соображать, что надеть на себя. — Где вас ждать?

— Напротив дома, на углу, где начинается асфальтовая дорожка на берег. Через десять минут.

Руслан несколько мгновений вслушивался в зачастившие в трубке гудки, не веря безусловной удаче, потом опомнился и помчался переодеваться.

ГЛАВА 3

Надежда появилась из подъезда в бело-голубом платье и босоножках на модном каблуке — ложечкой. Руслан галантно поклонился, поцеловал ей пальцы, и они направились по дорожке к берегу водохранилища, освещенному редкими фонарями.

Настроение у девушки действительно оказалось минорным, хотя она и пыталась бодриться, и Руслан, поощренный улыбкой фортуны, постарался его улучшить, превзойдя себя по части шуток и веселых историй, половину которых он выдумал на ходу. В конце концов его усилия не пропали даром, Надежда развеселилась, и вечер прошел весьма мило и непосредственно, как в юности, когда молодому Кострову очень хотелось произвести впечатление на одноклассницу, влюбленную, как было известно всей школе, в другого парня.

Они гуляли по набережной, спускались к воде, бросали камешки, потом сидели в кафе на улице Свободы, танцевали и снова гуляли по тихим и немноголюдным в это время улочкам Тушина, находя массу тем для разговоров.

В час ночи простились у дома номер семь на Лодочной улице. Руслан побоялся нарушить хрупкий мостик взаимопонимания и доверия, соединивший их, и не стал обнимать и целовать девушку, оценившую его сдержанность. Поцеловал ей руку, подождал, пока она войдет в подъезд, капельку разочарованный, что его не пригласили в гости. Спохватившись, что снова не взял номера телефона Надежды, кинулся в подъезд, вспомнив цифры кода

домофона, которые набирала девушка, и остановился, словно наткнувшись грудью на стену.

Она уже входила в лифт, покорно склонив голову, а молодой бугай в черном костюме, тот самый, с которым она была в ресторане, подталкивал ее в спину. Вошел туда сам, оглянулся с непонятной усмешкой на Кострова, и двери лифта закрылись.

Оглушенный сюрпризом, Руслан повернулся к выходу и наткнулся на двух парней в черных костюмах, вошедших в подъезд с улицы. Один из них, с чубчиком на бритой голове, был Руслану знаком по инциденту возле ресторана: он помогал кавалеру Надежды запихивать ее в машину.

— Тебя разве не учили в школе, козел, не гулять с чужими девками? — осведомился верзила с чубчиком.

Его партнер, низкорослый, но широкий, как асфальтовый каток, с квадратным лицом, на котором лежала печать инфантилизма, хихикнул. Короткая стрижка и тяжелая челюсть превращали его в стандартного бандита, «шестерку» на побегушках у пахана.

«Чубчик» достал нож, поиграл им, вращая пальцами.

— Ну?

Руслан молча двинулся на парней, озадаченных его поведением. Парень с чубчиком даже выставил вперед нож, а его квадратнолицый приятель сунул руку под мышку. Воспользовавшись их коротким замешательством, Руслан уложил квадратнолицего ударом торцом ладони снизу вверх в нос, а «чубчику» вывернул руку с ножом, так что тот взвыл тонким голосом и согнулся, поскуливая.

— Разве тебе со школы не известна формула: за козла ответишь? Сколько раз ты меня обозвал козлом?

— Н-не помню... — взмок «чубчик».

— Зато я помню. — Руслан отвесил парню оплеуху, нажал на его локоть, заставляя согнуться в три погибели. — Кто вы такие?

— Отпусти!.. Больно же, коз!.. Мы же тебя изувечим!..

— Это я уже слышал. — Руслан нажал на предплечье парня сильнее, тот упал на колени, снова взвыл. — Спрашиваю в последний раз: кто вы? Почему преследуете Надежду? Кто тот белобрысый боксер, что ждал ее у лифта?

— Надькин... телохранитель... мы тоже... отпусти, дурак! Мы работаем в охране... тебе хана, если будешь пялить на нее глаза! Босс из тебя кишки выпустит!

— Ну, это мы еще посмотрим. От кого вы охраняете Надежду?

— Отпусти руку, с-сука!

Руслан хладнокровно качнул парня вперед. Тот врезался головой в бетонную ступеньку лестницы, охнул, снова заскулил.

— Я задал вопрос!

— Мы из охранного агентства «Бэтмен». Ты не представляешь, на кого наехал, хмырь! Надя — девушка босса, он тебя завтра же найдет и в канализацию спустит...

Руслан коротко врезал ребром ладони по складчато-мясистому загривку парня, отпустил его руку, попробовал ногтем острие ножа, глядя, как «чубчик» копошится на полу подъезда, постепенно оживая. Его приятель тоже начал подавать признаки жизни, сопеть и сморкаться.

— Передайте своему поганому патрону, что девушка сама должна решать, с кем ей быть и где гулять. Если он и дальше будет ограничивать ее свободу, я займусь им вплотную.

— Он из тебя кишки выпустит и на яйца намотает! — прохрипел «чубчик», поднимаясь и выхватывая пистолет. — Лечь! На пол!

Руслан перешел в т е м п, легко вывернул оружие из руки мордоворота, закрутил спираль приема и всадил ему локоть в область ключицы. «Чубчик» отлетел под батарею почтовых ящиков и затих. Руслан сплюнул, спрятал в карман пистолет и вышел, провожаемый ошеломленным взглядом зашедшего с улицы мужчины.

На улице было темно, накрапывал дождик, фонарь в двадцати шагах в ореоле туманных капель не разгонял мрак в глубине двора, но капитан сразу почуял человека за будкой электротрансформатора. Взялся за рукоять пистолета, двинулся к будке, намереваясь выяснить отношения еще с одним представителем охранного агентства «Бэтмен», но человек в прозрачной накидке сам вышел к нему и оказался оперативником Маркина.

— Мы вас ищем везде, товарищ капитан, — прошептал он, пряча под полу куртки мобильник. — Вы не отвечали...

Руслан вспомнил, что не взял с собой сотовый телефон.

— Что случилось?

— Полковник Варавва ждет вас в Управлении. Убит полковник Полторацкий.

— Что?! — Руслан потрясенно уставился на мокрое лицо парня. — Как убит?! Когда?!

— В одиннадцать часов вечера, прямо в Управлении. Полковник Варавва вызвал его к себе, не дождался, вышел в коридор, а он лежит... с пулей в затылке.

Руслан несколько секунд хватал ртом ставший плотным воздух и стремительно зашагал к гаражам.

— Едем!

— Я на машине, товарищ капитан, могу подвезти.

— Хорошо. — Руслан свернул к своему дому. — Подожди немного, я переоденусь.

Через несколько минут он выбежал во двор в своей обычной рабочей одежде и нырнул в кабину подъехавшей «Волги».

* * *

Ночь не принесла никаких результатов и открытий.

Полковник Полторацкий, главный эксперт Управления антитеррора ФСБ, был убит из пистолета «Пернач» калибра девять миллиметров, штатного оружия почти всех оперативников Управления, и отыскать киллера, естественно, не удалось. Ни охрана здания, ни задержавшиеся в своих кабинетах работники, в том числе и Варавва, выстрела не слышали. Убийца сделал свое дело и спокойно удалился, чтобы почистить пистолет и сделать вид, что он тоже поражен случившейся бедой. Из чего можно было сделать вывод: Полторацкий знал этого человека. Иначе не был бы так беспечен.

Всего в Управлении на момент убийства находилось одиннадцать сотрудников: майоры, подполковники, полковники и генерал, начальник Управления, но кто из них решил ликвидировать Полторацкого, сказать было нельзя. Все они на первый взгляд не имели причин убивать криминалиста, пользующегося всеобщим уважением.

«Ствол», из которого стреляли, найти не удалось. Все изъятые у сотрудников пистолеты оказались чистыми, без следов пороховой гари. У восьмерых они вообще лежали в сейфах запыленными, у троих сверкали первозданной чистотой, будто были вычищены недавно. Однако эти трое как раз и были вне подозрений, потому что возглавляли целые отделы и подразделения: полковник Бурыга, подполковники Эйникис и Молчанов.

Утомленный бессонной и нервной ночью, Руслан поехал домой лишь в начале одиннадцатого утра, чтобы привести себя в порядок и позавтракать. Об отдыхе, естественно, не могло быть и речи, убийство Полторацкого потрясло и заставило работать интуицию и фантазию. Руслан был почти уверен, что эксперта убрали эмиссары Игрока, так как он ближе всех подобрался к раз-

гадке причин происходящих событий. О том, что опасность теперь грозит и ему самому, не раз встречавшемуся с Полторацким, Руслан не подумал.

К вечеру окончательно стало ясно, что расследование взрыва в ресторане «Богема» зашло в тупик и его придется прекратить за «отсутствием состава преступления».

С одной стороны, это облегчало жизнь группы Кострова, с другой — вызывала подозрение торопливость, с какой высшее начальство в лице генерала Кирсанова отзывало лучшую группу в Управлении «для получения нового задания».

Сначала Руслан был уверен, что его привлекут к расследованию убийства Полторацкого, однако этого не произошло. Расследованием занялись волкодавы особой бригады собственной безопасности ФСБ, допросили капитана, интересуясь его контактами с Полторацким, после чего полковник Варавва посоветовал Руслану не вертеться на глазах у начальства и продолжать воспитание личного состава. Что имелось в виду, догадаться было трудно. Тогда Руслан плюнул на все интриги в недрах Управления и решил выяснить, что такое охранная контора «Бэтмен» и чем она занимается.

Вскоре обнаружились интересные факты.

Охранное агентство «Бэтмен» было создано около двух лет назад и занималось в основном охраной частных лиц. Но были среди его клиентов и кое-какие организации вроде частного фонда «Интерпресскон» и приборостроительный институт «Новая механика». Покопавшись в базах данных этих организаций, Руслан увидел знакомую фамилию и присвистнул про себя: директором института «Новая механика» был доктор энергоинформационных наук профессор Докучаев Н.Н. Удивление же капитана вызвало совпадение фамилий: Надежда тоже носила фамилию Докучаева. Теперь становилось понятным наличие у нее телохранителей: охраняли не только самого Докучаева, но и членов его семьи, — а также слишком настойчивое их присутствие. Директор «Бэтмена» явно имел виды на дочь охраняемого объекта, и его клевреты не давали ей ни малейшей возможности чувствовать себя свободной.

Чем занимался институт, руководимый отцом Надежды, понять было трудно. В досье на институт, хранящемся в банках данных Управления, говорилось лишь, что работники института «проводят исследования в области энергоинформационных взаимодействий». Тогда Руслан встретился с хакером из отдела компьютер-

ных разработок Жорой Кучковым, с которым был дружен, и тот по его просьбе взломал секретные файлы Министерства обороны. Так у Кострова появились данные по работе «приборостроительного» института «Новая механика» и досье на Докучаева Николая Николаевича, отца Надежды. В частности, в материале указывалась тема, над которой уже пять лет работал Докучаев: «Применение некоторых нелинейных процессов Башни в создании неракетного оружия нового поколения».

И еще: фирма «Бэтмен» никоим образом не была частной охранной конторой, как, впрочем, и сам институт. Обе организации принадлежали сверхсекретной сети государственных служб Министерства обороны.

Руслан понял, что влез не в свои сани и что стоит немедленно из них выпрыгнуть, пока не сломал себе шею. Он знал, что случается с человеком, проникшим в секреты спецслужб, даже если этот человек — работник одной из них. Но душа жаждала встреч с дочерью Докучаева, умной, безусловно красивой и, судя по всему, не слишком счастливой, и Руслан решил посмотреть, что будет дальше.

Копаться в тайнах лабораторий Минобороны, занимавшихся Криптозоной, не стоило, но отказываться от продолжения знакомства с Надеждой не хотелось. Хотя занозой в памяти торчало видение закрывающейся двери лифта, нахально-торжествующая физиономия охранника и тихая, съежившаяся Надя.

К вечеру этого напряженного, насыщенного событиями дня Руслан устал настолько, что мечтал лишь добраться до кровати и лечь спать. Но тревожное ощущение чего-то забытого, недосказанного мешало сделать это. Понасиловав память, он очистил себя от шелухи эмоций и переживаний по поводу убийства Полторацкого, помедитировал и поймал-таки причину срабатывания «ложной памяти». Она была проста и незатейлива, как кукиш в кармане: Надежда так и не сказала ни слова о причинах конфликта со своими телохранителями в ресторане, хотя Руслан спрашивал ее об этом дважды. Вероятно, она не хотела встречаться с боссом «Бэтмена», и ее пытались уговорить. Так, во всяком случае, представил себе эту ситуацию Костров. Однако сама Надя ничего говорить не стала, сделала вид, что не расслышала вопроса.

В десять Руслан наконец добрался до дома, умылся, хотел сварить кофе, и в это время зазвонил телефон. В трубке раздался знакомый мелодичный голосок Надежды:

— Привет чекистам. Ты чем занят, Руслан Иванович?

— Ничем, — ответил Руслан честно, с одной стороны, обрадованный звонком, с другой — переживая укол ревности.

— Тогда, может быть, зайдешь в гости? Сегодня я одна. Мама на даче, папа поехал в командировку.

— А церберы твои с тобой? — вырвалось у капитана.

Молчание. Потом тихий надтреснутый голос:

— Если тебе больше нечего...

— Прости! — быстро перебил девушку Руслан. — Я не хотел тебя обидеть! Просто бешусь от ревности, и все. Мчусь к тебе, говори адрес.

Голос Надежды слегка повеселел. Она продиктовала номер квартиры, и Костров кинулся переодеваться, забыв об усталости, сдерживая нетерпение, волнение и фантазии. Очень не хотелось ударить лицом в грязь, показать себя с худшей стороны, очень не хотелось ошибиться в своих мечтах, но еще больше не хотелось играть на чувствах девушки ради получения информации об отце.

Он надел все белое — брюки, рубашку, туфли, захватил коробку конфет, купленную по случаю еще вчера (как в воду глядел, что понадобится!), бутылку шампанского и поспешил к соседнему дому, привычно отмечая глазом любое д в и ж е н и е вокруг. Нервная система, специально тренированная для специфических нагрузок мастера перехвата, давно научилась прислушиваться к подсказкам подсознания, что не раз спасало Руслану жизнь во время задержания террористов. Не сработала она только в этот вечер, голова была занята предстоящей встречей с понравившейся девушкой. Лишь войдя в подъезд, Костров ощутил дуновение холодного ветра, но не обратил на него внимания, хотя идти дальше расхотелось.

Обычно в таких случаях Руслан сразу начинал анализировать ситуацию и искать виновника беспокойства. В данном случае он был не на работе и встреч с террористами не планировал. Его могли ждать только телохранители Надежды, а их он не боялся. Если бы понадобилось, он мог предъявить свое офицерское удостоверение сотрудника ФСБ.

Поднявшись на пятый этаж и никого не встретив, он нажал кнопку звонка Надиной квартиры. Дверь открылась. Он шагнул вперед, и тотчас же сработала сторожевая система организма, уловившая дуновение угрозы или «ветра смерти», как говорили японские мастера единоборств.

Надежда стояла в глубине прихожей с прикушенной губой и смотрела на гостя, откинув назад голову, с ясно читаемым испу-

гом в глазах. Она не могла открыть дверь сама, это сделал кто-то другой, но отступать было поздно, и Руслан метнулся вперед, нырнул на пол, перекувырнулся через голову, оглядываясь в падении и видя две мужские фигуры — за дверью прихожей и за спиной Надежды, вскочил... и все поплыло у него перед глазами от тяжелого и странного, м я г к о г о удара по голове, нанесенного не столько извне, сколько изнутри. Проваливаясь в беспамятство, капитан услышал полный боли крик девушки:

— Они меня заставили! Я не хотела! Не бейте его!..

После этого он потерял сознание окончательно.

Туман был белым и плотным, как молоко, таким густым и белым, что, казалось, его можно пить и даже резать ножом. Костров попытался облизнуть пересохшие губы, не чувствуя их, так ему вдруг захотелось пить, вознамерился было позвать кого-нибудь на помощь, чтобы ему принесли стакан воды или молока, но обнаружил, что не в состоянии сделать ни одного движения.

Попробовал пошевелиться — с тем же результатом. Зато стал рассеиваться туман перед глазами, в нем протаял розоватый светящийся овал, приблизился и превратился в размытое человеческое лицо с черными провалами глаз.

— Кто вы? — вяло поинтересовался Руслан, не слыша своего голоса.

— Гляди-ка, очухался ханурик, — донесся как сквозь вату чей-то тихий озадаченный голос. — Силен мужик, всего-то три часа и провалялся. Другие на его месте проспали бы сутки.

— Приведите его в сознание...

Костров почувствовал укол в грудь, и сразу вокруг все волшебно переменилось. Туман рассеялся, появилась обстановка спальни: трюмо, шкаф для одежды, люстра над головой, единственная, но очень широкая кровать, на которой лежал сам Руслан со связанными за спиной руками и стянутыми липкой лентой ногами.

В комнате находилось двое мужчин. Один сидел рядом на кровати, смуглолицый, с заметной сединой в красивых волнистых черных волосах, со слегка раскосыми глазами и чувственным ртом. Он сильно походил на Надежду. По-видимому, это и был ее отец, засекреченный ученый, имеющий отношение к исследованию Криптозоны и Башни.

Второй мужчина оказался «боксером», спутником Надежды, который ее опекал.

— Здравствуйте, Руслан Иванович, — сказал Докучаев. — Книжечку вашу мы нашли с фейсом и фамилией, так что знаем, с кем имеем дело. Как вы себя чувствуете?

— В общем и целом неплохо, Николай Николаевич, — попытался усмехнуться Руслан онемевшими губами.

Мужчины переглянулись. Молодой покачал головой, злобно поджал свои тонкие бледные губы.

— Я же говорил, что он знает больше, чем вы думаете.

— Рассказывайте, капитан, — проговорил Докучаев. — Зачем вам, сотруднику группы антитеррора «Антей», понадобилось следить за нами?

— Ни за кем я не следил, — скривился Руслан. — Все получилось случайно. Увидел вашу дочь в ресторане с этим хамоватым мудаком...

«Боксер» шагнул к кровати и ударил Руслана по лицу.

— Остынь, Михаил, — отстранил телохранителя Николай Николаевич. — Продолжайте, Руслан Иванович.

— Еще раз ударишь — убью! — глухо пообещал Руслан, слизывая с разбитых губ кровь.

«Боксер» снова замахнулся, но его остановил отец Надежды, недовольно проговорил:

— Дай побеседовать спокойно с человеком. Выйди на минуту.

— Но он очень опасен!

— Он связан и слаб после укола. Выйди.

Михаил бросил на Руслана злобно-предупреждающий взгляд и вышел.

— Он хороший телохранитель, — посмотрел ему вслед Николай Николаевич, — но иногда переходит все границы. К тому же ревнив.

— Собственно, из-за этого я и вмешался тогда, увидев, как он ведет себя с вашей дочерью. В тот момент я не знал, что Надя — ваша дочь.

Докучаев нахмурился.

— Он себе что-нибудь... позволил? По отношению к Наде?

— Не знаю их отношений, но вел он себя совершенно по-хамски. Пришлось вмешаться и отвезти вашу дочь домой, благо мы соседи. С этого все и началось. О том, что вы работаете в лаборатории и на оборонку, я узнал только сегодня... вернее, вчера. Развяжите меня.

Докучаев покачал головой.

— Вы становитесь опасным свидетелем, капитан. Боюсь, вас

не спасет ни ваш непосредственный начальник полковник Варавва, ни руководитель Управления генерал Кирсанов. Уж очень глубоко вы нырнули в наше ведомственное болото. Небось проверили, чем мы занимаемся?

— Не успел, — пошевелился, меняя позу, Руслан. — Знаю только, что вы работаете в Криптозоне и занимаетесь исследованием энергоинформационных процессов.

— Это все?

— Все!

Докучаев с сомнением пригладил пальцем бровь.

— Хотелось бы верить... хотя это все равно проблемы не решает. Вы не должны были вмешиваться в наши дела.

— Я же говорю, что не вмешивался! — разозлился Руслан. — Ну, побил ваших «шестерок», так они того заслуживали!

В комнату заглянул Михаил.

— Пациент плохо себя ведет, Николай Николаевич?

— По его словам, ты ведешь себя не лучше. Что же с ним делать?

— Отдайте его нам! Он тихо исчезнет, никто никогда не найдет.

— Ты не знаешь его отца. Тот докопается. Надо сделать так, чтобы он все забыл, а Наде сделать внушение, чтобы случайно не проболталась.

— Сделаем.

— Надя тоже в вашей компании? — горько усмехнулся Руслан.

— В каком смысле? Она моя дочь, но, конечно же, к моей работе никакого отношения не имеет. А так как она очень самостоятельна, ее свободу приходится ограничивать. Но не так, как ты это делал. — Докучаев с мрачной иронией посмотрел на телохранителя. — С этого момента ее будет сопровождать другая тройка.

— Но я же...

— Ты понял?

— Понял, — сник Михаил, одарив Руслана таким взглядом, что тот невольно напряг мышцы, пытаясь разорвать путы на руках.

— К сожалению, — продолжал Николай Николаевич, — Надя в последнее время совсем отбилась от рук, не слушается, самовольничает, знакомится с кем попало и так же, как и вы, становится непредсказуемо опасным свидетелем. Мне, очевидно, к глубокому прискорбию, придется принимать адекватные меры.

— Случайно не такие, какие были применены к полковнику Полторацкому?

Докучаев озабоченно нахмурился.

— Почему вы решили, что полковника убрали мы? Ведь он ваш работник. И убили его прямо в Управлении.

— Я не решил, просто фантазия разыгралась.

— М-да... — Николай Николаевич пожевал губами, встал, походил по комнате. — Может быть, завербовать его в нашу контору?

— Да на хрен он нам сдался? — оскалился «боксер». — Своих лохов хватает.

Докучаев улыбнулся.

— Да уж, соперник он сильный. Руслан Иванович, вы действительно не знаете, чем мы занимаемся?

— Не люблю повторяться.

Докучаев снова пригладил бровь, дернул себя за нос, решая какую-то проблему, прошелся вокруг кровати.

— Есть одна идея... — Он посмотрел на телохранителя. — Принеси мой кейс.

Михаил вышел и через минуту принес малиновой кожи «дипломат» с электронным замком. Николай Николаевич открыл его и достал необычной формы огромный пистолет с коротким и толстым, но без отверстий, коричневым дулом.

— Знаете, что это такое?

Руслан отрицательно покачал головой.

— Эту машинку мы обнаружили в Башне около двадцати лет назад, когда она еще была доступна. Долго ломали голову, что это такое, пока не разобрались. Так вот перед вами очень мощный универсальный психотронный генератор, способный запрограммировать любое живое существо. Я подключился к проблеме всего пять лет назад и решил ее. — Докучаев усмехнулся. — Честно говоря, мне хотелось перед кем-нибудь похвастаться, так уж вышло, что это оказались вы. Разумеется, со всеми вытекающими последствиями.

Руслан встретил взгляд ученого и понял, что тот имел в виду.

— Вы хотите с помощью этого... программатора... закодировать меня?

— Моя дочь редко ошибается в людях, — вздохнул Докучаев. — Вот и вас она оценила правильно. Вы слишком умный, сильный и романтичный мужчина, капитан. А это, как вы понимаете, перебор. Придется вас действительно закодировать, хотя и не с помощью этого страшилища. Оно создано, по словам Игоря Васильевича Ивашуры, не на Земле и не людьми. А мы на его основе создали свой генератор.

Докучаев уложил тяжелый с виду пистолет в кейс, закрыл, перевернул и открыл. В отделении с другой стороны «дипломата» лежал сверкающий хромированными деталями еще один пистолет, более изящный, с длинным гофрированным дулом красного цвета.

— Знакомьтесь, Руслан Иванович, это наш опытный образец пси-генератора «кобра». — Докучаев достал свое детище и трепетно погладил его ствол. — Он намного легче прототипа и хотя работает пока неустойчиво, скоро пойдет в серию. А до ума мы его доведем.

Руслан посмотрел на восторженно-увлеченное лицо ученого с горящими глазами, лицо фанатика своего дела. Отцу Надежды было плевать на весь мир, лишь бы ему не мешали. О последствиях применения своих разработок он не задумывался.

ГЛАВА 4

Они собрались в квартире Ивана Кострова в девять часов утра: бывшие «хронодесантники» Игорь Васильевич Ивашура, слегка располневший, но сохранивший живость ума и присущую ему решительность, жена Ивашуры Вероника Даниловна, сам Иван Петрович, Тая (Таисией Николаевной ее никто не называл, выглядела она всего на тридцать) и бывший полковник военной контрразведки Олег Борисович Гаранин. Он облысел, но держался бодро и часто шутил, повторяя: из двух совершенно одинаково умных людей лысый умнее.

Помянули погибших в походе Мишу Рузаева и Сурена Гаспаряна. Помолчали. Потом вспомнили свои приключения и разговорились. А в самый разгар воспоминаний появился еще один гость — Игнат Ромашин, бывший Судья уровня социума в прошлой Игре. Гаранин был единственным, кто его еще не знал.

Их представили друг другу, и беседа возобновилась.

— Ну, и как вам там живется, в параллельных измерениях? — поинтересовался бывший полковник. — Хуже или лучше, чем у нас?

— Смотря по каким параметрам сравнивать, — усмехнулся Ромашин, накрывая рюмку ладонью: алкоголя он не употреблял. — Дело в том, что в нашей Ветви развитие социума пошло несколько иным путем. У нас на всей Земле победил коммунизм.

— Завидно! — крякнул Гаранин, с силой приглаживая голый

череп. — Хотел бы я пожить у вас какое-то время, посмотреть, чем вы дышите. Небось техника у вас на высоте?

— Куда ж без нее? Разумеется, уровень техники высок, хотя и не максимален. Мой кванк из «опередившей» нас Ветви утверждал, что их техника слилась с природой и подчиняется мысли человека. Земля у них представляет одну колоссальную зону работы-отдыха, изменяющуюся в соответствии с желаниями жителей.

— А разве ваша техника не поддается мысленному контролю?

— Скажем так: не вся, в разумных пределах. Мои соотечественники не все обладают необходимой сдержанностью и точностью мысли. К сожалению, и при коммунизме социум рождает людей с извращенной психикой, властолюбцев, агрессоров и даже отморозков, если пользоваться вашими терминами.

— Даже так?!

— Это объективное явление. Социальная стадия эволюции разума во Вселенной — самая низкая из всех. Древо Времен же реализует все стадии без исключения, на то оно и Древо Воли Творца.

— Разве бывают еще какие-то стадии?

— У самого социального уровня насчитывается множество подуровней. Вспомните квисторию: каменный век, бронзовый, железный, этнокультурный...

— Что еще за квистория?

— Ах да, — спохватился Ромашин, — у вас же еще нет этой науки. Квистория — квантовая история, наука, изучающая вероятностные модели исторического развития цивилизации Земли на всех ее копиях. У нас эта наука появилась почти сразу вслед за созданием и запуском хронобура. Так вот, отвечаю на ваш вопрос о стадиях развития цивилизаций. Лично я знаю четыре стадии: социальная, толерантная, духовной интеграции, энергоинформационной интеграции. Самая длительная из всех — социальная, и она же — самая ранимая и непредсказуемая. Чаще всего цивилизации биологического цикла гибнут именно на этой стадии. Вообще цивилизаций, переживших социальную стадию, мало, зато они потом идут по пути развития достаточно стабильно.

— А есть цивилизации небиологического цикла?

— Сколько угодно.

— Однако на эту тему можно говорить долго, — прервал Иван Петрович поток вопросов Гаранина. — Давайте вернемся к нашим проблемам.

— Я еще не все выяснил, — с сожалением проговорил Олег

Борисович. — Вряд ли потом удастся поговорить свободно. Последний вопрос можно?

— Валяйте, — с улыбкой в глазах кивнул Ромашин.

— Как у вас с модой?

Мужчины переглянулись. Женщины, прислушивающиеся к разговору, переглянулись тоже и засмеялись. Гаранина это не смутило.

— Это я к тому, что у нас начали носить нечто невообразимое и безобразное, глядеть тошно. Мало того, что почти перестали носить пиджаки и галстуки, так все норовят нарядиться в спортивные костюмы, колготки, кепи, шорты и майки. Даже на официальных приемах мужики стали появляться в свитерах и безрукавках! А вы прибыли в нормальном цивильном костюме.

— Спортивная одежда удобна, — пожал плечами Ромашин, — вот и носят. Просто мода в компьютерном веке стала более прагматичной. Дома перед монитором гораздо удобнее сидеть в халате, пижаме или в трусах и майке, а не в приталенном костюме. И еще большую роль играет технология изготовления одежды. У вас до сих пор используются естественные материалы на основе льна, хлопка и шелка, а наши уники — многодиапазонные костюмы из жидкокристаллических материалов с трансформацией формы, они могут изменяться в широком спектре существующих стилей. Например, я могу ходить вот так.

Ромашин что-то сделал, и на глазах изумленных зрителей его блестящий пуловер и брюки с искрой превратились в роскошный белый костюм со множеством деталей, с поднятыми плечами, рюшами, воланами и стоячим воротником.

— Нравится?

— Бесподобно! — проворчал Гаранин.

Все засмеялись.

— Как называется это безобразие? — поинтересовалась Вероника.

— Джансин, костюм для торжеств. Вы удовлетворены, Олег Борисович?

— О да! — с чувством сказал Гаранин.

Все снова засмеялись.

Ромашин шевельнул рукой, и белый костюм превратился в обтягивающую торс водолазку и брюки.

— Итак, на чем мы остановились?

— А как у вас шло развитие науки и техники? — Олег Борисо-

вич виновато посмотрел на остальных, но не увидел на лицах осуждения, все заинтересовались ответом.

— Примерно так же, как и у вас. В две тысячи первом году, если память мне не изменяет, организовалась глобальная сеть мобильных телефонов с выходом на спутники. В две тысячи втором нашли прививку от аунримы — это аналог вашего СПИДа. Разработали всемирную сеть видеотелефонов. В две тысячи пятом, — Ромашин с улыбкой в глазах посмотрел на Гаранина, — открыли эффективное средство против облысения.

— Да я уже привык, — под общий смех сказал Олег Борисович, погладив лысину.

— На Марс первая пилотируемая экспедиция отправилась у нас в две тысячи восемнадцатом году, на Венеру — в две тысячи двадцатом. В две тысячи пятидесятом заработал первый термоядерный реактор. В две тысячи сотом ученые научились «доить» вакуум и делать «энергоконсервы» на основе МК — мини-коллапсаров, что сразу подтолкнуло выход в Галактику космической индустрии. Заработали первые станции метро. Ну, и так далее.

— Ясно, — хлопнул ладонью по столу Костров. — Теперь поговорим о том, ради чего мы собрались. Что вам удалось выяснить, Игнат?

Ромашин посерьезнел.

— Положение хуже, чем я ожидал. Подступы к Стволу охраняет армия, но руководит всей Криптозоной эмиссар Игрока Леонид Данилович Козюля, бывший генерал, бывший советник президента, а ныне — зампредседателя Совета безопасности. Ему помогает еще один тип — доктор наук Тьмаревский, и я подозреваю, что он запрограммирован на определенного рода деятельность. Мало того, военспецы двух десятков лабораторий, работающих в Криптозоне, заняты не столько изучением феноменов Башни, сколько разработкой новых видов оружия, и некоторые из них весьма сильно продвинулись в своих областях. Особенно лаборатория Докучаева: эти ребята работали с программатором...

— Где они его нашли? — удивился Ивашура. — При мне никто таких вещей не находил.

— Где они раздобыли программатор «хронохирургов», я не знаю, но факт остается фактом. Докучаев докопался до принципа работы программатора и создал свой суггестор «кобра». Вряд ли об этом не знает эмиссар. Думаю, как раз с его подачи и началась разработка психотронных супергенераторов, способных воздействовать на всех существ биологического цикла.

В гостиной Костровых стало тихо. Потом шевельнулся Олег Борисович, с прищуром глянул на Ромашина.

— Откуда у вас эти сведения, комиссар?

— От верблюда, — с иронической усмешкой ответил Игнат.

— Ты забываешь, что он — бывший Судья, — сказал Ивашура. — У него должны были остаться технические средства съема информации из любых источников. Не правда ли, Игнат?

— Совершенно верно, Игорь Васильевич. Кое-что в моем распоряжении оставили после окончания Игры. Не технику — з н а н и е приемов и методов управления пространством и временем. Хотя многое пришлось забыть. Но путешествовать по Ветвям я могу почти свободно. Через Ствол, конечно, хотя тут уж ничего не поделаешь. Трансгресс мне, к сожалению, неподвластен.

— Так вы уже заделались бровеем? — мягко пошутила Вероника.

— Ну что вы, Верочка, до бровея мне далеко. Это уже совсем другой уровень реализации возможностей. Бровеи могут выходить из потока времени и сопротивляться необходимому действию.

— Что это значит?

— Это значит, что они независимы от условий Древа Времен. У меня даже есть подозрение, что бродяги по Ветвям — е д и н с т в е н н ы е зрители Игр. И заказчики.

— Мы снова отвлеклись, — недовольно сказал Костров. — Игнат, Олег Борисович не в курсе событий, можно, я в двух словах обрисую ситуацию?

— Разумеется, какие могут быть возражения?

Иван Петрович поставил на стол бокал с шампанским, посмотрел на Гаранина, сдвинув брови, и рассказал ему все, что знал сам. Молчание на сей раз длилось дольше, несколько минут. Опытные профессионалы-«хронодесантники» спокойно продолжали завтракать, пить чай и кофе, поглядывая на замолчавшего Гаранина, и думать о своем. Наконец бывший полковник военной контрразведки привычно пригладил лысину и медленно проговорил:

— Я не понимаю, что можем в этой ситуации сделать мы — люди. По-моему, ни один уровень Игры нам сейчас недоступен.

— Ошибаетесь, — тихо возразил Ромашин. — Мы не можем повлиять непосредственно на Игрока или отменить его ход, но мы можем — и обязаны! — помочь тем, кто м о ж е т это сделать.

— И что, уже есть такие гиганты? — иронически хмыкнул Гаранин.

— Да, это наш знакомый Павел Жданов. Точнее, разумно-исполнительная система кванков Жданова. В настоящее время многие из них застряли в «засыхающих» Ветвях, попали в засады и ловушки по воле эмиссаров Игрока и не могут выбраться самостоятельно. Им надо помочь освободиться и собрать всех вместе, чтобы образовалась с т а я единого духовного наполнения и воли. Возможно, это заставит Игрока, начавшего Игру на свертывание наших Ветвей-Метавселенных, прекратить играть не по правилам.

— Но вы не уверены в том, что это возможно?

— Не уверен, — не отвел взгляда Игнат. — Однако у нас нет иного выхода! Необходимо создать команду, которая никем не контролируется и никому не известна. Для чего надо действовать тихо и аккуратно, чтобы не насторожить местных эмиссаров.

— Кто возглавит эту команду? Вы?

— Нет, я слишком заметная фигура, меня не пропустят так далеко, как надо пройти. Руководителем избран молодой человек, квистор с задатками оператора, сын Павла Жданова и Ясены, аборигенки из «тупиковой» Ветви. Хотя сам он еще не знает об этом. Его зовут Ивор, и он будет ждать отряд на родине матери.

— С задатками кого? Вы сказали — оператора...

Ромашин привычно наметил улыбку.

— В понятии ваших соотечественников термин «оператор реальности» соответствует термину «волшебник». Или маг.

— Понятно... — Гаранин озадаченно оттянул губу, спохватился. — Хотя что я говорю?! Ничего мне не понятно! Маги — это ведь из фольклора, сказочные персонажи, а я человек сугубо материальный и простой.

— Поверили же вы в Древо Времен, поверите и в людей, обладающих магическими способностями.

— А что такое «тупиковая» Ветвь? Как Вселенная может быть «тупиковой»?

— Некоторые Ветви дальше не ветвятся, не разделяются на квантовые копии в силу каких-то неведомых нам запретов. Еще загадка, почему наш Ствол-Башня вышел в реальность этой Ветви.

— Но я все же не вижу, кто может возглавить команду здесь, у нас, — проговорил Ивашура. — Нам всем за шестьдесят, воинские нагрузки уже не каждому по плечу.

— Надо искать людей, единомышленников, — сказал Гаранин. — Я попробую отыскать парочку подходящих ребят.

— В принципе я знаю Ветвь, где на ее Земле живут очень интересные люди, — сказал Ромашин. — Железовский, Берестов,

Панкратов... очень мощные личности. Особенно Железовский. Весьма колоритная интеллектуальная фигура. Можно было бы предложить им присоединиться к команде. Но у них своих проблем полон рот: сложные контакты с негуманами, встреча со сверхоборотнем — реликтовой формой жизни, сформировавшей миллиарды лет назад законы физических взаимодействий их метагалактического домена — Ветви. Они назвали это сверхсущество Конструктором. Кстати, их Ветвь тоже «тупиковая» и на кванки не делится.

— Нет, если уж браться за дело, посылать отряд, то со своим командиром, — твердо сказал Костров. — Предлагаю на этот пост своего сына. Он в курсе всех событий, мастер боя и ответственный человек.

По гостиной поплыло молчание. Все почему-то посмотрели на Таю. Мать Руслана слабо улыбнулась.

— Я не возражаю... хотя и боюсь за него. Но наш мальчик справится, я уверена.

— Он не мальчик, но мужчина, — проговорил Ивашура. — Пожалуй, лучшей кандидатуры не найти. Но согласится ли он?

— Позвони ему, — посмотрел на жену Иван Петрович, — пусть подъедет. Хотя вырваться ему с работы будет трудно, у них там ЧП: убит главный эксперт Управления полковник Полторацкий.

Гаранин крякнул:

— Эт-то еще что такое?!

— Подробностей пока не знаю, но Руслан расскажет.

В дверь вдруг позвонили.

Костровы переглянулись.

— Ты кого-нибудь ждешь? — глянул на Ивана Петровича Ивашура.

— Как будто нет...

Костров вышел в прихожую, открыл дверь, послышались голоса, и в гостиную вошел Руслан. Но в каком виде! Лицо разбито, над бровью ссадина, губы и нос распухли, рубашка вся в крови и разорвана, белые брюки тоже в пятнах крови. Но в глазах — ни тени страха, спокойная уверенность в себе и виноватая озабоченность, будто он заранее извинялся за появление в таком виде перед честной компанией.

Вскрикнула Тая, бросаясь к сыну. Мужчины встали.

— Что случилось?! — осведомился Костров-старший, входя вслед за сыном. — Ты с кем-то подрался? На тебя напали?

— Кошки, — растянул губы в кривой улыбке Руслан, успокаивающе погладил по руке подбежавшую к нему мать. — Все в порядке, я жив и здоров. Сейчас умоюсь, приду в норму и все расскажу.

Он вышел, сбрасывая на ходу рубашку, заперся в ванной. Тая, потрясенная и бледная, вернулась в гостиную.

— Ничего, не в первый раз, — проворчал Иван Петрович, обнимая жену. — Работа у него такая нервная. Наверное, участвовал в какой-нибудь операции по задержанию бандитов. Пора бы уж привыкнуть

— Никогда не привыкну! — всхлипнула Тая. — Он такой бедовый! Везде первым норовит быть, особенно там, где опасно.

Четверть часа прошло в молчании, лишь звякали ложки о края чашек — мужчины нервно пили чай, вздыхали женщины, да шелестела одежда. Наконец Руслан вышел из ванной комнаты в полосатом халате, вытирая волосы полотенцем. Кровь с лица он смыл, и, хотя синяки и ссадины остались, а губы напоминали оладьи, выглядел он уже не таким страшным, как прежде.

— Рассказывай, не тяни душу, — бросил Иван Петрович, сдерживаясь.

Руслан сел за стол, налил стопку рома и выпил. Морщась, сунул в рот дольку лимона, потом прожевал кусок буженины и начал рассказ...

— Полежите немного, — сказал Докучаев, направляясь к двери, — я сейчас составлю программу и вернусь.

Руслан дернулся, напрягаясь до боли в предплечьях, так что ремень врезался в кожу рук, но ослабить путы не смог.

— Да не переживайте вы так, — оглянулся Николай Николаевич. — Кодирование — безболезненная операция, вы ровным счетом ничего не почувствуете, разве что уснете, а когда проснетесь, будете послушным и начнете сотрудничать с нами.

Он вышел.

В комнате остался закуривший телохранитель. Воровато оглянувшись на дверь, он подошел к кровати и ударил Руслана по лицу.

— Это тебе за откровенность, козел!

В то же мгновение Руслан, изогнувшись, нанес ему удар ногами в челюсть. Михаил едва не проглотил сигарету, взмахнул руками, отлетая в угол, с грохотом разбил трюмо.

— Ах ты, б...! — Он выплюнул сигарету, схватился за писто-

лет, и в это время в спальню заглянул Докучаев. Кинул взгляд на разбитое зеркало, на Руслана с поджатыми к груди коленями, поманил пальцем Михаила:

— Выйди!

Телохранитель спрятал оружие под мышку, шагнул из комнаты, прохрипел, оглянувшись:

— Мы еще договорим!

Дверь закрылась.

Руслан расслабился. Откинулся на подушку, опустил ноги, отдыхая. Потом начал изучать интерьер, пытаясь найти выход из положения. Взгляд упал на осколки зеркала.

Решение созрело мгновенно.

Руслан спустил ноги на пол, потом вообще сполз на паркет и подкатился к трюмо, выбирая осколок поострее. И в этот момент в комнате появился человек. Руслан замер, не веря глазам. На него с непонятной полуусмешечкой смотрел тот, кто назвал себя Мимо. По словам отца — бродяга по Ветвям Древа Времен.

— Положение ваше, однако, незавидное, — промолвил бровей Мимо, оглядывая спальню. — Как вас угораздило так опростоволоситься, капитан?

— И на старуху бывает проруха, — буркнул Руслан. — Лучше помогите освободиться.

— Это не входит в мои обязанности. Вы должны выпутываться из таких положений самолично, а лучше не попадать в подобные ситуации.

— Спасибо за совет, я его уже где-то слышал. Это все, что вы можете себе позволить?

— Могу немного придержать время, — показал бледную улыбку бровей; зубы у него имели зеленоватый оттенок. — Если это вас устроит.

— Вполне. — Руслан с трудом пристроил осколок зеркала между рук, порезавшись не один раз, начал тереть им ремень, стягивающий запястья. — Как вы здесь оказались?

— Случайно проходил мимо, — с иронией сказал бровей.

Руслан скривил губы.

— Ваше имя случайно не отражает суть характера, если вы всегда проходите мимо?

— Подмечено верно, — кивнул без улыбки Мимо, останавливаясь напротив сидевшего на полу Кострова. — Это характерная особенность всех бровеев. Вы уверены, что справитесь с возникшей проблемой?

— Справлюсь, — пообещал Руслан. — Хотя вам-то что за дело? Вы же бродяга, зритель, так сказать. Какая вам разница, что будет со мной, если вы даже помочь не хотите?

— Я могу помочь, но тогда это будет означать ваш проигрыш. Вы выбываете из Игры. Для меня же это не слишком приятный вариант, я поставил на вас. Если выберетесь — шанс поднять свой уровень у вас сохранится.

— Но я не играю...

— Уже играете, хотя еще не знаете об этом.

— Понятно. — Руслан закусил губу, порезавшись еще раз, и в это время ремень лопнул. — Значит, вы хотите меня завербовать в команду одного из Игроков? Так?

Он начал массировать затекшие руки, не обращая внимания на сочившуюся из порезов кровь, потом тем же осколком стекла, похожим на ятаган, разрезал ленту на ногах, встал.

— Вы неправильно меня поняли, Руслан Иванович, — сказал бровей Мимо, с любопытством разглядывая лицо Кострова. — Я не вербовщик, я действительно зритель, поставивший определенную сумму — речь о деньгах не идет — на понравившегося спортсмена.

— Бровеи участвуют в тотализаторе?

— Что-то вроде этого.

— Я не спортсмен.

— Вы любите азарт и риск, этого достаточно. Прощайте.

— Вы уже уходите?

— Да, мой запас интереса к вам подошел к концу. Да и в других районах вашего мира тоже происходят интересные события, боюсь пропустить.

— Но там вас задержит охрана...

— Где?.. Ах, здесь... Не волнуйтесь, местная охрана не может задержать того, кто абсолютно свободен в пределах Древа Времен. Желаю удачи, капитан.

— Подождите! — вспомнил Руслан. — Подскажите, где сейчас находится Надежда... э-э... дочь хозяина этой квартиры.

— Она отправлена в Криптозону, как вы называете территорию вокруг кванка хронобура, — не удивился вопросу Мимо. — Зачем она вам? Она же вас, по сути, подставила, предала. Очень неэтичный поступок.

— Ее заставили! К тому же только по-настоящему хорошая женщина может совершить по-настоящему глупый поступок.

— Какое необычное утверждение. Ваше?

— Оскара Уайльда.

— Неужели вы броситесь за ней, начнете спасать, рискуя жизнью и карьерой?

— Еще как начну!

— Тогда вы глупей, чем я думал.

— Полегче, господин бровей! — с угрозой проговорил Руслан. — Я ведь тоже невысокого мнения о вас и вашей нравственной позиции. Идите своей дорогой и предоставьте мне мою.

Бровей Мимо пожал плечами и исчез.

Руслан унял дрожь в коленях, глубоко вздохнул и рванул дверь спальни на себя...

В гостиной никто не проронил ни звука, все ждали продолжения рассказа. Лишь Тая, прижавшая кулачки к груди, прерывисто вздохнула.

— Что было дальше? — очнулся Иван Петрович.

— Остальное было делом техники, — небрежно отмахнулся Руслан. — Они не ждали, что я освобожусь и выйду.

— Надеюсь, ты никого не...

— Папа, я воспитан тобой и обучен убивать лишь в смертельной ситуации, когда или ты — или тебя. Конечно, кое-кому из них досталось, — Руслан виновато посмотрел на мать, — но ведь и они меня не жалели.

Костров-старший посмотрел на Ромашина.

— Оставляю предложение в силе.

— Насчет командира группы?

— Да.

— Но он наверняка захочет повидаться с этой девушкой... К тому же он влез в осиное гнездо спецслужб и будь здоров как расшевелил его. Парня начнут искать...

— Это вы обо мне? — поинтересовался Руслан. — Может, объясните, что имеется в виду? Кстати, я ведь тоже не беззащитен и тоже работаю в спецслужбе. Отобьемся.

— Один ваш сотрудник не отбился, — мрачно проговорил Гаранин.

— Вы имеете в виду Полторацкого? Уверен, его убрали агенты эмиссара Игрока, а не люди Докучаева. Я уже думал над этим и постараюсь выйти на киллера.

— Ну? — оглядел лица мужчин Иван Петрович.

— Я — за, — сказал Ивашура спокойно.

— Можно попробовать, — буркнул Гаранин. — Но тогда и я

пойду с ними — в качестве советника. Одна лысая, но опытная голова не помешает.

— Пожалуй, — с легким сомнением кивнул Ромашин, отвечая одновременно Олегу Борисовичу и Кострову. — Надеюсь, бровею Мимо не придется разочаровываться в его и нашем выборе.

— Па, объясни! — потребовал Руслан, сдвинув брови.

Иван Петрович вздохнул.

— Мы хотели бы, чтобы ты возглавил спецгруппу для освобождения кванков Павла Жданова. Пойдешь?

Руслан прищурился, оглядел ждущие лица присутствующих, помолчал: внутренний голос давно уже сказал «да» — и медленно проговорил:

— Я согласен.

ГЛАВА 5

ВБрянске Руслан задерживаться не стал. Заехал в местное Управление ФСБ, поговорил с подполковником Курницким, приятелем и однокашником Вараввы, который посоветовал Кострову сначала разузнать все новости от коллеги, и поехал дальше, в Жуковку. Башня располагалась в четырех километрах от этого небольшого провинциального городка, часть жителей которого так и не вернулась на родную землю, когда почти тридцать лет назад Башня после очередной пульсации начала угрожать окраинам райцентра. По словам Курницкого, около сотни частных домов, деревянных и кирпичных, располагавшихся на восточной окраине Жуковки, так и оставалось пустыми по сей день. В некоторых из них еще можно было жить.

Конечно, Руслан не сказал Варавве, что у него помимо официального задания раздобыть в Криптозоне образец суггестора «кобра» есть еще личные планы. О том, что дочь военспеца Докучаева отправлена туда отцом, полковник не знал. Но обо всем остальном, что с ним приключилось в домѐ Николая Николаевича, Руслан доложил начальству в подробностях, сначала Варавве, потом начальнику Управления генералу Кирсанову.

Их реакция его не удивила. Оба не слишком любили параллельные структуры и ревниво следили за успехами коллег во всех областях сотрудничества и соперничества. В данном же случае речь шла о возможности получения доступа к разработкам психотронного оружия, чем занималась лаборатория Докучаева, и Руслану была дана команда найти ключик к лаборатории: либо

через самого профессора, либо через его родных и близких, либо через охрану и рабочее окружение.

Смерть Полторацкого напрямую с разработками лаборатории суггестора «кобра» никто не связывал, но Варавва в конфиденциальном разговоре с Русланом дал понять, что у них теперь очень удобная позиция и что вполне можно будет сослаться на этот случай как на факт связи Полторацкого с оборонкой.

— Полторацкого могли убрать за то, что он через свои связи узнал о разработке «кобры», — сказал Варавва. — Кстати, учти, если это соответствует действительности, ты на очереди следующий. Поскольку ты ценный опер нашей конторы, официального обвинения тебе предъявлять на станут, но попытаются убрать как эксперта.

— Учту, — пообещал Руслан.

Теперь он ехал в Криптозону в командировку, и не один, а с группой, что намного увеличивало шанс заполучить необходимую информацию, а заодно увидеться с Надеждой и уговорить ее уйти от отца. Почему-то Руслан был уверен, что она согласится.

Его идея спасти девушку не встретила особого понимания среди друзей отца, но возражать никто не стал, даже мама, знавшая упрямый и твердый характер сына. А Ромашин в напутственном слове добавил, что будет неподалеку от Криптозоны и в случае чего поможет «советом и делом». Это заявление окончательно развеяло сомнения в правильности решения Костровамладшего, и команда отца дала «добро» на его «освободительный поход». Одновременно ему дали задание подыскать несколько кандидатур для спецгруппы, которая должна была уйти в Башню ради спасения Вселенной (никто даже не улыбнулся, когда Ивашура произнес эту фразу). Руслан согласился. У него уже родились кое-какие идеи, но озвучивать их он не стал. Ему казалось, что времени для формирования десанта еще достаточно.

В Жуковку он приехал к обеду, перекусил в кафе «Десна» возле железнодорожного вокзала и дождался квартирьера — старшего лейтенанта Маркина, который отправился к месту назначения на день раньше.

Старлей Гена Маркин был небольшого росточка — метр семьдесят «с кепкой», кругленький, светловолосый, веснушчатый, тихий с виду человек, неспособный обидеть даже муху. Но оперативником он показал себя классным, владел всеми видами оружия (метал ножи, как циркач, попадая с двадцати пяти метров в шляпку гвоздя), прекрасно готовил (с ним хорошо было выез-

жать на природу), разбирался в людях и везде имел приятелей, знакомых и просто нужных людей. Посылая его в Жуковку квартирьером, Руслан не сомневался, что вопрос размещения группы будет решен оптимально.

Гена Маркин возник у машины Кострова (поехал он не на своей «Мазде», а на служебной «Волге») точно в назначенное время, сел рядом с водителем и пожал ему руку.

— Привет, командир. Нормально добрался?

— Вопрос уже предполагает ответ, коль я здесь, — хмыкнул Руслан. — Докладывай.

— Рассматривались три стандартных варианта размещения ребят: местная гостиница на тридцать мест, частный сектор и негласное поселение в заброшенных домах на окраине города. Остановились на последних двух. Первый, к сожалению, отпал сразу, так как гостиница контролируется нашими же парнями из конторы и контрразведчиками оборонки. Кстати, здесь по улицам часто шастают патрули в форме и без, проверяют документы.

— Что ж поделаешь — Криптозона рядом.

— В общем, Витек, Лева и Вовчик поселились в одном из брошенных домов Жуковки, за бывшим противотанковым рвом. Место очень удобное, рядом с лесочком, почти не просматривается со стороны, разве что с улицы. Рядом живет компания каких-то неопрятных личностей, вероятно, бомжи, человек восемь. Так что в крайнем случае можно замаскироваться под них. Керим и Жора устроились в частном секторе на улице Учительской, недалеко от зоны. Сашу пришлось размещать через моих родственников в деревне Латыши, хотя она заслуживает большего комфорта. Зато у нее удобный наблюдательный пункт: один из КПП в Криптозону — буквально под носом, в трехстах метрах от деревни. Паша-летчик поселится в Сидоровке, недалеко от второго КПП.

— Понятно. Мне бы желательно расположиться возле главного входа в зону.

— Все продумано, — ухмыльнулся старлей. — Мы с тобой будем жить у моей тетки Домны Федоровны на хуторе, недалеко от того места, где когда-то располагалась деревня Скрабовка и где теперь торчит Башня.

Руслан удивленно воззрился на Маркина.

— Но ведь это уже на территории Криптозоны!

— Именно, — невозмутимо кивнул старший лейтенант. — Тетка у меня заболела, в натуре, у нее астма, но покидать хутор не

желает, поэтому к ней часто наведываются родственники. Охрана зоны уже привыкла к этому за последние месяцы и проверяет документы спустя рукава. Я же действительно являюсь племяшем Домны Федоровны, даже фамилия та же, а ты сыграешь роль доктора. Документы можно сделать за полдня, а с руководством Жуковской райбольницы мы договоримся, чтобы в случае проверки там подтвердили наличие в штате терапевта с фамилией Костров.

Руслан не выдержал и засмеялся.

— Ты псих, Гена! Это самый наглый и самый экстравагантный из способов проникновения на чужую территорию, которые я когда-либо слышал от тебя.

— Не нравится — поищем другой вариант, — не смутился Маркин.

— В том-то и дело, что нравится. Но я не хотел бы раньше времени залезать в зону, где за нами будут следить в тридцать три глаза и три телекамеры. Знать бы, куда господин Докучаев упрятал свою дочь...

— Уже известно, — скромно признался старлей. — Она в Криптозоне, а не в Жуковке, в городке исследователей Башни, живет в коттедже номер три, где останавливается и сам Докучаев. Там же в подвале у него лаборатория. Охраняют коттедж шесть здоровенных жлобов в камуфляже и три в штатском, а также женщина, которая играет роль домохозяйки.

— Откуда ты это узнал?

— Напоил одного из офицериков зоны, он все и выложил.

Руслан несколько мгновений смотрел на простодушное с виду лицо старшего лейтенанта, покачал головой и от избытка чувств хлопнул его по плечу так, что тот сунулся носом в переднюю панель машины.

— Бесценный ты кадр, Гена!

— Осторожнее, товарищ капитан, я человек хрупкий, слабый, практически беззащитный, еще сломаете нужный орган, что я буду делать?

— С меня литр самогона!

— Вы же знаете, мы не пьем, — с достоинством отказался старлей.

— Тогда куплю тебе штаны с лампасами.

— Рад стараться, вашбродь! — вытянулся Маркин.

Руслан показал ему кулак. Тот взял под козырек. Оба рассмеялись. Потом Костров сделался серьезным.

— В таком случае поехали решать вопрос моего трудоустройства в Жуковской больнице. С чего начнем?

— Паша еще в Москве, позвоним ему, он привезет корочки врача. Вечером будем уже в зоне.

— Ребята сейчас где? Устраиваются, отдыхают?

— Обижаешь, командир, — с укором посмотрел на Руслана Маркин. — Они уже вовсю работают. В семь часов назначен общий сбор, каждый отчитается, что видел и слышал.

— Молодцы, не зря я вас муштровал два года.

Руслан посмотрел в окошко на вершину Башни, тронул машину с места, отметив внимательные взгляды двух мужчин в рубашках и джинсах, вышедших из кафе вслед за ним. Возможно, это были негласные наблюдатели ФСБ, патрулирующие улицы Жуковки. Удивляться не приходилось, весь городок, по сути, относился к Криптозоне, где царили порядки военных поселений и лагерей.

* * *

Проникнуть в святая святых спецслужб России (и мира в целом) на протяжении последних тридцати лет — на территорию Криптозоны оказалось не так уж и сложно для таких специалистов, какими были оперативники бригады антитеррора ФСБ. Хотя охраняли эту зону их же коллеги, разве что из другого подразделения Федеральной службы безопасности.

Маркина и Руслана пропустили за пятиметровой высоты бетонную стену, окружавшую Башню по периметру в радиусе трех километров от нее, практически без проволочек. Прямо при них дежурный на КПП позвонил куда-то, продиктовал фамилии Маркина и Кострова, подождал ответа десять минут и вернул гражданские паспорта обоим. Естественно, свои офицерские удостоверения сотрудников группы «Антей» Управления антитеррора ни тот, ни другой предъявлять не стали.

Затем их обыскали, отобрали у Маркина сотовый телефон, проверили у Руслана чемоданчик «врача» и пропустили.

Так Руслан оказался на хуторе Култыга, состоящем из пяти дворов, в километре от мрачной, коричнево-серой, испещренной шрамами и буграми стены Башни и в полутора километрах от городка исследователей, где, по словам старлея, обитала в настоящий момент Надежда Докучаева.

Тетка старлея Домна Федоровна была еще нестарой женщи-

ной, но болезнь подкосила ее, заставила страдать, нервничать и отняла много сил, поэтому выглядела она лет на двадцать старше — седая, рыхлая, малоподвижная, полная, с бледным отечным лицом и седыми волосами. Приезду племянника и «врача» она обрадовалась и, несмотря на позднее время, принялась хлопотать на кухне, собирать на стол. Пришлось съесть отварную картошку с селедкой, по рябчику в виноградных листьях (сосед на охоту ходил) и выпить по чашке чая с мятой.

После этого «врач» Руслан осмотрел больную и порекомендовал ей, во-первых, поменьше заготавливать и хранить в доме сушеные травы, во-вторых, делать специальную дыхательную гимнастику, а в-третьих, пользоваться для профилактики новейшим препаратом астматин, снимающим синдромы астмы. Все эти премудрости Руслану сообщили в Жуковской районной больнице, где работал дальний родич Маркина, и, в общем-то, давая рекомендации женщине, он не выглядел дилетантом.

Уже поздно ночью, стоя на крыльце хаты, капитан и старлей наконец вздохнули спокойно и перекинулись парой слов, глядя то на черную громаду Башни, закрывающую полнеба, то на звезды.

— Нам бы еще сюда пару ребят, — сказал Геннадий, закуривая.

— Да, не помешало бы, — согласился Руслан, отгоняя дым; он не курил. — Но вряд ли это осуществимо. Нас хоть и пропустили в зону, однако наверняка будут держать под неусыпным надзором. Придется справляться одним.

— Больше двух дней задерживаться здесь нельзя.

— Больше и не потребуется. Твоя задача — выяснить завтра все подходы к городку военспецов и выявить средства наблюдения за территорией зоны. Я врач, и мне нельзя высовываться лишний раз.

Маркин кивнул.

В их распоряжении был электронный сканер СЭР, определяющий в радиусе двухсот метров любое оптическое или электромагнитное устройство, а также оружие. Сканер был замаскирован под аппарат для измерения давления, и его привез из Москвы и передал командиру Паша-летчик, получивший прозвище за умение летать практически на всех видах самолетов и вертолетов.

— Вечером ребята перебросят нам через заграждение все, что нужно, и мы пойдем в городок, в гости к господину Докучаеву.

— Надо бы подумать об отходе.

— Подумаем. У нас всего два варианта: с шумом и без. С шу-

мом — это прорываться через один из КПП и уходить в леса и болота. Без шума — я еще не знаю как.

— Через КПП можно пройти и тихо.

— Каким образом?

— Либо помогут ребята, снимут часовых — без мокрухи, понятное дело, либо это сделаем мы. Внаглую.

— Внаглую, говоришь? Хорошая идея. Попробуем.

— Я пошутил.

— А я нет. Если та штучка, за которой мы идем к Докучаеву, — суггестор «кобра» — работает, то она же и поможет нам выбраться. Все, идем спать, глаза слипаются.

— Я еще постою минутку, на звезды полюбуюсь. — Маркин втянул дым, и кончик сигареты разгорелся сильнее. — В столице таких не увидишь. Командир, ты так и не рассказал, кто тебя разукрасил так артистично.

— Я в долгу не остался, — ухмыльнулся Руслан. — Возможно, с этими парнями нам еще придется столкнуться.

Он ушел в дом, разделся в спальне за печкой, где ему отвели спальное место, упал на кровать и провалился в сон, как в омут.

Весь день ушел на сбор информации и подготовку операции по изъятию у Докучаева суггестора «кобра». О том, что Руслан собирается при этом освободить Надежду, из всей группы знал только Маркин, показавший себя с самой лучшей стороны. Старший лейтенант не только проник в городок, где жили военные специалисты, исследователи Башни и офицеры полка охраны, под видом родственника Домны Федоровны, которому понадобилось купить провизии и кое-какие вещи (в городке работал магазин), но и уточнил местонахождение дочери Докучаева. Девушку выводили на прогулку, и Гена полчаса наблюдал за ней, примечая, кто ее сопровождает, сколько их и как они себя ведут. Охранников было двое — «боксер» Михаил, которому Руслан посадил хороший фингал под глазом и едва не снес ухо напрочь, и его чубатый напарник с перевязанной ладонью. Амбал попытался выстрелить в Руслана во время его бегства из квартиры Докучаева, и капитану пришлось действовать быстро и грубо, то есть ломать пальцы, выкручивая пистолет.

В зону решили бойцов группы не вводить, кроме Александры, во избежание подозрений. Охрану Криптозоны могло насторожить появление на охраняемой территории полдюжины здоровых мужиков одновременно. О том, что Саша была не просто ми-

ловидной молодой женщиной, но и сотрудником группы антитеррора, владеющим рукопашкой и навыками сапера, догадаться по ее виду не представлялось возможным. Она спокойно прошла на территорию зоны через главный КПП как армейский медработник, имея на руках соответствующее удостоверение.

К семи часам вечера у Руслана окончательно созрел план действий, и он начал претворять его в жизнь.

Из наблюдений Маркина и ребят за пределами Криптозоны удалось составить схему работы часовых по ее периметру, уточнить деятельность транспортных систем, снабжающих людей внутри всем необходимым и вывозящих отходы, оборудование ученых и дежурные смены. Мусорщики и автобусы с людьми, естественно, досматривались на КПП, а вот машины военных и спецслужб с карт-пропусками под лобовым стеклом проезжали беспрепятственно. Поэтому Костров решил воспользоваться случаем и выехать за пределы Криптозоны на одном из таких автомобилей. Выбор пал на мини-вэн «Шевроле», принадлежащий лаборатории Докучаева. Эту машину выпускали и впускали практически мгновенно, стоило ей только появиться у ворот.

В половине десятого солнце скрылось за надвигающейся пеленой облаков. Стемнело. Маркин вышел из хаты Домны Федоровны и нырнул в лес, держа с членами группы связь по рации. Зная, где за стеной наблюдают зрачки телекамер, он должен был выйти к месту напротив деревни Латыши, куда Вовчик (лейтенант Владимир Васекин) и Леха (лейтенант Шилов) наметили перебросить тюк со спецснаряжением.

Через полчаса Маркин возник во дворе тетки с рюкзаком за плечами. На вопрос Руслана: «Ничего подозрительного не заметил?» — он ответил кратко: «Все тихо».

Они переоделись в камуфляжные комбинезоны «ратник-3» со встроенными рациями, приборами ночного видения и компьютерными органайзерами, рассовали по карманам боезапас, укрепили под мышками оружие — пистолеты «укол», стреляющие усыпляющими иглами, и помощней — бесшумные «дротики». Сделали перекличку всех участников операции и выступили в поход.

В начале двенадцатого, обойдя внутренние лесные посты и телекамеры по сложному зигзагу, капитан и старлей подошли к городку исследователей, состоящему из пятнадцати одноэтажных деревянных домиков и трех коттеджей для особо важных персон, в которые входил и военспец Докучаев Николай Николаевич. Городок освещался пятью фонарями и просматривался

телекамерами, поэтому идти прямо к коттеджу Докучаева было нельзя.

Дождались условленного момента, благодаря господа, что послал тучи на небо, усугубившие темноту ночи. В половине двенадцатого в городке внезапно погас свет. Это сработало спецустройство в трансформаторной будке, предназначенное для вывода из строя подстанции и создания мощного электромагнитного импульса, отключающего компьютеры. На городок и пространство вокруг рухнула тьма. Лишь над зубчатой линией леса в километре отсюда вставало розоватое зарево — там располагались казармы, где жили солдаты охранного полка, — слегка освещавшее Башню.

Руслан выпрыгнул из отводной канавы за пределами городка (места здесь были болотистые и канавы предохраняли поселение от подтопления) и устремился к крайнему коттеджу, к которому в этот миг уже подходила «медработница» Саша. Нашлемная пластина прибора ночного видения позволяла видеть все вокруг почти как днем, разве что в другой расцветке.

На звонок Саши из коттеджа выглянул угловатый и здоровый, как бетономешалка, охранник, осветил девушку фонарем. Послышались голоса: охранник выяснял, что нужно гостье. Понять, что происходит, он не успел. Саша выстрелила в него из авторучки усыпляющей иглой, а возникший рядом Руслан успел подхватить обмякшее тело и без шума опустил на доски крыльца. Весил охранник не меньше ста десяти килограммов, и удержать его было очень трудно.

Появился приотставший от длинноногого командира Маркин, поднял выпавший из руки верзилы фонарь и первым вошел в холл коттеджа. Его встретил второй охранник, не уступавший габаритами первому. Получив в грудь иглу сна, он рухнул на пол с такой силой, что, казалось, вздрогнул весь дом. Откуда-то сверху, с галереи, опоясывающей холл, раздался недовольный мужской голос:

— Что вы там уронили, Панаско?

Сверкнул луч фонаря, выхватывая из темноты тело охранника на полу холла.

Руслан выстрелил.

Третий детина — в темно-зеленой форме офицера — удивленно охнул и опустился на доски галереи. Стало тихо.

— Я налево, ты направо! — бросил в усик рации Руслан. — Обходим первый этаж, потом второй и подвал. Саша, ты ждешь нас здесь.

Маркин, слабо видимый даже аппаратурой «ратника» — комбинезон не пропускал тепло, — исчез в коридорчике справа. Руслан двинулся в другую сторону, пробуя двери. На первом этаже их оказалось три. Одна вела на кухню и в столовую, вторая в подсобное помещение с грудами коробок и ящиков, третья в биллиардную комнату, где двое парней в военной форме увлеченно гоняли шары по столу, освещенному фонарем. На звук открываемой двери они отреагировали поздно и уснули, не успев поднять шума.

Руслан поднялся на второй этаж, подождал Маркина.

— Две комнаты пустые, — выдохнул тот. — В третьей кто-то спит.

— Подстрахуй, здесь пойдем вдвоем.

Они бесшумно двинулись дальше, прислушиваясь к тихим звукам, просачивающимся из-за дверей. Всего комнат на втором этаже коттеджа было четыре. Первая оказалась кабинетом Докучаева, судя по компьютеру на столе, комплексу спутниковой связи, огромному телевизору и двум шкафам, в одном из которых за стеклянными дверцами хранилась какая-то аппаратура, а в другом — книги.

— Поищи в столе, — сказал Руслан. — Потом догонишь. Суггестор похож на пистолет с длинным коричневым дулом.

Выскользнув в коридор, он открыл соседнюю дверь и оказался в спальне хозяина, судя по запаху дорогого одеколона и разбросанной мужской одежде. Докучаева здесь не было.

Следующая комната тоже оказалась спальней, и в ней двое занимались любовью, очевидно, охранник и женщина-домохозяйка, о которой говорил Маркин. Гостей они не ждали и осознать, что происходит, не успели.

В коридоре что-то стукнуло.

Руслан выглянул и увидел лежащего под огромной неподвижной тушей старлея. Прислушался, но все было тихо, лишь из-под двери последней комнаты доносились голоса разговаривающих людей.

— Помоги, — просипел Маркин. — Эта скотина вышла из туалета, когда я закрывал дверь...

Руслан стащил уснувшего гиганта с Геннадия, тот с трудом встал.

— Ну и боров! Он же меня едва не расплющил!

Руслан жестом оставил старлея в коридоре, рванул дверь, за которой на повышенных тонах разговаривали двое, и ворвался в комнату, освещенную двумя горящими свечами.

Это была спальня.

На высокой кровати поверх одеяла лежала Надежда в халатике и в наручниках, откинувшись к спинке кровати. Над ней склонился незнакомый Руслану мужчина в спортивном костюме, сухопарый, с длинным костистым лицом, широкоскулый, с черными зализанными волосами. На звук открываемой двери он удивленно оглянулся.

Кроме него, посреди спальни стоял, засунув руки в карманы брюк, Николай Николаевич Докучаев собственной персоной. В углу прислонился к шкафчику для одежды «боксер» Миша с двумя синяками — под глазом и сбоку на подбородке. Реакция у него была хорошая, он сразу схватился за оружие, но Костров выстрелил первым, и охранник уснул мгновенно, сползая на пол.

Мужчина в спортивном костюме вскочил, встал в позу каратека: руки перед грудью, пальцы вытянуты, ноги полусогнуты.

— Стоять! — глухо приказал Руслан, направляя ствол метателя игл в лицо «спортсмену».

— Кто вы?! — опомнился Докучаев. — По какому праву?!

Руслан покачал пальцем.

— По праву сильного, господин ученый. Вам знакомо это положение, судя по тому, как вы обращаетесь со своей дочерью.

Тихо вскрикнула Надежда. Она узнала голос Кострова.

В спальню бесшумной тенью проскользнул Маркин.

— Уведи его, — кивнул на Докучаева Руслан. — Надеюсь, он покажет, где хранится «кобра».

— Как вы смеете?! — начал было Николай Николаевич и умолк, увидев направленный на него ствол пистолета.

— Шагай, — повел стволом Маркин.

Они вышли.

— Кто вы? — осведомился мужчина в спортивном костюме.

Руслан снял шлем, усмехнулся.

— Коллега в некотором роде. А ты случайно не директор фирмы «Бэтмен»?

— Да, я руковожу охранным агентством...

— Так это для тебя твои «шестерки» берегли дочь босса?

«Спортсмен» нахмурился, глаза его сверкнули.

— А это не ты тот самый опер ФСБ, изо всех сил рвущийся в ее защитники?

— Угадал. Сними с нее наручники.

Рука мужчины дернулась к карману и остановилась.

— Я бы тебе снял, будь ты без пушки!

— Так в чем дело? — Руслан бросил на пол пистолет, поднял ладони. — Ну давай, живчик.

«Спортсмен» прыгнул без подготовки, демонстрируя отличную физическую форму, замахал руками в приемах карате, но нарвался на встречный удар из арсенала Да-цзе-шу[1] и согнулся с выпученными глазами, хватая ртом воздух, держась за живот.

Руслан повернул его к себе, достал из кармана ключ от наручников, отомкнул их, снял с рук Надежды и бросил на пол.

— Собирайся, заключенная, уходим.

— Куда? — прошептала девушка, глядя на него полными слез глазами.

— Ты собираешься оставаться с этими бандитами? Жить с этим садистом и свиньей?

— Нет! Но ведь я... тебя...

— Ты не виновата.

— Откуда ты знаешь?

— Я чувствую. Собирайся, у нас мало времени.

Руслан открыл шкаф, нашел брючный костюм, бросил Наде. Она, как во сне, спустила на пол ноги, встала, не сводя с него глаз.

— Папу жалко...

— Он тебя не пожалел, скотина!

— Вы... его?..

— Никто никого убивать не собирается, мы не террористы. Но и измываться над людьми я ему не дам!

Надежда наконец очнулась, начала лихорадочно одеваться, не стесняясь взглядов Кострова, запихала в сумку какие-то платья и костюмы, выпрямилась.

— Я готова.

— Саша, — позвал Руслан по рации напарницу. — Мы выходим.

— Ах ты паскуда! — бросился на него начальник «бэтменов».

Руслан, готовый к атаке, ответил поворотом и ударом сверху вниз по загривку противника, тот по инерции пролетел вперед еще два метра, врезался лбом в угол кровати и обмяк.

В коридоре Кострова и Надю встретил Маркин.

— Все в порядке, образец у меня.

— Дискету с программой не забыл?

— Нет.

— Уходим!

Вдруг пискнула рация.

---

[1] Искусство пресечения боя.

— Помощь нужна?

Руслан не сразу узнал голос Ромашина, спросил с удивлением:

— Как вы нашли нашу волну?

— С помощью обычного сканера. Как успехи?

— Все нормально, начинаем отступление.

— Если понадобится помощь, позовите, я буду неподалеку.

— Спасибо, но вряд ли.

— Удачи вам!

— Вам тоже.

Из коттеджа выбрались без осложнений. С момента начала операции прошло всего двенадцать минут, и на подстанции еще не справились с аварией. Света не было на всей территории городка и на соседних объектах: военном складе, автобазе и стоянке машин. Маркин исчез в темноте, направляясь вслед за Сашей к автостоянке. Вскоре к коттеджу подъехал «Шевроле» Докучаева, за рулем которого сидел старлей.

— Прошу устраиваться.

Руслан усадил дрожащую не столько от холода, сколько от переживаний Надежду в салон мини-вэна, где уже сидела Саша, прыгнул на сиденье рядом с Маркиным, и машина устремилась к главному КПП Криптозоны.

Отряд был готов к прорыву с боем: с той стороны машину ждали остальные члены группы, экипированные не хуже, — но, к счастью, шума не возникло. Полусонный часовой вышел из будки поста, глянул на «Шевроле» и без единого слова открыл ворота. Видимо, машину Докучаева знали и привыкли к его частым отлучкам и возвращениям.

Через полчаса «Шевроле» со всеми бойцами группы «Антей» оставил позади Жуковку и выехал на трассу Брянск—Смоленск.

ГЛАВА 6

Несмотря на успешное окончание операции и быстрое возвращение, триумфатором Руслан себя почему-то не ощущал. Его все больше грызла мысль, что он упустил из виду нечто важное, какую-то деталь, и, даже докладывая об успехе начальству в лице Вараввы и Кирсанова, не мог освободиться от этого неприятного ощущения.

Генерал выслушал его с недовольным выражением лица, повертел в руках суггестор «кобра», разработанный в лаборатории Докучаева, затем дискету с программой и инструкцией, как этот

самый суггестор заряжать и использовать по назначению, и сунул обе вещи в сейф.

— Вас будут искать, капитан, — сказал он, не глядя на Руслана. — Продумайте с Владимиром Кирилловичем легенду — где вы были в период с пятнадцатого по двадцатое августа — и уезжайте в отпуск. Приказ на ваш отпуск с четырнадцатого августа уже подписан. Лучше всего было бы уехать куда-нибудь подальше от Москвы, например, к родственникам в Сибирь.

— У меня нет родственников в Сибири, — пожал плечами Руслан.

— Ну, на Дальний Восток, на Камчатку, еще куда-нибудь. Главное, переждать какое-то время, пока контрразведка будет шмонать наше Управление. Мы должны успеть... — Генерал замолчал, пожевал губами и махнул рукой. — Идите.

— Но я хотел бы остаться в Москве... — заикнулся Руслан.

— Выполняйте приказ, капитан! — Кирсанов бросил на Руслана недовольный взгляд. — Погоны не жмут? Могу снять!

Варавва подтолкнул Руслана к выходу.

— Мы уже уходим, Казбек Илюмжинович. Все будет сделано как надо.

В коридоре полковник остановил Кострова и мрачно произнес:

— Что с тобой, Костров? Ты как будто не знаешь двух главных пунктов Устава. Первый: командир всегда прав. Пункт второй: если командир не прав — смотри пункт первый.

— Мне надо остаться в столице, Владимир Кириллович. Хотя бы на пару дней.

— Ну и оставайся, раз надо, только не суйся начальству под ноги. И еще я хочу тебя предупредить... — Варавва почесал за ухом, формулируя предложение, уловил взгляды проходивших мимо сотрудников Управления и заторопился. — Пошли ко мне, поговорим.

В кабинете он достал из сейфа свою любимую плоскую флягу, налил в колпачок коньяку, глотнул, смакуя, потом сделал еще один большой глоток прямо из горлышка, сморщился и просипел, глядя на Руслана остановившимися глазами:

— Я знаю, кто убил Леву Полторацкого.

— Кто?! — чуть было не подпрыгнул капитан.

— Тебе это знать не положено... очень большой человек... он ко мне заходил, перед тем как должен был появиться Лева... А больше было некому... Так вот, капитан, дело серьезнее, чем ты думаешь. Этот гад приходил ко мне, чтобы поинтересоваться, что

ты за человек. Можно ли с тобой договориться. Я не понял, что он имеет в виду, и дал характеристику: честен и неподкупен. А теперь вот сомневаюсь... — Голос полковника сел. — Не подложил ли я тебе свинью?

— Почему вы так решили? — не понял Руслан.

— Потому что Леву замочили за длинный язык, а ты с ним якшался. Во всяком случае, беседовал, и не один раз. Улавливаешь?

— Вы хотите сказать... меня тоже могут убрать? За что? Полторацкий ничего особенного мне не... — Руслан замолчал, вспомнив предположения эксперта о причинах взрывов процессорных микрочипов.

— Вот, ты сам знаешь! — поднял вверх палец Варавва. — Иди и остерегайся всех, даже знакомых, даже друзей! А лучше тебе действительно уехать куда-нибудь подальше, глядишь — и уцелеет голова. Старик знает толк в таких вещах.

Полковник имел в виду генерала Кирсанова, хотя тот стариком и не был.

— Хорошо, я подумаю, — пообещал Руслан. — Завтра-послезавтра исчезну, в деревню к дедам поеду, на Вологодчину. Но ответьте на вопрос, Владимир Кириллович. Зачем понадобилось красть этот психогенератор у оборонщиков? Ради чего? У нас своих разработок не хватает?

— Не твоего ума дело, — буркнул Варавва. — Если хочешь знать, этот прототип, что сейчас находится у Докучаева, был сначала у нас, а потом его передали оборонке.

— А если они подымут шум?

— Пусть поднимают. Это не в их интересах. За то, что они не смогли уберечь свою суперсекретную технику, с них головы поснимают. Нет, уверен, они будут молчать и тихо искать пропажу. Надеюсь, ты не засветился?

— Нет, — после паузы соврал Руслан. О дочери Докучаева он, естественно, докладывать никому не стал.

— Все, иди.

Руслан пошел к двери и остановился, осененный внезапной догадкой.

— Владимир Кириллович, кто отдал приказ похитить суггестор у Докучаева? Ведь не Кирсанов же? Ему-то он и на фиг не нужен?

— Тебе что за дело?

— Хочу разобраться, кому выгодно, чтобы почти готовое к серийному производству оружие ушло из рук разработчиков.

— Этого нам знать не положено.

— А Козюля имеет доступ к секретам оборонки?

Варавва хмыкнул, с интересом окинул Кострова прояснившимся взглядом.

— Что ты хочешь сказать?

— Ответьте прежде на вопрос.

— Нет, начальник Криптозоны, несмотря на свой статус, вряд ли допущен к тайнам наших военных лабораторий, работающих в зоне.

— Еще вопрос. С неделю назад господин Козюля был в Москве, в нашем Управлении он тоже появлялся. Так вот, с Кирсановым он общался?

— Ну общался. И что?

— Вот и ответ. Могу даже сказать, кто был у вас за час до гибели Полторацкого: подполковник Эйникис. Ни для кого не секрет, что он — зять Козюли, женат на его младшей дочери.

Варавва вытер вспотевший лоб платком.

— Страшный ты человек, Костров. Умный. И глупый одновременно. Держи свои предположения при себе, понял? Не то язык может повредить шее. И чтоб духу твоего в Управлении не было в течение месяца!

Руслан вытянулся, козырнул и вышел. Он з н а л, был совершенно уверен, что его догадка правильна.

Надежда ждала его в квартире отца, опекаемая мамой. Неизвестно, о чем говорили женщины в отсутствие мужчин, однако они прекрасно поладили и уже называли друг дружку на «ты». Дочь профессора Докучаева успокоилась, привела себя в порядок и выглядела просто фантастически прекрасно, так что Руслан, увидев ее, с испугом подумал, что мог бы пройти мимо, не вмешаться в сцену у ресторана и теперь не имел бы возможности встречаться с этой красивой, умной и слегка печальной женщиной.

— Что собираешься делать? — спросила мама, когда он вошел в дом.

— Завтра мы уедем, — сообщил Руслан.

Надя с удивлением посмотрела на него. В халатике мамы она была очень на нее похожа — такая же стройная, высокая и тонкая.

— Куда, если не секрет?

— Ее надо на время спрятать, — кивнул он на девушку. — Отвезу ее к деду Проклу под Вологду. Не возражаете?

— С чего бы я возражала? — улыбнулась Тая. — Сам потом вернешься?

— Побуду в деревне вместе с ней пару дней и вернусь... по тем делам, что мы обсуждали. Потом снова поеду к деду. Мой начальник дал мне месячный отпуск.

— Правда? — обрадовалась Надежда. — Я недолго буду одна?

— Дня три, не больше.

— А почему Варавва дал тебе отпуск, когда у вас там такое ЧП? — поинтересовалась Тая.

— Ему видней, — пожал плечами Руслан, не желая говорить правду и волновать женщин. — В Управлении и без меня оперов хватает, разберутся. Ну что, Надежда Николаевна, будем собираться?

— Мне надо забрать свои вещи...

— Обойдемся, в крайнем случае купим новые. В квартиру тебе возвращаться нельзя, папенька наверняка послал на твои розыски своих «бэтменчиков».

— Тогда я ему письмо напишу.

— Это можно, бросим в ящик где-нибудь по дороге. Собирайся пока, я на часок к отцу заскочу.

Руслан переоделся, чмокнул в щеку Надежду, потом мать и поехал к отцу на работу.

Костров-старший встретил его на пороге приемной кабинета декана факультета промышленной экологии Московского университета, где он преподавал курс энтропии закрытых экосистем.

— Ты ко мне?

— Ехал к тебе.

— Хорошо, что успел, я собирался уезжать на встречу. Заходи, поговорим, пока Василь Савельевича нет.

Они вернулись в приемную, Руслан поздоровался с секретаршей отца Любовью Валерьевной, отец попросил кофе, и оба проследовали в кабинет декана.

— Что случилось?

Руслан пересказал Ивану Петровичу свою беседу с Вараввой.

Секретарша принесла кофе и конфеты. Костров-старший подождал, пока за ней закроется дверь, сказал бесстрастно:

— Он прав.

— Но я подчинялся приказу!

— Все равно. Теперь ты не только исполнитель преступного по своей сути приказа, но и опасный свидетель. Профи оборонки

вполне могут начать за тобой охоту. Зря я тебя выдвинул в командиры спецгруппы.

Руслан виновато опустил голову.

— Ты думаешь, я не справлюсь?

— Может быть, и справишься... если доживешь до момента похода в Башню. Ладно, что-нибудь придумаем. Мы сами виноваты, что разрешили тебе ехать в Жуковку и вызволять из Криптозоны твою пассию. Кстати, как там она?

— Уже оклемалась, подружилась с мамой, собирается ехать со мной в деревню к деду Проклу. К вечеру мы будем там. Между прочим, я ее действительно спас. Когда мы с Геной проникли в коттедж, она была прикована наручниками к кровати, и начальник охраны Докучаева ее допрашивал. При отце!

— Понятно. Хорош густь ее папаша! Представляю, что ты сделал с охранником.

— Да ничего особенного, стукнул только пару раз... по слепухе...

Иван Петрович нахмурился.

— Надеюсь, не до смерти?

— Выживет, но на баб смотреть скорее всего перестанет. Надя призналась мне, что он заставлял ее спать с ним.

— Ладно, забирай ее и уезжай. Видимо, придется назначать другого командира группы.

— Не придется, — буркнул Руслан. — Я вернусь через день-два и начну собирать группу. Два кандидата у меня уже есть: Гена Маркин и Паша-летчик.

— Ты их хорошо знаешь?

— Достаточно для того, чтобы не сомневаться. Надежные и опытные мужики, профессионалы до мозга костей, трепаться не любят, оба не женаты.

— Ты с ними уже раговаривал?

— Еще нет, но могу поручиться, что они согласятся.

— Хорошо, скажешь потом, как прошла беседа. Я буду дома после пяти.

Руслан кивнул, допил кофе, и они вышли из кабинета.

В машине капитан посидел с минуту, размышляя над словами отца, включил зажигание, и в это время зазвонил мобильник. В трубке раздался голос Маркина:

— Командир, убит Варавва. Тебя ищут.

— Что?! — не поверил Руслан. — Как убит?! Я же с ним полтора часа назад разговаривал!

— Подробностей не знаю. Тебя ищет дежурный по Управлению. Я тебе нужен?

Руслан не сразу собрался с мыслями, оглушенный известием.

— Не нужен... впрочем, да! Возьми Пашу-летчика и лети с ним в Управление. Ждите в нашем автопарке, подготовьте к выезду одну из машин, лучше серую «Волгу» с форсированным движком.

— Понял, еду.

Связь прекратилась.

Руслан выругался и рванул «Мазду» с места так, будто участвовал в гонках.

В Управление он прибыл в начале второго. Взбежал на второй этаж, где находился кабинет Вараввы. Коридор был перекрыт рослыми спецназовцами из отдела внутренних расследований, которыми командовал хмурый майор Калугин. Увидев Руслана, он махнул рукой, и Кострова пропустили.

— Где он?! — выдохнул капитан.

— В кабинете. Посмотри, и поговорим.

Руслан ворвался в приемную, где работали эксперты в штатском, оттолкнул парня в камуфляже и вошел в кабинет Вараввы.

Полковник лежал в кресле, откинувшись на спинку, со вздутым синим лицом и выкатившимися глазами. Руслан сначала не понял, что у него на шее, показалось — кусок шланга красно-фиолетового цвета. Но подойдя ближе, он увидел, что глубоко врезавшийся в шею, передавивший горло и мышцы шеи «шланг» на самом деле представляет собой толстое кольцо, не то резиновое, не то каучуковое. Как оно оказалось на шее полковника, будучи вдвое меньше диаметром, чем голова, представить было трудно.

В кабинете тоже работали эксперты-криминалисты, тихо переговариваясь между собой. Один из них осторожно взял со стола рукой в прозрачной перчатке флягу с коньяком, и Руслан вспомнил, как Варавва пил этот коньяк, не боясь, что подчиненные учуют запах. Постояв еще немного с тихим гулом в голове, он вышел из кабинета.

— Пошли, — сказал майор Калугин.

Они направились по коридору к приемной начальника Управления, свернули в небольшой холл с кожаными креслами и кадками с фикусами. Сели.

— По моим сведениям, ты был предпоследним, кто видел Владимира Кирилловича живым. О чем вы говорили?

— О работе, — глухо сказал Руслан, сжимая кулаки так, что ногти впились в ладонь; в душе родилось желание пойти к подполковнику Эйникису и вытрясти из него душу.

— Точнее.

— Это служебная информация, товарищ майор. Мы говорили о моих планах и об отпуске. Кстати, вы сказали, что я был предпоследний, кто видел Владимира Кирилловича. А кто был последний?

— Подполковник Эйникис.

Руслан вздрогнул, впился глазами в недовольно-хмурое лицо собеседника, хотел было сообщить, что Эйникис и есть убийца, но передумал. Калугин бы не поверил, к тому же он мог быть одним из агентов эмиссара Игрока. Косвенное подтверждение этому Руслан уже имел: майор начинал и расследование убийства Полторацкого, но до сих пор не продвинулся вперед ни на шаг.

Впрочем, подумал Руслан трезво, я теперь в каждом вижу врага. Майор просто делает свое дело, как умеет.

— О чем вы беседовали еще? — продолжал Калугин.

— О задании, которое нам дал генерал Кирсанов. Подробности можете узнать от него, я говорить об этом не имею права.

— Да-да, разумеется. Но вы не заметили в поведении полковника чего-нибудь необычного? Он не называл каких-либо известных фамилий?

— Не помню, — после паузы проговорил Руслан, понимая, что не должен повторять слова Вараввы. — Разве что фамилию начальника Управления...

— Постарайтесь вспомнить, капитан, — настойчиво, с нажимом сказал Калугин. — Это очень важно.

— Нет, больше мы никого не вспоминали, — твердо заявил Руслан.

— Жаль, — кисло вздохнул майор. — Я надеялся, что вы поможете следствию. Если что-нибудь вспомните — позвоните мне.

— Непременно, — вежливо пообещал Руслан. — Я могу идти?

— Да, идите.

Костров встал, кинул подбородок к груди и отошел, провожаемый задумчиво-рассеянным взглядом начальника отдела внутренних расследований.

Не менее задумчивым выглядел и сам Руслан, спускаясь во двор, на стоянку автотранспорта, принадлежащего Управлению. Он прикидывал план, как выйти на подполковника Эйникиса и предъявить ему счет за два убийства — Полторацкого и Вараввы.

Сомнений в том, что именно Эйникис был ликвидитором, у Кострова не было.

Уже подходя к «Волге» отдела, в которой его ждали Маркин и Паша-летчик, Руслан услышал свою фамилию и оглянулся. Его догоняли двое: громадный, глыбистый, как отколовшийся утес, молодец в черной кожаной куртке, с каменным лицом и особой стрижкой «а-ля киборг», и мужчина в форме подполковника с темным узким лицом, на котором выделялись черные, глубоко посаженные глаза и хищный нос. Это был подполковник Эйникис, зять начальника Криптозоны и командир особого подразделения ФСБ по связям с общественностью.

— Подождите, капитан.

Руслан косо глянул на своих подчиненных, готовых вылезти из машины и прийти на помощь, незаметно качнул пальцем, останавливая их.

— Я вас внимательно слушаю, — сказал он, поворачиваясь лицом к человеку, с которым он хотел встретиться тет-а-тет.

— Мне говорили, что вы недавно вернулись из командировки, — остановился Эйникис напротив Кострова, в то время как его глыбистый сопровождающий занял позицию чуть сзади, не сводя ничего не выражающих светлых глаз с капитана.

Руслан понял, что подполковник з н а е т, где он был и что делал.

— Что молчите?

— Жду вопроса, — невозмутимо сказал Руслан.

Эйникис нахмурился. Его телохранитель шагнул было вперед, но подполковник остановил его рукой.

— Вопроса не будет, — хмыкнул он. — Я просто хотел предупредить, чтобы вы поменьше вертелись перед начальством и делились с ним своими умными соображениями. Это может повредить не только карьере, но и жизни.

— У вас все? — с тем же невозмутимо-корректным видом спросил Руслан.

Подполковник сдвинул брови, и его мощный спутник снова шагнул вперед, надвигаясь на Руслана, как танк. В тот же момент из «Волги» вышли Маркин и Паша, встали рядом с командиром. Гигант остановился, оценивающе глянув на членов группы «Антей».

— Если у вас все, товарищ подполковник, — продолжал Руслан с ледяной иронией, — то с вашего позволения я избавлю вас от своего присутствия.

— Ты играешь с огнем, капитан,— проскрипел Эйникис. — Надеешься на кого-нибудь? На отца? Или кого повыше?

— На себя, — усмехнулся Руслан. — И я люблю играть... с огнем.

— Тогда мы еще встретимся.

— Очень на это рассчитываю.

— Разрешите, товарищ подполковник? — оглянулся на патрона каменнолицый телохранитель.

— В другой раз, малыш, — подарил Руслану обещающую улыбку Эйникис, поворачиваясь к антеевцам спиной. — Нам еще надо успеть зайти к генералу.

— Иди, иди, бронетранспортер, — пренебрежительно сказал Паша-летчик, — а то не ровен час боссу понадобится туалетная бумага.

— Я тебе хайло еще заткну! — пообещал здоровяк и бросился догонять подполковника.

— Чего они от тебя добивались, командир? — поинтересовался Маркин.

— Меня предупредили, — сказал Руслан, глядя вслед зятю начальника Криптозоны.

— О чем?

— Им не нравится, что я догадываюсь кое о чем.

— Нам это знать не положено?

— Боюсь, вы не поверите. Хотя, с другой стороны, обратиться за помощью мне все равно не к кому.

— Мы готовы.

— Пошли в машину.

Руслан сел в кабину «Волги», подождал подчиненных и сжато поведал историю о значении Башни в истории Древа Времен и о замысле спасения родной Метавселенной. Тишина в кабине после этого длилась долго. Старшие лейтенанты переглядывались, размышляли и не спешили высказывать свое мнение вслух. Тогда Руслан поделился с ними своими догадками о роли господина Козюли и его зятя-подполковника в последних событиях, связанных с убийством Полторацкого и Вараввы.

— В это поверить легче, — оживился Паша-летчик. — Хотя если честно — я готов войти в вашу команду. Интересно поглядеть, как там живут люди в будущем. Что будем делать?

— А ты? — посмотрел на Маркина Костров.

Старлей достал платок, высморкался, аккуратно сложил и сказал невинным тоном:

— Вы же без меня пропадете, товарищ капитан.

Руслан засмеялся.

— Волк тамбовский! Любишь сермягу из себя лепить. Верю, что не подведешь.

— Рад стараться, вашбродь!

— В таком случае слушайте мой план...

Руслан перешел на полушепот. Последняя фраза Эйникиса, которую он обронил, уходя, — о визите к генералу, подсказала Кострову, что надо делать. Моментом необходимо было пользоваться незамедлительно, более удобный мог уже не представиться.

ГЛАВА 7

Кабинет начальника антитеррористического Управления генерала Кирсанова располагался на третьем этаже семиэтажного корпуса сталинской эпохи. Обычно коридор этой части здания был тих и безлюден, однако в связи с последними событиями в настоящее время по нему то и дело пробегали озабоченные сотрудники Управления, прогуливались по двое рослые парни из особого подразделения охраны VIP-персон, подозрительно вглядываясь в каждого человека, и создавалось впечатление, что то ли началась эвакуация, то ли, наоборот, заселение кабинетов новыми хозяевами.

Чтобы не заострять внимания охранников, к кабинету Кирсанова Руслан и оба старших лейтенанта подошли по одному. В приемной начальника Управления их встретили двое: секретарь-адъютант генерала капитан Киржниц, вежливый, немногословный, всегда чем-то занятый, и громадный, как шкаф, молодой человек в кожаной куртке, похожий на того мордоворота, с каким во дворе Управления появился подполковник Эйникис.

— Слушаю, капитан, — сказал адъютант, мельком глянув на Кострова, заглянувшего в приемную.

— Я ищу подполковника Эйникиса, — сказал Руслан. — Важное дело.

— Он у генерала.

— Очень хорошо. — Руслан внешне неторопливо пересек приемную, взялся за ручку двери. — Мне как раз нужен и сам Казбек Илюмжинович.

— К сожалению, мне велено никого не впускать, — поднялся Киржниц. — Выйдет подполковник, я доложу о вас.

— К сожалению, нельзя терять ни минуты. — Руслан открыл дверь, краем глаза отмечая появление в приемной Маркина и Паши.

— Эй, торопыга, куда собрался? — рванулся к нему «шкаф» в куртке. — Тебе же сказано — генерал занят!

Дверь закрылась за Русланом, но он был уверен, что ребята справятся с телохранителем Эйникиса без шума.

В кабинете Кирсанова, как и ожидалось, посетителей было двое: подполковник и его каменнолицый качок-охранник в кожанке. Он сразу двинулся навстречу Кострову, сжимая гигантские кулаки, способные, наверное, крошить кирпичи.

— Кто вас впустил, капитан? — оглянулся на гостя Кирсанов; он стоял у стола, в то время как Эйникис разглядывал что-то лежащее на столе.

Вместо ответа Руслан в т е м п е рванулся вперед и в прыжке нанес верзиле в куртке удар ногой в грудь. Гигант хекнул, отлетая назад, и упал на второй столик — для переговоров с посетителями, разламывая его на части. Короткий грохот, звон разбитого графина с водой, тишина.

Под изумленными взглядами оторопевших генерала и подполковника Руслан подошел к столу хозяина и увидел знакомый силуэт суггестора «кобры» с коричневым дулом. Рядом лежала дискета с инструкцией по применению генератора. Костров спрятал дискету в карман костюма, взял суггестор и направил ствол на Эйникиса.

— Вы хотели со мной встретиться, господин киллер. Я решил не откладывать рандеву. А теперь, может быть, поделитесь своими планами с генералом? Ведь суггестор понадобился не вам лично, а вашему тестю, не так ли? Он начал терять контроль над ситуацией и забеспокоился, решил завладеть разработкой Докучаева. Ведь проще не убивать людей, а кодировать, не так ли?

Подполковник сунул руку под полу пиджака, и Руслан выхватил свой пистолет.

— Не балуйте, господин убийца! Бросьте свою пушку на пол!

— Я не боюсь смерти, капитан, — усмехнулся Эйникис, но тем не менее руку послушно убрал.

— А я и не собираюсь вас убивать, — усмехнулся в ответ Руслан. — Насколько я знаю, эта штука заряжена и готова к действию. Что, если я испытаю ее на вас?

Лоб Эйникиса покрылся испариной.

— Чего вы хотите?

— Э-э... а-а... что здесь происходит?! — опомнился Кирсанов. — Вы что себе позволяете, капитан?!

Руслан, не сводя глаз с подполковника, отступил к телу его

бугая-телохранителя, пошарил в карманах и вытащил толстое кольцо синеватого цвета, похожее на каучуковый ручной эспандер.

— Знаете, что это такое, генерал?

— Ну?

— Таким колечком два часа назад был убит полковник Варавва. Думаю, вас ждала та же участь. Эмиссару... э-э... начальнику Криптозоны Козюле вы уже не нужны, после того как успешно добыли суггестор.

— Какая чушь! — взорвался Кирсанов, наливаясь кровью. — А ну вон отсюда! Я сейчас вызову охрану и...

Эйникис внезапно прыгнул к двери, доставая из подмышки еще один пистолет. Дверь открылась, на пороге вырос Гена Маркин и встретил подполковника ударом в голову. Эйникис грохнулся навзничь, роняя пистолет, обмяк, но тут же тряхнул головой и сел, держась за челюсть.

— Не надо суетиться, господин подручный эмиссара, — спокойно сказал Руслан. — Вы сделали ошибку, выбрав не ту цель. Врагов надо выбирать тщательнее. Садитесь, поговорим.

— Я бы попросил!.. — опомнился ничего не соображавший Кирсанов.

— И вы сядьте, Казбек Илюмжинович! Успокойтесь и слушайте, может быть, что-нибудь поймете. По крайней мере — что вас подставили.

Эйникис покосился на тушу своего телохранителя, не подающего признаков жизни, поколебался и сел на уцелевший стул.

— Вы напрасно теряете время. Я ничего не скажу.

— Тогда я вас просто убью! Терять мне, как вы понимаете, нечего. Я ведь был на очереди, не так ли? Итак, вопрос первый: зачем вы убили Полторацкого и Варавву? Зачем понадобилась такая экстраординарная операция? Ведь вы должны были понимать, что убиваете не простых смертных, а важных сотрудников спецслужб, коллеги которых начнут усиленно искать убийц и наверняка найдут.

Эйникис сверкнул волчьими глазами, отвернулся.

— Хорошо, я отвечу за вас. Произошла утечка информации о прорыве в нашу Ветвь воли Игрока, и вы решили перестраховаться, начали спешить и ошибаться, пока не засветились. Тогда второй вопрос: какова стратегия? На чем строится расчет эмиссара в нашей Ветви? Ведь всех людей, начинающих понимать, что в мире происходит что-то странное, не перебьешь.

— Ну, это вопрос времени, — скривил губы Эйникис.

— Уверен, что вы и в этом вопросе ошибаетесь. Игрок ваш, может быть, очень крутой, но, используя таких помощников, как вы, едва ли выиграет. Отвечайте на вопросы, подполковник, мое терпение не вечно.

— Идите к дьяволу!

Руслан хладнокровно выстрелил в Эйникиса из суггестора.

Разряд пси-излучателя, естественно, не был виден, однако, судя по внезапной бледности, разлившейся по лицу подполковника, невидимый поток энергии на него подействовал.

— Отвечайте на вопрос! Что вы собираетесь делать?! Какова задача, которую решает здесь эмиссар?!

— Мы... должны... задержать... — начал Эйникис. Было видно, что каждое слово дается ему с великим трудом. Он вспотел, побледнел еще больше, начал дрожать. Затем глаза подполковника закатились, и он безвольно обмяк на стуле, откинув на спинку голову.

Маркин подошел к нему, поднял веко, подержал палец на шее и покачал головой.

— Однако, кранты подполковнику, не дышит совсем. Что будем делать, командир?

— Вы... убили его?! — прошептал Кирсанов, вытягивая шею. — Как это все понимать?! Вы представляете, что будет, капитан?!

Руслан с жалостью посмотрел на генерала.

— Вы же видели, что произошло. Мы его не убивали, у Эйникиса, очевидно, сработала программа самоликвидации. Неужели вы так ничего и не поняли? Не поняли, что подполковник — агент Игрока, убивший Полторацкого и Владимира Кирилловича? И что, если бы не мы, следующим в этой цепочке стали бы вы?

Заворочался на полу среди обломков стола телохранитель Эйникиса.

— Пора уходить, — сказал Маркин.

Руслан выстрелил в парня из «кобры» и медленно, с нажимом, проговорил:

— Когда тебя начнут допрашивать, расскажешь все, что знаешь, всю правду! — Капитан посмотрел на колеблющегося, не знающего, что делать, Кирсанова. — Мы уходим, товарищ генерал. Появились кое-какие проблемы, которые надо срочно решать. Все, что вы услышали, имеет место быть, как бы вы к этому ни относились. Поэтому у меня просьба: дайте нам время на ре-

шение наших проблем, не спешите поднимать тревогу по Управлению и объявлять нас во всероссийский розыск. Не я убил Владимира Кирилловича, а вот этот мерзавец, являющийся зятем Козюли и его же агентом. Обещаете?

Кирсанов окинул мутноватым взглядом Руслана и Маркина, покосился на Эйникиса и его телохранителя, сидевшего с тупым лицом на полу, нерешительно качнул головой:

— Я... не знаю... кому верить...

— Попытайтесь поверить мне. Я забираю эту машинку. — Руслан взвесил в руке докучаевский пси-генератор и спрятал в карман. — Она опасна прежде всего для вас. Когда зайдет разговор о суггесторе, — а Козюля непременно приедет сюда и поинтересуется его судьбой, так как именно он давал задание выкрасть «кобру» у Докучаева, — скажете, что нашей группе не удалось его похитить. Это на какое-то время снимет с вас подозрения и даст возможность тихо уйти в отставку по состоянию здоровья. Начнете говорить лишнее — вас уберут так же, как и Варавву.

Руслан пошел к двери. Маркин скользнул в нее первым. Руслан оглянулся и встретил остекленевший взгляд генерала, в котором сомнения боролись с желанием вызвать охрану. Однако начинать новый убедительный разговор с генералом было ни к чему. Кирсанов был человеком определенной идеологической системы, взрастившей всех руководителей ФСБ его ранга, и если уж принимался действовать, то заставить его изменить решение было невозможно. Оставалось только верить, что разумное начало победит.

В приемной Руслан задержался на несколько секунд.

Второй телохранитель Эйникиса и адъютант Кирсанова лежали на полу связанные, с заклеенными скотчем ртами. Но если взгляд Киржница выражал недоумение и страх, то в глазах шкафообразного парня тлели ненависть и угроза. Вряд ли он был способен думать. Вызывал удивление выбор Эйникиса, окружившего себя столь неповоротливыми и тупыми исполнителями, понадеявшегося на их размеры и си́лу.

— Развяжи его, — кивнул на адъютанта Руслан.

Паша-летчик быстро разрезал на руках и ногах Киржница ленту скотча. Адъютант сел, потянул полоску скотча с губ.

— Нас здесь не было, капитан, — сказал Костров. — Зайди к генералу, он все объяснит. Этого бугая не трогай, пусть майор Калугин решит, что с ним делать.

— Вы с ума сошли! — тонким голоском проговорил Киржниц. — Вам это просто так с рук не сойдет!

Руслан улыбнулся.

— Еще благодарить будешь, что жив остался.

Маркин и Паша скрылись в коридоре. За ними вышел Руслан и, не оглядываясь, поспешил к лестнице. В душе росла уверенность, что в Управление он уже не вернется.

* * *

Экстренное совещание длилось около часа.

Собрались не у Костровых, как всегда, а на квартире Гаранина в первом Миусском переулке. Присутствовали только мужчины: Костровы — старший и младший, сам Олег Борисович, Ивашура и Ромашин. Руслан сообщил последние новости, показал всем суггестор «кобру», и все долго и сосредоточенно рассматривали оружие, предназначенное для превращения человека в безвольное существо, в послушного чужой воле робота.

— Сколько у нас времени? — нарушил молчание Гаранин.

— Боюсь, его у нас нет, — угрюмо проворчал Костров. — Инициатива моего сына практически перечеркнула наши планы по созданию группы десанта.

— Он не виноват, — мягко возразил Ромашин, с участием глянув на не поднимавшего глаз Руслана. — Так сложились обстоятельства. Не все можно предусмотреть, когда не знаешь врага в лицо. Но шанс у нас еще есть. Руслан, сколько у вас людей?

— Двое, Маркин и Паша-лет... э-э... Павел Строев.

— Плюс я, — непреклонным тоном добавил Гаранин. — Кроме того, у меня есть надежный человек, чемпион России по стрельбе из лука, великолепный шахматист и вообще отличный мужик.

— Надеюсь, он не твой ровесник? — прищурился Ивашура.

— Ему всего сорок два года.

— Хорошо, подойдет. Итого, у нас пятеро...

— Шестеро, — тихо поправил Руслан.

— Кто шестой?

— Я возьму с собой Надежду, дочку Докучаева. Ей оставаться здесь нельзя.

Мужчины переглянулись.

— Это безумие! — с досадой сказал Иван Петрович. — Ты не представляешь, с чем вам придется столкнуться в походе. Рисковать своей жизнью — одно, чужой — другое.

— Ты же участвовал в десанте вместе с мамой.

— Она оказалась в Башне случайно.

— И тем не менее вы прошли все испытания и вернулись целыми и невредимыми.

— У нас не было выбора, у тебя он есть. Оставь эту девочку здесь, я за ней пригляжу.

— Не думаю, что ей будет здесь лучше. Контрразведка всех на уши поставит, чтобы найти ее и вернуть отцу. А он... фанат и отморозок, равнодушный ко всему, что мешает ему работать.

— Однако ты не подумал...

— Не спорьте, — перебил Ивана Петровича Ивашура. — В конце концов, как говорят индийские мудрецы: врач не может стать по-настоящему хорошим врачом, пока не убьет одного или двух пациентов. Это примерно тот же случай. Но, с другой стороны, твой сын прав: в нынешнем положении, оставаясь здесь, девочка рискует не меньше, чем если пойдет с ним. Да и вспомни наши походы. Ни Тая, ни Вероника не были нам обузой.

Костров-старший отвернулся.

— Я тоже возражаю, — сказал Гаранин. — Она ограничит нам свободу маневра. Придется все время отвлекаться на ее защиту...

— Пусть идет, — вмешался в спор Игнат. — Иногда совет умной женщины в критической ситуации стоит больше всех мужских разглагольствований.

— Да, в общем, я просто размышляю вслух, — сказал Иван Петрович. — Кто знает, с чем или с кем им придется иметь дело. Но вот без оружия им не обойтись. Был бы у нас дриммер...

— Дриммер сделан не людьми и не для людей и вообще не является оружием. Это «жезл силы», магический манипулятор, если хотите, орудие судебных исполнителей. Он может быть и оружием, но это не главное его достоинство и предназначение.

— И все же он не помешал бы.

— Согласен. Но у нас дриммера нет. Придется искать ему замену. Так как отсюда мы пойдем все вместе, я проведу вас по тем Ветвям, где я уже был, а дальше вы пойдете самостоятельно. В одной из соседних Ветвей земляне изобрели весьма интересный дезинтегратор под названием «скорпион». В луче этого дезинтегратора начинается самопроизвольная цепная реакция распада любого химического элемента, надо лишь соответствующим образом настроить генератор. На Земле другой Ветви тоже разработали кое-что любопытное — «сдвигатель атомов». Его еще называют «копьем» или «кием».

— Как?

— «Кий». Такая длинная палка для игры в биллиард.

— У вас тоже играют в биллиард?

— Играют.

— Понял.

— Так вот, в луче этого «кия» происходит мгновенный векторный скачок всех атомов и молекул любого вещества и материала, сквозь который луч проходит. Амплитуда скачка невелика, всего около сантиметра, но последствия представить нетрудно.

— Да уж, — проворчал заинтересованный Гаранин. — Попади такой «кий» в голову — и хана! Кровоизлияние обеспечено.

— Не только в голову, человеческое тело вообще не защищено от луча «кия», смертельным будет почти любое попадание. Но и технику таким лучом тоже можно выводить из строя.

Мужчины оживились. Лишь Ивашура остался рассеянно-равнодушным, постукивая пальцами по столу.

— Стоит ли рисковать, добывая эти экзотические виды оружия? — спросил он, когда разговоры стихли. — У отряда уже есть «кобра», Олег Борисович снабдит всех пистолетами, да и у вас ведь наверняка имеется «универсал» или кое-что помощней.

— «Глюк». Согласен. Можно было бы и не рисковать, — кивнул Ромашин. — Однако существует один нюанс. Обладание необычными видами защиты и нападения с у щ е с т в е н н о увеличивает потенциал оператора и повышает уровень Игрока. Даже если это оружие никогда не будет применено.

— При чем тут какой-то оператор? — не понял Гаранин.

— Наш отряд, по сути, является оператором воздействия на Игру. Еще не судебный исполнитель, но уже потенциальный регулятор. Конечно, его стоило бы доукомплектовать, усилить, проинструктировать, но времени нет, учиться придется на ходу, и мы пойдем в этом составе.

— Вы говорили о каких-то своих знакомых в других Ветвях, очень сильных личностях...

— Да, я знаю Мальгина, Берестова, Железовского...

— Можно попросить их присоединиться к нам?

Ромашин ответил не сразу:

— За каждого из них я готов поручиться, как за самого себя, но не уверен, что они согласятся войти в команду. Проблемы, которые они решают у себя дома, требуют их личного участия. Но попытаться можно. Если кто-нибудь из них согласится, это почти гарантия успеха.

Костров-старший скептически поднял бровь:

— Что-то в прошлой Игре мы никого из них в деле не видели.

— Вы забываете, что их Ветвь — «тупиковая», а Ствол у них

вышел не на поверхности Земли, как в остальных Ветвях, а в подземных пустотах на глубине около километра. Никто из них не знал, что наш хронобур соединил их Землю с другими Землями в триллионах Ветвей. О том, что Ствол вышел в их мире, знали только бровеи... и Судьи Игры. Я, например, получил сведения о выходе хронобура в Метавселенной, созданной Конструкторами, совершенно случайно и вспомнил о них только теперь.

— Понятно. Что ж, если вы проведете отряд туда...

— Отряд должен будет сделать это сам. Я лишь помогу ему пройти в Ствол... то есть в Башню. Дальше наши пути разойдутся.

— Этого достаточно, — сказал Руслан тихо, но твердо.

Все посмотрели на него.

— Может быть, я тоже пойду с тобой? — предложил Иван Петрович.

— Тебе и так достанется крепко. Придется объясняться и с органами правопорядка, и со слугами эмиссара, и с ним самим — чтобы отвлечь его внимание. Да и маме нельзя одной оставаться в такой ситуации.

— Резонно.

Руслан посмотрел на Ромашина.

— Каким образом мы попадем в Башню?

— Сначала надо пройти в Криптозону, — проворчал Гаранин.

— С пси-генератором это несложно, — кивнул на «кобру» Игнат. — Детали обдумаем на месте. Чем раньше выедем, тем лучше. У меня есть средство передвижения.

— Какое?

— Микроавтобус пожарной службы.

— Где встречаемся?

— Здесь же, у Олега Борисовича, его квартира пока не «засвечена». Давайте определимся по времени: часа вам хватит на сборы?

— Лучше два, мне надо утрясти кое-какие проблемы, которые требуют моего присутствия.

— Учти, тебя наверняка ищут, — предупредил Костров сына. — Дома тебе лучше не появляться. Если хочешь, я привезу твою Надежду сюда сам.

— Спасибо, папа, — взглянул на отца Руслан с благодарностью. — Это было бы неплохо. До встречи.

Он кивнул и вышел из квартиры первым. За ним заторопились остальные, погруженные в свои мысли. Не спешил только Игорь Васильевич Ивашура, оставшийся не у дел и поэтому чувствовавший себя неуютно.

ГЛАВА 8

Интуиция сработала, когда он выходил из машины во дворе дома, где жил Гаранин. Руслан замер, прислушиваясь не столько к шуму вокруг, сколько к своим ощущениям, залез обратно в машину, подумав, что напрасно отпустил отца. Затем по рации вызвал Маркина, который должен был порыться в своих арсеналах и подъехать к Гаранину с оружием:

— Гена, ты где?

— Все в порядке, направляемся с Пашей к тебе.

— Во двор не заезжайте, что-то мне здесь не нравится. Оставьте машину на улице и подстрахуйте меня по варианту «тень».

— Принял.

Руслан выключил рацию, посмотрел на спутницу.

— Что-то случилось? — тихо спросила Надежда, сидевшая на заднем сиденье «Мазды».

— Пока нет, но мне активно не нравится здешняя атмосфера. Подождем ребят и поднимемся к Олегу Борисовичу.

— Кто это?

— Друг отца, бывший полковник контрразведки, они вместе когда-то воевали с «хронохирургами» и их эмиссарами.

— Ты мне так и не объяснил ничего толком. Куда мы едем, зачем, что будем делать в этой твоей Башне...

— Объясню все позже. Главное — добраться до Башни и незаметно просочиться внутрь. Тогда мы будем в безопасности... относительной, конечно.

Пискнула рация.

— Мы на месте, — сообщил старлей. — Видим твою тачку.

— Я выхожу с дамой, двигайтесь за мной в кильватере и глядите в оба. Приготовились.

— Давно готовы.

— Пошли!

Руслан вышел из машины, подал руку Наде и повел ее через двор к девятиэтажке, где на пятом этаже располагалась квартира Гаранина. Одеты они были по-походному в джинсовые костюмы и куртки, в карманах которых можно было спрятать много разных полезных вещей. Особенно оружие. В карманах куртки Руслана лежал суггестор «кобра», набор метательных стрелок и сюрикэнов, а на поясе в чехле висел десантный нож. У Нади из оружия имелся только пистолет «ТТ», принадлежащий Костровустаршему. Провожая сына, Иван Петрович без колебаний отдал ему свой старый пистолет, принадлежавший еще деду, но вполне дееспособный и пристрелянный.

Интуиция Руслана не подвела.

Движение во дворе началось, когда он с Надей уже подходил к подъезду гаранинского дома, дверь которого не имела домофона и была открыта настежь.

Сначала к подъезду двинулась сидевшая на скамеечке молодая пара: коротко стриженный молодой человек спортивного вида в светлом костюме и такая же девушка с упругим гимнастическим шагом. Затем хлопнули дверцы микроавтобуса «Соболь» возле металлических гаражей, и вылезшие из него два молодых парня весьма специфического облика вразвалочку зашагали вслед за парой «спортсменов». Так работали почти все спецслужбы, планирующие операцию захвата, и Руслан опытным глазом отметил злую целенаправленность группы спецназа. Многих оперативников других подразделений конторы, как называли ФСБ ее сотрудники, он знал в лицо, но в данном случае работали не федералы, а скорее всего оперы Главного управления по борьбе с организованной преступностью. А это в свою очередь говорило, что Козюля имел выход на верхи ГУБОП и принял все меры для пресечения утечки информации и ликвидации опасных свидетелей. А именно — Руслана Кострова и Надежды Докучаевой.

В подъезде никого не оказалось.

— Спрячься здесь! — быстро сказал Руслан, подтолкнув Надежду к нише с панелью почтовых ящиков. — Не высовывайся, что бы ни происходило!

Сам же стал за дверью и приготовился встретить гостей. Он не знал, задержан Гаранин или нет, но надеялся, что все закончится благополучно.

Раздались шаги, в подъезд вошла пара молодых людей, прислушалась к тишине дома, и тотчас же парень вытащил из подмышки пистолет и метнулся к лестнице. Девушка тоже выхватила пистолет (оба имели бесшумные двадцатичетырехзарядные «дротики») и приблизилась к лифту.

В то же мгновение Руслан выпрыгнул из-за двери, взлетел по ступенькам вверх и безжалостно толкнул девицу в спину, так что она ударилась всем телом о дверь лифта, вскрикнула и выронила пистолет. Ее партнер метнулся назад, и Руслан выстрелил в него из «кобры», не вынимая пси-излучатель из кармана. Парень споткнулся, кубарем скатился по ступенькам лестницы вниз до лестничной площадки первого этажа и остался лежать без движения.

Его напарница пришла в себя, потянулась за пистолетом, но Руслан отбросил «дротик» ногой, шагнул к ней и остановился, услышав за спиной резкий окрик:

— Стоять! Руки за голову!

Костров послушно прижал к затылку ладони, повернулся лицом к входной двери.

На него смотрели две пары глаз и два пистолетных дула.

— Я капитан Костров, — сказал Руслан спокойно, взмолившись в душе, чтобы Надя не запаниковала и не выскочила из своего убежища. — Федеральная служба безопасности, подразделение «Антей».

— Нам-то тебя и нужно, капитан, — осклабился один из парней, чуть повыше ростом, с кривым носом. — Не делай резких движений, не то придется вертеть в тебе дырки.

— Не буду, скажите только, откуда вы. По почерку вроде бы волкодавы из ГУБОП. Нет?

— Догадливый ты, однако, капитан Костров. Недаром, наверное, мы за тобой охотились. Лёха, обыщи его. Кстати, где его девчонка? Он же с ней выходил.

— Да здесь где-нибудь, сейчас найдем.

Руслан напрягся, готовясь к прыжку. Но в этот момент за спинами двух оперативников из ГУБОП возникли Гена Маркин с Пашей-летчиком, и ситуация резко изменилась.

— Не двигаться! — тихо, но четко скомандовал старлей. — Бросайте оружие!

Парни мгновенно обернулись, обученные отвечать выстрелом на угрозу, однако оперативники «Антея» действовали быстрей.

Паша-летчик просто вырубил своего противника ударом пистолета в челюсть, а Маркин выстрелил, выбивая пулей пистолет из руки спецназовца. Затем сделал шаг вперед и применил тот же прием, что и Паша, — врезал рукой с пистолетом по скуле противника.

С криком «Руслан!» из-за почтовых ящиков выбежала Надежда, бросилась к Кострову.

— Тише, все в порядке, — остановил ее Руслан, кивнул Маркину. — Свяжите их всех. Паша пусть останется, а ты потом поднимешься к Олегу Борисовичу вслед за мной.

— Будет сделано.

Руслан посмотрел на дрожащую от переживаний девушку.

— Побудь здесь, я не задержусь.

Не слушая возражений, он поднял один из пистолетов на полу и бесшумно побежал по лестнице вверх, включаясь в боевой режим.

Группа захвата, действующая по приказу какого-то начальника из высшего руководства спецслужб, действовала грамотно, вычислив место появления объекта задержания и устроив там за-

саду, но она недооценила опыт Руслана, его кондиции и вероятность того, что он будет не один.

Лестница никем не контролировалась вплоть до площадки пятого этажа. Лишь там, у лифта, дежурили двое молодых людей, курившие сигареты «АСТ».

Не останавливаясь ни на мгновение, Руслан выстрелил в одного из них из «кобры», а второго, успевшего развернуться к нему лицом, сбил на пол подсечкой, парализовал руку с пистолетом и ударом колена в подбородок нокаутировал. Замер, прислушиваясь к звукам, долетавшим на этаж из квартир и с улицы. Прошипел на ухо застывшему истуканом парню, получившему импульс пси-генератора:

— Сядь у окна и отдыхай!

Детина послушно повернулся, сел спиной к стене, откинул голову и расслабился. «Кобра» успешно справлялась со своей задачей полного подавления воли человека.

Появился Маркин с пистолетами в двух руках.

Руслан поднял вверх указательный палец, развернул его к двери в коридорчик с выходившими в него дверями квартир, сделал фигу. Старлей кивнул, спрятал пистолеты под ремень за спиной, шмыгнул в коридор.

Квартира Гаранина не охранялась, хотя это еще ни о чем не говорило. Засада наверняка ждала гостей внутри. Из ее обитой коричневым дерматином двери торчал глазок для контроля коридора. Одетый в обыкновенный летний костюм: серые брюки, клетчатая рубашка, легкая велюровая курточка, — маленький и скромный с виду Маркин больше всего походил на студента из фильма «Операция «Ы» и вряд ли был способен вызвать подозрения у засадников. Он неторопливо подошел к двери квартиры Гаранина и позвонил.

Дверь тут же открылась.

— Вам кого? — спросила выглянувшая из прихожей широкоплечая девица с короткой стрижкой.

— Олега Борисовича, — тонким голоском отозвался Маркин. — Мне надо ему кое-что передать.

— Заходите.

Дверь распахнулась шире. Старлей шагнул вперед, и тотчас же открывшая ему девушка схватила Геннадия за руку и рванула на себя. Однако вряд ли она ожидала того, что произошло в следующее мгновение.

Маркин сам прыгнул к ней навстречу, увеличивая импульс движения, врезался головой в подбородок и одновременно выхватил из-под полы вельветовой безрукавки девицы пистолет.

Прятавшийся за дверью еще один участник засады не сразу отреагировал на этот прием, и Маркин схватился с ним в рукопашной, не давая парню возможности применить оружие. А потом в схватку вмешался Руслан, действовавший в режиме скоростного реагирования, который профессионалы боя называли т е м п о м.

Третьего члена засадной группы, выглянувшего из гостиной на шум в прихожей, удалось обезвредить с помощью «кобры», и стрельбу открыть он не успел. Руслан ворвался в гостиную, выстрелил в человека у окна, достающего из-под отворота черной кожаной куртки пистолет-автомат, заглянул в спальню, никого больше не обнаружил и вернулся в гостиную.

Гаранин сидел на стуле, связанный по рукам и ногам, посреди комнаты и угрюмо взирал на происходящее, подрагивая ноздрями. Рот у него был заклеен скотчем, бывший полковник контрразведки не мог говорить и находился в ярости. Руслан быстро разрезал шнур, стягивающий лодыжки и запястья рук Олега Борисовича, тот сам отклеил ленту со рта и сплюнул.

— Вот сволочь!

— Полностью с вами согласен, Олег Борисович, — кивнул Руслан. — Вязал вас профессионал.

— Еще бы, — скривился Гаранин, подходя к мужчине, безвольно застывшему у окна. — Я сам его учил. Знакомьтесь: это и есть тот самый спец, которого я хотел взять с собой. Майор Сорокин Рудольф Кантемирович. Он и привел команду захвата. Неужели его завербовали эти ваши... эмиссары Игрока?

— Вне всяких сомнений. — Руслан покачал головой. — Ну и ну! Это действительно сюприз! Собирайтесь и уходим, времени у нас кот наплакал.

— Да, ты прав, — заторопился Олег Борисович, почесал затылок, оглядывая своего приятеля-майора, на которого рассчитывал и которого прочил в члены отряда. — Как же мы иногда ошибаемся в людях... — Гаранин с уважением глянул на суггестор в руке Кострова. — А неплохо работает эта штукенция. Нам бы такие.

— У нее маленький радиус действия — до десяти метров. К тому же ее аккумулятор рассчитан всего на полчаса непрерывной работы, потом его надо заряжать. Да и модулирование импульса не автоматическое, тоже требует смены программ.

— Все равно полезная вещь, позволяет обойтись без шума.

Гаранин начал переодеваться и собирать вещи в сумку. Через минуту он был готов.

Руслан вызвал Пашу:

— Что у тебя?

— Пока все тихо, только один жилец зашел, но ощущение пакостное. Надо улепетывать.

У Руслана тоже появилось неприятное чувство приближающейся снежной лавины, что объяснялось изменением обстановки: «датчик» интуиции снова уловил сдвиг тонких полей вокруг.

— Выходим.

Один за другим они выскользнули из квартиры Гаранина, оставляя бесчувственные тела спецназовцев (Маркин обыскал мужчин и обнаружил удостоверение на имя старшего лейтенанта ГУБОП; засада состояла из сотрудников МВД, как и определил Руслан), спустились на первый этаж, и Маркин с Пашей первыми вышли из подъезда. За ними последовали Олег Борисович, Руслан и Надежда, с трудом сдерживающая нервную дрожь. Подошли к «Мазде» Кострова, держа под контролем всех прохожих и стоящие во дворе автомобили. Руслан отключил противоугонку, открыл дверцу машины, и в это время во двор с улицы с ревом влетел джип «Шевроле-блейзер» с темными стеклами, напоминающий бронетранспортер. Все остальное произошло в течение нескольких секунд.

Опытные оперативники «Антея» отреагировали на появление джипа мгновенно, не сговариваясь и не спрашивая, что делать.

Руслан втолкнул Надежду в кабину «Мазды», нырнул на сиденье водителя и включил двигатель. Гаранин чуть замешкался, сделав два лишних движения: глянул на джип, потом на Кострова, — но успел вскочить в машину, когда Руслан уже трогался с места.

Маркин выстрелил, точно попадая в колесо джипа, затем следующим выстрелом ослепил водителя: пуля из «дротика» попала в бронированное лобовое стекло «Шевроле», не пробила его, но нарисовала пучок трещин. Водитель рванул руль влево, удерживая джип на прямой, когда лопнула шина и его повело в сторону, затем вправо — при ударе пули в стекло, и джип врезался в стоявшую во дворе старенькую «стоодиннадцатую» «Ладу», превратив ее в груду железа.

Пассажиры джипа были, естественно, из того же подразделения, что и парни засады, поэтому выбрались из кабины «Шевроле» в режиме десантирования, однако воевать им было уже не с кем. «Мазда» Руслана миновала шеренгу машин, объехала джип и нырнула в арку, выезжая на улицу. А Гена Маркин с Пашей-летчиком, сделав несколько выстрелов по спецназовцам в камуфляже и уложив их на асфальт, в темпе покинули поле сражения и скрылись в проходе между домами, где оставили свою «Волгу». Спустя минуту после выхода отряда Руслана во двор две

машины увозили их по Ленинградскому проспекту по направлению к Кольцевой автодороге.

Однако отцепиться от губоповцев оказалось непросто.

Во-первых, они имели хорошую систему связи и взаимодействия, быстро отрабатывающую изменение ситуации. Во-вторых, на ГУБОП работала и милиция, и ГИБДД, подключавшаяся по сигналу тревоги. Джип с группой поддержки отстал, зато уже на втором посту дорожной инспекции у развилки Волоколамского и Ленинградского шоссе «Мазду» Руслана пытались остановить инспекторы, пока еще только с помощью полосатых жезлов и свистка.

— Где вы? — включил рацию Руслан, не ответив на жесты инспекторов, свернул на Волоколамку.

— В сотне метров сзади, — ответил Маркин. — За нами хвост: джип с крутыми ребятами и две «лягушки» с мигалками.

— Выйди на волну ГАИ! — быстро сказал Гаранин. — Пока преследователи не опомнились, можно перевернуть ситуацию с ног на голову!

Руслан понял. Олег Борисович предлагал дезориентировать работников ГИБДД, чтобы они не знали, кого именно надо задерживать.

— Гена, дай мне номера джипа!

— У, три двойки, НА.

Руслан передал рацию Гаранину.

— Здесь фиксированные частоты, жмите кнопку, пока не выйдете на диапазон инспекции.

Гаранин пощелкал кнопкой переключений частот, нашел волну ГИБДД и суровым голосом отчеканил:

— Всем постам Северо-Западного округа! Задержать джип «Шевроле-блейзер» с номерами У-222-НА! Пассажиры вооружены! Как поняли?

— Кто говорит? — после короткой паузы прилетел голос дежурного.

— Полковник Гаранин. Машину «Мазда» цвета «серый металлик» номер К-227-АТ и «Волгу» С-555-СТ пропускать без остановок!

Олег Борисович выключил рацию, проворчал:

— Надо было раньше догадаться это сделать, хотя, конечно, надежд мало, что финт сработает.

Проскочили развилку на улицу Курчатова. Инспектор у тумбы переключения светофора не обратил на «Мазду» никакого внимания, хотя Руслан гнал под сто тридцать.

Свистнула рация.

Руслан поднес трубку к уху.

— Сворачивайте к Тушинскому аэрополю, — раздался в трубке голос Ромашина. — Я жду вас у ворот.

— Кто? — кивнул на трубку Гаранин. — Отец?

— Комиссар Ромашин. — Руслан перещелкнул диапазон. — Гена, догоняй и делай, как я. У Тушинского аэродрома идем поперек шоссе.

— Понял.

— Держитесь! — Руслан включил фары, вдавил клаксон и с воем рванул через встречную полосу к въезду на Тушинское летное поле прямо перед потоком машин. «Волга» с Пашей за рулем последовала за ним как приклеенная.

Раздался хор автомобильных сигналов, скрежет тормозов, грохот ударов — несколько машин столкнулось. В боковое крыло «Мазды» врезался какой-то джип, едва не развернув машину беглецов на сто восемьдесят градусов, но все же она протиснулась в щель между автобусом и грузовиком и, помятая, вырвалась из потока перед воротами на Тушинское поле. Почти с таким же успехом это сделала и «Волга» Паши-летчика, получившая вмятину на правой двери.

Игнат Ромашин действительно ждал их возле металлических ворот, держа в одной руке черную сумку. Костюм, который он называл уником, изменил форму и теперь походил на зеленовато-серый армейский комбинезон.

Руслан остановил «Мазду» в метре от него, высунул в окно голову.

— Как вы здесь оказались?

— Потом объясню. — Игнат шевельнул рукой, и над плечом его выросла небольшая турелька с толстым стволом какого-то оружия. Из дула вылетела лиловая молния и, развернувшись в полотнище ослепительного огня, лопнула перед носом джипа «Шевроле», вздумавшего пересечь шоссе. Нос джипа подскочил вверх, и машина перевернулась.

Второе полотнище лилового огня опрокинуло бело-синий «Форд» с мигалкой, принадлежащий инспекции ГИБДД.

— Поехали, — сказал Ромашин будничным тоном, обходя «Мазду» слева, и сел рядом с Гараниным, ошеломленным легкостью, с какой комиссар остановил преследователей.

Руслан кинул взгляд на зеркало заднего вида, отражавшее сумятоху на шоссе, и повел машину к воротам. За ним двинулась «Волга» Маркина и Паши.

Ворота открылись, словно Ромашин знал волшебное слово, и закрылись за обеими машинами.

— Направо и вниз, — сказал Игнат. — К последнему вертолету.

Руслан повиновался, направляясь к полю винтокрылых машин. Через минуту они остановились у небольшого вертолета с работающим двигателем. Это был шестиместный «Ка-115» с двумя винтами на одной оси, способный летать со скоростью до трехсот километров в час. Безмолвно вылезли из машин, забрались в кабину вертолета, на месте пилота которого сидел неопределенного возраста круглолицый мужчина в таком же комбинезоне, что был и на Ромашине. Дверцы кабины закрылись. Вертолет поднялся в воздух.

Все смотрели вниз, на сиротливо оставшиеся на поле машины, и молчали. Надежда прерывисто вздохнула. Руслан обнял девушку, прижал к себе, успокаивая, расслабился. Из всех сидящих в вертолете только он да Ромашин понимали, что возврата к прошлому нет. Пути назад были отрезаны, а будущее казалось зыбким и неопределенным, как солнечный блик на воде.

До Башни, возвышающейся над лесами и болотами Брянской губернии, долетели за час. Пилот вел машину низко, над вершинами деревьев, буквально в полуметре следуя всем изгибам рельефа, и если вертолет искали, то вряд ли локаторы ПВО могли различить его на фоне ландшафта.

— Приготовьтесь, — сказал Ромашин, за все время полета не проронивший ни слова. — Здание хронобура имеет три тамбур-узла для выхода наружу, мы попытаемся воспользоваться верхним, на тридцатом этаже.

— Будем десантироваться прямо из вертолета? — уточнил Гаранин.

— Иного пути нет.

— Если мы замешкаемся хотя бы на пару минут, нас собьют.

— Надеюсь, этого не произойдет.

— А вы как выходили из Башни? Тоже через тридцатый этаж?

— Еще один тамбур находится на втором этаже. Но мне было проще, уник снабжен системой динго-маскировки. Охранники меня просто не заметили, когда я выходил.

Вертолет перескочил через стену с колючей проволокой, окружавшую Криптозону, в течение десяти секунд пересек воздушное пространство до Башни и свечой взмыл в небо, зависнув на высоте ста двадцати метров над землей. Ромашин открыл дверцу салона, вынул из сумки продолговатый предмет длиной с локоть, похожий на когтистую лапу с рукоятью, направил на стену Башни в десяти метрах. Стена внезапно дала трещину, которая зигза-

гом побежала дальше, замкнулась в многоугольник с неравными сторонами. Этот многоугольник налился розовым сиянием и стал таять, испаряться, образуя уходящий в стену тоннель.

Ромашин пробежался пальцами по рукояти необычного инструмента, укрепил его на полу кабины, самый длинный коготь «лапы» вдруг выстрелил в глубину тоннеля, потащив за собой тонкую белесую нить, вцепился в пол. Затем еще один коготь сорвался с «лапы» инструмента, вонзился в пол тоннеля рядом с первым, за ним второй и третий. Из нитей, соединявших ствол инструмента с когтями в тоннеле, выросли тонкие ворсинки, образуя нечто вроде светящейся паутинной дорожки. Ромашин без колебаний ступил на эту хрупкую с виду дорожку, сделал два шага и оглянулся, протягивая руку.

— Я и девушка пойдем первыми, остальные за нами.

Надежда нерешительно посмотрела на Руслана. Тот мягко подтолкнул ее к проему двери.

— Не бойся, все будет хорошо. Я пойду сзади.

Надя вцепилась в руку Ромашина, и они засеменили по странной лучистой дорожке к проходу в Башню. Вертолет стоял в воздухе как вкопанный, подчиняясь мастерству пилота. Что будет с ним, останется ли он в вертолете или последует за беглецами, Ромашин не сказал.

— Вперед! — махнул рукой Руслан.

Гена Маркин, Олег Борисович и Паша быстро перебежали по «струнам» дорожки в пещеру входа. Вертолет вздрогнул. Снизу донеслись частые хлопки и треск: охрана Башни, опомнившись, открыла по нарушителям огонь.

Руслан заглянул в кабину.

— Вы с нами?

— Уходите, — повернул к нему голову пилот, — я не успею.

Вертолет снова вздрогнул, качнулся.

— Уходите!

Руслан беззвучно выругался и бросился к выходу из кабины, ступил на струны дорожки. Одна из пуль попала в струны снизу, и они засияли сильнее. Руслан перебежал пропасть по этому зыбкому и хрупкому на вид мостику, его подхватили чьи-то сильные руки, он оглянулся и увидел в проеме дверцы вертолета бровея Мимо. Бродяга по мирам Ветвей подмигнул ему, поднял сжатый кулак большим пальцем вверх, как бы одобряя происходящее, и в тот же момент вертолет отвалил в сторону, косо пошел вверх, но тут же задымил и рухнул на лес. Раздался взрыв, внизу вспух клуб пламени и столб дыма. Тихо вскрикнула Надя. Мужчины

молча смотрели на горящие обломки вертолета, прощаясь с погибшим пилотом и со всем своим прошлым одновременно.

— Идемте, — окликнул их Ромашин и добавил, понимая чувства спутников: — Это был витс.

— Кто? — не понял Гаранин.

— Нечто вроде робота, — вспомнил Руслан рассказы отца, продолжая смотреть вниз, на подножие Башни.

Ромашин подошел к нему, заглянул в лицо.

— Что-нибудь не так?

— Мне показалось...

— Бровей?

— Так вы тоже его видели?!

— Он провожал нас. Это хороший знак. Видимо, наш отряд действительно кое-что собой представляет — в потенциале, конечно, если на нас делают ставку.

— Я не понял, о ком вы говорите, — проворчал Олег Борисович, — но, на мой взгляд, мы слишком легко отделались. Почему нас пропустили к Башне почти беспрепятственно?

— Потому что контроль за Игрой на уровне пешек, если брать шахматные термины, ведется слабый. Простите меня за сравнение, но мы пока пешки. Вот когда мы образуем более серьезную фигуру, тогда за нас возьмутся всерьез. Но давайте поторопимся, тамбур вот-вот закроется.

Руслан посмотрел на девушку.

— Боишься?

— Боюсь!

— Будет еще страшней, выдержишь?

— С тобой — да!

— Тогда в путь.

Отряд двинулся по темному тоннелю в глубь стены Башни. Сзади загудело — это закрылся проход в тамбур-зону. Впереди вспыхнул свет. Все невольно замедлили шаг, даже Ромашин, знавший, что их ждет. А Руслана вдруг охватило чувство распахивающейся под ногами бездны.

В лицо подул ветер тайны, сердце сжалось от предчувствия удивительных событий и встреч, и он понял, что настоящая жизнь еще впереди.

Часть III

ЧЕЙ ПРОМЫСЕЛ

ГЛАВА 1

Они стояли на лысой вершине холма, где их высадил трансгресс, и разглядывали пейзаж, удивительно напоминающий пейзажи России с ее лесами, равнинами, лугами и реками. Вокруг холма росли красивейшие леса, изредка расступавшиеся под натиском болот или рек. Ни одно искусственное сооружение не пробивалось из-под темно-зеленой шкуры леса, ни один дымок не появлялся на этом фоне, и ни один летательный аппарат не прочерчивал в густо-синем небе инверсионного следа. Человеческая цивилизации на планете Гезем — копии Земли в этой Ветви — после Разрыва Бытия, как тут называли катастрофу, связанную с выходом хронобура, так и не смогла подняться до прежнего уровня.

Человеческие племена сохранились, поддерживая едва теплившийся огонек разума на планете, и в будущем могли объединиться в единое сообщество, носящее статус цивилизации, однако и спустя двадцать пять лет после выхода из Ствола отряда Жданова и ухода Ясены, матери Ивора, с Гезема на Землю Павла, в этом мире практически ничего не изменилось. Во всяком случае, по первому впечатлению, возникшему у беглецов с Земли, прибывших на родину их матерей.

Впрочем, это впечатление не обмануло их и подтвердилось впоследствии. В данный же момент молодых людей больше волновало другое — наличие хотя бы одного аборигена, который мог бы подсказать, где, в какой стороне следует искать племя россинов, в котором родилась Ясена и жил мудрый волхв Род. Только он мог дать Ивору и Мириам лонг-меч, как тут называли дриммер, или посоветовать, где его искать.

— Вот он, смотри! — воскликнула Мириам, вытягивая вперед руку.

Но Ивор и сам уже увидел на севере едва видимую на горизонте тонкую былинку, проколовшую небо. Это был Ствол.

— Нам надо идти туда, — сказала Мириам. — Племя твоей и моей мамы селилось недалеко от Ствола.

— Отсюда до Ствола не меньше тридцати километров. Если бы у нас были антигравы...

— Их у нас нет, поэтому придется идти пешком.

— Я пить хочу, — признался Ивор. — В горле пересохло.

— Спустимся и найдем ручей или реку. Только сначала попробуй просканировать окрестности своим сверхчувственным «локатором» и определить, где нас ждет опасность.

Ивор послушно закрыл глаза, настроился на т и ш и н у и погрузился в не слышимые человеческим ухом звуки и не видимые глазом поля. Тело растворилось в странном призрачном облаке, голова превратилась в огромный расширяющийся шар, пронизанный миллионами лучиков и ниточек света. Ивор вдруг ощутил себя одной из клеток гигантского живого организма под названием Лес и почувствовал все его шевеления, вздрагивания, вздохи, шумы, разговоры мириад существ, живущих в нем, все устремления, желания и мечты.

Озарение длилось недолго, словно сверкнула молния, высветила все мельчайшие детали мира и погасла, но Ивор успел ощутить всю его сложность и красоту, испытать восторг и сожаление, что прикосновение к бескрайней системе иной жизни, чем-то очень знакомой и близкой, закончилось.

— Ты права, — сказал он, отвечая на немой вопрос в глазах спутницы. — Ближайшее селение располагается в двадцати километрах отсюда, недалеко от Ствола. На мой взгляд, оно небольшое, человек на двести. Животных в лесу много, но почти все неопасны. Зато километрах в десяти живут какие-то интересные существа. Очень большие и умные. Вот они — опасны!

— Может быть, это медвяны? Мама тебе не рассказывала о популяции разумных медведей?

— Рассказывала, разумеется, однако медвяны это или нет, я не знаю. Лучше бы их обойти.

— Ничего, отобьемся, если кто-нибудь рискнет на нас напасть. У меня с собой «универсал». Да и ты начал понемножку вспоминать приемы воздействия на реальность.

Ивор промолчал. Не то чтобы он не верил в свои возможности, но говорить о них было рано. Да и признаваться не хотелось, что он разговаривает сам с собой, как с чужим человеком, опытным и знающим жизнь. Хотя опыт этот, вероятнее всего, принадлежал не самому Ивору, а всей родовой линии предков.

Они спустились с холма в лес, нашли ручей, умылись, напились, и Мириам первой направилась в ту сторону, где на горизонте росла былинка Ствола, скрытая теперь от взора лесной стеной.

Первые пять километров дались им легко. Увлеченные созерцанием местной природы и выделением из лесных шумов знакомых звуков, путешественники не заметили, как пролетели полтора часа. Деревья в лесу росли почти такие же, что и на Земле: сосны, ели, березы, дубы и лиственницы, хотя встречались и незнакомые разновидности. Например, бамбук с черным стволом, хвощевидная трава высотой в рост человека или растения, напоминающие гигантский подсолнечник с канделябровидной верхушкой.

Попадали и звери, в основном мелкие грызуны, белки-летяги, сопровождавшие путешественников долгое время, какие-то буро-желтые и длинные зверьки, напоминающие собак и хорьков одновременно, а также змеежи — колючая помесь ежа и змеи, лягушары — огромные лягушки с почти человеческими головами и печальными глазами утопленниц, и стукалы — нечто среднее между дятлом и сусликом. Но Ивор чувствовал, что за ними наблюдают и более крупные животные, не привыкшие торопиться и оценивающие степень опасности непрошеных гостей.

Мама говорила, что на Геземе водились кролани — кроликолени с трехлистниковыми рогами, болотамы — бегемоты с крокодильей пастью, живущие в болотах, и тигриды — хищники, от которых убегали даже слоновидные хищные черепахи размером с грузовой драккар. К счастью, в лесах Срединного пояса Россинии эти твари не водились.

Птиц в лесу оказалось множество, и от их трелей звенело в ушах. Все они имели крылья, клювы и лапы, так что ничем не отличались от земных, не считая расцветки. Впрочем, здешняя малиновка практически была идентична земной, сорока тоже, как и длинноногий кулик, а вот вороны здесь были иссиня-фиолетового цвета с красными носами и красными лапами и не каркали, а буквально завывали, как злые духи. Ивор вспомнил, что соплеменники мамы называли этих птиц каянницами.

Температура воздуха в лесу не превышала восемнадцати градусов, хотя уники на землянах могли регулировать внутренний температурно-влажностный обмен и выдерживали как мороз до пятидесяти градусов по Цельсию, так и жару до шестидесяти. Судя по пышной зелени и разнообразию трав и цветов, прибыли путешественники на Гезем — с учетом места высадки — в разгар

весны. Дышалось здесь легко (кислорода в здешнем воздухе было чуть больше, чем на Земле), а от запахов кружилась голова. Особенно сильным был запах меда, собирали который на буйно цветущих лугах гигантские пчелы с палец величиной. Укус такой пчелы наверняка был болезненным, если не смертельным, и Мириам с опаской обходила стороной скопления цветов с жужжащей тучей пчел.

А спустя два часа с начала похода к Стволу земляне неожиданно столкнулись с медвянами.

Перейдя вброд очередной ручей с кристально чистой водой, они взобрались на обрыв, протиснулись сквозь могучие заросли хвощей и крапивы и оказались на очередном лугу, в центре которого возвышались странные круглые домики, сплетенные из прутьев и укрепленные на вершинах высоких столбов. Ивор и Мириам не сразу поняли, что это своеобразные ульи. Но остановились они по другой причине.

В полусотне метров от них у одного из ульев копались в огромной повозке, накрытой колпаком из плетеных прутьев, две могучие косматые фигуры с медвежье-человеческими лицами, одетые в блестящие зеленоватые фартуки. Их шеи были повязаны шарфами, а лапы к плечам обнимали не то браслеты, не то бликующие серебряным шитьем повязки.

— Медвяны! — охнула Мириам.

Существа, заросшие буро-коричневой шерстью, перестали возиться в повозке и уставились на землян светящимися желтыми глазами, в которых отражались ум и любопытство.

Пауза длилась минуту. Потом Ивор сделал шаг вперед и сказал, протягивая вперед руки ладонями вверх:

— Мы пришли с миром и приветствуем хозяев этой земли. Давайте поговорим?

Разумные медведи переглянулись (Ивор не услышал, а почувствовал их ментальный обмен), снова уставились на молодых людей, и на тех вдруг вылилась волна необычных ощущений, переходящих друг в друга, соединяющихся, сплетающихся, создающих удивительный эффект интеграции разнородных и даже противоположных эмоций: стеснение, сомнение, жажда понять и осмыслить, печаль и радость, страх и отвага, угроза и приветствие. Затем один из медвян поднял лапу над головой и сделал приглашающий жест.

Ивор и Мириам переглянулись.

— Они нас не боятся?

— Это их мир, они в нем хозяева, чего им бояться. Попробуем поговорить, найти общие интересы, может быть, и подружимся.

Они направились к медвянам, разгребая травы, как воду. Остановились в нескольких шагах, вдруг увидев запряженного в повозку зверя, похожего на волка и крокодила одновременно. Медвян, подозвавший путешественников, обнажил зубы. Вероятно, это означало улыбку. Ивор улыбнулся в ответ.

— Мы пришли оттуда. — Он указал на небо. — Меня зовут Ивор, ее — Мириам.

Медвян посмотрел на спутницу Жданова, снова показал зубы и медленно, с трудом проговорил:

— М-мы-р-ри-а-амм...

Затем поднял огромную когтистую, но с плоской и голой ладонью лапу, показал на небо, на Ивора со спутницей и сделал отрицательный жест.

— Н-них-х-х... г-хо-р-ра... у-у-у... — Медведь вытянул лапу в ту сторону, где располагался еще невидимый за деревьями Ствол.

Ивор понял, что медвяны з н а ю т, откуда на самом деле прибыли люди. Ствол здесь представлял собой врата в иные миры, откуда на Гезем изредка высаживались десанты диковинных существ.

— Правильно, — кивнул молодой человек, — мы пришли из далекого мира, куда нельзя добраться даже на космолете. Помогите, мы ищем таких же людей, как и мы. — Он указал на Мириам и себя.

Медвяны посмотрели друг на друга, уставились на Ивора. Тот, кто беседовал с людьми, нерешительно показал на Мириам.

— У-у-у... ма-а?

— Попробуй повторить, что ты сказал, — предложила девушка, — и одновременно продублируй то же самое мысленно. Похоже, они общаются в пси-диапазоне.

Ивор повиновался, четко представив племя родичей мамы, их дома и Ствол неподалеку.

— Гух-ух! — рявкнул медвян, не сводя глаз с лица Ивора. — Ч-ччвекки ф-ф с-с-торрона-а... — Он снова вытянул лапу в направлении на Ствол. При этом Ивору показалось, что он вполне понимает разумного медведя, указавшего, где надо искать людей. Судя по интонации речи, медвян относился к ним вполне доброжелательно.

— Р-р-рак-м-ма, — произнес вдруг второй медвян более высоким и мягким голосом.

Морда у этого медведя была покруглей и понежней, чем у первого, да и фартук облегал фигуру по-иному, и путешественники поняли, что это самка.

Ее напарник, а возможно, и хозяин или муж, что-то прорычал, она влезла по пояс под крышу повозки и вытащила самую настоящую деревянную кружку с крышечкой, затем засеменила к Ивору и протянула ему.

— Спасибо, не надо, — застеснялся Ивор, но Мириам быстро проговорила:

— Бери, это мед! — И он взял.

В кружке, вмещавшей около двух литров, действительно оказался мед. Он был ярко-оранжевый и прозрачный и источал такой упоительный специфичный цветочный запах, что у Ивора потекли слюнки. Не удержавшись, он макнул палец в мед и облизал, прислушиваясь к ощущениям. Но этот мед почти ничем не отличался от пчелиного меда на Земле, разве что был менее густым и тягучим, и его хотелось пить как воду.

— Дай мне, — попросила Мириам.

Ивор протянул ей кружку. Девушка попробовала мед пальчиком, потом сделала несколько глотков и сказала, зажмурившись от удовольствия:

— Кайф!

Медвяны заворчали, скаля зубы, размахивая лапами. Они поняли, что их продукт понравился пришельцам. Самка снова было сунулась в повозку за медом, но Ивор ее остановил, сделав отрицательный жест:

— Спасибо, мы больше не унесем. Если еще свидимся, в долгу не останемся.

— Пусть вам живется легко, — добавила Мириам.

Медвяны, конечно, не поняли их языка, но общий благодарный и дружелюбный тон восприняли и закивали тяжелыми головами, ворча на своем рыкающем языке ответные слова удовлетворения и доброжелательности. Помахав им руками, земляне снова двинулись в путь, пересекли луг и оглянулись. Но медвян с их повозкой уже не было видно. Над морем травы торчали только столбы с ульями, окруженные тучей пчел.

— Нет, все-таки хорошо, что мы направились именно сюда, — сказала Мириам. — Здесь хорошо. Я чувствую себя как дома. А ты?

— Я тоже, — кивнул Ивор, чувствуя жажду. — Не хочешь пить?

— Хочу. Это, наверное, действие меда сказывается. Я бы не прочь и искупаться.

— Река недалеко, я чувствую влагу. И еще что-то...

— Что?

— Не знаю. Ощущение странное, будто впереди лежит нечто большое, чужое и холодное... и опасное!..

Мириам перестала блаженно потягиваться, нахмурилась, вырастила из уника на плече турель и вставила в нее «универсал».

— Не хватало нам только нарваться на выживших «санитаров».

— Медвяны нас предупредили бы.

— Все равно я пойду первой.

Ивор пожал плечами и возражать не стал.

Через полчаса они действительно вышли на берег неширокой спокойной реки и увидели на противоположном, более низком берегу наполовину утонувшую в земле черно-фиолетовую тушу чудовища длиной в добрых полсотни метров и высотой в четыре человеческих роста. Оно напоминало механического «кентавра», упавшего на передние ноги и умершего в таком положении. Конечно, механизм имел еще множество деталей, выступов и отверстий, но обводы корпуса и копыта все же превращали его в «кентавра». Правда, вместо головы на «мускулистом» человеческом торсе вырастал членистый рог длиной около шести метров, покрытый сизо-серой окалиной, а весь корпус монстра лоснился фиолетово-черным «воронением» металла.

— Вот это зверюга! — вполголоса заметила Мириам, готовая выстрелить в любой момент при малейшем движении кентавра. — Ты знаешь, что это такое?

— Похоже, «лошадь» «хронорыцаря», — пробормотал Ивор. — Отец не раз встречал этих странных существ. Вполне возможно, где-то здесь лежит и всадник.

— Насколько я помню материально-техническое оснащение участников Игры, подобные «кентавры» представляли собой автономные энергосистемы «хронорыцарей».

— Представляли, ну и что?

— Мы не сможем воспользоваться такой энергосистемой?

Ивор с любопытством посмотрел на спутницу.

— Как ты собираешься ею воспользоваться?

— Еще не знаю, но вдруг придется спасаться от каких-нибудь «санитаров» или «хронохирургов».

— «Санитары» и «хронохирурги» участвовали в прошлой Игре, в нынешней задействованы другие Игроки, с другими возможностями. У них должны быть свои оруженосцы и помощники.

— Не важно, как они будут называться, но я уверена, что в скором времени мы столкнемся с ними. И если нам не удастся добыть дриммер...

— Ты же уверяла, что он здесь есть!

— Он был у Рода, волхва племени, где родились наши мамаши, это я знаю точно. Однако прошло уже много лет, и жив ли Род, неизвестно.

— Понятно, — пробормотал разочарованный Ивор. — Я думал, мы придем и возьмем...

— Есть такая древняя пословица: без труда не вытащишь рыбку из пруда. Надо не ждать подарков, а приложить определенные усилия, чтобы достичь цели. Тогда и душа возрадуется.

Ивор промолчал.

Они переплыли реку и обошли чудовищную «лошадь» «хронорыцаря» кругом, разглядывая детали корпуса. Ивор попытался рассмотреть нечто вроде люка на боку крупа механического кентавра, и ему показалось, что внутри него шевельнулось что-то тяжелое и теплое, как будто вздрогнуло сердце исполина. Молодой человек понял, что «кентавр» еще жив или по крайней мере имеет запас энергии, и его системы в состоянии работать.

— Что ты увидел? — насторожилась Мириам.

Ивор очнулся.

— Он не мертв, просто спит! Или выключен и законсервирован. Возможно, его действительно удастся разбудить, хотя я пока не знаю — как. Да и заставить подчиняться — тоже задача...

Девушка засмеялась.

— Мне нравится твоя обстоятельность. Я только помечтала о возможности покататься на такой «лошади», а ты уже начал искать способы управления. Но было бы здорово заставить это чудище повиноваться. Представляешь, мы заявляемся домой на таком «кентавре»? — Она фыркнула. — Хотела бы я увидеть рожу Полуянова.

Ивор улыбнулся.

— Всегда приятно прийти туда, где тебя не ждут. Пошли, а то солнце садится.

«Кентавр» скрылся за деревьями. Молодые люди снова углубились в лесную чащобу и через час остро пожалели, что у них нет антигравов. Пробираться сквозь густые заросли неухоженного, полного поваленных деревьев, заросшего кустарником и травой леса было нелегко, и не привыкшие к такой ходьбе земляне вскоре устали. Мириам упорно шла вперед, протискиваясь меж-

ду сучьями елей и сосен, обходя или переползая через метрового диаметра стволы, раздвигая руками стебли метельчатой жгучей травы, похожей на крапиву. Однако стоило Ивору предложить отдых, как она тут же согласилась.

— Пожалуй, к вечеру мы таким темпом к деревне не подойдем, — сказала она, разглядывая старый трещиноватый пень. — По таким лесам я никогда не ходила.

— Потому что у нас на Земле таких и нет, — отозвался Ивор, присев на корточки. — Перекусить бы чего-нибудь.

— К сожалению, у меня с собой ничего нет. Могу подстрелить какую-нибудь зверюшку, разожжем костер и поджарим. Меда хочешь?

— От него пить хочется.

— Это точно. Кстати, посмотри на этот пень.

Ивор повернул голову.

— Вижу.

— Здесь росло дерево.

— Ну и что?

— И его с р у б и л и! Пень сам по себе не делается.

Ивор встал, оглядел пень со следами топора, хмыкнул.

— Действительно, кто-то срубил сосну.

— Дело не в сосне, а в том, что сквозь такие буреломы далеко ствол не уволокешь. Деревня где-то рядом. Напрягись, посмотри своим третьим глазом.

Ивор вздохнул, преодолевая усталость и лень, выпрямился, закрыл глаза и совершенно без усилий вошел в состояние в н у т р е н н е г о резонанса. И сразу же горизонт раздвинулся, стволы деревьев стали бесплотными и прозрачными, Ивор увидел сквозь них холмистую равнину, реки и ручьи, Ствол в десятке километров от этого места, похожий на угрюмую конусовидную скалу с двуглавой вершиной, и всего в километре обнаружил поселок людей из полусотни деревянных изб. Показалось, что поселок этот нежилой, в нем не было движения, но обрадованный Ивор поспешил выйти из сферы озарения и сообщил наблюдавшей за ним Мириам:

— Тут недалеко, в километре, деревня.

— Я же говорила, — обрадовалась девушка. — Теперь мы и отдохнем, и в баньку сходим, и поужинаем. На одном меду далеко не уедешь.

Они снова пустились в дорогу, подстегиваемые желанием встретиться с родными бабушками и дедами, отдохнуть, погово-

рить о жизни и расслабиться. О встрече с волхвом особенно не думали, само собой разумелось, что это произойдет обязательно.

Вскоре деревья поредели, путешественники наткнулись на хорошо утоптанную, хотя и поросшую травой, тропинку и вышли к деревне, удивляясь тишине и отсутствию движения.

Деревня была пуста. Судя по заброшенности огородов и обветшалости строений, она была брошена давно, не менее двух десятков лет назад. Точнее, не брошена, а оставлена. Нигде не было видно мусора, разбитой посуды, на улицах и во дворах не валялись вещи или трупы и кости животных.

Ивор и Мириам зашли в один дом, в другой, третий, и везде видели аккуратно застеленные кровати (все они ориентировались строго в меридиональном направлении: соплеменники Ясены и Ярины спали головой на север), убранные комнаты, чистые горницы и кухни (если не считать слоя пыли). Люди явно покидали селение без спешки и паники. Но почему-то не вернулись.

— Да, дела-а... — почесал в затылке Ивор. — Неужели медвяны нас обманули? Направили в брошенную деревню?

— Не думаю, — нахмурилась Мириам. — Они простодушны и вряд ли знают, что такое ложь и обман. Мы, наверное, сами забрели не туда. Вокруг Ствола не одно только наше племя поселилось, были и другие. Можешь еще раз выйти в эфир и посмотреть на этот район сверху?

— Попробую, — пожал плечами Ивор и вдруг насторожился. Показалось, на спину легла чья-то пугливая холодная рука. Включив «третий глаз», он уловил движение в одном из брошенных домов в конце улицы и вытянул вперед руку:

— Там кто-то есть!

Реакция Мириам была мгновенной. Она прыгнула к Ивору, дернула его на себя за руку и выстрелила из «универсала». Они упали на землю, и это спасло жизнь обоим. Пуля, выпущенная из какого-то допотопного карабина или ружья, пролетела над ними, вонзилась в стену избы неподалеку и пробила в ней дыру величиной с кулак.

Но и выстрел Мириам не достиг цели, разве что напугал неведомого стрелка. Тот выстрелил еще раз и затаился.

— Эй, кто вы там, не стреляйте! — крикнула девушка. — Мы мирные люди и никому не желаем зла.

Тишина в ответ.

Затем шевельнулась дверь хаты в сотне метров от лежащих землян, и на пороге появилась тоненькая фигурка в охотничьей

парке, сапожках и кожаных штанах с бахромой, с огромным ружьем в руках. Это мог быть кто угодно — старик-охотник, юноша или невысокий мужчина с волосами, собранными в косу на затылке, но Ивор вдруг понял, что перед ним девушка.

ГЛАВА 2

Ее звали Яная, и она оказалась дальней родственницей обоих пришельцев с Земли. Колдун Кослвила, отец Ясены, матери Ивора, был дядей Янаи, а ее мать была троюродной сестрой Ярины, матери Мириам.

Все эти подробности земляне выяснили, беседуя с аборигенкой в саду возле того самого дома, из которого стреляла Яная. По сути это был дом ее родичей, и пришла она в брошенную деревню за кое-какой утварью, что случайно совпало с появлением землян.

— Зачем же ты стреляла? — удивилась Мириам, с интересом приглядываясь к наряду юной россинки.

— Страшно же! — ответила Яная простодушно. — Уже два сезона наши охотники стерегут Проклятую Гору Богов, ждут выхода опасных тварей. Я подумала, что эти твари прошли сквозь оцепление, и сильно испугалась.

Ивор и Мириам переглянулись.

Говорила россинка на удивительной смеси русского, украинского, польского, индийского и немецкого языков, но понять ее было можно даже при отсутствии лингвора.

— Что она имеет в виду под Проклятой Горой Богов? — спросил Ивор.

— Ствол, естественно. — Мириам посмотрела на Янаю, прижимавшую к груди уродливой формы ружье с длинным ребристым дулом. — Что за тварей вы ждете из Горы?

— Вождь приказал убивать всех, кто выходит из Горы, даже если они похожи на людей.

— Зачем?

— Я не знаю. — Юная россинка порозовела. — Мамия говорила, что к вождю приходили чужие, все черные, в таких же костюмах, что и на вас, и после этого он сделался костяным.

— Каким?!

— Ну, он как снулая рыба, ни на кого не смотрит, ничего не делает, только кричит и людей бьет.

— Да-а! — покачала головой Мириам. — Это явное кодирова-

ние, ты не находишь? — Она посмотрела на Ивора. — Тебе не кажется, что кто-то нас опередил и заставил вождя не выпускать из Ствола никого? То есть нас.

— Может быть, — согласился Ивор. — Слуги здешнего эмиссара, если это не сам вождь, ждали, что мы выйдем из Ствола. Интересно, если мы заявимся в деревню, что нас ждет?

— Теплый прием, — фыркнула Мириам. — Даже горячий. Если бы нам удалось встретиться с Родом или в крайнем случае с дедом Кослвилой... Яная, старый волхв Род жив?

— У нас нет такого, — с сожалением покачала головой россинка. — Ходит легенда, что много сезонов назад, почти в два раза больше, чем мне, могучий волхв Род ушел в Проклятую Гору Богов и не вернулся.

Ивор и Мириам снова обменялись взглядами.

— Вот тебе бабушка и Юрьев день, — задумчиво проговорила девушка. — Похоже, помощи мы не дождемся. Во всяком случае, дриммера нам не видать. А я так надеялась, что мы его здесь получим!

— Ничего, еще не все потеряно. Отец говорил, что Род нашел в Стволе целый склад дриммеров. Возможно, они спокойно лежат где-то и ждут нас. Надо идти в Ствол.

— Но прежде все же не мешало бы расспросить родичей, того же Кослвилу, он колдун и может что-то знать.

— Деда Кослвилу забрали с собой лихие люди, — тихо сказала Яная. — Он тоже ходил в Проклятую Гору Богов и рассказывал чудеса. Три сезона назад за ним пришли черные люди в рыбьих костюмах и увели. С тех пор его никто не видел.

— Оперативно работают, — пробормотал Ивор.

— Кто? — не поняла Мириам.

— «Санитары», кто же еще. Вернее, агенты нового Игрока. Не допускают ни малейшей утечки информации. Ну, что, ты настаиваешь на походе в деревню?

Мириам прошлась по траве, сбивая рукой метелки.

— И тем не менее я хотела бы встретиться с родственниками... ведь они даже не знают, что у их соплеменницы есть дочь.

— Тогда пошли, Яная нас проводит.

— Вам нельзя идти в деревню, — с виноватым видом покачала головой россинка. — Вождь будет сильно гневаться и кричать.

— Ну, мы его криков не боимся.

— Ты забываешь, что он может отыграться на Янае. Нам он, может быть, и не сделает ничего, но ей испортит жизнь наверняка.

— Что ты предлагаешь?

— Идти в Ствол. Там мы установим контакт со Стасом и попросим его направить нас в Ветвь, где застрял отец.

Мириам подумала немного и согласилась.

— Наверное, это оптимальный вариант в нынешних условиях. Яная, как нам обойти ваших охотников? Они все вооружены такими пищалями?

— Нет, у меня очень старое ружье, — застеснялась россинка. — Его еще мой прадед из Индиконии привез. У охотников метрополийские винтовки с буркалами.

— С чем? — удивилась Мириам.

Яная покраснела.

— Это такие стеклянные штуки для прицеливания.

— Оптические прицелы. — Мириам дотронулась до ружья в руках россинки. — У твоего ружья действительно такого нет. Интересно, а боеприпасы к ружьям где вы достаете? Тоже покупаете?

— Раньше покупали в метрополии, обменивали на шкуры зверей, на мясо и мед, а теперь сами делаем. В деревне свою кузню поставили, там волхвы и кузнецы работают. А у тебя на плече тоже ружье?

— Можно сказать и так. Только оно бесшумное и стреляет разными пулями.

— У тех черных чужаков, что приходили к вождю, тоже такие ружья были.

Ивор, почти не принимавший участия в разговоре, почувствовал беспокойство, прислушался к своим ощущениям и пробормотал:

— Пора уходить отсюда. Что-то изменилось вокруг, изменилось в плохую сторону...

— Что ты чувствуешь? — быстро спросила Мириам.

— Странное чувство... будто подул холодный ветер и нас осветил невидимый прожектор...

— Это поток внимания. Возможно, вслед за нами здесь появились плохие парни с хомодетекторами и биопеленгаторами и начали нас искать. Яная, не побоишься отвести нас к Проклятой Горе Богов?

— Не побоюсь, — храбро вскинула голову россинка. — Лишь бы наши охотники пропустили.

— С ними мы уж как-нибудь договоримся. Ты ведь нам поверила? И они поверят. Кстати, а почему ты нам поверила?

— Мед, — показала Яная на деревянную кружку в руке Ивo-

ра. — Медвяны подарили вам глечик с медом, а они дружат только с добрыми людьми.

— Что ж, спасибо им.

Они выступили в поход: впереди Яная со своим тяжелым «пулестрелом», за ней Ивор и последней Мириам. Пересекли деревню, углубились в заросли леса по дороге, ведущей на север. Дорога была на удивление ровная, будто укатанная грейдером, и трава на ней не росла, хотя не ходили и не ездили по этой дороге уже давно. По словам Янаи, жители оставили деревню после того, как в ней поселился злой дух, пугающий домашних животных. Волхвам выгнать его не удалось, и вождь принял решение переселиться подальше от Проклятой Горы Богов. А чтобы дух не преследовал племя, россины оставили не только дома, но и все свои вещи.

— Теперь-то уж можно понемногу забирать кое-какие предметы обихода, — добавила Яная, — дух давно ушел отсюда, это волхв Кирик проверил, но люди все равно боятся сюда ходить.

— А ты?

— А я не боюсь!

— Как ты думаешь, что это за дух у них поселился? — спросила Мириам Ивора. — Уж не видеокамеру ли скрытую установили в деревне агенты здешнего эмиссара? Для наблюдения за всеми жителями и гостями?

— Вполне, — согласился Жданов. — Чьего-то появления они очень боялись, вот и приняли превентивные меры.

— Поищем?

— Некогда.

— Наверняка они ждали нас, — сказала Мириам с великолепной уверенностью. — Бровей назвал тебя оператором не зря, это соответствует действительности. Нам повезло, что трансгресс высадил нас далеко от Ствола.

— Сможем ли мы пробиться к нему с одним «универсалом» — вот вопрос, — проворчал Ивор, стараясь не отстать от гибкой фигурки проводницы, скользящей между деревьями; с дороги они уже свернули и шли теперь по лесу.

— Что-нибудь придумаем, — пообещала Мириам с той же категоричной уверенностью. — Положись на меня.

Благодаря знанию местности и чутью Янаи три с лишним километра они двигались с хорошей скоростью, обходя болотца и буреломы, переправляясь через попадавшиеся ручьи по перекинутым через них бревнам. Затем Ивор снова почувствовал знако-

мое дыхание «холодного ветра» и усилием воли перешел в состояние мгновенного подсознательного ответа на изменение обстановки.

Он увидел пульсирующую светящуюся сеть, пронизывающую пространство леса и соединяющую более яркие лучистые облачка. Эти облачка представляли собой ауры живых существ, населяющих лес. Большинство из них светилось «мирным» зеленовато-желтым светом, но встречались и «опасные» тона — багровые, угрюмо-коричневые и особенно агрессивные — фиолетовые. Два таких фиолетовых пятна ждали путешественников буквально в полусотне метров впереди.

— Стойте! — шепотом крикнул Ивор. — Там кто-то есть! Близко!

Яная замерла, прислушиваясь к лесной тишине. Оглянулась на спутников.

— Ждите меня здесь! Это наверняка наши охотники. Я поговорю с ними, и они вас пропустят.

— Почему ты в этом уверена?

Россинка улыбнулась — смущенно и гордо.

— Я дочь ведича, он командует охотниками. Они почти все хотят взять меня в жены.

Девушка исчезла в зарослях кустарника.

Мириам посмотрела на Ивора оценивающе.

— А ты бы не хотел на ней жениться? Все глаза проглядел!

— Красивая девочка, — отозвался Ивор с рассеянным видом, с удовольствием отмечая изменение ее настроения. — К сожалению, я не охотник, а квистор. Едва ли у них тут ценится способность разбираться в квантовой истории.

— Ах так, значит, к сожалению! — угрожающе проговорила Мириам. — А если бы не это обстоятельство, ты бы остался? Могу посодействовать.

Ивор улыбнулся.

— Я пошутил. Она, конечно, достойна любви и обожания, но мое сердце уже занято.

— Кем же, если не секрет?

— Квисторией, — серьезно сказал Ивор.

Мириам сдвинула брови, но рассердиться не успела.

Послышался легкий треск ветвей, шелест, чьи-то голоса, и к замершим землянам выбежали россины — два парня в охотничьих кафтанах, с винтовками в руках, и Яная. Винтовки у них действительно имели устройства для прицеливания, но было видно, что оружие далеко от совершенства и сделано не на заводах, а в

кустарных мастерских. Впрочем, от этого оно не стало менее опасным, мимолетно подумал Ивор.

Россины направили стволы своих «пищалей» на землян, Мириам в ответ развернула ствол «универсала» в их сторону. Она могла бы перестрелять охотников в любой миг, но воевать не пришлось. Яная что-то сердито крикнула, и парни опустили винтовки.

— Вам нельзя идти к Проклятой Горе Богов, — сказала россинка. — Кари и Юлиан видели, что из нее выползли злые черепахи с усами и теперь рыскают вокруг.

— Этими усами они срезают деревья, — добавил один из молодых россинов, с голубыми глазами и пушком над губой. — Теперь там широкая полоса лесоповала.

— Вот дьявол! — с досадой проговорила Мириам. — Похоже, нас во что бы то ни стало решили не пускать в Ствол. Может быть, ты еще раз попробуешь позвать бровея Мимо? Пусть вызовет трансгресс.

Ивор покачал головой.

— Мы должны идти дальше без посторонней помощи. Иначе какой я оператор?

— Тогда придется пробиваться с боем. Эти парни с Яной отвлекут черепах, — а это скорее всего знакомые нам герплексы с нейтрализаторами межатомных связей, — а мы попытаемся проскочить к Стволу.

Ивор снова качнул головой.

— Этим парням и так достанется от вождя, что пропустили нас. Нужен какой-то нестандартный прием... — Он замолчал, уставившись в пространство. — М-м-м... почему бы не попробовать?

— Что?

— Оживить «лошадь» «хронорыцаря».

— Ты серьезно?! — удивилась девушка.

— Почему нет? Если нам удастся активировать энергосистему «кентавра», мы прорвемся к Стволу сквозь любое оцепление. Если же не удастся, тогда и будем думать, как это сделать.

— Я думала, только я такая сумасшедшая.

— У нас были общие предки.

Мириам улыбнулась.

— Вы хотите... разбудить... мертвого слугу богов?! — догадалась Яная. — А если он оживет и проглотит вас?!

— Не проглотит, — беспечно махнула рукой Мириам. — У него-то и рта нет. Это всего-навсего механико-энергетическое

страшилище, оно не предназначено для охоты и поедания людей живьем. Возвращаемся к «кентавру», оператор. Если тебе удастся запустить его, я покаюсь во всех своих грехах.

— Идет, — сказал Ивор, подставляя ладонь под удар ладони девушки.

— Вы действительно сумасшедшие! — прошептала россинка. — Как бы я хотела пойти с вами!

Ивор и Мириам засмеялись.

— Тебе еще рано, — сказала землянка.

— Мне уже пятнадцать сезонов, — приосанилась Яная, — и мне можно иметь мужа.

— И все же мы не имеем права взять тебя с собой.

— Я понимаю, — сникла россинка, жалобно посмотрела на Ивора. — Но хотя бы одним глазком посмотреть на то, как вы будете оживлять мертвого слугу богов, можно?

— Это пожалуйста. Может быть, у нас ничего и не получится. Ведите нас к нему кратчайшей дорогой.

Россины посмотрели на свою соотечественницу, Яная что-то сказала им не терпящим возражений тоном, и все трое растворились в лесу как тени. Они были детьми своего времени, хозяевами леса, хранителями его первозданной чистоты и умели превращаться в бесплотных духов природы.

— Идите за нами, — прилетел из чащи леса тонкий голосок россинки.

Ивор встретил насмешливо-понимающий взгляд Мириам и поспешил за россинами.

До реки, на берегу которой лежал по брюхо увязший в земле «конь» «хронорыцаря», отряд добрался всего за полтора часа. Россины вообще не выказывали признаков усталости, привыкнув к долгим лесным переходам, а земляне хоть и устали, но держались на самолюбии и темпа не теряли.

Остановились в пределах видимости громадного механизма.

— Дальше мы не пойдем, — заявила Яная. — Может быть, не стоит будить слугу богов?

— Еще как стоит, — не согласилась Мириам и добавила со смешком: — Хотя я сама не знаю, что это нам даст.

— Что делать нам, если он нападет на вас?

— Он не нападет. А если все-таки бросится, вам необязательно ввязываться в драку, уходите домой. — Мириам посмотрела на Ивора, пристально рассматривающего гиганта на берегу. — Подойдем ближе?

— Да, конечно, — очнулся молодой человек. — Впрочем, ты останься здесь на всякий случай. Я не уверен, что справлюсь, и не знаю, опасен ли этот зверь на самом деле.

— Я пойду с тобой.

Ивор нахмурился, твердо сжал губы.

— Ты останешься здесь!

И Мириам проглотила вертящиеся на языке возражения, пораженная тоном, каким были сказаны слова. Такой непоколебимости Ивор еще не демонстрировал.

Он приблизился по берегу реки к мертвому «кентавру», остановился в метре от него, постоял несколько минут, задрав голову, приводя себя в состояние в с е в и д е н и я, дотронулся до холодного крупа гиганта. Россины и землянка, затаив дыхание, смотрели на его действия, ожидая чуда. Но прошла минута, другая, третья, ничего не происходило, «кентавр» не шевелился, угрюмый и холодный, как мертвая скала, и Яная прошептала едва слышно:

— Ничего не получится... мертвый слуга богов лежит здесь очень давно, много-много сезонов...

— Ивор, возвращайся, — позвала Мириам. — Мы, наверное, ошиблись, он давно сдох.

Молодой квистор не ответил, продолжая изучать конструкцию «кентавра». Обошел его кругом и вдруг полез на круп, цепляясь за ребра, штыри и чешуи. Взобравшись наверх, он спокойно прошелся по спине исполина, приблизился к «человеческому» торсу, из которого вырастал огромный острый рог, покрытый сизо-сиреневой окалиной, задумчиво уставился на него.

Россины и Мириам снова задержали дыхание, сжимая от волнения кулаки. И вздрогнули от резкого металлического лязга. Это шевельнулся торс исполина, слегка приподнимая рог. Затем с длинным скрипом разогнулась правая передняя нога «кентавра», с грохотом выдернула копыто из почвы. За ней пошла вверх другая нога. Дрогнули задние ноги, обрушивая пласты земли в реку, и «кентавр» медленно выпрямился, вырастая над лесом, вознося Жданова на тридцатиметровую высоту. Рог исполина налился тусклым лиловым свечением.

Россины попятились, выставив перед собой стволы винтовок.

— Бог ты мой! — прошептала Мириам. — Ты все-таки разбудил это чудовище!

— Эй, там, на берегу! — донесся веселый и довольный голос Ивора. — Присоединяйтесь ко мне. Эта зверюга неопасна.

Мириам опомнилась, оглянулась на россинов.

— Все, мы уходим, дорогие мои. Спасибо за помощь. Надеюсь, вождь не накажет вас слишком строго. Если же попытается, передайте ему, что вы помогли внуку и внучке деда Кослвилы, ученикам волхва Рода. Пусть призадумается. Прощайте.

— Прощай, — отозвалась Яная с грустью. — Добрых вам встреч! Вы уже не вернетесь?

— Кто знает, может быть, еще и свидимся.

Мириам помахала рукой охотникам, обняла Янаю и помчалась к исполинской горе «слуги богов», которого оживил Ивор.

Вид с высоты спины «кентавра» открывался просто замечательный. Если бы не тревожный подтекст прогулки, связанный с ожиданием схватки с неведомыми врагами, катание на гигантском механическом звере было бы захватывающим. Однако Мириам прекрасно понимала, что их ждет впереди, и пейзажи россинских владений рассматривала лишь с точки зрения оценки опасности.

Что касается Ивора, то он был занят управлением «кентавром» и на созерцание красот природы не отвлекался. На вопрос Мириам, как ему удалось разбудить энергосистему «хронорыцарей», — он ответил:

— Я представил себя «хронорыцарем», и этот «конь» тут же проснулся.

Как на самом деле произошел контакт человеческой мысли и желания с мыслесферой чужого киберорганизма, для Мириам осталось тайной. Впрочем, ей было достаточно самого этого факта и осознания удивительных возможностей сына Павла Жданова, который, похоже, далеко еще не исчерпал себя и потихоньку вскрывал запасы своих способностей.

«Кентавр» перешагнул реку, вернулся обратно, пугая россинов, с благоговейным ужасом разглядывающих ожившего «слугу богов», и направился к обелиску хронобура, торчавшему из леса в десяти километрах отсюда. Двигался он вроде бы и небыстро, почти без раскачки, переставляя ноги, практически как земная лошадь, однако до полосы свободного пространства, образованного вывалом леса (герплексы поработали на славу, выкосив около десяти квадратных километров), добрался за полчаса.

Охотников, посланных вождем племени россинов стеречь Проклятую Гору Богов, всадники не увидели. Очевидно, те прятались в зарослях и не хотели попадаться на пути гигантского ме-

таллического «кентавра». Зато герплексы, сторожившие Ствол со своей стороны, не заставили себя ждать.

Их оказалось три — чудовищные гороподобные черепахи с пластинчато-сегментными панцирями высотой в десять метров, отливающими перламутром, с двумя длинными, как удилища, красными усами, являвшимися эффекторами особого поля, в котором распадались межатомные и межмолекулярные связи любого вещества. Две черепахи выползли из-под стены Ствола, третья появилась чуть в стороне и сзади. Она, очевидно, пряталась в лесу.

Скорость движения этих странных созданий, по сути — таких же автоматов, как и «кентавр», не превышала двадцати километров в час, тем не менее миновать их не представлялось возможным, и Мириам поняла, что боя избежать не удастся.

— Попробуй обойти их слева! — крикнула она Ивору. — Я попытаюсь отстрелить у них усы!

— Держись! — буркнул в ответ Ивор, закусывая губу. — Мы их возьмем на абордаж!

Мириам вцепилась в штырь, торчавший из спины «кентавра» там, где должно было быть седло (таких штырей из спины вырастало больше десятка, разного диаметра и длины), и «кентавр» резко ускорил ход, переходя на иноходь. Километровой ширины полосу он преодолел всего за полминуты и с ходу вонзил свой запылавший рог в первую из черепах, не обратив внимания на ее стреляющие, как плеть, усы.

Герплекс успел только сделать два глубоких шрама в мощной груди «кентавра», не остановившие его, когда рог проткнул панцирь черепахи на всю длину. Черепаха окуталась струями белого пара и развалилась на дымящиеся осколки. Ее усы превратились в струйки вспыхнувшей жидкости, вспухли розовым дымком, исчезли.

Второй герплекс кинулся на «кентавра» сбоку, с угрозой поднимая красные, омерзительно живые «удилища», и кто знает, чем бы закончилось сражение, если бы не реакция Мириам. Девушка мгновенно открыла огонь из «универсала», сначала ударно-силовой — гравитационными «пулями», потом сменила вид стрельбы и ударила по черепахе плазменными сгустками, целясь в шишковидные основания усов.

Ее усилия не пропали даром.

Герплекс от неожиданности осел на гармошкообразных ногах, откинул назад усы, как это делает жук-дровосек, когда его

тронешь пальцем, и эта секундная задержка позволила «кентавру» повернуться и вонзить рог в панцирь врага.

Раздался взрыв!

Во все стороны полетели обломки панциря герплекса, ударная волна оторвала Мириам от штыря, за который она цеплялась, и сбросила со спины кентавра. Но в самое последнее мгновение перед тем, как ей упасть на стволы поваленных сосен, Ивор крикнул что-то нечленораздельное и яростное, так что «кентавр» под ним вздрогнул, и скорость падения девушки резко замедлилась. Упала она достаточно мягко, словно с высоты двух-трех метров, а не тридцати, как на самом деле. Скрылась в ветвях.

Но анализировать происшедшее было некогда. К месту боя приближался третий герплекс, которого надо было встретить во всеоружии.

— Залезай обратно! — крикнул Ивор, заставляя «лошадь» опуститься на колени.

Мириам выбралась из-под сосновых веток, проворно взлетела на спину «кентавра», цепляясь за грубые ребра и скобы, и тотчас же «конь» «хронорыцаря» бросился бежать к темно-коричневой, конусовидной, двуглавой глыбе Ствола с диаметром основания около трех километров, до которой оставалась всего сотня метров.

— Что ты задумал? — удивилась Мириам.

— Незачем сражаться с этими черепаховидными автоматами, — ответил Ивор. — Главное — пройти в Ствол, а без «кентавра» сделать это будет трудно.

Девушка не нашлась, что возразить.

Герплекс, щелкающий усами, как кнутом, отстал.

«Кентавр» домчался до горы хронобура, некогда разрубленной чуть ли не до основания «палицей» голема, увеличенной эффектом масштабного копирования, и с ходу вонзил пылающий рог в стену Ствола на высоте сорока метров над землей.

Мириам с визгом вцепилась в спасительный штырь, чтобы удержаться на месте от удара инерции, в то время как Ивор стоял в нише «седла», расставив ноги, неподвижно, как скала.

Раздался гулкий треск, словно лопнул огромный резиновый шар. Стена в месте укола рогом пошла трещинами, провалилась куда-то сама в себя, образуя дымящееся жерло пещеры. Что-то вспыхнуло там, в глубине дыры, облако искр вырвалось наружу, образовало кольцо, осыпавшееся вниз с шипением и треском. «Кентавр» выдернул рог из образовавшейся пещеры, попятился.

Из пещеры вылетела черная струя, вонзилась в грудь кентавра, облила его передние ноги и рог, и гигант со скрежетом осел на задние ноги, застыл. Рог его медленно погас.

— Сброс хронопотенциала! — проговорил взволнованный и обрадованный Ивор. — Мы попали прямо в узел мембраны! За мной!

Мириам без колебаний схватила его за руку, и они, разогнавшись, прыгнули со спины «кентавра» в зев пещеры, засеребрившейся от металлического налета. Стены пещеры стали сдвигаться, но молодые люди успели преодолеть зону пространственно-временных преобразований и ворвались в зал с «лифтом» хрономембраны до того, как выход из Ствола в мир Гезема закрылся.

ГЛАВА 3

Они бродили по коридорам и помещениям Ствола уже более трех часов, пытаясь выйти на связь с инком хронобура Стасом, но цели так и не достигли. Все здесь было им знакомо — по рассказам отцов, а также из истории хронобура, которую они изучали в институте, — и одновременно незнакомо — вследствие того, что сами они попали внутрь Ствола, точнее, в одну из его квантовых копий, и знакомились с ним реально впервые.

Зная расположение зон безопасности в теле хронобура и схронов с НЗ на пятнадцатом, тридцатом и сорок пятом этажах здания, молодые люди не поленились проверить их все, но нигде ничего не нашли. Кванк Ствола на Геземе, серьезно разрушенный во время прошлой Игры, был практически разграблен и мертв. Рог кентавра совершенно случайно пронзил защитный кокон одной из уцелевших зон безопасности с шахтой хрономембраны, которая, судя по всему, еще работала, однако была заблокирована. Вызвать Стаса или хотя бы открыть дверь в «лифт» землянам не удалось. Стас их не слышал, а «лифт» открываться не хотел, несмотря на все усилия Ивора воздействовать на автоматику хрономембраны в пси-диапазоне. В отличие от «коня» «хронорыцаря» земная автоматика подчиняться молодому квистору не желала.

— Осталась только одна непроверенная зона, — сказал Ивор, когда они расположились на отдых на сорок пятом этаже здания после обследования очередного склада НЗ, также оказавшегося вскрытым и пустым.

— По-моему, мы обошли все, — отозвалась несколько приунывшая Мириам, высовываясь из окна во двор, выглядевший с

высоты ста шестидесяти метров чистым и ровным, с редкими трещинами, грудами обломков стен и глубокой воронкой по центру.

Палица голема, разрубившего Ствол, давно исчезла, то ли испарилась, то ли осыпалась на землю в виде порошка, то ли претерпела обратную трансформацию и превратилась в четырехметровый тетраэдр, свалившийся вниз и утонувший в материале двора. Факт оставался фактом — голема не было, и теперь стали видны гладкие поверхности стен и перекрытий в том месте, где он когда-то лежал.

— Отец говорил, что кроме штатных ниш безопасности была оборудована еще одна — на сотом этаже.

— Почему я об этом не знаю? — Мириам заинтересовалась бликом в окне нижнего пояса кольцевого здания на противоположной стороне и козырьком приставила ко лбу руку.

— Потому что эту зону создавали в условиях секретности для самого Златкова. Предполагалось, что в момент запуска хронобура он будет управлять процессом оттуда.

— Этого мы не проходили.

Ивор хотел было рассказать девушке о беседе с отцом, но вдруг почувствовал знакомый «холодный ветер» и дернул Мириам за руку, так что она слетела с подоконника на пол. И в ту же секунду в окно снизу влетела огненная стрела и с треском и шипением проделала в потолке комнаты глубокий шрам.

— Ты!.. — вскочила Мириам и присела, мгновенно оценив ситуацию. — О, дьявол! Кажется, нас в покое не оставили! Придется драться.

— Постереги меня, — попросил Ивор сосредоточенно. — Я попробую пощупать пространство в здании. Если здесь есть источники энергии, я их почую. Вообще надо было сделать это раньше, как только мы вошли, а не бродить по Стволу как неприкаянные.

Мириам хотела обидеться, приняв укоризненную сентенцию спутника на свой счет, но Ивор уже у ш е л в себя, и ей ничего не оставалось, как охранять его во время сеанса ясновидения.

Со двора по окнам разграбленного склада НЗ больше не стреляли. Мириам попыталась разглядеть противоположную сторону кольца здания, ничего не увидела, прикинула, сколько времени понадобится преследователям, чтобы добраться до помещения на сорок пятом этаже, и выскользнула в коридор, чтобы подготовиться на всякий случай к бою.

Ждать долго не пришлось. Ивор вышел в коридор через три минуты после начала «беседы с духами Ствола».

— Источников энергии два, — сообщил он, сохраняя сосредоточенный вид. — Оба располагаются гораздо выше нашего уровня, где-то на высоте четырехсот метров. Один в этом крыле, второй на другой стороне. Какой выберем?

— Этот! — быстро сказала Мириам.

— Тогда я выбираю другой.

— Почему? — возмутилась девушка.

— Есть такая пословица: выслушай женщину и поступи наоборот. — Ивор улыбнулся, заметив гневный блеск в ее глазах. — Я пошутил. На самом деле все объяснимо. Те, кто стрелял, будут искать нас здесь, а мы в это время будем спокойно подниматься на сотый этаж с другой стороны.

Мириам задумчиво оглядела спокойное лицо Жданова.

— Ты умеешь притворяться противным, я это учту. Но и думать умеешь, что меня радует. Побежали на ту сторону. Я буду прикрывать спину, гляди вперед в три глаза.

Ивор не тронулся с места.

— Что-то не так? — встревожилась девушка.

Он хотел сказать, что она красивая и смелая, но вслух выговорить эти слова не решился. Требовались иная обстановка и иное настроение.

Они помчались по коридору в обход здания, стараясь не поднимать шума. Нашли ближайший холл с лестницей и начали подниматься вверх, считая этажи. На шестьдесят первом снова выбрались в коридор — сухой, чистый, с металлическим полом, на котором не оставалось следов, и пробежали с полкилометра по кругу, пока не уперлись в тупик.

Это явно был схрон или отсек с энергооборудованием хронобура, о чем говорила перегородка с контуром двери: такую перегородку можно было изготовить только в заводских условиях. Ивор попытался открыть дверь мысленным усилием, не смог, затем открыл «третий глаз» и проник в помещение мысленным взором. Он увидел-почувствовал обтекаемо-геометрические громады, решетки и стойки с грибообразными наростами, всё мертвое, застывшее, лишенное энергии, и быстро вышел из состояния всевидения.

— Туда нам не пройти.

— Что там? — поинтересовалась Мириам, тревожно оглядываясь.

— Технологический карман. Скорее всего это отсек питания энергокаркаса хронобура.

— Побежали назад, к холлу с лестницей. Сколько нам этажей осталось?

— Мы на шестьдесят первом, если я не ошибаюсь, еще сорок этажей подниматься.

— Надо было сразу взобраться на сотый и бежать. Как ты себя чувствуешь?

— Ноги гудят, — простодушно признался Ивор.

— У меня тоже, — улыбнулась Мириам. — А ведь я закаленная, специально тренировалась для... — Она закусила губку и направилась назад по коридору, оглянулась. — Не спи, оператор, отдыхать некогда.

Ивор послушно затрусил за ней, почти скрывшейся за изгибом коридора, и вдруг ощутил порыв ледяного ветра. Свело мышцы лица.

— Стой! — придушенно крикнул он. — Туда нельзя!

Мириам послушно остановилась, вглядываясь в полумрак коридора, освещенного лишь сочащимся сквозь редкие дыры и щели в стенах светом.

— Беги сюда!

Девушка начала отступать, поскользнулась на гладком полу и едва не упала. И тотчас же из темноты вылетел огненный клинок, вонзился в стену над ее головой и проделал длинную дымящуюся борозду. Мириам ответила очередью из «универсала», опрометью бросилась к Ивору, держащемуся рукой за стену в трех десятках шагов.

Очередь плазменных сгустков унеслась в глубину коридора, послышался низкий рык, от которого задрожал пол, затем треск и шипение. В коридор вдруг выплеснулось целое облако змеящихся электрических разрядов, едва не долетевшее до землян. Мириам еще раз выстрелила в глубь коридора, теперь уже лазерным лучом, перечеркнула его крест-накрест, и стало тихо.

Несколько секунд молодые люди напряженно вглядывались в темноту и вслушивались в тишину здания, не зная, что последует за электрической атакой. Потом Мириам прошептала, кинув на Ивора горящий взгляд:

— Никогда не прощу себе, что не просчитала этого варианта! Хотя бы «глюк» догадалась у Тео попросить!..

В устах студентки эти слова звучали странно, как требование профессионала наказать его за ошибку, но Ивору было не до оценки поведения спутницы. Он понял, что они погибнут, если

ничего не предпринимать, и усилием воли включил все свои паранормальные «оболочки».

Оборудование, стоявшее в помещении за дверью, было обесточено и оживить его не представлялось возможным. Таким же мертвым казался и механизм отпирания двери. Но все же один источник энергии, хотя и весьма незначительный, Ивору отыскать удалось. Этим источником оказался стоящий на полу предмет, явно не имеющий отношения к аппаратам отсека. Больше всего он напоминал двухметрового диаметра черепаху.

— Герплекс! — прошептал Ивор.

— Что?! — оглянулась на него Мириам. — Где герплекс?!

— Там... внутри...

— Тогда мы пропали!

— Он полудохлый... я попробую его активировать...

— Зачем?!

— Если рядом нет друзей, их надо делать из врагов...

Ивор напрягся, вторгаясь в схему управления неземным автоматом, как сделал это, оживляя «кентавра», и нашел зоны контакта.

Механическая черепаха, пролежавшая здесь неизвестно сколько времени, вздрогнула, вырастила ноги и засеменила к двери. Ощупав ее своими усами, она прочертила в двери метровую окружность и осела на задние ноги, застыла. Запас энергии, тлевший в ее аккумуляторах много лет, окончательно растаял.

Ивор подскочил к перегородке, толкнул дверь, и вырезанный усом герплекса круг с грохотом рухнул на лоб черепахи.

— Лезь быстрее! — прошипел Ивор.

Мириам выстрелила в глубь коридора последний раз и ласточкой влетела сквозь круглую дыру в помещение за дверью. За ней последовал Ивор, обрадованный своим успехом. Мириам ойкнула, наткнувшись на остов черепахи: в помещении было абсолютно темно.

— Спокойно, — сказал Ивор, — это сдохший герплекс. Он уже неопасен.

— Я ничего не вижу!

— Цепляйся за меня, я пойду первым.

— Куда?

— Все технологические зоны хронобура располагаются по вертикальным шпангоутам Ствола и имеют свои лестничные колодцы. Вы этого разве не проходили?

— Я вспомнила, проходили, хотя техника Ствола меня мало интересовала. Мне больше по душе устройство хрономембраны.

Мириам нашла Ивора, взяла его за руку. Оглядываясь на отверстие в двери, вырезанное герплексом, из которого сочился серый свет, они двинулись в глубь помещения с темными громадами каких-то машин. В центре зала Ивор остановился и уже привычно вызвал состояние всевидения.

Ему понадобилось всего полминуты, чтобы обнаружить в одной из громад у стены помещения характерную полость, уходящую в гладкий монолит пола. Одновременно он определил положение преследователей: их было трое, плюс какой-то большой зверь с массивной головой, закованный в броню из костяных пластин и одновременно поросший шерстью. Они уже подкрались ко входу в зал, готовые ворваться в него.

Ивор потянул девушку за собой, остановился у вырастающей из пола установки плавных очертаний, форма которой слегка напоминала раковину. Попытался проникнуть мыслью в ее контуры управления и открыть замки.

В отверстие, через которое они вошли в зал, вдруг влетела ослепительно-желтая молния, отразилась от панциря герплекса и погасла в потолке среди черных сталагмитообразных выступов. Мириам тотчас же ответила выстрелом из «универсала», давая понять преследователям, что их здесь ждет горячий прием.

— Помоги! — прохрипел взмокший Ивор. — Вход не открывается, но дверь здесь тонкая, можно попытаться пробить.

— Стань сзади, — скомандовала Мириам.

Вспыхнул фиолетово-сиреневый луч лазера, впиваясь в выпуклый бок «раковины». Послышался треск. По боку побежала трещина. Мириам перенесла луч правее, вслед за трещиной. Весь бок «раковины» пошел трещинами и обрушился на пол грудой осколков. Обнажилось нутро установки с рядами ребер и ниш, множественными наплывами и отверстиями. Одно из отверстий уходило в пол. Это и был вход в колодец, соединявший технозоны на этажах Ствола.

Ивор пощупал рукой небольшой выступ, опоясывающий отверстие люка, затем скобы, уходящие вниз, и прошептал:

— Спускаемся. Иди первой.

— Я за тобой! — ответила Мириам едва слышно.

— Хорошо.

Ивор сел на край люка, нащупал ногой скобы и начал спускаться в колодец.

Раздалось низкое угрюмое рычание, свет в отверстии, пробитом герплексом, померк — это в зал ворвался неведомый зверь,

соединявший в себе признаки крокодила и не то волка, не то медведя. Россины называли этих зверей волкодилами, но земляне этого не знали.

Мириам выстрелила в мелькнувшую тень и нырнула вслед за Ивором в колодец.

Ее выстрел оказался удачным. Послышались рев и скулящий вой, визг когтей по полу. Ворвавшиеся в зал преследователи открыли беспорядочную стрельбу из своих излучателей, но беглецы были уже вне досягаемости.

Колодец вывел их в точно такой же зал с мертвыми машинами, затем в еще один и еще, пока Ивор не почувствовал, что здесь есть жизнь. Оглядевшись в сфере всевидения, он обнаружил теплую — во всех отношениях — установку и, проникнув в ее «мозг», понял, что она является устройством контроля прочности шпангоутов здания. Конечно, в настоящий момент никаким контролем она не занималась, лишенная линий связи со всеми системами датчиков и анализаторов, но двери в зал открыть могла. Ивор быстро нашел необходимый код для этой операции, и дверь в зал свернулась валиком вокруг невидимой оси, открывая проход в коридор.

Молодые люди бросились к прямоугольнику выхода, из которого в зал брызнул тусклый свет коридора. Но уже на пороге Ивор остановился, снова вошел в контур управления установкой и приказал наглухо заблокировать выходы и не открывать.

— Теперь аллюр три креста! — выдохнул он.

И они помчались по коридору к лестничной шахте, которая должна была вывести их на сотый этаж здания, где, по расчетам Жданова, располагался узел хрономембраны, превращавшей Ствол в постоянно включенную трактрису времен, в пространственноподобную «струну», соединявшую множество Ветвей бесконечного Древа Времен.

Они не увидели и не почувствовали, как из стены коридора вышел задумчиво-рассеянный бровей Мимо и долго смотрел им вслед.

* * *

Зона безопасности с работающей хрономембраной действительно оказалась на сотом этаже Ствола. Искать ее пришлось среди хаоса рухнувших стен и перекрытий — удар «дубины» голема пришелся как раз по этому участку здания и чудом миновал

вертикальное ребро жесткости, в теле которого и прятался зал с трубой хронолифта.

Почти бездыханные от гонки по лестничным пролетам — преследователи смогли-таки выбраться в коридор и шли по пятам с вопящим от боли и ярости зверем, — Ивор и Мириам наконец отыскали вход в зал с хрономембраной, Жданов с трудом открыл дверь, и они оказались в зале с чистым блестящим мраморным на вид полом, стенами из ракушечника и серебристым потолком, по которому изредка пробегали ручьи призрачного фиолетово-голубого света. Если бы не погоня, молодые люди, конечно же, обошли бы кольцевой зал, любуясь его интерьером, но теперь им было не до созерцания красот ствола.

Ивор открыл дверь лифта, Мириам дала очередь из «универсала» по двери в зал, расходуя последние запасы энергии, вскочила в решетчатую коробку лифта, Ивор ударил локтем в панель управления мембраной, а когда это не сработало, крикнул в н у т р ь себя изо всех сил:

«Вези нас вверх!»

Дверца лифта проявилась из воздуха, словно он мгновенно сгустился до консистенции твердого материала (естественно, это было силовое поле с «порошковой намоткой»), свет в кабине погас, ударило в ноги, сердце ушло в пятки, наступила короткая невесомость, сознание померкло... и восстановилось. Тело казалось тяжелым и рыхлым, падающим и падающим вниз, в глубокую пропасть, а не вверх, как приказал Ивор. Затем оно вытянулось в бесконечной длины нить и лопнуло с тихим шелковым треском на множество отдельных кусочков...

Провал в сознании...

Гулкий свист, жжение в кончиках пальцев...

Провал...

Удар и свет...

И наконец он ощутил себя стоящим на полу кабины хронолифта на дрожащих от слабости ногах.

Над головой в потолке мигал оранжевый глазок.

Мириам сидела на полу, сжавшись в комочек.

Ивор испуганно наклонился над ней, тронул за плечо. Девушка вздрогнула, шевельнулась, подняла голову.

— Уже... приехали?

— Как самочувствие?

— Голова кружится... такое впечатление, что я мчалась по Вселенной целую вечность... но вообще-то я в норме.

Она встала, поддерживаемая Ивором. На несколько мгновений они оказались лицом к лицу, вплотную друг к другу. Ивор невольно прижал к себе девушку сильнее, ища в ее глазах ответ. Она потянулась к нему губами. Поцелуй получился робким и нежным, но таким сладким, что у Ивора закружилась голова. Затем Мириам опомнилась, отодвинулась и сказала деловым тоном:

— Ну, куда мы залетели, хотела бы я знать? Почему дверь не открывается?

— Потому что мне хотелось бы выяснить степень вашей защиты, — ответил приятный мужской голос.

Молодые люди вздрогнули, посмотрели друг на друга.

— Кто это говорит?

— Меня зовут Стас, я хозяин данного объекта в данном уголке Вселенной.

— Стас? — обрадовалась Мириам. — Наконец-то мы тебя нашли! Что ты там говорил насчет степени защиты?

— Мир, в котором располагается объект моей заботы, требует дополнительных мер защиты человеческого организма. Ваших костюмов недостаточно.

— Что же нам делать?

— Могу снабдить вас автономными ТК с месячным энергоресурсом.

— Что такое ТК?

— Я знаю, — вмешался Ивор. — Это темпор-кокон, рассчитанный на эксплуатацию в любых условиях.

— Ну, положим, не в любых, однако диапазон его применения широк.

— Давай твои ТК, — решительно потребовала Мириам. — Только я не поняла, почему ты называешь Ствол объектом.

— Потому что вы практически вынеслись за пределы действия трактрисы времен, каковым является Ствол в нижней части Древа Времен. В данной Ветви, принадлежащей так называемой Кроне Древа, Ствол принимает свойства парамоста, универсальной системы пространственно-временных перемещений.

— Трансгресса, что ли?

— Совершенно верно.

Ошеломленные ответом молодые люди переглянулись.

— Ствол стал... трансгрессом?! — изумленно сказала Мириам.

— Почему это вас удивляет? Ствол — не чисто человеческая затея, это реализация решения Судейской коллегии, нуждающейся в системе контроля Игр. Ствол соединил не более двух

триллионов Ветвей в том виде, в каком был создан. Затем с помощью этических технологий он был преобразован в трансгресс, замкнувший Корни и Крону Древа, развивающийся по мере роста Древа с учетом всех возможных и невозможных состояний материи.

— Что это значит?

— Известное вам Древо Времен — это Мультиверсум или Фрактал потенциально возможных состояний материи. Но существует еще и Древо невозможных состояний, имеющее свой трансгресс, соединяющийся с нашим в каких-то измерениях, коим в человеческом языке нет названия.

— Колоссально! — глухо проговорил Ивор. — В институте нам этого не давали... Я догадывался, что Древо должно реализовывать абсолютно в с е произведения в с е х писателей-фантастов Земли, но не в таком масштабе...

— Надеюсь, вы не разочарованы, оператор?

— О нет! — искренне воскликнул Ивор.

— Тогда я доволен, что смог вас удовлетворить. Чего изволите?

— Нам бы выйти и осмотреться, — напомнила о себе Мириам.

— Нет ничего проще.

Дверь кабины хронолифта растаяла.

— Но ты обещал дать нам темпор-коконы...

— Они уже инициированы.

— Я ничего не чувствую!

— Защитный ТФЗ или ТК создан по дрим-технологии и практически неощутим. Не волнуйтесь, девушка, как только потребуется, он проявит свои качества.

Мириам посмотрела на Ивора вопросительно, тот пожал плечами, и они одновременно шагнули из кабины лифта наружу.

ГЛАВА 4

Неяркий свет струился отовсюду и создавал впечатление объемной структуры, хотя стен у этого с позволения сказать помещения, куда вышли путешественники, не было. Оглянувшись, они не увидели и трубы с клеткой лифта. Сзади из гладкого, розового, с муаровым рисунком пола вырастала ажурная серебристая колонна, заполненная искрящимся туманом, исчезающая где-то высоко вверху, как бы растворявшаяся в перламутровом свете.

Сила тяжести в этом странном пространстве, ограниченном

облаками света, была чуть выше земной, и, когда Ивор обратил на это внимание, Стас, незримо присутствующий рядом, объяснил:

— На самом деле гравитационное поле объекта превосходит земное в тысячи раз. Вас охраняет темпор-кокон. Он же обеспечивает все ваши физиологические потребности.

— А едой он не обеспечивает? — поинтересовалась, озираясь по сторонам, проголодавшаяся Мириам. Кружку с медом они потеряли еще во время боя с преследователями на Геземе.

— Для этого существуют блоки НЗ.

Что-то звякнуло. Из воздуха выпали две продолговатые коробки с вытисненными буквами НЗ и цифрами: 2301.

— Этого достаточно?

— Вполне, — обрадовалась Мириам. — А не мог бы ты снабдить нас другими костюмами, более серьезными? К примеру, «кокосами»?

— Пожалуйста, — радушно отозвался Стас.

Рядом с коробками НЗ упали на пол два ртутно-бликующих свертка.

— Вот здорово! — захлопала в ладоши девушка. — Это резко меняет наше положение. Еще бы парочку «глюков», а лучше — дриммеров, — вообще решились бы все наши проблемы.

— К сожалению, оружие мне недоступно, — виноватым тоном проговорил Стас, — а дриммеры тем более. Это инструмент судебных исполнителей.

— Ну и ладно, сами добудем. Где здесь можно переодеться?

У металлической на вид колонны выросла из пола перламутровая будочка с открытой дверцей.

Мириам взяла один из свертков и смело шагнула внутрь будочки, тут же осветившейся изнутри. Дверца закрылась. Ивор задумчиво посмотрел на будочку, сосредоточился, и стенки ее стали прозрачными.

— Хорошая волевая индукция, — мягко, с легкой иронией сказал Стас.

Ивор покраснел. Стенки капсулы, где переодевалась Мириам, стали непрозрачными. Тогда он тоже стал переодеваться, не заботясь о том, что становится доступен лицезрению со стороны.

«Кокосы» — компенсационные костюмы спасателей представляли собой защитные скафандровые комплексы с изменяемой геометрией и узлами автоматии со встраиваемой техникой и оружием. Естественно, они были максимально удобны и функциональны, чего нельзя было сказать об обычных униках, пред-

назначенных для повседневного пользования в неэкстремальных условиях. Поэтому, переодевшись, молодые люди почувствовали себя уверенней.

— Жить можно, — весело сказала Мириам, выходя из «кабины для переодевания». — Может быть, посмотрим, куда нас занесло?

— Пожалуй, — согласился молодой человек.

Тотчас же свет вокруг стал меркнуть, тускнеть, горизонт видения начал расширяться по мере того, как отступал световой ореол, пока не стало совсем темно. Лишь пол под ногами продолжал быть видимым как толстый слой подсвеченного изнутри розового стекла. Прошла минута, другая...

— И как скоро мы увидим здешний мир? — не выдержала Мириам.

— Вы его уже видите, — прилетел вежливый ответ.

— Но вокруг темно, ничего не видно!

— Вы попали в Ветвь, где началась эпоха вечной тьмы. Звезд в этом мире и вообще скоплений материи и светящихся объектов уже не осталось.

— Как мы сюда попали?! Ведь мы стартовали из Ствола Гезема с тем, чтобы выйти в ближайшей Ветви...

— Оператор дал команду «вверх!», и вся линия моих кванков во всех выходах хронобура дала вам «зеленый свет». Поэтому вы оказались здесь, в конце мировой линии Ствола и в начале трансгресса, хотя все эти понятия весьма условны. Я имею в виду начало и конец.

— Это я виноват, — тихо сказал Ивор, чувствуя вздрагивающую от волнения руку девушки. — Я действительно крикнул «вверх!», мысленно, конечно, не зная, к чему это приведет.

— Этого оказалось достаточно, — сказал Стас. — Воля оператора для нас — закон. Хотя вынужден констатировать, что он не всегда точно знает, чего хочет.

— Да уж! — хмыкнула Мириам. — Даже я не всегда его понимаю. Итак, ты утверждаешь, что мы высадились в Ветви, где уже не осталось звезд. Сколько же лет прошло здесь с момента рождения местной Метавселенной?

— Это число выражается единицей и тысячью пятистами нулями. Я не знаю земного названия этого числа.

— Вот это да! — поразилась Мириам. — Это же триллионы триллионов лет!

— Гораздо больше.

— А что было в этой Метавселенной до эпохи вечной тьмы?

— Ей предшествовали пять эпох. Первая — эпоха инфляционного раздувания. Длилась она всего десять в минус тридцать второй степени секунды, но объем рожденной Ветви стал за этот ничтожный промежуток времени просто колоссальным, и в нем родились первые элементарные частицы. Вам интересно слушать мою болтовню?

— Продолжай, — потребовала Мириам.

Ивор промолчал, ему тоже хотелось узнать историю этого мира.

— Вторая эпоха была эпохой излучения и проходила в два этапа. Первый длился три минуты. За это время родившуюся вселенную заполнило излучение, произошла массовая аннигиляция материи и антиматерии, образовался избыток барионов вследствие несохранения законов симметрии и появились легкие элементы: дейтерий, гелий, литий. Второй этап длился триста тысяч лет. Излучение отделилось от вещества, вселенная стала прозрачной.

Затем была эпоха звездообразования и распада звезд. В течение миллиарда лет возникают первые звезды и скопления их — галактики, образуются тяжелые элементы. Спустя еще восемьдесять миллиардов лет появляются планеты, зарождается жизнь, первые цивилизации начинают осваивать космические пространства.

— Это в общем, — перебила Стаса Мириам. — А конкретно о данном районе Ветви, где проявился Ствол, тебе что-либо известно?

— Разумеется. Цивилизация, родившаяся на планете, название которой на человеческом языке непроизносимо, вышла в космос первой, но затем столкнулась с другой, и обе они через миллион лет исчезли.

— Они были людьми?

— Вовсе нет, эти существа представляли собой устойчивые комбинации запахов, пахучих веществ.

— Не может быть!

Стас вежливо промолчал.

— Рассказывай, что было дальше, — снова потребовала Мириам.

— А дальше начался закат разума и жизни вообще. Спустя двадцать миллиардов лет с момента рождения Ветви жизнь в ней исчезает. Галактика, давшая жизнь «разумным запахам», сталкивается с другой, звезды начинают сжиматься, галактики сливаться, образуя звездные суперсистемы. Еще через триллион лет гас-

нут красные карлики, остаются лишь черные дыры, нейтронные звезды и белые карлики, которые, остывая, превращаются в черные карлики, так сказать, «огрызки» звезд. Рассеиваются даже газопылевые облака, в которых некоторое время теплилась своеобразная жизнь, в том числе разумная.

— И это все? Началась эпоха тьмы? Но ты говорил, что эпох было шесть.

— Четвертую эпоху можно назвать эпохой распада галактик. За сотни и тысячи триллионов лет мертвые несветящиеся звезды потеряли свои планеты, случайные столкновения бурых и черных карликов породили новые звезды, вокруг которых снова возникла жизнь — уже четвертая волна. Но галактики продолжали распадаться, звезды почти равномерно разлетелись по всему расширяющемуся домену, последние планеты упали на мертвые звезды. Температура фонового излучения опустилась почти до абсолютного нуля. Черные звезды в центрах бывших галактик поглотили все звезды. Началась пятая эпоха.

— Сколько же длилась четвертая?

— Десять в тридцать третьей степени лет. В отличие от многих других в этой Ветви протоны — самые стабильные частицы — не распадаются, но постепенно теряют энергию за счет квантово-механического туннельного эффекта. В результате вся оставшаяся материя сливается в шары, многие из которых потом превращаются в черные дыры. Но большая часть шаров не дотягивает до предельных масс, и они постепенно остывают, а все атомы внутри них превращаются в атомы железа. Вот этот период в жизни местной Ветви вы и наблюдаете.

— Ничего мы не наблюдаем. Разве что глубокую тьму. И чем же закончится эпоха железных шаров?

— Либо они превратятся в сверхмассивные нейтронные капли, либо в черные дыры. Но и те и другие постепенно испарятся, по космосу же еще долго будут летать кванты света — фотоны с неимоверно увеличившимися длинами волн.

— А потом?

— Трудно сказать. Возможно, Ветвь будет заполнена «чистым скалярным» вакуумом, а возможно, произойдет спонтанный фазовый переход, и домен схлопнется в сингулярность или породит новый вакуум и новые формы материи.

— Веселенькая перспектива! А нам доказывали в школе, что во Вселенной действует универсальный закон соответствия: что вверху — то и внизу.

— Это величайшее из заблуждений, внушенное человечеству вашей Ветви. Вселенная н е п о в т о р я е т саму себя ни в чем, ни «внизу», ни «вверху».

— Зачем же нам это внушали?

— Чтобы сокрыть от вас истину. По сути человечество — потенциальный Игрок высочайшего класса, и его пытались и пытаются до сих пор не допустить до участия в Играх. Сокрытие истинного положения вещей в Мультиверсуме является одним из методов игровой дискриминации.

— Колоссально! Я этого не знала. А нельзя ли каким-нибудь образом увидеть эти самые железные шары?

— На одном из них вы находитесь, вместе со мной, разумеется. Его диаметр равен диаметру вашего Юпитера, сила тяжести в две с половиной тысячи раз больше земной. Второй шар располагается в ста миллионах километров от нас. Остальные недоступны моей аппаратуре. Могу показать только эти два.

Площадка с вырастающей из нее ажурной колонной Ствола-трансгресса стала невидимой, зато под ногами людей проявилась из темноты идеально ровная поверхность синеватого цвета, похожая на поверхность ледяного озера. До самого неблизкого горизонта глазу было не за что зацепиться — такой идеально гладкой была эта равнина, состоящая из чистого железа.

Стал виден и фиолетово-синий зрачок второго железного шара, повисшего низко над горизонтом. Хотя как Стасу удалось показать гостям столь экзотичные объекты в абсолютной темноте, было непонятно.

И вдруг Ивор почувствовал присутствие еще какого-то объекта на равнине. Не увидел, а именно ощутил.

— Стас, вы все пространство контролируете вокруг Ствола?

— В пределах моих возможностей. Вы имеете в виду что-то конкретное, оператор?

— Мне кажется, что недалеко располагается какой-то объект...

— Вы действительно обладаете высокой парачувствительностью, оператор, — с уважением сказал Стас. — Я не показал вам этот объект лишь потому, что сам не знаю ни причин его возникновения, ни что он из себя представляет.

На гладкой «ледяной» поверхности железной равнины в километре от людей — по первому впечатлению — появился странный предмет, налитый багровым свечением, напоминающий верхнюю часть черепа оленя с двумя членистыми рогами.

— Что за чудо? — удивилась Мириам. — Я действительно ви-

жу голову провалившегося в железо оленя или нет? Это живое существо или искусственное сооружение?

— Не ведаю, — виновато вздохнул Стас. — Моих скромных возможностей не хватает, чтобы выяснить это. С уверенностью могу сказать лишь одно: объект энергетически независим, иначе давно был бы поглощен железной звездой.

— Как давно он здесь торчит?

— Мне трудно ориентироваться в здешнем времени. С одной стороны, я сам появился относительно недавно, с другой — я связан и с Корнем Древа, и с его Кроной, разделенными миллиардами триллионов лет и «углов поворота». Может быть, этот объект намного старше меня.

— Хорошо, забудем о нем, хотя интересно было бы выяснить, что это такое на самом деле. У тебя еще есть минутка?

— Разумеется. До пятницы я совершенно свободен.

— До какой пятницы? — не поняла Мириам.

— Это шутка. Ей около трехсот пятидесяти лет.

— Поговорим теперь о другом.

— С удовольствием. Меня редко посещают гости. За все время моего существования встреча с вами — третья.

— С кем же была первая и вторая?

— Первым был Судья одной из Игр, вторым — бровей Мимо.

— Наш пострел везде поспел, — пробормотала Мириам.

— Вы с ним знакомы?

— Еще бы. Он помог нам бежать с Земли на Гезем.

— Бровей Мимо помог вам бежать? — удивился Стас. — Весьма странно... Бровеи, насколько мне известно, редко кому помогают... точнее, никогда и никому.

— Нам он все-таки помог. Интересно, что ему было здесь нужно?

— Он со мной почти не разговаривал. Сходил к объекту с рогами, который вы назвали «головой оленя», предупредил о появлении оператора и удалился.

— Странный человек... если, конечно, он человек, — сказал Ивор. — Отец говорил, что он был организатором прошлой Игры. Кто он сейчас? Просто зритель?

— Не знаю, — ответил Стас после некоторой заминки, которую никто не заметил.

— Еще вопрос, — заговорила Мириам, настроенная на решение практических задач. — Подскажи, в какой из Ветвей застрял Павел Жданов, отец Ивора... то есть оператора.

— К сожалению, не смогу. Многие мои кванки, особенно в «засыхающих» Ветвях, заблокированы, и доступа к ним я не имею.

— Но ведь у тебя есть связь с автоматикой трансгресса, а он пронизывает все Ветви Древа.

— Не все, но вероятностное большинство. И тем не менее у меня нет информации о координатах Ветви с вашим отцом, оператор. Могу лишь дать вам код вызова трансгресса, а вы уж ищите отца сами.

— Это замечательно! — обрадовалась Мириам. — Зная код вызова, мы всегда сможем вернуться домой или проникнуть в любую из Ветвей. Давай код!

— Расслабьтесь, оператор, — посоветовал Стас. — Эта информация особого рода, она занимает определенное место в «файле» вашей памяти и требует связи психики с энергокаркасом вашего тела.

— Я готов.

Ивор закрыл глаза, расслабился и ушел в п у с т о т у.

Мириам, с интересом наблюдавшая за ним, увидела, как он вздрогнул и вдруг на мгновение стал прозрачным, засветился изнутри и тут же погас, лишь волосы еще некоторое время искрились и потрескивали.

— Все? — с жадным любопытством спросила девушка, когда он открыл глаза.

— Как будто... — неуверенно ответил Ивор, прислушиваясь к себе. — Такое щекотное чувство...

— Все в порядке, — заметил Стас. — Вам подвластны и более ответственные уровни управления реальностью, нежели система контроля, называемая вами трансгрессом.

— Какие? — заинтересовалась Мириам.

— Оператор сам на них выйдет.

— Почему вы помогаете нам? — медленно проговорил Ивор. — С каким из Игроков вы связаны?

— Я связан со всеми Игроками, — засмеялся Стас. — Причем помимо своей воли. Но симпатизирую немногим. А помогаю вам я с сугубо меркантильной целью: я хочу жить, жить свободно и полно, не рискуя исчезнуть в очередной Игре. А нынешняя Игра идет не на завоевание игровых пространств, а на коллапс Древа Времен, на аннигиляцию Ветвей, что противоречит правилам. Сотрясатель Системы Игр, или Палач, как образно назвали одного из теперешних Игроков, решил свернуть Фрактал Времен и превратить его в вектор, в Стрелу Времени, подвластную только

его воле. В результате началось вырождение Мультиверсума, Ветви Древа «засыхают», Корни «гниют», что неизбежно приведет к инфляционному коллапсу всего Древа, скатыванию его в одномерный объект.

— В сингулярность...

— Совершенно точно. Вот почему я на стороне тех, кто может остановить Палача.

— Вы считаете, что я смогу его... остановить?

— Не вы — все человечество как потенциальный Игрок высшего уровня. Но вы, оператор, должны стать зародышем этого Игрока, консолидатором всех законопослушных сил. Если сумеете — Мультиверсум уцелеет. И я вместе с ним.

— Но почему именно я должен стать этим... консолидатором?

— Большинство предметов и существ, реализованных Древом Времен, имеет темпоральный спектр, то есть существует не во всех, но в очень многих Ветвях. Иногда люди говорят — измерениях. Ваш отец — яркий пример такого темпорального спектра: Павлов Ждановых — миллиарды. Кстати, если бы удалось собрать хотя бы сотую или даже тысячную долю всего спектра, образовался бы мощный Игрок, способный обеспечить соблюдение правил Игр даже без Судейской коллегии. Судьи же, к сожалению, не всегда объективны, или их можно купить. Так вот вы, оператор, не имеете темпорального спектра, вы — один на все Древо Времен, а это значит, что в вас спит сила р о д а. Если она проснется, вы сможете стать не только оператором реальности или судебным исполнителем, но и Судьей.

— Но я не хочу быть Судьей!

Стас снова засмеялся.

— Никто вас не неволит, оператор, я просто рисую перспективу. Судья олицетворяет третий уровень сил в Мультиверсуме, есть ниже уровни и есть выше.

— Расскажи! — загорелась Мириам.

— Вы, наверное, устали...

— Мы потерпим.

— Хорошо, воля ваша. Всего уровней, определяющих систему Игр и расстановку сил в Древе Времен, шесть. Самый нижний — оруженосцы Игроков, их представители — эмиссары, вербующие сторонников и контролирующие исполнение приказов Игроков. Сами Игроки представляют пятый уровень схемы взаимодействий, то есть отнюдь не высший. Но это не означает, что они слабы, все они овладели энергоинформационными потоками в

пределах своей Метавселенной и способны влиять на законы соседних Ветвей.

— Значит, не они определяют уровень Игры? — с недоверием и разочарованием проговорила Мириам.

— Не они, — подтвердил Стас. — Только нам от этого не легче. Время от времени рождаются Игроки, презирающие жизнь во всех ее проявлениях и замахивающиеся на все Древо Времен, и тогда Ветви начинают воевать, а цивилизации — гибнуть.

— Тогда выше Игроков должны быть Судьи?

— Судебные исполнители. Как правило, это симбиотические системы или мощные, индивидуальные, наполовину искусственные существа.

— Киборги?

— Нечто в этом роде. Их энергетический ресурс не превышает энергозапаса Игрока, но он всегда отмобилизован и сконцентрирован, что позволяет судебному исполнителю влиять на локальные законы Ветвей и нейтрализовывать негативную деятельность эмиссаров. Хотя нередки случаи гибели исполнителей, не рассчитавших своих возможностей. Судьи же, естественно, обладают достаточными властными полномочиями, чтобы контролировать весь процесс Игры, и представляют собой многомерные разумные иерархические системы, входящие в Судейскую коллегию. К примеру, создатель хроноквантового ускорителя, или хронобура, человек-спектр Атанас Златков был Судьей прошлой Игры на уровне социально-эволюционной доминанты Игры. А комиссар безопасности человек-спектр Игнат Ромашин являлся Судьей на уровне человеческой и родственных ей цивилизаций биологического цикла.

— Уфф! — выдохнула Мириам. — Никогда не думала, что мне будет читать лекции по квистории сам Стас, инк Ствола! Ну, а выше Судей кто?

— Организатор Игр, естественно. В человеческом лексиконе есть имя-термин, близкий по смыслу деятельности Организатора: Сатана. Или Люцифер. Эта мыслящая система весьма коварна и многолика, и лишь немногим уступает Творцу Древа Времен, своему Учителю.

— Но это всего второй уровень из перечисленных тобой. Кто же на самом верху? Творец?

— Нет, — мягко возразил Стас. — Творец — вне всяких уровней, он вообще вне Игры. Хотя тут у меня есть определенные пробелы в знании реального положения вещей. Первый уровень

взаимодействий Мультиверсума занимает Заказчик, и он же — Зрители Игры. Возможно, они каким-то образом являются и представителями Творца, и его «чувствующей» частью.

— Но ты не уверен?

— Прошу прощения, мои возможности по анализу поступающей информации ограниченны. Все, что я мог сказать, я сказал.

— Спасибо, — тихо проговорил Ивор. — Этого достаточно. Вы нам очень помогли. Последний вопрос, если не возражаете. Кто такой Палач? И с кем он играет? Кто является вторым Игроком?

— Палач как форма жизни не имеет аналогов в Древе Времен. Он из так называемой «тупиковой» Ветви, не имеющей квантовых копий. Субстанциональная основа жизни Палача — жидкие кристаллы со спонтанно нарушаемой симметрией, энергетическая основа — холодные термоядерные процессы. Отдельные капли-особи Палача способны принимать любую форму, кроме остроугольной, и растекаться по любой поверхности слоем всего в несколько микрон толщиной. Никакой социальной организации, никакой техники. Палач — сам себе техника, транспорт и оружие. Космос, где он возник, представляет собой нечто вроде обычной паутины, в узлах которой происходит энергообмен. Никаких звезд, никаких планет и пылевых облаков в этом космосе нет. «Звездами» в нем являются зоны, где горит время, превращаясь в «паутину» — материальную основу жизни.

— Боже мой! — прошептала Мириам. — Не могу представить!

— А второй Игрок? — покосился на нее рассеянно-задумчивый Ивор.

— Второй Игрок — разумная растительная структура.

— Лес?!

— Скорее грибница, но гораздо большего масштаба, нежели земные аналоги. Хотя в принципе все, что растет — трава, леса, водоросли, мхи, — является дальними родственниками этой структуры, имеющими биополя, но не имеющими интеллектуальной сферы. Этот Игрок получил имя Мера — Медленный Разум. К сожалению, он проигрывает, несмотря на помощь таких же «разумных флор» в других Ветвях. Что еще вас интересует, оператор?

Ивор понял, что злоупотреблять гостеприимством Стаса не стоит. Пора было отправляться в путь.

— Спасибо еще раз за помощь и особенно за ценную информацию. Вы, можно сказать, открыли нам глаза.

— Всегда готов служить тем, кто уважает чужое мнение и чужую свободу. Куда вас отправить?

— Назад, в прошлое. Я знаю, что отец застрял в одной из «засыхающих» Ветвей с очень оригинальной «струнной» геометрией. Вы не знаете такой?

— Я имею выходы в мириады Метавселенных с «оригинальной» геометрией. Могу направить в ближайшую.

— Нет, ближайшая не годится. Отец с друзьями застрял в мире, где есть Ствол. Но он заблокирован.

Стас молчал некоторое время, словно размышляя над словами землянина. Заговорил он с нотками сожаления в голосе:

— Простите, оператор, я проверял выходы Ствола в «засыхающих» Ветвях. Всего таких выходов около миллиона. Заблокированных гораздо меньше, но достаточно много. Вам придется проверять их лично, мне эта операция недоступна.

— Тогда направьте нас в «засыхающую» Ветвь с выходом хронобура, ближайшую от моей родной Ветви.

— Нет ничего проще.

Ивора и Мириам подхватила непреодолимая сила, подвесила внутри ажурной трубы трансгресса. Вокруг них сформировалась кабина хронолифта, вспыхнул неяркий свет.

— Прощайте, оператор, до свидания, леди. Надеюсь, мы еще встретимся и побеседуем.

Свет в кабине померк. Под ногами молодых людей разверзлась звездная бездна...

ГЛАВА 5

Планета была как планета: диаметр — примерно такой же, как и у Земли (судя по отдаленности горизонта), сила тяжести практически не отличалась от земной, воздухом можно дышать, хотя и с трудом; кислорода здесь было значительно меньше, чем на Земле. И цвет неба на этой планете, принадлежащей миру «засыхающей» Ветви, был иным — серым, с желтоватым оттенком.

Трансгресс высадил их на вершине плоского каменного столба, каких вокруг было множество, и, лишь приглядевшись, земляне узнали в одном из ближайших останцов колонну хронобура. В этом пыльном, тусклом, грустном мире Ствол почти ничем не отличался от скал — ни формой, ни цветом, разве что был чуть повыше.

— Почему мы вышли здесь, возле Ствола, а не внутри него? — спросила Мириам. — Ведь Стас — инк хронобура и обслуживает только его.

— Ты, наверное, прослушала, что говорил Стас, — ответил Ивор. — Ствол в далеком будущем переходит в трансгресс...

— Это я как раз помню. Но не понимаю, почему трансгресс дублирует Ствол в тех Ветвях, где имеются выходы хронобура. Получается пересечение линий — трансгресса и Ствола, хотя они вместе представляют собой единую систему, пронизывающую Древо Времен.

— Я не думал об этом, — признался Ивор. — Возможно, такие пересечения существуют там, где Ствол перестает функционировать как транспортная система.

Помолчали, разглядывая необычный ландшафт. И вдруг Мириам с дрожью в груди поняла, что скалы вокруг с плоскими вершинами являются искусственными сооружениями! Башнями преимущественно круглой формы с рядами слепых черных окон.

— Боже мой! — прошептала девушка. — Да это же... город!

— Брошенный город, — уточнил Ивор меланхолически. — Мертвый. А вот там он переходит в живой город. — Молодой квистор вытянул руку.

Действительно, на горизонте, в стороне, противоположной низкому неяркому солнцу, виднелась гребенка более светлых зданий, над которыми висела туча вспыхивающих точек. Вероятно, эта туча представляла собой воздушный транспорт города.

Ивор включил антиграв и поднялся в воздух на полкилометра выше. Мириам с опозданием присоединилась к нему. Теперь они могли увидеть весь необычный «горно-городской» ландшафт и оценить масштабы городского строительства местных разумных существ.

Мертвый город тянулся полосой до горизонта, постепенно понижаясь за счет разваливающихся и обрушившихся зданий. Другой его конец утыкался в окраину живого города, как бы постепенно оживая, по мере приближения к жилым кварталам. Складывалось впечатление, что город двигался по планете как живой организм, наращивая тело со стороны «лба» и отпуская «хвост» из постепенно стареющих и начинающих разрушаться зданий.

Ивор поднялся еще выше, под струи сиреневато-сизых облаков, и убедился, что его догадка верна. Город действительно пересекал холмистую равнину, кое-где переходящую в степи и пустыни, длинной полосой шириной в два десятка километров и в самом деле напоминал живую змею с отмирающим хвостом.

— Интересные тут люди живут, — заметила Мириам, поднимаясь к Жданову. — На всю планету — один город! Не город —

музей архитектуры под открытым небом. Здесь можно найти здания, построенные еще, наверное, тысячи лет назад.

— Такой город может быть и не один, но идея движения в сторону прогресса интересна. Зачем делать свалки, мусороперерабатывающие заводы, если весь мусор можно просто сбросить в бывшие жилыми кварталы. С другой стороны, эта идея отражает деградацию цивилизации. Долго она так не продержится. Либо вся планета превратится в свалку, либо численность населения сократится до демографического предела. Кстати, судя по жилой части города, — видишь, какая она маленькая? — здесь происходит второе — вырождение.

— Мы и просили Стаса высадить нас в «засыхающей» Ветви. Куда мы теперь? Познакомимся с аборигенами? Или начнем искать твоего отца?

— Не имеет смысла ни то, ни другое. Отца здесь нет.

— Откуда ты знаешь? — удивленно посмотрела на спутника Мириам.

— Я чувствую, — грустно улыбнулся Жданов.

— «Запах»? — догадалась Мириам. — Ты не чувствуешь мысленного «запаха» отца? А если он прячется где-нибудь под землей?

— Не имеет значения. Я бы услышал его мыслеголос, даже если бы отец находился на другой планете этой системы. Но его здесь нет.

— Тогда нам тут нечего делать. Вызовем трансгресс или пойдем в Ствол, побеседуем с кванком Стаса?

Ивор не ответил, глядя на толчею летательных аппаратов над «живой головой» города. Одна из бликующих точек отделилась от облака воздушного транспорта и направилась к зависшим под облаками землянам.

— Нас заметили! — обеспокоилась Мириам. — Как бы не случилось стычки. Может быть, не будем ждать неприятностей, отступим к Стволу?

— Я не чувствую агрессии, — сказал Ивор. — Возможно, кто-то просто заинтересовался нами и решил познакомиться поближе. Уйти мы всегда успеем.

— Все равно лучше приготовиться ко всем неожиданностям.

Отсверкивающая металлом точка приблизилась, превратилась в машину, состоящую из трех горбов, несущего крыла и выступающего вперед рыла с отверстием. Над рылом располагался первый горб с прозрачным фонарем, под которым обнаружились две человеческие фигуры в белых комбинезонах. Их лица также

были вполне человеческими, хотя голые шишковатые черепа красивыми назвать было трудно.

Аппарат завис напротив землян. Его повелители молча разглядывали молодых людей, не делая попыток позвать их или хотя бы выразить какие-нибудь чувства.

— И долго они будут таращиться на нас? — поинтересовалась Мириам вполголоса.

Словно услышав ее реплику, пилоты аппарата посмотрели друг на друга, аппарат отвалил влево и помчался назад к городу, скрылся из виду.

— Странная реакция, — хмыкнула девушка. — Ни вопроса, ни привета. А ведь с виду — люди. Неужели такое поведение — тоже следствие «засыхания» Ветви?

— Вполне возможно, — пробормотал Ивор, прислушиваясь к голосу интуиции. — В вырождающихся мирах в первую очередь изменяется физика, потом психика населяющих Ветвь существ. Но я был не прав: скорее всего это был патруль, наблюдающий за окрестностями Ствола. Его задача — обнаружить гостей и доложить куда следует. После этого и последует реакция.

— Тогда чего мы ждем? — рассердилась Мириам. — Вызывай трансгресс, и бежим отсюда.

— Поздно...

Что-то сверкнуло в воздухе, в километре от землян, как серебряная нить, и с неба вонзилась в одно из старых зданий города ажурная труба трансгресса.

— Правильно! — обрадовалась девушка. — Хотя мог бы вызвать его и поближе.

— Это не я вызвал.

— Не ты? Как не ты?! А кто?! — Мириам осеклась.

Ажурная колонна трансгресса выплюнула три драконовидных создания с двумя головами каждое. У них была темно-лиловая пластинчатая кожа, по две лапы, гигантские перепончатые крылья, отливающие перламутром, а вот головы оказались самыми настоящими кабинами эллипсоидальной формы с прозрачными колпаками. Внутри кабин можно было разглядеть по пилоту в неярких синеватых комбинезонах. С виду пилоты были похожи на чернокожих людей с вытянутыми вперед мощными лбами.

— Вот и гвардия местного эмиссара пожаловала, — со смешком проговорила Мириам. — С ними нам не справиться, отступаем. Вызывай трансгресс ближе.

— Не могу, — виновато развел руками Ивор. — Он занят.

— Что значит занят?! Это же не личная линия связи?

— Пусть не личная, но все равно он не отзывается... или я чего-то не понимаю.

Лицо Ивора побледнело и заблестело от пота.

Полуживые-полумеханические драконы взмахнули крыльями и устремились к землянам.

— Бежим! — выдохнула Мириам.

— Куда? — растерялся Ивор.

— К Стволу! Может быть, удастся прорваться в здание.

Молодые люди метнулись вниз, набирая скорость, понеслись к угрюмой фиолетово-серой башне хронобура. Драконы с искусственными головами ринулись за беглецами, постепенно догоняя. Когда погоня только началась, их разделяло около километра, но когда земляне домчались до Ствола, драконы оказались на полкилометра ближе, и пилоты, управляющие своими жутковатыми киборг-аппаратами, открыли по беглецам огонь из каких-то интересных орудий, аналогов которым не знали ни Ивор, ни Мириам.

Разряд орудия представлял собой зигзагообразную электрическую молнию, но не очень яркую, состоящую из множества вспыхивающих и гаснущих голубовато-фиолетовых звездочек. Одна из молний пролетела далеко в стороне и погасла, вторая прошла гораздо ближе, вонзилась в стену одной из башен города и превратилась в косматый вихрь ярчайшего радужного огня. Ударная волна отбросила мчавшихся беглецов в сторону и едва не вмазала их в соседнюю башню. И тотчас же инки скафандровых комплексов землян отметили всплеск радиации. Взрыв, разваливший здание, больше всего напоминал атомный, хотя и не очень большой мощности.

Мириам на лету ответила из своего «универсала», но не попала, хотя и заставила одного дракона метнуться в сторону.

Приблизилась округлая ржаво-синяя гора Ствола, испещренная узором вмятин, бугров, ниш и рытвин, словно ее глубоко изъела коррозия. Некоторые из рытвин были довольно глубокими, но не настолько, чтобы в них можно было спрятаться, и беглецы помчались вокруг Ствола, ища тоннель, окно или щель, способные их укрыть.

И в этот момент стена Ствола в сотне метров от них вдруг лопнула, разошлась лепестками розы, и из образовавшегося провала вылетели два гигантских пупырчато-шипастых «огурца» со спи-

ралевидными хвостиками. Конечно, форма объектов была намного сложней, но общий облик создавал впечатление земного овоща, да и цвет имел соответствующий — буро-зелено-желтый, что усиливало сходство.

Мириам резко затормозила, не зная, как реагировать на появление новых препятствий, потом крикнула Ивору: пикируем! — и понеслась вниз. Жданов без раздумий последовал за ней.

Драконы тоже проделали этот маневр, не обратив внимания на стометровые «огурцы», и тут произошло неожиданное. «Огурцы» окутались шубой электрического сияния и преградили драконам дорогу. А затем открыли по ним огонь пакетами голубых и синих молний!

Один дракон сразу же получил два попадания, левая его яйцевидная голова-кабина разлетелась на куски, и он, судорожно замахав крыльями, провалился вниз, исчез среди развалин зданий. Два оставшихся ответили «огурцам» стрельбой из своих атомных орудий, завязался бой, финал которого трудно было предугадать.

Ивор остановился, захваченный зрелищем сражения. Мириам тоже оглянулась, но думала она об одном — как защитить своего друга, поэтому картина боя преследователей с неведомыми друзьями оставила ее равнодушной.

— За мной, Жданов! — крикнула она, устремляясь к отверстию в стене Ствола, из которого вылетели «огурцы». — Не отставай!

Ивор очнулся и догнал девушку.

Они так и не увидели, чем закончился бой между представителями двух враждующих группировок, принадлежащих скорее всего разным Игрокам. Во всяком случае, сомнений насчет этого у Ивора не было. Единственное, о чем он искренне пожалел, что не удалось познакомиться с пилотами «огурцов», вступившихся за них.

Беглецы нырнули в отверстие начинавшегося тоннеля в стене хронобура, за доли секунды преодолели весь тоннель, пронизывающий внешнюю стену здания толщиной в полсотни метров, и вылетели в гигантский сферический зал со слабо светящейся трубой хронолифта посредине. Труба казалась намного меньше «огурцов», и было непонятно, как им удалось уместиться в ней во время путешествия из Ветви в Ветвь, но анализировать тайну несоответствия масштабов было некогда. Механодраконы могли победить в бою и последовать за беглецами. Поэтому земляне решили не ждать их появления, а сразу нырнуть в «струну» хронолифта, соединявшую Ветви, и оказаться подальше от негостеприимного мира.

Дверь в лифт открылась, как только они приблизились к трубе хрономембраны. Путешественники нырнули в решетчатый короб кабины, дверь закрылась за ними; выглядел этот процесс так, будто уплотнился воздух и превратился в полупрозрачную пластину двери.

— Куда теперь? — повернулся Ивор к Мириам.

— Вниз, — прошептала девушка, потерявшая много душевных и физических сил.

Ивор обнял ее, поцеловал и проговорил вслух, обращаясь к автомату хрономембраны:

— Вниз!

Свет в кабине померк...

* * *

Стены кольцевого зала источали жар и подрагивали. Если бы не «кокосы», беглецы вряд ли смогли бы выйти из кабины хронолифта в зал. Температура здесь достигала ста сорока градусов по Цельсию.

Из глубин здания через коридоры в зал просочились гулкие громовые удары, от которых стены заколебались как живые, и душераздирающий визг, будто где-то недалеко дрались разъяренные ведьмы. Затем послышался голос автомата:

— Внимание, хроносдвиг! Длительность — сто пятьдесят тысяч лет, коррекция сверху невозможна. Горизонт в провале! Всем покинуть горизонт! ТФА заблокировать выходы мембран! Даю отсчет: одиннадцать минут до сдвига, десять минут пятьдесят восемь секунд, десять минут пятьдесят шесть секунд...

— Влипли! — констатировал Ивор с философским спокойствием. — По каким-то причинам здешний кванк Ствола ликвидируется. Что происходит, как ты думаешь?

— Возможно, мы попали в коллапсирующую Ветвь, — предположила Мириам.

— Вы совершенно правы, мисс, — раздался под шлемами «кокосов» негромкий, но отчетливый мужской голос. — К сожалению, данный домен Мультиверсума свертывается в точку, в сингулярность. Чем могу быть полезен оператору и его спутнице? Только прошу учесть, я в вашем распоряжении всего лишь в пределах десятиминутного отсчета.

— Стас? — неуверенно проговорила девушка.

— Он самый, мадемуазель.

— Что здесь у тебя происходит?

— Не у меня, милая сударыня. В данной Ветви, где я имел неосторожность выйти в реальность, эмиссар Игрока по имени Палач запустил генератор упрощения континуума. Из шестнадцати измерений, присущих этой Метавселенной, скомпактифицировались уже двенадцать. Оставшиеся четыре схлопнутся в течение нескольких минут.

Мириам невольно глянула на неподвижно стоявшего рядом Ивора. Конусовидный шлем «кокоса» не позволял видеть лица молодого человека, но девушке почему-то показалось, что он принял какое-то определенное решение и обдумывает его.

— Уходим? — нерешительно сказала она. — Здесь мы явно лишние.

— Откройте мне выход во внешний мир, — ровным голосом произнес Ивор.

— Зачем?! — изумленно воскликнула Мириам. — Что ты хочешь увидеть?

— Я попробую остановить генератор.

— Ты с ума сошел!

— Стас, откройте мне ближайший внешний тамбур. Побыстрей, пожалуйста!

— Я не могу разблокировать контур защиты, произойдет взаимопересечение пространств и...

— Я требую!

Пауза.

— Как скажете, оператор. В принципе мой объект обречен. Погибну я минутой позже или минутой раньше — не имеет значения. Но предупреждаю: у вас всего десять... нет, уже девять минут.

— Я помню.

Послышался дробный цокот, из коридора выскочили два метрового роста паука, подскочили к землянам. Мириам невольно попятилась.

— Садись, — отрывисто бросил Ивор, вскакивая на ближайшего механического паука. — Конкистадоры доставят нас к зоне выхода.

Мириам повиновалась.

Пауки развернулись и помчались из зала в заполненный слоистым дымом коридор. Через минуту бешеной скачки они высадили наездников в тупике одного из боковых коридорчиков возле черной двери с надписью: «Тамбур V. Без ТФЗ не выходить!» Дверь свернулась валиком вокруг оси, ушла вбок. Ивор и Мири-

ам ворвались в небольшое кубическое помещение, в котором тут же вспыхнул неяркий оранжевый свет. Дверь за ними закрылась. Раздался короткий рев сирены. Стена помещения лопнула, стала раздвигаться, впуская яркий голубовато-белый свет. Ивор включил антиграв и вылетел в образовавшийся проем. Мириам без слов метнулась за ним.

Они оказались в туманно-серебристой бездне, разделенной слоями на множество «книжных страниц». Эти слои корчились, вспыхивали голубым светом и таяли, исчезали, рождая судороги пространства. Сквозь дымную вуаль вверху виднелась светящаяся белая спираль — не то близкая галактика, не то светило этого мира. Внизу, в гулкой бурлящей бездне, в которой исчезало основание Ствола — здесь он имел форму многогранной белой колонны, — иногда сквозь дымную кисею проглядывала другая размытая спираль — темно-фиолетовая, угрюмая, неприятная, с угрозой глядящая на непрошеных гостей.

— Мы ничего не успеем сделать! — крикнула Мириам, не слыша своего голоса; гул, испускаемый спиралевидной бездной, стушевывал все звуки. — Возвращаемся!

Ивор не ответил. Он уже вошел в состояние п у с т о т ы и разворачивал все свои сферы экстравидения, чтобы определить местонахождение генератора свертки, о котором говорил Стас.

Пространство домена стремительно «скатывалось» в сингулярность, теряя измерения одно за другим. Чудовищная сила расшатывала его, ломала, сжимала в «гармошку», скручивала в спираль, сворачивала координаты и физические законы, превращала объемные тела в плоские, плоскости — в линии, линии — в точки.

В тот момент, когда Ивор вышел в местный космос, количество измерений его сократилось до трех, и мир на несколько мгновений стал прозрачным. Ивор увидел дымящиеся клубки и вихри пламени — местные звезды и смерчеобразные твердые образования — планеты с дымно-пылевыми хвостами. Они на глазах распадались на каменные сгустки, вытягивались в длинные пылевые языки и сжимались в спиральные вихри.

Увидел Ивор и генератор свертки пространства: совершенно жуткая змееобразная конструкция ворочалась во мраке космоса и «глотала» его «твердь» кусок за куском — такое складывалось впечатление. Она представляла собой не материальное образование, а конгломерат чужих физических законов, управляющих процессом свертки, и Жданов понял, что на сей раз ему не удаст-

ся проникнуть волевым усилием в «мозг» генератора и перехватить управление. Для этого требовалось знание иных законов — вселенского масштаба, законов, контролирующих рост Древа Времен, а земная наука еще только нащупывала контуры этих законов.

Трехмерный объем Ветви сжался в бесконечный двухмерный лист. Небольшой участок трехмерия сохранялся лишь возле башни хронобура, но и его начала корежить и мять непреодолимая сила упрощения континуума. Ствол заколебался, как голографическая картинка. Отверстие в его стене, через которое люди выбрались в коллапсирующий мир, превратилось в сетку, в твердую заплатку, исчезло.

— Ивор! — крикнула испуганная Мириам. — Что делать?!

Молодой квистор очнулся, вызвал трансгресс. Бесшумная молния перечеркнула сминавшееся в складку пространство, рядом возникла ажурная труба, окутанная облаками мелких электрических молний. Землян подхватила мягкая невидимая рука стартовой сферы, поместила внутрь трубы.

— К друзьям! — скомандовал Ивор, перебивая скороговорку обслуживающего трансгресс автомата. — Надо знать меру!

Последнее, что он увидел, было надвижение т ь м ы на бесконечный двухмерный пятнистый лист, яркие пятна на котором представляли собой ставшие плоскими бывшие «звезды» и «планеты» этого обреченного мира.

Затем наступила невесомость, короткая дурнота, тела людей растворились в потоке света, и они начали падать в бездну.

Падение продолжалось долго — по внутренним ощущениям Ивора, а когда трансгресс наконец «остановился» и его пассажиры «вышли», оба почувствовали себя усталыми и разбитыми.

Они стояли на какой-то шелестящей мягкой поверхности под удивительно красивым звездным небом с незнакомыми созвездиями, окруженные шевелящейся и шепчущей стеной, состоящей из отдельных пушистых предметов или объектов разной высоты. Ивор не сразу понял, что это своеобразные деревья.

— Где мы? — послышался тихий голос Мириам.

— У друзей, — ответил он, разгерметизируя «кокос» и сворачивая шлем. — Снимай колпак, здесь можно дышать.

Мириам послушалась, но отходить от спутника не решалась, оглядываясь и прислушиваясь к шуму ветра в лесу.

— Ночь... тепло... мы случайно не на Гезем вернулись?

— Нет, это мир второго Игрока. Я снова произнес волшебные

слова о «мере», и трансгресс, понявший меня буквально, перенес нас в Ветвь Меры.

— Как здорово! Значит, это царство разумных растений? Можно, я включу фонарь?

— Не надо, сейчас глаза привыкнут к темноте, и ты сможешь ориентироваться. Предлагаю перекусить и пару часов поспать. Утром начнем знакомиться с хозяевами.

— Я ничего особенного не ощущаю...

— Они вокруг и вполне понимают нас. — Ивор прошелся по заросшей травой поляне, нашел ложбинку, сел. — Иди сюда.

Мириам приблизилась, опустилась рядом.

Ивор бережно обнял девушку, заглянул в ее глаза, в которых отразились звезды, улыбнулся, вдруг почувствовав себя намного старше и опытней.

— Тебе еще не надоело бегать по чужим мирам?

— Нет, — помотала она головой, зажмурилась.

И тогда он поцеловал ее...

ГЛАВА 6

Ивор проснулся первым.

Мириам лежала рядом, прижавшись к нему и подложив под голову кулачок. «Кокосы» не могли, конечно, компенсировать отсутствие кроватей, но были достаточно удобны, чтобы в них можно было спать.

— Также, если лежат двое, то тепло им, — вслух вспомнил Ивор Екклезиаста, — а одному как согреться?

Мириам проснулась, открыла глаза, мгновение лежала неподвижно, прислушиваясь к тишине вокруг, потом увидела свою позу, покраснела и упруго вскочила, оглядываясь по сторонам.

— Что ты там бормотал?

— Молился, — серьезно ответил Ивор, вставая и тоже начиная осматриваться.

То, что они ночью приняли за лес, и было лесом, только деревья в этом лесу больше всего напоминали чешуйчатые, поросшие пухом и мхом грибы разнообразных форм и расцветок. Многие из них достигали высоты в пятнадцать и даже двадцать метров, но встречались и «дождевики» размером с человека и меньше. Однако неприятных чувств эти грибные создания не вызывали, некоторыми из них можно было любоваться, настолько их форма казалась гармоничной и красивой, а от спиралевидных «лиан» с

колониями ярких пурпурных «ушей» и бутонов вообще нельзя было отвести глаз. Во всяком случае, Мириам обратила внимание именно на эти «лианы», представляющие, очевидно, симбиотические пары типа дерево—лишайник.

Трава, усеявшая все пространство между грибами, напоминала земную осоку, только серо-жемчужного цвета. Небо в этом мире имело салатовый оттенок, а светило, всплывшее над волнистой линией леса, было желто-зеленое, не слишком яркое, но приятное.

Выбравшись из ложбины в лесу, где они провели ночь, на ближайшую возвышенность, земляне долго разглядывали бескрайние лесо-грибные просторы без единого следа цивилизации и впитывали его звуки и краски, постепенно растворяясь в нем, превращаясь не в существ с иным мировоззрением, а в категории: неторопливость, размеренность, отрешенность, размышление...

И лишь заметив приближающийся со стороны уходящей ночи предмет, напоминающий длинный пупырчатый огурец, Ивор очнулся и понял, что мир Игрока-2, планета Меры или же он сам, попытались приобщить гостей к местному времени и мироощущению.

— Нас встречают, — предупредил молодой человек спутницу.

Мириам с трудом пришла в себя, стряхнула оцепенение, шевельнула онемевшими губами:

— Так бы стояла и стояла целую вечность... Кто нас встречает?!

Затем и она увидела скользящий над грибным царством «огурец».

— Батюшки-светы, да это же те, кто помог нам отбиться от драконов «засыхающей» Ветви! Вот так встреча! Как они здесь оказались?

— Вероятно, это воин Меры, — предположил Ивор. — Или его эмиссар.

— Почему не сам Мера?

— Потому что Мера — это, по сути, растительный супермозг, вспомни слова Стаса. Вряд ли он способен активно двигаться. Ему нужны более подвижные помощники и исполнители.

— Он будет говорить с нами?

— Сейчас узнаем.

«Огурец» приблизился, вырастая в размерах до величины земного стадиона, завис над землянами. В его бугристо-пупырчатом днище открылся круглый люк. У молодых людей появилось ощущение дружеского жеста со стороны «огурца».

— Похоже, нас приглашают в гости, — пробормотала Мириам. — Но можно ли им верить? Что, если нам просто внушают доброжелательность?

— Это друзья, — с уверенностью отозвался Ивор. — Они дали нам возможность отдохнуть и охраняли наш сон. Теперь пришло время контакта.

О том, что Мера мог просканировать психику и память гостей, Ивор говорить не стал. Он чувствовал, что ничего дурного хозяева не замышляют.

Земляне включили антигравы «кокосов», поднялись вверх и сквозь пятиметровое отверстие люка проникли внутрь «огурца».

Они оказались в тоннеле с перепончатыми, слабо светящимися желтоватыми стенами, который привел их в огромный грот, стены которого поросли колониями ярких пурпурных грибов в форме человеческих ушей. Взгляд пронизал землян, умный, пристальный, доброжелательный взгляд, хотя никаких глаз грибыуши не имели.

— Ох и не люблю я гипнотизеров! — проворчала Мириам. — Может, включим пси-защиту?

Словно в ответ на ее слова напротив зависших в центре грота землян появился человек в темно-зеленом комбинезоне без всяких деталей — карманов, «молний», нашивок и техноокон. Он был сед, имел красивую седую бороду и усы, горящие черные глаза, крупные губы и римский нос. Ивор не сразу узнал его: это был Атанас Златков, создатель хронобура собственной персоной.

Ученый шевельнул рукой, и тотчас же интерьер грота изменился. Вокруг людей сомкнулись опалесцирующие стены, объявились светящийся потолок и более темный опаловый пол. Из пола выросли удобные, кожаные с виду кресла, столик и на высокой подставке ваза с колотым льдом, из которой торчало серебристое горлышко бутылки шампанского.

— Ну, привет, — с легкой усмешкой произнес Златков, — соотечественники. Рад видеть вас в этом тихом и спокойном мире. Давно не встречался с представителями хомо сапиенс.

— Атанас? — неуверенно проговорила Мириам, поглядев на Ивора.

— Он самый, — кивнул ученый. — Разве что не из вашей Ветви. Насколько мне известно, мой кванк из вашей Метавселенной застрял где-то в нетях и еще не выбрался в мейнстрим. Да вы присаживайтесь, побеседуем. В моем лице вас приветствуют и флориане, хозяева Ветви, им тоже любопытно поговорить с вами.

Ивор кивнул Мириам, и они сели в кресла. Златков расположился напротив, сцепив руки на груди, разглядывая гостей умными черными глазами, изредка уходящими в глубины неведомых пространств и как бы задергивающимися шторками непроницаемости. Мириам заерзала под его взглядом.

— Что вы на меня так смотрите?

— Любуюсь, — улыбнулся Златков. — Вы очень красивая молодая особа, и что-то мне подсказывает, что я знаю вашего отца. Не Игнат ли Ромашин случайно?

— Да, я его дочь.

— Рад познакомиться. — Златков перенес взгляд на Ивора. — Ну, а вы сын Жданова, потенциальный оператор, или Тот, Кого Ждут, если верить легендам Древа.

— Почему потенциальный? — пробормотал Ивор. — Стас называл меня оператором...

— Стас — это инк Ствола? Он очень вежливое существо. Если бы вы были оператором реально, вы бы не попадали в разные глупые и опасные ситуации. Не обижайтесь, у вас все впереди. К тому же, если бы вы изначально были оператором, вряд ли зашли бы так далеко, как сейчас.

— Почему?

— Вас бы просто не пропустили. А так как никто не ждал от вас подвигов и не брал в расчет, охота за вами началась только сейчас.

— Понял...

— А каким ветром вас сюда занесло, Атанас? — поспешила Мириам сгладить впечатление от слов ученого, хотя Ивор не думал обижаться. — Что вы здесь делаете, у Меры?

— У кого? — поднял бровь Златков.

— Так назвал Игрока-2 Стас — Мера, от слов «медленный разум».

— Что ж, вполне логично и соответствует тому, что есть. Я же здесь живу по собственной воле уже много лет и занимаюсь всякими-разными исследованиями и расчетами. Благо собеседник у меня — дай бог каждому. Например, я учусь посредством Хроник Мультиверсума изменять его законы через цепочки невозможных состояний. Изучаю архитектонику времени в разных Ветвях Древа. Подхожу к пониманию своего открытия.

— Как это? — удивилась Мириам.

— До сих пор мне была непонятна причина реализации такой

мощной энергоинформационной системы, как Ствол—трансгресс.

— Но вы же сами рассчитали теорию временных проколов и построили Ствол!

— Я строил и рассчитывал не то, что получилось на самом деле. Я считал, что обратимость времени возможна, для чего необходимо всего лишь изменить направление изменения скорости фундаментального взаимодействия; к слову сказать, в большинстве Ветвей с планетами и звездами она уменьшается. Но впоследствии выяснилось, что при попытке изменения направления скорости фундаматора я неизбежно должен был наткнуться на встроенный в Древо принцип экономии энтропии, дающий более сложным системам, в том числе биологическим, преимущество перед простыми. А мой хронобур почему-то обошел его!

— И вы только сейчас подошли к объяснению феномена?

— Скажем так: я близок к решению задачи. Вот только описать вам это открытие не смогу, в человеческом языке отсутствуют необходимые понятия.

— Попытайтесь, пожалуйста, — попросил Ивор.

Златков усмехнулся в усы.

— Если говорить совсем просто, то идея трансгресса так сильна, что сама явилась причиной своей реализации. Если чуть усложнить ответ, то мы придем к понятию кейроса.

— Кейрос? — наморщила лоб Мириам. — Это что-то из греческой мифологии...

— Согласно представлениям древних философов о триедином времени, кейрос являет собой процесс образования пространства потенциально допустимых состояний материи, реализуемых разумными системами из некоего Изначального Единого Пространства в с е х мыслимых и немыслимых состояний. Так вот в данной интерпретации идея «струн» информации, пронизывающих Вселенную, есть кейрос, породивший трансгресс. А он в свою очередь тесно связан с плотностью вероятности реализации тех или иных событий, которая на разных осях времен — мы говорим: в разных Ветвях — может быть разной. То есть плотность вероятности возникновения трансгресса была такой высокой, что он н е м о г н е р е а л и з о в а т ь с я! Моя идея хронобура лишь ускорила реализацию. Кстати, применение идеи кейроса позволило мне рассчитать и Древо Невозможных Состояний материи, вероятность существования которого не равна нулю. Теперь вам понятно, чем я тут занимаюсь?

Ивор и Мириам обменялись красноречивыми взглядами. Девушка засмеялась.

— Боюсь, мои возможности анализа такой информации довольно низки. Я почти ничего не поняла. Например, что такое триединое время? Это и есть кейрос?

— Триединое время — категорийное понятие. Время бывает абсолютным, многомерным, относительным и мнимым. Древо Времен реализует лишь относительные времена, «сдвинутые» друг относительно друга на определенный квант-угол. В рамках этой данности нет ни абсолютного будущего, ни абсолютного прошлого, а передача причинных взаимодействий осуществляется посредством «вмороженных» в Мультиверсум законов. Древо Невозможных Состояний должно жить в потоках мнимого времени, ограниченных эквивременными поверхностями. Абсолютным же временем может пользоваться только Абсолют, то есть Творец. Хотя и абсолютное может иметь какие-то градации. Я еще работаю над этими вопросами.

— Спасибо за разъяснение, — с иронией поклонилась Мириам.

Златков остался сосредоточенно-спокойным, глянул на задумавшегося Ивора.

— Вас что-то беспокоит, оператор?

Молодой человек очнулся, по губам его скользнула улыбка.

— Я вспомнил аксиому земной журналистики: обращайся к собеседнику как к умному человеку, но не забывай, что он идиот. Наша беседа проходит примерно в этом ключе.

Улыбнулся и Златков.

— Пожалуй, это слишком самокритичное заявление. Надеюсь, вы меня поняли.

— Не всё.

— Я тоже не всё, — призналась Мириам. — Не понимаю, как вообще можно рассчитывать то, чего не может быть в природе.

— Природа — если иметь в виду Большую Вселенную — реализует в с ё! Физика невозможных состояний описывает состояния, невозможные лишь с точки зрения законов Древа Времен. Где-то существуют миры, где эти состояния — объективная реальность. В них нет ни времени, ни пространств, но обязано быть нечто, их заменяющее.

— Что?

— Ну, скажем, поля семантико-этических дилемм или объемы коэффициентов отображения Абсолюта. И так далее.

— Сдаюсь! — подняла вверх руки Мириам. — Мои мозги начинают плавиться. Давайте поговорим о чем-либо другом.

— Пожалуйста, — пожал плечами Златков. — Может быть, вы голодны? Можем пообедать.

— Я бы не возражала. НЗ на завтрак — не слишком приятная трапеза.

— Я тоже хочу есть, — кивнул Ивор. — Но прежде разрешите задать еще пару вопросов. Когда еще появится возможность побеседовать с Судьей Игр.

Златков прищурился, покачал головой.

— Я уже давно не Судья.

— Ну, все равно наверняка имеете возможность общаться с Судейской коллегией.

— Что вы хотели бы узнать? — Златков не стал отрицать своей связи с Судьями Игр, и Жданов отметил это для себя.

— Что произошло?

— Хороший вопрос, — усмехнулся ученый, оценивающе глянув на задумчивое лицо молодого землянина. — Можно сказать, основополагающий. Если говорить о глобальном уровне происходящих событий, то Безусловно Второй, он же Заказчик Игр, решил стать Безусловно Первым, то есть сменить Творца Мироздания. Достигнув предельного для данной Вселенной уровня постижения Абсолюта, он решил «обрезать» Древо Времен до состояния Вектора или Стрелы Времени, то есть максимально уменьшить пропускную способность каналов связи и вычислительную мощь Разума, что коррелируется с понятиями Правда и Духовность. По сути, он хочет ограничить свободу Творца, реализовавшего себя в Мультиверсуме.

Златков поднял вверх руку и вынул из воздуха белый прямоугольник с каким-то рисунком, похожий на лист картона.

— Вот что происходит на самом деле, если это изобразить схематично, на плоскости.

Ивор кивнул, передал лист «картона» Мириам.

— Я уже понял, что Игра идет на сворачивание Древа, нам об этом сообщил Стас. Не могли бы вы показать все игровое пространство?

— Вряд ли его можно отобразить схематично, — скептически поджал губы ученый. — По сути, все Древо является игровым пространством и даже п р о ц е с с о м Игры, сложность которого даже не поддается определению.

— Ну, хотя бы приблизительно.

Златков задумался, поглаживая бороду, кивнул.

— Хорошо, попробуем. Для этого мне потребуется помощь флориан. Подождете пару минут?

— Конечно, подождем. А кто такие флориане? — спросила девушка.

— Так я называю представителей местных разумных систем. Между прочим, мы сейчас находимся внутри одного из них, хотя по большому счету это искусственный растительный организм, обладающий большой динамикой и скоростью обработки информации, а также возможностями трансформации. Флориане создали для себя интегральную искусственную среду — квантовые города и поселения. Посидите здесь, пока я побеседую с ними.

Златков исчез. И появился вновь.

— Прошу прощения, я забыл, что вы голодны. Какую кухню предпочитаете?

— Русскую, — сказал Ивор.

— Прибалтийскую! — заявила Мириам.

— Через несколько минут вам подадут обед.

— Неужели его нам приготовит сам Мера? — пошутила девушка.

— Ну, что вы, — усмехнулся Златков, — я здесь на полном самообеспечении, даже захватил с Земли прекрасный кухонный комбайн «Смак», выращиваю овощи и фрукты. Позже я покажу вам свой «приусадебный участок». А пока открывайте шампанское.

Златков указал на торчащую из льда серебристую головку бутылки и исчез.

Ивор поднялся, достал бутылку и прочитал:

— «Абрау-Дюрсо. Брют-классик».

— Видать, на их Земле тоже делают хорошее шампанское, — весело проговорила Мириам. — Отличается только названием: наше шампанское никогда не называли брют-классик.

Ивор откупорил бутылку, разлил вино в бокалы, подал девушке. Мириам подняла свой бокал.

— Предлагаю тост.

— Неудобно без хозяина, — пробормотал молодой человек.

— С ним мы тоже выпьем. За успех безнадежного дела.

Ивор помедлил, потом дотронулся бокалом до бокала спутницы и отхлебнул глоток.

— Наше дело не безнадежное, — уверенно заявил он.

Появился Златков, поднял свой бокал.

— За встречу, соотечественики.

Они сделали еще по одному глотку. Златков посмаковал вино, допил и поставил бокал на стол.

— А теперь с вашего разрешения мы покажем вам схему взаимодействий главных сил Древа Времен, или, как вы изволили выразиться, пространство Игры.

Свет в помещении погас. Затем пол под ногами сидящих людей засветился и протаял в глубину. Они повисли над белесой бездной, в которой начала проявляться ажурная ветвящаяся конструкция, состоящая из множества объемных фигур. Лишь спустя какое-то время зрителям стало понятно, что означает эта конструкция.

Она изображала игроков в шахматы, сидящих за столом с шахматной доской. Один игрок слегка напоминал фигуру человека с рогатой головой, второй — многорукое существо с лиановидными конечностями и папоротниковидным туловищем. Шахматная доска тоже казалась ажурной, а фигур на ее полях было гораздо больше, чем в известной земной игре, и каждая фигура пускала вверх перья папоротника, кое-где соприкасающиеся и прорастающие друг в друга. Мало того, и игроки, и столик, и доска тоже соединялись и прорастали друг в друга, создавая удивительную живую композицию, каждая часть которой влияла на соседние.

— Древо? — неуверенно проговорила Мириам.

— Его символическое изображение, — раздался голос невидимого Златкова. — Каждая веточка и листик папоротника есть Ветвь Древа, отдельный его домен. Теперь смотрите.

Фигуры игроков вдруг ожили.

Один из них сделал ход — передвинул «пешку» на шахматой доске. И тотчас же несколько листиков папоротника, вырастающего из головы «пешки», пожелтели и осыпались, а листики соседней фигуры, которой коснулся стебель папоротника, стали чернеть и сворачиваться.

Еще ход.

Игрок в облике рогатого человека взял фигуру.

Мгновенно весь куст папоротника на пешке, которую он съел «ладьей», усох и рассыпался в прах.

Его противник ответил атакой «ферзя», тесня «ладью».

Произошло изменение конфигурации ветвей папоротника на десятке фигур сразу. Многие листики также начали сохнуть, менять цвет или превращаться в живых «гусениц», падающих на

шахматную доску и растворявшихся в ней. Но появились и новые зеленые побеги папоротника, а чернеющие листики начали оживать, распрямляться.

— Конечно, это лишь упрощенная схема Игры, — проговорил Златков. — Я не мог изобразить всех действующих сил, ибо их намного больше двух. Но основных Игроков два — Палач и Мера. Остальные фигуры на шахматной доске — цивилизации более низкого уровня.

— Люди — это пешки? — робко спросила Мириам. — Самые слабые фигуры?

— Нет, милая барышня. Их уровень немного выше. Хотя обольщаться не стоит.

Игроки с их стульями и столом исчезли. Проявилась прежняя обстановка комнаты для бесед. Златков оценивающе смотрел на гостей.

— Вы удовлетворены, оператор?

— Да, — тихо сказал Ивор.

— Разумеется, сравнение Игры с шахматной партией не совсем корректно, она больше похожа на такие игровые виды спорта, как баскетбол или водное поло, где допустимы грязные приемы, не всегда регистрируемые судьями. Но представление об Игре получить можно. А теперь давайте обедать. Что-то я проголодался.

Словно по мановению волшебной палочки, посреди комнаты возник стол, уставленный тарелками и блюдами с закусками. Златков сделал приглашающий жест, и гости не заставили себя упрашивать. Через минуту они сидели за столом и ели.

Выбора блюд не было, как не было и меню, но все блюда точно отражали вкусы и аппетиты землян, из чего Ивор сделал вывод, что хозяин каким-то образом предварительно подслушал их мысли и желания. Однако заострять на этом внимание Жданов не стал. Если Златков и поступил так, то лишь для того, чтобы угодить гостям.

Обед прошел в молчании. Блюда сменялись сами собой и исчезали в неизвестном направлении, будто за едоками ухаживали невидимки. Затем на столе появились широкие бокалы с малинового цвета напитком, в котором вспыхивали золотистые искорки, и Златков сказал, беря один из бокалов:

— Вельми рекомендую. Мое творчество. Сварено из местных трав и ягод.

Он отхлебнул напиток, подержал во рту и проглотил.

Ивор тоже сделал глоток. Напиток был кисловато-сладким,

приятным на вкус, освежающим, с горьковатым запахом миндаля, в нем лопались воздушные шарики и щекотали язык.

— Ну, как?

— По-моему, замечательно! — похвалил напиток Ивор.

Мириам отпила полбокала, зажмурилась, помотала головой. Глаза ее расширились.

— Великолепный букет! Дадите рецепт?

Златков засмеялся.

— Женщина везде женщина, даже за тридевять земель от родной Солнечной системы. Пусть это будет моим фирменным секретом. Все равно таких растений вы нигде больше не найдете. Итак, дорогие гости, пора прощаться. Меня ждут неотложные дела, да и терпение флориан небесконечно. Что еще я могу для вас сделать? В пределах моих возможностей, разумеется.

— Мы будем чрезвычайно благодарны, — улыбнулся и Жданов. — Я знаю, что ничего случайного не бывает и наша встреча была предопределена, хотя и не знаю — кем. Возможно, бровеем Мимо. — Ивор впился глазами в лицо Златкова. — Вы с ним не встречались?

Лицо ученого осталось невозмутимым, хотя в глазах мелькнул какой-то огонек.

— Иногда он посещает сей райский уголок. Но беседуем мы редко, бровей Мимо — не самый компанейский человек и не слишком интересный собеседник для меня.

— Почему?

— Потому что знает гораздо больше, чем говорит, а я этого не люблю. И, возможно, он не тот, за кого себя выдает.

— Мимо был Организатором прошлой Игры...

— Это он вам сказал?

— Нет, с ним разговаривал мой отец... давно...

— На вашем месте я бы не верил ни одному его слову. Я имею в виду бровея.

— Однако он помог нам! — горячо возразила Мириам. — Вызвал трансгресс...

Брови Златкова изогнулись.

— Если так, то я не знаю, что и сказать. Мир перевернулся. Либо произошли изменения в психике бровеев, которых я не заметил. Итак?

— Один вопрос, — заторопился Ивор. — Если Палач играет не по правилам, почему в Игру не вмешается Судья?

— Судья... э-э, как бы поточнее выразиться... подкуплен. А судебные исполнители отстранены либо устранены. Физически. Вот

почему нужен независимый исполнитель. Вся надежда на вас... э-э... оператор.

— Вы смеетесь, — нахмурился Ивор.

— Боже упаси! — возразил Златков. — Только люди способны сформировать боевую команду в обход воли Игроков, и только вы сможете стать катализатором этой команды и превратить ее в с и л у. Хотя честно скажу, шансов у вас немного.

— Ничего, пробьемся, — пренебрежительно повела плечиком Мириам. — Только помогите нам, если сможете. Дайте нам координаты «засыхающей» Ветви, где застрял отец Жданова.

— Насколько мне известно, таких Ветвей множество, и почти в каждой заблокированы кванки Ждановых. Сам я, конечно, не смогу вам помочь, но флориане должны знать расстановку сил и отправят вас туда, куда нужно. Я попытаюсь им все объяснить.

— Тогда у нас все. — Ивор решительно встал. — Спасибо за гостеприимство.

Мириам тоже поднялась, спросила с любопытством:

— Атанас, вы так и собираетесь жить в этом мире один? С флорианами? Не хотите вернуться домой, на Землю?

— Не хочу, — покачал головой Златков. — Здесь намного спокойнее. Да и не один я. — Он улыбнулся.

Рядом с ним вдруг сформировалась из воздуха пышнотелая молодая женщина с золотыми волосами, такими же золотыми глазами и ямочками на щеках.

— Здравствуйте, — поклонилась она с достоинством.

Земляне не сразу ответили на приветствие, ошеломленные знакомством. И тотчас же золотоволосая красавица исчезла.

— Ничто человеческое, как говорится, — философски заметил Златков, не обращая внимания на легкое замешательство гостей. — Хочу дать вам один совет, прежде чем мы расстанемся. Ищите Маричную Ветвь. Возможно, вы найдете там ответы на все ваши вопросы. Ну, или на большинство вопросов.

— Зачем нам нужна Маричная Ветвь? — не поняла Мириам. — И что это такое вообще? Может быть, Корень Древа?

— На Земле существовала легенда, что человек создан по образу и подобию Творца. Поразмышляйте над этим.

— Ничего не понимаю. — Мириам посмотрела на Ивора. — А ты?

— Вы хотите сказать... — медленно начал тот, — что люди — прямые дети Творца?

— Великолепно, оператор! — хмыкнул Златков. — Вы далеко пойдете. Да, люди — и с т и н н ы е дети Творца, они когда-то все

были богами, но забыли об этом. Прощайте. А это вам подарок. — Ученый вытащил из воздуха предмет с рукоятью, напоминающий старинный револьвер с трехгранным дулом.

— Какой интересный, — взяла в руки револьвер Мириам. — Что это за пушка?

— Ваксинг, или, в просторечии, вакуумхлоп. Мне подарил его один мой приятель, но мне он не пригодился. Это оружие на основе возбуждения вакуума, оно создает «пузырь схлопывания» пространства в черную дыру. В зависимости от мощности импульса может образовываться либо сфера сверхзвука мощностью до ста децибел, либо воронка всасывания диаметром около ста метров.

— Класс! — восхитилась девушка, понимавшая толк в оружии. — Такого я еще не встречала! Нам он действительно может понадобиться.

— Прощайте, — подал руку Ивору Златков, поцеловал пальцы Мириам. — Заходите еще. Передавайте привет всем моим кванкам.

Он исчез.

— Но как же мы... — начала обескураженно Мириам.

— Все в порядке, — отозвался чей-то басовитый резонирующий голос, и комната исчезла, люди повисли в центре грота с колониями светящихся грибов. — Мне объяснили, что я должен сделать. Вы готовы?

— Мера? — прошептала девушка.

— Скажем так — одно из воплощений этой системы мысли. До свидания, носители надежды.

Свет в гроте померк. Ивор взял Мириам за руку, и горячий вихрь увлек их в бездну иных измерений...

ГЛАВА 7

Подробности они узнали позже.

Сначала показалось, что планета, на которую их перенес трансгресс по команде Меры, ничем не отличается от подобных образований других Ветвей.

Планета по первому впечатлению была круглой, имела пригодную для дыхания атмосферу и силу тяжести, чуть меньшую земной. К тому же на ней вылупился Ствол, что уже само по себе говорило о ее принадлежности к Ветвям, близким по параметрам к земной с ее вакуумом, звездами и галактиками. Однако инки «кокосов» отметили некоторые странности в поведении местно-

го светила, а также в ландшафте вокруг Ствола, и озадаченный Ивор принялся рассматривать пейзаж сквозь призму внутреннего паравосприятия. Одновременно он с замиранием сердца начал искать «мыслезапах» отца, веря, что Мера направил их именно в ту Метавселенную, где застряла команда Павла Жданова.

Выход в бессознательное восприятие реальности сразу ознаменовался несколькими открытиями.

Во-первых, планета под ногами с нормальным горно-равнинным рельефом оказалась не круглой, а плоской, как лепешка.

Во-вторых, она не вращалась вокруг оси, а видимое движение оранжевого светила именно этот факт и отображало: планета-лепешка медленно двигалась относительно светила по какой-то траектории, которую нельзя было назвать орбитой.

В-третьих, разумная жизнь в этой системе присутствовала, но не на планетах, а на искусственных сооружениях, представлявших собой космические города и одновременно растительные организмы. Каждый такой город, по сути, был живым существом или системой живых существ растительного происхождения. В каком-то смысле они являлись родственниками флориан Меры, попавшими под пресс давления Игрока номер один — Палача.

Эту информацию Ивор принял-прочитал-почувствовал мгновенно, словно всю жизнь занимался контактами с представителями растительной формы жизни.

И, наконец, на грани восприятия Ивор получил слабый мысленный отклик, похожий на удивленный взгляд отца. Впечатление было такое, будто луч «пси-локатора» молодого Жданова, настроенный на определенную ментальную частоту, отразился от некоего объекта, излучавшего в примерно таком же диапазоне мыслеволн.

— Папа! — прошептал Ивор, бледнея.

Мириам, расхаживающая по плоской вершине скалы, на которой они оказались, с видом грозного сторожа, обрадованно обернулась.

— Нашел?!

— Странно... это он... и в то же время...

— Он это или нет?!

— Очень слабый сигнал... и какой-то необычный...

— Просто в данный момент отец находится далеко отсюда, может быть, даже на другой планете системы.

— Это не имеет значения... он и в самом деле сейчас далеко... на острове...

— На каком острове?

— Я имею в виду искусственное сооружение в космосе...

— Что ты мямлишь! — рассердилась Мириам. — Немедленно объясни, что ты видишь!

Ивор попытался передать ей свои ощущения, но это ему удалось не сразу. Он все еще слышал слабое эхо мыслесферы отца, выражающее удивление и беспокойство.

— Поняла, — кивнула Мириам, не забывая поглядывать по сторонам в поисках опасности. — Особенности здешней природы меня мало интересуют. Если ты узнал отца, позови его, пусть прилетит.

— Это паллиатив.

— Был бы у нас когг или хотя «голем» — сами бы отправились к нему, а так придется ждать. Предлагаю переместиться поближе к Стволу.

— Зачем?

— Какое-никакое, но убежище.

— Он же заблокирован.

— В случае чего разнесем стену атанасовым ваксингом и пройдем внутрь, а там Стас поможет.

— Если бы все было так просто, отец давно освободился бы сам.

— Все равно шансов спастись внутри Ствола у нас больше, чем на открытом пространстве.

— Хорошо, — уступил Ивор, — полетели к Стволу, будем ждать отца там. Хотя не думаю, что на нас кто-то намеревается напасть.

— Ты забыл о словах Златкова, что на тебя, господин оператор, организована охота. Оруженосцы Палача наконец оценили твой потенциал и будут идти по следу, пока не догонят.

— Пусть догоняют, — махнул рукой Ивор, поднимаясь в воздух и направляясь к серо-коричневой горе Ствола. — Надеюсь, ты меня защитишь? Как там, у Екклезиаста? «Ибо если упадет один, то другой поднимет товарища своего».

Мириам догнала спутника.

— Твои шутки неуместны, Жданов. Ты действительно не понимаешь, какая на тебе лежит ответственность, или притворяешься?

— Я еще молод и имею право на ошибку, — поддразнил Ивор девушку. — Вот когда стану Игроком или хотя бы Судьей...

— Будешь так рассуждать — не станешь ни тем, ни другим, — снова рассердилась Мириам. — Я уже начинаю жалеть, что связалась с тобой.

— Почему? — удивился Ивор.

— Потому что ты слишком привык к умеренности.

— Разве это плохо?

— Как говорил мудрец: умеренность — роковое свойство. Только крайность ведет к успеху.

— Ну, это несерьезно.

— А серьезность между прочим — вообще последнее прибежище заурядности.

Ивор замедлил полет, остановился. Мириам повисла впереди с мрачным видом. Он приблизился к ней, попытался обнять, но она оттолкнула его руку.

— Нечего приставать к бедной девушке, я обиделась.

— Я больше не буду, Миа. Я все понимаю и готов и дальше следовать твоим советам.

— Правда? — недоверчиво прищурилась Мириам.

— Клянусь Безусловно Первым!

— Ох, ну вечно ты говоришь глупости, — огорчилась она. — Тебя еще надо воспитывать и воспитывать.

— Вот и займись этим богоугодным делом, — серьезно сказал Ивор. — Только прежде покайся в каких-то грехах. Помнишь, обещала?

— Обещала — выполню, но позже. Давай все-таки осмотрим Ствол, вдруг твой отец оставил на нем или поблизости какой-нибудь знак.

Предложение спутницы заставило скептически настроенного Ивора призадуматься.

— Пожалуй, в этом что-то есть, — согласился он наконец, снова устремляясь к громаде Ствола.

Однако их ждало разочарование.

Кванк хронобура в этом увядающем мире был мертв. То есть разрушен и пуст. Уже с километрового расстояния стали видны дыры, трещины, бреши и вывалы в его стенах, превращавшие здание в пустотелую развалину, сиротливо дожидавшуюся своего конца. Как ни напрягался Ивор, стараясь отыскать в двухкилометровой высоты теле Ствола «живые» зоны с энергопитанием, ничего у него не вышло. От хронобура веяло холодом, застарелой угрозой и обреченностью. Видимо, работающих хрономембран у него действительно не осталось, и теперь это была просто древняя развалина, ничем, кроме масштабов, не напоминающая о былой мощи и предназначении.

Ради очистки совести путешественники по Ветвям через одну из рваных дыр проникли в здание, побродили по этажам, везде натыкаясь на разрушенные стены, покосившиеся балки и шпан-

гоуты, нашли зал одной из хрономембран и с минуту рассматривали оплавившиеся, потекшие, закопченные, выгнувшиеся пузырем стены, пол и потолок. Было видно, что здесь когда-то произошел мощный взрыв, и от колонны хронолифта ничего не осталось.

Обманутые в своих надеждах, они выбрались в сумеречный день планеты-лепешки, облетели Ствол кругом и поднялись на его вершину, увенчанную странным, костяным с виду гребнем. Лишь чуть позже они поняли, что это какое-то засохшее растение, а не скелет умершего существа, как подсказывали глаза.

— Да, вряд ли отсюда можно выбраться, не зная кода вызова трансгресса, — констатировала Мириам. — Если бы нам не удалось сюда пробиться, твой отец мог остаться здесь навсегда. Кстати, чего мы ждем? Может быть, поищем какой-нибудь транспорт?

— Где? — буркнул Ивор, прислушиваясь к тишине пси-эфира, в которой изредка проявлялись тихие шорохи и среди них — слабый отблеск ауры отца.

— Ну, планета ведь была когда-то обитаема. Или ты на что-то надеешься, а мне не говоришь?

— Я позвал отца... он должен был услышать... подождем немного. Если через пару часов не появится, начнем поиск сами.

Мириам хотела возразить, но посмотрела на твердо сжатые губы друга и передумала. Однако ее деятельная натура не терпела пустого времяпровождения, и она принялась на всех диапазонах рации вызывать «местные власти». И ее усилия не пропали даром! Поначалу скептически отнесшийся к ее инициативе Ивор с удивлением услышал на аварийной волне чей-то далекий, едва пробившийся сквозь шелест фона, мужской голос:

— Кто говорит?!

Спрашивали на русском языке!

— Свои! — обрадованно закричала Мириам. — Нам нужен Павел Жданов. А вы кто?

— Я Григорий Белый. Кто конкретно — свои?

— Пусть это будет для вас сюрпризом. Где вы? Мы ждем вас возле Ствола.

Молчание.

Прошла минута, другая...

Ивор и Мириам обменялись тревожными взглядами. У обоих мелькнула одна и та же мысль.

— А если этот Белый служит Палачу? — прошептала девушка.

— Не может быть, — так же тихо ответил Ивор. — Отец всегда абсолютно правильно разбирался в людях. Белый его друг.

— Полуянов тоже был его другом.

— Если бы Белый тоже работал на стороне Палача, он бы здесь не застрял вместе с отцом.

— Логично, — согласилась Мириам, подумав.

— Ждите, — прилетел сквозь шумы эфира голос друга отца. — Мы будем через час. Как вы здесь оказались, свои? Неужели Ствол заработал?

— У нас есть свой транспорт.

Еще минута молчания.

— До встречи.

И тишина.

— Ну, вот, а ты говорил — женщины ни на что не годны и ошибаются чаще, чем мужчины, — с победным видом заявила Мириам.

— Я так не говорил, — запротестовал Ивор.

— Ну, думал, — отрезала она.

Ивор невольно улыбнулся, понимая чувства спутницы, пытавшейся скрыть свое удовлетворение. Она искренне была рада тому, что ее инициатива неожиданно дала результат.

— А что, если нас все-таки запеленговали эмиссары Палача? Ведь я не застрахован от ошибок. Ты веришь тем, с кем мы разговаривали?

— Недоверчивость — мудрость дурака[1], — назидательно сказала Мириам. — И не разыгрывай меня, ты не должен ошибаться. Иначе нам вообще нечего делать за пределами Земли. Надеюсь, ты не растеряешься, как в прошлый раз, вызывая трансгресс?

Ивор не обиделся, с нетерпением считая минуты до прибытия отца.

— Я уже понял, в чем дело, — пробормотал он. — Трансгресс имеет в каждой локальной области лишь один выход, он же вход. Радиус области равен примерно трем-пяти километрам, судя по нашему печальному опыту. А когда я в прошлый раз вызывал трансгресс, он был уже занят погонщиками драконов.

— Тогда прощаю, — успокоилась Мириам. Поглядела на ждуще-взволнованное лицо Ивора и вдруг подошла к нему, прижалась на мгновение. — Не переживай, поэт, все будет о'кей. Что бы ты делал без меня, а?

Жданов улыбнулся.

— Это уж точно.

Последние минуты ожидания оказались самыми тягостными.

---

[1] Дж. Б. Шоу.

Ивор держался внешне спокойно и даже шутил, но было видно, что он волнуется. Наконец в небе планеты-лепешки сверкнула серебристая искра, превратилась в светлое пятнышко, затем в самый настоящий кочан капусты овальной формы.

«Кочан» приблизился к Стволу, медленно облетел его, не торопясь идти на посадку, словно его пилоты внимательно рассматривали землян. Завис над краем крыши здания и мягко опустился вниз. Размерами он был с земной «пакмак», вблизи же его сходство с кочаном капусты уже не казалось столь разительным, как издали, но ощущение, что перед ними растение, точнее, овощ, только в сотню раз больше земного аналога, у Ивора и Мириам не прошло.

«Листья капусты» с хрустом встопорщились сильнее, в боку гигантского «кочана» образовалась линзовидная щель, из которой вылетели три фигуры в обычных земных униках. Развернувшись в цепь, они подплыли к молодым людям (Мириам на всякий случай приготовилась к адекватному ответу), опустились на крышу здания. Атанас Златков, Григорий Белый и Павел Жданов. Ошибиться было невозможно.

— Отец? — неуверенно проговорил Ивор.

Прибывшие на «капустном» корабле переглянулись.

— Кажется, это и есть обещанный сюрприз, — хмыкнул Белый, с любопытством разглядывая побледневшее лицо молодого человека, покосился на Жданова. — Я не знал, дружище, что у тебя есть сын.

— Я сам не знал, — с не меньшим любопытством во взоре ответил Павел. — Кто вы, молодой человек?

— Как кто?! — возмутилась Мириам. — Это же ваш сын, Ивор! Вы шутите или издеваетесь?!

— Успокойся, — проговорил вдруг Ивор, проведя ладонью по лицу. — Это не отец.

— Как не отец?! Что ты говоришь?! Это же Павел Жданов, я же вижу, я бы узнала его и... — Девушка застыла с округлившимися глазами. — Боже мой!

— Он — Жданов, — глухо сказал Ивор, — но не отец.

— Кванк!

— Да.

— Ах, вот оно в чем дело! — протянул Белый. — Мы, кажется, пересеклись с сыном одного из твоих кванков, Паша, и эти молодые люди приняли тебя за его отца.

— Увы, это так, — кивнул Павел Жданов, с сочувствием глядя

на побледневшего, расстроившегося Ивора. — В моем мире у меня нет детей. Приношу свои извинения.

— Не за что извиняться, — глубоко вздохнул Ивор, пытаясь скрыть разочарование. — Вы не виноваты. Я был уверен, что нам дали верные координаты схрона, поэтому даже не сомневался, что вы мой отец. Хотя нет, была тень сомнения, когда я искал мыслепоток отца в пространстве, ваша аура слегка отличается от ауры отца, но я даже предположить не мог, что вы...

— Понятно. — Жданов обменялся взглядом с молчавшим Златковым. — Значит, вы ищете своего отца? Что с ним?

— Он застрял где-то в одной из «засыхающих» Ветвей. Его подставили...

— Кто?

— Федор Полуянов. Он завербован эмиссаром Палача...

— Кем-кем? Эмиссаром Палача?

— Разве вы не знаете? — удивилась Мириам. — Один из Игроков пренебрегает правилами Игры, и его назвали Палачом. Он безжалостно отсекает Ветви от Древа Времен одну за другой.

Снова быстрый обмен взглядами.

— Я был прав, — заговорил Златков. — Очевидно, на службу этому самому Палачу перешла вся спектральная линия Полуяновых. Не удивлюсь, если группы, подобные нашей, застряли и в других коллапсирующих Ветвях.

— Это так и есть.

— Откуда вы знаете? — поинтересовался Белый.

— Он — оператор, — гордо сказала Мириам, положив руку на плечо Ивора. — К тому же мы посетили уже уйму Ветвей и беседовали с весьма информированными учеными. Кстати, вам привет. — Она посмотрела на Златкова.

— От кого?

— От вашего кванка. Он живет сейчас в мире второго Игрока — мы дали ему имя Мера — и занимается расчетами всякой мудреной белиберды.

Златков — здесь он был с усами, но без бороды, да и седины у него было поменьше — усмехнулся.

— Не скажете, какой именно белибердой он занимается?

— Он заканчивает работу над теорией физики невозможных и абсурдных состояний, — сказал Ивор, окончательно приходя в себя. — Скоро будет готов расчет Древа Невозможных Миров. А вы над чем работаете?

— Примерно над той же белибердой. — Веселый блеск в глазах собеседника. Он хотел продолжить, но его перебил Белый:

— Чего мы тут стоим, как бедные родственники? У вас есть время? Поехали-ка домой, там и отдохнем, и позавтракаем, и поговорим. Надеюсь, у вас припасен способ выхода в Древо? Здешний Ствол, к сожалению, не функционирует.

— Домой? — Ивор вопросительно посмотрел на Жданова.

Тот улыбнулся.

— Мы здесь торчим уже полтора года и успели расположить к себе аборигенов. Они предоставили нам кров и пищу, мы же помогаем им техническими советами.

— Вы имеете в виду флориан? — уточнила дочь Ромашина.

— Как вы сказали?

— Насколько я успел понять, в этом странном мире живут разумные растительные системы, — сказал Ивор. — Я обнаружил с полсотни искусственных сооружений в космосе...

— Это они и есть — нечто вроде летающих выращенных станций или городов-сообществ. На одной из них мы и обитаем. Мир же этой Ветви действительно уникален. Но обо всем этом мы лучше поговорим в более уютной обстановке. Кстати, как вам удалось обнаружить обитаемые объекты в космосе? Ваши скафандры имеют исследовательские комплексы?

— Я же говорила — он оператор! — веско проговорила Мириам.

— Надеюсь, вы объясните, что это означает. Прошу в наш аппетитный местный спейсер. — Жданов сделал приглашающий жест.

Через минуту все пятеро разместились внутри сферической кабины летательного аппарата, оказавшегося живым существом, точнее, теплокровным растением, и тот устремился вверх, пронзая атмосферу планеты-лепешки.

* * *

Мир «засыхающей» Ветви, где земляне нашли братьев по разуму, давший жизнь гигантским растительным разумным системам, действительно оказался достойным изумления и восхищения.

Когда-то он был таким же огромным, как земная Ветвь: луч света смог бы его пересечь лишь за десятки и сотни миллиардов лет. Но в результате просачивания в домен «вируса» чужих законов его объем стремительно начал уменьшаться, и в конце концов осталась лишь узкая полоса между сближающимися доменными стенками толщиной всего в два десятка астрономических единиц[1]. Для наглядности Златков, объясняющий гостям поло-

[1] 1 а.е. — расстояние от Земли до Солнца, равное 149 млн. км.

жение вещей в мире разумных лесов, схематично изобразил местную планетную систему на специальной доске, и молодые люди долго с недоверием разглядывали ее.

Планеты и центральное светило системы вращались вокруг сверхплотного и массивного одномерного образования, называемого «сверхструной», постепенно, по мере сдвижения доменных стенок смещаясь к центру системы, к плоскости орбиты, занимаемой светилом. Сколько времени осталось Ветви до схлопывания стенок, было неизвестно, однако, по расчетам Златкова, срок этот был невелик — около полугода по земным меркам. Ветвь «засыхала», и никакая сила не могла остановить этот процесс.

Во время беседы, которая состоялась после завтрака в «доме-общежитии», где обитали земляне, запрятанном в недрах летающего космического города, Ивор понял, почему ошиблись флориане, отправившие гостей по неверным координатам.

Во-первых, эта Ветвь мало отличалась от той, где застрял отец Ивора, разве что «суперструна» была ориентирована не поперек пространственного слоя, а вдоль; информацию о своем погибающем мире дали молодому Жданову посланцы отца при первом контакте в Мексике.

Во-вторых, Павел Жданов этой Ветви мало чем отличался от Павла Жданова-отца. А если учесть, что и в других Ветвях застряло немало кванков Ждановых, то выбор флориан оказался неслучайным и почти правильным. Почти. Правда, утешить эти объяснения Ивора не могли, он по-прежнему не знал, где искать отца.

— У нас нет выбора, — сказал присутствующий в помещении, где проходила беседа, Гриша Белый, отрастивший себе красивые седые бакенбарды. — Надо просто идти по Ветвям, где стоят заблокированные кванки хронобуров, и искать вашего отца, юноша, одновременно освобождая застрявшие отряды Ждановых. Так мы в конце концов и отца вызволим, и приличную команду сформируем.

— Боюсь, Палач не даст нам возможности действовать свободно, — покачал головой Павел Жданов. — Да и времени такой поход потребует много.

— У тебя есть конкретные предложения?

— Нет, — подумав, мотнул головой Павел. — Придется идти кружным путем. Хотя мы, к сожалению, не бессмертны.

Ивор пошевелил губами, поднимая глаза к потолку, и пробормотал:

И в таинство бессмертья посвящен,
я наконец-то вышел на дорогу,
ведущую не к вечности, не к богу,
а просто к перекрестию времен.

Мужчины переглянулись.

— Он поэт, — сказала Мириам гордо. — Стихи рождаются помимо его воли. Атанас, я тут чего-то не понимаю, объясните на пальцах, что происходит в этой Ветви. Почему она начала сжиматься?

— В данной Метавселенной лишь две силы уравновешивали друг друга, — пустился в пояснения Златков, — обеспечивая стабильность мира: сила тяготения и отрицательное натяжение вакуума. Игрок... э-э, Палач каким-то образом смог ослабить коэффициент натяжения, что привело к эффекту конфайнмента, или втягивания домена в материальный конус свертки. Доменные стенки, представляющие собой поверхность Лобачевского, то есть поверхность одинаковой отрицательной кривизны, ограничивающие Ветвь, начали сближаться...

— Спасибо, я поняла, — кивнула Мириам, пряча иронические огоньки в глазах.

— Итак, что решаем, господа поэты и мечтатели? — подвел итог беседе Павел Жданов.

— Идем дальше по «засыхающим» Ветвям, коль у нашего юного друга прорезался талант оператора, — сказал Белый. — Владея прямым доступом к трансгрессу, мы становимся почти независимыми от внешних условий. Осталось добыть оружие.

— У нас есть «универсал» и ваксинг, — сообщила Мириам.

— Что такое ваксинг?

Мириам посмотрела на Ивора, тот молчал, и тогда она сама объяснила принцип действия «вакуумхлопа», который подарил им Златков, поселившийся у флориан.

— Пушка ничего себе, но этого мало, — покачал головой Белый. — У нас на троих только один «универсал» и почти полностью разряженный аннигилятор. Нам бы дриммеров парочку...

Мириам улыбнулась.

— Эта идея и нам приходила в голову. Мы даже посетили родину наших мам — Гезем, но дриммеров не добыли. Их там уже нет. Однако у меня идея.

Мужчины молча смотрели на молодую землянку, ожидая продолжения. Она сделала паузу и проговорила с простодушной миной:

— Дриммер есть у Полуянова. И, наверное, не только у одного нашего комиссара. Но уж у него есть наверняка!

Белый пощипал бакенбарды, взвешивая ответ.

— А ведь идея-то неплохая, отцы. Эта девочка права. Может быть, вернемся домой, где нас не ждут, и приватизируем дриммер у Федора? Думаю, Федя Полуянов не решится ликвидировать нас сразу, при массовом стечении народа.

— Я — за, — сказал Златков, впадая в меланхолию.

Жданов-старший посмотрел на Ивора.

— Ваше слово, оператор.

— Нам посоветовали искать Матричную Ветвь, — сказал Ивор.

— Кто посоветовал? — ожил Златков.

— Ваш кванк, у которого мы были в гостях перед прыжком сюда.

— Он не объяснил, что имелось в виду?

— Нет.

— Очень интересный совет. С вашего позволения я кое-что проверю. — Он встал и вышел.

— У него есть связь с местным инком, — пояснил Белый, — если можно назвать так здешние вычислители, заменяющие компьютер. Итак, не понял. Что решаем?

— Дриммер! — заявила Мириам.

— Матричная Ветвь — заманчивая идея, — проговорил опытный в дипломатии Павел Жданов, — хотя я не совсем понимаю, что она даст нам. Однако и ее неизвестно где искать. Давайте подновим экипировку, разберемся с нашим и вашим Полуяновыми, вооружимся, а уж потом выступим в поход. Теперь мы уже не попадемся так бездарно, как в этот раз. Не возражаете?

— Нет, — ответила за двоих Мириам.

ГЛАВА 8

Мгла отступила, он увидел человека, отлитого из жидкого металла, и вытянулся перед ним навытяжку, пытаясь поглубже затолкать душевный страх. Человек что-то повелительно прокричал, протянув к нему длинную текуче-ртутную руку.

— Будет выполнено, хозяин! — ответил Полуянов и проснулся.

Полежал немного, глядя в туманно-струящийся синеватый потолок, чувствуя себя неотдохнувшим и разбитым, потом поднялся и поплелся в туалетную комнату. Долго разглядывал свое ставшее одутловатым и морщинистым лицо. На лбу появились две новые изломанные морщины, и Федор мимолетно подумал,

что надо вызвать витолога, чтобы тот разгладил ему морщины и подновил лицо.

Сквозь стенки туалета донесся всплеск.

Полуянов выглянул в соседнее помещение: девушка по имени Розалия нырнула с вышки и плавала в бассейне голой, поднимая тучу брызг. О предупреждении хозяина дома она, естественно, забыла.

— Вылезай, дрянь! — побагровев, рявкнул Федор. — Я тебе что вчера говорил?!

Розалия перестала петь и смеяться, быстро вылезла на бортик бассейна и испуганно шмыгнула в свою спальню.

Полуянов плюнул, буркнул домовому:

— Смени воду...

Он любил по утрам в одиночестве купаться в бассейне с тонизирующей солевой смесью, однако не переносил, когда кто-нибудь его опережал. Розалия приходила к нему уже трижды и каждый раз забывала о его предупреждениях.

— Пора менять, — подумал Федор вслух.

Час у него обычно уходил на утренний туалет, купание, поднятие тонуса и ухаживание за телом. Затем он одевался, выбирая костюм, — сегодня это был уник официала службы — бело-серый, с голубой динго-подсветкой, — и направлялся в столовую.

Сон, приснившийся под утро, он помнил смутно, хотя основная информация осела в глубинах подсознания и ждала своего часа. В принципе это был не сон, а направленная пси-передача, предназначавшаяся эмиссару Игрока в данной Ветви.

Розалия уже сидела там как мышка, понимая, что провинилась. Полуянов бросил на нее равнодушный взгляд, и она поняла, что господин уже думает о другом. Она была здесь лишней. Исчезла девушка так тихо, что Федор этого не заметил.

Он уже заканчивал завтрак, когда домовой доложил о звонке по консорт-линии.

— Кто звонит? — поинтересовался комиссар.

— Абонент не назвался, — ответил инк.

Полуянов бросил взгляд на часы и поднялся к себе в рабочий модуль, имевший три уровня защиты от несанкционированного доступа.

— Включи канал, — приказал Полуянов.

Однако обратка — виом связи, показывающий того, кто звонит, — не включилась, вибрирующий луч консорт-линии не развернулся в объеме передачи.

— В чем дело?

— Абонент не включил видеокамеру, — пояснил домовой.

— Я Полуянов, — высокомерно сказал комиссар, понимая, что абонент, знающий код его личной консорт-линии, не хочет, чтобы его узнали. — С кем имею честь разговаривать?

— Господин комиссар, — раздался гулкий, резонирующий и одновременно посвистывающий высокими обертонами голос. — Меня зовут Тирувилеиядаль, я посланец того, кто имеет право приказывать. Нам необходимо встретиться.

— Приходите ко мне домой, — предложил Федор, недоумевая по поводу столь неадекватной моменту скрытности. — Или на службу. Я буду на рабочем месте через час.

— Это невозможно. Нельзя, чтобы нас кто-нибудь увидел из ваших подчиненных или начальников. Я буду ждать вас в Златоградском видеоцентре через сорок минут.

— Как я вас узнаю?

— Узнаете.

Щелчок отбоя связи, слабый звоночек отсечки контроля.

— Выяснили, откуда звонили? — позвал Федор сторожа электронных систем кабинета.

— Спутник Юпитера Титан, космопорт «Моргиана», борт спейсера «Петр Великий», — доложил инк.

Полуянов хмыкнул, размышляя, стоит ли объявлять тревогу и захватывать спейсер УАСС на Титане или лучше подождать встречи с посланцем Игрока по имени Тирувилеиядаль. Что такой посланец существует, Федор знал, он сам встречался с ним, вернее, с ней около месяца назад. Но уверенности в том, что это снова она, у комиссара не было. Все приказы и сообщения он получал по ментальному каналу и не нуждался в приватных беседах с посланцами кого бы то ни было.

— Придется рисковать, — сказал комиссар вслух, вызывая заместителя.

Виом консорт-линии развернул дрожащий лучик света в плоскость, потом в объем передачи. Перед Полуяновым возник Джон Булл, сменивший Басанка на посту заместителя в связи с недавними событиями — бегством с Земли сына Павла Жданова и дочери скульптора Ромашина.

— Обеспечь мне «эшелон» до Златограда, — сказал Полуянов.

— Режим? — невозмутимо поинтересовался Булл, предпочитавший лаконичную речь.

— ВВУ[1].

---

[1] ВВУ — императив внезапно возникшей угрозы.

— «Эшелон» будет готов через пять минут.

Вином связи свернулся в световую нить, угас.

Полуянов прошелся по «деревянному» полу модуля, размышляя, все ли он предусмотрел, и спустился к кабине индивидуальной ветки метро.

Вскоре он в сопровождении витса охраны добрался до Златограда, сел в служебный куттер и направился к ажурно-ветвистому зданию столичного видеоцентра, построенного еще в прошлом веке на одном из киевских холмов. Вспомнилась двадцатипятилетней давности встреча с командой из другой Ветви Времен, на Земле которой Златоград назывался Киевом, Новгород Санкт-Петербургом, а столицей была Москва. Мимолетно подумалось: где эти люди сейчас? Ивашура, Костров, Рузаев, Таисия, Вероника... На чьей они стороне? Но в это время куттер совершил посадку на VIP-площадке, и мысли комиссара свернули в другое русло. И хотя он знал, что его прикрывает особая бригада охраны по императиву ВВУ, все же не преминул запросить дежурного по Управлению:

— Я Полуянов, режим запущен?

— Вы в поле «Эшелона», — доложил дежурный. — Гарантия безопасности девяносто пять процентов.

— Могли бы обеспечить и девяносто девять, — проворчал Полуянов, зная, что такие гарантии невозможно обеспечить даже Президенту Земного Пула и членам Правительства.

Рядом сел флайт с обоймой Джона Булла.

Комиссар и его заместитель в сопровождении обоймы телохранителей: два витса, двое «живых» людей — проследовали в здание.

— Вас ждут, — появился в просторном и тихом холле видеоцентра вежливый сопровождающий — динго местного инка. Несмотря на то что в холле разговаривали одновременно десятки людей, спецаппаратура здания гасила звуки до почти неслышного шелеста.

— Кто? — полюбопытствовал Полуянов.

— Руководство четвертого канала.

Полуянов и Джон Булл переглянулись.

— Это становится интересным, — процедил сквозь зубы Федор.

— Проверить помещения горизонта, — дал команду в эфир Булл.

— Идемте, — оглянулся на них проводник.

Коридор, пандус, малый холл, прозрачные перегородки, от-

деляющие технологические зоны от студий, еще коридорчик, ряд дверей в кабинеты творческой элиты канала.

— Все чисто, — доложили по рации контролеры «эшелона», имеющие сканирующую пространство аппаратуру. — Вооруженные люди отсутствуют.

Дверь в рабочий модуль директора четвертого канала свернулась валиком, открывая вход. Первым в нее шмыгнул витс-телохранитель, ничем не отличающийся от живого человека, за ним Джон Булл и еще один охранник. Полуянов степенно прошествовал последним.

Кабинет известного мастера видеоновостей представлял собой склон горы с пятачком свободного от камней участка — так был настроен видеопласт кабинета. Мужчина в черном, с пышной седой шевелюрой и прозрачно-серыми цепкими глазами, стоящий на краю «обрыва», оглянулся на гостей и выключил видеопласт.

Горный пейзаж пропал, появились телесного цвета стены с рисунком «вен», пол с модной «деревянной» структурой, белый потолок, испускающий ровный дневной свет. Затем из пола выросли кресла, столик для фруктов и напитков, рабочий стол хозяина с «кактусом» вириала инка.

— Здравствуйте, комиссар, проходите, не стесняйтесь, — сказал Ромашин — это был он, — радушно поведя рукой. — Присаживайтесь.

— Что это значит?! — осведомился Полуянов, сдерживая раздражение. — Где Щагольский? Мне сказали, что он ждет меня у себя.

— Вы неправильно поняли, — остался невозмутимым скульптор. — Вас вызвал не Щагольский, и даже не я, — Ромашин усмехнулся, — и не Тирувилеиядаль.

— Что за чушь! А кто?

— Сейчас узнаете. Это очень приятный сюрприз.

— Если вы немедленно не объясните, что происходит, я...

— Да вот они, — оглянулся Ромашин.

Стена сзади него разошлась лепестками лилии, и в образовавшийся проем один за другим вошли пять человек: Павел Жданов, Атанас Златков, Григорий Белый и двое молодых людей — Ивор и Мириам.

— Привет, комиссар, — сказал Жданов. — Узнаешь?

Полуянов несколько мгновений смотрел на него с ничего не выражавшим лицом, поднял было руку, опустил, быстро оглядел

группу и снова замер, зачарованно вглядываясь в слабо улыбавшегося Жданова. Наконец хрипло выговорил:

— Не может быть!

— Мы тоже не надеялись свидеться, — проговорил Павел, кивнул на Ивора с Мириам. — Если бы не эти молодые люди.

— Значит, сын все-таки нашел тебя...

— Как видишь. — Павел не стал объяснять комиссару, что Ивор не является его сыном. — Итак, у нас к тебе дело.

Полуянов очнулся, махнул рукой заму.

— Выйди.

Джон Булл посмотрел на него непонимающе, заколебался.

— Выйди! — рявкнул Полуянов, кинул взгляд на телохранителей. — Вы тоже!

Охранник и заместитель вышли.

Полуянов изобразил улыбку, бросился было обнимать Жданова, но встретил вежливое неприятие и отступил.

— Как я рад вас видеть! Думал, уже не найду...

— Ты ошибался, эмиссар, — бесстрастно проговорил Белый.

Полуянов споткнулся, застыл на мгновение, словно не веря ушам, быстро глянул на Белого, рассматривающего свои ногти с брезгливо поджатыми губами, исподлобья глянул на Павла.

— Ч т о он сказал?!

— Да все нормально, Федор, — меланхолически произнес Златков. — Мы понимаем, что вербовали тебя с применением программатора, поэтому где-то даже сочувствуем. Не ты, так кто-то другой стал бы здесь эмиссаром Палача. Выслушай наши предложения и попробуй пойти на компромисс.

— Да вы не представляете!..

— Представляем, — растянул губы в холодной усмешке Белый. — Между прочим, наша беседа сейчас записывается, и в случае необходимости передача выйдет в эфир.

Полуянов побледнел, шагнул к двери, но Григорий встал у него на пути, и комиссар сдержал желание вызвать охрану и задержать всех вернувшихся.

— Чего вы хотите?

— Во-первых, отдай нам дриммер.

Брови Полуянова прыгнули вверх, он с изумлением оглядел лица присутствующих, сдержал нервный смех.

— Однако, пустячок, а приятно. А если его у меня уже нет?

— Он у тебя, Федя, иначе ты не смог бы разблокировать Ствол и послать твоих... э-э, нашу группу в ловушку, а потом снова заблокировать вход.

Полуянов облизнул губы, дернулся к двери, натыкаясь на Белого, задумался. На плече его вспух бликующий желвак — зародыш узла автоматии для развертки личного оружия.

— Хорошо, допустим, я доставлю вам дриммер. Что дальше?

— Э-э, не так, — покачал головой Белый. — Отсюда мы направимся к тебе все вместе, да еще парочку корреспондентов видеоновостей прихватим, для вящей подстраховки. Вышел ты у нас, понимаешь ли, из доверия, комиссар. Кроме дриммера нам нужны «кокосы», «глюки», НЗ, эмбриотранспорт, витсы и оружие.

Полуянов крякнул, дернул себя за ухо.

— Да, аппетиты у вас хорошие. Однако для выдачи такого количества спецоборудования необходима санкция СЭКОНа и директора Управления.

— Не вешай нам лапшу на уши, Федя, все это оборудование легко можно взять на складах комиссариата с твоей подачи.

Глаза Полуянова сверкнули, он снова задумался.

Мириам приблизила губы к уху Ивора:

— Если он попытается нас обмануть, я его пристрелю.

— Не вмешивайся, — так же тихо ответил молодой человек. — Они знают, что делают.

— Может быть, и знают, но верить ему нельзя.

— Хорошо, допустим, уговорили, — закончил свои размышления Полуянов (Ивору очень не понравился тон, каким были произнесены слова). — Я проведу вас на склад Злата Бряга, там есть все, что вам нужно, и передам дриммер. Только вам это не поможет, парни, вас всего трое...

— Пятеро! — возразила Мириам.

— Пусть будет пятеро, — криво улыбнулся Федор.

— Плюс наши кванки в других Ветвях!

Ромашин дотронулся до локтя дочери, мягко сказал:

— Спокойнее, Миа.

— Все равно вы всех не соберете, — продолжал Полуянов, чувствуя накапливающуюся в душе злобу. — Ну, пусть вас десять человек, ну, двадцать, пусть даже сто, но против вас — армия! Тысячи и миллионы таких, как я, и тысячи и миллионы других! Вы проиграете!

— Но и вы не выиграете! — не выдержала Мириам, виновато глянув на отца. — Вы же погубите Древо!

— На наш век вселенных хватит.

— Мы еще вернемся к этой теме, — сказал Ромашин. — Скорее всего ты не знаешь истинного положения вещей.

— Может быть, это вы не знаете?

— Вот и выясним этот вопрос при следующей встрече.

Полуянов вдруг успокоился, окончательно прикинув план действий.

— Следуйте за мной.

Он направился к двери, но снова наткнулся на Белого.

— Пропусти его, — разрешил Жданов-старший. — Не в его интересах затевать войну на глазах у сотен свидетелей.

— Вы все учли? — спросил Ромашин.

— Как будто все. Ты с нами?

— Нет, я подготовлю несколько копий нашей беседы для Президента, Совета Безопасности и ВКС. В случае осложнений запись будет передана в надежные руки.

Полуянов скривил губы, обошел Белого и шагнул за порог кабинета. За ним вышли остальные, в том числе Ивор. Мириам задержалась на короткое время, чтобы поговорить с отцом.

— Ты был великолепен, па! Береги себя.

— Не беспокойся за меня, я пожил на свете и кое-что соображаю. Храни мальчика, гриф, у него большое будущее. Как он тебе?

— Большой ребенок. — Мириам порозовела. — Но мне он нравится.

— Этого следовало ожидать. Ну, догоняй их.

Дочь чмокнула отца в щеку и убежала.

Ромашин, склонив голову к плечу, постоял в раздумье, словно прислушиваясь к чему-то, и подошел к столу хозяина кабинета. Но выполнить задуманное не успел. Дверь в кабинет внезапно распахнулась, и появившийся на пороге человек с черным лицом выстрелил в Игната из парализатора.

* * *

В куттере все не разместились, поэтому младшему Жданову с дочерью Ромашина пришлось лететь в машине заместителя комиссара с ним самим и витсами охраны.

Ивор откинулся на спинку сиденья, закрыл глаза, отдыхая. Мириам прижалась к нему и притихла, не зная, радоваться ей или нет возвращению домой. Так молча они и долетели до первой станции метро Златограда, расположенной на Хрещатике. Собрались у кабины в секторе для особо важных персон.

— Прошу сообщить маршрут, — сухо сказал озабоченный Белый. — Хотелось бы знать, где состоится передача главного... гм, приза.

— Он лежит в сейфе у меня дома, — спокойно сказал Полу-

янов. — Но ведь вы же хотели получить экипировку? Предлагаю сначала слетать на склад, переодеться, а потом ко мне...

— Не верю я ему, отцы, — буркнул Белый, посмотрев на Жданова и Златкова. — Предчувствие дурацкое... Федя наш горазд на сюрпризы. Эй, оператор, как у тебя с чутьем? Не ждет ли нас ловушка?

— Не знаю, — пробормотал Ивор, давно пытающийся прочитать мысли комиссара, но все время натыкающийся на блок: у Полуянова был генератор пси-защиты.

— Весьма обнадеживающий ответ, — хмыкнул Белый.

— Не смущай парня, — вступился за Ивора Жданов-старший. — Он еще неопытен и потерял много сил. Федор, если ты задумал каверзу, то это чревато негативными последствиями. Предлагаю сначала забрать у тебя дома нашу гарантию безопасности, лежащую у тебя в сейфе, а потом посетить склад в Злата Бряге. И отпусти ты охрану, ради бога, никто не собирается лишать тебя жизни и свободы.

Полуянов покосился на флегматичного с виду Джона Булла, напоминающего статую, буркнул:

— Забирай обойму, мне достаточно одного витса.

— Слушаюсь, — отозвался заместитель и отозвал телохранителей.

В кабину метро они вошли первыми. При Полуянове остался функциональный витс охраны, практически не отличимый от живого человека.

— Все мы не уместимся, — сказал Белый. — Трое пойдут первыми — эти молодые люди и Атанас, потом уже мы. Код твоего метро не изменился? Шепни на ушко Атанасу.

— Вот что, друзья, — встрепенулся Златков. — Мне бы надо кое с кем повидаться. Не возражаете, если я на часок освобожу вас от своего присутствия? Вы справитесь и без меня.

Белый вопросительно взглянул на Жданова.

— Лучше бы нам держаться вместе, — сказал тот. — Но если встреча важна — действуй, как считаешь нужным, Атанас. Через час встретимся у... как договаривались. Федя, — повернулся Павел к Полуянову, — отдай ему свою рацию.

Комиссар заколебался, преодолевая очередной приступ дикого желания дать команду витсу перебить всех, затем вынул из-под волос за ухом усик антенны с каплей транш-рации (микрофон был встроен в присоску и реагировал на резонанс костей черепа при разговоре) и передал Златкову.

— Оперативная линия занята, личная свободна. Цвет — маренго.

— Что значит — цвет?

Полуянов с хмурым удивлением уставился на ученого.

— Шутите? Линия включается только на цвет.

— Ага, понял, разберусь.

Златков вошел в освободившуюся кабину, дверь за ним закрылась.

— Теперь вы, — посмотрел на Ивора и Мириам Григорий. — Говори код выхода, Федя.

— Ты же его знаешь.

— Хочу проверить твою искренность.

Полуянов пожевал губами, глядя на безопасника, продиктовал семизначное число и пароль.

Ивор и девушка набрали код, и «струна» метро швырнула их сквозь пространство в дом комиссара на берегу Балтийского залива.

Вышли они в небольшой холл со светящимися, словно сделанными из рисовой бумаги, стенами, прошлись по мозаичному полу, осматриваясь. Но поделиться впечатлениями не успели.

Кабина метро Полуянова сработала еще раз, и в холле появились он сам, витс, Белый и Жданов.

— Идемте в кабинет, — отрывисто бросил Федор, направляясь по коридорчику со светящимися стенами к лестнице.

— Не нравится мне здесь,— тихо, сквозь зубы проговорил Ивор.

Белый похлопал его по плечу, догнал Полуянова.

— Ничего, все идет по плану, — сказал Жданов. — Мы здесь не задержимся.

Он тоже догнал комиссара и заговорил с Белым.

— Будь готов к выходу, — шепнула Мириам, беря Ивора под руку. — Мне тоже не нравится здешняя атмосфера.

Они поднялись на второй этаж, вошли в рабочий модуль комиссара с комплексом мгновенной инк-связи со всеми филиалами службы безопасности Земного Пула, в том числе на других планетах, с аналитическим инком «Стратег» и новейшим эйдоигровым комбайном «Фанат». Стены кабинета напоминали пчелиные соты, пол был «деревянным», потолок «открывался» в голубое небо с барашками белых облаков.

Полуянов быстро подошел к стене, в толще которой был упрятан сейф.

— Стоп! — остановил его Белый. — Не торопись, Федя. Отойди в сторонку, мы сами откроем, дай только пароль.

— Пароль — это я сам, — пожал плечами Полуянов, покосившись на играющую огнями «елочку» вириала управления всей аппаратурой кабинета. — Сейф открывается только на мыслекоманду, да и то лишь после считывания биопараметров владельца.

— Открывай, — разрешил Жданов. — Миа, ты готова?

— Я всегда готова, — отозвалась дочь Ромашина.

На одном плече у нее выросла турель с «универсалом», на другом — с ваксингом.

Полуянов усмехнулся.

— Вынужден признать, что я слишком поздно узнал о принадлежности этой милой девушки к асам контрразведки.

Дверца сейфа, не слишком толстая, но практически непробиваемая из-за силовой подпитки, медленно отогнулась книзу, как мягкий слой ваты.

— Отойди! — резко бросил Белый, шагнув к сейфу.

В то же мгновение Полуянов метнулся в сторону и крикнул:

— У б е й их!

Из металлокерамического чрева сейфа выплыл меч со струящимся голубым лезвием. Все застыли. Затем Мириам выстрелила из ваксинга, перед острием меча развернулась черная звезда «антивзрыва», оглушительный удар потряс воздух, поколебал стены помещения, ударная волна отбросила людей к стене, опрокинула вириал инка. Дриммер изогнулся, как живой, его лучистое лезвие покрылось сеточкой разрядов, на долю секунды он замешкался — и этого мгновения оказалось достаточно, чтобы в происходящее вмешался Ивор.

— Н е у б и в а й! — крикнул он, находясь в состоянии сверхвозбуждения, так что от его крика у присутствующих едва не полопались барабанные перепонки, а от пси-удара взорвался вириал, разлетаясь по кабинету брызгами, искрами и дымными струями. — Блокировка функций!

И дриммер послушно выполнил приказ: заблокировал функцию убийства, перестал выцеливать жертвы, свернулся в подобие браслета и улегся обратно в сейф.

Держась за уши, оглушенные двойным акустическим ударом люди начали шевелиться, вставать на ноги, трясти головами, приходя в себя. Ивор почувствовал слабость, головокружение, силы его кончились, он едва не упал, успев опереться на плечо Мириам.

— Поздравляю, — сказал он, пытаясь улыбнуться. — Мне следовало раньше догадаться, что я имею дело с асом контрразведки. Ты в этом хотела покаяться?

— Молчи, ты весь зеленый, — озабоченно проговорила Мириам. — Потом поговорим.

— Нет, признавайся сейчас!

— Добровольно в своих грехах признаются только святые. Да, я гриф контрразведки и одновременно студентка университета. Тебе от этого легче? Или теперь ты перестанешь со мной разговаривать?

— Я подумаю, — пробормотал Ивор, проваливаясь в полубессознательное состояние.

— Силен, оператор! — пришел в себя Белый. — Я уж думал, нам кранты! Как это ему удалось остановить дриммер?

— Не знаю, — ответил Жданов-старший, подходя к Полуянову. — Вот мы и выяснили, кто есть кто, Федор. Зачем ты хотел нас убить? Ведь никто из нас никогда не стал бы делать с тобой то же самое.

— Вам не понять, — оскалился Полуянов. — И вы еще не выиграли! Насколько я успел сообразить, вы не из нашей Ветви?

— Ты догадлив.

— Еще бы, — снова показал зубы Полуянов. — Это вас и погубило. Если бы вернулись н а ш и парни, а не кванки, они бы не стали раскрывать свои карты, а попытались бы поиграть со мной в кошки-мышки. Я очень хорошо знаю их характеры. Кстати, их я, возможно, и не стал бы ликвидировать. А кванков не жалко, их тысячи. А теперь обещанный сюрприз.

Тотчас же в кабинете появилось существо, с виду напоминающее ожившую металлическую статую, у которой даже кожа лица и глаза отсвечивали текучей ртутью.

— Убей их! — прошипел Полуянов.

Мириам выстрелила из ваксинга и «универсала» одновременно, однако и плазменная «пуля», и силовой разряд были поглощены телом металлического человека без следа. Зато его выстрел не прошел мимо цели.

Указательный палец правой руки «статуи» вдруг превратился в тонкую струйку жидкого металла, дотянувшуюся до Мириам и мгновенно растекшуюся по телу, оставляя свободными только нос, губы и глаза девушки, превращая и ее в подобие статуи.

— Ивор! — успела тихо вскрикнуть она, не в силах сдвинуться с места.

Жданов-младший бросился к ней, сбрасывая оцепенение, преодолевая вялость и головокружение, но вторая струйка металла окатила его, растекаясь по костюму, застывая и сковывая движения, и он тоже замер на месте.

Та же участь постигла и Жданова-старшего с Белым.

— Я же сказал — убить! — недовольно буркнул Полуянов, доставая из сейфа свернувшийся в браслет дриммер и озабоченно оглядывая его. — Вот обормот, что он с ним сделал?

— Не время убивать, — гулким басом пророкотал металлический человек. — Они нам еще пригодятся, особенно личинка оператора. Хозяин будет доволен.

— Иди на место, — приказал комиссар, засовывая браслет в сейф. — В следующий раз не опаздывай, я чуть было не погиб.

— Правильная оценка противника — залог успеха. — Металлический человек как бы вывернулся сам в себе и, скользнув к двери, исчез. Это был, конечно, не сам Игрок и даже не его воплощение в здешней реальности, а только пустой сосуд, субстант с низким уровнем интеллекта, ждущий внедрения хозяина, но Полуянов его побаивался, хотя и командовал, как витсом.

Он подошел к Ивору, единственному из всех, кто не упал и не потерял сознания от надетой «смирительной рубашки» — пленки жидких кристаллов, материальной основы тел Игрока, которому люди дали имя Палач.

— Недооценил я тебя, парень. Жаль, что так все вышло. Лучше бы ты не возвращался. Хорошо, если Игрок, которому я временно служу, сделает из тебя своего оруженосца, но может и что похуже.

— Ни-ко-гда! — с трудом выговорил Ивор.

Полуянов усмехнулся, толкнул его, проследил за падением тела — оно упало как металлическая глыба, бросил взгляд на своих бывших друзей и вышел из кабинета. В коридоре он приказал домовому убрать тела людей в спец-бункер под домом, где обитал и металлический посланец Палача.

— Что Ромашин? — вызвал комиссар Джона Булла.

— Ушел, — коротко ответил заместитель.

Секунду Полуянов стоял белый от бешенства, ударил кулаком в стену.

— Как?!

— Ребята просчитались. Он был защищен. Нейтрализовал Карпентера, связал Липского, сломал челюсть Солане и ушел.

Несколько мгновений Полуянов боролся с собой, чтобы не закричать на весь дом, потом произнес всего одно слово:

— Найти!..

Часть IV

ПОСТИЧЬ НАМ НЕ ДАНО

ГЛАВА 1

День выдался жарким, и холодное пиво казалось божественным напитком, поднимающим тонус, утоляющим жажду и улучшающим настроение.

Костров посмотрел на картонный кружок с надписью на английском «Будвайзер», допил кружку и поставил на кружок.

Он сидел в летнем кафе, расположенном на площади России напротив кинотеатра «Россия» и ждал Ромашина. Это была Москва (Россия, Земля, Солнечная система) другой ветви Времени, и было интересно искать различия в деталях бытия этой и той столиц, этого и родного образа жизни.

В родной Ветви площадь, где он сидел, называлась Пушкинской, знаменитый киноконцертный зал тоже носил имя великого поэта, напротив памятника начинался сквер, обнимаемый с двух сторон асфальтовыми лентами Тверского бульвара, направо от которого располагался забегаловочный ресторан «Макдоналдс». Здесь же площадь называлась Российской, а на месте «Макдоналдса» высилась зеркальная пирамида Тверского пассажа.

Костров и Ромашин прибыли из-под Брянска (Башня в этой Ветви тоже вылезла на свет в Брянских лесах, недалеко от городка Жуковки) в Москву вдвоем, оставив остальных в одной из зон безопасности хронобура. Посчитали, что всему отряду нет нужды «светиться» перед органами, а для миссии — добыть оружие, о котором говорил комиссар, — двух человек будет достаточно.

Они уже посетили одну Ветвь, на Земле которой был создан «кий» — генератор особого поля, увеличивающего амплитуду колебаний атомов, «сдвигающего» их в одном направлении на довольно значительную величину — до одного сантиметра. «Кий» разрабатывался поначалу не в военных лабораториях и предназначался для ядерного уплотнения материалов, однако военспецы быстро смекнули, какую выгоду можно извлечь из этой разра-

ботки, и изучение «метода обработки материалов» ушло в секретные лаборатории Пентагона и Министерства обороны России.

Руслан не знал, каким образом Ромашину, комиссару службы безопасности из Ветви, опередившей в развитии Ветвь Костровых на триста с лишним лет, удалось выйти на разработчиков «кия», но факт оставался фактом. Незаметно выбравшись из Башни (естественно, выходили они в спецкостюмах, обладавших системами маскировки), Ромашин и Гаранин провели в том мире всего два дня и принесли два «кия», похожих на старинные кремневые пистолеты, а также аккумуляторы к ним. В дальнейшем Ромашин пообещал заменить аккумуляторы на МК-батареи, срок службы которых исчислялся десятками лет.

После удачного похода за генераторами сдвига отряд отправился в «соседнюю» Ветвь, где специалисты работали над созданием «скорпиона» — генератора глюонного поля, в котором начиналась цепная реакция распада любого, стабильного в обычных условиях элемента. По сути, «скорпион» являлся прообразом самого мощного земного оружия на всех кванках Земли — «глюка», разряд которого был способен «раздирать» даже кварки, то есть влиять на глубинные основы материи.

Первыми на идею «скорпиона» в этой Ветви вышли американцы, испытав генератор избирательного ядерного распада в пустыне Невада на природных объектах, а затем на животных. Последнее испытание генератора должно было быть крупномасштабным и окончательным, после чего «скорпион» становился достоянием армии. Однако командир бомбардировщика «Грейт хантер» Дональд Кларк отказался выполнять полет с генератором на борту, узнав, что готовится уничтожение целого индейского поселка, история получила огласку, и о создании «скорпиона» узнал весь мир.

Россия, точнее, Советский Союз — тогда он еще существовал, — прореагировала разработкой своего варианта «скорпиона», причем в усовершенствованном виде: российские «скорпионы» приобрели вид пистолетов и могли использоваться индивидуально. Хотя данные об этом не разглашались.

Руслан же узнал подробности создания оружия от Ромашина, пока они ехали из Брянска в Москву на поезде. Теперь он ждал Игната на площади России, млел от жары, пил пиво и размышлял о превратностях судьбы, забросивших его в другую вселенную, мало чем отличавшуюся от его собственной. Мысль о том, что здесь, на Земле «параллельной» Ветви, тоже живут Костро-

вы — отец, мать и сам Руслан, приводила в трепет. Хотелось бросить все и убедиться в реальности происходящего, хоть одним глазком взглянуть на родителей (кванков родителей, если изъясняться языком Ромашина) и сравнить их с «настоящими». А еще больше хотелось увидеть самого себя и небрежно бросить при встрече:

— Привет, кванк. Не узнаешь?..

В кафе появился Игнат Ромашин, сел рядом за столик с кружкой пива. «Кокос» на нем сейчас имел форму белого летнего костюма с водолазкой, скрывающей горло. Так же был одет и Руслан.

— О чем мечтаешь? — полюбопытствовал Ромашин, оценив осоловелый вид Кострова.

Тот улыбнулся.

— Подумал, что я скажу, встретив самого себя. Это ведь не исключено?

— К сожалению, не исключено, поэтому желательно на таких открытых площадках, как это кафе, не расслабляться. Я договорился о встрече с моим коллегой, он попытается помочь, но придется еще пару дней... — Игнат не договорил.

Проходивший мимо молодой человек в шортах и футболке, вихрастый, длинноносый, в очках, — он держал в одной руке кружку с пивом и рюкзак в другой, — вдруг остановился и неуверенно проговорил:

— Руслан?

Костров удивленно оглянулся.

— Что вы сказали?

— Не узнаешь, что ли? — вытаращился парень в очках.

— Простите, не узнаю, — вежливо покачал головой Руслан.

— Да я же Гарик Светлов! А ты Руслан Костров, я тебя узнал!

— Вы ошиблись, — сказал сориентировавшийся Ромашин. — Его зовут Игорь. Что, неужели так похож?

— Ну, да! — мотнул головой ошеломленный очкарик. — Я же с ним в одном классе учился.

— К сожалению, это не он.

— Бывает, — выдавил улыбку Руслан. — Но я действительно вас не знаю.

— Шутишь?!

— Нет.

Парень в шортах шумно выдохнул, оглядел Руслана с ног до головы, покачал головой.

— Надо же, какое сходство! Никогда бы не поверил... правда, прическа у тебя... у вас, другая, и глаза какие-то... не те... извините.

Он отошел, сел за соседний столик, не сводя глаз с Руслана.

— Что я говорил? — тихо проговорил Ромашин, выдерживая спокойный вид. — Мир тесен.

— Но чтобы прилететь из другой вселенной и встретить в Москве однокашника... это суперневезение!

— Вы с ним действительно учились в одном классе?

— В том-то и дело, что нет. Я его не помню. В нашем классе вообще не было Гариков Светловых. Учился в соседнем Коля Светлов, хороший парень, но не Гарик.

— Понятно. Что ж, это послужит нам уроком. Допиваем пиво и уходим.

— Куда?

— Встретимся через час с Феликсом и будем устраиваться в гостиницу.

— Кто этот Феликс?

— Он полковник, работает в хозуправлении Главного штаба Военно-морских сил, но имеет доступ к секретным лабораториям — поставляет им необходимые материалы. Кроме того, он эмиссар Игрока в этой Ветви.

Руслан с изумлением посмотрел на собеседника.

— Вы серьезно?!

— Абсолютно. Эмиссары Игроков имеются в каждой Ветви, и эта не исключение. Феликс работает на второго Игрока — на Меру, поэтому сделает для нас все, что в его силах. Но я уверен, что и Палач имеет здесь свою агентуру. Вот почему нам вредны якобы случайные встречи. Думаю, агент Палача уже получил сведения о нашем выходе и будет нас искать.

— От кого он мог получить такие сведения? Нас же никто не видел.

— У наблюдателей Игроков имеется соответствующая аппаратура для слежки за Стволом, они нас наверняка засекли.

— Почему же нас не задержали еще в прошлый раз, когда мы искали «кий»?

— Просто не успели. Здесь же не исключены всякого рода неприятные сюрпризы, вот как эта случайная встреча, почему нам и надо держаться как можно незаметней. Еще по кружке?

— Нет, я уже до краев.

— Тогда отправляемся на рандеву.

Они встали, Руслан встретил взгляд парня в очках, развел руками, мол, виноватушки-обознатушки, и «хронодесантники» неторопливо побрели через улицу к подземному переходу и спуску

в метро. Время у них было, а добираться предстояло до Октябрьского парка, расположенного в Северо-Западном административном округе столицы, для чего требовалось не больше сорока пяти минут.

Встреча с Феликсом состоялась в назначенное время у стадиона «Октябрь», где стояла летняя продовольственная палатка. Взяли по кружке пива, на этот раз отечественного — «Малышевского», и сели в тенечке под зонтиком, среди таких же млеющих от жары мам и пап с детьми и без и разновозрастных молодых людей, возвращавшихся с пляжа — до берега Москвы-реки было рукой подать.

Феликс оказался тихим и незаметным с виду человечком с белесыми бровями. Не верилось даже, что он является эмиссаром могущественного Игрока, влияющего на судьбы многих миллионов миров. Говорил он мало, больше слушал, думал и Руслану понравился.

Договорились о встрече на следующий день на этом же месте, вспомнили былые времена, Ромашин рассказал о проблемах своих кванков в других Ветвях, с доброй полусотней которых он встречался лично, а Руслан не удержался от вопроса: откуда комиссар знает о новейших разработках оружия на Землях разных Ветвей?

— Все очень просто, — ответил Игнат. — Я был одним из Судей прошлой Игры, а Судьям давался весьма значительный объем информации о положении в конфликтных Ветвях. Естественно, я многое забыл, но все же кое-что еще помню.

— Что значит — конфликтные Ветви?

— Метавселенные, в которых сталкивались интересы Игроков.

— А разве есть такие Ветви, где интересы Игроков не сталкиваются?

— Сколько угодно — от Матричной Ветви и Корней Древа до контрольных и статистически независимых Ветвей.

Руслан прищурился, отпил несколько глотков янтарного пузырящегося напитка, разглядывая лицо комиссара. Иногда ему казалось, что Ромашин как бы нарочно выдает секретные сведения, а потом спохватывается.

— Что такое — контрольная Ветвь?

Ромашин улыбнулся, с удовольствием допил пиво.

— Все-таки хорошие напитки умели делать наши предки. Что касается контрольной Ветви, то она — то же самое, что эталон. Еще ее можно сравнить с контрольной группой мышей в меди-

цинских экспериментах: этой группе не вводят вирусов и не травят разной химией в отличие от экспериментальной группы.

— Этого мне отец не рассказывал.

— Он сам этого не знал.

— Все, я пошел, — сказал Феликс, вставая и подавая руку собеседникам. — Постараюсь помочь, хотя риск чрезвычайно велик.

Он отошел от столика, двинулся к теннисным кортам.

Руслан опытным глазом отметил движение телохранителей полковника: парней было трое, и маскировались они умело. Проговорил задумчиво:

— Он что, боится риска?

— Он имел в виду другой риск, — пояснил Ромашин. — Все новейшие научные и военные разработки курируются агентами Игроков, которые таким образом нейтрализуют друг друга. Стоит кому-нибудь из них воспользоваться знаниями, как начинается тихий передел поля Игры. Стоит Феликсу допустить ошибку, он провалится сам и провалит всю агентурную сеть, что почти мгновенно скажется на качестве Игры.

— Жертва фигуры...

— Совершенно верно, как жертва фигуры в шахматной партии отражается на качестве игры, так и в этом случае эмиссар рискует потерять «качество», проиграть «партию»... и жизнь.

— Зачем же он взялся нам помогать?

— В случае удачи наш рейтинг повысится, да и не только наш и эмиссара — Игрока в целом, что ослабит давление Палача. Так что не переживайте за него, он рискует не напрасно. Еще по кружечке? Не думал, что так будет приятно в жару пить холодное бродило.

Они посидели еще несколько минут, наслаждаясь расслабленностью и покоем, понимая, что такого момента может уже не представиться, и направились наверх, мимо стадиона, к выходу из парка.

Устроились в гостинице «Останкинская», предъявив паспорт Кострова и удостоверение на имя полковника Гаранина. Видимо, документы практически не отличались от тех, что действовали на этой копии Земли, потому что дежурный администратор дала им двухместный номер, даже не взглянув на фотографии.

Вечер и ночь прошли спокойно. Они смотрели телевизор (Игнат с куда большим интересом, чем Руслан), поужинали в кафе на седьмом этаже гостиницы, снова смотрели телевизор и легли спать, уверенные в том, что никто ими не интересуется.

Утром Ромашин предложил Руслану боевую разминку, и они полчаса показывали друг другу приемы рукопашного боя, которыми владели: Костров — из арсенала русбоя, Ромашин — тэнгресити. Этому виду воинского искусства комиссар, по его словам, учился у одного из своих кванков, великого мастера боя, имеющего высший титул во всех иерархиях боевых искусств — «сокол соколов».

Позавтракали в том же гостиничном кафе, потом Ромашин уехал по каким-то делам, предварительно договорившись о месте встречи, и Руслан остался один. Памятуя встречу с однокашником местного Руслана Кострова, он решил не испытывать судьбу и никуда из номера не выходил, пока не настало время двигаться в путь.

В три часа пополудни он спустился от трамвайной остановки на улице Живописной к стадиону «Октябрь» и снова уселся под зонтиком у киоска с кружкой пива. Ни Феликса, ни Ромашина еще не было, хотя время перевалило за три. Руслан почувствовал смутную тревогу. Комиссар был человеком обязательным и опаздывать себе не позволял. Да и Феликс не производил впечатления легкомысленного человека, зная цену обещаниям.

Просидев четверть часа и не дождавшись ни того, ни другого, Руслан нашел безлюдный уголок у стены конно-спортивной школы, включил рацию «кокоса» и вызвал Ромашина. Игнат отозвался через полминуты:

— Я подъезжаю. Что случилось? Феликс приехал?

— Нет.

Молчание.

— Жди у теннисных кортов.

Ромашин отключился.

Руслан вышел из-за стены здания на аллею и остановился. В двадцати шагах впереди стояли трое молодых людей в костюмах, напоминающих комбинезоны, и смотрели на него.

«Влип!» — пришла трезвая мысль.

Один из парней, с коротким ежиком волос и круглым плоским лицом, на котором выделялись безвольно-капризная складка губ и прозрачные глаза, с фигурой культуриста, скривил губы:

— Оказывается, капитан, вы любитель пива?

Руслан понял, что, во-первых, его знают, а во-вторых, скорее всего следили за ним, хотя он ничего и не заметил.

— Игнат, — вызвал он Ромашина, почти не шевеля губами. — Меня в ы ч и с л и л и.

— Понял, — откликнулся Ромашин после паузы. — Не выключай рацию, я найду тебя по пеленгу.

— Кто вы? — спросил Руслан, расслабляясь перед действием.

Круглолицый культурист снова скривил губы; улыбаться он, очевидно, не умел. И у Руслана возникло ощущение, что он этого парня где-то встречал.

— Меня зовут Лаэнтир Валетов. Отец не рассказывал о встрече с одним из моих кванков?

— Рассказывал, — глухо проговорил Руслан, давая команду инку «кокоса» перейти в режим защиты.

Тотчас же белый летний костюм на нем поплыл, превратился в металлический с виду бликующий комбинезон с турелью «универсала» на плече.

Точно в такие же «металлические» статуи превратились и парни напротив, ощетинились стволами пистолетов, отреагировав на метаморфозу Кострова. Они тоже были одеты в «кокосы» или подобные им спецкостюмы.

Лаэнтир Валетов рассмеялся, покачал головой.

— А я вас не сразу узнал, капитан, хотя вы очень похожи на своего отца. Разве что волосы не рыжие.

— Как вы меня нашли? — поинтересовался Руслан, понимая, что один против троих не выстоит и что надо тянуть время.

— Да, в общем-то, случайно, — охотно ответил Валетов. — Мы потеряли вас в вашей Ветви, почти догнали в соседней, где вам помогли достать генераторы сдвига, бросились на Гезем, где вас должна была ждать сладкая парочка с Земли Солювелла-три, а потом наши наблюдатели внезапно засекли интересную сцену в кафе на площади России в Москве... м-да. Остальное было делом техники.

— Откуда вы? Из контрразведки?

— Почти, — растянул бледные губы Валетов. — Мы из службы ликвидации. Где ваш спутник?

— Не знаю, о ком речь, — спокойно сказал Руслан, дойдя до нужной кондиции. — Я здесь совершенно один.

— Тогда подождем.

На аллее появились гуляющие люди, две женщины и подросток, с любопытством уставились на «пришельцев из космоса», которыми сейчас выглядели ликвидаторы и Руслан.

— Проходите! — повелительно бросил им один из «пришельцев». — Здесь идут съемки фильма. Быстро!

Свидетели стычки испуганно шарахнулись в кусты, но уходить не спешили.

— Уберите оружие, — сказал Руслан. — Могут пострадать люди.

— Чепуха! — пренебрежительно махнул рукой Валетов. — Это чужая Ветвь. Одним свидетелем больше, одним меньше. Это ничего не изменит. Главное, что мы хорошо понимаем друг друга. Это я вам советую убрать оружие. Судя по всему, у вас только «универсал». А где же «глюк» или по крайней мере «кий»?

— У него работает рация! — вдруг проговорил спутник Валетова, рослый, бледнолицый и хмурый.

В то же мгновение раздался резкий щелчок, напоминающий удар кнутом, за ним еще один. Бледнолицый спутник Валетова вздрогнул, прижал руку к груди и упал лицом вниз. Второй парень схватился за голову — над переносицей у него вырос кровавый стерженек сантиметровой длины, толщиной с карандаш, — и тоже свалился на дорожку.

Валетов сориентировался мгновенно.

Одновременно с первым выстрелом из «кия» он метнулся в кусты, и выстрел Руслана опоздал. Издалека донесся гортанный голос:

— До встречи у Ствола...

На аллею в полусотне шагов от Руслана вышел Ромашин. Из «кия» стрелял он. Посмотрел на тела ликвидаторов Валетова.

— Уходим!

Послышались голоса, на аллее появились новые отдыхающие. Из ворот конно-спортивной школы выехали на лошадях две девчушки.

Ромашин пересек аллею и исчез за деревьями, направляясь к берегу реки. Руслан последовал за ним. Они перешли на бег, превратили «кокосы» в белые костюмы, чтобы не выделяться среди посетителей парка, дали крюк и вышли к стадиону, где должна была состояться встреча с Феликсом. Однако полковника у пивного киоска не было. Вместо него за столиком сидел молодой человек в зеленой футболке и читал газету. Руслан узнал парня: это был один из телохранителей Феликса.

Переглянувшись, Ромашин и Костров подошли к нему.

— Что случилось? — Игнат присел рядом на пластмассовый стул.

Молодой человек кивнул на пластиковый пакет на столе.

— Это вам.

— Где полковник?

— Убит. — Парень сложил газету, встал. — Какое-то время я буду его заменять. Будьте осторожнее. В нашей конторе сидит агент противника, мы узнали слишком поздно. Помощи не ждите.

Он не торопясь двинулся через площадь к двухэтажному спортзалу, свернул за угол, исчез.

«Хронодесантники» посмотрели друг на друга. Ромашин взял пакет и направился к теннисным кортам. Затем свернул направо, на дорожку, ведущую к реке.

— Что будем делать? — догнал его Руслан.

— Для начала выберемся отсюда, — сказал Ромашин озабоченно. — Возьмем лодку и переплывем реку, пока не поднялась тревога. Пока там вызовут милицию, пока она приедет... успеем.

— А потом?

— Потом будем искать транспорт до Брянска.

— Можно использовать антигравы «кокосов».

— Только ночью. Днем нас сразу засекут наблюдатели Палача. Феликс был прав, их здесь очень много, и риск был неоправданно велик. Эмиссар Палача со своими оруженосцами наверняка будет ждать нас у башни хронобура.

— Прорвемся, не впервой.

Ромашин промолчал.

Через калитку вышли с территории парка на берег Москвы-реки, спустились по береговому откосу к воде и взяли на лодочной стоянке двухвесельную шлюпку напрокат. Через четверть часа они были уже на другом берегу реки, выбрались на песок и скрылись в кустах.

ГЛАВА 2

В этом мире, представлявшем собой почти полную копию Земли Кострова, Башня охранялась так же строго, хотя ее внешний облик и Криптозона отличались от тех, что знал Руслан. Башня здесь имела вид гигантского перламутрового сталагмита, в лучах прожекторов казавшегося полупрозрачным, а ограждение Криптозоны представляло собой высокую металлическую сетку, растянутую между бетонными столбами. И охраняли Криптозону не российские солдаты, а войска ООН в голубых беретах.

До Жуковки Ромашин и Костров добрались без инцидентов, на попутках и уже поздним вечером, обойдя городок стороной, остановились в лесу, примерно в шести километрах от Криптозоны. Планы проникновения в Башню они обсудили еще в пути,

но ни один из них не был идеальным, и теперь предстояло остановиться на самом оптимальном в их положении.

— Если Валетов пообещал нас встретить у Ствола, — сказал Ромашин, невидимый в ночной лесной темноте (костюмы обоих «кокосов» уже были включены на режим маскировки), — то он либо является здесь эмиссаром, либо командует охраной Ствола. И в том и в другом случае он задействует императив повышенной готовности, и нам придется прорываться с боем, что неизбежно приведет к потерям среди «голубых беретов». Этого надо избежать. Они ведь даже не догадываются, что охраняют.

— Валетов признался, что он руководит службой ликвидации или является одним из оперативников этой службы, но в любом случае он наверняка связан с местным эмиссаром Палача, который примет все меры к нашему задержанию. Может быть, не мудрствуя лукаво, рванем по воздуху напрямик к Башне, на форсаже? Лететь-то всего ничего — километров восемь, за минуту доберемся.

— Нас засекут, как только мы поднимемся над деревьями. Нужен какой-то нестандартный изящный ход.

— Но ведь в «кокосах» мы практически невидимы! Тихонько пройдем мимо охраны КПП...

— Агенты Палача знают, что мы здесь, и на всех постах, а то и вообще по периметру Криптозоны, установят детекторы массы. Нет, наверное, придется-таки идти на антигравах.

— У меня появилась дурацкая идея...

— Это интересно, — хмыкнул Ромашин. — Дурацких идей мы еще не обсуждали.

— Она может сработать. Дело в том, что Валетов — мастер боя, мне отец рассказывал. Что, если вызвать его по рации сюда и предложить честный поединок? Проиграет — поможет нам пройти зону.

Ромашин цокнул языком, выражая свое отношение к идее.

— А если проиграем мы?

— Не проиграем, — убежденно заявил Руслан.

Игнат задумался, проворчал под нос:

— Да, это может сработать... характерная черта Валетовых — высокомерное самолюбие, они и в мыслях не допускают, что могут проиграть... А с другой стороны, Лаэнтир был действительно мощным бойцом... не брезгующим обманом и предательством.

— Когда я жил с родителями, соседями у нас были Валетовы, их сын Ян был неплохим парнишкой.

— Лаэнтир из другого времени.

— Пора решать.

— Сделаем так: я вызову Валетова, а ты спрячешься неподалеку. Он вполне способен заявиться с целой обоймой клевретов.

— Нет, сделаем наоборот. Подстраховка у вас лучше получится, чем у меня.

Ромашин думал недолго:

— Хорошо, согласен, но учтите — Лаэнтир, не задумываясь, применит «грязный» прием, не говоря о смертельных. И еще: основа тэнгресити-боя — интуиция, предугадывание приема, предвидение тактики, предвосхищение событий, если хотите, плюс феноменальная реакция и неимоверная скорость движений.

— В русбое эта штука называется темпом. Не волнуйтесь, Игнат, я кое-что смыслю в этом деле. Единственное, что меня расстраивает, так это незнание частот рации Валетова. Хотя они должны быть близкими к нашим. Один из парней поймал наш канал.

— Попробуем послушать эфир в режиме сканирования, время у нас еще есть.

Полчаса они стояли в лесу безмолвно, вслушиваясь в тишину местного радиоэфира, дважды натыкаясь на милицейскую волну и на переговоры охраны Башни. Затем из шуршащих глубин эфира выплыл чей-то густой астматический шепот, которому отвечал игривый женский голос. Говорили на незнакомом языке.

Ромашин сориентировался быстрее, приказал инку «кокоса» отстроиться от лингвистической «шелухи», и голоса изменились. Шепот превратился в хриплый бас, женский голос — в тонкий, но явно мужской фальцет. К ним внезапно присоединился еще один собеседник, и Ромашин узнал голос Валетова, хотя тот говорил по-английски. Его о чем-то спрашивали, он отвечал. Беседа таким образом длилась две минуты, затем связь прекратилась, но Игнат успел засечь частоту канала и вызвал Валетова. Ответ пришел тотчас же:

— Что еще? Я уже все объяснил.

Валетов посчитал, что его вызвали те, с кем он только что разговаривал, и ответил на английском.

— Привет, Лаэнтир, — сказал Ромашин по-русски. — Мы тут неподалеку от тебя. Не хочешь встретиться? Поиграли бы в разные интересные игры...

— Кто говорит? — после паузы осведомился Валетов.

— Хрен в пальто, — ответил Костров, подключаясь к разговору. — Предлагаю помахать руками. Говорят, ты какой-то там супермастер по рукопашке, а я не верю.

— Чего ты хочешь?

— Да ничего особенного, набить тебе морду, и все. А ты за это пропустишь нас к Башне. Идет?

Короткий смешок.

— Вы очень сильно рискуете, мон дью. Я таких вещей не понимаю. На что рассчитываете?

— На вашу порядочность, — сказал Ромашин вежливо.

Еще один короткий смешок.

— Похоже, рассчитывать вам больше не на что. А почему бы вам не попытаться прорваться к Стволу напрямую? У вас же есть спецкостюмы с антигравами.

— Мы хотим избежать напрасных жертв среди охраны Ствола.

— Весьма благородно с вашей стороны, комиссар. Вы очень щепетильны в таких вопросах. — Валетов явно забавлялся ситуацией и говорил с издевкой. — Замочили моих парней ни за что, меня чуть не грохнули... Кстати, сколько вас?

— Двое.

— А должно быть шестеро.

— Остальные ждут в Стволе.

Короткая пауза.

— Весьма признателен за информацию, комиссар. Мы будем готовы их принять. Итак, что вы предлагаете?

— Мы уже все сказали, — сухо произнес Ромашин. — Мой напарник желает помериться с вами силой, хотя я против этой затеи. Если проигрываете вы — тихо пропускаете нас к Стволу, если проигрываем мы...

— Я понял, изумительно красивый жест. Однако мне нужны гарантии.

— Точно так же, как и нам. Наши гарантии — мое слово, слово комиссара. Смею утверждать, что ценится оно высоко.

— Слово — пустой звук. Человек дал слово, он же и забрал его.

— Мы в таком же положении, если не худшем.

Молчание.

— Хорошо, — решил наконец Валетов. — Кажется, вас действительно двое, судя по показаниям нашей аппаратуры. Смелые вы люди, однако. Я ведь могу задержать вас в течение получаса.

— Вряд ли, — спокойно возразил Ромашин. — Попробуйте, и получите гору трупов. Мы вооружены посерьезней, чем вы.

— Вряд ли у вас есть «глюки».

— У нас есть кое-что поинтересней, не считая ручных «скорпионов».

На этот раз пауза длилась дольше.

— Не понимаю вашей щепетильности. На вашем месте, имея такой арсенал, я бы свободно пробился к Стволу, не обращая ни на кого внимания. Хотите остаться чистенькими? Ваше дело. Но предупреждаю: замечу подозрительное шевеление — церемониться не буду.

— Аналогично, — бросил Руслан с преувеличенной любезностью.

— Где встречаемся?

— Нам не должны мешать посторонние люди. Предлагаем встретиться в старой деревеньке Скрабовка, в километре на северо-восток от Криптозоны. Она давно покинута жителями.

— Через час.

— Через десять минут. За час можно перекрыть подступы к Стволу по радиусу в сто километров. Давайте без хитрых расчетов, Лаэнтир.

— Хорошо, буду через десять минут.

Связь прекратилась.

Ромашин и Руслан выключили рации на передачу, но продолжали слушать эфир в надежде поймать полезную информацию.

— И все-таки вы авантюрист, капитан, — сказал Ромашин. — Валетов не тот человек, с которым можно вести честный поединок.

— Отец всегда говорил, что надо верить людям изначально, только так можно сохранить душу. Ну, обманут нас, так ведь не мы же это сделаем? Зато каждому воздастся за дела его, не сейчас, так позже. Я почему-то уверен, что мы победим.

Ромашин хмыкнул.

— Интересно рассуждаете, Руслан, будто вовсе и не капитан спецназа. Хотя, если честно, мне нравится, как вы рассуждаете. Поехали, мы должны прибыть к деревне раньше Валетова.

Они поднялись в воздух и понеслись между деревьями к северо-восточной окраине Криптозоны, ориентируясь по светящейся глыбе Ствола и по звездам. Через пять минут деревья расступились, появились первые бревенчатые хаты Скрабовки, расцвеченные в инфраоптике «кокосов» всеми тонами зеленого и коричневого цвета. Большинство домов было разрушено, однако встречались и целые, ощерившиеся выбитыми дверями и окнами. Облетев деревню по кругу, «хронодесантники» остановились над центральной площадью, поросшей травой, но достаточно ровной и незахламленной. Земля здесь была утоптана множеством

ног еще до появления Ствола, надолго сохранив твердость и после ухода жителей.

— Пожалуй, мне лучше спрятаться, — сказал Ромашин. — Хотя это и не гарантия в случае нападения, но все же на душе будет спокойнее.

— Не стоит, — покачал головой Руслан. — Это будет воспринято негативно, словно мы боимся. Миром такая затея не кончится, а заранее рассчитывать на предательство — значит не верить самим себе. Пусть видят, что мы тверды в своих намерениях.

— Как говорил один мой приятель: единственная гарантия мира — закопать топор войны вместе с врагом.

Руслан засмеялся. И тотчас же заговорил инк:

— Отмечаю д в и ж е н и е.

— Идут, — заметил Ромашин и хладнокровно добавил: — Только наш приятель все-таки не является человеком слова.

Руслан и сам понял, что Валетов прибыл не один, но отступать было уже поздно. Не прошло и нескольких мгновений, как «хронодесантники» были окружены со всех сторон. Вместе с Валетовым прибыла пятерка его сподвижников, и, одетые в скафандровые комплексы с антигравами, вместе они представляли внушительную боевую силу, способную уничтожить любое подразделение местной армии в течение двух-трех секунд.

— Вы нарушили условия договора, — проговорил Ромашин бесстрастно.

— Неужели? — делано удивился Валетов, держась за спинами своих бойцов, плохо видимых даже в инфракрасном диапазоне спектра. — Но ведь мы не оговаривали, сколько людей будет меня сопровождать. — Он хохотнул. — Это мои секунданты.

— Впрочем, не имеет значения, — продолжал комиссар прежним бесстрастным тоном. — Объясните им условия поединка, и начнем. Только прошу учесть: я не потерплю ни малейшего нарушения правил. Пусть вас не вдохновляет наша внешняя миролюбивость, которую вы, очевидно, приняли за слабость. Поверьте мне, она имеет под собой другую почву.

— Бросьте, комиссар, вы не в том положении, чтобы качать права.

— Однако и вам не стоит говорить со мной в таком тоне! Вас шестеро, нас двое, но вы используете «хамелеоны» образца две тысячи сто шестого года, изготовленные в вашей Ветви, а на нас «кокосы» выпуска две тысячи триста двадцатого года с активной системой наведения и защиты, управляемые независимыми инками. В данный момент вы все находитесь под прицелом шести

комплексов автоматии, встроенных в комбезы, и нет никакой гарантии, что вы уцелеете, вздумай начать пальбу. Устраивает вас такое положение?

— Вы блефуете, — проговорил Валетов с нотками сомнения в голосе.

— Может быть, проверим? — с иронией усмехнулся Руслан, точно зная, что «стволов» у них всего четыре: «универсал» — у него, «кий», «кобра» и «скорпион» — у Ромашина.

— Что ж, не будем острить ситуацию тупым концом, как говорят у меня на родине. Вы отчаянные люди, комиссар, но я таких уважаю. — Валетов что-то сказал сопровождавшим его спецназовцам на незнакомом языке, и те сдали назад, собрались все вместе чуть поодаль. — Начнем наши игры, господа путешественники по Ветвям. Я так понял, это и есть ристалище?

Он осветил площадь под ногами лучом фонаря.

— Удобнее не найти, — сказал Ромашин.

— Снимаем обмундирование. Парни, посветите.

Висящие в пяти метрах от земли бойцы дружины Валетова включили фонари, и стало светло как днем. Лаэнтир опустился на землю, сбросил уник из туманно-струящейся ткани, остался в темно-фиолетовом трико. Руслан сделал то же самое, оставаясь в одних плавках.

Ромашин хотел предупредить его, что трико на Валетове может оказаться экзоскелетной пленкой, но было уже поздно. Поединок начался.

Руслан еще только приседал и сплетал пальцы, разминаясь, как его противник вдруг оказался рядом и обрушил на него град текуче переходящих друг в друга приемов-ударов, проводимых с такой скоростью, что для непосвященного они были незаметны. Если бы Руслан замешкался и позволил себе ввязаться в обмен блок-гэгами, он наверняка проиграл бы уже в первые мгновения боя. Но, будучи мастером русбоя и помня наставления Ромашина, он просто переключил психику на режим подсознательных ответов и буквально просочился между ударами Валетова, нырнул на землю, перекатился и встретил его хищную атаку вдогон стопорящим ударом ногой в грудь.

Этот прием на мгновение остановил Валетова, и Руслан успел сориентироваться, прежде чем началась очередная атака.

Лаэнтир действительно был великолепным мастером рукопашного боя, быстрым, сильным и нестандартно двигающимся. Он не «качал маятник», а буквально плыл и раздваивался, начиная атаку с разных сторон одновременно. Руслан в связи с этим

даже сравнил его с пьяным, вспомнив чью-то шутку: пьяный — это человек, который направляется к вам с нескольких направлений сразу. Возможно, в этом была доля истины, и Валетов в своем искусстве использовал приемы кунг-фу древнекитайского «стиля пьяницы». Если такой вид рукопашного боя существовал в его мире.

Первую минуту боя Руслан продержался хорошо, почти не отвечая на выпады противника, чем только раззадоривал его и выводил из себя. Потом попытался провести серию предупредительных атак и неожиданно понял, что трико на Валетове представляет собой вид защитной пленки, не пробиваемой ни пальцами, ни кулаком. Это было нечестно, однако Руслан подспудно был готов к такому повороту событий и, отстучав две серии тычковых ударов по телу Валетова, делая вид, что не замечает безрезультативности своих атак, внезапно перешел на «горный» уровень и сосредоточился на голове противника.

Первая же его атака заставила Валетова отступить и уйти в «змеиную» защиту. Он получил удар по уху и тычок в нос, от которых оправился не сразу.

Вторую атаку Валетов перехватил и ответил в манере тэнгресити с использованием ментального чувствования движений противника. И Руслан едва не потерял сознание от резкой боли в груди: удар Лаэнтира сломал ребро. Надо было кончать бой, пока тело еще не отказывалось складываться втрое и свинчиваться штопором, пока еще не сработал шоковый барьер, пока были силы. Надо было рисковать.

Руслан сделал вид, что потрясен и хочет лишь увернуться от атак соперника, начал отступать, подставлять плечи и голову, два раза поскользнулся на траве, чуть не упал... и Валетов клюнул на эту удочку.

Он коршуном налетел на Кострова, раскрылся, и Руслан нанес мгновенный и мощный, с выбросом энергии удар, едва не сломавший противнику шею.

Валетов отлетел назад, упал ничком на землю, не двигаясь. Затем вдруг выругался и поплыл вверх. Под трико на нем был надет антиграв!

Понимая, что ситуация балансирует на опасной грани огнестрельного контакта, Руслан прыгнул изо всех сил и успел схватить Валетова за ногу, прежде чем тот поднялся в воздух на недосягаемую высоту. Дернул его к себе, захватил изгибом локтя голову и ударил в лоб торцом ладони. Валетов обмяк.

Стенка его бойцов, освещавших арену боя, дрогнула.

Холодея, Руслан почувствовал, что сейчас начнется стрельба.

И вдруг откуда-то из-за спин спецназовцев Валетова раздался громкий повелительный голос:

— Не двигаться! Малейший жест — открываю огонь на поражение!

Один из бойцов Валетова выстрелил: зеленая молния сорвалась с его плеча, вонзилась в дерево. И тотчас же в том месте, где он висел, вспыхнул клубок радужного пламени, разорвавший спецназовца пополам.

— Не двигаться, я сказал! — проревел голос. — Опуститься на землю! Лечь!

Только теперь Руслан узнал голос Гаранина. Но выяснять, каким образом полковник оказался здесь, было некогда. В любой момент в лесу могли появиться поднятые по тревоге «голубые береты» или соратники Валетова. Надо было уходить.

Четверка оставшихся без своего командира ликвидаторов устроилась на травянистой, истоптанной ногами поединщиков, площади, освещенная фонарем Ромашина. В его отсвете проявились три туманно-призрачные фигуры, зависшие над деревней. Одна из них метнулась вниз, к Руслану, превратилась в Надежду.

— Господи, ты жив!

— Жив, жив, — отозвался Руслан, поцеловав девушку, и спешно начал натягивать «кокос». — Как вы тут оказались?

— Потом поговорим! — оборвал его Гаранин; он оставался невидимым. — Быстрее собирайтесь!

— Ты там как, командир? — послышался голос Маркина.

— Нормально. — Руслан затянул последнюю липучку, наклонился над телом Валетова. — Помогите поднять.

Откуда-то издалека, с территории Криптозоны, прилетел истошный вопль сирены. В лагере охраны Башни началась тревога.

— Бросьте его к чертовой матери! — рявкнул Гаранин. — Он нам не понадобится!

— Мы хотели использовать Валетова в качестве пропуска в зону...

— Обойдемся без пропуска. Мы выпустили из Башни двух конкистадоров. Пока охрана будет за ними гоняться, мы проскочим.

Руслан молча зарастил «кокос», и отряд понесся в ночной темноте низко над деревьями к молочно-белому «сталагмиту» хронобура. Никто не пытался их остановить, никто не обстрелял во время короткого перелета: охрана Башни их не видела, радары не брали, а наблюдатели эмиссара если и засекли, то вмешаться не успели.

На высоте ста двадцати метров над землей в глянцево-белом вздутии «сталагмита» образовалось отверстие входа, отряд проскочил в него, и проем тамбура закрылся, отрезая начавшийся на территории Криптозоны шум.

— Как вы догадались выйти? — полюбопытствовал Ромашин, когда они достигли зала с колонной хронолифта.

— Догадались, — мрачно проворчал Олег Борисович, сворачивая конусовидный шлем. — Вот эта молодая леди, — он кивнул на Надежду, — посоветовала прослушивать эфир. Стас дал нам выход на внешнюю антенну, и мы успели засечь ваши переговоры с тем типом.

— Это был Лаэнтир Валетов. Он шел за нами с момента нашего старта из вашей Ветви.

— Надо было его пристрелить, а не играть в благородных рыцарей.

— К сожалению, ситуация сложилась иначе. Поединок казался единственным способом прорыва к Стволу.

— Вы просто не нашли другой.

— Не ворчите, Олег Борисович, — сказал Руслан, вдруг ощутив, насколько он устал; ребро болело, однако, судя по ощущениям, сломано все-таки не было. — Спасибо за помощь. Кстати, из чего вы стреляли?

— Это я стрелял, — сообщил Ромашин. — Провел, так сказать, полевые испытания «скорпиона». Но голос у вас, Олег Борисович, явно генеральский, пострашнее полковничьего будет, даже ликвидаторы Валетова побоялись начать драку.

— Это у меня от волнения такой голос, — признался смущенный Гаранин. — Ну, что, закончили всякие сомнительно необходимые походы за оружием? Займемся теперь делом?

— Идем на Гезем, — решил Ромашин. — Там нас должен ждать сын Павла Жданова. Дальше пойдете с ним.

«Хронодесантники» вошли в кабину хронолифта, дверь за ними закрылась...

ГЛАВА 3

Пейзаж Гезема практически не отличался от земного на средних широтах России, и Руслан поймал себя на мысли, что не воспринимает поход по вселенным Древа Времен как п е р е м е щ е н и е в пространстве и времени. Вот если бы он летел на ракете, тогда это перемещение было бы заметно по изменению рисунка

созвездий, а так вход и выход из лифта хронобура напоминал спуск и подъем на обычном лифте высотного здания. Человек входил в кабину, нажимал клавишу спуска или давал команду стартовому автомату, затем переживал не совсем приятные ощущения и выходил в тот же «мраморный» холл, не понимая, что за короткое время преодолел не просто расстояние, но н е в о о б р а з и м о б о л ь ш о е расстояние! Которое невозможно было измерить какой-либо мерой.

Мир Гезема тем не менее поразил Руслана, да и не только его одного, бескрайними лесными просторами, вкуснейшим воздухом и тишиной. Не верилось, что где-то еще сохранились экологически чистые места, куда не добралась цивилизация с ее вонючими машинами и где можно найти отдохновение под каждым кустом или просто на берегу ручья. Хотя, с другой стороны, весь этот красочный яркий ландшафт образовался именно в результате глобальной экологической катастрофы, уничтожившей цивилизацию при материальном вытаивании хронобура.

Но того, кто должен был ждать «хронопутешественников» в этом мире, здесь не оказалось. Эфир планеты Гезем, родины жены Игната Ромашина (кванка, разумеется), был чист, как слеза, и тих, как полет эльфа, а лесные просторы его были так велики, что отыскать следы Ивора Жданова не представлялось возможным.

Конечно, отряд предпринял несколько попыток найти сына Жданова, обшарив пространство вокруг Ствола по десятикилометровому радиусу, обнаружил две деревни аборигенов, в одной из которых обитала семья Ярины Ромашиной, однако самого Жданова не встретил. Зато наткнулся на чудовищной величины металлическую черепаху с двумя длинными усами, похожими на красные удилища, и вынужден был вступить с ней в бой, так как она оказалась автоматом Палача и намеревалась напасть на людей с тыла.

Кроме того, они обнаружили гигантского металлического «кентавра», вонзившего рог в стену Ствола, а также останки еще двух черепах, и поняли, что здесь произошла стычка между кибермеханизмами Игроков и что, возможно, именно в этом кроется причина отсутствия Ивора.

Догадка пришла на ум Гаранину, а потом ее подтвердила встреча землян с юной геземкой (сами себя аборигены называли россинами, а их язык оказался похожим на русский) по имени Яная. В сопровождении двух неразговорчивых угрюмоватых парней-охотников с диковинными ружьями девушка сама нашла от-

ряд, отдыхающий на берегу речушки в километре от Ствола, и, смущаясь, теребя косу, рассказала о встрече с Ивором Ждановым и его молодой спутницей.

— Она очень красивая, — убежденно добавила Яная, — и очень смелая. Защитница. Не такая. — Россинка кивнула на не отходившую от Руслана Надежду.

— А он? — поинтересовался Олег Борисович, кинув косой взгляд на подругу Кострова.

— Он колдун! — с таким же убеждением ответила Яная. — Он подчинил мертвого слугу богов и с его помощью убил двух злых герпенов!

— Черепах?

— Да, так есть, черепах!

Мужчины обменялись красноречивыми взглядами.

— Силен парень! — проворчал Гаранин скептически. — Каким образом ему удалось оживить того «кентавра»?

— Он знает волшебное слово, — пожала плечами Яная.

— Значит, они с этой красавицей пробились в Башню и больше не появлялись?

— С тех пор из Горы Богов больше никто не выходил, вы первые.

— Сколько же времени прошло с момента их ухода?

— Четыре света и три тьмы.

— То есть примерно четверо суток. — Гаранин с осуждением посмотрел на Ромашина. — Если бы мы не гонялись за супероружием, застали бы этого... колдуна здесь.

Ромашин дипломатично промолчал.

— Ничего, мы его найдем, — вмешался в разговор Костров. — А он... то есть Ивор не говорил, куда именно направляется?

— Не говорил, — виновато опустила голову Яная. — Он искал старого волхва Рода, очень сильно огорчился, что волхв не вернулся из Горы Богов...

— Зачем ему понадобился старый волхв?

— Я не знаю точно... не спрашивала... но, по-моему, он искал лонг-меч...

Руслан посмотрел на Ромашина.

— Вы знаете, что это такое?

— Скорее всего девочка имеет в виду «жезл силы», дриммер. Это атрибут власти судебных исполнителей. Кроме того, дриммер имеет очень большой спектр функций и может служить как оружием, так и ключом для разблокирования Ствола.

— Любопытная вещица, — хмыкнул Гаранин. — По-моему, я

в свое время был свидетелем ее применения Игорем Васильевичем. Нам дриммер тоже не помешал бы.

— Спасибо, девочка, — поблагодарил россинку Ромашин. — Ты нам очень помогла.

Яная смутилась.

— Я же ничего доброго не сказала... — Глаза ее вдруг округлились, она что-то вспомнила. — Да, будьте осторожны возле Горы Богов! Из нее один-два света назад вышел страшный железный человек и превратился в птицу. Потом эта птица напала на охотников и клюнула Кандида!

Парни, сопровождавшие Янаю, закивали головами.

— Я видел, — сказал один из них, с лохматой русой головой. — Кандид умер, а потом воскрес, и теперь на нем железная рубаха, и он совсем чужой...

Земляне переглянулись.

— Что это еще за хреновина? — нахмурился Гаранин.

— В чем проявляется его странность? — спросил Ромашин.

— Он перестал слушаться князя, сторонится всех и один бродит по лесам, что-то ищет, ничего не говорит. А стоять с ним рядом страшно!

Олег Борисович посмотрел на спутников.

— Как вы это объясняете?

— Боюсь, на Геземе высадился сам Палач, — задумчиво проговорил Ромашин.

На берегу речки стало тихо. Потом Гаранин крякнул, сильно потер лысину ладонью.

— Я представлял высадку Игрока иначе. Должны быть другие масштабы. А тут вышел один робот...

— Это не робот, а одна особь коллективного организма Палача. Конечно, один субстант — еще не десант и не армия, но и он представляет собой грозную силу. Не приведи господи с ним встретиться! — Ромашин покачал головой. — Неужели Палач решил высадить своих представителей во всех Ветвях?

— Возможно, мы это скоро выясним, — сказал Руслан. — Однако зачем ему... как вы назвали этого «железного человека»? Субстант?

— Это словечко из лексикона Атанаса Златкова, означает клетку или часть физической основы сложного организма с индивидуальным управлением.

— Как муравей, что ли? — прищурился Гаранин.

— Нечто в этом роде, хотя и не в пример умнее и мощней. Да-

вайте-ка собираться обратно, друзья мои, пока этот «железный муравей» не нашел нас.

— Предлагаю впредь называть «клетки» Палача жмурами, — сказал Олег Борисович. — Чем плохо? Жмур — железный муравей. А еще лучше — жмурик.

— Пусть будут жмуры, — улыбнулся Ромашин. — Только лучше с ними не встречаться.

— Зачем этому... гм, жмуру понадобилось «клевать» охотника? — спросила тихонько Надежда.

— Думаю, «железная рубаха» на охотнике представляет собой что-то вроде материализованной зомбирующей программы или управителя-паразита, — сказал Руслан. — Теперь Кандид будет исполнять все приказы жмура.

— Правильно, — кивнул Игнат. — Ну, что, уходим?

— Но мы так и не узнали, где, в какой стороне искать Ивора Жданова.

— Стас подскажет. Он наверняка знает, куда направились наши соотечественники.

— Стас — это автомат хронозапуска? — уточнил Гаранин.

— Не автомат — инк обслуживания Ствола, очень сильная интеллектуальная компьютерная система типа «Стратег». У нас на Земле таких всего с десяток.

— Поехали.

Они попрощались с россинами, смотревшими на землян с надеждой и суеверным восторгом, и помчались к угрюмой громаде Ствола с раздвоенной вершиной. Если бы они догадались посмотреть вниз, то увидели бы бегущего в ту же сторону человека в сверкающем металлическом комбинезоне. Человек остановился, проводил глазами летящую низко над лесом ватагу в костюмах неопределенных очертаний и сказал негромко:

— Они направляются в вашу сторону.

Ствол приблизился, похожий на изъеденную жуками-древоточцами гору. Ничего в его облике не изменилось. Все так же тоскливо смотрели на мир вокруг черные дыры окон и проломов в стенах гигантского здания, все так же тоскливо свистел ветер в щелях, все так же носилась у стен стая черно-белых птиц, похожих на земных ворон. И тем не менее Руслан почувствовал в душе смутную тревогу, отвечавшую его настроению. Ствол не просто тяжело попирал землю миллионами тонн массы, он ж д а л гостей и был готов их встретить.

Отряд поднялся на четырехсотметровую высоту, нашел от-

верстие в стене, через которое они выбрались в мир Гезема, перестроился. Ромашин тоже ощутил беспокойство, отразившее тонкое изменение пси-полей внутри Ствола, и решил действовать в соответствии с императивом внезапно возникшей угрозы.

Вперед двинулся он сам, за ним в двух шагах сзади и чуть левее — Руслан, затем Олег Борисович с Надеждой и последними Гена Маркин и Паша. Развернули шлемы, загерметизировались, включили системы маскировки. Теперь они могли видеть друг друга только в специальной проекции — в виде контуров, напоминающих сказочные привидения. Со стороны же их можно было разглядеть только с помощью особых методов визуализации.

Предосторожности оказались нелишними. В зале действующей хрономембраны на сотом этаже их ждал «железный человек». Жмур.

Идущий впереди Ромашин сразу понял значение металлической глыбы, расположившейся на плиточном полу зала, которая имела очертания расплывшегося человеческого торса. Глыба не имела глаз, но от нее исходил столь ощутимый ток в н и м а н и я, что не приходилось сомневаться: она прекрасно видит людей.

Ромашин остановился. К нему присоединился Руслан, за их спинами сгрудились остальные.

— Это... он? — прошептала Надежда, хотя могла бы говорить в полный голос: «кокосы» не пропускали звука.

— Жмур! — констатировал Гаранин. — Собственно, чего мы боимся? Неужели он осмелится напасть? Один? Нас ведь шестеро, и все вооружены!

Словно в ответ на его слова металлический псевдочеловек вдруг разделился на две фигуры, и каждая из «половин» также разделилась на две части. Теперь перед землянами сверкали восемь жмуров, угрюмо наблюдавших за ними.

— Если мы их сейчас атакуем — прорвемся! — подал голос Маркин. — Я могу их отвлечь.

— Не спеши, лейтенант, — сквозь зубы проговорил Руслан. — Можем повредить лифт. Нужно попробовать договориться с ними.

В то же мгновение один из жмуров вырастил нечто вроде руки и метнул в Ромашина ручей металлической жидкости.

Игнат выстрелил из «универсала». Огненный клинок вонзился в ручей и разбрызгал его по всей длине на множество дымящихся капель.

— Не стреляйте! — быстро проговорил Ромашин.

Его послушались, хотя каждый готов был начать огонь.

— Почему не стрелять? — осведомился недовольный Олег Борисович. — У нас восемь «стволов», мы их в два счета раскукарекаем!

— Наше оружие только разрывает жидкокристаллический материал тел субстанта, разбрызгивает, но не уничтожает. Брызги потом соединяются вместе. Но стоит капле попасть на кого-либо, и готова смирительная «железная рубаха».

— Наездник, — добавил Руслан.

— Что же делать?

— Чувствуете давление на психику? Жмур считывает наши эмоции, если не мысли, можно попробовать убедить его убраться с дороги.

— Как?

— Как говорится: если нет другого выхода — смело выходи из себя. Надо попытаться привести себя в ярость. Чтобы жмурики почувствовали угрозу. И пусть инки ждут команды «огонь». Как только субстант пойдет в атаку — стреляем! Но не раньше.

— Если б этот стальной болван был человеком, — проворчал Олег Борисович, — было бы легче представить его врагом. Но делать-то что-то надо...

— Начали!

Ставшие в шеренгу земляне сосредоточились на внушении угрозы, испепеляя взглядами металлические глыбы субстанта Палача. И тот почувствовал изменение пси-фона! Фигуры жмуров дрогнули, попятились, двое из них метнули в людей струйки сверкающего жидкого металла, но Ромашин и Костров отреагировали двумя точными выстрелами, и атака больше не повторилась. Жмуры влились один в другой, и слегка увеличившаяся глыба субстанта легко скользнула к выходу из зала, несмотря на немалую массу. Особь Палача отступила, не принимая открытого боя, решила не рисковать жизнью. Видимо, с таким отпором она сталкивалась впервые. Уже скрывшись в боковом коридорчике, жмур внезапно заговорил на почти чистом унилинге:

— Наши пути обязательно пересекутся, джентльмены. Вас ждут большие неприятности.

Если бы не скрытая подоплека ситуации, «хронодесантники», наверное, расхохотались бы в ответ на слова удивительного создания, но сейчас им было не до смеха и шуток.

— Сезам, откройся! — скомандовал Ромашин.

Дверца хронолифта растаяла, обнажился пустой решетчатый короб кабины.

— Садитесь!

Один за другим земляне вошли в кабину. Последними втиснулись Ромашин и Костров, бдительно следившие за коридором, в котором скрылся опасный противник.

— Передай своему господину, — крикнул Игнат, перед тем как дверца отгородила кабину от зала, — что Судейская коллегия отстранила его от участия в Играх. Пусть ждет судебных исполнителей.

Дверца кабины уплотнилась до состояния полупрозрачной твердой пластины.

— Стартуем, — предупредил Ромашин прежним спокойным голосом. — Стас, ты меня слышишь?

— Жду команды, — раздался в ответ сухой безразличный голос.

— Подскажи, куда направились три или четыре дня назад наши друзья Ивор Жданов и его спутница, и отправь нас туда же.

— Жду команды, — повторил голос тем же тоном.

— Не понял.

— Жду команды, — еще раз проговорил автомат хронолифта.

— Вызови Стаса!

— Не понимаю. Жду команды, — равнодушно повторил голос в четвертый раз.

— Издевается он, что ли? — проворчал Гаранин.

— Похоже, Стас в этом кванке Ствола не восстановил своих интеллектуальных функций, теперь это просто автомат.

— Значит, мы не узнаем, куда отправился Жданов?

— Боюсь, что нет. Предлагаю сделать последний прыжок в «тупиковую» Ветвь. Я познакомлю вас с Аристархом и попрошу его присоединиться к нам. Вместе мы что-нибудь придумаем, да и Стас в том мире является полноценным инком. Он свяжется со своими кванками и выяснит, где сейчас Ивор Жданов.

— Поехали, — решительно бросил Руслан, успокаивающе сжав вздрагивающий локоть Нади.

— Адрес выхода: Солювелл-один, сто первый хроноквант-угол абсолютного внутреннего времени, — четко проговорил Ромашин. — Относительные временные координаты: год две тысячи двести двадцать девятый.

— Задание принял, — доложил стартовый автомат. — Спуск ступенчатый, девиация в пределах трех тысячных процента. Прошу включить ТФЗ.

— Включена.

— Что это значит? — полюбопытствовал Олег Борисович.

— ТФЗ — таймфаговая защита. Наши «кокосы» ее не обеспечивают в полном объеме, но мы уже прыгали по Ветвям, и ничего с нами не случилось.

— Старт!

Мягкая сила сдавила тела «хронодесантников» и бросила в глубокую пропасть...

* * *

Этап разведки боем или п р о с а ч и в а н и я закончился, скоро должен был начаться новый этап — прорыв! Это понимали пока единицы среди интраморфов, в том числе Аристарх Железовский.

Никто из друзей Аристарха и даже Забава не ведали пределов возможности человека-горы. Предполагали, что они велики, но насколько — никто особенно не задумывался. На Земле лишь несколько человек, обладавших такой же мощью, точно знали, на что способен патриарх, но эмиссар ФАГа в их число не входил. Поэтому операция по «гашению» Железовского, ставшего особенно опасным для планов ФАГа, готовилась в соответствии с общими данными «фагинформсети». Профи отдела безопасности оценили бы ее по высшему баллу как операцию «уровня 5». Но и Аристарх не ждал, пока его застанут врасплох, и разработал ответную операцию, подготовив плацдарм, где он якобы отдыхал и находился вдали от друзей.

Расчет его оправдался. Подручные ФАГа устроили налет на древнюю станцию болидного патруля, вращавшуюся по орбите вокруг самого необычного объекта Солнечной системы — Фаэтона-2, представлявшего собой гигантскую сферическую кучу камней.

Неизвестно, где Аристарх отыскал эту станцию, но факт, что он отремонтировал ее своими руками, установил линию метро и приспособил для своих целей. Что он там делал во время частых визитов, опять же никто не знал, но, по слухам, — действительно отдыхал в одиночестве и «качал» энергетику организма.

По его данным, незваные гости посещали станцию трижды, видимо, для рекогносцировки, а слежку он заметил давно, однако активных действий не предпринимал, ожидая, когда Ф-террористы начнут первыми. И вот ранним утром (в пять часов по среднесолнечному времени) станцию (пятидесятиметровой длины и пятиметрового диаметра цилиндр с конусовидными торцами)

атаковали сразу с четырех сторон три когга и драккар с опознавательными знаками погранслужбы, а кабина метро выпустила группу «призраков», вооруженных до зубов.

Железовский, который не спал, разглядывая освещенную солнцем сторону Фаэтона-2, мрачно усмехнулся и мысленно поощрил прибывших: смелее, парни, вас ждет здесь немало сюрпризов! Бросив последний взгляд на дымчато-зернистый шар, состоящий из многих десятков миллионов астероидов и пыли, Аристарх вошел в поток Сил и начал действовать. Его целью был выход на командира операции, прибывшего на драккаре, а через него — на руководителя более высокого ранга, если не самого эмиссара.

Первого динго-двойника Аристарх выпустил навстречу десантникам в «хамелеонах», второго — к причальному отсеку, а сам, включив пси-фильтр, двинулся к реакторному залу станции. Картина вторжения стояла перед его глазами, будто он вывел ее на экран дисплея, потому что многочисленные датчики в стенах станции передавали изображение непосредственно ему и терафиму, помогавшему синтезировать схему возможных взаимодействий.

Двигался Аристарх бесшумно и так быстро, что едва ли налетчики смогли бы видеть его в движении, но и у них наверняка была своя система слежения и обработки данных, так что Железовский не обольщался насчет своей невидимости и неуязвимости. Судя по движению десанта, его таки в и д е л и.

Бой он начал первым.

Группа из трех человек, высаженная из когга, увидела мчавшегося на них гиганта и открыла огонь из парализаторов, но так неловко, что накрыла залпом друг друга. Двое из них выбыли из строя, а третий потерял сознание от удара кулака, хотя никто его не бил — сработал эффект наведенной галлюцинации.

Второй отряд из пяти человек попал в переходный тамбур, который имел катапульту с выходом в открытый космос. Судьба их не слишком волновала Аристарха, они знали, на что шли, и он с легким сердцем отправил их в сторону Фаэтона-2.

Еще одна обойма десанта провалилась в нефтяной бак, который тут же вспыхнул и взорвался, надолго выведя из строя шестерых боевиков, вынужденных тушить друг друга, пробиваться из бака наружу и залечивать ожоги.

«Призраков» из метро перехватил двойник Железовского, но они быстро разгадали, кто он такой, и двинулись дальше, к реакторному залу, ведомые инком целеуказания. Здесь и встретил их

Аристарх, сам похожий на призрака, но в отличие от него физически реальный.

В коротком ближнем бою он обезвредил четверых, а пятого буквально вплющил в стену реактора, так что взвыла сирена тревоги: автоматы защиты приняли этот удар за столкновение с метеоритом. После этого Железовский, не обращая внимания на резко возросший пси-фон, метнулся к причалу, где его ждал собственный голем. Через минуту он катапультировался из станции в големе в сторону Фаэтона-2, предпочтя этот способ бегства, а не метро, потому что в кабине гости установили взрывное устройство.

Еще через полминуты станция за спиной превратилась в облако огня и дыма.

На станции «Салют», наблюдавшей за поведением «раздробленной» планеты, он задерживаться не стал, сразу стартовал на Землю. Тело казалось рыхлым и пропитанным водой, как губка, хотелось пристроиться где-нибудь в безлюдном уголке, закрыть глаза и уснуть, но Аристарх заставил себя сначала связаться с Герцогом, рассказал ему о нападении и лишь после этого отправился отдыхать. Но не к себе домой, чтобы не тревожить Забаву, а к Прохору Панкратову, имевшему кроме жилого модуля в Архангельске еще и коттедж в Подмосковье. Коттедж имел собственную станцию метро, и путь туда не занял много времени.

Аристарх разделся в гостиной Панкратовых, радуясь, что никто его сейчас не видит, осмотрел себя в зеркале стены, отмечая синяки и ссадины, полученные во время боя с десантниками, и первым делом залечил их медитативно-волевым усилием. Затем принял душ, насухо вытерся, накинул халат и поплелся на кухню, чтобы утолить жажду холодным тоником. И в этот момент в доме глухо прозвенел колокольчик сработавшего метро.

Считая, что это прибыл кто-то из своих, Аристарх выглянул в коридор, ведущий к холлу метро, и увидел группу людей, которых он ожидал увидеть меньше всего. Все они были в зеркально сверкающих комбинезонах, и поначалу Железовский решил, что на него снова вышли К-мигранты или агенты ФАГа. Дернулся назад, собираясь достать оружие, и остановился, узнав в первом госте Игната Ромашина, с которым познакомился много лет назад. Разжал кулаки, чувствуя бухающие тяжелые толчки разбуженного в экстрарежиме сердца.

— Игнат, вы?!

— Я, — ответил комиссар, улыбаясь.

ГЛАВА 4

Беседа длилась уже более двух часов, но скучной не становилась. Железовский с искренним интересом и удивлением выслушал историю участия людей из «параллельных» вселенных в Играх «богов» и сам в свою очередь рассказал не менее захватывающую эпопею встречи соотечественников с реликтовой формой жизни и о войне с ФАГом, балансирующей на грани полного уничтожения жизни в Метагалактическом домене.

— Значит, наша Метагалактика — всего лишь Ветвь среди бесчисленного количества других Ветвей Древа Времен, — задумчиво проговорил он, когда обмен историями подошел к концу. — С кем же мы в таком случае воюем? Получается, что наш ФАГ — это ваш Палач?

— Наш, — усмехнулся Ромашин. — Он всеясветный, общий.

Усмехнулся и Железовский.

— Это-то я понял. Мы тоже созрели для принятия концепции Вселенских Игр, только не знали их масштабов. Хотя, может быть, Габриэль в курсе.

— Кто такой Габриэль?

— Габриэль Грехов, экзоморф и бродяга, душа которого осталась душой человека. Ему можно будет доверить нашу тайну. Так чего, вы говорите, добивается... м-м... Палач?

— Сворачивания Фрактала Времен, ликвидации линий выбора, то есть максимального упрощения континуума, что ведет к гибели миллионов и миллионов цивилизаций.

— Это уже не Игра получается, а война на уничтожение! Почему же Судейская коллегия, если она существует, не запретит Палачу нарушать правила?

— Исполнение судейского решения — многоступенчатый процесс. Дело в том, что правила более высокого порядка могут осуществляться только благодаря тому, что существуют элементарные правила. Тактика Игры — закономерность, которая проявляется через детерминированные свойства фигур.

— Но ведь Палач нарушил не только правила Игры, но и более глобальную структуру — этику!

— Вам бы встретиться с Атанасом Златковым, — с легким сожалением сказал Ромашин. — Вот он бы смог обрисовать ситуацию точнее. Могу добавить лишь, что конгруэнтность, или степень соответствия, Игры как системного целого правилам, установленным Творцом Древа Времен и самой Игры, может меняться,

однако некий минимум конгруэнтности должен быть соблюден, то есть минимум, позволяющий Игре продолжаться и развиваться, а Древу реализовать в с е варианты материальных состояний.

— Примерно об этом рассуждали и наши мудрецы. Во всяком случае, им известно, что существуют трансформационные законы высшего уровня, которые осуществляются только через тактики или разрешенные ходы низшего уровня. Мне просто интересно, что ход мыслей наших и ваших ученых очень близок. Хотя ваши опередили нас в разработке метатеории Игр. Жутко представить, что один и тот же ход Игрока совершается на множестве «досок-вселенных» одновременно, означая на каждой из них разное!

— О да, — кивнул Ромашин, — это удивительное открытие. Для нас оно тоже в свое время стало потрясением.

— Я понял так, что каждая Метавселенная типа нашей Метагалактики размножается делением на копии?

Собеседники Железовского переглянулись и рассмеялись. Человек-гора не обиделся.

— Простите старика за пустую болтовню. Я действительно ошеломлен. Не могу представить, что в других Ветвях существуют сотни, а то и тысячи Аристархов!

— Увы, вам это не грозит, — сказал Ромашин. — Ваша Ветвь — «тупиковая», как мы не совсем корректно выражаемся, то есть она существует в единственном виде, и вы — один на все Древо.

— Вот как? — хмыкнул Железовский. — Это меня устраивает. А вы — тоже один?

— Нет, я человек-спектр. — Ромашин улыбнулся, кивнул на спутников, расположившихся в гостиной кто где. — Они тоже. Таких, как вы, очень мало. Один из них — Ивор Жданов, к которому мы должны присоединиться.

— Что он за человек?

— Если применить вашу терминологию, он интраморф, владеющий полем Сил, с потенцией оператора реальности. В свою очередь в перспективе оператор может стать Игроком, хотя до этого очень далеко.

— Что он должен сделать?

— По большому счету главная задача оператора — ограничить Палача, ради чего и занялся весь этот сыр-бор. Но это опять же в перспективе. Нынешняя задача-минимум оператора, говоря логически-математическим языком, — сшивание неопределенностей тактики противостояния в масштабах «родственных» Вет-

вей. Мы должны уберечь «чисто человеческие» Ветви, которые только и способны дать шанс выжить всему Древу. В нашей истории уже были подобные прецеденты, хотя значительно более низкого уровня.

— Напомните.

— В конце двадцатого — начале двадцать первого века Россия едва не исчезла как государство и этнос. Кстати, этот процесс был результатом одной из Игр, ведущихся вечно, как вы понимаете, по заказу Безусловно Второго. Но все же моя родина сумела воспрять духом и выжила, сохранив не только себя, но и природу, и всю Землю. Но это к слову.

— Это факт и из нашей истории, просто я не связывал его с Играми. Значит, вы предлагаете мне присоединиться к вашей обойме и найти оператора. А потом?

— Цель похода — вызволить из ловушек всех Павлов Ждановых, в том числе отца оператора, который тоже является потенциальным оператором, но линейным. Если он сможет объединить своих кванков — сыграет роль судебного исполнителя.

— Понятно. — Железовский словно бы очнулся, хлопнул громадными ладонями по мягким подлокотникам кресла и встал. — Вам нельзя здесь оставаться и нельзя нигде показываться. Агенты ФАГа не должны вас видеть. Я поселю вас на какое-то время в своем подземном бункере с личной кабиной метро. Там есть все удобства.

Встали и гости.

— Надолго? — посмотрел на человека-гору Игнат.

— Мне надо решить несколько проблем и кое с кем посоветоваться. Но я пока ничего не обещаю. Подождите пару минут.

Железовский вышел.

— Вряд ли он согласится, — буркнул скептически настроенный Гаранин. — У них тут у самих положение аховое.

— Поживем — увидим, — не согласился Ромашин. — Аристарх — чрезвычайно ответственная личность, и ему небезразлична не только судьба мира, но и судьба отдельно взятого человека. Как он вам?

— Мощный мужик! — с уважением сказал Паша-летчик. — Я с такими предпочитаю дружить.

Руслан и Ромашин переглянулись с улыбками в глазах.

Вошел Железовский, переодевшийся в спецкостюм, который назывался здесь «бумерангом».

— Идемте.

Через несколько минут отряд высадился в шаровидном бункере Железовского, расположенном на глубине одного километра в толще горных пород хребта Алинг-Гангри, в сердце Тибета.

* * *

Грехова отыскать не удалось.

Расстроенный этим обстоятельством, Железовский встретился с Паулем Герцогом в Управлении безопасности и осторожно поинтересовался, что бы он сказал, узнай о существовании альтернативных вселенных, представляющих собой почти идентичные копии Метагалактики.

— К чему вы клоните, патриарх? — рассеянно спросил проницательный Герцог, занятый какими-то расчетами с инком кабинета.

— Ни к чему, — ответил Аристарх, понимая, что не имеет права делиться полученной от «соседних» землян информацией. — Мне приснилось, что кроме нашей вселенной существует целое Древо ей подобных, отличающихся в некоторых деталях, и что в них тоже идут войны такого же уровня.

— Ну-ну, — с проснувшимся любопытством посмотрел на старейшину синклита Герцог. — Странные, однако, сны вас беспокоят, Аристарх. Глобального значения. Мне так все больше снятся какие-то страшные тараканы и пауки.

— У кого какая фантазия, — скупо улыбнулся Железовский, окончательно решив не рассказывать комиссару о визите группы Ромашина.

— И с кем же в этих вселенных воюют наши двойники?

— С ФАГом, естественно, только называют его иначе — Палачом.

Железовский попрощался с озадаченным Герцогом, оставив его размышлять о намеках патриарха, и вернулся домой, в Софию, не забывая контролировать энергоинформационные потоки вокруг себя в поле Сил. Слежки за собой он не обнаружил, но обольщаться не стоило. После схватки с операми эмиссара на станции болидного патруля, закончившейся гибелью террористов, следовало ожидать новых нападений, и Аристарх с досадой подумал, что Ромашин появился весьма некстати со своим предложением присоединиться к группе неведомого оператора по имени Ивор Жданов. Отлучаться с Земли в разгар схватки с ФАГом не казалось оптимальным выходом из положения.

Забавы дома не оказалось. Домовой сообщил, что она полетела куда-то на встречу с внучкой Виданой, но координат не оставила. Послонявшись по тихим и пустым комнатам в тягостных размышлениях: надо было принимать какое-то решение, отказывать Игнату не хотелось, но и другой выход не находился, — Аристарх собрался было навестить бункер в Тибете, и в этот момент домовой доложил о визите гостя.

Аристарх мысленно включил виом видеоконтроля.

Перед дверью их жилого модуля стояла эффектная молодая женщина с рыжими волосами, у которых светились кончики, и ярко-желтыми глазами. Ее стройную фигуру обтягивал серебристый комбинезон из особого материала, становившегося то полупрозрачным, то сверкающим. В руке незнакомка держала сумочку из «рыбьей чешуи».

«Впусти», — приказал Аристарх.

Домовой открыл дверь, женщина вошла. Он встретил ее в холле, поклонился, отмечая мощное биополе гостьи.

— Вы не ошиблись, сударыня?

Улыбка женщина была ослепительно красивой.

— Если вы Аристарх Железовский, патриарх синклита старейшин ВКС, то не ошиблась.

Аристарх еще раз поклонился, отступил, пропуская незнакомку в гостиную, предложил сесть в кресло. Сел сам.

— Слушаю вас. Кофе, чай, тоник, вино?

— Не суетитесь, патриарх, — очаровательно улыбнулась гостья. — Вам это не к лицу. Обойдемся без сентиментальных чаепитий.

От нее повеяло таким ветром властной уверенности, что Аристарх невольно привел себя в боевое состояние, оставаясь с виду флегматично-бесстрастным и предупредительным.

— Слушаю, — повторил он терпеливо.

— Мы представляем весьма мощную структуру, которая заинтересована в привлечении на свою сторону таких людей, как вы. У нас к вам деловое предложение.

— У нас? — приподнял бровь Железовский. — Кто это — мы? Я вижу перед собой только одного человека. Или у дверей моего дома вас ждет еще один представитель этой... м-м... структуры?

— Мы — это мы, — усмехнулась женщина.

Костюм на ней вдруг превратился в пленку жидкого металла, которая потекла вверх и собралась в самую настоящую змею с плоской головой и капюшоном кобры, выросшую над рыжими

волосами гостьи. На голову Аристарха обрушилась м а с с и в н а я «дубина» пси-удара, которую он отразил лишь потому, что был готов к нападению.

Женщина засмеялась, хлопнула два раза в ладоши. Змея над ней втянулась в воротник костюма, расплылась прежней металлической пленкой, порождающей эффекты блуждающих полупрозрачных окон.

— Отлично, патриарх! Еще раз убеждаюсь, что вы именно тот человек, который нам нужен.

— Яснее и короче, — сказал Железовский, сдерживая желание вышвырнуть красавицу за порог; метаморфозы ее костюма не произвели на него особого впечатления, хотя было похоже, что это не обычный уник и даже не «бумеранг», а скорее всего квазиживой организм. — Кто вы?

— Меня зовут Тирувилеиядаль. Я посланец Игрока...

— Не Палача случайно? — перебил ее Железовский.

Лицо гостьи застыло. Она изогнула брови, с сомнением разглядывая твердое лицо хозяина, и Аристарх пожалел, что не сдержался.

— Похоже, нас опередили. Неужели здесь побывал сам оператор?

— Мадам, у меня мало времени. Или выкладывайте свое предложение, или...

— Спасибо за любезные слова, патриарх. Мы, кажется, недооценили паренька, хотя его должны были уже... Впрочем, давайте о деле. Предложение такого рода. Моему господину требуются агенты для особых поручений, профессионалы, способные регулировать энергоинформационные потоки на уровне социума. Вы нам подходите. Предлагаем неограниченные полномочия, структурную трансформацию тела с выходом на бессмертие, а главное — власть в мирах, подобных вашему.

— Понятно, — с иронией кивнул Железовский. — Власть — это уж как водится, да и бессмертие тоже неплохой аргумент. А душу не придется продавать?

— Ценю ваш юмор, — усмехнулась Тирувилеиядаль. — Достаточно будет вашего слова.

— Ага, значит, методы дьявольской вербовки несколько изменились со времен Фауста. Раньше такие договоры скреплялись кровью.

— Ну, что вы, патриарх, те времена канули в прошлое, хотя вопрос добровольности остался в приоритете.

— Как говорится: дьявол — джентльмен, он никогда не входит без приглашения. Однако дело в том, что я всю жизнь исповедую принцип: избегай удовольствий, которые рождают печаль.

— То есть это надо понимать как отказ?

— А вы как думаете?

— У вас на Земле существует поговорка: для утвердительного ответа достаточно лишь одного слова «да», все прочие слова придуманы, чтобы сказать «нет». Я вас правильно поняла?

Посланница Палача встала. Железовский тоже поднялся, глядя на нее сверху вниз. По-видимому, его фигура и неподдельная глубокая уверенность в себе подействовали на гостью, так как она покачала головой и вздохнула:

— Жаль, что вы не с нами, патриарх. Вы такой интересный мужчина... но помните, что тот, кто не с нами, тот против нас.

— Я человек интеллигентный, — усмехнулся Железовский, делая приглашающий жест к выходу, — но простой, я и убить могу. До свидания.

Тирувилеиядаль сузила глаза, вглядываясь в лицо Аристарха. Костюм на ней пошел фонтанчиками, зашипел, как змея. Железовский почувствовал еще один пси-удар, ответил хлестким отбивом, так что она отшатнулась, проводил гостью к двери. Она вышла, оглянулась, но он не стал ждать продолжения бессмысленного обмена «любезностями» и закрыл дверь. Вернувшись в гостиную, просмотрел запись беседы с вербовщицей Палача, подосадовал, что не спросил у нее, в каких она отношениях с эмиссаром ФАГа, контролирующим Солнечную систему. По всему выходило, что действия посланницы Палача и эмиссара не совпадали, и эта несогласованность радовала. Похоже было, задачи они решали разные и относились к разным департаментам «администрации» Палача-ФАГа.

Сделав две копии беседы, Железовский послал одну начальнику «контр-2», вторую прихватил с собой и направился к метро. В бункере под Тибетом он появился в тот момент, когда его гости обедали. Аристарх в свое время установил здесь кухонный комбайн «Сам», способный готовить блюда по ста десяти рецептам, что оказалось весьма кстати. Судя по запахам и сервировке, гости предпочитали славянскую кухню.

В столовой, она же и гостиная, установилась тишина. Мужчины перестали жевать и молча смотрели на хозяина, в то время как он бесстрастно разглядывал их. Потом Аристарх вставил иголку

видеозаписи в гнездо на вириале инка, и все увидели сцену встречи Железовского с рыжеволосой посланницей Палача.

— Мир тесен, — сказал с легкой улыбкой Ромашин, когда запись кончилась. — Кажется, мы прибыли сюда вовремя. Зачем вы рисковали, Аристарх, отказываясь от предложения этой дамы столь категорически и прямолинейно? А если бы она применила программатор?

— Так ведь и я небеззащитен, — ухмыльнулся Железовский. — Она это отлично почувствовала. Точнее — они. Я думаю, на самом деле Тирувилеиядаль — не женщина и вообще не человек.

— А кто?

— Некий искусственный организм, киборг, живущий в симбиозе с «металлическим» костюмом, который также представляет собой некое существо с изменяемой геометрией тела.

— Браво, патриарх, — без какой-либо насмешки сказал Ромашин. — Вы абсолютно правы. Пленка на этой мадам действительно является организмом, точнее, кластером или особью самого Палача. Он заслал своих представителей — жмуров, как мы их назвали, во все Ветви, и ваша не исключение. Поэтому предупредите своих друзей, чтобы они были осторожны при контактах с этими существами. Физическая основа Палача — жидкокристаллический субстант, который обладает сильным пси-зарядом и может управлять любым существом, пользуясь его телом в качестве носителя.

— Понял, предупрежу.

— Итак, что вы решили?

— К сожалению, вынужден огорчить. Обстоятельства таковы, что я просто не имею права покидать Землю. Началась охота на интраморфов, эмиссар ФАГа... — м-м... Палача пошел в наступление... — Железовский виновато развел руками.

— Что ж, мы понимаем, — тихо сказал Руслан.

— Не обижайтесь. Если время терпит, подождите. Мы разберемся со своими проблемами и присоединимся к вам.

— Боюсь, времени у нас как раз и нет, — покачал головой Ромашин. — Но мы действительно не в обиде. Если вы здесь сумеете отбить атаку Палача, это существенно повлияет на положение Игроков в целом. Единственная просьба: оружие...

— Да, конечно, — с облегчением согласился человек-гора. — Мои арсеналы невелики, но все же кое-что я вам презентую. Идемте.

Арсенал Железовского занимал один из небольших по разме-

рам отсеков бункера, но все же оружия у него хватало, чтобы удовлетворить запросы вдвое большей группы, чем отряд Ромашина. Мужчины прихватили с собой два «глюка», аннигиляторы «шукра», парализатор, ножи-мономолики и запас МК-батарей к излучателям. Все повеселели, несмотря на отказ хозяина присоединиться к отряду. Теперь они могли отбиться от любого круто вооруженного противника и не бояться столкновений с ликвидаторами.

— Я вас провожу, — сказал Железовский, когда группа была готова к выходу. — Кстати, не понял, где находится этот ваш... хронобур.

— В вашем мире Ствол географически реализовался там же, где и на других кванках Земли — в Брянской губернии, но под землей. Точнее, под Скрабовскими болотами. Поэтому о нем никто не знает. — Ромашин подумал. — Кроме, может быть, агентов Палача.

— У нас нет губерний, — качнул головой Аристарх, — административные зоны называются номинированными районами — нойонами. Но все же какая ирония положения: буквально рядом, можно сказать — под носом, располагается выход в другие измерения, а мы ищем его на границах домена... Кстати, не может ли эмиссар ФАГа использовать Ствол в качестве своей базы или центра управления?

— Исключено, — сказал Ромашин. — Ствол сильно поврежден и почти весь затоплен илом и водами болота. Его можно использовать лишь как линию доставки, не более того. Я думаю, у вашего эмиссара есть доступ к более совершенному виду транспорта. Мы его называем трансгрессом.

— Почему же вы им не воспользуетесь?

— К сожалению, мы лишены доступа. Надо знать код вызова, а мы его не знаем.

— Жаль. Тогда поехали знакомиться с «машиной времени». В метро Брянска нам лучше не появляться, я вызвал галион. Он доставит нас на место за час.

Никто не возразил, даже ворчливый Гаранин. Все понимали, что хозяин и так делает для них все, что может.

Полет до Брянска действительно не занял много времени. Пассажиры галиона даже не заметили, как долетели, с интересом разглядывая инфраструктуру городов и лесные массивы под аппаратом с десятикилометровой высоты. В принципе эта Земля мало отличалась от родины Ромашина, хотя он и отмечал кое-ка-

кие архитектурные и природные различия, остальных же виды проплывающих под аппаратом искусственных сооружений, высота которых достигала трех и даже пяти километров, поражали и восхищали, и гости Аристарха рассматривали пейзажи, не отрываясь, изредка делясь впечатлениями.

Наконец галион миновал окраину небольшого старинного городка Жуковка и поплыл над лесом Брянской заповедной зоны, остановился. Затем медленно двинулся по кругу, пока Ромашин не скомандовал автопилоту:

— Стоп! Здесь.

Аппарат завис над болотом с редкими ржавыми деревцами, кочками и окнами трясин, затянутыми водорослями и ряской.

— Прыгаем. До свидания, Аристарх. Дальше мы уже сами.

— Не нравится мне эта машина, — сквозь зубы проговорил Гаранин, глядя на белое пятнышко какого-то аппарата, застывшего над лесом в километре от них. — Такое впечатление, что он наблюдает за нами.

— Что скажете, Аристарх? — обратился к Железовскому Ромашин.

Тот прищурился, вглядываясь в отблескивающий металлом летательный аппарат.

— Это флайт, и мне он тоже не нравится.

— Может быть, пугнем его? — предложил Маркин.

— Не стоит. Я сам разберусь, когда провожу вас. Кстати, нельзя ли посмотреть на ваш хронобур изнутри?

— В принципе почему бы и нет? — с некоторым колебанием ответил Ромашин. — Только будьте осторожны при возвращении. Вдруг это наблюдатель Палача?

— В данной ситуации он не сможет нам помешать.

Словно почуяв внимание людей в галионе, водитель флайта включил двигатель, и белое пятнышко упало вниз, скрылось за деревьями.

«Хронодесантники» попрыгали в воду. Железовский превратил свой «бумеранг» в герметично закрытый скафандр и прыгнул следом.

Нырнули в одно из болотных окон с открытой водой, опустились на глубину пяти метров и погрузились в толстый слой ила и грязи, под которым на глубине двух метров оказалась твердая и ровная поверхность. Это была крыша Ствола. Ромашин нашел открытый люк тамбура, через который они вышли наружу, осветил его фонарем. Один за другим они в коричнево-зеленоватой

мгле проникли в тамбур, затем в коридор, нашли лестничный шпангоут, пронизывающий здание хронобура снизу доверху, и четверть часа спускались по лестнице вниз, пока не достигли сотого этажа, на котором располагался зал работающей хрономембраны. Зал был закупорен защитной автоматикой хронобура, но Ромашин связался со Стасом (с его «останками», так сказать), и проход открылся, пропуская делегацию. Хотя при этом в зал успело прорваться несколько десятков тонн воды и жидкой грязи.

Подождали, пока автоматика очистит зал, свернули шлемы, подошли к толстой колонне хронолифта. Дверца кабины превратилась в слой дыма, рассосалась, открывая внутренности.

— Никогда бы не поверил! — пробормотал Железовский, разглядывая зал и решетчатый короб хронолифта.

И в этот момент раздался удар гонга, звон аварийной сигнализации, а затем голос автомата:

— Внимание! Нештатный хроносдвиг! Глубина неизвестна. Всем ТФА покинуть горизонт! Три минуты до сдвига! Даю отсчет: три минуты, две минуты пятьдесят восемь, две минуты пятьдесят шесть...

— Что это значит? — насторожился Аристарх.

— Это значит, что вам придется пойти с нами, — мрачно проговорил Гаранин. — За три минуты вы не успеете выбраться из здания.

— Даже владея полем Сил, — подтвердил Ромашин.

— Вы рассчитали?..

— Да нет же! — с досадой перебил Аристарха Ромашин. — Что-то произошло по не зависящим от нас обстоятельствам. Стас, ты в курсе, что случилось?

— Прошла внешняя команда на подрыв реактора, — ответил инк Ствола.

— Что за чушь! Отмени команду!

— Не могу, цепь связи с реактором заблокирована. Советую покинуть горизонт.

Ромашин переглянулся с Русланом.

— Нас вычислили, — сказал тот.

— Может быть, хотя операция по уничтожению Ствола могла быть задумана давно. Нас выследили и... быстро в кабину!

«Хронодесантники» втиснулись в кабину хронолифта. Железовский медлил, пытаясь связаться с Забавой через поле Сил. Проговорил хрипло:

— Выхода действительно нет?

Ромашин молча качнул головой, вошел в кабину.

Аристарх подождал еще немного, вслушиваясь в монотонный голос автомата, и на счете «сорок девять» присоединился к остальным, впрессовывая их друг в друга. Кабина не была рассчитана на столько человек.

Дверца хрономембраны закрылась.

— Интересно, как я теперь вернусь обратно? — хладнокровно поинтересовался Железовский.

Никто ему не ответил.

Свет в кабине погас...

ГЛАВА 5

Железовский первым оценил их положение, что потом подтвердил инк Ствола Стас, и Руслан без какого-либо душевного напряга и ревности передал бразды правления группой в его руки. Патриарх синклита старейшин, живший на Земле двадцать третьего столетия «тупиковой» Ветви, настолько превосходил всех мощью, опытом и простодушной непогрешимостью суждений, что даже Ромашин прислушивался к его замечаниям и предпочитал прежде советоваться, а не принимать решения сразу. Железовский же вел себя так, будто ничего особенного не случилось, хотя он стал «хронодесантником» не по своей воле и не знал, когда вернется домой.

Зал хронолифта, в который они вышли после «падения» в пропасть хроношахты, серебрился инеем, и температура в нем держалась около двадцати градусов ниже нуля.

— Странно... — проговорил Ромашин, выслушав доклад инка «кокоса», и разгерметизировал костюм.

Его примеру последовали остальные.

— Что странно? — полюбопытствовал Гаранин, принюхиваясь к запахам и трогая пальцем серебристую паутинку инея на «мраморной» стене.

— Я не узнаю выход...

— А куда мы должны были попасть? — спросил Железовский, прислушиваясь к тишине здания.

— Я просил Стаса отправить нас домой... то есть в мою Ветвь.

— Почему вы считаете, что он ошибся?

— Он не мог ошибиться... и тем не менее это н е м о й выход. Чувствуете холод? Плюс меньшая сила тяжести. Похоже, нас занесло в незнакомую Ветвь.

— Может быть, в этом виноват взрыв реактора? — предположил Руслан. — Стас и так был какой-то странный, полуглухой, а когда произошел взрыв, он и запустил нас на фоне хроносдвига, как теннисный мячик, — в белый свет как в копеечку.

— Возможно, — согласился Ромашин.

— Хотя нам от этого не легче, — буркнул Олег Борисович. — Что делать будем?

— Мы на айсберге, — сообщил вдруг Железовский, возвращаясь из дальних далей сверхчувствования. — Вокруг здания ледяная пустыня в радиусе трех километров. Толщина льда — больше километра, а дальше снова одна вода и айсберги. Глубина океана под нами — больше десяти километров, а что ниже — я не понял. Похоже, тоже лед. И тут, по-моему...

— Что?

— Нет, ничего, — после паузы ответил Аристарх.

— Поехали обратно, — сказал Гаранин. — Решили идти в вашу Ветвь, вот и давайте не менять решений.

— Может быть, хотя бы одним глазком посмотрим, куда мы попали? — робко предложила Надежда.

Мужчины обменялись вопросительными взглядами.

— Пожалуй, — пожал плечами Ромашин.

— Мы теряем время, — возразил Олег Борисович.

— Давайте выйдем, — поддержал Надю Железовский. — Мне надо кое-что выяснить.

— Загерметизируйтесь на всякий случай.

«Хронодесантники» застегнулись и устремились из зала в коридор, ведущий к внешней стене Ствола.

Тамбур открылся без проблем, по первому требованию Ромашина. Это несколько озадачило его, знакомого с тестами запрета на выход, но нетерпение увидеть чужой мир пересилило, и он разрешил группе выйти из здания.

С высоты четырехсот метров им открылся великолепный вид на безбрежный океан, покрытый белесыми пятнами раздробленного льда и ослепительно голубыми горами айсбергов самых причудливых форм. А над горизонтом вырастал гигантский купол, светящийся изнутри голубовато-лунным светом, в котором люди не сразу признали светило этого мира.

— Святые генералы! — пробормотал обескураженный Гаранин. — Вот это солнышко!

— Я видел еще больше, — заверил Ромашин. — Диаметр звезды эпсилон Возничего больше диаметра орбиты Сатурна.

Остальные промолчали, продолжая осматриваться.

Океан здесь имел густо-синий цвет и блестел как зеркало — так была неподвижна вода. Лишь изредка на ней кое-где возникали серебристые морщинки. Атмосфера планеты была очень толстой, судя по отсутствию малейшего ветерка, и небо, имевшее консистенцию густого тумана, тоже имело синий, с оттенком фиолетового цвет. К горизонту оно темнело, так что айсберги выделялись на его фоне как факелы.

— Интересная планетка, — подал голос Паша. — Температура здесь ниже двадцати, а вода не замерзает.

— Вода бывает разная, — рассеянно заметил Железовский, спускаясь к подножию айсберга. — У нас обычная вода состоит из четырех мономерных фракций, а здесь она — смесь полимеров.

Он ковырнул лед пальцем, повертел в руках бело-голубую звездчатую сосульку, сунул в патрубок химанализатора на поясе своего скафандра, затем склонился над водой и погрузил в нее руку. Было видно, что вода расступилась не сразу, ее пленка оказалась чрезвычайно упругой и продавилась, лишь когда давление руки превысило поверхностное натяжение.

Все с любопытством наблюдали за манипуляциями Аристарха, даже Ромашин, ожидая, что он скажет. Паша Строев тоже спустился ниже, встал ногами на воду и начал уменьшать поле антиграва, удерживающее его в воздухе. Вода прогнулась чуть ли не на полметра, образовав сферическую впадину, и только потом с отчетливым тугим хлопком продавилась.

— Да по ней ходить можно аки Христу! — удивился Паша, с некоторым трудом взлетая вверх. Пленка воды тянулась за ним чуть ли не на два метра, словно это был клей, и не спешила осыпаться с костюма дождем.

— Да, это полимерная вода, — закончил свои исследования Железовский, поднимаясь в воздух. — Ее молекулы объединены в тетраэдры и октаэдры, а те в свою очередь образуют устойчивые конгломераты. По сути — это не лед, — он кивнул на айсберг, — а та же вода, только в кластерном состоянии.

— Господа эстеты, — сказал Гаранин, — предлагаю вернуться к лифту и отправиться на поиски нашего парня. Если мы будем останавливаться в каждой Ветви для экскурсий, мы никогда не доберемся до цели.

— Местный Стас вряд ли будет знать, где остановился Ивор Жданов, — сказал Ромашин. — Однако, поскольку я несу ответственность за то, что произошло, мне придется теперь заняться его поисками вместе с вами. Только он способен вернуть патри-

арха в его Ветвь. Подождите меня здесь, я попытаюсь расспросить Стаса, может, он все-таки что-то знает.

Ромашин скрылся в темной дыре тамбура.

Здание хронобура в этом мире представляло собой серо-синюю круглую башню, покрытую пятнами изморози, и никак не вписывалось в снежно-водно-ледяной ландшафт.

— Кажется, я понял, в чем дело... — проговорил Железовский с сомнением. — Здесь есть жизнь.

— Где?! — в один голос воскликнули Гена Маркин и Паша.

Турели с оружием на их плечах заерзали во все стороны.

— Приготовьтесь к сюрпризам на всякий случай.

Аристарх поднялся на сто метров выше и устремился в сторону купола светила, на которое можно было смотреть без фильтров. Примерно в километре от Ствола из воды торчал айсберг, чем-то напоминающий корабль с плоской палубой. Железовский облетел его кругом и завис над «кормой корабля».

— Что вы там обнаружили? — окликнул его Олег Борисович. — Стоит ли так рисковать?

Железовский не ответил.

— Командир, можно мы его подстрахуем? — спросил Маркин.

Руслан после недолгих колебаний махнул рукой.

— Пошли все. Я не вижу никакой опасности.

Растянувшись цепочкой, они понеслись к ледяному «кораблю» и остановились за спиной Железовского, разглядывающего какое-то необычное образование на «палубе» айсберга.

Больше всего оно напоминало стометровой длины ажурный скелет мохнатой многоножки, слепленный из льда и снега, вцепившийся всеми суставчатыми лапами в плоскую вершину айсберга. Внутри этого «скелета» виднелся пучок перламутровых труб, пронизывающих все тело многоножки, которые вызывали странное ощущение ж и в ы х внутренностей.

— Что это? — прошептала Надежда.

— Скорее кто, а не что, — тихо ответил Руслан.

— Вы правы, — очнулся неподвижно висящий Железовский. — Когда-то эта «гусеница» была живым существом. Она и сейчас еще не совсем мертва, судя по пульсации биополя, однако находится в состоянии летаргии. К сожалению, на мои оклики она не реагирует.

— Но если мы нашли полутруп, значит, где-то могут водиться и живые «гусеницы»? — заметил Гаранин.

Внезапно в эфир ворвался голос Ромашина:

— Тревога! На меня напали!

«Хронодесантники» оглянулись и увидели блестящую фасолину «кокоса», вырвавшуюся из дыры тамбура вместе с клубом пыли. Фасолина метнула зеленую молнию внутрь отверстия, и из него вырвалась струя огня и дыма.

Вслед за Ромашиным из этого столба вылетели четыре бурые фигуры неопределенных очертаний, бросились было в погоню, но навстречу им уже мчались остальные члены отряда, ударили залпом из всех стволов по преследователям Игната. Два из них расплылись дымными облачками, в воду полетели обрывки костюмов и клочки тел. Оставшиеся в живых повернули обратно, скрылись в пещере тамбура на сотом этаже.

Ромашин остановился. «Хронодесантники» окружили его, вглядываясь в колонну Ствола, готовые дать отпор любому агрессору.

— Откуда они взялись? — мрачно спросил Гаранин. — Говорил же я вам, чтобы мы здесь не задерживались. Теперь вот придется прорываться с боем.

— Они не люди, — сказал Ромашин, — скорее гигантские ящерицы в спецкостюмах. Я беседовал со Стасом, и в это время хронолифт высадил их в зал. Шесть «ящериц». Реакция у них была, естественно, негативная, пришлось отстреливаться и бежать.

— Как вы думаете, это случайность или нет? — спросил Руслан. — Нас могли каким-то образом запеленговать при выходе?

— Возможно, такие методы пеленгации и существуют, но я их не знаю. Почему вы удалились от Ствола?

— Здесь есть жизнь. Аристарх обнаружил скелет какого-то существа.

— Я чую живое, — добавил Железовский. — Биосфера планеты практически вымерла, однако сохранились долголетние организмы, причем, я подозреваю, разумные. Давайте-ка, парни, последуем совету Олега... э-э... Борисовича и вернемся к зданию. У меня очень нехорошее предчувствие. Хорошо бы еще... — Аристарх не договорил.

Вершина Ствола вдруг отделилась от основного здания, буквально подпрыгнула в воздух! Раздался чудовищной силы взрыв! По глазам людей резанула ярчайшая вспышка света, смягченная светофильтрами «кокосов», иначе они ослепли бы. Половина башни хронобура лопнула, рассыпаясь на куски. Во все стороны прянула ударная волна, сопровождаемая длинными кометными хвостами пыли и фонтанами жемчужного огня.

Ударная волна отбросила людей на несколько десятков метров в сторону, но костюмы спасли их от верной гибели, защитив от огня, света, «шрапнели» осколков и всплеска радиоактивного

излучения. Когда они пришли в себя, то на месте Ствола увидели расколотое на три зуба основание башни, из которого, как из кратера вулкана, валил дым и взлетали раскаленные добела камни.

Впрочем, это извержение вскоре закончилось. Наступила глубокая настороженная тишина, изредка нарушаемая грохотом обваливающихся стен. Ошеломленные случившимся земляне молча смотрели на остатки здания, не веря, что остались отрезанными от выхода в другие Ветви Древа Времен. От дома.

* * *

Несколько часов они потратили на изучение остатков Ствола, не слишком надеясь найти уцелевшую хрономембрану. Занимались этим все, кроме Железовского. Патриарх в глубокой задумчивости парил над океаном, не отвечая на вопросы, потом долго изучал «скелет гусеницы», опять же не говоря, зачем это ему нужно. Зато когда поиски хронолифта не увенчались успехом, он предложил попытать счастья в ином направлении.

— Вероятнее всего, вы правы, Игнат, — сказал он. — Мы оказались в ловушке «засыхающей» Ветви. Надо отдать должное нашим общим врагам, они весьма искусно вывели нас из Игры. Однако мир, где мы оказались, все же не умер окончательно. Мало того, он был обитаем, да и сейчас обитаем, хотя его хозяевам давно безразлична его и их собственная судьба. Тем не менее они когда-то обладали немалой интеллектуальной мощью и могут подсказать выход из положения. Почему бы не использовать шанс и не попросить у них помощи?

— Какой помощи? — хмыкнул главный скептик отряда Гаранин. — Они что, дадут нам звездолет? И даже если дадут, куда мы на нем улетим?

— У вас есть конкретная информация? — внимательно посмотрел на Железовского Ромашин.

Отряд расположился у стен почти полностью разрушенного взрывом Ствола, на ровной площадке айсберга, свободной от обломков, не решаясь удалиться от некогда надежного объекта. Все «хронодесантники» свернули шлемы и дышали холодным местным воздухом, выпуская изо рта облачка пара. Атмосфера на планете айсбергов на восемьдесят процентов состояла из кислорода и на двадцать из азота с небольшими примесями инертных газов, и ею можно было пользоваться без особого вреда.

— Конечно, здешнее поле Сил имеет свою специфику, — сдержанно ответил Железовский, — мне трудно разобрать смысл

понятий, которыми оперируют местные жители, но они, несомненно, обладают большим запасом знаний. Можно попытаться установить с ними контакт.

— В конце концов мы ничего не теряем, — поддержал Железовского Ромашин. — Возражений нет?

— Времени теперь у нас предостаточно, — проворчал Олег Борисович. — Чего уж там... Только вот где искать хозяев?

— Я запеленговал одного, — сказал Аристарх. — Он находится от нас примерно в тысяче километров.

— Каким образом вы его запеленговали? — с сомнением во взоре поинтересовался Гаранин.

— Через поле Сил.

— Что за поле? Астрал, что ли?

Железовский в затруднении посмотрел на Ромашина.

— Поле Сил — это энергоинформационное поле, структурированное процессами, идущими в вакууме. Аристарх же — интраморф и может посредством «третьего глаза» считывать из этого поля информацию и черпать энергию.

— Я бы тоже так хотел, — с завистью пробормотал Олег Борисович. — А то иногда губу переплюнуть не могу.

Все засмеялись.

— Можно попытаться открыть у вас «третий глаз», — сказал Железовский. — Хотя возникнут некоторые трудности.

— Какие?

— Надо будет привыкать к новым возможностям, особенно в области цветовидения. Вы будете свободно видеть сквозь одежду, сквозь деревянные перегородки, ночью, под землей.

— Вот этого мне только и не хватало — видеть сквозь одежду. Нет уж, спасибо, обойдусь без «третьего глаза», свои б два не потерять. Да и какой из меня интраморф? — Гаранин махнул рукой. — Кстати, Игнат, я тут кое-чего не понимаю с вашей теорией «хронобурения». Вы говорили, что Древо Времен реализует все возможные состояния материи...

— Златков утверждает, что существует и Древо Невозможных Состояний.

— Пусть утверждает, речь не об этом. Я имею в виду, что согласно утверждению должны были реализоваться и антимиры. Так? Почему же вы их не встречали?

— Конечно, существуют и антимиры, но вы не учитываете одну деталь: Ствол состоит из «обычной» материи, и все его кванки, то есть квантовые копии, попавшие в антимиры, просто-на-

просто взорвались, аннигилировали. Поэтому мы при путешествии по цепи хронолифта и не попадаем в антимиры.

— Понятно... — протянул обескураженный Олег Борисович. — Хорошо, что такая возможность исключена. А то вот так выйдешь в другую вселенную, встретишь самого себя, пожмешь руку — и взрыв!

«Хронодесантники» снова засмеялись.

— Ну, до рукопожатия дело не дойдет, — успокоил Ромашин Олега Борисовича. — Вы взорветесь раньше, как только выйдете в антимир.

— Спасибо на добром слове, комиссар. Судя по всему, вы здорово помотались по Ветвям, только что в антимиры не залезали. А с чем-нибудь экзотическим сталкивались?

— И не один раз, — кивнул Ромашин. — Я бывал на Земле, где правит Китайская империя и где нет ни Соединенных Штатов Америки, ни Канады, ни Индии и Ирана.

— А Россия?

— Россия есть, точнее — Русско-Монгольская Орда, но она в этом мире на вторых ролях. Я посещал Землю, где древние римляне использовали открытие греческого математика из Александрии Херона, который сконструировал действующую модель паровика для подъема тяжестей, и уже в шестнадцатом веке полетели на Луну.

— Ну, это не экзотика, а нормальные процессы альтернативных историй.

— Хорошо, а что вы скажете о таком варианте развития человеческой цивилизации? На Земле более двадцати миллиардов человек, и для того, чтобы всем хватало места, их тела уплотняют в домах-банках после работы. Только добившиеся каких-либо высоких достижений могут отдыхать физически в увеселительных заведениях, все остальные «отдыхают» как сельди в бочке.

— Шутите?

— Есть и более интересные варианты. Например, созданная виртуально-информационная среда позволяет жить в ней сотням триллионов «особей», в то время как носителей интеллекта гораздо меньше. Или такая вот схема: использование физических тел-носителей двумя, а то и тремя индивидуальными сознаниями по очереди.

— Поразительно!

— Позвольте покинуть вас, — прервал Железовский Гарани-

на, которого одолело любопытство. — С вашего разрешения я все-таки отправлюсь к старику.

— К кому?!

— Существо, о котором я говорил, очень старое, его возраст близится к миллиону земных лет. Попробую пообщаться с ним.

— Мы пойдем туда все вместе, — твердо заявил Руслан. — Нам нельзя разделяться. А здесь мы все равно ничего не найдем. Ствол разрушен полностью, надо с этим смириться.

На это не смог возразить даже Гаранин, с успехом применявший в походе кредо эксперта: сомневайся во всем, кроме своего мнения.

Отряд поднялся в воздух, попрощался с еще дымящимися кое-где остатками здания хронобура и устремился за Железовским, как устремляется клин журавлей за своим вожаком.

ГЛАВА 6

Он пробирался в абсолютной темноте через густой лес, то и дело проваливаясь в ямы с холодной водой или натыкаясь на колючие ветки и стволы деревьев. Было совсем тихо, и, даже когда он проваливался в очередную яму, звуки хлюпанья воды под ногами умирали тут же, растворяясь во мху и среди кустов.

Вдруг он почувствовал, что кто-то идет следом.

Ивор остановился, напрягая слух, оглянулся. Тот, сзади, тоже остановился. Он опоздал, чуть-чуть опоздал. Потому что Ивор его услышал и был уверен, что не обманулся.

Так они стояли оба — человек и зверь. А может быть, и не зверь, потому что казался массивнее и опаснее, хотя и не торопился нападать. Видел ли он Ивора? Возможно. А вот Ивор не видел никого и ничего — ни зги, как говаривали в старину, и ощущал себя от этого почти голым и беззащитным. Хотелось позвать преследователя, окликнуть его, но страх и неизвестность сковывали язык, и больше всего Ивору сейчас хотелось проснуться.

Он не шевелился несколько минут, слыша только стук своего сердца и ловя иногда какой-то тихий звук, прерывистый и свистящий. Он не сразу догадался, что это его дыхание. Перестал дышать.

Хруст. Удар! Вздрогнула земля под ногами.

— Кто здесь?! — не выдержал Ивор.

Внезапно на него накинули упругую и прочную сеть, ударили

по голове и закутали ее в капюшон. Сознание померкло. Но он рванулся изо всех сил, пытаясь разорвать сеть, освободил одну руку и сорвал с головы плотный кожаный капюшон.

Тотчас же темнота вокруг стала осыпаться кусками, будто высохшая черная краска с белой стены. В яму, где он стоял по колено в воде, хлынул неяркий синеватый свет.

Однако сеть продолжала сковывать движения, он не мог двинуть ни ногами, ни левой рукой, ни головой, и лишь спустя некоторое время Ивор понял, что лежит на полу какого-то тесного помещения, стянутый металлической на вид пленкой. И тогда он вспомнил все...

Скосил глаза, насколько мог. Помещение освещалось только глазком сторожевого автомата на двери, но все же Ивор увидел, что рядом лежат еще два тела, похожие на слитки металла. Рванулось сердце. Один «слиток» представлял собой Мириам! Второй принадлежал Павлу Жданову. Остальных спутников Ивор не увидел. Возможно, они лежали за головой.

Хотел было позвать девушку, но передумал. Что-то мешало ему думать и говорить, словно над головой висела секира, а в голове шарили чьи-то холодные щупальца.

— Отстань! — рявкнул Ивор в н у т р ь себя.

Щупальца замерли. Ивор ощутил недоумение их владельца и рявкнул еще раз:

«Уйди, вор! Руки повыдергиваю, если будешь шарить, где не надо!»

Щупальца превратились в тонкие нити, торопливо вылезли из головы. К недоумению их хозяина присоединились озабоченность и беспокойство. Ивор хорошо чувствовал это, но полностью отстроиться от липкого присутствия чужого сознания не мог, не хватало сил. Тогда он стал изучать обстановку и свое положение, пытаясь освободиться от «смирительной рубашки» — стягивающей тело блестящей металлической пленки. В памяти всплыли строчки стихов древнего поэта:

Сижу за решеткой в темнице сырой,
Вскормленный в неволе орел молодой...

А вот свои стихи не складывались, поэт внутри Ивора как бы тоже был завернут в пленку и закапсулирован, да еще к тому же лишен языка.

Помещение, в котором лежал молодой человек, представляло собой нечто вроде погреба, расположенного под домом Полу-

янова на глубине около десяти метров. Стены его были толстые и прочные, сплошь обитые металлическим листом. Сквозь них не долетали не только звуки, но и не просачивались излучения, поэтому тишина в погребе стояла как в склепе — глубокая и мертвая.

Ивор попытался войти в состояние ясновидения, но чуть не потерял сознания от слабости и боли в голове, испугался и перестал насиловать организм. Он окончательно понял, что находится в идеальной тюрьме, выбраться из которой будет очень и очень трудно, если вообще возможно. Федор Полуянов был готов к их появлению и воспользовался для захвата «хронодесантников» услугами какого-то жидкокристаллического существа, материал которого мгновенно растекался пленкой по телу человека и превращался в своего рода смирительную рубашку, в плотный кокон, не поддающийся мускульному усилию. Возможно, это в самом деле была особь Палача, одна из его бесчисленных «клеток», обладавшая интеллектом и способная к самостоятельным действиям. Теперь пленка этой особи контролировала пленников и пыталась воздействовать на их сознание с помощью пси-излучения. К счастью, ее возможностей не хватало для полного контроля над сознанием Ивора, иначе он не смог бы оценить действительное положение вещей и пытаться освободиться.

«Позвать Мимо? — пришла робкая мысль. — Вдруг бровей согласится помочь?..» Вторая мысль была трезвей: «Стыдно, оператор! Можно было предусмотреть развитие событий и избежать ловушки. Если уж залез в это дерьмо по уши, изволь выбираться сам...»

Ивор снова попытался настроиться на поле Сил и снова получил оглушительный удар пси-отдачи, погружаясь в темень обморока. Стало так плохо, что захотелось плакать.

«К черту! — сказал кто-то внутри него. — Лежи тихо, не напрягайся, не дергайся, все идет нормально. Придет Федор, освободит и все объяснит, и ты получишь долгожданную свободу. А что может быть лучше свободы? Только власть! Ты ее получишь! Так зачем сопротивляться, мучить себя и других, испытывать боль и страх? Кому от этого легче? Никому. Вот и лежи, жди, думай. Не так уж и страшен этот Палач, если вдуматься...»

Ивор встрепенулся, зацепившись за слово «Палач». Почти убаюканный мягким воркующим голоском второго «я», точнее, сорок второго, труса и предателя, он чуть было не пропустил смысл последней фразы и, лишь уловив знакомое слово, понял, что его все еще пытаются запрограммировать, подчинить, лишить воли к сопротивлению, превратить в послушного раба. Хо-

тел крикнуть: «Прекратите! Я не буду подчиняться вашему Палачу!» — и почувствовал страшную усталость и безразличие. «Все суета, — всплыла в голове меланхолическая мысль. — И возвратится прах в землю, чем он и был, а дух возвратится к Богу, который дал его[1]... Так к чему сопротивляться?..»

Внезапно что-то изменилось вокруг.

Ивор прислушался к себе, сосредоточился на зрении, сбросил оцепенение, глаза его прояснились, и он увидел стоящего над ним человека. В синем свете индикатора его лицо трудно было разглядеть, но Ивор вдруг понял, что это бровей Мимо.

— Привет... — с трудом прохрипел молодой человек.

Бровей не ответил, в задумчивости разглядывая помещение и лежащих людей, укутанных в блестящие «саваны».

— Зачем пришел? — не дождался ответа Ивор. — Я тебя не звал...

Бровей переступил его, как бревно, скрылся из поля зрения, потом вернулся, присел на корточки.

— Кажется, я напрасно понадеялся на вас, оператор. Положение ваше почти безнадежно.

— Так помоги, если уж пришел...

— Не имею права, — пожал плечами бродяга по Ветвям. — Я только зритель. Я вне Игры.

— Тогда проваливай ко всем чертям! Когда-нибудь я доберусь до тебя и выясню, кто ты есть на самом деле!

— Едва ли это вам удастся, оператор. Я так близок к пределу насыщения созерцанием и миром вообще, что никого и ничего не боюсь. Но все-таки я очень удивлюсь, если вам удастся выбраться отсюда. Прощайте. — Бровей выпрямился, махнул рукой и исчез.

Ивор выругался.

Сами собой вдруг сложились строки:

Но если все-таки навечно
Уходят в черную дыру
Тысячелетние миры
И наши крохотные судьбы,
То даже боги нам не судьи,
Раз остаются вне игры!..

Последние две строчки Ивор проговорил вслух. И почувствовал такую обиду и злость на самого себя, что почти без усилий вышел в состояние н а д с о з н а н и я.

[1] Екклезиаст.

«Наконец-то! — проворчал внутри него знакомый голос. — Я уж думал, ты совсем слабак и не вылезешь из костяного мешка под названием тело».

«Это... ты?» — спросил Ивор на всякий случай, понимая одновременно, что разговаривает сам с собой, с одним из своих «я» под названием Шэн И — жизненная воля.

«Это ты, — с иронией отозвался «собеседник». — Со стихами у тебя неплохо получается, а вот как насчет свободы? Не хочешь попытаться вылезти из этого, как ты сам соизволил выразиться, дерьма? Или тебе нравится твое положение?»

«Я не могу двигаться...»

«Вижу, не трать время на оправдания и объяснения, мне все известно, в том числе и то, как бездарно ты дал себя захватить».

«Он напал внезапно... к тому же это особь Палача...»

«Велика персона! Да, тебя, как неразумное дитя, спеленала особь Палача, но ведь ты — человек! Забыл, что люди были когда-то богами, способными творить вселенные?»

«Забыл, — виновато промямлил Ивор. — Точнее, не помнил... но я действительно не могу освободиться! Уже пробовал».

«Плохо пробовал. Этот квазиживой костюмчик на тебе в большей степени ч у ж а я в о л я, нежели просто материал, субстанция с подпиткой ядерной энергии. Победишь в о л ю — сможешь разрушить и ее основу, то есть сам кокон».

«Я... не знаю...»

«Соберись и пораскинь мозгами, попробуй вызвать память родовой линии, предки помогут. Да, будет трудно и больно, однако ничто не дается в подарок, а тем более свобода. За все надо платить. Только решай быстрей, пока тюремщики не спохватились и не вспомнили, кто ты есть. У них имеется правдосос, ты можешь не выдержать пси-атаки».

«У меня нет сил...»

«Найди! — сердито оборвал Ивора его «собеседник. — Ты мужик или размазня?! Хочешь, чтобы тебя уважала Миа, — действуй!»

Голос умолк.

«Хочешь быть счастливым — будь им...» — глубокомысленно пробормотал Ивор.

Ему никто не ответил. Советчик сделал свое дело и умыл руки, надо было начинать действовать самостоятельно.

«Тебя бы самого заставить!»— подумал Ивор о голосе, как о простом собеседнике. Он ощущал себя разбитым и несчастным и не хотел ни шевелиться, ни думать.

Вздохнул.

Попробовать, что ли?..

Сосредоточение на «центре тяжести» потребовало много времени и переживаний; никак не удавалось отстроиться от ломоты в костях и посторонних мыслей. Наконец, ему удалось выйти в «космос» внутренней свободы, и молодой человек почувствовал, как пространство расступается, диапазоны зрения смещаются, а сфера чувствования расширяется.

Кончик носа вдруг зачесался.

Ивор скосил глаза. Нос был как нос, бледный и чистый. Но впечатление складывалось такое, что по нему бредет стадо слонов. Ивор напрягся и у в и д е л этих слонов: шевеля ресничками и псевдоподиями, по бескрайнему пористому холму носа шествовали... бактерии!

Он чихнул.

«Слоны» слетели с «холма», и сразу раздражающие ощущения исчезли. Зато что-то сделалось с глазами. Стена, на которую смотрел Ивор, скачком исчезла, и он увидел бесконечное множество странных шевелящихся предметов: хвостатые запятые, гантели, отдельные дымящиеся шары, шары, соединенные по трое или образующие тетраэдры, звездочки и спирали плавали в океане сверкающей рыбьей икры! Прошло какое-то время, прежде чем он сообразил, что видит... атомы и молекулы воздуха!

И еще одна вещь поразила его своей необычностью — звуки. Они появились неожиданно вместе с атомарным видением, словно где-то приоткрылась дверца, впустив их в помещение.

Тихий гул, непрерывный треск и тусклое шипение, изредка пронизываемое вибрирующими скрипами и свисточками. Ивор долго прислушивался к ним, пытаясь определить источник звуков, пока, наконец, не понял, что слышит шум броуновского движения атомов и молекул собственных ушных раковин и ток крови по сосудам.

Это, конечно, здорово, подумал он с облегчением, однако ему такая гиперчувствительность ни к чему, она только мешает. Хотелось бы услышать, что творится за стенами тюрьмы, а не как стукаются молекулы друг о дружку.

Он «пошевелил» своей сверхчувственной сферой, заполнившей все помещение погреба, и обнаружил еще одно тело, принадлежащее Григорию Белому. Попытался по очереди привести в чувство Мириам, Павла Жданова и Белого, но у него ничего не вышло. Все «хронодесантники» лежали без сознания и в себя не

приходили. Тогда Ивор нашел в двери крошечную щель и просунул в нее «палец» пси-восприятия. Просочившись тонкой струйкой энергии за пределы погреба, он обследовал коридорчик за дверью, лестничную клетку, поднялся по лестнице наверх и вылетел в холл первого этажа здания.

Он «увидел» прохаживающегося по гранитному полу человека, но не узнал его. Кроме незнакомца, здесь же находилась женщина, от которой исходила волна брезгливого нетерпения и угрозы. Она с удивлением прислушалась к бесшумному полету «призрака», в которого превратилось сознание Ивора, включила «прожектор» биолокации, и едва не ослепший от мощного потока пси-энергии Ивор метнулся назад, втягивая «щупальце» своего экстравосприятия в «панцирь» головы.

Полежал немного, отдыхая, вспотевший от эмоциональной встряски. Он никак не ожидал, что кто-то способен почувствовать его «тонкое тело», ставшее разведчиком. Потом пришла догадка: женщина в доме Полуянова была не кто иная, как Тирувилеиядаль, агент Палача по особым поручениям. Что лишний раз подтверждало связь комиссара с самим Палачом.

Надо торопиться, подумал Ивор с тревогой. Если она поймет, что я очнулся, — век свободы не видать!

Голову сжала чья-то холодная дрожащая рука.

Тот, кто пытался подчинить его — «наездник» в форме жидкометаллического «савана», снова усилил пси-давление на мозг, но Ивор отгородился от него щитом энергии, и «десантник» Палача отступил. Хотя и оставался рядом, как готовая к прыжку хищная тварь.

Ивор снова вылетел из тела невидимой струйкой энергии, ощупал лицо Мириам с закрытыми глазами, чувствуя слабое биение пульса девушки, и дотронулся до ее почти несветящейся ауры.

Произошло нечто вроде бесшумного взрыва. Мыслесфера Мириам судорожно расширилась, вспыхнула, заискрилась беспорядочной метелью, искорки сложились в вихрик, обежавший темные закоулки сознания. Девушка открыла глаза, пока еще черные, без проблеска мысли. Затем глаза ее стали проясняться, в них промелькнули, сменяя друг друга, испуг, растерянность, обида, тревога, злость. Она вспомнила, что произошло и почему она находится в столь унизительно беспомощном положении.

Ивор осторожно «подсоединился» к ее мыслесфере.

«Привет, гриф».

«Кто это?!»— вздрогнула Мириам. Она попыталась освобо-

диться от объятий пленочной «смирительной рубашки», но не смогла.

«Не пугайся, это я. Лежи, приходи в себя, я попытаюсь разбудить остальных».

«Ивор?! Ты жив?!»

«Что со мной сделается?»

«Ты на свободе? Я тебя не вижу».

«Я в таком же положении, как и все, но дух мой на свободе. Мне понадобится ваша помощь».

«Я даже пошевелиться не могу!»

«Шевелиться особенно не потребуется, надо будет поддержать меня энергетически».

«Конечно, мы поддержим, если это необходимо. Ты уверен, что сможешь освободиться?»

«Уверен... почти. Мне надо сломать волю этого мыслящего «савана», тогда удастся заставить его слезть с меня. Потом мы заберем дриммер из сейфа комиссара, и тогда уже никто нас не остановит!»

«У нас получится!»

«Жди».

Ивор сосредоточился на ощущении пси-вибраций вокруг неподвижных тел спутников и начал восстанавливать их мыслительные процессы. Он успел привести в чувство обоих, причем Павел Жданов очнулся намного быстрее своего друга, когда открылась дверь и в подземном бункере появилась рыжеволосая красавица, а за ней протиснулась лоснящаяся металлом туша псевдочеловека.

ГЛАВА 7

Удар по сознанию был нанесен столь мощный, что не будь включен генератор пси-защиты, Игнат не смог бы его отразить. Но он был готов к разного рода неожиданностям и, несмотря на туман и шум в голове и цветные круги перед глазами, отбил пси-атаку и точным выстрелом из «глюка» уничтожил витса, ворвавшегося в кабинет директора четвертого видеоканала. Затем забрал копии видеозаписи беседы с Полуяновым и в т е м п е покинул здание Златоградского видеоцентра, сильно помяв команду захвата Джона Булла, не ожидавшую сопротивления.

Понимая, что времени у него немного, что Полуянов немедленно объявит на него охоту как на общественного преступника,

Игнат тем не менее сначала связался со Златковым, объяснил ему ситуацию, затем поговорил с Ясеной, сообщив о захвате ее сына в доме Полуянова, и лишь потом направился домой в совершенной уверенности, что успеет сделать все дела до появления группы захвата.

Он действительно успел стереть память домового, дезактивировал рабочего инка, «закопав» его базу данных в недра Стратега контрразведки, доступа к которому Полуянов не имел, и отправил витса с грузом аппаратуры и необходимого оборудования, хранящегося в секретной комнате под мастерской, по спецканалу метро на лунную базу особого отдела контрразведки. Хотел было расконсервировать себе в помощь одного из роботов, замаскированных под скульптуры, но в это время возле дома появились непрошеные гости, и пришлось решать проблему отступления.

В принципе он мог бы и не пустить оперативников Полуянова, использовав кое-какой арсенал из своих старых комиссарских запасов, однако начинать войну с парнями, большинство из которых просто исполняло свой служебный долг, не хотелось. Но уходить, не закончив дела, тоже не хотелось. Поразмыслив, Игнат решил спрятаться и подождать, пока безопасники не уберутся вон. Он метнулся в свою спальню и остановился перед большой — метр на полтора — картиной, висящей на стене и изображавшей rocky shoreline — скалистый ночной берег моря с лунной дорожкой...

Наблюдатели засекли «живое» шевеление в доме скульптора, и Джон Булл направил туда усиленную обойму спецназа из бригады быстрого реагирования. Двенадцать профессионалов службы безопасности прибыли к дому Ромашина спустя семь минут после получения сигнала тревоги и приступили к операции захвата, выслушивая на ходу инструкции командира. После того как Ромашин сумел вырваться из видеоцентра, справившись с четырьмя оперативниками, еще одна неудача была недопустима, и Джон Булл разрешил в с е приемы, вплоть до ликвидации объекта. Сам он прибыл в дом Ромашина через линию метро в сопровождении двух витсов и двух телохранителей.

Одетые в маскировочные «хамелеоны», оперативники бесшумно проникли в мастерскую Ромашина, обшарили помещение с помощью аппаратуры энергопеленгации и хомодетекторов, потом ворвались в гостиную, в кабинет скульптора и в три спальни. Однако во всех помещениях двери были распахнуты и гостей встретили тишина и покой. Ромашина нигде не было видно. Он

словно сквозь землю провалился, хотя деться ему было некуда. Дом имел только один подземный схрон, да и тот был открыт, а других аппаратура группы захвата не почувствовала.

— Контроль-два, что наблюдаете? — запросил Джон Булл дежурного спутниковой сети слежения за земной поверхностью. — Объекта на месте нет. Вы не ошиблись с идентицикацией?

— Мы не ошибаемся, — сухо ответил дежурный. — Он был и исчез, как только появилась ваша команда.

— Значит, он успел уйти через метро?

— Непохоже, спектр энергоколебаний при срабатывании линии иной. Он просто исчез, и все.

— В воздухе растворился, что ли? Или в привидение превратился?

— Не могу знать, — еще суше доложил дежурный.

Джон Булл пожевал губами, достойного ответа не нашел и отключил связь. Посмотрел на командира обоймы спецназа.

— Обыщите дом еще раз. Просветите все стены, пол и потолок, прощупайте эти чертовы скульптуры. Он должен быть здесь!

— Если бы он был здесь, аппаратура бы его засекла.

— Но он не мог исчезнуть без причин! Должны остаться какие-то следы. Ищите!

Парень в «хамелеоне», сам похожий на человека-невидимку, у которого была видна только голова, кивнул и жестом послал своих подчиненных вперед.

Джон Булл прошелся по мастерской, с отвращением разглядывая монстровидные изваяния из пластика, гипса, гранита, керамики и металла, поднялся в жилой блок дома, обошел спальни и остановился в последней с ее роскошной картиной, написанной маслом в манере Куинджи, похожей больше на окно — так она была реальна. Полюбовавшись на серебристые блики лунной дорожки, Джон Булл выслушал доклад командира обоймы об отсутствии следов хозяина и каких-либо замаскированных ниш, плюнул на картину и вышел из спальни. Оставив на всякий случай трех оперативников стеречь Ромашина, он вернулся в Управление и доложил Полуянову о неудаче.

Оставшиеся в засаде спецназовцы некоторое время бродили по закоулкам дома, прислушиваясь к тишине, посмеялись над скульптурами странных существ, изваянных хозяином, и разделились. Двое из них устроились в креслах напротив кабины метро с пузырями холодного тархун-тоника, найденными в холодильнике скульптора, третий расположился в холле у входной

двери. Все трое были опытными работниками службы и вели себя соответственно поставленной задаче, но они не ожидали скорого появления хозяина и позволили себе на минуточку расслабиться.

Поэтому Игнат, выйдя из картины с ночным морским пейзажем в спальню, сразу приступил к нейтрализации засады.

Картина казалась таковой лишь с виду. На самом деле она представляла собой хроноквантовый кокон, срез свернутой реальности, упакованный с помощью технологий, известных лишь ограниченному числу лиц, одной из копий Земли «параллельной» Ветви. Картину Игнат писал сам, а его кванк — комиссар из «соседней» Ветви, знавший специалиста по свертке пространств (того звали Степан Погорилый), лично ездил к нему в гости, чтобы тот превратил картину в пространственноподобный «мешок», в котором время шло «перпендикулярно» земному и где можно было находиться сколь угодно долго. А так как этот «мешок» не излучал энергии ни в одном из диапазонов электромагнитного спектра, то и найти вход в него, запеленговать было невозможно никакой аппаратурой.

Первым делом Игнат переоделся в «кокос» и включил режим маскировки, превращаясь в привидение. Бесшумно спустился в холл первого этажа, по которому бродил безопасник Джона Булла, мурлыкая под нос песенку. Понять, что происходит, он не успел. Ромашин выстрелил в него из парализатора, и парень осел на пол безвольной куклой. Генератор гипнозащиты у него был отключен.

С двумя другими сторожами засадной группы пришлось повозиться. Один из них уснул сразу, выронив из руки стекляшку с тоником, а вот второй, громадный, как медведь-гризли, бородатый, с мрачным взглядом лешего из-под косматых бровей, на выстрел из парализатора не отреагировал — пси-защитник у него был включен постоянно — и ответил на ментальную атаку Игната выстрелом из «универсала». Ромашина в костюме-«призраке» он не видел, поэтому промазал, но продолжал стрельбу во все стороны, пока не получил два точных попадания в узлы автоматии с оружием, расположенные на плечах комбинезона-«хамелеона». Но и после этого он не перестал сопротивляться, а метнулся к напарнику, вырвал из турели на его плече «универсал», и Ромашину снова понадобилось тщательно целиться и стрелять таким образом, чтобы не убить парня.

После этого он еще раз использовал парализатор, обездвижил безопасника и только тогда выключил режим маскировки своего

костюма. С грустью посмотрев на оплавленные, в дырах и шрамах, стены коридора и холла с кабиной метро, он вернулся в мастерскую и вызвал Златкова.

— Я в Софии, у себя дома, — отозвался ученый. — Обнаружил много интересного. Оказывается, мой кванк работал над...

— Немедленно уходите оттуда! — перебил его Ромашин. — Это не ваш дом, а дом кванка, за ним наверняка ведется наблюдение. С минуты на минуту к вам пожалуют опера Полуянова...

— Да они уже были, — с меланхолическим спокойствием сообщил Атанас. — Четверо парней в костюмах «невидимок». Я их запер в игровой комнате с фантовариатором, они до сих пор там дерутся с виртуальным противником и гоняются за мной.

Ромашин невольно улыбнулся.

— Отличное решение. Тем не менее советую покинуть дом кванка. Появились новые тревожные обстоятельства.

— Хорошо, — после минутной паузы сказал ученый. — Куда мне прибыть?

— Ждите меня в кафе «Беловодье», рядом с седьмой станцией метро Софии. Я буду там через двадцать минут.

Не ожидая ответа, Игнат выключил рацию и занялся расконсервацией помощника. Вскоре одна из скульптур — трехметровый гигант в черных, с золотым тиснением латах — точная копия «хронорыцаря», очнулась от долгой спячки. Горизонтальная щель глаза во лбу налилась красным свечением, «хронорыцарь» шевельнулся, повернул голову вправо-влево, посмотрел сверху вниз на Ромашина.

«К работе готов», — послышался его характерный «машинный» пси-голос.

«Привет, Петруха, — отозвался Игнат. — Будешь исполнять обязанности защитника и телохранителя, пока мы не освободим наших друзей. Подключайся к Стратегу контрособистов и качай информацию».

«Приступаю».

Черный «рыцарь» сошел с пьедестала, на котором стоял много лет, прошелся по мастерской. В отличие от прототипа ступал он легко и бесшумно, хотя весил при этом около четырехсот килограммов.

«За нами следят», — сообщил он спустя несколько секунд.

— Кто? — вслух спросил Ромашин.

«Мы в потоке внимания орбитальной сети слежения».

«В таком случае срочно уходим!»

Игнат направился к метро, подумав, что не знает, когда вернется домой, и что надо предупредить Ярину о возможных визитах к ней безопасников Полуянова. «Хронорыцарь»-витс, которому он дал имя Петруха, послушно пристроился сзади. Выглядел он весьма экзотично, и Ромашин признался в душе, что не подумал о динго-маскировке своего телохранителя. В таком виде даже в век всеобщего нигилизма и равнодушия к моде на Петруху все равно будут обращать внимание.

На седьмой станции Софийского метро они появились ровно в двенадцать часов ночи по местному времени. Город сверкал иллюминацией так, что ночи как таковой не было, хотя купол неба казался черно-фиолетовым и звездным.

Златков ждал Ромашина у стойки кафе-бара «Беловодье», попивая с рассеянным видом что-то пузырящееся и вспыхивающее искрами. Народу в кафе было много, к ученому то и дело подсаживались юные красотки и вскоре исчезали с разочарованно-обиженным видом.

Понаблюдав за ним немного, Игнат оставил Петруху в тени арки метро и присоединился к Атанасу.

— Что пьем, милостивый сударь?

— Шампанское, — небрежно ответил ученый, слегка оживляясь и тут же снова впадая в транс. — «Теща Клико» называется. У нас такого нет.

— А какое у вас есть?

— «Вдова Клико».

Игнат усмехнулся.

— Весьма многообещающее название для шампанского. Пожалуй, я бы не отказался попробовать вашего. — Он поднял вверх палец и заказал мгновенно появившемуся видеопризраку официанта: — Бокал «Тещи».

Официант исчез, через полминуты бокал с искрящимся напитком появился на стойке. Игнат поднял его, посмотрел на свет, с тихим звоном дотронулся до бокала Златкова:

— За успех безнадежного дела, Судья.

— Я уже не Судья, — с тем же меланхолическим видом заметил Атанас. — Как и вы.

— Все равно — за успех. Посидим здесь в приятной обстановке пару минут, давно не отдыхал. Так что вы там обнаружили «у себя дома»?

Златков снова оживился.

— Во-первых, ваша Ветвь начинает «сохнуть», судя по проис-

ходящим глубинным процессам. У моего кванка набралась любопытная статистика по квантовым осцилляциям вакуума и топологической связности стринг-ядер кварков.

— Да, мы в курсе. Эти процессы сказываются уже на макроуровне. Все больше появляется людей с психическими отклонениями, причем их количество растет экспоненциально. Люди катастрофически теряют память, причем склеротиками становятся молодые люди в возрасте от четырнадцати до восемнадцати лет. И все чаще умирают сердечники и больные с заболеваниями сосудов головного мозга. Это все, что вы обнаружили?

— Нет, меня поразили результаты Атанаса в области экспериментов с изменением скорости фундаментальных взаимодействий. Он очень близко подошел к решению универсального закона Абсолютной физики, или физики недоступного совершенства. Я назвал этот закон Принципом Свободы Воли Творца. Если удастся обосновать его теоретически, можно будет выйти на контакт с самим Творцом.

— Вы серьезно? — с любопытством посмотрел на собеседника Игнат.

— Во всяком случае, я вполне смогу рассчитать граничные условия его существования — то есть Древо Невозможных Состояний и аксиомы физики Абсолютного совершенства.

— А конкретное применение ваши расчеты будут иметь?

— Разумеется. К примеру, я получу решение проблемы обратимости времени в пространство или проблемы взаимоперехода многомерных времен. Кроме того, можно будет подойти вплотную к зубодробительным формулам антивремени и мнимого времени.

— Неужели и такие существуют?

— Большая Вселенная реализует а б с о л ю т н о всё, даже самые дикие наши фантазии, — с философским спокойствием подтвердил Златков. — Все зависит от Творцов конкретных Мегавселенных типа Древа Времен. Как уже становится ясно, Древо не отражает всего спектра фундаментальных взаимодействий в континууме непарадоксальных этик и контрэтик.

Ромашин покачал головой.

— Для меня это слишком сложные материи, хотя и чрезвычайно интересные. Однако нам пора, Атанас.

— Пора так пора. Что мы должны делать? Освобождать Ждановых?

— Пока сие нам недоступно. Посоветуемся с товарищами, составим план действий. Потом будет видно.

— Я знаю этих товарищей?

— Они из Спецкона, особого отдела контрразведки, как и моя дочь. Возможно, вы знакомы с Ясеной, матерью Ивора.

— Кажется, нас знакомили лет двадцать назад. Тогда она была совсем девчонкой.

— Двадцать пять лет назад.

— Значит, вы тоже работаете в контрразведке? А занятия скульптурой — прикрытие?

— Скорей потребность. Хотя с другой стороны — прикрытие. — Ромашин поднял руку, подзывая кого-то, и к беседующим подошел высокий черноволосый молодой человек с открытым приятным лицом. — Знакомьтесь, Атанас, это Тео аль-Валид, «кобра» службы безопасности и одновременно полковник Спецкона.

Тео и Атанас пожали друг другу руки.

— Что выяснил? — посмотрел на полковника Ромашин.

— Они все находятся в бункере под домом Полуянова, — доложил Тео. — Там же обитает эта тварь из жидкого металла.

— Какая тварь? — поинтересовался Златков.

— В захвате Ждановых участвовал некий псевдочеловек, похожий на глыбу текучего металла. Очень мощный, судя по энергетическому эху. Мы предполагаем, что это особь Палача, одно из его тел-клеток. В крайнем случае — заготовка для внедрения интеллекта самого Палача.

— Мне бы взглянуть на него... побеседовать...

— Может быть, еще доведется, — с улыбкой сказал Ромашин. — Что еще?

— Комиссар бесится, — добавил Тео с невозмутимым видом. — Вы ушли дважды, и он чуть не расстрелял своего зама по спецоперациям Джона Булла. Кстати, с Федором снова работает его бывший зам Басанк, командует телохранителями. Этот тип опаснее Булла. И еще... — Тео прижал к уху каплю рации, отвечая кому-то из своих оперативников мысленно. — Мои ребята видели в Управлении рыжеволосую красавицу...

— Тирувилеиядаль? Значит, вербовщица Палача все еще здесь... На что она надеется? Кого еще хочет завербовать в свою команду? Может быть, готовится переворот? Смена Правительства?

— Зачем это Полуянову? — пожал плечами Тео. — Он и так имеет немалую власть.

— Власти никогда не бывает много. Для блокирования нашей

Ветви ему как комиссару и необходима власть такого масштаба. Поехали, друзья, обговорим наши проблемы в тесном «семейном» кругу и в более спокойной обстановке.

Они вышли из кафе, сопровождаемые незаметным неопытному глазу движением эшелона прикрытия. Игнат подозвал Петруху, и через несколько минут все четверо, не считая оперов охраны, из метро Софии перенеслись в зал метро секретной лунной базы, принадлежащей Спецкону.

Спецкон, или особый отдел контрразведки, был создан четверть века назад при содействии тогдашнего председателя ВКС. Спустя два года он был ликвидирован за ненадобностью, однако в связи с начавшимися негативными процессами в социуме Солнечной системы руководство УАСС в лице Василия Саковца приняло решение воссоздать особый отдел, не ставя при этом в известность комиссариат службы общественной безопасности, которая имела собственный сектор контрразведки. Поэтому ни комиссар-один Синити Миямото, ни комиссар-два Федор Полуянов не догадывались, что помимо служб, контролируемых ими, существует скрытое подразделение спецреагирования, сотрудники которого занимаются специфичными проблемами дознания в сфере этического шпионажа, в котором всегда заинтересованы Игроки.

Прибывших ждали четверо: Ясена Жданова, мать Ивора, побледневшая и осунувшаяся за последние несколько дней, начальник Спецкона Игорь Марич, секунд-майор Иван Клыков и Кристиан Хансен, эф-аналитик отдела. Увидев трехметровую фигуру «хронорыцаря», они переглянулись, но Ромашин поспешил успокоить хозяев и познакомил с Атанасом.

— Мы уже знакомы, — сказал Златков, целуя руку Ясене. — Я вас помню. И вас тоже, Игорь.

— Взаимно, — потряс его руку Марич. — Идемте, здесь есть где посидеть.

Они устроились в отсеке базы, играющем роль кают-компании, и начали беседу.

Длилась она недолго. Встречались не просто приятели, давно не видевшие друг друга, а профессионалы, умевшие ценить свое и чужое время. Обсудив общие проблемы отдела, они перешли к конкретным делам. Самым важным из них была задача освобождения пленников из рук комиссара, который одновременно был эмиссаром Палача в Солнечной системе, поэтому наибольшее

количество споров и сомнений возникло именно при обсуждении этого дела.

— Мы можем легко ликвидировать Полуянова, — сказал Тео аль-Валид, самый молодой участник совещания. — Как только его команда лишится командира, они запаникуют, и мы спокойно освободим наших ребят.

— Во-первых, легко ликвидировать Полуянова не удастся, — возразил обстоятельный, медлительный с виду Хансен. — Он слишком хорошо охраняется, и вы это знаете, полковник. Во-вторых, убирать эмиссара не имеет смысла, на его место придет другой человек, а гарантий, что мы сразу узнаем, кто он, никто дать не может. Как говорят англичане: devil you know, then the devil unknown[1].

— Согласен, — кивнул Марич.

Бывший «хроноинженер» постарел, морщины избороздили его коричневое от загара лицо, волосы поседели, но в глазах горел огонь воли и знания, и сотрудники Спецкона побаивались и уважали начальника, двадцать пять лет назад принимавшего активное участие в войне «хронохирургов» и Тех, Кто Следит.

— И все же, что мы предпримем? — тихо проговорила Ясена. — Какими реальными силами мы располагаем?

— Сил у нас не так уж и много, — вздохнул Марич. — Во всяком случае, недостаточно для прямой атаки резиденции Полуянова.

— Прямая атака неоптимальна, — покачал головой Клыков. — Лобовые столкновения всегда чреваты последствиями, будут жертвы, будет нежелательный шум в СМИ...

— Все равно нужен выход на Полуянова, — упрямо заметил Тео аль-Валид. — Захватив его, мы выиграем всю кампанию.

— Один раз мы его уже захватывали, и чем это закончилось?

— Просто нужно тщательней готовиться к подобным операциям, отсечь все... — Тео не договорил, выслушивая поступившее по сети связи Спецкона сообщение. С недоумением посмотрел на Ромашина, у которого прыгнули вверх брови.

— Как это понимать? — осведомился Марич, который получил то же сообщение.

— Что случилось? — встревожилась Ясена, оглядев лица мужчин. Рацию она включала редко.

— У меня снова гости, — сказал Игнат задумчиво.

---

[1] Черт знакомый лучше черта незнакомого (*англ.*).

— Где у тебя?

— Дома, разумеется.

— Снова группа захвата?

— В том-то и дело, что группа захвата ждет меня давно. Если ее не сменили. Нет, у меня дома появился я сам. Плюс еще кто-то очень приличных габаритов.

— Ты хочешь сказать...

Ромашин встал, посмотрел на Марича, прищурясь:

— Объявляйте ВВУ по отделу, Игорь. Скорее всего это вернулся мой кванк — комиссар Ромашин. Надо успеть перехватить его до подхода оперов Полуянова.

— Тревога уровня «А»! — объявил по рации Марич без промедления.

Все встали. Ромашин остановил Ясену:

— Ты останешься здесь, мать. В качестве координатора. — Он посмотрел на Златкова. — Вы тоже, Атанас.

— Но я мог бы помочь...

— Вам еще представится такая возможность, здесь мы справимся без вас.

Ромашин, Клыков, Марич и Тео аль-Валид вышли из каюткомпании. Златков и Ясена оценивающе посмотрели друг на друга.

— Опять война... — зябко передернула плечами женщина.

— Я знаю, как сделать, чтобы не было войн, — сказал ученый с преувеличенной серьезностью.

— Как?

— Надо собрать всех хороших людей и перебить всех плохих.

Ясена слабо улыбнулась.

ГЛАВА 8

Все шло нормально.

Полуянов добился, чего хотел: Парламент собирался вынести Правительству вотум недоверия, СЭКОН поставил перед Всемирным Координационным Советом вопрос о служебном несоответствии начальника УАСС, первой кандидатурой на этот пост выдвигался комиссар-два службы безопасности, агентура эмиссара контролировала практически все информационные потоки в Солнечной системе, Ствол оставался заблокированным, и проникнуть в него без дриммера было невозможно, — и все же сомнения грызли душу Федора и не давали жить спокойно, испытывая гордость и удовлетворение от проделанной работы. Кое-

какие пункты в планах комиссара нарушались: скульптор Ромашин, бывший комиссар СБ, оставался на свободе, очаг сопротивления воле хозяина все еще наличествовал в недрах спецслужб (Полуянов уже знал, что против него работает особый отдел контрразведки — Спецкон), и даже захват Того, Кто Пробудился — как отзывались легенды о появлении оператора реальности, которым мог стать Ивор Жданов, — не улучшал настроения Полуянова. Домой он направлялся в дурном расположении духа, еще больше рассвирепев, когда застал в заэкранированном бункере под домом, где находились пленники, великолепную троицу в составе курьера хозяина — «супербабы» Тирувилеиядаль, начальника охраны Басанка и субстанта хозяина, тупого, как и все отдельные капли-клетки клона, отсоединенные от материнского ядра. Или отцовского — если считать хозяина мужчиной, что, в общем-то, не отражало истины.

— Какого дьявола вы тут делаете?! — осведомился Полуянов, сдерживая раздражение.

— Допрашиваем, — ответил Басанк без особого раскаяния. — Когда мы сюда пришли, они все были в сознании.

Полуянов нахмурился, разглядывая лежащих пленников. Все они по-прежнему были запеленуты в жидкокристаллические пленочные «саваны» и напоминали металлические отливки человеческих фигур с живыми лицами. Но подчинить их своей воле ни один «наездник» не смог, и это внушало определенные опасения.

Заметив на лицах Павла Жданова и его сына, точнее, сына его кванка, красные полосы и вздутия, Федор подошел ближе и понял, что Басанк допрашивал пленников самым простым способом — с помощью кулаков.

— Спасибо, Федя, за радушный прием, — дернул щекой Павел Жданов, глаза которого налились ледяной синью. — У тебя отличный помощник. Ему вполне можно было бы доверить роль палача во времена инквизиции.

Басанк шагнул к Павлу, намереваясь ударить его по лицу еще раз, но Полуянов остановил помощника:

— Отставить мордобой! — Повернулся к рыжеволосой посланнице хозяина. — Вам-то зачем понадобился этот цирк? Вы же знаете, этих людей невозможно испугать, если они и станут работать с нами, то лишь после кодирования.

— Они должны знать планы нашего противника, — с хищной улыбкой ответила Тирувилеиядаль. — Надо выяснить, что пред-

принимает Мера, кто и зачем послал их сюда, где остальные члены команды.

— Это мы выясним с помощью «правдососа» в лаборатории Управления.

— Я могу сделать это прямо сейчас, — ухнул басом металлический псевдочеловек, тело которого непрерывно текло и дышало, как живая глыба ртути. — Бионосители, конечно, будут испорчены, но информация не пострадает.

— Несколько часов назад ты утверждал, что наши пленники пригодятся хозяину живыми.

— Ситуация изменилась, — равнодушно проскрипел псевдочеловек.

— Ситуация под контролем.

— Вы кое-что упустили из виду, — небрежно дернула плечиком посланница хозяина. — Оператор может освободиться, если придет в себя. Во-вторых, его наверняка попытаются освободить спектральные команды из других Ветвей. Хотелось бы их опередить и окончательно развеять миф о явлении Того, Кто Пробудился. — Тирувилеиядаль фыркнула. — Мессия, понимаешь ли, нашелся.

— Как только мы уничтожим Ствол, ни одна команда сюда уже не попадет.

— Ствол надо взрывать немедленно.

— У меня другие данные о намерениях хозяина на этот счет.

— Вот приказ. — Рыжеволосая подала Полуянову светящийся синий шарик.

Федор взял шарик, сжал руку в кулак, раскрыл опустевшую ладонь: шарик был интенсионалом и без следа всосался в тело Полуянова, превращаясь в «чистую» информацию, мгновенно ставшую достоянием сознания.

— С этого надо было начинать, — буркнул Федор, переживая неприятное чувство обмана; было обидно осознавать, что хозяин не поставил его в известность о полномочиях курьера.

— Внимание! — принесла рация голос дежурного по Управлению. — В доме скульптора Ромашина замечено движение. Гостей двое, энергетика уровня «упаковка-3».

Присутствующие в бункере переглянулись.

— «Упаковка-3» — это уровень профи спецназа, — сказал Басанк.

— Что я говорила? — язвительно скривила губы женщина. — Это наверняка команда для освобождения оператора.

— Мы ее сейчас прихлопнем прямо там! — сорвался с места Басанк. — Разрешите действовать?

— Там же наша засада...

— Не будьте идиотом, эмиссар, — брезгливо бросила Тирувилеиядаль. — Против нас работают далеко не дилетанты. С вашей засадой легко справился один Ромашин, а если появится команда... пойдемте, Басанк, я с вами. Хочу взглянуть на гостей Ромашина, вдруг я их знаю? — Она кинула взгляд на молча наблюдавших за ней пленников. — Не скучайте, ребята, мы скоро вернемся.

Басанк и Тирувилеиядаль вышли.

— Останься, — приказал Полуянов металлической глыбе псевдочеловека. — Стереги их. Начнут брыкаться — перекрой им кислород.

Он закрыл за собой дверь бункера и поспешил к залу метро вслед за начальником охраны и курьершей хозяина, готовой, судя по замашкам, заменить комиссара на посту резидента в Солнечной системе.

* * *

Существо, мыслесферу которого запеленговал Железовский, почти ничем не отличалось от того «скелета гусеницы», что обнаружили «хронодесантники» на айсберге недалеко от взорванного Ствола. Разве что цвет этой исполинской многосегментной «гусеницы», длина которой достигала трехсот метров, а диаметр — двадцати, был иным — бежевым, с перламутровыми разводами. К тому же оно столь мощно генерировало биополя, что это почувствовали даже «толстокожие» Паша-летчик и Гена Маркин, ранее неспособные отличить квазиживого робота от живого существа.

Айсберг, давший последний приют разумной «гусенице», представлял собой красивую снежно-ледяную конструкцию с причудливо изогнутыми зубцами, похожую на корону, которой можно было любоваться, как самым настоящим шедевром искусства, созданным руками разумных существ. Возможно, так оно и было на самом деле, и айсберги, покрывающие бесконечный океан планеты от полюса до полюса, были выращены ее хозяевами в качестве своеобразных жилищ.

Никто из «хронодесантников», в том числе Игнат Ромашин, не участвовал в «беседе» Железовского с гусеницеподобным созданием, взиравшим на мир с философским спокойствием узника тюрьмы. Глаз у существа не было видно — в человеческом пони-

мании, и все же люди чувствовали, что оно разглядывает их, испытывая нечто вроде легкого удивления. Видимо, появление нежданных гостей вызвало у него какие-то давно забытые воспоминания, картины прошлого величия, и оно почувствовало временный прилив сил.

Про человека в таком состоянии обычно говорят, что у него забилось сердце.

Железовский не разрешил никому приближаться к айсбергу ближе чем на двести метров, поэтому за его действиями отряд наблюдал со стороны, повиснув на километровой высоте над уровнем океана. Аристарх сначала медленно приблизился к гиганту, словно запрашивая его разрешения на контакт, потом опустился на пористую поверхность бело-голубого льда напротив «головы гусеницы» — пятидесятиметрового вздутия с рядами выпуклых синеватых пластин. Так он стоял в оцепенении несколько минут, неподвижно и молча, пока «гусеница» вдруг не шевельнулась, приподнимая «голову».

«Хронодесантникам» показалось, что она сейчас бросится на патриарха, и они приготовились атаковать страшилище из всех видов оружия, чтобы не допустить гибели товарища, но «гусеница» просто «села поудобней», прислушиваясь к пси-голосу человека, и под ее «взглядом» айсберг вдруг изменил очертания — превратился в изумительной красоты прозрачно-голубой, сверкающий искрами кристалл.

— Хотел бы я знать, о чем они говорят, — вполголоса заметил Гаранин, нервничавший больше остальных.

— Вряд ли это можно назвать разговором, — отозвался Ромашин. — Если Аристарху удастся заинтересовать этого монстра, мы получим шанс на спасение.

— Если это ему удастся, я воздвигну ему памятник!

— Похоже, это ему удалось, — заметил Руслан, с тревогой посматривающий на державшуюся рядом Надежду.

Девушка устала, потеряла интерес к происходящему, но не жаловалась, а помочь ей Руслан мог только ободряющим словом и вниманием. Он уже пожалел, что взял ее с собой в эту полную непредсказуемых опасностей экспедицию по вселенным удивительного Древа Времен. Даже ему, закаленному суровой жизнью человеку боя, было нелегко бежать по лезвию бритвы, рискуя сойти с ума от неожиданных встреч с жуткими формами жизни или сломать шею в очередном поединке со злобными тварями или людьми, перешедшими на службу Палачу. Что уж говорить о кра-

сивой и умной, но не привыкшей к неудобствам женщине, не предполагавшей, с чем она столкнется во время безумного бега по неведомым мирам.

«Гусеница» напротив Железовского подняла «голову» еще выше, все ощутили всплеск давления на мозг, и тотчас же под шлемами «кокосов» раздался голос Аристарха:

— Присоединяйтесь ко мне, друзья. Старик согласился отправить нас в другую Ветвь. Точнее, он знает способ доставки.

В то же мгновение рядом со вставшим на «задние лапы» гусеницеподобным чудовищем бесшумно выросла ажурная металлическая с виду труба, уходящая в небо.

— Трансгресс! — с нескрываемым изумлением проговорил Ромашин. — Он вызвал трансгресс! Как вам удалось уговорить его?!

— Старик вспомнил молодость, — со смешком сказал Железовский. — Оказывается, он встречался с такими, как мы.

— Давно?

— Судя по нечеткости воспоминаний, около миллиона лет назад.

— Но ведь нас тогда еще не было, — буркнул Олег Борисович. — Я имею в виду людей вообще.

— Люди были всегда, — вежливо возразил Ромашин. — Не удивлюсь, если выяснится, что здесь побывали бровеи. Однако, господа путешественники, давайте-ка поспешим воспользоваться случаем, пока наш благодетель не передумал.

«Хронодесантники» слетелись к трубе трансгресса, которую рассматривал Железовский. Его «собеседник», наверное, устал, опустил верхнюю часть туловища на свое ложе и застыл снежно-ледяной шипасто-волосатой «гусеницей».

— Прощай, старина, — вслух сказал Железовский. — Спасибо за помощь.

Хозяин водно-ледяной планеты не пошевелился, хотя людям показалось, что он посмотрел на них задумчиво, с гордой величавостью и безмерной печалью.

— Как вам все-таки удалось объяснить ему, что нам требуется? — спросил Руслан.

— Несмотря на все внешнее различие, наши ментально-эмоциональные сферы в чем-то очень схожи, — ответил Железовский. — Трудно было в самом начале, когда я искал образы для контакта, которые были бы ему понятны. Потом все пошло своим чередом. Многое я, к сожалению, не понял, но в основном мы

нашли общий язык. Как этим пользуются? — Аристарх кивнул на трубу трансгресса.

— Очень просто, — ответил Гаранин, уже привыкший к чудесам техники будущих столетий. — Забери нас отсюда, — обратился он к автомату трансгресса.

Тотчас же всех подхватила мягкая непреодолимая сила и подвесила по оси трубы.

— Куда направляемся?

— Минуту, — быстро сказал Ромашин. — У нас имеется возможность одним ударом убить нескольких зайцев. Коль уж в нашем распоряжении оказался парамост перемещений, мы можем высадить Аристарха в его Ветви, а потом отправиться по следам оператора.

— Если автоматика этого вашего парамоста согласится, — сказал Гаранин, — почему бы и нет?

— Стас, откликнись, — позвал Ромашин.

— Слушаю вас, — отозвался мягкий мурлыкающий женский голос.

— Разве мы в Стволе? — с недоумением спросил Олег Борисович. — Ведь Стас — инк Ствола...

— Трансгресс, по сути, является продолжением хронобура, поэтому его инк-оператора можно называть и Стасом, он не обидится. Будьте добры, уважаемая, надо отправить одного из нас по адресу Солювелла-один, а остальных...

— Позвольте возразить, — вмешался Железовский. — Пожалуй, я пойду с вами. Найдем парня, которого вы ищете, и он вернет меня домой. Вы говорили, что это ему по силам.

— Должно быть по силам. В крайнем случае воспользуемся услугами Стаса в уцелевших кванках Ствола. Итак, ищем Ивора?

Ответом Игнату было общее молчаливое согласие.

— Принято. Тогда попросим нашего оператора об услуге. Стас, вы случайно не знаете, где высадился человек по имени Ивор Жданов? Он еще известен как оператор Древа и Тот, Кто Пробудился.

— Он вышел на Земле Солювелла-три сто первого зависимого хроноквант-угла в сопровождении четырех человек.

— Не может быть! — тихо поразился Ромашин.

— Что такое? — встревожился Гаранин.

— Ивор вернулся домой, в родную Ветвь... где его наверняка ждут молодцы Полуянова. Кто с ним?

— Трое мужчин и женщина: Павел Жданов, Атанас Златков, Григорий Белый и Мириам Ромашина.

— Не может быть! — еще раз повторил Игнат. — Неужели он нашел и освободил отца?

— Простите, этого я не знаю.

— Встретимся и выясним, — сказал Руслан.

— Да, конечно, — опомнился Ромашин. — Хотя новость весьма неоднозначна. Итак, направляемся в узел Солювелла-три, в мир Ивора. Надеюсь, мой кванк поможет нам отыскать мальчика. Отправляйте нас, Стас.

— Желаю удачи, — вежливо проговорил оператор трансгресса уже мужским голосом.

И та же непреодолимая сила швырнула людей в огненный тоннель, пронзающий бездны бездн чужих пространств и времен.

Встряска от броска через необозримые пропасти Ветвей Древа Времен была не слишком сильной, и «хронодесантники» пришли в себя быстро, как только оказались на берегу какого-то залива с торчащей над ним белесой шпагой орбитального лифта. Залив оказался Рижским, высадка из трансгресса совпала с местным днем, местные жители, хотя и заметили выскочивших из ниоткуда семь сверкающих фигур, не придали этому значения.

— Куда теперь? — осведомился Гаранин, сворачивая шлем и с любопытством осматриваясь.

Место казалось достаточно пустынным, несмотря на два десятка загорающих в дюнах людей, отгороженное от сверкающих зданий города на востоке лесной полосой.

— Сейчас я познакомлю вас со своим кванком, — ответил Ромашин. — Он скульптор и одновременно эксперт особого отдела контрразведки. У него дома мы будем какое-то время в безопасности.

Зная коды связи и номера информканалов, Ромашин связался с местным информом и выяснил, где находится ближайшая станция метро. Она располагалась рядом с порталом орбитального лифта, светящийся столб которого диаметром в двести метров был виден издалека. «Хронодесантники» изменили форму костюмов на менее вызывающую, такую, чтобы не бросаться в глаза, и направились по воздуху к метро кратчайшим путем — срезая угол залива.

Ромашин попытался связаться со своим кванком по рации, но ему никто не ответил. Тогда было решено, что в дом скульптора отправятся двое — Игнат и Железовский, а остальные будут ждать их здесь, в кафе на берегу залива. Если в течение часа Ро-

машин не даст сигнала, что все идет нормально, группа должна будет действовать самостоятельно в зависимости от обстановки.

Ромашин оставил Петруху у кафе, и они с Железовским, фигура которого внушала уважение габаритами и осанкой не менее, чем фигура «хронорыцаря», скрылись под хрустально-молочным куполом метро.

* * *

— Дело дрянь! — сквозь зубы выговорил Белый.

Он не обладал большим запасом пси-энергии и с трудом справлялся с гипнотическим давлением пленки «наездника». Впрочем, остальным тоже приходилось несладко, и держаться независимо становилось все труднее.

Понимая, что сил у спутников остается все меньше и меньше, Ивор решил вывести тюремщика, глыбой застывшего у двери, из себя и заставить его ошибиться. Шанс был невелик, но так как Ивору не удалось вызвать трансгресс — то ли мешала мощнейшая экранировка подвала, то ли его состояние не позволяло ему сделать это, — надо было использовать даже самые безумные варианты для освобождения.

— Эй, болван! — позвал он металлического сторожа. — Не хочешь поиграть?

— Я не болван, — немедленно отозвался субстант Палача, превращаясь в диковинного зверя. — Я не хочу играть.

— Тогда ты действительно болван! Ведь твой хозяин — Игрок!

Металлический псевдочеловек помолчал, шевеля бликующей «кожей», что порождало эффект непрерывного тока металла снизу вверх.

— Я не понимаю смысла твоей речи, — наконец выдавил из себя он. — Но, судя по эмоциональному наполнению, ты пытаешься меня оскорбить и спровоцировать на нелогичный поступок.

Не выдержав, засмеялась Мириам. Григорий и Павел Жданов улыбнулись.

— Какой мощный интеллект! — сказал Белый с ироническим восхищением. — Его даже оскорбить невозможно. Если его хозяин мыслит так же, непонятно, почему он выигрывает Игру.

— Это всего лишь одна капля Палача, — заметил Жданов. — Одна его клетка, болванка, имеющая ровно столько ума, сколько требуется для обслуживания ее физиологических потребностей. Будь она поумней и посильней, мы были бы уже зомби Палача.

— Ну так что, болванка? — продолжал Ивор. — Поиграем в

какую-нибудь интересную игру? Если выиграю я, ты меня отпустишь. Если ты выиграешь, мы добровольно перейдем на сторону твоего хозяина.

— Осторожнее с обещаниями, — проворчал Григорий. — Вдруг этот монстр не так прост, как кажется?

— Что ты предлагаешь? — гулким басом спросил псевдочеловек.

— Есть такая человеческая игра — шахматы. Либо ее трехмерный вариант — трикор. Могу быстро обучить.

— Я не знаю такой игры.

— Можно выбрать игру попроще, карточную — в подкидного дурака, в очко.

— В шестерочку, — подсказала ехидно Мириам. — А лучше сыграть втроем или вчетвером в преферанс.

— У вас будет преимущество, — сказал псевдочеловек. — Я не согласен. И я не знаю таких игр.

— Но хоть какую-нибудь игру ты знаешь?

— Знаю.

— Назови.

— У нее нет названия на человеческом языке.

— Естественно, — хмыкнул Жданов. — В такие игры Палач играет там, где нет человека. Но вряд ли она чем-либо отличается от войны. Не так ли, болван?

— Твое предположение логически верно, — подтвердил псевдочеловек. — Но ты тоже пытаешься меня оскорбить.

— Разумеется, — согласился Жданов.

— В таком случае будет правильно, если я перекрою вам кислород.

Металлическая глыба вспухла тремя волдырями, которые начали превращаться в щупальца, нацеливающиеся на лежащих без движения пленников.

— Подожди, — быстро сказал Ивор, — у меня есть еще одно предложение. Освободи меня от пленки и попробуй поймать снова. Ты ничем не рискуешь: дверь заперта, помещение заэкранировано, убежать или спрятаться мне негде. Идет?

— Зачем? — равнодушно поинтересовался посланник Палача. — Смысл?

— Я утверждаю, что ты меня не поймаешь.

— Ну и что?

— Неужели тебе неинтересно посоревноваться? — удивился Ивор. — Или ты действительно дебил? Кристаллическая оболочка для дерьма?

— Что есть дерьмо?

Белый и Жданов рассмеялись.

— Не важно, ты все равно не поймешь, — продолжал Ивор. — Это интегральная оценка твоей умственной деятельности. Если бы у меня были свободны руки и ноги, я бы тебе быстро растолковал истинность этой оценки.

Щупальца втянулись в тело псевдочеловека, он чуть подрос, обозначил конечности, стал больше походить на металлическую отливку для памятника.

— Я тебя поймаю.

— Попробуй.

— Я тебя поймаю и заставлю объяснить, что есть дерьмо.

— Один такой пытался.

— И что?

Ивор понял, что шутки до его собеседника не доходят.

— И я его съел.

— Меня ты не сьешь, я не биологическое существо.

— Ну так освободи меня, и начнем!

Пауза.

— Хорошо.

В то же мгновение пленка, сжимавшая тело молодого человека, стала сползать с него чулком, превратилась в лужу, которая скользнула к живой металлической глыбе и втянулась в нее.

Ивор с трудом встал, разминая затекшие руки и ноги.

— Я готов, — сказал псевдочеловек. — Начинаем на счет три.

— Подожди, дай отдышаться, я должен вернуть гибкость членам. Ты-то действительно железный, я же из более хрупкого материала.

— Мое тело состоит из палладиево-осмиевых полимеров.

— Вот видишь, а я на три четверти состою из воды. Это равные условия, по-твоему?

— Ты сам предложил поиграть.

— Только чур — не нарушать правила! Если ты в течение минуты меня не поймаешь — я выиграл! Понимаешь, что такое минута?

— Понимаю.

— Тогда начнем!

— Ивор! — слабо вскрикнула Мириам.

Псевдочеловек метнул в Ивора стремительный ручей металла, и тот прыгнул в сторону, спасаясь от него, как от пули.

Часть V

КАК БУДТО БЕЗ НАЧАЛА И КОНЦА

ГЛАВА 1

Железовский почувствовал неблагоприятную обстановку в доме скульптора сразу после выхода из кабины метро. Но он не был в курсе произошедших событий, впрочем, как и Ромашин, и не стал поднимать тревогу. Выйдя в холл метро и увидев его обожженные, оплавленные, в дырах и вмятинах стены, Аристарх обратил на них внимание спутника, тот остановился, понимая, что в доме скульптора недавно шел бой, но возвращаться было уже поздно.

В коридорчике, ведущем на первый уровень дома, появились две дымно-прозрачные фигуры, а из кабины сработавшего метро в холл выскользнули еще два таких же «призрака», за которыми не спеша вышел Федор Полуянов.

Ромашин и Железовский замерли.

«Если начнем первыми — прорвемся», — предложил Аристарх, включая рацию в режим мыслесвязи.

«Надо выяснить, что здесь случилось, — ответил Ромашин. — Будем тянуть время и ждать наших».

«Вы связались с ними?»

«Эта рация так далеко не тянет».

«Я могу вызвать их через поле Сил».

«Узнаем, что произошло с кванком, и вызовем».

— Вот мы и встретились, господин скульптор, — сказал Полуянов, благоразумно держась за спинами спецназовцев. — Наконец-то мы сможем побеседовать об интересующих меня вещах, а то вы так резво бегаете от моих парней, что завидки берут. Странно, что вы рискнули вернуться, зная о засаде. Я вас даже не узнаю.

«Меня приняли за местного Ромашина, — передал Игнат мысль Аристарху. — Попытаемся использовать это обстоятельство».

— Что молчите, господин фигурант всеземного розыска? Надеетесь на помощь Спецкона? Едва ли ваши сообщники рискнут

сунуться сюда ради спасения одного человека. Кстати, познакомьте меня с вашим коллегой. Что-то я раньше его не встречал.

— Это мой витс-телохранитель, — равнодушно сказал Ромашин.

— Ага, понятно, я так и подумал. Парень внушает уважение. Надеюсь, он не начнет демонстрировать чудеса ловкости и скорострельности?

— Не начнет.

— Ну и славно. — Полуянов поманил кого-то пальцем, и из кабины метро вышли еще два человека, судя по габаритам и особому выражению глаз — витсы.

— Отведите этого богатыря в соседнюю комнату и последите за ним, хлопцы. — Федор кивнул на Железовского. — Шевевельнется — сожгите его. — Повернулся к Игнату: — Итак, прежде чем мы отправимся в Управление, ответьте мне на два вопроса.

— Если это не будет противоречить моим целям, — спокойно сказал Ромашин.

Полуянов дернул уголком губ.

— Игнат, я знаю, что вы сильный человек и наверняка носите пси-защитника, но вряд ли выстоите против «правдососа». Поэтому советую говорить все, что знаете, добровольно, иначе, сами понимаете...

— Отлично понимаю, господин эмиссар. Задавайте свои вопросы. Хотя, может быть, мы побеседуем в гостиной за чашечкой кофе?

Полуянов задумался, кинул взгляд на одного из дымных «призраков» в коридоре.

— Гостиную проверяли?

— Так точно, — доложил «призрак». — Все чисто.

— Идите вперед, — скомандовал Федор. — Только сначала отдайте оружие. Витс ваш останется здесь.

Ромашин молча отсоединил от узлов-турелей «глюк» и «кий», передал спецназовцу. Полуянов отобрал у него «кий», повертел в руках, покачал головой.

— Интересная фиговина. Не помню, чтобы у нас было нечто подобное. Неужели Спецкон имеет свои оружейные мастерские?

— Эта фиговина не из нашего мира.

— Тогда понятно. Вперед!

Дверь метро снова открылась, в холл вышли рыжеволосая яркая женщина и угрюмый Басанк, начальник охраны Федора, близкий по габаритам к Аристарху.

— Что вы хотите с ним делать? — спросила Тирувилеиядаль.

— Допросить, — покосился на нее Полуянов.

— Не советую делать это здесь. Мы не знаем, какие сюрпризы мог подготовить этот человек.

— Я просто хочу знать, зачем он вернулся.

Федор махнул рукой, и процессия направилась по коридору к помещениям первого этажа: два спецназовца впереди, за ними Ромашин, затем еще два «призрака» и Полуянов. Переглянувшись, вслед за ними двинулся и Басанк с посланницей Палача.

«Вызывайте остальных, — мысленно передал Железовскому Ромашин. — Обрисуйте обстановку».

В гостиную, декорированную ценными породами дерева в стиле «православный ренессанс», сначала вошел Полуянов с двумя подчиненными, затем впустили Ромашина и остальных.

— Может быть, я сварю кофе? — радушно предложил Игнат.

— Оставьте, господин художник, — поморщился комиссар. — Я знаю, что у вас есть какой-то секрет, позволяющий вам обходить все известные методы обнаружения людей. Вы не за ним случайно вернулись?

Ромашин понял, что его кванк воспользовался «картиной» в спальне — хроноквантовым коконом для того, чтобы спрятаться от ищеек Федора. Возможно, он и сейчас был еще там.

— У меня много припасено секретов, господин эмиссар. К примеру, я могу превращаться в невидимку и неощутимку. Продемонстрировать?

— Держите его на прицеле, — посмотрел Полуянов на своих спецназовцев. — Попытается исчезнуть — стреляйте!

Ромашин улыбнулся.

— А ведь вы боитесь меня, комиссар. Даже в такой ситуации, с таким перевесом сил.

— Обыщите дом еще раз, — посоветовала Тирувилеиядаль. — Такой опытный человек, как бывший комиссар, не мог не знать, что рискует свободой и головой, появляясь дома. Он что-то здесь прячет.

Полуянов кивнул Басанку.

— Соберите все, что вызывает хоть малейшее подозрение. Прощупайте скульптуры, их подставки, обнюхайте стены.

Басанк вышел.

— Лучше скажите прямо, зачем вы вернулись, — проговорил Полуянов. — Все равно ведь скажете, не сейчас, так в лаборатории, разве что после общения с «правдососом» станете идиотом.

— Да нет в моем возвращении никакого секрета, — пожал

плечами Игнат. — Поскольку мои друзья в ваших руках, я и решил поговорить с вами об их выдаче.

— Так просто? — усмехнулся Полуянов.

— В этой жизни все просто, — философски заметил Игнат. — Жизнь... предательство... гибкость спины... смерть.

— Вы мне угрожаете?

— Ну что вы, право, только предупреждаю. Отпустите Ждановых. Это зачтется вам в будущем. Отсчет времени уже пошел.

— Он что-то задумал! — быстро проговорила рыжеволосая посланница Палача. — Еще раз предлагаю закончить допрос в другом месте.

— Не мешайте, — с досадой посмотрел на нее Полуянов. — Занимайтесь лучше своими делами, вы не обязаны присутствовать здесь.

— Хорошо, меня действительно ждут дела, но я вас предупредила.

Тирувилеиядаль вышла.

— А ну-ка, повторите ваше предложение, — сказал Полуянов. — Я вас не понял.

— Жить хочешь, Федор? — тихо, без улыбки спросил Ромашин. — Я не знаю, добровольно ты перешел на сторону Палача или нет, но у тебя еще е с т ь шанс остаться человеком, а не холуем хозяина. Знаю, это трудно, особенно если в мозгу торчит программа контроля, но ведь Златков двадцать пять лет назад сумел ее нейтрализовать. Может быть, попробуешь и ты?

Наступила тишина.

Полуянов, сузив потемневшие бешеные глаза, некоторое время выдерживал взгляд собеседника, потом расслабился и глухо сказал, отвернувшись:

— Я... не могу... — Затем он с силой потер ладонью лоб, пошел к двери. — Эта псевдобаба права, закончим наш разговор в другом месте.

В глубине дома что-то грохнуло. Затем зародился неясный шум.

Ромашин прислушался к нему и сказал со вздохом:

— Поздно, Федя...

* * *

Железовский слышал весь разговор двух комиссаров (Полуянов не догадывался, что допрашивает не скульптора, а его кванка) и одновременно готовился к взрывному действию, зная, что его противник — витсы — не даст ему права на ошибку. Действо-

вать надо было наверняка. Поэтому Аристарх после сеанса связи с Русланом не сделал ни одного движения, словно и в самом деле был витсом, терпеливо поджидая удобный момент.

Через проем двери было видно, как через холл прошествовала к кабине метро, покачивая бедрами, рыжеволосая женщина. Чмокнул автомат запуска. Витсы оглянулись, и в тот же миг Железовский превратился в ураган.

Первого витса он пробил насквозь ударом кулака, затем свернул ему шею и подставил под выстрел второго. Разряд «универсала» пришелся по «сердцу» гиганта, генератору энергии, и сразу грянул взрыв. Однако Аристарх за мгновение до этого прыгнул к оставшемуся витсу, вбил его тело в колонну посреди холла, затем схватил за руку и еще раз со всего размаха ударил о стену холла, превращая в лепешку.

В это время свистнул финиш-автомат метро, из кабины в холл выметнулись три прозрачных вихря, и Железовский расслабился, почуяв своих.

Вихри превратились в бликующие металлом фигуры, шлемы которых складками опустились к плечам. На Аристарха смотрели Гаранин, Костров и Маркин.

— Здесь двенадцать человек, — сказал Железовский. — Не вздумайте предупреждать и геройствовать, это асы. Стреляйте на поражение.

— Это мы умеем, — мрачно хмыкнул Олег Борисович. — Где наш проводник?

— Игната допрашивает в гостиной комиссар. Я освобожу его. Ваша задача — очистить дом.

Метро выбросило еще пару «невидимок» — Надежду и Пашу-летчика. Все были в сборе.

— Надя, останешься здесь, — сказал Руслан. — Режим маскировки не выключай. Если кто появится из метро, дашь сигнал, но ни в коем случае не вмешивайся.

— Пошли! — выдохнул сквозь зубы Гаранин.

«Хронодесантники» превратились в невидимок и бросились по коридору в недра дома Ромашина.

* * *

Полуянов замер, оглянулся, приоткрывая зубы в брезгливой гримасе:

— Ч т о ты сказал?!

— Прикажи своим нукерам сдать оружие. Мы не хотим кровопролития.

— Да ты понимаешь?..

Дверь распахнулась, в гостиную ворвался Басанк.

— У нас гости... — Он не договорил.

Вслед за ним в гостиной появился Железовский. Помещение пронзил мощный горловой бас:

— Не стрелять!

Все замерли.

— У б е й т е их! — прошипел Полуянов.

Сверкнула молния — один из спецназовцев, находившихся в гостиной, выстрелил из «универсала». Железовский ответил точным выстрелом из такого же «универсала», но разрядом помощней. «Призрак» отлетел к стене, круша инкрустированный малахитовой плиткой комод.

— Не стрелять! — еще раз рявкнул Железовский.

За его спиной взвихрился воздух, в гостиную влетели три прозрачные струи, превратились в блестящие человеческие фигуры.

— Не стрелять! — в третий раз, уже тише, повторил Аристарх. Протянул вперед руку, глядя на Басанка. — Отдай мне эту вещь!

Полуянов непонимающе глянул на главного охранника. Тот оскалился, вынимая из кармана комбинезона изогнутую в трех направлениях черную трубку с мигающей зеленой искрой на торце.

— Мы нашли это в одной из скульптур.

— Слинг?!

— Инициатор слинга.

— Отдай, — сделал шаг к Басанку Железовский.

— Отними, — ухмыльнулся тот, нацеливаясь пальцем на мигающий огонек.

— Кажется, ваш бандит собрался взорвать нас вместе с вами, — хладнокровно сказал Ромашин. — Подходит вам такая перспектива? Или вы прикажете ему отдать детонатор?

— Думаю, вы проиграли, — сказал вспотевший Полуянов. — Если погибну я, хозяин пришлет еще одного резидента, и дело будет продолжено. Если погибнете вы, Спецкон не сможет развернуться в полную силу и помешать нам. Где вы установили сам слинг?

— Я его не устанавливал.

Полуянов скривил губы.

— Шутите? А кто?

— Я, — раздался голос из коридора, и в гостиную вошел еще

один Ромашин в сопровождении хмурого мужчины с коричневым морщинистым лицом. Вслед за ними в дверь с трудом протиснулся гигант, похожий на рыцаря в черных латах, с единственным щелевидным светящимся глазом.

— Игнат! — глухо проговорил Полуянов, переводя взгляд с одного на другого и обратно. — Это ваш...

— Кванк, естественно.

— Взрывай! — беззвучно шевельнул губами Федор.

Но, прежде чем Басанк нажал кнопку инициатора слинга, Железовский вдруг оказался рядом с великаном, выхватил черную трубку детонатора, а самого Басанка отшвырнул прочь с такой силой, что тот пролетел по воздуху десяток метров и врезался в красивое трюмо, разбивая его вдребезги и буквально киселем сползая по стене на пол.

Ромашин-второй, появившийся к развязке драмы, покачал головой.

— Эдак вы мне всю антикварную мебель покалечите, милейший. Знаете, сколько времени я потратил на ее реставрацию?

— Прошу прощения, немного не рассчитал, — положил руку на грудь Железовский. — Я помогу вам ее починить.

Ромашин-скульптор улыбнулся.

— Спасибо, принято. — Он посмотрел на Ромашина-комиссара. — Однако ты вовремя, тезка. Если бы не ваше появление, нам пришлось бы действовать иначе и без особых шансов на успех. Предлагаю закончить операцию по освобождению Ждановых, пока агентура Палача не опомнилась.

— Я уже дал сигнал тревоги, — с мрачным спокойствием проговорил Полуянов. — Джон через пару минут приведет сюда всю мою армию.

— Мы успеем. — Ромашин-скульптор кивнул на своих спутников. — Знакомьтесь, это начальник особого отдела контрразведки Игорь Марич и мой телохран Петруха.

— Привет, Игорь, — сказал Ромашин-комиссар, пожимая руку Маричу. — Извини, что не согласовал своего прибытия. Сам не ведал, что так получится. Это Аристарх Железовский, патриарх синклита старейшин из ближайшей «тупиковой» Ветви. Я попросил его помочь нам.

— Очень приятно. — Марич пожал руку Железовскому.

— А это команда из другой Ветви, где еще только-только начался двадцать первый век. Руслан Костров, — с его отцом ты знаком, — капитан группы антитеррора...

— Потом познакомимся получше. Надо спешить. Наши парни блокировали дом комиссара, мы же войдем туда через метро.

— Вы пожалеете... — начал побледневший Полуянов.

— Мы знаем, что ты держишь пленников в подвале, — перебил его Ромашин-скульптор, — в бункере с ТФ-экраном. Открой нам дверь, Федор, чтобы мы там ничего не взрывали. Могут пострадать люди.

— Я... вас... всех!.. — раздельно проговорил Полуянов.

Турель с «универсалом» на его плече крутнулась туда-сюда, выискивая цель, и в то же мгновение черный человек Петруха выстрелил в него из парализатора. Федор обмяк, мягко упал на пол, глаза его стали пустыми. Его пси-защитник не смог отразить разряд «слона», которым был вооружен Петруха.

— Код двери бункера! — наклонился к комиссару Ромашин, отбирая свое оружие — «кий» и «глюк»...

— Калипсо... два сто сорок три... эм... нихиль... — прошептал Полуянов.

— Придется нести его с собой, — кивнул на Федора Марич, подозвал Руслана. — Может быть, кроме кода в дверь встроен дактилодатчик или аппаратура айс-фейс-контроля.

— А с ними что делать? — кивнул Гаранин на Басанка и спецназовца из команды Полуянова, застывшего истуканом посреди комнаты.

— Оставим здесь под присмотром нашего парня.

Марич вызвал по мыслесвязи командира оперативной группы, дождался появления «невидимки» и первым направился к метро. За ним потянулись остальные. Маркин, Паша и Олег Борисович несли Полуянова. Руслан вспомнил о наличии Петрухи, шепнул Ромашину-комиссару пару слов, и тот приказал «хронорыцарю» взять на себя обязанности носильщика.

Надя, терпеливо дожидавшаяся спутников в холле метро, бросилась к ним, совершенно не боясь Петрухи с его ношей.

— Ваш работник? — кивнул на нее Марич, обращаясь к Ромашину-комиссару.

— Наш, — ответил тот серьезно.

— Отличная реакция, — похвалил Марич. — Она пропустила нас, а потом приказала поднять руки. Хорошо, что я пошел с Игнатом, она его узнала.

Гаранин, Паша и Маркин засмеялись. Надежда покраснела, прячась за Руслана.

— Она такой же десантник, как и все, — сказал Ромашин-комиссар. — А опыт — дело наживное.

Лицо Марича отвердело.

— Пора!

Кабина могла вместить всего четырех человек, поэтому первыми пошли оба Ромашины, Игорь Марич и Железовский. Затем стартовал Петруха с телом Полуянова и Гена Маркин. Последними покинули дом скульптора Руслан и его команда.

* * *

Это было захватывающее зрелище!

Металлический псевдочеловек метал в Ивора стремительные стрелы жидкого металла, а он уворачивался от них и с невероятной скоростью летал по тесному подвалу, ухитряясь не спотыкаться о тела товарищей, ящики и коробки и не сталкиваться со стеллажами и штангами энергополевой защиты бункера.

Неизвестно, способен был испытывать какие-то эмоции посланник Палача или нет. Проигрывая молодому Жданову вчистую, он ни разу не выругался, как сделал бы на его месте простой человек, и не выразил своего отношения к происходящему. Но то, что он обладал всеми отрицательными качествами «отца», не подлежало сомнению и выяснилось самым наглядным образом.

— Стоп! — крикнула Мириам, играющая роль судьи и контролирующая время. — Минута прошла!

Ивор остановился, но тут же метнулся в сторону от ручья бликующей субстанции.

— Стой, болван! Игра закончена! — возмутилась девушка. — Ты его не поймал!

— М о я минута еще не прошла, — равнодушно заявил псевдочеловек, продолжая гонять Ивора по бункеру. — И я никогда не проигрываю.

— Это нечестно! Ты проиграл! Он победил!

— Он не победил. Чтобы побеждать, надо выбирать себе правильного противника.

Ивор почувствовал, что силы его кончаются, прислонился к стене... и в этот момент дверь в бункер открылась и в помещение один за другим ворвались два гиганта. Один был человеком в маскировочном комбинезоне, второй — громадный, черный, ребристо-кольчужный, напоминающий рыцаря в латах, явно был витсом. Единственный глаз его светился, и Жданов узнал умень-

шенную копию «хронорыцаря», изваяние которого находилось в мастерской отца Мириам.

— Общий привет, — пророкотал густым баритоном незнакомец, быстро оглядывая подвал. — Чем это вы тут занимаетесь?

— Кто ты такой? — требовательно спросил металлочеловек, переставая стрелять ручьями жидкого металла.

— Меня зовут Аристархом, я друг комиссара. А ты, надо полагать, и есть вирус, жидкокристаллический волдырь, субстант Палача? Его, так сказать, полномочный представитель?

— Я Трангха, тысяча второй контролер линий.

— После этого нам следует, очевидно, проникнуться уважением и упасть на колени. Или ты более демократичен?

Псевдочеловек вытянулся вверх, превращаясь в апокалиптического железного зверя со множеством щупалец.

— Если я правильно оцениваю ваше эмоциональное свечение, вы тоже хотите меня оскорбить. Вынужден принять адекватные меры.

— Оглянись вокруг, кретин! — звонко крикнула Мириам. — Ситуация изменилась. Теперь пленник — ты!

— О с в о б о д и людей! — тяжело сказал Железовский.

Псевдочеловек метнул в него ручей металла. Сверкнула тусклая желтая вспышка, и ручей превратился в дымную струю.

— Петруха, друг мой, — сказал Железовский, — не спеши с помощью. Я и сам вполне способен поджарить эту тварь. Держи его на мушке и все.

Из плеч черного человека выглянули стволы аннигиляторов.

— Жду команды.

— Минуту. — В бункер вошли оба Ромашиных, Марич и Руслан. Сориентировавшись, тоже направили оружие на посланника Палача.

— Распылить этого монстра мы всегда успеем, — продолжал Ромашин-скульптор. — Есть смысл поторговаться.

Он подошел к Ивору, без сил присевшему у стены. Они обнялись.

— Как тебе удалось освободиться?

— Пришлось вызвать этого болвана на соревнование, — виновато улыбнулся молодой человек. — Он азартен, как и его хозяин... и так же подл.

— Без сомнения. Как остальные? — Игнат подошел к «глыбе» дочери, нагнулся, погладил ее по щеке. — Ну, что, гриф, опростоволосились мы с тобой, поверив комиссару?

Мириам залилась краской.

— Я... не думала...

— Думать надо всегда. Ладно, не переживай, хорошо, что все заканчивается так, а не иначе. — Ромашин повернул голову к застывшему в сомнениях псевдочеловеку. — Предлагаю выбор, палачоид: ты освобождаешь пленников, сообщаешь о планах хозяина в данной Ветви, и мы тебя отпускаем.

Пауза.

— А если я не соглашусь?

— Тогда ты исчезнешь, превратишься в излучение. Своих друзей мы освободим и сами.

В бункере повисла тишина.

— Обмен не состоится, — сообщил металлический монстр, выращивая «мускулы». — Вы все должны подчиниться мне! Немедленно!

На людей выплеснулась волна холодной угрозы, ощутимая физически как удар. Стволы «глюков», аннигиляторов и «универсалов» повернулись к металлическому «зверю». Палачоид, как назвал его Ромашин, сам себе подписал смертный приговор.

— Погодите! — остановил атаку Железовский. — Есть идея.

— Это опасно, — тотчас же тихо сказал Ивор.

Аристарх, прищурясь, посмотрел на него.

— Ты меня... понял, мальчик?

Ивор кивнул, розовея от смущения.

— Извините...

— Ничего не понимаю! — рассердился Марич. — О чем идет речь?

— Выйдем на минуту. — Железовский поманил Марича, Ромашина-комиссара и Ивора.

Они вышли, закрыв за собой дверь.

— Этот тупой кусок жидкого металла имеет мощный пси-резерв, — начал Железовский. — Я попробую подчинить его своей воле. Этот парень мне поможет. — Он кивнул на Ивора. — У него большие возможности.

— Это и есть оператор, которого мы должны были освободить, — улыбнулся Ромашин.

— Я так и понял.

— Чушь! — махнул рукой Марич. — Этот, как вы изволили выразиться, тупой кусок металла легко справился с тремя здоровыми мужиками.

— Так получилось. Всех нас обвели вокруг пальца. Но Ари-

старх — интраморф, и я знаю, на что он способен. Если ему дать пси-защитника, да если к нему подсоединится оператор...

— Все равно это слишком рискованно!

— Согласен, однако и овчинка стоит выделки. Если мы подчиним палачоида, — в нашей компании таких, как он, называют жмурами, — у нас откроются неплохие перспективы.

Марич в нерешительности поскреб за ухом.

— Ну, а если случится обратное? И он запрограммирует вас?

— Не запрограммирует, — усмехнулся человек-гора. — В крайнем случае доставите меня домой, там меня быстро приведут в норму.

Мужчины обменялись понимающими взглядами.

— Была не была! — сказал Марич.

Один за другим они вошли в бункер, полные решимости победить.

ГЛАВА 2

Схватку людей с посланником Палача, который сам себя называл Трангхой, тысяча вторым контролером линий, зрелищной назвать было трудно, хотя она была полна такого внутреннего напряжения и драматизма, что это ощутили все свидетели поединка.

Трангха понял, что перспективы у него незавидные, и согласился сыграть в еще одну игру, там самым подтвердив, что он достойный отпрыск своего «отца» — Игрока.

Игра же состояла в том, что палачоид-жмур охватывал Железовского своим телом, а тот должен был в течение определенного времени освободиться. Сошлись на пяти минутах. Трангха был так уверен в своей победе — еще ни одно существо не смогло сбросить с себя жидкокристаллический «саван», — что легко принял все условия.

Железовский, сосредоточенный и спокойный (у него начали потрескивать волосы от сильной ионизации), встал рядом с глыбой псевдочеловека, поддерживая мысленную связь с Ивором. Трангха раздался во все стороны, уплощаясь и разворачиваясь в металлическое «одеяло», и одним прыжком окутал Аристарха со всех сторон, «проглотил» его.

Тихо вскрикнула Мириам.

Остальные молчали, готовые прийти на помощь патриарху, хотя не представляли, как это можно сделать, не причиняя вреда самому Железовскому.

Ивор, сосредоточенный на внутреннем переживании, побледневший, ушедший в себя, полузакрыл глаза, прислушиваясь к мысленному шепоту Аристарха, шагнул ближе к металлической глыбе. У него тоже встали дыбом и начали искриться волосы на голове, а кожа лица засветилась изнутри и стала полупрозрачной.

Палачоид, «сожравший» Аристарха, поддерживающий форму тела человека, стал оплывать, покрылся пузырями, потерял очертания человеческой фигуры, замер. Но ненадолго. Его начали мучить конвульсии — «проглоченный» патриарх, очевидно, пытался сдвинуться с места, разорвать смертельные объятия Трангхи и освободиться, — он судорожно «переступил с ноги на ногу», переместился к стене, вернулся, сделал круг. Тело его непрерывно вздрагивало, шло рябью, то вспучиваясь, то проваливаясь само в себя. Некоторые металлические чешуи отрывались от тела, звучно шлепались на пол, втягивались обратно.

Так продолжалось три с лишним минуты. Напряжение росло. Люди, наблюдавшие за поединком воль человека и металлического монстра, чувствовали себя как во время шторма на корабле. Мощные пси-поля «раскачивали» пространство и воздействовали на сознание, так что оно начинало плыть и рваться.

Внезапно Ивор прыгнул к палачоиду, вонзил в его конвульсивно вздрогнувшее тело обе засветившиеся руки, скрылся внутри металлической глыбы.

Снова вскрикнула Мириам.

Мужчины, переглянувшись, придвинулись ближе к монстру, поглотившему двух человек.

— Я резану его по краешку, аккуратненько, — предложил Олег Борисович.

— Не спешите, — качнул головой Ромашин-комиссар. — Время еще не вышло... они живы... и мне кажется, что они побеждают.

Вспухающая и опадающая металлическая глыба вдруг застыла.

Люди замерли, не понимая, что это означает.

Глыба вздрогнула, потекла безвольно от «головы» к «ногам», словно тающая шоколадная масса. Затем скачком взметнулась вверх, разделилась на две глыбы, которые почти мгновенно приняли человеческую форму. Эти металлические люди пожали друг другу руки, повернулись к ошеломленно взирающим на них свидетелям поединка, лица металлолюдей просветлели, превратились в лица Ивора и Железовского.

— Как вам наши новые костюмчики? — поинтересовался Железовский хладнокровно.

— Ивор! — прошептала Мириам.

Все посмотрели на нее.

Молодой человек подошел к девушке, коснулся металлической рукой ее металлического кокона, и тотчас же бликующая пленка «савана» пошла рябью, стала жидкой, потекла, вливаясь в руку Ивора. Исчезла. Мириам шевельнулась, не веря свободе, попыталась подняться, но со стоном опустилась на пол.

— Ох, все кости болят!..

Толстый металлический «скафандр» распахнулся, освобождая Ивора, затем снова сжался, превращаясь в точную копию человека. Ивор подхватил девушку на руки, прижал к себе, поцеловал.

Мужчины наконец опомнились, бросились к Железовскому, заговорили разом. Аристарх сделал то же самое, что и Ивор, — освободил пленников от пленки палачоида, затем выбрался из его тела и лишь после этого позволил себя обнять и принять поздравления.

— Все-таки вы его задавили, — проворчал Марич, первым пожимая руку патриарха. — К стыду своему, я не верил. Как вам это удалось?

— Он силен, — признался Железовский, вытирая влажный лоб, — но совершенно туп. Пока он пытался раздавить меня в лепешку, я исследовал его интеллект и психику. Психика оказалась очень мощной, почти непробиваемой, а интеллект слабый, примерно уровня пятилетнего младенца. Правда, если бы не помощь этого мальчика, — Аристарх кивнул на счастливого Ивора, — я бы с этим чудом-юдом не совладал. Оно меня фактически заблокировало, я перестал воспринимать действительность, и тогда этот парень нашел единственный правильный выход — резонансную раскачку.

— Что это означает? — полюбопытствовал Марич.

— Стихи. Он пробился сквозь блок с помощью стихов, создающих резонансы пси-полей.

— Вот как? Неужели это помогло?

— Еще как! Особенно мне понравились его последние строки:

Ну вот, исчезла дрожь в руках —
Теперь наверх!
Ну вот, сорвался в пропасть страх —
Навек, навек!
Для остановки нет причин,
Иду, скользя,
И в мире нет таких вершин,
Что взять нельзя!..

Мужчины переглянулись.

— Он поэт! — гордо подтвердила Мириам, соскальзывая с рук Ивора на пол.

— Молодец! — одобрительно проговорил Гаранин, похлопав Ивора по плечу. Подошел к Железовскому. — Черт, я вас уважаю! — Он сунул ладонь Аристарху. — Просто нет слов!

— Я не черт, — улыбнулся патриарх.

К нему подошли, разминая затекшие члены, освободившиеся Белый и Павел Жданов. Ромашин познакомил их, разговор стал общим, всех охватило радостное оживление, и внезапно прозвучавшие слова Железовского послужили для освободителей и бывших пленников холодным душем:

— Прошу прощения, судари и сударыни, у меня плохая новость.

Разговоры стихли. Все головы повернулись к человеку-горе.

— Мне удалось кое-что вытащить из памяти моего соперника, — продолжал Железовский. — Планы Палача таковы: ликвидация трансгресса и свертка Ветвей, вырождение Древа в кольцо времен.

— Вы правильно поняли? — хмыкнул Марич после паузы. — Не в вектор — в кольцо?

— Естественно, я могу и ошибаться, ведь это мой «вольный перевод» понятий, циркулирующих в памяти Трангхи. Однако мне кажется, я понял его правильно. И еще одно нерадостное известие: Палач отдал приказ своим эмиссарам во всех Ветвях взрывать хроношахты.

В бункере стало совсем тихо.

Ромашины переглянулись.

— Логично, — кивнул скульптор. — Если уничтожить все кванки Стволов, цепь хроносвязи Ветвей разорвется, и трансгресс перестанет функционировать как парамост пространственных перемещений.

— Скорее всего он вообще исчезнет, — добавил Ромашин-комиссар, — или не появится как сложная техническая система.

— Но ведь он уже есть, — с недоумением сказал Олег Борисович. — Что значит — он не появится?

— Время — понятие неоднозначное, — сказал Павел Жданов. — Возможно, где-то существуют и абсолютные времена, но, сдается мне, Древо реализует только относительные. Ведь трансгресс создали наши потомки в очень далеком будущем, а им

пользуются все, в том числе и мы, для которых он как бы еще не создан.

— Не понимаю...

— Я познакомлю вас со Златковым, создателем хронобура, он все объяснит.

— Но что нам делать теперь? — вернул всех Руслан к реальности. — Оператор свободен. Что дальше?

— Предлагаю посетить нашу вселенную, — сказал Железовский. — Сообща мы отыщем одного человека, Габриэля Грехова, и он гарантированно найдет выход из положения.

— Он ученый, эф-аналитик?

— Он экзоморф, — усмехнулся Железовский. — И похоже, если я правильно разобрался в вашей терминологии, он — бровей.

В подвале Полуянова снова стало тихо.

Потом присвистнул Гаранин. Но высказать свое отношение к прозвучавшим словам никто не успел.

Пол под ногами людей вздрогнул, из недр земли прилетел низкий постепенно затухающий гул.

Все замерли, прислушиваясь. Потом Марич, получивший по рации сообщение от дежурного, глухо проговорил:

— Вот и ответ... только что взлетел на воздух Ствол!

* * *

В доме Полуянова задерживаться не стали.

Марич связался с дежурным Спецкона, который открыл им защищенную от перехвата ветку метро прямо из дома комиссара на лунную базу, и ровно через две минуты после получения известия о взрыве хронобура, все участники операции по освобождению пленников покинули негостеприимные владения Федора, оставив его в обморочном состоянии, но живым в том же бункере, где он держал заложников.

Когда они уходили, Мириам вспомнила о дриммере, находившемся в сейфе Полуянова, предложила забрать его, но Ивор отсоветовал.

— Дриммер уже не восстановится, — сказал молодой человек. — Он разрядился внутрь самого себя, когда я его останавливал.

— Я бы все равно его прихватила с собой, вдруг пригодится?

— Обойдемся.

На лунной базе увеличившийся отряд тоже долго не оставался. Обсудив с начальником Спецкона перспективы дальнейшего

сотрудничества, Ромашин-комиссар собрал «хронодесантников» и предложил тем, кто устал, отказаться от похода.

Никто не возмутился такой постановкой вопроса, все понимали значение и серьезность предстоящих испытаний, но никто и не отказался от участия в походе. Таким образом, уходящих набралось двенадцать человек плюс «хронорыцарь» Петруха и плюс металлический псевдочеловек Трангха, превратившийся, по сути, в робота, послушного воле Ивора и Железовского.

Ромашин-скульптор остался. Ему предстояло еще долгое время отражать натиск воинства Палача, оставшегося на Земле этой Ветви. Кроме того, здесь оставались его жена Ярина и старики родители, которых тоже надо было защищать, а также Ясена, жена Павла Жданова, мать Ивора.

А вот Мириам решительно заявила, что ее долг — охранять оператора, где бы он ни находился, а так как все понимали чувства сотрудницы Спецкона, не приходилось сомневаться, что она пойдет за младшим Ждановым хоть на край света. Теперь у Надежды появилась подруга, что весьма обрадовало Руслана, слегка уставшего от постоянной опеки любимой женщины.

Перед отправлением Марич включил видеоинформ, и «хронодесантники» долго разглядывали в виоме неглубокую, но широкую воронку, покрытую пузырями радужно отсвечивающей субстанции, которая осталась на месте двухкилометрового «ананаса» Ствола. Уничтожить хронобур с помощью ядерного взрыва или аннигиляционных зарядов было трудно, поэтому диверсанты Палача, — вполне допустимо, что ими руководила Тирувилеиядаль, — применили слинг, генератор свертки пространства в «суперструну». В результате в радиусе трех километров от Ствола все хозяйство, его обслуживающее, в том числе защитные энергоустановки, исчезло вместе со зданием хронобура в одномерной «черной дыре», а в радиусе ста километров от этого места обратной ударной волной, образовавшейся из-за мгновенного схлопывания воздуха, были разрушены и сметены с лица земли десятки городов и поселков. Количество жертв при этом достигло четырехзначной цифры, и «хронодесантники» вдруг осознали на этом примере, с каким жестоким и циничным противником они столкнулись.

Палачу было плевать на то, сколько людей, других разумных существ, цивилизаций и вообще вселенных погибнет в результате его очередного хода. Его интересовал лишь конечный результат Игры.

Прощались недолго.

Проверили экипировку. Мириам обняла и поцеловала отца. Мужчины пожали руки остающимся, те пожелали уходящим удачи, и окончательно пришедший в себя Ивор вызвал трансгресс.

В оперативном зале лунной базы, упрятанной в толщах горных пород плато Ломоносова на глубине километра, бесшумно возникла ажурная труба «парамоста пространственных перемещений».

— С богом! — сказал Железовский.

— Каждый, кто отправляется, пусть скажет вслух: «Стас, забери меня отсюда», — посоветовал Ивор.

Раздался нестройный хор голосов:

— Стас, забери меня...

Команда «хронодесанта» оказалась в трубе трансгресса.

— Слушаю вас, оператор, — послышался мягкий бархатный баритон. — Куда вас доставить?

— На родину патриарха.

— Ко мне домой, — уточнил Железовский. — В «тупик». Координаты знаете?

— Мой старший брат отправил вас сюда, я отправлю обратно, в «тупик». Хотя, на мой взгляд, прямые хронопобеги Матричной Ветви «тупиками» называть некорректно.

— Что ты сказал? — удивился Павел Жданов. — О каких «тупиках» речь?

— Ветви, не имеющие квантового размножения, люди назвали «тупиковыми». По моим же сведениям, эти Ветви являются прямыми копиями Матричной Ветви, или Корня Древа Времен. Они развиваются обособленно, на квантовые копии не делятся, и количество их невелико — всего около двух десятков.

— Я этого не знал. А вы, Атанас?

— Я догадывался, — рассеянно ответил ученый, не принимавший участия в общих беседах.

— Я тоже не знал, — вмешался Ромашин, — однако предлагаю обсудить эту новость позже. Отправляйте нас, Стас.

— Как прикажете. Где предпочитаете выйти?

— На Земле, конечно, — буркнул Белый.

— Я имел в виду конкретные координаты точки высадки.

— У меня есть надежно защищенный схрон, — проговорил Железовский, — в недрах хребта Алинг-Гангри, под Тибетом. Если бы вы отправили нас туда...

— Дайте мне мысленную картинку... спасибо, я понял, где это. Поехали.

Свет в глазах «пассажиров» трансгресса померк... и вспыхнул снова спустя несколько мгновений, они же — миллионы лет падения сквозь бездны пространств.

Люди стояли тесной группой посреди гостиной бункера Железовского и озирались, восхищенные простотой переноса всей команды из одной Метавселенной в другую. Особого потрясения не испытали даже соотечественники Руслана, для которых преодоление колоссальных временных и пространственных бездн действительно становилось уже почти обыденным делом. Лишь Олег Борисович пробормотал, больше для себя, чем для остальных:

— Хотел бы я знать, как он переносит нас с такой точностью... а не дай бог промахнется, и мы выйдем внутри горы?

— Не промахнется, — скупо улыбнулся Ромашин. — Трансгресс — это уже не просто линия связи или тоннель метро, и даже не «сверхструна», это принцип, пронизывающий все Ветви Древа Времен, средство контроля за поведением Игроков. Вот почему Палач намеревается его уничтожить.

— Располагайтесь, — широко повел рукой Железовский. — Я узнаю последние новости и попытаюсь отыскать моего друга. Захотите ознакомиться с нашей жизнью, включайте информ.

Он вышел.

Гости патриарха зашевелились. Те, кто еще не видел его секретного жилища, стали с любопытством осматриваться. Ромашин начал готовить стол, призвав на помощь женщин. Златков подключился к вириалу инка, располагавшемуся в кабинете хозяина. Гаранин подсел к Белому и Жданову и стал донимать их вопросами о смысле Игр, о моральной ответственности Игроков и о способах их воздействия на Ветви. К этой же группе, рассевшейся по креслам в гостиной, присоединились и Руслан с Маркиным и Пашей.

Однако отдых команды длился недолго. Не успели они пообедать, как вернулся Железовский. И не один. С ним в гостиную вошел невысокий, хрупкий на вид мужчина с шапкой черных, с проседью волос и черными, бездонными, всепонимающими глазами отшельника и провидца. Он оглядел компанию, сидевшую за столом, задержал взгляд на металлической туше Трангхи, затем на Иворе (тот вздрогнул и с удивлением раскрыл глаза шире), поклонился. Все разговоры за столом стихли.

— Прошу любить и жаловать, — сказал Железовский. — Габриэль Грехов.

— Кто из вас Игнат Ромашин и Павел Жданов? — спросил Грехов низким голосом.

Ромашин и Жданов переглянулись. Павел приподнялся:

— Жданов.

— А вы, очевидно, Атанас Златков? — посмотрел Грехов на ученого.

— Вы весьма проницательны, — с тонкой иронией сказал Златков.

Грехов едва заметно улыбнулся.

— Этого у меня не отнять. А вы — Ивор Жданов, оператор. — Он кинул взгляд на Ивора. — Я хотел бы побеседовать с вами. Остальных очень прошу не обижаться. Кое-какие вещи вам лучше не знать.

Он вышел.

Железовский развел руками.

— Ради бога, не сердитесь, я потом все объясню. Идемте в мой кабинет.

Ромашин, Ивор, Златков и Павел Жданов последовали за ним. Металлический псевдочеловек Трангха шевельнулся, вырастил ноги и, смешно переваливаясь с боку на бок, засеменил за делегацией.

В гостиной стало тихо.

— М-да! — промычал Олег Борисович. — Не нравится мне эта дискриминация...

— И мне, — мрачно поддержала его Мириам. — Мы тоже кое-что знаем и умеем.

— Не переживайте так, — философски заметил Гриша Белый. — В свое время я тоже обижался, когда мне отводили, как мне казалось, вторые роли. Пока не понял: каждый сверчок должен знать свой шесток. Каждый должен быть на своем месте. Паша Жданов всегда был вождем, а я всегда ему помогал. И без меня он точно не обошелся бы. Какие обиды? Пусть совещаются, они — лидеры, и это надо признать спокойно и без напряга. Все, что нам надо знать, мы будем знать. Главное — не подвести людей, хорошо сделать дело, ради которого мы все собрались.

— Правильно, — кивнул Руслан, подмигивая Надежде. — Мы все так думаем. Просто Олег Борисович никак не может забыть, что был полковником.

По лицам оставшихся в гостиной промелькнули улыбки.

— Ну вот, получил ни за что, — проворчал Гаранин. — Я же не о себе забочусь. Почему бы этим... э-э... лидерам не выслушать людей с опытом?

— Наш опыт тут неприменим, — покачал головой Руслан. — Мы даже еще не вышли на уровень судебного исполнителя, а масштабы Игры и вообще недоступны воображению. По крайней мере — моему.

— Игра идет на всех этажах мироздания, на всех уровнях, — добавил Белый. — Трудно сказать, где ее дыхание не отражается на судьбах миллионов живых существ. Уровень социума биологических систем — один из самых низких и, может быть, один из самых болезненных и жестоких. Но если Палачу не давать отпора в мелочах, он легко выиграет по-крупному.

Гостиной завладела тишина. Гаранин задумался.

— Вы правы, Гриша, — успокоилась Мириам. — В этой компании я согласна выполнять любые роли. Давайте-ка пить чай, я лично предпочитаю зеленый. Могу приготовить.

— Я помогу, — с готовностью поднялась из-за стола Надежда.

Мужчины объединились вокруг Белого, и Григорий рассказал им историю с предательством «своего» Федора Полуянова, в результате которого Павел Жданов, Атанас Златков и сам Белый оказались блокированными в «засыхающей» Ветви. Женщины принесли подносы с ароматно дымящимися чашками, пристроились к слушателям. Вскоре разговор стал общим. Всем было интересно выслушать друг друга и поделиться собственными наблюдениями. Когда очередь дошла до Руслана, в гостиной появились сосредоточенные Ромашин, Ивор, Павел Жданов и Железовский.

Все молча смотрели на вернувшихся, переводя взгляды с одного на другого.

— Вы словно заговорщики, — проговорил наконец Олег Борисович. — Что решило уважаемое собрание?

Ромашин покосился на товарищей.

— Собрание решило продолжать в том же духе. Первым делом надо вытащить из ловушки отца Ивора. Затем максимально освободить другие застрявшие группы, пока еще работает трансгресс. Когда у нас наберется достаточно сил для перехода на качественно иной уровень, тогда попробуем объявить Палачу предупреждение за грубую Игру. Возражения есть?

— Нет, — одновременно проговорили Белый и Руслан.

— Решение правильное, — добавил Олег Борисович. — А где же наш приятель Атанас? И этот ваш... экзоморф?

— Златков останется на какое-то время здесь. Грехов тоже не может пойти с нами, как и Аристарх. У них противостояние с местным эмиссаром Палача, которого они называют ФАГом — Фундаментальным Агрессором, — достигло кульминации. Нам придется решать свои проблемы самим.

— Может быть, мы им поможем? — предложил Белый. — А они потом помогут нам.

— Спасибо, друзья, — пророкотал Железовский, прижав к сердцу громадную ладонь. — Мы справимся. Извините, что не могу пойти с вами. Не поминайте лихом.

— Спасибо и вам, патриарх. — Белый пожал ему руку. — Могу сказать лишь одно: у меня дома вы всегда будете желанным гостем.

Все потянулись к Железовскому, благодаря его за помощь.

— Одна просьба, — сказал Гаранин, погладив себя по голому черепу. — Любое военное подразделение должно иметь командира, а раз мы военное подразделение...

— Я понял, — кивнул Ромашин, пряча в глазах улыбку. — Командовать парадом будем по очереди: я и Павел Жданов. Устроят вас такие командиры?

Олег Борисович в нерешительности дернул себя за ухо, посмотрел на Руслана. Тот засмеялся.

— Все в порядке, полковник. Они лучше разбираются в обстановке. В случае необходимости я помогу.

— Тогда о'кей, — с облегчением вздохнул Гаранин, вызывая общий смех.

Эта сцена слегка улучшила настроение отряда, поэтому уходили все без мрачных предчувствий.

Появление решетчатой трубы трансгресса уже восприняли как должное.

ГЛАВА 3

Свершины холма открывался великолепный вид на алую равнину, покрытую чешуйчатым золотым кустарником и усеянную группками живописных коричневых скал в желтую крапинку. Над равниной там и тут летали самые настоящие мыльные пузыри разного диаметра, от одного метра до двадцати, прозрачные, бликующие, с облачками светящегося тумана внутри. Иногда они вздрагивали, их очертания искажались, пузыри превращались в струи тумана и сжимались в огненные сгустки, которые через мгновение исчезали.

Небо планеты было жемчужно-желтым, напоминающим песчаное речное дно, песчинки которого изредка вспыхивали золотом, превращаясь в рыбью икру. Светило на небосклоне отсутствовало, его заменяла тонкая светящаяся зеленовато-желтая нить, перечеркнувшая небосклон, но на равнине было довольно светло.

Еще одна необычная деталь дополняла картину иного мира: тонкая розоватая колонна вдали над горизонтом. Ее верх светился как раскаленный уголек и таял в небе дымной струйкой.

Пейзаж чужой планеты казался мирным, дремлющим, спокойным и безмятежным. Но внимательному глазу открывались трещины, пересекавшие равнину из конца в конец, глубокие ямы, провалы, разрывы и лужи блестящей субстанции, похожей на ртуть или расплавленное олово. И тогда становилось ясно, что этот мир неблагополучен.

— Тоска... — первым нарушил молчание Гаранин, налюбовавшись инопланетным ландшафтом. — Жить здесь я бы не хотел. Вы уверены, что мы вышли там, где нужно?

Олег Борисович посмотрел на Ивора.

«Хронодесантники», одетые в блестящие скафандры с коническими шлемами и похожие на горбатых металлических варанов, ничем не отличались друг от друга, но рядом с Ивором всегда держался псевдочеловек Трангха, и все легко угадывали, кто из них является оператором.

— Мы вышли правильно, — отозвался Ивор, скрывая волнение. — Я чувствую отца... он здесь.

— Тогда почему он не отвечает на вызовы?

— Не знаю... эфир вообще мертв... возможно, изменилось пространство Ветви, перестало пропускать электромагнитные волны...

— Позови его в мысленном диапазоне.

— Я пытаюсь... — Голос Ивора изменился, он замолчал и через несколько минут прошептал. — Он... ответил!

— Где они? — быстро спросил Павел Жданов.

— Сейчас... они слышали нас... плохо... но не отвечали, так как опасались провокации... Слушайте, они выходят на связь!

— Кто говорит? — раздался в наушниках раций чей-то требовательный голос. — Это и в самом деле мой сын?

Много во мне маминого,
Папино — сокрыто.
Я из века каменного,
Из палеолита... —

продекламировал молодой человек.

— Черт возьми, действительно Ивор!

— Не ожидал?

— Если честно, именно на тебя я и рассчитывал. Потом расскажешь, как ты нас нашел. Кто это с тобой?

— Неужели не узнаешь, братец? — с укоризной проговорил Жданов-второй.

— Паша?! Кванк?!

— Ну слава богу, узнал!

— Дьявол! Как вы вовремя! Атанас уверяет, что до окончательного схлопывания Ветви остались буквально часы, если не минуты.

— Спокойно, прорвемся. Где вы прячетесь? Мы идем к вам.

— Ствол видите? Мы в километре от него. Энергии осталось мало, поэтому мы экономим на всем. Найдете?

— Направляемся к вам.

— Подождите! — вдруг взволнованно проговорил Ивор. — Я чую опасность! В районе Ствола что-то происходит...

В эфире установилась пугливая тишина.

С расстояния в пятнадцать километров, на котором находились от хронобура «десантники», даже с помощью зорких оптических систем «кокосов» ничего нельзя было разглядеть. Но отец Ивора со спутниками были ближе, и они увидели то, что не удалось увидеть спасателям.

— Кажется, у нас гости! — хладнокровно сообщил Жданов-отец. — Одиннадцать человек. Летят со стороны Ствола и не прячутся, словно хозяева здесь. Это случайно не ваши парни?

— Нет, мы еще далеко. Мчитесь сюда!

— Поздно, они рядом. Если мы бросимся наутек, они откроют стрельбу, а ответить нам почти нечем.

— Тогда вступайте в переговоры, тяните время, обещайте златые горы! Через пару минут мы будем рядом, дайте пеленг.

— Ждем, — лаконично отозвался отец Ивора, умолкая, но не выключая рации.

— Надя, вы остаетесь здесь, — не терпящим возражений тоном проговорил Жданов. — Присмотрите за Трангхой и за Петрухой. Они нас демаскируют.

— Но... — робко начала Надежда.

— Надя, выполняй! — тихо сказал Руслан.

— Остальные за мной! — скомандовал Жданов, будто ничего не произошло, и превратился в едва заметный прозрачный кокон — это сработала система голографической маскировки «ко-

коса». — По пеленгу идем клином, затем расходимся и выбираем цели. Огонь открываем только по команде. Как поняли?

Ответом Жданову было дружное исчезновение всей команды: «хронодесантники» включили режим «инкогнито».

Аппаратура «кокосов», управляемая мыслью, позволяла их хозяевам не отвлекаться на второстепенные детали во время полета или конкретного действия. Данные анализа обстановки, выводимые на зрительный и слуховой нервы, поступали мгновенно. Поэтому даже Надежда, никогда не мечтавшая стать оперативником, успешно справлялась с ролью члена команды, опекаемая инком костюма. Ей оставалось только выбирать предлагаемые варианты действий и отдавать команды инку, остальное доделывала интеллектуальная — и очень быстрая! — автоматия «кокоса».

До места, где группу Жданова-отца окружили незнакомые люди, выбравшиеся из Ствола, команда Ромашина—Жданова добралась за две минуты с небольшим. Селекторы раций нашли волну, на которой переговаривались чужаки, и «хронодесантникам» стало ясно, что руководит ими Лаэнтир Валетов, а все они представляют собой группу ликвидаторов, с которой Руслан успел познакомиться еще на «своей» Земле.

Жданов и его соратники действовали быстро и решительно, понимая, что счет идет на секунды. Они появились за спинами ликвидаторов, почему-то не включивших системы маскировки, мгновенно разобрали веселящихся оперативников Валетова, наметив каждый своего визави, и приготовились к атаке.

Ликвидаторы, уверенные в своем превосходстве, не спешили уничтожать окруженную со всех сторон пятерку: Жданов — Белый — Златков — Купер — Пирелли, — и вели с ними издевательскую беседу. Они клюнули на мирно-просящий тон объектов ликвидации и в превкушении бойни острили и хохотали, перебивая друг друга.

Жданов, который вел переговоры с Валетовым, переждал очередной взрыв хохота и сказал с великолепной простотой:

— А теперь, господа шутники, предлагаю кончить этот базар и сдаться. Кто не сдастся — будет уничтожен. Считаю до трех: раз...

В эфире послышался еще больший хохот. Лишь Валетов, почуявший неладное, вдруг начал оглядываться и поднялся над цепью своих бойцов.

— Два, — хладнокровно продолжал Жданов-отец.

— Мы в ловушке! — завопил Валетов.

— Три! — закончил Жданов.

— Залп! — рявкнул Жданов-второй.

Сверкнуло множество молний, на месте висящих в воздухе солдат Валетова вспыхнули клубки разноцветного пламени — цвет отражал вид оружия, — в эфир выплеснулись вопли погибающих людей. К сожалению, досталось и спутникам Жданова: были убиты Кевин Купер и Луиджи Пирелли, не успевшие включить маскировку костюмов.

Валетову удалось увернуться от выстрела и метнуться к Стволу. Но и его в конце концов догнала стрела разряда «глюка», швыряя останки ликвидатора в трещину на склоне холма.

Крики стихли.

Пламя погасло.

Дым рассеялся.

К стоящим на холме «варанам» в зеркальных балахонах прибавился еще один «горбатый варан» — Ивор, выключивший маск-систему, бросился к ничем не выделявшейся среди других фигуре.

— Отец!

— Сын!

«Вараны» обнялись.

К ним присоединились остальные «хронодесантники», удрученные гибелью товарищей. Руслан вызвал Надю и полетел к ней навстречу, хотя заблудиться она не могла.

— Категорически свидетельствую свое почтение, — проговорил Златков, встряхивая руку Ромашина. — Кажется, мы где-то встречались.

— Двадцать пять лет назад, — ответил ему Игнат. — Где-то на вершине Контрствола.

— Друзья, предлагаю покинуть этот умирающий уголок, — сказал Жданов-старший, отец Ивора. — Отметим встречу в другом месте.

И словно в ответ на его слова колонна Ствола в километре от встретившихся людей превратилась в колючий огненно-дымный шар взрыва.

* * *

Ни одна из родных планет членов отряда не гарантировала безопасности подросшей в численности команде Ромашина—Жданова, и тогда было решено остановиться в мире Ясены, матери Ивора и жены Жданова-старшего, на планете Гезем.

Ствол здесь тоже был взорван, поэтому появления из его

мрачных развалин опасных гостей ждать не приходилось. Тем не менее отряд жил по законам военного времени, и лагерь охраняли по очереди: двое мужчин, Трангха и Петруха.

После устройства лагеря молодые люди разбились по парам: Руслан с Надеждой, Ивор с Мириам — и с разрешения командования отправились «изучать местность».

Мириам захотелось повидаться с девочкой Янаей, которая помогла им во время первого выхода на Гезем, а Ивор не прочь был познакомиться с дедом и бабушкой, родителями мамы. Ориентировался Ивор теперь в любом месте свободно, поэтому для него не составило труда определить координаты деревни, где жили родственники. И хотя он ни разу в жизни их не видел, молодой человек был уверен, что узнает стариков сразу.

Отец с ними не пошел, понимая, что молодым людям необходимо уединиться. Сказал только, что посетит деревню с родичами жены позже. Таким образом, Ивор и Мириам оказались предоставленными сами себе и умчались из лагеря, как только получили инструкции от Ромашина и Жданова-два.

Руслан с Надеждой тоже хотели познакомиться с аборигенами, однако сначала просто полюбовались сверху на лесные просторы планеты, затем спустились к ручью, берега которого заросли удивительно мягкой шелковистой травой и цветами, и не заметили, как оказались в объятиях друг друга. Не задумываясь, сбросили «кокосы», упали в траву, и долго сдерживаемое острое желание соединило их жаркой волной в з а и м о р а с т в о р е н и я, в которой без следа утонули опасения быть увиденными со стороны, стыд и сомнения. Они любили друг друга до изнеможения, пока не насытились, но и потом еще долго лежали обнаженными в траве и просто смотрели в синее небо, прислушивались к шепоту ветра в траве и лесным шорохам и ни о чем не думали. В том числе о том, что ждет их впереди.

Потом с наслаждением искупались в ручье.

Вода в нем была изумительно прозрачная, холодная и вкусная, ее можно было пить бесконечно, и они пили, пили, пока не заныли зубы. Руслан, выйдя на берег, снова потянулся было к Наде, обнял ее и вдруг почувствовал на себе чей-то взгляд. Замер, обращаясь в слух, ругнулся в душе, проклиная собственную беспечность, и метнулся к лежащим в траве костюмам.

Однако тревога оказалась напрасной. Существа, с любопытством наблюдавшие за ними из чащи леса, были медвянами, разумными медведями, о которых предупреждали Ивор и Мириам.

Два огромных косматых зверя с умными мордами, одетые в блестящие фартуки и нарукавники, вышли из-за деревьев, дружелюбно помахали землянам лапами и исчезли, оставив на противоположном берегу ручья большую берестяную кружку с медом.

Руслан крикнул им вслед: спасибо! — перешел ручей вброд, взял кружку, понюхал, макнул палец в мед и облизал.

— Отличная штука! А запах!.. — Он вернулся к Наде. — Попробуй, вкусно.

Девушка с опаской понюхала мед.

— А они нас не отравят?

Руслан засмеялся, сделал большой глоток меда и протянул туесок Надежде.

— Пей, не бойся, медвяны нам не враги.

Они по очереди опорожнили полкружки, запили водой из ручья, умылись и натянули «кокосы».

— Ну что, теперь в лагерь?

На лицо Надежды легла тень, глаза ее стали грустными.

— Я, наверное, зря согласилась пойти с тобой. Я здесь лишняя...

— Совсем не лишняя, — запротестовал он, снова пытаясь обнять Надю.

Она отстранилась, покачала головой.

— Нет, лишняя... Я не воин, как Мириам, и ничего не умею. Пока мы не встречали серьезных препятствий и не воевали по-настоящему, но как только столкнемся с армией этого проклятого Палача, я стану обузой. Для отряда, для тебя...

— Никогда!

— Не возражай, я же вижу, как ты переживаешь, что не свободен. Может быть, мне лучше вернуться? Если это, конечно, возможно.

Руслан обнял Надю, заглянул в глаза.

— Я тебя никогда не брошу и нигде не оставлю. Хотя многое зависит и от тебя самой. Если захочешь, я тебя, конечно, отправлю на Землю, но ведь ты свободно можешь стать такой же, как Мириам. Или как моя мама, прошедшая с отцом все огни и воды. Ты же умница, ты сильная, справишься.

— Ты так думаешь? — слабо улыбнулась Надя.

— Уверен!

— Я попытаюсь...

— Вот и отлично! Мириам с удовольствием возьмет над тобой шефство, я ее попрошу.

— Я сама попрошу. И постараюсь не ныть. А мед действи-

тельно вкусный, от него так приятно кружится голова... Давай отнесем остатки в лагерь?

— Полетели. Мы и так отсутствуем уже больше двух часов.

Молодые люди поднялись в воздух, выслушали доклады инков об обстановке в пределах чувствительности аппаратуры и понеслись к развалинам Ствола, в двух километрах от которого разбили лагерь «хронодесантники».

Посреди поляны в лесу горел костер, поддерживаемый Маркиным; он был на дежурстве. Паша-летчик наблюдал за окрестностями сверху. Он выполнял работу часового. Ивор и Мириам еще не вернулись, но, по словам Паши, они находились в деревне и чувствовали себя прекрасно. Туда же улетел и старший Жданов, отец Ивора, пожелавший поговорить с родственниками жены. Остальные мужчины расположились недалеко от костра, на траве, и увлеченно беседовали со Златковым. Отвечал он сдержанно, но охотно, изредка уходя в такие физико-математические и логические дебри, что их с трудом понимали Жданов-второй и Ромашин.

Руслан и Надежда тихонько пристроились за спинами Олега Борисовича и Белого и стали слушать. Речь, по всей видимости, шла о концепции времени, смысл которой Златков и его собеседники понимали по-разному, несмотря на общее к ней отношение. Руслан сравнил ученого с его кванком, оставшимся на Земле Железовского, и понял, что внешне они слегка различаются. Златков-первый, освобожденный Ивором еще до захвата группы Полуяновым, был бледнее и волосы стриг короче. Его кванк имел пышную седую шевелюру и серебристую щетину на подбородке.

— Мы говорим об одном и том же, но с разных позиций, — продолжал гнуть свою линию Златков. — Путешествия в прошлое и будущее в пределах одной Ветви — два абсолютно разных процесса! Поход в будущее — это «биэйч-процесс», то есть движение с временным отставанием, связанным с замедлением скорости фундаментальных взаимодействий. Движение же в прошлое — это «инверт-процесс», поворот вспять всех физических процессов, что в принципе невозможно из-за вмороженных в Древо законов типа принципа нарушения симметрии или второго закона термодинамики.

— И тем не менее расчеты вашего кванка показали, что возврат в прошлое возможен, — спокойно возразил Жданов-второй. — Для этого надо просто подняться над «поверхностью» времен в шестимерное пространство нереализованных состояний...

— Древо Невозможностей, — вставил Белый.

— ...и спуститься вниз по «лестнице» метаслучайных процессов, в обход реализованных законов. Я вообще считаю, что второй закон термодинамики отражает лишь смертельную тоску Творца, которую он испытал перед перспективой собственной идеальной организации. Поэтому Древо не есть идеал совершенства. Слишком многое в нем следовало бы откорректировать и многое добавить.

— Может быть, вы и правы, коллега, однако я считаю, что второй закон термодинамики не отражает идею Творца, он просто внедрен в нашу Метавселенную Игроком более высокого уровня.

— Это недоказуемо.

— Это доказуемо! Я вплотную приблизился к определению граничных условий физики недоступного совершенства, как я назвал м е ч т у Творца о сотворении «локальной идеальной Вечности».

— Если принять за аксиому, что Вечность — это не прямая бесконечная линия, бесконечная протяженность времени, а бесконечное число конечных времен, то Он пытается играть сам с собой как с заведомо более сильным соперником.

— Он не может быть умнее самого себя!

— Зато он может быть одновременно Игрой и Игроками. Он — вне Игры и в то же время — и Игра, и пространство Игры, и Игроки. И даже Безусловно Второй, организующий Игры и вознамерившийся занять место Безусловно Первого, это тоже Он сам!

— Вот уж позвольте не согласиться. Версия, что человечество является одной из бесчисленных попыток Творца создать мыслящую систему, более совершенную, чем Он, несостоятельна! Человек — конечное существо, способное отражать лишь детерминированные проявления высших логик, но неспособное создавать собственный метасинтаксис, конгруэнтный замыслу Творца. В культуре недаром возникают «пустые» версии запрещенных в ней игр, выражающихся в создании внутрисистемных партнеров, не влияющих на внешний мир. Мы же имеем дело с Игроком, каждый ход которого отражается на всех уровнях мироздания. Причем Игроки более низкого уровня не догадываются, что являются лишь разменными фигурами для Игроков более высокого ранга. Вот как большинство наших с вами соотечественников.

— Мы, по крайней мере, понимаем свою зависимость. И все же я хотел бы вернуться к проблеме деления. Что такое вообще акт деления вселенных на копии?

— Я просто взял идею эфира...

— Блестяще, — ухмыльнулся Белый, перебивая ученого. — Тут вы, я имею в виду ваших кванков, ухватили главное. Они тоже в качестве отправной точки расчета взяли теорию эфира. В каждой частице материи сидит частица эфира, то есть «частица» Воли Творца...

— ...которая и есть движитель Древа, управляющий процессом деления Фрактала Времен на квантовые копии. Единственное, на чем я споткнулся, это проблема мерности невозможностей.

— Это скорее проблема рецессивности «мутаций» времени, — сказал Ромашин. — Не имея практического значения в данной Игре, рецессивные мутанты физических законов, или, как вы изволили выразиться, «объемы» невозможностей, могут проявиться в другой Игре и стать главными.

— Палач пытается изменить именно этот принцип Игры.

— И многие другие. Поэтому он и заблокировал исполнителей, сыгравших ключевую роль в остановке прошлой Игры. Блокированный ферзь, каковым является спектр Ждановых, не значит ничего, а способный к маневру — может обеспечить победу.

— Возможно, условия изменились еще более кардинально? И на арену выходит л и ч н о с т ь, а не стая? Может быть, Палач ошибается, гоняясь за нами?

— Хотелось бы верить. Он сделал два уникальных хода. Во-первых, изменил основной Закон Древа, Закон толерантности, предоставляющий право существования в с е м Ветвям. Древо перестает ветвиться, многие его Ветви начинают «засыхать», кроме одной...

— ...где он сам властелин!

— Совершенно верно. Во-вторых, он поджег трансгресс, то есть систему контроля Игр. К сожалению, нынешняя ситуация еще печальней. Палач не только добился устранения Судей, но и включил процесс распада контрактивных Ветвей. Древо сворачивается, и если начнется инфляционное расширение процесса...

— ...никто и ничто не уцелеет, даже сам Палач.

— Зато останется тот, кто это затеял...

— Безусловно Второй.

— То есть Дьявол, если говорить просто.

Златков и Ромашин понимающе глянули друг на друга.

— Э-э, уважаемые, — поспешил вклиниться в беседу Олег Борисович, осоловелый от усилий понять суть высказываний ученых. — Я понял так, что всем нам светит аллес капут? То есть хана. Или есть надежда выжить?

Златков усмехнулся.

— Надежда — это всего лишь уловка Творца. Он таким образом дает понять, что все видит, слышит и знает. Он найдет решение, даже если мы этого не поймем и не узнаем.

— Возможно, решение уже найдено, — задумчиво сказал Павел Жданов.

— Какое? — посмотрел на него Гаранин.

— Какое — не знаю, но считаю, что каждая Игра должна развивать Древо, а не упрощать. И Создатель Игр это знает и принимает меры. Появление оператора в лице Ивора и есть исполнение его Воли. Да и все мы являемся частью замысла Творца, хотим этого или не хотим.

— Браво, Павел! — проворчал Гаранин. — Не зря мы с вами обсуждали варианты хронотеории. Вы делаете неплохие выводы.

— Было время подумать.

— Летят наши разведчики, — доложил Паша-летчик.

Мужчины зашевелились, вставая и потягиваясь.

— Пора двигаться дальше, — со вздохом сказал Белый.

Над деревьями появились три блестящие точки, выросли в размерах, спикировали на поляну.

— Ну, как там родичи, признали? — полюбопытствовал Гаранин.

— Одно расстройство, — слабо улыбнулась Мириам, непривычно задумчивая.

— Все намного сложней, чем мы думаем, — сказал озабоченный Жданов-старший, отец Ивора. — Здесь засели агенты Палача, и они не дадут племени россинов жить спокойно. Возможно, придется еще раз вернуться сюда и очистить Ветвь от гнилья.

— Можно сделать это прямо сейчас.

— Нет времени. Нас ждут другие группы Ждановых, застрявшие в «засыхающих» Ветвях. Надо освободить их, пока Ветви не схлопнулись в черные дыры.

— В путь! — коротко бросил Ромашин.

ГЛАВА 4

Бесконечное поле тумана с редкими струями, истекающими в беззвездное мутное темно-серое небо, и с еще более редкими провалами круглой формы в этом тумане, уходящими в неведомые, подсвеченные снизу багровые бездны. Таким предстал перед глазами «хронодесантников» мир «засыхающей» Ветви, где,

по расчетам Ивора, застряла еще одна группа кванков отца и его спутников.

При высадке оператор трансгресса, которого путешественники уже привыкли называть Стасом, хотя с настоящим Стасом, инком Ствола, он имел весьма отдаленное родство, предупредил своих пассажиров об опасности выхода и сообщил характеристики Ветви, которыми обладал сам.

Этот мир стремительно «скатывался» к сингулярности, теряя мерность континуума. Когда-то он был двенадцатимерным, очень сложным и гармоничным, имел материальные образования, аналогичные планетам и звездам, хотя их форму нельзя было назвать круглой, а звезды вообще представляли собой кольцевые структуры, заполнявшие космос Ветви, и внутри них шли не термоядерные реакции, а «горело» время, превращаясь в пространство и энергию.

Теперь же этот мир стал трехмерным, точнее, его мерность была уже нецелочисленной, меньше трех, но больше двух, и приближался момент, когда он должен был превратиться в бесконечную плоскость, а затем в линию и в точку. В настоящее время его «звезды» и «планеты» соединились вместе в единую субстанцию, которую люди видели как туман, и лишь на дне круглых кратеров с отвесными туманными стенами еще сохранялись условия, пригодные для жизни. Где-то в одной из таких впадин стоял Ствол, а возле него располагалась база земных даль-разведчиков, в которой и ждали освобождения земляне. Кто именно — Стас не знал. Но по идее никто, кроме Жданова и его соратников, не мог здесь находиться, отрезанный от Ветвей Древа заблокированным Стволом.

«Хронодесантники» в блестящих костюмах, причудливо изменивших форму под влиянием законов местного пространства — все вместе они больше всего походили на стадо карикатурно искаженных ящеров, — осмотрелись и ждали теперь команды Ивора, пытавшегося определить координаты базы по мысленному эху ее обитателей. Наконец он вышел из транса ясновидения и уверенно направился к ближайшему кратеру, диаметр которого можно было визуально оценить в сто с лишним километров.

Однако близость дыры в туманном океане оказалась иллюзорной. Отряд мчался минуту, две, десять, полчаса, а кратер почти не приблизился, и тогда стало ясно, что полагаться на органы зрения в этом мире не стоит. О его форме и размерах нельзя было судить только по картинке на сетчатке глаза. Мир с количеством

измерений меньше трех был обманчив, а его пейзаж зависел от положения наблюдателя и скорости движения.

Лишь через два часа по собственному времени отряд достиг провала, форма которого изменилась: из круглой она стала сначала многогранной, потом квадратной и, наконец, звездчатой. И только подлетев ближе, земляне поняли, что диаметр провала измеряется не сотней, а тысячами, если не десятками тысяч, километров! Да и то, что глубина его с виду не превышала пятишести километров, тоже оказалось обманом. Потому что спускались «хронодесантники» на зернистое дно провала не меньше полутора часов, пока не перестали быть видимыми туманные края кратера. По расчетам инков выходило, что глубина провала достигала по крайней мере тысячи километров.

Светящиеся и несветящиеся зерна, усеивающие дно кратера, какими они виделись с высоты, оказались гигантскими куполовидными скалами и черными колодцами, уходящими в неведомые глубины мира. Ствол среди них почти ничем не выделялся, так как форму имел примерно такую же — оплывший утес коричневого цвета с фиолетовым отливом, разве что не светился багровым и алым светом, как другие скалы.

А вот база землян сохранила первоначальный облик идеального белого тетраэдра высотой всего в полсотни метров, и найти ее не составило особого труда. Располагалась она на вершине одной из куполовидных скал недалеко от Ствола, однако при попытке приблизиться к ней снова сказался эффект несовмещения масштабов человеческого восприятия и местных линейных мер, и земляне добирались до базы полчаса, с оторопью наблюдая за изменением ландшафта.

Издали казалось, что база примерно в пять-шесть раз меньше скалы, однако каждый купол при приближении к нему разворачивался в огромное выпуклое плато, и скала, давшая приют тетраэдру базы, не стала исключением. Когда «хронодесантники» наконец достигли ее, она превратилась в гигантский чешуйчатый горб диаметром не меньше сотни километров — опять же по визуальной оценке наблюдателей. Впрочем, аппаратура «кокосов» давала примерно ту же величину. Ориентироваться в этом мире было трудно.

А вот размеры базы не изменились: что издали, что вблизи она казалась идеальной пирамидой пятидесятиметровой высоты.

Отряд опустился на странную почву плато, напоминавшую слоистый полуобгоревший пластик, поросший сизо-голубой ко-

ростой. Двигался отряд в соответствии с правилами спецназа — разведромбом, готовым отреагировать на любое изменение обстановки, и это оценили те, кто прятался за стенами базы.

Внезапно с вершины тетраэдра метнулся вниз толстый оранжевый луч, вонзился перед идущим впереди всех Ивором в почву и с треском проделал в ней десятиметровой длины и метровой глубины ров с оплавленными краями.

Отряд остановился, готовясь ответить залпом из всех видов оружия, имевшегося в его распоряжении.

Однако выстрел не повторился. Гостей просто предупредили, что дальше продвигаться не стоит, и теперь ждали ответных действий.

Ромашин, оба Жданова и Белый попытались связаться с обитателями базы по рации, меняя диапазоны связи, но никто им не ответил. Эфир шумел, как штормовой океан, и человеческие голоса тонули в нем без следа.

— Попробуй достучаться до их мозгов, — посоветовал Ивору Гаранин.

— Да я пытаюсь, — отозвался молодой человек сквозь зубы. — База имеет ментальную защиту... но я пробьюсь!

— Даже если они нас не слышат, они должны понимать, что враги так открыто не подходят, — проворчал Олег Борисович.

— Мы тоже не сразу поверили, что вы друзья, — вступился за обитателей базы отец Ивора. — Сейчас опасно доверять даже собственному отражению.

— А давайте попробуем все вместе составить какое-либо слово, — предложил Паша-летчик. — Нечто вроде «свои».

— Нас хватит на пару букв, — возразил Белый. — Да и не поверят они все равно.

— Ничего выдумывать не надо, — сказал Ивор с облегчением. — Они меня услышали.

У основания гладкой белой грани тетраэдра появилась горизонтальная щель, и на сизые бугры, похожие на кучи пепла, выпала треугольная плита пандуса, открывая вход в пирамиду.

— Идемте, — сделал приглашающий жест Ивор, первым устремляясь к базе.

— Подожди, сынок, — остановил его отец. — Нам нет нужды идти туда всем отрядом. Времени очень мало, поэтому иди один, объясни им ситуацию. Пусть побыстрей выходят к нам, и мы отправимся дальше. Задерживаться здесь нельзя.

— Я тоже пойду с ним, — решительно заявила Мириам, при-

соединяясь к Ивору. — Обязанности телохранителя с меня никто не снимал.

— Идите, — разрешил Жданов-старший. — Можете взять с собой Петруху.

— Обойдемся.

Две блестящие карикатурно искаженные фигуры, похожие на четырехлапых пиявок, скрылись в отверстии входа в базу. Потянулись секунды, складываясь в минуты, подчеркиваемые глухой тишиной в наушниках. Через десять минут кашлянул Гаранин, не решаясь вслух высказать свои опасения. Отряд подтянулся, ожидая команды Жданова. Еще через три минуты не выдержал кто-то из Белых:

— Давайте-ка я проконтролирую процесс...

И в это время в черном треугольнике входа блеснула ткань костюма, из пирамиды вышел человек, помахал рукой.

— Все в порядке, — раздался звонкий голосок Мириам. — Еле уговорили их присоединиться к нам. Оказывается, они не знали, что их замуровали здесь по приказу Полуянова, и ждали его появления. К тому же одна делегация уже приходила к ним с таким же предложением — присоединиться, и все это едва не закончилось трагедией.

— К ним приходили ликвидаторы Валетова?

— Больше некому.

— Сколько их на базе?

— Трое.

— Кто именно?

— Это сюрприз.

Из пирамиды вышел еще один кособокий зеркально бликующий «ящер», за ним спустились трое в необычного вида черных скафандрах с матово-металлическими полусферами шлемов.

— Интересные у них костюмчики, — хмыкнул Белый. — Эй, ребята, среди вас есть кванки Гриши Белого?

— Нет, — послышался чей-то сдержанный голос.

— А с кем я говорю?

— Я Игнат Ромашин. Со мной Атанас Златков и Павел Жданов.

— А где же Белый?

— Погиб.

В эфире стало тихо. Кто-то вполголоса произнес:

— Это война...

«Хронодесантники» зашумели. Послышались восклицания, голоса:

— Мы не знали, извините...

— Как он погиб?

— Нашего полку прибыло...

— Паша, ты-то как уцелел? Нас тут двое, ты третий...

— Жаль, что так все произошло...

— Тихо! — повысил голос Жданов, отец Ивора. — Попрошу всех высказать свои соображения по нашим дальнейшим действиям.

Шум в эфире стих.

— По нашим сведениям, — продолжал Павел, — в разных Ветвях сейчас застряли около двух тысяч групп, подобных нашим. Подверглись атаке Палача спектральные линии Ждановых, Златковых и частично их соратников и друзей. Для того чтобы освободить их всех, потребуется по крайней мере три месяца, что в условиях дефицита времени абсолютно недопустимо.

— Давайте разделимся, — предложил Ромашин-третий.

— К сожалению, Стволом пользоваться нельзя, все выходы планомерно уничтожаются, а трансгресс подчиняется только одному человеку — моему сыну.

— Он что же — помощник Судьи? — поинтересовался Жданов-третий.

— Нет, он оператор метаэтики, ну, или, говоря проще, оператор уровней Игры. Хотя и неопытный.

— Это о нем ходят слухи как о Том, Кто Пробудился?

— Легенда о Том, Кто Пробудился, запущена по кольцу трансгресса в незапамятные времена, это просто отражение веры в Потенциальную Справедливость Творца. Но Ивор вполне соответствует имиджу Того, Кто Пробудился. Мы все являемся, по сути, его командой сопровождения и наведения. Итак, ваше мнение?

— Почему бы ему, если он оператор такого высокого ранга, — заметил Златков-второй, — не приказать автоматике трансгресса отзываться не только на его, но и на наши вызовы?

Эфир на волне связи заполнила глубокая тишина.

— Конгениально! — послышался тихий смешок первого Златкова. — Поздравляю, дубль. Я подумывал об этом варианте, но ты высказал идею раньше.

— А ведь действительно! — с удивлением и восхищением проговорил Жданов-старший, отец Ивора. — Мне в голову не приходило, что это возможно!

— Никто и не утверждает, что это возможно, — флегматично заметил Златков, предложивший идею.

Короткая тишина в эфире сменилась взрывом смеха. Затем послышался голос Жданова-старшего:

— Все, закончили. Давайте проверим... — Он не договорил.

Плато, на котором стояла пирамида базы, вздрогнуло. Затем еще и еще раз. Впечатление было такое, будто к людям приближался невидимый всадник и под копытами его коня дрожала земля.

— Что это? — прошептала Надежда.

— Смотрите! — воскликнула Мириам, вытягивая руку.

На горизонте, там, где купола «холмов» сливались в одну линию, замелькала быстро растущая черная точка. Почва под ногами землян продолжала вздрагивать, хотя вокруг царила тишина. Атмосфера на дне кратера не проводила звук.

— В цепь! — повелительно бросил Жданов, отец Ивора. — Приготовились!

Отряд послушно развернулся в цепь так, чтобы неизвестный объект направлялся к вогнутой середине цепи.

Черная точка приблизилась, превратилась в конька-горбунка из детской сказки. Через несколько минут этот конёк вырос вдесятеро, и все узнали механического «кентавра» — «коня» «хронорыцаря», торс которого заканчивался не головой, а сверкающим холодным огнем длинным рогом. «Хронорыцарь» возвышался над рогом как огромная гора, внимательно глядя вперед узким, кроваво светящимся глазом.

Всадник и его «конь» нависли над людьми. Почва под ногами землян перестала вздрагивать. Голова «хронорыцаря» повернулась влево, потом вправо, взметнулась вверх гигантская рука в «латной перчатке», достала что-то из-за спины. «Хронорыцарь» наклонился и поставил этот предмет на плоский бугор перед цепью «хронодесантников». Они молча смотрели на человека в простом серебристом комбинезоне и не знали, как реагировать на его появление.

Человек усмехнулся, заложил руки за спину. Это был Атанас Златков, но с усами и бородкой.

— Не ждали?

Его тихий невыразительный голос со знакомыми ироническими интонациями зазвучал под шлемами «кокосов» так отчетливо, будто он говорил в микрофон рации.

— Атанас? — с ноткой неуверенности произнес Жданов-старший.

— Неужели я так изменился?

— Я ни разу не видел вас с усами и бородой. Каким ветром вас сюда занесло?

— Да вот пришлось покинуть уютную обитель по просьбе флориан и искать вас по белу свету.

— Это он! — звонко сообщила Мириам. — Мы с Ивором были у него в гостях. Он живет на родине Меры, второго Игрока.

— Совершенно справедливо, девочка, — кивнул Златков. — Рад снова лицезреть вас живыми и невредимыми.

— Теперь нас трое, — проворчал один из Златковых отряда. — Может быть, присядем, побеседуем? Надеюсь, нашему кванку, общавшемуся с самим Мерой, есть что сказать своим дублям?

— Нас четверо, — сказал Златков.

«Хронорыцарь» снова запустил руку за спину и поставил рядом со Златковым фигуру в блестящем скафандре.

— Привет честной компании, — принесли рации голос еще одного Златкова.

— Обалдеть можно! — пробормотал Олег Борисович. — Мы же оставили вас у Железовского!

— Меня забрал этот тип. — Фигура в скафандре указала на Златкова. — Мы должны быть вместе.

— Почему?

— Я с удовольствием пообщаюсь с вами, коллеги, но в другой раз. Сейчас на это у нас нет времени.

— Что случилось? — в наступившей тишине спросил Жданов.

— Трансгресс становится ненадежным видом транспорта в системе Древа, — сказал Златков без скафандра. — Палач его «поджег», взрывая Стволы один за другим, и теперь он «горит», как бикфордов шнур. Поэтому мне пришлось воспользоваться услугами моего друга Идущего Прямо, бывшего судебного исполнителя. Вам не стоит тратить время и силы на освобождение кванков уважаемого мною рода Ждановых. Да и Златковых тоже. Собирать войско как в прошлый раз — бессмысленно. Это еще одна уловка Палача, с помощью которой он рассчитывал распылить наши силы и отвлечь нас от главной цели.

— Главная цель — дисквалификация Игрока, сиречь Палача. Разве нет?

— О, естественно, это вообще глобальная задача всех позитивных структур Древа. Но у людей, как у систем более низкого уровня, есть своя главная цель. В нынешней Игре основную регулирующую функцию исполняют не разумные с т а и, не человекоспектры, оказавшиеся под контролем Палача, а л и ч н о с т и!

Понимаете? Только им по силам сыграть роль регулятора Игры и выйти на того, кто способен остановить процесс свертки Древа.

— Вы имеете в виду...

— Я имею в виду всех вас. Ну и, конечно, оператора. Он еще слаб и неопытен, но если мы все поможем ему, он справится.

«Хронодесантники» зашевелились, оглядываясь на Ивора, зароптали и умолкли.

— Что мы должны делать? — осведомился отец Ивора.

— В первую очередь деблокировать одного из Судей Игры, который имеет доступ к информации о Матричной Ветви, то есть о Корне Древа. Только спустившись на Дно Времен, мы получим возможность встретиться с сильными мира сего — со Зрителями, с Заказчиком Игр, с Безусловно Вторым, а то и... — Златков усмехнулся, — с Безусловно Первым. Пусть оценит наше стремление сохранить Древо. Может быть, не все так печально, как мы думаем?

— Значит, вы не уверены, что мы действуем правильно? — проворчал Олег Борисович.

— Мы действуем в рамках ортодоксальных логик и этик, — флегматично пожал плечами Златков, — созданных человеческим разумом. Но существуют металогика и метаэтика более универсальных уровней, о которых мы только начинаем догадываться. Кто знает, что хорошо для Вселенной, когда нам хорошо? Или плохо?

Молчание на этот раз длилось дольше.

— Ну, допустим, мы проникли, — заговорил Белый. — Действительно, никто не знает, что плохо, что хорошо для всего Древа. Как в той старой пословице: что русскому хорошо — немцу смерть. Может быть, мы напрасно беспокоимся за всю Вселенную, она сама в состоянии за себя постоять. Но ведь уничтожается н а ш а Ветвь, н а ш а Метавселенная, н а ш а родина! Вот за нее мы и будем драться! Кстати, а почему не вмешается Мера, второй Игрок? Почему он нам не помогает?

— Во-первых, он помогал и помогает, в меру своего разумения, конечно. Во-вторых, он воюет больше на других уровнях, куда человеку нет доступа. К сожалению, он проигрывает...

— Это мы знаем. Итак, что вы нам советуете?

— Я проведу вас к ганглию...

— Куда?!

— К узлу тензорного пересечения Ветвей, откуда мы сможем попасть в заблокированную горизонтом событий «черной дыры»

обитель Судьи, комиссара Игры. Остальное будет зависеть от вас, от вашей сплоченности, от запаса сил оператора, от желания Судьи вмешаться в Игру.

— Каким образом мы достигнем этого... ганглия?

— Идущий Прямо унесет всех. Прошу садиться.

Златков поманил «хронорыцаря». Тот, сидевший в седле «кентавра» совершенно неподвижно, наклонился, подставил трехметровую ладонь.

— Прошу, коллеги.

«Хронодесантники» подошли к Златкову, чувствующему себя совсем неплохо в смертельно ядовитой среде; по-видимому, на нем был надет какой-то прозрачный защитный пузырь помимо обычного уника. «Хронорыцарь» вдруг наклонился к ним, изучая Петруху. По-видимому, он впервые видел свою уменьшенную, но точную копию. Затем в четыре приема «хронорыцарь» перенес людей на спину своего «коня», за высокую спинку седла, на круп, и «кентавр» зашагал мимо горы Ствола к туманной стене кратера, набирая скорость.

ГЛАВА 5

Сначала «кентавр» бежал медленно, слегка переваливаясь с боку на бок, заставляя седоков цепляться за ребра и штыри, торчащие из крупа, потом перешел на иноходь, увеличил скорость и пошел плавнее.

Ивор ждал, что «хронорыцарь» приведет в действие какой-нибудь механизм перехода на «струну», и они тут же окажутся в другой Ветви. Однако шли секунды, складываясь в минуты и часы, а «кентавр» по-прежнему мчался иноходью по «холмам» и «равнинам» кратера, постепенно приближаясь к его дымной стене, и не собирался нырять в тоннель хрономембраны. Вспомнились — не родились свои — чьи-то стихи:

Вдоль обрыва, по-над пропастью, по самому по краю
Я коней своих нагайкою стегаю — погоняю, —
Что-то воздуху мне мало, ветер пью, туман глотаю,
Чую с гибельным восторгом — пропадаю! Пропадаю!..

Очевидно, мысль о несоответствии скачки процессу перехода из Ветви в Ветвь беспокоила и других пассажиров «кентавра», хотя высказал ее вслух только «штатный ворчун» отряда Гаранин:

— Мы что же, так и будем скакать по буеракам до самого упора? Или здесь трансгресс не работает?

— Трансгресс не имеет к нам никакого отношения, — ответил Златков-четвертый, занятый тихой беседой со своими кванками. — У «хронорыцарей» своя система перемещения по Ветвям.

— Дриммер, что ли?

— Нет, с некоторой натяжкой ее можно назвать системой темпорально-топологического преобразования континуума. Она требует определенной настройки, однако действует безотказно. Хотя...

— Бывают сбои?

— Нет, я не это хотел сказать. Идущий Вопреки, родич моего друга Идущего Прямо, кстати, судебный исполнитель, не смог выбраться из «засыхающей» Ветви и погиб.

— Ничего себе, хорошенькая у нас перспектива!

— Нам это не грозит. Он просто не успел воспользоваться своими возможностями, его убили оруженосцы Палача при исполнении обязанностей.

— Как это все-таки ужасно! — шепнула Надя Руслану, уже научившись пользоваться личной линией связи.

Примерно то же самое проговорила и Мириам, державшаяся рядом с Ивором:

— Никакой он не Игрок — этот Палач! Самый обыкновенный бандит и убийца!

— Согласен, — угрюмо пробормотал Ивор. — Хотя эмоциональные оценки действий Палача вряд ли корректны. Уже проверено, логика Игроков сильно отличается от логики людей.

— Все равно он убийца!

Ивор вздохнул и промолчал.

С тяжким гулом «кентавр» продолжал бежать по дну кратера, не меняя направления. Туманная стена провала приблизилась, напоминая надвигающуюся земную тучу с градом и снегом. Внезапно там, где остались Ствол и база даль-разведчиков, сверкнул огонек, вытянулся факелом вверх и распустился живым огненно-дымным букетом. Твердь под копытами «кентавра» качнулась с такой силой, что он сбился с шага.

— Что там такое происходит? — процедил сквозь зубы Гаранин.

— Очевидно, взорвался Ствол, — после паузы сказал Жданов, выслушав доклад инка; голоса всех Ждановых были так похожи, что отличить их было невозможно. — Или база. Атанас, нельзя ли попросить нашего возчика ускорить процедуру перехода в другую Ветвь?

— Я общаюсь с ним мысленно, он все понимает. Потерпите.

Словно отвечая на пожелания седоков, «кентавр» еще больше увеличил скорость бега, так что в его торчащих ребрах туго засвистел ветер.

Холмистая равнина сзади тем временем начала зыбиться, трескаться, крошиться, раскалываться на плиты, которые с плеском ныряли в задымившуюся, невесть откуда появившуюся жидкость. Эта волна преобразований стала догонять всадников, да и впереди холмы потеряли прочность и начали расползаться под копытами бешено несущегося «кентавра», так что он стал проваливаться и опасно раскачиваться.

— Что происходит? — крикнул Ромашин. — Может, мы перейдем на самостоятельный полет?

— Начался процесс свертки Ветви, — предположил Белый.

— Боюсь, это погоня, — озабоченно ответил Златков-четвертый. — Держитесь!

В ту же секунду «кентавр» на всей скорости нырнул в туманную пелену, и люди перестали видеть друг друга. Не помогли даже фильтры и переход систем зрения «кокосов» на другие диапазоны электромагнитных волн. Тяжкий грохот копыт сменился на глухой стук, будто «хронорыцарь» с седоками за спиной мчался по песчаной проселочной дороге, постепенно поднимаясь в гору.

Туман стал редеть, расступаться, в нем протаяли окна и поляны, затем целые стадионы пустого пространства, и, наконец, полосы и слои тумана остались позади. «Кентавр» выбрался на берег сиреневого моря с ослепительно белыми барашками волн и помчался прямо по воде, поднимая тучи светящихся брызг. Сзади остался склон горы, испещренный узором рытвин, трещин и пещер, посреди которого медленно затягивалась мутью огромная черная клякса, похожая на вход в преисподнюю. И никакого тумана!

— Куда это мы вылезли? — пробурчал Олег Борисович.

— Это другая Ветвь, — отозвался Златков-четвертый. — Мы ее минуем.

— Долго нам еще скакать?

— Все зависит от качества топологических трансформаций, генерируемых моим другом, и от степени турбулентности взаимодействующих Ветвей. Процесс перехода из Ветви в Ветвь сродни кораблевождению в шторм, «хронорыцарям» приходится проявлять немалое искусство, чтобы ориентироваться во время «шторма» и держать правильный курс.

— Мощные ребята эти ваши «хронорыцари»!

— Они дети иных измерений, хотя в некоторой степени могут считаться нашими братьями. Во всяком случае, родились они в Матричной Ветви, как и мы.

Некоторое время седоки «кентавра» молчали, переваривая услышанное. Олег Борисович хотел было продолжить расспросы в этом направлении, но его перебил Ромашин:

— Атанас, вы говорили о погоне...

— Да, да, — воскликнула Мириам. — Если нас кто-то преследует, не лучше ли остановиться и устроить засаду?

— Это погоня иного рода... если только я не ошибся.

Внезапно удаляющаяся гора покрылась сетью трещин и начала сползать в море, разваливаясь на куски. Море засветилось сильней. «Кентавр», бежавший до этого по колено в воде, провалился по брюхо, выбрался на более мелкое место и снова провалился.

Небо над головой густо-лилового цвета стало быстро темнеть, покрылось сеточкой линий, напоминающей паутину. Из-за горизонта в той стороне, куда направлялся «хронорыцарь», выполз краешек гигантского розового солнца с космами протуберанцев. Но и солнце вскоре покрылось пятнами и начало гаснуть на глазах и сжиматься.

— К сожалению, я не ошибся, — вздохнул Златков. — Эта Ветвь тоже вырождается и скоро схлопнется. Кто-то очень не хочет, чтобы мы добрались до цели.

— Почему вы считаете, что погоня послана именно за нами? — спросил Павел Жданов. — Да еще такая... катаклизмическая.

— Потому что мы вместе образуем сейчас пси-солитон, довольно приличный эгрегор, изменяющий, хотим мы этого или не хотим, энергоинформационный баланс всего Древа. Палач не всесилен, но все же велик и способен пеленгировать такие «солитоны».

«Кентавр» провалился по грудь, стал погружаться в кипящую сиреневую жидкость, но продолжал размеренно выбрасывать вперед ноги и бежать с прежней скоростью.

— Держитесь! — напомнил еще раз Златков.

Жидкость дошла до щиколоток людей, до пояса, накрыла их с головой. Видимость резко ухудшилась. Однако длилось подводное «плавание» недолго. Внезапно жидкость вокруг «хронорыцаря» превратилась в дым, затем дым скачком исчез, и «кентавр» вырвался на гладкую, бесконечную, полупрозрачную поверхность, похожую на ледяное поле. Точно такое же поле нависало

сверху, и в нем карикатурно отражались «конь» и его наездники. Ни звезд, ни других источников света не было видно, и тем не менее этот странный мир был освещен, как в лунную ночь поверхность Земли.

Плеск и гул сменились дробным стеклянно-костяным цокотом копыт «кентавра», продолжавшего мчаться вперед с равномерностью и невозмутимостью машины.

«Хронодесантники», ошеломленные сменой ландшафтов, молча озирались, подмечая детали на поверхности «льда»: белые пятна изморози — не то короста лишайников, не то действительно пушистый иней, голубоватые светящиеся жилы, контуры каких-то конструкций, утонувших в глубинах «ледяного» поля. Затем стали попадаться небольшие «ледяные» глыбы и целые их россыпи, увеличивающиеся в размерах в процессе движения всадников. Вскоре глыбы превратились в скалы и в настоящие кристаллические горы, внутри которых смутно угадывались очертания почти прозрачных строений, геометрически правильных фигур и волокнистых структур.

— Странные какие-то скалы, — заметила вполголоса Мириам. — То ли изо льда, то ли из хрусталя. Такое впечатление, что внутри них заморожены живые существа.

— Скорее всего это не скалы, — отозвался Ивор. — Я чувствую в них огромные пространства и движение. — Он перешел на общую волну связи. — Атанас, вы не знаете, что это за образования?

— Догадываюсь. Вероятно, это ЗОВы — зоны остановленного времени. Я встречался с подобными вещами. Эта Ветвь «сохнет» давно, судя по всему, и скоро свернется.

«Кентавр» неожиданно свернул к ближайшей прозрачной горе, его копыта ударили в граненую поверхность основания горы, и произошла мгновенная метаморфоза: гора треснула, из прозрачной превратилась в молочно-белую, будто ее заполнил какой-то пар, и стала таять, течь, испаряться. Дробный стеклянный цокот копыт сменился чавканьем и хлюпаньем. «Кентавр», не меняя направления и скорости движения, прорвал телом ставшие зыбкими кристаллические грани горы, разбрызгал во все стороны осколки молочно-белой субстанции и вырвался на равнину.

Но процесс изменения «ледяных» скал и россыпей продолжал развиваться дальше, все они задымились, начали таять, испаряться, разваливаться на вздрагивающие, как желе, куски. По бесконечной «ледяной» равнине побежали трещины. А «небо» над головами всадников — такое же «ледяное» поле, что и под ногами

«кентавра», вдруг начало падать на равнину, грозя раздавить бешено скачущего «кентавра» с седоками в лепешку.

— Что мы можем сделать?! — торопливо заговорил Павел Жданов. — От нас что-нибудь зависит?

Златков ответить не успел.

«Кентавр» перепрыгнул через расширявшуюся на глазах трещину, еще через одну и угодил в третью, окунувшись в глубокую темноту. Ноги его продолжали двигаться в прежнем темпе, будто он бежал по ровной дороге, хотя ни самой дороги не было видно, ни стука копыт слышно не было. Затем огненное крыло смахнуло темноту, словно распахнулось окно в иной мир, залитый светом (что, впрочем, соответствовало истине), и «кентавр» вырвался на склон колоссальной золотой горы, освещенной сразу тремя пылающими солнцами разного цвета и диаметра. Одно было зеленоватое и маленькое, второе — побольше — желтое, и третье, огромное, красное, ощутимо ж и д к о е, занимало половину небосклона.

— Вот скотина! — с меланхолическим хладнокровием произнес Златков-четвертый. — Едва не догнал!

Никто не переспросил, что он имеет в виду. Все поняли, что речь шла о Палаче, запустившем вдогонку за беглецами процесс свертки Ветвей.

— Все-таки я не понимаю... — напомнил о себе Гаранин. — За нами кто-то гонится, а мы не можем ему дать сдачи?

— Сдачи давать пока некому, — ответил Жданов, отец Ивора. — Мы не можем остановить процесс свертки Ветвей. Это физический процесс, опирающийся на неизвестные нам законы, а не существо из плоти и крови.

«Кентавр» помчался вниз по склону бесконечной золотой горы, обходя огромные воронки и норы. Лишь спустя некоторое время люди поняли, что это вовсе не гора, а природное образование вроде планеты, видимое из-за сильного преломления световых лучей как гора. Однако полюбоваться этой колоссальной «горой» всадникам не удалось.

Внезапно словно тень набежала на сияющие шары солнц: они резко потускнели. Небо планеты-горы, наоборот, вспыхнуло и заискрилось. Судорога передернула золотой ландшафт, отзываясь чудовищной силы подземным гулом. Твердая почва под копытами «кентавра» начала рваться на плиты, рассыпаться в песок, взрываться и фонтанировать.

— Вот дьявольщина! — пробормотал Олег Борисович. — Мне это не нравится. Может, попробуем вместе каким-нибудь образом воздействовать на это безобразие?

— За нами н а с т о я щ а я погоня! — воскликнула Мириам, демонстрируя быструю реакцию.

Все оглянулись.

«Вверху», на «склоне горы» — если считать кажущийся горб планеты горой, появилось облако пыли, замелькали какие-то тени, засверкали металлические на вид предметы. Затем облако пыли сместилось, и стали видны необычного вида машины или существа, похожие на жутких скорпионов и крокодилов одновременно. Несмотря на приличную скорость «кентавра» — под сотню километров в час, они быстро приближались, увеличиваясь в размерах, и вскоре стало ясно, что скорпионо-крокодилы по размерам не уступают «хронорыцарю».

Планета под ногами продолжала разрушаться, плыть, распадаться, три светила в небе становились все тусклее, сжимались, покрылись сетью разломов и трещин. Вселенная этой Ветви вот-вот готова была схлопнуться в черную дыру сингулярности, а «хронорыцарь» все никак не мог преодолеть потенциальный барьер, отделяющий эту Ветвь от соседней.

— Приготовьтесь к атаке! — скомандовал Жданов, отец Ивора. — Петруха, задержи этих насекомых!

Бывший телохранитель Ромашина-скульптора, ничем, кроме размеров, не отличимый от своего гигантского аналога, послушно прыгнул с крупа «кентавра» на «склон горы» и помчался навстречу приближающимся в облаке дыма и пыли скорпионо-крокодилам. Преследователи заметили его, но не обратили на кроху — Петруха был по меньшей мере в двадцать раз ниже ростом — внимания, за что и поплатились.

Витс выстрелил.

Две яркие голубые молнии вонзились в морду ближайшего скорпионо-крокодила. Радужная вспышка света резанула по глазам беглецов. Часть головы монстра испарилась, он с ходу сунулся грудью в породу «горы», пробороздил огромную траншею и задергал лапами, фонтанируя струями огня и дыма.

Петруха выстрелил еще раз — он использовал аннигиляторы, попал во второго гиганта, однако сделать больше ничего не успел. Струя какой-то серебристой жидкости накрыла его, и он в течение нескольких мгновений буквально растворился в этой

жидкости, как в кислоте, превратился в скелет, в призрачную туманную кисею. Исчез!

— Огонь! — скомандовал Жданов.

Отряд сделал залп из двадцати с лишним стволов, применив все оружие, что имелось в наличии: «универсалы», аннигиляторы, «глюки», «скорпион», «кий» и ваксинг. Фейерверк получился впечатляющий, а главное — результативный.

Два скорпионо-крокодила превратились в вулканы огня и дыма, третий потерял ряд конечностей и завертелся на месте юлой. Четвертый преследователь остановился, метнул вслед «кентавру» реку сверкающей жидкости, но не достал. И в этот момент «хронорыцарь» наконец нащупал квантовый переход между Ветвями, и «кентавр» нырнул в темный кольчатый тоннель, который вывел беглецов в другой мир.

* * *

Бесконечный чудовищный лес — таким предстал перед глазами «хронодесантников» обещанный Златковым ганглий, узел пересечения Ветвей. Лес одних древесных стволов — без ветвей и кроны, толщина которых порой достигала сотен метров, по визуальной оценке ошеломленных членов отряда. Стволы разнились цветом, рисунком коры, формой наростов, но все же с точки зрения человеческого опыта это были самые настоящие стволы деревьев, разве что гипертрофированно увеличенные до сказочных размеров.

Почва, из которой вырастали эти гиганты, напоминала слой дыма, но дыма твердого, по которому свободно можно было гулять. Во всяком случае, «кентавр» с седоками — махина массой в полторы тысячи тонн — не проваливался, шагая по жемчужно-серым «клубам дыма».

Небо этого странного мира отливало серебром, изредка роняя длинные искры, похожие на следы метеоров. Ничего похожего на звезды или солнце не наблюдалось, но было достаточно светло, словно светился сам воздух. Сила тяжести здесь не уступала земной.

— Это и есть ганглий? — осведомился после долгой паузы Олег Борисович.

— Я здесь ни разу не был, — откликнулся Златков-четвертый. — Но это ганглий. Мой друг Идущий Прямо не мог...

Голос Атанаса внезапно был перекрыт гулким хлопком и за-

тихающим гулом. «Кентавр» качнулся под напором налетевшего откуда-то порыва ветра.

Все замерли, озираясь, пытаясь понять, что произошло.

Раздался еще один хлопок, но слабее. Из-за стволов деревьев вдалеке вынеслись струи серого дыма, опали. Гул стих.

— Кажется, я понимаю... — начал Златков.

Ствол дерева в двух сотнях метров от всадников с неистовым треском вдруг сжался в ярко засветившуюся линию. Гулкий удар! Линия стала черной! Еще удар! Туман в том месте взвихрился фонтаном и струями разлетелся во все стороны. Ударная волна, рожденная сверхбыстрым сжатием дерева, едва не сбросила людей с крупа «кентавра», заставив его гарцевать на месте, чтобы сохранить равновесие.

— Это что еще за явление? — мрачно поинтересовался Гаранин.

— Слинг! — пробормотал Ивор.

— Совершенно верно, — подтвердил Златков. — Мы видим перед собой не что иное, как Ветви. Почему они кажутся нам стволами деревьев, я не знаю, так работает наш аппарат восприятия, пропуская поступающую информацию через психику и сознание. Естественно, никаких деревьев тут нет. А сжатие Ствола в струну означает слинг, процесс компактификации измерений, или свертку Ветви, ни больше ни меньше.

— Прекрасно! И вы предлагаете нам искать Матричную Ветвь, — заговорил Олег Борисович, — каждый раз прорываясь внутрь каждого... м-м... дерева? А если оно в этот самый момент схлопнется?

— Боюсь, у нас нет другого выхода, — ровным голосом ответил Златков. — Вы же видите, началась цепная реакция свертки Древа. Конечно, можно попытаться...

Гулкий стон! Еще одно дерево в полукилометре от всадников сжалось в черную струну и исчезло. Эхо принесло сразу несколько далеких хлопков и щелчков. Ветви — целые Метавселенные со всеми их пространствами, планетами, звездами и обитателями — продолжали «сохнуть», сжиматься и превращаться в энергетические шнуры. Ганглий, один из бесчисленных узлов пересечения Ветвей Времен, сотрясался и вздрагивал, как живой.

На глазах потрясенных людей одно из деревьев накренилось, коснулось соседнего ствола, и произошел удивительный взрыв взаимопроникновения, искривления форм деревьев, их многослойное слияние, искажение, перемешивание, сопровождаемое вспышками света и грохочущими аккордами трагической музы-

ки, а закончилось все колоссальным взрывом, повредившим соседние стволы. Некоторые из них тоже взорвались или сжались в черные струны и исчезли.

— Что будем делать? — прокричал в этом грохоте кто-то из Белых. — Надо уходить отсюда!

— У нас еще есть возможность вернуться к моим друзьям — флорианам, — предложил Златков-четвертый. — Мера контролирует свою Ветвь, там мы будем в безопасности.

— Это не решение! — твердо заявил Жданов, отец Ивора.

— Тогда надо искать Матричную Ветвь, — сказал Ромашин. — Выбор у нас действительно невелик.

— Есть еще один вариант, — сказал Златков с ноткой сомнения. — Если только оператор согласится на этот шаг.

— Что? — Ивор не сразу понял, что все ждут его ответа. — Я готов! Что нужно делать?

— Искать Корень Древа «на ощупь» слишком опасно, можно попытаться пройти Тай Цзи...

— Тай Цзи — Великий Предел, — перевел Жданов-старший. — Что вы хотите предложить, Атанас?

— Я предлагаю перейти Тай Цзи Игры, найти Древо Невозможных Состояний и спуститься по нему на Дно Времен.

В эфире стало тихо. Лишь со всех сторон продолжали доноситься далекие и близкие звуки схлопывающихся миров.

— Это менее опасно? — поинтересовался Олег Борисович.

— Вопрос надо ставить иначе, — буркнул Белый. — Насколько это опасно?

— Вообще-то смертельно опасно, — флегматично ответил Златков. — Я не знаю, хватит ли у оператора сил уберечь наш пси-солитон от распада. Зато если мы пойдем через Н-абсолют, нас никто не станет преследовать.

— Это уж точно!

— Что такое Н-абсолют? — спросила Мириам.

— Так я называю Древо Невозможных Состояний. В этом континууме возможны только парадоксальные сочетания понятий Нигде, Никогда, Ничто и так далее.

— Весьма интригующе. Однако мы все рискуем жизнью, и решать надо каждому в отдельности, идет он или нет.

— Да что тут решать! — возмутилась Мириам. — Мы одна команда и должны подстраховать оператора! А кто не захочет — пусть уходит!

Волна связи донесла смешки. Мужчины отнеслись к запальчивому замечанию девушки с юмором.

— Ивор, вам слово, — сказал Ромашин.

С грохотом схлопнулось дерево недалеко от «кентавра», так что он осел на задние ноги.

Ивор вздрогнул, понимая, что от его решения зависит не только судьба экспедиции, но и его жизнь, и жизнь тех, кто помогал ему все это время, оберегал и верил в его возможности. И еще он понимал, что обратной дороги н е т!

— Я... попробую... — промямлил он, но уловил общее чувство сомнения и поправился. — Сделаю все, что смогу!

— Тогда вперед, сынок, — сказал Жданов-старший. — Включай нас в свою пси-сферу и ищи Н-абсолют.

«Кентавр» под седоками переступил с ноги на ногу, ожидая команды «хронорыцаря». Ивор мысленно похлопал его по «холке» и сосредоточился на поле Сил.

ГЛАВА 6

Объединение пси-сфер членов отряда оказалось делом непростым. Приходилось учиться на ходу, ушибаться о чужие твердые характеры, сталкиваться с железной волей людей, ставших соратниками и друзьями. В конце концов ценой многих усилий Ивору удалось объединить ментальные сферы «хронодесантников» в единое монолитное целое, и он почувствовал такой прилив душевных сил, что захотелось крикнуть во все горло: «Ура! Получилось!» Но он удержал свой порыв, мысленно поцеловал Мириам, получив ответный «поцелуй» — целый букет теплых переживаний и чувств, и направил в з г л я д на пространство ганглия, сотрясаемое «антивзрывами» свертывающихся Ветвей.

Он увидел потрясающие г л у б и н ы, в которых можно было утонуть, раствориться без следа, и колоссальные в ы с о т ы, недостижимые фантазией человека и неописуемые человеческим языком. Он ощутил б е з д н ы информационных полей и пропасти нечеловеческих эмоций. Он осознал такие огромные массивы тоски, печали и боли, что закружилась голова и у самого заныло сердце! Это отозвались в нем гибнущие миры, полные жизни и движения.

Кое-как освоившись со своим положением, Ивор (точнее, весь «солитон», включая пси-сферу Идущего Прямо) начал искать вход в Н-абсолют и не удивился, обнаружив в центре (а мо-

жет быть, на окраине, ориентиры в этом пространстве отсутствовали) ганглия странное образование, создающее впечатление глубокой дыры и одновременно растущего живого стебля.

«Кентавр» послушно свернул налево, повинуясь мысленному приказу «солитона», некоторое время лавировал, объезжая то и дело взрывающиеся «деревья-вселенные», и неожиданно оказался на краю обширной «поляны», в центре которой струилось снизу вверх (иногда казалось — сверху вниз) прозрачно-лунное пламя.

Форму его описать было трудно.

С одной стороны это был п о т о к, столб огня, с другой — фонтан светящейся жидкости, с третьей — живое растение, непрерывно изменяющее очертания. Но изредка вдруг пламя этого удивительного образования становилось плотным, затем проваливалось само в себя, и людей обдавало дыхание жуткой бесконечной ирреальной бездны, в которой тонули и растворялись без следа материальные объекты, поля, звуки, человеческие эмоции.

«Н-абсолют!»— прилетела мысль Златкова-четвертого.

Никто ему не возразил. Ивор и все его спутники сейчас представляли собой одно целое, пространство единой ментальной ориентированности в состоянии мгновенных подсознательных ответов на любое раздражение, поэтому обсуждение обстановки им не требовалось. Все чувствовали то же самое, что и оператор, объединивший их в эгрегор, а он чувствовал то, что чувствовали они.

«Кентавр» галопом поскакал по «дымным» слоям к пульсирующему потоку Древа Невозможных Состояний. Внезапно что-то изменилось: словно тень пронеслась над всадниками, затмив невидимое светило. Пространство ганглия содрогнулось. «Дым» под ногами «кентавра» растрескался на отдельные «глыбы», но снова поплыл, как самый настоящий слой дыма. Люди ощутили тяжкий удар по сознанию, однако отразили ментальный выпад и мрачно «занесли кулак» для ответного удара, не зная, кому он предназначается.

Перед «кентавром» возникла человеческая фигурка в зеленовато-бежевом балахоне странного покроя и скачком выросла в стометрового великана. На людей и на «хронорыцаря» сверху вниз глянули светящиеся желтые безразлично-снисходительные глаза бровея Мимо, в которых на миг протаяло удивление.

Мефистофелевские брови Мимо прыгнули вверх. Затем глаза бровея снова стали сонно-безразличными.

— Поздравляю, оператор, — гулко пророкотал он. — Вы почти дошли до цели. Однако вынужден огорчить. Игра вышла на

финишную прямую, хотя ее конец, наверное, неведом никому, даже Творцу Игр, и процесс свертки Древа стал необратимым.

— Я дойду! — глухо сказал Ивор.

Голос его, естественно, не вылетел за пределы шлема, но собеседник услышал молодого человека.

— Увы, это нереально в вашем положении, — вздохнул Мимо. — Даже я не смог бы выбраться отсюда, не имея необходимых навыков. Выхода из данного Узла Времен нет.

— Ошибаешься. У безвыходных ситуаций, как правило, есть несколько выходов. Мы прорвемся.

— Ваша монада была бы хороша в начальной стадии Игры, когда она могла сыграть роль судебного исполнителя. Но теперь уже поздно. Ваших сил не хватит даже на то, чтобы вернуться домой и дожить там до старости. Я окончательно вычеркиваю вас из списка претендентов на победу. Ваш выбор — пройти через Преисподнюю Контрлогики Невероятия — неверен. Это не под силу даже Игрокам.

«Эх, будь у меня дриммер!.. — посетовала Мириам. — Я бы показала этому бродяге...»

Мимо услышал ее мысль.

— У вас есть дриммер, но и он не в состоянии преодолеть непреодолимое.

«Не понял!..» — прилетела мысль Олега Борисовича.

— С вами зародыш дриммера — Трангха.

— Жмур?! — изумился Гаранин.

— Он не активирован, однако имеет кое-какие возможности даже в этом состоянии. Удивительно, что вам удалось его покорить. На моей памяти это никому не удавалось. Тем не менее и он не поможет вам пройти к Корню Времен, куда вы собрались.

— Это решим мы сами!

— Я просто хочу спасти вам жизнь. Хотите стать таким же, как я? Бровеем? Зрителем Игр?

— Нет.

— Подумайте, у вас будут неограниченные полномочия.

— Нет!

— Могу отправить вас в родную Ветвь. По моим расчетам, она просуществует еще долго. На ваш век хватит.

— Прочь с дороги, искуситель! — рявкнул Гриша Белый. — Иначе...

— Иначе вы меня уничтожите? — ухмыльнулся Мимо, сделал пренебрежительный жест. — Я почти достиг предела насыщения жизнью и готов уйти. Но ведь вам это не поможет.

— Пропусти, Второй! — с угрюмой силой проговорил Ивор. — Я — Тот, Кто Пробудился, и меня никто не остановит!

— Что ж, ваше право, — отступил в сторону бровей. — Но предупреждаю: вы погибнете!

«Хронорыцарь» вонзил пятки в бока «кентавра», и они с гулом и грохотом проскакали мимо бродяги по мирам.

«Почему ты назвал его Вторым?»— поинтересовался Жданов-старший.

«Потому что он не только бровей Мимо и Зритель, — отозвался Златков-четвертый. — Он еще и воплощение Заказчика Игр, который и есть на самом деле Безусловно Второй».

«Не может быть!»— хором воскликнули несколько человек: Белые, Мириам, Руслан с Надей, Олег Борисович.

Ивор, сидевший на плече «хронорыцаря», оглянулся.

Бровей Мимо задумчиво смотрел им вслед, поигрывая висевшим на массивной металлической цепи черным камнем. Затем ноги его потеряли четкость очертаний, расплылись искрящимися струями тумана, руки тоже превратились в туманные ленты, голова втянулась в шею, в плечи, он весь вскипел туманными фонтанчиками и длинной струей сияющей субстанции втянулся в один из «древесных» стволов на краю поляны.

«Я думал, он попытается нас задержать», — признался Ромашин.

«Зачем? — заметил Жданов, отец Ивора. — Он действительно считает, что мы обречены».

«Я чего-то не понимаю, — подал мыслеголос Гаранин. — Как он может быть Заказчиком Игр и Зрителем одновременно?»

«Очевидно, такова логика отражения Идеи Творца посредством Игры, — сказал кто-то из Златковых. — Хотя, возможно, Безусловно Второй, достигнув Предельно допустимого для Древа Времен уровня постижения Абсолюта, просто нарушил Законы Первого Порядка. В таком случае он допустил ошибку, дав нам шанс остановить зарвавшегося Игрока».

«Кентавр» остановился перед струей неяркого прозрачного пламени, олицетворяющей не поддающееся никаким измерениям и объяснениям Древо Невозможных Состояний.

«Дискутировать, почему Мимо, или кто он там есть, отпустил нас, будем потом, — решительно заявил Жданов, отец Ивора. — Все готовы к прыжку в... ад?»

«Есть одно предложение, — вежливо сказал Златков-четвертый. — Наш приятель бровей Мимо, нарочно или нет, но проговорился об истинном значении нашего спутника Трангхи. Поче-

му бы нам не воспользоваться его услугами? Лишняя защита, знаете ли, не помешает».

«Что вы имеете в виду, Атанас?»— поинтересовался Ромашин.

«Трангха — субстант Палача с очень высоким энергонасыщением, и он же, по словам бровея, дезактивированный дриммер. Думаю, оператору по силам заставить его покрыть каждого из нас слоем своего тела как вторым защитным костюмом. Это еще не гарантия безопасности, но какое-то время мы будем весьма неплохо защищены».

«Ну уж нет! — проворчал Белый, передав эмоцию, соответствующую «мурашкам по коже». — Один раз мы уже побывали в «смирительной рубашке» этого урода, больше не хочется».

«Тогда он служил эмиссару хозяина».

«Все равно идея опасная!»

«Идея хорошая, — не согласился Ромашин. — Ивор, вы сможете уговорить Трангху послужить нам в качестве дополнительных скафандров?»

«Попробую, — неуверенно проговорил Ивор. — Только объем тела Трангхи невелик, на «хронорыцаря» его не хватит».

«О моем друге Идущем Прямо можете не беспокоиться, — заявил Златков-четвертый. — Он не нуждается в защитных коконах».

«Пора решаться. Вы видите, что творится?»— Ромашин напомнил о непрекращающемся процессе свертки Ветвей.

Ивор сосредоточился, проник в темные глубины сознания псевдочеловека, нашел резонансные струны взаимопонимания. Мысленная беседа землянина и палачоида длилась несколько десятков секунд. Затем Трангха заворочался в нише под спинкой седла, разделился на два десятка ртутно-блестящих капель размером с человеческую голову, и каждая капля прыгнула к «своему» носителю.

Испуганно отшатнулась Надежда. Руслан поспешил успокоить подругу, хотя сам перенес операцию «надевания скафандра» без особой радости. Не чувствовал себя комфортно и Гриша Белый, перенесший долгий плен под «саваном» палачоида. Однако наконец процесс натягивания живой пленки поверх «кокосов» закончился, «хронодесантники», чей внешний облик почти не изменился (кроме последней спасенной тройки Жданов — Ромашин — Златков), опробовали новый «скафандр» в движении, освоились, и наступил миг отправления.

«Что бы ни случилось — держитесь вместе! — посоветовал Златков-четвертый. — Мы должны быть монадой, единым орга-

низмом с единой волей, только тогда у нас появится шанс пройти то, что кажется невероятным, и постучаться в двери Матери Мироздания».

«Красиво сказано, — хмыкнул Жданов-старший. — Иногда мне кажется, Атанас, что вы знаете гораздо больше того, что остальные, вместе взятые».

«Может быть, вы правы», — с печалью сказал Златков.

«Ивор, милый...»— тихо и нежно прошептала Мириам.

Ивор очнулся, медленно проговорил вслух:

О даятель немых сновидений,
О создатель всемирного света,
Я не знаю твоих откровений,
Я не слышу ответа...

«Кентавр» направил вперед засиявший рог и устремился в поток прозрачного пламени, нырнув в него, как с обрыва в воду...

* * *

Сфера человеческого восприятия и способы обработки информации несовершенны. Язык человека беден. Им невозможно описать даже малую толику состояний, реализованных Древом Времен. Глаза человека способны видеть лишь трехмерные объекты, остальные его органы чувств могут оценить только сверхузкий диапазон материального спектра, не говоря уже об антиматерии, и даже сфера внечувственного восприятия людей с экстрасенсорными возможностями, людей Силы, не может объять и адекватно отразить всего многообразия существующих материальных форм. Что же тогда говорить об Абсолюте, недоступном воображению, или о континууме невозможных состояний материи, невозможных с любых точек зрения? Как их понять? Как оценить? Какими словами описать?

В Метавселенной, соответствующей Ветви Времен, в которой появился человек разумный, форма и состояние предмета неизменны, и если он круглый, то он круглый. Если он горячий, то он н е х о л о д н ы й.

Но как представить объект, имеющий сразу множество взаимоисключающих характеристик? Как описать пространство, являющееся одновременно и временем, и некоей субстанцией — твердой, жидкой и абсолютно отсутствующей?! Или, к примеру, может ли аппарат восприятия человека почувствовать пламя льда,

увидеть невероятно яркий свет тьмы или оценить бесконечность нуля?

Казалось бы, однозначно — нет! И тем не менее из хаоса потрясающе великолепных виртуальных ландшафтов, живущих по законам своей жизни вне сознания человека, воображение погружающихся в среду небытия-бытия людей неожиданно выхватывало знакомые формы и световые композиции, и «хронодесантники» с ужасом и восторгом дивились на прекрасных фей, превращавшихся в жуткие клыкастые создания, на удивительной красоты замки, тут же прорастающие мрачным частоколом рогов и когтей, на светящиеся скалы, являющиеся одновременно дырами, входами в какое-то пространство, на потоки света, вдруг обретающие твердость и плотность свинца, на вибрирующие черные струны, представляющие собой линии несуществующих измерений, ведущих в никуда и приходящих ниоткуда.

Соединенные волей Ивора в единый ментальный организм, «хронодесантники» понимали, что их видения являются лишь отражением влияния этого безумного мира на сознание и подсознание, но все равно с интересом и внутренней дрожью ловили текучие призрачные всполохи «невозможного бытия» и «узнавали» свои собственные фантазии, мечты, опасения и страхи. Каждый находил то, что искал и чего ждал и что начинало жить в его воображении с предельной — по собственной оценке — реальностью.

Олег Борисович с удивлением осознал себя стоящим на пороге собственной дачи, сделал шаг вперед и столкнулся с женой... с которой развелся много лет назад. Она была молода и мила...

Гена Маркин оказался в автосалоне, где стояли его любимые спортивные машины, одну из которых он жаждал купить с детства...

Паша-летчик увидел живой свою девушку, разбившуюся на мотоцикле. Она ждала его, призывно махая рукой, опираясь на седло роскошного байка...

Гриша Белый-первый увидел сына, погибшего в море, и бросился к нему с немым криком: Саша!..

И даже Игнат Ромашин, комиссар и бывший Судья, не смог сразу оценить нереальность созданной его воображением сцены: он стоит на залитой ярким солнцем лесной поляне, а вокруг резвятся его дети... которых у него никогда не было...

Время внутри «твердого потока» Древа Невозможных Состояний представляло собой лишь смену субъективных ощущений, контролировать его было невозможно, что сыграло свою отрицательную роль. Увлекшись созерцанием воображаемых картин,

невозможных в обычной жизни, «хронодесантники» забыли о цели своего похода, и окружающая их среда мгновенно отреагировала на дробление монолитного пси-массива на отдельные «глыбы» воль и психик.

Сознание людей стало растворяться в этой среде, становиться «частью невозможности», виртуальным элементом виртуальной же жизни. Хотя при этом все понимали свое положение и верили, что могут в любой момент «вернуться» в себя.

Первым осознал опасность этого процесса Златков-четвертый.

«Внимание, коллеги! Не отвлекайтесь! Мы тонем! Сосредоточьтесь на в ы х о д е!»

«Успеем... — проворчал Олег Борисович. — Мы больше никогда этого не увидим...»

«Так странно... необычно... дайте досмотреть!» — поддержал его Маркин.

«Мы здесь растаем к чертовой матери! — опомнился Ромашин. — Немедленно сконцентрируйтесь!»

«Оператор, ищи выход! — грубо бросил Белый. — Иначе мы застрянем здесь навсегда!»

«Не кидайтесь на него! — вступилась за Ивора Мириам. — Он и так делает все, что может. Иворушка, миленький, постарайся найти выход, я с тобой!»

Ивор почувствовал тоненькую теплую струйку любви и нежности, влившуюся в его слабеющую душу.

«Мы тоже с тобой!» — подсоединились к эгрегору Руслан и Надежда; вдвоем им было легче сопротивляться самовнушению, так как пара поддерживала друг друга и обменивалась волнами взаимопонимания и стремления быть вместе.

Голова перестала кружиться. Мелькание призрачных фигур и сцен перестало отвлекать Ивора. Каждая душа-воля, присоединившаяся к общему полю эгрегора, увеличивала его силу, добавляла уверенности и желания выйти победителем из схватки с растворяющим в себе «пространством реализации невозможного». В какой-то момент он понял, что едва ли не всемогущ, и хотя среда, в которой они находились, успела съесть на «кокосах» защитный слой из материала тела Трангхи и принялась разъедать ткань костюмов, Ивор не стал отвлекаться на усиление защиты, а одним волевым усилием п р о н з и л пламя, сжигающее «хронодесантников», сразу во всех направлениях и среди множества черных дыр — выходов в неизвестные миры — у в и д е л теплое, ласковое, приветливое п р и г л а ш е н и е. И рванулся туда сознанием и всем телом, увлекая за собой отряд...

ГЛАВА 7

В потерявших блеск и форму костюмах они стояли тесной группкой у самых настоящих огромных деревянных ворот с золотыми и серебряными узорами и, затаив дыхание, рассматривали высокий бревенчатый забор и невероятной красоты вершины замков и храмов, встающие над забором.

— Где мы?! — прошептала Мириам, выразив общее чувство безмерного удивления. — Это Земля? Или рай?..

— Ирий, — буркнул Гаранин.

— Возможно, вся эта картина — плод нашего воображения, — рассеянно сказал Златков, сворачивая шлем. — Но какой здесь воздух! Чудо!..

За ним то же самое проделали остальные.

— Действительно, — оживился Олег Борисович, — дышится здесь легко. Не удивлюсь, — добавил он со смешком, — если сейчас откроются ворота и оттуда выйдет сам архангел Гавриил.

— Может быть, апостол Павел? — хмыкнул Гриша Белый.

— Не вижу разницы.

— Если выйдет апостол Павел, значит, мы попали на тот свет, — заметил Жданов-старший.

Ромашин засмеялся. Улыбнулись и остальные мужчины.

Ворота медленно распахнулись, выпуская сноп золотого сияния. Свет не был ярким, но за его потоком ничего нельзя было разглядеть. Люди прикрыли глаза ладонями, не желая отворачиваться, пытаясь увидеть того, кто выйдет к ним из-за ворот. Однако шли минуты, ворота оставались открытыми, а никто не появлялся.

— Чего мы ждем? — не выдержал Олег Борисович. — Нас вроде как пригласили...

— Не спешите, коллеги, — вышел вперед Златков-четвертый; к нему присоединились остальные его кванки, все четверо повернулись лицом к отряду. — Наша миссия закончена, — необычайно мягко продолжал Златков-четвертый, скользнув по ждущим лицам «хронодесантников» понимающим взглядом. — Туда всем нам вход воспрещен. — Он оглянулся на ворота, льющие золотой, теплый, необжигающий свет. — Как говорил поэт:

> А дальше — всё. Дороги дальше нету
> для смертного.
> А богом быть нельзя.

Это действительно Ирий, вход в Матричную Ветвь, с которой началась развертка Древа Времен. Туда может пройти только оператор.

— А я?! — жалобно и возмущенно проговорила Мириам.

— И вы — как часть сознания и души оператора, — улыбнулся Златков. — И, возможно, вот эта пара. — Он кивнул на Руслана с Надеждой. — Мироздание начиналось с любви, и войти в Начало Начал можно только с любовью в сердце.

На поляне перед воротами стало тихо. Все молча рассматривали четверку ученых, похожих друг на друга не только внешне, но и внутренне.

— Кто вы, Атанас? — медленно проговорил Жданов, отец Ивора.

Златковы переглянулись с одинаковыми усмешками.

— Мы люди, как и все вы. Но еще мы символ уровня, которого может достичь человек. Иероглиф Бездн. Носители тайны. И еще мы — Судья, один из тех, кого Палач не смог ни уговорить, ни купить, ни заставить служить ему.

— Значит, вы знали все с самого начала? О возможностях оператора, о нашем пути...

— Не все, к сожалению, — покачал головой Златков. — Многое сокрыто и от нас. Например, мы не знаем, чем закончится встреча оператора с Матричной Ветвью, или, как ее можно назвать, с Матерью Вселенной. И сможет ли он вообще встретиться с Творцом, несмотря на весь свой потенциал.

— Почему же вы не вмешались раньше, когда мы были на грани гибели? — угрюмо поинтересовался Гаранин.

— Потому что оператор должен был созреть, пройти испытание и перейти на другой уровень, в иное качество. Достичь этого он должен был только с вашей помощью. Мы не имели права вмешиваться раньше.

— Ну, хорошо, допустим, он туда войдет... они туда войдут. Что дальше? Игра остановится? Древо перестанет сворачиваться и восстановится в прежнем объеме? Наши Ветви не «засохнут»?

— Мы не знаем, — покачал головой Златков-четвертый. — Возможно, тех вселенных, в которых вы родились, еще нет. Возможно, они вообще не появятся. Возможно, весь процесс ветвления Древа начнется иначе и на иных принципах, при отсутствии какого бы то ни было времени, после чего система контроля — трансгресс — вообще не понадобится. Но мы уверены в одном: мироздание изменится! Таким, каким его сотворил Создатель, оно уже не будет.

— А что же будет? — тихо спросила Мириам.

Златковы посмотрели на нее с одинаковым прищуром.

— Теперь все зависит от вас. Мы не можем выразить то, что лежит за пределами слов.

Ивор встретил взгляд Мириам, очнулся, обнял ее за плечи, сказал негромко, словно бы для себя:

Мне открылось, что времени нет,
Что недвижны узоры планет,
Что бессмертие к смерти ведет,
Что за смертью бессмертие ждет.

— Вполне допустимо, — кивнул Златков.

Ивор оглянулся на Руслана, махнул рукой:

— Присоединяйтесь, капитан. Грех не воспользоваться шансом побывать на Дне Времен.

Руслан, переглянувшись с Надеждой, взял ее за руку, нерешительно посмотрел на Гаранина, на своих бывших подчиненных.

— Иди, иди, — проворчал Гаранин. — Это твое право, ты его заслужил.

— Мы тут тебя подождем, командир, — добавил Гена Маркин.

Руслан и Надя подошли к первой паре. Златковы отступили в сторону.

— Мы действительно подождем здесь, оператор. Удачи вам!

Земля под ногами людей вздрогнула, из ее глубин донесся низкий затихающий гул.

— Что это? — поднес ладонь к уху Олег Борисович.

— Он сердится, — усмехнулся Златков.

— Кто?!

— Безусловно Второй. Мы обошли его. Теперь он не сможет заменить творение Безусловно Первого своим. Он проиграл.

К Ивору подошел отец, обнял, ничего не говоря, поцеловал в обе щеки, отступил. За ним потянулись прощаться остальные «хронодесантники».

— До встречи! — вскинули вверх кулаки мужчины.

Ивор крепче сжал руку Мириам, протянул другую Руслану, и все четверо шагнули в поток золотого света...

Никто из оставшихся не заметил, как за их спинами возник бровей Мимо. Глаза его вспыхнули мрачным огнем, он с любопытством попытался разглядеть пейзаж за воротами, не смог, усмехнулся и растворился в воздухе. Исчез.

Надолго ли? Кто знает?..

Москва, ноябрь 2000 г.

ВВГ, ИЛИ ВОЙНА ВРЕМЕН ГАРМОНИИ

Роман

Часть I

ХРОНОДРАЙВ

ГЛАВА 1

Велиарх экзарху Среднеазиатского такантая.

Объявляю тревогу первой степени! Возможна утечка эйч-информации. Перекройте мигран-зону в районе Восточной Гоби. Объекты коррекции — случайники мужского пола в возрасте от двадцати до сорока сезонов. Уровень коррекции не ограничен...

* * *

В Улан-Баторе Олег Северцев не появлялся почти десять лет и был удивлен изменениями, произошедшими за это время со столицей Монголии. Она гораздо больше стала походить на европейский город, особенно в новых районах, хотя и здесь строители попытались сохранить национальный колорит, широко используя орнаменты на фасадах зданий, элементы бытовой и храмовой архитектуры. Наряду с древними дворцами и монастырями в Улан-Баторе можно было увидеть теперь и суперсовременные офисные здания, и роскошные кирпичные замки «новых монголов». Окраины же города по-прежнему были заняты юртами и напоминали Улан-Батор со старинных гравюр.

В центре царила обычная суета. Улицы пестрели яркими вывесками и рекламой. Одежда у большинства прохожих, как заметил Северцев, мало отличалась от европейской, и лишь пожилые люди предпочитали носить национальные костюмы — дели, напоминающие халаты, которые запахивались у мужчин и у женщин на левую сторону. Халаты-дели обычно украшались серебряной тесьмой и пуговицами и перетягивались широким ярким поясом, служившим еще и кошельком и сумкой для ношения мелких вещей.

Мелькали в толпе и оранжевые одежды буддийских монахов. Трое таких бритоголовых молодцев, не разберешь сразу — какого возраста, долго сопровождали Северцева в его прогулке по ули-

цам, возбудив любопытство и легкую тревогу. Олег не понимал причин столь пристального внимания монахов к своей особе, хотя и чувствовал, что они интересуются именно им и его маршрутом. Отстали буддисты только тогда, когда Северцев вошел в здание российской торговой миссии, где располагалась и база комплексной Российско-Монгольской экспедиции, занимавшейся изучением геологических, почвенных, лесных ресурсов ландшафтов Монголии и ее археологических памятников. Северцев уже работал в экспедиции десять лет назад, еще будучи студентом МИФИ, — занимался радиоактивным мониторингом пустыни Гоби и вот теперь снова вернулся в Монголию, чтобы поучаствовать в поисках упавшего где-то в окрестностях Сайн-Шанда неопознанного летающего объекта. Что это был за объект, не знал толком никто. Возможно, в пустыню упал обломок спутника, орбиты которых пролегали как раз над восточными районами пустыни, но, возможно, свидетели на самом деле видели НЛО, и Олег ехал в Монголию с надеждой сделать настоящее открытие.

Северцеву в июне исполнился тридцать один год. Он окончил Московский инженерно-физический институт, отработал полгода в Курчатовском ядерном центре и ушел из него после аварии на одном из последних подземных исследовательских реакторов, получив приличную дозу радиации. Олегу грозила лейкемия, а в конечном счете смерть от острого лейкоза. Но в клинику из Ярославской губернии приехал дальний родич Северцева дед Пахом, осмотрел тающего на глазах парня, ощупал, помял его тело и уехал, не сказав почти ни одного слова. А на следующий день Северцев почувствовал прилив сил и желание жить.

Тогда он стал бороться с недугом, занялся изучением древних и современных методик оздоровления, в том числе школ Кудряшова и Шерстенникова, и через три месяца встал на ноги. Сам, почти без помощи врачей, изумленных его успехами.

Вскоре после выписки, ему тогда исполнилось двадцать два года, Северцев уехал из Москвы в Санкт-Петербург и три года занимался практикой целостного движения, одновременно изучая и боевые аспекты «вибрационного тренинга» под руководством мастера Николая. В двадцать шесть лет Олег достиг шестой ступени самореализации и мог уже почти на равных тягаться с учителем, хотя, несмотря на свой немалый рост, метр девяносто, не выглядел ни атлетом, ни бойцом — адептом воинских искусств. Впрочем, таковым он себя не считал и боевые знания свои применять в обыденной жизни не собирался.

К двадцати восьми он увлекся экстремальными видами спорта, освоил дельтапланы, прыжки с парашютом с высоких скал и горных стен, спуск на горных лыжах по «безнадежникам» — горным склонам с затаившимися под снегом валунами, ямами и деревьями, что требовало включения экстрасенсорных резервов организма и тонкой интуиции.

Затем он бросил это занятие, проработал год инструктором Российской школы выживания под руководством Ильи Пашина, но переключился на археологию и неожиданно для всех посвятил себя поискам следов древних цивилизаций, реликтовых форм флоры и фауны и исследованию таинственных явлений природы. Деньги на экспедиции сначала давал отец, один из директоров нефтяной компании «ЭКСМОйл», затем появились спонсоры, вкладывающие немалые суммы в рискованные предприятия и тем самым поддерживающие свой имидж.

Первая археологическая экспедиция забросила Северцева в Зауралье, где отыскались, вслед за Аркаимом, еще несколько поселений древних этрусков и представителей десятка других «побегов» гиперборейского родового древа. Затем были походы на Камчатку, по Сибири, по Крайнему Северу, по Алтаю, где Северцеву вместе с молодым физиком из Федерального центра по изучению непознанных явлений природы удалось найти выход глубинника, свидетельствующий о существовании в земных недрах таинственной небиологической жизни.

Поначалу Северцев участвовал в экспедициях, организуемых госучреждениями или частными фондами, но его свободолюбивая натура не терпела кропотливого и занудного изучения каждого найденного черепка, и он ушел на «вольные хлеба», стал «свободным художником странствий» — искателем приключений, благо был независим, не женат и не стеснен в средствах. Мать свою он не помнил, она умерла от родов, когда ему исполнилось пять с половиной лет, так и не родив Олегу брата, и воспитывали парня деды и бабушки как по отцовской, так и по материнской линии, сумев привить внуку любовь к природе и тягу к таинственному.

А вот почему Северцев не женился, сказать было трудно. Красавцем он не был, но и уродом себя не считал. За высокий рост его еще в школе прозвали Оглоблей, хотя никто парня не боялся: ну не выглядел он силачом — и все тут, при том, что всегда мог за себя постоять. Волосы у него были темнее русых, длинные и вьющиеся, лоб высокий, нос луковкой, губы пухлые, глаза серые,

прямые, в детстве — наивно честные и зачастую восторженные, теперь же в них отражался сплав житейского опыта, ума и легкой иронии, позволяющей относиться к зигзагам судьбы по-философски сдержанно, но, если взгляд Северцева загорался предостережением, подчеркиваемым пульсацией внутренней силы, человеку, вздумавшему подшутить над ним или обидеть, стоило отказаться от своих намерений. Хамства и наглости Олег не прощал никогда и никому.

В общем, с виду Северцев был как все и вел себя как все, ощетиниваясь и показывая свой настоящий характер лишь в моменты опасности, а вот с женщинами долго общаться не мог. Нравились ему многие, и с двумя — в разное время — он даже пытался наладить семейную жизнь. Не получилось. Его подругам хотелось, чтобы он принадлежал им всецело и больше уделял внимания, не говоря уже о попытках войти с его помощью в сферу столичного бомонда. Конечно, ставшего знаменитым путешественника знали все и принимали на всех уровнях, да вот только он этого не любил и на приглашения откликался редко. Не отказывал только телевидению, показывая снятые во время экспедиций видеофильмы и делясь впечатлениями о новых открытиях.

На базе Российско-Монгольской экспедиции в Улан-Баторе Олег не задержался. Здесь его хорошо знали, дали машину с сопровождающим, и до Сайн-Шанда, минуя Дзун-Мод, он доехал к вечеру без приключений. Там его попытались уговорить переночевать, но Олег отказался, желая побыстрее добраться до лагеря археологического отряда экспедиции на краю Восточной Гоби. Поблагодарив хозяев за гостеприимство, он сел на предоставленного коня и направился в пустыню, в сторону Барун-Урда, радуясь, что самая занудная часть похода осталась позади.

Экипирован Северцев был прилично, имел карабин «тайга-2», стреляющий и дробью, и при нужде разрывными пулями, нож, удобный эргономичный рюкзак, аптечку, смену белья, запас концентратов, сухари, флягу с водой. Хотя в походах он никогда не страдал от голода: карабин обеспечивал его мясом птицы и зверя, да и всегда мог послужить неплохой защитой от тех, кто попытался бы завладеть его имуществом. А такие попытки имели место в Сибири и на Дальнем Востоке России, а также и в других частях света, куда заносила путешественника судьба.

В Сайн-Шанде, маленьком южномонгольском городке с полусотней кирпичных зданий и множеством юрт, Северцев внезапно увидел оранжевые балахоны-дели буддийских монахов,

насторожился было, вспомнив трех бритологовых парней, сопровождавших его в Улан-Баторе, но монахи скрылись куда-то, и Олег забыл об их существовании.

Остались за спиной дома и юрты города, стих городской шум, и мир сразу раскрылся, стал огромным, горизонт отодвинулся, небо протаяло в высоту, исполнилось великой тишины. Всадник на низкорослой монгольской лошади вдруг оказался один на один с чужим миром и невольно затаил дыхание, боясь нарушить природную тишину степи, где-то впереди переходящей в барханное горнило пустыни и горные цепи.

Проводники Северцеву были не нужны, он хорошо ориентировался на местности и знал маршрут движения отряда. От Сайн-Шанда до лагеря насчитывалось всего восемьдесят километров, и путешественник надеялся к обеду следующего дня добраться до места назначения.

Конечно, в какие-то реальные открытия и встречи с «зелеными человечками» — экипажем НЛО он не верил, тем не менее, будучи романтиком, подспудно ждал чего-то чудесного и таинственного. В дорогу его позвала интуиция, пообещавшая новые впечатления, а интуиции своей Северцев доверял всецело.

Лошадь бежала резво, шурша травой и стуча копытами по встречающимся проплешинам сухой почвы, и Олег вскоре привык к этим звукам и мерному поскрипыванию седла, погрузился в тишину монгольской степи, на просторах которой изредка вскрикивала птица, посвистывал ветер или раздавался звенящий голосок пищухи.

Шум города остался позади, но цивилизованный мир был еще близок, он был слышен, он был достижим, и Северцев какое-то время чувствовал себя его частью и свой поход ощущал как необходимое д е й с т в и е этого мира, властвующего над природой. Однако по мере удаления от мест обитания человека цивилизация вдруг стала исчезать, растворяться в обманчиво далеком просторе, и Монголия, которую Северцев видел сквозь иллюминатор самолета несколько часов назад, а потом из окна машины, превратилась в Монголию многодневных переходов, лошадей и верблюдов, суровой природы и суровой жизни, Монголию неторопливой череды веков и тысячелетий.

Проплыло мимо одинокое засохшее дерево, увешанное полосками голубой шелковой ткани — своеобразными оберегами. Затем появился *обо* — курган из камней, охраняемый духами степи. Северцев остановился неподалеку, кинул на пирамиду ка-

мень, чтобы задобрить духов, и поехал дальше, размышляя о причинах, заставляющих местных жителей складывать такие курганы в нынешние времена.

Солнце опустилось к горизонту, по степи от пологих холмов и одиноких камней протянулись длинные тени. Жара спала, повеял ветерок. Бескрайнее море колышущихся трав стало отступать, появились каменистые россыпи и участки голой, изрезанной трещинами земли. Чем дальше на юго-восток двигался Северцев, тем явственней ощущалось дыхание пустыни. Пора было останавливаться на ночлег.

Издалека прилетел тихий прерывистый стук, будто где-то проскакали кони. Олег оглянулся. На склоне оставшегося позади холма мелькнули оранжевые точки. Его и в самом деле догоняли всадники. Те самые монахи, которые встретились ему сначала в Улан-Баторе, а потом и в Сайн-Шанде. Можно было попытаться уйти от них, пользуясь надвигающейся темнотой, однако Северцев предпочел выяснить, в чем дело, почему его преследуют адепты буддийской веры, с которыми у него не было и не могло быть никаких общих интересов. Он остановил коня и поправил приклад карабина, торчащий у правой ноги под седлом. При случае можно было выдернуть оружие в считаные доли секунды.

Всадники приблизились, замедлили стремительный бег своих выносливых и быстрых лошадок. Остановились в двух десятках шагов, бесстрастно рассматривая Северцева узкими черными глазами. Они были похожи друг на друга, как желуди одного дуба, хотя имели разный возраст и разное телосложение. И всеми тремя владела какая-то целеустремленная, равнодушная, недобрая сила. Олег почуял это, одинаково настроенный как на теплую беседу, так и на высокоскоростное боевое действие.

— Сайн байна уу[1], — миролюбиво поздоровался он по-монгольски.

Молчание в ответ.

Северцев перестал улыбаться. Он знал еще три десятка монгольских слов и мог с грехом пополам объясняться с аборигенами, но монахи явно не хотели разговаривать, а их молчание явно не говорило о симпатии к путешественнику.

— Хэн чи? — отрывисто бросил самый старший из них.

«Кто ты?»— перевел Северцев.

[1] Здравствуйте.

— Путешественник, — ответил он по-русски и добавил на монгольском: — Эрх челеет. Морь уваж янах жугуулчлал.

Последние слова можно было перевести как: «Свободный человек. Ехать экспедиция».

— Раскен? — поднял брови монах.

— Русский, русский, — кивнул Северцев.

— Нэр овог?

— Олег Андреевич Северцев, — ответил Северцев, так как спросили его имя. — А в чем, собственно, дело, уважаемые? Виза у меня и документы в порядке, законов ваших я не нарушал, разрешение на проезд и провоз багажа имеется, никаких претензий ко мне ваши власти не предъявляли. Так что или присоединяйтесь, если нам по пути, или скачите своей дорогой. Кто-нибудь из вас хоть мало-мальски понимает по-русски?

Лица монахов остались неподвижными, равнодушными, бесстрастными.

— Гиде твой жена и дочь? — спросил молодой, в мочке уха которого красовалась шипастая серьга из косточки какого-то животного.

Северцев удивился.

— Какая жена? А тем более дочь? Я не женат, господа местные попы. Может быть, вы меня с кем-то спутали? Неужели только за этим вы и гнались за мной от самого Улан-Батора, чтобы спросить о моем семейном положении?

— Ты нет Крушан Сабиров? — снова спросил молодой.

Северцев нахмурился, потом улыбнулся.

— Похоже, вы действительно приняли меня за кого-то другого. Я не Крушан, я Олег Северцев, русский путешественник. Еще вопросы будут?

Ламы переглянулись, старший достал из складок оранжевого халата брусок радиотелефона, поднес к уху, произнес какую-то длинную трескучую фразу. Северцеву, несмотря на отличный слух, удалось разобрать только одно слово по-монгольски: цэнэр — чистый.

Монах убрал телефон, что-то сказал напарнику. Тот глянул на Северцева:

— Никто здэс не видэт? Всадныk? Машын?

— Никого, — теряя терпение, ответил Северцев. — Господа ламы, если вы не переодетые полицейские, то прошу извинить, мне пора двигаться дальше. Всего хорошего.

Он тронул лошадь с места и, заметив движение самого молча-

ливого из монахов — о п а с н о е движение, имеющее определенный смысл, — выхватил из чехла карабин. Монах же выдернул из-под халата странной формы пистолет и направил его на Олега. У пистолета было овальное рифленое дуло и приспособление сверху, напоминающее оптический или лазерный прицел.

Несколько мгновений длилось молчание. Ствол пистолета смотрел на Северцева, ствол его «тайги» — на монахов. Потом Северцев сказал, усмехнувшись:

— Оставьте ваши игры, ребята, я успею выстрелить раньше. Карабин заряжен картечью, так что ваша пукалка ему не соперник. Стоит мне нажать на курок, и мало не покажется всем троим. Давайте разберемся мирно, не нарушая законов. Что вам нужно?

Старший из монахов что-то произнес угрюмо-повелительным тоном. Младший его коллега спрятал пистолет. Все трое разом повернули коней и, не говоря ни слова, порысили прочь. Через несколько минут они исчезли за дальним холмом.

— Охренеть можно! — проговорил Северцев вслух, прислушиваясь к удалявшемуся топоту. — Интересно, чего они от меня хотели? И кто это был на самом деле? На местных чекистов они что-то не похожи.

Подождав еще немного, он тронул поводья своего скакуна и направился в прежнем направлении. Природа вокруг тихо нежилась в тишине и опустившейся прохладе. Но ощущение одиночества и отстраненности от цивилизации ушло. Странная встреча со служителями культа Будды не выходила из головы, будоража воображение и заставляя настороженно поглядывать по сторонам. Не оставалось сомнений, что ламы ошиблись, приняли его за кого-то другого, но за кого, было непонятно. Да и являлись ли они монахами, тоже было под вопросом. Буддийские послушники не носят суперсовременные пистолеты и рации, а также не преследуют путешественников и не задают им провокационные вопросы.

Через полчаса солнце село, Северцев начал искать место для ночлега. И внезапно обнаружил приближающегося всадника. Сначала решил, что это возвращаются монахи. Однако внимательно всмотревшись, понял, что это не они. Везет же мне сегодня на встречи, подумал он с некоторой долей озабоченности, невольно погладив пальцами приклад карабина.

Небо на закате запылало золотом, предвещая на завтра жару, и на этом фоне всадник показался черным, словно высеченным из камня. Он тоже увидел Северцева, но повернул к нему не сра-

зу, а после заметной паузы. В полусотне шагов остановился, и Северцев увидел в его руке не то охотничий карабин наподобие собственного, не то автоматическую винтовку неизвестного типа. На всякий случай вытащил из чехла свою «тайгу», положил впереди себя на холку коня. С минуту они рассматривали друг друга в наступающих сумерках. Потом незнакомец, черноволосый, похожий скорее на казаха, чем на монгола, одетый в зеленую кожаную куртку и такие же штаны, сказал по-монгольски:

— Сайн орой.

Сказано это было с явным акцентом.

— Добрый вечер, — отозвался Северцев на русском.

Черноволосый вздернул брови, перешел на русский язык:

— Надо же, повезло встретить русского в предбаннике Гоби.

— Почему вас это удивляет? — пожал плечами Северцев. — Наших соотечественников можно теперь встретить везде. Вы ведь тоже россиянин?

— Нет, — качнул головой путник. — Я из Казахстана.

— Значит, я ошибся с первоначальной оценкой. Я бывал в Казахстане, в Алма-Ате и Кериме. Вы оттуда?

— Из Астаны. А вы?

— Москвич в третьем поколении, зовут Олегом Северцевым. Вот еду в лагерь нашей геолого-археологической экспедиции, работающей в предгорье Мандал-Гоби. Присоединяйтесь.

— Нет, меня ждут... в другом месте.

— Что ж, доброго пути. Как вас зовут?

Черноволосый помолчал, нехотя процедил сквозь зубы:

— Крушан Салтанович... доброго пути.

Он повернул лошадь и направился на юго-запад, в сторону зашедшего солнца. Северцев смотрел ему вслед, пытаясь понять, что его смущает в этой встрече. И вдруг вспомнил монахов.

— Эй, Крушан... э-э, Салтанович, будьте поосторожней. Меня недавно остановили трое лам, искали кого-то. Они вооружены.

Черноволосый Крушан задержался на миг, двинулся дальше.

— Спасибо, учту, — донесся его мрачноватый гортанный голос. Лица казаха Северцев видеть не мог, но чувствовал, что на нем сейчас лежит печать беспокойства.

Всадник скрылся в поднявшейся снизу, как бы из-под земли, глухой пелене вечерней темноты. Подождав немного, Северцев двинулся было дальше, ломая голову над причиной, заставившей представителя Казахской Республики путешествовать по Монго-

лии, однако понял, что пора останавливаться на ночлег, и слез с коня.

Снял рюкзак, палатку, вынул из чехла карабин, чтобы всегда был под рукой. Расседлал и стреножил не особенно уставшее животное; едва ли они удалились от Сайн-Шанда больше чем на сорок километров.

Вскоре у поставленной палатки горел небольшой костерок из карагановых веток и сухой травы, над огнем висел котелок с водой, а Северцев сидел напротив с прутиком в руке и жевал бутерброд с сыром. Запив этот скудный ужин чаем, он залез в палатку и уснул, утомленный обилием впечатлений: утром был еще в Москве, в аэропорту Домодедово, а вечером оказался в монгольской степи, далеко от цивилизации и людских поселений. Встреча с монахами и земляком-казахом — с большого расстояния Россия и Казахстан казались почти что родственными землями — отошла на второй план. Душой Северцева завладело нетерпение, хотелось побыстрее добраться до места и своими глазами посмотреть на «след НЛО». Но и это желание пропало. Олег смежил веки и поплыл в сон, веря, что никто его ночью не потревожит...

Проснулся он на рассвете от какого-то стрекотания. Открыл глаза, прислушиваясь, рывком сел и проворно выбрался из палатки. Стрекотание оказалось звуком мотора: низко над сизыми холмами пролетел вертолет.

Постояв немного и покрывшись гусиной кожей, — ночи здесь всегда были холодными из-за резко континентального климата, — Олег быстро залез обратно в теплый спальник. Однако уснуть не успел. Буквально через минуту откуда-то издалека донеслись ослабленные расстоянием звуки стрельбы, взрывы, и Северцев снова выскочил из палатки, встревоженный и недоумевающий, взобрался на смирно пасшуюся неподалеку лошадь, похрустывающую травой, долго смотрел в бинокль на дальние холмы, за которыми скрылся вертолет, но так ничего и не увидел.

— Интересно, — проговорил он вслух, опуская бинокль, — неужели и в Монголии ведутся «освободительные» войны вроде нашей чеченской?

Потом прошибло: вертолет скрылся в той стороне, куда подался черноволосый Крушан, и стрельба раздавалась в том же направлении!

Еще раз кинув взгляд на светлеющий горизонт через бинокль, Северцев спрыгнул с лошади и стал торопливо собираться. Через пятнадцать минут он уже скакал на юго-запад, прикидывая, что

может обнаружить в районе скоротечного боя, звуки которого не дали ему выспаться.

Проскакав около десяти километров в свете разгорающейся зари и поднявшись на пологий длинный увал, путешественник сразу увидел в ложбинке между холмами опрокинутую и смятую серебристую палатку и чуть поодаль пощипывающего траву каурого конька. Это был конь Крушана, Северцев узнал животное по звездочке на лбу.

Одного взгляда было достаточно, чтобы определить: здесь действительно недавно шел бой! С двух сторон от палатки зияли две свежие воронки — это рванули гранаты. На север от палатки протянулся длинный черно-рыжий язык сгоревшей травы и опаленной почвы, будто кто-то применил огнемет. Кроме того, по голым буграм в полусотне метров были рассыпаны осколки стекла и пластмассы, говорившие о том, что на этом месте был поврежден некий механизм, не то автомобиль, не то вертолет. А так как следов машины видно не было, следовало принять за данность второе предположение: Крушан Салтанович сумел в ходе перестрелки расколотить блистер вертолета. Хотя это ему не помогло, судя по отсутствию и вертолета, и его самого.

Северцев спешился, взял карабин и спустился к уничтоженному лагерю. Наткнулся на россыпи гильз, поднял пару штук. Стреляли из «калашникова» китайского производства калибра «пять сорок пять». А вот еще гильза, уже от карабина типа «тайга» под разрывную пулю калибра «девять миллиметров». И след крови...

Интересно, Крушана убили или только ранили? И вообще, что произошло? Кем он был на самом деле? Почему его искали сначала буддийские монахи, а потом и спецгруппа на вертолете? Может быть, он шпион? И его захватили местные чекисты?

Северцев приподнял желтый полог палатки — пусто, лишь в углу лежит смятый халат-дели. Обошел палатку кругом, обнаружил выпотрошенную седельную сумку, небольшую кучку вещей: бритва «Браун», мыльница, зубная щетка, расческа, ложка, вилка, нож, разбитая вдребезги суперсовременная рация немецкого производства, разбитые часы, пачка салфеток и упаковка женских прокладок.

Северцев хмыкнул, шевельнул носком кроссовки фиолетово-синюю упаковку, качнул головой. Оч-чень интересная деталь, если вдуматься. Куда спешил казах? Уж не на встречу ли с женщиной? А вместо букета цветов вез ей необходимую вещь... Или он изначально был не один?

Олег еще раз шевельнул предмет, явно лишний для экипировки мужчины, и вдруг почувствовал, что упаковка прокладок ведет себя как-то странно. Она была явно тяжелее, чем можно было представить. Превозмогая смущение, Северцев поднял упаковку, ощупал и наткнулся пальцами на твердый угол какого-то предмета. С трудом надорвал невероятно прочный целлофан и из-под нескольких слоев волокнистой, с серебристыми нитями ваты извлек... часы! Хмыкнул, повертел их в пальцах, удивляясь тяжести и странной форме знакомой вроде бы вещи.

Браслет часов был из светло-коричневого материала, напоминающего пористую керамику. Сами часы имели форму сердечка с тремя циферблатами разного цвета: черного, белого и оранжевого. Кроме того, ободок вокруг сердечка имел деления, и по нему прыгала от деления к делению зеленоватая искорка, отсчитывая секунды. Или что-то другое, но с интервалами в одну секунду. Под стеклом в нижнем углу сердечка циферблата располагалось черное несветящееся окошечко, а на корпусе часов из ртутно отблескивающего гладкого металла были расположены защищенные колечками стерженьки: черный, белый, оранжевый и прозрачно-стеклянный.

— Хорош хронометр! — пробормотал Северцев, не зная, что делать с находкой. Впрочем, не оставлять же ее здесь? Хозяин-то уже далеко. Вот только почему он упрятал свой странный часовой механизм в упаковку прокладок? Надеялся, что никто не станет проверять явно женскую принадлежность? Преследователи и не стали этого делать, хотя обязаны были. А вещь, между прочим, ценная и необычная. Что ж, может быть, пригодится в жизни?

Северцев еще раз с опаской осмотрел часы, взвесил в руке, спрятал в нагрудный карман походного жилета. Огляделся. Черт побери, что же здесь произошло? Бандитская разборка, операция спецслужб или что-то еще?

В траве пискнуло, зашуршало — полевка. Она наверняка все видела и слышала, но ведь не расскажет?

Усмехнувшись, Северцев еще раз обошел разгромленный лагерь, ничего интересного не обнаружил и взобрался на коня. Цокнул языком. Конь послушно затрусил прочь от места сражения черноволосого Крушана с неизвестными преследователями.

«Вряд ли я узнаю когда-нибудь, что тут случилось, — подумал Северцев с философской отстраненностью. — Недаром говорил незабвенный Сухов: Восток — дело тонкое... А вот часы я нашел

интересные. Какого дьявола этому Крушану понадобилось маскировать их и прятать?»

Олег хотел было вытащить часы, но передумал. Находку лучше всего изучать в лагере экспедиции, с друзьями, в спокойной обстановке. На спине бегущей лошади делать это несподручно. Всему свое время.

Вскоре место боя осталось далеко позади.

Низкорослые кустарники и травы поредели, словно ушли в землю. Стали появляться длинные глинистые проплешины — такыры и песчаные долины — признаки приближающейся пустыни. Мелькнуло и пропало в стороне небольшое стадо куланов. Приблизился невысокий холм с каменным останцем, похожим на тушу быка.

Северцев достиг останца, окруженного редкими кольями с ленточками-оберегами, постучал по боку скалы кулаком, приветствуя духов местности, и повернул к северо-востоку. От этой скалы до лагеря археологов оставалось всего тридцать километров по прямой. Часа три пути.

К обеду он был уже среди своих.

ГЛАВА 2

Экзарх Среднеазиатского такантая велиарху.

Мигран-зона в районе Восточной Гоби перекрыта, источник утечки нейтрализован. Обнаруженный случайник мужского пола проверяется на валидность. Для его нейтрализации достаточна слабая коррекция П-уровня. Варианты просчитываются, прогнозы сползания экструзии в краевую зону S-пакета стабильны...

* * *

Первым его встретил Витя Красницкий, невысокого роста, но широкоплечий, тонкий в талии, как юноша, хотя ему стукнуло недавно тридцать пять лет, бритоголовый, заросший черной курчавой бородой, загорелый, веселый, уверенный в себе. Они обнялись, похлопывая друг друга по спине, глянули друг на друга. Северцев тоже не брился во время походов, но его бородка была реже и светлее, в отличие от буйной растительности приятеля.

Виктор Данилович Красницкий был известным актером и каскадером, а недавно он решил попробовать себя в режиссуре, для чего и приехал в Монголию, в лагерь археологов, чтобы от-

снять «натуру»: действие в его новом фильме разворачивалось в горах и в пустыне Гоби.

Знаменит Виктор был и тем, что все трюки в своих фильмах выполнял сам, без подстраховки, будучи исключительно развит физически. Это он научил Северцева лазать по скалам как горный барс и драться любым холодным оружием. Собственно, именно Красницкий и вызвал Олега в Монголию, сообщив о падении НЛО в районе лагеря.

Поздоровавшись с членами съемочной группы и начальником экспедиции, — все члены отряда, естественно, уже находились на рабочих местах, били шурфы, расчищали найденные фундаменты какого-то древнего поселения, — Северцев сразу был вовлечен в круговорот событий и долго не вспоминал о своих встречах с монахами и загадочным соотечественником по имени Крушан. До обеда он полазил по раскопанному археологами лабиринту, названному «Монгольской обсерваторией», и съездил с Виктором к месту падения НЛО.

Это оказалось совсем близко, в двенадцати километрах от лагеря экспедиции, где начиналась настоящая каменистая «черная» Гоби. Больше всего пустыня здесь напоминала древнее кладбище с полуразрушенными могильными плитами и памятниками. А между тремя особо крупными, как слоновьи туши, фиолетово-черными камнями виднелась глубокая воронка диаметром в десять метров, заполненная слоистым сизым дымом.

— Что это за дым? — спросил Северцев, скептически настроенный поначалу, но заинтересовавшийся явлением. — Вы что же, костер жгли в кратере?

— В том-то и дело, что ничего не жгли, — отозвался Красницкий, довольный произведенным эффектом. — Я было сунулся туда и чуть не задохнулся — там сплошной углекислый газ. А дым так и стоит все время.

Северцев передернул плечами: показалось — кто-то посмотрел ему в спину.

— Как это выглядело?

— Я лично не видел, спал в палатке, но видели Вовчик Бак и Рома Сароян. Сверкнуло, будто метеорит с неба свалился, и грохнуло с визгом, будто шрапнель. Потом ребята слышали гул вертолета. Утром поскакали — нашли воронку и много вот таких штучек вокруг.

Виктор сунул руку в карман и протянул Северцеву горсть

гладких черных шариков. Олег с интересом ощупал тяжелые окатыши.

— Похоже, они металлические. Надо в лабораторию отдать.

— Археологи смотрели в свои инструменты, говорят — не металл. И не базальт. Какой-то неизвестный композит. Так что нет сомнений: сюда свалился НЛО! Но куда он потом подевался — загадка.

— Может, разбился вдрызг? А шарики — остатки обшивки.

— Черт его знает! Все может быть.

— Значит, ты говоришь, ребята слышали звук двигателей вертолета?

— Ну да, и я слышал. А еще вчера утром мимо проскакал какой-то мужик на кауром коньке, с карабином. С нами разговаривать не пожелал. Мы ему посвистели вслед, но останавливаться он не стал.

Олег погладил пальцем бородку, вспоминая встречу с Крушаном. Скорее всего, это был он. А исчезновение казаха наводило на мысль, что преследовали его не зря. Он вполне мог быть беглым преступником или же свидетелем падения НЛО. Правда, за это в нынешние времена никого не преследовали и уж тем более не захватывали с боем.

— Хочешь спуститься? — прищурился Виктор.

Северцев очнулся.

— Нет, не хочу. Ясно, что место здесь уникальное, надо изучать. Я захватил кое-какую аппаратуру, вернемся сюда к вечеру и снимем фоновые параметры.

— Может быть, это выход глубинника, такой же, что ты обнаружил на Алтае?

— Там все выглядело иначе. Но почему бы и нет? Дырка не похожа ни на «ухо», ни на «горло», ни на «глаз». Может быть, это «нос»? И ничего на самом деле с неба не падало, а наоборот, с земли в небо ушло?

Красницкий озадаченно оттянул нижнюю губу.

— Да нет, вроде бы с неба упало... хотя не могу утверждать наверняка, не видел. С ребятами поговори. Ну что, поехали?

— Поехали. — Северцев тронул коня с места.

— Не пожалеешь, что я тебя сюда из столицы выдернул?

— Ни в коем разе! В Москве сейчас жарко и душно, а здесь интересно. К тому же я тут уже встретил на пути...

— Что? — не дождался продолжения Виктор.

Северцев помолчал и кратко поведал другу историю встречи с

казахом Крушаном и монахами, а также о том, что он увидел на месте боя Крушана с таинственными преследователями.

— Ни фига себе! — покрутил головой изумленный Виктор. — Ты думаешь, они его убили, а тело забрали?

— Не обязательно убили, могли просто захватить с собой. Кстати, на месте его стоянки я обнаружил вот это. — Северцев достал необычные часы.

Красницкий с любопытством осмотрел их, погладил пальцами стекло, понаблюдал за прыгающей по ободку зеленой искоркой.

— Мощный механизм, никогда таких не видел. Всего одна стрелка... двадцать четыре деления... три циферблата... а стержни зачем?

— Не трогай. — Северцев отобрал часы. — С ними еще разбираться надо. Но часы действительно странные. Может, это и не часы вовсе.

— Дашь в Москве поносить, для форсу? У нас в сентябре состоится киношный «капустник», я бы заявился при параде и с этими часиками.

— Доживем до сентября — поносишь, — великодушно согласился Северцев.

— Спасибо, дружище! — обрадовался Виктор, расстегнул куртку. — Жарко, да? Плюс тридцать восемь в тени, а на солнце все пятьдесят. Пить хочешь?

Северцев кивнул, отвечая сразу на оба вопроса. Конец августа в южной Монголии всегда знаменуется жарой и засухой, сопровождающейся обычно нашествием саранчи. Вблизи этих мест саранчи пока не было видно, однако ее стоило ждать со дня на день.

Виктор достал металлическую флягу в кожаном корсете, сделал несколько глотков, протянул Северцеву. Тот отхлебнул напиток, определяя его вкус. Это был знаменитый монгольский *сутый цай*, отменно утоляющий жажду. Варился он из плиточного зеленого чая с добавками молока, соли и обжаренного сырого пшена.

Еще раз оглянувшись на воронку с дымом, представляющую собой то ли след НЛО, то ли действительно активный выход глубинника, всадники поскакали назад, к лагерю экспедиции.

Там они вымылись у источника, беседуя на интересующие обоих темы, присоединились к группе Красницкого и пообедали. Поварами в отряде служили двое монголов и украинка, поэтому готовили они в основном блюда монгольской и украинской кухни, хотя борщи и супы, блины и вареники получались у

них с явным монгольским «акцентом». К примеру, вареники готовились с творогом из козьего молока, так что имели весьма своеобразный вкус.

На первое подали украинский борщ с местными приправами, добавляющими блюду пустынно-степной колорит. А на второе Северцев впервые отведал бодак — блюдо, рецепт которого, возможно, сохранился с каменного века. Если бы ему потом не сказали, что он съел мясо жареного в собственном соку и в собственной шкуре — вместо котла — козла, Олег бы не поверил. Но блюдо оказалось вкусным, тающим во рту, и способ его приготовления уже перестал иметь значение. Готовилось же оно следующим образом.

Не снимая шкуры, козла потрошили через горло, вынимали и вычищали внутренности, вытаскивали кости с мясом, затем через горловину закладывали назад мясо с пряностями и раскаленные камни. Горловину зашивали, тушу подвешивали на вертеле и крутили над костром или обрабатывали паяльной лампой. Запахи, естественно, при этом возникали своеобразные, но никто на них не обращал внимания. После обработки пламенем шкуру тщательно выскребали и мыли. В начале трапезы ее разрезали и всем гостям раздавали горячие камни — для восстановления душевного равновесия и настроения, и уж потом только сотрапезники начинали есть мясо.

Еще одно местное блюдо под названием гетис — сваренные потроха козла с тонкими кишками, начиненными кровью, Северцев есть отказался. Не потому, что побрезговал, а в силу других гастрономических пристрастий. Мясо он вообще ел редко, больше любил овощи и каши.

После обеда наступило самое жаркое время суток, и почти весь отряд собрался у небольшого водопадика с трехметровой чашей воды, образованной вытекающей из-под скалы в форме гриба струйкой родника. Ручеек, берущий начало в этой чаше, бежал между пологими холмами и на глазах таял, исчезая уже в двух десятках метров от источника. А так как на многие километры вокруг это был единственный естественный водоем, то сюда сходились звери и слетались птицы, не обращая внимания на расположившихся у родника людей.

Однако спустя час Северцеву надоело сидеть без дела и обливаться водой, и он собрался ехать к «следу НЛО», прихватив с собой датчик частиц, радиометр и магнитный сканер. Ждать вечерней прохлады не хотелось, да и времени на исследование кратера

с таинственным слоистым дымом в этом случае не хватило бы до наступления темноты.

— Я с тобой, — заявил Виктор. — Честно говоря, мне уже порядком опротивело сидеть в пустыне и скрипеть песком на зубах. Хочу развеяться. Съемок осталось всего на три-четыре дня, так что полдня ничего не решат. Хочешь, мы и тебя снимем в каком-нибудь эпизоде?

— В качестве кого? — хмыкнул Северцев.

— В качестве главаря бандитов, разумеется. Придется, конечно, тебя пришить по сценарию, зато в картине засветишься.

— Благодарю покорно, — засмеялся Олег. — Не надо меня пришивать. Да и роль незавидная. Лучше я издали посмотрю, как вы снимаете.

— Ладно, как хочешь, — кивнул Виктор. — Сегодня мы начнем съемку в семь вечера, есть у нас один вечерний эпизод. До этого времени мы успеем вернуться. Никто больше с нами не желает совершить марш-бросок?

Парни и девушки съемочной группы, измученные жарой и пылью, ответили шутками и смехом, все уже побывали на месте «падения НЛО», ничего особенного не увидели и не горели желанием ехать туда по жаре.

Виктор не обиделся.

— Ну и оставайтесь здесь до вечера, лентяи. Готовьтесь работать, зубрите роли.

Друзья оседлали лошадей, взяли с собой фляги с водой и оружие — у Красницкого было красивое современное помповое ружье под патрон тридцать восьмого калибра[1], а также тесак — и поскакали под палящими лучами солнца в пустыню.

Ничего в том месте не изменилось.

Все так же чернела полоса сожженной травы вокруг воронки, все так же плавали в ее глубине сизо-голубые струи и пласты дыма, скрывающие дно.

Северцев достал и распаковал приборы, установил их вблизи обрыва на скальном выступе, включил. Красницкий с любопытством дилетанта наблюдал за его действиями, изредка задавая вопросы типа: «А это что за цифры скачут?» — и косясь на воронку с дымом.

— Странно, — сказал Северцев, закончив измерения.

— Что? — не понял Виктор.

---

[1] 9 мм.

— Ничего. То есть никаких фоновых отклонений. Радиация и электромагнитный фон в норме, насколько я знаю местные условия. Присутствует лишь небольшая ионизация, как от электрического провода, воткнутого в землю, да и то совсем слабая, на уровне батарейки от фонарика. Ты, говоришь, на дне кратера был?

— До самого не добрался, дышать нечем.

— Давай попытаемся еще разок. Жаль, у меня нет с собой газоанализатора, было бы легче оценивать обстановку.

— Да ну его к лешему! Дно иногда проглядывает сквозь дым, ничего там не видно, пусто, мы в бинокль смотрели.

— Тем не менее не мешает в этом убедиться. Вдруг найдем обломок летательного аппарата?

Виктор критически глянул на воронку, пожал плечами.

— Лезь, коли хочется, я подстрахую. Ты человек опытный, сам все поймешь, если что.

Северцев обвязал себя прочным шнуром с узелками и стал спускаться в воронку спиной вперед, удерживаемый Виктором. Однако ниже двух метров от верхнего края воронки спуститься не успел — почувствовал духоту и усиление сердцебиения, что прямо указывало на повышенную концентрацию углекислого и угарного газа. Выбрался обратно.

— Нужны противогазы.

— Я предупреждал. Совершенно непонятно, откуда здесь столько углекислого газа. Тут же гореть было нечему, кроме травы.

— Значит, горела не только трава. Хотя ты прав, такой объем углекислоты, а тем более угарного газа, может скопиться лишь после большого пожара. Да и то под ветром он рассеивается быстро.

— Мы бы заметили пожар, но его не было.

— Тогда остается второй вариант: мы наткнулись на очередной выход глубинника. В последнее время они стали появляться довольно часто и в самых неожиданных местах. Мой приятель Костя Зеленский из Центра по изучению быстропеременных явлений природы утверждал, что один из глубинников вылез аж в Антарктиде, а второй — в болотах Красноярского края.

Виктор скептически поджал губы.

— Это ни о чем не говорит. Да и что такое этот ваш глубинник? Просто неизученное физическое явление вроде шаровой молнии.

— Существует гипотеза, что выходы глубинников означают проявление активности разумных существ, живущих на ядре Земли.

Красницкий округлил глаза, покрутил пальцем у виска.

— Ты серьезно?!

— Я и сам придерживаюсь этой точки зрения. Уж очень много фактов и открытий укладывается в русле этой гипотезы, даже неопознанные летающие объекты. Мой приятель считает, что НЛО являются исследовательскими зондами глубинников.

Виктор засмеялся, махнул рукой.

— Чушь собачья! Цивилизация на ядре Земли — такое не приснится даже пьяному. Жульверновщина какая-то... или конандойлщина... Не помню точно, кто из них писал о том, что Земля — живое существо.

— Конан Дойл. Жюль Верн писал о путешествии к центру Земли, а Земля, между прочим, и в самом деле живое существо, — не поддержал друга Северцев. — Точнее, разумная система. Когда-нибудь это поймут и самые твердолобые академики, уверенные в том, что все научные открытия уже ими сделаны. Ну что, каскадер, поехали обратно?

Виктор глотнул из фляги *сутый цай*, покосился на запястье левой руки.

— Я свои часы забыл. Который час?

— Половина пятого.

— Поехали, здесь больше делать нечего. Попросим у археологов противогаз, у них должен быть в снаряжении, и приедем сюда завтра утречком, по прохладе. Кстати, что показывают те вторые часы, которые ты нашел?

Северцев достал необычно тяжелый хронометр, обнаруженный им на месте боя в степи, еще раз тщательно осмотрел циферблаты и кнопочки. Зеленая искорка по-прежнему прыгала по ободку часов, отмеряя секунды, а в центре черного окошечка между черным и белым циферблатами горел неяркий желтый огонек.

Виктор подошел ближе, ткнул пальцем в огонек.

— Вчера этот глазок не горел.

Северцев не ответил. Показалось, что огонек подмигнул ему, а часы внимательно п о с м о т р е л и на путешественника.

Виктор тоже почуял что-то, поежился, пошутил:

— Надеюсь, они сейчас не взорвутся?

Северцев отставил ладонь с часами, хотел было положить их обратно в карман, но не удержался и дотронулся до красного стерженька с буковкой А на ободке. Все дальнейшее произошло в течение одной секунды и так неожиданно, что он ничего не успел сделать. Не успел даже испугаться.

В глазах потемнело, будто солнце внезапно погасло, и наступила ночь.

Земля под ногами провалилась, по первому впечатлению, — и Северцев, невольно взмахнув руками, словно пытаясь схватиться за воздух, стал куда-то падать.

Но ощущение падения длилось недолго, буквально доли секунды. Ударило в ноги, волна сжатия-растяжения прокатилась снизу вверх, выдернула голову из шеи, и та начала растворяться в свистящей ветром темноте. Северцев растопырился, как при прыжке с парашютом, попытался сориентироваться.

В то же мгновение крыло света смахнуло с глаз непроницаемую пелену, и он увидел тот же пустынный пейзаж с выходами базальтов, белесо-голубое небо и солнце в зените. Хотел позвать Виктора и осекся.

Красницкого рядом не было! Как не было ни лошадей, на которых они добрались до этого места, ни воронки с дымом. И солнце не висело над горизонтом, готовое показать зрелище заката, а действительно торчало над головой, хотя почему-то казалось менее ярким, чем за несколько мгновений до этого.

Северцев с изумлением огляделся, еще не вполне понимая, что произошло.

— Собака бешеная! Что происходит?!

Какой-то странный звук прилетел из пустыни, напоминающий далекое ворчание грозы, но с металлическими обертонами.

Северцев невольно протянул руку в сторону, словно собираясь снять с седла ружье. Опустил руку. Не было ни ружья, ни седла, ни коня. Они пропали, будто не существовали вовсе.

— Бред! — Олег зажмурился, яростно протер глаза кулаками, вспомнил о часах. Они так и остались в левой руке, намертво зажатые пальцами. Зеленая искорка по-прежнему неустанно прыгала по ободку сердечка, а желтый огонек в окошечке между черным и белым циферблатами сменился красными светящимися буквами АР. Кроме того, черный циферблат перестал быть черным, как бы протаял в глубину, и по нему бежала тоненькая светящаяся стрелочка — в том же ритме, что и зеленая искра. Теперь оба циферблата — черный и белый — напоминали чьи-то круглые глаза, и эти глаза, подмаргивая, смотрели на человека строго и предупреждающе.

— Ты, что ли, заработал? — пробормотал Северцев, догадываясь, что случилось.

Часы и раньше казались необычными, а теперь и вовсе стало

ясно, что это какой-то прибор или инструмент, если и связанный с измерением времени, то совсем мало.

Буквы АР в черном окошечке мигнули, будто бабочка развернула и свернула крылышки, и исчезли. На их месте побежали светящиеся красные буковки, складываясь в слова:

«Запасная мигран-фаза. Не понял задачу. Продолжать драйв до основного масс-резонанса? Вернуться в исходный регистр синхронизации?»

— Если бы я понимал, о чем ты толкуешь... — покачал головой Северцев. Обладая хорошей, устойчивой нервной организацией, в свое умопомешательство он не поверил. Северцев много читал и имел немалый опыт, поэтому сразу понял, что в часы встроен некий микрокомпьютер, и этот компьютер заговорил с ним, принимая за настоящего хозяина. Подтверждалось предположение, что часы являются неким устройством, способным изменять... что? Параметры окружающего пространства? Или диапазоны восприятия владельца?

Северцев еще раз осмотрелся.

Нет, не похоже, что изменились его чувства и он перестал видеть некоторые объекты, только что находившиеся рядом. Изменился мир вокруг!

— Кто... или что ты такое?

Световая «бабочка» в черном окошечке свернула и развернула крылышки, за вспышкой света в окошечке поползли светящиеся алые буковки:

«Фазовый масс-перенос фиксирован. Объект находится в промежуточной мигран-зоне. Если вы хотите продолжать мигран-линию хронодрайва, нажмите аварийный кванкер повторно».

— Спасибо, — шаркнул ногой Северцев. — Премного благодарен. А ты не скажешь, что такое промежуточная мигран-зона?

Буковки в окошечке погасли.

— Понятно. Твой словарный запас ограничен. Интересно, что будет, если я и в самом деле продолжу этот... э-э, хронодрайв? Где тут аварийный кванкер? Вот эта красная кнопочка?

Северцев нажал стерженек.

Тотчас же начался тот же процесс, в результате которого он оказался один в пустыне без лошади, без оружия и даже без фляги с водой.

Свет погас...

Ударило в ноги, тело сжалось и растянулось, так что оно словно удлинилось вдесятеро.

Ледяная волна!

Жара!

Падение в бездну...

Оп-ля!

И он очутился посреди пустой площади, окруженной домами с явно восточной стилистикой, заполненной тишиной и неподвижностью. Солнце висело над одним из зданий административно-помпезного вида, но светило неярко, словно сквозь туман. Небо над городом было темно-синим, безоблачным, но мрачным. И отчетливый, бьющий в нос запах пыли...

Это уже не Монголия, глубокомысленно подумал ошеломленный сменой пейзажа Северцев. Город... Похож на Бишкек... хотя нет, пожалуй, этот посовременней будет, да и пятиэтажек советского производства много... Почему он пустой? И дома странные, пористые... как решето...

Северцев сделал шаг, другой, удивляясь необычно глухому стуку подошв о шестиугольные, шероховатые, будто сделанные из пемзы, плиты площади. Услышал приближающиеся звуки чужих шагов, остановился, вспоминая, что не вооружен. Шли, вернее, почти бежали двое: взрослый и ребенок, судя по частой дроби шажков второго.

Из-за угла вполне современного здания, стоящего рядом с дворцом, выбежала женщина с длинными светлыми волосами, одетая в самый настоящий пятнистый комбинезон спецназа, только чуть иной расцветки. Такие комбинезоны — европейского образца — носили военные, бойцы внутренних войск и спецназа в странах СНГ.

Женщина держала за руку девочку лет десяти, с косичкой, одетую в джинсовый костюмчик. Судя по всему, это были мать и дочь, так как, несмотря на разный цвет глаз — у женщины они были светло-серые, лучистые, а у девочки — зеленые, не глаза — глазищи! — они были очень похожи.

Нельзя сказать, что старшая была красавицей: большой яркий рот, чуть вздернутый округлый нос, большие глаза, тонкие — арками — брови, — и все же в лице незнакомки крылся некий трудноуловимый шарм, не сразу бросавшийся в глаза.

Они резко остановились, увидев Северцева. На лице женщины сквозь надежду и радость проступили разочарование, тревога и страх. Она дернула девочку за руку, прижала к себе.

— Кто вы?!

Вопрос прозвучал по-русски!

Северцев очнулся, сделал легкий поклон.

— Олег Алексеевич Северцев, путешественник. А вас как зовут?

Женщина пропустила вопрос мимо ушей.

— Как вы здесь оказались?!

В ее руке вдруг очутился пистолет.

«Ничего себе, встреча! — ошеломленно подумал Северцев, разведя руки в стороны. — Чего это она так испугалась?»

— Я не вооружен. А попал сюда совершенно случайно. Сам хотел бы знать, что это за город и как я здесь оказался.

Женщина заметила в его руке злополучные часы.

— Синхрон! Откуда он у вас?!

— Нашел в пустыне. Там был бой, и я...

Лицо незнакомки изменилось, побледнело.

— Крушан! Вы захватили его! О господи!..

Рука с пистолетом опустилась, в глазах женщины просверкнули слезы. Девочка крепче прижалась к ней, глядя на Северцева с немым вопросом и страхом.

— Я никого не захватывал, — сказал он как можно более мягче и убедительнее. — Когда я примчался туда, там уже никого не было, только палатка и разбросанные вещи. Среди них я и обнаружил часы. А раньше действительно встретил человека на лошади, черноволосого, смуглого, которого тоже звали Крушаном. Вы его знаете?

— Знаю... — выдохнула женщина, прикусив губу. — Это мой муж. Ничего не понимаю... если вы не наемник СКонС, то почему драйвировались сюда, в «хронохвост» Астаны?

— Куда? — не понял Северцев. — В какой хвост?!

Женщина снова подняла пистолет, но почувствовала растерянность путешественника и опустила.

— Пойдемте отсюда, здесь оставаться опасно. Они могут запеленговать пуск вашего допотопного синхрона и примчатся сюда.

— Да кто — они? Объясните!

Женщина повернулась и зашагала к переулку, из которого выбежала несколько минут назад. Девочка засеменила рядом, оглядываясь на незнакомого дядю. Северцев вынужден был направиться за ними, догнал, пошел бок о бок с незнакомкой.

— Может быть, все-таки расскажете, что вообще происходит?

— Сначала вы.

— Хорошо, нет ничего проще. Как вас зовут?

— Варя... Варвара Леонидовна, а это Лада, моя дочь... и Кру-

шана. Он оставил нас здесь, в «хвосте» масс-пакета, а сам... рассказывайте, где и как вы с ним познакомились.

— Встретились мы, как я уже говорил, случайно... — Сбитый с толку Северцев с запинкой поведал жене Крушана историю знакомства с ним и своего похода на место последней стоянки казаха. Замолчал, с сочувствием глядя на шокированную известием женщину. — Извините, я тогда не знал...

Варвара покачала головой.

— Вы ничем не смогли бы ему помочь. Системники вас просто убили бы.

— Ну, сделать это не так-то просто... Кто такие системники?

— Лучше вам этого не знать.

— А все же? Должен же я иметь представление, с кем могу столкнуться в будущем.

— Эти люди — сотрудники службы ОЛП СКонС. Они и сюда могут нагрянуть. Ведь вы включили синхрон в ручном режиме, без пеленг-защиты?

— Я ничего не включал... — пробормотал озадаченный Северцев. — Только дотронулся до красной кнопочки...

— И запустили аварийную драйв-синхронизацию. Покажите ваш синхрон.

Северцев раскрыл ладонь.

— Да, это запасной синхрон Крушана. Он имеет только фиксированные резонанс-выходы. Странно, что он доставил вас сюда... Хотя, может быть, Крушан настроил его специально на случай непредвиденных осложнений... впрочем, это неважно. Теперь вы обречены.

Варвара шагнула прочь, уводя девочку, оглянулась.

— Уходите назад, в свой масс-узел. И сразу уничтожьте синхрон! Иначе системники вас разыщут и нейтрализуют.

— Но ответьте же наконец...

Женщина досадливо поморщилась.

— Не задавайте лишних вопросов, бегите. Вы и нас выдадите своим появлением. Синхроны этого типа пеленгуются.

— Понял, ухожу. Хотя мог бы помочь...

— Вы не в состоянии нам помочь. Прощайте.

— Скажите хотя бы, как мне отсюда...

— Нажмите кванкер — ту красную кнопочку на... э-э, часах, и когда компьютер запросит координаты, нажмите кнопку дважды. Синхрон перенесет вас в начальную точку драйва.

Они быстро зашагали вдоль пористо-дырчатых зданий к по-

вороту переулка, скрылись за углом. Северцев протянул им вслед руку, открыл и закрыл рот. Потом сказал бесстрастно:

— Нет ничего проще — нажал и назвал координаты... м-да!

Откуда-то издалека прилетел негромкий гул.

Северцев встрепенулся, кинул взгляд на здания странного города, заторопился обратно на площадь, вспоминая сожалеюще-испуганный взгляд девочки, дочери Варвары. Красивый ребенок. Лада. И имя красивое. Впрочем, ее мама тоже приятная женщина, разве что строгая очень.

Северцев внезапно заметил над крышами зданий на противоположной стороне какую-то полупрозрачную чешуйчатую колонну, исчезающую в небе. Не поверил глазам, всмотрелся в нее, напрягая зрение, и мысленно ахнул.

Башня, сотканная из серебристо-серых туманных струй, перепонок и чешуй, почти невидимая на фоне синего купола неба, превосходила по размерам все известные сооружения, виденные Северцевым. По первому впечатлению она занимала, наверное, площадь не меньше городской. Но не это было главным. Башня уходила в небо на огромную высоту и терялась в нем, переставала быть видимой, уходила за пределы атмосферы, в космос! И у Северцева создалось впечатление, что она тянется еще дальше — до Луны, а может быть, и до других планет!

Он помотал головой, освобождаясь от наваждения, пребывая в растерянности, не зная, как оценить все, что увидел и узнал. Но прилетевший издали — со стороны башни (почти прозрачные дымные стены ее вдруг изменили рисунок) гул заставил его вспомнить слова Варвары и действовать.

— Поехали... — пробормотал он, касаясь прозрачно-стеклянной кнопочки — кванкера, как назвала ее жена Крушана.

Ничего не произошло. Только в черном окошечке мигнула красная искра. Затем в толще черного стеклышка побежали светящиеся алые буковки, складываясь в слова:

«Выходы на «Е-ось» фиксированы. Наберите координаты резонанса».

— Ежели бы я знал, как их набирать... — пробормотал Северцев. — Е-ось... эс-ось... авось да небось... Как же мне отсюда выбраться обратно? Может, действительно нужно снова нажать красный кванкер?

Палец дважды коснулся красного стерженька.

Свет в глазах погас.

Волна сжатия-растяжения тела...

Холод...

Жара...

Невесомость...

Показалось — острое лезвие отхватило ноги ниже колена! Боль колючкой вонзилась в сердце.

Не успев испугаться и закричать, Северцев вывалился из темноты на свет, почувствовал дрожащие ватные ноги — слава богу, на месте! — и увидел изумленную физиономию Виктора напротив. Синхрон не подвел, доставив владельца из неведомых далей пространства и времени в точку старта, и, как оказалось, почти в тот же момент времени.

— Где ты был?! — изумленно проговорил Красницкий.

— Пиво пил... — буркнул Северцев, чувствуя странную ломоту в суставах и страшную усталость.

ГЛАВА 3

Экзарх Среднеазиатского такантая тетрарху.

Примите все меры к поиску и нейтрализации объекта коррекции первого уровня. Объект: Варвара Леонидовна Сабирова (в девичестве — Живина), тридцать пять лет, инженер компьютерных сетей, жена Крушана Сабирова, руководителя Администрации президента Казахстана, криптодержателя ES-узла. Подключите системный ДП-отдел. Диапазон исполнения, entre nous, без ограничений.

* * *

Им понадобилось больше часа на то, чтобы привести мысли и чувства в порядок и обсудить неожиданную эпопею Северцева в неизвестный город неизвестной страны.

Сошлись на том, что перемещение действительно имело место, так как если бы на обоих воздействовали каким-то галлюциногеном, то и видели бы они одинаковые галлюцинации. Однако видели они и чувствовали разное. Северцев — свое, Виктор — свое. Точнее, Виктор как раз ничего-то особенного и не увидел. Для него Северцев вдруг заколебался как туманная кисея и исчез и отсутствовал около пяти минут.

— Сначала я просто обалдел, — признался актер со смущением на лице. — Проделал обычную процедуру: протер глаза, ущипнул себя за руку. А когда не помогло — понял, что случилось что-то

непредвиденное и, может быть, непоправимое. На всякий случай начал тебя искать, заглянул в кратер, а тут ты вдруг из воздуха выпрыгиваешь... как чертик из коробки. Дай пощупать, ты это или не ты?

Северцев уже успокоился, начал размышлять, с опаской поглядывая на «часы».

— Ясно, что это устройство для перемещения в пространстве, а может быть, и во времени. Варвара обронила слово — «хронохвост». То есть прибор — синхрон — как-то связан со временем. Единственное, чего я не понимаю, так это при чем тут какая-то «драйв-синхронизация»? И компьютер или водитель синхрона тоже высвечивал какие-то странные словечки насчет «синхронизации резонансов».

— Нужен эксперт-физик, знакомый с такими фишками.

— Я тоже так думаю. Придется возвращаться в Москву и встречаться с учеными. В ФИАНе я знаю только Николая Дмитриевича Макаровского, специалиста в области ядерной физики, да еще Костю Зеленского из Федерального центра, с которым мы наткнулись на глубинника. Может, он кого посоветует?

— У моего отца был друг с Украины — Анатолий Михайлович Бич. Не ухмыляйся, фамилие такое. Так вот он — доктор физматнаук, специалист в области физики времени, разработчик теории локально-когерентного времени. Можно обратиться к нему.

— Ты же говоришь, он на Украине.

— Он уже пару лет как в Москве живет, на Профсоюзной. Я у него был с отцом, еще до смерти папы, так что знаю адрес. Думаю, нам он не откажет во встрече.

— Хорошо, сходим. Но сначала я поговорю с Костей. Ты еще долго фильм свой снимать будешь?

— Дня четыре, максимум пять.

— Нет, столько я ждать не могу, завтра же утром уеду. А ты потом присоединишься.

Виктор огорчился.

— Не подождешь? С этим кратером еще разобраться надо.

— Сюда необходимо прислать специальную экспедицию, мне здесь делать нечего. Соберу образцы почвы и дыма и доставлю в отдел ФИАНа по изучению НЛО, пусть сами решают, что делать.

Северцев упаковал приборы, собрал камни вокруг кратера, взял образцы почвы и даже ухитрился зацепить пробиркой струйку дыма на глубине полутора метров от края воронки; Виктор помогал ему, размышляя о чем-то своем. Когда сбор образцов закончился, он сказал с надеждой:

— Может, дашь поэкспериментировать с часами... э-э, с этим самым синхроном? Страшно хочется побывать там, где был ты.

— Нет, — отрезал Северцев. — Опасно. Варвара сказала, что при включении синхрон можно запеленговать, и тогда за ним примчатся системники, ликвидаторы из какого-то СКонСа.

Виктор разочарованно кивнул.

— Понимаю... Как ты думаешь, откуда этот Крушан? Почему за ним охотились системники? Что вообще все это означает?

— Не знаю. Но разберусь. Мы случайно оказались свидетелями каких-то крутых разборок между Крушаном и его преследователями. Но кто они — бог ведает. Жену его жалко... — Олег вспомнил глазищи девочки. — И дочку. Они-то, наверное, ни в чем не виноваты.

— Ну, как знать. Малышка точно ни при чем, а жена вполне может оказаться шпионкой или, к примеру, террористкой.

Северцев улыбнулся, взбираясь на лошадь.

— Не тянет она на террористку, несмотря на всю строгость. Симпатичная... серьезная... целеустремленная... и очень расстроенная...

— Расстроишься тут, если мужика убьют. — Виктор одним махом вскочил на своего коня. — Ох, сдается мне, и влипли мы с тобой в историю! Чует мое сердце — пожалеем еще о находке.

Северцев не ответил, он думал примерно так же.

К семи часам вечера они добрались до лагеря, где уже все было готово к съемкам. Виктор сразу же занялся своим делом, а Северцев переоделся, умылся и по привычке записал на диктофон все, что с ним произошло. Затем спрятал синхрон в футляр из-под очков и начал с интересом наблюдать за съемками фильма вместе с археологами, закончившими трудиться на раскопках.

Насколько Олег знал сценарий, фильм был как раз об археологах, раскопавших древний курган, где был похоронен какой-то знатный воин. У этого воина имелся меч, превращавший своего владельца в неистового убийцу. Герой фильма, в которого вселился дух воина, сначала крушил всех подряд, потом благодаря силе воли и вмешательству красивой подруги сумел перебороть вселившийся в него дух убийцы и покарать тех, кто пытался использовать его в своих корыстных целях.

Естественно, главным героем фильма был Виктор, и он же — режиссером и продюсером. Его подругу играла известная актриса Лариса Евгеньева, снявшаяся уже в нескольких сериалах и даже получившая за одну из ролей отечественную Нику. Но она должна была приехать на съемки позже, и Виктор пока снимал

натурные эпизоды, в которых герой находил меч и знакомился с его свойствами.

Играл он, как всегда, хорошо, хотя было заметно, что мысли актера занимают какие-то иные проблемы. И лишь Олег понимал — какие именно. Исчезновение Северцева, его рассказ о путешествии в таинственные дали, длившемся, с одной стороны, не менее получаса, а с другой — всего пять минут, наличие странных часов и клубок противоречий, завязавшихся вокруг них, — все это выбило Красницкого из колеи и заставило размышлять о загадочной истории, в которую помимо своей воли впутался его друг Олег Северцев.

Эпизод с находкой меча снимали уже при факелах и прожекторах. В мятущемся свете лица и фигуры актеров выглядели чрезвычайно живописно, действие завораживало, словно и в самом деле в недрах раскопанного кургана ожил скелет и начал гоняться за археологами с сияющим мечом в руках. Однако Виктор оставался недовольным работой коллег, дважды менял антураж и подсветку, нашел дополнительный ход, увлекся, поругался с оператором, и эпизод досняли с превеликим трудом. Когда все разошлись, усталые и раздраженные, техники свернули оборудование, погасили прожектора и факелы, Виктор устроил «разбор полетов», заявил, что будет менять сценарий, и распустил группу отдыхать.

Шум и суета в лагере стихли. У костра собрались лишь самые молодые участники съемок, чтобы тихо попеть под гитару. Но и они вскоре угомонились, разошлись по палаткам. Все-таки экзотика пустыни не могла сравниться по эмоциональному наполнению с красотой русских лесов и лугов. Горячий ветер и песок на зубах не создавали уюта.

Лагерь погрузился в тишину и темноту.

Северцев, поговорив с уставшим Виктором, лег спать едва ли не последним, хотя у костра не сидел, песни не пел и чаем горло не ласкал. Он вспоминал свои открытия, поход в «хронохвост», встречу с женщиной по имени Варвара и ее дочерью. Анализировал ощущения. Думал. Пока не пришел к выводу, что, во-первых, упрекнуть ему себя не в чем, ни Крушан, ни его жена помощи у него не просили, а во-вторых, никаким умственным расстройством здесь не пахло. Все это случилось с ним наяву, и часы-синхрон все-таки являются не гипнотическим аппаратом, внушающим владельцу иллюзорные картины. Если бы это было так, Виктор не наблюдал бы неожиданное пятиминутное исчезновение друга.

Северцев включил фонарь в палатке, достал часы, полюбовался ими, покачал головой. Уже не раз приходила странная мысль, что ему удивительно, сказочно везет в жизни, особенно — по части открытий и необычных находок. Еще не было случая, чтобы какой-либо из его походов заканчивался безрезультатно. В каждом из них он либо становился свидетелем нового явления, либо первооткрывателем капищ, храмов и других следов древних цивилизаций. Стоило задуматься, являлось ли это следствием удачливого стечения обстоятельств или же проявлением имманентных свойств характера и силы желания, настроенных на поиск и открытие ч у д е с н о г о.

С этой мыслью он уснул и проснулся от возникшего неясного шума, топота и тихих голосов. Встрепенулся, поднялся на локтях, вслушиваясь в шум, напрягая слух до предела. Услышал ржание лошади, звякание сбруи, монгольский говор и начал торопливо собираться.

Кто-то кого-то окликнул, ему ответили. Снова заговорили на монгольском и на русском. Голоса приблизились. Северцев выглянул из палатки и на фоне отсвета костра, в который сторож экспедиции подбросил кизяка и веток, увидел пятерых всадников в одежде монгольских цириков — военных. Точнее, пограничников. С ними разговаривали двое: сторож лагеря, старый монгол Иктоол, и начальник экспедиции Вениров, сильно похожий на известного ученого-палеонтолога и писателя Ивана Антоновича Ефремова. К разговаривающим присоединились еще двое мужчин, один из которых, выслушав государевых людей, что-то сказал им явно неласковое. Это был Виктор.

Двое пограничников тут же навели на него винтовки, третий спрыгнул с коня, подошел и попытался ударить Красницкого плеткой. Однако промахнулся. Снова ударил и снова промахнулся.

Тут уж Северцев не выдержал и выскочил из палатки, благоразумно не взяв карабин. Пограничники были вооружены серьезней — американскими «М-14» китайского производства, и было их пятеро. Конфликт мог получиться нешуточный.

— Что за шум, а драки нет? — поинтересовался Северцев, подходя к группе.

— Дурак! — вполголоса заметил возбужденно-злой Виктор. — Это по твою душу. Я пытался тебя предупредить...

— Это за вами, Олег Андреевич, — виновато сказал Вениров, поглаживая бородку. — Вас спрашивают.

— Как интересно! Откуда они меня знают?

— Северцы? — подошел к нему командир монгольского пограничного патруля.

— Он, — кивнул Олег. — Де-факто и де-юре. В чем дело?

— Ыдты с намы!

— Это еще с какой стати! Документы у меня в порядке, виза оформлена на два месяца. — Северцев достал загранпаспорт. — Можете проверить.

Офицер взял паспорт, бегло пролистал его, глянул на фотографию путешественника и сунул документ к себе в нагрудный карман полевой куртки.

— Собырать. Ыдты. Быстр!

— Да объясните же, в чем дело!

Пограничник что-то скомандовал по-монгольски, и две винтовки уперлись в грудь Северцева. Наступила короткая пауза. Северцев кинул косой взгляд на г о т о в о г о к броску Виктора, оценивающе посмотрел на военных людей. Вряд ли они знали, что такое *барс* — боевая армейская система — в действии. С ними можно было справиться без особого труда, так как они не ожидали сопротивления и были уверены в своих силах. Но к костру начали стягиваться просыпающиеся археологи, и рисковать их жизнью не стоило. И хотя Северцев не был уверен, что это недоразумение, — его нашли в пустыне, далеко от населенных мест, причем сразу же после «хронодрайва», — все же надеялся разрешить проблему мирным путем.

Шевельнув бровью, он отрицательно качнул головой, давая понять Виктору, что сопротивляться не стоит.

— Хорошо, я пойду с вами. Как далеко?

Пограничники переглянулись.

— Улан-Батор, — сказал командир. — Началнык. Прыкас. Быстр ыдты.

— Сейчас соберусь. — Северцев повернулся, направляясь к своей палатке на краю лагеря.

В спину ему уперся ствол винтовки.

Он досадливо дернул плечом, полуоглянулся.

— Повежливее, герой моржовый, я не собираюсь убегать.

Командир погранпатруля что-то каркнул. Нажим винтовки ослабел. Пограничник отступил на шаг. Ситуация складывалась так удачно для контратаки, что Олег с трудом справился с желанием вступить в схватку. Дошел до палатки, собрал в рюкзак вещи, взял карабин и вышел. Часы-синхрон лежали у него в нагрудном кармане жилета, и он мог вытащить их в любой момент. Однако сдерживался. В душе еще теплилась надежда, что все

обойдется и его арест не связан с произошедшими накануне событиями.

Пограничник закричал, увидев карабин, навел на Северцева винтовку. Подскакавший командир отряда тоже поднял оружие. Северцев бросил карабин Виктору.

— Сохрани. — Добавил громче:— И сообщи в Москву о моем задержании.

Сказано это было специально для пограничников, однако на командира патруля эти слова не произвели никакого впечатления.

— Морь унах! — каркнул он. — Садыс кон! Эхат надо!

— Да куда вы его на ночь глядя? — не выдержал начальник экспедиции. — Утра дождаться не могли? Никуда ведь не сбежит.

Сторож залопотал по-монгольски, пограничник выслушал его и повернул ствол винтовки на Венирова. Что-то проговорил.

— Не мешайте, а то он и вас заберет, — перевел сторож.

— С-собаки паршивые! — скрипнул зубами Виктор. Помогая Северцеву седлать коня, шепнул: — Беги! Я их задержу!

— Куда? — усмехнулся Северцев. — Пустыня кругом. Успокойся, все в конце концов разъяснится. Да и сбежать я всегда успею.

— Как? Ты же только что утверждал обратное.

— Часы.

Виктор зыркнул на обступивших их пограничников.

— А если они обыщут тебя и найдут часы?

— Постараюсь их опередить.

— Может, я поеду за вами, тихо? В случае чего помогу...

— Не надо, справлюсь, даже если это системники, о которых предупреждала Варвара.

— Кончат болтай! Быстр садыс! — приказал командир погранотряда.

Северцев вскочил на лошадь, помахал рукой ничего не понимающим археологам и актерам.

— Не беспокойтесь, ребята, я скоро вернусь.

— Ни пуха... — многозначительно сказал Виктор.

— К черту! Сайн яваарай[1].

Небольшой отряд всадников двинулся в ночь, но не в ту сторону, откуда прибыл Северцев, а на северо-восток, в направлении на Барун-Урд. Олег сначала думал, что пограничники просто знают другую дорогу, покороче, и скакал молча, ожидая поворота. Но его все не было, всадники ехали в одном и том же

[1] Прощай (*монг.*).

направлении, не меняя темпа, и через два часа, когда начался рассвет, удалились от лагеря не меньше чем на двадцать километров.

Появились песчаные барханы: началась срединная Гоби, простирающаяся к северу и востоку на сотни километров. Стук копыт о камни сменился шорохом и скрипом песка. Пограничники придвинулись к Северцеву плотнее, и он понял, что их намерения далеки от сопровождения русского путешественника в столицу государства, к таинственному «начальнику».

С гребня очередного бархана стала видна узкая долина с зеленым пятном растений посредине — в месте выхода подземных вод. Однако Северцев при скудном утреннем свете разглядел еще одно пятно — оранжевое и догадался, что оно означает. У источника его ждали на лошадях буддийские монахи. Очевидно, те же самые, что встретили гостя еще в Улан-Баторе.

Северцев ничем не выдал своих чувств, начиная готовиться к встрече, приводить организм в боевое состояние. Пограничников он не боялся, несмотря на их вооружение, в их задачу входило лишь сопровождение пленника к месту встречи с заказчиками задержания.

Они спустились в долину плотной группой, подскакали к монахам. Один из них, постарше, бритоголовый, с суровым узким лицом, что-то проговорил. Пограничник за спиной Северцева тут же навел на него винтовку, а монах вытащил странно знакомый пистолет — с толстым дулом и сложным прицелом. Олег понял, что настало время действовать.

Он мгновенным движением поднял коня на дыбы, и пуля из винтовки досталась коню. Олег увидел движение дула пистолета — монах вьщеливал его — и соскользнул с крупа падающего на бок коня. Залпа он не услышал, зато почувствовал страшный удар по голове, чуть не погрузивший его в беспамятство. Лишь много позже он понял, что монах выстрелил в него, но «пулей» был сгусток особого поля, подчиняющего сознание, и спасли путешественника только его реакция и конь, принявший «огонь» на себя.

Конь перекатился на бок и помешал монголу в войлочной шляпе зеленоватого цвета выстрелить еще раз.

Северцев прыгнул в другую сторону и уже на лету достал из кармана часы, ткнул пальцем в красную кнопочку кванкера. Сожалел он в этот момент только о своем паспорте, оставшемся у пограничника.

Мгновенная темнота, падение в бездну, знакомые ощущения холода и жары, удар в ноги, свист в ушах...

Елки-палки, куда меня несет?!

Вспышка света...

Глаза стали видеть, и Северцев понял, что стоит точно посреди той же самой площади, где он встретился с Варварой и ее дочерью во время первого «хронодрайва». Разве что солнце теперь висело не в зените, а низко над зданиями, собираясь спрятаться за ними. А может быть, только собиралось вставать.

Северцев огляделся, чувствуя необычную ломоту в суставах, будто он долгое время пролежал в одной и той же неудобной позе, и только теперь обратил внимание на глубокую, невероятно прозрачную, всеобъемлющую тишину, владевшую этим странным городом. Здесь не было слышно шумов городской жизни, не гудели машины, не звенели трамваи, да и самих машин не было, не пели птицы и не свистел ветер в крышах и в окнах домов.

Северцев долго прислушивался к тишине, подспудно ожидая появления преследователей — пограничников или монахов, но вокруг ничего не происходило, не менялось, тишина казалась незыблемо-абсолютной, ни одно движение не нарушало царящего вокруг покоя. Мертвое царство, пришла на ум пугающая мысль. Этот город покинут жителями из-за радиации! Чем еще можно объяснить полное отсутствие жизни и движения?

Но ведь здесь пряталась Варвара, пришла другая мысль, более трезвая и успокаивающая. Так что не паникуй. И совершенно не похоже, что по городу был нанесен ядерный удар. В этом случае он выглядел бы иначе. Конечно, странно, что стены зданий напоминают пемзу или полурастаявший кусок сахара... вон даже рухнули кое-где из-за дыр, прочность нарушилась... но ведь должно же существовать какое-то рациональное объяснение феномену? Спросить бы кого... Может, компьютер синхрона знает, что это за город и где он располагается? Как там говорила Варвара: «хронохвост»?

Северцев поднес было руку к часам, но передумал.

Остынь, парень. Неизвестно, обладают ли преследователи, кем бы они ни были, пеленгаторами пусков синхрона, но лучше без надобности его не включать. Если Варвара с дочкой еще здесь, есть смысл ее поискать. Она должна все объяснить. А его возвращение выглядит абсолютно логично: он вынужден был бежать от... этих... как она их назвала? — от системников. Чем не причи-

на для встречи и выяснения всех обстоятельств происходящего? Тем более, что это правда.

Он двинулся к переулку, в котором когда-то скрылась жена Крушана, стараясь ступать как можно тише.

Слева здание с широкими окнами, похожее на современный банк, справа — пятиэтажные административные хоромы классической советской постройки с резной металлической оградой. И ни на одном здании нет ни вывески, ни номера, ни названия улицы. И цвет их почти одинаков — цвет пыли и серо-бурого камня. Нет, все-таки здесь что-то произошло! Не может быть, чтобы город не подвергся какому-то нападению, не ядерному, так химическому. Вот и остались от него только остовы зданий, а все остальное: машины, троллейбусы, провода, рельсы, люди — превратилось в пыль, в атомарные взвеси, в ничто...

Над следующим зданием что-то сверкнуло. Северцев задрал голову и с трудом разглядел в небе чудовищную конструкцию — ту самую чешуйчатую прозрачно-дымную колонну, уходящую в синюю бездну небес. По спине пробежала струйка мурашек. Таких сооружений на Земле быть не могло, это Северцев знал точно, и в то же время всем своим существом он чувствовал, что находится на Земле. Разве что сильно изменившейся.

Колонна пульсировала, то становилась более четкой, то размытой, почти невидимой, и оттого казалась живой. Это беспокоило, стесняло, заставляло вглядываться в неведомое творение природы и ждать появления еще более поразительных чудес.

То и дело замирая, поглядывая на странную башню, Северцев прошел до конца переулка, заглянул за угол, но никого не увидел. Если Варвара с дочерью и жили где-то в одном из домов города, искать их можно было долго, как иголку в стоге сена. Особенно, если она пряталась и не жаждала встреч ни с кем.

Ради любопытства Северцев решил заглянуть в здание, первый этаж которого вполне мог занимать когда-то крупный магазин. Осмотрев мутно-стеклянную на вид дверь, он толкнул ее рукой и невольно отступил назад, когда дверь вдруг рухнула на тротуар грудой комковатой блескучей пыли. Очевидно, здание простояло в таком состоянии очень долгое время, хотя на вид ему было не более полусотни лет. Но могло существовать и другое объяснение его дряхлости. Северцев подозревал, что так оно и есть. Пустой город, не будучи декорацией, а сомнений в этом уже не осталось, поражал воображение, пугал и предлагал поразмышлять над нетривиальными причинами своего возникновения.

Внутри «магазина» оказалось темно, пусто, если не считать пыльных холмов, и неуютно. Если в помещениях когда-то и располагались стеллажи, шкафы и полки с товарами, то давно истлели и рассыпались в пыль. Надежда найти здесь хоть какое-то оружие или вообще полезную вещь себя не оправдала.

Северцев зашел в соседний дом, еще в один, затем посетил «административное» здание с колоннами, и везде видел одно и то же: холмы серо-голубой пыли и голые стены, кое-где так густо усеянные порами, что через них в дома проникал уличный свет.

Обойдя центральную площадь «полурастаявшего» города, Северцев присел на ступеньки широкой лестницы, спускавшейся к безводному бассейну с потрескавшимся дном, и задумался, что делать дальше. Дельных мыслей не появлялось. Вариантов насчитывалось всего два: попытаться отыскать в этом странном месте хоть кого-нибудь живого, чтобы выяснить, что тут произошло, или возвращаться назад, в Монголию, где его наверняка разыскивают монахи и пограничники.

Возвращаться не хотелось. Стоило сначала исчерпать возможности первого варианта, даже если пришлось бы потратить на поиски жителей города и его окрестностей день-два, а то и больше.

Приняв решение, он начал действовать.

Покричал:

— Эй, здесь есть кто-нибудь? Отзовись!

Послушал необычно глухое — ватное эхо.

Никто не откликнулся.

В воздух не взлетела ни одна птица, из домов не вышел ни один его обитатель.

Тогда Северцев выбрал улицу пошире, ведущую от площади к окраине города, по радиусу, в направлении на призрачно-стеклянную башню, и направился по ней прочь от здания с колоннами, изредка подавая голос:

— Есть кто живой? Выходи! Поговорить надо...

Однако никто ему так и не ответил. Он прошагал километров семь, меняя улицы, но держась одного и того же направления, и вышел наконец на окраины опустевшего по неизвестным причинам города. Башня на горизонте при этом ни капли не приблизилась, оставаясь такой же туманно-зыбкой, нечеткой, эфемерно-живой, изредка проявляясь на краткое мгновение ощутимо тяжелой и плотной горой металла.

Город, из которого вышел Северцев, практически не имел пригорода и был расположен посреди холмистой равнины или

скорее полупустыни с редкими хилыми лесочками. В здешней природе преобладали глинисто-песчаные почвы, каменистые гряды, песчаные дюны и выходы скал, белых как кость. Снова пришло ощущение, что местность знакома и расположена где-то в Средней Азии. Вполне возможно, что это был какой-то казахский город, к примеру, Астана, столица Казахстана, основанная в тысяча восемьсот тридцатом году как крепость Акмолы, а потом известная всему СССР как город Целиноград. Северцев видел в центре города остатки древнего сооружения, напоминающего крепость. Но в Астане он ни разу не был и уверенным в том, что находится именно в этом городе, быть не мог. К тому же и выглядела столица Казахской Республики так, будто была брошена жителями тысячу лет назад.

Издалека прилетел какой-то посторонний звук, похожий на тонкий детский голосок.

Северцев замер, вслушиваясь в глухую тишину природы.

Звук повторился. Сомнений не было — действительно где-то в черте города крикнула девочка. Не раздумывая, Северцев бросился назад в город, вытаскивая из ножен на поясе нож, единственное оставшееся с ним оружие.

К звуку детского голоса присоединился женский. Северцеву показалось, что он слышит свое имя, приостановился.

— ...ле-е-е-ег... оди-и-и-и...

Дьявольщина! Что это означает?! Олег, уходи? Или, может быть, Олег, помоги? И кто это кричит, Варвара?

— Я здесь! — крикнул он, возобновляя бег. — Ждите!

Однако добежать до центральной площади пустого города ему не удалось. Он уже был возле той самой крепости, сложенной из каменных глыб, с тремя башнями, когда впереди раздались выстрелы.

Один, два, целая очередь...

Еще два выстрела...

Стреляли из разного рода оружия — из пистолета, автомата и карабина. Что же там, черт побери, происходит?!

— Олег, беги! — донесся отчетливый вскрик Варвары. Казалось, она стоит где-то совсем рядом, хотя Северцев был уверен, что женщина на самом деле находится не ближе полукилометра.

Еще выстрел, затем очередь...

Северцев скрипнул зубами и оставшиеся несколько сот метров до площади преодолел в темпе летящей стрелы, ускорившись до предела.

Это были они — бритоголовые буддийские монахи, все трое, и с ними двое монгольских цириков в серо-зеленоватой форме погранслужбы. Монахи стояли группой в центре площади, поглядывая по сторонам, а пограничники, вооруженные автоматическими винтовками (у одного из них в придачу наличествовал карабин Северцева), держась вдоль стен зданий на противоположной стороне площади, вели огонь в направлении переулка, не давая возможности невидимому противнику высунуться. Кроме того, еще один пограничник крался по переулку к пятиэтажному дому, в котором, очевидно, и скрывалась Варвара с дочерью, с другой стороны.

— Варя, они сзади! — крикнул Северцев во всю мощь легких.

Пограничники перестали стрелять, оглянулись.

Трое бритоголовых молодцев, одетых в оранжевые халаты-дели, тоже обратили внимание на Северцева. Один из них, старший, что-то крикнул. В руке его появился знакомый пистолет с лазерным прицелом.

Пограничники бросились к Олегу вместе с двумя монахами, ничем с виду не вооруженными. Однако один из них на бегу вынул из-под полы халата оружие, Северцев спрятался за угол дома и, хотя выстрела не прозвучало, снова почувствовал тяжкий удар по голове. Впечатление было такое, будто внутри черепа лопнул некий упругий пузырь, сдавливая сосуды, выбивая сознание. Если бы Олег не нырнул за угол, разряд неизвестного излучения — он догадался, в чем дело, — наверное сделал бы свое дело и превратил его в безвольную куклу.

— ...ди-и-и-и! — донесся женский крик.

Варвара все еще пыталась предупредить его, зная, что Северцев находится в городе.

«Сволочи! — выругался про себя Олег. — Будь у меня карабин, я заставил бы вас поплясать!»

Руки и ноги внезапно ослабели, сказалось-таки действие разряда, прошедшего сквозь стену здания. Пора была уходить, Варваре с дочерью он все равно не смог бы ничем помочь. Северцев вспомнил беспомощно-вопросительный, полный надежды взгляд больших глаз девочки Лады, пробормотал:

— Я еще вернусь за вами, будьте уверены...

Послышался топот приближающихся монгольских пограничников, выстрелы, глухие удары пуль в стены зданий.

Северцев покачал головой и нажал на красный стерженек аварийного кванкера на часах.

На голову упала глыба темноты и тишины...

ГЛАВА 4

Тихий звон, напоминающий зуммер мобильного телефона...

Северцев подхватился, слепо шаря рукой в воздухе, и сообразил, что это зазвонил будильник наручных часов. Настоящих, не тех, под которые маскировался удивительный аппарат под названием синхрон.

Семь утра. Пора вставать и приниматься за дело.

Северцев с трудом поднялся, помахал руками, отжался сто раз на кулаках, сделал столько же приседаний и поплелся в ванную, под душ, вспоминая события минувшей ночи.

Перспектива вернуться в ночную Гоби, на место встречи пограничников и монахов (интересно, кто из них непосредственно системники? Монахи или пограничники? Или и те и другие?) была весьма сомнительной, поэтому он был готов тут же повторить поход в «хронохвост» с пустым городом, где прятались Варвара с дочерью. Но делать этого не пришлось.

Он оказался, по сути, в Гоби, но без пограничников и монахов. Наверное, это была та самая первая точка выхода путешественника на «ось S», в которую он попал, когда нажал на красный кванкер, находясь у воронки НЛО вместе с Виктором.

Тот же пейзаж: каменные осыпи, песчаные дюны, выходы черных базальтов, валуны, темно-синее небо и солнце низко над горизонтом. То ли встает, то ли садится. Но, боже мой, какая же здесь тишина!

Северцев осмотрелся, готовый к любому повороту событий, ничего подозрительного ни вблизи, ни вдали не обнаружил и слегка расслабился. Возможно, Крушан специально провел линию «хронодрайва» в этот безлюдный уголок пустыни, чтобы в случае непредвиденных осложнений перескочить сюда и передохнуть, выбрать оптимальную стратегию дальнейших действий.

Выбрать... А ведь это идея! Почему бы и в самом деле не выбрать другую точку выхода на «ось S»? Итак, посмотрим, что произойдет, если нажать на другие кнопки. С какой начать?

Он задержал дыхание и нажал на прозрачный стерженек.

В черном окошечке мигнула световая «бабочка», развернула крылышки. Под стеклышком поползли красные буковки, складываясь в слова:

«Выходы на «ось Е» фиксированы. Выберите координаты резонанса».

Легко сказать — выберите. Как это сделать?

Северцев внимательно осмотрел часы и нашел на каждом стерженьке маленькое рифленое колечко. Потрогал одно из них — стрелка на белом циферблате слегка сдвинулась.

— Вон оно в чем дело... это регулировка! Надо просто устанавливать стрелки на определенные цифры. Хорошо, рискнем.

Северцев повернул колесико на прозрачном стерженьке на цифру 1, подумал и передвинул дальше — на цифру 2.

— Интересно, куда я попаду? В будущее или в прошлое? И что это такое вообще — «ось Е»? Хорошо бы оказаться в Москве...

Палец коснулся прозрачного стерженька.

В окошечке сообщений появилась новая надпись:

«Выберите трафик».

— Какой еще трафик? — не понял Северцев. Почесал в затылке. — Может быть, эти циферблаты и есть выходы на трафики?

Он нажал черный стерженек.

Темнота!..

Кожа по всему телу превращается в твердый каменный слой, начинает сдавливать тело...

Боль вонзается в голову...

Эт-то еще зачем?!

Удар по пяткам!

Тело вытянулось струной, сжалось до толщины медузы...

Полотнище света смахнуло тьму, и Северцев едва не упал, ощутив себя стоящим на твердой почве. Протер заслезившиеся глаза, повертел головой, приходя в себя, ожидая появления преследователей, и расслабился.

Он стоял на краю обрыва, в метре от узорчатой чугунной ограды, лицом к распахивающейся внизу панораме большого города. За спиной располагалось знакомое многоэтажное здание со шпилем, которое невозможно было спутать ни с каким другим. Такие многоэтажки — количеством семь штук — назывались сталинскими и являлись неотъемлемой частью архитектуры Москвы. Одного взгляда на здание было достаточно, чтобы понять: он в столице! Здание же принадлежало Московскому университету и стояло на Воробьевых горах.

Северцев вздохнул с огромным облегчением и... замер, вдруг осознав оглушительную, невероятную тишину и отсутствие пешеходов. Да и не только пешеходов, но и потока легковых и грузовых машин, троллейбусов, вообще какого-либо движения! Москва казалась покинутой, брошенной, серой, мрачной, будто жители выбрались из нее перед ядерным нападением и больше уже

не вернулись. Точно так же, как и жители казахской столицы Астаны. Хотя после «общения» с компьютером синхрона у Северцева зародились определенные сомнения в этом. Никуда люди скорее всего не девались и не эвакуировались. Дело было в каких-то физических особенностях работы синхрона, оперирующего временем. «Хронохвост», — сказала Варвара. Она с дочкой пряталась в «хронохвосте» Астаны, а Северцев попал, очевидно, в «хронохвост» Москвы. Знать бы точно, что это такое на самом деле и с чем его едят...

Он прошелся по тротуару, разглядывая скопление домов с высоты Воробьевых гор, стадион Лужники, лыжные трамплины, Новодевичий монастырь, отметил их унылый серо-грязный цвет, цвет пыли, тоски, запустения, умирания, передернул плечами. Такого возвращения он не хотел. Варвара говорила, что его синхрон настроен только на фиксированные выходы, но ведь циферблаты имеют не по одной цифре, а каждый — по шесть позиций. Может быть, если попробовать установить стрелки на другие цифры, можно будет оказаться в прошлом? Или в будущем?.. Впрочем, не суть важно, компьютер аппарата должен знать координаты времен, в которых живут современники Северцева, и перенесет его в Москву начала двадцать первого века...

Где-то у стен университета родился металлический лязг.

Северцев вздрогнул, оглянулся, вспоминая свое двусмысленное положение. Без оружия, связи, без друзей и приятелей он был уязвим и почти беспомощен, как черепаха без панциря. Надо было срочно возвращаться домой, в свое родное время, чтобы взяться за решение подсунутой задачи всерьез и основательно. К тому же Варвара с дочкой находилась в еще более неприятном положении и нуждалась в поддержке. Если, конечно, их не настигли монгольские цирики, имеющие, судя по всему, такие же часы-синхроны, что были и у самого Северцева.

— Разберемся! — пробормотал он, нажимая прозрачный кванкер.

«Выходы на «Е-ось» фиксированы», — выдал компьютер прибора.

— Знаю, — буркнул Олег. — Скажи что-нибудь новенькое.

В черном окошечке поползли буквы, складываясь в новую фразу:

«Выберите трафик».

— Белый, — сказал Северцев, нажимая белую кнопочку.

«Выберите резонанс».

Подумав, он установил стрелочку на белом циферблате на цифру 1 и снова нажал кнопку.

На голову упала темнота. А после недолгих секунд «полета» в черном нигде с вращением и сменой жары и холода вышел Северцев в пять часов утра по московскому времени в районе железнодорожных путей Курского вокзала, перепугав своим внезапным появлением бригаду машинистов, спешащих на работу.

Полчаса он отдыхал, сидя на штабеле старых шпал, обессиленный так, будто не ел целый месяц, и поплелся к вокзалу, радуясь, что бумажник с документами и деньгами лежит в кармане штанов. Через час он был дома...

Конечно, Северцев не раз пытался анализировать невероятную цепь случайных обстоятельств, которая привела к той ситуации, в которой он оказался. И в Монголии, и уже в Москве. Но так и не пришел к выводу, объясняющему все детали происходящего. Одно было совершенно ясно и не требовало особых доказательств: в руках Олега оказалось устройство, перебрасывающее владельца в «хронохвосты» реально существующих территориальных образований, таких, как города Астана и Москва. Все остальное представляло собой темный лес: отношения Крушана Сабирова и его жены с некими системниками, сами беглецы, их аппаратура, система, создающая такую аппаратуру. И хотя наука и техника в нынешние времена шагнули далеко вперед, разрабатывая такие невероятные области, как нанотехнологии, Северцев был абсолютно уверен, что до момента встречи с Крушаном в монгольской полупустыне он не знал о существовании таких устройств, как синхрон, устройств, каким-то образом манипулирующих временем. Мало того, Олег всегда считал, что время необратимо, изучив на своем веку немало научной литературы по этой проблеме. То же самое доказывали и ученые-физики, занимавшиеся теорией времени, какой бы они себе эту теорию ни представляли.

Позавтракав омлетом из трех яиц, это было все, что он нашел в холодильнике, Северцев позвонил Константину домой и, к своему удовольствию, застал молодого ученого дома.

— Привет, очкарик, как дела?

— Олег? — обрадовался Зеленский. — Вернулся? Ты же собирался быть в Москве только к концу июля. Нашел НЛО?

— Произошли кое-какие изменения в жизни, НЛО не нашел, расскажу при встрече. Ты идешь на работу?

— Я сегодня уезжаю на Байкал вместе с БР-группой. По свидетельствам очевидцев, туда свалился странный метеорит.

— Вот гадство!

Костя засмеялся.

— Да нет, все нормально, я привык мотаться по стране. Или ты имел в виду что-то другое?

— Я хотел показать тебе одну интересную штуковину и заодно поглядеть на нее через аппаратуру твоей лаборатории.

— Так подходи к нам через пару часов, я буду уже на месте. Начальство вызывает нас в девять для инструктажа, потом мы собираемся и к четырем едем в аэропорт Быково, где нас ждет самолет МЧС. Однако час времени я для тебя найду.

— Заметано. Жди после десяти.

Северцев повесил трубку, размышляя о том, что он будет делать до десяти часов, потом набрал номер мобильного телефона Виктора. К его удивлению, актер ответил так быстро, словно ждал его звонка и держал трубку возле уха:

— Олег? Ты где?!

— Дома, — ответил Северцев с невольной усмешкой, представляя физиономию друга.

— Где дома?

— В Москве, разумеется. Позже расскажу подробней, что произошло. Ты как?

Молчание.

— Я-то нормально, а вот ты... не шутишь? Точно говоришь из Москвы?

— Нет, шутками здесь не пахнет. Договорился с Костей, хочу показать ему синхрон. Да и со специалистом намереваюсь проконсультироваться.

— Черт! — сказал Виктор. — Не торопился бы ты с консультациями. — В голосе актера послышалось волнение. — В твои руки попала весьма опасная вещь, с ней надо быть очень осторожным. Подожди меня, не гони лошадей, вместе будем изучать возможности синхрона.

— Вряд ли я дотерплю до твоего возвращения. Да и чего переживать? Я не собираюсь рисковать, сам понимаю, что находка требует особого подхода. Но посоветоваться с физиками надо в любом случае.

— Не спеши, я сказал! — бросил Виктор с необычным озлоблением. — Мы тут сворачиваемся и возвращаемся. Завтра я уже буду в Москве.

— Почему? — удивился Северцев.

— Появились обстоятельства... приехали пограничники, устроили шмон, тебя искали... забрали карабин... а теперь выгоняют всех из страны. В общем, жди.

Телефон умолк.

Северцев подул в трубку, пожал плечами, раздумывая над новостями. Не нравились они ему, не нравился тон разговора и не нравилась реакция Виктора на сообщение о предполагаемых консультациях с учеными. Раньше Красницкий не давал подобных советов и не вмешивался в дела друга, да еще с такой категоричностью. Что там могло у них произойти? С какой это стати пограничники выдворяют съемочную группу за пределы страны, не имея на это полномочий? Но главное — почему Виктор так был возбужден, узнав, что его дружбан в Москве? Что скрывается за этими чувствами?

Телефон зазвонил снова.

Северцев уставился на него как на вестника несчастий. Осторожно снял трубку и услышал бесстрастный мужской голос:

— Олег Андреевич Северцев?

— Слушаю. Кто говорит?

Щелчок отбоя.

— Кто говорит? — машинально повторил Северцев, слушая гудки. И вдруг подумал, что кто-то просто проверил, дома он или нет. Правда, тут же пришла успокаивающая мысль: чушь! Один из знакомых решил узнать, приехал он из командировки или нет, звонок сорвался, и он сейчас перезвонит и назовет себя. Но особого успокоения эта мысль не принесла. Интуиция подсказывала, что срыв телефонного звонка не случаен. Да и голос в трубке был незнаком и необычен, словно с абонентом заговорил сам телефонный аппарат или компьютер. Во всяком случае, такого неприятного сухого голоса Олег никогда раньше не слышал.

— Тьфу на вас! — сплюнул он, подождал минуту, глядя на телефон, и пошел переодеваться.

В десять он подъехал на своей новой «Ауди»-«семерке» к четырехэтажному зданию на Мосфильмовской улице, принадлежащему Федеральному центру по изучению непознанных явлений природы, и предъявил дежурному на входе личный пропуск. Этот пропуск — нечто вроде карт-бланша — был ему выдан год назад лично директором Центра академиком Гредасовым «за вклад в развитие отечественной науки и открытия в области археологии». Академик уже не руководил Центром, так как был из-

бран президентом Российской Академии наук, на его месте работал другой человек, но пропуск продолжал действовать.

Константин ждал приятеля в лаборатории электромагнитного мониторинга, заставленной шкафами и стеллажами с аппаратурой. Ему исполнилось уже тридцать лет, но выглядел он гораздо моложе и смахивал на типичного студента-очкарика: небольшого роста, худой, бледный от недосыпания и недоедания, вихрастый, скуластый, с редкой растительностью на лице, называемой «интеллигентской бородкой» и призванной прибавить физику солидности. Правда, эффект эта бородка вызывала прямо противоположный, но Северцев предпочитал на эту тему с Костей не разговаривать, щадя его самолюбие.

Они обнялись, и Олег показал физику часы-синхрон, о чем тут же пожалел. Константин схватил часы, встопорщив брови, повертел в пальцах и чисто рефлекторно коснулся пальцем стеклянно-черного стерженька. И исчез! Причем выглядел этот процесс не как выключение голографического изображения человека — мгновенно, а с некоторым замедлением: фигура Кости заколебалась, стала полупрозрачной, по ней побежали радужные волны, как при интерференции света, и она растаяла! А перед глазами Северцева пронеслась вся его жизнь!

Он яростно цапнул рукой часы в руке Кости, но не успел. Выругался! Досчитал до десяти, выдохнул, сжал и разжал кулаки, успокивая нервы. Зажмурился изо всех сил, так что в глазах поплыли огненные кольца. Сказал глухо:

— Мэа кульпа[1]...

Что-то свистнуло, теплая волна воздуха толкнула его в грудь. Он открыл глаза.

В воздухе сформировалась призрачная текучая фигура человека, уплотнилась, брызжа сотнями небольших радуг, и превратилась в Константина, так и стоящего с протянутой рукой и отвисшей челюстью. На лице физика была написано такое изумление и ошеломление, что Северцев почти простил ему свой страх и нервный взрыв. Схватил синхрон, погрозил приятелю пальцем.

— Осторожнее, экспериментатор хренов, так можно и не вернуться! Меня до инфаркта чуть не довел! Ну, и что ты видел?

— Да ничего! — пришел в себя Константин, бледно улыбнувшись. — Темно, звезды какие-то, то жарко, то холодно... Потом будто бы помещение какое-то... пустое... Я понял, что влип, на-

[1] Мea culpa — моя вина (*лат.*).

жал кнопочку на часах... и оказался снова здесь! Что это за хреновина?!

Физик снова протянул руку за часами, глаза его за стеклами очков загорелись.

Северцев убрал руку с часами.

— Какую именно кнопочку ты нажал?

— Да разве я помню? Их там целых четыре штуки.

— Похоже, ты в рубашке родился. Если я все правильно понял, ты сначала включил синхрон на перемещение по черному трафику «оси S», а потом случайно запустил его назад по белой ветви. Нажми ты красную кнопку — выплыл бы в «хронохвосте» Астаны — и поминай как звали!

— Ничего не понял! Какой «хронохвост»? Какая Астана? Дай посмотреть...

— Э-э, нет, хорошего понемножку, — отступил Северцев. — Сначала дай слово ничего не нажимать. Я расскажу, где я эту хреновину нашел и где с ее помощью побывал, а уж потом начнем думать, изучать и анализировать. Называется же она синхроном.

Дверь в лабораторию открылась, в щель протиснулась голова какой-то бородатой личности.

— Ты скоро? — Личность увидела Северцева. — Здорово.

— Привет, — отозвался Олег.

— Буду через полчаса, — сказал Константин. — Грузитесь, я свое снаряжение сам принесу.

Бородатый скрылся, дверь захлопнулась. Зеленский закрыл ее на ключ, повернулся к Северцеву. В глазах его зажегся огонек азарта и нетерпения.

— Рассказывай!

— Дай слово — никому ни слова!

— Даю.

Олег поведал ему историю находки необычных часов и о своих походах в «хронохвосты» городов. Добавил после паузы:

— Это как-то связано со временем, хотя возникает масса вопросов. Если я появлялся в будущем...

— Судя по твоим словам, на будущее те места, где ты побывал, никак не тянут.

— Но и на прошлое тоже! Куда девались люди? Почему исчез транспорт? Ведь и в будущем и в прошлом все это должно быть! Разве что отличаться качеством техники и архитектуры. А тут здания стоят вроде бы и современные, но... забытые, потерявшие плотность и цвет, измученные какие-то.

Константин улыбнулся при слове «измученные».

— Я, к сожалению, не великий специалист по хронотеории, но кое-что изучал, читал и слышал. Существует много гипотез о природе времени: динамическая, реляционная, статистически-субъективная, матричная, субстанциональная, когерентно-локальная и так далее. Все они имеют своих приверженцев, апологетов и ниспровергателей, а главное — слабые стороны. Но есть еще одна гипотеза, очень экстравагантная, так называемая «концепция Феникса». Возможно, она как раз и отражает истину, если твои «путешествия во времени» не являются... гм, гм, галлюцинациями. Хотя могут быть и другие варианты. К примеру, ты побывал в каких-то «фазовых углах» времени, повернутых относительно нашего. Тебе бы с нашим боссом побеседовать, с Валерием Палычем Олейником, он доктор физматнаук и большой дока в теории времени.

— Познакомь, я его не знаю.

— Он сейчас в командировке, приедет через неделю, так что я смогу вас познакомить, только когда сам вернусь с Байкала. Но... черт! Голова кругом идет! Неужели это не розыгрыш? Дай подержать часики, я не буду нажимать на кнопки, честное слово!

Северцев не без колебаний протянул синхрон Косте.

— А что такое «концепция Феникса»?

— Совершенно сумасшедшая идея, — пробормотал физик, жадно разглядывая циферблат аппарата. — В соответствии с этой концепцией сзади нас — ничего! Пепел событий, пыль времен, иллюзия памяти. Вселенная вспыхивает каждое последующее мгновение... — он шумно вздохнул, возвращая часы Олегу, — и гибнет! Но успевает передать информацию о своем существовании следующей Вселенной, почти идеальной копии.

— Почему почти?

— Потому что не все может передаваться без искажений. Как можно идеально передать п р о ц е с с обмена энергией и информацией без потери каких-то элементов? По-моему, никак. Плюс «вмороженные» в ткань Мироздания вероятностные законы, закон возрастания энтропии и принцип неопределенности, плюс нарушения симметрии... Поэтому у нас и возрастает энтропия — своеобразные «шлаки» жизни Вселенной. В противном случае не возникло бы и жизни. Однако все это... — Константин пошевелил пальцами, — чей-то мысленный эксперимент, интересная задумка, не более.

— Да уж, фантазия у ее творца большая, — хмыкнул Север-

цев. — Даже представить трудно механизм передачи информации от Вселенной к ее копии. Разве что Богу это под силу. Значит, по этой гипотезе сзади нас ничего нет? А что, если Вселенная гибнет не мгновенно, а с какой-то задержкой? Сначала исчезает жизнь, потом искусственные постройки, потом природа, материя...

— Тебя, похоже, эта идея увлекла, — засмеялся Костя. — Жаль, нет времени на дискуссию. Есть о чем поговорить. Если эти часы — синхрон, то что и с чем они синхронизируют? Какие волновые процессы или квантовые резонансы? И кто изготовил такие часы? Ведь не частные лица, как ты сам понимаешь, и не монгольские пограничники. Это не под силу ни одному современному институту. Хотя я могу и ошибаться. Иногда о новых разработках узнают тогда, когда они уже применяются где-нибудь в войнах. Но если бы такое было возможно, то об этом уже давно говорили бы все. В наше время скрывать подобную инфорацию становится все трудней.

— Ерунда. Кому надо держать в тайне свои делишки, тот держит. Мы до сих пор узнаем что-то новое о войне сорок первого — сорок пятого годов, а прошло с тех пор уже пятьдесят лет.

— Ну, не буду спорить. Часы ты нашел действительно исключительно необычные. Я бы не удивился, окажись их обладатель каким-нибудь пришельцем.

— Никакой он не пришелец. — Северцев вспомнил черноволосого всадника, встреченного им в монгольской степи. — Он казах, а жена у него вообще русская.

— Да я не спорю. Эх, жаль, что я улетаю! С удовольствием помог бы тебе разобраться с твоим синхротроном.

— Синхроном.

— Один хрен.

— Синхротрон — это ускоритель электронов...

— Ладно, ладно, умник, я помню, что ты закончил МИФИ. Будешь исследовать находку? Можно просканировать ее на томографе, просветить рентгеном и померить характеристики. Хорошо бы еще откусить кусочек браслета для спектрального анализа материала.

— Да еще кислотой облить и нагреть до трех тысяч градусов, — добавил скептически Северцев, — чтобы посмотреть, что будет. Любишь ты активные эксперименты, с кувалдой и взрывчаткой.

— Кто же их не любит? — хихикнул Зеленский. — Работай пока, я буду собираться.

Он занялся своими делами, а Северцев направился к аппаратуре физического анализа, прикидывая, что он может использовать для изучения синхрона без риска сломать уникальный прибор.

За полчаса, пока Константин носился по лаборатории, исчезая за дверью и появляясь вновь, Олегу удалось измерить массу часов, четыреста двадцать граммов, и энергетику: излучали они как мощный аккумулятор на двести ампер-часов! Правда, излучение было не радиоактивным, а микроволновым, однако носить синхрон на руке при такой генерации не рекомендовалось.

Кроме того, Северцев попытался заглянуть внутрь аппарата с помощью портативного интроскопа, какими пользовались в аэропортах при досмотре груза, но экранчик интроскопа показал лишь сплошное черное пятно в форме паука. Деталей никаких Северцев не увидел. И браслета не увидел, будто тот для лучей интроскопа был абсолютно прозрачен.

— Ну, что? — сунулся к нему взмыленный Константин. — Определил что-нибудь? Материал браслета, корпуса часов?

— Приблизительные характеристики. Корпус часов, похоже, сделан из сплава тантала и ниобия, а браслет вообще из какой-то странной керамики с кучей органических соединений.

— Мы же не химики, — обиделся за лабораторию Костя, — поэтому и аппаратура стоит другая. Хочешь, я отведу тебя в сектор химбиологических исследований? Там у них есть все для химического анализа, враз определишь материал часов. Да и начальник сектора очень приятная молодая женщина.

— Не стоит привлекать других людей, — покачал головой Северцев. — Об этой штуке не должен знать никто из посторонних, только те, кто держит язык за зубами и кому можно доверять.

— Тогда я не знаю, как тебе помочь. В твоем Курчатовском у тебя не осталось знакомых? У них там тоже оборудование должно быть современным и классным.

— Знакомые есть. — Олег подумал о начальнике сектора, который хорошо отнесся к новому младшему сотруднику еще в начале карьеры Северцева. — Я поразмышляю. Возвращайся быстрее, будешь помогать. Только не трепись никому о находке.

— Могила! — прижал руку к груди Константин, умоляюще посмотрел на приятеля. — Может, рискнем включить синхрон вместе? Двоих он берет?

— Двоих... — усмехнулся Северцев. — Это же не такси и не

вертолет. Раз он сделан в виде часов с браслетом, то и предназначен для одного. Знаешь что, оставь мне ключ от лаборатории, а? Я поработаю еще немного после твоего ухода и сдам ключ на проходной.

Костя нерешительно взялся за нижнюю губу, помялся.

— Вообще-то делать этого нельзя, может влететь от начальства...

— Когда приходят остальные сотрудники?

— Обычно в десять они уже в лаборатории, но двое в командировке, Шурик едет со мной, тот бородатый, что заглядывал, а Дина Марковна болеет, вернее, у нее ребенок заболел, так что если кто и придет, то один человек — Аркадий Львович, а он появляется обычно после обеда.

— В таком случае никто ничего не узнает, я смоюсь отсюда не позднее двенадцати.

— Хорошо, — сдался Константин, — бери ключ. Только не поломай мне тут ничего, не взорви, а то уволят без выходного пособия или посадят.

— Обижаешь, студент.

Константин улыбнулся, ударил ладонью о ладонь Северцева, пожелал ему удач и скрылся за дверью с двумя тяжелыми сумками в руках. Северцев бросил взгляд на «нормальные» часы — одиннадцать без десяти, время еще есть — и включил лазерный спектроскоп. Затем ядерный магнитный томограф, использующийся для изучения внутреннего строения метеоритов и геологических образцов. Но посмотреть, что находится внутри синхрона, так и не смог. Экран томографа, как и экранчик интроскопа, показал лишь сплошное серое пятно, будто сердечко синхрона состояло из сплошного куска металла. Северцев догадывался, в чем дело: корпус аппарата имел защитный слой, отражающий все виды электромагнитных излучений, поэтому либо требовались более мощные излучатели, либо специальные методы, либо вообще только механическая разборка. То есть синхрон надо было разрезать на части, чтобы разобраться в его устройстве. Но, во-первых, это было чревато угрозой срабатывания защиты, а то и мощным взрывом, а во-вторых, Северцев вовсе не был уверен в том, что синхрон разбирается на части. Это мог быть единый механизм, точнее, механический организм, созданный с помощью нанотехнологий, и никакой «разборке» он не поддавался. При всем при том Северцев был уверен, что такими техно-

логиями не владеет ни одна страна в мире. Наука на Земле, а тем более техника, еще не дошла до реализации теорий времени.

С другой стороны, не верилось и в пришельцев, оккупировавших Землю и манипулировавших временем во имя своих загадочных целей. Ни Крушан с женой Варварой и дочерью Ладой, ни монгольские монахи и пограничники никоим образом не походили на пришельцев. Северцев был уверен в этом на сто процентов. Единственное, с чем он мог согласиться после долгих размышлений, так это с тем, что они могли работать на пришельцев или были закодированы ими и подчинялись на бессознательном уровне.

Поразмышляв еще немного, Олег отбросил эту версию в отношении Крушана и Варвары. Казах и его жена явно пошли против к о г о-т о, даже если это и в самом деле были пришельцы. А это означало, что они начали сопротивляться своим бывшим хозяевам и закодированными быть не могли.

Северцев усмехнулся сам себе, обнаружив склонность к литературному творчеству. По сути он разработал целый сюжет, сценарий ситуации, осталось только перенести сюжет на бумагу и написать роман.

— Посмотрим, — пробормотал он, выключая аппаратуру лаборатории, — я могу и ошибаться.

Дверь в лабораторию внезапно открылась, на пороге появился пожилой седой мужчина в коричневом костюме с галстуком. В руке он держал потертый портфель. Увидев Северцева, он остановился, с недоумением поднял брови.

— Вы кто?

— Здравствуйте, — сказал Олег, поборов желание ответить: путешественник в пальто. — Я друг Кости Зеленского. Он уехал в командировку, попросил, чтобы я подождал начальство, что я и делаю. Вы Аркадий Львович?

— Да, я Лорман, начальник лаборатории. — Седой подозрительно осмотрел помещение. — Странно, что меня никто не предупредил. А документы у вас есть?

— Естественно, я Олег Северцев, бывший инженер, теперь путешественник-исследователь. Может, вы слышали мою фамилию по ТВ.

— Слышал, но...

— До свидания. Извините. — Северцев откланялся. — Вы пришли, и я ухожу.

Он подал сбитому с толку руководителю Зеленского ключ от

лаборатории и вышел в коридор. Остановился, включая резервы слуха, и услышал торопливый голос:

— Охрана? Сейчас к вам подойдет высокий молодой человек с седой прядью, одет в джинсы, белую рубашку и жилет. Задержите его!

Северцев покачал головой, направился было к выходу из здания, но замедлил шаг, подумав, что ничего хорошего его задержание не сулит. Охранники Центра, возможно, и не станут его обыскивать, но вполне могут передать правоохранительным органам, а уж те непременно обыщут и найдут часы-синхрон. Что будет потом, угадать нетрудно. Кто-то случайно заденет кванкер... и начнется такая катавасия, что на свободу он выйдет нескоро.

Северцев оглянулся, увидев приоткрытую дверь лаборатории: Аркадий Львович, не то перестраховщик, не то трус, не то сотрудник неведомой «системы», наблюдал за ним в щель, не решаясь на прямые переговоры. Олег подмигнул щели и быстро зашагал по коридору к лестнице. А на лестничной площадке, воровато оглядевшись и никого не заметив, набрал координаты «хронохвоста» Москвы.

ГЛАВА 5

Три часа он бродил по тихой и пустой Москве, поражаясь отсутствию всякого движения в городе. Три часа искал хоть какое-то объяснение этому явлению, но так и не нашел. И не придумал. Синхрон явно перенес его во времени «назад», в Москву прошлого — то ли на год, то ли на месяц, то ли на мгновение, но этот перенос никак не вмещался в понятие «путешествие во времени». Отсутствие людей и техники невозможно было ничем объяснить, а «водитель»-компьютер синхрона, если и знал истинную суть процесса, внятно рассказать об этом Олегу не мог, будучи всего лишь электронным механизмом, настроенным на определенную функцию. Единственное, что понял Северцев из его коротких сообщений, появлявшихся в окошечке часов, касалось «синхронизации по «оси S». Этот процесс действительно не являлся «движением во времени», но был с ним связан определенным образом, синхронизируя волновые колебания организма Северцева с фазово-волновыми вибрациями природы — «в пределах квантового перехода». Что это такое — «квантовый переход», Северцев понял по-своему, принимая его за порцию вре-

менной длительности, отделяющей печальный «хронохвост» Москвы от Москвы реально существующей, наполненной движением и жизнью.

Чешуйчатую дымно-прозрачную колонну, с которой Олег познакомился в «хронохвосте» Астаны, он обнаружил и здесь, нависающую над городом апокалиптическим хоботом неведомого исполинского насекомого. Попробовал дойти до нее, но быстро убедился, что башня по мере приближения к ней как бы отодвигается, оставаясь недосягаемой и тревожащей душу громадой. Впечатление складывалось такое, будто она либо существует лишь в воображении наблюдателя, либо становится невидимой при взгляде на нее и проявляется, только когда наблюдатель отворачивается. Что, в общем-то, тоже указывает на психофизическую основу этого феномена.

Ради любопытства Северцев зашел на территорию Кремля, но не увидел ни одного колокола, ни часов на Спасской башне, ни Царь-пушки с горкой ядер. То есть ничего, что являло бы собой произведения рук человека, но при этом дома, башни, строения, Кремлевская зубчатая стена, также являвшиеся произведениями рук человеческих, стояли на своих местах как удивительные памятники самим себе или же декорации к какому-то чудовищному гротескному спектаклю, смысл которого был Северцеву недоступен.

Пришла пора возвращаться в «свое время», где бы это время ни находилось.

Северцев присел на ступеньки храма Василия Блаженного, потерявшего все свои великолепные краски, задумался над ситуацией. В принципе, в цейтноте он пока не находился и мог свободно перемещаться по Земле, используя синхрон. Если по следу и шли неведомые системники, они еще не вычислили местоположение беглеца и не знали, где его следует искать. С другой стороны, они вполне могли определить место жительства Северцева, координаты его друзей и ждать его где-то по этим адресам хоть год, так как в любом случае он должен был появиться в своей реальности. Надо было либо придумать нечто экстраординарное, чтобы не дать застать себя врасплох, либо готовиться к войне с преследователями и всегда быть начеку. Что, кстати, требовало повышенного расхода психической энергии.

— Шутки шутками, но могут быть и дети, — глубокомысленно произнес Северцев, вспоминая известного юмориста. — Не кажется ли вам, барон, что вы влипли по уши?

С территории Кремля донесся отчетливый треск, будто по каменным плитам шагала лошадь, цокая подковами.

Северцев поднялся, навострил уши.

«Лошадь» продолжала шагать, приближаясь. Появилось неуютное ощущение взгляда в спину, сопровождающееся холодным ветерком тревоги.

Надо было все-таки сначала вооружиться, мелькнула мысль, а потом уходить на «ось S».

Палец коснулся кнопочки прозрачно-стеклянного кванкера. В окошечке сообщений появилась бегущая строка: «Выходы на ось фиксированы».

Стоп, подумал Северцев, внезапно прозревая. До сих пор я перемещался по «оси S» только в пределах одного квантового перехода. То в «хронохвост», то обратно. А что, если попробовать другие цифры на циферблатах? К примеру, цифру 2.

Он перевел стрелочку на черном циферблате на цифру 2. Нажал кванкер.

— Вперед, испытатель машины времени!

Удар по голове!

Волна холода и тепла...

Удар в ноги...

Северцев зажмурился от световой вспышки и тут же открыл глаза.

Он стоял на вершине холма, окруженного серо-зеленым дремучим лесом, и смотрел на реку, текущую под холмом.

Ни Кремля, ни храма Василия Блаженного, ни города вообще! Ни одного здания или хотя бы хибары!

Ничего, кроме леса, зеленовато-желтых полей вдалеке, за рекой, синего пустого небосвода без единого облачка и солнца над горизонтом, бледного, нежаркого, усталого.

— Оба-на! — хрипло выговорил Северцев. — Заходите, гости дорогие, будьте как дома...

Тишина была ему ответом. Полная, всеобъемлющая, невероятная тишина. Примерно такая же, какая царила в местах выхода в «хронохвостах». Не пели птицы, не кричали суслики или другие мелкие животные, не свистел ветер в кронах деревьев. Тишина и неподвижность. Унылая обреченность. Мир еще не мертв, но уже болен. Или, может быть, е щ е болен?..

— Что здесь происходит, хотел бы я знать?!

Голос увяз в воздухе, не вызвав эха, и тихо умер в зарослях кустарника в десяти шагах.

Неужели это и есть б у д у щ е е, ожидающее человечество? Или все-таки синхрон действительно перемещает владельца по таинственной «оси S» куда-то в ином направлении? Не в прошлое и не в будущее? А, допустим, «в сторону»?

Запершило в горле.

Северцев кашлянул, еще раз кашлянул и еще, пока не понял, что организм реагирует на присутствие незнакомых запахов и на иной газовый состав атмосферы. Дышать этим воздухом было можно, однако в нем было гораздо больше азота и меньше кислорода.

— Если это будущее, то я — царь Иван Грозный, — пробормотал Северцев, озираясь.

Внизу, под холмом, к берегу реки вдруг вышел конь, понуро опустив голову, и начал пить воду, поводя боками.

— Мать честная, здесь водятся звери! — удивился Северцев. — Может быть, и люди рядом?

Он вознамерился было позвать хозяина лошади и прикусил язык, вовремя вспомнив о преследователях.

Тут тихо надо, сказал внутренний голос с саркастической ноткой, погрозив хозяину пальцем.

Северцев направился с холма к реке, еще не зная, что будет делать в последующие минуты. Приблизился к лошади, покосившейся на него с некоторой опаской, но продолжавшей пить.

— Не бойся, скакун, — негромко проговорил Северцев. — Давай знакомиться. Тебя как зовут?

Лошадь подняла голову, фыркнула.

— Понятно, лишние знакомства тебе не нужны. Не возражаешь, если я на тебе прокачусь?

Северцев сделал шаг, другой, третий, продолжая говорить медленно и ласково, коснулся бока лошади. По коже животного пробежала волна, однако лошадь осталась на месте, раздувая ноздри и косясь на человека фиолетовым глазом.

— Вот и хорошо, вот и славно, все здорово, мы подружимся. — Северцев запустил пальцы в гриву лошади, потрепал. — Судя по всему, ты не ходила под седлом, тебе может не понравиться, но уж ты потерпи...

Он погладил животное по шее, по морде, обнял, попробовал сдвинуть с места. Лошадь не сразу поняла, чего от нее хотят, но человек был добр и настойчив, и она подчинилась, направилась вверх по речному откосу.

— Отлично! — одобрил Северцев, подводя ее к замшелому валуну. — Теперь стой смирно, а я попробую сесть.

Лошадь прянула ушами, переступила с ноги на ногу, но не взбрыкнула и всадника не сбросила.

— Молодец, скакун, — похвалил ее Северцев. — Мы хорошо смотримся. Давай попробуем подъехать к тому туманному объекту на горизонте. Очень уж мне хочется взглянуть на него вблизи.

Лошадь зашагала с холма в низину, снова взобралась на холм и углубилась в лес, серо-зеленый, унылый, казавшийся присыпанным пылью и пеплом, заполненный тишиной и застарелым запахом заброшенности и обреченности.

Сначала Северцев пытался разглядеть в зарослях хоть кого-то, поймать движение, потом перестал и уговорил лошадь двигаться быстрей. Скакать без седла и удил было трудно, да и лошадь не привыкла нести на спине наездника, поэтому бешеной скачки не получилось, тем не менее через час они удалились от места выхода Северцева километров на двенадцать, и он убедился, что и здесь проявляется тот же феномен, свидетелем которого он стал при первых путешествиях по «хронохвостам». Туманно-прозрачная башня на горизонте, исчезающая в небе на большой высоте, не приблизилась ни на йоту, будучи такой же недосягаемой, как и раньше. Возможно, она существовала только в воображении Северцева, напоминая о его нахождении на «оси S», эфемерно проявлявшаяся в этом мире, похожем и не похожем на Землю. А потом Олегу пришла в голову мысль, что башня вполне может находиться вне Земли, за пределами орбиты Луны, и он долго обдумывал идею, пока не пришел к выводу, что в его положении без достоверной информации правомочна любая гипотеза. Идея расположения гигантской чешуйчатой башни за пределами атмосферы Земли была ничуть не хуже остальных. Хотя при этом сразу возникали вопросы: кто ее соорудил и зачем? Ответов же у Северцева пока не было. К тому же пришла пора решать, что делать дальше.

По натуре Северцев был человеком романтичным и увлекающимся. Встреча с Крушаном, находка синхрона и все последующие за этим события изумили его и привели в состояние почти детской восторженности: душа жаждала тайны и получила возможность жить ожиданием развязки удивительных событий. Вместе с тем путешественник имел большой жизненный опыт, опыт выживания в экстремальных условиях, прошел огни и воды, не раз оказывался на краю гибели, но с честью выходил из

труднейших положений и знал обратную сторону жизни — суровую, циничную, порой злобную, жестокую, где проявлялись худшие человеческие качества, выраженные формулой: человек человеку — волк!

Путешествия по «оси S», забрасывающие его в земные пространства, явно претерпевшие какие-то необычные изменения, по-прежнему приводили его в мечтательно-созерцательное состояние, но в то же время он прекрасно отдавал себе отчет, насколько они опасны и непредсказуемы, поэтому не расслаблялся ни на минуту и держал нервную систему в готовности «номер один». Способность адекватно реагировать на любые изменения окружающей среды — как природной, так и социальной — вошла в плоть и кровь, стала «седьмым чувством», частью нервной организации, и Северцев давно не задумывался над тем, как и что ему делать в той или иной ситуации. Решение приходило как бы само собой, интуитивно подмеченное и, как правило, верное. В данном же положении, в каком он оказался, нажав черную кнопочку синхрона, реагировать, в сущности, было не на что. Ничто не нарушало сонно-унылого спокойствия природы, ни одно движение не колебало заросли леса, звуки буквально застревали в воздухе и листве деревьев, мир до краев был наполнен меланхолическим ожиданием перемен.

Ночная природа на Земле тоже ждет рассвета, но это ожидание живое, предвещающее восход солнца и вспышку дневной жизни. Здесь же мир, в какой попал Северцев, пережил некую трагедию и теперь балансировал на грани небытия.

Проскакав еще километров десять по лесам и перелескам по направлению к туманно-исчезающей колонне на горизонте, Северцев спешился, похлопал поводящую боками лошадь по шее.

— Спасибо, друг! Иди, отдыхай, больше ты мне не понадобишься. Еще не все потеряно, раз ты встретился мне на пути. Где-то, наверное, пасутся твои собратья, а в лесах бродят другие звери. Единственное, что мне хотелось бы узнать: где твои хозяева. Куда вообще подевались люди? Если это будущее, то почему в нем нет человека? Или, может быть, писатели правы? Была война, и все погибли? Вымерли, как динозавры?

Лошадь фыркнула, опустила голову и начала щипать бледно-зеленую густую траву на склоне холма.

Откуда-то издалека прилетел короткий гром.

Северцев оглянулся, прислушиваясь, разглядывая с холма зелено-серое лесное море до горизонта. Гром не повторился. Но

чтобы выяснить, чем он вызван, и вообще разведать обстановку, нужен был транспорт и лучше всего — воздушный. А так как ни вертолета, ни воздушного шара, ни на крайний случай мотодельтаплана у Северцева не имелось, он решил отложить исследование этого мира на будущее. К этому походу следовало тщательно подготовиться.

Еще один рокочущий звук обрушился на притихший лес, породив недолгое заикающееся эхо. Гром... Гром?! Северцев вдруг понял, что звук больше всего похож на взрыв! А это, в свою очередь, указывало на присутствие в этом мире людей. Интересно, кто они? Такие же путешественники, как он сам? Аборигены, оставшиеся в живых после войны или вселенского мора? Неведомые системники, о которых предупреждала Варвара?.. Кстати, как она там, с дочкой? Успела убежать от монахов с пограничниками? Зачем выдала себя, предупреждая незнакомого ей человека об опасности? Была уверена, что сумеет скрыться от преследователей?..

В той стороне, откуда дважды прилетело эхо взрыва, зародился тихий, постепенно усиливающийся треск. А затем над лесом показался низко летящий вертолет в камуфляжной окраске, хищный, стремительный, грозный, с двумя подвесками НУРС и двумя кронштейнами с ракетами класса «воздух — земля». Он вильнул влево, вправо, подпрыгнул, нацеливаясь в сторону замершего на холме Северцева, и тот, холодея, сообразил, что вертолетчики з н а ю т, где он находится, и ищут именно его.

— Этого нам только не хватало! «Черная акула»!..

Олег метнулся в заросли дубняка под холмом, тут же сделал зигзаг, и вовремя: подвеска НУРС пыхнула стрелкой дыма, и на вершине холма расцвел веер огня, дыма и комьев земли. Грохнуло!

— Вот блин! Что я вам такого сделал?!

Северцев прыгнул в низинку, упал на траву под ствол давно рухнувшего дерева.

Грохнуло трижды, прошумело эхо, гул винтов вертолета изменился: он пошел по кругу, облетая холм с развороченной взрывами вершиной.

— Вот гад! Не отцепится ведь по-доброму! Был бы ПЗРК[1] под рукой, я бы тебе показал, кто здесь хозяин...

Еще серия взрывов, гораздо ближе первых.

Кажется, пора сматывать удочки, парни в вертолете взялись

[1] Переносной зенитно-ракетный комплекс.

за дело всерьез. Интересно, как они отыскали его? Неужели выходы синхрона действительно каким-то образом пеленгуются?

Северцев поправил браслет аппарата.

Выручай, машина времени!

Палец коснулся прозрачного стерженька.

Черное окошечко на циферблате синхрона зажглось желтым огнем, и на фоне светящейся желтизны побежали багровые буковки:

«Регистр «Е-оси» заблокирован».

Северцев чертыхнулся: это еще что такое?! Хотел нажать красный стерженек аварийного кванкера, но передумал и коснулся белой кнопочки. В позеленевшем окошечке сообщений появилась новая надпись:

«Укажите масс-координаты».

— Вперед! — пробормотал Северцев, снова нажимая прозрачный стерженек.

В окошечке поползла другая надпись из алых буковок — БМГ, которые Северцев считал аббревиатурой слов: «безопасность максимально гарантирована». Теперь осталось определить лишь шаг перехода. Поразмышляв пару мгновений, он крутанул кольцо фиксатора, устанавливая стрелку на белом циферблате на цифре 2.

Где-то совсем рядом рванул реактивный снаряд НУРСа. Вертолетчики обнаружили цель и готовы были ее поразить.

Северцев вжался в землю.

Чтоб вас! Не дадут сосредоточиться!

Рвануло, казалось, в метре от естественного укрытия, так что по стволу дерева забарабанили осколки снаряда, камни и комья земли.

К счастью, водитель синхрона уже настроился и включил режим синхронизации. Повторились ставшие уже привычными ощущения: темнота, удар по голове, волна тепла и холода, сжатие — растяжение, боль в ушах — и Северцев оказался посреди бескрайней степи, поросшей редкой, желтоватой и бледно-зеленой, хвощеподобной травой.

Леса исчезли!

Холмы оплыли.

Равнина казалась абсолютно плоской, хотя на самом деле была покрыта длинными трещинами и усеяна ямами наподобие карстовых. Таффон — всплыло в памяти название этих образований, обычно присущих известняковым породам.

Солнце висит низко над размытым горизонтом, раздувшееся, сплющенное и совсем бледное, неяркое, а рядом торчит исполинский «бамбук» — тающая в небе полупрозрачная серая башня, напоминающая удилище и одновременно ус исполинского живого существа. Небо в этой местности имеет тускло-фиолетовый, с оттенком сиреневого цвет. Вот, значит, как выглядит еще более «отдаленное будущее», ожидающее путешественника по «оси S» впереди!

Северцев открыл рот, дыша как вытащенная на берег рыба. Воздух здесь был, во-первых, не так плотен, как в родной реальности, а во-вторых, имел явно меньше кислорода и больше азота и углекислого газа. Дышать можно, только недолго.

Он прошелся по равнине, поднимая кроссовками облачка коричневой пыли на открытых местах, взобрался на невысокий холмик. Куда ни кинь взгляд — один и тот же унылый пейзаж: бугры, ямы, трещины, языки песка и трава. Лишь в обратной от башни стороне виднеется на горизонте понижение, отблескивающее синевой. Очевидно, там располагался какой-то крупный водоем, озеро, а то и залив моря. Можно попытаться дойти туда, по прямой до водоема не больше десяти-двенадцати километров, но есть ли в этом смысл? Был бы в распоряжении вертолет, можно было бы подняться повыше и сделать рекогносцировку местности. Однако и без того понятно, что Земля «впереди» по «оси S» выглядит как умирающая от старости планета.

Северцев вспомнил роман Герберта Уэллса «Машина времени». Его герою удалось посетить будущее на десятки миллионов лет вперед, а последнее путешествие вообще вынесло путешественника во времени к моменту угасания Земли. Правда, описание природы в романе не соответствовало тому, что видел сейчас перед собой Олег, но впечатление складывалось почти такое же: жизнь на планете этого периода времени почти исчезла, природа одряхлела и готова была перейти границу вечности. Знать бы точно — соответствует путешествие во времени передвижению по таинственной «оси S» или нет. Может быть, это есть передвижение в миры виртуальных состояний реальности?

Издалека прилетел едва слышимый рокот.

Северцев очнулся. И тут вертолет! Или просто проявление стихий? Проснулся вулкан, произошло землетрясение, на берег моря обрушилось цунами...

Нет, чепуха! Здесь давно ничего не происходит. А звук действительно похож на гул вертолета. Неужели и здесь существует

служба наблюдений за пространством, отмечающая появление гостей из других времен?

Рокот приблизился. Над горизонтом появилась черная точка, увеличивающаяся в размерах. Олег скрипнул зубами. Прятаться на равнине было негде, бежать не хотелось, но и подставляться под залп ракет тоже не было особого желания. Пора уходить.

Он сбежал с холмика в низинку, присел на корточки, отмечая необыкновенную легкость в теле. Сила тяжести в этом угасающем мире была процентов на двадцать меньше, чем на настоящей Земле. Итак, куда теперь? Домой? Или продолжить разведку «будущего»? Интересно, что там ждет меня еще дальше по «оси S»?

Палец коснулся кнопочки белого кванкера.

«Установите координаты резонанса», — потребовала алая надпись в окошечке аппарата.

— Еще на шаг дальше по «оси S», — пробормотал Северцев, поворачивая колесико фиксатора и устанавливая стрелочку на белом циферблате на деление с цифрой 3.

Вертолет выскочил из-за холма как вестник Апокалипсиса, но синхрон уже начал процесс перехода на «ось S», и пилоты не успели накрыть беглеца залпом НУРСов. Последнее, что отметило сознание Северцева, была форма винтокрылой машины: вертолет был другой, не российская «Черная акула» — К-50 фирмы Камова, которая преследовала его недавно.

Темнота... удар... волна жары, потом холода... боль в ушах... свет!

Серо-зеленая равнина, вся в рытвинах и дырках.

Черное небо с россыпью звезд и оранжевой дыней светила.

С неба сыплется снежок и испаряется, не долетая до земли. Жуткий холод! И дышать почти нечем. А вот двигаться легко и приятно, тяготение здесь, наверное, в два раза меньше земного. Разве что долго находиться в этом мире нельзя, либо задохнешься, либо замерзнешь... Зато здесь вряд ли летают вертолеты — слишком разрежен воздух. И то хорошо. Можно оглядеться спокойно. Куда я попал, однако? Земля это или не Земля?..

Что-то сверкнуло над горизонтом.

Северцев напряг зрение и увидел почти невидимый призрак гигантской башни, перечеркнувший небосвод. Она присутствовала и здесь, соединяя миры «оси S» эфемерной по внешнему впечатлению, но психологически достоверной стрелой. Может быть, это действительно своеобразная ось, на которую, как бусы на нитку, нанизаны похожие на земной миры?

В небе загорелся огонек, помигал и погас. Сработала интуиция, определившая в этом явлении некую опасность. Возможно, в атмосфере планеты плавал воздушный шар с наблюдателями, обозревавшими равнину, и кто-то из них сейчас рассматривал путешественника в бинокль.

Поехали отсюда! Нет смысла рисковать здоровьем и дожидаться появления системников. Мало ли чем они здесь вооружены.

Палец замер над черным стерженьком «возврата в прошлое». А что, если скакнуть вперед еще разок? Что изменится? В какое будущее он попадет?

Северцев установил стрелку фиксатора на цифру 4 и нажал белый кванкер.

В черном окошечке синхрона зажегся красный огонек.

«Предупреждение! — поползли в окошечке алые буковки. — Верхние регистры «S-оси» требуют внешней защиты».

— Что это значит? — озадачился Олег. — Какой такой защиты?

Подумав, он еще раз нажал на белый стерженек.

«Следующий резонанс соответствует горизонту распада макрообъектов с массой от ноль пяти до десяти геоединиц», — любезно сообщил синхрон.

— Что такое геоединица? Килограмм, что ли? Центнер? Черт, не знаю я, как тебя спросить, чтобы ты ответил.

Северцев еще раз нажал на белый кванкер.

В окошечке сообщений появилась новая фраза:

«Объект синхронизации должен быть защищен».

— Я так понимаю, что у меня должен быть какой-то спецкостюм? Скафандр?

Синхрон молчал. Он не понимал человеческого языка.

— Дурак электронный! Придется возвращаться.

Северцев собрался было нажать черный стерженек и передумал, вспомнив о Варваре с дочкой. По сути, он бросил их там, в «хронохвосте» Астаны с подбирающимися к убежищу убийцами. И хотя Варвара сама предупредила его, зная, чем рискует, а у него к тому же не было оружия, чтобы защитить ее и себя, все равно отступление выглядело некрасиво. Почему он не подумал об этом раньше? Ведь эта женщина — единственная, кто может помочь ему разобраться в «путешествиях во времени» и с обстоятельствами, им сопутствующими. Да и в этом ли счастье? В любом случае нельзя бросать человека в беде, кем бы он ни был. Даже если он не просит помощи!

Северцев облился потом, с досады ударил кулаком по колену,

наградив себя эпитетом «равнодушная скотина». Равнодушным он в принципе никогда не был, но эмоции требовали выхода, а винить в отсутствии заботливости о ближнем можно было только себя.

«Вы нажали аварийный кванкер», вспомнились слова Варвары. То есть — вот эту красную кнопку. Очевидно, выходы этого канала синхрона строго привязаны к местности и не требуют дополнительных манипуляций. Потому он и аварийный: нажал — и оказался в определенном времени и месте. Скорее всего, Крушан специально настроил аппарат таким образом, чтобы сразу прыгнуть в то место, где оставил жену и дочь. А первая остановка, испытанная новым владельцем синхрона, является просто запасным аэродромом, дающим человеку возможность избавиться от угрозы расправы и в спокойной обстановке настроить аппарат и окончательно уйти от преследования. Когда на Северцева хотели напасть монгольские пограничники, он тоже автоматически воспользовался аварийным кванкером и оказался в Астане.

«А если там засада?» — предостерег Северцева внутренний голос.

«Смыться я всегда успею», — пожал плечами Олег.

«Но ты безоружен!»

«Будем действовать по ситуации. Оружие можно отобрать у противника».

«Ты ненормальный!» — сказал внутренний голос.

— А то! — вслух проговорил Северцев, прекращая дискуссию с самим собой. Нажал кнопочку аварийного запуска.

Смена ощущений: тьма — жара — холод — растяжение — сжатие — боль — свет...

Свет, правда, был тусклый, попал он прямо в момент рассвета, но вокруг стоят глыбами дома знакомых очертаний, глаза ловят знакомые формы, нос — знакомые запахи, уши — глухую могильную тишину. Вот и здание с колоннами — аналог президентского дворца в Астане. Сомнений нет, он попал, куда и намеревался. Теперь надо определить, здесь ли еще монголы, оставили засаду или убрались восвояси, захватив — или не захватив — жену Крушана.

Северцев перешел в состояние боевого ожидания, которое учитель называл «полетом беркута», тенью переместился через площадь брошенного города к ближайшему переулку, держа палец на кнопке аварийного кванкера. Но все было тихо. Не звякало оружие, не доносились голоса людей, нигде ни огонька, да и интуиция молчит как партизан. Никого? Монголы-системники сделали свое дело и ушли?

Он обошел площадь, замирая у стен зданий, вслушиваясь в поразительную тишину города. Рассвет занимался какой-то уж очень робкий и прозрачный, и, лишь увидев между зданий бледное желто-голубоватое светило, Олег понял, что это взошла луна. Правда, в отличие от хорошо знакомого «родного» спутника Земли эта планета была вдвое больше и светила ярче. Скорее всего спутница Земли в этом мире просто находилась на более низкой орбите, но эффект получался необыкновенным. При взгляде на этот массивный светящийся шар с тенями морей и крапинами кратеров захватывало дух и сердце невольно сжималось от страха, что он сейчас начнет падать и сметет все на своем пути...

Северцев очнулся, прильнул к стене, прячась в тень. Показалось, что кто-то еле слышно окликнул его по имени. Простояв несколько минут в позе статуи, он с сожалением констатировал, что шепот ему почудился. Ни одно движение, ни один звук не нарушали глубокой усталой неподвижности города. Он был явно мертв и явно пуст. Никто не прятался за стенами домов и не разглядывал гостей города через прицел снайперской винтовки.

Олег бесшумно двинулся по переулку к тому кварталу, куда при расставании удалилась Варвара с дочерью. Остановился, все так же поддерживая организм в состоянии «вибрирующей энергетической струны». Никого... глухо... тихо... пусто... Неужели они забрали-таки Варвару с собой? Или просто убили и бросили?..

— Варя... — позвал он негромко, готовый к действию.

Тишина.

Луна поднялась выше, осветила улицу.

Северцев зашел в один дом, в другой, третий, не нашел никаких следов пребывания в них людей, вышел на середину улицы и крикнул во весь голос:

— Варвара!

Эхо крика метнулось между домами, погасло. Ни звука в ответ, ни шороха, угрюмое молчание пустого города.

— Варя! Это я, Олег!

— йа-йа... йег-йег...

«Нет ее здесь, — буркнул трезвый внутренний голос. — Раньше надо было заняться поисками».

«Сам знаю! — огрызнулся Северцев. — Она вполне могла уйти от этих бандитов на «ось S».

«Надейся...»

«Отстань!»

Обиженный внутренний голос умолк. Северцев вздохнул. Он не был уверен, что Варваре удалось убежать от преследователей,

но надеялся на благополучный исход конфликта, сути которого он не понимал. Пресвятая Богородица, помоги ей!

С час он рыскал по городу, заполненному призрачным лунным светом, продолжая искать женщину и ее дочь, потом почувствовал жажду, голод, усталость и прекратил поиски. Пора было возвращаться домой, в свое время. Но в душе он дал себе обещание найти Варвару во что бы то ни стало и вызволить из беды. Второму «Я», скептику и цинику, он объяснил свое желание необходимостью выполнить мужской долг, призывающий защищать слабых и беззащитных, хотя в глубинах души зрело иное чувство, признаваться в котором не хотелось никому, в том числе себе самому. Образ Вари будоражил память и заставлял сердце биться сильнее.

Луна коснулась краем почти невидимой чудовищной башни, и та оделась в пленку струящегося сияния, придав пейзажу выразительность гротеска — то ли творение неведомых исполинов, то ли природное образование.

Странно, что башня существует и в будущем, и в прошлом, подумал Северцев мимолетно. Почему же ее нет в настоящем? Неужели «ось S» действительно виртуальна и создана каким-то колоссальным компьютером? А синхрон переносит хозяина в это виртуальное игровое пространство? Кто же создал этот компьютер, кто разработал игру таких масштабов? Кто всем этим заведует?

На диске Луны появилась черная мушка. Издалека прилетело частое татакание.

Вертолет!

Они все-таки заметили его! Здорово у них поставлена служба наблюдения, ничего не скажешь. Права была Варвара, его синхрон пеленгуется. Означает ли это, что существуют синхроны других моделей, так сказать, «бесшумные»?

Палец утопил белую кнопочку «впередпосылающего» кванкера.

«Координаты резонанса?»

Северцев покрутил колечко вокруг прозрачного кванкера, устанавливая стрелочку третьего циферблата на цифре 1, потом таким же образом установил стрелку белого циферблата на такой же цифре, и снова нажал белый кванкер.

Привычная смена ощущений.

«Полет» по «оси S».

Выход!

Он оказался в залитой настоящим солнечным светом летней Москве. В том же месте, где и в первый раз. То есть на Воробьевых горах. Свидетелями его появления были трое обливающихся

потом мужчин, пьющих пиво под тентом с надписью «Клинское». Но вряд ли они поняли, что произошло на самом деле. Северцев отвернулся от них и скрылся за шеренгой кустов, отгораживающих паб от потока пешеходов на тротуаре.

Через час он был возле дома, подумав, что хорошо бы настроить синхрон таким образом, чтобы он перебрасывал его прямо в квартиру. Насколько проще было бы путешествовать по «оси S» и обратно, не рискуя нарваться на милицию или каких-либо дотошных любителей докапываться до истины.

Дверь в квартиру оказалась открытой.

Северцев толкнул ее рукой и замер, включая экстрасенсорику организма. Но квартира была пуста. Тот, кто взломал замок и проник в нее, уже покинул жилище путешественника, не оставив никаких следов. Кроме слабого з а п а х а чужого присутствия.

Если системники нашли адрес, они должны наблюдать за домом, мелькнула трезвая мысль.

Северцев дернулся к шкафу, где в специальном тайнике хранил спортивный «марголин» и три обоймы патронов к нему. Тайник был цел, пистолет лежал в промасленной бумаге, никто его не трогал. Олег протер оружие, зарядил, спрятал под ремень и рубашку на спине, потом успокоился. С одной стороны, если бы неведомые взломщики наблюдали за квартирой, они вызвали бы свой спецназ и тот уже был бы здесь. С другой стороны, их мог кто-то спугнуть или же они ждут, пока он окончательно расслабится, чтобы взять тихо, без шума, тепленьким...

Кто-то осторожно открыл входную дверь.

Северцев метнулся в прихожую, выхватывая пистолет...

ГЛАВА 6

Тетрарх триарху Среднеазиатского такантая.

Почему до сих пор не приняты меры по нейтрализации фактора нестабильности, связанного с делом Сабировых?

* * *

Он стоял под холодными струями душа до тех пор, пока кожа не покрылась мурашками. Вылез, растерся докрасна, побрился и появился в гостиной в халате, блаженно потягивая принесенный Николаем холодный брусничный морс.

Мастер Николай уже закончил вставлять замок в дверь и со-

бирал инструменты, выданные хозяином. Это именно он появился в квартире после возвращения Северцева из странствий по «оси S», когда Олег едва не принял его за одного из вернувшихся взломщиков.

Вообще-то Николаю Федоровичу Корнешову исполнилось уже сорок девять лет, но на памяти Северцева, три года занимавшегося когда-то с мастером рукопашным боем по особой системе, никто никогда не звал его Николаем Федоровичем — только Николаем и реже — мастером Николаем.

Был мастер кряжист, медлителен с виду, голубоглаз, носил темно-русые усы и бородку, длинные — до плеч — волосы и был очень похож на старика с картины Константина Васильева «Человек с филином», разве что намного моложе.

По его словам, он приехал в Москву из Питера по своим делам и зашел к бывшему ученику наудачу, после того, как не смог дозвониться ему по телефону. Он угадал зайти в квартиру точно в тот момент, когда взломщики покидали ее. Их было трое, с виду — обыкновенные граждане, коих можно встретить в любом городе Российской Федерации. Один постарше, в костюме и при галстуке, двое помоложе, в летних рубашках и легких брюках. Однако в их глазах светилась такая целеустремленная сосредоточенность и уверенность, что Николаю стало не по себе. Все трое остановились, разглядывая гостя Северцева без всякого смущения или волнения, закрыли за собой дверь и двинулись по лестнице вниз, не вызвав лифта.

— Я подумал, что ты вернулся, а они были у тебя в гостях и откланялись, — закончил свой рассказ Николай. — И лишь когда зашел в квартиру, понял, что они взломали замок. Бросился за ними, увидел отъезжавший серый «Судзуки», побежал было за ним... возвращаюсь — а ты дома. Где был?

Северцев подумал немного и рассказал бывшему учителю всю свою эпопею с находкой синхрона.

Теперь они сидели в гостиной и молча пили: Олег — морс, Николай — горячий зеленый чай.

— Если дела обстоят таким образом, тебе надо менять место жительства, — заговорил наконец Николай. — Твои недруги могут нагрянуть сюда в любой момент. Есть где остановиться на какое-то время?

Северцев неопределенно шевельнул плечом.

Николай понял.

— К родственникам и друзьям нельзя, их можно вычислить.

У меня в Москве имеется пара надежных парней, могу порекомендовать.

— В крайнем случае, я так и сделаю. Одного не могу понять: почему охотники за мной и Варварой так агрессивны? Я, конечно, не знаю, чем насолили им Крушан с женой, но ведь я-то ничего плохого не сделал.

— Ты оказался не в том месте и не в то время, — усмехнулся Николай. — Скорее всего, дело в этих часах, то бишь — в синхроне. Твои преследователи очень не хотят, чтобы правда об этом аппарате просочилась наружу, потому так торопятся ликвидировать утечку информации.

— Но вы мне верите?

Николай еще раз усмехнулся.

— В твоей убежденности я не сомневаюсь.

— Но это случилось со мной на самом деле!

— Возможно. Пока не знаю. Хочется верить, что так оно и было. Хотя вопросов при этом возникает много.

— Я сам мало что понимаю.

— Все в конце концов разъяснится.

— Хотелось бы верить, — повторил слова мастера Олег. — А о какой утечке информации вы говорите?

— Видимо, существует некая структура, тайно использующая в своих целях такие синхроны, и ты в ней — лишнее звено.

Северцев растянул губы в улыбке.

— Надеюсь — не самое слабое. В принципе вы, наверное, правы, мне тоже приходила в голову идея. Структура действительно существует и до сих пор справлялась с блокировкой доступа к своим секретам, я же оказался в районе ее функционирования случайно. Может быть, она отстанет, если я добровольно верну синхрон?

— Ты слишком много видел.

Северцев прищурился.

— Похоже, вы все-таки мне поверили. А если я все придумал?

Николай остался сдержанно-задумчивым.

— Такое очень трудно придумать. И мне кажется, что ты вляпался во что-то очень серьезное, связанное с большими людьми и большой властью. Тебя не оставят в покое.

Северцев пригорюнился.

— Черт меня дернул копаться в вещах Крушана! Говорил же отец: любопытство до добра не доведет... Но кто же знал, чем все обернется?

— Ты остался большим ребенком, Олег, — покачал головой учитель.

— Это плохо?

— Это и хорошо, и плохо. Душа ребенка жаждет приключений и тайн, но она не защищена и от негативных соблазнов. Мой школьный приятель, к примеру, был весьма любознателен и любил отрывать лапки у кузнечиков и протыкать лягушек иголками, чтобы посмотреть на их реакцию.

Северцев усмехнулся.

— Я так не делал.

— Иногда излишняя любознательность при отсутствии сострадания и ответственности приводит к большим человеческим жертвам. Надо четко осознавать, когда можно заниматься опасными исследованиями, а когда нельзя.

— Я понял. Что посоветуете делать?

— Пока что нам надо по-быстрому убраться отсюда. Собирайся, я позвоню приятелю.

Николай подсел к телефону. Олег начал собирать вещи, которые могли ему пригодиться в ближайшее время. Через полчаса сборы закончились.

— Я дозвонился другу детства, — сообщил Корнешов. — Зовут Анатолием Новиковым, живет в Измайлове. Можешь на пару дней остановиться у него.

— А потом?

— Потом видно будет. Ты кому-нибудь, кроме меня, показывал синхрон?

— Приятелю-физику из ФЦИНЯП, Косте Зеленскому.

Николай нахмурился.

— Это плохо. Надо предупредить парня о возможном появлении охотников.

— Системников. Костя отправился в командировку на Байкал.

— У него должна быть мобильная связь. Пошли, позвонишь от Толи. Больше ни с кем не делился своими открытиями? Отцу не говорил?

— Нет, ни отцу, ни друзьям. Если не считать Виктора. Но он сейчас в Монголии, заканчивает съемки фильма.

— Его тоже надо предупредить.

— Как только приедет... — Северцев не договорил.

Зазвонил мобильный телефон.

Северцев поднял бровь, посмотрел на учителя, включил трубку.

— Слушаю.

— Олег? Привет. Это Красницкий. Ты где?

— Привет, Виктор! — обрадовался Олег. — Я пытался тебе дозвониться, но не смог. Я дома, решаю кое-какие бытовые проблемы. Ты когда появишься?

— Я уже в Москве, готов встретиться. Жди, буду у тебя минут через сорок пять.

Северцев озадаченно посмотрел на Николая, сделавшего жест: меня нет! — прикрыл трубку ладонью:

— Виктор прилетел... неожиданно... хотя должен был, по идее, находиться в Гоби еще дня три. Что там у них случилось? Неужели пограничники заставили группу покинуть страну?

— Все могло произойти. Не говори, что я у тебя. Встретишься с ним — узнаешь. Только я настоятельно советую встречаться в другом месте, не дома.

Северцев поднес трубку к уху.

— Давай встретимся на Арбате, возле «Дома книги», мне надо срочно туда забежать. Заодно пообедаем вместе где-нибудь поблизости.

— Ты не один? — подозрительно спросил Виктор.

— Один, — соврал Северцев, — просто я уже выходил, когда ты позвонил. Договорились?

— Хорошо, — после паузы согласился Красницкий. — В три часа возле «Дома книги».

Разговор закончился.

— Что-нибудь не так? — прищурился Николай.

Северцев задумчиво склонил голову к плечу.

— Ничего не понимаю... Мы созванивались вчера, он был еще в Монголии, в лагере экспедиции, а это километров восемьдесят от Улан-Батора. За день не доедешь. А сегодня он уже в Москве.

— В наше время за сутки можно до Луны долететь.

— Все равно странно. — Северцев поймал изучающий взгляд мастера, встрепенулся. — Впрочем, я действительно скоро все узнаю. Вы со мной?

— Нет, у меня куча дел, — покачал головой Николай. — Если не передумаешь с ночлегом, звони Анатолию. — Он продиктовал номер телефона. — И будь осторожен. Вечером позвони мне по мобильному, попробуем разработать план действий в сложившейся ситуации.

— Спасибо, непременно позвоню.

Они вышли из квартиры: первым, соблюдая принцип преду-

преждения опасности, Николай, вторым Олег. Никто их не ждал и никто за домом не наблюдал, ни вблизи, ни издали. И тем не менее неприятное ощущение чужого взгляда, охватившее Олега при посадке в машину, так больше и не отпускало. Хотя при этом он действительно не заметил ни одной подозрительной личности. Возможно, это был эффект психологической нагрузки, заставляющий человека, который только что подвергался преследованию, переживать чувство и дальше.

Николай вылез из машины у метро «Краснопресненская», еще раз напомнил о приятеле. Северцев пообещал воспользоваться советом и поехал дальше. Машину он оставил в начале Поварской и сто метров до новоарбатского «Дома книги» прошел пешком, силясь вычислить слежку. Не сумел. Не помогло даже подключение экстрасенсорного восприятия. Если его и вели, то очень умело и тонко, профессионально.

Виктор ждал друга у входа в книжный магазин, одетый в шорты и белую футболку с изображением российского флага, загорелый до черноты и небритый. Увидев Олега, бросился к нему навстречу с плохо скрытым нетерпением, обнял, отстранил, оглядел с подозрением.

— Выглядишь ты неважно. Почему не захотел, чтобы я приехал к тебе домой? У тебя кто-то был? Женщина?

Северцев засмеялся, увлекая актера в магазин.

— Ты тоже выглядишь непрезентабельно. Никакой женщины у меня не было, а вот воры в квартире побывали, взломали замок, что-то искали. Пришлось вставлять новый.

Виктор помрачнел, кинул на друга странный взгляд.

— Ты уверен, что это были воры?

— Естественно, это были коллеги тех парней, которые охотились за мной в Гоби. Опытные, сволочи, никаких следов не оставили. Если бы в квартиру залезли обыкновенные воры, они нашли бы, что унести. У меня там одних сувениров тысяч на десять.

— Понятно. Наверное, так и есть. Но как они могли отыскать твой адрес?

— Пограничники знали мое имя, отчество и фамилию, остальное дело техники. Сейчас найти координаты конкретного человека по его фамилии не представляет большого труда. Единственное, что настораживает, это быстрота, с какой они меня вычислили. Не прошло и дня, как я тут объявился, а в квартире уже побывали гости. Похоже, система, связанная с употреблением синхронов, весьма мощная и разветвленная.

— Похоже, друг мой ситцевый, ты в большой заднице! На кой хрен тебе понадобилось ехать на место захвата этого Крушана?

— Я сам себя об этом спрашиваю.

— Не мала баба клопоту, да купыла порося. Сидели бы мы с тобой сейчас в пустыне, изучали бы НЛО, снимали картину...

— Что сделано, то сделано. Лучше расскажи, как ты здесь оказался. Вчера еще был под Сайн-Шандом.

— Прилетел тебя спасать, дурака. Ты зачем меня в магазин притащил? Поехали отсюда ко мне.

Северцев вспомнил о своем деле.

— К тебе не поеду. Если мне на хвост сели системники, они и к тебе придут. Подожди пару минут, я тут поговорю кое с кем, и пойдем обедать.

Виктор быстро схватил Северцева за рукав рубашки, но тут же отпустил, поняв, что выглядит его жест не совсем адекватным.

— А с тобой нельзя?

— Никуда я не денусь, — отмахнулся Олег. — Мне нужно встретиться с одним из менеджеров магазина.

— Ладно, подожду. Кстати, синхрон у тебя с собой?

— Спрятал в одном месте, — неожиданно для себя самого сказал Северцев.

— С ума сошел! Где?! — Красницкий встретил недоумевающий взгляд путешественника, отвел глаза. — Извини, я просто нервничаю. Никому синхрон не показывал?

Его вопросы перестали нравиться Олегу, хотя он и сам задал бы их непременно, поэтому ответил он уклончиво:

— Посоветовался кое с кем из физиков, есть интересные гипотезы. Но об этом мы еще поговорим.

— Поговорим... — глухо произнес Виктор, провожая спину друга, скрывшуюся в толпе покупателей. Достал мобильник...

Северцев поднялся на второй этаж магазина, прошел на территорию служебных помещений и отыскал в одном из кабинетиков Веру Максакову, с которой учился вместе в институте. Когда-то в годы молодости они даже целовались и какое-то время подумывали о свадьбе, но отношения свои так и не оформили официально. Потом дороги их разошлись, и Северцев иногда с сожалением вспоминал былое, подумывая, не возобновить ли старую связь. Вера ему нравилась, так как была симпатичной и очень мягкой женщиной.

— Привет, Север! — обрадовалась и удивилась она, назвав

Олега студенческим прозвищем. — Каким ветром тебя сюда занесло?

Северцев приобнял сидевшую за компьютером пухленькую беленькую Веру, поцеловал в щеку.

— Ты совсем не изменилась, Верочка. Рад видеть! А ветер меня сюда занес не совсем приятный. Ты еще не замужем?

Красиво изогнутые брови Веры прыгнули вверх, глаза стали круглыми.

— Что за вопрос, Северцев?! Неужели ты решил сделать мне предложение?

— Извини, — остался серьезным Олег. — Спрашиваю не от хорошей жизни. У меня изменились обстоятельства, и мне какое-то время надо пожить не дома.

Вера сдвинула брови, перестала улыбаться.

— Что случилось?

— Потом расскажу, хотя всего тебе лучше не знать. Примешь постояльца на пару дней?

— Ну, хорошо, — повела плечиком Вера. — Мама сейчас на даче, а Саша уехал к своим в Екатеринбург.

— Кто это?

— Муж, — простодушно ответила Вера. — Третий год живем вместе... в гражданском браке.

— Тогда лучше не надо. Ты не знаешь, какие у нас люди, живо сообщат муженьку, что ты привечала однокашника в его отсутствие, да еще подробности живописуют.

— Подумаешь, я не боюсь. Да и Саша мне верит.

— Нет, не стоит. Вот если бы у тебя была еще одна квартира...

— Могу дать ключ от Сашиной. У него однокомнатная в Химках. Он поймет. Правда, там у него сейчас живет двоюродный брат...

— Это не годится, — с сожалением сказал Северцев. — Я брата стесню, да и мне не очень удобно. Всего-то и нужно пристанище на пару дней-ночей, а там уж я что-нибудь придумаю.

— Тогда я не понимаю твоих колебаний. Можешь жить у меня хоть неделю, Саша вернется только десятого августа. Ты один?

Северцев понял вопрос, улыбнулся.

— В отличие от тебя, я не женат. Да и кто пойдет за путешественника, вечно странствующего по свету? Лучше тебя я так никого и не встретил.

— Льстец, — засмеялась Вера с некоторой неестественно-

стью. — С комплиментами у тебя всегда было хорошо. Заезжай за ключом вечером, после девяти.

— Спасибо. — Северцев поцеловал руку женщине. — Ты настоящий друг, Максакова! Закончится мое очередное... приключение, и я приглашу тебя в ресторан. Ну, пока, я побежал.

— Рассказал бы о своем житье-бытье.

— Вечером, если не возражаешь.

Северцев махнул рукой и вышел из кабинетика, оставив задумчиво смотревшую ему вслед Веру.

Виктор ждал его у выхода из магазина, нетерпеливо посматривая на часы.

— Сказал — на пару минут, а сам отсутствовал все пятнадцать. Кто здесь у тебя работает?

— Бывший однокашник. Пошли обедать, там поговорим.

Они вышли из магазина, перешли на другую сторону улицы и толкнули стеклянную дверь кафе «Арбат». Северцев еще не бывал здесь, но в данный момент выбирать не приходилось.

Заняли столик, сели. Подошел официант, предложил меню. Красницкий небрежно пролистал его, отложил в сторону.

— Ты так и не сказал, зачем ходил к однокашнику в книжный.

— Я у него кое-что попросил.

— Если денег, то мог бы попросить у меня.

— Деньги у меня пока есть. Мне нужно какое-нибудь оружие.

Виктор покосился на друга с хмурым недоверием.

— С кем ты собрался воевать?

— С преследователями, естественно.

— А не лучше было бы привлечь к этому делу спецслужбы? Может, тебе стоит пойти в ФСБ и все рассказать? Неужели не понимаешь всей опасности ситуации? Тебя хотят не просто догнать и предупредить, тебя хотят убить!

— Понимаю, — отрезал Северцев, подзывая официанта, — но к чекистам не пойду. Пока сам не разберусь, что происходит.

— Ну и дурак! Я бы на твоем месте пошел. Причем прямо к директору! Только он может гарантировать твою безопасность. Хотя... есть другой вариант.

— Какой?

— Найти этих твоих системников и отдать им синхрон, пообещав никому об этом не болтать. Может быть, они отстанут.

Северцев скептически глянул на поглаживающего череп актера.

— Ты сам-то веришь в то, что говоришь? Произошла утечка

информации, и ее будут нейтрализовать всеми доступными способами. Добровольно отдать синхрон — все равно, что добровольно вырыть себе могилу. Нет уж, дружище, я еще посопротивляюсь. Даром, что ли, прошел школу выживания? Вот когда исчерпаю свои возможности, тогда подумаю над твоими предложениями. Кстати, ты тоже будь осторожен. Мои недруги запросто могут выйти и на тебя, чтобы с твоей помощью выяснить мое местонахождение.

Официант принял заказы, и вскоре друзья обедали, на время прервав беседу. Красницкий насытился первым, откинулся на спинку стула, держа бокал с минералкой.

— Куда ты поедешь теперь?

— Хочу навестить одного приятеля отца, он работает в оружейной мастерской, изобретает новые образцы пистолетов. У меня есть старый отцовский «марголин», но все же это спортивный пистолет, а не боевой. Мне же нужен аппарат посерьезней. Кстати, ты привез мой карабин?

— Ни хрена я не привез! Почувствовал, что ты в беде, оставил ребят и сорвался в Москву.

— Ты же говорил, что на вас наехали монгольские погранцы, отобрали документы, требуют покинуть страну...

— Я преувеличил. Все почти разъяснилось, но оставаться там я не мог.

— А как же съемки?

— Остальные эпизоды они доснимут и без меня. Дня через три-четыре приедут и карабин твой привезут. Ты все-таки намерен и дальше экспериментировать с синхреном?

— Синхроном, — поправил друга Северцев с улыбкой. — Ты же знаешь, я человек ответственный и настырный, пока не доведу дело до конца — не отступлю.

— До какого конца? — скривился Виктор. — До гробового?

— Все! — затвердел лицом Северцев. — На эту тему больше не базарим, нет смысла. Ты сейчас со мной или нет?

— Скорее всего нет. Мне надо срочно заявиться в Союз[1]. Но к вечеру освобожусь. Встретимся?

— Я тебе позвоню.

Расплатившись, вышли из кафе.

Было видно, что Виктор колеблется, решая какую-то проблему, но никак не может прийти к однозначному выводу. Он как-то

[1] Союз кинематографистов.

странно посматривал на Северцева, дважды коснулся рукой борта светлого пиджака, как бы ощупывая находящийся в кармане документ, но так ничего Олегу и не сказал. В переходе они расстались.

— Не рискуй, — сказал актер на прощание, погладив гладкую голову характерным жестом. — Звони, если заметишь что-либо...

— Что? — хмыкнул Олег.

— Мало ли... слежку, например, — вывернулся Виктор. — И лучше бы ты отдал свой синхрон мне... на время, пока ты решаешь свои проблемы.

— Спасибо, каскадер. — Северцев ударил ладонью по подставленной ладони. — Пусть уж они гоняются за мной, а не за нами обоими.

— Как знаешь. Буду ждать звонка. Обязательно позвони.

Виктор повернулся и скрылся в потоке пешеходов. А Северцев вдруг вспомнил его жест — пальцы к борту пиджака — и подумал, что у Красницкого под мышкой, вероятнее всего, находился пистолет. Уж очень похоже было, что он не решается его... что? Отдать другу для его защиты? Или выхватить и сказать: хенде хох! Отдавай синхрон!

— Чушь!.. — вслух проговорил Северцев, заметив взгляд шарахнувшейся от него пожилой женщины, виновато посмотрел ей вслед. — Извините...

В машине он еще раз проанализировал разговор с Виктором, с досадой признал в душе, что так и не узнал, каким образом Красницкому удалось так быстро вернуться в Москву из Монголии, и поехал по адресу, который ему дал Николай. Каким бы странным ни казалось поведение Виктора, на этого человека всегда можно было положиться. Предать друга он просто не мог.

Приятель Николая подполковник милиции Анатолий Новиков оказался спортивного вида здоровяком с коротким ежиком седоватых волос и внимательным взглядом. Дома он находился по причине отпуска и встретил гостя радушно.

— Мне звонил Николай, просил помочь. Проходите, располагайтесь. Чаю хотите? Кофе?

— Нет, спасибо, я только что пообедал. Николай говорил, в чем будет выражаться помощь?

— Да, конечно. Присядьте.

Хозяин скрылся в коридорчике. Квартира у него была трехкомнатная, старая, но уютно обставленная. Чувствовалось, что за ней ухаживают женские руки. Северцев с любопытством ос-

мотрел гостиную, остановил взгляд на стеклянном шкафу с какими-то кубками, статуэтками и медалями. Подошел ближе. Фотография молодого человека в рамочке, еще одна — он же постарше, с медалью на шее. Только теперь Олег понял, что это фотографии хозяина квартиры в молодости. Судя по всему, он был большим спортсменом, а точнее — борцом-вольником!

Вернулся Анатолий Романович с коробкой в руке.

— Интересуетесь?

— Я гляжу, вы были мастером.

— Я им остался, — улыбнулся Новиков. — Разве что кондиции уже не те в пятьдесят лет. Но еще могу потягаться с молодыми. Вы борьбой не увлекались?

— Три года занимался с Николаем. Хотя с моим ростом лучше было бы заниматься баскетболом.

— Что ж, тренинг у Николая многого стоит. Я тоже когда-то работал с ним несколько лет. Выбирайте, что вам нужно. Можете взять все.

Северцев раскрыл коробку.

Внутри лежал пистолет — старенький «макаров» с тремя обоймами патронов, а также боевой комплект ниндзя: метательные пластины, стрелки, игадами, два сая и кошка с мотком бечевы.

— Могу предложить также Н-комбез и духовое ружье, — сказал Анатолий Романович, уловив взгляд Северцева.

Тот покачал головой.

— Спасибо, не потребуется. И этого вполне достаточно. Извините за любопытство, откуда у вас эдакое богатство?

— Я бывал в Японии, — усмехнулся подполковник. — Встречался с их борцами. С одним из них подружился, и он мне подарил ниндзя-комплект. А пистолет — именной, от отца остался, был подарен ему министром за проведение операции. Отец тоже милиционером был. Надеюсь, пистолет послужит праведному делу.

— Только для защиты, — подтвердил Северцев, — и только в случае суровой необходимости. Пожалуй, я возьму все, кроме саев. — Он вытащил из коробки трезубцы на рукояти с длинным центральным клинком и короткими боковыми.

— Могу предложить еще хорошой охотничий нож, скиннер.

— Благодарю, нож у меня есть, финский хакман, отец привез.

— Что ж, чем богаты, тем и рады. Может, все-таки присядете, чайку попьете? Я добавляю в него кое-какие травы, не пожалеете.

Северцев подумал и согласился. Обижать подполковника не

хотелось. Несмотря на суровую внешность, был он приветливым человеком и не боялся ответственности.

Чаепитие длилось полчаса в неторопливой беседе. Поговорили о глобальном изменении климата: в европейской части России климат явно изменился в сторону резко континентального; о политиках: сошлись во мнении, что честных политиков не бывает; о возрастании количества техногенных катастроф: Анатолий Романович предположил, что природа мстит человеку за игнорирование ее интересов; и Северцев откланялся, поблагодарив хозяина за гостеприимство. Когда он уже пожимал руку Анатолию Романовичу, зазвонил телефон. Подполковник снял трубку.

— Алло?

Заминка.

— Алло, я вас слушаю.

Тишина в трубке, гудки отбоя.

Подполковник пожал плечами, положил трубку.

— Молчат.

— До свидания, — сказал Северцев. — Огромное спасибо за помощь!

— Звоните, если понадобится что-нибудь еще.

Северцев спустился к машине, размышляя над «пустым» звонком подполковнику. Это мог быть и случайный вызов, если кто-то перепутал номер, но могли позвонить и таинственные недоброжелатели путешественника, проверяющие тех, к кому он мог зайти. Правда, уж слишком быстро они нашли адрес квартиры Новикова, проявив неслыханную оперативность. Чтобы так быстро определить координаты беглеца, за ним надо непрерывно следить, а этого не чувствовалось.

Сев в кабину «Легенды», Северцев машинально посмотрел на часы, затем достал синхрон. В окошечке сообщений горели три буковки: БМГ. Что бы это значило, шьерт побьери?

Выехав со двора, он повернул в сторону Щелковского шоссе, размышляя, куда отправиться. Шел всего лишь шестой час вечера, и ехать в принципе было некуда. Можно было, конечно, попытаться разыскать Виктора, однако Северцев почему-то не испытывал желания встречаться с другом. Сомнения в его искренности нет-нет да и всплывали в глубине души, хотя Олег старался об этом не думать. Не верить Красницкому, никогда его не подводившему, было все равно, что не верить самому себе. Объяснение удивительно скорого возвращения Виктора из экспедиции

существовало, и Олег надеялся при встрече узнать правду из уст приятеля.

Светофор, поток машин. Сзади мелькнула серая «Нексия». Кажется, он уже видел эту машину.

Не дожидаясь включения зеленого света, Северцев выехал из правого ряда машин, обогнал поток и первым повернул на шоссе, тут же вдавив в пол педаль газа. «Нексия» отстала, но спустя два светофора снова пристроилась сзади.

— Вот вам и ответ, — вслух пробормотал Северцев, осознавая, что за его машиной ведется слежка. Попытался оторваться.

«Нексия» отстала. Зато вскоре появился белый спортивный «Фольксваген-Гольф», упорно державшийся сзади, и это уже означало, что ведут Северцева плотно, на нескольких машинах, и что вскоре поступит команда на задержание водителя «Легенды». Задержание же и объяснение с оперативниками неизвестной спецгруппы не входило в планы Олега, поэтому он решил упредить события.

До площади трех вокзалов он ехал быстро, но осторожно, не совершая никаких попыток оторваться от преследователей. Подъехал к светофору первым, но как только зажегся красный свет — рванул с визгом шин вперед, лихо ушел вправо под железнодорожный мост и погнал машину к Садовому кольцу. Там тоже не стал ждать, пока загорится зеленый, втиснулся в поток автомобилей и свернул к институту Склифосовского, остановив машину в парке на территории института, за стеной кустарника.

Ни белый «фольк», ни серая «Нексия», ни другие иномарки и отечественные лайбы за ним не последовали. Его маневр застал преследователей врасплох, среагировать на него они не успели. Хотя Северцев прекрасно понимал, что все зависит от их возможностей, а не от его реакции. Если в него вцепилась спецслужба типа ФСБ, рано или поздно она должна была снова обнаружить беглеца.

— Это вам не мелочь по карманам тырить, — сквозь зубы процедил Северцев, решая, что делать дальше. Устраивать гонки не хотелось, но еще больше не хотелось быть дичью для каких-то серьезных охотников.

— Знать бы, кто вы такие и зачем меня... — слова застряли в горле.

К главному корпусу Склифа медленно подъехала серая «Нексия». За ней так же медленно подкатил белый «Фольксваген».

Водители и пассажиры обеих иномарок еще не видели машины Северцева, но обнаружить ее было делом минуты.

— Вот собаки бешеные! Как же вы мне надоели!

Олег вылез из кабины, прихватив коробку с оружием, переданным Анатолием Романовичем, запер машину, надеясь в скором времени вернуться за ней, и шмыгнул за кусты, к забору. Обошел беседки с больными и посетителями клиники, приблизился к двухэтажному корпусу с цифрой 3 на фасаде, быстро скользнул внутрь. Корпус охранялся, но Северцев показал коробку охраннику в голубой форме, с улыбкой сказал: «Попросили поднести анализы», — и средних лет толстяк молча отступил в сторону. Северцев поднялся на второй этаж, с удовлетворением отметив отсутствие шастающих туда-сюда больных и медсестер, нашел туалет и заперся в кабинке. Там он рассовал по карманам оружие, нацепил синхрон на запястье левой руки и нажал красную кнопочку аварийного кванкера. Решение созрело еще в машине, теперь же оно окончательно сформировалось и превратилось в план действий. Надо было во что бы то ни стало отыскать Варвару и выяснить все обстоятельства, приведшие к их встрече в «хронохвосте» Астаны, столицы современного Казахстана.

Темнота обрушилась на голову как крышка канализационного люка...

ГЛАВА 7

Триарх угларху мигран-зоны Центрального такантая.

Немедленно и максимально убедительно нейтрализуйте объект А-влияния Олега Андреевича Северцева и возникшую в связи с ним информационную опухоль.

* * *

Синхрон послушно перенес его в тот же район «хронохвоста» Астаны — на центральную площадь города, что и раньше.

Здесь все оставалось по-прежнему, разве что солнце на безоблачном небе склонялось перейти момент полдника, да поближе к зданию президентского дворца виднелись свежие воронки. Вероятно, здесь кто-то совсем недавно баловался стрельбой из гранатомета.

Варвару с дочерью Северцев не нашел, хотя был терпелив и потратил на поиски больше трех часов, обследовав здания вокруг

площади в радиусе двух километров. Впрочем, он и не рассчитывал найти здесь жену Крушана, явно избегавшую встреч, однако вынужден был заниматься поисками ради очистки совести. Его план предусматривал неудачу и предполагал иное развитие событий. Убедившись, что Варвары в «хронохвосте» нет, он занялся настройкой синхрона, чтобы попасть в нужное место и в нужное время. По его расчетам, Варвара вполне могла вернуться домой, то есть в «реальную» Астану, поэтому стоило поискать ее там.

Северцев уже освоился с работой синхрона и особого волнения при его включении не испытывал. Аппарат синхронизации неких «фазовых резонансов» в общем не казался уж чем-то сверхэкзотическим и необычным, отражая, по сути, состояние современной земной техники. Правда, при первой встрече Варвара кинула загадочную фразу об «устаревшей модели синхрона», что предполагало наличие более современных аппаратов, но так как других Северцев не видел, то довольствовался своим.

Устроившись на бордюре высохшего бассейна перед зданием с колоннами, он приступил к реализации своего плана. Коснулся пальцем белого стерженька.

В черном окошечке зажегся зеленый огонек. Синхрон принял первое указание и был готов к работе.

Северцев нажал прозрачный кванкер.

В окошечке зажглись знакомые буковки БМГ. Что бы они ни означали, главное — при их появлении синхрон переносил владельца на «ось S» в пределах того района местности, в котором в данный момент тот находился.

— Теперь попробуем набрать координаты выхода, — сказал Северцев, вращая колечко вокруг белого стерженька. Стрелочка белого циферблата застыла на цифре «ноль». Задержав дыхание, Олег нажал белую кнопочку... и спустя несколько секунд сообразил, что следовало сначала прикинуть последствия перехода, а уж потом включать аппарат.

Синхрон точно выполнил указание человека — переместил его (неважно, что этот процесс назывался почему-то синхронизацией) в столицу Казахстана, причем на площадь перед президентской резиденцией ранним утром, когда уже по ней шли первые пешеходы. Возникнув возле бассейна, заполненного водой — в центре его работал великолепный фонтан, — Северцев до смерти перепугал пожилую пару, прогуливающуюся под руку в трех метрах от него, и удивил молодого человека, пересекающего площадь на велосипеде. Лишь после этого он понял, что вклю-

чать синхрон следует в безлюдных местах, чтобы не напороться на представителей органов правопорядка и нежелательных свидетелей. В данном случае ему еще повезло, что он не выбрал местом перехода ступени дворца. Охрана здания тотчас же обратила бы внимание на «привидение», и пришлось бы убираться отсюда в аварийном порядке.

Извинившись перед стариком-казахом и его женой, разглядывающих выскочившего из воздуха высокого молодого человека с гривой темно-русых волос, Северцев поспешил пересечь площадь и скрылся за углом здания, в котором располагался гастроном. Он уже осознал свою ошибку и поклялся в будущем тщательно рассчитывать свои шаги по «оси S».

Вывески на магазинах и учреждениях города, в котором он оказался, были написаны на казахском и реже — на русском языках, из чего Олег сделал вывод, что он попал туда, куда надо. Теперь оставалось найти дом Крушана Сабирова и его друзей. Кто-то из них или соседи вполне могли подсказать, где скрывается Варвара с дочерью.

В Астане Северцев бывал лишь однажды, поэтому ориентировался в городе слабо. Но здесь жил, во-первых, давний знакомый Олега, с которым он не раз встречался в Петербурге и Москве, а во-вторых, в столице Казахстана располагалось представительство отцовской нефтяной компании. Так что надежда на помощь у Северцева была.

Начал он с поисков знакомого, которого звали Талгат Нигматуллин. Талгат был татарином, но всю жизнь прожил в Казахстане и менять подданство не захотел. Ему, как и Олегу, исполнилось тридцать лет, он тоже учился у мастера Николая искусству выживания и рукопашному бою, но не путешествовал, как Северцев, поставивший целью посетить все экзотические уголки земного шара, а занимался предпринимательской деятельностью — торговал медикаментами. У него в Астане, да и вообще в республике, была своя сеть аптек, он имел хорошие связи с российским «Ферейном» и «Госмедом», и, по словам самого Талгата, дела у него шли неплохо.

Северцев зашел в первую попавшуюся на пути аптеку, работавшую все двадцать четыре часа в сутки, попросил аптекаря позвонить, — свой мобильный требовал зарядки, к тому же Олег не помнил индекса роуминга Казахстана, — и набрал номер мобильного телефона приятеля.

Заспанный голос ответил через две минуты:

— Але, Нигматуллин на проводе. Кто звонит?

— Догадайся с трех раз, — ответил Олег со смешком. — Северцев это. Извини, что разбудил.

— Олег?! — ахнул Талгат. — Вот так сюрприз! Откуда звонишь?

— Из Астаны.

— Амени баласы ахмат! Прости, это я от избытка чувств. Почему не предупредил, что прилетишь? Я бы встретил.

— Так получилось... неожиданно. У тебя найдется минутка, чтобы поговорить?

— Обижаешь, мастер! Ради тебя я брошу все дела и жену!

— Жену не надо.

— Да я и не женат. Ты где сейчас территориально?

— В центре, недалеко от ЦУМа.

— Жди, я тебя подберу. Серебристая «Шкода-Фабия».

В трубке запиликали сигналы отбоя.

Северцев положил трубку.

— Все хорошо? — сказал по-русски черноволосый, черноглазый, приветливый аптекарь.

— Де-факто, — улыбнулся Северцев. — Спасибо, вы мне очень помогли.

— Не за что, заходите еще.

Талгат приехал на новенькой серебристой «Шкоде» буквально через двадцать минут — в одних шортах и футболке. В свои тридцать лет он выглядел на двадцать с хвостиком: живой, порывистый, брызжущий энергией. Обнял Северцева, похлопал его по спине.

— У нас тут днем до сорока, а ты в брезенте. Снимай все, а то потом изойдешь.

— Ничего, не изойду, я умею регулировать температуру тела.

— Меня Николай тоже учил этому искусству, да, наверное, ученик ему попался бестолковый. Садись, поехали ко мне, я тут недалеко живу, на Бухарской. Ты вообще надолго в столицу приехал?

— Как получится.

Они сели в машину.

— К тебе я, конечно, загляну, — продолжал Олег, — но совсем ненадолго. Срочные дела. И позвонил я наудачу, нужна твоя помощь.

— Без проблем, сделаю все, что надо. — Талгат включил двигатель и тронул машину с места. — Рассказывай, что случилось.

— Мне позарез необходимо найти одного человека.

— Найдем, Андреевич, подключим полицию, службу безопасности, если понадобится, и найдем.

Северцев улыбнулся.

— У тебя такие связи?

— А ты как думаешь? Чтобы в наше время в нашей стране можно было спокойно работать, нужно иметь крутую «крышу». У меня «крыша» — местная муниципальная полиция.

— К сожалению, официальные органы привлекать нельзя, и не спрашивай — почему.

— Хорошо, не буду. Что за человек, которого тебе надо найти? Мужчина, женщина? Бизнесмен, спортсмен? Добропорядочный гражданин, бандит?

— Фамилию Сабиров слышал?

— По-моему, начальник нашей президентской администрации — Сабиров. Это он?

— Моего зовут Крушаном, у него жена Варвара и дочь Лада.

Талгат с удивлением посмотрел на пассажира.

— Точно, он! Откуда ты его знаешь?

— Встречались однажды.

— Понятно. Ну, его адрес найти легко. Все высшие чиновники живут у нас на Выселках — так народ прозвал коттеджный поселок на окраине города, где расселилось правительство, генералы, большие шишки из окружения президента и криминальные авторитеты. По слухам, ваши российские власти тоже создают такие особые зоны.

Северцев улыбнулся.

— Все они одним миром мазаны.

Машина Талгата подъехала к девятиэтажному дому с кремовыми стенами и застекленными лоджиями. Дом стоял за высоким решетчатым забором, въезд на его территорию охранялся.

— Я гляжу, ты тоже живешь в элитном гнездышке, — заметил Северцев, когда они проехали через ворота.

— Элитное не элитное, но достойное, — ухмыльнулся Нигматуллин. — Почему бы благородному коммерсанту не купить себе квартиру в хорошем доме? Между прочим, мой сосед по лестничной площадке — личный повар Назарбаева. Очень мягкий и добрый человек.

— Интересно, откуда у него деньги на такую квартиру, у этого мягкого и доброго человека? Вряд ли повара даже в вашем «свободном» государстве зарабатывают большие бабки.

— Думаю, квартиру ему президент подарил, поесть он любит. У нас с этим просто.

Они поднялись на самый верхний этаж, и Талгат показал гостю свою трехкомнатную квартиру, обставленную не то чтобы роскошно, однако со знанием дела и в национальном стиле. Везде лежали и висели ковры, на стене в гостиной красовалась коллекция уздечек и ножей, а по углам комнат стояли металлические курильни и столики с Кораном.

— Я правоверный мусульманин, — без смущения пожал плечами Талгат, заметив взгляд Северцева, — часто молюсь и веду праведный образ жизни. Не пью, не курю, женщин к себе не привожу. Женщина появится в этой квартире только после свадьбы.

— Неужели до сих пор не нашел подходящей половины?

— Подходящих много, а единственной нету. Располагайся, я сейчас. — Талгат скрылся в туалетной комнате.

Северцев вышел на лоджию и залюбовался видом города, открывающимся с высоты девятого этажа.

Астана была молодым городом, ей не исполнилось еще и ста тридцати пяти лет. Планировка нынешней столицы Казахстана напоминала планировку российских военных городков: радиальные улицы пересекаются круговыми, в центре — непременный плац или площадь. Лишь вокруг крепости улочки извилисты и нешироки, но чем дальше от нее, тем они шире и светлее, а дома — выше и красивее. И еще глаз отмечал большое количество зелени: центр города буквально утопал в ней, хотя сам город стоял в степи.

Северцев вспомнил облик «хронохвоста» Астаны с его серо-бурыми, прибитыми пылью пейзажами и невольно поискал глазами призрачную башню, являвшуюся непременной деталью миров «оси S». Конечно же, в реальной Астане никакой башни видно не было, как и в реальной Москве. Наличие этого грандиозного эфемерно-призрачного сооружения нельзя было объяснить простой иллюзией, реакцией психики на воздействие «оси S». Башня существовала физически, в этом Северцев был уверен почти на сто процентов и надеялся в скором времени выяснить, что она собой представляет.

— Ну, как, нравится? — появился на лоджии Талгат, переодевшийся во все белое. — Я иногда сиживаю тут вечерами, глядя на город.

— Панорама красивая, — согласился Северцев. — Да и тихо тут у вас, не то что в нашем стольном граде: сплошной гул и дым.

— Вам тоже надо столицу переносить в новое место, поближе к природе. Я бываю в Алма-Ате часто и вполне понимаю президента, решившего сменить официально признанную резиденцию. Пойдем завтракать.

— Я не голоден.

— Да я и не предлагаю разносолы, чаек попьем с бутербродами и яичницу съедим. Дома я редко трапезничаю, холодильник почти что всегда пустой.

Они сели на кухне за стеклянный стол, Талгат быстро приготовил немудреный завтрак, и Северцев вынужден был съесть все, что ему предложили. Затем настала очередь решения насущных проблем, ради которых он оказался в Астане.

— Я все понял, — сказал Талгат, побросав посуду в мойку. — Нужен адрес господина Сабирова. Так?

— Так.

— А потом что?

— Потом надо будет съездить по этому адресу и выяснить, проживает ли там в настоящее время его жена Варвара.

— И это все?

— Я должен встретиться с ней и поговорить.

— Звучит загадочно и романтично. Что ж, если ты больше ничего не хочешь мне сообщить, то начали поиск. Хотя я не уверен, что нас допустят до квартиры Сабировых.

Талгат включил компьютер, стоящий у него в небольшой комнатке с диваном и двумя креслами, подсел к столу.

— Попробуем сначала найти официальную базу данных.

Несколько минут по экрану прыгали и ползли заставки разных носителей информации, содержащих сведения о государственных структурах Казахстана.

— Ничего, — констатировал Талгат, почесав в затылке. — Балясы тухтур! Ладно, посмотрим данные силовиков.

Снова по экрану побежали вереницы схем и квадратиков с яркими или, наоборот, неброскими заголовками, в большинстве своем не раскрывающиеся в информационные поля и сообщения.

— Вот гадство! — Талгат запустил пятерню в густые свои волосы, виновато оглянулся на Северцева. — И здесь пусто, либо нужны соответствующие коды доступа.

— Можно пойти по более простому пути — поехать в эти ваши Выселки и спросить, где живет Крушан Сабиров.

— Так тебе и ответят. Нет, мы пойдем другим путем, хотя тоже совсем простым.

Талгат снял трубку телефона и набрал номер.

— Казбек? Извини, что тревожу, нужна твоя помощь. Дашь мне код допуска к папкам управделами президента?.. Нет, я не собираюсь торговать данными, родственников найти хочу... Ни в коем случае! Клянусь здоровьем бабушки! Ни одна душа не узнает... Записываю... — Талгат черкнул ручкой строчку букв и цифр. — Большое сабирды! И еще просьбочка: знаешь, где живет руководитель аппарата президента Крушан Сабиров?.. Что?! По какому случаю?! Не знаешь? Ну и дела! — Талгат прикрыл трубку ладонью. — Сабиров находится в розыске... — Снова придвинул губы к мембране. — Да, понял. Ну и дела! Я знаю, что он живет в Выселках, а точнее? Понял, вторая линия, пятнадцать, сорок три... Спасибо, Казбек! Если понадобятся лекарства — получишь без очереди. Забегай как-нибудь вечерком.

Талгат положил трубку телефона, озадаченно посмотрел на гостя.

— Ничего не понимаю! Если уж Сабиров объявлен в розыск, то наша власть совсем плохой стал... Зачем все-таки он тебе понадобился?

— Не он, я же говорил, его жена.

— Хитришь ты что-то, мастер, но я человек не любопытный и доведу дело до победного конца. Крушан живет на второй линии Выселок, дом пятнадцать, квартира сорок три. Но так как он разыскивается органами, тебе туда идти небезопасно. Предлагаю поручить это мне. В случае чего я выкручусь, чиновники госаппарата тоже люди и тоже болеют, так что скажу — хотел договориться о поставке лекарств. А теперь поищем родственников Крушана и его жены. Через них, может быть, ты скорее отыщешь свою шерше ля фам.

Талгат пробежался пальцами по клавиатуре компьютера.

— Вот, смотри. Крушан Салтанович Сабиров, казах, родился первого июля тысяча девятьсот пятьдесят третьего года в Каспийске, работал в ЦСУ Казахстана, занимал посты зама и председателя Государственного комитета по управлению госимуществом, сейчас — руководитель администрации... был. Вот еще: отец умер десять лет назад, мать тоже умерла, брат Вазир живет в Алма-Ате, улица Ленина, три...

— Ищи жену.

— Посмотрим... так... жена Крушана Варвара Леонидовна, в девичестве — Живина, тридцать семь лет, закончила пединститут, родилась во Владимире... отца нет... интересно, почему? Тут

не сказано. Так... мать — Живина Дарья Петровна, живет во Владимире... сестра Полина — там же... ага, вот он, момент истины! У нее есть еще двоюродная сестра Светлана Карповна, живет здесь же, в Астане, муж — сотрудник таможни, брат — зубной врач. Адреса, телефоны... Мать честная!

— Что? — испугался Северцев.

— Ты погляди, кем работает, то есть работала — тут сказано, что она уволена, — твоя Варвара: заместителем министра национальной безопасности!

Северцев невольно присвистнул.

— Да-а... это сюрприз! Никогда бы не подумал! Запиши.

Талгат записал адрес родственницы Варвары и ее брата, выжидательно посмотрел на Северцева.

— Что теперь?

— Надо ехать к Сабировым. Но если ты занят...

— Я сам себе хозяин, когда заявлюсь в офис, тогда и заявлюсь. Поехали, я тебя подвезу к Выселкам и схожу на квартиру Сабирова. Не хочешь переодеться?

— Нет, мне не жарко.

— Хоть жилет сними, а то выделяешься из толпы, как судья на поле.

Северцев подумал и стащил джинсовый жилет, в карманах которого лежали метательные пластины, стрелки и пистолет. Талгат заметил на руке приятеля синхрон, вопросительно поднял бровь.

— Интересные у тебя часики. Где такие продаются?

— В Монголии, — почти честно ответил Северцев. — Хотя это совсем не часы.

— А что?

— Прибор для синхронизации... м-м, биоритмов человека.

— Типа магнитного браслета?

— Нечто в этом роде.

— И помогает?

— Да как тебе сказать, — осторожно проговорил Северцев, не зная, как свернуть с опасной темы. — В общем, помогает, хотя иногда совсем наоборот.

— Лучшее средство от болезней — собственная воля, — убежденно заявил Талгат. — Мой старший брат говорил: все болезни — от нервов, и только венерические — от удовольствия.

— Это верно, — кивнул Северцев с улыбкой, пряча синхрон в карман рубашки.

Они спустились вниз, сели в машину Нигматуллина, и Талгат повел ее по улицам Астаны, разительно отличавшимся от тех, по которым бродил Северцев во время путешествия по «хронохвосту» города. Потоки автомобилей здесь были не в пример жиже, чем в Москве, и ехать было комфортно, тем более, что «Шкода» имела кондиционер.

Доехали до площади Кобланды-батыра с фигурой богатыря в национальных одеждах, сидящего на коне. Талгат объехал площадь и свернул к кварталу новеньких шестнадцатиэтажек, каждая из которых была обнесена красивой оградой из металлических решеток.

— Вот и наши Выселки. Ищем дом Сабирова.

Машина остановилась возле двухэтажного универсама.

— Это здесь. Сиди в машине, я один схожу.

— Я понаблюдаю за тобой издали.

— Как хочешь, — пожал плечами Талгат. — Можешь попить пока холодного пивка.

Он вышел, прихватив с собой белую папку с бумагами, и направился к зданию за универсамом. Северцев внимательно оглядел окрестности дома, пешеходов, стоящие напротив универсама автомашины, но ничего подозрительного не заметил. Несмотря на утро, температура воздуха в городе уже перевалила за тридцать, и пешеходы спешили по своим делам в надежде укрыться в помещениях с кондиционерами.

Талгат скрылся в первом — из двух — подъезде дома, где проживали VIP-персоны казахского истеблишмента. Потекли минуты, ленивые и медленные, словно сомлевшие от жары мухи. Бывший ученик мастера Николая показался через двенадцать минут, с рассеянно-задумчивым видом пересек территорию дома, вышел за ворота. Северцев хотел было вылезти из машины, но заметил, как из дверей подъезда вышли двое мужчин в серых брюках и белых рубашках, глядя вслед Нигматуллину, потом их окликнул выглянувший третий — с круглой безволосой головой, и они скрылись в подъезде. А Северцеву вдруг на миг показалось, что это выглянул Виктор. Уж очень этот смуглый парень с бритой головой и бородкой издали походил на Красницкого.

— Чур меня! — с досадой отмахнулся Северцев. — Галлюцинаций не хватало!

Талгат сел в машину, отъехал от универсама, оглянулся.

— Плохо дело, однако.

— Что?

— Я не стал даже заходить. Стоило мне выйти из лифта, как на лестнице появился мордоворот в сером костюме, а из соседней с квартирой Сабировых двери выглянул еще один. Пришлось делать вид, что ошибся этажом.

— То есть за квартирой следят.

— Уверен, что и в квартире сидят опера и ждут гостей. Интересно, что такое натворил наш главный администратор, коль его объявили в розыск и ждут в засаде? Большие деньги украл? Или кому-то помешал?

Северцев промолчал. Он догадывался, в чем дело. Сабиров не крал денег, но помешал системникам, и они начали на него охоту. Но кто такие системники и какое отношение они имеют к государственным структурам Казахстана, Северцев не знал. Еще более удивительным было то обстоятельство, что от этих же системников пряталась и Варвара, бывший замминистра национальной безопасности республики.

— Остаются родственники.

— Я туда и еду, — буркнул Талгат. — Послушай, Север, это, конечно, не мое дело... но не связался ли ты с криминалом?

Олег вздохнул.

— Хотел бы я сам знать, с кем связался... Успокойся, дружище, ни с каким криминалом я не связывался. Во всяком случае — в наших понятиях. Повторяю, тебе лучше не знать всего, спокойнее будет. Но будь готов к появлению незваных гостей. Будут спрашивать про меня — ты меня не видел и обо мне не слышал. Договорились?

— Расскажешь, в чем все-таки дело, из-за чего весь сыр-бор разгорелся?

— Может быть, когда все успокоится.

— Что ж, подождем.

Дальше ехали молча.

На улице Керимбаева свернули к ряду пятиэтажек с красивыми балкончиками. У дома номер восемь Талгат остановил машину.

— Вместе пойдем или я один разведаю?

Северцев помолчал. Район ему не нравился, да и интуиция шептала: лучше перестраховаться...

— Ты просто посмотри, что там, в квартиру не заходи. Если все нормально, ничего подозрительного нет, махнешь мне, тогда пойду я.

— Как скажешь.

Талгат направился к дому, в котором проживала двоюродная

сестра Варвары, задержался на минуту, пока кто-то из жителей не открыл дверь подъезда изнутри: дом был снабжен домофонами. Снова одна за одной потянулись тягучие как жвачка минуты. Северцев оглядел улицу, близстоящие машины, и ему показалось, что спину мазнул неприятный прицеливающийся взгляд. Сердце заработало чаще. Подсознание среагировало на какое-то изменение обстановки, и голос его игнорировать было нельзя.

Северцев бросил взгляд на часы. С момента исчезновения Талгата за дверью подъезда прошло семнадцать минут, хотя на проверку обстановки требовались всего пять-шесть. Что-то случилось? Парень нарвался на засаду? Тогда его надо выручать.

К дому подъехал бело-синий «уазик», из него выскочили двое мужчин в форме казахской полиции, с погонами майора и подполковника, скрылись за распахнутой изнутри — будто их приезда ждали — дверью.

— Похоже, сбылись ожидания поэта, — сквозь зубы проговорил Северцев. — Знать бы, сколько их...

«Не дури, пора менять дислокацию, — заговорил внутренний голос. — Если они задержат тебя здесь, как пить дать — загремишь в местный СИЗО. А то и похуже что случится».

«Надо выручать друга!»

«С ума сошел?! Талгат парень умный, выкрутится, на него у системников ничего нет, только подозрения. Он никак не связан с Сабировыми. А ты влипнешь».

«Все равно его надо освободить...»

«Геройство геройству рознь. Ему не поможешь, и сам попадешься. Тебе еще надо найти Варвару и разобраться в том, что происходит. Уходи быстрей, пока они не начали искать машину Талгата».

Последний аргумент подействовал. Северцев надел свой жилет, вылез из кабины «Шкоды», сделал шаг в сторону и сунул руку под мышку, краем глаза подметив остановившуюся рядом белую «пятьдесят первую» «Ладу».

— Садитесь, — раздался повелительный женский голос со знакомыми обертонами.

Северцев наклонился, узнал в пассажирке Варвару (вот это встреча, бог ты мой!) и нырнул внутрь салона. Дверца захлопнулась, машина рванула с места, влилась в не слишком густой поток автомобилей. И тотчас же за ней погнался вишневый джип «Паджеро» с полицейским номером. Включил мигалку и сирену.

— На Караманулы, — сказала спокойно Варвара. — На заправке остановишь.

Женщина за рулем, белобрысая, с ямочками на щеках, не ответила, подмигнула Северцеву и погнала «пятьдесят первую» как заправский гонщик, так, что за ней не угнался бы и водитель-мужчина.

Джип отстал.

— Это моя сестра Светлана, — сказала Варвара Сабирова. — Что вы делаете в Астане?

Сам не знаю, хотел ответить Северцев, но вместо этого сказал:

— Вас ищу.

— Зачем?

— Надоело быть мальчиком для битья. В конце концов должен я знать, что происходит? Почему за мной гоняются какие-то крутые парни с оружием?

— Я вас предупреждала. Надо было уничтожить синхрон. Вы его уничтожили?

— Нет. Извините. Без него я вас бы не нашел. Спасибо, конечно, что предупредили меня в прошлый раз... и очень рад, что вам удалось уйти от тех... людей.

— Они не люди — криттеры.

— Кто?

— Не время объяснять очевидные вещи. К тому же я вас не предупреждала, вы что-то путаете.

— Здрасьте, — искренне удивился Северцев. — Я попал в «хронохвост», начал его исследовать, потом услышал ваш голос...

— Я вас не предупреждала.

— Но я слышал ваш голос!

— Странно... Однако действительно некогда обсуждать то, чего не было. Вы в большой опасности. Настоятельно советую уничтожить синхрон и не бегать по трекам фазовых резонансов «оси S».

— Что такое «фазовые резонансы»? Что такое «ось S»? Объясните хотя бы самое важное!

— К сожалению, на это нет времени. Если бы я случайно не вернулась к дому, чтобы забрать корреспонденцию, и не увидела вас, вы сейчас находились бы в нашей полиции и давали бы показания.

Машина резко свернула налево, миновала заправочную станцию и остановилась.

— Вылезайте.

— Что?! — растерялся сбитый с толку Северцев.

— Выходите, пока нас не догнали, и включайте аварийную струну синхрона. Не гуляйте по черному трафику «оси S», только по белому, пеленгация выходов синхрона в «хронохвост» дает более точные результаты.

Северцев вылез, придержал дверцу машины.

— А вы?

— Я сама о себе позабочусь. Когда вернетесь домой, уничтожьте синхрон. Возможно, в этом случае от вас отстанут. Прощайте.

— Но погодите...

Рука схватила воздух.

Белая «пятьдесят первая» сорвалась с места, развернулась и исчезла за углом бензозаправки. Северцев остался стоять как столб, опешив от неожиданной развязки своей долгожданной встречи с Варварой.

Послышалось приближающееся взлаивание полицейской сирены.

Олег очнулся, огляделся по сторонам, заметил в окне заправочной станции чье-то лицо, сделал вид, что завернул сюда пописать. Залез в кусты и лишь там достал синхрон.

На пятачок между стеной кустов, бочками и заправкой выскочил джип с мигалкой, но Северцев уже нажал красную кнопочку аварийного кванкера, и преследователи не успели его задержать. Выскочившие из джипа полицейские во главе с бритоголовым крепышом увидели только мелькнувший и тут же пропавший светлый силуэт. Бритоголовый выругался, спрятал необычной формы пистолет, достал рацию.

— Он ушел на ось! Активируйте следящие системы по всем ветвям! — Пауза. — Я буду ждать его дома. Погуляет и вернется. — Еще пауза. — Всех свидетелей придется нейтрализовать. На всякий случай оставляю тут группу. Все.

Бритоголовый сунул рацию в карман, махнул рукой парням в пятнистых комбинезонах, они быстро сели в джип и уехали.

Северцев же снова оказался в знакомом пустом городе, освещаемом неярким, то ли утренним, то ли вечерним, солнцем. Это был все тот же «хронохвост» Астаны, застрявший в непонятно каком времени и непонятно каком пространстве. Куда подевались его жители и почему он выглядит так странно, выяснить снова не удалось.

Северцев глянул на циферблат синхрона. В черном окошечке

горели те же красные буковки БМГ. Снова БМГ. Интересно, что они означают на самом деле? Может быть, что-нибудь вроде: «Брось меня гонять»?

Над городом послышался рокот вертолета.

Так, понятно. Запеленговали, сволочи. Что-то уж очень быстро. Придется бежать дальше, с пистолетом против «Черной акулы» не попрешь. Что там говорила Варвара? Не гулять по черной ветви «оси S»? Что ж, поступим наоборот.

Он нажал черный кванкер.

В окошке сообщений побежали зелененькие буквы, складываясь в слова: «Наберите координаты резонанса».

Северцев покрутил черное колечко, устанавливая стрелочку на черном циферблате на цифру 2. Нажал кнопку.

Поехали!

Темнота... удар по голове... свет...

ГЛАВА 8

Он ожидал увидеть нечто подобное и не удивился пейзажу, очутившись в совершенно голой местности, посреди плоской как стол, трещиноватой, покрытой ямками и бугорками равнины. Ни деревца, ни кустика, ни травинки. Ни следа развалин, которые должны по идее были бы остаться от города. Будто он и не стоял здесь никогда. А ведь синхрон перенес его только по «оси S», не трогая таинственную «ось E», то есть по сути — во времени. Не значит ли это, что города здесь, в этой точке земной поверхности, е щ е нет?

Северцев оглядел буро-фиолетовый, словно насыщенный пылью, небосвод, проткнутый пылающим тоннелем солнца, пожал плечами. Его догадка могла отражать истину, а могла и не отражать. Не зная базовых причин существования «оси S», гадать о местоположении «хронохвостов» не имело смысла. Хотя душа жаждала определенности и объяснений всему таинственному ходу событий. При этом Северцев был абсолютно убежден, что все его приключения происходят с ним наяву, а не во сне или в каком-либо «альтернативно-игровом киберпространстве».

— А я заблудился на этой Земле и не нашелся на той, — вспомнил Олег слова поэта[1]. — Ну что, путешественник, мать твою, поедем дальше?

[1] Н. Игнатенко.

Тихое зудение донеслось от горизонта, над которым грустно торчал глаз солнца. Словно сверчок песенку затянул.

Дьявол! Снова вертолет! Похоже, Варвара не зря утверждала, что пеленгация на черной ветви работает оперативно. Вот они, голубчики, тут как тут! И спрятаться негде... Придется снова уходить. Пока, ребята, ищите меня в другом времени...

Северцев быстро установил стрелочку выхода на цифру 3 и нажал на черный кванкер.

Темнота... жара-холод... встряска... нечем дышать... свет!

Тот же самый пейзаж!

В чем дело?! Не сработал синхрон?

Северцев огляделся и заметил кое-какие отличия ландшафта от того, какой он только что покинул. Все как будто осталось прежним: равнина, узор трещин и рытвин, первозданная тишина — без единого звука, но цвет равнины еще больше потускнел, и над ней повис прозрачный, еле заметный слой тумана. Точнее, пыли. И дышать в этом мире несравненно труднее, чем в прежнем.

Куда он переместился? Что означает цифра 3 на черном циферблате? Третий слой реальности? Третья гармоника материального воплощения? Третий уровень компьютерной игры? Или отражение реально существующей местности в третьем «хронохвосте»?

«Отличная формулировка!» — восхитился внутренний голос.

«Сам знаю», — огрызнулся Северцев, понимая, что все его предположения не стоят выеденного яйца. А что, если скакнуть еще дальше? Здесь еще три цифры — 4, 5 и 6. Почему бы не проверить их все?

Он установил индикатор резонанса — название черному циферблату пришло само собой — на цифру 4 и нажал на кнопочку.

Череда «небытийных» ощущений — и он на месте.

«Дьявольщина! Здесь же почти нечем дышать! Назад!»

«Успеешь, — возразил трезвый голос сознания. — Пару минут можешь и не подышать».

Северцев огляделся.

Прежняя равнина потемнела, стала холмистой и скалистой и курилась дымками. Слева она понижалась, обнажая черное пространство спекшейся пемзы, над которым стлался синий дым, справа к горизонту уходила цепочка кратеров разного диаметра, из которых к темно-фиолетовому небу с россыпью крупных звезд струились разноцветные дымы. Из самого большого крате-

ра ползла вишневая лава и то и дело взлетали струи искр и раскаленных камней.

Почва под ногами дрожала, изредка дергаясь, как живая, и тогда из общего глухого гула выделялись длинные грохочущие отголоски, сопровождающие разгул стихий.

Солнце висело низко над горизонтом и было раза в три больше того, что освещало Землю, и цвет его был багрово-оранжевым.

Температура воздуха над равниной приближалась к пятидесяти градусам по Цельсию, и кислорода в нем содержалось гораздо меньше необходимого для дыхания количества.

«Ад!» — заявил внутренний голос.

«Протерозой», — возразил сам себе Северцев, найдя сходство ландшафта с тем, о котором писали учебники по истории Земли. Именно такой, по представлениям ученых, была остывающая Земля в ранний период своей истории, когда на ней формировались материки и верхний слой геологических пород — кора. Но если это так, если синхрон перенес владельца в прошлое, значит, он таки является самой настоящей машиной времени?! Но тогда как с этим открытием стыкуются странные «хронохвосты» и отсутствие в прошлом людей? Ведь не может же машина времени делать их невидимыми. В литературе описаны сотни путешествий во времени, и в них путешественники просто оказывались в прошлом, где жизнь шла своим чередом.

«Ну и что? — отозвался внутренний голос. — Все эти путешествия — выдумки писателей. На самом деле никто не бывал в прошлом и не видел, что там происходит. Любое такое путешествие нарушает физические законы, а поскольку подобных нарушений наукой не отмечено, значит, в прошлое возвращаться нельзя. Было бы можно — каждый наверняка захотел бы подкорректировать свое настоящее и будущее, изменив прошлое. Скажем — убив отца своего врага или его самого в детстве».

«Но если в прошлое попасть нельзя, то где я?»

Внутренний голос хихикнул:

«Значит, все наши теории времени не верны. Прошлое, возможно, и существует, но только такое, какое ты видишь».

«Не понимаю...»

«Еще поймешь. Есть люди, которые знают все, их надо найти. Варвара, ее муж, их коллеги».

«Варвара ничего мне не сказала...»

«Не было времени».

— Может, ты и прав, зануда, — пробормотал Северцев про се-

бя. Поморщился, чувствуя головокружение: организм требовал кислорода. Пора было покидать этот негостеприимный мир «прошлого» Земли.

Попробуем-ка скакнуть дальше...

Он подвел стрелку на черном циферблате к цифре 5, нажал кванкер и не удивился, когда в окошечке индикатора резонанса буковки БМГ сменились бегущей строкой: «Для перехода на нижние регистры фазовых резонансов необходима защита».

Ну да, все правильно, догадался Северцев, если черный трафик «оси S» действительно уходит в прошлое, то следующий шаг вынесет меня к моменту формирования Земли из протопланетного облака. Я или задохнусь, или замерзну, или сгорю. Остается один путь — назад «в будущее». Быстренько скачем в нужном направлении...

Установка индикатора на цифре 3 и нажатие пусковой кнопки заняло не больше трех секунд, и вот он уже стоит на равнине, усеянной кавернами неведомой коррозии, и может наконец вдохнуть полной грудью, в тишине и покое.

Голова закружилась, ослабли ноги. Естественная реакция организма на кислородное голодание. Дыши глубже, парень. Воздух здесь тоже не идеален для дыхания, примесей много, пыли много, а кислорода мало, но все-таки жить можно.

Горизонт перестал шататься перед глазами, зрение прояснилось.

А хорошо бы добыть необходимую защиту для дальнейших прыжков по «оси S», хотя бы комбез какой-нибудь и противогаз. Хотя, конечно, лучше скафандр типа космического или антирадиационного. Интересно было бы взглянуть на процессы рождения Земли.

Северцев оглядел унылую равнину, покрытую слоем неопадающей пыли.

Итак, что дальше? Не пора ли остановиться и трезво подумать о своем положении? Может быть, поступить, как советовала Варвара? Вернуться домой и уничтожить синхрон?

Несколько минут он обдумывал эту идею, выпятив губы и покачивая головой. Вспомнил ожидающе-печальный взгляд дочери Варвары, тревожное лицо самой Варвары.

Черт возьми, кто поможет им, оставшимся без отца и мужа? Имеет ли он право спасаться, не попытавшись каким-то образом помочь попавшим в беду беззащитным женщинам?

«Не сходи с ума! — предупредил внутренний голос. — Тебе са-

мому еще надо суметь выкарабкаться из этого дерьма, а ты о других думаешь».

«Именно так, — согласился Северцев. — Не подумаешь о других, и о тебе никто не вспомнит, как мама говорила. Поехали назад!»

«Куда?!»

«В Астану. Там меня никто не ждет, вот и воспользуемся моментом».

Он набрал координаты выхода на белом циферблате и нажал кванкер, не слушая возражений собственной психики, заботящейся о здоровье хозяина.

* * *

Вышел он «из резонанса» (или «на резонансе»?) в каком-то дворе, потревожив собаку и ее спутника, пожилого казаха. Извинился, сочувствуя отпрянувшему, ошеломленному появлением незнакомца старику, и быстро нырнул в арку дома, выходя на улицу.

Оказалось, что синхрон перенес его почти на то же место, откуда час назад он стартовал на «ось S». Заправка, возле которой он попрощался с Варварой и ее сестрой, находилась в трех десятках шагов от пятиэтажки. Естественно, у заправки уже никого не было, ни беглянок на белой «пятьдесят первой», ни преследователей на джипе. Глянув на солнце и оценив его положение, Северцев понял, что и здесь прошло около часа, что соответствовало времени его путешествия, задумался было о точности переноса — синхрон всегда перемещал его с «оси S» на «ось» так, будто время везде текло с одинаковой скоростью. Но мысль мелькнула и исчезла, задавленная обстоятельствами. Пора было действовать. Итак, сначала узнаем, что с Талгатом, удалось ему выкрутиться или нет.

Северцев сел в автобус, доехал до центра города, зашел в ту же аптеку, откуда звонил приятелю утром, и попросил у молоденькой казашки, сменившей не то отца, не то мужа, воспользоваться телефоном.

— Пожалуйста, звоните, — разрешила аптекарша.

Он набрал номер мобильника Нигматуллина и через минуту услышал его характерный горловой голос:

— На трубе. Слушаю.

— Это я, Олег. У тебя все в порядке?

— Север, ты, что ли?! Откуда звонишь?! Тебя не арестовали?

— Жив, здоров, звоню из аптеки. Ты где?

— На работе, конечно. Меня задержали, но я напустил тумана, начал валять дурака, пригрозил пожаловаться заместителю министра внутренних дел, и меня отпустили. А тебе как удалось вырваться?

— Потом расскажу. Мне еще раз понадобится твоя помощь.

В трубке раздался смешок.

— Другой на моем месте послал бы тебя куда подальше после таких приключений, но мне нравится гонять по жилам адреналин. Жизнь без этого скучна и неинтересна. Жди, я сейчас подъеду.

Улыбаясь, Северцев положил трубку, поблагодарил девушку-аптекаршу и вышел на улицу. В чувствах Талгата и его отношении к друзьям он не сомневался. У мастера Николая занимались только те люди, кто готов был бескорыстно помогать другим и не ждать благодарности.

Нигматуллин подъехал через полчаса, но уже не на серебристой «Шкоде», а на красной «Лантре». Распахнул дверцу:

— Садись.

— Похоже, ты меняешь машины, как перчатки.

— Это авто фирмы. Да и нежелательно ехать куда-то на «Шкоде», коль мы с тобой на ней уже попали в переплет. Так зачем ты вернулся?

— Нужно доделать дело — найти Варвару. Нутром чую, что ей грозит опасность. Она спасла меня уже второй раз, пора отдавать долги. — Северцев рассказал о своей встрече с Варварой и ее сестрой Светланой, которые увезли его на белой «Ладе».

— Ну и ну! — покачал головой Талгат. — Кто бы мог подумать! Ты ее ищешь, а она тебя.

— Вряд ли она меня искала, наша встреча произошла случайно.

— Какой-то мудрец говорил, что ничего случайного в жизни не бывает, просто мы не знаем механизма закономерности случайного.

— Возможно, твой мудрец прав. Но я ей верю, а Варвара сказала, что увидела меня случайно. Лучше давай думать, где ее искать.

— Если она сейчас с сестрой...

— Час назад они были вместе и сидели в белой «пятьдесят первой» с номером 2411.

— Тогда проще всего искать их по машине. Выясним, что за

тачка, к какому ведомству приписана, и определим место дислокации.

— Только учти, сделать это надо тихо, не привлекая ни власти, ни органы.

— Без органов нам не обойтись, но можешь быть спокоен, мой знакомый в полиции не побежит докладывать начальству о моей просьбе, он мой должник.

— Карточный?

— Как ты догадался? Мы действительно поигрываем в преферанс в одной приятной компании. В последний раз он здорово подсел на мизерах. Ты в карты не играешь?

— Бог миловал.

Талгат засмеялся.

— Ну, это не самое страшное в жизни. Главное — не зарываться, знать, когда надо остановиться.

— Ты знаешь?

— Пока не проигрывал.

— Молодец. Куда мы едем на этот раз?

— В офис, разумеется, оттуда управлять процессом проще, чем из дома.

Через несколько минут «Лантра» свернула на улицу Балхашскую и остановилась возле трехэтажного здания с полудюжиной табличек по обе стороны входа. Здесь располагались адвокатские конторы, юридическая консультативная служба, офисы торговых организаций, издательства «Казах-батур» и газеты «Наша правда». Вывески фирмы Талгата Северцев не заметил.

— А зачем светиться? — ответил Нигматуллин рассудительно на его замечание. — Кому нужно, тот и так знает, где находится моя контора.

Поднялись на второй этаж, в тупике коридора вошли в белую металлическую дверь со скромной табличкой: «Управление аптечных киосков «Идэр нас».

За дверью располагался еще один маленький коридорчик с тремя дверями из матового стекла. Талгат открыл среднюю, пригласил гостя.

Это была малюсенькая приемная, где едва умещались столик с компьютером, стул и кофейный автомат. За столом сидела раскосая, похожая больше на китаянку, чем на казашку, девушка.

— Минат, это мой друг Олег, мы тут посидим немного, покалякаем, а ты свари нам кофе, пожалуйста.

— Хорошо, Талгат Кирсанович.

— Тебе черный или со сливками?

— Со сливками, — сказал Северцев вежливо, — если не трудно.

Они прошли в небольшой кабинет руководителя фирмы, отличающийся от приемной только наличием стеклянного шкафа с медицинскими препаратами и книжной полки.

— Садись, сейчас начнем. — Талгат сел за стол, включил компьютер. — Попробуем сначала посмотреть базы данных нашей ГАИ.

Северцев с любопытством посмотрел на фотографию на стене, на которой стояли, обнявшись, четверо молодых парней, в том числе хозяин кабинета.

— Нет, не получится, — пробормотал Талгат с огорчением. — Я не знаю всех кодов допуска. Что ж, попробуем иначе.

Он снял трубку телефона.

— Полковника Мирзоева, пожалуйста... Казбек, снова Нигматуллин беспокоит. Сможешь установить принадлежность белой «ВАЗ-пятьдесят один» под номером 2411? Да, очень важно... нет, потом все расскажу... хорошо, жду звонка. И вот еще что, хорошо бы определить лицо, на которое оформлены документы, и адрес проживания. Естественно, за мной не пропадет.

Талгат положил трубку.

— Он позвонит.

— Кто он?

— Полковник Мирзоев, замначальника городского КПСН, казахского варианта вашего СОБРа. Его жена работает в моей фирме.

— Хорошо устроился.

— У кого голова работает, тот и должен хорошо устраиваться. Это вы, русские, привыкли мечтать и ждать манны небесной, мы, татары, привыкли выживать в любых условиях. Берите с нас пример.

— Я гляжу, ты здесь националистом стал.

— А иначе нельзя. Да и грош цена человеку, если он не отстаивает национальные интересы, не радеет за свой народ. Вот ты разве не националист?

— В некотором роде, — подумав, ответил Северцев. — С тем отличием, что я не пытаюсь решить свои проблемы за счет других и готов со всеми, как говорят, инородцами жить мирно. Лишь бы не трогали меня и моих близких. Как говорится, не будите во мне зверя.

— А что будет, если разбудить?

— Кормить придется, — улыбнулся Северцев.

— Ну и я примерно такой же.

Секретарша Нигматуллина принесла кофе, и приятели на время замолчали.

Зазвонил телефон.

— Нигматуллин на трубе. Да, готов... понял... понял... Где это? За развилкой и налево... Спасибо, Казбек. Постараюсь заехать к тебе после обеда с фляжкой коньяку.

Талгат положил трубку.

— Машина зарегистрирована на некоего мистера Згуриди, который проживает в Хаевке — это пригород Астаны, по дороге на Темиртау. Можем прокатиться туда, если хочешь. Всей дороги километров пятнадцать от офиса.

— Да хоть сто пятнадцать.

— Не пожалеешь?

— Не знаю, — честно признался Северцев. — Мне почему-то ужасно хочется разгадать эту загадку...

— Какую? — заинтересовался Талгат.

— Исключительно экзотическую и, к сожалению, опасную. Ради нее я и десантировался в Астану.

— Хоть бы намекнул.

— Я тебе уже говорил: чем меньше будешь знать об этом, тем спокойнее будешь жить. Потом как-нибудь я тебе расскажу.

— Дай бог, чтобы это «как-нибудь» когда-нибудь наступило. Ну что, еще кофеечку или поехали?

— Чует мое сердце, что нужно торопиться. За нами гнался полицейский джип, и преследователи вполне могли дать ориентировку на машину Варвары.

— В таком случае мы скорее всего опоздаем.

Сели в машину, помчались. При посадке Северцеву снова показалось, что на него кто-то смотрит, но это ощущение скоро прошло.

До Хаевки действительно оказалось всего пятнадцать километров, и этот населенный пункт, примыкавший к городу с юга, со стороны казахского мелкосопочника, практически не отличался от низкоэтажной окраины Астаны. Талгат, преодолевший это расстояние за двадцать минут, остановил «Лантру» возле больницы.

— Дальше пойдем пешком, чтобы не вызывать подозрений машиной. Дом Згуриди в ста шагах, за развилкой налево. Кто знает, может, там уже орудуют опера?

Северцев кивнул.

— Мыслишь верно. В разведке случайно не служил?

— Я мирный человек, но много читал.

— Чур, без самодеятельности. Командовать парадом буду я, у меня опыта побольше.

— Слушаюсь, товарищ начальник!

Они двинулись к перекрестку дорог, свернули налево и приблизились к четырехэтажному дому с нарисованным на торце портретом президента Казахстана. Краски от солнца и ветра поблекли, поэтому левый глаз президента почти исчез и казался стеклянным. Делая вид, что разговаривают, приятели неторопливо обогнули дом и сразу же увидели во дворе белый «ВАЗ» пятьдесят первой модели с номером 2411. Кроме него, во дворе стояли еще четыре машины, также российского производства, пыльные, ржавые, помятые, и синий фургон с решеткой на заднем окне, называемый в народе «воронок». Возле фургона расхаживали два рослых молодца в камуфляже, третий, водитель «воронка», млел в душной кабине.

— Я же говорил, опоздаем, — сквозь зубы процедил Талгат.

— Не останавливайся.

Они прошли мимо и, сопровождаемые взглядами спецназовцев, свернули к первому — всего в доме было четыре входа — подъезду. Ни домофона, ни лифта здание не имело. Внутри после яркого солнечного дня было темно и прохладно. Никого больше не встретив, Северцев порадовался, что полицейские не оставили в подъезде страхующего оперативника.

— Где находится квартира Згуриди?

— На третьем этаже, номер двенадцать.

— Кем он работает?

— Зубной врач.

— Как его зовут?

— Роман Карлович. Ты хочешь все-таки проверить, здесь Варвара или нет?

— Если комбезы пришли за ней, то дело плохо. Придется действовать по обстановке.

— Давай я пойду первым.

— На сей раз пойду первым я. Если начнется шум — уходи, тебе нет смысла вмешиваться, еще пулю схлопочешь.

— Не волнуйся, Андреич, мне тоже приходилось воевать с местным криминалом, до рукопашки и перестрелок доходило. Да и не привык я бросать товарищей.

Северцев взял Талгата за плечо, сжал.

— Спасибо, дружище, но мы договорились, что ты будешь подчиняться. Я и так бессовестно эксплуатирую тебя, подставляя под удар сил, которых сам не знаю. Если я нарвусь на засаду — уходи. Обещаешь?

— Ладно, — проворчал Талгат, — обещаю.

Один за другим они поднялись на второй этаж. Талгат остался на лестничной площадке между вторым и третьим этажами, а Северцев, положив за щеку звездочку сюрикэна, подошел к двери, обитой деревянными планками, на которой красовался латунный кругляш с номером 12. Сами собой сократились мышцы живота — сработал интуитивный сторож организма, предупреждая об опасности.

Северцев позвонил, буквально ощущая пробежавшее по квартире за дверью д в и ж е н и е.

Кто-то заглянул в дверной глазок.

— Вам кого?

Голос был мужской.

— Романа Карловича, будьте любезны.

Секунда, вторая, третья...

Щелкнули запоры, повернулся ключ в замке, дверь приоткрылась. В щели показалось смуглое лицо толстяка с коротким седым ежиком волос. В глазах его стоял страх.

— Я Роман Карлович. Что вам угодно?

— Меня к вам послал ваш знакомый, мне нужно подлечить зубы. — Олег погладил пальцем вздувшуюся щеку, за которой прятался сюрикэн.

— Я в отпуске. — Згуриди попытался закрыть дверь, но Северцев успел всунуть носок кроссовки в щель.

— Простите, но зубы болят — спасу нет! Я хорошо заплачу.

— Я же сказал...

— Подожди, Роман, — раздался за дверью женский голос, дверь открылась шире, на Северцева глянули глаза Варвары Сабировой, одетой в белое летнее платье, подчеркивающее достоинства фигуры. — Это снова вы?!

— Я, — криво улыбнулся Северцев.

— С каких это пор у вас болят зубы?

Северцев молча вынул из-за щеки сюрикэн.

Варвара покачала головой.

— Странный у вас зуб. Зачем вы вернулись?

— Хотел помочь... и все узнать... может быть, мы поговорим не в коридоре?

— Заходите. — Женщина отступила в глубь прихожей.

Северцев вошел.

Из гостиной вышла двоюродная сестра Варвары, неуловимо похожая на нее — не чертами лица, но общим абрисом и мимикой. В глазах ее сквозь неприязнь проступило любопытство. Оглядев гостя, она произнесла гортанным голосом:

— На психа он не похож.

Варвара усмехнулась.

— Нормальным его тоже трудно назвать. Проходите, садитесь. Вы один?

Северцев вспомнил о Талгате и о полицейском «воронке» во дворе дома, заторопился.

— Я посоветовал бы вам поменять дислокацию, и чем быстрее, тем лучше. Во дворе торчит фургончик синего цвета, а возле него ошиваются двое парней в камуфляже.

Варвара и Светлана переглянулись.

— Ну и что?

— Если мы смогли вычислить по номеру «пятьдесят первой» адрес вашего приятеля Згуриди...

— Он — брат моего мужа, — сказала Светлана.

— Неважно. Если уж мы вычислили вас, то и полиции это сделать будет нетрудно. Возможно, парни внизу ждут подкрепления.

— Пусть ждут, мы ничего противозаконного не... — начала Светлана.

— Кто это — мы? — перебила ее жена Сабирова, имея в виду Северцева.

— У меня в Астане есть приятель Талгат, вместе учились когда-то у одного учителя. Он сопровождает меня.

— Какое отношение... — вновь начала Светлана.

— Погоди, Света, — поморщилась Варвара. — Этот ваш Талгат... все знает? Вы рассказали ему о синхроне?

— Конечно, нет.

— Спасибо и за это. Но вы говорили, что обращались за советом к ученым.

— К знакомому из Федерального центра по изучению непознанных явлений природы.

— Возвращайтесь в Москву и попытайтесь спасти его. Больше ни с кем не делились своими открытиями?

Северцев подумал о Викторе.

— Мой друг в Монголии в курсе событий...

— Немедленно звоните ему, разыщите, пусть поостережется и никому не болтает о том, что видел.

— Он сейчас в Москве.

— Как это? Почему? Вы же сказали, он в Монголии.

— Он вернулся утром, я с ним встречался.

— Удивительное дело! Человек бросает дела и мчится в Москву...

— Он мой друг! — хмуро сказал Северцев. — Поэтому и примчался в столицу, чтобы помочь выпутаться из положения.

— Вы ему доверяете?

— Как самому себе!

— Что же вы стоите, — подал голос добродушный на вид хозяин квартиры. — Проходите, чаю попьем.

— Некогда, Роман, — качнула головой Варвара, оценивающе глядя на Северцева. Сомнение в ее глазах боролось с надеждой. — Он прав, спецназовцы внизу — это скорее всего по нашу душу. Уходите, Олег. — Она не забыла его имени. — Возвращайтесь в Москву и попробуйте уберечь своих знакомых и друзей. Уж не знаю, как вам это удастся. И никому больше не рассказывайте о синхроне, иначе подвергнете этих людей большой опасности.

— Но я хотел...

— Поверьте, вам лучше не знать, что такое синхрон и что за ним стоит. Предупредите друзей и уничтожьте аппарат. Только будьте осторожны, когда будете это делать, он взрывается как мощная граната.

— Нет! — упрямо боднул воздух лбом Северцев. — Я не успокоюсь, пока не выясню все детали.

— Все-таки псих! — прокомментировала Светлана, выходя в гостиную.

Северцев невольно улыбнулся.

— Иногда я тоже о себе так думаю. Может быть, вы мне все-таки соблаговолите объяснить, что такое «ось S»? Куда я все время попадаю, перемещаясь по черной ветви этой «оси»? В прошлое? Или в альтернативные реальности?

— «Ось S» — это поток состояний Вселенной, который пересекается с «осью E» — графом массы и плотности состояний. Вместе они составляют скользящий крест реальности... м-м... — Варвара прикусила губу. — К сожалению, я не специалист в теории фазовой синхронизации времени, как... э-э... коллеги моего

мужа. Вот они бы вам все объяснили... а потом убили бы, чтобы не допустить утечки информации.

Северцев покачал головой.

— Все это очень странно... и безумно интересно! Никогда не слышал о теории фазовой синхронизации времени. Все-таки синхрон каким-то образом оперирует временем. Но куда я все же попадаю каждый раз? Что за «хронохвост» такой, где мы с вами встречались?

— Это как бы тень реальности... — Варвара не договорила.

В прихожую выглянул из кухни встревоженный хозяин квартиры.

— Подъехала еще одна машина.

— Пора уходить, — быстро проговорила жена Сабирова. — Предупредите вашего друга Талгата и бегите! Берегитесь имплантора... это такой пистолет, разряд которого превращает человека в безвольного исполнителя Программы.

— В зомби, что ли?

— Нечто в этом роде.

— В меня, по-моему, пытались стрелять из такого пистолета, пограничники в Монголии. Или это и есть ваши системники, о которых вы предупреждали?

— Нет, это криттеры, запрограммированные на целевое действие люди. После операции им стирается память.

— Не знал, что у нас есть такая техника.

— Вы многого не знаете. Бегите же!

Северцев двинулся к двери, остановился.

— Без вас я не уйду!

Где-то на нижних этажах дома зародился шум, стал нарастать: по лестнице вверх бежали люди.

— Я сама о себе побеспокоюсь, не геройствуйте.

— Нет!

— Вот кретин! — появилась рассерженная Светлана. — Вам что, жить надоело?! Немедленно уходите!

Варвара вдруг кинулась в гостиную и через две секунды вернулась, бросила Северцеву тяжелый пластиковый пакет.

— Вот, на всякий случай.

— Что это?

— Защитный комплект. Теперь бегите! Я вас догоню.

— Как?

— У меня тоже есть синхрон.

Северцев все еще колебался, и она добавила:

— За вашим другом присмотрит Светлана. Ну же!

— Где мы встретимся?

В дверь позвонили.

Северцев наконец решился и вдавил красный стерженек аварийного кванкера. Темнота заслонила женщин и обстановку квартиры.

Кто со мною в полет?..

ГЛАВА 9

Тетрарх Евро-Азиатского такантая экзарху.

Прошу Систему сменить команду наведения и нейтрализации объектов беспокойства уровня А-2 в мигран-зоне К.

* * *

Экзарх Евро-Азиатского такантая тетрарху.

Разрешение получено. Немедленно нейтрализуйте «дерево последствий», созданное несанкционированным вбросом секретной информации в медиа-поле. Замените всех линеархов. Срок исполнения: двадцать четыре часа.

* * *

Вид «хронохвоста» с высоты девятиэтажного дома навевал тоску.

Как и в прошлые моменты «аварийных посадок» вышел Северцев точно в той же точке пространства — на площадь перед опустевшим комплексом президентской резиденции. Подождав Варвару — обещала же догнать — с полчаса, Олег решил, что она не зависит от настройки своего синхрона и вполне может переместиться строго по «оси S» — из квартиры в Астане в ту же квартиру в «хронохвосте» Астаны. Поэтому он быстро сориентировался на местности и поспешил в ту часть пригорода, которая в реальной жизни называлась Хаевкой. На поиски квартиры зубного врача Згуриди ему понадобилось около полутора часов, но он все же нашел ее и проник внутрь, сломав дверь толчком ноги. Только эта квартира оказалась абсолютно пустой и заброшенной, пришедшей в почти полную негодность. Серо-бурые стены ее были усеяны крупными порами и поддавались нажиму пальца, будто слепленные из гипса.

Впрочем, Северцева это уже не удивляло. Прыжки по «оси S» стали привычными, а пейзажи «оси» практически перестали вызывать изумление и восторг пополам со страхом, как во время первых бросков «в никуда».

Он честно обошел все комнаты опустевшей квартиры, никаких следов пребывания Варвары не обнаружил и понял, что ждать появления жены Сабирова не стоит. Либо она не имела в виду сиюминутную встречу, собираясь последовать за ним позже, либо вышла в другом месте, либо опоздала и была схвачена казахским спецназом.

Последний вариант показался Олегу самым вероятным и самым безрадостным, так что он едва не сорвался с места, чтобы вернуться в Астану, но удержал свой порыв. Не мальчик уже, но муж думающий. Если бы Варвара сомневалась в своих возможностях, она поступила бы иначе и не обещала догнать его на «оси S». Возможно, у нее появились другие планы.

Сделав такой вывод, Северцев вернулся в центр пустого города, с час слонялся по площади, прислушиваясь к долетавшим издалека звукам, потом зачем-то залез на девятиэтажное здание недалеко от президентского дворца и долго рассматривал городской пейзаж, навевающий тоску, и проблескивающую в небе чешуйчатую башню. Башня манила, притягивала взор, будила воображение, она казалась лишней и вносила элемент сюрреализма в общем-то привычный земной ландшафт. Северцев предположил, что ее создали некие «пришельцы», завоевавшие Землю и уничтожившие людей, но зачем им понадобилось такое исполинское сооружение, представить было трудно.

Приходили и другие мысли. В душе Северцев был недоволен своими действиями, мысленно попросил прощения у Талгата, которого оставил одного второй раз, но помочь ему он бы все равно не смог и лишь надеялся на Варвару, пообещавшую, что ее сестра присмотрит за приятелем Олега.

Он опять спустился на площадь и почти сразу же услышал характерное стрекотание: к городу летел вертолет.

— Наконец-то, — пробормотал Северцев. — Что-то вы припоздились, господа контролеры, я тут уж три часа ошиваюсь.

Может быть, спрятаться и захватить «языка»? — мелькнула идея. Тогда и Варвару ждать не придется. Затем пришла более трезвая мысль: вертолетчики вряд ли будут высаживать десант, просто долбанут ракетами по малейшему подозрительному объекту, и тогда не спасет ни защитный костюм, — кстати, не меша-

ло бы посмотреть, что за комплект всучила ему Варвара, — ни умение маскироваться и быстро бегать.

Северцев поставил стрелочку курсора на черном циферблате на цифру 3, дождался загоревшихся в окошечке букв БМГ и нажал кнопочку черного кванкера. Через несколько секунд он оказался в пустынной песчано-скалистой местности, окутанной слоем невесомой, почти прозрачной пыли. Это был «конец хронохвоста», как сам для себя обозначил Северцев пункт переброса, весьма схожий с тем, который он наблюдал и ощущал, экспериментируя с «осью S» в Москве.

Порядок! Синхрон продолжает работать без сбоев. Интересно, что будет, когда у него кончится заряд аккумулятора? Не застрянет ли тогда владелец синхрона в этих «хронохвостах» навечно?

Северцев хмыкнул, с опаской посмотрел на аппарат, подмаргивающий бегущей по ободку зеленой искоркой. Да, это было бы неприятно. Но, как говорится, где наша не пропадала? Кто не рискует, тот не пьет шампанского. Будем идти вперед до последнего патрона.

Чувствуя, как першит в горле от пыли, он пощупал тяжелый пластиковый пакет размером тридцать на сорок сантиметров, нашел сбоку застежку-липучку и раскрыл пакет. В его руках развернулся блестящий серебристый балахон, похожий на те, что используют работники атомных электростанций при авариях. Капюшон этого костюма был конусовидный, с упругими усиками в толще материала, поддерживающими его форму, имел стеклянное забрало и нечто вроде маски с решеточкой микрофона.

— Ну, что, попробуем? — предложил Северцев сам себе.

Второе «Я» путешественника, брюзга и нытик, предпочитающий действовать по пословице: умный в гору не пойдет, умный гору обойдет, — промолчал.

Ну и ладно, подвел итог колебаниям Северцев. Коли уж появилась возможность заглянуть в глухое прошлое, надо ее использовать.

Он разделся, оставаясь в брюках, сложил рубашку, жилет и ботинки в пакет, с некоторым трудом натянул на себя балахон, явно не рассчитанный на высокого человека. Несколько минут ушло на регулировку и крепление маски, не желавшей вообще пропускать воздух. В конце концов Северцеву удалось найти причину, почему она не функционировала, сдвинуть две пластинки, играющие ту же роль, что и предохранитель на пистолете, и маска заработала. По существу она была мембраной, пропускающей

потребителю только азот и кислород, хотя, возможно, и добавляла нужное до кондиции количество этих газов в течение какого-то времени. Ее выступ, охватывающий подбородок, был массивным и мог играть роль резервуара для сжатой дыхательной смеси.

Вертолет преследователей появился в тот момент, когда Северцев закончил переодевание и принялся настраивать синхрон.

— Адью, парни, — помахал он рукой стремительно приближавшейся воздушной машине и нажал на черный стерженек.

Череда знакомых ощущений, невесомость, темнота...

Он ожидал увидеть некий ландшафт, небо и солнце, но не увидел ни того, ни другого. Темнота казалась глухой, как в подземелье, и в первые мгновения выхода Олег так и подумал, что оказался в подземной пещере. Если бы не отсутствие силы тяжести. Ощущение невесомости не проходило, сердце прыгнуло в пятки, желудок, наоборот, запросился к горлу, мышцы живота сократились, и прошло какое-то время, прежде чем Северцев восстановил душевное и физическое равновесие. Посоветоваться было не с кем, но он и так понял, что попал в прошлое очень глубоко, к моменту формирования Земли как планеты, а то и Солнечной системы.

— Облако! — ватно проговорил Северцев, судорожно пытаясь развернуться и оглядеть «горизонт».

Наконец, после десятка неудачных попыток ему удалось повернуться вокруг своей оси, и Олег в невероятном далеке увидел слабое мерцание, похожее на проблеск Луны сквозь земные тучи. Однако оценить, что это такое — Луна, Солнце или еще какая-то звезда, было невозможно. Да и любоваться долго тьмой с пятнышком света не рекомендовала интуиция. Не было ничего интересного для глаза в этом черном мешке пространства без каких-либо ориентиров и указателей. Да и дышать в общем-то здесь было нечем, и холод стоял собачий, от которого тонкая ткань костюма никак не спасала.

— Поехали дальше, — пробормотал Северцев, пытаясь разглядеть циферблат синхрона. Не смог. Понял, что следующий прыжок возможен только назад, по «аварийной линии», нащупал по памяти стерженек аварийного кванкера и нажал.

Как и ожидалось, вынесло его точно в тот же район «хронохвоста» Астаны — на ее центральную площадь. Так был настроен аварийный выход синхрона, не требующий от владельца никаких дополнительных манипуляций. И настроил его скорее всего Крушан Сабиров, упрятавший в этом месте жену с дочерью, а

сам попытавшийся оторваться от погони в Монголии. Или действительно назначивший там кому-то встречу.

Северцев снял маску, расслабился, отдыхая от встряски и массы неприятных ощущений, потом упрямо настроил аппарат на самый «дальний» или, скорее, самый «нижний» прыжок по черной ветви «оси S», то есть установил стрелочку на цифру 6. Глубоко вздохнул, нацепил маску, зажал синхрон в руке таким образом, чтобы можно было без промедления нажать красный кванкер, и вдавил черный стерженек.

В окошечке аппарата поползли светящиеся оранжевые буковки:

«Для выхода на нижние регистры фазовых резонансов требуется защита класса А».

— Что ж ты мне ничего не сказал, когда я выходил на цифру 5? — рассердился Северцев. — Это же тоже нижний регистр. Когда у меня не было костюма, ты меня на «пятерку» не пустил. Или я чего-то не понимаю?

Он снова нажал черную кнопочку.

В окошечке сообщений проползла новая надпись:

«Выход опасен для жизни!»

— Да верю, верю, запускай!

Олег еще раз вдавил черный кванкер и после цепочки ставших привычными ощущений оказался... в космосе!

В принципе он был готов к такому повороту событий, но, даже владея экстрасенсорикой и реактивной нервной системой, рассчитанной на мощную энергетическую отдачу и скоростное д е й с т в и е, продержался в этом мире всего несколько мгновений. Анализировать — что он увидел, услышал и почувствовал, Олег начал, только вернувшись назад в аварийном режиме.

Сначала он увидел звезды — россыпь необычайно ярких и крупных звезд, окружавших его со всех сторон. До самых больших из них, казалось, можно было дотянуться рукой.

Затем его поразил цвет неба или пространства, в котором роились звезды. Здешний космос был не черным и даже не фиолетовым, он был светлым, жемчужного отлива!

Третье шокирующее впечатление Северцев получил, глянув под ноги.

Он висел над исполинской багрово-желтой рекой лавы, несшей более темные струи, вихри, камни и сгустки, а также факелы оранжевого и ослепительно золотого огня. Северцеву даже инстинктивно захотелось поджать ноги, которые запросто могли сгореть в горниле лавового потока. Тем более, что видение пото-

ка сопровождалось ощущением теплового удара: в этом космосе царила чудовищная жара! Мало того, невесомости Олег не почувствовал вовсе, будто стоял на поверхности невидимого массивного объекта, зато почувствовал, что некая сила растягивает его вдоль позвоночника, стремясь превратить в тонкую рояльную струну. Причину этого эффекта он осознал позже, отдыхая от полученного нервного стресса. Зато смог проследить за течением огненной реки и понять, что это — кольцо наподобие кольца Сатурна, вращающееся вокруг самой большой, хотя и не самой яркой оранжевой звезды.

И, наконец, более сильное потрясение ждало путешественника, когда он поднял голову и увидел над собой еще одну лавовую реку, точнее, веретенообразную струю раскаленных комьев багрового, алого и малинового цвета, сгусток лавы с черной дырой посредине, превращавшей его в исполинский, налитый кровью глаз. Лишь гораздо позже, вспоминая увиденные панорамы и пейзажи, Северцев понял, что черное пятно на самом деле являлось идеальной формы шаром. Возможно, это была планета, возможно, обточенный огнем и пылью астероид, но у Олега создалось впечатление, что видел он искусственный объект — космический корабль или станцию, созданную неведомыми разумными существами еще до рождения Солнечной системы. А в том, что он оказался свидетелем ее формирования, Северцев не сомневался.

После недолгих размышлений понял он и причину силы, едва не растянувшей его тело в струну. Он оказался в области Роша — в слое пространства между двумя массивными образованиями, и сила их притяжения едва не разорвала путешественника на части. Точно так же в современной Солнечной системе были разрушены многие спутники больших планет, неосторожно приблизившихся к пределу Роша[1].

Сколько времени Северцев провел в космосе, предшествующем рождению планет Солнечной системы, он не помнил. Не более трех-четырех секунд. Инстинкт сработал вовремя и заставил его бессознательно нажать кнопку аварийного старта. Зато отдыхал он после этого почти час, заново переживая свое путешествие в прошлое. Хотя при размышлении нет-нет, да и мелькала мысль, что «ось S» не является реально существующим про-

[1] Предел Роша в классическом смысле — поверхность равного гравитационного потенциала в тесной звездной (звездно-планетной) системе, определяющая предельные размеры ее компонентов, при которых они еще сохраняют устойчивость.

странственным континуумом. Время на «оси S» играло какую-то другую роль.

Додумать свою гипотезу он не успел, да и данных не хватало, отправных точек, кроме одной — синхрон работал и абсолютно реально перебрасывал человека либо из района в район земного шара, либо в некие странные миры, напоминающие Землю в разные моменты прошлого и будущего. Издалека донесся гул вертолетных винтов — неведомая служба контроля «оси S» снова отыскала «нарушителя границы» и послала своих псов-системников ликвидировать прорыв. Пора было бежать из «хронохвоста» Астаны в более спокойное место.

Уже настроив синхрон на возвращение в Москву, Северцев вдруг решил проверить другой диапазон «оси» — белую ветвь. Решение было спонтанным и необдуманным, и потому бесповоротным.

Он быстро установил стрелочку курсора на белом циферблате на цифру 5, нажал белый кванкер.

«Выход опасен для жизни», — предупредил синхрон владельца.

— Это мы уже слышали, — буркнул Северцев, еще раз нажимая кнопочку пуска... и снова оказался в космосе! Только этот космос разительно отличался от того, в каком час назад побывал путешественник.

Звезды здесь были, но в большинстве своем маленькие, тусклые, холодные. Они собрались в одно веретенообразное облако, ничуть не напоминающее знакомый Млечный Путь, и по сути образовывали галактику, видимую с далекой ее окраины.

Земли под ногами Северцева не оказалось, зато наличествовало подсвеченное изнутри серо-сизое море пыли, в котором плавали более плотные сгустки и темные конфигурации. Солнце — в виде крупной малиновой звезды — было погружено в это пыльное море, окруженное прозрачным золотистым гало и двумя кольцами темной материи. И вокруг царил такой дикий холод, что Северцев едва не заледенел за те несколько секунд, в течение которых рассматривал панораму «будущего» Солнечной системы. На вопрос, заданный им самому себе: когда и почему исчезла Земля, а возможно, и другие планеты? — ответить было некому. Сценарий эволюции Вселенной, прочитанный Олегом в журнале «Земля и Вселенная», не совпадал с картиной космоса, заполненного пылью, газом и умирающими звездами. Что-то здесь было не так. Стадия эволюции, при которой планеты начинали рассыпаться в пыль, в излучение, должна была наступить,

согласно мнению ученых, через триллионы триллионов лет, когда начинала распадаться основа материи, самая устойчивая элементарная частица — протон. А Северцев сильно сомневался, что синхрон мог забросить его так далеко в будущее.

Уже вернувшись обратно в «хронохвост» Астаны, он чуть было не отправился проверять еще более далекое будущее — обозначенное цифрой 6 на белом циферблате, но вовремя одумался. Костюм его, конечно, защищал в какой-то мере, позволяя оставаться живым короткое время там, где остальные люди неминуемо погибли бы, но все же это был не герметичный скафандр, и ни от космического холода, ни от гамма-излучения и больших температур он не спасал.

Подумав с минуту над своим положением под аккомпанемент крутившегося над городом вертолета, Северцев решительно настроил синхрон на возвращение в Москву, и аппарат перенес его на Воробьевы горы, аккурат на улицу Косыгина.

Ему повезло: здесь царил вечер, дневные палатки и бары уже закрылись, пешеходов было мало, а водители машин, пролетавших мимо университета, не обратили внимания на внезапно возникшую на тротуаре серебристую фигуру.

Северцев быстро переоделся в свой костюм — пакет с одеждой он не выпускал из руки, — поблагодарил провидение за отсутствие свидетелей, поднял руку, останавливая частника. Через полчаса с минутами он был возле дома Вероники, страстно желая оказаться под струями душа и смыть с себя пот и «пыль веков».

* * *

Вера впустила позднего гостя, накинув блестящий халатик, не скрывающий достоинств ее фигуры. Кинув взгляд на ее высокую грудь, Северцев мимолетно пожалел о том, что их пути разошлись, но перед глазами вдруг возникло призрачное видение другой женщины, и сердце успокоилось.

После долгого купания в ванной Северцев переоделся в предложенный хозяйкой халат мужа, и они сели в кресла возле торшера, создающего в гостиной уютный полумрак. От ужина Северцев отказался, но с удовольствием выпил бокал легкого вина. Вера сготовила кофе, и они принялись беседовать, наслаждаясь вкусным напитком, прохладой и тишиной.

Интересно, подумал Северцев, усмехнувшись про себя, что сказал бы муж Веры, вернувшись из командировки и застав дома

гостя, одетого в его же халат? Поверил бы жене, что это всего лишь однокашник, друг детства, заглянувший на огонек?

— О чем ты подумал? — проницательно спросила Вера, уловив его душевные колебания.

— О твоем муже, — честно признался Северцев. — Ты любишь его?

— Люблю, — не отвела глаза женщина, лишь порозовела под его взглядом. — Он сильный и добрый.

— Редкое сочетание в нынешние времена, — кивнул он. — Я рад, что ты счастлива. Со мной ты была бы одинокой. К тому же я несерьезный товарищ, порой дома и недели не сижу. До сих пор в дороге. Как говорится, непроходящая тяга к перемене мест.

— Нет, ты серьезный, — не согласилась с его самооценкой Вера, — просто не нашел еще себя. Я знаю, что ты сейчас не женат. А вообще девушка у тебя есть?

— Да как тебе сказать... — Северцев дернул себя за мочку уха, подумал о своей последней подруге, с которой не встречался уже больше месяца. Перед глазами снова появилось лицо Варвары, строгое, решительное, сосредоточенное, отвыкшее улыбаться. — Вроде бы есть, а вроде бы и нет.

— Бедный, — сочувственно покачала головой Вера. — Тебе уже пора жениться, детей иметь.

— Вот найду такую же, как ты, и женюсь, — пообещал он, отодвигая пустую чашку.

— Еще хочешь?

— Нет, спасибо, спать пойду, устал.

— Где на сей раз был? Далеко? В России или за рубежом?

— В Монголии, — ответил он с заминкой, представив, как отреагировала бы Вера на его заявление о «путешествии во времени». — Искал упавший НЛО.

Глаза Вера загорелись.

— Правда? Неужели нашел?

— Нашел всего лишь дырку в земле, действительно, странную, похожую на след НЛО. Но для ее изучения нужна специальная экспедиция. Завтра утром я тебе подробнее расскажу, а то глаза слипаются.

— Конечно, конечно, — засуетилась Вера, собирая чашки на поднос. — Ложись здесь на диване, я сейчас белье достану. — Она ушла на кухню и уже оттуда сообщила: — К нам на работу какой-то тип заходил, тебя спрашивал.

— Что? — удивился Северцев, внутренне сжимаясь. — Меня? Когда?!

— Сразу после того, как ты ушел, вернее, часа через два. Нас многие видели, на меня показали, ну, я ему ответила, что ты заказ на книги сделал.

— Умница! Как он выглядел?

— Длинноволосый, невысокий, глаза черные и неприятные, будто он прицеливается. Книжечку красную показал, с золотым тиснением: двуглавый орел и надпись «ФСБ России».

— Даже так? Он из службы безопасности? Лейтенант, капитан, майор? Фамилию не запомнила?

— Я в документы не заглядывала, а фамилия у него какая-то нерусская, то ли Тельман, то ли Гельман. — Вера появилась в гостиной с простынями и подушкой. — Вот, раскладывай сам и ложись.

— Погоди. — Северцев взял у нее постельные принадлежности. — Что ему было нужно конкретно?

— Ну, он, собственно, ничем и не интересовался, — пожала плечами Вера. — Спросил, зачем ты заходил и обещал ли встретиться. Я сказала, что ты заходишь редко, и он ушел. А что? Я что-то не так сказала? — встревожилась она.

— Нет-нет, все правильно... — пробормотал Северцев, отчетливо понимая, что на его след вышли системники. Оставалось только гадать, как им удалось отыскать его в многомиллионном городе спустя всего лишь несколько часов после возвращения с «оси S».

Виктор! — ударила в голову всполошная мысль. Он тоже в опасности! Если системники добрались до Веры, то доберутся и до остальных друзей и знакомых! А в книжный он заходил с Виктором! Надо немедленно позвонить ему, предупредить! И хорошо бы дозвониться до Кости Зеленского, ему тоже грозит опасность. Пусть поостережется всякого рода незнакомцев и держится вместе со своими коллегами, не уединяясь.

Он снял трубку телефона, набрал номер квартиры Виктора. Линия оказалась занятой. Олег подождал, еще раз позвонил: снова занято. Черт, с кем он там треплется?! Придется звонить по мобильному.

Но и мобильный телефон был занят. Северцев потратил на попытки установить связь несколько минут, пока не сдался, злой и встревоженный. Впечатление было такое, будто Виктор разго-

варивал одновременно по двум телефонам, либо звонил по мобильному к себе домой, а там кто-то ждал его и снял трубку.

— Кому названиваешь? — поинтересовалась Вера, выглядывая из прихожей; она закончила мыть посуду и вытирала полотенцем руки.

— Другу, — ответил Северцев, не зная, что делать. Ехать поздно ночью к Виктору не хотелось, но и оставлять его, не предупредив, было неправильно. Он снова набрал номер домашнего телефона Красницкого. Теперь линия была свободна, однако никто не отзывался. Если Виктор и говорил с кем-то минуту назад, то уже ушел. Интересно, куда, на ночь глядя?

— Ложись, утро вечера мудренее, — мягко сказала Вера. — Завтра дозвонишься, никуда твой друг не денется.

— Надо предупредить дружбана, — качнул он головой. — Наверное, придется ехать к нему.

— Неужели это так важно? Ничего с твоим дружбаном до утра не случится.

— Хотелось бы... — начал Олег, чувствуя непреодолимое желание лечь спать, и в это время зазвонил телефон.

Северцев протянул было к нему руку, но вовремя отдернул, кивнул женщине:

— Возьми... меня здесь нет... ни для кого! Никто не знал, что я у тебя остановлюсь.

— Я поняла. — Вера сняла трубку. — Слушаю вас.

Пауза.

— Слушаю, говорите.

Она подождала еще немного, пожала плечами, положила трубку.

— Молчат.

Северцев подумал немного и начал торопливо переодеваться.

— Извини, я, наверное, не останусь у тебя. Если будут звонить еще или же постучат в дверь — не открывай, сразу позвони в милицию. Поняла?

— Но почему? Что происходит?

— За мной охотятся... нехорошие люди. Возможно, они проверяют, здесь я или нет. Больше тебе знать не положено. Муж твой когда вернется?

— Девятого обещал, послезавтра.

— Жаль, что не завтра, с ним тебе было бы спокойнее.

— Что случилось, Олег? — Глаза Веры стали тревожными. — Ты что-то натворил, связался с бандитами?

— Не с бандитами, — невольно улыбнулся Северцев. — Хотя

в данном случае эти люди мало чем от них отличаются. Может быть, впоследствии я тебе все расскажу, а пока не могу. До встречи. Мужу привет.

Он проверил в карманах жилета и брюк свой арсенал, поцеловал женщину и вышел из квартиры, предварительно убедившись, что на лестничной площадке дома его никто не ждет.

Интуиция подсказывала приближение опасности, — ощущение психологически напоминало нависшую над головой черную тучу с дождем и градом, — поэтому Северцев сразу приготовился к адекватной реакции на изменение внешних условий, введя себя в измененное состояние сознания.

Он бесшумно сбежал вниз, не встретив никого на своем пути, оглядел ночной двор — видел он теперь почти так же хорошо, как и днем, — ничего подозрительного не обнаружил и перебежал двор, прячась за стоящими двумя рядами автомобилями. Замер возле сетчатого заборчика детского сада и услышал, как с улицы в арку дома, из которого он только что выскользнул, тихо въезжает машина. Фургон. Почти незаметный в темноте. С выключенными фарами. Лишь в лобовом стекле отразился лучик света, упавший на машину из окна первого этажа.

Фургон остановился, из него неслышно вышли трое мужчин. Двое молча двинулись к подъезду, в котором жила Вера, третий закурил.

Северцев хотел было двинуться прочь отсюда, пользуясь своим преимуществом человека, увидевшего противника первым, но передумал. Душа подсказала, что надо остаться и посмотреть, чем закончится визит незнакомцев. Сомнений в их принадлежности к системникам у Северцева не было.

Прошла минута, другая... пятая.

Двое мужчин, вошедших в подъезд, не возвращались. Третий неподвижно торчал возле фургона, словно превратился в статую. Бросил окурок. В ночной тишине отчетливо пропиликал мобильный телефон. Мужчина шевельнулся, поднес трубку к уху. Обострившийся слух Северцева позволил ему услышать сказанное:

— Они наверху... тихо... может быть, он еще не пришел... ждем...

Мужчина спрятал мобильник, снова застыл. И в этот момент Северцеву показалось, что он услышал сквозь окна тихий женский вскрик. Больше он не колебался.

Некая почти невидимая и бесплотная тень пересекла двор и сформировалась возле фургона в более плотную фигуру. Глухой

удар! Мужчина, только что говоривший по телефону, беззвучно сложился пополам, свалился к колесам фургона. В окошке автомобиля показалась голова водителя.

— Ты чего, Марат?

Призрак, уложивший человека с мобильником, сделал движение. Раздался костяной стук, и голова водителя исчезла в салоне, получив удар в лоб рукоятью пистолета. Понять, что произошло, водитель фургона не успел.

Северцев замер, обшаривая пространство двора «сканером» экстрасенсорного восприятия, никого, кроме разгуливающих котов, не обнаружил и в прежнем темпе метнулся к подъезду. На четвертый этаж, где располагалась квартира Веры, он поднялся за три секунды. Остановился на несколько ударов сердца, прислушиваясь к долетавшим на лестничную площадку звукам.

В квартире разговаривали двое, что-то передвигая, роняя и переворачивая. И стонала Вера!

Северцев задержал дыхание, нажал на дверь, кивнул сам себе с удовлетворением: гости не заперли ее за собой, проявив элементарную небрежность. Ломать замок не придется. Затем толкнул дверь от себя и в два прыжка ворвался в гостиную.

Вера сидела на стуле, привязанная к нему скакалкой. Рот ее был стянут полотенцем.

Гостей действительно оказалось двое. Один был сед, сухопар, высок, одет в добротный летний костюм с галстуком. Второй был шире его вдвое, накачанный, в рубашке, лопавшейся на могучей груди, длинноволосый и небритый. Оба планомерно обыскивали гостиную и спальню, выбрасывая вещи из шкафов и комода. На прыжок Северцева они отреагировали одинаково: медленно — по его оценке — оглянулись, подняли брови, в глазах — хищная безмятежность и цепкая сосредоточенность, ни капли страха, — и лишь мгновение спустя потянулись за оружием. Однако Олег действовал намного быстрее, преисполненный холодной ярости.

Седой получил удар ногой в горло и, отлетев к двери спальни, успокоился на пороге, не успев вытащить пистолет из-под борта пиджака.

Его длинноволосый напарник, налитый бычьей силой, удар по челюсти практически не заметил, вытащил из-за спины пистолет с глушителем, и Северцеву пришлось сначала бить по бицепсу здоровяка, лишая его возможности стрелять, а потом обрабатывать болевые точки на теле противника. Упал качок только после четырех попаданий — в нервные узлы над ключицами, в

межгрудинную ямку и в шею. Проследив за падением громадной туши, от которого содрогнулся, казалось, весь дом, Северцев быстро освободил Веру и, как смог, успокоил.

— Теперь звони в милицию, — сказал он, склоняясь над визитерами и обшаривая их карманы.

У длинноволосого качка в карманах брюк не оказалось никаких документов. У седого в кармане пиджака обнаружилось удостоверение полковника юстиции. Работал он, судя по всему, в Генеральной прокуратуре.

— Ничего себе! — озадаченно покачал головой Северцев, рассматривая малиновую книжечку с золотым российским гербом.

— Что ты нашел? — всхлипнула заплаканная Вера.

— Это не простые бандиты. Это бандиты, наделенные государственной властью. Ты позвонила?

— Сейчас... там занято...

— Не надо никуда звонить, — раздался из прихожей чей-то знакомый голос.

Северцев, кляня себя за потерю бдительности, выхватил пистолет и отпрыгнул к буфету, целясь в появившуюся в проеме двери фигуру. И опустил пистолет. Это был Виктор Красницкий. В руке он тоже держал пистолет, но гораздо более экзотической формы. Имплантор, всплыло в памяти название оружия, о котором предупреждала Варвара.

— Не суетись, Север, — угрюмо оскалился актер. — Я выстрелю первым, а от разряда этой машинки уйти невозможно.

— Имплантор...

Брови Красницкого прыгнули вверх.

— Тебе уже и это известно? Жаль. Теперь тебя придется обрабатывать по полной программе. Надо было сразу тебя запрограммировать, как только мы встретились.

— Это была твоя ошибка.

Виктор внимательно посмотрел на друга.

— Да, это была моя ошибка. Я хотел помочь тебе. Дай-ка сюда синхрон. Осторожнее, не касайся кнопок, иначе улетишь на «ось S» трупом.

Северцев молча бросил Виктору аппарат.

Вера, переводившая взгляд с одного на другого, опомнилась.

— Кто вы такой?! Что вам нужно?!

Виктор что-то перещелкнул на рукояти своего грозного пистолета, направил ствол на Веру и выстрелил.

Раздался тихий писк.

Вера широко раскрыла глаза и опустилась на пол.

Северцев рванулся было к ней и замер, заметив движение ствола оружия в свою сторону.

— Успокойся, мастер, она просто уснула. Ни к чему ей слушать наши споры. А разговор у нас будет долгий.

— Она ничего не знает.

— Тем лучше. Значит, будет жить. Что ты с ними сделал?

Виктор пошевелил носком туфли плечо седого, не спуская при этом глаз с Олега, потом гиганта-качка.

— Надо же, еще никто никогда так качественно не ронял Ефима. А ведь он известный борец, медали имеет. Но к делу. Сядем поговорим? Только не надо демонстрировать свое мастерство рукопашки, лишь усугубишь свое положение. А то я тебя знаю, начнешь строить планы, выкарабкиваться... Обещаешь?

— Кто ты? — сцепил зубы Северцев.

Виктор поднял с пола синхрон Олега, качнул стволом имплантора, приглашая его сесть.

В квартиру вошли несколько человек, заглянули в гостиную.

— Заберите ребят, — сказал Виктор, не оглядываясь. — Я скоро спущусь.

Противников Северцева с трудом привели в чувство, увели. Виктор и Олег остались одни, если не считать потерявшей сознание Вероники. Олег перенес ее на диван, сел в кресло. Красницкий занял второе кресло, у торшера, опустил пистолет на колено.

— Итак, дружище, начнем знакомиться?

Северцев промолчал, исподволь начиная готовиться к изменению своего незавидного положения.

Часть II

S-ТРАФИК

ГЛАВА 1

Казалось, он был готов ко всему, к любым неожиданностям, к самым невероятным поворотам судьбы. Но то, что он услышал от Виктора, не укладывалось в голове. Все знания о времени, о Вселенной, о физических законах после речи Красницкого сразу оказались перевернутыми, и Северцев уже не мог объективно оценивать свой опыт, услышав из уст друга удивительную историю Мироздания, к тайне которой он случайно прикоснулся.

Они сидели в гостиной Веры, пили холодный морс, Виктор говорил, изредка набрасывая на листах бумаги схемы и графики, а Северцев слушал, молчал, пытался разобраться в предлагаемом материале, но больше — в своих ощущениях, и погружался в омут н о в о г о знания все глубже и глубже. Пока не взбунтовалось осоловевшее от избытка информации сознание.

— Хорошо, — сказал он наконец севшим голосом. — Я понял. Теперь давай обо всем снова, не спеша, по порядку, а я буду задавать вопросы и направлять. Идет?

— Идет, — улыбнулся Виктор, глаза которого ни на миг не утратили мрачной сосредоточенности.

Вера на диване шевельнулась, он поднял было лежащий на столике перед собой пистолет-имплантор, но Северцев загородил женщину грудью.

— Не трогай ее!

Виктор пожевал губами, пребывая в сомнении.

— Опасно, если женщина проснется, как говорил поэт. Она не должна ничего слышать и знать...

— Второй импульс твоей машинки убьет ее или превратит в инвалида до конца дней. Я физик и знаю, как действует на человека электрический разряд.

— Имплантор — не электрошокер, он действует на психику. Мы называем его «просветлителем».

— Еще бы, — хмыкнул Северцев, — он, наверное, так хорошо «просветляет» мозги, что человек после этого перестает помнить свое имя. Нет?

— Кто она тебе? Не жена, не любовница, не подруга — бывшая однокашница.

— Она прежде всего человек. Что с тобой, Витя? Раньше ты так не говорил.

— То было давно и неправда. Что тебе неясно? Задавай вопросы, я буду объяснять. — Виктор положил пистолет перед собой, покосился на медленно приходившую в себя женщину. — Заткни ей уши, что ли.

Северцев поднял Веру на руки, отнес в спальню, уложил на кровать.

— Полежи, не вставай. Все будет хорошо.

— Что... случилось? У меня... голова... кружится...

— Все пройдет, не волнуйся. Усни, если сможешь. Принести воды? Может, чаю сделать?

— Не надо... я полежу... отдохну...

— Позови, если что.

Северцев вернулся в гостиную, мимолетно подумав, что он мог бы попытаться завладеть оружием Виктора. Но время боя еще не пришло. Прежде надо было разобраться в полученной информации.

— Итак, начнем сначала. — Он снова сел в кресло, провел ладонью по лицу. — С ума сойти можно!.. Если бы не синхрон и не мои похождения на «ось S», твой рассказ вполне можно было бы классифицировать как бред.

— Уверяю тебя, это не бред.

— Начинаю соображать.

— С чего начнем?

— Со времени.

— Хорошо, поговорим о времени — в рамках той программы, которая досталась мне.

— Значит, тебя все-таки запрограммировали? Всадили файл с информацией? То есть имплант, если говорить на вашем языке? Кто это сделал? Системники? Те самые монгольские пограничники?

Виктор усмехнулся.

— Ты же хотел услышать рассуждения о времени. Но коль уж задал вопрос... Монгольские пограничники — не системники, это криттеры, выполняющие приказы системников. Их програм-

ма проста и линейна — догнать, поймать, захватить, ликвидировать — если требуется. Моя же программа сложней, я подчиняюсь непосредственно триарху СКонС, то есть резиденту, контролирующему свой район или, как мы говорим, мигран-зону. Но ты прав: меня нашли и «всадили» программу, поэтому я в настоящее время...

— Зомби! — вырвалось у Северцева.

Виктор снова усмехнулся, хотя мрачное сосредоточенное выражение его глаз не изменилось.

— Можешь называть меня и так, если от этого тебе становится легче. Теперь о времени. В нашей Вселенной, которую мы называем Базовым Масс-графом, — имеется в виду не граф — как титул, а граф — как математический термин...

— БМГ!

— Да, БМГ. — Виктор кинул на собеседника удивленный взгляд. — Ты уже знаком с этим термином?

— Синхрон все время высвечивал эти три буквы.

— А-а... да, тебе достался фазовый синхронизатор старого образца, с фиксированными выходами на резонансы. Но до этого мы еще доберемся. Итак, в нашей Вселенной реализовано два вида времени. Первый: время — как процесс общего движения материи, механического перемещения, изменения положения в пространстве и ряда изменений, связанных с ядерно-атомарными процессами, то есть с поглощением-излучением порций энергии. Второй вид: время — как сумма квантово-волновых пакетов, синхронизированных относительно масс-энергетических узлов. Чем массивнее объект, тем его квантовый пакет шире. Я тебе это рисовал, хотя и не в масштабе, естественно. Кстати, тело человека тоже можно представить в виде когерентной суперпозиции возбуждаемых состояний, то есть в виде волнового пакета.

Виктор подтолкнул ногтем листок с рисунком.

— Это тебе понятно?

— Пока да, хотя возникают дополнительные вопросы. Например: кто, какая сила синхронизирует квантово-волновые пакеты объектов? Из твоего рассказа я понял, что этим занимается ваша организация — СКонС.

— Ты неправильно понял. СКонС — Структура Контроля Состояний, это всего лишь Подпрограмма БМГ, а синхронизирует все фазовое состояние Программа, заданная Творцом БМГ, то есть нашей Вселенной, если тебе больше нравится этот термин. По сути, Программа — это совокупность Законов и Ограниче-

ний, имеющих свойство разворачиваться в зависимости от возникающих дисбалансов в результате действий разумных систем. Кстати, человечество — не единственная такая разумная система, но требующая пристального внимания СКонС. Теперь о самой Структуре...

— Погоди, ты не закончил о времени.

— Да, собственно, добавить почти нечего. В соответствии со сказанным «объединенное» время в нашем БМГ... э-э, в нашей Вселенной, представляет собой последовательность состояний материи, изменяющихся в согласии с Программой Творца. А Вселенная в таком случае является материально-пространственным солитоном или Базовым Масс-графом, скользящим по оси реализации квантовых состояний.

— «Ось S»!

— Совершенно точно. И время в нашем БМГ существует лишь в пределах границ солитона как квантованная упругая среда реализации множества классов материальных объектов, различных по массе или по энергонасыщенности. Разобрался?

— Не совсем, — признался Северцев.

— Опять двадцать пять! Что тебе непонятно? Ты же, в отличие от меня, физик, должен быстро соображать, тем более, что знаешь терминологию.

— Что такое «ось S», я понял, это ось состояний материи...

— Вообще-то физический смысл этого термина можно представить как гиперобъем вложенных друг в друга одномоментных событий, сдвинутых по фазовым резонансам.

— Все равно это ось состояний, так? А что такое «ось E»?

— Это спектральная ось энергетических или масс-модуляций. На этой оси располагаются все материальные образования Вселенной от элементарных частиц до скоплений галактик.

— Значит, нажимая кванкер «оси E», я выбирал определенный класс объектов, различных по массе?

— Наконец-то дошло, — осклабился Виктор.

— Но почему я точно попадал в Астану или в Москву? Причем в одно и то же место. Ведь невозможно точно учесть массу города, он же не точечный объект.

— Этого я не знаю, — отвел взгляд Виктор. — Массы объектов как-то учитываются и шунтируются при синхронизации. Все, что надобно было тебе сообщить, я сообщил. Так что думай и решай.

— Не должен ли я понимать твои слова как приговор?

— Ты должен решить — с нами ты или нет. Обратного пути нет, сам понимаешь. Мы не можем допустить утечки информации. Подумай хорошенько. Если я — всего лишь исполнитель, угларх, то тебе может светить карьера триарха, а то и выше.

Северцев покачал головой, откинулся на спинку кресла. Посидел так, закрыв глаза.

— Еще вопрос... на твоих графиках нарисована кривая с двойным горбом, в то время как оси «S» и «E» должны начинаться из одной точки...

Виктор подвинул к себе наспех сделанный рисунок.

— Ты имеешь в виду нижнюю часть кривой?

— Да, она лишняя.

— Она вовсе не лишняя. Верхняя часть графика отражает ПраВь — Прямую Вселенную, нижняя — ЗеВс или зеркальную Вселенную. Но если ты согласишься на мои предложения, тебе все объяснят квалифицированные специалисты. Согласен?

— Еще вопрос. Что такое СКонС?

— Я уже говорил, это Подпрограмма контроля, созданная, между прочим, самим Творцом почти одновременно с Базовой Программой. Она не имеет проявленной службы, единой централи управления, но всегда срабатывает, если требуется внести определенный корректирующий импульс в ситуацию. Соответствующую линейную программу можно имплантировать в любого человека и даже в животных. Допустим, в Базовой Программе наметился сбой. Тогда Подпрограмма, то есть СКонС, посылает корректирующий импульс, который реализуется через конкретных исполнителей. Импульс находит подходящие психо-энергетические структуры, внедряет в них информацию о том, что следует сделать, а исполнители реализуют целевую установку.

Северцев почесал лоб. Что-то не устраивало его в словах Красницкого, какое-то неуловимое несоответствие с собственным опытом, но поймать летающую в подсознании мысль пока не удавалось.

— Хорошо, допустим. Но почему вы используете такую технику?

— Какую?

— Ну, обыкновенную, что ли, не суперсказочную со всякими там телепатическими штучками и силовыми развертками.

— Ты имеешь в виду этот синхрон? — Виктор потрогал аппарат Северцева. — Дело в том, что каждая эпоха, представляющая собой мегаквант качественных изменений БМГ, имеет свое сред-

ство для активации Подпрограммы. В прошлом таким средством было мысленное и магическое оперирование, психозвуковые мантры, ритуалы, в нынешние времена — особые излучатели, имплантеры, а также технические приспособления для синхронизации волновых пакетов — синхроны. Твой синхрон изготовлен более полувека назад, потому и выглядит так прозаически, как часы.

— Тебе тоже должны были дать синхрон. Можешь показать?

— Синхронами механического типа пользуются только криттеры...

— Зомби.

— Криттеры. Исполнители уровнем выше пользуются полевыми или имплантированными синхронами. — Виктор показал перстень на пальце и клипсу на мочке уха. — Это полевой синхрон. Но есть и абсолютно современные аппараты: в горло вживляется ларинг для подачи звуковых команд компьютеру синхрона, в ухо монтируется микродинамик, работающий непосредственно на слуховой нерв.

— Круто! — восхитился Северцев. — Действительно, наука и техника не стоят на месте. Я достаточно плотно слежу за новейшими разработками, но явно не успеваю. Ну, хорошо, ты — особая статья, тебе положено иметь супертехнику, а что носят «шестерки», то бишь криттеры? Какие такие механические синхроны?

— Браслеты с генераторами синхронизации и микрофоны с наушниками.

Северцев еще раз бросил взгляд на руку Виктора, никогда не носившего никаких перстней и колец. На указательном пальце актера красовался перстень из белого металла с выпуклым прозрачно-черным камнем, напоминающим кварц. Красницкий не обратил на взгляд друга никакого внимания.

— Пора определяться, мастер. Нас ждут.

— Где?

— В одном месте... недалеко отсюда.

— Кто? Тетрарх?

— Начальник рангом повыше меня. Увидишь.

— А если я все-таки не соглашусь?

— Тогда я всажу в тебя выстрел-программу, — Виктор шевельнул имплантором, — и ты превратишься в криттера. Со всеми вытекающими...

Северцев усмехнулся, отвечая больше своим мыслям, а не предупреждению Виктора. Очень не хотелось начинать бой в

столь невыгодных условиях, но и криттером становиться не было никакого желания. Конечно, можно было для виду согласиться с предложением Виктора, выяснить все обстоятельства дела, а потом красиво уйти, если цели и методы СКонС окажутся несовместимыми с моральными установками и принципами. Но что-то останавливало Олега, мешало добровольно принять сторону Красницкого. Может быть, то обстоятельство, что он сам был запрограммирован и не говорил всей правды.

— Самый последний вопрос. Как работает синхрон?

— Это тебе объяснят специалисты.

— Но ведь и ты должен знать основы вашей физики, хотя бы примерно.

— Он синхронизирует волновые пакеты объектов разной массы внутри диапазона существования.

— Нарисуй, а то так я не врубаюсь.

— Потом, Олег, потом, не тяни время.

— Я не тяну время, — упрямо покачал головой Северцев, — это оно тянет меня. Я хочу разобраться. Есть хорошее четверостишие о времени, отражающее, как я понимаю, суть:

Кто-то сказал — время идет.
Ах, к сожалению, нет.
Время стоит, мы же идем
Через пространство лет.

— Очень точно, — кивнул Виктор, теряя терпение, кинул взгляд на часы. — Итак, что ты решил?

В спальне Вероники что-то упало.

Оба посмотрели на дверь, потом друг на друга, но не тронулись с места.

— Она подслушивала, — нахмурился Виктор.

— Она не из тех, кто подслушивает, — возразил Северцев.

— Ты определился?

— Да. Но у меня последний вопрос...

— Последний уже был.

— Самый распоследний. Как в этом деле замешана семья Крушана Сабирова? И что вы с ним сделали?

— Что с ним сделали, мне неведомо. — Виктор поморщился. — По слухам, он с женой замыслил подкорректировать Программу, а такое отклонение СКонС не приветствует.

— Разве одному человеку или даже двум под силу подкорректировать Программу? — скептически изогнул бровь Северцев. —

По твоим словам, Программу сотворил Господь Бог, то есть сам Творец.

— Всех деталей конфликта мне не сообщили, да это и не нужно, каждый из нас решает проблемы в области своей ответственности. Мне поручено разобраться с тобой.

— И все же ты должен знать, почему ваши системники так рьяно охотятся за женой Сабирова.

— Ты будешь разочарован, но я не знаю. Я всего лишь угларх в иерархии СКонС. Все, Олег, переговоры закончены. Да или нет?

— Скорее нет, чем да, — вздохнул Северцев.

— Что тебя смущает?

— Скажем так: внутреннее неприятие ситуации. Почему одни криттеры охотятся за мной, используя серьезное оружие, а вторые начинают переговоры?

— Ты имеешь в виду меня?

— К сожалению, да.

— Я не простой криттер...

— Это мы уже слышали. Какая разница? Ты все равно зомби, послушно выполняющий вмонтированную в мозги программу. Если я откажусь, ты без колебаний убьешь меня или закодируешь с помощью твоего «просветлителя», не так ли?

Лицо Виктора стало жестким.

— В данном случае я вынужден в твоем лице ликвидировать утечку информации. Ничего личного.

Северцев иронически прищурился.

— Как говорил поэт: ничего против вас не имею, но свернуть я вам вынужден шею.

Виктор хотел сказать что-то резкое, но сдержался.

— Хватит дискуссий! Ты прав, я выполню данное мне задание без колебаний.

— А как же наша дружба? Она не в счет?

В глазах Виктора зажегся странный огонек: будто из глубин души просверкнули тщательно скрываемые боль и обреченность. Личность Красницкого, воспитанная на идеалах открытости, справедливости и мужской чести, пыталась сопротивляться навязанной извне, внушенной пси-программе.

— Дружба — дело непростое... — начал он.

За дверью спальни Вероники раздался шелест.

Красницкий насторожился, потянулся к лежащему на столе имплантору.

— Черт побери, она наверняка подслу...

Дверь толчком распахнулась, и в проеме возникла тонкая светловолосая фигурка в пятнистом комбинезоне, с пистолетом в руке.

Варвара!

На мгновение все замерли.

Затем началось д в и ж е н и е.

Рука Виктора ухватилась за рукоять имплантора.

Северцев, давно готовый к действию, текучей змеей метнулся к нему, ногой отбил излучатель в сторону, одновременно нанося актеру удар в висок.

Виктор кувыркнулся через боковину кресла, тут же подхватываясь на ноги и доставая еще один пистолет, теперь уже «настоящий», с насадкой бесшумного боя.

— Стоять! — негромко, но властно, с металлическим оттенком в голосе приказала Варвара, сделав шаг вперед. Ствол ее пистолета — с такой же толстой трубкой — смотрел Виктору в лоб. Красницкий замер.

— Не стреляйте! — выдохнул Северцев, поднимаясь.

— Он вооружен!

— Все равно не стреляйте. Он мой друг...

— Он теперь человек с и с т е м ы.

Северцев загородил Виктора спиной, протянул к нему руку.

— Отдай пушку, Витя. И мы тебя не тронем.

Палец Виктора на курке поднятого пистолета побелел, начал давить на курок.

Над плечом Северцева появился ствол пистолета Варвары.

— Не двигайтесь, угларх, я пристрелю вас, не колеблясь!

— Ну же, Витя, — умоляюще проговорил Олег. — Ну убьешь ты меня, а она — тебя, кто выиграет?

Виктор несколько мгновений не сводил с него помутневших, будто провалившихся в себя глаз; было видно, что в душе его идет какая-то нелегкая борьба. Затем он выдохнул сквозь стиснутые зубы, швырнул пистолет на пол, отступил назад.

— Ты еще пожалеешь, мастер.

— Мы оба пожалеем, — грустно согласился Северцев, — что оказались по разные стороны баррикады.

— Ваша сторона ошибочна. Вы нарушили принципы СКонС и стали изгоями. В конце концов вас поймают и... нейтрализуют.

— То есть лишат жизни? За что, Витя? За какие такие высокие принципы? Кому дано право беспардонно решать судьбы людей,

убивать их за нарушение неких правил? Ты что же, всерьез считаешь это справедливым?

— Ты не все знаешь...

— Согласен. Вот разберусь, мы встретимся и побеседуем обо всем, в том числе об этике твоих хозяев.

— Если бы ты согласился сотрудничать с нами, она бы тебя пристрелила. Вместе со мной.

Северцев оглянулся на Варвару.

— Это правда?

— Мы теряем время, — сухо сказала Варвара. — Надо уходить.

Северцев помолчал, переживая неуютное чувство вины и неуверенности. Виктор был прав, Варвара способна была пристрелить обоих. Но ведь не ради этого она появилась здесь? Убить его она могла и раньше...

— Уходим, — повторила жена Сабирова.

— Как? Внизу нас ждет куча военного народа.

— Заберите у него синхрон.

Северцев посмотрел на Виктора, по лицу которого ходили тени. Шагнул к нему, поднимая с пола тяжелый холодный пистолет «волк-2» отечественного производства, лучший пистолет в мире. М-да!..

— Верни машинку, Витя.

Красницкий оскалился, некоторое время колебался, переводя взгляд с пистолета в руке Северцева на пистолет Варвары, криво улыбнулся и бросил Олегу браслет синхрона. Лишь потом Северцев осознал смысл его колебаний: Виктор мог уйти на «ось S» в любой момент.

— Уходите! — резко приказала Варвара.

— Куда?

— По аварийному регистру! Быстрее!

— А вы?

— Я за вами.

— Вы мне это уже говорили...

— Появились дополнительные обстоятельства. Вы все время путаетесь под ногами, заставляете меня помогать вам. Надеюсь, в последний раз. Уходите!

— Как вы меня нашли?

— Потом! — рассердилась женщина. — Перестаньте болтать!

Северцев посмотрел на друга.

— Может, ты бросишь своих начальников и пойдешь с нами?

— Не могу, — скривил губы Виктор. — Рад бы, да не могу.

— Они всадили в него файл самоликвидации, — презрительно сказала Варвара. — Удивляюсь, почему он до сих пор не сработал, ведь ваш бывший друг провалил задание, не выполнил приказ.

Глаза Виктора на миг стали слепыми. От внутренней боли! И Северцев понял, что держится он из последних сил. Только воля не позволяла Красницкому сорваться и начать бой — без всякой надежды на успех.

— Вы первая! — бросил Олег, стиснув зубы.

— Что?! — не поняла Варвара.

— Уходите первой! Я за вами!

— Но...

— Бегом, я сказал!

Варвара вздрогнула, с изумлением посмотрела в глаза Северцеву и, очевидно, увидела там нечто, чему она сопротивляться не могла.

— Хорошо. Вы найдете меня...

— Я знаю где.

Варвара кинула быстрый взгляд на Виктора, оглянулась на выглядывающую из-за двери спальни Веру и исчезла. Вера тихо вскрикнула.

Северцев подошел к ней, прижал на мгновение к груди, погладил по волосам.

— Забудь об этом как о дурном сне. И никому не рассказывай, ладно? Даже мужу.

Вера слабо кивнула.

Северцев оглянулся.

— Не трогайте ее, Витя. Если с ней что-нибудь случится, я всю вашу контору замочу! Поверь мне, я не бросаю слов на ветер.

— Дурак... — пробормотал Виктор. — Ты же...

— Что? Ты хотел сказать: я обречен? Посмотрим, дружище, еще не вечер. Теперь у меня появился огромный стимул разобраться во всей этой катавасии. Кто из нас уйдет отсюда первым? Ты или я?

Виктор погладил бритый череп, понурился, потоптался на месте, обуреваемый противоречивыми чувствами. Северцев поймал его взгляд, ставший чужим, холодным и расчетливым. Повидимому, внушенная программа задавила сопротивление воли Красницкого и заставила его выполнять чужие команды.

Снова косой высверк взгляда...

Куда он косится? Что задумал?

Виктор сделал два шажка боком, как бы невзначай приближаясь к дивану. Вон в чем дело — имплантор!

Они метнулись к дивану, под который залетел «просветлитель», почти одновременно. Столкнулись. Но Северцев оказался чуть проворнее, цапнул пси-излучатель, получил удар по голове, откатился в сторону и вскочил на ноги, направляя стволы обоих пистолетов на Красницкого.

Виктор замер, бурно дыша. Глаза его продолжали оставаться черными, чужими, сосредоточенными на какой-то важной мысли.

— Тебя убьют, дурак! — сказал он. — Я твой единственный шанс на спасение.

— Возможно, — выдохнул Северцев, перед глазами которого перестали крутиться огненные колеса и молнии от полученного удара, потрогал шишку на темени. — Ты мне чуть голову не проломил.

— Стреляй!

— Я не киллер, Витя. И у меня есть надежда, что ты когда-нибудь справишься с застрявшей в твоих мозгах программой. Уходи.

Виктор пригнулся. Казалось, он вот-вот прыгнет на друга. Но ценой каких-то неимоверных усилий удержался от этого шага. Расслабился, побрел к выходу, шаркая ногами.

— Еще раз прошу не трогать Веру, — сказал ему в спину Северцев. — Это не решит проблемы утечки информации.

Хлопнула входная дверь.

Северцев сунул пистолет и имплантор за пояс, погладил вздрагивающую в нервном ознобе женщину по плечу.

— Не бойся, они больше не вернутся.

— Кто... это?

Хотел бы я сам это знать, подумал Северцев, чувствуя навалившуюся усталость. Вслух же сказал:

— Они ошиблись дверью. Запрись и никого не пускай. А лучше сделай, как я тебе советовал: позвони в милицию и скажи им, что в твою дверь ломятся какие-то пьяные мужики. Пусть подъедет патруль.

Вера кивнула.

— Хорошо, позвоню. Ты уходишь? Останься...

— Не могу. Если я останусь, эти парни обязательно вернутся. А так они увидят меня и к тебе больше не полезут.

— Не уходи! Они тебя...

Северцев улыбнулся, чмокнул Веру в заплаканную щеку.

— Ничего они со мной не сделают, кишка тонка. Так мы с тобой договорились? Никому ни слова!

— Что происходит, Олег?

— Вот я сам тщательно разберусь с этим и когда-нибудь вернусь, чтобы рассказать.

Северцев вышел в коридор, сморщил нос, посылая Вере ободряющую улыбку.

— Запрись. И звони.

Дверь закрылась.

Он несколько мгновений прислушивался к тишине спящего дома — шел второй час ночи — и бесшумно двинулся вниз по лестнице. Что заставило его взяться за синхрон, он и сам не смог бы объяснить. Звук — не звук, движение — не движение... мысленное эхо чьих-то намерений...

Скрипнула коробка лифта за спиной! И тотчас же палец Олега вдавил аварийный кванкер синхрона.

Тот, кто прятался в кабине лифта, выстрелил одновременно с движением пальца. Но синхрон уже передвинул фазовый фронт волнового пакета, который представлял собой Северцев со всем, что его окружало в радиусе двух десятков сантиметров, буквально на ничтожную долю секунды — н а з а д, в прошлое, и пуля стрелка пронзила только воздух.

Через несколько мгновений беглец вынырнул из кокона хронодрайва в темноте и по запаху и другим неуловимым признакам определил, что стоит на все той же площади перед президентским дворцом столицы Казахстана. Точнее, ее «хронохвоста». И здесь тоже царила ночь, как и в Москве.

— Наконец-то, — послышался недовольный женский голос. — Вы заставляете себя ждать, господин Северцев.

Олег опустил руку с пистолетом.

Это была Варвара.

ГЛАВА 2

В «хронохвосте» Астаны они пробыли недолго.

Во-первых, потому, что оставаться здесь было небезопасно. Служба контроля СКонС уже обратила внимание на этот район «прошлого» и в любой момент могла нацелить на беглецов своих охотников. Во-вторых, Варвара Сабирова имела еще один схрон — «нишу» во времени, где оставила дочь. Туда она и предложила Северцеву перебраться, чтобы не оглядываться по сторонам во

время беседы и не ждать появления системников. Естественно, он согласился. Перспектива заночевать в пустом городе прельщала мало, да и воевать с преследователями не хотелось, несмотря на то, что вооружен он был не в пример серьезнее, чем раньше.

— Возьмите. — Варвара протянула ему ладонь, смутно белеющую в темноте безлунной ночи. Жест он увидел лишь благодаря своему умению р а с ш и р я т ь диапазон зрения.

— Что это?

— Синхрон. Клипсу приемника нацепите на ухо, перстень наденьте на палец.

— У меня же есть...

— Свой синхрон отдайте мне. Его надо заблокировать. Синхроны этого типа легко пеленгуются, я уже предупреждала вас. Не понимаю, зачем Крушану понадобилось брать его с собой.

Северцев отдал массивный браслет часов с циферблатом в форме сердечка, взял гораздо более легкие перстень и клипсу.

— Виктор говорил, что существуют более современные типы синхронов, которые вживляются прямо в тело...

— Да, существуют, но для их имплантирования требуется специальное оборудование. Перстень подошел?

— На безымянный палец.

— Не имеет значения. Для подачи команд будете подносить его к губам.

— Как им пользоваться?

— Сначала произнесите несколько слов, чтобы он настроился на ваш голос.

— Что сказать?

— Все, что хотите.

Северцев поднес ко рту руку с перстнем.

— Раз, раз, раз, настройка, настройка, один, два, три, как меня слышите, прием...

— Достаточно.

— Что дальше?

— Придумайте ключевое слово для включения синхрона.

— Любое?

— Какое посчитаете нужным.

— Варя, — вырвалось у него.

— Не глупите, — осудила она Северцева.

— Тогда пусть будет «жива», — вспомнил он девичью фамилию Варвары — Живина.

— Кодируйте.

— Как?

— Скажите «код — жива».

Северцев послушно произнес:

— Код — жива.

И тотчас же в ухе что-то слабо пискнуло, зашелестело, смолкло, снова пискнуло. Затем раздался хрустящий шепоток:

— Фазовый синхронизатор состояний настроен. Готов к работе. Координаты резонанса?

— Он спрашивает координаты... э-э, резонанса.

— Запоминайте: черный трафик, северная мигран-зона Евро-Азиатского такантая, массив Е-5, Салехард. В дальнейшем можно будет произносить только слово «Салехард», и синхрон драйвирует вас туда, в «хронохвост» Салехарда.

— Почему именно в Салехард?

— Оттуда родом моя бабушка.

— Ясно. Итак, встречаемся там? Где именно?

— Место встречи изменить нельзя, — усмехнулась Варвара. — Синхрон совмещает центры масс синхронизируемого объекта и района резонанса. Мы переместимся в одну и ту же точку Салехарда, примерно совпадающую с его гравитационным центром.

— Но ведь объектов с такой массой, какую имеет Салехард, очень много. Как на Земле, так и в космосе.

— В компьютер синхрона вложена карта почти всех объектов Солнечной системы с точным распределением координат.

— Но это же колоссальная работа — сделать такую топосъемку!

— СКонС занимается этим уже миллиарды циклов, — сухо проговорила Варвара.

— Что еще за циклы? Годы, столетия, тысячелетия?

— Время, измеряемое годами, существует лишь в воображении людей, нуждающихся в ориентации и количественном измерении длительности существования. На самом деле нет ни прошлого, ни будущего, во всяком случае в том виде, в каком представляет это себе человек. Есть только череда состояний — вечное настоящее. Но об этом мы еще поговорим. Отправляемся. Запомнили координаты?

— Запомнил.

— Тогда вперед.

Запинаясь, чувствуя себя глупцом, вынужденным играть в чужую игру, Северцев выговорил координаты Салехарда... и окунулся в знакомый омут странных ощущений, самыми сильными

из которых были ощущения сжатия-растяжения тела в тонкую струну. А когда тело Северцева перестала корчить некая непреодолимая сила, он осознал, что стоит в полумраке на пронизывающем морозном ветру. Синхрон сработал точно, переместив владельца из «хронохвоста» Астаны в «хронохвост» Салехарда, температура воздуха на территории которого явно была намного ниже нуля.

Рядом проявилось что-то более светлое.

— Целы? — послышался голос Варвары.

— Все в порядке. Только холодно маленько...

— Потерпите, скоро придем на место, там тепло.

— Где мы? Я имею в виду — конкретно в Салехарде.

— Это площадь Курбского. Салехард ведет свою летопись с тысяча четыреста девяносто девятого года, когда князь Семен Курбский в числе других укреплений на Оби заложил Обдорский острожек. На его месте и стоит сейчас Салехард.

— Почему здесь темно? Ночь, что ли?

— Это Ямал. Ночи в августе на севере светлые, просто над нами тучи. Я специально выбрала момент непогоды в «хронохвосте» Салехарда, чтобы уменьшить риск визуального обнаружения.

— Вы так легко оперируете спецтерминами... кто вы по образованию, Варя?

— Инженер-системотехник, — сухо проговорила женщина, никак не отреагировав на его уменьшительное «Варя». — Идемте.

Она зашагала к темной громаде здания на другой стороне площади. Северцев завороженно посмотрел на ее удалявшуюся спину, пробормотал:

Мы сегодня с тобой никуда не пойдем,
Мы пойдем лишь навстречу друг другу...

— Что стоите? — обернулась жена Сабирова.

Северцев очнулся и поспешил за ней, оглядываясь по сторонам, анализируя свои впечатления и формулируя теснившиеся на языке вопросы.

Варвара обошла здание, направилась вдоль улочки, вымощенной досками, к белеющей в сумраке церквушке. Свернула на другую улицу, затем на третью, уже асфальтированную. Дома по сторонам, в основном двухэтажные, на сваях — из-за подступающей близко вечной мерзлоты, угрюмо смотрели на людей слепыми проемами окон и чего-то ждали, покинутые даже запахом жизни. Они знали причины своего одиночества, но сообщать об

этом гостям не спешили. Если это не прошлое, то что? Боковая веточка времени? Ниша? Виртуально-игровой объем? И как понимать Варвару, заявившую, что нет ни прошлого, ни будущего?

Северцев поискал глазами башню, непреложную деталь прежних выходов на «ось S», не нашел в тучах и догнал спутницу.

— Почему в «хронохвостах» нет людей? Разве эти «хвосты» в какой-то степени не являются вариантами прошлого?

— Являются, — ответила Варвара, продолжая шагать в том же темпе. — Потерпите, мы уже почти пришли.

Дальше двигались молча и через несколько минут свернули к трехэтажному строению с нависающим над центральным входом мезонином. Поднялись по лестнице на третий этаж и остановились у единственной на все здание уцелевшей двери. Впрочем, спустя мгновение Северцев понял, что дверь здесь повешена недавно — сбитая из досок разной толщины и размеров. Варвара достала ключ, повозилась в замке, открыла дверь.

— Лада, это я, не бойся.

В глубине квартиры раздались шаги, появилась светлеющая в темноте фигурка.

— Мамочка!

Мать и дочь обнялись. Варвара оглянулась.

— Не стойте на пороге.

Северцев, чувствуя стеснение и смущение, вошел в квартиру вслед за хозяйкой, закрыл дверь. Варвара вставила в замок ключ и дважды повернула.

— Не гарантия от непрошеных гостей, но так спокойнее. Дочур, зажги свечи.

— Кто это, мам?

— Ты его видела, дядя Олег.

Лада убежала в глубь коридорчика, в проеме двери возник неуверенный дрожащий отсвет свечи.

— Проходите, устраивайтесь. Это убежище временное, поэтому без особых удобств, и потчевать вас практически нечем. Могу предложить консервы и чай.

— Я не голоден, — поспешно сказал Северцев, проходя вслед за Варварой в комнату.

Здесь не было ни стола, ни стульев. У стены лежал на полу матрас, накрытый простыней и одеялом. Сверху на них лежала стопка учебников и тетрадей. Еще один свернутый матрас лежал у другой стены. Столом служила широкая доска, положенная на обломки кирпичей. Комната имела два окна, забранные изнутри

ставнями и занавешенные одеялами. Кроме матрасов, в помещении находилась вешалка с висящей на ней одеждой. Интерьер довершал миниатюрный камин в углу с выведенной через окно гофрированной трубой. Здесь тоже было холодно, хотя и не так, как на улице. Дочка Варвары куталась в шубку. На ногах у нее были самые настоящие валенки, а на голове — вязаная шапочка.

— Здрасьте, — ответила она на приветствие Северцева, не сводя с него огромных любопытных глаз. И прятались в этих глазищах такое глубокое понимание ситуации, такое знание горестей и печалей жизни, такая внутренняя сила, что Северцев вздрогнул, с удивлением подняв брови.

— Как настроение? — пробормотал он.

— Хорошее... — несмело ответила девочка.

— Извини, что я без цветов и без подарка. Совсем не ожидал тебя увидеть.

— Ничего, не надо подарков... спасибо...

— Она у меня не избалована, — сказала Варвара, разворачивая второй матрас. — Садитесь сюда, больше некуда. Ладушка, затопи камин.

Девочка с готовностью занялась делом, посматривая на гостя с какой-то странной надеждой в глазах. Лишь много позже Северцев понял, с чем была связана эта надежда. В данный же момент его занимали другие мысли.

— Чай будете?

— Если только вместе с вами.

— Поставишь чайник, — посмотрела на дочь Варвара, села на матрас, прислоняясь спиной к стене, улыбнулась виновато. — Устала... весь день на ногах. Теперь задавайте свои вопросы. Кстати, разве ваш друг-угларх не рассказал вам всего?

Северцев примостился на краешке матраса, положил рядом пистолет Виктора и грозный с виду имплантор. Подмигнул покрасневшей Ладе, встретив ее взгляд.

— Кое-что он, конечно, сообщил, но далеко не все. Пожалуй, начну с главного, чего я не понял. Если хотя бы половина из того, что он успел мне объяснить, правда, то устройство мира оказывается совсем не таким, каким его рисует наука и привыкли воспринимать мы. В это почти невозможно поверить.

— Верите вы или не верите, суть от этого не изменится. Создатель сотворил Вселенную сразу и в пространстве и во времени — от начала и до конца. Но проявленная реальность, или, как

мы говорим, — Базовый Масс-граф, — скользит по цепи виртуальных состояний согласно Программе.

— Вы хотите сказать, что она пульсирует?

— Можете называть этот процесс пульсациями, но они таковы: Вселенная в каждый последующий квант реализации рождается сразу вся — от начала до конца! И тут же эта пульсация гаснет, умирает, чтобы породить следующую пульсацию-состояние — также от начала и до конца, но уже с некими изменениями, которые инициируются Программой Творца или, если хотите, Божьим Замыслом.

— А предыдущая пульсация... состояние... куда она девается? Вообще перестает существовать?

— Совершенно верно. Вот почему прошлого, по большому счету, нет. Пустота, ничто. Впрочем, как и впереди — не будущее, каким мы его себе представляем, а цепь не реализованных еще состояний.

— Но как же понять термины «хронохвост» и «черный трафик»? Разве это не следы прошлого?

— Именно следы, — усмехнулась Варвара. — Каждый класс объектов Вселенной имеет свой диапазон существования. «Хронохвост» — это левая, ушедшая часть волнового пакета объекта, соответствующая его массе. А есть еще «хроноклюв» — предшествующая часть волнового пакета. Не знаю, как это можно представить наглядно...

— Нарисуйте.

Варвара посмотрела на дочь.

— Ладушка, подай, пожалуйста, тетрадку и ручку.

Девочка быстро подала тетрадь в клеточку, снова занялась камином, подкладывая в кожух маленькие полешки. Запахло древесным дымком и смолой.

Варвара со вздохом оторвалась от стены, развернула тетрадь и взяла ручку.

— Графически, с большой долей условности, можно изобразить физическую картину мира как спектральный крест синхронизации хронопакетов всех возможных состояний Вселенной.

— Виктор тоже рисовал мне крест, образованный «осями S и E». Только я так и не понял, что это за оси.

— «Ось E» — энергетическая, отражающая энергонасыщенность или массу объектов. «Ось S» — ось состояний, отражающая диапазоны существования объектов. По ней и скользит Базовый Масс-граф...

— В будущее?

Варвара начала рисовать, покачала головой.

— В какой-то степени это будущее, но совсем не такое, о каком думаете вы.

— Я уже понял.

— БМГ на самом деле не движется «вперед», он переходит из состояния в состояние, оставаясь на том же месте.

— В пространстве?

— В общем, все это очень условно, и картина Мироздания сложнее, чем мы можем представить. Но принципы объяснить можно. Вот вам крест БМГ. — Она подала Северцеву рисунок.

Олег разглядывал его две минуты, не задавая вопросов, поднял голову на собеседницу.

— Колоссально! Это же революция в науке! За такую теорию можно Нобелевку получить!

— Или пулю в голову, — тихо добавила Варвара со странной интонацией. — СКонС не даст ходу теории... используя ее на практике уже миллиарды лет.

— Ага, все-таки время существует, если вы заговорили о миллиардах лет.

— Как иллюзия, в довольно приличной степени отражающая и объясняющая состояние Вселенной. Просто удобно мерить диапазоны прошедших состояний количеством циклов — оборотов Земли вокруг оси и вокруг Солнца.

— Понимаю... ни фига не понимаю! Время есть, и его нет?

— Это просто удобный термин...

— Ладно, я еще поразмышляю над этим. Вернемся к «хронохвостам». Какая часть рисунка является «хронохвостом»?

— Левая.

Варвара быстро набросала новый чертежик.

— Пик на «оси Е» соответствует максимальной массе-энергии объекта, то есть моменту его п о л н о й реализации. Этот момент, в свою очередь, соответствует мгновению настоящего. Если сдвинуться по «оси S» назад, — хотя на самом деле никакого «движения назад» нет, — то мы попадем в момент, когда объект будет реализован не полностью. Что касается таких массивных образований, как город, то...

— Час назад из него выехала тысяча человек или въехала сотня...

— Нет, это мало меняет его массу, а вот появление новых зданий и энергоконцентраций — сильно.

— Понял.

Северцев забрал ручку у Варвары и нарисовал схему:

— Так?

— Почти правильно. На этой кривой, которая называется «черным трафиком «оси S», располагаются резонансы всех рождающихся объектов — от элементарных частиц до Метагалактики, а на ниспадающей кривой, — она начертила еще один график, — те же объекты начинают исчезать один за другим.

Северцев почесал бровь, хмыкнул.

— Кажется, я начинаю нащупывать нить... Черный трафик...

— Иногда мы называем трафики ветвями.

— Хорошо, черная ветвь — это «еще нет», а белая — «уже нет». Удивительно! А что означает «главный резонанс БМГ»?

— В этой вертикали совпадают резонансы всех объектов Вселенной. — Варвара сделала еще одну схемку. — Выглядит это примерно так.

— То есть каждый крест соответствует своему объекту? Но тогда что же получается? — Северцев вспомнил свое путешествие по «оси S». — Если сдвинуть резонанс какого-нибудь объекта относительно главного резонанса...

— Можно перенестись в любое состояние Вселенной до или после главного резонанса. В «хронохвост» города, села, отдельного здания, планеты в целом или в «хроноклюв».

— Я был... видел... это выглядело жутко странно и интересно... Так вот почему в «хронохвостах» Астаны и Москвы нет людей: их у ж е нет! Город по массе еще существует, а люди уже п р о ш л и главный резонанс, то есть ушли дальше.

— Давайте пить чай. — Варвара с трудом встала, выставила из коробки за матрасом чашки, ложки, сахарницу, печенье и конфеты.

Северцев подсел к импровизированному столу, легко сложив ноги перед собой, как заправский индийский йог, а также все азиаты. Варвара и Лада сделали то же самое, и все трое принялись пить зеленый чай — без сахара, но с печеньем и конфетами.

Северцев закончил чаепитие первым, с улыбкой кивнул на Ладу:

— Смелая девочка. Не боится оставаться одна.

— Привыкла, — кивнула Варвара, погрустнев, погладила дочь по волосам. — Не от хорошей жизни. К сожалению, наши скитания еще не закончились.

— А как давно они начались?

— Всего два месяца назад. Но уже по горло надоело! А просвета впереди все не видно. У СКонС длинные руки и хорошая память, еще не было прецедента, чтобы... — Варвара бросила косой взгляд на дочь и замолчала.

Северцев понял недосказанное: система СКонС еще ни разу не простила своих противников и находила их всегда и везде. Он с невольным сочувствием посмотрел на обеих представительниц прекрасного пола, представив, каково им быть дичью для неведомых системников.

— Я уберу, мамочка, — предложила девочка, когда все напились и согрелись.

— Хорошо, милая.

Варвара снова перешла на матрас. Северцев последовал за ней, понизил голос:

— У вас есть какой-нибудь план? Ведь так скитаться с места на место долго нельзя.

— Нет никакого плана, — так же тихо ответила Варвара, болезненно поморщилась. — И не может быть. СКонС — не организация, во главе которой стоит начальник, отдающий приказы, это структура, нечто вроде закона, Подпрограмма. Хотя, конечно, в каждом государстве есть орган контроля, подчиняющийся велиарху.

— Кому?

— Проявленному матроиду или экзому...

— Эмиссару, что ли?

— Пусть будет эмиссару, хотя чаще мы называем копии велиарха экзомами. Велиарх контролирует текущую ситуацию и мигран-линии... э-э, пути коррекции.

— Что это вообще такое — СКонС? Звучит как-то недобро, некрасиво, почти как скунс.

Варвара долго не отвечала, закрыв глаза, вдруг из целеустремленной личности превратившись в усталую и несчастную женщину. Северцев даже решил не продолжать разговор, чтобы она отдохнула, но жена Крушана Сабирова заговорила первая:

— Не обращайте на меня внимания, я действительно устала. Посижу немного, и все пройдет. Что же касается СКонС... Ваш друг должен был вам рассказать о Подпрограмме.

— Естественно, он говорил, но вскользь, мимоходом, намеками.

— Вряд ли он сказал правду.

— Не знаю... не уверен... хотя, возможно, он и сам не владеет всей информацией.

— Его воля сломлена.

Северцев поморщился.

— На протяжении всей нашей беседы он пытался бороться с внушенной программой. Ему бы как-то помочь... Вы случайно не разработали методов нейтрализации пси-импланта?

— Существуют стационарные установки пси-коррекции, так называемые нейрокорректоры, но на всю Землю таких установок всего три, и стоят они в крупнейших клиниках и институтах: в Нью-Йорке, в Токио и в Москве. Хотя применяются, конечно, для лечения больных с сильными психическими отклонениями.

— Плохо дело, туда нам не добраться.

Варвара странно посмотрела на собеседника, хотела что-то сказать, но передумала. Проговорила после паузы:

— Вы серьезно надеетесь уцелеть... после того, что узнали?

— Естественно, — пожал он плечами без всякой рисовки. — И на старуху бывает проруха. Мой друг поговаривал: на всякую хитрую скважину есть труба с винтом. И на ваш СКонС управа найдется.

По губам женщины скользнула улыбка — словно солнышко осветило ее лицо, преобразив до сказочной красоты. Северцеву даже захотелось протереть глаза, настолько улыбка изменила облик Варвары.

— Все-таки вы псих, господин путешественник, как сказала моя сестрица.

— Я просто знаю жизнь, — улыбнулся в ответ Северцев. — И люблю ее. До сих пор она отвечала мне взаимностью. Но мы начали говорить о СКонС...

— Вам никто не заявлял, что вы ужасно настойчивы?

— Каждый второй.

Они посмотрели друг на друга, засмеялись и будто сдвинули что-то, мешающее говорить прямо, разделяющее их как прозрачная стеклянная стена. Вот только Крушан...

Прости, друг, если ты жив, я же не виноват, что мне нравится твоя жена...

И снова Варвара удивительным образом угадала его мысль. Лицо ее опечалилось.

— Мужу не повезло... системники догнали его в Гоби... я сначала не поверила вам тогда... но уже ничего нельзя было сделать... я вообще до сих пор не понимаю, зачем ему понадобилось

драйвироваться в Монголию... брать с собой запасной синхрон... Для кого?

В голосе женщины зазвенели слезы. Лада, услышав это, подсела к матери, прижалась к ней, обняла.

Варвара прикусила губу, справилась с собой.

— В последнее время мы не были особенно близки... хотя он поддерживал меня, помогал, самостоятельно пытался выйти на велиарха...

— Чтобы тот отозвал своих ликвидаторов?

Варвара покачала головой.

— Чтобы изменить программу коррекции... Давайте не будем об этом. Ничего уже не вернуть.

— Проклятая СКонС!

— Это слишком эмоциональная оценка системы.

— Кто ее создал? Не Сатана ли?

Варвара осталась серьезной.

— Не Сатана — сам Создатель. По Его Замыслу после появления Разума должна была наступить симметрия и гармония. Но жизнь вообще есть самый мощный нарушитель симметрии и вероятных состояний, а Разум — в особенности. Поэтому Творец подстраховал себя и создал СКонС — структуру контроля и сохранения главной Программы, гарантирующую переход Вселенной из одного квантового состояния в другое.

— Но...

— Что — но?

— Я отчетливо слышу в вашей речи «но».

— Вы слишком проницательны, Олег... э-э...

— Андреевич, но можно просто Олег. Зачем нужна эта СКонС, если Творец сотворил Программу, базирующуюся на его законах?

— Все просто. Допустим, в Программе намечается сбой, который надо предупредить и нейтрализовать. Подпрограмма — СКонС посылает корректирующий импульс, который реализуется через конкретных исполнителей.

— Криттеров.

— От криттеров до велиарха. Но уже две тысячи лет СКонС не только и не только корректирует негативные отклонения Большой Программы, но и подменяет ее, сужая вариативность состояний, жестко и даже жестоко карая исполнителей и людей вообще... Понимаете?

— Нет.

— СКонС превратилась в пенитенциарную систему, сужаю-

щую спектр реализации состояний, уничтожающую все без разбора вероятностные отклонения, вместо того чтобы направлять их, аккуратно выравнивать, сшивать лопнувшую ткань Вселенной и следовать оптимальной стратегии Творца.

— Какой?

— Н е м е ш а т ь! Более простой ее вариант: живешь сам — дай жить другим. — Варвара улыбнулась и тут же помрачнела. — К сожалению, я далеко не сразу это поняла.

Северцев подождал продолжения, пробормотал:

— Печально...

— Более чем, Олег Андреевич. Деятельность СКонС теперь влечет за собой длинный хвост последствий, разрушающий социум и даже континуум на уровне физических законов, и корректировке подлежит все большее количество отклонений, способных уничтожить не только Разум, но и жизнь вообще.

— Все так плохо?

Варвара погладила волосы дочери, улыбнулась; господи, да что же у нее за улыбка!

— Не все. Вот на нее надежда. На ее сверстников. Может быть, они смогут что-то изменить? Иди подбрось полешков, Ладушка.

Девочка снова занялась камином и уборкой.

Северцев почувствовал, что насыщен информацией по горло. Но у него еще роились в голове вопросы.

— Вы сказали, что СКонС сбилась с пути истинного две тысячи лет назад. Почему — именно две?

Варвара ответила не сразу, глядя на дочь зачарованно, заботливо, с любовью... и страхом!

— СКонС работала великолепно очень долгое время. Она не позволила самоуничтожиться Разуму в первом Власть-Провале, случившемся из-за действий первых носителей р а з у м а — богов. Потом был второй Провал, когда богов сменили маги. И снова жизнь и Разум уцелели благодаря вмешательству системы. Появились люди, потомки магов, две тысячи лет назад начался третий Власть-Провал, а сумеет ли СКонС нейтрализовать его, я не знаю... Наверное, не сумеет, судя по многим признакам.

Помолчали.

— Странно, — нарушил молчание Северцев. — Две тысячи лет назад родился Иисус Христос... это совпадение?

— Может быть, и совпадение, — вздохнула Варвара, теряя интерес к разговору. — Хотя бродят слухи, что это — новая Подпро-

грамма, еще более жесткая, чем СКонС, призванная сменить ценностные установки Программы. То есть самого Творца.

Северцев с недоверием посмотрел на вновь закрывшую глаза Варвару.

— Но ведь в таком случае Иисус... то есть новая Подпрограмма... создана не Творцом? Если она призвана сменить Его ценностные ориентиры... А как другие религии?

— Это тоже варианты Подпрограммы, хотя и разработаны они не Творцом и не системой СКонС, а первыми носителями разума на Земле.

— Ну и ну! Никогда под таким углом на эти вещи не смотрел.

— У вас еще будет время подумать об этом.

— Интересно, мы все время говорим о людях, о Земле... а как обстоят дела на других мирах? Или Творец создал только людей?

— Творец создал только предпосылки для возникновения Разума. Конечно, в космосе живут и другие существа, отличные от людей. Но СКонС работает и там.

— Понятно... — протянул обескураженный Северцев, у которого кругом шла голова. — Пресвятая Богородица, как же это все... фантастично!

— Я не призываю вас верить моим словам.

— Да я не... я не хотел вас обидеть. Но любой на моем месте чувствовал бы то же самое. Кстати, что это за башня, которую я постоянно вижу во время походов по «оси S»?

Глаза Варвары открылись, в них протаяло удивление и недоверие.

— Вы видите... башню?!

— Ну да. — Северцев рассказал о своих ощущениях, когда он пытался приблизиться к туманно-прозрачному огромному сооружению. — Я так и не смог подобраться к ней ближе, она словно убегает за горизонт. Такое впечатление, что башня вообще торчит за пределами атмосферы. Вы знаете, что это такое?

Варвара покачала головой, обменялась с дочерью странным взглядом.

— Удивительно... Эту... м-м... башню видят очень редкие люди. Вот моя дочь, например. Я знаю еще одного-двух... но остальные...

— А вы видите?

— Я — особый случай. — Варвара снова покачала головой, разглядывая лицо Северцева с каким-то новым интересом. — Надо же, какое открытие! Я даже рассчитывать не могла...

— На что?

— Так... это я о своем.

Северцев нахмурился, заглянул в глаза женщины, проговорил медленно, с нажимом:

— Кто вы, Варвара? Обычный человек не может знать так много об истинном устройстве Вселенной, о СКонС... о контроле над человечеством. Откуда вы все это знаете?

Варвара отвела взгляд, помолчала, усмехнулась в ответ на свои мысли, посмотрела на Северцева.

— Я — бывший сотрудник СКонС...

— Я так и понял. Виктор говорил, что существует иерархия исполнителей СКонС... криттеры... какие-то руководители рангом выше... да и вы назвали его углархом.

— Я была тетрархом.

Северцев продолжал смотреть вопросительно, и жена Крушана добавила:

— Это третий уровень контроля.

— А кто организует первые два?

— Велиарх и экзарх. — Варвара встала. — Извините, я устала. Поговорим в другой раз. К тому же у меня важная встреча в... одном месте. Я могу доверить вам мою дочь на один час?

Северцев поднялся с колен, посмотрел на девочку, ответившую ему застенчиво-дружелюбным взглядом.

— Конечно, можете. Но не лучше ли, если я пойду с вами?

— Не лучше. Там вы лишний.

— Хорошо, мы подождем вас. — Северцев улыбнулся Ладе. — Не будешь возражать?

— Нет, — покачала головой девочка.

— Ну и отлично. Не бойся, скучать не будем, поиграем во что-нибудь. В «морской бой», например. Ты знаешь такую игру?

— Знаю.

Варвара усмехнулась, погладила дочь по голове, вышла в соседнюю комнату и вернулась, переодетая в летнее платье и туфли. В руках она держала средних размеров кожаную сумочку. Северцев до этого момента видел женщину преимущественно в комбинезоне и теперь мог по достоинству оценить ее фигуру, наверняка вызывающую повышенный интерес у мужчин.

Варвара перехватила его взгляд, в глазах ее зажглись насмешливые искры.

— Там, где я встречаюсь с... нужным человеком, жарко. Лето все-таки, август. Надеюсь, вы действительно не будете ску-

чать. — Она посмотрела на дочь. — В случае чего ты знаешь, что делать, ребенок. Поухаживай за Олегом Андреевичем, развлеки.

Лада улыбнулась, кивнула.

Варвара еще раз оценивающе глянула на Северцева и исчезла.

Олег невольно покачал головой, глядя на то место, где только что стояла женщина. В голове царил сумбур, сквозь который пробилась одна неожиданная мысль: что изменилось? Что изменилось со времени первых встреч его с Варварой? Почему она сначала советовала ему уничтожить синхрон, а потом выдала всю секретную информацию? Что она задумала, бывший тетрарх СКонС? Как там говорил поэт?

Зачем я вам, когда я неудачлив?
Зачем вы мне, когда удачлив я?..

Северцев заметил удивленный взгляд Лады, очнулся, с улыбкой потер лоб:

— Твоя мама очень сильная женщина... и красивая. Итак, ребенок, займемся делом?

ГЛАВА 3

Сначала они играли в «морской бой».

Естественно, Северцев проиграл, хотя и не старался особенно поддаваться. Лада на удивление быстро схватывала ситуацию и находила корабли противника безошибочно.

Потом играли в слова: кто больше придумает на определенную букву. Здесь у игроков случился паритет, так как на букву «щ» оба знали одинаковое количество слов.

В конце концов оказалось, что Лада играет в шахматы, у нее даже была доска с фигурами, и Северцев целый час с удовольствием отражал атаки девочки, удивляясь ее азарту и умению строить композиции.

Беседовали обо всем, что приходило в голову.

Лада рассказала о своей школьной жизни, — она перешла в пятый класс, так как в школу пошла в шесть лет, — о подружках, о своих увлечениях: девочка любила плести из бисера всякие украшения. Северцев тоже поделился своим жизненным опытом, хотя больше спрашивал, нежели рассказывал сам. Но больше всего его поразило знание Ладой сложных физических понятий, для осмысления которых любому взрослому требовалось время.

Зацепил он эту тему случайно, со смешком заметив, что мать

Лады так и не ответила, что такое башня, которую он видит при посещении «оси S», и почему ее не видит большинство людей.

— Потому что это никакая не башня, — простодушно сказала девочка. — У нее много названий.

— Откуда ты знаешь?

— Мама с папой и дядей Назарбаем разговаривали, я слышала.

— И о чем они говорили?

— О компактификации белых вариантов.

Северцев с удивлением воззрился на юную собеседницу, без запинки выговорившую сложный физический термин.

— Ты знаешь, что такое компактификация?

— Конечно, это свертывание или сжатие измерений.

— Здорово! Молодец! А еще что ты знаешь? К примеру, как мама или папа называли... м-м, башню?

— Папа ее не видел, только мама и я. Дядя Назарбай называл это явление эн-мерным топологическим многообразием, а еще — нормалью времени. Мама говорит, что это «хроноклюв».

— Очень интересно! Почему же этот «клюв» могут видеть только некоторые люди?

— Не знаю точно, — смутилась Лада, — но это связано с эффектом воздействия «хроноклюва» на нервную систему случайников.

— Кого-кого?

Лада улыбнулась, став еще больше похожей на мать.

— Мама так называла людей с очень тонкой психической организацией.

Северцев покачал головой, разглядывая десятилетнюю собеседницу.

— Раньше таких людей называли экстрасенсами.

— Шах! — заявила девочка, сосредоточенная на игре.

— А мы вот так... — отступил Олег.

— Еще шах!

— А мы вот так...

Беседа на минуту прекратилась. Северцев взялся за фигуру, раздумывая не столько над ходом, сколько над своими ощущениями. Иногда ему казалось, что он слышит голос девочки раньше, чем она начинает говорить. Это сбивало с мысли и заставляло прислушиваться к каждому шороху.

— Ладья бэ-три...

— Тогда я съем слона, — заявила Лада.

— Ешь, — хитро улыбнулся Северцев.

Девочка сжала пальцами своего ферзя, задумалась, и вдруг глаза ее расширились, просияли.

— Вот вы что задумали! Тогда я не буду есть слона, а просто отступлю.

— Молодец, — похвалил он Ладу. — Я так долго готовил ловушку, а ты ее разгадала. Кто тебя учил играть в шахматы, папа?

— Нет, мама. Папа со мной никогда не играл, он всегда был занят и приходил поздно. А мама всегда находила время, хотя работала не меньше. Мы с ней еще в нарды играли и в карты.

— Я смотрю, у твоей мамы очень много достоинств. Кстати, она сказала, что работала тетрархом... это что за должность такая?

— Она отвечала за социальные девиации мигран-зоны.

— Как? — удивился Северцев. — Ну-ка повтори еще раз.

— Ну, мама руководила отделом социальной разведки СКонС и отвечала за Среднюю Азию. Это очень серьезная должность.

— Да уж, — не нашелся, что сказать, Северцев. — Более чем серьезная. Странно, что ты знаешь такие вещи...

— Мама мне всегда все рассказывает и даже иногда советуется.

— Ну да, конечно... — Олег с трудом скрыл замешательство, хотел пошутить, но побоялся обидеть собеседницу. — Естественно, она должна с тобой советоваться... А что там у нее случилось, на работе? Почему завязался конфликт, из-за которого вы теперь прячетесь здесь?

— Не только здесь.

— Ну, где можно, я понимаю.

— Сначала мама не захотела быть одна...

— И что же? Что значит — не захотела быть одна? Из-за этого никто не ссорится, насколько я знаю. Как говорил один писатель[1]: «Одиночество — это не столько естественное, сколько оптимальное состояние человека».

— Маме нельзя было выходить замуж за папу.

— Почему?

Лада снова смутилась.

— У них такие правила.

— У них — это в СКонС?

— У велиархов... Но она встретила папу и вышла за него замуж.

— Все равно не понимаю. СКонС ведь не монашеская обитель. Ну, ладно, вышла и вышла, и тебя родила. И все?

— Нет, потому что ей нельзя было родить ребенка.

---

[1] И. Шаламов.

— Так. Час от часу не легче! И она, естественно, снова не послушалась?

Лада простодушно кивнула.

— Когда я родилась, ей сказали, чтобы она отдала меня в детдом.

— Ну и ну! — озадаченно качнул головой Северцев. — Что это еще за садизм такой? При живых родителях отдавать ребенка в детдом... И она, естественно, не отдала.

— Конечно, нет. А когда меня хотели отдать на воспитание в другую семью, она ушла с работы. — Лада сморщила носик, пригорюнилась. — Вот мы и скитаемся уже два месяца.

Северцев внимательно присмотрелся к девочке, вопросов к ней у него возникало все больше, но вряд ли она могла ответить на них, подчиняясь своей детской логике. Да и не верилось, что причиной конфликта Сабировых со СКонС могла послужить обыкновенная женская привязанность к собственному ребенку. Во всей этой истории крылась какая-то тайна, однако открыть ее могла только Варвара. И то, если захочет.

— Предлагаю ничью, — сказал Северцев, отдав слона за ладью.

— Согласна, — обрадовалась Лада. — Давайте подтопим камин? Похолодало.

— Командуй. — Северцев с удовольствием помог ей разжечь огонь, сел на матрас. — Если ты такой информированный специалист, то, наверное, знаешь и об этих «осях E и S»?

— Знаю, — серьезно ответила девочка. — Чай будете?

Северцев посмотрел на часы.

— Что-то мама твоя задерживается, уже почти два часа прошло. Давай свой чай, погреемся. Я не совсем понял, что такое «ось S». Думал сначала, что это ось времени, а выясняется, что время — вовсе не то, что я думал.

— «Ось S» — это спектральное многообразие состояний... — начала Лада.

Северцев засмеялся. Девочка сконфузилась.

— Я что-то не так сказала?

— Все так, просто я не устаю удивляться твоим познаниям физики и математики.

— Мама говорит, что у меня идеальная память.

— Она права. Продолжай.

— Можно, я нарисую?

— Валяй.

Лада развернула тетрадь и рукой, по твердости не уступающей маминой, нарисовала чертеж.

— Это я понимаю, — сказал Северцев. — «Оси S и E», крест синхронизации... только у тебя их целых три.

— Я нарисовала три состояния Вселенной: цифра 1 — предыдущее, цифра 2 — нынешнее, 3 — следующее. Только на самом деле «ось S» условна, ну, как бы не существует...

— Виртуальна?

— Да, — обрадовалась девочка, — виртуальна, мама так тоже говорила. Поэтому Вселенная переходит из состояния в состояние в н у т р и себя, а не движется куда-то в полном смысле этого слова. Понимаете?

— Кажется, понимаю. «Ось S» не является ни осью времени, ни осью пространства. А «ось E»?

— Это ось энергетических возможностей Вселенной внутри креста реализации. Иногда ее называют «осью масс».

— Классно формулируешь! — восхитился Северцев.

Лада смутилась, снова превращаясь в обыкновенную десятилетнюю девчушку, ничем не отличавшуюся от своих сверстниц. Во всяком случае, несмотря на свои удивительные познания в области естественных наук, она еще играла в куклы: Северцев заметил выглядывающую из-под подушки белокурую головку Барби.

— Вот бы узнать, где находится тот вселенский «переключатель», который раз за разом включает Программу состояний! Ты не слышала об этом?

— Нет, не слышала, — с сожалением покачала головой Лада. — А разве он существует?

Северцев улыбнулся.

— Это я просто помечтал. Ну, что, чем теперь будем заниматься? Может быть... — он не договорил. Показалось, спины коснулся чей-то холодный потный палец. Олег замер. Застыла и Лада, округляя глаза. Похоже, она тоже почувствовала некое неприятное изменение обстановки.

— Сиди тихо! — прижал палец к губам Северцев. — Я проверю, не пожаловали ли к нам нежданные гости.

Он сунул за пояс оружие: пистолет — впереди, имплантор — сзади, погладил побледневшую девочку по плечу и бесшумно выскользнул в коридорчик, ведущий к выходу из квартиры.

Заработала экстрасенсорика. Зрение обрело глубину и объемность, темнота отступила. Стали слышны посвисты ветра за стенами дома и какое-то потрескивание. Он прислушался и понял,

что по лестнице дома поднимаются несколько человек. Они старались двигаться тихо, но их выдавал легкий скрип ступенек и перекрытий.

Конечно, если бы Северцев был один, он попытался бы устроить неизвестным приятную встречу, чтобы выяснить их намерения, но с ним была дочь Варвары, и рисковать ее здоровьем, а тем более жизнью, не стоило.

Он вернулся в комнату, шепнул на ухо девочке:

— К нам гости. Это могут быть ваши друзья?

Лада покачала головой.

— Никто не знает, что мы с мамой прячемся здесь, даже папа.

— Тогда это не друзья. Что будем делать?

— Надо уходить.

— Куда?

— У нас есть запасное убежище, мама там нас найдет.

— Координаты знаешь?

— Черный S-трафик, горизонталь один-один, Северный такантай... — Лада запнулась.

— Это все?

— Я забыла... кажется, восемьдесят шесть и две десятых градуса северной широты и один градус восточной долготы.

— Не перепутала? По-моему, мы прямиком попадем на Северный полюс.

Лада покраснела.

— У меня аварийная линия... я только называю резонанс, и синхрон включает драйв...

— Почему я не могу сделать то же самое?

— У вас ненастроенный синхрон, ему надо называть точные координаты.

— Понятно. Что ж, рискнем? Если окажешься в убежище одна — жди маму и никуда не ходи.

Лада кивнула.

— Иди, я за тобой.

Девочка прошептала какое-то слово, по ее телу пробежала волна искривления, превратив его в размытый силуэт, и она исчезла.

В конце коридорчика грохнула, рассыпаясь, дощатая входная дверь. Но Северцев уже успел включить синхрон с помощью ключевого слова и назвал координаты места выхода, которые вспомнила Лада. Когда в комнату с горевшей на импровизиро-

ванном столе свечой ворвались трое мужчин в камуфляже, там уже никого не было.

— Ушли! — выдохнул один из них, высокий, но сутулящийся, с соломенными усиками и сломанным «боксерским» носом.

Второй, пониже ростом и поплотнее, молча погладил бритый череп и поднес к губам пенальчик рации:

— Шестой, пришлите эксперта.

Затем бритоголовый посмотрел на сутулого:

— Останетесь здесь. Может быть, они вернутся. Дождитесь эксперта, осмотрите все и уничтожьте.

Он повернулся и вышел.

* * *

На сей раз «полет» по «струне» «оси S» длился дольше и сопровождался необычными эффектами.

Сначала Северцев почувствовал знакомый удар по голове — как бы изнутри, а потом услышал тонкий голосок и не сразу понял, что это заговорила в ухе клипса рации:

— Фиксатор ерзает по S-диапазону...

— Что?! — изумился Северцев, не слыша собственного голоса.

Ударило в ноги, да так сильно, что лязгнули зубы. Перед глазами завертелись огненные змеи.

— Кто гово... — начал Северцев, и до него наконец дошло, что он слышит компьютер синхрона.

— В чем дело? Ты не можешь найти точку выхода?

— Нелинейная синхронизация требует многовекторной настройки, — сухо отозвался синхрон.

— Извини...

От третьего удара — по затылку — у Северцева посыпались искры из глаз. Он выругался и выпал в холод и свет, заставивший его зажмуриться.

— Дядя Олег! — послышался обрадованный детский голос.

Он открыл глаза, но был вынужден защититься ладонью от заполнявшего пространство текучего сияния. Потом глаза привыкли к свету, и стала понятна причина его происхождения.

Синхроны перенесли беглецов в центр огромной круглой впадины, усыпанной крупным стеклянно-серебристым песком, из которого торчали округлые туши черных скал. Впадину окружала стена льда, изломы которого и давали потоки отраженного солнечного света, бьющие по глазам.

Небо над впадиной было густо-синего цвета, безоблачное, глубокое, перечеркнутое силуэтом почти невидимой башни. На солнце, повисшее надо льдами, нельзя было смотреть без очков, такое оно было яркое и большое.

Лада стояла в двадцати шагах от Северцева, возле кургана из каменных глыб примерно одинакового размера, прижав к груди кулачки. В ставших огромными глазах девочки читались недоверие, страх и восторг.

— Все в порядке, — облегченно вздохнул Северцев, делая шаг к ней и чувствуя ломоту в костях. На этот раз «хронодрайв» организм перенес не так легко, как прежде. — Как ты себя чувствуешь?

— Нормально. — Лада бросилась к нему, но устыдилась порыва и сдержала шаг. — Я так рада, что вы догнали...

— Куда б я делся? Кстати, куда мы попали?

— Это Гиперборея, затонувший северный материк.

— Откуда ты... м-да, впрочем, ясно откуда. Гиперборея, значит. А почему солнце стоит высоко? На Крайнем Севере, а тем более на полюсе оно еле-еле выползает над горизонтом.

— Разве вы не знаете, что Земля не раз меняла полюса?

— Ах вон что! — улыбнулся Северцев. — Мы просто попали на материк в момент, когда Северный полюс был не здесь. И в какие же это времена мы драйвировались?

— Больше пятидесяти миллионов циклов или чуть больше шестидесяти миллионов лет назад по М-времени, — важно ответила Лада.

— Я так и... по какому времени?

— Мама говорила, что есть два вида времени — локально-когерентное, то есть личное время объекта, соответствующее диапазону его существования, и общее — М-время, от слова майя — иллюзия. Люди принимают его за данность, за объективно существующий поток, хотя на самом деле...

— Я помню, — поспешно перебил Олег собеседницу. — Времени нет, ни прошлого, ни будущего. В будущее попасть нельзя, потому что этих состояний е щ е нет, а в прошлое — потому что их у ж е нет. Правильно?

— Правильно, — кивнула Лада. — Можно только синхронизировать волновые фронты своего квантово-волнового пакета с масс-резонансами на «оси S» и «оси E».

— Что мы сейчас и сделали, так?

Лада кивнула еще раз.

— Все это прекрасно. Только до сих пор неясно, каким обра-

зом синхрону удается переносить нас в нужное место с точными географическими координатами. Почему драйверов не заносит в космос или под землю.

Лада смутилась, пожала плечиками.

— Мама об этом не говорила.

— Ну и ладно, потом с ней побеседуем. Кстати, я не спросил раньше: кем работала твоя мама официально?

— Заместителем начальника государственной службы безопасности.

Северцев присвистнул, с удивлением глянув на дочь Варвары. Он догадывался, что официальная должность жены Сабирова должна соответствовать статусу тетрарха СКонС, но не предполагал, что женщина в Казахстане, да еще русская, может достичь такого высокого положения.

— Да-а, мама у тебя действительно уникальная... Итак, ребенок, что будем делать?

— Ждать, — рассудительно заметила Лада. — Мама обязательно вернется.

— Я тоже так думаю. Показывай мне свое убежище. Далеко мы от него?

— Да вот же оно, — вытянула руку девочка в направлении на округлую гору камней.

Северцев присмотрелся к ней и понял, что это в самом деле древнее сооружение, по форме напоминающее круглый растрескавшийся хлеб диаметром около двухсот метров. Чем-то оно походило на ирландский кромлех Нью-Грендж, сооруженный, по оценкам ученых, в четвертом тысячелетии до нашей эры. Северцев в начале своей карьеры путешественника посетил Нью-Грендж, расположенный в пятидесяти километрах от Дублина, и долго оставался под впечатлением увиденного. Особенно его поразила не масса сооружения — около двух тысяч тонн — и не его размеры, а точность древних строителей. Единственный раз в году, в день зимнего солнцестояния, луч восходящего солнца через тоннель длиной в семнадцать метров падает на камень в погребальной камере, на который нанесены таинственные узоры. Что это за узоры и какой смысл в этом освещении придавали процессу древние архитекторы, ученым разгадать не удалось.

— Вот это домик! — хмыкнул Северцев, прикидывая высоту каменного кургана. — Неужели его сделала твоя мама?

Лада засмеялась — будто колокольчик серебряный прозвенел.

— Ну что вы, дядя Олег, его построили гиперборейцы. Вер-

нее, потомки гиперборейцев, прямые предки древнего русского рода.

— Это тебе тоже мама сказала?

— Нет, дядя Назарбай.

— Твой родственник?

— Он работал у мамы начальником охраны. — Лада перестала улыбаться, глаза ее стали печальными. — Его убили.

Северцев вспомнил строки Ипатьевской летописи: «Война без мертвых не бывает». Вслух же проговорил:

— Он был, наверное, хороший человек, знающий. А вообще здесь довольно прохладно, ты не находишь? Под минус десять. Ты не замерзла?

— Нет.

— Покажи мне ваш с мамой схрон. Где у него вход?

Лада встрепенулась, направилась вперед, к лепешкообразному сооружению из каменных глыб. Северцев оглядел окруженную стеной сверкающего льда долину без единого деревца, прислушался к ее прозрачной тишине (надо же, он в легендарной Гиперборее! Кто мог представить, что ему удастся побывать на земле предков, на земле Истока цивилизации!), ничего не увидел и не услышал и двинулся вслед за проворной дочерью Варвары.

Лада прошла около пятидесяти метров, остановилась у закругленной стены каменного «каравая» и толкнула ладонью одну из буровато-коричневых глыб. Кажущаяся монолитом весом в несколько тонн глыба вдруг качнулась маятником вперед-назад и с тихим хрустом отошла влево, за соседнюю глыбу, открывая узкий проход в глубь гиперборейского кромлеха.

— Здорово! — похвалил устройство входа Северцев. — Я бы прошел рядом и не заметил, что здесь дверь. Веди дальше, хозяйка.

Лада с готовностью зашагала в глубину коридора, ничуть не боясь темноты и узости прохода.

Первые пятнадцать метров проход представлял собой узкую — сантиметров восемьдесят шириной — расселину в плотно уложенных камнях, затем превратился в почти прямоугольный тоннель, завивающийся спиралью вокруг центральной оси «каравая». Потеплело. А потом Северцев с удивлением заметил, что освещение коридора не меняется, оставаясь почти таким же, каким оно было внутри расселины. Казалось, щели стен сооружения источают рассеянное дневное свечение, позволяющее свободно ориентироваться внутри кромлеха.

— Осторожнее, здесь яма, — предупредила бесшумно скользившая впереди Лада.

Северцев перешагнул полуметровую трещину в полу, и ему показалось, что там, внизу, на огромной глубине, блеснула вода.

— Пришли.

Они миновали последний поворот коридора и оказались в круглом помещении с готическим потолком, своеобразную «готику» которого создавали торчащие углы глыб и остроугольные ниши между ними. Нигде не было видно ни одного столба, ни одной колонны, ни одной балки, поддерживающей многотонную тяжесть перекрытия, и тем не менее купол потолка не прогибался, ни одна глыба не осела и не разрушилась, хотя времени с момента сооружения этой диковинной постройки, наверное, прошло много.

Впрочем, старит нас не время, вспомнил Северцев высказывание своего бывшего начальника, старит энтропия. И не только людей, но и все, что окружает нас. Тем более, что время по сути своей — иллюзия...

Лада легко взбежала на ровную каменную площадку в центре зала, освещенного так же странно — без видимых источников света, как и ведущий в зал коридор.

— Вот здесь мы с мамой спим.

Северцев приблизился к площадке, с опаской посмотрел на ненадежный с виду потолок.

— Не рухнет? А то нам сразу кирдык будет.

— Какой кирдык? — не поняла девочка.

— Плохой кирдык, — улыбнулся Северцев. — Так иногда говорят взрослые дяди вроде меня о безвременной кончине. Если потолок упадет — раздавит нас в лепешку.

— Да нет, не раздавит, — рассудительно проговорила Лада. — Мы с мамой были здесь не один раз, и ничего.

— Тогда ладно. — Северцев сделал вид, что успокоился, хотя в глубине души продолжал прислушиваться к интуиции, подсказывающей, что убежище не столь надежно, как считает дочь Варвары. — Что будем делать?

— Я посижу немножко.

— Ты, наверное, устала? — спохватился он. — Посиди, конечно, а то и вообще поспи. А я пока пойду пройдусь по свежему воздуху, осмотрюсь. Все-таки я впервые в Гиперборее.

Девочка сняла шубку, прилегла на матрас, расстеленный на круглой площадке в центре зала, Северцев укрыл ее одеялом, вы-

тащив его из стопки белья и одеял, и вышел из помещения. Размышлял он в данный момент не о древних гиперборейцах, неизвестно для чего соорудивших гигантский каменный «храм», а о Варваре. Женщина отсутствовала уже больше трех часов, и объяснить столь долгое ее отсутствие можно было только чрезвычайными обстоятельствами. Что-то случилось там, куда она направилась, иначе Варвара не оставила бы свою дочь на попечение незнакомого мужчины.

«Хронохвост» Гипербореи в общем-то мало чем отличался от других «хронохвостов», уже знакомых Северцеву. В этом он убедился, побродив полчаса в окрестностях огромного кромлеха, единственного искусственного сооружения в долине. Здесь царила такая же всеобъемлющая тишина, ни одно движение не нарушало глубокого покоя природы, и краски пейзажа — кроме искрящейся ледяной стены — были сдвинуты к одной полосе спектра — буро-коричневой, с желтоватыми и серыми оттенками. Лишь небосклон радовал глаз сочной синевой, но и он казался пустым, мертвым и навевал тоску, несмотря на наличие едва заметной туманной башни.

Постояв немного у входа в кромлех, Северцев поймал себя на мысли, что хочет побыстрее покинуть этот далеко не райский уголок прошлого, нырнул в расселину и вдруг на грани слуха уловил какой-то посторонний звук. Замер, прислушиваясь к переставшей быть монолитной тишине.

Звук повторился. Сомнений не было: где-то еще очень далеко надо льдами летел вертолет.

— Вот тебе и надежное убежище! — прошептал Северцев, опрометью бросаясь в глубь коридора. В центральное помещение кромлеха он, впрочем, вошел не столь стремительно, чтобы не пугать Ладу.

— Подъем, принцесса! У нас гости.

Однако он ошибся, предполагая, что девочка спит. Она уже была на ногах и встретила его вопросительным взглядом.

— Вертолет! — пояснил он. — Самый настоящий. Ума не приложу, откуда в «хронохвостах» появляются вертолеты! Ведь никакой техники в них быть не должно, если верить теории твоей мамы.

— Вертолеты принадлежат службе контроля СКонС, — уверенно проговорила Лада. — Они могут быть синхронизированы с любым объектом на Земле, точно так же, как это делаем мы.

— Вот оно в чем дело! — хлопнул себя по лбу Северцев. — Ну, конечно, как я раньше не догадался! Системники же тоже имеют

синхроны и могут свободно перебрасывать на «ось S» любые технические устройства! Однако нам надо смываться отсюда. Боюсь, наши враги каким-то чудом узнали о гиперборейском убежище и летят сюда по наши души. Куда отправимся?

— Не знаю, — беспомощно пожала плечами девочка.

— Тогда давай сначала мотанемся в Салехард. Вдруг твоя мама вернулась и оставила записочку.

— Хорошо.

— Помнишь координаты?

— Синхрон помнит.

— Ах да, я забыл. Тогда помчались. Ты первая.

Лада кивнула и исчезла.

Северцев прислушался к усиливающемуся гулу — вертолет завис над кромлехом, от работающих двигателей камни сооружения начали проседать, мелкие посыпались вниз — и включил синхрон.

— Координаты резонанса? — спросил голосок аппарата.

— Черная ветвь, Салехард-один...

Свет в глазах погас...

Падение на «ось S», холод-жара, удар в ноги, еще удар...

Тусклое свечение разорвало тьму. Кажется, прибыли...

Северцев огляделся, узнавая центральную площадь Салехарда, мрачные дома вокруг и небосвод, все так же затянутый пеленой туч. Не поймешь сразу, утро здесь, день или вечер, да еще и холод собачий.

— Я здесь, дядя Олег.

Северцев повернулся, прижал к себе бросившуюся навстречу фигурку девочки, удивляясь своей мгновенной радости.

— Все в порядке?

— Да... холодно!

— Это уж точно. Ничего, отогреемся. Никого не заметила?

— Нет. Системники ушли.

— Откуда ты знаешь?

— Чувствую.

Северцев не нашелся, что ответить, сканируя «локатором» своих чувств пространство города. Его интуиция тоже молчала, подтверждая слова дочери Варвары. Те, кто преследовал их больше часа назад, скорее всего убрались из пустого города.

— Что ж, пошли посмотрим нашу квартиру. Помнишь, как идти?

Лада без колебаний направилась вперед, ведя за руку Север-

цева. Через полчаса они были на месте, не встретив ни одной живой души.

Квартира, где мать и дочь Сабировы нашли временный приют, была пуста. Мало того, весь скарб, который находился тут до ухода Олега с Ладой, был сожжен. Не осталось ничего, ни одной нужной домашней вещи, только пепел, зола и копоть на стенах.

— Вот гады! — помрачнел Северцев, принюхиваясь к запахам сгоревшего дерева и пластика. — Зачем им понадобилось все сжигать?

Лада промолчала, разглядывая почерневшие стены, бросилась в угол, вытащила из-под пласта пепла яркий клочок материи — все, что осталось от ее куклы.

— Барби сожгли...

— Не переживай, новую купим, — успокоил девочку Северцев, заглянул в соседнюю комнату — то же самое, черные стены и пол — и вернулся. — Пойдем отсюда. Предлагаю слетать в Астану, где мы встретились в первый раз. Не возражаешь?

— Нет...

— Тогда иди первая, я, как всегда, за тобой.

Лада безропотно включила синхрон.

Через несколько мгновений и Северцев переместился вслед за ней в «хронохвост» Астаны, отмечая преимущества нового синхрона по сравнению со старым. Этот аппарат позволял владельцу действовать гораздо оперативнее и быстрее.

Однако и в Астане черной ветви «оси S» Варвары не оказалось. Дом, в котором прятались Варвара с дочерью, сохранился, а вот квартира — нет. На ее месте беглецы обнаружили только провал от пятого этажа до первого. Похоже было, здесь взорвалась граната, и ослабевшие перекрытия рухнули, уцелели лишь стены здания.

— Все, довольно! — решил Северцев. — Летим в Москву. Там отдохнем и начнем искать твою маму другими методами. У тебя есть предложения?

— Нету, — вздохнула уставшая девочка.

— Ты в Москве была?

— Да... два раза... с мамой...

— Тогда твой синхрон должен помнить координаты резонанса. Выйдем мы на Воробьевых горах...

— Я знаю, там находится масс-центр Москвы.

— Ага... понятно... вот почему я все время попадаю в это ме-

сто: синхрон переносит нас точно в центр масс-объекта... Спасибо за ценную информацию, ребенок. Итак, поехали?

Спустя минуту они были в Москве.

ГЛАВА 4

На сей раз фиксатор «не ерзал» по диапазону, ощущения Северцева притупились, — то ли он устал, то ли переход из «хронохвоста» Астаны в Москву был полегче, — и на Воробьевых горах, напротив здания университета, он сошел с «оси S» практически как с поезда, без особых неприятных ощущений.

В Москве царил вечер. Солнце уже зашло, но небо еще оставалось голубым и сияющим.

Гуляющих по тротуару вдоль обрыва, с которого открывалась панорама столицы, было много, однако внезапное появление Северцева испугало лишь голубей. Молодые люди, парни и девушки, составляющие большинство гуляющих, были заняты собой, а также разглядыванием сувениров на уличных лотках и великолепного вида города.

Лада стояла у перил ограждения, сняв шубку, и зачарованно смотрела на городской ландшафт под горой. Она не впервые попала в Москву, но вид огромного и шумного города действовал на нее завораживающе.

— Нравится? — подошел к ней Северцев, обнимая за плечи.

— Очень! — искренне ответила девочка.

— Будет время, я организую экскурсию по Москве. Было бы здорово, если бы к нам и мама твоя присоединилась.

Лада вздохнула, с трудом отрывая взгляд от начавшего погружаться в сумрак ночи города. Северцев взял ее за руку, повел к дороге, приглядываясь к прохожим. Никто из них не обращал на пришельцев никакого внимания, и Олег слегка расслабился. Похоже было, что они наконец оторвались от преследователей и какое-то время могли чувствовать себя в безопасности.

Мобильный телефон Северцева остался в квартире Веры, позвонить друзьям он не мог, поэтому решил сразу ехать к ней, надеясь, что системники не рискнут оставлять там засаду. Лишний шум и напряг им был ни к чему, так как действовали они в основном по наводке наблюдателей. Теперь надо было постараться не попасть на глаза этим наблюдателям, чтобы погоня снова не села на хвост беглецам.

Через сорок минут частник на стареньком «Москвиче», со-

гласившийся подвезти «отца и дочь» до места назначения всего за восемьдесят рублей, высадил их в Чертанове.

— Посиди здесь, — кивнул Северцев на детские качели во дворе соседнего с Вериным дома. — Никуда не ходи и ни с кем не разговаривай. Будет кто приставать — кричи.

— Что кричать? — слабо улыбнулась Лада.

— Караул, спасите, помогите! — серьезно ответил Северцев. — Я тебя услышу. Однако очень надеюсь, что все будет хорошо.

Девочка села на качели и с удовольствием стала раскачиваться, сразу забыв обо всех неприятностях. В сущности, она была и оставалась десятилетним ребенком, несмотря на свои недетские познания в области физики и экстрасенсорные возможности.

Северцев перевел себя в состояние «полет беркута», некоторое время вслушивался в шумы городской жизни, присущие любому уголку Москвы, и двинулся к дому Веры. В случае внезапного нападения он мог вытащить свое оружие — имплантор и пистолет — в течение долей секунды.

К счастью, оружие не понадобилось. Никто за домом, двором, подъездом и квартирой Веры не следил, никто не прятался в темноте лестничных площадок, за деревьями и на крышах домов. Все было спокойно. Системники, управляемые Виктором (сердце сжалось от горечи), не стали дожидаться возвращения беглецов, полагая, что они сюда больше не сунутся.

Северцев позвонил.

С минуту за дверью было тихо, свет в дверном глазке мигнул.

— Олег, ты?! — раздался неуверенный голос Веры.

Готовый к атаке Северцев с облегчением распрямился.

— Ты одна?

— Да.

— Открой.

Дверь приоткрылась. Выглянула Вера в халатике, держа в руке кухонный нож. Северцев бросил на нож короткий взгляд, улыбнулся, и Вера, порозовев, спрятала нож за спину, отступила в глубь прихожей:

— Проходи... я никого не ждала... у тебя все в порядке?

— Нормально. Никто больше не приходил?

— Приходили утром из милиции, поговорили и ушли.

— Что ты им сказала?

— Как ты и советовал, что в дверь ломились какие-то мужчины в масках.

— Что ж, будем надеяться, что эти мужчины... м-м, в масках больше сюда не ворвутся. Я забыл у тебя свой мобильник.

— Он в столе, сейчас принесу. Что стоишь? Проходи, устраивайся, сейчас поужинать что-нибудь сделаю.

— Не надо, я не один, во дворе меня ждет дама.

— Так зови ее сюда, чего стесняешься.

Северцев улыбнулся.

— Ты даже не спросишь, кто она?

— Наверное, сам познакомишь.

— Это десятилетняя девочка, дочь моей... знакомой. А оставаться нам у тебя нельзя. Кто знает, что взбредет в голову нашим врагам. Нет ли у тебя приятеля или подружки, где мы могли бы остановиться на ночь?

— Есть, конечно.

— Нужна такая, чтобы, как ты, умела держать язык за зубами.

— Сейчас позвоню Славе. Точнее, ее зовут Борислава, живет одна в двухкомнатной квартире, в центре, на Лесной.

— Прекрасно, звони. Только не сообщай все подробности, не надо, чтобы она знала о моих злоключениях.

— Я найду, что сказать. — Вера подсела к телефону и набрала номер.

Северцев же зашел в туалет, потом умылся и вышел из ванной облегченный и освеженный.

— Она вас ждет, — сообщила Вера, закончив разговор. — Слава не болтушка, так что можешь на нее положиться. Да и хозяйка хорошая, готовит отлично.

— Можно подумать, что ты мне ее сватаешь, — засмеялся Северцев.

— А что? — смущенно дернула плечиком Вера. — Ты ведь не женат. Пора бы уже остепениться.

— Спасибо, Вероника, ценю твою заботу. Честно. Только мое время остепеняться еще не пришло. Наверное, я слишком медленно взрослею. До связи. Не говори никому, что я к тебе заходил. Спасибо за все.

Он поцеловал бывшую одноклассницу в щеку и, не оглядываясь, пошел к двери.

— Звони и заходи, — сказала ему в спину Вера. Спросить, что происходит, она так и не решилась, за что Олег был ей весьма благодарен. Рассказать правду он не имел права, а врать, сочинять небылицы не хотел.

Лада все так же увлеченно качалась на качелях, наверстывая

то, что было упущено в детстве. Качели в ее жизни практически отсутствовали. Слезла она с сиденья с большим сожалением.

— Никто не приставал. Только бабушка с собакой подходили и ушли.

— Отлично. Едем.

— Куда?

— Мне дали адрес, я сам толком не знаю, что там за люди, но, думаю, отдохнуть нам удастся. А утром предпримем кое-какие шаги для поисков твоей мамы.

Лада взяла его за руку, и они зашагали со двора на улицу, где ни днем, ни ночью не переставала шуметь автомобильная река.

К дому Бориславы на Лесной улице подъехали без четверти десять, когда окончательно стемнело. Поднялись на второй этаж старого семиэтажного здания с помпезными балконами и полуколоннами, вделанными в стены. Дверь открыла невысокая полная блондинка с короткими волосами. Лицо у нее было круглое, доброе, глаза карие, губы бледноватые, без помады. Не красавица, но и не дурнушка, серединка на половинку. Такие не становятся старыми девами, подумал Северцев, и причину ее незамужнего образа жизни следует искать в других областях бытия. Возможно, у нее был несносный характер.

— Олег Андреевич? — спросила Борислава.

— Он, — кивнул Северцев. — А это Лада.

— Проходите, пожалуйста. Вот тапочки. Я уже стол накрыла, сейчас ужинать будем. Мыться в ванную пойдете?

— Непременно. Сначала моя красавица, потом я. Поухаживаете за ней?

— Не беспокойтесь, я все сделаю.

Борислава с Ладой ушли в ванную комнату, Северцев огляделся.

Гостиная не очень большая, но уютная, комод, книжный шкаф, диван, два стареньких кресла, толстый ковер на полу, все не новое, видимо, досталось женщине по наследству, даже телевизор, которому, судя по форме, тоже исполнилось лет семь-восемь. Что ж, чем богаты, тем и рады. Мало зарабатывает подруга Вероники, это заметно, так ведь не каждой богатые мужья достаются.

Северцев задержал взгляд на фотографии в рамочке, стоящей на комоде. Молодой человек в форме жокея скакал на лошади, подняв хлыст. Муж? Брат? Отец?

Из ванной вышла Борислава с мокрыми руками.

— Кто это? — кивнул на всадника Северцев.

— Муж, — ответила хозяйка спокойно. — Он погиб четыре года назад, разбился на скачках.

— Извините, не знал.

— Ничего, я привыкла. Вашу дочку можно в халат переодеть? У меня племянница такого же возраста.

— Если захочет, пусть переоденется, — сказал Северцев, улыбнувшись на слова «вашу дочку». Однако возражать и объяснять, что Лада ему посторонний человек, не стал.

Борислава снова вышла.

Северцев обнаружил телефон, подсел к нему. Сначала позвонил Веронике и сообщил, что они доехали, купаются. Потом набрал номер мобильного телефона Кости Зеленского. Через минуту аппарат сообщил, что «телефон заблокирован или находится вне зоны доступа». Северцев помрачнел. Судьба Зеленского оставалась неясной. Конечно, он мог находиться в каком-нибудь глухом углу на берегу Байкала, где нельзя подзарядить аккумулятор телефона, но если системники отыскали его и там, надеяться можно было только на счастливое стечение обстоятельств.

Борислава вывела из ванной вымытую румяную Ладу, одетую в цветастый пушистый халатик.

— Ну, как? — спросил ее Северцев.

— Очень хорошо, — прошептала девочка. — Спасибо.

— Идите, мойтесь, — сказала Борислава. — Полотенце слева, синее, все остальное найдете сами. Я повесила вам халат мужа, он его ни разу не надевал.

— Спасибо, — кивнул Северцев, удаляясь в душевую.

Через полчаса они ужинали на кухне вдвоем с Ладой. Борислава хлопотала, меняя тарелки, потом подсела к столу пить чай. Северцев, поужинавший быстрее, встал с чашкой в руке:

— Можно, я позвоню по межгороду?

— Пожалуйста, не стесняйтесь.

Он вышел в гостиную, набрал код Астаны и номер мобильного телефона Талгата Нигматуллина. Татарин отозвался через минуту:

— Вас слушают. Кто говорит?

— Привет, аптекарь.

— Олег?! Ты в Москве? Телефон сообщает, что звонят из Москвы.

— Да, я в столице. Как там у тебя?

— Нормально, жив-здоров, чего и тебе желаю. Нашел, что искал?

— Нашел и снова потерял. Со мной сейчас дочка Варвары, а

сама мать исчезла. Не мог бы ты помочь поискать ее? Извини, конечно, что надоедаю, я и так у тебя в неоплатном долгу.

— Ничего, на том свете посчитаемся. Что нужно?

— Помнишь, где живет двоюродная сетрица Варвары? Надо бы к ней наведаться, осторожненько, чтобы не напороться на плохих мальчишек, и разузнать, где Варя. Она может знать.

— Хорошо, сделаю. Думаешь, что-то серьезное?

— Она ушла на полчаса и не вернулась.

— Где ушла?

— В Салехарде, — ляпнул Северцев, спохватываясь слишком поздно.

— В Салехарде? — удивился Талгат. — Ну тогда там ее и искать надо. Чего ее туда занесло? Э-э... постой, постой, ты тоже там был? А теперь из Москвы звонишь?

— Я потом тебе все объясню. В Салехарде Варвары нет, это совершенно точно, в Москве тоже. Может быть, ее и в Астане нет, я просто пытаюсь определить, где она могла оставить след. Съезди к ее сестре, поговори. В крайнем случае дай ей номер моего мобильника.

— Хорошо, — после паузы проговорил Нигматуллин. — Диктуй.

Северцев представил его лицо и мысленно развел руками: прости, дружище, но мне больше не на кого опереться.

— Не сердись, Талгат.

— Я же сказал, посчитаемся на том свете. Жди звонка.

В гостиной появилась Лада, посмотрела на задумавшегося Северцева огромными тревожными глазами.

— Пока ничего, — вздохнул Олег. — Не переживай, отыщется твоя мама. Я почему-то уверен, что с ней все в порядке, просто появились неучтенные обстоятельства. Ложись спать.

Лада подошла и вдруг прижалась лицом к груди Северцева, обхватив его руками. Он замер, боясь спугнуть сладкое мгновение тепла и доверия, объединившее их. Девочка давно не видела отца и соскучилась по его ласке. Но то, что она приняла Северцева почти что за члена семьи, доверилась ему, стоило ценить высоко. Сердце омылось волной не испытанной ранее нежности и радости, будто Олег получил в подарок давно желаемое сокровище.

Северцев прижал девочку к себе, погладил по спине, по волосам, с удивлением прислушиваясь к своим ощущениям, потом взял ее на руки и отнес в спальню, где Борислава уже приготовила гостям постель.

— Надевай, — кивнул он на подушку, на которой лежала чистая голубоватая ночная рубашка. — Великовата, наверное, но сойдет.

Вошла Борислава.

— Это моя детская рубашка, сохранилась с тех лет.

— Спасибо, — проговорила девочка, с трудом ворочая языком.

— Ложись. — Северцев вышел.

Вскоре из спальни появилась и хозяйка.

— Спит уже. Намаялась, поди.

— Что было, то было, — вспомнил Северцев походы с Ладой по «оси S». — Ничего, если я еще займу телефон?

— Ради бога, будьте как дома. — Борислава ушла на кухню, зазвенела посудой.

Северцев поколебался немного, потом все же решил позвонить отцу.

Андрей Илларионович отозвался не сразу. Дома его телефон не отвечал, а мобильный был занят. Наконец отца и сына соединила линия московской сотовой связи.

— Привет, па. Ты где?

— Олежек? Рад тебя слышать. Из Монголии звонишь?

— Нет, из Москвы.

— То-то слышно хорошо, будто из соседней комнаты. Что вернулся так рано? Ты же собирался появиться не раньше середины августа.

— Так получилось. Па, мне нужны деньги.

— Вот те раз. Неужели все потратил?

— Я не могу появиться дома, объясню при встрече. Ты сейчас где находишься?

— Ужинаю на Новопесчаной, в клубе «Невка». Если хочешь — присоединяйся.

— Вообще-то я не голоден, но минут через сорок подъеду, закажи мне кофе.

Северцев положил трубку телефона и встретил взгляд выглянувшей из кухни Бориславы.

— Уезжаете?

— Да, надо встретиться с отцом, давно не виделись. Вы тут посмотрите за девочкой...

— Ничего с ней не случится, будет тихо спать. Езжайте по своим делам. Деньги на проезд есть?

— На проезд хватит, — улыбнулся Северцев.

Борислава вышла и принесла белую рубашку с короткими рукавами и погончиками.

— Наденьте пока, вашу я постираю. Могу дать еще и джинсовый жилет. Муж носил почти то же, что и вы.

Северцев хотел было отказаться, но подумал и согласился.

— Огромное вам спасибо! Честное слово, мне неловко, но в долгу не останусь.

— Пустяки, — отмахнулась Борислава. Ее грудь всколыхнулась так, что Северцев с некоторой завистью подумал о том человеке, который полюбит эту обходительную и весьма соблазнительную женщину.

Он переоделся, пристроил сзади под жилет, за ремень брюк, пистолет, с минуту колебался, не взять ли с собой еще и имплантор, потом решил оставить. С имплантором надо было еще разобраться, а не зная принципов его работы, можно было наломать дров.

Через полчаса с небольшим таксист высадил его возле бизнес-клуба «Невка» на Новопесчаной улице, и Северцева проводили в белый зал ресторана, где за одним из столиков ужинал отец в компании двух пожилых мужчин и женщины средних лет. Одного из мужчин Олег знал, тот работал у отца, вернее, был его партнером по бизнесу.

— Знакомьтесь, это мой сын, — сказал Северцев-старший.

— Олег, — поклонился Северцев.

Сидевшие за столом назвались, Олег пожал им руки, сел за стол на принесенный официантом дополнительный стул. Отец уже сделал заказ, и кофе подали буквально через минуту.

Ответив на заданные ради вежливости вопросы, Северцев вопросительно посмотрел на отца, и Андрей Илларионович отставил стакан с минеральной водой.

— Прошу прощения, друзья, мне надо сказать сыну пару слов.

Они отошли в гостиную клуба, сели на кожаный диван.

— Что у тебя опять стряслось? — посмотрел в глаза Олега Андрей Илларионович; для своих шестидесяти лет выглядел он молодо, спортивно, несмотря на лысину, ничуть его не портившую. — Ко мне в офис приходили сотрудники ФСБ.

— Когда? — нахмурился Северцев.

— Сегодня после обеда. Генерал Герасимов и майор Степных. Что ты натворил?

— Ничего. — Олег отвел глаза, потом нехотя добавил: — Про-

изошло действительно нечто удивительное, перевернувшее все мои представления о мире.

— Даже так? — прищурился Северцев-старший. — Ну-ка просвети, это интересно.

Олег тоже посмотрел в глаза отца и твердо сжал губы.

— Не могу! Не обижайся, папа, но я в самом деле не могу тебе всего рассказать. Это... опасная информация. Что тебе говорили чекисты?

— Искали тебя, спрашивали, где ты можешь остановиться. Я назвал Виктора...

— И все?

— Не буду же я называть всех твоих друзей и знакомых.

— Спасибо, па, правильно сделал.

— Хоть бы намекнул, что происходит.

— Когда-нибудь позже, когда все устаканится. Могу только сказать, что я ни в чем не виноват и к криминалу не имею никакого отношения.

— Верю. — Андрей Илларионович достал бумажник. — Наличные я с собой почти не ношу, карточкой пользуюсь. Сколько тебе надо?

— Сколько есть.

Северцев-старший хмыкнул, вытащил деньги.

— Тут пятьсот «зеленых», стольник евро и около трех тысяч наших «деревянных». Хватит?

— На первое время, — улыбнулся Северцев, забирая банкноты и целуя отца в щеку. — Ты, как всегда, спасаешь своего непутевого сына-путешественника. Обещаю вернуть с процентами.

— Ты мне это уже два года сулишь, — улыбнулся в ответ Андрей Илларионович. — Год остался.

— Почему?

— Говорят же: обещанного три года ждут.

Северцев лукаво прищурился.

— Так ведь не было бы у меня отца-бизнесмена, я бы и не просил его помощи. Но действительно в скором времени все изменится. Я решил остепениться, найти работу, завести семью и начать новую жизнь.

— Что, уже и кандидатура нашлась — для семейной жизни? — в сомнении пошевелил бровями Андрей Илларионович.

Северцев вспомнил улыбку Варвары, объятия ее дочки, серьезно кивнул.

— Нашлась. Я правда ее не спрашивал, согласна ли она, но вот ее дочь наверное возражать не станет.

— Так она уже была замужем?

— Ну я же не виноват, что муж ей попался раньше, — развел руками Северцев. — Главное, чтобы она меня понимала.

— Главное, чтобы она тебя любила. Хотя я в принципе не возражаю. Человек не может жить без любви и не должен, а если живет — это неправильно. Тебе уже за тридцать, это почти старость молодости, как говорил старик Гюго, но без любви ты постареешь раньше.

— Спасибо, па, ты, как всегда, понимаешь меня лучше, чем я сам. Ну, я пойду?

Они встали с дивана.

— Что это за украшение? — Андрей Илларионович заметил перстень синхрона. — Случайно не та самая разведенка с дочкой подарила?

— Угадал, — засмеялся Северцев, дивясь прозорливости отца. — Это ее подарок, причем очень ценный.

В гостиную заглянул какой-то молодой человек и тут же скрылся.

Северцев почувствовал укол тревоги, насторожился.

— Па, здесь есть другой выход?

— По-моему, есть, а что?

— Проводи, не хочу неприятных сюрпризов. Ты приехал сюда на своей машине?

— На фирменной, водитель ждет в кабине.

— Не заметил, никто за вами не ехал? Боюсь, за тобой следят.

— Кому я нужен, чтобы за мной следить?

Северцев не стал объяснять, что за ним могут следить как раз те, кому нужен его сын, но отцу этого знать не следовало.

— Я пошутил. Тем не менее покажи, как пройти.

Они вышли из гостиной, прошли морской зал ресторана, миновали кухню.

— Дальше сам.

— До связи, па. Если бы ты знал, как я тебе благодарен!

— Не сотрясай воздух зря, — проворчал Андрей Илларионович, похлопав сына по спине. — Главное — что ты чувствуешь, а не что говоришь.

Не оглядываясь, он вернулся назад. А Северцев, проводив отца взглядом, подумал, что своими действиями может навлечь беду на единственного по-настоящему близкого человека. Систем-

ники не будут разбираться, знает Северцев-старший о существовании СКонС или нет, и вполне могут прислать к нему киллеров.

Однако возвращаться и предупреждать отца об опасности уже не хотелось. Время заметно ускорило бег. Вокруг клуба явно сгущались некие темные силы. Пора было уносить ноги.

Дружески, как свой, помахав рукой официанту, мелькнувшему в коридоре хозяйственного выхода, Северцев толкнул дверь и выскользнул во двор, ударно входя в боевой транс. И тут же метнулся в сторону, потому что, если бы он этого не сделал, получил бы мощный разряд электрошокера. А так дубинка в руке неизвестного парня, прятавшегося за дверью, только сыпанула искрами по кирпичной стене строения.

— М-мать вашу! — беззвучно выругался Северцев, уклоняясь от второго удара, и ответил «змеиным танцем» с финальным выпадом сжатого «змеиной мордой» кулака в нос противника.

Второго он встретил спиралью обвода, перехватил руку с пистолетом, с ходу впечатал лицо противника в колено, отпустил.

Дворик клуба был узким и чистым, без каких-либо штабелей ящиков, бочек или коробок. С улицы он был огражден кирпичным забором высотой в два с половиной метра, а у ворот стояла будочка охранника с единственным окошком, в котором горел свет. Самого охранника видно не было. Его скорее всего нейтрализовали те, кто устроил засаду на Северцева, будто они точно знали, что он выйдет именно здесь.

Их было четверо. Двое караулили дверь, двое — ворота. Обезвредив первых, Северцев неминуемо выходил на вторых, вооруженных пистолетами, и вот их-то он достать с ходу не мог. Не успевал. Для этого ему надо было преодолеть метров десять открытого пространства под огнем противника. Или стрелять первому. Чего он делать не хотел. Оставалось одно — бежать на «ось S».

Весь анализ ситуации занял полсекунды.

Двое у ворот — смутные беловатые тени на фоне стены, фонарь во дворе не горит, лампочка, конечно, разбита или вывинчена — сделали шаг вперед, поднимая оружие. А Северцевым вдруг овладел такой гнев — сколько можно бегать, черт вас возьми?! — что он без раздумий нырнул в «красный коридор» сверхбыстрого реагирования на ситуацию, поддерживаемый бессознательно, инстинктами, не требующими вмешательства сознания.

Оба противника выстрелили: один — из пистолета с глушителем, второй — из имплантора, о чем Олег догадался позже. Но оба стрелка промахнулись. Пуля звучно шлепнула в стену зда-

ния, а разряд «просветлителя» лишь потряс нервную систему Северцева, пролетев в полуметре от его головы. Возможно, даже от бокового «лепестка» разряда Северцев потерял бы волю к сопротивлению, но он и так действовал в состоянии транса, и его внутренний водитель — подсознание — продолжал управлять телом, не обратив внимания на помехи.

Киллера с пистолетом он достал нырком на асфальт с перекатом и ударом ноги в живот. А вот второго противника с его более опасным оружием нейтрализовать уже не успевал и, продолжая движение: перекат, прыжок разгибом назад, новый нырок на асфальт двора, — достал пистолет. Однако стрелять не пришлось.

От ворот к фигуре парня с имплантором метнулась почти невидимая тень, и парень вдруг согнулся пополам, не успев выстрелить еще раз, опустился на землю.

— Олег, это я! — раздался чей-то шепот. — Давай за мной!

Не теряя ни мгновения, Северцев скользнул к воротам, протиснулся в щель и только потом разглядел, что спас его бывший учитель, мастер Николай.

Убрались со двора они вовремя. Когда беглецы были уже за воротами, двор клуба «Невка» заполнился шумом, топотом ног, голосами людей, вспыхнули фонари, раздался мат. Это на помощь засадникам пришли их коллеги, сторожившие главный вход в клуб. Но Северцев с Николаем были уже далеко, нырнули в ближайший переулок и сели в поджидавшую Николая иномарку. Машина тотчас сорвалась с места, выехала на улицу Куусинена и покатила в сторону метро Полежаевская.

— Спасибо, — выдохнул Северцев, начиная приходить в себя; заныли натруженные икры ног и мышцы на руках. — Как вы оказались у клуба?

— Мы с Димой иногда столуемся здесь, он мой новый ученик.

Водитель глянул в зеркало заднего вида, улыбнулся Олегу.

— Сегодня задержались, пришли позже обычного, — продолжал Николай, — и я увидел только твою спину, когда ты выходил с кем-то на кухню.

— Это был мой отец.

— Я уже потом понял, когда он вернулся, а ты нет. Заметил некое подозрительное ш е в е л е н и е и решил обойти здание, посмотреть, что здесь затевается.

— Вовремя. Если бы не вы...

— Ты потерял форму, Олежек, такие засады надо просчитывать.

Северцеву стало стыдно. Он откинулся на сиденье, помолчал, давя в себе самолюбивое желание оправдаться. Наконец сказал:

— Вы правы, я слишком расслабился. Давно не занимался проблемами чистого выживания. Конечно, я мог бы уйти...

— Можешь говорить при нем все.

— Может быть, но парню лучше не знать подробностей, это избавит его от многих неприятностей и бед.

Водитель, о ком шла речь, ничем не выдал своих чувств. Он был достойным учеником своего учителя.

— Куда мы едем?

— Куда скажешь. Мы подвезем тебя.

— Тогда поехали на Лесную. Мы остановились у одной знакомой.

— Мы?

— Я и дочь Варвары. Поднимемся, побеседуем, если вы не против.

Дальнейший путь проделали молча.

Машина остановилась у троллейбусного парка.

— Дальше пешком.

— Дима, выйди на пару минут, — сказал Николай.

Водитель без возражений вылез из машины.

Северцев вопросительно глянул на учителя.

— Я с тобой не пойду, — сказал тот. — Поговорим в машине. Рассказывай, что случилось.

После недолгих колебаний Северцев коротко пересказал ему историю своих последних путешествий на «ось S» с дочерью Варвары. Закончил:

— Не знаю, что делать. Если Варвара не отыщется...

— Тебе надо разработать стратегию поведения и действовать сообразно с ней, а не бегать от преследователей, высунув язык.

— Это я и сам понимаю. Но дело начинает приобретать специфическую военную окраску. Масштаб охоты за мной изменился, системники втягивают в свою орбиту все больше новых людей. К отцу приходили полковник и майор из ФСБ, а потом установили за ним слежку.

— И ты сам пришел к ним в руки.

— Я вынужден искать помощь, в том числе финансовую. Кроме отца и двух-трех приятелей, мне не к кому обратиться.

— К приятелям тебе тоже не стоит идти, твои враги наверняка вычислили их и будут ждать везде, где ты можешь появиться.

— Мне бы только найти Варю...

— Тут я тебе не помощник. В Москве, в Питере — пожалуйста, опирайся на меня, у меня много друзей, а что касается Казахстана...

— В Астане мне здорово помог Талгат. И сейчас тоже выполняет мою просьбу.

— Нигматуллин? Ты нашел его? Это меняет дело. Он хороший человек, на него можно положиться. Но с другими будь осторожен. Разберись со всеми загадками и найди меня, вместе попытаемся выработать оптимальную стратегию поведения. Прежде, чем ответить на извечный вопрос: что делать? — надо решить задачу: кто виноват.

Северцев криво усмехнулся.

— Как говорил незабвенный Александр Сергеевич: разберись, кто прав, кто виноват, да обоих и накажи.

— Очень точно схвачено, — позволил себе усмехнуться Николай. — А вообще в будущее надо смотреть с оптимизмом. Иначе не стоит жить.

— Мы смотрим с оптимизмом в оптический прицел... — пробормотал Северцев. — Спасибо, учитель, я все понял. Пойду, наверное, а то сердце ноет. Девочке нужен защитник, отец, а его, по всей видимости, уже нет в живых. Системники не шутят с утечкой информации.

— Ты давно знаешь эту женщину?

— Борославу? Всего два часа. Она подруга Веры, моей однокурсницы.

Николай помолчал.

— Решение непродуманное. Твои враги уже знают Веронику и вполне могут прослушивать ее телефон. Вам надо оттуда уходить.

— Нам нужно отдохнуть.

— Как знаешь. Но я бы рисковать не стал. Могу подежурить здесь какое-то время, пока вы будете отдыхать.

— Не надо, — запротестовал было Северцев. — Неудобно...

— Иди, отдыхай, — не стал его слушать учитель. — Если кто з а ш е в е л и т с я у дома, я дам знать. Не выключай мобильник.

— Хорошо, — сдался Северцев. — Пару часов я посплю. Потом я отдам вам Ладу и полечу в Астану искать Варвару.

— Посмотрим.

— Спасибо, учитель.

— Не за что.

Северцев вылез из машины, со смущенным видом пожал руку улыбчивому симпатичному Диме, вынужденному вместе с учителем охранять его покой, и поспешил к дому, где жила Борислава.

ГЛАВА 5

Проснулся он как от толчка — открыл глаза и замер, пытаясь определить, что вывело его из состояния сна. Потом вспомнил: он намеревался спать всего два часа, в то время как на самом деле проспал все пять.

Сел на диване — все-таки он попросил Бориславу постелить ему в гостиной, и она легла с Ладой в спальне, — помял лицо ладонями. Прости, учитель, отрубился. Сутки на ногах.

Стараясь не шуметь, умылся, включил на кухне электрический чайник и набрал номер телефона Талгата.

Долгие гудки.

Где ты, татарин? Прости, что я втянул тебя в эту историю. Хоть бы с тобой ничего не случилось...

Щелчок включенной линии.

— Алло?

— Это я. Разбудил?

Короткий смешок.

— Я еще не ложился, только что вернулся из цирка, хотел сам тебе звонить.

— Какого цирка? — не понял Северцев.

Еще один короткий смешок.

— Пришлось продемонстрировать эквилибр и знание местности. В общем, погнались за мной нехорошие парни, да не догнали.

— С меня бакшиш. Но мне в Астане больше не на кого положиться. Так что терпи. Надеюсь, все обошлось?

— Я тоже надеюсь, их машина перевернулась, когда водитель попытался проехать под мостом, как я.

Северцев помолчал.

— С чего все началось?

— Долго рассказывать. Но сестры твоей Варвары дома нет. Никого нет. Я звонил минут пять — никто к двери не подошел. А потом появились эти...

— Системники! — стиснул зубы Северцев.

— Ну, называй их как хочешь, только это вылитые казахские милиционеры, даже не спецназ. Ни малейшего понятия о боевых искусствах. Правда, их было много, пришлось покрутиться, зубы кое-кому вправить.

— Если они видели твое лицо, за тобой придут!

— Ни хрена они не видели, — хихикнул Талгат. — Я подстра-

ховался, вязаную шапочку успел натянуть, а в джинсах сейчас половина казахов ходит.

— Будь осторожен. Надеюсь, в долгу перед тобой не останусь.

— Пустяки, мастер, не бери в голову. Зачем же тогда друзья, если не рассчитывать на их помощь? Короче, я тут еще пошукаю Варвару, поспрашиваю кое-каких знакомых, может, что и надыбаю. В любом случае жди звонка.

— Спасибо, дружище. До связи.

Северцев хотел повесить трубку и увидел стоящую в дверях Бориславу. Смущенно встал.

— Извините, что разбудил. Я тут хозяйничаю...

— Не стесняйтесь. Хотите, я сварю кофе?

— Пожалуй, — согласился Олег. — К сожалению, нам надо собираться. Вы делайте кофе, а я пока разбужу мою Ладушку.

— Сопит ваша красавица вовсю, так в одной позе и лежит, — улыбнулась Борислава.

Он вышел, подумав, что эта женщина — настоящее сокровище, еще не оцененное как следует мужиками. Ничего не спрашивает, не сердится, приветливая, заботливая — чего еще надо? Хорошая у Веры подружка, тут она права.

Лада проснулась от одного прикосновения, раскрыла глаза, поднялась на локтях.

— Пора вставать?

Северцев от неожиданности рассмеялся.

— Ты всегда так просыпаешься?

— Как?

— Как двигатель автомобиля? Повернули ключ — он завелся.

Девочка улыбнулась.

— Мама так приучила. Ничего про нее не слышно?

— Пока ничего, — вздохнул он. — Однако мы еще не все возможности исчерпали. Вставай, умывайся, одевайся. Еще очень рано, но здесь мы, к сожалению, больше находиться не можем.

— Хорошо, дядя Олег.

В гостиной зазвонил телефон.

Северцев подхватился с кровати, на краешке которой сидел, выскочил из спальни. Борислава уже подняла трубку, прислушалась, дважды сказала «алло» и с недоумением посмотрела на Олега.

— Странно, гудки...

Северцев почувствовал укол тревоги. И тотчас же пропел короткую мелодию мобильник. Он включил телефон.

— Уходите! — проговорила трубка голосом Николая. — Подъ-

ехал джип, в нем четверо малосипатичных парней в камуфляже. Выходят. Могу задержать на несколько минут.

— Не надо, — быстро сказал Северцев, — мы успеем. Спасибо за помощь. Я вам еще позвоню.

Из спальни вышла Лада, полностью одетая, глаза ее были полны печального понимания.

— Они нашли нас?

— Похоже, что так. — Северцев повернулся к Бориславе. — Простите нас, но нам нужно срочно уходить.

— Даже кофе не успеете попить? — огорченно проговорила женщина.

— Не успеем. Если к вам заявятся представители власти, ну, там, милиция или сотрудники спецслужб, скажите, что мы у вас не останавливались.

— Но...

— В крайнем случае, скажите, что мы заходили вчера вечером, поужинали и ушли. Куда — вы не знаете. Хорошо? Это очень важно!

— Хорошо, — покорно кивнула Борислава, сбитая с толку.

— Прощайте, и огромное вам спасибо за приют.

— Спасибо, — прошептала Лада.

— Не за что.

Северцев взял девочку за руку, и они, не оглядываясь, зашагали к двери. Убедились, что за дверью никого нет, вышли. Дверь закрылась за их спинами.

Северцев остановился на лестничной площадке, услышал щелчок домофона — кто-то вошел с улицы в подъезд — и повел дочь Варвары на этаж выше. На четвертом этаже остановился, поправил перстень синхрона, сказал почти беззвучно:

— Куда направимся? Есть два варианта: в «хронохвост» Москвы и в «хронохвост» Астаны. Оба, к сожалению, небезупречны. Был бы у нас запасной тайник...

— У мамы есть такой тайник, она говорила — на крайний случай.

— Что же ты раньше не сказала?

— Но ведь крайнего случая не было? — простодушно обронила Лада.

Северцев крякнул, увидел задрожавшие губы девочки, поспешно согласился:

— Конечно, не было. Где находится этот ваш тайник?

— На черном трафике, это усадьба Львова...

— Какого Львова? Впрочем, потом выясним. Координаты выхода знаешь?

— Черная ветвь, Евро-Азиатский такантай, Россия, Торжок один-один-три, долгота... широта... усадьба Никольское-Черенчицы...

— Понял, ну у тебя и память! Поехали в усадьбу. Ты первая.

Девочка кивнула и исчезла.

Северцев прислушался к топоту и голосам, доносившимся с площадки второго этажа, мысленно попрощался с преследователями и включил синхрон.

Николай Александрович Львов, известный русский архитектор, родился в тысяча семьсот пятьдесят первом году. Строительство усадьбы в Никольском он начал в тысяча семьсот восьмидесятом году, после женитьбы на Марии Дьяковой. Старый господский дом, в котором родился сам Львов, был деревянным, неказистым, и на его месте архитектор построил трехэтажный кирпичный, в стиле зрелого классицизма, с четырехколонными портиками.

Длинный склон холма, на котором стояла усадьба, Николай Александрович избрал для разбивки парка. Выше его был посажен вишневый сад, а ниже разбит каскад прудов.

Позади главного строения хозяин устроил погреб-грот, сложенный из валунов, который сохранился вплоть до начала двадцать первого века, как и каменная кузница неподалеку.

Похоронен Львов был здесь же, в Воскресенской церкви, созданной по его же проекту. Эта маленькая церквушка-усыпальница хорошо вписывалась в окружающий ландшафт усадьбы, в чем Северцев убедился сам после часовой экскурсии по имению. Историю же появления усадьбы рассказала ему Лада, запомнившая рассказ мамы. Самым же главным открытием для Северцева оказалось родство Варвары с хозяином усадьбы: Николай Александрович был ее прапра... дедом по материнской линии. Вот почему она избрала его усадьбу в качестве секретного убежища, зная ее историю, местоположение и внутреннее убранство.

Конечно, здание — левое крыло главного корпуса, правое архитектор так и не достроил — вблизи имело запущенный вид, все-таки это был «хронохвост» реально существующего дома, но издали оно и здесь смотрелось великолепно, а вместе с парком представляло красивый архитектурно-ландшафтный ансамбль, которым можно было любоваться долгое время.

Лада бывала здесь с матерью дважды, поэтому после прогулки вокруг усадьбы сразу повела гостя к погребу, внутри которого Варвара устроила жилой уголок. Северцев был готов увидеть стандартный набор для временного проживания: матрасы, одеяла, кое-какие необходимые вещи, — но обнаружил самый настоящий номер гостиницы, хотя стены его действительно были сложены из гранитных валунов.

Здесь имелось все, что могло пригодиться путнику для полноценного отдыха, исключая разве что телевизор. В погребе, похожем на грот, стояли две кровати, стол, три кресла, шкаф, стойка бара, холодильник и компьютер. Под потолком помещения висела люстра, а над кроватями на стенах были укреплены бра в форме цветков лилии. На полу лежал толстый, пушистый, белый ковер. Довершали убранство «грота» гобелены на стенах. Сразу было видно, что уют здесь создавали женские руки.

— Сказка! — выразил свое восхищение Северцев. — Это же самая настоящая база! Твоя мама очень своевременно позаботилась об убежище, будто знала, что им придется пользоваться.

Лада вдруг с радостным воплем бросилась к столу и взяла в руки сложенный пополам листок бумаги.

— Записка!

— От кого? — заволновался Северцев.

— От мамы. — Девочка передала листок ему.

На нем было написано всего три слова: «Ждите меня здесь». И подпись.

— Наконец-то! — Северцев испытал ни с чем не сравнимое облегчение. — Слава богу, с ней ничего не случилось!

— Надо верить в лучшее, — назидательно проговорила Лада.

Он засмеялся.

— Это правильно. Как говорил юморист: надо верить в лучшее, а не ждать хорошего. Итак, мы прибыли на базу, будем устраиваться и ждать твою маму. Здесь есть продукты?

— Только консервы в холодильнике.

— Ничего, с голоду не пропадем. Но откуда здесь электричество? Холодильник же должен от чего-то запитываться. И компьютер.

— Мама что-то включала в домике рядом, и загорался свет.

— Пойдем, покажешь.

Они вылезли из погреба-грота наверх, и девочка подвела спутника к приземистому строению, также сложенному из каменных глыб. Судя по всему, это и была кузница, возведенная

хозяином усадьбы для каких-то своих нужд. Дверей она не имела, а из проема в небольшой канавке Северцев увидел черный кабель. Вошел и присвистнул.

В почти пустом помещении кузницы стоял суперсовременный дизельный агрегат «Шмель», применяемый военными для обеспечения электричеством дальних пограничных застав и мобильных групп. Работал он практически бесшумно. Рядом стояли три двухсотлитровые бочки с соляркой.

— Вот это да! — покачал головой Северцев. — Оказывается, у твоей мамули большие возможности!

— Она большой начальник! — гордо сказала Лада и, шмыгнув носом, добавила смущенно: — Была.

— Что ж, да будет свет, сказал монтер.

Северцев запустил дизель, понаблюдал за движением стрелок на панели управления агрегатом и вышел из кузницы, превращенной в генераторный бункер.

Около часа они устраивались на новом месте, осматривали владения, завтракали: Олег сделал омлет и чай. Хлеба не было, зато нашлись сухари. Потом Лада занялась своим гардеробом, а Северцев решил пройтись по окрестностям с карабином в руках. В шкафу он обнаружил неплохой арсенал: автомат, пистолеты-пулеметы, карабин, гранатомет, пистолет «волк», все отечественного производства, и патроны к ним. Впечатление складывалось такое, будто Варвара готовилась выдерживать здесь долговременную осаду. С другой стороны, убежище скорее всего было рассчитано не на одного человека, и оружие предназначалось не для самой Варвары, а для мужчин-охранников. Для того же Крушана.

— Я погуляю вокруг усадьбы, — сказал Северцев, — пока ты будешь отдыхать. Не бойся, далеко не уйду.

— Я только переоденусь и присоединюсь, — ответила Лада. — Не хочу отдыхать.

— Как знаешь.

Вскоре она вылезла из «гостиничного» погреба наружу, одетая в легкий джинсовый костюмчик; температура воздуха в этих краях держалась на уровне двадцати градусов тепла, а осадков чистое синее небо не предвещало. Путешественники побрели вокруг каменной громады усадьбы, спустились к прудам, и тут Северцев обнаружил следы посадки вертолета. Сжалось в тревоге сердце. Из памяти еще не выветрились воспоминания того, как во время походов по «оси S» за ним охотились военные вертоле-

ты. Впрочем, Варвара в прошлом была не только заместителем начальника службы безопасности Казахстана, но и тетрархом, ответственным руководителем СКонС, а значит, имела возможность обустроить свою жизнь должным образом, оборудовать убежища в «других» временах, на случай, если придется прятаться от своих же коллег. И случай этот представился.

В пруду вскипела вода, будто кто-то за кем-то гнался, мелькнул сизый плавник щуки.

— Вот те раз! — удивился Северцев. — Здесь и рыба есть?

— Конечно, есть, — пожала плечиками Лада. — И птицы, и другие звери. Дядя Назарбай здесь даже охотился.

— Но в других местах... я имею в виду «хронохвосты»... мне никто не попадался. Только лошадь однажды.

— Значит, вы были на других резонансах БМГ.

— Как это понимать?

— Я сама еще не до конца разобралась, — смутилась девочка, — что мне объяснял дядя Назарбай.

— Скажи хотя бы то, что поняла.

— Ну, существует спектральное распределение объектов по массе и по размерам...

— Понятно, все объекты во Вселенной делятся на классы в соответствии с размерами и массой. Сначала идут кварки...

— Нет, другие частицы, дядя Назарбай называл их кварду... нет, квадруполи, вот! Потом какие-то стринги, максимоны и кварки. Потом идут элементарные частицы...

— Нуклоны — протоны и нейтроны, так?

— Да, потом атомы, молекулы, а уж за ними начинается граница биологических соединений.

— Вирусы, бактерии. Правильно? Затем, очевидно, должны идти клетки, многоклеточные организмы и, наконец, животные. А следующая ступень, наверное, человек?

— Да, человек, — кивнула «лекторша». — Дядя Назарбай называл человека «масштабным центром Вселенной».

— Интересно, что он имел в виду? Но не суть. Мы говорили о другом. Почему здесь есть животные, а в других «хронохвостах» нет.

— Потому что «хронохвост» — длинный.

— То есть? Что значит — длинный?

— Ну, он тянется долго, — снова смутилась Лада. — При переходе на нижние регистры S-трафика сначала исчезает резонанс человека...

— Как разумного объекта!

— Правильно, так и дядя Назарбай говорил. Это первый минус-квантовый резонанс, переход на другую ступень состояний БМГ. Понимаете? Людей здесь уже нет, они как бы «впереди» по «оси S», вместе с базовым масс-графом...

— А животные еще есть!

— Правильно. И птицы, и рыбы...

— Значит, если сдвинуть синхронизацию еще чуть-чуть «назад» по черной ветви...

— Мы попадем в другое состояние «хронохвоста»...

— Где уже не будет какого-то класса живых существ! Вот теперь понял! Ты отличный популяризатор научных идей! — похвалил Олег порозовевшую девочку. — Теперь для меня многое прояснилось. Мой первый синхрон имел фиксированные выходы, настроенный специально твоим отцом, а этот дает возможность выбирать практически л ю б о й масс-резонанс. С каким же шагом можно двигаться взад-вперед по «оси S»?

— Не двигаться...

— Не придирайся к словам, все-таки слово «двигаться» больше отвечает сути процесса, чем ваши термины «синхронизироваться», «драйвироваться» и «фиксировать резонанс».

Лада несмело улыбнулась.

— Это не я придумала.

— Я тебя и не осуждаю, просто к слову пришлось. Но все же интересно, чему равен квант перехода по «оси S»: кванту времени? Или иному временному отрезку?

— Мама об этом не говорила.

— А дядя Назарбай? Кстати, кто он вам? Родственник?

— Нет, мамин помощник... был... он погиб весной, разбился на машине.

— Извини, я забыл. — Северцев подумал о системниках, вмешавшихся, очевидно, в жизнь неведомого Назарбая. Он работал с Варварой и тоже подлежал нейтрализации как возможный источник утечки информации.

— Значит, твоя мама и дядя Назарбай этой темы не касались?

— При мне — нет.

— Жаль. Ну, а как ты сама считаешь, чему равен квант перехода?

— Может быть, одной минуте?

— Едва ли, — с сомнением покачал головой Северцев. — Это очень большой отрезок времени. Некоторые бактерии за минуту

успевают родиться, состариться и умереть. Все-таки я думаю, квант перехода на трафик «оси S» равен кванту времени или близок к нему.

— Но ведь квант времени — это очень маленькая величина...

— Десять в минус сорок третьей степени секунды. За это время даже свет успевает преодолеть только ничтожную долю миллиметра. — Северцев показал пальцами — какую именно долю, поскреб макушку. — Может быть, я и не прав. Действительно, если шаг равен кванту, синхронизация волновых пакетов должна быть сверхточной. Иначе какие-нибудь объекты все время будут выпадать из резонанса, флюктуировать, исчезать. А этого не происходит.

Он задумался.

Лада продолжала смотреть ему в рот, и Олег добавил с улыбкой:

— Не обращай на меня внимания, ребенок, я не занудствую, я пытаюсь докопаться до истины.

— Я понимаю, — серьезно кивнула дочь Варвары. — Мама тоже любит докапываться до истины.

Опасно, если женщина начинает докапываться до истины, это обычно заканчивается разводом, вспомнил Северцев любимое присловье отца. Вслух же сказал:

— Давай-ка разделим поле деятельности. Я огляжу окрестности нашей неолитической базы, а ты сваргань чай. Сможешь?

Удивленный взмах ресниц, большие глаза.

— Конечно, я часто завариваю чай или кофе. Мама научила меня все готовить, даже первое. Хотите, сварю компот?

— Нет, лучше чай.

— Хорошо, дядя Олег.

— Послушай, милое дитя, давай мы договоримся не называть меня, во-первых, дядей, а во-вторых, не обращаться ко мне на «вы». С одной стороны, дядя — это как бы родственник, с другой — чужой человек. А я не хочу быть чужим. Не возражаешь?

— Нет.

— Ну и отлично! Зови меня просто Олег.

— Хорошо, дя... хорошо, Олег. Но тогда и вы... ты не называй меня дитя и ребенок. Я уже взрослая, мне десять лет!

— Постараюсь, — прижал руку к груди Северцев, скрывая улыбку. — Буду называть тебя как мама — Ладушкой.

— Бабуля Маша зовет меня Ладуней.

— Могу и Ладуней. Ну, беги, ставь чайник.

Девочка скрылась под каменным куполом погреба.

Северцев проводил ее смеющимся взглядом, чувствуя связывающее их теплое поле взаимопонимания, и медленно двинулся в обход усадьбы, приглядываясь к деталям ландшафта. Больше всего Олега занимали мысли о вертолетной площадке, обнаруженной рядом с жилым корпусом усадьбы. Будучи тетрархом, Варвара, конечно, имела право оборудовать свои базы любой техникой, вплоть до вертолетов и самолетов, но как ей удалось сохранить базу в «хронохвосте» Никольского в состоянии полной секретности, было непонятно. Одна с ее обустройством она бы не справилась, ей должны были помогать соответствующие службы и подразделения СКонС, а это означало, что где-то обретались люди, сооружавшие базу и вполне способные заговорить.

Подумав об этом, Северцев вернулся в погреб, олицетворяющий жилой блок базы, и вооружился: взял с собой из шкафа пистолет-пулемет «клин» российского производства и два магазина патронов к нему. Причем постарался он это сделать незаметно от Лады, хлопотавшей «на кухне» с тостером и потому чрезвычайно занятой.

— Занимайся, я приду минут через десять, — махнул он ей рукой, выбираясь наверх.

С высоты холма пруды смотрелись великолепно, похожие на зеркала, в которых отражалось синее бездонное небо. Полюбовавшись ими, Северцев двинулся вдоль берега к лесу, отмечая незавершенность композиции: все-таки хозяин не достроил свою усадьбу, правое крыло главному корпусу не помешало бы. Хотя и в таком виде дом был красив.

Северцев спустился в парк, обнаружил ручей, скрытый кустарником, и пошел вдоль него, пока не поднялся на холм с другой стороны усадьбы. Никаких следов, указывающих на посещение этих мест случайными или неслучайными гостями, он не заметил. Если сюда когда-нибудь и наведывались люди, то скорее всего только по воздуху, на вертолете. База Варвары явно оставалась скрытой от глаз вездесущей службы наблюдения СКонС.

Олег взобрался на соседний холм, с другой стороны прудов, наткнулся на хрюкавшее, разрывающее дерн носами семейство кабанов и чуть не прослезился от умиления. Сердце соскучилось по живым существам, олицетворяющим наполнение природы смыслом бытия. В прошлых походах по «хронохвостам» без животных было весьма тоскливо.

Он так увлекся суетой молодых лесных свиней, что пропустил с д в и г обстановки. Обычно интуиция схватывала изменение

полевого фона вокруг раньше, чем происходило само событие. В этот раз Северцев очнулся, лишь услышав звук мотора. К усадьбе приближался вертолет!

Беззвучно выругавшись, он метнулся напрямик через заросли парка к дому, но опоздал. Вертолет буквально спикировал к стенам здания — легкий многоцелевой «Хьюз-500 Д» — и выбросил десант — четырех спецназовцев в камуфляже. Их Северцев увидел, когда они цепью двинулись в обход главного корпуса усадьбы, вооруженные каким-то суперсовременным — издалека точно определить его тип не представлялось возможным — оружием.

Северцеву вдруг показалось, что он слышит тонкий голосок Лады: Оле-е-е-ег!.. Рванулся вперед и вовремя упал в траву, чтобы вертолетчики в кабине, обозревающие местность, его не заметили. Действовать надо было хитрее, тоньше, по возможности не применяя оружие. Стрельба из укрытия не дает особых преимуществ в таком бою, где играет большую роль профессионализм и навыки боя сражающихся. Снять сразу всех четверых десантников и двух вертолетчиков одной очередью он не мог, поэтому и перешел к тактике «прилипания», следуя за гостями. Он их видел, они его нет, и это было пока его единственным преимуществом.

Снова показалось, что издалека прилетел голос Лады:

— Оле-е-ег... кирды-ы-ык...

Он даже остановился на мгновение, изумленный не столько тем, что вообще слышит голос девочки, хотя в принципе он н е д о л ж е н был его слышать, так как Лада находилась в погребе, под землей, а тем, что она произнесла словечко «кирдык», услышанное от своего спутника недавно. Словно давала понять, что видит ситуацию, но не знает, что делать.

Уходи, милая! — выдохнул Северцев, ускоряя темп жизни. Включай синхрон! Я попробую их отвлечь.

Сто метров, отделяющие его от здания усадьбы, он преодолел за несколько секунд, выходя в тыл крайнему слева десантнику. Перешел на состояние *сатори* — просветления, позволяющее подсознанию выбирать наиболее правильное решение для достижения цели.

Еще рывок.

Спина впереди, подбритый затылок, широкие плечи, упругий шаг — профессионал, мать его! — судя по раскованно-свободному поведению. В руках автомат, новейший «АК-2000» десантно-штурмового образца, в голове, наверное, — непробиваемая уве-

ренность в своем превосходстве и привычный набор мыслей и ощущений, сводящийся по смыслу к одной фразе: надо сделать работу.

Извини, парень, подумал Северцев, начиная короткий танец особого приема. Ничего личного, как говорят герои фильмов-боевиков. Однако — quod licet Yovi, non licet bovi[1].

Взмах руки, удар!

Олег подхватил падающее тело, нежно опустил на землю и, не мешкая, метнулся за ушедшим чуть вперед соседом обезвреженного десантника.

Ситуация повторилась даже в деталях. Спецназовец, судя по форме — из группы ОБР[2] Главного разведуправления Российской армии (серьезные ребята!), — до последнего момента не замечал Северцева и нападения с тыла не ждал.

С третьим десантником пришлось повозиться. Он тоже не беспокоился за свой тыл, зная, что сзади в вертолете сидят свои, но был опытнее и осторожнее. Северцев едва успел спрятаться за столбом ограды во дворе дома, когда парень оглянулся. Догнал его Олег только через минуту, выбрав момент, когда четвертый член группы поднял вверх руку, призывая своих коллег быть бдительными, и замер перед спуском под землю. Здесь начинался вход в погреб.

Северцев прыгнул.

Парень среагировал быстро и очень правильно: не оглядываясь, начал падать, пытаясь уклониться от удара и направляя назад руку с автоматом. Но Олег действовал быстрее, да и готов был к такому приему, поэтому от удара спецназовец не ушел. Правда, пришлось его добивать — рукоятью пистолета-пулемета по бугристому затылку.

Зато четвертый десантник, шедший впереди, успел-таки отреагировать на атаку и выстрелил. Если бы Северцев не подставил под пулю своего последнего противника, эта пуля досталась бы ему. А затем оба выхватили одно и то же оружие — импланторы, и состязание на скорость на этот раз выиграл Северцев: его палец вдавил гашетку разрядника-«просветлителя» на мгновение раньше.

Командир отряда вздрогнул, выронил автомат, опустил имплантор, глаза его остекленели, и он так и остался стоять в полу-

---

[1] Что дозволено Юпитеру, не дозволено быку (*лат.*).

[2] ОБР — отряд быстрого реагирования.

приседе, словно собираясь прыгнуть на противника. Затем очень медленно выпрямился, глядя перед собой ничего не выражающим взглядом. Имплантор сработал, погрузив парня в состояние ступора. Хотя что именно он проделал с десантником, Северцев не знал. Принцип работы «просветлителя» был ему незнаком.

Подождав еще мгновение, готовый выстрелить из «клина», он метнулся к погребу, скатился по ступенькам вниз, позвал спутницу:

— Лада! Это я!

Никто ему не ответил.

В погребе вкусно пахло заваренным чаем. На столе стояли чашки, чайник, банка с джемом, сахарница. Чайник еще испускал струйку пара. Его выключили совсем недавно. Однако юной хозяйки нигде видно не было. Она исчезла.

Северцев заглянул под кровать, рванул дверцу шкафа — никого. И только тогда в голове сверкнула догадка: Лада ушла на «ось S»! Она поняла, что означает шум над головой, и решила не дожидаться непрошеных гостей, действовать так, как советовала ей мама.

Господи, хоть бы с ней ничего не случилось! — взмолился в душе Северцев. Варвара мне этого не простит!..

Решение созрело мгновенно.

Хватит бежать! Надо переходить к контратаке! Лада никуда не денется, ее он может догнать в любой момент, благо что синхрон помнит координаты их последних выходов. Пробежать по ним — дело нескольких минут. Где-нибудь она да отыщется, не пропадет, девочка умненькая и уже опытная в таких делах. А он должен воспользоваться благоприятным случаем и выяснить, каким образом системникам удается находить беглецов в такие короткие сроки.

Подожди немного, милая, я скоро тебя догоню, пообещал Северцев мысленно, вызвав в памяти образ девочки. Сделал обжигающий глоток чая и, сосредоточившись на экстрасенсорном восприятии, метнулся из погреба-грота наружу.

ГЛАВА 6

Со стороны каменной громады поместья раздался выстрел.

Летчики переглянулись.

— Угларх приказал брать их живыми... — проворчал один из них на русском языке. — Что там происходит?

— Возможно, это стрелял объект, — предположил второй пилот равнодушно. — Спроси у линеарха.

— Ты же знаешь, что это запрещено. Рацию могут услышать чужие.

— Тогда сиди и не дергайся. Буркин опытный охотник, знает, где и как ловить удачу.

Минута прошла в молчании. Затем первый летчик снял шлем и открыл дверцу кабины.

— Пойду пройдусь к дому, понаблюдаю за природой.

— Лучше бы ты этого не делал, линеарх по головке за самоволку не погладит.

— Он не узнает.

— Возьми автомат.

Летчик вооружился и зашагал вверх по склону холма к видневшимся сквозь деревья стенам здания. Исчез. Но через две минуты вернулся, задумчиво поглаживая светлые волосы рукой. Светлые волосы... До второго пилота только теперь дошло, что у его напарника были черные волосы и короткая стрижка. Но сделать он уже ничего не успел. Незнакомец, переодевшийся в форму вертолетчика, нанес один короткий удар...

Северцев привязал обмякшее тело пилота к сиденью, сел рядом, оглядел панель управления. Американские вертолеты он никогда не пилотировал, но не сомневался, что сможет взлететь. Органы управления винтокрылых летательных аппаратов почти не отличались, а иное расположение приборов на панели вести машину не мешало.

Так, где тут системы включения?

Дроссельные заслонки — рычажок вверх. Подача нагрузки — щелчок. Приборы — щелчок. Авионика — вверх. Зажигание — тумблер вверх. Винты... Поехали, господа хорошие...

Двигатели взвыли, поднимая машину в воздух, и, уже переводя ее в горизонтальный полет, Северцев увидел выбегающие из-за дома три пятнисто-зеленые фигурки. Системники пришли в себя.

Поздно, ребята, подумал Северцев с иронией, ваш поезд ушел.

Вертолет слушался пилота хорошо, и он поднял его повыше, на полкилометра, сразу раздвинув горизонт. Сжалось сердце. Ландшафт русской равнины был до боли знаком: леса, луга, поля, озера и реки, простор и воля, чистый воздух, — и все же это был другой мир, мир «хронохвоста», в котором не было места человеку.

На панели запульсировал красный огонек.

Северцев натянул шлем.

— Одиннадцатый, что у вас? — раздался в наушниках рации чей-то басовитый, с акцентом, голос.

— Все в порядке, — ответил Северцев, прижимая ларингофон к горлу. — Группа ушла к объекту, ждем результата.

Долгая пауза.

— Одиннадцатый, ответь в закрытом режиме.

Северцев понял, что сказал что-то не то, отключил связь. Толкнул в плечо начавшего подавать признаки жизни пилота:

— Очухался, братан? Открой глазки-то, оглядись, да не вздумай шалить, пристрелю!

Пилот поднял голову; шлем с него Олег снял еще до полета.

— Готов отвечать на вопросы?

Мутный взгляд, растерянность, явное непонимание ситуации.

Северцев сунул в нос парню ствол имплантора.

— Так лучше думается? Фамилия, звание, контора.

— Сагдеев... капитан... авиаотряд «Орел»...

— ГРУ?

— Д-да... — Пилот попытался освободиться, но ствол имплантора вдавился ему в шею, и он замер.

— Еще одна попытка — и ты идиот! Не спрашиваю, каким образом ты оказался здесь, в «тени» реальности, в этом ты можешь быть не виноват, коль существуют «просветлители» и синхроны. Ответь всего на два вопроса. Как вам удается определить мое местонахождение? Что за система пеленгации позволяет вам находить живые объекты на громадной территории?

— Не знаю, — огрызнулся пилот, начиная бледнеть и потеть. — Нас наводят на цель, мы летим...

— Но для этого прежде надо эту цель обнаружить!

— Это не наши проблемы.

— Ладно, верю. Вопрос второй: где ваша база, откуда ты поднял «вертушку»? И почему — «Хьюз-500»? Это же американская машина, а вы — профи российского спецназа.

— Какую машину дают, на той и летим. Наша база просто оказалась ближе к этому району.

— Что ж, и в это верю, хотя непонятно, с каких это пор нашу армию начали снабжать чужой техникой.

— Здесь не Ро... — Пилот замолчал, сообразив, что брякнул лишнее.

— Ты хочешь сказать, что здесь не Россия? Вот теперь я понял. Очевидно, для сотрудников СКонС нет разницы, чьей тех-

никой пользоваться для решения задачи, а тем более там, где нет людей. Где база?

Пилот сверкнул глазами, напрягся, и Северцев врезал ему по скуле рукоятью имплантора.

— Не тяни время!

— Северо-восток... — Пилот начал стремительно бледнеть, закатывать глаза, будто ему стало плохо. — Сто сорок километров...

Он дернулся как от удара током, замолчал и опустил голову на грудь, потеряв сознание.

— Черт! — выговорил сквозь зубы Северцев, похлопал парня по щеке. — Это еще что такое?

Самоликвид, пришла на ум пугающая мысль. Всем криттерам, да и работникам рангом повыше СКонС всовывает наряду с основными целеустановками еще и программу самоликвидации. Срабатывает она, как только агент начинает выдавать секретную информацию.

Косясь на линию горизонта за прозрачным стеклом блистера, он попытался привести летчика в чувство, но не преуспел. Пилот находился в глубоком обмороке, хотя еще дышал.

Извини, мужик, я не виноват. Но кто-нибудь за это ответит!

Вертолет поднялся выше, повернул на северо-восток.

По-прежнему под ним плыло серо-зеленое море трав, леса и перелески, речные ленты и зеркала озер, осиротевшие без человека. Потом появились какие-то населенные пункты, точнее, группы зданий и разномастных построек, олицетворяющие собой безлюдные деревни и поселки. Это были «хронохвосты» реально существующих «впереди по «оси S» человеческих поселений. Их было достаточно много, окрестности Торжка, недалеко от которого располагалась усадьба архитектора Львова, всегда были густо заселены. Представить, что в данный момент они совершенно пусты, было трудно.

Что-то блеснуло внизу слева по трассе полета. Круглое здание со стеклами! А рядом на сером поле показались рыбообразные силуэты с крестиками — вертолеты. Вот она — база!

На панели управления замигало окошко индикатора связи, в наушниках заговорил гнусавый голос:

— Борт «одиннадцать», почему не запрашиваете посадку? Отвечайте! Кто на «шупе»? Включите «позу»! Одиннадцатый, ответьте «руку»[1].

---

[1] Жаргон авиадиспетчерской службы: «шуп» — штурвал управления, «поза» — позывной, «рук» — руководитель полетов.

— Сейчас отвечу! — глухо пообещал Северцев, отщелкивая колпачок с кнопки пуска ракет. Надвинул на забрало шлема устройство наведения, подвел крестик визира под круглое здание.

На летном поле базы тем временем началось какое-то движение. Один из вертолетов запустил двигатель, готовясь к взлету. Что-то сверкнуло там, в гуще деревьев, и Северцев, не успев выстрелить, интуитивно рванул штурвал влево, уводя вертолет от зенитной ракеты. Тем не менее ракета догнала машину и взорвалась под левой стойкой шасси, начисто снеся ее и проделав в дне рваную пробоину. Северцева от осколков спасла бронированная спинка сиденья и своевременный маневр. Скрипнув зубами, он снова поймал в перекрестие прицела здание базы и вдавил красную кнопку пуска ракет.

С обеих подвесок по бокам вертолета сорвались огненные стрелы с дымными хвостами, понеслись к земле. Но Северцев не стал досматривать, чем закончится его атака, бросил машину вниз, к самым вершинам деревьев, и повел ее, дымящую и вздрагивающую, прочь от «осиного гнезда» СКонС. Силы были слишком неравными, чтобы сражаться с системниками с надеждой победить.

Сзади дважды сверкнуло, вертолет догнал грохот взрывов. Выпущенные ракеты нашли цель. Северцев злорадно хохотнул, но тут же согнал усмешку с губ. Его догонял стартовавший с земли вертолет, и это был уже не универсальный середнячок «Хьюз-500», а отечественный «крокодил» «МИ-28», имеющий на вооружении сверхзвуковые ракеты класса «воздух — воздух».

— Эй, криттер! — позвал Северцев, шлепнув пилота по щеке, торопливо освободил ему руки. — Садись за штурвал! Сообщи на базу, что ты свой, может, и выживешь.

Пилот поднял голову, вцепился руками в рога штурвала, ничего не соображая.

Северцев насунул на него шлем, оглянулся, чтобы посмотреть на преследователей, и едва не поплатился за это: пилоты «МИ-28» уже пустили ракету! Синхрон он включил буквально за доли секунды до взрыва!

Аппарат «выдернул» его из резонанса с волновым пакетом местного ландшафта практически одновременно с попаданием ракеты в кабину вертолета. Дальнейшая судьба пилота и его машины так и осталась для Олега неизвестной.

Темнота... отголоски взрыва в костях черепа... броски из стороны в сторону, как при езде на танке... Северцев облился холод-

ным потом, не помня, какой адрес выхода продиктовал синхрону. Но ведь он все-таки сработал?..

Свет!

Свет тусклый, серый, не свет — полумрак, созданный прожилками свечения в сплошной пелене туч над головой. Холод. Неясные черные громады вокруг. Куда это меня занесло?

Он огляделся.

Да это же Салехард! Вернее, «хронохвост» города! Ай да Северцев, ай да сукин сын! Похоже, он бессознательно велел синхрону перенести его на родину родственников Варвары. Может быть, и Лада махнула сюда? Коль уж он объявился здесь, почему бы не проверить?

Порыв ветра легко пронизал летный комбинезон Северцева, который он отнял у второго вертолетчика на территории усадьбы. М-да, пора подумать о теплой одежде, силы организма по поддержанию теплового баланса не безграничны.

Олег рысцой двинулся вдоль шеренги домов, вспоминая путь, по которому вела его Варвара. Включилась экстрасенсорика, подсказывая верное направление. Через двадцать минут быстрого шага он вышел к пятиэтажному зданию, в котором Варвара устроила временное жилище, несколько минут анализировал обстановку и, лишь убедившись в отсутствии подозрительных в и б р а ц и й, вошел в дом.

В сгоревшей квартире Лады не было. Где-то рядом —по ощущениям — тоже.

Выйдя из квартиры, Олег присел на ступеньку лестницы, собираясь с мыслями.

Пилот вертолета проговорился, что его навели на цель... Что это означает? Это означает, что некая техническая система обнаруживает каждое появление путешественника в любом месте на «оси S». Но если раньше у него был синхрон старого образца, выход которого на резонансы «прошлого» или «будущего» можно было запеленговать, то теперь, по словам Варвары, его более современный аппарат практически бесшумен. Как же системникам удается вычислять местонахождение гостя, который может выйти в л ю б о м «времени»? Ведь у них нет локаторов, которые засекали бы определенных людей, или фантастических «хомодетекторов», настроенных на определенный тип личности. Их техника, судя по тому же синхрону, весьма экзотична и современна, но не опережает современную земную...

Где-то на крыше дома посыпались камни.

Северцев замер, прислушиваясь, но звук не повторился.

Итак, какой вывод? А вывод такой: бредятина! Засечь малоразмерную цель, не излучающую в радиодиапазоне и не отражающую электромагнитное излучение, такую, как человек, нельзя! Во всяком случае, если верить современной науке. Остается два варианта: или деятели СКонС научились из фоновых шумов выделять излучения человеческого тела — микроволновое и тепловое, либо они могут пеленговать мысленное излучение человеческого мозга, его пси-поле, что не менее экзотично и почти невероятно.

«Есть и третий вариант», — пробурчало второе «я» Северцева.

Какой? — задал он вопрос сам себе. Но ответить не успел. Показалось, что кто-то окликнул его, еле слышно, на грани слуха.

— Оле-е-е-ег!..

Он вскочил, вытягивая шею. Обдало жаром. Это могла быть только Лада! Где она?! Неужели здесь, в Салехарде?

Зов не повторился.

Не психуй, сказал внутренний голос осуждающе, тебе просто показалось. Лада, скорее всего, улетела в Астану.

Чушь! — отмахнулся Северцев, запрыгал по ступенькам вниз, спускаясь на первый этаж дома. Выскочил во двор, позвал:

— Лада! Я здесь!

Вякнуло задавленное тучами эхо, никто не ответил.

На всякий случай он пробежался вокруг дома, вдоль улицы, продолжая окликать девочку, добрался до площади, куда его перенес синхрон, остановился, внутренне опустошенный и разочарованный. И вдруг поддался голосу интуиции: включил синхрон и назвал адрес усадьбы архитектора Львова.

Спустя минуту он стоял на холме, под стенами здания усадьбы, готовый стрелять, драться или бежать отсюда в случае обнаружения превосходящих сил противника. Но его встретили солнечный день, тишина и покой. Никого не было видно в пределах прямой видимости, никто не ждал его за кустами и валунами с оружием в руках.

— Дядя Олег!

Он вздрогнул, оглянулся.

Из проема двери круглой ротонды с колоннами, стоящей чуть поодаль на высоком постаменте с полуосыпавшимися ступенями, выглядывала дочь Варвары.

— Ладушка!

Он бросился к ней, оступился, больно ударился коленом о камень, подхватил девочку на руки, закружил.

— Родная моя! Как я рад! Я думал, ты умчалась на S-трафик, начал искать, был в Салехарде... Где тебе удалось спрятаться? Я ведь обыскал погреб.

— Я и в самом деле уходила, — ответила Лада виноватым голосом. — Позвала тебя... и ушла... так мама велела... а потом вернулась.

Он поставил ее на землю, отодвинул, жадно разглядывая лицо девочки, перепачканное землей и копотью; у нее были счастливые глаза.

— Я неправильно поступила?

— Очень даже правильно. В дальнейшем поступай точно так же, если попадешь в ловушку. Ты давно здесь?

— Нет, минут десять.

— Никого не видела?

— Никого.

— Пойдем в погреб, допьем чай, пока нас не хватились, и обсудим, что делать дальше.

— Там все сгорело...

Северцев выпрямился, понюхал воздух, только теперь учуяв запах дыма.

— Вот собаки бешеные! Похоже, они уничтожают все наши схроны. Отсюда надо уходить, но вот куда...

Из-за стен здания долетело приближающееся тарахтение.

— О, черт! Вертолет! Бежим! Предлагаю вернуться в Москву, не возражаешь?

— Нет.

— Координаты помнишь?

Лада вежливо улыбнулась, как бы говоря: вы шутите?

— Тогда стартуем!

Девочка кивнула, исчезая.

Тогда и Северцев, не дожидаясь появления вертолета системников, перешел в состояние солитона, бегущего по «оси S».

* * *

Подполковник милиции Анатолий Романович Новиков принял их радушно, не выказав ни удивления, ни досады, ни какого-либо недовольства. Он вообще был спокойным и уравновешенным человеком, простым и умным, понимающим собеседника

без слов. Этот крепыш с седым ежиком волос, бывший однокашник мастера Николая, нравился Северцеву все больше, и его так и подмывало поделиться с ним своими горестями. Однако он все же не решился рассказать подполковнику историю с открытием синхрона.

В Москву — на все те же Воробьевы горы — они с Ладой прибыли вечером, и у Новикова были уже в начале восьмого, когда подполковник садился ужинать. Естественно, он предложил гостям присоединиться, и Северцев, оголодавший за сутки, потерявший много энергии, отказываться не стал. Хозяин поставил на стол сковородку с поджаркой, открыл банку с маринованными грибами, сделал салат из овощей и достал из холодильника пиво.

— Хотите?

— Спасибо, не употребляю, — отказался Северцев, с любопытством разглядывая аппетитно дымящуюся сковороду. — А это что за продукт?

— Угадайте, — усмехнулся Анатолий Романович.

— Явно не мясо и не картошка, какие-то овощи или злаки... но не грибы.

— Это жареные корни лопуха. На ужин я мясо предпочитаю не есть, овощами пробавляюсь.

Он положил гостям в тарелки свою стряпню и принялся за еду. Северцев попробовал, поцокал языком.

— Классно! А по вкусу напоминает нечто среднее между грибами и баклажанами. Дадите рецепт?

— Рецепт очень простой. Выкапываете молодые корни лопуха, моете, варите в соленой воде минут пятнадцать, потом обваливаете их в муке и жарите в духовке или на сковороде.

— Надо будет посоветовать своим знакомым инструкторам присовокупить этот рецепт к их рациону. Насколько я знаю, они делали тюрю из листьев лопуха, а корни не жарили.

— В них масса полезных веществ.

— Верю. — Северцев посмотрел на Ладу, медлившую с едой. — Попробуй, тебе понравится.

Девочка начала есть, сначала робко, медленно, пробуя пищу на вкус, потом разохотилась и съела полную тарелку жареных корней, а также салат.

На третье пили зеленый чай с облепиховым вареньем.

— Сестра привезла, — пояснил Анатолий Романович в ответ на заинтересованный взгляд Северцева. — Она у меня на Алтае

живет, под Бийском. Свой огород, сад, облепихи — море, вот и варит варенье. Я его не особенно люблю, из-за косточек, но в нем тоже уйма всяких необходимых организму микроэлементов.

После ужина посидели немного в гостиной, перебрасываясь односложными фразами, поглядывая на посоловевшую Ладу.

— Иди-ка спать, Ладушка, — предложил ей Северцев. — У тебя глаза слипаются.

— А ты?

— Я тоже скоро лягу.

— Ложитесь здесь, — предложил подполковник. — Диван раскладывается, кресло тоже. Белье я сейчас принесу.

— Надеюсь, мы вас не сильно стесним?

— Нисколько. Здесь места хватит на взвод спецназа. Располагайтесь.

Анатолий Романович принес простыни, одеяла, помог разложить диван и кресло, постелил постели.

— Укладывайтесь.

Лада вопросительно посмотрела на Северцева, и тот понял ее взгляд. Развел руками.

— Придется спать без ночнушки. Ложись, я приду, свет погашу.

Он вышел на кухню, через пять минут вернулся и невольно покачал головой. Девочка уже спала, свернувшись под простыней в клубочек. Он нагнулся над ней, поправил простыню, слегка дотронулся пальцами до волос, чувствуя необычное волнение и нежность. Всего за сутки девочка превратилась для него в нечто большее, чем дочь понравившейся женщины, она стала родной и необходимой как воздух, как неотъемлемая часть души и сердца, и Олег уже не мыслил себя без этой девчушки, внезапно ворвавшейся в его жизнь.

— Спи, моя милая... — прошептал он еле слышно.

Лада пошевелилась, губы ее дрогнули в легкой улыбке, но она не проснулась.

Олег вернулся в кухню, собираясь в одиночестве поразмышлять над возникшими проблемами, однако просидел за столом с чашкой чая в руке недолго. Пришел хозяин, начал мыть посуду.

— Может быть, сделать пару бутербродов?

— Спасибо, не надо, — отказался Северцев. — Я сыт. Люблю посидеть с чашкой чая, приятнее думается. Да и чай, надо признаться, у вас вкусный.

— С кардамоном. Кстати, пригодилось вам... э-э... снаряже-

ние, которое вы у меня взяли? — Подполковник имел в виду оружие.

— И да, и нет, — сказал Северцев. — Стрелять из него мне не пришлось, но чувствовал я себя гораздо увереннее.

— Похоже, вы добавили к своей коллекции еще кое-что?

Северцев понял, что Новиков знает о наличии у него имплантора и пистолета-пулемета. Он оставил все оружие в ванной, завернув его в летный комбинезон, когда купался, а вышел оттуда уже в халате, предоставленном ему Анатолием Романовичем.

— Пришлось реквизировать у... назойливых приятелей. Достали они меня.

— Системники?

Северцев внутренне подобрался, исподлобья посмотрел на обманчиво простодушное лицо подполковника.

— Вы... знаете?

— Николай рассказал... что посчитал нужным. Не беспокойтесь, Олег Андреевич, дальше моих ушей эта информация не просочится.

Северцев пожевал губами, переживая чувство досады и разочарования. Он никогда не думал, что учитель может рассказать историю синхрона кому-то еще, пусть этот кто-то и является его школьным другом.

— Это я виноват, — усмехнулся Новиков, поняв по лицу собеседника, о чем он думает. — Я уговорил Николая поделиться со мной вашими бедами.

— Зачем это вам? Жили бы спокойно...

— Ну, насчет спокойной жизни вы не совсем правы. Как сказал мой непосредственный начальник: жизнь так коротка, что ее едва успеваешь испортить. Да и не бывает спокойной жизни у работников милиции, кто бы что ни говорил.

Северцев хмуро улыбнулся.

— У меня много знакомых в этой сфере, так что я знаю об их работе не понаслышке. Позвольте вопрос, коль уж мы затронули тему... вы случайно не из СКонС?

Анатолий Романович дернул уголком губ, поставил последнюю тарелку в сушильный шкаф, повернулся к гостю:

— Нет, я не из СКонС. И Николай тоже, можете быть уверены. Скажу даже больше: я не очень верю в эти ваши...

— Фантазии.

— Рассказы. Я человек простой, привык проверять все на

ощупь и верю только своим глазам и интуиции. Вашу «ось S» пощупать руками нельзя.

— Понял и не осуждаю. На вашем месте я бы, наверное, поступил точно так же. Тем не менее «ось S» существует, и мы с ней, — Олег кивнул на стену кухни, за которой располагалась гостиная со спящей Ладой, — только что вернулись из похода по этой «оси». И оружие — отечественный «клин» — я добыл именно там, а он — исключительно материальная вещь.

— Я не спорю, — спокойно пожал плечами Анатолий Романович. — Может быть, все так и обстоит, как вы говорите. Но мне трудно судить об этом, не видя предмета обсуждения. Очень тяжело ломать привычную систему представлений. Хотя от кого-то я слышал фразу, что мир гораздо сложнее, чем мы себе представляем.

Северцев в замешательстве потеребил подбородок. Подполковник открылся ему с другой стороны, не только как уравновешенная натура, привыкшая нести ответственность за свои поступки, но и как человек н р а в с т в е н н ы й, осознающий право других людей совершать поступки и знать недоступное ему самому.

— Не рефлексируйте, — мягко сказал Анатолий Романович. — Все в конце концов разрешится лучшим образом. Я человек нелюбопытный, так что вам необязательно делиться со мной подробностями дела. Но если понадобится совет или помощь, не откажу.

— Спасибо, — пробормотал Северцев с благодарностью. — Еще раз убеждаюсь, что подобное тянется к подобному. Все друзья учителя во многом похожи на него, а он человек в высшей степени совестливый и обязательный, человек слова.

— Давайте не будем петь друг другу дифирамбы, — улыбнулся Новиков. — Счастье, если тебя понимают, но не всегда счастье, если понимают до конца.

Северцев засмеялся, вдруг почувствовав себя легко и свободно.

— Нас это не касается. Действительно, нет смысла рассказывать вам всю мою эпопею с синхроном, да и небезопасно. Системники могут и за вас взяться, узнав, что вы контактировали со мной. Я до сих пор не понимаю, как им удается находить меня во время путешествий по обеим трафикам «оси S» — белому и черному.

— Что такое «ось S»?

— Николай вам не говорил?

— Он обрисовал ситуацию в общих чертах, без деталей.

— Тогда вам лучше этого не знать. Извините.

— Ничего, я понимаю и не обижаюсь.

— Однако совета я у вас попрошу. Вы человек знающий и обладаете большим опытом работы в органах, вдруг подскажете что-нибудь дельное. Каким образом можно найти определенного человека в... м-м, скажем, в лесу? Или в городе. Суть процесса от этого не меняется.

Анатолий Романович задумался, поглаживая седую шевелюру. Покачал головой:

— По-моему, суть процесса разная. В городе есть социальная среда, телефонная сеть, компьютеры, техника наблюдения, человека можно быстро вычислить по его контактам и связям. В лесу это сделать труднее. Пожалуй, я даже не отвечу, как его можно обнаружить, особенно если он не хочет, чтобы его обнаружили.

— Тогда остается третий вариант...

Подполковник смотрел непонимающе, и Северцев добавил:

— Сначала меня находили по пеленгу: мой синхрон — аппарат, переносящий меня на «ось S», — каким-то образом подсказывал преследователям, где я нахожусь. Потом мне дали другой синхрон, посовременнее...

— Перстень? — кивнул на руку Олега Новиков.

— Да... и наушник микрофона.

— Даже не верится, что столь миниатюрные устройства способны перемещать на огромные расстояния столь большие объекты, как человек.

— На самом деле синхрон никого никуда не переносит, он просто синхронизирует волновые процессы человека с волновыми процессами другого состояния Вселенной, а для этого больших энергий не требуется. Это как переключатель программ в телевизоре, переносной пульт управления: нажал кнопочку, пульт излучил маломощный сигнальчик, который включил гораздо более мощную цепь...

— Это я понимаю.

— Остается добавить, — смущенно сознался Северцев, — что это все мои предположения. Хотя и не безосновательные. В прошлом я — физик, закончил в свое время МИФИ. Но не суть. Получается, что меня могут обнаружить лишь в том случае, если я излучаю какой-то сигнал. Так? Но какой?

Анатолий Романович снова задумался.

— Все зависит от техники слежения.

— Правильно, и я так решил. Но на сегодняшний день не существует дальнодействующих пеленгаторов, основанных на приеме психических излучений или микроволновых. Если, конечно, не предположить, что техника СКонС сильно ушла вперед. Наша же современная техника локации хорошо освоила лишь радиодиапазон. О чем это говорит?

Подполковник по обыкновению ответил не сразу:

— Одно из двух. Либо вы излучаете в радиодиапазоне, либо...

— Мне прицепили маячок!

— Совершенно верно.

Они посмотрели друг на друга, вполне понимая, о чем идет речь.

— Но я только что в вашей ванной осмотрел всю свою одежду и нижнее белье, то есть трусы. И ничего не нашел! Комбинезон не мой, я его позаимствовал у одного летчика. На теле тоже ничего нет. Остается оружие — ваш пистолет и имплантор. Пистолет отпадает...

— Пойдемте посмотрим, — поднялся из-за стола Анатолий Романович.

Они прошли в ванную, и Северцев развернул комбинезон, внутри которого лежали «просветлитель», пистолет «макаров-М2» и пистолет-пулемет «клин». Подполковник взял из рук гостя имплантор, с любопытством повертел в руках и протянул рукоятью вперед.

— Взгляните.

Северцев взял излучатель и почти сразу же увидел едва заметную мигающую красную искорку на торце рукояти. Проговорил глухо:

— Вот сволочи!

— Они не дураки, — покачал головой Новиков, — ваши системники. Насколько я понимаю, это сверхсекретное оружие, и каждый экземпляр, очевидно, имеет свой код запуска и радиомаяк. На тот случай, чтобы его можно было обнаружить в любом месте и забрать... или уничтожить. Кстати, не удивлюсь, если в него встроен контур самоликвидации. Избавьтесь от него, и как можно быстрее.

Северцев проглотил обидный ком в горле, криво усмехнулся.

— Болван!.. Это я о себе... а еще мастер по выживанию. Даже в голову не могло прийти, что такие вещи должны быть застрахованы от передачи случайным лицам. Вот почему Виктор так легко расстался с ним...

— Виктор — ваш друг? Который пытался перевербовать вас на сторону СКонС?

— Бывший друг.

Анатолий Романович покачал головой.

— Напрасно вы о нем так, он ни в чем не виноват. В него всадили гипнопрограмму, и он вынужден ей подчиняться.

— Вы правы. — Северцев вспомнил, как Виктор пытался бороться с чужой волей, диктующей ему план действий. — Это я с досады. Он действительно мой друг, и у меня есть идея каким-нибудь образом помочь ему, снять печать дьявола. Что же делать?

— Давайте я отнесу эту штуку в парк и уничтожу ее. Или просто выброшу в реку. Пусть те, кому этот ваш имплантор принадлежит, ищут его на дне Москвы-реки.

Северцев колебался недолго.

— Хорошо, выбросьте. Хотя очень жаль терять такое уникальное средство для борьбы с моими гонителями. Если бы знать, как отключить маячок...

Кто-то позвонил в дверь.

Мужчины обменялись быстрыми взглядами.

— Вы кого-нибудь ждете?

— Если только соседи или Николай, но он сначала бы позвонил по мобильному.

Северцев закрыл глаза, прислушиваясь к голосу интуиции. Но тот молчал, не подавая сигнал опасности.

— Странно... спросите, кто.

Анатолий Романович вышел в прихожую, посмотрел в глазок.

— Кто там?

— Откройте, пожалуйста, — раздался тихий женский голос. — Олег Андреевич у вас?

Северцев, сжимая в руке имплантор, подошел к двери, изумленно поднимая брови.

— Откройте.

Щелкнул замок, дверь открылась, и на пороге возникла Варвара в прозрачном, усеянном каплями дождя плаще.

ГЛАВА 7

Лада после волнительной встречи с мамой уснула снова, а гости уселись на кухне беседовать, пытаясь выглядеть в глазах хозяина спокойными и деловитыми. Во всяком случае, это касалось Северцева, несказанно обрадованного возвращением Вар-

вары. Ему показалось, что и она рада встрече, хотя точно судить об этом он не мог, лишь раз прочитав в глазах женщины признательность и нечто похожее на одобрение.

Он первым рассказал ей о своих приключениях, не утаил ни одной подробности, в том числе и факт исчезновения Лады, но Варвара не обратила на это особого внимания. Словно была уверена, что с дочерью ничего не случится.

— Вы напрасно атаковали их базу, — сказала она, когда Северцев закончил рассказ. — Это лишь разозлит с и с т е м у, и экзарх подключит к вашему поиску дополнительные силы.

— Я сам разозлился, — пробормотал Северцев, глянув на вошедшего в кухню подполковника; тот принципиально не стал мешать им, закрывшись в спальне.

— Надо контролировать свои чувства, — неодобрительно покачала головой женщина, снявшая плащ и оставшаяся в брючном костюме.

— Надоело бегать от всякой стреляющей мрази!

— Мне тоже, но атака базы — не выход.

— А где в таком случае выход?

— Э-э, уважаемые, — проговорил Анатолий Романович вежливо, — смею напомнить о маяке. Мне нести ваш имплантор в парк или нет?

Варвара мрачно посмотрела на Северцева.

— Он тоже в курсе ваших проблем?

— На него можно положиться, — сухо ответил Олег. — У меня не так много доверенных людей, как у вас. Этот человек согласился помочь, без всяких условий.

— Этот человек рискует жизнью.

— Не волнуйтесь за меня, сударыня, — с крайней вежливостью проговорил Новиков. — Риск — моя профессия. Если я не нужен, продолжайте разговаривать. — Он двинулся к двери.

— О чем идет речь? — осведомилась Варвара.

— Об имплантере. Он, очевидно, имеет систему обнаружения...

— Почему вы его не выбросили? Я же предупреждала.

— Не помню. Да и жалко было.

Варвара протянула руку, Северцев вручил ей тяжелый излучатель, чувствуя себя как нашкодивший мальчишка.

— Он пустой, можете считать, что в рубашке родились.

— Как это — пустой?

— Не заряжен. — Варвара ловко вынула из рукояти обойму, похожую на прозрачную пудреницу, вставила обратно. — Акти-

ватор уже использован, поэтому имплантор сейчас работает в режиме глушака.

— Как? — заинтересовался Анатолий Романович.

— В режиме «пустого фрустирования», как кулак боксера, — усмехнулась гостья. — Если бы он был заряжен, давно взорвался бы. Вы никогда не слушаете советов, Олег Андреевич?

— Слушаю... иногда, — буркнул Северцев; у него горели уши. — Так что с ним делать?

— Ничего, я отключила систему обнаружения. Но имплантор останется у меня.

— Как скажете, — кивнул Анатолий Романович и вышел.

Варвара и Олег посмотрели друг на друга. Лицо женщины вдруг изменилось, стало печальным и усталым.

— Простите меня, я не должна была...

— За что простить? — удивился Северцев, не дождавшись продолжения. — Вы же не виноваты, что нам пришлось бежать. Что вообще произошло? Почему вы не вернулись через час, как обещали?

Варвара отвернулась, опустив голову. Проговорила через силу:

— Я знала, что имплантор передает позывной...

— Ну и что? Вы же не знали, что я его не выбросил.

Женщина подняла голову и посмотрела Северцеву в глаза.

— Был определенный расчет... он не оправдался... За Ладу я не беспокоилась, она всегда может уйти на трафик...

Северцев нахмурился, сбитый с толку.

— Говорите все!

Варвара вздохнула.

— Вы отвлекли погоню на себя, Олег Андреевич. Мне надо было доделать кое-какие важные дела, чтобы никто не беспокоил. Служба ОЛП пошла за вами, считая, что мы вместе.

— То есть я послужил в качестве зайца? — уточнил Северцев. — Преследователи пошли за мной? А как же ваша дочь? Зачем вы рисковали ею? Кстати, что такое служба ОЛП? И какие такие сверхважные дела вы решали, чтобы решиться на такой маневр?

— Я уже говорила, что за Ладу я спокойна. Ей не нужен синхрон, она сама свободно ориентируется в резонансах ES-универсума, это врожденное качество. Лада родилась с ним. ОЛП — это Отдел ликвидации последствий...

— Системники.

— Как правило, оперативная служба ликвидации формирует-

ся из уже существующих спецслужб с помощью имплантации программ СКонС.

— То есть это профессионалы. За нами гонялись оперативники Главного разведуправления.

— Что касается моих дел... — Варвара вдруг заплакала: из глаз ее выкатились крупные слезинки; правда, она тут же попыталась справиться с собой и закончила почти шепотом, с отчаянием: — Надоело бегать... надоело прятаться... Но я не знаю другого выхода!

И Северцев простил ей все, даже то, что она, по сути, подставила его, заставила бегать от киллеров СКонС. Подчиняясь порыву, он подсел к ней, обнял за плечи, и женщина вдруг прижалась лицом к его груди, беззвучно заплакала, только плечи вздрагивали от рыданий.

— Пустите... — выдохнула она через некоторое время, слегка успокоившись.

Северцев разжал объятия, отодвинулся, сказал твердо:

— Пора прекратить прятаться и бегать от кого бы то ни было. Это не решение проблемы. Вы — бывший тетрарх, и я допускаю, что у вас много схронов на Земле, но в конце концов ваш ОЛП обнаружит их все, и тогда придется принимать иное решение. Но боюсь, будет поздно.

— Я не вижу другого выхода, — тихо и грустно повторила Варвара.

— Выход найдется! Надо искать центр...

— Общего центра управления не существует, только региональные, но до них нам не добраться. Да и ни к чему.

— Тогда надо выходить на главного эмиссара СКонС, на велиарха. Так звучит его должность?

— Велиарх — не определенная личность, это с и с т е м а высокоответственных личностей. Их много.

— Ну-у... — протянул обескураженный Северцев, — тогда начнем с нашего, российского дубля. Кто он?

Варвара слабо улыбнулась, в глазах ее зажглась искра жизни. Напористая решительность собеседника передалась и ей.

— Кажется, я вас недооценила. Велиархом же, как правило, становится самая информированная фигура в государстве.

— Президент, что ли?

Женщина покачала головой.

— Далеко не всегда. К кому стекаются потоки информации обо всем, что происходит в стране и за рубежом?

Северцев потер подбородок.

— Ну-у... таких людей мало... может быть, если не президент, то директор службы безопасности?

— Верно, плюс начальник статуправления при президенте, другие руководители спецслужб. Конечно, бывает, что экзомом велиарха становится и руководитель страны, соединяющий в одном лице сразу множество должностей: от главнокомандующего до начальника разведки и судьи. Но таких действительно немного, в основном это руководители небольших центральноазиатских или островных государств.

— Ирак, Пакистан...

— Малайзия, Шри-Ланка и так далее. Я не знаю, кто у вас в России является экзомом велиарха, но скорее всего это все-таки директор ФСБ.

Северцев хмыкнул, почесал в затылке.

— Да, такого парня просто так не достанешь. А у вас в Казахстане кто? Если вы были тетрархом, то велиархом должен быть...

— Министр национальной безопасности, вы угадали. Ну что, не расхотелось искать велиарха? Его и искать-то особенно не надо, он сам вас найдет.

Северцев покачал головой, помолчал немного, продекламировал:

Где власти разум, слитый
Со злобной волей и громадой сил,
Там для людей защиты нет.

— Откуда это? — с удивлением посмотрела на него Варвара.

— Данте, «Божественная комедия». Тем не менее еще раз повторяю: безвыходных положений не бывает. Чаще встречаются положения, куда нет входа. Надо думать, анализировать факты и решать. Но для начала я хотел бы до конца уяснить суть вашего конфликта со СКонС. Вы были большим руководителем, стали тетрархом, могли бы дорасти до экзарха или даже до велиарха, и вдруг — полный крах! За вами погоня, мужа догоняют и... что случилось?

Варвара откинулась на спинку стула, с каким-то новым интересом рассматривая лицо собеседника.

— Вы всерьез... хотите... помочь мне?

— Абсолютно! Пора наконец прекратить это безобразие!

— Вы все-таки...

— Псих?

— Сумасшедший!

— Согласен, — улыбнулся Северцев, — но я так живу. Не мо-

гу просто пройти мимо несправедливости, из-за того и получаю синяки да шишки. Итак, я с вами! Вводите меня в курс дела.

Варвара несколько мгновений смотрела на него с тем же выражением глаз, потом внезапно придвинулась и поцеловала. Встала и, не глядя на него, вышла, заперлась в туалетной комнате.

Северцев, опешив, смотрел ей вслед, не зная, что сказать и что подумать. Проговорил глубокомысленно:

— Целую вас не от хорошей жизни...

В голове царила звонкая тишина. Хотелось плакать и смеяться одновременно. И еще говорить стихами.

Варвара вернулась через несколько минут, такая же сосредоточенная и независимая, как и раньше. Ни следа растерянности на лице, ни тени печали и нерешительности. Правда, тон ее речи изменился, и разговаривала она с «охранником» дочери чуть дружелюбнее и мягче.

— Как вам моя дочь?

— Умница! — убежденно ответил Северцев. — У нее отличная память, и она очень многое знает. Во всяком случае, от нее я получил много интересных сведений о парадигме нового подхода к физической картине мира, хотя кое-какие вопросы остались невыясненными. Надеюсь получить ответы на эти вопросы от вас. А с Ладушкой мы подружились.

— Она мне призналась в этом, — покачала головой Варвара, поглядывая на Северцева с той же потаенной заинтересованностью. — Удивительная вещь! До встречи с вами она никого из мужчин особенно не выделяла и дружбу не заводила. Даже с отцом.

— Я ничего специально для этого не делал, — пробормотал польщенный Северцев. — Так получилось. Хотя я женат не был, детей у меня нет, и я не умею с ними налаживать отношения. Но Лада мне очень по душе! — Он подумал и добавил: — Я тоже хотел бы иметь такую дочку.

Варвара снова покачала головой.

— Странно все это... никто не рассчитывал линию ожиданий специально, никто не планировал бифуркаций... но мы все равно встретились... я начинаю верить, что это...

Судьба, хотел подсказать Северцев, но вовремя спохватился. Проговорил, чтобы не молчать:

— Иногда мне кажется, что я слышу голос вашей дочки... как тогда в «хронохвосте» Астаны. Хотя это просто невозможно физически.

— Почему, возможно, — возразила Варвара. — Только вы слышите не голос, а ее мысль. Что не менее удивительно. Очевидно, ваши ауры очень близки по параметрам.

— Вы думаете? Но я и ваш голос слышал...

Варвара усмехнулась.

— Не сочиняйте.

— Честное слово! Помните нашу вторую встречу в «хронохвосте» Астаны? Я услышал сначала ваш голос, потом голос Лады. Вы кричали мне, чтобы я был осторожнее и уходил.

— Мы не кричали.

— Теперь я понимаю, что я слышал ваш мысленный посыл. А тогда удивился, не понимая, каким образом вам удалось меня увидеть и предупредить.

— Ладно, свернем эту тему. Вы хотели узнать правду о конфликте, так слушайте. Начну с базы. О создании нашей Вселенной — БМГ вы уже знаете, именно о создании, а не о рождении «из ничего», хотя вопрос — кто Создатель, остается открытым.

— Даже для вас?

— Даже для нас. Затем Творец внедрил в свою Программу...

— Подпрограмму СКонС для контроля правильности перехода Вселенной из состояния в состояние. Правильно?

— Не перебивайте, ситуация не терпит суесловия. — В голосе женщины прорезались властные начальнические нотки. — Вначале СКонС работала нормально, своевременно корректируя возникающие отклонения в развитии Вселенной. Но потом, спустя миллиарды и миллиарды циклов...

— Лет?

— Можно сказать и так, хотя длительность циклов не всегда была равна обороту Земли вокруг Солнца. Да и сейчас цикл не равен году, хотя и близок ему.

— А как вы измеряете время? Ну, то есть чему у вас равен шаг перехода Вселенной... э-э, БМГ из состояния в состояние? Кванту времени?

— Квант времени на самом деле является квантом с у щ е с т в о в а н и я жизни. Не было бы жизни, никому бы в голову не пришло измерять длительность природных процессов вообще или существования того или иного явления.

— Не было бы самих голов, — улыбнулся Северцев. — Вы хотите сказать, что термин — квант времени — не отражает сути явления?

— Вы хорошо схватываете, — скривила губы Варвара. — Сразу видно, что у вас не гуманитарное образование.

— Виноват, — стал серьезным Олег. — Больше перебивать не буду. Но уж очень какой-то нестрогий это научный термин — квант существования. Как его оценить количественно?

— Еще оцените. Хотя он имеет и строгое научное обоснование.

В кухню заглянул Анатолий Романович.

— Не скучаете? Если я вам не нужен, то разрешите удалиться в спальню.

— Извините, ради бога, — виновато сказал Северцев. — Мы тут еще посидим полчасика.

— Сидите хоть всю ночь, никаких проблем. Захотите чаю или кофе — кухня в вашем полном распоряжении. Кстати, где ляжет гостья? Могу уступить свою спальню.

Северцев вопросительно посмотрел на Варвару.

— Спасибо, не беспокойтесь, — поблагодарила она, — я лягу с дочерью, если не возражаете, а рано утром мы тихонько уйдем.

— Как скажете. Покойной ночи. — Новиков ушел, бросив на Северцева ироничный взгляд.

— Я вас не стесню? — озадаченно спросил Олег.

— Вряд ли, — с неким скрытым смыслом ответила Варвара. — Давайте закончим выяснение отношений, иначе вы не успокоитесь. На чем мы остановились?

— На кванте времени.

— Что вам непонятно?

— Я не понимаю, почему меня не догоняет прошлое, когда я ухожу по «оси S» вперед.

— Вы никуда не уходите, вы с помощью синхронизатора волновых пакетов настраиваете свои волновые процессы в резонанс с волновыми процессами определенных узлов масс-графа.

— Хорошо, пусть так, но ведь Вселенная... этот ваш Базовый Масс-граф скользит по «оси» и должен меня догнать...

— Не должен, вы скользите по этой же «оси» вместе с БМГ и всеми его волновыми масс-пакетами. Основной резонанс, в котором синхронизированы в с е жизненные процессы и материальные структуры, никогда не догонит ушедшие «вперед» состояния. Дайте листок бумаги.

Северцев нашел в прихожей телефонный справочник, в котором лежал свернутый лист тетради, исчерканный с одной стороны, принес лист на кухню. Варвара достала шариковую ручку и нарисовала простую схему.

— Вот вы «шагнули в будущее»...

— Понял, — кивнул Северцев. — БМГ перемещается в е с ь, целиком, вместе со мной, куда бы я ни «шагнул» в пределах диапазона существования. Это как бы временной срез, в котором я остаюсь, если только не «шагну» дальше.

— Отлично, Олег Андреевич. Идем дальше. Что вам еще непонятно в физических процессах?

— Хотелось бы добраться до сути...

— Суть не в физике. Все дело в СКонС. Спустя миллиарды циклов после запуска этой с и с т е м ы она стала монополистом Власти и, желая сохранить эту Власть, начала вмешиваться в Программу.

Северцев невольно покачал головой.

— Даже так? Ничего себе масштаб! Не помню, кто сказал[1]: власть теряет все свое очарование, если ею не злоупотреблять. Кстати, не этот ли факт отражен легендой о падении Люцифера? Вспомните мифы. Ближайший друг и ученик Бога решил отступить от Его Замысла, и Господь сбросил его вместе со свитой с небес на...

— Никто никого не сбрасывал, — устало вздохнула Варвара; она явно теряла интерес к беседе. — Но миф достаточно правдив и несет достоверную информацию, хотя и в кодированном виде. СКонС в какой-то мере можно назвать Люцифером или Дьяволом, но эту систему невозможно куда-то с б р о с и т ь или нейтрализовать. Она «вклеена» в БМГ как одна из ее базовых составляющих.

— Но разве сам Создатель не может это сделать?

— Не может... не знаю... не думала об этом... Знаю только одно: он почему-то не вмешивается в ситуацию, и мир катится в пропасть хаоса. Причем не только жизнь на Земле близка к гибели, но и на других макротакантаях космоса.

— Где?

— Мы так называем зоны и сферы влияния.

— Планеты?

— Не только. Диапазон реализации жизни очень широк, разумные существа живут не только на поверхности планет, но и внутри, на их плотных ядрах, а также на звездах и в облаках пыли и газа.

— Вот бы увидеть хотя бы одним глазком!

---

[1] Поль Валери, французский поэт.

Варвара окинула собеседника скептическим взглядом.

— Вы неисправимы, Олег Андреевич.

— Увы, — сокрушенно согласился он. — Меня с детства влекло к себе все таинственное и непознанное, особенно звездное небо. Часами могу любоваться им и мечтать о том, чтобы когда-нибудь довелось на каждую звезду посмотреть с борта космического корабля, вблизи.

— Это недостижимо.

— Да я понимаю, только мечта от этого не становится менее притягательной.

Взгляд Варвары смягчился, она не ожидала, что душа путешественника полна романтической пылкости, больше присущей юношам шестнадцати-восемнадцати лет, а не зрелым тридцатилетним мужам.

— Вы необычный человек, Олег Андреевич.

— Какой уж уродился, — развел руками Северцев. — Может быть, перейдем на «ты», Варвара Леонидовна? Не будете возражать?

— Я старше вас на шесть лет, Олег... э-э... Андреевич.

— Разве это так важно?

— Может быть, и нет. Но... — она заколебалась, решая в уме непонятную Северцеву задачу. — К тому же я в прошлом — тетрарх, слуга СКонС, прошедшая такую школу, какая вам и не снилась.

— Я тоже проходил эту школу — школу выживания, так что мы где-то очень близки. Итак, Варвара... э-э?

Жена Крушана Сабирова опустила голову, помолчала и тихо проговорила:

— Может быть, я снова ошибаюсь... пусть будет по-вашему.

— По-твоему.

— По-твоему. Олег... м-м... я устала, давайте... давай заканчивать ликбез, уже два часа ночи, а нам рано вставать.

— Почему? Здесь мы в безопасности. Тем более если вы... ты отключила маячок.

— Пока по нашему следу идет команда ОЛП, мы нигде не можем чувствовать себя в безопасности. Но у меня важная встреча, которая должна многое решить.

— Я не должен знать, с кем и где?

Варвара снова заколебалась.

— Узнаешь... позже... Я расскажу. Надеюсь, после этого нам не придется бегать по трафикам БМГ.

— Хорошо, подожду. Но о смысле своего конфликта с системниками ты так и не рассказала.

— А смысла никакого и нет, — грустно улыбнулась Варвара. — Если бы я повела себя иначе, конфликта бы не было. Но я не смогла потерять самое дорогое в моей жизни...

Северцев выжидательно посмотрел на замолчавшую женщину.

— Что ты имеешь в виду?

— Не что, а кого. Ладушку мою.

— Она-то здесь при чем?

— В ней — корни всех моих проблем. Но об этом мы поговорим в другой раз. — Варвара встала из-за стола. — Ложитесь... ложись спать первым, я еще приму душ.

Она вышла.

Северцев остался в кухне, катая по столу смятый Варварой клочок бумаги. Развернул, вглядываясь в схему, начертанную рукой бывшей сотрудницы СКонС, и вдруг поймал давно вертевшуюся в голове мысль. Поднялся, подошел к двери ванной комнаты.

— Варя, я тут подумал...

Дверца в ванную приоткрылась, открывая снявшую с себя курточку и оставшуюся в почти прозрачной кофточке Варвару. Несколько мгновений они смотрели друг на друга как заговорщики. Северцев, чувствуя внезапное головокружение, — женщина была неимоверно привлекательна и желанна, — отступил.

— Извини, я потом...

— Говори.

— Ну, понимаешь... ты говорила о власти, которую монополизировала СКонС... но ведь сама СКонС не является материально существующей организацией, она суть — программа...

— Ну и что?

— Она не может п р и н я т ь решение!

Варвара пристально заглянула в глаза Олега, взвешивая свой ответ.

— Что ты хочешь сказать?

— Власти захотели — и принимали решение относительно тебя — те, кто был в этот момент у кормила СКонС. Боссы. Самой структуре, которая, по твоим же словам, есть корректирующая Подпрограмма, власть как таковая не нужна. Но власть всегда нужна конкретным личностям. Кто-то из велиархов решил остаться единоличным лидером и подмял под себя всю систему!

Вот и надо искать его, этого деятеля, то есть конкретную личность. Только прежде давай вычислим — кого именно.

— Экзомы — ипостаси велиарха... равны, — неуверенно проговорила Варвара, широко раскрытыми глазами рассматривая Северцева.

— Но кто-то из них «равнее». Тот, кто задает тон, принимает основные решения. Так было всегда, таков вообще человек. Ты в прошлом тетрарх, значит, можешь сориентироваться, проанализировать деятельность отделов СКонС, оценить их приоритеты. Вот и подумай, кто из нынешних лидеров СКонС наиболее авторитетен. Он и заинтересован в сохранении СКонС как г л а в н о й регулирующей силы Вселенной.

— Господи... — прошептала Варвара. — Как все просто! Вы... ты даже не представляешь, какую идею подал...

— Почему не представляю? Мы можем кардинально решить проблему, только если нам удастся выйти на главного системника.

— Ох, Олег Андреевич...

— Мы же договорились — Олег.

— Только теперь я понимаю...

— Что?

— Почему я доверилась вам... тебе. Извини, никак не привыкну. Хотя я знаю о тебе все. Ты же экстремал, путешественник, любитель острых ощущений...

— Короче — ветер в голове, — добавил Северцев с улыбкой.

— Да... нет, прости, что я так резко...

— Я не Бог, чтобы прощать, как говорил один мой знакомый. Варя, постарайся...

Она вдруг прижала палец к его губам, заставляя молчать, и без лишних слов приникла к нему, прижалась к груди, он с таким же естественным порывом обнял ее, принялся целовать волосы, щеки, глаза женщины, нашел горячие губы, и они целовались еще долго, пока его руки самовольно не начали снимать с нее кофточку, лифчик, юбку... и все кончилось!

Варвара отстранилась, знакомым жестом — ладонь к губам — останавливая Северцева. Выдохнула, обессиленная и еще больше желанная:

— Все, уходи, а то сейчас привыкну...

— Прости...

— Это ты меня прости. Но... я не готова... идти дальше. Не торопи меня. И я очень проблемная женщина.

— Зато я готов! Я готов взять на себя все твои проблемы.

— Ты пожалеешь.

— Нет!

— Ты забыл, что я не одна, у меня дочь. К тому же ты не представляешь, с чем тебе придется столкнуться, что узнать и что делать. А когда узнаешь — ты разочаруешься во мне.

— Я сказал — нет!

Варвара грустно улыбнулась, провела ладонью по его щеке, на миг приникла к нему и оттолкнула.

— Иди... спать. Я должна подумать. Если решусь...

— С этого момента позволь решать м н е!

Она прищурилась, оглядывая его затвердевшее лицо, погладила по щеке еще раз и закрыла дверь ванной. А он, оглушенный всем происшедшим, каскадом новостей и чувств, обрушившихся неожиданно, побрел на кухню, где долго держал голову под струей холодной воды и думал... да ни о чем не думал! Он не был разочарован. Он просто был счастлив...

Когда он выглянул в гостиную, Варвара уже лежала на диване с дочкой, укрывшись простыней. Тогда он тоже искупался, возвращаясь под струями душа к реальной жизни, постоял у дивана, затаив дыхание, глядя на разметавшиеся по подушке волосы Варвары, и бесшумно лег на кресло-кровать. Прошептал еле слышно:

— Доброй ночи...

Варвара не ответила. Она уже спала.

Тогда и он рухнул в сон как в омут, мгновенно уснув... и проснулся от сработавшей интуиции: Варвара с дочерью уже встали и приводили себя в порядок. Часы показывали пять часов сорок минут по московскому времени. Рассвет только-только начинался.

Олег быстро размялся: отжимания на кулаках и пальцах, приседания, тренировка пресса, — а когда закончил, увидел стоявшую в двери гостиной и разглядывающую его Варвару, одетую в свой джинсовый костюм и полностью готовую к дороге. Замер, не зная, как оценить ее взгляд.

— Северцев, мы уходим, — сказала она спустя несколько секунд бесстрастным голосом; нельзя было понять, о чем она думает в данный момент, словно и не было сцены в ванной, сблизившей обоих до помутнения рассудка.

Из-за спины женщины выглянула смущенно улыбающаяся Лада, также готовая выступить в путь.

— Доброе утро.

— Доброе, — спохватился Северцев, быстро натягивая штаны. — Подождите меня, я вас провожу.

— Не надо никаких проводов, Олег Андреевич, — качнула головой Варвара, бросив косой взгляд на дочь; то ли она забыла о договоренности называть друг друга на «ты», то ли не хотела делать это при дочери. — Свои дела я должна доделать сама.

— Я бы не помешал.

— Возможно. И все же я попытаюсь кое-что исправить. Вечером встретимся.

— Где?

— Можно здесь же, у вашего знакомого.

— Хорошо, я буду ждать. И все же ты... вы делаете ошибку.

— Может быть.

— Оставьте хотя бы Ладу, я покажу ей Москву, свожу в парк Горького...

— Она нужна мне там.

— Что ж, как знаете.

— Не обижайся, — вдруг сказала Варвара быстро, подошла и положила руку на его плечо. — Ты многого не знаешь, и... лучше бы тебе этого не знать.

— Мы же договорились.

— Я помню, потому и вынуждаю себя извиниться. До встречи.

Она сняла руку с плеча Олега и пошла к выходу, взяла Ладу за руку.

Северцев послал девочке воздушный поцелуй, и она улыбнулась в ответ, помахала рукой.

Через несколько мгновений они исчезли. Сразу и одновременно.

Из спальни вышел в спортивном трико Анатолий Романович.

— Ушли?

Северцев с запозданием кивнул, чувствуя обиду и разочарование. Он надеялся, что Варвара не оставит его одного, возьмет с собой, хотя, с другой стороны, он действительно не знал, какие проблемы собирается решать жена Крушана. Возможно, тот остался жив, и жена пыталась освободить его или вылечить.

Приподнятое настроение улетучилось.

Новиков понял его состояние, усмехнулся.

— Не опускайте крылья, Олег Андреевич, ваш полет еще впереди. Женщина не всегда дает себе отчет, что делает и к чему стремится. Зачастую она идет к цели в прямо противоположном направлении, доводя спутника до инфаркта.

Северцев слабо улыбнулся в ответ.

— Согласен, хотя по большому счету путь к инфаркту гораздо

приятней, чем бег от него. Мне, наверное, придется задержаться у вас до вечера.

— Ради бога, никаких проблем. Ложитесь, досыпайте, еще только шесть часов. Жаль, я не успел попотчевать их завтраком. Вы давно знаете эту фройляйн?

— Несколько дней. А что?

— Нет, ничего. Очень сильная женщина! Но очень несчастливая.

— Почему вы так думаете?

— Я чувствую.

Северцев промолчал. Он-то знал почти наверняка, что Варвара в самом деле несчастна.

Новиков скрылся в туалете.

Олег в задумчивости прошелся по комнате, поглядывая на диван с аккуратно сложенным постельным бельем, лег снова. Но так больше и не уснул.

В половине восьмого встал, вскипятил чайник. Поднялся и Анатолий Романович. Вместе они в полном молчании позавтракали, и Северцев начал составлять план действий на день.

В первую очередь он нуждался в совете учителя, который мог подметить важные детали проблемы и подсказать способы достижения цели. Затем стоило прикинуть круг своих знакомых, которые могли помочь ему выйти на велиарха России, то есть на пси-копию велиарха, внедренную в конкретного человека. Варвара называла таких носителей Подпрограммы СКонС экзомами. Если экзомами становились наиболее информированные люди в государстве, то таким человеком в России мог быть только директор Федеральной службы безопасности. Или начальник президентской администрации.

Северцев покачал головой. Круг его знакомств с сильными мира сего был велик, но добраться с их помощью до таких фигур власти, как главный чекист или главный кормщик президентской «ладьи» — Кремля, было трудно. Следовало искать непрямой канал доступа к этим людям, не забывая о собственной безопасности. Системники продолжали рыскать вокруг в поисках объекта ликвидации, и попасть им в руки до встречи с велиархом означало крах всех планов, в том числе — жизненных.

Северцев попросил у Анатолия Романовича лист бумаги и быстро набросал схему своих взаимодействий с теми, кто мог его вывести на велиарха. Первым в этом списке стоял актер и режиссер Виктор Красницкий.

ГЛАВА 8

Впервые после двухмесячной жары в Москве пошел дождь.

Северцев и Николай сидели под тентом в кафе «Мальва» на Карамышевской набережной, недалеко от церкви, пили холодное — Северцев и горячее — Николай молоко и молчали, наслаждаясь пением струй небесной воды и волной свежести, которую принес долгожданный дождь.

Учитель нашел ученика сам, что уже давно перестало удивлять Северцева, знавшего, что сфера внечувственного восприятия учителя по возможностям превосходит его собственную. Олег как раз собирался нанести визит отцу в его резиденцию на Живописной улице, чтобы попросить его дать связи с б о л ь ш и м и людьми бизнеса и политики, и, выйдя из такси, увидел Николая, со скучающим видом прохаживающегося у главного входа в офис «ЭКСМойла». Спустя полчаса они уже сидели в кафе и с л у ш а л и дождь.

— Теперь рассказывай, — сказал Николай, когда дождь приутих.

Северцев некоторое время колебался, не зная, с чего начать, и мастер понял его молчание по-своему.

— Я не из СКонС, — произнес он, обозначив улыбку. — А тебя ждал здесь потому, что перед этим звонил Анатолию, и он подсказал, куда ты можешь податься. Кстати, он тоже не сотрудник СКонС.

Северцев хмыкнул, оценивая шутливое замечание Николая. Ему и на самом деле приходили на ум некоторые сомнения относительно поведения учителя, тем более, что пример с Виктором наглядно отражал возможности СКонС, но слова Николая все же позволяли дышать ровнее.

— Иногда мне и впрямь кажется, что вокруг только одни агенты СКонС, — признался Олег. — Не понимаю, почему они меня до сих пор не вычислили. Если бы вы знали, какая это мощная разветвленная структура! У нее же везде есть базы, во всех временах!

— Давай по порядку, — мягко сказал Николай.

Северцев собрался с мыслями и поведал бывшему учителю историю своих похождений по «оси S» с дочерью Варвары в поисках самой Варвары. Когда он закончил, Николай с минуту о чем-то размышлял, поглядывая то на спешащих укрыться от дождя прохожих за оградой кафе, то на лицо собеседника.

— Ты в любой момент можешь уйти отсюда на эту твою... «ось S»? — спросил он наконец.

— В любой, — подтвердил Северцев. — Могу продемонстрировать. Вот только вернуться на это же место не смогу. Мой первый синхрон был специально настроен таким образом, чтобы его владелец мог переходить в строго фиксированные районы и возвращаться обратно. Этот процесс называется инверсией массграфа или хронодрайвом, хотя никакого отношения к путешествию во времени не имеет. Теперь у меня синхрон поновей, но я с ним еще не научился контактировать свободно, чтобы возвращаться в ту же точку пространства, откуда драйвировался на «ось S».

— Хотелось бы посмотреть на процесс. Хотя я тебе и так верю. Что ты собрался делать?

— Искать выход на главного дирижера СКонС, то есть на велиарха. Варвара не успела сказать, кто в России является представителем этой управляющей системы под названием велиарх, но это может быть только один из двух наших боссов: либо директор ФСБ, либо начальник президентской администрации. Только к ним приходят потоки информации о б о в с е й деятельности государственных органов и криминальных структур.

Николай снова помолчал.

— Возможно, ты прав. Где сама Варвара?

— К сожалению, не знаю. У нее какая-то важная встреча, но с кем и где, она мне не сказала. Пообещала сегодня вечером навестить Анатолия Романовича.

— Она тебе доверяет?

— Наверное, раз оставила дочь со мной. Правда, потом оговорилась, что за Ладу она спокойна, потому что та может уйти на «ось S» в любой момент. Кстати, в этой уверенности кроется какая-то загадка. Лада очень информированный человечек, несмотря на свой десятилетний возраст, не боится системников и, похоже, помогает матери в ее какой-то деятельности, опять же — таинственной.

— Ты не спрашивал ее об этом?

— Не успел. С одной стороны, у нас возникло взаимопонимание... — Северцев запнулся, вспомнив жаркие объятия Варвары и порыв страсти, объединивший их.

Николай понимающе прищурился, но промолчал.

— Она не отказывается отвечать на вопросы, особенно, что касается физической картины мира, — продолжал Северцев. —

Но, с другой стороны, существуют запретные области знаний, которых она касаться не хочет.

— Какие?

— Самое главное — суть конфликта между ней, ее семьей и СКонС. Во-вторых, она не ответила мне на вопрос, как она стала тетрархом, то есть достаточно большим боссом в системе СКонС. В-третьих, толком не объяснила смысл влияния велиарха на социум. Не из-за их ли деятельности мировое сообщество буквально трясет в последнее время? Да и Земля пошла вразнос, участились землетрясения, наводнения, ураганы и тому подобное. Может быть, цель СКонС — вообще уничтожить жизнь на Земле?

— Зачем?

— Ну, не знаю, это я в качестве теоретического бреда предложил. Хотя вдруг на Земле действительно готовится передел власти? На смену человеку идет другое разумное стадо?

Николай улыбнулся.

— Другой на моем месте спросил бы, когда ты последний раз падал с балкона. Но примерно такие же мысли высказывал и один мой приятель, ученый-математик, занимающийся реконструкцией истории. Вполне допускаю, что оба вы в чем-то правы. Только вот не вижу я, кто придет на смену человеку. Нет достойного претендента. Не обезьяны же? И очевидно не дельфины. Кто?

— Может быть, те же глубинники, — пожал плечами Северцев. — Варя говорила, что жизнь существует везде, даже на ядрах планет. А наши земные глубинники как раз там и живут.

— Это еще надо доказать. Хотя ты и присутствовал при явлении глубинника на Алтае, вряд ли сможешь убедить наших задубелых академиков, успешно борющихся с «лженаукой», в том, что глубинник — живое, да еще и разумное существо.

— Жизнь сама это докажет. — Лицо Северцева стало мечтательным. — Вот бы взглянуть на других разумных в космосе! Варя утверждает, что они обитают даже на Солнце. Может быть, мне еще удастся с ними познакомиться?

— Не боишься, что системники ликвидируют тебя задолго до этого момента?

Северцев посерьезнел.

— Понимаете, учитель, область знаний, в которую я случайно залетел, настолько необычна и захватывающа, что мне ничто не страшно! За такую информацию и жизнь отдать не жалко.

— Ты остался романтиком, Олег.

— Это похвала или порицание?

— Пожалуй, ни то ни другое. Я предпочитаю не платить за информацию своей жизнью и здоровьем. Это стоит делать только ради спасения близких людей. Но мы отвлеклись. У тебя есть какой-нибудь план действий?

— Мне нужен выход на директора ФСБ и начальника президентской администрации. Один из них и есть экзом велиарха.

— Почему ты так решил?

— По словам Вари, велиархами становятся самые информированные люди государства. А кто у нас в России является самым информированным лицом?

— Президент.

— Нет, эти люди предпочитают все знать, но при этом оставаться в относительной тени.

— Тогда велиархом может быть и министр обороны, и директор ФАПСИ, и глава Совета безопасности, и президент Национального банка, и даже глава Русской православной церкви. — Николай подумал. — И, возможно, мафия, управляемая «семьей» бывшего первого президента России, которого сделали чуть ли не национальным героем за развал империи и России.

Северцев хотел было возразить, но задумался, вдруг сообразив, что учитель прав. Уверенности в том, что велиархом России является директор ФСБ или глава президентской администрации, у него не было.

— Что ж, придется расширить круг претендентов на пост велиарха. Жаль, что Варя не знает точно, кто он. Когда вернется, мы поговорим на эту тему.

— Хорошо, допустим, ты дошел до них, что дальше?

— Дальше я попытаюсь обменять свою жизнь и жизнь моих... э-э... друзей на жизнь велиарха.

— А если он не пойдет на обмен? Ведь система СКонС тем и мощна, что может запросто найти замену любому проявленному носителю ее идей. Ну, грохнешь ты одного из велиархов, ну и что? Найдется другой человек. Как говорится, свято место пусто не бывает.

— Возможно, все так и есть на самом деле, но у меня появилась одна облегчающая нашу задачу мысль. По словам Варвары, СКонС перестала быть чисто регулирующей структурой и превратилась в монополиста чудовищной Власти, подменив собой Программу Творца, лишь в последнее столетие. Не означает ли

это, что кто-то из велиархов просто узурпировал властные полномочия и стал работать на себя?

Николай помолчал, обдумывая слова путешественника, подозвал официанта и заказал зеленый чай и фрукты.

— Все твои предположения могут не стоить и выеденного яйца.

— Согласен, но ведь шанс есть? Надо только добраться до эмиссаров СКонС и выяснить, кто из них главный.

— И каким образом?

— Отец знаком с генералом Герасимовым, заместителем начальника антитеррористического управления. Можно попробовать подключить его для контакта с главным чекистом и с самим начальником. Естественно, не посвящая генерала в суть проблемы. Кроме того, наша семья дружит с академиком Фоминым, который имеет доступ к телу господина Морозенко, главы президентской администрации. У вас нет других каналов?

— Мне знаком главный финансист ФСБ. Кроме того, можно поискать нужных людей среди советников президента, двое из них меня знают. Это, пожалуй, все. Но, на мой взгляд, прежде, чем идти в ФСБ или администрацию, надо точно узнать, кто велиарх.

— По этому вопросу у меня тоже есть идеи. Я думаю, руководители СКонС, той же спецгруппы системников, должны знать свое высокое начальство.

— Не обязательно.

— Тем не менее это вариант. Надо захватить Виктора — он угларх по их терминологии — и допросить.

Николай оглядел твердое решительное лицо Северцева, принялся есть принесенные официантом виноград и нарезанный ананас.

— Как идея? — не выдержал Северцев.

— Честно?

— Конечно.

— Присоединяйся, ананасы просто чудо, прямо «с грядки». Что касается идеи, то... ты когда был в последний раз на консультации у психиатра?

Лицо Северцева вытянулось, и учитель засмеялся.

— Твоя идея великолепна, экстремал, хотя и сопряжена с большим риском. Вряд ли системники ждут ответной охоты — на них самих. Это может сработать.

— И я так думаю, — оживился Олег. — Если Варвара не знает

самого велиарха, то должна знать своего непосредственного руководителя — экзарха, а уж тот скажет, кто велиарх.

— Тогда тебе не нужен Виктор.

Северцев погрустнел.

— Мне жаль его. Если бы удалось выдернуть из него внедренную программу... Может, Варвара знает, как это делается? — Он потрогал рукоять имплантора под рубашкой на спине.

— Да, если бы Виктора удалось депрограммировать, было бы намного легче воевать с ликвидаторами СКонС, — согласился Николай, допивая чай. — Все, расходимся. Попытаюсь принять кое-какие меры. Встретимся вечером у Анатолия.

Он встал и, не прощаясь, покинул кафе.

Северцев же посидел еще немного, размышляя над возникшими проблемами, потом расплатился с официантом и вышел на улицу. Дождь кончился, выглянуло солнце, асфальт запарил. Природа ожила, поднимая настроение.

Он привычно просканировал мир вокруг сферой внечувственного восприятия, вылавливая потоки внимания к своей персоне, ничего подозрительного не заметил и остановил частника. Через полчаса он был возле института Склифосовского, где два дня назад оставил свою «Легенду» во время бегства от системников.

Машина стояла там же, где и прежде, никто ею не заинтересовался и угнать не пытался. Настроение поднялось еще выше. Показалось, что все проблемы разрешимы и впереди его ждет хорошая новость.

Однако надежды на приятные новости не оправдались.

Хотя до конца дня Олегу удалось встретиться со всеми, с кем он намеревался поговорить: с отцом, с Герасимовым и академиком Фоминым, — к цели он приблизился всего на пару миллиметров. Все трое пообещали приложить усилия, чтобы познакомить Северцева-младшего с директором ФСБ и главным администратором Кремля, но для этого требовалось время. Герасимов попросил два дня, Фомин и отец — три. И хотя Северцев понимал, что такие вещи быстро не делаются, все же был разочарован. Но главной причиной падения настроения оказалось отсутствие Варвары. Она не появилась ни в семь часов вечера, ни двумя часами позже, ни ночью. Почему она не выполнила обещание, данное Олегу, что случилось, можно было только гадать.

Появившийся в квартире Новикова вечером, в начале десятого, Николай предположил, что во время встречи жены Крушана

Сабирова с неизвестным важным лицом ее захватили бывшие коллеги, но это предположение проверить было невозможно. Варвара не сообщила Северцеву координат места встречи, а искать ее по всему миру или по обеим трафикам «оси S» можно было бесконечно.

Подождали еще час и еще. Поговорили на общие темы. Николаю удалось уговорить своего приятеля — советника президента по экономическим вопросам добиться встречи с Морозенко уже на следующий день, но это обстоятельство не повысило настроения Северцева. Он чувствовал, что с Варварой и ее дочерью что-то случилось. А так как СКонС быстро приводила в исполнение свои приговоры, следовало действовать еще быстрей.

— Я не могу сидеть сложа руки, — сказал Северцев, когда прошли все сроки возвращения Варвары. — Она в опасности, ее надо выручать.

— Но мы не знаем... — начал Николай, поглядывающий на часы.

— Будем сидеть на месте — и не узнаем, — перебил его Олег.

Анатолий Романович, почти не принимавший участия в беседе, покачал головой.

— Не стоит пороть горячку, Олег Андреевич. Любая операция требует взвешенного подхода и тщательной подготовки. Да и что вы можете сделать сейчас? Даже если вам удастся дойти до вашего предполагаемого велиарха, он может оказаться обыкновенным чиновником либо не признается, что он и есть главарь СКонС. Что вы будете делать в этом случае?

— Я не пойду сразу к велиарху. Я попытаюсь поговорить с Виктором, убедить его помочь мне.

Собеседники Северцева переглянулись.

— Он же сам является руководителем подразделения СКонС.

— Он не виноват в этом, его закодировали. У Виктора очень сильная воля, и когда мы с ним встречались в последний раз, мне показалось, что он пытается бороться с внедренной в него программой. Надо ему просто помочь избавиться от нее.

Анатолий Романович скептически поджал губы.

— Если вы будете надеяться на это, вы проиграете.

— Я не вижу другого выхода.

— Мне ваш подход не кажется оптимальным. Надо искать другие пути.

— Другие пути требуют времени. И я не прошу вашей помощи. К Виктору я пойду один.

— Возможно, встреча с Виктором действительно необходима, — примирительно заметил Николай. — Она может многое прояснить. Но идти одному нельзя. Надеюсь, ты не откажешься от моего участия? Да и от помощи Анатолия. Наши кондиции еще позволяют нам решать сложные оперативные задачи.

Северцев провел ладонью по лицу, посмотрел на подполковника.

— Извините, я не хотел вас обижать.

— Я понимаю.

— Давай покумекаем над планом, — сказал Николай. — Где ты предполагаешь встретиться с твоим другом? Учти, он тоже получил задание найти тебя и наверняка подстрахуется.

— Я это учту. Тех, кто будет его охранять, придется нейтрализовать вам, раз уж вы решили мне помочь.

— Знамо дело. — Николай подвинул к Олегу лист бумаги. — Рисуй диспозицию.

Анатолий Романович подсел к столу, и мужчины склонились над листом бумаги.

* * *

Мобильник зазвонил в семь утра.

Виктор глянул на определитель номера — в окошечке проплыла надпись: «Абонент не идентифицируется», — включил трубку.

— Привет, каскадер, — послышался в трубке голос Северцева. — Надо бы встретиться.

— Давно пора, — согласился Красницкий, не зная, какой еще сюрприз преподнесет ему путешественник. — Ты где?

— В Караганде, — развеселился Северцев. — Мы оба знаем, кто есть кто, так что давай обойдемся без глупых вопросов. Приходи через час на стадион «Динамо», к третьей проходной. Один и без оружия. Если я увижу твоих шестерок, разговор не состоится.

— Но как я...

— Выйдешь на поле, я подойду.

В трубке зачастили гудочки отбоя.

Виктор выключил телефон, несколько мгновений колебался, не доложить ли о звонке *объекта нейтрализации* тетрарху, но передумал. Захватить Северцева врасплох было трудно, если вообще возможно, а дальнодействие имплантора оставляло желать лучшего — всего восемь метров. На больших расстояниях под луч «про-

светлителя» могли попасть совсем другие люди, и тогда риск утечки информации увеличивался. Да и качество передачи пси-импланта при этом снижалось в соответствии с расширением луча.

Виктор позвонил по одному ему известному телефону, потом быстро собрался и вызвал группу поддержки, в которую входили майор ФСБ Хинчук и двое оперативников из отряда по борьбе с терроризмом. Оперативники — бравые парни под два метра ростом, способные ударом кулака дробить кирпичи, естественно не знали, с кем им придется работать, но подчинялись Хинчуку неукоснительно, а он уже выполнял приказы угларха, так как совсем недавно стал криттером. В его функции входил контроль каналов связи вышестоящего начальства, перлюстрация электронной почты и мелкие поручения вроде слежки за подозреваемыми и их задержания. О том, что Северцев имел встречу с отцом, Виктор узнал от него.

Все трое разместились в белом «Фольксвагене», и Красницкий назвал водителю адрес — стадион «Динамо».

— Пойдете первыми, — сказал он, когда машина тронулась в путь. — Возьмете под контроль вторую и четвертую проходные, но так, чтобы никто не догадался, что вы р а б о т а е т е.

— Не беспокойтесь, шеф, — ухмыльнулся майор Хинчук, краснолицый, плотный, с вислым носом и глазами навыкате. — Не первый год замужем. Комар носа не подточит. Так, парни?

Парни индифферентно промолчали. На их квадратных физиономиях читалась непробиваемая уверенность в своих возможностях. Виктор усмехнулся в душе: эти дуболомы нужны ему были только для того, чтобы отвлечь внимание предполагаемых помощников Северцева. Для него самого Виктор приготовил сюрприз в виде снайпера, уже готовившего оружие на одной из мачт освещения стадиона.

«Фольксваген» остановился у палаток возле станции метро, и майор со своими оперативниками, одетыми в обычные летние костюмы, отправились к стадиону. Спустя минуту Виктор вылез вслед за ними с сумкой через плечо. Показав удостоверение помощника депутата заспанной охране у главного входа на стадион, он прошел на территорию, медленно зашагал по дорожке вдоль футбольного поля, оглядывая пустые трибуны. В ухе пискнул динамик рации:

— Я на месте.

Это объявился снайпер.

— Стрелять только по моему сигналу — палец к уху!

— Понял.

У третьей проходной он остановился, не видя того, кто за последние несколько дней стал настоящей головной болью для всей с и с т е м ы. Вопрос его нейтрализации стоял так остро, что велиарх пообещал тому, кто ликвидирует объект, внеочередное продвижение по службе. Для Красницкого это означало скачок от должности угларха — оперработника второй снизу ступени иерархии СКонС — до триарха или даже тетрарха, власть которого позволяла ему жить так, как он хочет.

Как всегда, при этой мысли на душе Виктора поднялась смута. Одна часть личности сладострастно облизала губы, предвкушая возможность вседозволенности, вторая — еще не задавленная полностью чужой волей — корчилась в судорогах тоски и боли, пытаясь пробить панцирь импланта, однако тот был сильнее. В глазах на мгновение потемнело, остановилось сердце — это заговорил файл самоликвидации, предупреждающий носителя программы о последствиях его непослушания.

Виктор споткнулся, успокаивая мысли и чувства. Стало легче. Зрение восстановилось. Он открыл глаза и увидел в проходе между рядами сидений наблюдавшего за ним Северцева.

Некоторое время они молча, не двигаясь, смотрели друг на друга. Потом Северцев спустился на стадион, подошел к Виктору на три метра, держа руки опущенными вдоль туловища. С виду оружия у него не было, но Виктор был убежден, что Олег прячет пистолет под ремнем за спиной. На его месте он сделал бы точно так же.

— Поставь сумку.

Красницкий повиновался.

— Отойди.

Он сделал два шага назад.

— Я не вооружен.

— Верю. Оружием ты снабдил тех троих, которых повязали мои друзья. Кстати, на твоем месте я бы подстраховался каким-нибудь другим образом.

Виктор промолчал, с трудом удержавшись от того, чтобы взглянуть на дальнюю мачту освещения стадиона. Северцев усмехнулся.

— Похоже, ты подстраховался-таки, судя по глазам. Как говаривал мой учитель: глаз мой — враг мой. Что ж, принимай мои условия, дружище.

— Лучше было бы наоборот, — ровным голосом сказал Вик-

тор. — Чем быстрей ты перейдешь на нашу сторону, тем быстрей доберешься до истины и станешь большим человеком.

— То же самое могу пообещать и я тебе: чем быстрее ты в е р н е ш ь с я, тем быстрее станешь человеком. А сейчас ты — робот, зомби, живой мертвец, как ни горько это произносить. Но шанс есть. Ты мог бы начать бой еще тогда, в квартире Веры, попытаться убить нас всех, но почему-то не сделал этого.

— У меня оставалась надежда уговорить тебя.

— Неправда, в тебе просто заговорила совесть, которую не смогла заглушить внедренная в тебя программа. Ты наверняка знаешь, как работает имплантор. Кстати, он у меня с собой. Давай попробуем с его помощью тебя депрограммировать.

Виктор сухо усмехнулся.

— Это невозможно. Во всяком случае, я не знаю, как это делается. Еще раз повторяю: переходи на нашу сторону, и у тебя...

— Не теряй времени на уговоры, Витя. Я человек свободолюбивый и не терплю указаний сверху. Добровольно работать на СКонС я не стану.

— Ты не понимаешь...

— Даже если это так, я сам разберусь во всем. Без какого-либо принуждения и давления со стороны. Да и не нравится мне контора, которая блюдет свои интересы такими методами, как ликвидация свидетелей.

— У нас не было выбора.

— Неправда, выбор есть всегда, а тем более такой, как жизнь — смерть. Не ваша с и с т е м а дала мне жизнь, и не ей отнимать ее у меня и у сотен других людей, познавших истинное положение вещей. Но довольно философствовать, время дорого... пусть оно и не время вовсе согласно концепции СКонС. Я позвонил тебе не для переговоров о сдаче оружия. Мне нужна твоя помощь.

— Я весь внимание.

— Ты знаешь, с чего все началось. Сначала системники начали охоту за семьей Сабировых, а уж потом в их охоту вмешался я. Так вот, первое: мне надо знать, кто является велиархом, чтобы дойти до него и прекратить это безобразие. Второе: где Варвара? Она должна была с кем-то встретиться, я подозреваю — либо с самим велиархом, либо с его заместителем, и не вернулась. Ты должен знать, в чьих руках она сейчас.

Виктор в замешательстве поднес было руку к уху, но тут же опустил.

— Однако, ты замахнулся...

— Мы предполагаем, что экзомом велиарха России может быть либо директор ФСБ, либо президент госбанка...

— Это неверные сведения.

— Это не сведения, это мои предположения. Если бы у меня были с в е д е н и я, встреча с тобой не состоялась бы.

— Тем не менее ты ошибаешься. Указанные тобой иерархи... э-э... носители государственной власти претендуют скорее на уровень экзарха.

— Разве ты не знаешь точно?

— Можешь не верить, но не знаю. Однако и директор ФСБ и президент госбанка находятся на виду, а велиарх — всегда в тени. Хотя дергает за ниточки, управляя остальными фигурами, именно он.

— Я тебе не верю, Витя. Ты мне сказал и очень много, и совсем мало. Мы и без тебя догадывались, что велиарх — как коллективная с и с т е м а управления социумом — опирается на деятелей огромной финансовой и информационной мощи.

— Кто это — мы?

— Я и мои друзья.

— Значит, ты втянул в это дело других людей? И о существовании СКонС знает уже не один человек?

— А ты как хотел? Чтобы эта сволочная структура продолжала управлять людьми, а они подчинялись ей, как стадо — пастуху? Нет, Витек, прошли времена безоговорочного поклонения кумирам, богам, императорам и пророкам, пришла эра свободы воли, свободы мысли, свободы духа, если хочешь. Люди должны знать, кто ими пользуется во имя личного благополучия и безудержной власти.

— Ты ошибаешься.

— Возможно. И тем не менее не хочу, чтобы моей судьбой и жизнью распоряжались какие-то там велиархи, экзархи, тетрархи и углархи. Передай своему непосредственному командиру, а он пусть передаст выше, что я сделаю все возможное и невозможное ради предания гласности деятельности СКонС.

— Ты подпишешь себе смертный приговор.

Северцев выслушал по рации доклад Николая о нейтрализации помощников Красницкого — рациями их снабдил Новиков — и растянул губы в иронической усмешке:

— Твои клевреты обезврежены, угларх. Но зная тебя как человека опытного, могу предположить, что у тебя припрятан еще один туз в рукаве. Снайпер, а? Ждет сигнала?

Виктор остался бесстрастным, только в глазах мелькнули колючие огоньки, растворились в бездне сосредоточенного ожидания.

— Это все, что ты хотел узнать?

Северцев прикрыл рот ладонью, быстро проговорил:

— Анатолий Романович, здесь где-то сидит «кукушка», поищите на мачтах освещения или на трибунах. — Отнял руку, посмотрел на актера. — Еще я хотел бы выяснить, где сейчас находится Варвара Сабирова с дочерью. Ведь вы захватили их?

— Не знаю, о каком захвате идет речь, — тем же ровным голосом проговорил Виктор.

— Врешь, Витя, знаешь. Ты не можешь не знать о судьбе тех, за кем п о ш л а система ликвидации. Варвара назначила встречу кому-то из ваших боссов, — Северцев не был уверен в этом, но интуиция подсказывала, что он прав, — и не вернулась. Дай мне адрес этого деятеля, и мы расстанемся по-хорошему.

Тишину стадиона внезапно разорвал негромкий хлопок. Вслед за ним раздался крик, и с дальней осветительной мачты полетела вниз человеческая фигурка.

Северцев и Красницкий одновременно посмотрели в том направлении, но не двинулись с места.

— У тебя хорошие помощники, — хладнокровно сказал Виктор; было видно, что он снова ведет внутри себя какую-то борьбу, хотя и старается выглядеть уверенным. — Я их не знаю, случайно?

— Не уводи разговор в сторону, — покачал головой Северцев. — Я понимаю, что ты имеешь приказ найти и ликвидировать меня любым способом, поэтому не обижаюсь. Снайпер был нормальным человеком или криттером?

— Разве это что-то меняет? — усмехнулся Виктор. — Убийство есть убийство, кого бы ты ни убил. Нас ведь так учили в школе?

— Мне жаль этого парня, — помрачнел Северцев. — Но виноват в его смерти ты. И твои боссы. К тому же если бы не мы его, то он нас, а мне еще хочется пожить и разогнать всю вашу шайку-лейку!

— Повторяю, ты очень ошибаешься относительно наших намерений и планов.

— Пусть так, но все это пока — слова. Докажите обратное. Докажи мне в первую очередь ты, что я ошибаюсь. Интересно, до каких пределов откровенности способна допустить криттера его программа? Каков порог?

— Чего ты хочешь?

— Я уже сказал: дай мне координаты того деятеля, кто захватил Сабировых.

— Крушана уже...

— Нет в живых?

— Он жив, но... вряд ли чего вспомнит. В настоящий момент он... э-э... на нашей стороне.

— То есть вы его тоже запрограммировали, всадили имплант.

— У нас не было другого пути.

— Ладно, повторяться насчет выбора не будем. Его можно раскодировать?

— Вряд ли.

— Жаль, — сказал Северцев, на самом деле не испытывающий особой жалости. — Итак, ты скажешь?

— Заставь меня.

Северцев вздернул брови, непонимающе оглядывая слегка побледневшее и заострившееся от внутренней борьбы с самим собой лицо друга.

— Как?

— Не хочешь пофехтовать железяками?

Северцев перевел взгляд на сумку Виктора. Тот кивнул.

— Я тут захватил с собой на всякий случай. Сам понимаешь, сдаться я не могу, иначе кирдык сразу, а вот так, на пределе психики, на стрессе — почему не попытаться? Убьешь меня, я буду только признателен.

— Дурак!

— Если бы, — горько усмехнулся Виктор. — Ну, поехали?

Северцев некоторое время размышлял, потом снова придвинул к губам усик микрофона:

— Что там у вас?

— Порядок, — отозвался Анатолий Романович. — Снайперок еще жив, дышит бедолага, мы оттащили его в подсобку и вызвали «Скорую».

— Уходите.

— А ты?

— Теперь я сам разберусь. Ждите дома.

— Мы подождем неподалеку, — это уже вставил слово Николай.

— Хорошо, вне стадиона.

Северцев закончил разговор, дотронулся носком туфли до сумки.

— Не заминирована, — понял его жест Виктор. — Доставай.

Олег раскрыл сумку и вытащил оттуда две сабли: одну — с

роскошной позолоченной рукоятью, другую — с рукоятью, обмотанной простой коричневой тесьмой.

— Выбирай.

— Я слабый фехтовальщик.

— Я учил тебя два года, не прибедняйся.

— Не понимаю смысла этого боя, но знаю ему цену. Где Варвара?

— Я же сказал: заставь меня ответить.

Северцев бросил саблю с золоченым эфесом Виктору, и тот ловко поймал ее, а потом без подготовки начал атаку. Клинки со звоном скрестились.

Прибежавшие на шум работники стадиона оторопело уставились на двух не по-спортивному одетых мужчин, фехтовавших на дорожке стадиона сверкающими саблями. К счастью, вмешиваться в поединок они не решились, посчитав его утренней тренировкой любителей сабельной экзотики.

Бой длился несколько минут, полный внутреннего драматизма и напряжения.

Программа, управляющая Виктором, то и дело брала верх над его волей, и тогда он превращался в боевую машину, по техническим и физическим кондициям не уступавшую Северцеву, а по знанию приемов фехтования превосходящую путешественника. Дважды Олег был на грани гибели, когда сабля противника доставала его, едва не отрубив руку — в первом случае, и чудом миновав горло — во втором. Северцев подозревал, что Виктор запросто мог убить его, но пощадил, найдя в себе силы з а д е р ж а т ь удар.

— Если ты и дальше... будешь драться... как сонная муха, — сказал Красницкий в три приема, — я тебя убью!

Северцев поймал его ч е р н ы й взгляд и содрогнулся. Он действительно не показывал всего, на что был способен, но только теперь осознал, что этот бой — не шоу. Но и после этого он еще несколько секунд просто сдерживал атаки Виктора и отступал, пока не получил несколько царапин: сабля противника казалась живой и легко находила бреши в его защите, располосовав рубашку и выбив из-за ремня имплантор. Тогда Олег перестал д у м а т ь и ушел в боевой транс, поддерживаемый подсознанием, что сразу изменило рисунок боя.

Виктор стал проваливаться в атаках и больше защищаться, затем начал отступать.

— Молодец, мастер! — похвалил он Северцева, получив удар

по плечу после кистевого выверта противника. — Еще немного, и я смогу...

— Что? — выдохнул Северцев.

— Догадайся сам. — Виктор усилил натиск, нанося веерные удары в трех направлениях с быстротой самолетного пропеллера.

Северцев с трудом сдержал атаку, чувствуя, что долго в таком темпе не продержится, и тут его осенило. Виктор не мог раскрыть ему свои карты, не мог дать нужные сведения, не включив при этом механизма самоуничтожения! Но во время боя, связанного с напряжением всех физических и психических сил, барьер чужого внушения снижался, и его можно было преодолеть!

Догадка пронзила голову мгновенным лучом света, высветила истинное положение вещей, и, еще полностью ее не проанализировав, Северцев на волне озарения начал теснить Виктора, с каждым ударом поющей сабли задавая быстрый вопрос и получая такой же быстрый ответ.

— Кто велиарх в России?

— Я знаю только тетрарха.

— Где Варвара?

— У экзарха Среднеазиатского такантая.

— Адрес.

— Астана, Министерство национальной безопасности.

— Кто он?

— Министр.

— Она жива?

— Вчера вечером была жива.

— У тебя есть связь с ним?

— Нет.

— Но у тебя должен быть канал доступа к своему боссу.

— Я подчиняюсь приказам своего триарха.

— Кто он?

— Триархов много, я выполняю задания полковника Дяченко, командира отдельной бригады БР ОМОН.

— Кому подчиняется он?

— Тетрарху Центрально-Европейского такантая.

— Кто тетрарх?

— Генерал ФСБ России.

Виктор начал стремительно бледнеть. Его воля даже в создавшейся ситуации не могла долго сдерживать г л а в н у ю программу-имплант, оккупировавшую подсознание.

— Как мне выйти на экзарха в Астане?

— Не знаю.

— Сможешь помочь?

— Нет... не знаю... н-нет... — Виктор прижал руку к груди, отступил. — Заканчивай... бой... или убей меня! Иначе я все равно найду тебя... и ликвидирую!

— Это мы еще посмотрим. — Северцев хитрым ударом в двух плоскостях выбил саблю из руки друга и тут же нанес ему удар эфесом в подбородок.

Виктор опрокинулся на спину, потеряв сознание, раскинул руки по траве газона футбольного поля.

Олег опустился над ним на колено, приподнял веко, послушал сердце. Настроился на энергоотдачу, хотя бурно дышащее тело само требовало отдыха, и влил в грудную чакру Красницкого максимально возможный объем своей пси-энергии. Чуть не потерял сознание от нахлынувшей слабости. Снова послушал сердце Красницкого и с трудом встал. Сказал с опаской приблизившимся работникам стадиона:

— Вызовите «Скорую».

Он бросил саблю рядом с телом Виктора и, волоча ноги, поплелся к выходу со стадиона. В пустой голове ворочались всего два слова: она у экзарха... она у экзарха... она у экзарха...

Задержать его никто не решился.

ГЛАВА 9

«Военный совет» в составе Северцева, Николая и Анатолия Романовича длился до полудня. Сошлись лишь в одном: поскольку отговорить путешественника от поисков и спасения полюбившейся ему женщины не удалось, поиски эти надо продолжать. Но способы достижения цели у всех троих совещателей оказались разными.

Николай предлагал использовать для этого Виктора Красницкого, уже давшего нужную информацию и по сути готового пойти навстречу другу.

Анатолий Романович видел решение проблемы в подключении к ней своих коллег, имевших контакты с казахскими спецслужбами.

Сам Северцев склонялся к решению просто заявиться в Астану и добиться приема у экзарха, то есть у министра национальной безопасности.

После долгих споров и обсуждения каждого варианта приня-

ли общее постановление: Олег летит в Астану (способ доставки его в столицу Казахстана не уточнялся) и пытается осуществить задуманное им, опираясь на помощь Анатолия Романовича и его сотрудников и коллег.

Подполковник дал два телефона в Астане, адреса, имена и пообещал немедленно поговорить с коллегами, из тех, кому он доверял полностью, о предмете разговора, не раскрывая сути проблемы.

— Они будут знать только то, что необходимо для поисков Варвары и вывода вас на министра, — добавил Новиков.

Отдохнувший и слегка оживший Северцев посмотрел на него с сомнением.

— Скажите, Анатолий Романович, зачем вы это делаете?

— Что? — не понял подполковник.

— Помогаете мне, рискуете положением, здоровьем...

Новиков хмыкнул, переглянулся с Николаем. На их лицах появилось одинаковое выражение терпеливой снисходительности.

— Он мой друг, — сказал мастер. — На многие жизненные проблемы мы реагируем одинаково. Но главное не в этом. Мы тебе верим и...

— Не можем жить иначе, — закончил Анатолий Романович ворчливым тоном.

Северцев улыбнулся.

— Как сказал наш известный афорист[1]: «Не можешь жить, займись чем-нибудь другим». Я вам очень благодарен за помощь, друзья, без вас мне пришлось бы туго. Единственная просьба: будьте очень осторожны в выборе помощников. Система, с которой мы схлестнулись, настолько серьезна и так глубоко «закопана» в недрах социума, что легко пойдет на любые меры ради ликвидации утечки информации. Я не знаю, можно ли ее остановить, но так как выбора у меня нет, я приложу все силы для этого. Подумайте, стоит ли рисковать, помогая мне и дальше. Вы пока, очень надеюсь, не «засвечены», системники не знают о вашем существовании, однако рано или поздно вычислят.

Николай и Анатолий Романович снова обменялись быстрыми понимающими взглядами. Учитель качнул головой, обозначил улыбку.

— Делай свое дело, Олег. Мы люди взрослые и вполне ответственные и, как говорится, коней на переправе не меняем. Пусть все идет своим путем.

---

[1] Ген. Малкин.

— Мы с вами, — добавил Анатолий Романович. — Одна просьба: как-нибудь по свободе разъясните нам, что такое «ось S». Судя по всему, наша наука далека от правильного понимания таких глобальных сфер, как Вселенная, пространство и время.

Северцев смутился.

— Я еще сам полностью не разобрался, уж очень все это необычно, неожиданно и сложно, но обещаю рассказать все, что знаю сам.

— Ну и отлично. Давайте пройдемся по деталям плана и начнем собираться.

В три часа дня они закончили этап сбора, пообедали: обед приготовил сам хозяин. Северцев попросил отогнать свою «Легенду» в какое-нибудь укромное место — машина вполне могла находиться в розыске, как и он сам — и проверил экипировку. Так как в Астане было жарко, оделся он по-летнему, в светло-серые брюки — подошли брюки подполковника — и белую рубашку, но взял с собой спортивную сумку, в которую упаковал джинсовый костюм, жилет, личные вещи и оружие — пистолет Анатолия Романовича, метательные пластины и нож. Имплантор Олег все-таки оставил под рукой, то есть сунул под брючный ремень и рубашку на спине.

— Ну, я пошел.

— Могу подбросить вас в аэропорт, — предложил Анатолий Романович. — Деньги есть?

— Деньги есть, — улыбнулся Северцев. — Но везти меня никуда не надо. У меня свой транспорт.

Подполковник вопросительно посмотрел на Николая, потом вспомнил:

— Ах, да, простите, запамятовал. Этот, как его... синхрон? — В глазах Новикова протаяло любопытство. — Интересно будет посмотреть... или это тайна?

— Нет, для вас не тайна. Прощайте. — Северцев пожал руки мужчинам, поднес ко рту руку с перстнем, произнес какое-то слово и... исчез!

Некоторое время Анатолий Романович и Николай смотрели на то место у стола, где он только что находился. Было слышно, как по улице гремит всеми больными суставами старый трамвай.

— Черт побери! — сказал наконец Новиков.

— Да, — отозвался Николай.

— Придется пересматривать все наши теории.

— Придется, — согласился мастер с философской кротостью.

В Астане близился вечер.

На этот раз Северцеву удалось проникнуть в город, минуя свидетелей. Открытие тайного способа пересечения границы произошло спонтанно, уже «в полете». Приказав синхрону доставить его в «хронохвост» Астаны, он вдруг подумал, что перемещение по «оси S» не сопряжено с перемещением в пространстве, что можно было использовать в своих целях. Поэтому сразу после того, как путешественник оказался на центральной площади города перед зданием президентской резиденции, он отправился искать укромное местечко и нашел его буквально в ста метрах от площади — во дворе соседнего здания, отгороженном кирпичным забором и имеющем канализационный люк. Остальное было делом техники.

Северцев спустился в люк, задвинул над головой крышку и привел в действие механизм синхрона. Через несколько минут он вылез оттуда же — но уже в Астане «реальной» — как рабочий по обслуживанию городской канализации, обнаружил, что двор принадлежит какому-то магазину, судя по штабелям ящиков и шеренгам бочек, не увидел ни одного испуганно шарахнувшегося прочь человека и поспешил выбраться с территории магазина.

Поскольку со времени последнего посещения казахской столицы его возможности по розыску нужных людей не увеличились, он снова позвонил Талгату.

Владелец сети местных аптек отозвался тотчас же: он все еще находился на работе в своем офисе, несмотря на то, что рабочий день уже закончился.

— Извини, дружище, — смущенно сказал Северцев; звонил он приятелю все из той же аптеки недалеко от центральной площади города. — Понимаю, что надоел, но у меня здесь больше никого нет, кроме тебя.

— Север, не пори чепухи, — обиделся Талгат. — Я всегда готов тебе помочь. Ты там же, у третьей аптеки?

— Звоню из нее.

— Сейчас подъеду.

Татарин был деловит и краток, и в голосе его не было слышно раздражения или неудовольствия. Он действительно не считал появление товарища мешающим делу фактором и готов был сделать все ради решения его проблемы.

Приехал он на серебристой «Шкоде».

Северцев сел рядом, и они несколько мгновений рассматри-

вали друг друга, будто не виделись по крайней мере несколько месяцев.

— Ты меня поражаешь, мастер, — заговорил наконец Нигматуллин. — Появляешься как человек-невидимка, исчезаешь как привидение. А я даже не знаю, что ты ищешь на самом деле.

— Женщину, — ухмыльнулся Северцев.

— Уж не знаю, верить тебе или нет.

Олег согнал с лица улыбку.

— Я абсолютно серьезно. Варвара Сабирова — ключ ко всем загадкам этой истории.

— Разве ты ее не нашел?

— Скорее она меня разыскала, в Москве, но потом снова ушла с дочкой... и не вернулась. И вот только сегодня я узнал, что ее захватил экзарх.

— Кто?

Северцев с сомнением пригладил волосы на затылке.

— Видимо, придется дать тебе кое-какую информацию.

— Давно пора. Поехали в офис, поговорим. Все мои сотрудники уже ушли, но здание охраняется, и там спокойно.

Они доехали до здания с офисом Нигматуллина, устроились в его кабинете, Талгат сварил кофе и предложил гостю.

— Теперь рассказывай.

— Только давай договоримся: обо всем — молчок! Никому ни слова! Информация эта настолько опасна, что за нее могут убить без суда и следствия.

— Не пугай, мастер, я в Чечне воевал, так что испугать меня трудно. Однако, естественно, я никому ничего не скажу.

Северцев, обдумывая каждую фразу, рассказал ему о находке синхрона и о последующих событиях, опустив многие подробности. Добавил:

— Если бы я мог тебе ничего не говорить, я бы так и сделал. Но я вынужден искать союзников, потому что одному мне с этой сучьей системой не справиться. Она пустила корни во все властные структуры и готова устранить любое препятствие, мешающее ей управлять человечеством.

— Да-а... — покачал головой Талгат, ошеломленный тем, что услышал. — Никогда бы не догадался сам... — По его губам скользнула кривая улыбка. — А я грешным делом решил, что ты работаешь на российские спецслужбы.

Северцев усмехнулся в ответ, вспомнил о договоренности с Анатолием Романовичем.

— Я отсюда могу позвонить в Москву?

— Без проблем.

Олег набрал номер Новикова и через минуту услышал его низкий голос; подполковник явно ждал звонка:

— У телефона.

— Это я, — сказал Северцев. — Все в порядке, я добрался. Начинаю искать доступ. Что у вас?

— Пьем успокоительные таблетки. Все нормально. Я дозвонился кому следует, запишите телефон.

— Я запомню.

— Кежем Кучакбаев, полковник полиции Казахстана в отставке, телефон... — Анатолий Романович продиктовал номер. — Можете обращаться к нему в любое время, он поможет. Хотя подробности дела ему знать необязательно. И Валерий Иосифович Гургенидзе, майор, работает в охране президента. Он поможет выйти на любое должностное лицо в системе правоохранительных органов. Ему тоже не следует знать обо всех наших проблемах, только самое необходимое — о контакте с нужными вам людьми. У него два номера, служебный и мобильный.

— Понял, спасибо.

— Звоните, мы будем ждать в любое время.

В трубке зачирикали сигналы отбоя.

— Кому звонил? — поинтересовался Талгат.

— Одному хорошему человеку, — уклонился от прямого ответа Северцев. — Он дал мне кое-какие связи.

— Он работает в ФСБ?

— Нет, но тоже имеет доступ к такого рода информации. Теперь остается самое важное — дозвониться до нужных людей и договориться о встрече. Ты мне поможешь?

— Ты еще спрашиваешь? — возмутился Нигматуллин. — Даже если бы ты мне вообще ничего не рассказал, я бы все равно помог. А раз речь зашла о таких интересных вещах, как т а й н а я с и л а, управляющая людьми, то я просто обязан помочь!

— В тебе я не сомневался, — с некоторым облегчением сказал Северцев. — Хотя любое вмешательство в противостояние чревато гибельными последствиями. Мой друг вмешался и...

Талгат вопросительно посмотрел на Олега.

— Он... погиб?

— Нет, его закодировали. Но, возможно, это хуже, чем смерть.

Помолчали, допивая кофе. Северцев посмотрел время. Талгат заметил его взгляд, кивнул на часы.

— Поменял, что ли? Помнится, у тебя другой хронометр был, такой солидный, черно-белый, с кучей кнопок.

— Это были не часы.

— А что? Компьютер, что ли?

— Нет, синхрон. Тот самый аппарат, который и переносил меня с места на место.

— Ты его прячешь?

— У меня теперь другой аппарат, Варвара снабдила.

— Покажи.

Северцев погладил пальцем перстень.

— Он? — удивился Нигматуллин. — Вот эта маленькая пендюрка — машина времени?

— Я же говорил, что о переносе во времени речь не идет. Это скорее перенос в некоем символическом поле, имеющем признаки М-времени. Время, каким мы его воспринимаем, иллюзия.

— Думаешь, я что-нибудь понял из твоего объяснения? Ни фига! Я не физик, а аптекарь. Но поскольку твой синхрон работает, значит, в твоих словах что-то есть. А кто тебе об этом рассказал, о времени — не времени, об «оси S»?

— Варвара.

Талгат покрутил головой.

— Высокого полета дама! Заместителями начальников таких крутых контор, как Министерство национальной безопасности, становятся весьма одаренные личности, а она к тому же еще и женщина.

— Это точно, — согласился Северцев, вспоминая иную Варвару, слабую и незащищенную, готовую принять любую помощь со стороны, чтобы хотя бы на короткое время сбросить с себя бремя ответственности за свою судьбу и жизнь дочери.

Талгат посмотрел на его ставшее задумчивым лицо, хмыкнул.

— Уж не втюрился ли ты в нее, друг сердечный? Как только ты о ней заговариваешь, у тебя изменяется морда лица.

Северцев очнулся, смущенно потер бровь.

— Не знаю... не анализировал... но готов идти за ней до конца. — Он постарался скрыть замешательство, стал суровее. — Однако давай закончим лирическое отступление. От тебя можно звонить в разные местные инстанции?

— Естественно, звони, телефон не прослушивается, насколько я знаю. Кому собираешься звонить?

— Одному чиновнику из президентской охраны. Может быть, знаешь? Майор Гургенидзе.

— Нет, не слышал. Звони. А я, пока ты будешь заниматься делами, сбегаю в магазин, рыбки куплю и колбаски, перекусим тут втихую.

Он закрыл за собой дверь.

Северцев набрал названный Анатолием Романовичем номер.

Отозвался женский голос, причем по-казахски. Олег ничего не понял и сказал извиняющимся тоном:

— Простите, пожалуйста...

Голос заговорил на русском:

— Приемная генерала Нурсултанова. Представьтесь, пожалуйста.

— Виктор Красницкий, — «представился» Северцев, — актер, режиссер и так далее. Мне хотелось бы поговорить с майором Гургенидзе, и мне дали этот номер.

— Майор Гургенидзе по другому телефону. Не могли бы вы сообщить, по какому вопросу он вам нужен?

— По вопросу доступа, — продолжал врать Северцев. — Я хочу снять фильм о жизни вашего президента, и мне нужно получить разрешение на съемки.

— Этими вопросами майор Гургенидзе не занимается. Обратитесь в администрацию президента.

В трубке раздались скрипучие гудочки отбоя. Секретарша неведомого генерала Нурсултанова положила трубку.

— Хороша церберша! — хмыкнул Северцев. Подумав, набрал номер мобильного телефона майора.

Ответил мужской голос с характерным горловым акцентом:

— Гургенидзе, говорите.

— Здравствуйте, Валерий Иосифович. Северцев на связи, Олег Андреевич. Вам не звонили из Москвы?

— Звонили. Я освобожусь через час. На площади Свободы есть кафе «Найрамдал», подъезжайте туда.

— Как я вас узнаю?

— Я сам к вам подойду.

Майор отключил телефон.

— Серьезный мужик, — сказал Северцев, глядя на трубку телефона в руке. — Видать, привык командовать.

Посидев немного, он хотел было позвонить и по другому номеру, который дал ему Новиков, но передумал. Сначала надо было проверить возможности майора, а уж потом обращаться к полковнику в отставке Кучакбаеву.

Прошло десять минут, пятнадцать, двадцать, Талгат не воз-

вращался. Северцев забеспокоился, позвонил ему на мобильник, но Нигматуллин не отозвался, хотя взял телефон с собой. Черт побери, что там могло произойти? Неужели ближайшие магазины закрыли и Талгату пришлось ехать подальше в центр?

Однако время не ждало, а опаздывать Северцев не любил. Подождав еще пять минут, он написал Нигматуллину записку, что вынужден бежать на встречу, и вышел из офиса, аккуратно закрыв за собой дверь. Охрана здания пропустила его беспрепятственно. На улице он поймал желтую «Волгу» с шашечками, и та доставила путешественника на площадь Свободы.

Кафе «Найрамдал» было заполнено всего на треть, поэтому Северцев легко нашел столик и заказал минералку. Оглядел кафе, пытаясь определить, кто из посетителей является майором Гургенидзе. Никто в его сторону не смотрел, да и грузин в кафе не было, и Олег успокоился. Он прибыл раньше своего визави. Посидел несколько минут, размышляя над тем, куда мог подеваться Талгат. Сердце сжалось в предчувствии тревоги. Нигматуллин был из тех людей, которые считали своим долгом принимать гостей со всем почтением, он был обязательным и ответственным человеком и не мог просто так бросить товарища, чтобы решить какие-то свои неотложные дела. Что-то явно случилось, и ничего хорошего его отсутствие не сулило.

— Позвольте? — раздался над плечом Олега голос с характерным акцентом.

Северцев поднял глаза.

У столика стоял, взявшись за спинку стула, коренастый, смуглолицый, усатый, чернобровый и черноволосый мужчина средних лет. Одет он был в форму офицера казахской армии, хотя и с небольшими отличиями: погоны имели другой цвет, а рубашка с короткими рукавами была белого цвета.

— Майор Гургенидзе?

— Олег Андреевич Северцев?

— Присаживайтесь.

Майор сел напротив. Некоторое время они внимательно разглядывали друг друга. Северцеву этот человек понравился, и майор это, очевидно, почувствовал. Усы его шевельнулись.

— Что за проблему вы хотите решить?

— Пустяк, — ответил Северцев небрежно. — Мне нужно напроситься на прием к министру национальной безопасности.

— Действительно, — усмехнулся майор, — маленький такой пустячок. А вы уверены, что этот шаг необходим?

— Не уверен, — признался Олег. — Но у меня нет другого выхода. Речь идет о жизни женщины... и ее дочери.

Улыбка исчезла под усами Гургенидзе.

— Это меняет дело. Хотя я бы не советовал вам встречаться с этим человеком.

— Почему?

— Он у нас человек новый... и очень жесткий. Точнее — жестокий. Чужие проблемы и беды его не трогают. Мне такие люди неприятны.

— Вы так хорошо его знаете?

— Я работал с ним два года.

Северцев подождал продолжения, но собеседник развивать тему не стал.

— Тем не менее мне позарез нужно с ним встретиться. Мало того, эту встречу надо каким-то образом засекретить, чтобы никто из его подчиненных не знал об этом. Понимаете? Никто!

Гургенидзе покачал головой.

— Вряд ли это возможно. Вы не представляете, как сложно простому человеку добиться аудиенции у нашего начальства, а уж постороннему тем более.

— И все-таки попытайтесь, подумайте, посоветуйте, что делать. В Астане я никого не знаю, одна надежда на вас.

Гургенидзе задумался.

— Хорошо, я попробую. Позвоните мне завтра в одиннадцать часов утра.

— Спасибо огромное!

— Еще не за что. Я и в самом деле не уверен, что смогу помочь вам. С такой просьбой ко мне еще не обращались. Не понимаю, зачем вам нужен наш Жандарм.

— Кто?

— Так его прозвали. Любит везде ходить в форме со всеми регалиями.

Подошел официант. Майор заказал шашлык и вино, Северцев — кофе. Пока готовился заказ, молчали. Гургенидзе был человеком нелюбопытным и ни о чем московского гостя не спрашивал. В свою очередь, и Олегу было нечего ему сказать. Единственное, на что он решился, так это на вопрос:

— Ну, как тут у вас?

На что Гургенидзе, подвигав усами, ответил в том же духе:

— Как в бане: жарко, душно, а приходится терпеть.

Принесли заказ. Майор начал пить вино и есть шашлык, не

спеша, обстоятельно, со знанием дела. Северцев попробовал кофе — ничего, пить можно, опорожнил чашку в два глотка.

— Извините, что отвлекаю... не подскажете, где находится ваше Министерство безопасности?

— Здесь неподалеку, на улице Ленина. Хотите посмотреть?

— В общем, не мешало бы. Но я еще успею. Еще раз извините за беспокойство, мне пора идти. Приятного аппетита.

Майор привстал, пожимая руку Северцева, и тот вышел из кафе, разочарованный и обнадеженный одновременно. Конечно, хотелось побыстрее выйти на экзарха и предложить ему обмен — жизнь на жизнь: либо его собственную на жизнь Варвары, либо самого Северцева опять же на Варвару с дочерью. Уверенности в том, что экзарх-министр пойдет на этот обмен, у Олега не было, но и других вариантов помочь любимой женщине тоже не находилось.

Слово «любимой» он произнес в душе совершенно естественно и лишь потом подумал об этом как об истинном положении вещей. Улыбнулся с долей грусти, уж очень нетривиальной была его связь с замужней женщиной, имеющей к тому же и почти взрослую дочь. Но, может быть, не было бы счастья, если бы несчастье не помогло, как говорит пословица?

И тут ему пришла в голову такая мысль, от которой перехватило дыхание.

— Какой же я кретин! — пробормотал он, останавливаясь. — Как же я об этом раньше не подумал?! Все так просто...

А мысль и вправду стоила того, чтобы наградить себя нелестным эпитетом. У него был синхрон новой модели, имеющий не фиксированные выходы на «оси S и E», как прежний, а свободно избираемые, зависимые только от величины «кванта времени», то есть от шага, соединяющего волновые резонансы. Это означало, что владелец синхрона мог попасть в л ю б о е место на земном шаре, зная его координаты по «осям S и E».

«Остынь, гений, — иронически заметил внутренний голос, — ты не знаешь координат кабинета министра».

А так было бы славно заявиться прямо к нему, вздохнул Северцев, разочарованный отрезвляющим душем собственной самооценки. Однако, может быть, все-таки стоит попробовать?

Рядом остановилась серебристая «Шкода», открылась дверца.

— Садись, — сказал Талгат, шлепнув ладонью по сиденью.

Северцев очнулся, сел в машину.

— Где тебя носит?

— А тебя?

— Я договорился о встрече, тебя все нет и нет, вот и ушел по-английски.

— Ну и как, встретился?

— Да, парень обещал помочь. Завтра утром будем созваниваться. Так где ты все-таки пропадал?

Талгат тронул машину с места. Он был явно чем-то расстроен.

— Понимаешь, встретил одну девицу... мою бывшую подругу... разговорились... у нее неприятности... я, как дурак, решил помочь...

— Почему как дурак? Как джентльмен.

— Вот и задержался, — закончил Талгат. — Насколько я понимаю, ты уже поужинал?

— Как раз и нет, только побаловался кофеем. Ты же обещал купить какие-нибудь продукты.

— Купил, конечно, но в офис ехать не хочу. Поехали ко мне домой, сварганим ужин и обсудим наши проблемы. Если ты, конечно, не возражаешь.

Северцев не возражал. Ему было все равно, откуда начинать свои эксперименты с «осью S».

Вскоре они выгрузились из машины во дворе дома Нигматуллина, поднялись в квартиру, и Талгат принялся хлопотать на кухне, готовить немудреный ужин. Северцев же устроился в гостиной на диване и начал пытать компьютер синхрона, надеясь получить от него инструкции, как попасть в нужное место на Земле или — в точку с координатами нужного «фазового резонанса».

После включения аппарата ключевым словом он сказал:

— Мне нужно попасть в кабинет экзарха Среднеазиатского такантая.

— Назовите координаты масс-графа, — отозвался компьютер своим специфическим детским голоском.

Северцев поправил наушник.

— Я не знаю координат кабинета. Но ты должен знать координаты местонахождения всех руководителей СКонС.

— В моей памяти содержатся сведения о шестнадцати специально зафиксированных фазовых резонансах, но я не знаю, какой именно соответствует вашему запросу.

— Что ж, это еще не журавль в небе, но уже синица в руках. Давай попытаемся охарактеризовать каждый масс-граф.

В гостиную заглянул Талгат.

— Ты с кем разговариваешь?

— Сам с собой, — нашелся Северцев. — Размышляю вслух.

— Это дело хорошее, размышляй. Можешь пока принять душ, если хочешь.

На кухне что-то зашипело, и Талгат скрылся.

— Мой словарный запас невелик, — сообщил в это время синхрон. — Беседы в мои функции не входят.

— Я буду задавать вопросы, сможешь — ответишь.

— Принято.

— Вопрос первый: чем отличаются объемы информации в твоей памяти, содержащие координаты выходов?

— Термин «выход» отсутствует в моем лексиконе.

— Я имел в виду резонансы.

Компьютер некоторое время «размышлял».

— Объемы информации содержат разное количество единиц информации.

— То есть килобайт?

— Гигабайт.

— Хорошо, допустим. Чем еще?

Снова пауза.

— Приоритетным рядом.

— Это как?

— Все объемы информации расположены в порядке возрастания количества содержащейся информации. Всего их шестнадцать.

— Ты это уже говорил.

— Самый последний имеет самое большое количество гигабайт.

— Возможно, это выход на велиарха. В таком случае предпоследний — резонанс масс-графа экзарха?

Компьютер долго не отвечал. Все же он был всего лишь функциональным водителем синхрона, а не существом, обладающим высоким интеллектом.

— Масс-граф велиарха мне неизвестен. Это секретные данные.

— В таком случае самый мощный файл принадлежит-таки экзарху. Что ж, спасибо за консультацию, дружище. Я непременно воспользуюсь тем, что узнал. Теперь у меня есть реальный шанс добраться до этой твари. Может быть, не понадобятся и услуги майора Гургенидзе.

— Иди ужинать, — прилетел из кухни голос Талгата.

Душа рвалась к бою, хотелось немедленно мчаться выручать Варвару, но Северцев заставил себя успокоиться. Он прекрасно понимал, что к походу надо хорошо подготовиться.

— Иду, — отозвался Олег.

ГЛАВА 10

Идея Северцева проникнуть в кабинет министра национальной безопасности Казахстана — предполагаемого экзарха СКонС привела Талгата в восторг.

— Ты балбес, мастер, если до сих пор не воспользовался такой возможностью, — заявил он после того, как Олег поделился с ним своими размышлениями. — Это же колоссальной силы преимущество! Представляешь, ты забираешься в банк или в ювелирный магазин, чистишь его и уходишь с награбленным без шума и пыли. Может, рискнем и обчистим какой-нибудь банк? Ведь никто не догадается, как мы туда проникнем.

— Крыша поехала? — осведомился Северцев рассеянно.

— Я пошутил, — не совсем искренне засмеялся Нигматуллин. — Хотя идея, по-моему, золотая. Что ты намереваешься делать?

Олег бросил взгляд на часы: шел девятый час вечера.

— Думаю, министр уже давно дома, так что я подготовлюсь и попробую навестить его кабинет для рекогносцировки. А завтра утром навещу самого, с ранья, когда он только-только заявится на работу. Как задумка?

— Годится, — одобрил Талгат решение приятеля. — Жаль, что я не смогу пойти с тобой. Однако не рискуй зря. Нарвешься на охрану — дуй обратно, ко мне.

— К кому же еще? Пока не вызволю Варвару из неволи, буду жить у тебя, так что терпи.

— Живи, сколько нужно, мне только веселей. Хочешь, знакомых девушек приглашу?

Северцев хмыкнул.

— Ты же говорил, что ни одна женщина не переступит порога твоей квартиры, пока не женишься.

Талгат отвел глаза, почесал макушку.

— Так я ведь не для себя...

— Спасибо за заботу, однако мне сейчас не до девушек. — Северцев не обратил внимания на реакцию приятеля. — Самое время заняться вашим министром.

— А что ты ему скажешь, когда встретишься?

— Я ему скажу: хенде хох! — усмехнулся Северцев. — Гитлер капут!

— Я серьезно, — обиделся Нигматуллин. — Я же за тебя переживаю.

— Извини, я неудачно пошутил. Если ваш министр — экзарх, он сразу поймет, кто я и зачем прибыл, так что и говорить особенно ничего не придется.

— Авантюрист ты все-таки, Андреич, — покачал головой Талгат. — В такое болото влез по доброй воле! Зачем, спрашивается?

— Не люблю скучно жить, — отмахнулся Северцев. — Ты вон тоже ведешь далеко не тихий образ жизни, с бандитами воюешь, с чиновниками, и ничего — жив и здоров.

— Бандиты и чиновники — вечная наша проблема, это не системники. Я поражаюсь, как ты-то жив остался, столкнувшись с такой колоссальной машиной, как СКонС.

— Дуракам везет.

— Я вижу.

— У нас в России две вечные проблемы: дураки и дороги, — ухмыльнулся Северцев.

— Странно, что вы платите только дорожный налог, должны еще платить и налог на дураков. Кстати, ты по большому счету действительно дурак. На кой хрен тебе понадобилось спасать Варвару Сабирову? Она же тебе никто — не жена, не сестра, не дальняя родственница.

— Что поделаешь, я так устроен, — пожал плечами Северцев, не желая признаваться Талгату в своих чувствах; да и речи Нигматуллина перестали ему нравиться, полные каких-то намеков и подтекста. — Ладно, закрыли тему. Я пошел.

Он переоделся в свой походный костюм, не обращая внимания на острый оценивающий взгляд хозяина, натянул джинсы, рубашку, жилет, в карманах которого все еще прятались невостребованные до сих пор сюрикэны и стрелки. Поколебавшись, пистолет Анатолия Романовича решил с собой не брать. Взвесил в руке тяжелый имплантор, сунул под ремень.

Талгат никак не отреагировал, увидев необычной формы пистолет, лишь в глазах его мелькнула искра иронии.

— Я смотрю, ты неплохо вооружен.

— Увы, не так хорошо, как хотелось бы, — возразил Северцев. — Системники вооружены гораздо лучше.

— Может, откажешься от этой затеи?

Северцев удивленно посмотрел на собеседника.

— У тебя есть другое предложение?

— Варвара сама выкрутится. Ты же говорил, что она бывший трахтрах, то есть большая шишка в той системе.

— Не трахтрах, а тетрарх. Она действительно обладала боль-

шой властью, но теперь она так же беспомощна, как и любая женщина. Я чувствую, что Варя нуждается во мне.

— Ну, как знаешь, — отступил Талгат. — Я бы очень не хотел...

— Договаривай.

— Чтобы с тобой что-нибудь случилось. Почуешь опасность — беги назад сломя голову. Буду ждать.

Он не пожелал Олегу удачи и даже не вспомнил обычную формулу расставания: ни пуха ни пера, — и Северцев отметил это про себя, хотя и не встревожился. Думал он в этот момент о другом.

Включил синхрон, назвал координаты выхода — первый по информативности резонанс, записанный в памяти компьютера, и тот перенес его на «ось S», а потом обратно — в реальность Земли, совместив волновые «пакеты» тела владельца и того места, куда он хотел попасть.

Северцев не ошибся, полагая, что синхрон доставит его куда следует, то есть в резиденцию экзарха.

И жестоко ошибся, полагая, что человек, занимавший пост министра национальной безопасности Казахстана, является экзархом! Лишь потом, анализируя причины своего решения пойти к министру, в том числе — беседу с Гургенидзе, он вспомнил слова майора о том, что министр у них — человек новый! То есть до него этот пост занимал другой человек, и вот именно он-то и был экзархом.

Однако все это было позже. А пока что, появившись в кабинете, обставленном с восточной помпезностью и советским колоритом: на полу — красный ковер, монументальный стол, резные стулья, позолота, никель, фарфор, фаянс, стекло, непременные сабли на стенах и портрет президента Казахстана над столом, — Северцев озабоченно рассматривал компанию из четырех человек, склонившихся над столом. Они... играли в кости!

Первым гостя заметил хозяин кабинета, вовсе не похожий на казаха. Глаза у него были выпуклые, прозрачные и казались белыми, нос прятался в складках щек, а рот представлял собой узкую щель, прорезанную в скале. Он поднял голову и несколько секунд изучал застывшего Северцева, медленно выходя из состояния игры.

— Тебе чего? — начал он, посчитав, очевидно, Олега за охранника. Затем глаза его расширились, от щек отлила кровь. — Ты кто?! Как здесь оказался?! Кто пропустил?!

Оглянулись на гостя и остальные игроки. Двое из них были

казахами, смуглолицыми, гладко выбритыми, с характерным прищуром глаз, а вот третий — жгучий брюнет с длинным носом и холодными прицеливающимися глазами смахивал скорее на дагестанца, и Олегу очень не понравился его взгляд, в котором промелькнули у з н а в а н и е, неприязнь, ирония и угроза. Этот человек з н а л, кто появился в кабинете министра.

— Кто тебя впустил?! — повторил бледный от ярости хозяин кабинета.

— Хрен в пальто, — грубо ответил Северцев, медленно осознавая, что перед ним п у с т ы ш к а. Сознание цеплялось за известные факты, но больше за предположения, опиравшиеся на слова Виктора. Не хотелось верить, что актер солгал, сообщив не те координаты экзарха, но и этот человек, отреагировавший на проникновение хронодрайвера в святая святых министерства как самый заурядный чиновник, не тянул на экзарха.

— Да я тебя!.. В порошок!.. Эй, кто-нибудь! — Министр наконец вспомнил об охране и нажал кнопку на столе.

— Подождите, Байтас, давайте разберемся... — попытался остановить его длинноносый брюнет, но не успел.

В кабинет вошел дюжий парень в сером костюме, удивленно уставился на Северцева.

— Что стоишь, остолоп! — рявкнул министр. — Убери его отсюда! Допроси, как он здесь оказался и кто он! Потом сдай в наш бункер, пусть с ним поработают ребята Жылкыбая. Ну?!

Секретарь министра вздрогнул, сунул руку под мышку, и Северцев понял, что пора уходить. Миссия его провалилась. Не стоило даже спрашивать министра о судьбе Варвары. Он явно находился в н е реалий, связанных с деятельностью СКонС.

— Извините, — пробормотал Северцев, приводя в действие синхрон.

Последнее, что он услышал, были слова дагестанца-брюнета:

— До встречи, экстремал...

Эти слова все еще звучали в ушах Олега, когда он появился в квартире Талгата, и они же, точнее — глубинный их смысл, потрясший путешественника, помешали ему среагировать на изменение обстановки.

Талгат был дома не один. Вместе с ним ждали возвращения путешественника еще четверо мужчин. Очень хорошо подготовленных мужчин! Профессионалов своего дела. Двое из них мгновенно схватили Северцева за руки, третий точным движением

сорвал с ушей клипсу синхрон-рации, а четвертый рывком содрал перстень, едва не оторвав палец Олега.

Сопротивляться Северцев начал мгновение спустя и даже смог освободиться от захвата и расшвырять парней, пытавшихся надеть на него наручники, но замер, заметив в руке Талгата имплантор, направленный ему в лицо.

— Успокойся, мастер, — грустно сказал Нигматуллин. — Не надо демонстрировать свою технику русбоя, мы знаем, что ты непревзойденный рукопашник. Не хотелось бы применять «просветлитель». Однако если ты не оставишь нам выбора, я выстрелю.

— Криттер... — глухо проговорил Северцев, опуская руки.

— Линеарх, — улыбнулся Талгат. — Мне подсадили имплант линеарха, так что я хоть и маленький, но начальник. А вот они — криттеры. Ну что, поговорим спокойно?

— Поговорим, — согласился Северцев, не расслабляясь, не выходя из боевого состояния, но делая вид, что сломлен. — Пусть они выйдут.

— А ты не станешь пытаться убить меня?

— Ты не предатель, тебя подставили, так что убивать я тебя не намерен. Да и куда я денусь без синхрона?

— Это верно. — Талгат повел стволом имплантора. — Парни, оставьте нас на минуту.

Профессионалы спецназа (команда «Дельта», родственница российской группы антитеррора «Альфа», определил Северцев по наколке буквы «Д» на указательных пальцах парней) вышли.

— Что ты хотел узнать? — посмотрел на Олега Талгат.

Северцев сел на диван. Талгат, подумав, устроился напротив, не опуская оружия.

— Когда тебя завербовали.

— Завербовали... — снова улыбнулся Нигматуллин. — Паскостное словечко. Меня не вербовали, Андреич, меня г л у ш а н у л и, засунули в голову программу. Это совсем другое дело. А запрограммировали меня аккурат, когда ты встречался со своим осведомителем.

— Он не осведомитель.

— Не суть важно. Ты, конечно же, не скажешь, кто он.

— Не скажу.

— Ну и правильно, мы сами выясним. Что еще ты хотел узнать?

— Экзарх — не министр безопасности?

— Верно. Хотя прежний министр был экзархом.

— Я понял это слишком поздно. Все было рассчитано заранее, не так ли? Я попался как мальчишка.

— Да, все было рассчитано. Я мог бы попытаться оглушить тебя еще до похода к министру, но не стал рисковать.

— Из-за синхрона.

— Верно, ты мог им воспользоваться и уйти, а всю нашу команду за это ждала бы нейтрализация.

— Что это означает?

— Не обязательно — ликвидация, но обязательно — стирание памяти, а так как делается это обычно грубо, без точной ориентации стираемых нейрозон, то и последствия бывают... печальные.

Северцев покачал головой.

— Сурово с вами обходятся господа велиархи.

— Велиарх один, это система...

— Знаю, система, состоящая из экзомов.

— Они тоже зависимы от нажима сверху.

— Разве и над ними сидит кто-то более великий?

— Не кто-то, а что-то — Программа контроля. Хотя вполне можно дать ей и статус соборной личности, всеобщей всемировой души.

— Души Зла.

— Ну, это уже вопрос терминологии.

— Для линеарха ты очень хорошо информирован.

— В меня засунули еще и файл-имплант миссионера.

— Вербовщика?

— Можно выразиться и так. Ты не просто искатель приключений, но очень известный и опытный человек, свободно пересекающий границы государств, и для нашей службы незаменим. Поэтому мы и не ликвидировали тебя сразу, хотя могли. Но ты нам нужен не как криттер, а как добровольный сотрудник, получающий очень высокую зарплату.

— Наемник.

Талгат кивнул.

— Да, как наемник. У людей, пожелавших добровольно сотрудничать с нами, гораздо больше преимуществ, чем у запрограммированных. Таких, как я.

Улыбка у Нигматуллина получилась натянутая и бледноватая. Хотя имплантор он так и не опустил.

У Северцева болезненно сжалось сердце. Талгат действительно не был виноват в том, что случилось, а в положении зомбированного он оказался лишь «благодаря» самому Олегу.

— Прости, дружище, это я втянул тебя в эту историю.

— Чего уж там, понимаю, не дурак. Ты ведь тоже оказался в положении дичи не по своей воле. Ну, что, стоит тебя уговаривать присоединиться к нам или сразу вызвать парней из ОЛП?

— Разве ты сам теперь не ликвидатор?

— Я линеарх службы зачистки.

— Понятно. А кто такие системники? Варвара что-то говорила об этом, но я недопонял.

— Системниками у нас называются сотрудники службы психокоррекции, они занимаются обработкой больших масс населения.

— Мне говорили, что за мной гоняются именно системники, — озадаченно сказал Северцев.

— Правильно, потому что для нейтрализации твоего влияния на социум требуется подключение мощных систем обработки мозгов, так что твои похождения влетели нам в копеечку, если можно так выразиться относительно общих усилий. Речь о финансах не идет.

— Понимаю, для своих нужд вы можете привлечь любые суммы. Допустим, я откажусь от сотрудничества. Что произойдет? Ты запрограммируешь меня?

— Мне позволен и этот шаг. Мой имплантор может активировать программу триарха. Стоит мне нажать на курок...

— И я триарх. Негусто. Могли бы приготовить для меня должность и повыше.

Талгат с сожалением развел руками.

— Все, что могу. Должность повыше ты можешь получить, если только согласишься работать с нами добровольно.

Северцев задумался. Он так и не принял никакого решения: затеять бой с непредсказуемыми последствиями или сдаться в плен и попытаться проникнуть в недра СКонС, чтобы там овладеть инициативой.

— Но ты можешь и не стрелять, я правильно тебя понял?

— В таком случае мне придется сдать тебя экзарху.

— Можно я подумаю?

— Думай.

— Где Варвара? Она жива?

— Жива... пока. У начальства относительно нее и особенно ее дочери есть какие-то планы.

— Почему вы уделяете Ладе столько внимания? Она же еще совсем ребенок, десятилетняя девочка.

— Не знаю, — сокрушенно сказал Талгат. — Прямой инфор-

мации у меня нет, только косвенная. С Ладой связан некий неблагоприятный прогноз, касающийся непосредственно СКонС.

— Всей системы?!

— Ну, да.

Северцев присвистнул, вспоминая ясную улыбку дочери Варвары.

— Ну и ну! Кто бы мог подумать!

— Не тяни время, Андреич, решай: или — или...

— Где они сейчас?

— Ее делом занимался непосредственно экзарх Среднеазиатского такантая, она у него.

— Кто он?

— Ахмад Сарбулаев, советник президента по вопросам безопасности.

Северцев вспомнил взгляд брюнета в кабинете министра безопасности.

— Он дагестанец?

— Нет, чистокровный афганец, пуштун.

— Высокий, смуглый, нос — как у орла...

Талгат пожал плечами.

— Я его никогда не видел.

— Зато я, кажется, лицезрел. Он был у министра, когда я там появился.

— Все было просчитано, я же говорил.

Северцев опустил голову, проговорил с отвращением:

— Мальчишка... Варвара была права... никогда себе не прощу!..

— Ты не виноват, что попался. Рано или поздно тебя все равно бы поймали, радуйся, что жив остался.

— Радуюсь, — криво улыбнулся Северцев. — Зови своих церберов.

— Значит, ты решил...

— Хочу встретиться с экзархом. А там посмотрим.

Талгат вздохнул с облегчением, сказал в усик микрофона, выдвинув его из-за уха:

— Ситуация «пат», сигнал «зебра».

Северцев иронически изогнул бровь.

— Надо же, у вас даже свой лексикон, лингвистические заморочки, коды...

— Таковы правила игры. Не я их придумал.

В квартиру вошли двое парней с п у с т ы м и лицами. Никакой ненависти к ним Олег не чувствовал. Вряд ли они понимали, на кого работают в данный момент.

— Проводите нас к машине, — сказал Талгат. — Мы едем в аэропорт.

Северцев вопросительно посмотрел на приятеля.

— Зачем в аэропорт?

— Пошел! — Один из парней грубо толкнул Олега в спину.

Тот сделал шаг вперед, оглянулся.

— Повежливее, юноша.

Спецназовец ударил Северцева в живот кулаком, не достал, еще раз ударил и, провалившись в ударе, сунулся головой вперед, влип в косяк двери.

Его напарник тут же бросился на Северцева, но был в течение двух секунд повержен на пол лицом вниз.

— Скажи им, чтобы вели себя подобающим образом, — попросил Талгата Олег, держа парня за кисть вывернутой руки. — Я грубости никому не прощаю.

— Отпусти, — повел стволом имплантора Талгат. — Они больше не будут.

Северцев отпустил обозленного неудачей спецназовца, тот вскочил, намереваясь отомстить обидчику, но наткнулся на руку Нигматуллина.

— Я же сказал — прекратить!

Второй спецназовец пришел в себя, помял шею, погладил лицо, на котором вспух рубец от косяка двери, бросил на Северцева красноречивый взгляд и поплелся к выходу из квартиры. За ними двинулись остальные.

— Так почему мы едем в аэропорт? — повторил вопрос Олег.

— Там наша база, — ответил Талгат.

— Варвара с дочерью тоже находится там?

— Не знаю, спросишь у начальства.

Они вышли из подъезда, к ним подъехал серебристый «Ленд-ровер», и Северцев узнал джип, который преследовал машину Светланы, сестры Варвары, во время его прошлого визита в Астану.

В ночном небе над городом на мгновение встал туманно светящийся столб. Северцев споткнулся, оглядываясь. Показалось, что это сверкнула призрачная башня, сопровождавшая ландшафты «хронохвостов». Но это был всего лишь луч прожектора.

— Садись! — Толчок в спину, мат.

Стиснув зубы, он полез в душное чрево джипа.

Часть III

ES-УНИВЕРСУМ

ГЛАВА 1

Аэропорт столицы Казахстана Аманжол располагался в двенадцати километрах от города. Северцев бывал здесь всего один раз, поэтому с рассеянным видом разглядывал проплывающие мимо современные здания аэропорта, статую вождя перед центральным комплексом, поток пассажиров и самолеты на летном поле. Джип миновал большинство строений, въехал на территорию аэропорта и подкатил к последнему ангару, освещенному двумя прожекторами.

Пассажира высадили и повели в ангар, над которым торчали какие-то решетчатые башенки и несколько разной формы антенн. Вошли в открывшуюся как по волшебству дверь и оказались в коридоре с гофрированными металлическими стенами.

— Здесь мы расстанемся, — остановился Талгат. — Я свое дело сделал. Желаю удачи.

— И куда же ты теперь? — негромко спросил Северцев, терпеливо снося толчки в спину и в шею.

— Домой, конечно. Пора отдохнуть.

— Тебе не сотрут память, как... другим?

— Вряд ли, я же все-таки не простой криттер. Дадут какое-нибудь другое задание, ну а когда стану не нужен... — Талгат развел руками. — Что тут поделаешь. Значит, такова моя судьба.

Северцев мог в этот момент напасть на него и обезоружить, несмотря на присутствие спецназовцев, но не стал этого делать. В его планы входило освобождение Варвары, а не собственный побег. Попав в центр управления СКонС, он надеялся узнать как можно больше о деятельности этой структуры, а потом предпринять попытку вырваться на свободу с Варварой и Ладой.

Из металлической двери в тупике коридорчика вышли двое молодых людей в синей форме работников аэропорта, встали по бокам Северцева. Он получил прощальный толчок в спину от прежних конвоиров, шагнул вперед.

За дверью оказалось нечто вроде небольшого холла, из которого одна металлическая лестница вела куда-то наверх, а вторая вниз, под землю. Сопровождающие выбрали вторую.

Спустились по меньшей мере на три этажа ниже уровня земли, несколько минут шагали по узкому тоннелю с бетонными стенами и пучками труб, свернули в другой тоннель, пошире, с рядом металлических дверей. Остановились у одной из них. Первый конвоир молча вставил ключ в замочную скважину, открыл дверь, отступил в сторону, пропуская Северцева.

Олег вошел.

Дверь за ним закрылась с дребезжащим лязгом.

Он оказался в самой настоящей тюремной камере с обложенными желтой плиткой стенами. Топчан, умывальник, параша, тусклая лампочка под потолком, вентиляционное отверстие — вот и весь интерьер.

— Приехали!.. — пробормотал Северцев, чувствуя навалившуюся усталость. — Это конец, подумал Штирлиц, сунув руку в карман...

Олег спохватился, забарабанил кулаком по двери.

— Эй, охрана, подойди кто-нибудь!

Тишина.

Он снова стукнул в дверь кулаком и ногой, наполнив грохотом камеру и коридор. Прислушался. Ни звука в ответ. Вот сволочи! Они что, ушли отсюда вообще?

Попробовал стучать в дверь пяткой, закричал:

— Я хочу поговорить с вашим начальником! Откройте!

Дверь внезапно отворилась, в камеру ворвались парни в синем, уже другие, не те, что сопровождали Северцева в тюрьму, и без слов набросились на него с дубинками.

Получив несколько сильных ударов по голове и спине, он начал сопротивляться, отобрал у одного экзекутора дубинку и ответил в их же стиле, преисполненный праведного гнева и ярости. Тюремщики выскочили из камеры один за другим, но тут же вспомнили об оружии и выхватили пистолеты. Северцев бросил дубинку, поднял руки:

— Все, все, уговорили, сдаюсь, не стоит горячиться. Я вам ничего плохого не сделал, зачем же драться? Всегда можно найти разумный компромисс. Повторяю, мне надо поговорить с вашим начальством. Доложите ему об этом.

Охранники отступили, держа его под дулами пистолетов, закрыли дверь. Судя по отсутствию какой-либо мысли в их глазах,

интеллектом они и раньше не отличались, а став криттерами, и вовсе потеряли живые души.

— Дерьмо! — выругался Северцев, не ощущая на самом деле ненависти и к этим несчастным. — Так я просижу тут до морковкина заговенья.

Походив из угла в угол камеры, он сел на топчан, покрытый серым тонким байковым одеялом, потрогал синяки на лице и на плечах. Били его в полную силу, хотя причин такой внезапной вспышки злобы он не видел никаких. Снова навалилась усталость, не столько физическая, сколько психологическая. Тогда он лег, закинув руки за голову, начал сеанс аутотренинга. Успокоился, полечил синяки, прокачав через поврежденные ткани меридиональные потоки энергии и большой объем крови — для удаления поврежденных ударами клеточных структур. Боль притупилась, синяки и ссадины перестали дергать.

— Оле-е-ег...

Северцев вздрогнул, резко поднимаясь. Послышалось или?..

Зов не повторился. Впрочем, это был не звук, а мысленный посыл, и звала его Лада!

— Потерпите, девочки! — прошептал он, бросая в пустоту ответный мысленный импульс. — Мы выберемся отсюда!

Встав, он еще раз постучал по двери:

— Вызовите начальника, скоты! У меня важное сообщение!

Никто ему не ответил. Охранники находились где-то неподалеку, он это чувствовал, но отвечать не хотели. В их задачу общение с пленником не входило.

Тогда он снова в бессильном гневе пошел кругами по камере, перебирая в уме варианты освобождения, один сказочнее другого, потом заставил себя успокоиться, сел на топчан в позе Будды и ушел в «астрал», растворяя сознание в океане покоя и тишины.

Ключ в замке повернулся, когда он просидел таким образом три с лишним часа.

Северцев привел себя в нормальное состояние, но не двинулся с места.

В камеру вошел смуглолицый усатый человек в обычном гражданском костюме коричневого цвета, остановился, разглядывая пленника. Северцев тоже вгляделся в него и узнал мужа Варвары, Крушана Сабирова.

— Вот так встреча! — покачал он головой. — Уж кого-кого я не ожидал встретить, так это вас.

— Я тоже, — пробурчал Крушан.

— Итак, вы таки живы. Как мне следует понимать ваш визит? Как визит одного из руководителей СКонС? Кто же вы в иерархии системы? Явно не простой криттер.

— Триарх.

— Да ну? Поздравляю! Однако мне нужен начальник рангом повыше, то есть экзарх.

— Зачем?

— Я знаю, что ваши жена и дочь находятся у него.

— Какое вам дело до моей жены и дочери? Варвара сделала большую ошибку, преступила закон и должна быть наказана.

Северцев смерил собеседника уничтожающим взглядом.

— Вы стали таким примерным ревнителем закона? Варвара ваша жена, а вы спокойно говорите о каком-то наказании! Может быть, вы ее и прикончите, если прикажут?

— Закон должен соблюдаться всеми, — ровным голосом проговорил Крушан, — независимо от положения и звания. Варвара обязана была исполнять распоряжения вышестоящих лиц. Она этого не сделала и поэтому будет отвечать.

— То есть вы ее уже приговорили, все, и вы в том числе. — Северцев с трудом сдержался, чтобы не наговорить глупостей. — Здорово же вас зомбируют, аж до положения стадных животных. Неужели не жаль Варвару? Ведь она не только ваша жена, но и мать вашего ребенка!

— Что вы хотели сообщить? — сухо осведомился Крушан, не теряя самообладания.

— Я буду разговаривать только с экзархом, вы мне не собеседник.

Сабиров молча повернулся, собираясь выходить. У Северцева мелькнула мысль захватить его в заложники и попытаться пошантажировать вышестоящее руководство СКонС, чтобы оно освободило жену и дочь Крушана. Однако следующая мысль была объективнее: вряд ли жизнь Сабирова-триарха стоила так много, чтобы боссы СКонС обменяли ее на пленниц. Судя по масштабу операции поисков и захвата Варвары, ее нейтрализация оценивалась иерархами очень высоко. Слишком большую угрозу несла она с и с т е м е, находясь на свободе.

— Передайте Варваре, что я освобожу ее, — добавил Северцев в спину Сабирова.

Тот все так же молча вышел.

Некоторое время Северцев смотрел ему вслед слепыми от сдерживаемой ярости глазами — хотелось избить мужа Варвары до полусмерти, чтобы он сбросил маску равнодушия со своего лица, — потом расслабился, снова уселся на кровати в позе лотоса и вызвал состояние п у с т о т ы. В нынешнем положении он не мог ничего сделать, даже если бы перебил охрану и вырвался на волю. Побег не являлся оптимальным выходом из ситуации.

Прошло еще два с лишним часа.

Охранник принес пакет с вишневым соком, потоптался у порога, с опаской разглядывая застывшего пленника, удалился. Однако через несколько минут замок заскрежетал опять и в камеру вошли двое мужчин в цивильных костюмах, один в коричневом, с галстуком, другой в черном, без галстука. Он был черноволос, смугл, гибок и силен, и в глазах стыла хищная уверенность в своем праве повелевать. Северцев узнал его — это был тот самый брюнет по имени Ахмад Сарбулаев, советник президента, приятель министра безопасности и он же, по словам Талгата, экзарх Среднеазиатского такантая.

Гость окинул неподвижную фигуру пленника насмешливо-скептическим взглядом, изобразил полуулыбку:

— Вас трудно узнать в такой... позе.

— Я вас тоже не узнал бы... без санитара, — парировал Северцев в том же тоне, кинув мимолетный взгляд на спутника Ахмада; по всей видимости, это был просто телохранитель экзарха.

Ахмад Сарбулаев изогнул бровь, перестал улыбаться.

— Кажется, у вас хорошее настроение. Это явная недоработка моих подчиненных. Били вас мало.

— Ну, если ваша организация держится только на силовом внушении, то цена ей — плевок!

— Напрасно вы стараетесь вывести меня из себя, Олег Андреевич. Вы не в том положении, чтобы качать права. К тому же мы имеем и другие возможности внушения наших истин, не прибегая к силовым акциям.

— Ах да, я и забыл об имплантах.

— Есть и гораздо более надежные устройства. Как-нибудь мы покажем их вам в действии... если договоримся. Вы знаете, что вас ждет в случае отказа?

— Зомбирование, — презрительно скривил губы Северцев.

— Совершенно верно. Так что не выпендривайтесь, и не таких, как вы, ломали. Будете сотрудничать с нами?

Олег понял, что его отказ просчитан и приведет его к гибели. Но главное, что он при этом уже не сможет помочь Варе.

— Могу я узнать, что мне предлагается, прежде чем решать окончательно?

— Вот это уже лучше, — одобрительно кивнул экзарх. — Похоже, вы начинаете думать. Что конкретно вы хотите узнать?

Северцев слез с топчана. Телохранитель Ахмада сделал шаг вперед, напрягая руку, как ковбой, изготовившийся выхватить револьвер.

— Где Варвара Сабирова?

Глаза экзарха подернулись дымкой легкого безумия, насмешка в них просияла ярче.

— Удивительно, насколько глубоко в нас, мужиках, сидит желание покрасоваться перед понравившейся женщиной. Оказывается, вы такой же, как все, Олег Андреевич.

Северцев усмехнулся.

— Знаете, Ахмад, в ваших устах это звучит как похвала.

— Откуда вам известно мое имя? Ах, да... линеарх имел с вами продолжительную беседу... Итак, вы спросили, где Варвара. Отвечаю: здесь же, на базе. Надеюсь, скоро она снова будет с нами, и вы встретитесь... если захотите.

— Что вы с ней... сделали?

— Ничего. Пока. Дело в том, что она полезна нашему делу только в пленус-состоянии[1], программирование снизит ее интеллект и возможности, фрустирует личность. Но поскольку в наших руках находится мощный инструмент давления на Сабирову...

— Лада?

— Верно, ее дочь. Поэтому все в конце концов вернется на круги своя. Еще вопросы?

Северцев опустил голову, задумался.

— Знаете что, Олег Андреевич, пойдемте-ка со мной, — сказал советник президента, — я вам кое-что покажу. — Он повернул голову к своему спутнику. — Пойдешь сзади. При малейшем подозрении стреляй.

Северцев пропустил это замечание мимо ушей. Экзарх просто подчеркивал, что жизнь пленника ему не особенно дорога.

Вышли из камеры, поднялись на два этажа выше, потом снова спустились под землю и вышли на балкон, нависающий над

[1] Plenus — полный (*лат.*).

большим залом со множеством пультов и компьютерных мониторов. Балкон был отгорожен от зала толстым стеклом, поэтому звуки работающей аппаратуры сюда не долетали.

— Центр управления? — пробормотал Северцев.

— Да, это ЦУГА Казахстана, — подтвердил Ахмад. — То есть Центр управления гражданской авиацией. И он же — контрольный терминал Среднеазиатского такантая СКонС.

— Ваши коллеги утверждали, что СКонС не имеет проявленной материальной структуры, никаких центров управления...

— Это не совсем верно. СКонС имеет возможность привлечь к решению своих задач любой физический центр в любом государстве Земли, причем так, что ни руководители, ни сотрудники центра об этом знать не будут. Вот как работники ЦУГА. — Ахмад кивнул на зал. — Они выполняют задания СКонС параллельно со своими.

— А потом вы им прочищаете мозги?

— Только тем, кто случайно догадался о существовании внешних управляющих систем. Но таких умников мало, и многие из них становятся потом нашими помощниками.

— Сколько же центров вы привлекаете для своей оперативной работы?

— Смотря какой уровень затронуть. Я экзарх Среднеазиатского такантая, в моем подчинении шесть мигран-зон, и в каждой зоне — свой оперативный штаб. Для сравнения: у экзарха Евро-Азиатского такантая, включающего Европу и Россию, зона ответственности побольше — одиннадцать мигран-зон и узлов. Соответственно — столько же и контрольно-информационных управлений. На Земле работают двенадцать экзомов...

— Вы имеете в виду дублей велиарха?

— Не дублей, — улыбнулся снисходительно Ахмад, — пси-копий единого коллективного пси-организма. Велиарх действительно один, его копий — двенадцать, и каждая контролирует деятельность двух-трех экзархов. Самая большая зона ответственности у велиарха Североамериканского такантая. Он контролирует четырех экзархов и частично — экзархов Европы.

— То есть он и есть тот «самый равный из равных»? — пробормотал Северцев.

Ахмад посмотрел на него с интересом.

— Вы знаете больше, чем мы предполагали. Что ж, это упрощает мою задачу. Если вы осведомлены о принципах взаимоотношений иерархов...

— Вы не закончили о масштабах вашей деятельности.

— Зачем вам эта информация?

— Для оценки важности моего личного решения.

— Разумно. Но вы понимаете, что, если я сообщу вам совсекретные данные, у вас не будет пути назад? Или вы надеетесь с этими данными улизнуть? Не тешьте себя понапрасну иллюзиями.

Северцев пережил неприятное чувство застигнутого врасплох человека. Он и в самом деле надеялся выяснить все подробности работы СКонС и сохранить при этом свободу.

— Я привык опираться на достаточную базу данных.

— Похвально. Итак, закончим. Землей управляет двенадцатиэкзомный велиарх и сорок экзархов. Но это — лишь ничтожная часть механизма СКонС, контролирующая весь БМГ, то бишь нашу Вселенную. Существуют и другие структуры, управляющие жизнью иных миров. Их — неисчислимое количество.

— Вы знакомы с ними?

— Лично я — нет, но мне это и не нужно и неинтересно. Кое-какие разумные конгломераты располагаются и в нашей Галактике, некоторые — совсем близко от Земли даже в человеческих масштабах.

— Сириус? Капелла?

— Нет, гораздо ближе, — с загадочным видом покачал головой Ахмад.

— Не альфа же Центавра?

— Нет, все эти звезды не имеют поясов жизни, подобных Солнечному. Я имел в виду нашу Солнечную систему. О спутниках Юпитера вы что-нибудь слышали?

— Титан, Европа?

— Браво. Именно на Европе и располагается ближайшая к Земле цивилизация. Однако разум можно отыскать еще ближе. Вы на Алтае изучали выход глубинника, так что должны понимать, о чем речь.

Северцев с сомнением посмотрел на собеседника.

— Но ведь это не доказано... Существует гипотеза, что на ядре Земли живут какие-то плазменно-электрические существа, и только...

— К сожалению, это правда. Глубинники — реально обнаруженный и доказанный факт.

— Почему к сожалению?

— Потому что они начинают серьезно вмешиваться в нашу деятельность, что негативно сказывается на состоянии всего сол-

нечного бифуркала. Мало того, что нам приходится тратить все больше усилий для жесткой коррекции социума, теперь к этой проблеме присоединилась и проблема глубинников, инициирующих в настоящее время практически все природно-климатические явления типа землетрясений, цунами, тайфунов и ураганов. Они же виноваты и в глобальном потеплении климата на поверхности Земли. Вот почему мы постоянно ищем умных, опытных и ответственных людей, способных быстро реагировать на изменения обстановки и принимать оптимальные решения.

— Вы думаете, я из таких?

— Да, мы считаем, что вы справитесь.

— И какая же должность мне светит?

— Не должность — зона ответственности. У меня освободилось место тетрарха, я готов предложить этот пост вам.

Северцев невольно покачал головой, разглядывая зал под балконом.

— Вы мне льстите. Кстати, не этот ли пост занимала Варвара Сабирова?

— Вы угадали. Сабирова великолепно справлялась со своими обязанностями, пока не... пока не изменила взгляды.

— Но я не руководитель спецслужбы, как она, и вообще не связан с силовыми структурами.

— Это преодолимо. Как ввести вас в нашу структуру — наша забота. Вы согласны?

Северцев с силой потер ладонью лоб.

— Мне надо подумать... Если позволите, я задам еще несколько вопросов.

— Пойдемте вниз, у меня здесь есть небольшой кабинет, где можно посидеть и побеседовать за чашкой кофе.

Они покинули балкон и по винтовой лесенке спустились в зал, с виду обходившийся без какой-либо охраны, вошли в белую дверь с табличкой на русском и казахском языках: «Посторонним вход воспрещен».

Кабинет экзарха оказался большим, светлым и прохладным. Одну из его стен почти полностью занимал аквариум. Вторая сверкала обилием старинного оружия. На третьей, за громадным столом из полированного красного дерева, висел ковер с искусно вышитым на нем портретом президента Казахстана. В углу, слева от стола, располагался компьютерный терминал с огромным — полутораметровой диагонали (такого Северцев еще не видел) —

монитором. В другом углу была организована зона отдыха с двумя креслами, журнальным столиком и висячими светильниками.

Хозяин кабинета махнул рукой, отсылая охранника, радушно пригласил гостя:

— Присаживайтесь, Олег Андреевич. Времени у меня, честно говоря, мало, но для вас полчаса найдется. Хотите посмотреть, чем мы занимаемся в нынешние времена?

— Хочу, — против воли сказал Северцев. — Хотя нет, прежде я хотел бы выяснить кое-какие нюансы. Как вашей системе удается сохранить тайну своего существования? Ведь СКонС существует столько же времени, сколько и Вселенная.

— Почти столько же. — Ахмад склонился над компьютерным столом, включил его, пробежался пальцами по клавиатуре. — Вот вам схема реализации БМГ-Программы. Обратите внимание на диапазон реализации.

На экране монитора возникла разноцветная диаграмма, представляющая собой более сложную схему, чем те, которые рисовали в свое время Виктор и Варвара.

— Схема условна, так как выполнена не в масштабе, — добавил Ахмад, заметив заинтересованность гостя. — Спрашивайте, если что непонятно.

— Грандиозно! — пробормотал Северцев. — Я такого и представить не мог! То есть, конечно, я уже знаком с концепцией Базового Масс-графа, но не в такой степени. Я не вижу здесь всего спектра реализации...

— На схеме изображена только четвертушка диапазона волновых вибраций жизни. На самом деле схема, учитывающая состояния неживой материи, намного сложней. К сожалению, показать ее вам я не могу, и не потому, что не имею права, а в силу отсутствия необходимой аппаратуры. Объемный голографический видеокомплекс такого класса имеет только экзом Центрально-Евразийского такантая, и находится он в Москве.

— В ФСБ? — рассеянно спросил Северцев.

— Нет, в комплексе Главного статуправления.

— Хотелось бы взглянуть...

— Может быть, еще доведется, если вы согласитесь работать с нами. Хотя, повторяю, другого пути у вас просто нет.

— Убедите меня в этом, — усмехнулся Северцев. — Вопрос по схеме. Почему слова «Еще нет жизни» повторяются дважды, в начале диаграммы и в конце? По-моему, жизни нет только в начале диапазона, в конце должно быть написано: «Уже нет жизни».

— Дело в том, что пакет вибраций жизни движется, скользит по «оси S» в будущее, где действительно е щ е нет жизни. То, что вы называете временем, существует лишь в пределах диапазона проявления всех форм жизни. О времени вообще можно говорить лишь в биологическом смысле: каждый живой объект имеет собственное время, отличное от квазикогерентного времени системы. Мы называем эту субстанцию М-графом.

— От слова майя — иллюзия.

— Вот видите, вы уже знаете нашу терминологию. Да, времени — как его пытаются объяснить и обосновать современные ученые и как привыкли считать люди, — нет, есть Программа квантового перехода Вселенной из состояния в состояние.

— Интересно было бы узнать, где же находится «переключатель» Программы, — пробормотал Северцев. — Или «вселенский программатор». Где его оставил Творец?

— Хороший вопрос, — с уважением сказал Ахмад. — Вы неплохо подкованы философски, Олег Андреевич. На самом деле этот «переключатель» встроен во Вселенную как некий фон или эфир, если хотите.

— Вакуум?

— Вакуум — это база БМГ, упругая квантованная среда, колоссальный сверхтвердый кристалл, представляющий собой, по сути, единый компьютер, а «переключатель» Программы — закон, управляющий компьютером, или скорее — алгоритм.

— Любой алгоритм реализуется посредством материальных носителей. В наших современных компьютерах — это чипы, микросхемы, дискеты, кристаллы, линии связи. А как Программа реализуется во Вселенной? Через какие носители?

— Через все материальные объекты. В том числе — через людей.

— Велиархов?

— На эту тему мы поговорим в другой раз, — ушел от прямого ответа Ахмад. — Еще вопросы ко мне есть?

В кабинет вошла стройная девушка в мини-юбке, поставила на журнальный столик поднос с кофе и вышла.

— Прошу, — пригласил гостя хозяин.

Северцев, раздумывая над увиденным и услышанным, принялся потягивать кофе. Было очень соблазнительно познакомиться со всей системой изнутри, выяснить взаимосвязи человечества с другими цивилизациями — «разумными масс-графами», встретиться с их представителями, увидеть другие планеты и звезды, но Олег прекрасно понимал, что при этом он потеряет

главное — свою независимость и свободу. И Варвару! А такой ценой изучать тайны Вселенной он не хотел.

— По-моему, вы просто тянете время, — проницательно заметил Ахмад, посматривая на собеседника. — Вы хорошо понимаете свое положение? Выбор невелик, у вас всего два выхода: или вы с нами добровольно, или принудительно.

— Где есть два выхода, там всегда найдется третий, — усмехнулся Северцев. — Однако я еще не решил, стоит ли его искать. Вам придется подождать.

— Только недолго. Завтра утром я жду ответа.

— Не думаю, что ваша приемная комиссия завалена заявлениями добровольных претендентов. Иначе вы бы не стали так долго терпеть мои колебания, не так ли, господин дьявол?

Ахмад белозубо засмеялся, хотя глаза его остались холодными.

— У вас сложилось превратное впечатление о нашей работе. СКонС не покупает души людей, имея возможность...

— Внедрить в человека программу, изменив его психику.

Экзарх перестал улыбаться.

— Кажется, я недооценил ваш идейный потенциал. Обычно такие люди — фанатики, их трудно убедить в чем-либо, отличном от их мировоззрения.

— Я действительно фанат, — легко согласился Северцев. — Фанат долга и чести, правды и справедливости, как бы выспренне эти слова ни звучали. Можно еще вопросик?

Ахмад мельком глянул на часы, кивнул.

— Последний, если не будете настаивать.

— Вопрос чисто физический. С «осью S» я, кажется, разобрался полностью и понял, чем «хронохвост» какого-то Масс-графа отличается от «хроноклюва». Но вот с «осью Е» закавыка. Не могу наглядно представить, какую она играет роль в «кресте синхронизации».

— Все материальные объекты в мире имеют конечные размеры и энергию.

— И массу.

— Масса — явление вторичное, это по сути «шуба» вокруг частиц и более крупных объектов, образующаяся из-за деформации упругой квантованной среды или вакуума. Так вот «ось Е» представляет собой спектр размеров и энергий, которыми обладают *все без исключения* материальные образования. На этой оси есть место и элементарной частице, и Метагалактике, и

даже «духам» — их зеркальным отражениям. У меня в компьютере, по-моему, есть картинка.

Ахмад снова включил монитор и вывел на экран еще одну схему.

— Можете полюбоваться.

Северцев с любопытством окинул схему взглядом.

— Почему все объекты находятся на одной оси?

— Потому что «ось Е» является еще и осью общей синхронизации объектов, образующих единый организм — БМГ.

— Вселенную!

— Пусть будет Вселенную.

— Значит, если квантово-волновой пакет объекта, к примеру, человека синхронизировать с резонансами диапазона существования, возможен перенос тела по «оси S». А если синхронизировать еще с другими объектами разной массы, человека можно переносить на другие планеты?

— В любых уровнях Е-вертикали и на любые тела Вселенной, на любые планеты, звезды и галактики в пределах диапазона существования БМГ. Браво, Олег Андреевич, вы действительно умеете мыслить самостоятельно, что подогревает наш интерес к вам. Итак, ваше решение?

— Мне надо подумать, — упрямо заявил Северцев.

— Вы надеетесь выговорить какие-то особые условия?

— Я хочу понять, какую роль играет СКонС в нынешние времена. Но прежде всего я хотел бы увидеть Варвару Сабирову. И ее дочь.

— Зачем?

— Они не раз спасали мою шкуру от ваших головорезов. Хочу убедиться, что они живы и здоровы. Если с ними что-нибудь случится, вряд ли мы договоримся.

Ахмад покачал головой.

— Вы переоцениваете свою значимость для нас. Могу только сказать, что Сабировы живы и здоровы. Но не связывайте их судьбу со своей, это может плохо кончиться.

— Кто знает, что такое плохо, а что хорошо для каждого из нас, — философски заметил Северцев. — Недаром же говорится: что русскому здорово, немцу — смерть.

Ахмад прищурился, пытаясь разгадать смысл сказанного, юмора не уловил, и лицо его вытянулось, стало официальным.

— До свидания, Олег Андреевич. Надеюсь, вы сделаете правильный выбор.

Он не нажал никакой кнопки на столе или на клавиатуре ком-

пьютера, но в кабинете бесшумно объявился давешний крупногабаритный спутник экзарха.

— Проводи гостя, Езеп.

Молодой человек перевел ничего не выражающий взгляд на Северцева. Тот остался сидеть.

— Вы забыли мою просьбу.

Ахмад несколько мгновений смотрел на него, не понимая, затем глаза экзарха стали холодными и недобрыми.

— Выведи его, Езеп!

Парень, чуть косолапя, подошел к сидящему в кресле Северцеву, взял его за плечо, сдавил. Пальцы у Езепа были стальными, он запросто мог сломать ими ключицу. Боль тонкой струйкой взбежала по плечу и шее, ударила в голову.

Северцев, не вставая, ударил противника носком туфли под колено и, когда тот ослабил хват, нанес еще один удар — торцом ладони снизу вверх, в подбородок. Парень сделал шаг назад, очумело потряс головой, сунул руку под борт пиджака, где у него пряталась наплечная кобура с пистолетом. Но Северцев был уже на ногах и провел чистейший «классический штамп» — удар коленом в пах, захват противника за волосы и удар лицом о подставленное колено.

Телохранитель экзарха охнул, упал лицом вниз с разбитым в кровь носом, затих.

Северцев повернулся к Ахмаду, на лице которого появилось озадаченное выражение. Впрочем, всего на долю секунды.

— Меня предупреждали, что вы классный боец, но я, кажется, этого не учел. Советую не демонстрировать свое мастерство на мне. Мои люди не привыкли к такому обращению и могут отомстить.

В кабинет ворвались еще двое парней мощного телосложения.

— Наручники! — коротко приказал Ахмад.

Северцеву заломили руки за спину и сковали наручниками.

— В камеру.

Парни взяли Олега за локти с двух сторон и вывели из кабинета экзарха. Путь обратно занял около десяти минут. Северцева втолкнули в его унылое жилище, без предупреждения начали избивать дубинками и, когда он упал, ногами. Зная, что может выдерживать такое избиение долго, умея отключать боль, он решил не ярить тюремщиков и приказал себе отключиться.

Больше он ничего не чувствовал.

ГЛАВА 2

Лечиться пришлось больше двух часов.

Очнувшись, он обнаружил одно сломанное ребро, двенадцать гематом на спине и на груди, множество синяков и ссадин. Но, к счастью, лишь ребро требовало особого внимания, а глаза, нос, пальцы рук, локти и коленные суставы остались целыми и почти невредимыми. Уходя, экзекуторы не сняли с пленника наручники, поэтому Олегу пришлось сначала освобождать руки, используя особые приемы р а с с л а б л е н и я суставов и смещения костей.

— Ничего, мы выживем, — пробормотал он, отбрасывая снятые наручники в угол и устраиваясь на топчане. — А вам еще аукнется...

Под глазом запульсировал острый уголек боли.

Северцев потрогал это место пальцем — синяк. Вспомнил старый анекдот: «Чего синяк под глазом?» — «Хотели пнуть в зад, да я увернулся». Рассмеялся было и задохнулся от боли в груди. М-да, со сломанным ребром особо не посмеешься. Придется включать экстрасенсорику на всю мощь.

Он лег поудобнее, так, чтобы концы сломанного ребра совместились, и вызвал состояние усиленного энергетического питания грудной полости, позволяющее инициировать процесс деления стволовых клеток в месте повреждения кости.

Час ушел на точную «настройку» процесса, еще час — на лечение и несколько минут — на возвращение из приятного полузабытья. Открыв глаза, Олег прислушался к себе и удовлетворенно кивнул. Грудь не болела, только в глубине грудной клетки щекотно покалывало и сердце работало в ускоренном темпе, насыщая сосуды «валидной» кровью.

Тело казалось рыхлым и слабым, энергии на лечение ушла уйма, вставать не хотелось, но Олег все-таки заставил себя подняться и сделал легкую зарядку для растяжки сухожилий и мышц. Затем сел на топчан в позу лотоса, поднял ладони вверх и полчаса подпитывался космической энергией.

Усталость отступила, стало легче. Чувствуя приятное головокружение, он походил по камере из угла в угол, прислушиваясь к «поскрипыванию» сросшегося ребра. Конечно, оно еще не достигло прежних кондиций, но процесс заживления пошел, и полное восстановление прочности было только делом времени.

Прикинув, который час, Северцев снова улегся на топчан. По всем счетам выходило, что снаружи была ночь. Это отвечало его

внутренним побуждениям, так как начинать активные действия не хотелось. Судьба давала ему возможность отдохнуть и подлечиться поосновательней.

Побриться бы, подумал он перед тем, как забыться... и резко приподнялся на локтях, тараща глаза в темноте, услышав тихий зов:

— Оле-е-ег...

— Лада! — беззвучно шевельнул губами Северцев. Помассировал еще побаливавшую грудь, мысленно позвал:

«Лада!.. Ладушка!.. Варя!..»

Снова глухую темноту камеры пронзила эфемерная судорога мысленного зова:

— Оле-е-ег...

— Лада! — вслух проговорил он. — Держитесь, милые мои! Я приду за вами!

Канал внесенсорной связи, соединивший их, истончился, растаял, пропал. Но Северцев уже не сомневался, что Варя с дочерью живы, находятся неподалеку и ждут освобождения. А главное — надеются на него! И это ощущение согревало и вселяло надежду на благополучный исход дела.

Незаметно для себя он уснул и проснулся от скрежета ключа в замке заметно посвежевшим и бодрым. Можно было начинать жить по своим законам.

— Выходи, — равнодушно объявил тюремщик, один из тех, кто избивал пленника накануне вечером. В руке он держал электрошокер.

Северцев усмехнулся в душе. Электрошокер не был для него помехой, вздумай он обезоружить конвоира.

В коридоре его ждал еще один громила в камуфляже, но уже вооруженный посерьезнее — карабином «СКС» и пистолетом в кобуре.

— Шагай!

Толчок в спину.

Северцев с трудом удержался от ответа, спрятал ярость поглубже, пообещав себе поквитаться с тюремщиками, привыкшими считать себя хозяевами положения и не щадить пленников. Хорошо еще, что снова надевать наручники они не стали.

Его привели в тот же кабиент, где с ним разговаривал экзарх, и оставили одного. Но не надолго, буквально на три минуты, Северцев даже не успел как следует осмотреться и оценить интерьер помещения.

В кабинет стремительно вошел черноволосый энергичный

Ахмад Сарбулаев, одетый в белый костюм. Кивнул гостю, заметил на его лице следы побоев, иронически изогнул бровь.

— Кажется, вы упали с кровати, Олег Андреевич?

— Не один раз, — ответил Северцев в том же духе.

— На будущее посоветую не сердить моих людей.

— Они не люди. В следующий раз я буду ломать им руки и шеи, чтобы неповадно было издеваться над безоружными.

Ахмад с сомнением оглядел гостя, но заговорил о другом:

— Прежде чем мы начнем обсуждать наш договор, я вам кое-что покажу.

— Я имею право отказаться?

— Пожалуй, нет. Вы все еще на что-то надеетесь, Олег Андреевич, однако хочу предупредить — не тешьте себя иллюзиями. Не вы первый, не вы последний находитесь в таком положении, но еще никто до вас не смог нас обыграть. Как говорил классик, не помню, кто именно: «Ничто так не способствует малодушию, как безумная надежда».

— Пока что вы тоже не дали мне никаких гарантий.

Ахмад засмеялся.

— Не торгуйтесь, вы не в том положении, чтобы диктовать нам условия своего сотрудничества. Мой начальник любит повторять: закон не гарантирует обеда, он гарантирует только обеденный перерыв. Перефразируя это изречение относительно вас: мы не гарантируем вам спокойной жизни, но мы гарантируем вам жизнь.

Северцев промолчал. В принципе он уже мог действовать, то есть попытаться захватить экзарха в плен и приказать ему отвести его к Варваре, но любопытство пересилило. Стоило посмотреть, что хотел показать пленнику Ахмад.

Хозяин кабинета выдвинул ящик стола, достал дугу с наушниками и... наручники. Правда, наручники эти были черного цвета и имели необычные утолщения с выпуклыми глазками.

— Конвосинхрон, — пояснил Ахмад. — Позволяет конвоировать любого человека в любой резонанс без специальных мер предосторожности.

Он подал Северцеву дугу с наушниками, жестом показал, что надо надеть ее на голову, нацепил один браслет наручников ему на руку, а второй — себе.

— Поехали.

Северцев был готов ко всему, только не к походу на «ось S». Поэтому упавшую на голову глыбу темноты он сначала воспри-

нял как нападение и лишь потом осознал, что произошло на самом деле.

Кабинет Ахмада исчез.

Вокруг замкнулись серые бетонные стены с грубыми стойками, в одной из которых виднелась металлическая дверь. Пол и потолок помещения тоже были бетонными. В потолке светился матовый плафон, в центре пола находилась круглая ребристая крышка люка.

— Промежуточная ступень, — пояснил проводник, одаривая спутника рассеянно-изучающим взглядом; судя по всему, он уже видел Северцева в стане своих сотрудников и не сомневался в его выборе.

Разочаровывать его Олег не стал.

Один за другим они вышли из бетонного склепа в коридор, такой же серый и унылый, миновали ряд дверей и остановились перед белой дверью с круглым, как иллюминатор, оконцем. Ахмад приблизил лицо к окну, и дверь тотчас же медленно отошла в глубь следующего помещения.

Судя по стеллажам и штабелям ящиков разной формы и цвета, это был склад. Гостей встретил человек-шкаф с равнодушным лицом, вооруженный автоматом.

— Упаковка П1, — сказал Ахмад. — Два комплекта.

Страж склада набрал какой-то шифр на клавиатуре компьютера, стоящего на столике за дверью. Где-то с лязгом заурчал эскалатор, раздались голоса, шаги, из-за стеллажей появился еще один великан, похожий на первого сонным видом. В руках он нес две красные сумки.

— Открой, — велел Ахмад.

Кладовщик с треском потянул «молнию» на сумке, достал оттуда блестящий серебристый комбинезон, прозрачный шлем и ранец.

— Это «Стриж-М», — сказал экзарх. — Используется космонавтами при аварийных спусках, снабжен новой системой жизнеобеспечения. Запаса воздуха в баллоне хватает на четыре часа работы в космосе.

— Я уже видел такой в Звездном городке.

— Вряд ли, это весьма секретная техника. Надевайте.

Ахмад отцепил конвосинхрон.

Северцев с недоумением перевел взгляд со скафандра на проводника.

— Зачем? Мы собираемся прогуляться по космосу?

— Угадали. Я просто хочу показать вам масштабы нашей деятельности в Солнечной системе.

Северцев хмыкнул, не зная, как отнестись к идее экзарха. Тот не обратил внимания на его колебания, начал натягивать скафандр. Олег вспомнил предупреждения своего первого синхрона о необходимости защиты при выходе на нижние регистры «оси S». Оказывается, такая защита существовала. Судя по словам экзарха, СКонС имела в своем распоряжении все технические новинки, изобретенные людьми, и скафандр «Стриж-М» представлял собой лишь одно из устройств защиты, причем, может быть, не самое надежное.

Ахмад наконец бросил на спутника предупреждающий взгляд. Он явно не привык, чтобы ему возражали. Северцеву ничего не оставалось, как начать одеваться. Он действительно не раз бывал в Звездном, куда его приглашал приятель отца, инженер-испытатель, и даже примеривал скафандр. Поэтому выданный ему комплект надел достаточно быстро, оставив на голове дугу с наушниками — часть конвосинхрона. Проверил поступление кислорода, обдув лица, шеи и включил рацию — все работало.

Ахмад снова нацепил на руку спутника наручник, пристегнулся сам.

— Не пытайтесь бежать, — предупредил он. — Во-первых, это опасно для жизни, можно легко затеряться в скалах или порвать скафандр. Во-вторых, наша служба контроля работает во всех регистрах и на всех ES-трафиках.

Северцев промолчал.

Ахмад захлопнул забрало шлема, включил синхрон.

Наступила темнота... знакомая невесомость... удар, сотрясший все тело, от пяток до макушки... тело вытянулось километровой струной, стянулось в точку...

Свет!

Северцев невольно заслонился ладонью от брызнувшего в лицо яркого света. Однако стекло шлема тут же потемнело, защищая глаза владельца, и серебристое сверкание как бы отдалилось, померкло. Олег повертел головой, осматриваясь, и по легкости в теле — сила тяжести в этом мире была в несколько раз меньше земной, — а также по угловатым формам скал и по угольно-черным теням сообразил, что синхрон перенес обоих «космонавтов» на Луну.

Черное небо с бесчисленными, яркими, немигающими звездами, огненная дыра с четкими краями — Солнце, близкий гори-

зонт, невысокие с виду скалы и горные стены. Да, это несомненно была спутница Земли. Вот только где сама Земля?

— Мы на обратной стороне Луны, — раздался в наушниках голос Ахмада. — Бассейн Эйткена, отрог Клементина. Здесь у нас база.

Северцев поискал глазами какое-либо сооружение или хотя бы вход в пещеру и внезапно обнаружил неподалеку торчащую из каменистой низинки наискось к небу бело-серебристую толстую трубу.

— Это она?

— Нет, это остатки разбившейся тридцать с лишним циклов назад советской ракеты. СССР тогда пытался опередить США в освоении Луны, но попытка не увенчалась успехом.

— Я об этом ничего не слышал!

— Никто ничего не слышал. О запуске знали только специалисты. Но мы не могли допустить, чтобы в то время люди узнали о давно освоенной Луне. Точка посадки случайно совпала с местом расположения нашей базы...

— Понятно. Экипаж погиб?

— Экипаж состоял из одного человека. Возвращение на Землю не входило в цель экспедиции.

— Не верю.

— Это ваша проблема.

— Почему же вы не сбили американские модули?

— Потому что американцы на Луне не были вообще, — усмехнулся Ахмад.

— Но есть фильмы, фотографии... они привезли образцы грунта...

— Образцы были взяты с помощью автоматических зондов. Все остальное — мастерская подделка. Если бы американцы действительно смогли сесть на Луну, они бы повторили это не один раз и уже давно имели бы здесь поселения. Но этого, к нашему облегчению, не случилось.

Помолчали.

— А гибель автоматических зондов, посланных Россией к спутникам Марса, случайно не ваших рук дело? — спросил Северцев.

— Наших, — равнодушно подтвердил экзарх. — На Фобосе находилась резервная станция слежения за пространством, и ее обнаружение не входило в наши планы.

— Значит, все неудачи отечественной космонавтики можно списать на СКонС?

— Ну, не все, конечно, но многие. В связи с технологическим рывком в конце девяностых двадцатого века и начале двадцать первого нам пришлось перенести кое-какие базы и подкорректировать развитие науки и техники.

— Это как?

— Вырастить особое поколение ретроградов, не допускающих даже мысли об ином устройстве мира.

— Так называемые «борцы с лженаукой»?

— Они в том числе. Итак, это Луна, первая ступень внешнего контроля земного социума. Идемте дальше.

— Почему здесь не видно... — Северцев чуть не проговорился, вспомнив о прозрачно-туманной башне. Поправился: — Это «хронохвост» Луны или ее реальная матрица?

— БМГ, — коротко ответил Ахмад.

В глазах потемнело: включился синхрон.

Через несколько мгновений тьма сменилась крылом света, но уже неяркого, палевого, сумеречного.

Они оказались на дне глубокой воронки, усыпанной крупным песком цвета жемчуга. Края воронки поднимались аж до размытого нечеткого горизонта, и, только приглядевшись к пейзажу, Северцев понял, что воронка — иллюзия, созданная сильнейшей рефракцией атмосферы этого мира. Сила тяжести и здесь была меньше земной, но всего в три раза, а небо представляло собой слоистую пелену с красновато-жемчужным отливом. И еще здесь было очень жарко, что чувствовалось сразу, несмотря на включившуюся систему охлаждения скафандра.

— Венера, — послышался голос экзарха. — Плато Лакшми. Вход на базу рядом.

Северцев увидел слева длинный металлический бугор, вырастающий из песка, похожий на горб черепахи.

— И давно вы здесь обосновались?

— Вообще-то комплекс контроля работает почти с начала рождения Солнечной системы, до нас ее осваивали предки человека. Этот бункер сооружен не нами около десяти миллионов лет назад, мы просто приспособили его для своих нужд.

— А на других планетах?

— И на других планетах тоже, хотя кое-какие станции мы строили в недавние времена. Увидите.

— Интересно, что вы будете делать, когда человечество нач-

нет свободно летать по Солнечной системе? Будете продолжать сбивать спутники и корабли?

— До этого момента еще надо дожить. Первая пилотируемая экспедиция на Марс состоится только через двенадцать циклов, за это время мы изменим систему контроля.

Темнота!

Удар в ноги и в голову!

Свет...

Черное небо с россыпью звезд, округлая гора под ногами, спускающаяся к близкому горизонту со всех сторон. Склоны горы усеяны кратерами разных размеров и скоплениями камней. Ледяные языки и пятна снега. И какое-то гигантское пухлое зеленовато-голубое облако на горизонте, медленно растущее ввысь.

Холодно!

В теле — необычайная легкость.

Облако за горизонтом — планета! — мелькнула догадка. А гора под ногами — ее спутник, поэтому так близок горизонт.

— Это Юпитер? — пробормотал Северцев, борясь с головокружением.

— Мы на Ганимеде. Ганимед — крупнейший из Галилеевых спутников Юпитера, — сказал Ахмад. — Восход Юпитера здесь длится три часа. Под нами лед толщиной около трех километров, а под ним — океан сернисто-магниевого рассола. Могу еще показать Европу[1], там пейзажи поспецифичнее. А главное — Европа до сих пор заселена, хотя ее цивилизация пришла к упадку.

— Я читал об этом, — пробормотал Северцев. — В смысле, знаком с этой гипотезой. Американский зонд «Галилео» снимал спутники Юпитера и обнаружил якобы многослойную сеть труб на поверхности Европы, покрытых льдом и снегом.

— Зонд передал снимки того, что существует на самом деле. Но автохтонная цивилизация Европы — фикция, ее заселили земляне еще в те времена, когда Марс имел пригодную для дыхания атмосферу и водяные моря. Тогда Солнечная система была заселена практически вся. Но это было давно — по человеческим меркам.

— Фантастика!

— Ну что вы, это все реальность. — В голосе Ахмада прозву-

[1] Европа — четвертый по величине спутник Юпитера.

чали снисходительные нотки. — Еще не то узнаете, сотрудничая с нами.

— С трудом верится...

— Поехали на Европу?

— Да... н-нет, я хотел бы... посмотреть на другие звезды.

— Я не лектор, к тому же для этого необходимо время. Еще успеете и на звезды посмотреть, и с другими разумниками встретиться. Я недавно общался с соседями — им нужна была консультация по поводу борьбы с... э-э... с вредителями сельскохозяйственных культур, и могу в следующий раз взять вас с собой, для практики.

— С какими соседями? — не понял Северцев.

— Ближайшая от Солнца цивилизация находится на планетах звезды Алиот, эпсилон Большой Медведицы, в шестидесяти световых годах от Солнца. Кстати, это негуманоиды, как принято говорить среди специалистов по контактам. Они пошли по биологическому пути, конструируя живые машины, самолеты и звездолеты. Один такой звездолет я видел. Похож на пятикилометровый скелет крокодила. Но представьте себе — летает!

— Шутите? — не поверил Северцев.

— Ничуть.

— Что же это за разумники такие? Как они выглядят?

— Как огромные — трехметровой длины — амебы, способные вырастить любой формы псевдоподии. У них странное искусство и еще более странная культура. Но об этом вы сможете поговорить с более компетентными специалистами.

Вокруг потемнело. Начался очередной переход из одного резонансного узла «оси S» в другой.

Северцев вспомнил о своей идее освободиться от опеки спутника, дернул рукой, прикованный наручниками к руке экзарха, и получил ошеломляющий удар между глаз, аж искры посыпались! Только чуть позже, очнувшись от шока, он понял, что получил электрический разряд, схожий по действию с ударом дубиной.

Зрение прояснилось.

Северцев с трудом удержался на ослабевших ногах, поднял руку, чтобы протереть глаза, и наткнулся на забрало шлема.

— Не дергайтесь при переходе, — послышался далекий голос Ахмада. — Конвосинхрон этого не любит.

Олег повертел головой, осматриваясь.

Они очутились под прозрачным куполом какой-то башни, возвышавшейся над снежно-ледяными торосами округлой горы,

краями спускавшейся к близкому горизонту. Но теперь Северцев сразу понял, что эффект горы создается малыми размерами небесного тела, на котором оказались путешественники. Да и сила тяжести в два десятка раз меньшая земной подтверждала это.

Крупные звезды над головой, одна — самая яркая, с четкими краями — далекое[1] Солнце. И низко над алмазносверкающим горизонтом — неровная бело-голубая глыба, испещренная синими и фиолетовыми тенями, — спутник планеты.

— Это Харон, — сообщил Ахмад. — Мы же сейчас находимся на Плутоне, здесь располагается самая далекая наша база. Естественно, базу строили не мы, этой башне более пятнадцати миллионов циклов.

— Как красиво!.. — пробормотал Северцев.

— Что? — удивился экзарх.

— Звезды... Млечный Путь... рукой можно дотянуться!.. Никогда не думал, что увижу такую неземную красоту...

— Вы романтик, Олег Андреевич, — с насмешливыми нотками проговорил экзарх. — Но ничего, со временем ваш романтизм пройдет, привыкнете. Кстати, мы могли не допустить этого. Я имею в виду не себя лично, а СКонС.

— Чего вы могли не допустить?

— Того, что вы видите. Звезд, их скоплений, галактик, вообще ячеистой структуры БМГ. Но на этом уровне большое значение имеет эстетика базовой матрицы, и решено было не подвергать инверсии проявленное ядро БМГ в развитии на евклидово пространство и упруго-квантованную среду, то есть вакуум, что и породило существующую звездную структуру.

— Неужели вы могли остановить развитие Вселенной?!

— Не остановить, но повернуть. Базовый Масс-граф мог иметь другие физические параметры.

— Какие?

— Спектр возможных состояний весьма обширен. К примеру, могла образоваться Вселенная, в которой красное смещение зависело бы не от ее расширения и разбегания галактик, а от линейного замедления времени. Да и время в ней было бы другое. Но поскольку Программа Творца не предполагала такого развития событий, закон возрастания энтропии остался имманентным свойством Мироздания. Хотя, на мой взгляд, интересен был и

[1] Плутон в 40 раз дальше от Солнца, чем Земля.

вариант с многомерным временем. Получилось бы очень симпатичное древо событий.

— Грандиозно! Если только вы не вешаете неофиту лапшу на уши. Не представляю, каким образом можно изменить параметры Вселенной. Кому это под силу?

— Никто не вешает вам лапшу, — рассмеялся Ахмад. — Просто вы мыслите человеческими мерками и задавлены ограничениями, не позволяющими почувствовать истинные масштабы деятельности СКонС. Если Вселенная есть Программа, то СКонС — ее неотъемлемая часть, Подпрограмма, встроенная в костяк Мироздания. Вы же не обращаете внимания на деятельность какого-либо микроба, живущего в вашем теле? Только если болезнь начинает прогрессировать — вкалываете лечебный препарат. Так вот СКонС — это и есть своего рода лечебный препарат, который находится не вне вашего тела, а внутри.

— Люди — не микробы... — пробормотал Северцев.

— В символическом значении — никакой разницы. Если бы СКонС не корректировала прогресс человечества, оно давно превратило бы ближайший космос в свалку радиоактивных и химических отходов. Хотя мы уже с трудом сдерживаем экспансионистские устремления хомо сапиенс. Возможно, ради сохранения жизни придется принимать радикальные меры.

— Золотой миллион?

— Что? — не понял экзарх.

— Я где-то читал предложение некоего ученого-маньяка оставить на Земле миллион человек для сохранения экологии. Остальных он предлагает законсервировать или уничтожить.

— Чушь! Одного миллиона человек для сохранения вида недостаточно. Речь идет, наверное, об одном миллиарде.

— Хрен редьки не слаще.

— К сожалению, такие люди нам только мешают, и мы пытаемся их нейтрализовать.

— Ну да, конечно, с благими намерениями...

Экзарх помолчал и сказал другим тоном:

— Вы приняли решение, Олег Андреевич? Как видите, масштабы нашей деятельности велики и сопоставимы с масштабами развертки самой природы. Так что если вы откажетесь, мы переживем. Но вот п е р е ж и в е т е ли вы?

Северцев ответил не сразу, разглядывая поднявшуюся выше снежную глыбу Харона.

— Мы здесь одни?

— Вы имеете в виду базу? Она автоматизирована, и весь ее персонал — два человека. А что?

— Просто спросил. Последний вопрос... муж Варвары сказал, что она будет наказана... что это означает?

— Вы опять за свое. Какое вам дело до этой женщины?

— Она мне нравится, — ровным голосом сказал Северцев.

— Не будьте смешным. Красивых и доступных женщин на Земле — легион! Что касается Варвары Сабировой — она будет использована для создания потомства как носитель особых генных структур, ответственных за гениальность. Ее дочь Лада — потенциальный гений, что подтверждается фактами и наблюдениями за девочкой.

Северцев потемнел.

— Вот почему вы устроили за ней охоту...

— Не только из-за этого, отнюдь, но было бы не по-хозяйски не использовать такое природное богатство.

— О да, использовать надо все, что плохо лежит, а еще лучше — все, что нельзя использовать. Кайфу больше.

Ахмад некоторое время взвешивал слова собеседника, пытаясь разобраться в его чувствах, сказал наконец:

— Мне не нравится ваше настроение, Олег Андреевич. Я начинаю сомневаться в ваших способностях адекватно оценивать свое положение. Возвращаемся. Я дам вам еще полдня на размышления, а уж потом не обессудьте.

Звезды над головой исчезли.

Темнота съела пейзаж Плутона, заполнила все пространство, наступила короткая невесомость, и Северцев вместе с гидом оказались в бетонном склепе с голыми стенами, представлявшем собой, очевидно, финиш-камеру базы СКонС где-то на Земле.

Коридор, дверь, склад.

— Снимайте скаф.

Северцев повиновался, стянул заледеневший снаружи и мокрый изнутри скафандр. Ему подали его одежду. Он быстро оделся, просчитывая варианты дальнейших событий. Более удобного случая бежать придумать было трудно. Двое служителей базы вряд ли были готовы к отражению атаки, да и экзарх не ждал от пленника каких-либо каверз, считая себя хозяином положения.

— Давайте руку, — приказал он, протягивая наручник конвосинхрона.

Пора! — решил Северцев, делая шаг навстречу...

ГЛАВА 3

Схватка продолжалась всего полтора десятка секунд.

Северцев предельно ускорился, переходя в состояние боевого транса, и время для него как бы остановилось.

Ахмад Сарбулаев, советник президента Казахстана и экзарх, действительно не ждал нападения, поэтому не успел отреагировать на удар. Точнее, отреагировал, но оригинальным способом.

Северцев протянул ему руку, словно подчиняясь обстоятельствам и не помышляя о сопротивлении... и продолжил движение, цепко хватая Ахмада за лацкан пиджака. Затем рванул его на себя и правой рукой нанес точный удар в подбородок. Ахмад отлетел назад с вытаращенными глазами... и исчез! Скорее всего, синхрон, «вшитый» в его тело, сработал автоматически, аварийно, унося хозяина за пределы опасного резонанса.

Кладовщик, выдававший скафандры, и охранник склада, наблюдавший от двери склада за гостями, замерли, тупо разглядывая то место, где только что стоял их босс, и Северцев, снова уходя в т е м п, рванул к ним так, что в ушах туго свистнул ветер.

Удар по локтю, удар в голову — лети, приятель!

Охранник потянул с плеча ремень автомата...

Не спеши, дружок, оружие надо всегда держать наготове, а то оно становится лишним...

Удар по стволу автомата, удар носком туфли в колено, удар в живот. Парень согнулся. Удар по шее сверху вниз ребром ладони...

Д в и ж е н и е закончилось.

Северцев прислушался к звукам низкого прохладного помещения — все было тихо — и расслабился. Теперь надо было вооружиться и добыть синхрон, пока экзарх не пришел в себя и не вызвал свой спецназ.

Так, где у них военные цацки? Кажется, здесь...

Олег обнаружил стеллажи с оружием, окинул их опытным взглядом. Здесь было все, начиная с ножей, стилетов, метательных игл, пистолетов, винтовок, автоматов и кончая переносными зенитно-ракетными комплексами «стингер» и «стрела». Этим количеством оружия можно было вооружить целую армию. Но Северцев не стал анализировать, зачем СКонС такие запасы оружия. Он потянулся было к пистолету-пулемету «бизон», однако заметил отдельно лежащий пистолет «макаров» и обрадовался ему как хорошему знакомому. Это был пистолет Анатолия Романовича Новикова. Тут же на полке лежал имплантор и десантный

нож, отобранные у Северцева при задержании. Не хватало только сюрикэнов и колючих шариков.

Северцев проверил наличие патронов в обойме «макарова», сунул пистолет и имплантор под ремень.

Порядок! Теперь — синхрон. Где они их хранят? Пожалуй, без хозяев не разберешься.

Он подошел к верзиле-кладовщику, начавшему подавать признаки жизни, помог ему прийти в себя. На пальцах парня не было ни колец, ни перстней, а в ушах не торчали клипсы рации, что означало отсутствие у криттера синхрона.

— Очухался, болезный? У меня к тебе только один вопрос: где вы храните синхроны?

— Чуго? — с трудом разжал челюсти кладовщик.

Северцев терпеливо повторил вопрос.

— Чуго такого синхрон? — осведомился верзила, морщась. — Я такова не видал.

— Синхрон похож на перстень с камнем, плюс сережка. У меня был точно такой же перстень. Я нашел только оружие. Где мой перстень?

— А-а... так оно, это, в сейфе... — В глазах кладовщика протаяло понимание ситуации, и он добавил: — Но у меня нет ключа.

— Щас будет, — пообещал Северцев, рывком расстегивая ширинку на штанах парня, достал нож. — Видишь, какой хороший ключ? Открывает любые замки. Мало того, он легко отрезает гениталии. Ну, как, подойдет такой ключ?

Кладовщик побледнел, лицо его заблестело от пота.

— Меня убьют...

— Раньше это сделаю я.

— Сейф вделан в стену...

— Пошли, откроешь.

Он спрятал в карман конвосинхрон — на всякий случай, помог парню подняться и повел под руку в глубь склада. По пути успокоил охранника, пытавшегося понять, что произошло.

Ключи от сейфа нашлись в столе, на котором стоял складской компьютер. Кладовщик открыл сейф, и Северцев сразу увидел на верхней полке перстень и клипсу синхрона в прозрачном пакетике. Это был его синхрон!

— Вот спасибо! — хмыкнул он, доставая перстень и цепляя на ухо клипсу рации; на лежащие в сейфе пачки стодолларовых купюр он даже не взглянул. — Мы вам весьма признательны, гос-

пода системники, за вашу хозяйскую обстоятельность. А теперь прощайте.

Кладовщик вдруг бросился бежать, нырнул за стеллаж и выскочил оттуда уже с автоматом в руках. Но Северцев не стал дожидаться стрельбы, включил синхрон и второпях бросил одно слово: назад! — не осознавая смысла сказанного. И лишь оказавшись в просторном кабинете министра безопасности Казахстана, сообразил, что синхрон в точности исполнил его приказание, перенеся владельца по месту его последнего выхода с «оси S» в реальность.

К счастью, кабинет оказался пустым, несмотря на разгар рабочего дня: часы на стене показывали почти полдень. Первым побуждением Северцева было сразу покинуть это место, чтобы не привлекать к себе внимания лишний раз. Потом пришла другая мысль: здесь никто не станет его искать, а уйти он отсюда всегда успеет. Поэтому Северцев успокоил дыхание, прошелся по кабинету, приводя мысли в порядок, и сел за обширный стол министра, на котором, кроме чернильного прибора в форме всадника на лошади, пепельницы, статуэтки президента Казахстана и бювара из кожи малинового цвета, ничего не было.

Кресло оказалось удобным, современным, подстраивающимся под фигуру «седока». Северцев посидел в нем с выражением величественной суровости на лице, подумал, что у него есть еще один хороший ход. Внезапный и малоожидаемый. Можно было попробовать проникнуть в кабинет экзарха, расположенный в недрах ЦУГА, и выяснить координаты местонахождения Варвары. Вряд ли Ахмад Сарбулаев, получивший нокаут от своего пленника, будет ждать его там.

На размышления ушла минута. Затем Северцев принял окончательное решение и начал соображать, каким образом можно узнать координаты кабинета экзарха. Внимание привлек компьютер, стоявший на отдельном стеклянном столике в углу кабинета. Интересно, что хранит его память? Нет ли там нужных файлов?

Северцев подсел к компьютеру, включил. Несколько минут понадобилось для изучения меню, еще минута — на подключение диска оперативной памяти, где хранилась всякая мультимедийная дребедень. Однако на поиски связей министра с администрацией президента и его советниками потребовалось больше времени, чем он рассчитывал. Олег увлекся и едва не поплатился за это, не отреагировав вовремя на сигнал тревоги, посланный интуицией.

Дверь в кабинет внезапно открылась, в проем просунулась голова смуглолицего молодого человека с усиками. В его широко раскрытых глазах протаяло неподдельное изумление.

— Вы кто?! — осведомился он.

— Программист, — естественным тоном отозвался Северцев, мельком глянув на секретаря министра. — С утра здесь сижу, фрекаю сабж с ориджина[1]. Подойдите, мне тут кое-что непонятно.

Спокойный тон и обыденность поведения подействовали.

Секретарь нерешительно вошел в кабинет, держа руку под бортом пиджака.

— Закройте дверь, — недовольным тоном сказал Северцев. — Меня никто не должен видеть, кроме министра.

Парень повиновался, но тут необычность ситуации дошла до него, и он вспомнил о своих обязанностях.

— Но Жанболат Бекетович ничего мне не...

Северцев достал имплантор, навел на секретаря.

— Вынь руку!

Парень замер, побледнел, вытащил руку из-под борта пиджака.

— Подойди ближе!

Секретарь повиновался.

Северцев обыскал его, достал из подмышечной кобуры пистолет, выщелкнул обойму, бросил оружие на диван.

— Не бойся, ничего я тебе не сделаю. Помоги разобраться с папками. Мне нужно открыть папку с информацией о приятеле твоего босса Ахмаде Сарбулаеве.

— Но я не...

Северцев одним рывком приподнял парня за отвороты рубашки вверх, так что у того выпучились глаза.

— Не заставляй меня делать тебе больно! Я знаю, что министр дружит с советником президента и даже играет с ним в нарды и кости. А вот и папка с аббревиатурой АС. Открывай!

Секретарь взмок, присел на уголок стула и дрожащими пальцами начал нажимать кнопки клавиатуры. Через несколько секунд экран компьютера с красивой заставкой и буквами АС в кружочке изменил картинку и выдал целый пакет разноцветных полос с текстом. Это были данные об Ахмаде, собранные сотрудниками министерства, целое досье с указаниями дат рождения, учебы, службы и работы, а также мало кому известных фактов из

[1] Фрекнуть сабж с ориджина — выкачивать какой-либо файл с чужого сервера.

жизни советника президента. Впрочем, это не удивило Северцева. Спецслужбы всех стран мира всегда собирали компромат на высших сановников, хотя и далеко не всегда пускали его в дело.

— Сядь! — Северцев заставил секретаря сесть на корточки у стены. — Теперь я сам.

Прошла минута, другая...

От мелькания разноцветных вставок зарябило в глазах. Текст был любопытен, в нем действительно содержались весьма характерные сведения о карьере Ахмада, но Северцев искал другие данные и наконец нашел: голубенький квадратик досье содержал т о ч н ы е координаты местонахождения Центра управления гражданской авиацией Казахстана, а также план расположения служб и отделов с пометками — кто отвечает за работу того или иного отдела. Был там отмечен и кабинет Сарбулаева все с той же аббревиатурой АС. Министр знал о наличии у своего приятеля-советника тайного рабочего помещения, хотя мог и не догадываться об истинном его назначении.

Северцев несколько мгновений рассматривал план ЦУГА, обнаружил несколько помещений в нижнем ярусе Центра, отмеченных только номерами, без указания функций, и выключил компьютер. Посмотрел на секретаря, кидавшего на него волчьи взоры.

— Вот и все. Спасибо за прием. До свидания. Будьте здоровы.

Заработал синхрон.

Северцев втолковал компьютеру аппарата, куда бы он хотел попасть, и темнота процесса синхронизации окутала его пульсирующей шубой, выдернула из потока сменяющих друг друга форм реальности. Вышел он из состояния драйва — «движения-недвижения» там, куда и рассчитывал попасть, то есть в кабинете советника президента Ахмада Сарбулаева.

Несколько мгновений ушло на оценку обстановки. Но кабинет был пуст, и Северцев расслабился. Он не хотел встречаться с экзархом, хотя и был готов к этому. Однако хозяина в кабинете не оказалось, что было только на руку гостю. Вероятно, получив мощный удар в челюсть, Ахмад потерял сознание, и сработавший автоматически синхрон унес его на какую-нибудь базу СКонС.

Не теряя времени, Северцев сел за компьютер Ахмада и начал поиски бункера, в котором системники держали пленниц. В принципе он мог бы просто посетить ряд помещений нижнего яруса ЦУГА, подходивших для содержания заключенных, и в каком-нибудь из них обнаружить Варвару с дочерью. Но этот вариант

включал в себя риск преждевременного обнаружения, что могло помешать Олегу спасти Сабировых. В связи с этим стоило потратить пару минут на изучение информации, хранящейся в компьютере экзарха. Там вполне можно было обнаружить сведения о местонахождении пленниц.

Однако идея Северцева не сработала. Комьютер не желал раскрывать системные файлы, требуя пароли и коды. Его владелец знал о риске свободного хранения секретной информации и ограничил доступ к ней системами защиты. Потратив на попытки вскрыть хотя бы какую-нибудь папку из юзер-меню советника, Олег в сердцах стукнул по клавиатуре кулаком:

— Чтоб ты сдох!

«Просьба не ломать ценную аппаратуру!» — отреагировал компьютер на это действие строкой на экране. Видимо, он имел встроенные датчики механических напряжений и не без юмора откликался на поведение пользователя. Впечатление складывалось такое, будто экзарх заранее предусмотрел появление в своих апартаментах компьютерных взломщиков.

— Ну и черт с тобой! — пробормотал Северцев, выключая упрямую машину. — Я и так управлюсь, без твоей помощи.

Бросив взгляд на часы, — с момента освобождения прошло уже сорок с лишним минут, надо было спешить, пока экзарх не привел в действие всю систему охраны и охоты за беглецом, — Северцев включил синхрон. Ничего не оставалось, кроме как идти самым длинным в создавшейся ситуации путем, то есть обследовать нижние помещения Центра одно за другим.

Синхрон понял владельца правильно.

Первое помещение, куда он перенес Олега спустя несколько секунд, оказалось просто подвалом, запасником, в котором хранились пришедшие в негодность пульты, аппаратные шкафы и приборы. Сделав два шага по неровному полу, Северцев налетел на гору металлических корпусов, ушиб колено и присел на корточки, тараща глаза в темноту.

Запахи пыли и ржавого железа подсказали, что люди здесь бывают редко и что никого в холодном и захламленном подвале нет. Что ж, поехали дальше. Если Варвара и Лада действительно находятся где-то неподалеку, как утверждал экзарх, Олег их найдет.

Второе помещение представляло собой котельную, к счастью — автоматическую. Если бы здесь находился кто-нибудь из обслуживающего персонала, он вполне мог поднять тревогу, и

тогда пришлось бы или прорываться к Варваре с боем, или бежать.

Стиснув зубы, Северцев снова привел в действие синхрон, научившийся понимать хозяина с полуслова, и оказался в тесной каморке с топчаном, умывальником и тусклой лампочкой в сетчатом колпаке под потолком. Это была почти такая же камера, в какой держали самого Северцева, и в ней находился пленник. Вернее, пленница. Варвара!

Женщина сидела на топчане, сжавшись в комочек, глядя перед собой остановившимися глазами. Лицо у нее было бледное, под глазами пролегли черные тени, на левой щеке красовался лиловый синяк, а над бровью начиналась и пересекала весь лоб рваная царапина, наспех обработанная йодом. Она увидела Северцева, но отреагировала на его появление не сразу. Лишь спустя долгие несколько секунд взгляд ее прояснился, она шевельнулась, выпрямляясь, и вдруг с тихим криком бросилась путешественнику на грудь:

— Олег!

Северцев обнял женщину, прижавшуюся к нему изо всех сил, проглотил ком в горле, погладил по вздрагивающей спине.

— Успокойся, милая, все хорошо. Где Лада?

Варвара судорожно покачала головой, продолжая цепляться за него, потом нашла в себе силы справиться с собой, ослабила объятия и отодвинулась. Проговорила глухо, не поднимая головы:

— Ее здесь нет.

— Как нет? — не поверил он. — А где она?!

— Я не знаю.

Северцев открыл рот, собираясь выразить свое недоверие и удивление, но вовремя остановился. Повернул Варвару к себе, приподнял ее голову, мягко проговорил:

— Может быть, она в соседней камере? Могу проверить.

Варвара покачала головой.

— Ее отправили на другую базу, к экзому велиарха.

— Но ведь она способна сбежать в любой момент...

Из глаз женщины выкатились слезинки.

— Они ее... оглушили...

— То есть как?!

— Все было рассчитано заранее... мы вышли... и попали в зону действия стационарной пси-системы...

— Что это еще за пси-система?

— Меня обманули... это программатор, нечто вроде мощного

имплантора... Лада потеряла сознание... — Варвара закрыла глаза, и слезы потекли по щекам, оставляя мокрые дорожки. — Я не успела ничего сделать...

Северцев снова прижал ее к себе, вытер ладонью слезы, поцеловал женщину в глаза, в щеки, взял за руку.

— Бежим отсюда! Мы найдем Ладу и освободим, обещаю!

Варвара всхлипнула, прерывисто вздохнула, с усилием заставила себя успокоиться.

— Не могу... они убьют ее, если я сбегу... это их условие... Лада жива, пока я здесь. Мне дали двадцать четыре часа на размышления, чтобы я согласилась работать на них, иначе...

Северцев крутанул желваки на щеках, беззвучно выругался.

— Не могу поверить! Ведь Лада может уйти на «ось S» в любой момент.

— Я тоже... могла. — Варвара болезненно улыбнулась. — Но они предусмотрели все заранее, и мы попались как цыплята. Ни я, ни она не ожидали разряда.

— Ты хотела встретиться с экзархом?

— С велиархом. Экзарх Среднеазиатского такантая обещал помочь, но...

— Обманул!

— Ему была нужна Лада, и он ее получил.

— Зачем ему нужна твоя дочь? Что вообще происходит? Почему системники столько внимания уделяют десятилетней девочке?

— Долго объяснять.

— Попробуй покороче. Я должен знать подоплеку всей этой истории.

— Лада принадлежит к поколению детей с космогенетической программой. Эта программа позволяет им пользоваться банком всей без исключения информации Вселенной.

— Ну и что? Просто гениальные дети...

— Не просто. Эти дети несут угрозу существованию СКонС, всей ее вертикали власти. Вот почему системники охотятся за ними, в том числе и за Ладой. Она может отменить существующий институт Власти, помешать велиарху управлять социумом Земли, то есть лишить его л и ч н о й власти. Я хотела предложить ему компромисс...

— Какой?

— Он отзывает своих следопытов и ликвидаторов, я гарантирую невмешательство Лады в его дела.

— Это возможно? — не поверил Северцев.

Варвара опустила голову, проговорила глухо, через силу:

— Наверное, я ошибалась...

Он снова обнял ее, погладил по волосам.

— Успокойся, душа моя, мы победим! Я сделаю все, чтобы спасти Ладушку. Обещаю!

— Ты ничего не сделаешь... они сильнее...

— Ну, мы это еще посмотрим. Если бы они были всемогущи, они нас уже поймали бы всех. Я ничего не знал о способностях нашей девочки. — Слово «нашей» вырвалось само собой, но Варвара то ли не обратила на это внимания, то ли не захотела возражать. — Вернее, замечал, что она не по годам умна, знает гораздо больше, чем ей положено по возрасту...

— Ей открыты глубины космоса и недра звезд, без каких-либо технических инструментов она может управлять клетками тела и мозга... у нее даже синхрон не вживлен в организм, как у большинства имплантов, а выращен как дополнительный орган.

Северцев кивнул, не выражая удивления.

Варвара подняла голову, бледно улыбнулась сквозь слезы.

— Что молчишь? Не можешь подобрать эпитет, каким меня можно наградить? Да, я искренне считала, что это все — для ее же блага. Потому и за Крушана согласилась выйти, без любви, так как по расчетам наша дочь должна была родиться ноосферидой... то есть существом нового поколения хомо сапиенс. Но я не знала тогда, что она нужна велиарху совсем для других дел.

Северцев молчал.

— Может быть, я плохая жена, я никогда не любила мужа, хотя он и не виноват в этом, но я не хочу, чтобы Лада стала винтиком власти, чьим-то инструментом для достижения личных целей. Понимаешь?

Северцев провел ладонью по мокрой щеке женщины.

— Бедная моя...

— Ты... меня... не осуждаешь?!

— Нет. Я тебя... — закончить Северцев не успел.

В двери камеры повернулся ключ, она распахнулась, и в камеру один за другим вошли Ахмад Сарбулаев и Крушан Сабиров, муж Варвары. Несколько мгновений длилась немая сцена. Потом Варвара еле слышно выдохнула:

— Беги!

— Какая приятная встреча, — осклабился экзарх, направляя

на Северцева имплантор; на подбородке его виднелась синеватая припухлость. — Вы нас не забываете, Олег Андреевич?

В следующее мгновение Олег сделал вид, что прыгает в ноги экзарху, ствол имплантора опустился — Ахмад не был мастером рукопашного боя и легко поддался финту, и Северцев провел короткую комбинацию «подаяние через порог».

Экзарх не успел нажать на курок «просветлителя». Удар по руке снизу вверх выбил у него оружие. Затем последовал захват кисти и рывок вперед. Он невольно сделал длинный шаг и получил точный удар торцом ладони в подбородок. Ахмад отлетел назад, не успев сообразить, что происходит, и... исчез! Синхрон снова унес своего нокаутированного хозяина в неведомые тупики «оси S».

Северцев повернулся к Крушану и облился холодным потом.

Ствол второго имплантора смотрел ему прямо в лицо.

Понимая, что не успевает, он с натугой с д в и н у л собственное локальное время, убыстряя процессы обмена в организме до предела. Но и в этом состоянии он бы не успел атаковать мужа Варвары, если бы не вмешалась она сама.

— Крушан! — воскликнула она с гневом и презрением.

Сабиров перевел взгляд на нее, и этого ничтожного мгновения хватило Северцеву на «бросок змеи».

Удар не выбил оружие из руки Крушана, но позволил Северцеву уйти с линии огня и «обработать» противника по полной программе. Крушан неплохо знал приемы самозащиты и, судя по характерной особенности их проведения, исповедовал южноазиатские стили, такие, как тайский бокс и корейский субак, однако ему было далеко до кондиций Северцева, двигавшегося в два-три раза быстрее. Поэтому выстоять против путешественника он смог всего две секунды.

Последний удар Северцева — локтем в шею с разворотом туловища — отшвырнул бывшего главу президентской администрации на топчан. Врезавшись головой в стену, Сабиров потерял сознание, безвольно сполз с топчана на пол. В отличие от экзарха, он не имел «аварийного контура» синхрона, срабатывающего автоматически.

Северцев нагнулся к нему, снял клипсу рации и перстень синхрона, протянул Варваре.

— Советую пойти со мной. Если Лада нужна велиарху, он не посмеет ее убить.

Варвара перевела взгляд с лица Олега на мужа и обратно, отступила на шаг, спрятав руки за спину.

— Не могу... ты не знаешь велиарха... он способен на все.

— Ты делаешь ошибку.

— Возможно. И все же я не могу... если бы не Лада... уходи один!

— Ты извини, но ты уже уходишь, — пробормотал Северцев, ощущая злость, сожаление и бессилие что-либо изменить.

— Что? — удивилась Варвара.

— Это я про себя... Значит, Лада у велиарха? У кого из экзомов конкретно?

— Я не знаю, но подозреваю...

В камеру внезапно ворвались два здоровяка в камуфляже, вооруженные автоматами. Северцеву пришлось ускоряться, закручивать спирально-объемные комбинации вибрационного перехвата противника в тесном помещении и бить парней в полную силу. Воспользоваться оружием они не смогли.

Движение в камере остановилось, как стоп-кадр.

Варвара со страхом и восхищением оглядела поверженных противников Северцева, перевела взгляд на него.

— Ты... можешь... такое...

— Меня учили, — перевел он дыхание. — Ты не переменишь своего решения?

— Нет. Уходи. Не жди, пока сюда прибегут все стражники.

— Я вернусь! — Северцев включил синхрон и упал в живую темноту хронодрайва.

ГЛАВА 4

Он не сразу понял, куда попал. Оказалось — снова в кабинет Ахмада, находившийся здесь же — в ЦУГА, только двумя этажами выше. Очевидно, он и в этот раз не дал точного адреса резонанса, бросив одно короткое: назад! Но синхрон понял его буквально и перенес владельца туда, где тот был до своего последнего прыжка на «ось S» и обратно.

Кабинет экзарха все еще пустовал. Его хозяин, получив очередной «незапланированный» потрясший его удар, находился в данный момент, скорее всего, в другой своей резиденции, имеющей необходимые средства защиты и восстановления.

Северцев усмехнулся, представив чувства Ахмада после их второй встречи, закончившейся потасовкой. Теперь у него на-

верняка появился личный враг, не считая системников, нацеленных на его ликвидацию. Что ж, господа киллеры и контролеры, попробуйте меня достать, а уж я постараюсь и впредь не разочаровывать вас.

Прикинув свои небольшие шансы с ходу решить проблему поисков Лады и ее освобождения, он скомандовал синхрону перенести его в реальную Москву. В Астане ему делать пока было нечего.

Столица приняла путешественника хмурым ранним утром восемнадцатого августа. Погода испортилась, небо над Воробьевыми горами было затянуто тучами, накрапывал легкий дождик, что в общем-то было на руку Северцеву, не желавшему встретить в данный момент ни системников, ни просто случайных свидетелей своего появления. Он бросил взгляд на часы: половина шестого. Вокруг — ни души. Это радует. Куда направимся?

Домой, подсказал внутренний голос. Тебя сейчас никто здесь не ждет. Все знают, что ты человек опытный и не сунешься в те места, где тебя может встретить засада. А поскольку системники не станут ждать так долго, то можно смело возвращаться домой. Их там нет.

Их там, возможно, и нет, возразил Северцев сам себе, но они вполне способны заминировать квартиру, а мина может ждать жертву много лет.

Проезжавший мимо желтый «Москвич» со светящимся на крыше плафоном с шашечками остановился, опустилось стекло.

— Подвезти?

— Спасибо, не надо, — вежливо отказался Северцев.

Таксист уехал.

Северцев проводил машину внимательным взглядом. С виду это было обычное такси, но системники должны были знать о расположении масс-центра Москвы на Воробьевых горах и могли наблюдать за этим районом. Пора было переходить на точную адресную синхронизацию, с использованием не только «оси S», но и «оси E». Драйв-выходы в центры масс-городов и других объектов увеличивали риск обнаружения путешествующего системой наблюдения СКонС.

Мимо медленно проехал синий «Фольксваген» с темными стеклами, остановился неподалеку.

Северцев встрепенулся, настроился на «полет беркута» и побрел прочь, ссутулившись, как старик-бомж. Не брился он уже третьи сутки и выглядел, наверное, соответственно.

«Фольксваген» сдал назад, из него выбрался человек в плаще, поднял зонт над головой.

Северцев, приготовившийся к адекватной реакции на любое действие незнакомца, сжал рукоять пистолета... и вздрогнул, услышав знакомый глуховатый голос:

— Садись быстрей!

Это был мастер Николай.

Северцев молча нырнул на заднее сиденье машины, Николай сел рядом, и «Фольксваген» тут же помчался вперед.

— Приветствую, Олег Андреевич, — сказал водитель; это был Анатолий Романович Новиков.

— Здрасьте, — ответил ошеломленный Северцев. — Приятно встретить друзей в столь ранний час. Только не говорите, что вы случайно проезжали мимо.

— Желтый «Москвич», — сказал Николай.

— Вижу, — отозвался подполковник.

— И серая «двенадцатая» на той стороне. Разворачивается.

— Вижу.

«Фольксваген» резко увеличил скорость, сворачивая с улицы Косыгина на Воробьевское шоссе.

Николай повернул голову к Северцеву.

— Мы здесь не случайно.

— Я это понял.

— Ты неправильно понял. Мы тут понаблюдали несколько дней за нашим общим знакомым...

— За Виктором?

— Так точно. Выявили кое-какие любопытные закономерности в его поведении, были свидетелями нескольких его встреч. А сегодня он рано утром вдруг помчался с двумя мальчиками на Воробьевы горы.

Северцев оглянулся.

Желтый «Москвич»-такси отстал, не имея возможности соревноваться в скорости с «Фольксвагеном».

— Это он?

— Нет, в такси, скорее всего, сидит наблюдатель, в серой «двенадцатой» тоже. Виктор приехал на «шестой» «Ауди».

— Я никого не заметил.

Николай и Анатолий Романович переглянулись.

— Нам удалось отвлечь его. Он сейчас объясняется с патрулем центрального ОМОНа.

— Не понял.

— Анатолий позвонил коллегам, дал ориентировку на «Ауди»...

— Теперь понял, хорошее решение. Хотя странно...

— Что?

— Виктор не мог знать, что я появлюсь в Москве, да еще сегодня утром.

— Может быть, это совпадение? И он ждал кого-то другого?

— Кого? Их система компьютерной связи достаточно оперативна, чтобы не допускать форс-мажорных действий. Что-то случилось, из-за чего ему и пришлось мчаться на Воробьевы горы. Может быть, Варе удалось бежать?

— Это ты о чем?

Северцев помолчал, снова переживая неуютное чувство контроля за ним, за его действиями, поступками и даже мыслями.

Из-под Бородинского моста наперерез «Фольксвагену» метнулся инспектор ДПС с поднятым жезлом. Но Анатолий Романович не остановился, продолжая гнать машину по набережной со скоростью сто пятьдесят километров в час, обходя идущие параллельно автомобили и выскакивая изредка на встречную полосу.

— Куда едем? — спросил Северцев.

— Ко мне на работу, — отозвался Анатолий Романович. — Держитесь!

Он вдруг рванул машину налево, через трамвайные пути, прямо под носом истошно зазвеневшего трамвая, выскочил под «кирпич» и свернул в арку старинного особняка с башенками наверху. «Фольксваген» остановился.

— Выходим, — сказал подполковник будничным тоном.

Они вылезли из машины, пересели в белую «Волгу» со скучающим за рулем водителем. Северцев узнал парня, с которым по Москве ездил учитель.

— В контору, Дима, — спокойно сказал Анатолий Романович.

«Волга» выехала со двора и направилась к центру города.

— Рассказывай, — сказал Николай.

Северцев отозвался не сразу, пытаясь поймать какую-то ускользавшую мысль, с сожалением вздохнул, так и не поймав. Мысль была важной и своевременной, вот только бродила она слишком глубоко в подсознании, скрытая темным флером эмоций.

— Варвара с дочерью захвачена системниками, — начал он. — Я попытался освободить их...

— Не удалось?

— Меня взяли тепленького, как котенка. Через друга...

— Того, с которым ты встретился в Астане?

— Да, через Талгата. Они вычислили и запрограммировали его, превратили в криттера... — Северцев поведал слушателям историю своего знакомства с экзархом Среднеазиатского такантая Ахмадом Сарбулаевым.

С минуту в кабине «Волги» было тихо. Потом Николай похлопал Северцева по колену, откинулся на сиденье.

— Похоже, удача от вас не отвернулась, Олег Андреевич, — сказал подполковник с едва заметной усмешкой. — Это обнадеживает. Останови, Дима. Никого не заметил?

— Все чисто, товарищ полковник.

«Волга» остановилась у неприметного здания с металлической вывеской: «МВД России. Отделение внутренних дел «Кутузово».

Пассажиры вышли, поднялись по истертым ступенькам главного входа в здание, Анатолий Романович кивнул на спутников: «Это ко мне», — и охранник в форме пропустил делегацию.

Поднялись на второй этаж, Новиков открыл дверь под номером 21, сказал вскочившему из-за компьютера парню в гражданском костюме:

— Найди мне Петельникова, Саша.

— Слушаюсь, Анатолий Романович.

Кабинет подполковника оказался маленьким, тесным и почти пустым. В нем умещались стол, три стула, стеклянный шкаф и сейф.

— Кофе будете? — спросил Новиков. — Присаживайтесь пока.

— Лучше чай, — сказал Северцев, — если можно.

— Зеленый, — добавил Николай.

Анатолий Романович вышел.

Гости сели напротив друг друга.

— Что ты собираешься делать?

— Если бы я знал, — пробормотал Северцев, но под взглядом учителя подтянулся, расправил плечи. — Варя сказала, что Лада у велиарха, то есть у одного из экзомов. Но у кого именно, я не знаю.

— Экзом — это...

— Особь коллективного организма, одна из копий пси-матрицы под названием велиарх. Всего экзомов двенадцать, и Лада находится у одного из них. В первую очередь мне надо выяснить — у кого именно.

— Кто это может знать?

— Крушан Сабиров, муж Вари... еще, пожалуй, Виктор. И Талгат. В общем, надо искать.

— А если захватить экзарха?

— Он нам не по зубам. Я дважды контактировал с ним... физически. — Олег ухмыльнулся. — Вряд ли он забудет эти контакты... Но у деятелей СКонС такого уровня синхроны вшиты в тело и срабатывают автоматически. Его надо брать после мощного пси-удара, чтобы он не успел ничего сообразить.

— У тебя же есть имплантор.

— Я не уверен, способен ли он задавить сознание экзарха. Нужна консультация с Варварой.

— Ты думаешь, она знает?

— Она была тетрархом, а это — третий уровень управления СКонС.

— Как же ей удалось освободиться от программы?

— Она не была запрограммирована. Агенты влияния, начиная с триархов и выше, работают на СКонС добровольно.

Вошел Анатолий Романович, принес чайник и чашки.

— Наливайте. К сожалению, у меня к чаю только печенье.

— Ничего, обойдемся. — Николай посмотрел на Северцева. — И ты после этого ей... веришь?

— Верю, — кивнул Олег, пряча сомнения в глубине души. — Варвара женщина непростая, и судьба уже наказала ее. Я хочу помочь ей окончательно порвать с с и с т е м о й. Вы говорили, что следили за Виктором. С кем он встречался?

— Он встречался по крайней мере с двумя десятками людей, причем в большинстве случаев не со своими коллегами по профессии. Но чаще всего Красницкий виделся с председателем Счетной палаты.

Северцев озадаченно посмотрел на Анатолия Романовича.

— Какое отношение Виктор имеет к Счетной палате?

— Этот вопрос не ко мне.

Олег вдруг поймал ускользнувшую было мысль.

— Черт возьми!

— Кого?

— Их всех! Я думаю, председатель Счетной палаты и является экзомом велиарха в России! В крайнем случае — экзархом.

— Почему ты так решил?

— Потому что начальник Счетной палаты тоже является очень информированным лицом. Не меньше, чем руководители спецслужб. Надо срочно искать подходы к нему.

Анатолий Романович и Николай привычно переглянулись и посмотрели на гостя с одинаковым выражением глаз, как на излишне активного и нетерпеливого мальчишку.

— Начальник Счетной палаты охраняется, как золотой запас Центробанка, — сказал Новиков снисходительным тоном. — Во всяком случае, не хуже, чем президент. Я не представляю, как к нему подступиться. У меня лично таких каналов нет. Может быть, у тебя есть? — Он глянул на мастера.

— Надо подумать, — сказал Николай. — Не хотелось бы ошибаться. Прежде все-таки нужно точно определить, велиарх это или не велиарх, чтобы не наломать дров.

— Как это сделать? Не станем же мы звонить Крушельницкому и спрашивать напрямую — кто он?

— Кто такой Крушельницкий? — поинтересовался Северцев.

— Людвиг Остапович, председатель российской Счетной палаты.

— А что, это идея, — усмехнулся Николай. — Взять и прямо спросить: Людвиг Остапович, вы экзарх или велиарх? Давайте пообщаемся, обсудим некоторые проблемы.

— Нас тут же и повяжут.

— А надо сделать так, чтобы не повязали.

— Ты серьезно?

— Надо же помочь парню вызволить любимую. Если не мы, то кто ему поможет?

Анатолий Романович дернул себя за ухо, покачал головой.

— Мы здесь все психи! Особенно я! Подполковник милиции, жизнь, считай, прожил, три десятка подонков задержал, еле живым из передряг выходил — и гоняюсь тут с вами за призраками, криттерами и всякими зомбированными типами! — Новиков фыркнул.

Северцев и Николай посмотрели друг на друга, рассмеялись.

Олег развел руками.

— К сожалению, все эти зомбированные типы существуют реально. Если удастся настроить конвосинхрон, я покажу вам «ось S», «хронохвосты», черный и белый трафики и все прочее.

— Что такое конвосинхрон?

Северцев достал из внутреннего кармана жилета черные наручники с мигающими зелеными индикаторами на выступах колец и дугу с наушниками.

— Экзарх Среднеазиатского такантая водил меня с его помощью на экскурсию, показывал планеты Солнечной системы и

базы СКонС на них. Он думал, что я проникнусь важностью решаемых ими проблем и уже никуда не денусь, буду сотрудничать с ними.

— А ты?

— Я его жестоко разочаровал. Дал по морде, чего он, естественно, не ожидал, отобрал синхрон и удрал. Так что у нас есть запасной драйв-синхронизатор, который может пригодиться в любой момент. Давайте сделаем так. Вы здесь ищете способы связи с Крушельницким, добиваетесь аудиенции, а я попробую еще раз поговорить с Варварой и с Виктором. Кто-то из них, возможно, подскажет, что делать. Наблюдение с Виктора вы еще не сняли?

Анатолий Романович вместо ответа снял трубку телефона.

— Сергеев? Есть что-нибудь? — Он выслушал ответ, положил трубку. — Виктор сейчас принимает гостью. Точнее, к нему домой еще вчера прибыла какая-то девица и до сих пор находится с ним.

Северцев улыбнулся.

— У нашего каскадера много подруг, удивляться нечему. Но его мы навестим позже. Ждите, я скоро вернусь.

Он встал из-за стола, вышел на середину кабинета.

В ухе проклюнулся тонкий голосок синхрона:

— Готов к драйву.

— Запомни координаты этого места.

— Что? — не понял Анатолий Романович.

— Это он не тебе, — покосился на него Николай.

— Фиксатор установлен, — доложил компьютер аппарата. — Назовите код выхода.

— Пусть будет — Новиков.

— Код принят.

— Отправь меня в Астану по месту последнего драйва, без перехода на S-трафик.

— Это невозможно.

— Хорошо, давай с переходом.

— Включаю процесс.

Свет в глазах Олега померк...

Новиков и Николай молча смотрели на то место, где только что стоял Северцев. Потом подполковник снял трубку телефона, набрал номер и проговорил:

— Майора Куровича... Леня, найди мне личное дело Крушельницкого... да, начальника Счетной... если потребуется, зайди на сайт чекистов... хорошо.

Анатолий Романович бросил трубку на аппарат, посмотрел на часы, на Николая.

— И как долго нам ждать?

— Думаю, это не имеет значения. Подождем.

— Он не слишком самонадеян?

— В самый раз, — улыбнулся мастер.

* * *

Северцев вышел из резонанса точно в центре камеры, в которой недавно находилась Варвара.

Но тесное помещеньице с топчаном и умывальником оказалось пустым. Охранники, с которыми дрался Олег, уже успели прийти в себя и удалились, захватив с собой, очевидно, и пленницу. Где она в данный момент, можно было только гадать.

Северцев прошелся по камере, прислушиваясь к своим ощущениям. Однако интуиция молчала, а экстрасенсорика ничего не могла уловить в общем электромагнитном поле здания, ни одного «мыслезвука» или «мыслеэха».

«Надо было не слушать ее, — проворчал внутренний голос, — а забирать с собой».

«Силой, что ли? — скептически осведомился он у самого себя. — Она не могла, надеясь уговорить велиарха отпустить Ладу».

«Она ошибалась, и ты это знал. Если Лада действительно нужна велиарху, никакие мольбы ее матери не сработают. К тому же он и не стал бы убивать девочку, раз она так ценна для него. Так что Варваре свободно можно было бежать».

«Логично», — согласился Северцев.

«Да уж, — хмыкнуло второе «Я». — Мы редко ошибаемся».

«Чего ж молчал, когда мы уговаривали Варвару? Почему не ввернул свои железные логические доводы?»

«Хорошая мысля приходит опосля».

«Вот тогда молчи и не мешай думать».

Северцев прислушался к долетавшим в камеру из-за двери звукам. Можно было попытаться открыть дверь и поискать Варю в соседних камерах. Но останавливало одно соображение, даже не риск обнаружения: сердце и душа не слышали дыхания Варвары, не чувствовали ее близости. Она была далеко отсюда. Но возвращаться с пустыми руками не хотелось.

Северцев еще раз прикинул план действий и включил синхрон.

Вышел он в кабинете Ахмада Сарбулаева.

Кабинет был пуст, хозяин в нем так и не появился, но входная дверь была приоткрыта, и в проем просачивались голоса разговаривающих людей. Северцев скользнул к двери, прислушиваясь, узнал голос экзарха и характерные горловые интонации Крушана Сабирова. Третий участник беседы изредка подавал короткие реплики, однако голос его Олегу был незнаком.

— Если он появится в Астане, мы его перехватим, — сказал Сабиров. — Но судя по донесениям триарха, он сейчас в Москве.

— Москва — не ваша забота, — резко сказал Ахмад. — Евро-Азиатским такантаем есть кому заниматься. Отвечайте за свои ареалы. Он скоро должен появиться здесь.

— Все под контролем, экселенц, — сказал третий участник беседы. — Стационары готовы принять любых гостей.

— Надо еще заставить его пойти в нужном направлении.

— Мы работаем, — буркнул Крушан.

— Не забудьте, он нужен мне живым.

— Мне кажется, — мрачно произнес третий участник разговора, — что наши коллеги в Москве не слишком напрягаются. Почему они не перекрыли все каналы его драйва? У него там есть помощники. Почему не выяснили, кто они и сколько их?

Северцев понял, что речь идет о нем.

— Занимайтесь своим делом, — отрезал Ахмад. — Все необходимое для его перехвата делается. Не упустите, когда он появится у нас, и охраняйте Сабирову как зеницу ока.

— Мне нужен «просветлитель», — сказал Крушан.

— Зайди ко мне, возьми в столе, я скоро приду. Пошли, покажешь карту.

Голоса Ахмада и третьего собеседника отдалились. Послышались шаги, дверь открылась шире, и в кабинет вошел муж Варвары. Увидел Северцева, наведенный на него пистолет, замер.

Олег тихо прикрыл дверь и прижал палец к губам.

— Не шуми и не делай лишних движений, я выстрелю раньше. Ответь на несколько вопросов, и мы разойдемся мирно. Где Лада?

— Не знаю, — бесстрастно сказал Сабиров.

Глаза Северцева сузились. Крушан встретил его красноречивый взгляд, слегка изменился в лице.

— Знаю только, что она у велиарха.

— У какого именно? Экзомов велиарха — двенадцать штук.

Кому из них понадобилась маленькая девочка? Твоя дочь, между прочим.

В глазах Сабирова мелькнула смутная тень.

— Не тратьте время понапрасну. Если бы я знал, все равно бы не сказал. Стреляйте или уходите. От меня вы ничего не добьетесь.

Северцев покачал головой.

— Как говорил один монах, Тихон Задонский: «Согрешить — дело человеческое, но упорствовать во грехе — дело дьявольское». Мне жаль тебя, Крушан Сабиров. Мне жаль, что тебя сломали и ты готов не только пятки лизать своим хозяевам, но и пожертвовать самым дорогим, что у тебя есть, — женой и дочерью. Хорошо, я сам разберусь, у кого находится Лада, и воздам ему по заслугам. Ответь хотя бы на более простой вопрос: где Варвара?

Крушан шевельнул рукой, и Северцев выстрелил.

Пуля пролетела в сантиметре от уха Сабирова, влипла в портрет президента Казахстана на стене. Короткий грохот выстрела сотряс какие-то стекляшки в шкафу, погас в стенах.

Крушан снова застыл. По щекам его разлилась бледность.

— Я... не могу... все равно вы не... спасете ее...

— Это мне решать. Говори!

— Она на базе...

Дверь в кабинет стремительно распахнулась, на пороге появился Ахмад и с ходу выстрелил в Сабирова из пистолета с глушителем. Во лбу мужа Варвары появилась кровавая дырочка. Он отшатнулся, широко раскрывая глаза, и мягко свалился на ковер.

Ствол пистолета повернулся к Северцеву. Проявлять мастерство рукопашного боя не имело смысла, и Олег выстрелил. Пуля попала экзарху в руку с пистолетом, раздробила пальцы. Он с воплем выронил оружие, но тут же левой рукой выхватил имплантор. Северцев выстрелил еще раз. Ахмад выронил имплантор, схватился за плечо. Но в это время в проеме двери за его спиной появились вооруженные люди, и Северцев понял, что пора уходить. Назвал код резонанса. Синхрон запустил процесс. Путешественника окутала тьма хронодрайва.

Вышел он, как и рассчитывал, в камере Варвары. Враги вряд ли могли догадаться, что беглец все еще находится на базе ЦУГА, а ему надо было проанализировать слова Крушана (жаль мужика, погиб ни за понюх табаку) и выбрать единственно правильный путь. Варвару надо было освобождать во что бы то ни стало, так как даже ее согласие снова начать сотрудничество со СКонС не гарантировало освобождение Лады.

Несколько минут Олег наслаждался тишиной и покоем, приводя в порядок расстроенные чувства и собирая разбежавшиеся мысли. Крушан успел сказать лишь два слова: Варвара на базе... Это могло означать что угодно, даже то, что она до сих пор находится в Центре управления гражданской авиацией, также используемом СКонС в качестве базы. Однако если бы жена Сабирова оставалась здесь, он скорее всего так бы и сказал: она здесь... Крушан же предпочел другие слова, да и интонация при этом у него была о т с т р а н е н н а я, как бы указывающая на некоторое расстояние, отделявшее кабинет экзарха от места расположения базы. Где же эта хренова база, черт ее побери?! У СКонС сотни баз на всех планетах Солнечной системы, причем как в реальном времени — в точке пересечения «осей S и E», так и в «хронохвостах» городов, сооружений и целых планет. Варвару вполне могли отправить на одну из них, подальше от Астаны.

«Ерунда! — безапелляционно заявил внутренний голос. — Она была в плену у Ахмада, экзарха Среднеазиатского такантая, то есть у конкретного лица. А поскольку это конкретное лицо имеет свои базы, подконтрольные только ему, Варвару надо искать именно на базах Ахмада. Сколько их у него?»

«По крайней мере, две — в ЦУГА и там, где мы экипировались для экскурсии по Солнечной системе».

«Вот и начни с нее».

«У Ахмада могут быть не две базы, а гораздо больше».

«Вряд ли, он все же имеет пределы власти и оперирования материальными ресурсами. А даже если и так, то начинать-то все равно надо с чего-то. Поехали на ту базу. Там определимся».

Северцев полежал на топчане, еще хранившем, казалось, тепло тела Варвары, признал свои размышления имеющими определенный резон, встал. Ну, что ж, господа системники, начнем следующий раунд наших азартных игр? Мирные переговоры вами не предусмотрены, так не обессудьте, если получите адекватный ответ. Как аукнется, так и откликнется...

Синхрон не подвел, перенеся хозяина точно в центр тесного помещения с бетонными стенами — финиш-камеры с выходом на базу Ахмада. Дверь открылась автоматически. Знакомый короткий коридор, ряд белых дверей и одна в тупике, с круглым оконцем, выходящая в помещение склада. Все снабжены глазками и закрыты. Интересно, откроются они, если постучать?

«Вряд ли, — засомневалось второе «Я» Северцева. — А если и откроются, то лишь затем, чтобы выпустить охранников».

«Тогда надо придумать какой-нибудь оригинальный трюк».

«Какой?»

«Начать стрельбу, к примеру. Или постучать в дверь и упасть на пол, якобы в отключке. Вдруг поверят?»

«Ты псих!»

«Мне это уже говорили. Почему бы действительно не пойти этим путем? Время-то не ждет...»

Северцев дважды стукнул рукоятью пистолета в ближайшую дверь и упал на бетонный пол, имитируя потерю сознания.

С минуту было тихо. Потом в двери щелкнул магнитный замок, она приотворилась. Кто-то глянул на лежащего, раскинув руки и закатив глаза, Северцева. Видеть этого человека он не мог, но чувствовал его удивление, растерянность и недоумение.

— Эй, ты что здесь делаешь? — спросили его по-русски, толкнув носком ботинка в колено.

Северцев не отреагировал, пребывая в «глубоком обмороке».

— Кто это? — раздался второй голос, погрубее, с характерным восточным акцентом. — Как он сюда попал?

— Аллах его знает! Сюда можно попасть только через портал.

— Ну так проверь у него документы.

Грубые руки полезли под жилет Северцева. Пора было заканчивать спектакль и начинать д в и ж е н и е.

Люди в форме не успели отреагировать на атаку «мертвеца», хотя обязаны были это сделать. Как известно, любая форма обязывает владельца поступать в соответствии с правилами, специально разработанными для носителей формы, а тем более, если это форма охранника. Но Северцев часто сталкивался с людьми в форме, забывавшими о специфике своей службы, не ошибся он и сейчас.

Склонившийся над ним худосочного вида парень вдруг ударился лицом о колено Северцева и ушел в нирвану. Его толстомордый напарник выпучил глаза от неожиданности, открыл рот, сделал шаг вперед — целых три лишних движения! — потом опомнился, вспоминая об оружии, но было уже поздно. Олег вскочил и вырубил охранника двумя ударами в шею.

Движение остановилось. Стало тихо. Из-за открытой двери донеслись чьи-то негромкие голоса, гудение, щелчки и электрические звоночки. Однако схватка гостя с охраной помещения осталась незамеченной, у Северцева еще была возможность продолжить путь к цели.

Он снял с плеча охранника автомат и скользнул за дверь,

включая состояние «полета беркута». В этом состоянии он был не то чтобы неуязвим, однако мог реагировать на любое изменение обстановки в течение сотых долей секунды и ответить так же быстро, что намного увеличивало шансы выживания в экстремальной ситуации.

Помещение за дверью оказалось бункером дежурного охранения с мониторами, на экраны которых выводились сигналы телекамер, установленных во всех помещениях базы и на стенах здания. Теперь Северцев смог наконец узнать, где располагается эта база, хотя пейзаж вокруг здания был ему незнаком. Оказалось, СКонС использовал для своих целей действующую военную базу Министерства обороны Казахстана, которая дислоцировалась недалеко от Алма-Аты.

Впрочем, это обстоятельство в данный момент Северцева не волновало. Вырубив еще двух присутствующих в дежурке мужчин в камуфляже, он сразу подсел к монитору, сообразив, какое преимущество получил, и начал одно за другим просматривать помещения базы, включая телекамеры. Через несколько секунд он увидел на экране Варвару.

Женщина сидела на диване в комнате, напоминавшей номер гостиницы, и, обхватив руками колени, безучастно смотрела перед собой.

— Варенька!.. — прошептал Северцев, чувствуя, как сердце птицей рванулось в груди.

Варвара вздрогнула, шире открывая глаза, прислушалась к чему-то.

— Варя! — позвал он громче.

Женщина снова вздрогнула, оглянулась, встала с дивана, склонив голову к плечу. Она его у с л ы ш а л а! Хотя их разделяла не одна стена плюс изрядное расстояние.

— Держись, милая! — выдохнул он, направляясь к двери. — Я уже близко.

Но ему пришлось сначала привести в чувство старшего смены, чтобы взять у него ключи от камеры, в которой содержалась Варвара. Вторично погрузив его в глубокий сон, Северцев выбрался из дежурки и отправился освобождать пленницу.

Весь путь до цели занял шесть минут.

Камера с Варварой располагалась этажом ниже, а коридоры имели перегородки с запертыми дверями. Олегу понадобилось все его умение и скоростное маневрирование, чтобы обезвредить пост охраны на входе в нижнюю систему коридоров, а также от-

ключить встретившихся на пути военных в форме, вооруженных до зубов. Помогло то обстоятельство, что ни охранники, ни сотрудники базы не ожидали встретить диверсанта, проникшего на территорию круто охраняемого объекта посредством «виртуального просачивания». Что все эти люди, придя в себя, поднимут тревогу, Северцева не беспокоило. Он не собирался возвращаться назад тем же путем.

Вот, наконец, и металлическая, покрашенная в буро-зеленый цвет дверь камеры. Ключ в замке повернулся почти без скрипа. Дверь медленно открылась.

Северцев сделал шаг вперед и остановился, сглатывая ком в горле. Варвара стояла перед ним, прижав кулачки к груди, и смотрела на него огромными черными глазами, полными сомнений и надежд.

— Ты!..

— Я, — криво улыбнулся он. — Не ждала?

— Ждала...

— Вот я и пришел. Уходим!

— Я не...

— Твое согласие работать на СКонС ничего не изменит. Велиарх не отдаст Ладу. Ее надо спасать. Мы сделаем это вместе.

— Ты... уверен?

— Да!

Варвара шагнула к нему, закрыв глаза, пошатнулась. Он прижал ее к себе, чувствуя боль и радость одновременно.

— Все будет хорошо.

В коридоре послышался шум, топот множества бегущих ног, позвякивание, голоса людей.

— Надевай! — заторопился Северцев, доставая наручники конвосинхрона.

— Откуда это у тебя?

— Экзарх подарил. Надевай быстрей!

— Мне конвосинхрон не нужен. Скажи только, куда мы направляемся.

— В Москву.

— Встретимся у твоего знакомого? — Варвара преодолела волну слабости, зараженная его уверенностью и оптимизмом.

— Да.

— Поехали!

Когда в камеру ворвались озлобленные охранники базы, в ней уже никого не было. Пленница и возмутитель спокойствия, добравшийся до камеры, исчезли.

ГЛАВА 5

Вечером того же дня они сидели вчетвером в гостиной Анатолия Романовича и обсуждали план действий. Точнее, сначала Варвара поведала историю своей вербовки экзархом СКонС, — случилось это одиннадцать лет назад, когда она была молода, амбициозна и не думала о последствиях своих решений, — затем рассказала много интересных подробностей о структуре и связях СКонС, а уж после этого мужчины приступили к разработке плана освобождения Лады.

Сообщение Северцева о смерти мужа Варвара восприняла почти спокойно, хотя и всплакнула.

— Он любил меня... по-своему... но редко соглашался с моими решениями. Поэтому довольно часто ошибался.

— Мне жаль его, — кивнул Олег, действительно ощущая сожаление и одновременно неловкость. Гибель Сабирова, с одной стороны, развязывала ему руки, давая возможность ухаживать за Варварой с легкой душой, с другой стороны, это накладывало дополнительные обязанности и ограничения.

— И все-таки я не понимаю заинтересованности велиарха в вашей дочери, — перевел разговор на другую тему Анатолий Романович.

Варвара, свежая и расслабленная после душа, неуверенно посмотрела на Северцева. Тот понял ее чувства, развел руками.

— Это мои друзья, и они знают многое. Иначе я не смог бы объяснить им, что происходит. Что касается Ладушки, то это вопрос особый. Насколько я понял, она способна каким-то образом изменить Программу, тем самым поколебав устои СКонС. Естественно, велиарх этого допустить не может. Девочку надо спасать.

— Никто в этом не сомневается, — проворчал Николай. — Вопрос в том, как это сделать. У нас до сих пор нет данных о конкретном местонахождении Лады.

— Она у велиарха, — тихо сказала Варвара.

— У какого именно? Вы же сами говорили, что копий...

— Экзомов.

— Что экзомов — двенадцать.

— Один из них сейчас имеет главенствующее положение, и Лада у него.

— Кто этот человек?

— Экзом Евро-Азиатского такантая.

— То есть это деятель российского розлива, так?

— Вероятнее всего.

— Такие вещи надо знать точно, иначе мы рискуем провалить дело в самом начале.

— У нас есть только один подходящий вариант, — сказал Северцев.

Все посмотрели на него.

— Виктор, — добавил он. — Из всех наших знакомых он единственный, кто получил статус угларха и конкретное задание ликвидировать утечку информации. Он может знать, кто велиарх России и где его искать.

— Мы уже вычислили велиарха, это начальник Счетной палаты.

— Необходимо подтверждение.

Николай и Анатолий Романович по обыкновению обменялись понимающими взглядами.

— Мы займемся этой проблемой.

— У нас очень мало времени, — поморщилась Варвара. — Готовится какая-то акция с выходом на ТВ...

— При чем тут телевидение? — не понял Новиков.

— ТВ — это Третья волна разума. Мы имеем точные доказательства того, что на Земле появилась новая разумная сила — глубинники, живущие на ядре планеты. Олег Андреевич уже сталкивался с одним из них в горах Алтая.

— Фантастика, — пренебрежительно скривил губы Анатолий Романович.

— К сожалению, действительность. Велиарх Земли начал контактировать с глубинниками еще в начале девяностых годов прошлого века. Вы и сами ощущали результаты этих контактов. Глобальное изменение климата, засухи, ливни, потопы, ураганы, землетрясения — все это следствия усиливающейся деятельности глубинников. Если мы с ними не договоримся, человечество погибнет.

— Допустим. А чего хочет велиарх лично? Чего добивается?

— Сохранения своей власти, разумеется. Он хочет договориться с глубинниками о разграничении полномочий нового экзома, созданного той же СКонС в недрах ТВ, и своих функций. Вполне возможно, что, если они договорятся, часть человечества уцелеет в экорезервациях.

— Что это еще такое?

— Разработан план расселения уцелевших людей в особых зонах, не затрагиваемых глубинниками.

— А остальные люди?

— Их постигнет участь Первой волны разума.

Помолчали.

— Хороши дела! — крякнул Анатолий Романович, почесав темя. — Такие масштабы! А мы живем и ничего не знаем, пока за нас решается наша судьба. И все же какова роль вашей дочери в этом процессе?

— Она — один из представителей нового поколения детей, способных изменить будущее, а главное — ограничить экспансию глубинников. Велиарх попытается шантажировать экзома глубинников — отдать им Ладу на выгодных для себя условиях.

— Стандартный прием. Хотя все равно не понимаю, что может сделать маленькая девочка с глубинниками. Как ей удастся ограничить деятельность существ, вызывающих землетрясения?

Варвара беспомощно глянула на Северцева.

— Она будет не одна, — сказал Олег, на которого вдруг снизошло откровение. — Таких детей будет много, и в их руках сосредоточится космическая энергия. Человечество изменится, прекратит воевать само с собой, и поводыри ему станут не нужны. Вот чем озабочен велиарх в первую очередь.

Николай, прищурясь, глянул на подполковника.

— Кажется, наш мальчик становится философом.

Северцев порозовел, с усилием сдержал готовое сорваться с языка ответное слово. Варвара смотрела на него с каким-то тайным подозрением, и выглядеть в ее глазах мальчишкой не хотелось.

— Поехали, — сказал вдруг Анатолий Романович, вставая.

Николай молча поднялся.

— Куда вы? — удивился Олег.

— Попытаемся выяснить, во-первых, где твой друг Виктор, а во-вторых, где сейчас находится господин Крушельницкий. Отдыхайте. Вернемся мы поздно, тогда и примем окончательный план кампании.

Оба вышли.

Северцев и Варвара посмотрели друг на друга.

— Ты им веришь? — задала вопрос женщина.

— Они меня не подводили, — ответил Олег. — И они не работают на СКонС, иначе мы бы здесь не разговаривали.

— Странно... они так легко восприняли совершенно новую для них информацию, новую научную парадигму... будто всю жизнь знали о существовании СКонС...

— Если ты сомневаешься в моих друзьях, значит, ты не доверяешь и мне.

Варвара зябко передернула плечами, покачала головой.

— Их эмиссары повсюду... я просто боюсь очередной ошибки, уж столько их было... и боюсь за жизнь моей девочки. — Голос женщины стих до шепота, глаза наполнились слезами. — Это я во всем виновата...

Северцев встал, приблизился к ней, опустился на корточки и прижал ладони к ее щекам.

— Твои колебания, ошибки и сомнения в прошлом. Откажись ты от дочери, наверное, многого смогла бы добиться. Может быть, даже стала бы велиархом. Но суть не в том, чего ты достигнешь, а в том, от чего откажешься. Ты рискнула своей карьерой и жизнью ради жизни Лады, а это многое компенсирует. Ты осталась человеком, и я этому очень рад!

— Правда? — прошептала Варвара, заглядывая в его глаза.

— Правда.

Она потянулась к нему лицом, всем телом, он обнял ее, потом подхватил на руки, закружил по комнате и понес в спальню, начал раздевать. Она не сопротивлялась, а потом в какой-то момент сама начала снимать с него одежду, и они упали на кровать — как в пропасть, пронизанную взрывом чувств...

* * *

Анатолий Романович и Николай вернулись далеко за полночь, когда утомленная Варвара уже спала. Да и Северцев находился в состоянии полудремы, на зыбкой границе сна и яви, все еще не веря, что между ним и матерью Лады установились н о в ы е отношения, опирающиеся на доверие, стремление быть рядом и ждать встреч в разлуке.

Николай сразу понял состояние бывшего ученика, расслабленно сидевшего в кресле в одних штанах, без рубашки. Улыбнувшись ему глазами, он прошел в ванную комнату и включил воду. Анатолий Романович тоже догадывался, что произошло между гостями в его отсутствие, но он был умным и сдержанным человеком и ничем не выдал своих чувств.

— Спит? — кивнул он на дверь спальни.

— Устала, — ответил Северцев, испытывая неловкость.

— Пусть спит. — Анатолий Романович прошел на кухню, откуда прилетел его негромкий голос: — Чай с нами пить будете?

— Буду, — согласился Олег, вздыхая с облегчением. В принципе здесь все были свои и хорошо понимали друг друга, а такими отношениями надо всегда дорожить.

Появился Николай, умытый и свежий, словно после долгого и приятного отдыха. Мастеру для восстановления физических сил хватало нескольких минут. Научил он этому и своих учеников.

— Где были? — поинтересовался Северцев, накидывая рубашку.

— Пиво пили, — усмехнулся Николай, сел на диван. — Все под контролем, хронодрайвер, не волнуйся. Анатолий свое дело знает. Его ребята пасут Виктора. Твой друг сейчас тусуется в ночном клубе «Белый орел» на Семеновской. Можно попытаться взять его тепленьким, когда он соберется ехать домой.

Северцев помолчал, обдумывая предложение.

— Неплохой вариант. Только надо учитывать, что у него есть синхрон. Если мы не успеем снять с его пальца перстень...

— Он уйдет на «ось S». Попробуем успеть.

— Это сделаю я.

— Не спеши поперед батьки в пекло. Нам нельзя ошибаться. Каждый провал жестоко скажется на ситуации, усугубит положение девочки. Нас пока выручает то обстоятельство, что наши враги не знают, откуда ждать удара.

— У вас есть конкретный план?

— А ты думаешь, чем мы занимались с Анатолием эти три с лишним часа? План разработан в деталях. Естественно, в операции будешь участвовать и ты.

— А Варя?

— Это мужские игры. Она подождет нас здесь.

— Какую роль вы отвели мне? — Олег постарался говорить бесстрастно, однако Николай легко прочитал его переживания.

— Твоя роль — главная. Тебе придется выйти на контакт с Виктором и отвлечь его.

Северцев хмыкнул, помолчал.

В гостиной появился Анатолий Романович с подносом, расставил чашки, сахар, варенье.

— Пейте.

Каждый налил себе чаю. Звякнули ложки.

— Все обговорили? — поинтересовался подполковник.

— Не успели, — качнул головой Николай.

— Надо будить гостью. Она должна знать наши стратегические цели и тактические приемы.

Северцев посмотрел на Николая.

— Вы собираетесь использовать ее...

— Она такой же член команды, как и все мы. К тому же она обладает немалым опытом службы в системе и может дать дельный совет.

Северцев молча поднялся, открыл дверь в спальню и застыл, не веря глазам. Варвары в спальне не было! Отсутствовала и ее одежда.

Мужчины за его спиной переглянулись, подошли к нему.

— Ушла? — сказал Анатолий Романович.

Северцев сглотнул ставшую горькой слюну.

— Ничего не понимаю... она ничего мне не говорила... и никуда не собиралась...

Подполковник вошел в спальню, включил свет, осмотрелся и вышел, нажав выключатель.

— Она вернется, — сжал плечо Олега Николай, возвращаясь на диван. — Просто она не захотела брать тебя с собой.

— Хоть бы предупредила... Куда она могла пойти?

— Да куда угодно. Сам же говорил, что у нее много тайных баз. Не переживай, несмотря на свои возможности, Варвара уже не сможет обойтись без нас. Давайте обсудим наши позиции и начнем операцию. Виктор может покинуть клуб в любой момент.

Северцев, получивший щелчок по самолюбию, — ведь могла предупредить, объяснить, посоветоваться, почему же не сделала этого? — сел за стол. Он был расстроен и хмур.

— Не узнали, где Крушельницкий?

— К сожалению, нет, — ответил Анатолий Романович с некоторым смущением. — Его нет ни на работе, ни дома, ни в увеселительных заведениях, которые он иногда посещает.

— Если он — велиарх, он может быть где угодно, в любом районе земного шара, за его пределами, на любой планете Солнечной системы.

— Тем более есть смысл захватить Виктора и допросить.

— Тогда рассказывайте, что надо делать.

Три головы склонились над листом бумаги...

Обсуждение плана действий длилось четверть часа. Еще несколько минут понадобилось на сборы. Анатолий Романович надел комбинезон спецназа со знаками отличия подполковника — «для острастки», как он выразился, чтобы никто не заподозрил в операции акцию террористов или бандитскую разборку, Нико-

лай натянул фиолетовый спортивный костюм, а Северцев остался в своем джинсовом, удобно сидевшем на нем, позволяющем неплохо прятать оружие.

К оружию как раз все трое отнеслись по-разному.

Новиков взял с собой штатный «макаров-М-2», у Северцева сохранились пистолет-пулемет с базы Ахмада, имплантор и нож, Николай вооружился только метательными стрелками и шариками. Анатолий Романович связался со своими сотрудниками, выслушал их отчет.

— Все, выходим. Виктор, судя по всему, собирается покинуть клуб.

— Он один? — поинтересовался Северцев.

— В каком смысле?

— Без девушки? У него же была подруга.

— В клубе много девушек, может быть, одна из них его подруга. Но судя по докладам моих парней, он пришел туда один. Вернее, с двумя мужчинами.

— Как он туда проник? Насколько я знаю, «Белый орел» — закрытый элитный клуб, его завсегдатаи — первые лица государства.

— Это вопрос не к нам, — усмехнулся Анатолий Романович. — По-видимому, у вашего друга хорошие связи.

Северцев хотел было возразить, что до этого Виктор ни разу не посещал клуб «Белый орел», но прикусил язык. Такие связи у актера могли появиться уже после его кодирования системниками.

Внизу их ждала знакомая Олегу белая «Волга» и водитель по имени Дима. Пока ехали, Анатолий Романович несколько раз связывался со своими подчиненными, уточняя обстановку. В начале четвертого подъехали к клубу, стоянка напротив которого была забита дорогими иномарками.

— Ждите, — сказал Новиков, вылезая.

Северцев с любопытством принялся изучать светящуюся вывеску «Белого орла». Конечно, он знал о существовании клуба, но никогда в нем не был.

Семейный клуб «Белый орел» на Большой Грузинской был создан еще в середине девяностых годов двадцатого века для властной, культурной и бизнес-элиты. Система отбора в члены клуба была жесточайшей. Даже если ты член правительства, за тебя должны были поручиться как минимум два старых члена клуба. Руководителю же небольшой компании или поп-звезде с неоднозначной репутацией, даже если они заплатили бы за членство несколько десятков тысяч долларов, дали бы от ворот поворот.

Немаловажное значение для членов клуба имел стиль одежды. Допускалось ношение только строгих костюмов с галстуками и вечерних платьев. В особых случаях приглашенным сообщалось, что необходим фрак. Консервативный стиль соблюдался не только в одежде. Хорошим тоном считалось прийти в клуб с супругой и даже с детьми, для которых предусматривалась специальная игровая комната с воспитателями.

Виктор Красницкий, несмотря на свою принадлежность к столичной богеме, будучи хорошим актером, никакими особо выдающимися заслугами перед обществом не обладал, поэтому его появление в клубе выглядело странновато. Во всяком случае, для Северцева это оказалось неожиданностью.

Анатолий Романович отсутствовал несколько минут. Он вошел в клуб через центральный вход, а вышел откуда-то сбоку, использовав, очевидно, запасной выход. Сел в машину.

— Диспозиция такова. Приятели вашего друга являются весьма уважаемыми людьми и завсегдатаями клуба. Один из них — нынешний начальник пресс-службы ФСБ Музыкантский, второй — бывший министр иностранных дел.

— Козырин? — уточнил Северцев.

— Он.

— Виктор действительно знаком с ним, хотя в приятельских отношениях они не состоят, насколько мне известно.

— Неважно. К Музыкантскому только что приехала его супруга, и они отпочковались от компании за отдельный столик. Козырин о чем-то беседует с Виктором, а тот часто говорит по мобильнику. Думаю, он скоро выйдет.

— Неужели Козырин тоже агент СКонС?

— Спросите у него.

— Где и как мы его будем брать? Я имею в виду Виктора.

— Мои люди готовы, но вы же говорите, что у него синхрон...

— Если он почует опасность, он тут же исчезнет.

— Тогда план такой. Когда он поднимется и пойдет к выходу, вы направитесь к клубу и встретите его на ступеньках входной лестницы.

— Нет, слишком близко к дверям, — покачал головой Николай. — Охрана клуба может отреагировать и вмешаться.

— Что ж, тогда надо встретить его на подходе к машине.

— Он на своей приехал? — спросил Северцев.

— На черном «Гранд Чероки».

— Значит, это чужой. У него синяя «Субару-Импреза». Виктор любит экстрим-вождение.

Пискнул мобильный телефон в руке Новикова. Он поднес трубку к уху.

— Все, он идет. Начали!

Николай выскользнул из «Волги» и исчез за машинами. За ним вылезли подполковник и Северцев.

— Действуйте по обстановке, — сказал Анатолий Романович. — Главное — отвлечь его, не дать возможности уйти.

На ступеньках входа в клуб появился Красницкий, одетый в темно-синий костюм в полоску, медленно двинулся к стоянке машин.

Северцев задавил вспыхнувшее в душе волнение, обошел «Волгу» и остановился в десятке шагов от Виктора, засунув руки в карманы штанов. Тот сделал шаг, другой, заметил друга и остановился. Глаза его расширились.

— Олег?!

— Привет, — сказал Северцев. — Рад тебя видеть.

Виктор опомнился, покрутил головой, высматривая подозрительных людей, никого не заметил, кроме подполковника милиции, прохаживающегося у здания клуба, и сунул руку под борт пиджака.

— Ты как здесь оказался?

— Тебя ждал. Поговорить надо. Только не суетись и не пытайся меня закодировать, я и так все скажу. Пошли, у меня машина.

— Я на своей.

— Джип «Чероки»? Когда это у тебя появилась такая крутая тачка?

— Откуда ты знаешь?

— Мы так и будем стоять здесь у всех на виду?

Виктор снова огляделся, облизнул губы, не решаясь на активные действия.

— Вынь руки из карманов.

— Что-то нервный ты стал, угларх, — усмехнулся Северцев, не спеша выполнять требование. — Али выговор получил от своего босса?

— Вынь руки! Медленно!

Виктор слегка расслабился, вытащил из-под борта пиджака имплантор, качнул стволом.

— Иди вперед.

И в это мгновение сбоку от него возникла тень, сформирова-

лась в фигуру человека в спортивном костюме. Николай — это был он — мгновенным движением вывернул руку Виктора, особым болевым приемом заставил его разжать кулак и сдернул с пальца перстень синхрона. Затем в таком же темпе сорвал с уха Красницкого серьгу синхрон-рации.

Виктор опешил, хватаясь за ухо, осознал, что произошло, ударил было Николая ногой, рукой, снова ногой — комбинация «косой крест», но было уже поздно. К нему вдруг с двух сторон подскочили парни в пятнистых комбинезонах и масках, схватили за руки, ударили по голове и потащили в мигом подкативший фургон «Баргузин».

— В машину! — скомандовал Николай, превращаясь в текучую тень.

Северцев метнулся за ним, нырнул в «Волгу». И только когда фургон спецназа с севшим в него подполковником отъехал от клуба, из джипа «Гранд чероки» выскочили двое мужчин — это отреагировали на захват угларха сопровождавшие его криттеры СКонС. Сделать они ничего не успели. Мало того, к ним тотчас же подбежали бойцы спецназа и уложили на асфальт лицом вниз. Это сработала оставленная Анатолием Романовичем группа зачистки. Важно было не дать подчиненным Красницкого сообщить вышестоящему начальству о его задержании. Хотя бы на какое-то время. Если бы в этот момент из клуба вышел господин экс-министр иностранных дел, сопровождавший Виктора, его постигла бы та же участь. Но он не вышел.

Выглянувшие из клуба охранники в изумлении смотрели на происходящее в непосредственной близости действо, не решаясь вмешаться. По-видимому, они понимали, что какой-то спецслужбой проводится некая спецоперация по захвату и обезвреживанию опасных преступников. Что, в общем-то, было недалеко от истины.

Через минуту пленников затолкали в их же джип, спецназовцы расселись по машинам, и те уехали. Возле клуба «Белый орел» стало тихо.

— Во работа — не позавидуешь! — глубокомысленно обратился к напарнику один из охранников клуба. — Ты бы пошел в спецназ?

— В данный момент я хочу пойти пи-пи, — ответил тот.

Они скрылись за стеклянной дверью.

И тогда из-за шеренги машин вышел человек в необычного покроя куртке и не спеша двинулся прочь от клуба. Не пройдя и двух десятков шагов по пустынному переулку, он внезапно исчез.

ГЛАВА 6

Они сидели в гостиной Анатолия Романовича и молчали.

Виктор не отвечал на вопросы, смотрел перед собой в одну точку и не реагировал ни на что. Лишь один раз он поднял глаза на Северцева, оглядел его помощников и снова ушел в свои мысли, словно забыл о существовании остальных.

— Ну, и что будем делать? — осведомился Новиков после полуторачасовых попыток допросить пленника.

Николай промолчал.

Северцев, перепробовавший все возможные способы заинтересовать Красницкого — кроме силовых, так как Виктор не был «языком» в полном смысле этого слова, как не был и врагом, которого допускалось пытать и стращать, — встал и вышел в ванную. Включил воду, сунул голову под кран. Он не знал, как разговорить Виктора, не включив при этом его программу самоуничтожения. В прошлый раз эту программу удалось обмануть, предложив Красницкому испытать боевое искусство друг друга. При этом мощный энергетический выплеск как бы заблокировал программу, и Виктор ответил на некоторые вопросы. Однако в нынешнем положении он ни на какие контакты не шел и говорить отказывался. Просто сидел на стуле со связанными сзади руками и смотрел перед собой как загипнотизированный.

В гостиной вдруг начался какой-то шум, послышались мужские голоса, скрип стульев.

Северцев прислушался, выключил воду и вышел из ванной, на ходу суша волосы полотенцем. Шагнул в гостиную и остолбенел. У стола стояла Варвара, одетая в обтягивающий тело серо-зеленый комбинезон со множеством карманов и «молний». У ног ее на полу стояла большая черная сумка.

— Кажется, мы знакомы... — пробормотал Олег после паузы.

Анатолий Романович фыркнул, вышел на кухню.

Николай улыбнулся, покосился на застывшего в странном трансе Виктора и тоже вышел.

Северцев отбросил полотенце, подошел к Варваре, и они обнялись. Он поцеловал ее, раз и другой, но она отстранилась, покачала головой задумчиво и печально.

— Не надо, Олег. Время уходит, а мы все так же далеки от цели.

— Где ты была?

— Проведала сестру, забрала кое-какие необходимые вещи.

— Надо было предупредить нас. Ты теперь не одна.

— Я привыкла решать и действовать самостоятельно.

Он осуждающе качнул головой. Варвара виновато сморщила нос.

— Извини, я, наверное, была не права. Иногда во мне еще говорит тетрарх, и тогда я бываю резкой. Как вам удалось задержать Виктора?

— Помог Анатолий Романович. Он не простой милиционер, а командир СОБРа, взял своих людей...

— Понятно. Хорошие у тебя помощники.

— Не жалуюсь.

Варвара подошла к Виктору, не проявившему к ней никакого интереса.

— Что он говорит?

— Ничего. Ни одного слова.

— Этого следовало ожидать. Если он заговорит — он умрет.

— Мы это понимаем. Если бы была возможность каким-то образом обойти самоликвид...

Варвара обошла сидящего на стуле пленника, присматриваясь к его позе, задумчиво провела ладонью по лицу.

— Можно попробовать.

— Что?

— Ты говорил, что твой друг сильный человек.

— Он на спор сдвигал с места автобус.

— Я имела в виду характер, внутреннюю силу.

— И этого у него не отнять. Однажды во время съемок в горах каменный карниз, на котором он стоял, обвалился, и он провисел на одной руке десять минут, другой рукой держа за шиворот оператора, пока их обоих не сняли.

— Возможно, эти его качества позволят ему избежать анафилактического шока после снятия пси-зависимости.

— Что ты предлагаешь?

— Депрограммировать его. — Варвара раскрыла сумку и достала оттуда имплантор. — Вообще-то для этого нужны стационарные комплексы, дающие почти стопроцентную гарантию, но можно попытаться запустить «вирус».

Северцев нахмурился.

— Это случайно в тебе не тетрарх заговорил, которому по барабану, что будет с человеком?

Варвара озадаченно оглянулась на него, сдвинула брови.

— Я могу ничего не делать.

— Мне нужна гарантия, что он останется живым и здоровым.

В гостиную вошли Николай и Анатолий Романович.

— О чем спорим?

— Варя говорит, что Виктора можно депрограммировать.

— Так в чем дело?

— Гарантии, что он останется нормальным мужиком, у нас нет.

Мужчины посмотрел на Варвару. Она поморщилась.

— Вам важен результат или моральные принципы?

Мужчины переглянулись.

— Моральные принципы — в первую очередь! — твердо заявил Северцев. — Попробуй посмотреть на проблему нашими глазами, а не глазами эмиссара СКонС.

Варвара хотела ответить что-то резкое, не смогла, в ней вдруг словно что-то сломалось, и она, закрыв лицо руками, скрылась в ванной.

— Что с ней? — негромко спросил Анатолий Романович.

Северцев покачал головой, разрываясь между желаниями броситься за любимой женщиной и выдержать характер.

— Она слишком долго была в шкуре тетрарха, что не могло не оставить отпечатка на душевной сфере.

— Ничего, ее властная спесь пройдет, — сказал Николай. — Будь рядом, это лучшее лекарство. Что она говорила насчет депрограммирования?

Северцев посмотрел на безучастное лицо Виктора.

— Его можно раскодировать, но гарантий нет.

— Может быть, все-таки стоит попытаться? — сказал Анатолий Романович. — Других вариантов у нас, похоже, не осталось. Через двадцать четыре часа мои парни будут вынуждены отпустить его «шестерок», и они тотчас же побегут к своему начальству сообщить о захвате Красницкого.

Северцев бесцельно походил вокруг стола, поглядывая на дверь ванной, наклонился к Виктору:

— Прости, Витя. У нас действительно нет другого выхода. Потерпи, дружище, мы попробуем освободить тебя от импланта.

Виктор не ответил.

Вошла Варвара с бледным лицом и сжатыми губами. Сказала, ни на кого не глядя:

— Я готова выполнить любое ваше распоряжение.

Мужчины молча смотрели на нее.

Северцев подошел к женщине, положил ей руки на плечи, заглянул в глаза.

— Я не умею красиво говорить, я только знаю, что ты равная среди равных. И больше не будем об этом. Договорились?

Варвара вскинула на него потемневшие глаза. Одно мгновение казалось, что она вот-вот заплачет, но сил справиться с собой хватило. Она слабо улыбнулась.

— Плохой из тебя утешитель, Северцев. Я же понимаю, что вы обо мне думаете. Так что давайте о деле.

— Мы считаем вас очень сильной женщиной, — сказал Анатолий Романович. — Далеко не каждая на вашем месте смогла бы бросить вызов такой организации, как СКонС. Но давайте действительно о деле. Ночь скоро кончится, а мы топчемся на месте. Как вы собираетесь декодировать этого парня?

— Имплантор имеет три режима: режим активации программы, то есть режим имплантирования, «пустое фрустирование» и нейтрализация. Для депрограммирования необходима настройка импульса на нейтрализацию наведенных кластерных нейроструктур мозга. Но на моей памяти никто этот режим не использовал, и кроме того, все зависит от качества внедренного пси-импланта. Криттера и линеарха таким способом освободить от зависимости достаточно просто, а вот углярха...

— Ясно, что опасно. Остается риск неполного стирания информации.

— Да.

Анатолий Романович посмотрел на Северцева.

— Решайте, Олег Андреевич. На кону две жизни: жизнь девочки и жизнь вашего друга. Я понимаю, что из двух зол лучше не выбирать, но, похоже, выбор все-таки придется сделать.

Северцев пережил секундное отчаяние и страх, отвернулся, чтобы собеседники не видели его лица. Мысли разбежались, а из чувств на душе царствовали растерянность и горечь. В другой обстановке он не стал бы даже обсуждать ситуацию, выбирать — кого спасти, а кого нет, но он уже пообещал Варваре спасти ее дочь, и отступать было некуда.

— Что вы предлагаете? — глухо спросил он.

— Попытаться декодировать Виктора.

Северцев посмотрел на учителя.

— Вы тоже поддерживаете эту идею?

— Прежде всего я поддерживаю тебя, — мягко ответил Николай. — И готов разделить с тобой ответственность. Да, я считаю, что единственное правильное решение — попытаться вывести твоего друга из этого задавленного состояния, состояния «зом-

би». Если опыт удастся, мы приобретем неоценимого помощника и спасем девочку.

— А если нет?

— Останется шанс добраться с помощью Варвары до стационарного комплекса и очистить мозг Красницкого от паразитических пси-шлаков.

Наступило молчание.

Все смотрели на Северцева и ждали. Варвара закусила губу, щеки ее пылали, словно она была виновата в происходящем.

— Хорошо, — твердо проговорил наконец Северцев, преодолев свои сомнения. — Давайте работать. Варя, что нужно делать?

Варвара вздохнула с каким-то тайным облегчением, взвесила в руке имплантор.

— Ничего не надо делать. Я выбираю режим и... стреляю. Если порог блокады вашего друга высок, он просто потеряет сознание... и самостоятельно прийти в себя не сможет.

— Ничего, мы ему поможем, — успокоил женщину Николай. — А если порог низок?

— Импульс нейтрализует наведенное пси-поле. Но как чисто, с какой вероятностью, я не знаю.

— Будем рисковать. Начинайте.

Варвара подошла к Виктору, по-прежнему не проявлявшему интереса к суете вокруг.

— Одну секунду, — сказал Анатолий Романович. — Вы случайно не знаете, что с ним? Почему он так себя ведет?

— Скорее всего он сознательно привел себя в состояние «тумана».

— Что это значит?

— Это состояние н е м ы с л и. Возможно, он таким образом защищает свой мозг от разрушения, от срабатывания самоликвидатора.

— Стреляйте.

Варвара подняла имплантор, но рука ее задрожала, и она опустила оружие.

— Не могу...

Северцев, поняв ее переживания, подошел к Варваре, отобрал имплантор, навел на Виктора и нажал гашетку.

Красницкий вздрогнул, широко раскрывая глаза... и упал со стула лицом вниз. Если бы его не подхватил Николай, он бы разбил лицо.

— Шок... — прошептала Варвара, прижимая ладони к щекам. — У него очень высокий диасхизический порог...

Мужчины уложили тело Виктора на диван. Николай взял его за руку.

— Пульс не прощупывается... помоги-ка.

Северцев наклонился над Виктором.

— Заведи сердце, я попробую подпитать его и восстановить пирамидные пути.

Оба положили руки: Николай — на лоб и под затылок, Северцев — на грудную клетку Виктора.

— Начали!

Северцев закрыл глаза, разогрел ладони, вошел в состояние экстрасенсорного восприятия и т о л к н у л сердце Виктора мысленным усилием, одновременно надавливая ладонями на грудь пациента и заставляя руки мелко вибрировать.

Сердце Виктора сократилось... и заработало!

Северцев взмок, продолжая вибрационный массаж грудной клетки, потом отнял руки и вытер выступившие на лбу капли пота.

— Молодец! — скороговоркой проговорил Николай. — Не забыл навыки. Сейчас он очнется.

Виктор пошевелился, открыл глаза.

Николай отнял руки, разогнулся. Лицо его было чуть бледнее обычного, но спокойное.

— Кажется, врачи не потребуются.

— Вы... волшебники! — недоверчиво прошептала Варвара.

— Ну что вы, какие мы волшебники, — отмахнулся Николай. — Мы просто профессионалы по выживанию.

Северцев наклонился над Красницким.

— Витя, ты меня слышишь?

Виктор медленно перевел взгляд на него. Глаза актера, темные и слепые, наполнились светом, пониманием, жизнью.

— Север?

— Чертушка! Узнал! — Северцев в порыве радости сжал руку друга. — Как ты себя чувствуешь?

— Как после падения с десятого этажа без страховки... Что случилось? Почему я здесь? Кто эти люди?

Виктор посмотрел на обступивших его мужчин.

— Ты ничего не помнишь?

— А что я должен помнить?

— Словечко СКонС тебе ни о чем не говорит?

Виктор прислушался к себе, помолчал. Глаза его вдруг как бы

провалились сами в себя, потемнели, обрели острый блеск. Он вспомнил!

Северцев почувствовал морозный ветерок страха, внутренне напрягся. Показалось, что Виктор сейчас вскочит и начнет драку в надежде освободиться, оставаясь по-прежнему углархом, то есть человеком, зависимым от внедренной в подсознание пси-программы. Однако этого не произошло.

Красницкий медленно приподнялся, сел, продолжая прислушиваться к своим ощущениям, потом оглядел ждущие лица присутствующих, заметил Варвару.

— И вы здесь... тетрарх?

— Она уже давно не тетрарх, — хрипло проговорил Северцев. — И ты это знаешь.

Виктор усмехнулся.

— Знаю... похоже, и я уже не совсем угларх... странное ощущение: будто у меня покопались в голове и часть мозга удалили... теперь там пустота...

— Ты можешь говорить с нами?

— Говорю же...

— Я имею в виду — о тайнах СКонС?

Виктор снова прислушался к себе, удивленно поднял брови.

— Ничего не понимаю! Что произошло?

Анатолий Романович показал ему имплантор.

— Мы убили в тебе дьявола.

— «Просветлитель»? Вы стреляли в меня?! Ешкин кот! Вот в чем дело! Вы нейтрализовали мою программу!

— Слава богу, что нам это удалось, — хмыкнул Николай. — Были определенные сомнения, что ты останешься...

— Нормальным, — добавил Анатолий Романович.

Виктор улыбнулся, окончательно приходя в себя.

— А вот на это не рассчитывайте. Какой каскадер нормален? Нет таких. Однако спасибо. Я думал, так и сдохну углархом, гоняясь за Сабировыми и за тобой. — Он повернулся к Олегу. — Признавайся, это твоя идея — декодировать меня?

— Общая, — сказал Николай. — Мы в цейтноте и не нашли другого выхода.

— Мы очень волновались... — тихо добавила Варвара.

— Что ж, хорошо то, что хорошо кончается. Я действительно благодарен вам за освобождение. Вы не представляете, какая это замечательная штука — внутренняя свобода!

Виктор засмеялся, развел руки в стороны, набрал полную грудь воздуха, выдохнул и обнял Северцева.

— Я страшно рад, что мы снова вместе!

— Я тоже, — пробормотал Северцев, отбрасывая последние сомнения. Виктор стал прежним Виктором, это было видно.

— Пора подумать о делах, — напомнил Анатолий Романович.

Красницкий посерьезнел, оглядел присутствующих.

— Какую проблему вы решаете?

— Проблему освобождения Лады, — сказал Северцев.

— Ее дочери, — кивнул на Варвару Николай.

— Где она?

— Разве ты этого не знаешь?

— Мне дают только ту информацию, которая необходима для решения строго определенной задачи. Я вообще не знал, что дочь Сабировой пропала.

— Она не пропала, ее захватили системники казахского экзарха и передали велиарху. Предположительно, Лада сейчас находится в руках российского экзома.

— Предположительно?

— Она у него, — тихо, но твердо сказала Варвара.

Виктор посмотрел на нее с сомнением.

— Допустим, это так. И что вы хотите делать?

— Мы собираемся добраться до этого деятеля, — сказал Северцев, — и освободить девочку.

— Вы с ума сошли!

Северцев невесело улыбнулся.

— Витя, ты меня знаешь. Когда-нибудь было такое, чтобы я брался за дело и не доводил его до конца?

— Ну, не было. И все равно идти к велиарху — что класть голову в пасть тигра.

— Может быть, ты посоветуешь что-нибудь более подходящее?

Виктор потер голый череп рукой.

— Надо подумать...

— Думай, а пока ответь нам на один вопрос: где находится основная база Крушельницкого?

Виктор вздернул подбородок, с удивлением и озабоченностью посмотрел на Северцева.

— Кого?

— Не делай круглые глаза, Витя, мы знаем, что российским

экзомом велиарха является глава Счетной палаты Людвиг Остапович Крушельницкий. Ты должен знать координаты его баз.

Виктор провел ладонью по черепу, покачал головой.

— Боюсь, я вас разочарую. У велиарха десятки, если не сотни баз по всему свету и на трафиках S-оси.

— Должна быть главная, откуда он командует своими войсками и где отдыхает.

Виктор поскреб макушку.

— Я не понимаю вашей уверенности в том, что девочка у велиарха. Кстати, почему именно у российского? Экзомов — двенадцать...

— У меня возникают сомнения, — проговорил прямой Анатолий Романович. — Сработал ли ваш «просветлитель»? Может быть, стоит попробовать еще разок?

Глаза Виктора сверкнули, он хотел сказать что-то язвительное, но передумал.

— Не надо меня пугать, уважаемые. Во-первых, я еще не совсем пришел в себя, во-вторых, действительно не уверен, что вы все правильно рассчитали. Да, мне засунули в голову кое-какую важную информацию, и я знаю по меньшей мере три схрона Крушельницкого. Что дальше?

Присутствующие в квартире не пошевелились, разглядывая его.

— Обрисуй эти схроны, — попросил Северцев, — а мы решим, какой из них является главным.

— Пожалуйста. Один располагается в Барвихе, это дача, трехэтажный кирпичный коттедж с глухим забором и охраной. Там Крушельницкий живет.

— Не отдыхает?

— Именно живет, хотя у него есть и четырехкомнатная квартира в Москве, в комплексе «Алые паруса» напротив Строгино. Вторая база находится также на Земле, но на белом S-трафике. Это яхта с большим запасом хода и всей необходимой системой жизнеобеспечения. Поскольку это белая ветвь «оси S», порта приписки у яхты нет, она плавает по Средиземному морю, чаще всего останавливаясь в бухтах Кипра. Кстати, на Кипре располагается одна из запасных авиабаз СКонС. Ну, и наконец, третья резиденция Крушельницкого находится на Луне, но уже на черном S-трафике, то есть в «прошлом».

— В «хронохвосте» Луны, — пробормотал Северцев.

— Совершенно верно.

Северцев посмотрел на Анатолия Романовича.

— Ваше мнение?

— Самое простое решение — дача, — сказал подполковник. — Не надо особо напрягаться, все службы под рукой, связь, обеспечение, люди, ресурсы, техника... Но, с другой стороны, если он там живет, то держать под боком пленницу не слишком удобно. Зачем ему этот геморрой с дополнительными сложностями по охране и обеспечению тайны?

— Согласен, — сказал Николай. — Думаю, по этой же причине отпадает и Луна. Не потому, что экзотика, да и база там требует иных мер защиты, а потому, что, по вашим же словам, Лада нужна ему здесь, на Земле. Кстати, чтобы она не сбежала самостоятельно, он должен содержать ее в особых условиях, скорее всего в бессознательном состоянии.

Северцев повернулся к Виктору.

— На лунной базе и на даче Крушельницкого есть стационарные нейролингвистические комплексы, позволяющие контролировать психическое состояние человека?

— Кажется... н-нет, — проговорил Виктор с запинкой. — Нет, иначе я бы знал.

— А на яхте?

— Н-нет... не знаю... может быть. Но я и в самом деле не знаю.

— Она там!

Все разом посмотрели на Варвару.

— Согласна, — кивнула побледневшая женщина. — Я тоже знаю о существовании яхты. На ее борту есть какой-то комплекс по активации Подпрограммы, причем я слышала — очень древний, ему чуть ли не миллион лет. Кстати, каждый экзом имеет свой комплекс активации. У китайского экзома, к примеру, это пагода Будды с магическим ритуалом, у египетского — пирамида Хефрена, у североамериканского — суперсовременный психотронный генератор.

— Я об этом не знал, — качнул головой Виктор, разглядывая Сабирову сузившимися глазами. — Вы уверены, что...

— Не будем отклоняться от темы, — перебил его Северцев. — Итак, ищем выход на яхту?

В тишине ночи послышался тихий гул.

Все встрепенулись и замерли.

— Лифт поехал, — усмехнулся Новиков.

— А за ним и крыша, — кисло добавил Виктор.

Все посмотрели на него. Николай засмеялся. Улыбнулись и остальные. Шутка и смех слегка разрядили обстановку.

— Давайте думать, как нам пробраться на базу велиарха, — сказал Анатолий Романович. — То есть на борт яхты. Уже светает.

— Есть идея, — сказал Северцев.

— Я от вас балдею, — фыркнул Виктор. — Вам неинтересно знать мое мнение?

— Интересно, — кивнул подполковник, — но только в определенной степени. Уж позвольте решения принимать нам.

Северцев с интересом посмотрел на Новикова, показавшего командирские «зубки». Однако продолжать в том же духе не стал.

— Идея состоит в следующем. У меня есть конвосинхрон, с помощью которого я могу перенести вас по одному на яхту Крушельницкого или на Кипр, где эта яхта базируется. Затем Виктор вместе со мной перемещается туда же и делает вид, что он захватил меня и хочет передать начальству. Затем мы объединяемся, атакуем экипаж яхты и освобождаем Ладу. Годится такой план?

— Узнаю экстремала, — насмешливо сказал Виктор. — Тебе не кажется, что твой план — чистая шиза?

— Именно потому, что нас на борту яхты никто не ждет, он может сработать.

Николай и Анатолий Романович по обыкновению обменялись взглядами. Они отлично понимали друг друга без слов.

— А что, по-моему, план неплох, — поддержал Олега подполковник. — Уточним кое-какие детали, экипируемся, вооружимся — и вперед!

— Вам-то это зачем? — удивился Виктор. — Вы же никакого отношения не имеете к нашим проблемам. Зачем вам, подполковнику милиции, рисковать погонами, здоровьем и, возможно, жизнью?

— Я так устроен, — усмехнулся Анатолий Романович, озвучивая, по сути, позицию Северцева. — Всю жизнь добиваюсь торжества справедливости и если могу кому-нибудь помочь, то не спрашиваю, зачем он влез в дерьмо.

— Что ж, возможно, это правильная точка зрения. Хотя я на вашем месте все же крепко подумал бы, прежде чем помогать обреченным.

Северцев погрозил Виктору пальцем.

— Типун тебе на язык, каскадер. Мне не нравится твое настроение. С таким настроением ты нам не помощник. Может, хлебнешь водочки для храбрости?

— Я просто хорошо понимаю ситуацию. СКонС еще ни разу не проигрывала, и все мы, здесь присутствующие, обречены. При этом я также хорошо понимаю, что если ничего не делать, то лучше сразу начать копать себе могилу. Короче, я с вами.

— Ну и отлично, — кивнул Анатолий Романович с одобрением. — Начнем сборы? Могу предложить кое-какое оружие, к сожалению, холодное — ножи и стрелы и один комбез.

— Я принесла три комплекта КСН и две бесшумки, — встрепенулась молчавшая все это время Варвара.

— Что такое КСН?

— Костюм специального назначения. Примерно такими экипируются бойцы спецназа и разведчики.

— А бесшумки?

— Компактные снайперские винтовки.

— Хорошие у вас поставщики, — с уважением сказал Анатолий Романович. — Нам бы таких.

— Переодеваемся, — сказал Северцев. — Нам с Виктором КСНы не нужны, мы пойдем в цивильном, чтобы правдоподобнее было. Так что комбезы — для вас и Вари.

Возражать никто не стал.

Присели на дорожку.

Наступил момент старта.

Виктор назвал координаты Кипра «белого трафика S-оси», Варвара подтвердила их подлинность, и первыми в «будущее» острова отправились Анатолий Романович и Николай — Северцев отдал им конвосинхрон. Затем настала очередь остальных.

Виктору вернули его синхрон, и он ушел вслед за первыми десантниками, пребывая в необычном для себя состоянии нерешительности.

— Ты ему все еще веришь? — спросила Варвара, когда они с Северцевым остались одни.

— Верю, — не сразу ответил Олег, преодолевая внутреннее сопротивление. — Но даже если бы я ему не верил, у нас нет другого шанса вызволить Ладу.

— Он колеблется...

— Возможно, это последствия шока после нейтрализации пси-программы.

— Или результат сопротивления сознания влиянию остатков программы, если она нейтрализована не полностью. Пограничное состояние. И только богу известно, какое он примет решение в следующий момент.

— Будем надеяться на лучшее.

Варвара шагнула к нему, и они обнялись.

— Мне страшно...

Не бойся, я с тобой, хотел успокоить ее Северцев, но потом понял: она боялась не за себя, а за дочь.

— Мы спасем ее, вот увидишь!

— А потом?

— Завтра будет завтра, как говорит мой отец. Мы вместе, и мы победим!

Гостиная Анатолия Романовича опустела.

Кто-то позвонил в дверь спустя минуту после ухода последних членов команды. Раз, другой, третий. Затем щелкнул замок, дверь открылась, и в квартиру Новикова вошел высокий сухощавый мужчина с цепкими серыми глазами и светлыми волосами до плеч. Он обошел все комнаты, постоял в задумчивости у стола, заглянул в сумку на диване и покачал головой. Вытащил из-за уха тоненький усик рации.

— Паша, они на драйве.

— Ты думаешь, они решились-таки на атаку? — Собеседник светловолосого, судя по голосу, явно одобрял действия команды Северцева.

— Это очевидно.

— Объект?

— Российский экзом велиарха.

— Ни много ни мало!

— Да, они люди решительные и масштабные, нам повезло.

— Велиарх имеет много схронов...

— Они отправились на Кипр по белой ветви.

Пауза.

— Что будем делать?

— Я иду туда.

— Тогда встречаемся на южном мысу, в районе женского монастыря.

Разговор прервался.

Гость Новикова еще раз обошел гостиную Анатолия Романовича и исчез, не дойдя до двери.

ГЛАВА 7

Они собрались на берегу бухты — все пятеро, никто не отстал и не потерялся.

Варвара посоветовала не разгуливать на открытых местах, так

как владения велиарха наверняка контролировались службой наблюдения за пространством СКонС, и мужчины послушно укрылись в скалах, нависающих над водной гладью бухты.

Яхты здесь не оказалось, и ни один след не указывал на присутствие в этих местах базы СКонС.

Северцев нашел глазами знакомую башню, почти невидимую, прозрачную, похожую на геометрически правильный столб тумана. Одна эта башня — пресловутый «хроноклюв» — и указывала на принадлежность ландшафта к другому миру, точнее, к другому состоянию Земли. И Вселенной в целом.

— Ну, и где же ваша яхта? — осведомился Анатолий Романович; ткань спецкомбинезона обтягивала его атлетическую фигуру, как вторая кожа. Николай в таком же костюме неопределенного цвета выглядел скромнее. А поскольку ткань КСН обладала способностью к мимикрии благодаря особому поверхностному слою, издали увидеть людей в комбинезонах на фоне скал было трудно.

Северцев кинул взгляд на Варвару. КСН и на ней сидел отлично, подчеркивая достоинства фигуры, и надо было заставлять себя не смотреть на женщину долго, чтобы не выглядеть глупо.

— Надо искать.

— Не надо, — возразила Варвара. — Не имеет значения, где она располагается в данный момент. Все равно каждому из нас предстоит драйвироваться на борт яхты. Надо просто договориться, кто идет первым, кто вторым и с каким интервалом.

— Мы уже решили, кто пойдет первым, — сказал Северцев. — Я и Виктор. Хорошо бы добыть рации. Связь нам нужна как воздух.

— Рации будут, — пообещал Виктор. — Как только доберемся до цели, я их достану.

— Тогда осталось договориться о месте встречи. Витя, ты был на яхте, знаешь, как она выглядит?

— Нет, — отрицательно качнул головой Красницкий.

— Я знаю, — сказала Варвара.

— Можешь описать?

— Такие яхты есть почти у каждого экзома. У российского — это яхта «Океан». Водоизмещением, насколько мне помнится, около шестисот тонн. Три палубы. Длина — шестьдесят метров. Круизная скорость — двадцать два узла, максимальная — тридцать. Шесть гостевых кают, каюта владельца, VIP-каюта, зал развлечений, кают-компания, компьютерный зал и лаборатория.

Отделка интерьера из красного дерева. Экипаж — что-то около тридцати человек.

— Неплохо, — пробормотал Анатолий Романович. — А оружие на борту имеется?

— Зенитно-ракетный комплекс «смерч».

— Наш, отечественный, — одобрительно сказал Новиков. — Со сверхзвуковыми ракетами. Таких ни у кого нет. Патриот этот ваш велиарх.

— Просто наши ЗРК действительно лучшие в мире, — ухмыльнулся Северцев. — Так что ни хрена не патриот, а вор и бандюга.

— Отправляйтесь, — тихо произнес Николай. — Время работает против нас.

Времени как такового нет, хотел сказать Северцев, но посмотрел на учителя и понял, что речь идет не о формальных аспектах термина «время» и не о научных формулировках. Каждый человек имел свой запас длительности бытия, свой диапазон существования, свой темп жизни, но Программа Творца заставляла людей жить вместе, в едином потоке изменения состояний, что и воспринималось людьми как время. И оно в данный момент действительно ограничивало возможности группы.

— Пошли, — сказал Северцев, цепляя браслет конвосинхрона на запястье Виктора; свой синхрон он отдал Николаю.

— Удачи! — пожелал им Анатолий Романович.

Выглядевшая утомленной Варвара хотела что-то добавить, но вместо этого подошла к Олегу, поцеловала его в щеку. Он бросил на нее успокаивающий взгляд и включил синхрон.

Темнота... падение в бездну... холод-жара... свет!

Они «сошли» с «оси S» на верхней палубе красавицы-яхты, огибающей гористый мыс какого-то острова. Очевидно, это была северная оконечность Кипра, судя по расположению солнца над горизонтом.

Прямо перед десантниками располагался на палубе бассейн с неправдоподобно яркой голубой водой. Сзади, всего в пяти шагах, вырастали из палубы купола и ажурные конструкции каких-то антенн. За этими куполами располагался твиндек с двумя контейнерами угрожающего вида и ряд серебристых выступов неизвестного назначения. На носу яхты виднелась еще одна антенна, а может быть, часть навигационного оборудования судна. И ни-

где ни души, ни одного постороннего звука, кроме гула двигателей и плеска волн о борта яхты.

— Может, начнем партизанскую войну? — быстро проговорил Северцев, пребывая в «полете беркута» и чувствуя некую эйфорическую окрыленность от прилива сил и раскрывшегося объема гиперчувствительности. В этом состоянии он мог бы, наверное, справиться с целым взводом бойцов противника.

— Не стоит, — ответил более трезвый Виктор. — Поломаем весь план. Нам надо сыграть конвоира и пленника, выяснить, где Лада и что с ней, и только потом начинать военные действия.

— Если действовать по-умному, на опережение... застать велиарха врасплох...

— Остынь, Север! Одним наскоком наши проблемы не решить. Слишком много барьеров надо преодолеть, чтобы добраться до велиарха. Как говорил один философ[1]: «Ум берет один барьер за другим, глупость же вообще не знает преград».

— Ладно, проехали, — буркнул Северцев, слегка пристыженный и раздосадованный; ему и в самом деле казалось, что, начни они атаку, их вполне мог ожидать успех. — Я просто хочу побыстрей закончить дело. Идем сдаваться. Где тут люки? Не будем же мы торчать на палубе и ждать, пока здесь кто-то появится.

Но ждать им не пришлось.

В одном из куполов сзади бесшумно открылась дверца, и гости мгновенно оказались в окружении чуть ли не десятка фигур в черном, вооруженных автоматами.

— Спокойно! — поднял вверх свободную руку Виктор. — Я угларх Евро-Азиатского такантая! Отведите меня к мастеру.

Вперед вышел сутулый мужчина с красным носом и шкиперской бородкой.

— Что вы себе позволяете, угларх? Это зона ПВВ[2]! Вам здесь появляться запрещено. Откуда вы узнали координаты графа?

— От верблюда, — скривил губы Виктор. — Мне нужно увидеться с мастером. У меня важная информация.

— Я триарх Шютта, можете оставить свою информацию мне. — Говорил бородач по-русски свободно, хотя и с прибалтийским акцентом.

— Эта информация не вашего уровня, триарх.

---

[1] В. Лебедев.

[2] Посторонним вход воспрещен.

Мужчина с бородкой перевел взгляд на Северцева.

— Кто это?

— Конь в пальто, — тем же высокомерно-вызывающим тоном ответил Красницкий. — Моя добыча, объект две тысячи два.

— Северцев? — уточнил триарх Шютта. — Это славно. Как вам удалось захватить его? По нашим сведениям, он перешел на уровень свободного драйва.

— У меня нет времени отвечать на ваши вопросы, триарх, — отчеканил Виктор. — Извольте доставить нас к мастеру.

— Мастера сейчас нет, — пожал плечами Шютта. — Мы ждем его. А пока побеседуйте с экзархом.

Северцев бросил на Виктора косой взгляд. Еще оставался шанс освободиться, начни они внезапный скоростной бой. Но Виктор явно не был расположен к активным действиям.

— Ведите.

Сутулый триарх со шкиперской бородкой махнул рукой молчаливым парням в черных спецкостюмах, и те повели пленников внутрь судна. Спустились по ступенькам винтовой лестницы вниз, на первую палубу, прошли пустым коридором со стенами, обшитыми светящимися изнутри панелями, остановились у двери в носовую каюту.

Триарх постучал.

Дверь открылась, он вошел и тут же вернулся.

— Заходите.

Виктора и Северцева подтолкнули в спины, и они перешагнули порог довольно большой каюты, главной достопримечательностью которой был плоский плазменный телевизор с полутораметровой диагональю, висящий на стене.

Интерьер каюты был выдержан в псевдоолигархическом стиле: много истинно художественных вещей, картины, витрины, панели с подсветкой, отделка из красного дерева, большие окна, плавные линии мебели, мягкое освещение.

Человек у белого рояля, наигрывающий что-то умиротворяюще-осеннее, блюзовое, перестал играть, закрыл крышку рояля и повернулся к гостям. Северцев едва удержался от возгласа удивления. Это был знакомый по компании отца генерал ФСБ Герасимов.

— Приятно увидеть знакомые лица, — улыбнулся он, довольный произведенным эффектом. — Добрый день, Олег. Узнал?

— Кирилл Эдуардович, — пробормотал Северцев.

— Он самый.

— Экзарх?

— Увы, и это правда. Хотя отец твой этого не знает. Надеюсь, и не узнает, зачем расстраивать старика? Для наших игр он не подходит, несмотря на бодрость духа. Я как-то пробовал с ним беседовать о целях СКонС, он не понял, и на этом все закончилось. Может быть, сын его пойдет дальше?

Герасимов посмотрел куда-то за спину гостей, и тотчас же триарх Шютта выстрелил в затылок Виктора из имплантора. Виктор мягко свалился на пол, не издав ни звука. Северцев рванулся было к триарху, но его остановили не столько наручники конвосинхрона, сколько пренебрежительно-ироничная усмешка, скользнувшая по губам генерала.

— За что вы убили его?!

— Ну, во-первых, не убил, а только отключил. Красницкий нам еще пригодится, хотя уже и не в качестве угларха. Во-вторых, он не выходил на связь больше четырех часов, а по нашим правилам это недопустимо. Очевидно, вам каким-то образом удалось его перевербовать, а если нет, то лучше перестраховаться. Надеюсь, вы поделитесь опытом. — Он посмотрел на Шютту. — Снимите конво и уберите его.

В каюту вошли двое парней в черном, отцепили наручники синхрона и унесли Виктора.

— Вы пока свободны, Георг, — сказал экзарх.

Шютта щелкнул каблуками и вышел, аккуратно закрыв за собой дверь.

— Только не надо демонстрировать свою технику рукопашки, — сказал Герасимов. — Мы наслышаны о твоих подвигах, Олег Андреевич. Ловко ты справился с моим коллегой Ахмадом. Но здесь это не пройдет, все пространство яхты контролируется службой VIP-охраны, при малейшем подозрении она откроет огонь на поражение. А мне не хотелось бы терять такого ценного сотрудника раньше времени.

— Я не ваш сотрудник.

— Я думаю, мы договоримся. Ахмад не смог тебя убедить, потому что не нашел подхода. Я найду. Или тебе нужен наглядный пример? Хочешь убедиться, что отсюда нет выхода?

— Не хочу.

— Ну и правильно, — с одобрением кивнул Герасимов. — Садись, побеседуем, пока появится мастер.

— Господин Крушельницкий?

Брови генерала изогнулись дугой.

— Ты знаешь больше, чем мы рассчитывали. Но все равно, садись, садись, Олег, интересно будет тебя послушать. Я не все знаю о твоих похождениях, а главное — не знаю цели. Зачем тебе понадобилось вмешиваться в эту историю с Сабировыми?

— Где Лада? — бросил Северцев, оставаясь на месте. Состояние «полета беркута» позволяло ему держать боевую форму и оценивать ситуацию адекватно. Он чувствовал, что за каждым его движением следит не одна пара глаз, каюта экзарха просматривалась охранниками, а в стены, очевидно, были вделаны скрытые телекамеры и оружие.

— Мне говорили, — кивнул экзарх с оттенком пренебрежения, — но я не поверил. Разве Лада твоя дочь?

— Нет, она мне дочь, — с вызовом ответил Северцев.

— Очаровательно, — вздохнул Герасимов. — Насколько я знаю, эта болезнь — любовь — не лечится. Хотя странно: влюбиться в женщину старше на много лет, да еще с ребенком... да еще бывшую тетрархом...

— Вам не понять.

— Увы, да. И тем не менее попробую тебя уговорить перейти на нашу сторону. Добровольно. Другие варианты не сулят для тебя ничего хорошего.

— Где Лада? Что с ней? Она жива?

Герасимов пожевал губами, разглядывая гостя с сомнением во взоре.

— Ты вообще способен говорить о деле, Олег Андреевич?

— Только после того, как вы покажете мне девочку.

— Ты разочаровываешь меня.

— Организация, ворующая детей у родителей ради каких-то своих целей, разочаровывает меня еще больше.

Экзарх поморщился.

— Мы можем ошибаться в деталях, но не ошибаемся в главном, в стратегии. Судьба девочки — сущая мелочь по сравнению с той целью, которую поставил перед собой велиарх.

— Скажите уж — господин Крушельницкий. Велиарх — коллективный организм, но Людвиг Остапович все же смог стать общим боссом, не так ли? Однако бог с ним, с велиархом, он — оператор планетарного уровня, маленький уродливый хозяйчик небольшой планеты под названием Земля. Есть и над ним начальники, я уверен, и я обещаю добраться до них, если вы сами

не в состоянии навести порядок в собственных рядах. Потому что главными принципами жизни людей были и остаются этические ограничения типа «будь справедлив» и «не мешай жить другим».

Герасимов оглядел лицо говорившего прищуренными глазами, помолчал, переваривая услышанное.

— Похоже, мы не договоримся, Олег. Я знал, что ты человек упрямый, идейный и совестливый, но не думал, что настолько. А если мы захватим твоего отца? Ты все равно будешь упорствовать в свой философии?

Северцев потемнел.

Экзарх засмеялся.

— Не стесняйся, Олег Андреевич, дай волю своим чувствам, авось полегчает. У тебя на лице написано, что ты хочешь меня разорвать на куски. Попробуй, вдруг получится.

— Каждому воздастся по делам его, — расцепил челюсти Северцев, — рано или поздно. Покажите Ладу, все переговоры — потом.

— Экий ты настырный, — покачал головой генерал. — Прямо как твой отец. Его тоже трудно сбить с пути, если он уже настроился куда-то идти. Что ж, смотри.

Он подошел к столу в углу каюты, щелкнул кнопкой пульта дистанционного управления. Экран телевизора посветлел, налился жемчужным свечением и протаял в глубину. Стала видна обстановка еще одной каюты, стены которой представляли собой приборные панели. Посреди каюты находилась сложная установка со множеством грубых с виду ребер, штанг, шлангов и острых деталей, напоминающих шипастые рыбьи кости. В недрах установки находился длинный параллелепипед из неровных стеклянных окошечек, напоминающий саркофаг.

В каюте перед пультами у стен сидели двое операторов в голубых халатах. Один из них — японец с виду — поднял голову и посмотрел в объектив телекамеры.

— Доктор Йода, — сказал Герасимов, — выдвиньте на минутку инвертор.

Японец молча пробежал пальцами по клавиатуре пульта перед собой, и прозрачный саркофаг медленно выдвинулся из недр странной, создающей эффект живого организма установки.

Северцев сглотнул ком в горле.

В саркофаге лежала опутанная проводами Лада с закрытыми

глазами, с кожистой шапкой на голове, похожей на шлем мотоциклиста, и с браслетами на руках и ногах.

— Что вы с ней сделали?!

— Ничего, — сказал Герасимов. — Ну, или почти ничего. Пришлось подавить ее пси-сферу, чтобы она не сбежала. Это не опасно для жизни.

Северцев сделал шаг вперед, и тотчас же что-то тихо щелкнуло в стене напротив — это раздвинулась сегментовидная, как у фотоаппарата, заслонка, открывающая упрятанный в стене ствол винтовки или пулемета.

— Отпустите ее!

Экзарх выключил телесистему, иронически посмотрел на путешественника.

— Это невозможно. Даже если бы захотел, я не смог бы отпустить девчонку. Ее хозяин — мой начальник.

— Она не рабыня, а ваш начальник — не Господь Бог!

— Тем не менее ничем не могу помочь. Девочка нужна Людвигу Остаповичу для контакта с... э-э...

— Глубинником!

— Ты и это знаешь? — удивился Герасимов. — Поздравляю. Ты действительно ценный кадр, не придется даже объяснять наши задачи.

— Не придется! — глухо пообещал Северцев.

— Иди, подумай. — Экзарх не обратил внимания на реплику собеседника, ткнул пальцем в стол.

Дверь каюты открылась, на пороге возник сутулый Шютта.

— Отведите его в кормовой кубрик.

— Там угларх...

— Плевать, он в шоке, так что ничего не произойдет. Через час прибудет с а м, пусть и решает, что с ними делать.

Северцев молча повернулся и вышел из каюты экзарха. В коридоре его подхватили под руки двое мощных парней в черном, ударили в живот, потом по затылку и поволокли в трюм. Швырнули на пол тесного кубрика с крохотным иллюминатором и двумя койками — одна над другой. На нижней неподвижно лежал ничком Виктор Красницкий.

Дверь закрылась, с лязгом повернулись кремальеры.

Северцев с трудом сел на полу, пощупал гудящую голову и пообещал себе утопить в море весь экипаж яхты вместе с ее владельцем.

* * *

Над горами пролетел вертолет.

Анатолий Романович проводил его глазами, покосился на Варвару.

— Насколько я понимаю, здесь не должно быть людей. А вертолеты между тем летают как у себя дома.

— На Кипре есть база... — начала Варвара.

— Я не об этом. Каким образом в этот мир «будущего» попадают такие крупные объекты? Вертолеты, яхта... Для переноса людей существуют синхроны, а для них?

— У каждого экзома в распоряжении большие синхро-системы, способные драйвировать на S и E-трафики крупные объекты, вплоть до океанских субмарин. Я, например, знаю, что одна такая субмарина плавает в океане Европы.

— В каком океане? Атлантическом?

— Я имею в виду спутник Юпитера.

Анатолий Романович посмотрел на Николая.

— Иногда мне хочется проснуться.

— Мне тоже, — улыбнулся бывший учитель Северцева. — Однако, к великому сожалению, это не сон. Предлагаю начать операцию проникновения. Прошло уже больше часа, а от наших ни слуху ни духу. Чувствую, что-то случилось. Могу пойти первым.

— Нет, — качнула головой Варвара, — первой должна идти я.

— На мой взгляд, это неправильно, — возразил Анатолий Романович. — Мы должны идти все вместе, чтобы не распылять силы. Нас не ждут, и этим надо воспользоваться.

— Согласен, — после некоторого раздумья сказал Николай.

— Запоминайте координаты Масс-графа, — сказала Варвара. — Если промахнетесь — назад выбраться будет трудно.

— Не беспокойтесь, — усмехнулся подполковник, — не потеряемся.

— Тогда нам пора. Вы готовы?

— Мы всегда готовы.

Варвара взглянула на вырастающий из-за горизонта туманно-прозрачный столб и включила синхрон.

Через несколько мгновений она оказалась на верхней палубе яхты «Океан», точно в том же месте, где «сошли» с «оси S» Виктор Красницкий и Северцев. Однако вопреки заявлению подполковника Новикова ее здесь ждали. Как только Варвара «проявилась» между куполами и бортиком бассейна, открылась дверь

ближайшего купола, из нее выскочили трое мужчин в черном, и один из них с ходу выстрелил в гостью из имплантора. Отреагировать на выстрел и уйти обратно на трафик «оси S» она не успела.

Люди в черном подбежали к упавшей женщине, держа ее под дулами пистолетов. Тот, что имел «просветлитель», наклонился над ней, вытащил из руки такой же излучатель.

— Смотри-ка, это же сама Сабирова! Вот это сюрприз!

Ответить ему напарники не смогли.

За их спинами проявились из воздуха Анатолий Романович и Николай, а их реакция намного превосходила возможности охранников велиарха.

Через несколько секунд все было закончено. Обошлось без стрельбы. Гости владели всеми возможными приемами рукопашного боя и не тратили время на обдумывание ситуации.

Они не стали обыскивать противников, взяли только их оружие. Счет шел на минуты и секунды. Втащив тело Варвары в тамбур купола, из которого начинались трап на верхний ярус пристройки и спуск на нижние палубы яхты, они вернулись за телами парней в черном, затем разделились. Анатолий Романович направился по ступенькам вверх, Николай же начал спускаться в недра судна. Он не тешил себя надеждой добраться до ушедших ранее Олега и Виктора незамеченным, однако очень хорошо знал, что такое внезапное нападение. Шанс прорваться у десантников был, хотя потеря Сабировой снизила вариативность и силу группы.

Анатолий Романович догнал его на средней палубе, поднял два пальца, показывая, что обезвредил двух членов экипажа. Николай кивнул, поднял вверх ствол имплантора и выглянул в коридор, обегающий строения палубы. Пора было начинать «партизанскую войну» и брать «языка».

ГЛАВА 8

Несколько минут после ухода конвоиров Северцев отдыхал, приводя мысли и чувства в порядок и глядя на лежащего без движения Виктора.

Ситуация в общем-то складывалась патовая, и придумать что-либо умное в таких обстоятельствах было трудно. Оставалось ждать появления велиарха и уже во время беседы с ним начинать

свою игру. Какую именно — Северцев пока не знал, но надеялся на свои силы и счастливый случай.

Рука Виктора конвульсивно дрогнула.

Олег посмотрел на него с жалостью, состраданием и чувством вины, потом на ум пришла неожиданная мысль: а не попытаться ли вывести его из шокового состояния? Вдруг получится?

«Не сходи с ума! — пробурчал внутренний голос. — Вы вдвоем с учителем с трудом вывели его из беспамятства, одному тебе не справиться».

«Я подключу его к своей энергетике».

«Сгоришь, дурак!»

«Не сгорю, трус. Шансов поднять Витю больше не будет, а если он очнется, мы справимся с любым спецназом».

«Как знаешь...»

«Спасибо за разрешение. Теперь не мешай».

Северцев приблизился было к койке, но вспомнил о системах подсматривания и подслушивания, которыми могли пользоваться тюремщики, и сосредоточился на поиске источников электромагнитного «шума».

Источники отыскались почти сразу. Один из них оказался глазком телекамеры, замаскированным под электророзетку, второй — микрофончиком, вмонтированным в компас, висевший на стене.

Подумав немного, Северцев погулял по кубрику, словно невзначай загородил розетку спиной и тут же закрыл зрачок телекамеры разжеванной во рту хлебной массой; в кармане отыскался кусок сухаря. Найти и обезвредить микрофон было делом одной минуты. После этого он подсел к Виктору на койку, склонился над ним, подсунул левую ладонь под затылок, правую ладонь положил на лоб, сосредоточился на энергоотдаче и закрыл глаза.

Сердце забилось с удвоенной частотой, потом перешло в режим медленной стронг-пульсации, прогоняя кровь по сосудам вдвое быстрей, насыщая ткани кислородом до уровня газового алкалоза, сопровождающего гипервентиляцию легких. Это был очень опасный прием, которому Северцева научил Николай для сверхбыстрого — но очень короткого — д е й с т в и я в условиях смертельной опасности. Однако у Олега не было другого выхода. Разве что отказаться от помощи Виктору.

Голова закружилась, наступила эйфория, тело потеряло плотность, превратилось в газовый шар. Он почувствовал, что начи-

нает и с т е к а т ь струей тепла и света в пространство, вспомнил о своей задаче и направил поток энергии через руки в голову Виктора. Глаза заволокло красным туманом. Показалось, что в тело через пятки проникла черная бездна и начала растворять в себе мышцы и кости, оставляя засветившуюся нервную систему жить самостоятельно...

Сколько длилось это состояние, он не помнил. Сознание покинуло его, как только через тело пошел энергетический поток. Очнулся от холода. Прислушался к себе, не ощущая ни рук, ни ног. Сердце билось медленно и неровно, холод подбирался и к нему, но сознание уже заработало, подключая один за другим органы чувств, и Северцев понял, что лежит на полу каюты, уткнувшись головой в металлическую ножку койки, подвернув затекшие руки.

Попробовал шевельнуться, не смог с первого раза. Полежал немного, собираясь с силами. Захотелось плакать. Сил не было. А главное, было абсолютно ясно, что с задачей вывести Виктора из шока он не справился.

«Я предупреждал», — напомнил о себе внутренний голос, тихий и хрупкий, как хрустальный бокал.

«Я жив! — стиснул зубы Северцев. — Значит, не все потеряно!»

Он сосредоточился на макушке, мысленно открыл ее, превратив в антенну, и направил в космос, ловя лучики энергии.

Стало легче.

Кончики пальцев рук и ног стало покалывать, к ним возвращалась чувствительность, а вместе с нею — боль. Северцев снова попытался пошевелиться и наконец смог изменить позу, лег на пол поудобней, закрыл глаза, чувствуя блаженное тепло, растекавшееся от макушки по голове к шее и ниже, в грудную клетку.

Какое-то беспокойство затронуло часть сознания.

Он насторожился, подключая к сознанию сферу экстрасенсорики. Рядом кто-то был, тяжелый, больной, несчастный, и ждал его пробуждения. Олег открыл глаза и увидел Виктора, слегка повернувшего голову и глядевшего на него черными блестящими глазами.

Несколько мгновений они смотрели друг на друга, как бы заново узнавая.

Губы Виктора шевельнулись:

— Что со мной? — Голос актера был невыразителен и еле слышен.

— В тебя стреляли, — почти таким же голосом ответил Северцев.

— Я не чувствую боли...

— Стреляли из «просветлителя».

Виктор помолчал, медленно переваривая сказанное.

— Не помню... но если они стреляли... почему я в сознании?

— Зато я практически без сознания, — нашел в себе силы пошутить Северцев.

Глаза Виктора чуть оттаяли, потеплели.

— Ты меня... откачал?

— Теперь ты мой должник.

— Я уже трижды твой должник.

— Дважды.

— Извини, что-то с памятью... — Виктор попытался встать, но поморщился и снова улегся на койку. — Черт! Я пустой, как... воздушный шарик!

— Лежи, не шевелись, копи силы.

— Что будем делать дальше?

Ответить Северцев не успел.

Запищали кремальеры запоров, ручка двери опустилась.

— Сделай вид, что ты еще в шоке! — быстро шепнул Олег. — И жди момента...

В кубрик вошли двое черноформенных парней.

— Он заклеил камеру! — угрюмо буркнул один из них. — И выдернул микрофон! Вот сука! А мы голову ломаем...

Второй молча пнул Северцева носком ботинка в бок... и полетел на пол, врезался головой в стену кубрика, затих. Первый тюремщик выхватил пистолет, но был в мгновение ока обезоружен и оглушен.

Виктор привстал было, собираясь вмешаться, однако Северцев, чувствуя приближение волны угрозы, прижал палец к губам:

— Лежи! Ты все еще в бессознанке!

Виктор послушно лег, закрыл глаза.

В ту же секунду в кубрик ворвались еще двое вооруженных матросов в черных робах, направили стволы автоматов на Северцева, загородившегося телом охранника.

— Спокойно, мальчики, спокойно, — сказал он, переживая приступ слабости; организм полностью не восстановился, и новая энергопотеря грозила полной обессиленностью. — Я не привык к грубому обращению и просто защищался. Могу я поговорить с кем-нибудь из ваших начальников?

Из-за спин матросов вышел еще один в черном, с красным шевроном на рукаве. Лицо его было абсолютно равнодушным.

— Идемте, вас ждет хозяин.

— Вот и отлично. — Северцев отпустил охранника, вернул ему оружие. — Больше не сучи ножками, не бей лежачих, калекой можешь остаться.

Его пихнули в спину и повели по коридорам и лестницам в нос яхты, на вторую палубу, где располагалась каюта владельца судна. Дверь, толстая, тяжелая, прочная, открылась автоматически и бесшумно. Северцев переступил комингс и оказался в лесу — по первому впечатлению. Каюта велиарха представляла собой уголок «дикой» природы с пальмами, фикусами, рододендронами и ползучим кустарником, почти скрывшим неровные «каменные» стены. Несколько кресел и прозрачный стол с компьютером, а также плоская плита плазменного телевизора терялись в этой зелени, органично вписанные в пейзаж.

Два кресла были заняты. В одном сидел генерал Герасимов — экзарх, одетый в коричневый костюм с галстуком, во втором — мощного сложения мужчина средних лет с красноватым от загара лицом. Одет он был в белую рубашку с короткими рукавами и шорты. Северцев понял, что это и есть господин Крушельницкий, глава Счетной палаты и он же — экзом велиарха, один из эмиссаров СКонС на Земле.

Герасимов встал и вышел, кинув на гостя рассеянный взгляд.

— Проходите, Олег Андреевич, садитесь, — проговорил Крушельницкий неожиданно тонким голосом. — Будьте как дома.

— Спасибо, я постою, — вежливо отказался Северцев.

— Судя по всему, вы имеете превратное представление о сути и цели нашей деятельности. — Тон велиарха не изменился, только в глазах зажглась и погасла искра угрозы. — Мне хотелось бы изменить ваше мнение.

— Вряд ли вам это удастся.

— И все же я попытаюсь. Не скрою, вы ценный индивидуум, судя по тому, что мне рассказали о вас, и ваше участие в деятельности с и с т е м ы весьма желательно. Хотя, с другой стороны, не стоит переоценивать человека, кем бы он ни был. Как известно, незаменимых специалистов не бывает.

Северцев понял смысл сказанного. Велиарх давал понять, что самостоятельность и упорство собеседника имеют пределы.

— Отпустите Ладу, и мы побеседуем.

— Хотел бы, да не могу, — развел могучими руками Крушельницкий; было видно, что он продолжает держать себя в хорошей физической форме и занимается скорее всего бодибилдингом. — Дочь Сабировых — потенциальный лидер, мессия, как принято говорить, и вполне способна изменить анналы СКонС. Во всяком случае — в планетарном масштабе. А это недопустимо.

— Почему? Вы боитесь потерять власть?

— Боюсь, — без улыбки кивнул Крушельницкий. — Да присядьте же, наконец, от этого вашей гордости не убудет.

Северцев подумал и сел в кресло напротив.

— Напитки, чай, кофе, вино?

— Ничего. Впрочем... зеленый чай, если можно.

Крушельницкий не шевельнулся, но буквально спустя несколько секунд в каюте появился стюард во всем черном и принес поднос с чашкой чая, сахарницей и печеньем. Северцев взял чашку, отхлебнул, чувствуя побежавшую по пищеводу волну тепла. Система восстановления сил организма заработала интенсивнее.

— Глинтвейн, — приказал Крушельницкий.

Стюард кивнул, удалился и принес на подносе бокал дымящегося напитка малинового цвета.

— Теперь давайте порассуждаем. — Велиарх взял бокал, отпустил стюарда. — Что такое БМГ? Несомненно, вам уже известна физическая суть термина. Добавлю: БМГ — это солитон или в о л н а жизни, скользящая по оси состояний в сторону увеличения размеров более сложных белковых систем. Причем не только на Земле, но и вообще во всем объеме «креста состояний», то есть — Вселенной. Но эта волна неоднородна, и некоторые формы жизни чрезвычайно агрессивны по отношению к остальным.

— Например, люди.

— Ну, мы — не самая агрессивная форма разума, есть гораздо более опасные существа. И вот они-то и нарушают баланс Божественной Программы и требуют постоянного вмешательства. Конечно, мы тоже не ангелы, надо признаться, почему и приходится напрягаться нашей службе, удерживать гармоничное сочетание власти и исполнения, желаемого и действительного, мечты и возможности. Те три разумные расы, предшественницы человечества, не смогли этого сделать и ушли со сцены истории. Программа вычеркнула их из жизни.

— Не Программа, а Подпрограмма, — усмехнулся Северцев. — Не передергивайте. Возможно, когда-то СКонС в точно-

сти следовала принципам Создателя, но теперь она трактует их иначе, перевернула смысл большинства светлых понятий и терминов и спокойно выдает черное за белое, уродство за красоту, зло за добро. Или это не так?

— Вы заблуждаетесь, — качнул массивной головой Крушельницкий. — Если бы мы не вмешивались в эволюцию БМГ, жизни давно бы не было, наступил бы полный хаос, коллапс. К примеру, человек со всем своим биологическим наследием — животное, к тому же очень жестокое животное, и только наше вмешательство позволило ему освоить нишу разума на Земле. Которую, кстати, могли бы заполнить и другие виды жизни — лемуры, слоны, дельфины, птицы, колонии насекомых. Так что мы делаем благое дело, не во имя одного человека, а во имя всего человечества, во имя идеала.

Крушельницкий допил глинтвейн, вытер губы тыльной стороной ладони, снисходительно глянул на собеседника.

— Потенциал человека гораздо более высок, чем степень его реализации. Появление таких одаренных детей, как дочь Сабировых, тому подтверждение. Однако социальная гибкость и адаптивность ярких личностей гораздо ниже, чем средних, поэтому Программа наделяет людей из всех потенциальных возможностей самыми минимальными, чтобы снизить потери от социальных конфликтов. В нынешних условиях — это ошибка. Вот СКонС и пытается ее исправить.

— К чему вы ведете? — не понял Северцев. — Если Программа Творца направлена на репродукцию людей с экстраспособностями, то зачем вы корректируете ее, уничтожая этих людей?

— Не всегда, только тех, кто становится социально опасен. В большинстве случаев эти личности добровольно соглашаются работать с нами.

— Кто же это, интересно? Не назовете имена?

— Да хоть сотню. Например, Эйнштейн, Вернер фон Браун, наши Сахаров, Ленин, Лев Толстой, многие президенты, премьер-министры, политики, деятели культуры.

— Не может быть!

— Это факт, — развеселился Крушельницкий; его почти женский голос мурлыкал, убаюкивал, успокаивал, обволакивал сознание, и смысл слов начинал уплывать, теряться, так что Северцеву приходилось напрягать психику, чтобы вникать в сказанное.

— Но Лев Толстой... он же... классик...

— Лев Толстой был масоном, а масонские ложи и ордена — наше детище. Его доктрина непротивления злу насилием сыграла важную роль в формировании слоя инертных людей, в коррекции социума. Вы должны понимать, что нет ничего негативного в объединении людей вокруг одной сильной личности. Вопрос лишь в том, к у д а эта личность поведет учеников, паству. И тогда на сцену истории выступаем мы.

Северцев с силой потер лоб, вытянул вперед ладонь.

— Погодите... все это хорошо... то есть печально... Я все равно признаю только закон справедливого воздаяния по заслугам, закон возмездия, если хотите. И для меня люди, похищающие детей для своих, пусть самых что ни на есть благородных целей, — негодяи! Вернемся к девочке. Объясните внятно, зачем она вам. Что вы с ней хотите сделать?

Крушельницкий поморщился.

— Вы безнадежно упрямы, Олег Андреевич, это до добра не доведет. У меня нет времени на разговоры, но вам я отвечу. Мы упоминали о других существах, населяющих миры БМГ, более жестоких и непредсказуемых, чем человек. Эти существа, к великому сожалению, есть и на Земле. Точнее — на ядре Земли.

— Глубинники...

— Точно так. Их разум еще в зачаточном состоянии, но Программа запущена, глубинники набирают силу, начинают изучать планету, выбираться на поверхность, и человечеству вскоре придет конец. Уже сейчас число землетрясений и стихийных бедствий — проявление деятельности глубинников — подошло к опасной черте, а через десять-пятнадцать лет процесс станет необратимым, понимаете?

— Нет. При чем тут Лада?

— Если мы сегодня не защитимся, завтра мы исчезнем! Дочь Сабировых нужна мне для контакта с глубинниками. Мы хотим договориться с ними о разграничении сфер влияния.

Северцев задумался. Слова велиарха отражали беспокойство всего руководства СКонС грядущими изменениями собственного положения, но в них крылся некий изъян, пока неуловимый для путешественника. Над ним надо было поразмышлять, проанализировать всю информацию и понять, что именно не нравится в парадигме велиарха. Но Крушельницкий не дал ему времени на размышления.

— В настоящее время Программе важен и интересен не от-

дельный человек как личность, — продолжил он, — а система под названием человечество. Структура гораздо больших масштабов и возможностей. Мы должны помочь ее становлению. Вот почему отдельный индивид не играет большой роли. А иногда и мешает. Пусть люди в массе своей и потеряют ряд первичных свойств, зато по мере все более плотного включения их в социальный организм окрепнет в с е человечество как коллективная разумная система. И только она сможет на равных потягаться с новым видом разума — глубинниками. Кстати, это тоже коллективный организм, нечто вроде грибницы, растущей на ядре Земли. Но суть не в этом. Хотите поучаствовать в эксперименте?

Северцев очнулся.

— У меня есть выбор?

— В принципе мы обойдемся и без вас, но лучше все-таки присоединиться. Так вы скорее убедитесь в благих намерениях моей команды.

Северцев хотел возразить, но вовремя остановился. Мысль, пришедшая в голову, позволяла усыпить бдительность велиарха и отреагировать на предлагаемое действо в нужный момент.

— Хорошо, я посмотрю, чем это закончится. Но пообещайте, что с головы девочки не упадет ни один волосок!

— Разумеется, — легко пообещал Крушельницкий.

Его вывели на палубу с руками, скованными сзади наручниками, и Северцев увидел близкий скалистый берег, небольшую бухточку и висящий над ней вертолет.

Яхта стояла у каменного столба с плоской вершиной, на которую был спущен трап с борта судна. Столб соединялся с берегом ажурным мостиком. Ровная площадка, на которую поднимался мостик, была явно создана человеческими руками.

На столбе, а также на берегу неподвижно стояли черные фигуры, вооруженные автоматами. Их было не меньше двух десятков, и Северцев с сожалением подумал, что в одиночку справиться с такой армией хорошо вооруженных и подготовленных бойцов вряд ли возможно.

На палубу вышел Крушельницкий в сопровождении таких же рослых и мощных парней, как и он сам. На велиархе был пятнистый комбинезон и зеленый берет, превращавшие его в командира спецназа. В руке он нес небольшой плоский кейс с блестящими выступами.

— Извините, Олег Андреевич, — сказал он без всякого раскаяния в голосе, — что мои мальчики связали вам руки. Но береженого бог бережет. Мне напомнили, что вы классный мастер рукопашного боя.

— Пуганая ворона куста боится, — пробормотал Олег, осторожно пробуя освободить руку из кольца наручников; к счастью, ему не защелкнули их до упора, оставив слабину, и шанс протащить руку сквозь кольцо, расслабив мышцы и вынув фаланги пальцев из суставных сумок, у него был.

— Ничего, потерпите немного, наш эксперимент не займет много времени.

Крушельницкий махнул рукой сопровождающим и направился по трапу на берег. Северцева подтолкнули в спину, отчего он вынужден был последовать за велиархом. Догнал, пошел чуть сзади, отметив боковым зрением, что вертолет, висевший в отдалении над бухтой, приблизился и завис теперь над скалами берега, поднимая винтами пыль. Чтобы разговаривать, приходилось напрягать голосовые связки.

Они сошли на плоскую плиту берега, действительно созданную человеческими руками — из бетона. Крушельницкий прошагал еще с десяток метров и оглянулся. Обернулся и Северцев, размышлявший о пропавших без вести товарищах. Где сейчас находились Варвара, Николай и Анатолий Романович, можно было только догадываться. Но Олег надеялся, что они где-то поблизости и вмешаются, как только позволит ситуация.

— Скажите, Людвиг Остапович, — прокричал он, — почему вы для контакта с глубинниками выбрали Кипр?

— Потому что они сами вывели сюда канал связи, — отозвался Крушельницкий. — Сначала мы хотели устроить узел коммуникаций в Монголии, где тоже появились выходы глубинников, но нам помешали.

Северцев вспомнил поход с Виктором к месту «посадки НЛО». Сверкнувшая в голове догадка объяснила ему все.

— Кто помешал? Не Крушан Сабиров, случайно?

— Все-то вы знаете, — раздвинул в гримасе, похожей на улыбку и оскал одновременно, узкие губы Людвиг Остапович. — Да, он решил устроить диверсию и бросил в слуховую трубку выхода глубинника мощную акустическую гранату. К сожалению, мы не успели его перехватить. И от Монголии пришлось отказаться. Поэтому мы здесь.

— А почему — в белой ветви трафика?

— Потому что пик развития глубинников на «S-оси» лежит «впереди» пика развития человечества. В наше время, называемое всеми «настоящим», они — еще любопытные дети, здесь же они уже взрослые, и с ними проще договориться.

На палубе яхты появилась диковинная тележка с прозрачным саркофагом. Трое парней в черном осторожно спустили ее на берег, и Северцев, увидев лежащую в саркофаге Ладу, почувствовал, как от страха за жизнь девочки сократились мышцы живота.

Крушельницкий покосился на него, качнул головой.

— Что вы так нервничаете, Олег Андреевич? Она же не ваша дочь. К тому же мы не собираемся принести ее в жертву. — Он махнул рукой, и тележку на больших мягких колесах покатили к проходу в скалах.

Охранники перестроились, взяв в кольцо тележку и велиарха с его связанным гостем.

Проход в скалах был извилистым, напоминал ущелье и тянулся метров на триста, очищенный от камней и кое-где расширенный. Он вывел процессию к широкой котловине с плоским дном, окруженной зубцами скал. В дне котловины, в ста метрах от устья ущелья, виднелось двадцатиметровое отверстие, окруженное валом мелких и крупных камней. А над валом были смонтированы две металлические платформы с перилами, одна рядом с другой, к которым из ущелья спускался ажурный, поддерживаемый металлическими фермами мостик.

Вертолет, сопровождавший отряд велиарха, сделал круг над котловиной и завис чуть в стороне от дыры в ее дне. Это была отечественная аварийно-спасательная машина «Ка-32» с двумя винтами на одной оси, способная нести до четырех тонн груза на борту, а с внешней подвеской — и все пять.

В днище ее открылся люк, из которого на тросе спустился длинный блестящий цилиндр с выпуклым стеклянным глазом.

Тележку с телом Лады в саркофаге подкатили к первой платформе у отверстия, открыли саркофаг.

— Пойдемте, — сказал Крушельницкий, явно возбужденный; у него блестели глаза и дергалась щека. — Сейчас начнем.

Они спустились по мостику на вторую платформу с двумя автоматчиками, — остальные остались в устье ущелья и на мостике, — и Крушельницкий раскрыл кейс, оказавшийся ноутбуком,

установил его на специальное возвышение из металлических уголков, напоминающее пюпитр.

Вертолет подплыл к отверстию в дне котловины и начал спускать в него цилиндр.

Время для Северцева словно остановилось, хотя он так и не принял никакого решения, не зная, что делать.

ГЛАВА 9

Они наблюдали за высадкой в иллюминатор каюты на второй палубе, куда проникли после короткой схватки с одним из охранников палубы, затащив туда же и тело парня, одетого в черную робу. До этого момента ни Анатолий Романович, ни Николай не знали положения дел на борту яхты, и, лишь увидев Северцева, которого конвоировали два амбала в черном, рядом с гигантом в камуфляже и берете, оба наконец поняли, что происходит.

С момента их высадки на верхней палубе прошло чуть больше сорока минут, но так как до сих пор никто не поднял тревоги, это означало, что проникновение десантников на борт судна прошло незамеченным. Шансы выяснить обстоятельства молчания Северцева и Виктора в таких условиях оставались достаточно реальными. Пока что счет был четыре-один в пользу наших: охрана выключила из игры Варвару, десантники обезвредили четырех матросов, сумев сделать это быстро, тихо и незаметно.

— Он один, — сказал сквозь зубы Анатолий Романович, наблюдая за процессией, сходившей по трапу и мостику на берег. — Где Виктор?

— Скорее всего на борту, — ответил скороговоркой Николай. — Либо он с ними заодно, либо его снова долбанули по голове и захватили в плен.

— Будем искать?

— У нас есть «язык».

Анатолий Романович оторвался от иллюминатора, посмотрел на неподвижное тело матроса.

— Он еле дышит.

— Ничего, сейчас я его приведу в чувство для допроса.

Николай склонился над парнем, помассировал ему грудь, потом лоб, приложил к вискам ладони, и через минуту матрос открыл глаза.

— Лежи! — приказал Николай металлическим голосом. — Ни

о чем не думай! Тебе тепло и удобно. Кругом свои. Где находится захваченный вами угларх Виктор Красницкий?

— Красницкий... не знаю... — прошептал пленник еле слышно.

— Их было двое. Один сейчас с хозяином на берегу. Второй — угларх, где он?

— Угларх... внизу... носовой кубрик...

— На какой палубе?

— Трюм...

— Благодарю. Теперь спи!

Парень вздрогнул и закрыл глаза, расслабился.

— Я был прав, — сказал Николай. — Что ж, идем вниз. Надо выручать Олежкиного друга. Заодно неплохо бы захватить яхту. Куда бы велиарх ни направлялся с Олегом, возвращаться все равно будет сюда.

— Пожалуй, я тоже не против подготовить ему сюрприз, — хладнокровно сказал Анатолий Романович. — А еще желательно поднять на ноги Сабирову. Ее помощь лишней не окажется.

— Пошли.

Они приготовили к бою бесшумные снайперские винтовки Варвары, имплантеры, настроенные на оглушение и подавление воли человека, и выскользнули из каюты в коридор.

Им, можно сказать, повезло. Большая часть экипажа яхты сошла на берег, сопровождая велиарха и его «гостя», а оставшиеся матросы и охранники несли службу спустя рукава, будучи уверенными в прочности своего положения. Основная масса оставшихся членов экипажа находилась на своих рабочих местах, по яхте бродили только немногочисленные охранники в черном, с завистью поглядывая на берег. Николай и Анатолий Романович встретили на своем пути троих парней, не ждавших никаких гостей, и отправили их в мир сна без особых затруднений. «Пустые» имплантеры работали исправно, отключая сознание людей в течение одного-двух мгновений, поэтому применять бесшумки не пришлось ни разу.

Спустились по трапам в трюм яхты, нашли коридорчик, ведущий к носу судна, с рядом дверей. Здесь, очевидно, располагались каюты и кубрик экипажа. Думали, что придется открывать или взламывать каждую дверь в поисках изолятора, в котором держали Виктора, но им повезло опять. За Красницким как раз пришли двое верзил в черном, собираясь его перевести в другую каюту или вообще высадить на берег, и появление десантников

совпало с моментом короткой схватки, которую затеял Виктор, чтобы освободиться.

Вероятно, он справился бы с этим и сам: тюремщики не ожидали нападения и не были готовы его отразить. Виктор вырубил одного из них, схватился со вторым, и Николай помог ему справиться с дюжим парнем, вес которого, наверное, превышал сто двадцать килограммов. Только точно нанесенный удар в затылочную ямку и свалил этого здоровяка.

— Вы?! — изумился Виктор, получив неожиданную поддержку.

— Нет, призраки, — ответил Николай. — Что тут произошло?

— Меня нокаутировали «просветлителем». Олег вытащил меня из шока, буквально с того света.

Николай и Анатолий Романович обменялись взглядами.

— Парень растет на глазах, — сказал Новиков бесстрастно.

— Где он сейчас? — не обратил на его реплику внимания Виктор.

— Сошел на берег острова в компании с Крушельницким.

— Что они задумали?

— Олег вряд ли согласится с предложениями велиарха, — сказал Николай. — Скорее его принудили участвовать в какой-то акции. Ребятки в черном выгрузили на берег тележку с прозрачным ящиком, внутри которого дочь Сабировой.

— Где сама Варвара?

— Лежит без сознания в пристройке на верхней палубе. В нее тоже стреляли из имплантора.

— Ее надо срочно разбудить! А их надо остановить!

— Вы знаете, что они собираются делать?

— Велиарх задумал использовать девочку для контакта с глубинниками. Эти эксперименты идут давно, однако еще ни один не дал положительного результата. Глубинники — потенциальная смена человечества, и с ними нужно договориться о разделе сфер влияния, пока они не подчинили себе всю Землю.

— Хороший замах! — проворчал Анатолий Романович. — Значит, и здесь то же самое, что и везде? Передел рынка власти? Я бы не хотел в этом участвовать. Мне нет никакого дела до амбиций велиарха.

— Мне тоже, — сказал Николай. — Но девочка может погибнуть, и там наш друг, попавший под жернова СКонС, их надо спасать.

— Да я не отказываюсь. Но мне все это очень не нравится.

— А кому сейчас легко? — криво усмехнулся Виктор. — Олег

спасал меня дважды, теперь моя очередь. Даже если вы откажетесь участвовать в операции по его освобождению, я попытаюсь это сделать один.

— Молодежь, молодежь, — укоризненно покачал головой подполковник, — вечно лезет поперек батьки в пекло. — Он посерьезнел. — С чего начнем? Времени у нас в обрез!

— Начнем с Варвары, — сказал Николай. — Ее могут обнаружить, засадить под замок, и мы потеряем больше времени.

— Согласен. Вперед!

— Я пойду первым, извините.

Николай приоткрыл дверь кубрика, выглянул в коридор, никого не обнаружил и тенью просочился в щель. За ним выбрались из кубрика остальные. У трапа на несколько секунд задержались, так как услышали голоса, доносившиеся из трюма.

— Как бы они не ударили нам в спину, — процедил сквозь зубы Анатолий Романович. — Давайте я спущусь и нейтрализую команду в трюме, пока вы будете возиться наверху.

Николай кивнул.

Подполковник ссыпался по трапу вниз, а Николай с Виктором метнулись наверх, сначала на вторую палубу, потом на третью. Им встретился всего лишь один охранник в черном, скучавший у перил второй палубы. Оказать сопротивления «призракам» он не успел.

Варвара и два члена экипажа яхты, встретившиеся десантникам первыми, все еще лежали там, где их оставили, — на полу купола, служащего, очевидно, постом управления радарами. Так как яхта пристала к берегу, радары были выключены, и никто из матросов сюда зайти не догадался.

Николай склонился над телом Сабировой, положил рядом имплантор и бесшумку.

— Дайте мне, — протянул руку Виктор. — Я постерегу снаружи, чтобы не помешали.

Николай с почти незаметным колебанием протянул ему имплантор, и Красницкий исчез за дверью, ведущей из купола на палубу. Однако спустя несколько мгновений вернулся и шмыгнул в люк, из которого они поднялись в пост, бросив на ходу:

— Там никого...

Николай снова занялся Варварой, проделывая ту же процедуру, что и Северцев с Виктором. Только он был опытнее и осто-

рожнее, поэтому не отдал все силы при перекачке энергии и добился результата быстрее.

Варвара шевельнулась, открыла затуманенные глаза.

Николай отодвинулся, сел рядом на пол, скрестив ноги.

— Вставайте, Варя.

— Что... случилось?

— Вы были парализованы.

— Имплантор?

— Да, вас оглушили из имплантора.

— Я не успела...

— Немудрено, они ждали вас.

— А как же вы?

— Нас они не ждали, поэтому все обошлось.

Варвара осторожно приподнялась, села, закусив губу. На ее лбу выступили бисеринки пота. Глаза прояснились, в них появилась сосредоточенность и тревога.

— Где Олег?

— Сошел на берег вместе с велиархом. С ними ваша дочь в каком-то прозрачном контейнере.

— Моя девочка! — Варвара побледнела, с усилием поднялась. — Они повезли ее в зону коммуникатора...

— Куда?

— Велиарх замыслил установить контакт с глубинниками, для этого ему нужна Лада.

— Она же без сознания. Как можно использовать человека для контакта, если он находится в шоке?

— Прозрачный контейнер — это программатор большой мощности, с его помощью можно активировать п о л н у ю матрицу СКонС.

— Ну и что?

— Детская психика неустойчива, — глухо сказала Варвара. — После этого Лада уже никогда не будет нормальным человеком. Она станет таким же монстром, как экзомы велиарха.

— Ясно. — Николай закончил восстановление душевного равновесия, поколебленное мощной энергоотдачей, и встал. — Тогда нам надо поспешить на берег и остановить велиарха. Возьмите бесшумку и следуйте за мной.

— А где остальные?

— Они сейчас будут.

Словно услышав его слова, в куполе появился Анатолий Романович, деловито-сосредоточенный и спокойный.

— Вы уже на ногах? Очень хорошо.

Николай вопросительно посмотрел на него. Новиков добавил:

— В трюме было трое и на первой палубе столько же. Плюс двое охранников на второй палубе. Все тихо.

— Надо немедленно догонять команду Крушельницкого, пока он не включил программатор. Девочке, да и Олегу, грозит большая опасность.

Анатолий Романович бросил взгляд на Варвару.

— Сочувствую, мадам. Я готов. Где Виктор?

— Здесь я, — послышался голос актера. Из люка высунулась его бритая голова. — Что тут у вас? Вы уже в порядке? Поздравляю. Что надумали?

— Сходим на берег.

— Давно пора. Правда, я упустил одного... — Виктор поморщился. — Странно, что он не стал стрелять в меня... шустрый такой мужичок, в необычном камуфляже, я его поначалу не заметил. Кинулся за ним, но он словно в воздухе растворился.

Мужчины и Варвара переглянулись.

— Это плохо, — проворчал Анатолий Романович. — Надо бы поискать парня и договориться, чтобы не шалил.

— Черт с ним! — махнул рукой Николай. — Нет времени. Один он ничего не сделает, мы подстрахуем друг друга. Уходим.

Они начали спускаться в люк на вторую палубу.

— Я тут ПЗРК нашел, — сказал Виктор, отступая и кивая на пятнистый контейнер с четырьмя ручками. — Наш, отечественный, «игла-3», новехонький. Возьмем с собой на всякий случай?

— Потеряем маневренность.

— Ничего, он не слишком тяжелый, даже Варвара унесет.

— Понесу, — согласилась женщина.

— Все, поехали!

Первым на берег по трапу и мостику перебежал Анатолий Романович, взял под прицел бесшумки борт яхты.

За ним тем же манером проскочил Николай. Последними яхту покинули Варвара с контейнером на плече и Виктор, прикрывающий ее спину. Ему показалось, что в иллюминаторе мелькнуло чье-то лицо, но никто не выскочил на палубу вслед за ними и не открыл огонь. Яхта казалась мертвой, лишь на носу продолжа-

ла вращаться какая-то решетчатая антенна, не выключенная уснувшими на капитанском мостике рулевым и капитаном судна.

Пятясь, все четверо преодолели открытое пространство берега и вошли в ущелье, прорезавшее скальную гряду. Здесь никого не оказалось, и отряд увеличил скорость движения. День выдался ясный, на небе не было видно ни одного облачка, и лишь призрачная туманная колонна перечеркивала небосклон, исчезая в синеве на невиданной высоте. Но видели эту колонну только Варвара и Николай, обладавший тонкой сферой внечувственного восприятия.

— Что это? — показал он глазами на серебристо-зеленоватый силуэт.

— «Хроноклюв», — ответила Варвара рассеянно. — След Программы. Будущее БМГ, если говорить проще. Вы тоже его видите?

— А разве эту колонну можно не заметить?

— О чем речь? — оглянулся Анатолий Романович.

— Ты что-нибудь видишь над головой?

Подполковник мельком взглянул на синее небо.

— Ничего. А что? Вертолет?!

— Нет, речь идет о другом. Виктор, вы тоже ничего не видите?

— Шутите? На скалах никого нет.

— А в небе?

— Ни одного облачка.

— Этот трафик могут наблюдать только люди с экстрасенсорным резервом, — очнулась от своих мыслей Варвара. — Хотя счастливее они от этого не становятся.

— Расскажете потом об этом явлении.

— Не отвлекайтесь! — недовольно прошипел Виктор.

Отряд бегом преодолел триста метров ущелья и вышел к его устью, охраняемому двумя парнями в черном. К счастью, они смотрели в другую сторону, на дно котловины, над которым завис вертолет, и появления нежелательных свидетелей не заметили и не услышали.

Николай, двигаясь так быстро, что Варвара его иногда переставала видеть, подобрался к охранникам вплотную и уложил на камни точными выстрелами из имплантора. Остальные охранники команды велиарха с интересом наблюдали за происходящим, да и находились внизу, на мостике и на платформе, поэтому никак не отреагировали на смену коллег другими действующими лицами.

— Что там происходит?! — прошептал пораженный увиденным Анатолий Романович.

Никто ему не ответил. Этот вопрос волновал каждого.

ГЛАВА 10

Затаив дыхание, смотрел на эту сцену и Северцев. С одной стороны, ему было безумно интересно, чем закончится эксперимент велиарха с глубинниками, с другой, он понимал, что нельзя допускать участия Лады в эксперименте в качестве подопытного кролика. Наверняка это должно было травмировать психику девочки и привести к трагическим последствиям.

Между тем развертка эксперимента продолжалась.

Цилиндр ушел в отверстие шахты, проделанной в породах острова скорее всего прошлым выходом глубинника. Лишь трос, подрагивая, продолжал вытягиваться из люка в днище вертолета. Сам вертолет, наоборот, поднялся выше, метров на пятьдесят над уровнем дна котловины.

Крушельницкий включил ноутбук, оказавшийся пультом управления, и пробежался толстыми пальцами по клавиатуре.

Произошли сразу два события.

Из основания тележки, на которой лежал саркофаг с телом Лады, вылезли корявые и ветвистые рога, соединились над головой девочки в грубо-ажурный шатер. И одновременно вертолет отцепил трос, упавший в шахту, и отработал в сторону, завис чуть в стороне от ее устья.

Охранники отступили от саркофага, торопливо перешли на вторую платформу, где находились Крушельницкий, Северцев и еще два члена команды велиарха.

Из шахты вдруг вырвался столб яркого света, погас. Но вслед за ним раздался свистящий приближающийся гул, земля и платформы на ней содрогнулись, завибрировали, закачались, как на волнах. Люди удержались на ногах, лишь вцепившись в перила ограждения платформ. Северцеву удалось это сделать только благодаря природному чувству равновесия. Он хотел было крикнуть Крушельницкому, чтобы тот остановил эксперимент, но в этот момент земля задрожала снова, и под гулкий грохот из шахты выметнулось вверх гибкое, чешуйчатое — чешуи имели темно-зеленый цвет и жирно блестели, — толщиной в нефтеналивную цистерну щупальце с черным дымящимся вздутием наверху.

Щупальце вытянулось вверх на полсотни метров, застыло на мгновение чудовищной жидкометаллической колонной. Затем черное вздутие на его вершине разошлось сегментами диафрагмы и открыло нечто вроде кристаллического, фасетчатого, прозрачно-жемчужного, с желтыми искрами в каждой фасетке, глаза.

Люди почувствовали на себе тяжелый нечеловеческий взгляд, вздрогнули, попятились. Лишь велиарх, возбужденный, раскрасневшийся, увлеченный происходящим, удовлетворенно потер руки и снова склонился над клавиатурой ноутбука.

Из основания саркофага высунулось какое-то сложное устройство, напоминающее корявый ствол пушки. Из него выскочила длинная фиолетовая искра, погасла, не долетев до щупальца глубинника.

Крушельницкий нажал клавишу.

Электропушка задрала ствол и плюнула еще одной молнией, достигшей на сей раз тела глубинника. Щупальце конвульсивно изогнулось и приблизило к платформе свой жуткий глаз...

— Начинаем! — сказал Николай, распаковывая контейнер зенитно-ракетного комплекса. — Велиарха снять сможешь?

— Вообще-то я не снайпер... — сквозь зубы процедил Анатолий Романович, с сомнением взвешивая в руке бесшумку.

— Это сделаю я! — решительно сказала Варвара. — В молодости я выступала за сборную команду Казахстана по пулевой стрельбе.

— Хорошо, постарайтесь с первого выстрела вывести из строя программатор. Потом качественно снимите велиарха.

Варвара оперлась спиной о стенки ущелья, вдавила приклад снайперской винтовки в плечо и передернула затвор. Делала она это так умело и целеустремленно, что не приходилось сомневаться в ее навыках стрелка.

— А вы работайте по охране, — сказал Николай; на приведение ПЗРК в готовность к стрельбе ему понадобилось всего несколько секунд. — Как только я выстрелю — начинайте.

Он прицелился...

Из шахты повалил сизый дым.

Щупальце глубинника заколебалось, словно намереваясь разделиться на несколько частей.

Северцеву показалось, что он услышал тихий вскрик Лады:

— Мамочка... Олег... спасите меня!..

Больше он не раздумывал.

Наручники словно сами собой соскользнули с запястий.

Олег в три удара освободился от опеки телохранителей велиарха, с опаской рассматривающих чудовище, каждым ударом сбрасывая парней в черном с платформы на камни котловины, и метнулся к первой платформе. Остальные охранники спохватились, когда он уже был рядом с прозрачным саркофагом.

— Убейте его! — заревел Крушельницкий.

Охранники схватились за автоматы.

В то же мгновение саркофаг вдруг разлетелся стеклянными брызгами, открывая лежащую без движения девочку.

Северцев, не останавливаясь, сорвал с ее тела провода и чашки датчиков, одним движением подхватил девочку на руки и прыгнул с платформы вниз, избегая контакта с глазом-щупальцем глубинника, замершего над платформой на высоте трехэтажного дома. Пули охраны, выпущенные по крайней мере десятком стрелков, путешественника не задели.

— Убейте... — начал снова Крушельницкий и замолчал, будто в рот ему забили кляп!..

Северцев между тем заскакал по глыбам и плитам вала, окружавшего устье шахты, прочь от живого щупальца с глазом, потянувшегося за ним, нырнул под мостик.

Николай выстрелил.

Дымная стрела ракеты выметнулась из трубы зенитно-ракетного комплекса, по дуге помчалась к шахте, вонзилась точно в кристаллический глаз чудовищной твари.

Раздался взрыв. Во все стороны полетели струи прозрачно-желтых осколков, дымящиеся чешуи и дымные фонтаны. Всю котловину заполнил шипящий взвизг, от которого у людей едва не полопались барабанные перепонки.

Начавшие стрелять по беглецу с драгоценной ношей охранники Крушельницкого попадали у перил платформы и мостика, зажимая уши ладонями. И тотчас же заработали автоматы Анатолия Романовича и Виктора, неслышные в общем грохоте и гуле. Кувыркаясь, тела охранников посыпались вниз, на каменистую почву котловины, с высоты пяти-шести метров.

Крушельницкий — вид его был страшен! — оглянулся на уще-

лье, сообразив, что огонь ведется оттуда, и долго целившаяся Варвара спустила курок своей бесшумки.

Во лбу велиарха появилась отчетливо видимая черная дыра, тут же вскипевшая розовой пеной. От удара пули он откинулся назад и... исчез! Сработал автоматический драйвер велиарха, бросивший его на «ось S». Но, отправляясь в свое последнее нескончаемое путешествие, велиарх Крушельницкий был уже мертв.

Щупальце глубинника с воем втянулось в шахту.

Вертолет, с помощью особого электромагнитного взрыва вызвавший это существо для контакта, повернулся носом к ущелью. Из люка в его дне высунулся контейнер НУРС, готовый к стрельбе. Однако случилось неожиданное.

Из-за спин десантников, занятых фронтальным боем, вдруг вылетела огненно-дымная стрела и понеслась к вертолету, вонзилась прямо в блистер винтокрылой машины. Раздался негромкий по сравнению с предыдущим взрыв, и вертолет начал падать на землю, разламываясь на куски. Оторвавшаяся лопасть винта, кружась, как кленовый лист, врезалась в платформу с двумя уцелевшими членами команды велиарха и начисто срезала ограждение со всеми охранниками.

Николай, Виктор и Анатолий Романович оглянулись, сжимая оружие.

В двадцати шагах от них в глубине ущелья стояли двое мужчин в одинаковых «дымящихся», зеленоватых комбинезонах, неуловимо искажающих очертания фигур. Один был повыше ростом, с длинными светлыми волосами, второй пониже и поплотней, с шапкой черных вьющихся волос. На плече он держал такой же зенитно-ракетный комплекс, из какого Николай поразил глубинника.

Варвара тоже оглянулась, но тут же бросилась по мостику вниз, в котловину, с криком:

— Ладушка! Доченька! Олег!

— Не стреляйте, — сказал русоволосый незнакомец, — мы на вашей стороне. Помогите им, и побеседуем.

— Кто вы? — оскалился Анатолий Романович.

— Я их видел, — озабоченно проговорил Виктор. — В Монголии... и в Москве.

— Кто вы? — требовательно повел стволом автомата подполковник.

— Мы из другого времени, — спокойно ответил черноволосый, снимая с плеча ПЗРК.

В котловине послышались выстрелы.

Мужчины подскочили, оглядываясь.

— Я туда! — выдохнул Виктор, бросаясь на помощь Варваре.

Николай тоже метнулся в котловину вслед за ним. Анатолий Романович посмотрел на незнакомцев, оставшихся на месте, попятился, косясь то на них, то на мостик.

— Мы подождем вас здесь, — улыбнулся русоволосый.

Улыбка у него была открытая, дружелюбная, располагающая, и подполковник больше не колебался, отправляясь помогать своим.

Затрещали выстрелы.

Через несколько минут от команды Крушельницкого не осталось в живых никого.

Северцеву удалось спасти Ладу и выжить самому, несмотря на два ранения — в спину и в плечо. Раны были легкими, хотя пули застряли в тканях тела, и Николай пообещал прооперировать раненого нехирургическим путем.

Поймал пулю — бедром — и Виктор, хотя это не помешало ему поучаствовать в бою. Пуля прошла по касательной, и особого ухода за раной не требовалось. Варвара хотела перевязать актера, но наблюдавшие за ними незнакомцы, неожиданно вмешавшиеся в схватку, предложили всем пройти на борт яхты и там без спешки подлечиться и отдохнуть. Мужчины, чувствующие себя неуютно в такой ситуации, согласились, и вскоре по ущелью потянулась процессия: незнакомцы впереди, за ними Северцев с Ладой на руках, Варвара, державшая дочь за руку, Анатолий Романович, Николай и последним прихрамывающий Виктор.

Позади осталась задымленная котловина и шахта, прогрызенная не то самими глубинниками, не то их горнопроходческими комбайнами для связи с «небожителями» — людьми. Велиарху так и не удалось осуществить свою мечту — договориться с будущими иерархами СКонС, идущими на смену человеку.

* * *

Яхта оказалась абсолютно пустой, ни одного члена экипажа на ней отыскать не удалось. По-видимому, это было делом рук таинственных союзников, но спрашивать их о судьбе матросов никто не решился.

После лечения раненых и выведения Лады из шокового состояния, длившегося больше часа, все собрались в кают-компании судна на средней палубе, чтобы обсудить положение дел. Все понимали, что победа, одержанная ими, явление временное и что СКонС имеет достаточно средств для уничтожения противника. Узнав о гибели экзома, с и с т е м а должна была послать более мощные силы для ликвидации отряда, и передышка долго длиться не могла.

— Где наши неожиданные соратники? — осведомился вошедший в кают-компанию последним Виктор. — Их нигде нет.

Варвара, не отходившая от бледной, осунувшейся, но уже повеселевшей, отошедшей от стресса Лады, оглянулась на Северцева, и тот на мгновение прижал обоих к себе, как бы успокаивая: мол, все будет нормально.

— Они сказали, что они из другого времени, — проворчал Анатолий Романович, сидевший на диванчике с жестянкой пива в руке.

— Как это понимать?

— Как хотите, так и понимайте.

— Может быть, они из какого-нибудь отдела внутренних расследований СКонС? — предположил Николай.

— Я такого отдела не знаю.

— А вы, Варвара Леонидовна?

— Я тоже не знаю.

— Кстати, место велиарха теперь вакантно, — сказал Виктор со смешком. — Я видел, как пуля влипла ему прямо в лоб.

— А он не оживет каким-нибудь колдовским способом?

— Вряд ли. Все носители Подпрограммы — люди, хотя и с некоторыми дополнительными возможностями, но внедренные в мозг пси-импланты не могут функционировать в мертвом теле, а тем более в разрушенном мозге. Так что ты теперь можешь занять его место. — Виктор посмотрел на Северцева. — Как тебе перспектива?

— Спасибо, — улыбнулся Олег. — Я как-нибудь обойдусь без этой перспективы. Есть задачи поважнее.

— Это какие же?

Северцев бросил взгляд на Ладу, встретил ее ответный благодарный и нежный взгляд и подмигнул девочке. Виктор тоже посмотрел на дочь Варвары, покачал головой.

— СКонС нас в покое не оставит. Системники будут пресле-

довать всех, пока не настигнут и не ликвидируют. В отличие от нас, времени у них — бездна.

— Ну, это мы еще посмотрим. Да и несерьезно это — предлагать мне место велиарха.

— А я серьезно. Только так и можно выиграть жизнь и обезопасить себя от новых преследований. Я могу быть твоим советником или на крайний случай телохраном. Да и другие, думается мне, согласятся. И у нас будет классная команда.

Северцев хмыкнул, с недоверием посмотрел на Красницкого, оглядел лица присутствующих.

— Мужики, у меня действительно другие планы.

— Представляешь, какая у тебя будет власть? — добавил Виктор.

— Мне не нужна власть!

— Власть власти рознь, — негромко сказал Николай. — Есть власть мирская, а есть духовная. Первая служит актуальному времени, вторая — вечности.

— Тогда уж я лучше выберу вечность!

— Иного услышать я от тебя и не ожидал. Хотя этот путь далек и труден.

— Ничего, я буду не один. — Северцев снова прижал к себе тихую неулыбчивую Варвару и Ладу.

— Разрешите? — раздался из-за двери вежливый голос, и в кают-компанию вошли недавние союзники беседующих.

— Оставаться здесь долго не рекомендуется, — проговорил тот, что был повыше. — Система контроля S-трафика продолжает работать, и на яхту скоро заявится проверяющий, чтобы выяснить причину невыхода велиарха на связь.

— Кто вы все-таки? — строго спросил Анатолий Романович, в котором продолжал жить сотрудник милиции.

— Меня зовут Игнат Ромашин, а это Павел Жданов. И мы действительно из другого времени.

— Почему вы помогли нам?

— Так получилось, что мы стали свидетелями вашего конфликта с системой контроля реальности, и остались, чтобы выяснить ваши потенции.

— Ну и как, выяснили?

Ромашин и Жданов обменялись беглыми улыбками.

— Вы нас приятно удивили.

— Скажите, — внезапно вмешался в разговор Николай, — та

прозрачная колонна за горизонтом, которую кое-кто называет «хроноклювом», случайно не является каналом связи с вашим временем?

Гости снова обменялись быстрыми понимающими взглядами, как это часто делали Анатолий Романович и Николай.

— У этой колонны много названий, — мягко сказал Ромашин. — Ствол, Башня, Бич времен, Хроноускоритель, Детонатор, Волос Ампары, Посох Творца и так далее. Но в вашей Вселенной она и в самом деле реализована как «тень будущего», лежащая на вечном настоящем.

— Вы оттуда?

— Едва ли на этот вопрос можно ответить в двух словах, — сказал глубоким басовитым баритоном спутник Ромашина.

— Тем не менее нам хотелось бы знать...

— Я прошу вас уйти отсюда в более безопасное место.

— Пока не объяснитесь, никуда мы не пойдем, — не согласился Анатолий Романович.

— Хорошо, мы попробуем, пара минут у нас еще есть. Ты расскажешь? — Ромашин посмотрел на Жданова.

— Давай лучше ты, — сказал тот. — Я подежурю на палубе.

Он вышел.

Ромашин прошел на середину кают-компании, повернулся лицом к слушателям.

— Вообще мы оказались в вашей Ветви из-за любопытства: очень уж необычной у вас оказалась реализация континуума, который вы называете временем. Пожалуй, это единственная Ветвь — на все Древо Времен, которая представляет собой осуществленную концепцию Феникса — Вселенной, не оставляющей н и к а к о г о прошлого. Хотя ради истины стоит признать, что существует множество не менее интересных Ветвей, реализующих другие временные параметры.

— Что такое Ветвь? — перебил Ромашина Виктор. — Какого Древа?

— Начну по порядку, если не возражаете. Ваша Вселенная — Базовый Масс-граф по вашей терминологии — далеко не единственная. Большая Вселенная представляет собой Древо Времен, «веточки» которого реализуют в с е возможные состояния материи. И даже невозможные. — Ромашин прищурился. — Лично я знаком с тремя десятками временных геометрий, среди которых встречаются весьма забавные. Но суть не в этом. В Большой Все-

ленной идет Большая Игра, в результате которой некоторые Ветви Древа отмирают.

— Как — отмирают? Вы хотите сказать, что эти Ветви... Вселенные... исчезают?!

— Увы, да. А мы пытаемся помешать Игрокам отсекать Ветви, уничтожать Вселенные, наполненные жизнью.

— Кто это — мы?

— Скажем, служба глобальной безопасности Древа. Хотя у нее есть и другие названия.

В кают-компании стало тихо.

Потом вышел из ступора Северцев.

— Допустим, это правда. Что вы хотите от нас?

— Присоединиться к нам, — просто ответил Ромашин.

Северцев криво улыбнулся.

— Еще один вербовщик...

Ромашин не обиделся, и улыбка у него действительно была хорошая, приветливая и понимающая.

— В отличие от эмиссаров СКонС, мы не покупаем друзей. Да их и нельзя купить никакими посулами.

— Зато их можно продать, — проворчал Анатолий Романович.

— Мы не из тех, кто продает, — сказал Ромашин прежним дружелюбным тоном. — Мы предоставим всю информацию, какой располагаем, если вам она понадобится, и подождем вашего решения. Если вы откажетесь, мы не будем настаивать и уговаривать. Хотя очень хотели бы видеть всех вас среди наших друзей. Особенно эту юную леди. — Ромашин посмотрел на Ладу.

— Нет! — Варвара прижала к себе дочь. — Никогда!

— Она ценна и для вас? — скептически прищурился Северцев.

— Она потенциальный файвер.

— Кто?

— Что это еще такое? — нахмурился Виктор.

— Файверы — представители будущего человечества, лишенного злобы, агрессивности, зависти, властолюбия и других недостатков.

— Нет... — чуть тише повторила Варвара, умоляюще посмотрела на Северцева. — Прошу тебя, не соглашайся!

Олег успокивающе погладил ее по плечу.

— Не волнуйся, мы будем вместе, что бы ни случилось. — Повернулся к Ромашину. — Нам надо подумать.

По трапу скатился Жданов, появился в дверях кают-компании.

— Вертолеты! Пора уходить!

Все вскочили.

— Идемте с нами, — поднял вверх ладонь Ромашин. — В нашей Ветви вы будете в безопасности, СКонС вас там не достанет. А если не понравится — вернетесь.

Мужчины переглянулись.

Северцев посмотрел в глаза Варвары и увидел в них нерешительность и сомнения.

— Идем? — тихо спросил он.

Октябрь 2002.
Москва — Жуковка — Гряды

ХРОНОВЫВЕРТ

Повесть

ГЛАВА 1

Докончить фразу он не успел, в рубке над пультом зажегся алый транспарант: «Тревога степени А» — и приглушенно взвыл ревун. Лозински отвернулся от собеседника, не дожидаясь команды Центра, ткнул пальцем в грибок кнопки экстренной готовности. Последовавшие вслед за этим минуты прошли в молчании: автоматика корабля отрабатывала вводную оперативных постов Центра: люди — четверо в рубке, десять в отсеке десанта и еще десять в отсеке отдыха — ждали своего часа.

Экран оперативной информации выстрелил очередью пылающих цифр и знаков. Пульт управления, темный до этого момента, ожил и принял вид разноцветного панно, меняющего узор с калейдоскопической быстротой. Корабль включил все чувствительные элементы, превратился в чудовищный нервный орган, реагирующий на малейшие изменения окружающей обстановки в радиусе сотен тысяч километров. Компьютер крейсера за секунду проглотил еще несколько порций кодированной информации и начал действовать задолго до того, как эта информация стала известна людям.

Кресла мягко, но неумолимо спеленали людей, слегка откинулись и заполнились белой пеной физиологической компенсации. Над пультом вспыхнула надпись: «Разгон в режиме Ц». Свет в рубке погас, стены растаяли, люди в креслах оказались повисшими в пустоте: под ногами налево — пепельно-серый шар Меркурия, справа — пылающий туннель Солнца, таким оно воспринималось через светофильтры, над головой — шлейф Млечного Пути.

Шар Меркурия ушел вниз и назад, уменьшаясь на глазах. Мимо искрой света пронесло орбитальный энергоузел.

Крейсер стало болтать: влево-вправо, вверх-вниз. Вспыхнула надпись: «Выход на вектор вызова». Дрожь и болтанка корабля ушли в корпус. Желудки людей вернулись на места.

Через две минуты кресла заняли начальное положение, физиопена испарилась с легким шипением. Над пультом раскрылся квадрат виома оперативной связи, обрел цвет и глубину. На командира смотрело суровое лицо дежурного Центра.

— «Славутич», вы на луче целеуказания. Экспресс-старт вызван чрезвычайными обстоятельствами: станция «Солнце-7» провалилась в хромосферу Солнца над полюсом. В нашем распоряжении около часа, точнее — пятьдесят шесть минут. Через семь минут снимем дистанционный контроль траектории, дальше пойдете по пеленгу.

— Экипаж станции?

— Двадцать человек: по десять мужчин и женщин, один из них ребенок.

— Что?!

— Это Боримир Данич, наверное, слышали о таком?

— Ясно, — после некоторой заминки сказал Лозински и повернул голову к собеседнику, с которым разговаривал четыре минуты назад; им был командир десантной группы спасателей Климов. — Готовься.

Виом оперсвязи свернулся в жгут и погас. На пульте зажглись слова: «Пять минут до финиша. Пеленг тверд».

— Эс-у-эн-о-эн, — сказал сидевший справа бортинженер-1 — Олег Малютин, что на жаргоне инженеров спасательного флота означало: «Силовые установки и энергооборудование — норма».

— Эс-эс-жэ-о-эн, — эхом отозвался бортинженер-2 Булат Апхазава, что переводилось: «Система связи и жизнеобеспечения — норма».

— Гуд, — коротко отозвался командир.

— Десант — готовность ноль, — сказал Климов. — Объект операции — станция «Солнце-7».

— Принято, — отозвался динамик интеркома. Десант слышал все, о чем говорилось в рубке.

— Параметры объекта на пульт, — приказал Лозински. Компьютер послушно выдал данные о станции «Солнце-7».

— Рекомендации?

— Сначала предупреждение, — ответил компьютер голосом озабоченного человека. — Защита крейсера не рассчитана на работу в условиях хромосферы Солнца. Оперативное время выживания — десять минут.

— Прогноз риска?

— Девяносто девять из ста.

Лозински встретил взгляд Климова.

— Терпимо, — буркнул тот. — Все-таки шанс из ста...

— Все понял, — ответил Лозински компьютеру. — Рекомендации?

Компьютер развернул изображение станции и стал рассказывать, что нужно сделать экипажу крейсера за те десять минут, в течение которых он мог продержаться при температуре в шесть тысяч градусов, силе тяжести, в двадцать пять раз превосходящей земную, в условиях мгновенных скачков плотности раскаленной материи Солнца, диких перепадов электромагнитных полей и чудовищных потоков жесткого излучения.

Время дистанционного вывода корабля на цель истекло, и командир взял управление на себя. В рубке ритмично запульсировал маяк станции, заглушаемый помехами.

Солнце закрыло носовые экраны, потом боковые, обняло весь крейсер. Пропущенное сквозь светофильтры, рубку заполнило алое, без теней, сияние. Все предметы потеряли цвет и плотность, превратились в зыбкие силуэты из пурпурного стекла.

— Функциональный контроль, непрерывную подачу данных на пульт, — скомандовал Лозински. — Визуальный и звук.

В рубке зазвучал голос координатора, докладывающий о состоянии основных узлов крейсера.

Через две минуты автоматы зафиксировали в растворе главного экрана черную точку станции, и Лозински, не глядя, сунул ладонь Климову.

— Удачи!

Климов хлопнул своей ладонью в перчатке скафандра по перчатке командира и выполз из рубки: крейсер снова болтало.

Станция «Солнце-7» представляла собой тор с внешним диаметром в сто метров. На экранах он то сжимался, то распухал, то становился плоским — из-за влияния полей, сбивающих настройку экранов, и Лозински потребовались все его умение, опыт и интуиция, чтобы отыскать на теле станции окно стыковочного узла.

Удар! Серия отголосков в отсеках крейсера! Зеленый огонь стыковки едва пробился сквозь непередаваемо плотное ослепительно алое сияние солнечных недр.

— Пошел! — гаркнул в микрофон Лозински, почти ослепший от бушующего в рубке, осязаемо плотного и жгучего света.

— А-а-а-а! — отозвался динамик интеркома хриплым голосом помех.

Начался отсчет оперативного времени. Голос координатора, отсчитывающего секунды, казался ударами грома. Лозински, стиснув зубы, ударом кулака в панель заставил автомат замолчать. Секундные марки времени продолжали мотыльками вспархивать на экране.

Прошла минута, другая, третья...

Вышла из строя система охлаждения первого ходового генератора. Лозински отстрелил генератор, тут же исчезнувший в горниле Солнца без следа.

Четвертая минута...

Отказали ловушки обратной связи, усиливающие изоляцию основного корпуса крейсера. Лозински врубил реактор на форсажный режим.

Пятая минута, шестая...

Вал огня бросил связанные друг с другом крейсер и станцию в глубь хромосферного пятна. Вышли из строя экраны обзора. Лозински с трудом удержался на грани беспамятства от боли в желудке.

Седьмая минута...

Координатор выдал аварийный сигнал всей автоматике корабля: вышли из строя навигационные системы. Лозински скомандовал отстрел автоматики и перешел на ручное управление.

Восьмая минута...

Крейсер стало трясти так, что тошнота подкатывала к горлу. Начала плавиться обшивка моторной гондолы и реакторной группы.

— Что делать, командир? — крикнул бортинженер-2, не успевающий следить за всеми сигналами мелких поломок и аварий, которые непрерывно устранялись киб-ремонтной системой корабля. Пока устранялись...

Лозински не ответил, он ждал...

Климов подал сигнал на исходе двенадцатой минуты:

— Все на борту! Уходим!

Корабль еще держался, но уйти на планетарных двигателях уже не мог. И тогда Лозински принял решение стартовать из Солнца в режиме «призрак». У него не было иного выбора.

В тот момент, когда их повлекло в сторону рождающегося хромосферного факела, он включил спейспрокол, успев подумать, что крейсер может просто превратиться в протуберанец. А потом...

— Как это случилось? — спросил Спенсер, устремив на Шелгунова твердый и властный взгляд.

Начальник меркурианского Центра аварийно-спасательной службы встретил взгляд, не дрогнув коричневым от загара лицом.

— Что случилось на самой станции, никто не знает. Что касается крейсера... по всей видимости, Лозински состыковался со станцией и успел снять ее экипаж, а потом включил режим «призрак».

— Это факты или догадки?

— Те обрывки донесений, что поймали наши антенны, почти не поддаются дешифровке, тем не менее смею утверждать, что дело обстояло именно так.

— Тогда они погибли. Старт в спейс-режиме в таких условиях...

Шелгунов пожал плечами.

— Специалисты пока воздерживаются от прогнозов. Никто из теоретиков спейс-плавания не просчитывал всерьез подобного варианта. Возможно, «Славутич» выбросило из «Солнца» и он где-то в Системе.

— Но возможно и то, что его забросило глубже в недра Солнца.

Шелгунов воздержался от возражений.

— Понятно. — Директор Управления аварийно-спасательной службы встал из-за стола-пульта и подошел к видеопласту, изображавшему Солнце в радиоспектре. — Прочешите Систему обычными средствами. СПАС переведем на это время на форму «Поиск-экстра». Поторопите ученых с расчетами. Как только они будут готовы — сообщите.

Шелгунов безмолвно наклонил голову в знак согласия.

Спустя трое суток в кабинете директора Управления аварийно-спасательной службы (УАСС) состоялось совещание, в котором приняли участие ведущие специалисты теории мгновенной спейс-связи и руководители секторов и отделов аварийно-спасательной службы.

— Сегодня я могу с уверенностью сказать, — начал совещание Шелгунов, — что экипаж крейсера «Славутич» до конца выполнил свой долг. Он успел снять экипаж станции, но время пребывания крейсера в экстремальных условиях превысило расчетное время безопасности. Обычные планетарные двигатели вышли из строя, и командир крейсера Лозински принял единственно возможное решение — стартовать в режиме «призрак». Всесторон-

ний анализ последствий старта показал, что «Славутич» не взорвался. Это пока все, что мы знаем. Дальнейшая его судьба неизвестна. Но ученые имеют кое-какие интересные соображения на этот счет.

— Разрешите? — встал светловолосый и голубоглазый директор Института спейс-связи Холод-Ладыженский.

— Говорите, — кивнул Спенсер.

— Хочу высказать мнение ученых нашего института. В дебри спейс-теории вдаваться не буду, методы нашей работы тоже не интересны и практически лишены наглядности. Итак, мы приближенно решили задачу, к чему может привести спейс-старт в условиях внешней энергетической подкачки. Получилась любопытная картина. Решение неоднозначно: вероятно, мы еще чего-то не понимаем в теории или наш математический аппарат не способен адекватно отобразить все ее следствия. Модель первая — крейсер «вывернуло» в субквантовую область, то есть он превратился в элементарную частицу. Модель вторая — его зашвырнуло далеко в космос: при том выделении энергии, которое зафиксировали приборы слежения, он может оказаться с равной вероятностью в любой точке сферы радиусом в сто парсеков. Третья модель — крейсер вышел из спейс-струны в минус-вселенной. Есть и четвертая модель, но она и вовсе экзотична. Какая из моделей окажется верной, мы пока не знаем.

— Когда это станет известно?

— Все крупнейшие специалисты по спейс-теории сейчас заняты разработками моделей и экспериментальными их проверками. Думаю, для окончательного выбора единственно верной модели нам понадобится не меньше месяца.

— Это океан времени! А нам прикажете пока бездействовать?

Холод-Ладыженский с укором посмотрел на директора УАСС.

— Зачем же? Можете начинать поиск крейсера теми средствами, которые имеются у спасательной службы. Вполне может оказаться верной гипотеза, что крейсер выпал где-то в космосе в радиусе до ста парсеков.

Никто в кабинете не улыбнулся, хотя фраза прозвучала, как только что родившийся анекдот.

— Что ж, и на этом спасибо, — сказал Спенсер, вставая. — Тогда не будем терять времени.

ГЛАВА 2

Дивизион подняли по тревоге, ночью, и Гордоншах, одеваясь на ходу, перебрал в уме все возможные причины тревоги. Подбегая к бетонному укрытию командного пункта, он окончательно решил, что над Атланторией летят бомбовозы противника.

Сирена смолкла, и наступила пульсирующая тишина, в которой совсем недалеко, в сотне фаттах от КП по радиусу зашевелилась земля и массивные металлические крышки поползли в стороны, сдирая дерн по пути и открывая фермы пусковых установок.

Гордоншах, оглянувшись, в последний раз окинул взглядом коричневое в инфраочках небо, такой же коричневый с черным лес вокруг, багровые решетки антенн радиолокационной станции, и нырнул в проем люка.

В кабине командного пункта царила синяя полумгла, льдисто мерцали экраны индикаторов воздушной обстановки, перекликались операторы сопровождения, низкий подземный гул работающих генераторов питания стушевывал все звуки — шел контроль функционирования систем зенитно-ракетного комплекса. Дивизион Гордоншаха представлял собой одну из единиц воздушной обороны Иранистана со стороны горной гряды Пеласгекона и прикрывал полуостров на глубину в пятьдесят пять зхобов.

— Приказ Центра, — доложил с места дежурный офицер наведения Ширмамад, он же заместитель Гордоншаха по связи. — Занять по тревоге боевые места и ждать распоряжений.

— Понятно, — отмахнулся Гордоншах и тут же удивился: — То есть как это ждать распоряжений? Разве тревога учебная?

Ширмамад пожал плечами и уступил сиденье.

— Я запрашивал связистов, те твердят что-то невразумительное о пришельце из космоса, разведке неверных и так далее.

— Ну и дела! — Гордоншах сел на вращающийся стул, окинул взглядом аппаратуру — на панели горели зеленые сигналы готовности ракет к пуску — и надел шлем связи. — Высокое на антенну!

— Есть высокое.

Засветился сизо-белым светом квадрат общего наведения, накалился, и по нему побежала неровная темная дорожка радиовысвета поверхности земли. Гигантский палец радиоизлучения начал прощупывание неба над горизонтом в радиусе трехсот зхобов.

— Пост-три, пост-три, — пробился в наушниках голос оперативного офицера Центра управления. — Выйти на антенну!

— Вышел, — лаконично ответил Гордоншах.

— Сектор поиска: двести десять — триста, высота от пятнадцати до восьмидесяти. Повторяю...

Вверху звякнул люк, и в помещение КП скатился по лесенке заместитель Гордоншаха по вооружению капитан Абдулхарун.

— Ну что? — бросил он, торопливо натягивая дугу с наушниками.

Гордоншах покосился на его распахнутый френч и мотнул головой: не мешай.

— Внимание! Поиск в секторе двести десять — триста. О целях докладывать немедленно! — Он положил руку на штурвал наведения и, подняв радиолуч, плавно повел им вправо в указанном секторе.

Пять минут в помещении КП царила напряженная тишина: гул дизельных электрогенераторов был так привычен, что на слух не воспринимался. Потом луч локатора вырвал из глубин неба ярко просиявшую точку, и невольный вздох вырвался из грудей офицеров.

— Очевидно, разведчик, — доложил Гордоншах Центру. — Азимут двести сорок, дальность триста, высота пятьдесят два. Цель одиночная, скоростная, приближается...

— Сопровождайте, — отозвался далекий писк. — На дальности восемьдесят включите оптику. Пуск ракет только по команде.

— Принял, — сказал Гордоншах и рявкнул операторам: — Перейти на автомат! Метеорологи, что слышно?

— В ста зхобах фронт циклона, уходит к югу. Скорость ветра сто и пять.

— Норма, примем почти без помех, — буркнул как бы про себя командир. — Интересно, соседи тоже сидят по тревоге?

— Наверняка, — усмехнулся Абдулхарун. — Они, как и мы, получают тревожный сигнал и разносы в первую очередь.

Офицеры обменялись улыбками. Абдулхарун в отличие от атлетически сложенного Гордоншаха был худ, длиннорук, лысоват. Он был старше командира всего на шесть лет, но морщины, унылое вислое лицо и усталый взгляд старили его на все двадцать. Ирония его часто доходила до цинизма, однако нельзя было сказать, что это не нравится младшему обслуживающему персоналу дивизиона.

Сияющая точка на экранах быстро увеличивалась, вскоре она превратилась в туманное пятно света.

— Дальность сто двадцать, высота пятьдесят, азимут двести сорок пять, цель идет со скоростью семь и три.

— Странно, — не удержался Ширмамад. — Для стратегического разведчика скорость явно велика, да и для спутника тоже.

Гордоншах включил вогнутый экран оптического усилителя. Экран вспыхнул, пригасил сияние и показал в центре не конус спутника или треугольник скоростного авиаразведчика, как ожидали офицеры, а нечто странное, не похожее на привычные глазу формы.

— Ух ты! — воскликнул Ширмамад.

Они увидели яйцевидное тело, проткнутое семью трубами. Размеры конструкции потрясали: яйцо с трубами вытянулось на ползхоба, и на концах труб горели светлые серебристые венцы.

— Это не спутник! — пробормотал хмуро Абдулхарун. — И не самолет-разведчик. — Гордоншах озадаченно посмотрел на него.

— Не спутник?! А что?

— Спроси что-нибудь полегче. — Абдулхарун облизнул пересохшие губы. — Спутников такой формы и таких размеров не существует.

— А вдруг неверные опередили нас и теперь демонстрируют свою мощь?

— Оставь подобные заявления нашему шейху.

— Размеры цели: двести в поперечнике, четыреста по длине, — педантично доложил оптик-фотометрист.

Конструкция на экране быстро увеличивалась, и теперь стало заметно, что с каждой пульсацией света на концах труб все гигантское сооружение искажается, расплываясь в очертаниях, и тут же резко, скачком, обретает былую четкость контуров.

— Доложите обстановку, — запищал в наушниках Центр.

Гордоншах некоторое время соображал, что докладывать:

— Цель вижу хорошо, огромное тело необычных форм. Предполагаю, что это чужой...

— Продолжайте наблюдение, — оборвал его Центр, — фотографируйте. Об эволюциях докладывайте каждые две минуты.

— Принял, — со вздохом сказал Гордоншах.

Неизвестное тело полностью закрыло экран своими страшными трубами, в жерло каждой из которых свободно мог уместиться весь дивизион со всей его техникой.

— Цель прошла зенит. Скорость семь, высота сорок восемь...

— Ну и чудище! — сказал Ширмамад и закашлялся. — Вот было бы смешно, влупи мы в него свои ракеты!

— Не отвлекайся, — пробормотал сквозь зубы недовольный Гордоншах. — Может, еще придется.

Летящий за пределами тропосферы исполин пересек линию терминатора и укатился за горизонт.

— Ушел, — с сожалением сказал Гордоншах, снимая наушники. — Неужели не узнаем, что это было? — Подумав, отдал наушники Ширмамаду. — Посиди один. Если будет что срочное — позовешь, мы подышим свежим воздухом.

Офицеры полезли из помещения КП в наступающее утро.

ГЛАВА 3

Тишина в ходовой рубке крейсера стояла такая, что биение собственного сердца отзывалось в ушах канонадой. Лозински покосился на бесстрастного Сонина и вспомнил старинное изречение: «Научи меня, Господь, спокойно воспринимать события, ход которых я не могу изменить, дай мне энергию и силу вмешиваться в события, мне подвластные, и научи мудрости отличать первые от вторых». Что ж, в их положении изречение полностью отвечало состоянию вещей. Старт из Солнца в спейс-режиме закончился в неизвестности, и изменить здесь что-нибудь было уже невозможно.

Беззвучно открылся люк, и в рубку вошел Климов. Был он невысок, хрупок, изящен, и лишь мелькавшие в слегка запавших черных глазах иронические огоньки позволяли отнести его в разряд людей, знающих, на что они способны. Подойдя к подкове пульта, в выемке которого стояли кресла командира и бортинженеров, он бросил в пустое кресло шлем мыслесвязи — эмкан — и сел рядом с Лозински.

— Дистанционное управление не работает. Мыслесвязь сейчас бесполезна, как бинокль слепому.

Лозински исподтишка разглядывал двоих спасателей и думал, что эти в общем-то очень разные люди в чем-то разительно схожи. Не холодным спокойствием глаз, неподвижностью лиц, одинаковостью реакций, нет — работники аварийно-спасательной службы постоянно готовы к действию, риску, и эта готовность, ставшая чертой характера, состоянием души и тела, наложила свой отпечаток на натуры, вылепила мужское в мужчинах, — но

эти двое были похожи чем-то еще, заложенным в глубинах психики и жизненного опыта. Как же они оценивают ситуацию?

— Где Апхазава? — спросил Лозински, не меняя позы.

— Вот он я, — отозвался из коридора голос бортинженера-2, и в рубку вошел смуглый, черноволосый Булат Апхазава, перепачканный чем-то маслянисто-желтым. Он был хмур и неприветлив.

— Твоя оценка?

Апхазава постоял у пульта, рассеянно пощелкал кнопками бездействующего ручного управления.

— Автоматика не работает аж до седьмого уровня. И не будет работать, даже если координатор починит все свои исполнительные цепи.

— Это почему же? — спросил Сонин.

— Нештатный режим съел почти все запасы энергии. К тому же мы ослепли — ни один видеоканал не работает.

— Ручное управление тоже. — Лозински бросил взгляд на темный пульт. — Видимо, где-то порваны аксиальные цепи.

— Дела-а! — Климов оттянул воротник свитера. — Одним вам не справиться. Придется начинать ремонт без связи с координатором. И начать надо прежде всего с видео. Чем быстрее мы прозреем, тем раньше определим свои координаты.

— Как себя чувствуют спасенные?

— Почти все нуждаются в стационарном лечении. Не пострадали только женщины и Данич. Кстати, пятеро моих получили ожоги разной степени тяжести.

— Медикам что-нибудь нужно? Наша помощь?

— Нет.

— Тогда начинаем чиниться.

Спустя сутки координатор крейсера сумел устранить обрывы в информационных цепях (команд он все еще не слышал), и люди наконец узнали полный объем разрушений корабля. Ни о каком старте, конечно, речь идти не могла.

Прозрели и видеосистемы. Апхазава обнаружил это случайно, задев на пульте сенсор, включающий аппаратуру видеопередачи. Слепые стены рубки стали «прозрачными», распахнув людям пугающе близкий зев пространства.

Слева от корабля медленно поворачивалась голубовато-зеленая выпуклая стена планеты, из-за которой вынесло вдруг ослепительно желтый диск светила. Пятеро в немом изумлении долго

смотрели на диск, заливающий рубку потоком золотого света, потом с тем же чувством разглядывали планету.

Крейсер скользил над Землей, сомнений не было, а светилом было Солнце. Корабль вели автоматы, координатор, не имея связи с хозяевами, сам принял командование на себя. Люди пока ничем не могли ему помочь.

— Вот так удача! — воскликнул наконец Апхазава. — Вынесло прямо к Земле, как в сказке! И вы еще будете уверять, что удачи не существует?! Я думал, нас забросило по крайней мере в другую галактику! А теперь живем! Не понимаю только, почему нас до сих пор не перехватили спасатели земного сектора — сутки крутимся у них на виду, если не больше.

Внезапно корабль содрогнулся, звенящий грохот донесся из его недр, по экрану мелькнули беззвучные синие полосы пламени. На панели координатора перемигнулись оранжево-красные огни и вспыхнула надпись: «Ракетная атака. Эквивалент до двух тротил-единиц».

Лозински послал мысленный приказ, но аппаратура мысле-управления еще не работала, координатор не отозвался.

— А это еще больший сюрприз! — с угрюмым недоверием сказал Апхазава. — Час от часу не легче! Ракетная атака?! Кто это нас так встречает? Может быть, координатор поврежден и не способен правильно оценивать обстановку?

Никто ему не ответил.

Прошел час, другой, третий.

Еще два раза корабль был атакован ракетами — по оценке координатора. Приборы отмечали направленный поток радиоизлучения: за движением крейсера следили земные локаторы, но и этот факт тоже не укладывался в рамки привычных представлений, потому что поток излучения не соответствовал тому, что знали о земной технике локации инженеры корабля.

— Странное излучение, — бормотал Лозински, изредка посматривая на вион. — В таком диапазоне наземные РЛС не работали никогда. Что у них, пока мы летали, сменили диапазоны?

— Надо как можно быстрее ввести в строй бортовую станцию связи, — негромко произнес Сонин. — Истина станет известна лишь после налаживания связи.

— У меня такое впечатление, будто нас приняли за старинную военную ракету, — сказал Климов. — Но с другой стороны, «ракетные залпы» — явная чушь! Если бы нас захотели сбить — дав-

но сбили бы и без всяких ракет. Какое-то дикое несоответствие между современным техническим потенциалом и тем, как нас встречают. Куда-то подевалась вся орбитальная техника: ни тебе капсул метеопатруля, ни энергоузлов, ни орбитальных лифтов!..

— Шеф, — позвал Лозински бортинженер-1 Олег Малютин. — К вам на прием просится один из спасенных.

— Проводи его, не то без лифтов заблудится в переходах. Кто он?

— Некто Боримир Данич.

Лозински и Климов обменялись взглядами.

— Интересно, — пробормотал командир крейсера. — Что нам хочет сообщить этот юный представитель хомо супер?

Малютин вышел из рубки и через полчаса привел из медицинского отсека Данича.

Климов и Лозински уже были знакомы с Даничем, остальные его видели впервые, и лишь умение сдерживать себя не позволило им выйти за рамки приличного удивления.

Боримиру Даничу шел двенадцатый год. Это был хрупкий, прозрачноглазый мальчик, в меру подвижный, застенчивый и добрый. Ничего демонического в его облике не было: детское личико чуть более серьезное, чем положено по возрасту, светлые вьющиеся волосы, тонкая детская шея.

Родился он и рос до пяти лет обыкновенным ребенком, не обнаруживая никаких данных с приставкой «сверх». Но потом вдруг в нем проснулся исполин, сверхинтеллект, мальчик за четыре года закончил школу, институт Солнца, вошел в состав Ученого Совета Земли и стал автором двух открытий в физике вакуума, оставаясь все тем же пареньком, любящим детские игры, не чуравшимся материнской ласки.

Он безропотно дал обследовать себя медикам, но светила медицины в конце концов только развели руками, поговорили о «ковергентных мутациях», «генном ускорении», «биодевиации» и прочих премудрых вещах и нарекли Данича первым представителем будущего рода хомо супер. Родители «супера» души в нем не чаяли и продолжали воспитывать так, как предписывали правила воспитания нормальных детей в соответствующем возрасте, изредка прибегая к советам психологов. Боримир рос, как и его сверстники, — по виду оставаясь ребенком, но обладая интеллектом, редким даже для взрослого. Поговаривали, что Боримир способен читать мысли. Было такое или нет, неизвестно, но то, что он мгновенно мог разобраться в любом человеке, соответст-

вовало истине. Интуиция у мальчугана была развита, как ни у одного человека на Земле.

Данич, нисколько не теряясь под взглядами, бегло осмотрел присутствующих в рубке и подошел прямо к Лозински, будто знал, что он командир крейсера.

— Извините, Питер Лозински, не соблаговолите ли вы меня выслушать?

Несколько обалдевший Лозински «соблаговолил».

— Я немного знаком со спейс-теорией, — продолжал мальчишка с некоторым смущением, и Лозински в ответ стало неловко, что он-то как раз с этой теорией знаком меньше, чем «немного». — Видимо, при спейс-проколе произошел не обычный пространственный выверт корабля, а редкий по вероятности хроновыверт, в теории заложена и такая возможность.

— Вы хотите сказать, что... — начал Климов.

— Совершенно верно, — кивнул мальчик. — Нас вывернуло не только в пространстве, но и во времени, и теперь под нами Земля прошлых лет. Судя по встрече, нас выкинуло в начало двадцать первого или конец двадцатого столетия. Точнее можно будет сказать, когда заговорят приемники.

— Я думал об этом, — признался с облегчением Лозински, — но счел это... — Он пошевелил пальцами, подбирая выражение.

Данич улыбнулся, и все в рубке заулыбались в ответ, столько озорного и детского лукавства было в этой улыбке.

— Я понял. Не хотел бы оказаться на вашем месте. Вы позволите остаться в рубке? Я мог бы помочь в наладке приемной аппаратуры.

— Конечно, — кивнул Лозински, поняв, что с этим малышом надо разговаривать как с равным.

— Пусть идет со мной, — сказал Климов.

Данич с готовностью повернулся к нему, и в это время корабль заметно качнулся с боку на бок, экраны мигнули и погасли. Снова дернулся и мелко-мелко задрожал пол рубки, сдавленный стон донесся из-под пульта, словно тот был живым существом. Потом пол встал почти вертикально и наступила невесомость.

— Ракетная... — прорезался голос у координатора, в динамиках захрипело. — Ракетно-ядерная атака. Повреждены следящие системы. Произвожу аварийную посадку.

— Держитесь! — крикнул Лозински, ныряя в люк. — Сейчас будет до десяти «же»!

Климов отстал от него на полсекунды, схватил Данича на руки, усадил в кресло, и через мгновение перегрузка громом отдалась в его напряженном теле.

ГЛАВА 4

Дивизион Гордоншаха «сидел» на готовности уже девять часов подряд. Воздух в помещении КП нагрелся до того, что командир приказал всем снять верхнюю одежду. Пятый раз они встретили и проводили чужой космический корабль — об этом догадалось даже высокое начальство в Сарвар-центре. Три раза его пытались сбить: над Чатралом и Патаном, но чужак словно не замечал взрывов в своем странном скачущем движении, сбил военный спутник и не ответил на приказы приземлиться в указанном районе. Он пролетал и над территорией неверных — Пеласгулом и Атланторией, но хеттары не пытались его сбить и лишь слали радиозапросы да предъявили ноту протеста в Организацию Всемирного Индпака против преступных попыток уничтожения чужого звездолета.

Гордоншах знал об этом не только со слов заместителя, но и по радиопередачам, однако открыто осуждать действия командования не хотел.

— Когда-то это должно было случиться, — сказал он Абдулхаруну, когда они в очередной раз вылезали из-под земли, одуревшие от гула, жары и запахов кабины. — Наши писаки прогнозировали встречу с пришельцами, правда, прогнозы у них мрачные... Интересно, почему он не отвечает на наши выпады? Посмотри на его трубы, ведь есть, чем ответить!

Заместитель вдохнул всей грудью холодный утренний воздух и посмотрел на командира как-то странно — внимательно, оценивающе и в то же время с подозрением.

— Ты прав, он не беззащитен. Вот бы захватить его со всем оружием на борту! Представляешь, какое у него вооружение?

— Ты большой специалист по фэнтези, — с иронией ответил Гордоншах. — А также большой шутник.

— А если я серьезно? — Абдулхарун усмехнулся, хотя глаза его остались угрюмыми.

— А если серьезно, то вспомни поговорку: не ищи беды, она сама тебя сыщет. И еще одну: нашему б шакалу тигра съесть... Ты посмотри на это страшилище: крепость, рассчитанная на звезд-

ные катаклизмы! А ты — захватить!.. К тому же идеи звездных войн мне, честно говоря, не особенно по душе.

Абдулхарун задумчиво рассматривал своего всегда сдержанного и немного сумрачного командира.

— Что-то есть в твоих словах, — изрек он наконец, меняя тему разговора. — Ты меня отпустишь сегодня в город?

Гордоншах покосился на проходящую смену операторов.

— Снова опоздаешь к разводу или поднимешь бучу в баре.

Абдулхарун хмыкнул.

— Уже донесли? Впрочем, плевать. Так что?

Гордоншах ответить не успел.

Коротко провыл ревун тревоги.

— Снова *этот!* — Гордоншах поднял глаза к небу. Затем кивнул, в три шага достиг люка и нырнул в кабину, как в воду.

— Сектор двести сорок — двести пять, — прокричал сквозь гул Ширмамад. — Снова «призрак». Получен приказ сбить!

— Пост-три, пост-три, — пропищало в наушниках. — Будьте готовы к Эйч-атаке. Основной выстрел через пост-четыре, вы пока в резерве. Готовность — три минуты.

— Внимание! — повысил голос Гордоншах. — Цель одиночная, высотная! Залп тремя посередине отметки!

Операторы застыли в ожидании. Чужой звездолет приближался со скоростью около семи зхобов в секунду, и курс его пересекался с сектором стрельбы дивизиона.

— Фарид! — окликнул Гордоншаха Абдулхарун.

Пробрался между аппаратными стойками и зашептал на ухо командиру:

— Надо сбить его так, чтобы он упал поближе к нам. Сможешь?

— Чокнутый! — Гордоншах высвободился и сам сел за пульт наведения. — Совсем одурели в штабе! Промазать мы не промажем, но убежать вряд ли успеем, если он ответит на удар.

— Соседи атакуют! — воскликнул Ширмамад.

На экране возникли три огненные черточки и помчались навстречу огромному телу пришельца. Через мгновение на группку ракет налетел черный силуэт, и экран вспыхнул и потемнел.

— Падает! — закричал оптик-фотометрист.

— Р-разговорчики! — рявкнул Гордоншах. — По цели, залпом, огонь!

Кнопка ушла в панель и тотчас же задрожали стены, глухой подземный рев проник в кабину и ушел в небо.

— Упреждение пять на дальности сто сорок! Два залпа с интервалом три секунды!

Дважды заревело, дрожь земли отозвалась в телах людей, и наступила тишина. На высоте сорока, потом тридцати двух и двадцати пяти зхобов распустились ярчайшие «цветы» атомных взрывов, но Абдулхарун успел заметить, что взрывы каждый раз возникали сзади снижающегося звездолета. То ли Гордоншах не учитывал чего-то при наведении, то ли звездолет маневрировал, избегая прямых попаданий, хотя невозможно было представить, как он это делает при таких габаритах и массе.

— Как пришелец? — осведомился командир, сбрасывая дугу наушников. — Сбили мы его или нет? — Он подхватился со стула и направился к лестнице.

Голос радиста догнал его уже наверху:

— Он упал совсем близко, в районе озера Нур.

Гордоншах выскочил на холм, загородился от солнца козырьком руки и увидел на горизонте застывший дымный столб. Очень медленно столб потолстел и постепенно осел серо-сине-зеленым облаком.

Далекий гул и треск пришел оттуда, не утихая долгое время.

Сзади прошелестели шаги Абдулхаруна.

— Все-таки мы его сбили, как я и рассчитывал.

Поздравляю.

— Не уверен, — глухо отозвался Гордоншах, не оборачиваясь. — По-моему, он сел сам.

ГЛАВА 5

Перегрузки длились недолго, спустя несколько секунд наступила невесомость, потом вернулся нормальный вес — корабль боролся за жизнь.

В рубке было тихо, как в подземелье, лишь из-за неплотно закрытого люка доносился из глубин корабля стон аварийного автомата.

Содрогание прошло по рубке, вздыбился и опал пол, что-то посыпалось со стеклянным звоном. Климов едва не выпал из кресла, но удержался за пульт. Еще раз дернулся пол рубки, накренился и так и остался под углом двадцать градусов к горизонтали.

— Приехали, — пробормотал Климов будничным тоном.

Час спустя люди сумели запустить линию ремонта следящих

систем и наладили двухстороннюю мыслесвязь с координатором — теперь они могли командовать автоматикой крейсера из рубки.

— Посмотрим, куда мы упали, — сказал Апхазава с напускной небрежностью. — Прошу дам не падать в обморок.

Стены центрального зала скачком прозрели, и люди наконец увидели местность, где совершил вынужденную посадку «Славутич».

Очевидно, крейсер опустился в озеро. Основная масса вод озера испарилась, и эта пароводяная туча, охватившая корпус корабля до середины, колыхаясь и вспучиваясь, закрывала от взора саму котловину озера в радиусе нескольких километров. Оттуда, где в облако пара погружались концы черных труб — генераторов спейс-прокола, — доносилось клокотание, пар, тая, то и дело взлетал султанами: трубы остывали медленно, нагретые до звездных температур.

Озеро сильно обмелело, обнажив коричневое и черное кое-где дно. За этой темной полосой вставала холмистая равнина, покрытая изумрудной травой и низким кустарником. Справа холмы уходили за горизонт, постепенно теряясь в дымке, а слева равнина понижалась и сменялась болотом с ржавой стоячей водой, редкими кустиками вишнево-сиреневого цвета и россыпями коричнево-желтых кочек.

Белесовато-голубое небо казалось пустым и недосягаемо высоким. Четко очерченный золотой диск солнца на нем невозможно было рассматривать без светофильтров, и он ничем не напоминал то чудовищное огненное горнило, из которого почти чудом вырвался крейсер.

— Здорово! — нарушил молчание Апхазава. — Только вот следов цивилизации не видно. Кто же нас сбивал?

— По-моему, они, — показал на экран внимательный Климов. Бортинженер дал вариацию увеличения, один из холмов километрах в пятнадцати от них ринулся навстречу, расползся в стороны, остановился. На голой от кустов вершине холма стояла приземистая машина неизвестного назначения, одетая в броню, с крупнокалиберным пулеметом на башне. А возле машины неподвижно высились две человеческие фигуры.

— Положение серьезное, — сказал Климов, разглядывая переносицу Лозински. — Каковы у нас шансы отремонтировать крейсер и пополнить запасы энергии?

От этих слов Лозински почувствовал себя виноватым. Сознание собственного бессилия мучило его давно и остро, но он, пре-

возмогая себя, старался выглядеть так же бесстрастно и уверенно, как и спасатели.

— Своими силами справиться с ремонтом корабля в полевых условиях мы не в состоянии, для этого нужен как минимум завод. А накопление энергии в планетарных условиях — фикция, вам сие должно быть известно. Отсюда — необходим контакт с нашими предками, в целях нашей же собственной безопасности. Сбили нас, очевидно, в Азии; большего не скажу, я не географ и не историк. Но раз уж хозяева встретили нас так, как встретили, они не остановятся на достигнутом. Ждать нужно всего. Хотя я никак не могу понять мотивов их враждебных действий.

Климов нахмурился, отчего его смуглое и тонкое лицо приобрело жесткое выражение.

— Понять их не просто. Может быть, они приняли нас за чужих агрессивных существ и решили применить превентивные меры. Но опасность в другом: в нашем положении трудно сохранить статус-кво, и чем дольше мы остаемся для них таинственными и страшными пришельцами, тем больше возрастает вероятность нового ядерного удара. А защищаться, пассивно отражая удары, мы долго не сможем. Я тоже за контакт. — Он вздохнул. — Как гласит старая добрая поговорка: худой мир лучше доброй ссоры. Хотя, может быть, это и не лучшее решение. Как скоро мы сможем начать с ними радиоконтакт?

Лозински перевел взгляд на Малютина.

— Послезавтра, — ответил бортинженер-1. — Если сумеем запустить электронику связи. В противном случае останемся без связи вообще. Если бы жизнеобеспечение заработало...

— Если бы... — пробурчал Лозински, глядя на экран.

Далеко по горизонту несколько раз просверкивали яркие блики: какие-то угрожающего вида машины цепью охватывали крейсер, старательно и бестолково маскируясь кустарниковой растительностью холмов. Они были еще далеко, но космонавты знали — расстояния в век ракет не имеют значения для ведения боевых действий.

ГЛАВА 6

Дивизион Гордоншаха располагался в пятнадцати зхобах от озера Нур. К вечеру грузовые вертопланы перевезли на территорию дивизиона полк передвижных реактивных систем залпового огня, который тут же снялся и начал окружение чужого звездоле-

та. Глубокой ночью окружение закончилось: вокруг озера с пришельцами и строго по кругу диаметром в сорок зхобов разместилось восемьдесят ракетных установок, одновременный залп которых, как рассчитал Гордоншах, мог превратить местность площадью в сто квадратных зхобов в огненный ад.

Командовал операцией окружения полковник Абу л-Хасан, высокий, худой, с острым лицом и почти безволосым черепом. Прибыл он на вертоплане, перебрался в бронетранспортер, и Гордоншах счел за благо не показываться начальству на глаза, отказыряв при встрече и ответив на все вопросы, которые задал ему полковник.

Официально Гордоншах, по званию фарак — майор ВВС, не подчинялся Абу л-Хасану, джемаладдину — полковнику сухопутных сил быстрого развертывания: они принадлежали к разным родам войск, соперничавшим между собой в вопросах престижа. Но когда под боком в твоем хозяйстве распоряжаются чужие высокопоставленные лица, чувствуешь себя прескверно.

В подземном бункере управления висел дымный полумрак.

Гордоншах прошел за прозрачный лист координатографа и успокаивающе кивнул встрепенувшемуся оператору. За шкафами с личным оружием операторов спал Абдулхарун, подсунув под правую щеку кулак и полуоткрыв рот. От него, как всегда, несло спиртным.

Гордоншах секунду постоял, принюхиваясь к запаху перегара и наркотика, и вернулся обратно к аппаратуре связи. Здесь пульсировали и шептали голоса далеких и близких радиостанций: передавал сводку погоды метеоцентр, кто-то истерично кричал об угрозе с неба, гнусавил скороговоркой служитель Веры, знаменитый солист пел о «страсти любви, превышающей ядерный вихрь», и четкий голос размеренно сообщал о том, что ракетные войска Черного Континента и Желтых Островов приведены в полную боевую готовность в связи с предложением неверных передать звездолет на изучение специалистам международной научной экспедиции.

— Передадут? — спросил Ширмамад, кивая на радиопанель.

Вместо ответа Гордоншах повернул ручку настройки, и в кабине зазвучал голос шейха, страстно призывающего не верить провокационным заявлениям неверных, которые хотят завладеть сокровищем с неба.

— Да-а, — вздохнул офицер наведения. — Если дело дойдет

до стычки... и все из-за этого железного лома. Откуда он свалился, как ты думаешь?

Гордоншах покачал головой.

— Аллах его знает! Не с Марса и не с Венеры, это я знаю точно. Я почему-то считал, что контакт с пришельцами должен начинаться не с обмена ударами.

— Эх вы, политики! — раздался сзади хриплый голос. Из-за шкафов появился Абдулхарун, разминая помятое лицо. — Разве не ясно, почему мы поспешили посадить его на свою сторону?

— Сбить, ты хочешь сказать.

— Именно посадить. Для того чтобы он не достался неверным. Шейх прав: этот пришелец — самое настоящее сокровище, и если мы договоримся с его хозяевами, то намного опередим Христианский Союз по вооружению и мощи. Вы же видели: даже ядерные залпы пришельцу нипочем! Представляете, какой толчок он даст военной технологии, да и любой другой?

— Много ты понимаешь, — проворчал Гордоншах.

Оператор связи вдруг напрягся и передал наушники командиру.

— Абу л-Хасан.

— Слушаю, — сухо сказал Гордоншах в микрофон.

— Поднимитесь ко мне, — раздался в наушниках тягучий голос.

— Через десять минут у меня спецсвязь с Центром.

— Плевать! — лаконично ответил Абу л-Хасан и смолк.

Гордоншах хмыкнул, поиграл желваками. Ширмамад смотрел на него встревоженно, Абдулхарун с интересом.

— Так... — Гордоншах почесал кончик носа и еще раз хмыкнул. — Что ему от меня надо, хотел бы я знать?

В мощном двенадцатиколесном бронетранспортере Абу л-Хасана, в котором можно было стоять не сгибаясь, Гордоншах пробыл недолго. Полковник попросил его еще раз рассказать о том, как реагировал чужой звездолет на первые попытки сбить его.

— Никак, — ответил Гордоншах. — Словно не замечал.

— Но ведь в конце концов вы его сбили?

Гордоншах пожал плечами.

— Не уверен. Я был там, сравнительно недалеко от озера. Мне кажется, чужак совершенно цел. Во всяком случае, следов попаданий не видно и с виду он цел и невредим.

— Вам кажется... — сардонически заметил Абу л-Хасан. — С ка-

ких это пор офицеры ВВС вместо точных данных оперируют кажущимися?

Гордоншах покосился на ухмыляющихся охранников.

— Сказал, что думал.

— Думал?! — удивился Абу л-Хасан, приподняв бровь. — Вы еще и думаете?

— Не понял вас!

Полковник нахмурился. Один из охранников как бы невзначай зашел сзади, но Гордоншах положил руку на рукоять армейского пистолета, и Абу л-Хасан отрицательно повел рукой.

— Свободен, фарак. Думай пореже, голова целее будет.

Гордоншах четко повернулся и, так как охранник не уступил дороги, зацепил его плечом так, что тот отлетел к стене кабины. Люк захлопнулся за майором и отрезал начавшийся шум.

Пройдя цепь внешней охраны лагеря, Гордоншах столкнулся с человеком и едва не выломал руку Ширмамаду, приняв его за чужого.

— Ну что? — прошептал тот, придя в себя после железных объятий командира. — Все в порядке? Жив?

— Твоими молитвами, — буркнул Гордоншах. — Какого дьявола ты выполз меня встречать? А если бы я открыл огонь? Ладно, иди отдыхай.

Оставив растерянного офицера в темноте, он ушел в свой подземный дом. Было два часа ночи.

Он проспал часа четыре — невероятно много по законам боевой готовности. Проснулся сразу и совсем.

В кабине управления светились экраны кругового обзора, кто-то из офицеров сидел на вращающемся стуле и не сводил глаз с экрана, почти закрыв его спиной.

— Что там? — спросил Гордоншах, зевая, посмотрел на часы.

Офицер обернулся, это был Ширмамад, выглядевший абсолютно свежим, словно он только заступил на дежурство.

— Наши пытались подойти к пришельцу, но не смогли и потеряли терпение. Кто-то в верхах приказал обстрелять звездолет ракетами, если он не ответит на вызовы.

Гордоншах помял лицо ладонями, встал и прошел к пульту. На экране виднелся край озера Нур и выпуклый бок черного яйца с трубами.

— И когда истекает срок ультиматума?

— Утром, через два часа.

— Не понимаю, зачем его расстреливать? А если он не может связаться с нами?

— По-моему, это просто блеф, чтобы заставить хозяев заговорить с нами на нашем языке. Кто же в здравом уме станет бросать на озеро атомную бомбу?

— Да уж найдется, кому это сделать, — пробормотал Гордоншах. — Нашелся же исполнитель для испытания первой атомной.

Он не договорил: очертания черного колосса вдруг исказились, заструились дымными полосами, и через мгновение он растаял совсем!..

Еще двое суток войска, стянутые к месту падения странного пришельца, ничего не предпринимали, хотя военные радиоспециалисты быстро установили, что звездолет остался на месте. Просто он стал невидим, закуклился под силовым полем.

Объединенный комитет начальников штабов Сарвар-центра долго не мог решить, как выйти из создавшегося положения, ведь пришелец не вел военных действий, словно презирая действия людей. В конечном счете решено было ждать, пока хозяевам звездолета не надоест сидеть под колпаком, а потом, когда они наконец объявятся, — пригрозить нанести ядерный удар по озеру Нур, если хозяева откажутся вести переговоры. Адмиралов и генералов военной джамахерии, жаждущих заполучить оружие пришельцев любой ценой, привело в ярость явное нежелание чужих вступать в контакт. Психоз «дипломатии канонерок», ставки на силу был так велик, что и шейх, и его окружение, и меджлис, и военные рассматривали звездолет не как посланца иных миров, а как объект нападения, не пожелавший сдаться. Пресловутая демократия правительства страны в этом отношении ничем не отличалась от самых реакционных режимов прошлого и настоящего, рассматривавших любые загадки природы с позиций их военного применения...

Гордоншах не отходил от экранов обзора, угрюмо наблюдая за событиями. Решение командования о шантаже ядерным нападением привело его в недоброе расположение духа. Решение это свидетельствовало о бессилии правящей верхушки найти компромисс, мирный путь контакта, и о том, что разумный подход к подобного рода проблемам исключается военными как бесперспективный.

Вечером последнего дня осеннего недомогания природы

принесло с севера грозу и тяжелые ливни. Гроза бушевала несколько часов, но она еще не кончилась, как цепь ракетных установок вокруг озера Нур дрогнула и попятилась. Все было готово для репетиции нанесения сверху ядерного удара. Однако случилось непредвиденное: гроза кончилась, и наблюдатели снова увидели на прежнем месте черное выпуклое тело чужого звездолета. Он словно выпрыгнул из-под земли, такой же угрюмый и неподвижный, опаленный невиданным звездным огнем и холодом пространства. Под громадой черного яйца копошились какие-то белые точки. Они то появлялись, то пропадали, и рассмотреть их подробней можно было только в мощные бинокли, но и без того стало ясно: таинственные владельцы звездолета решили наконец выйти из своего межзвездного дома.

ГЛАВА 7

Крейсер «Витязь» мчался в глубину созвездия Лебедя гигантским светящимся копьем, всматриваясь в ночь пространства всеми сверхчувствительными «глазами» видеосистем и датчиков, антенн и приборов. Если на пути встречалась звезда со свитой планет, крейсер выпускал стаю разведкапсул, замедлял полет и ждал сообщений. Потом забирал разведчиков и мчался вперед снова, питаемый надеждой своих командиров найти в скором времени исчезнувший, не найденный в Солнечной системе крейсер «Славутич».

Рядом, на расстоянии светового месяца, мчался параллельно «Витязю» крейсер «Кон-Тики», за ним еще пять крейсеров такого же класса, но космос пока на пути армады спасательных кораблей был нем и темен.

«Витязь» миновал оранжевый карлик 107 Лебедя и вызвал разведчиков. Через мгновение у каждого из сорока приемных полушарий, составляющих красивый ажурный букет конструкций на носу космолета, сверкнули белые молнии, и словно ниоткуда, из черноты пространства появились вторые половинки шаров — разведкапсулы. Они были жестко «привязаны» каждая к своей стартовой позиции «веревками» туннелей-струн мгновенного перемещения.

Командный зал крейсера заливал каскад оранжевого света, блики от стоек и панелей приборов казались горячими брызгами: глаза от них закрывались, как от брызг водяных.

Шелгунову это нравилось, как и Джаваиру, но многие в зале

отворачивались от экранов, и он переключил поляризационную ось видеоприемников. Звезда притушила свой блеск, поток света стал алым и ощутимо густым.

— Ничего, — констатировал Джаваир, оглядев вернувшихся поискеров.

— Ничего, — пробормотал Зубавин один за всех.

Истекала третья неделя поисков пропавшего корабля. Крейсер «Славутич» не оставил никаких следов пребывания в Солнечной системе и на уже пройденном участке пространства по вектору Лебедя до расстояния в два парсека. Он мог оказаться дальше по вектору, за пределами максимальной дальности хода земных кораблей, либо выйти из спейс-струны внутри звезды или планеты, но люди упорно не желали верить в этот пессимистический прогноз и гнали, гнали, гнали свой флот, ожидая одного-единственного возгласа: «Нашел!»

— Три парсека, — сказал Шелгунов. — Идем на пределе. Может, у кого-то появились свежие идеи?

— Идей много, — проворчал Джаваир. — Нет уверенности в их истинности. Надо идти дальше, пока возможно, пока молчит Земля... хотя я и не верю, что «Славутич» выбросился из Солнца в глубину Лебедя.

Шелгунов промолчал.

— Если директор Спейс-института прав, то «Славутич» сейчас находится в минус-вселенной или превратился в элементарную частицу. Но проверить эти гипотезы невозможно.

Джаваир отпустил поискеров и повернулся к главному экрану, который казался черно-звездным провалом в стенах командного зала.

— Холод говорил о какой-то другой возможности исхода броска «Славутича»...

— Я не помню.

— Он не сказал, что это за возможность. Но интуиция мне подсказывает, что именно она и решит проблему.

Алый клубок светила сместился в боковой сектор экрана, и в зале наступила призрачная полутьма, перечеркнутая бисерным сверкающим пунктиром Млечного Пути.

Зубавин устало откинулся в кресле.

Поиск утомлял не столько физически, сколько однообразием впечатлений. Разведкапсулу вели автоматы, программу поиска тоже осуществляли автоматы, но главным центром контроля и

анализа данных оставался человек, хотя и соединенный в одно целое с компьютером, позволяющим хозяину реагировать на малейшие изменения среды с такой же скоростью и точностью, как и «неодушевленная кибернетика».

В маленькой ходовой рубке капсулы слышалось только дыхание людей да исполнительные зуммеры автоматов. Двое в рубке были и пилотами, и бортинженерами, и командирами корабля одновременно, но они не дублировали друг друга, а вели поиск параллельно, на разных уровнях. Зубавин — в спейс-диапазоне, его сосед Консовский — в световом и в радиодиапазонах.

В координатное перекрестие локатора вползло светило спектрального класса G-8, последняя надежда их долгого поиска. До него было уже недалеко, около пяти астрономических единиц, и капсула, управляемая координатором крейсера «Витязь», направлялась в тот район системы, где должна была вести поиск самостоятельно.

— Первый, я Семнадцатый, выхожу в расчетный квадрат, — сказал Зубавин. Перед его креслом находились гнутые экраны локаторов, виом планетарной связи, настроенный на аварийную волну, окно перископа-дальвизора, но все они больше походили на диски из полированного черного металла, чем на экраны. Лишь один раз за все время включился сигнал предупреждения и один из экранов отразил белый всплеск, но то оказался сгусток пыли и щебня, очевидно, ядро кометы в апоастрии.

— Семнадцатый, «подметайте» систему чище, — раздался в наушниках голос дежурного диспетчера крейсера Стефана Лефски. — Даю на всю работу час пятнадцать.

— Принял, — лаконично ответил Зубавин.

Несколько минут прошли в молчании.

Разведкапсула ощетинилась антеннами приема и локации, сориентировала их таким образом, чтобы захватить только свой квадрат поиска, и превратилась в одно громадное «ухо», главным чувствительным элементом которого были люди.

И вдруг резкий сигнал внимания вырвал Зубавина из «резонансной системы», заставил собрать тело, «разбросанное» в данный момент по колоссальному объему пространства.

— Семнадцатый, срочно возвращаю. Минуту на подготовку.

— В чем дело? — вскинулся Зубавин. — Что случилось?

— Физики высчитали, где находится «Славутич».

— И где же?

— На Земле! Вернее, на орбите вокруг Земли.

— По-моему, раньше ты не был способен на шутки...

— Я не шучу. «Славутич» провалился во времени на двести лет в прошлое, в двадцатый век.

— Чушь какая-то! Почему же история не сохранила этот факт?

Диспетчер не ответил.

ГЛАВА 8

За прозрачной стеной силового поля, оградившего «Славутич» от негостеприимного мира, бесновалась гроза. Ветвистые росчерки молний рвали пелену ливня на цветные куски. Корабль, казалось, стоял внутри дымчатого стеклянного пузыря: водяные струи растекались пленкой по всей поверхности силового колпака и создавали иллюзию толщи воды за прозрачной стеной.

Целое полотнище жемчужного огня ударило вдруг в стену поля и стекло жидким сиянием в воду, исхлестанную струями небесной воды. Потом еще несколько ярких желто-голубых клинков вонзилось в поле, слетая к воде жидкими огненными ручьями...

— Красиво, — сказал задумчивый Климов, стоя у главного виома с ворохом разнокалиберных световодов в руках.

— Вода насыщена сернистыми соединениями свинца и кислотами, — отозвался Апхазава от вскрытого автомата. Часть стены командного зала рядом была разобрана и открывала маслениcто поблескивающие пластины из ячеистого металла, усыпанные бисером молектронных схем. — Поэтому цвет разрядов сдвинут в желтую часть спектра, — докончил бортинженер уже из утробы автомата.

— Спасибо, — усмехнулся Климов. — Сернистые соединения свинца — это очень поэтично. Кстати, вы знаете, почему так высок процент соединений и окислов свинца в здешнем воздухе?

— Видимо, предки больше имели дела со свинцом.

— Предки имели колоссальное количество транспортных средств, выхлопные газы которых были насыщены свинцом. Из-за чего в конце двадцатого века подскочил и общий процент вредоносных веществ в атмосфере.

В командном зале крейсера находилось всего несколько человек: Климов, Сонин, Апхазава, работающие у комбайна контроля, Лидия Данич, мать Боримира, и бортинженер-1 Малютин. Двое механиков из экипажа помогали Лозински устранять неисправности в автоматическом «скелете» корабля. Еще четверо

специалистов скрывались в недрах космолета, медленно восстанавливая разрушенные линии материалоснабжения. Остальные двадцать семь членов экспедиции все еще спали под защитой охранной зоны, с тех пор как автоматы по тревоге упрятали туда людей от опасных перегрузок.

Малютин уже вторые сутки работал с приемной аппаратурой, пытаясь оживить радиостанцию и разобраться в радиопередачах хозяев полуострова, так недружелюбно принявших «Славутич»: уже стало известно, что крейсер приземлился на территории Афганистана, в центре озера Намакзар, хотя компьютер высчитал координаты почему-то с пятидесятипроцентной вероятностью: конфигурация материков и рек его обескуражила.

Из экипажа крейсера Малютин первым уяснил ситуацию и, накопив достаточно информации, решил наконец сделать первое прикидочное обобщение.

— Все! — сказал он горестно, сбрасывая эмкан связи, и потянулся, разминая затекшие мышцы. — Их язык меня доконал. Жаргон, а не язык! В нем смешались не один, а пять-шесть языков сразу — от персидского до английского. К тому же он так перенасыщен согласными, что многие слова человеческое горло просто не в состоянии произносить. Это твердый и властный язык воинов, язык повелительного наклонения. Такого, по-моему, на Земле никогда не существовало.

— Это странно, — подумав, сказал Климов. — Если не сказать больше. Земля ли это? Если нет, придется учить язык.

— Да уж придется. Вот послушайте.

Малютин повернул верньер, и в зал ворвались звуки чужой речи. Несколько минут все в зале вслушивались в нее, пытаясь понять, о чем идет речь. Апхазава сдался первым:

— Выключай. Похоже, без лингвера не обойтись. Я, во всяком случае, почти ничего не понял.

— Речь шла о нас, — сказал Малютин. — Что мы несем «угрозу их существованию». Каждая вторая передача их политических деятелей так или иначе касается нас.

Вошел Лозински, на ходу вытирая руки ветошью.

— Что нового во внешнем мире?

— Все по-старому, — мрачно отозвался Малютин. — Нам предлагают сдаться. И, судя по языку, мы все-таки сели не на Земле.

— Оригинально! А где же?

— Не знаю.

— Нужен немедленный контакт, — твердо сказал Климов. —

Иначе аборигены, кто бы они ни были, и в самом деле нанесут ядерный удар по озеру, ума на это у них хватит. Ждать, что киберы восстановят связь сами, нет смысла.

Лозински подошел к виому и упер кулаки в бедра.

— Влипли крепко! Как только кончится гроза, начнем контакт. Первым... — Он немного помедлил. — Первым пойду я.

— Я не могу приказывать, — проговорил негромко Климов, когда Лозински уже облачился в «парадно-выходной» костюм капитана. Они стояли вдвоем в стволе центральной шахты, освещаемой голубым светом, и лицо Лозински, смуглое от природы, стало металлическим. — Но по неписаному закону командир не имеет права выходить из корабля при таких обстоятельствах.

Лозински щелкнул застежкой пояса.

— По закону командир обязан действовать так, чтобы экспедиция достигла цели с наименьшими потерями. Поскольку возвращение домой в свое время проблематично, чрезвычайные обстоятельства дают мне чрезвычайные полномочия. Я ничего не имею против ваших специалистов, но они молоды... А я в прошлом коммуникатор, и опыта у меня больше. Ну а вы без меня справитесь с любыми трудностями.

— И все же идти надо двоим, — хмуро сказал Климов.

— Еще придется и двоим, и, может быть, всем, но первый выход — разведка, ничего решать я не собираюсь.

Через полчаса, когда Лозински спустился к подножию корабля, трехместный куттер уже стоял на спекшейся от давнего жара коричневой корке ила, похожей на пемзу. От ям с черной водой поднимался пар. Несмотря на ливни, озеро не заполнялось водой до прежнего уровня. Обмелевшее, оно теперь напоминало болото.

Над куттером уходила на неведомую высоту округлая гора энергетического комплекса, откуда время от времени шел редкий теплый дождь. В кабине аппарата Апхазава проверял работу кибпилота.

Малютин, проваливаясь в грязь почти по пояс, обреченно волок к машине без малого полуметровый куб лингвера. Автоматы внешнего обслуживания до сих пор не работали, и людям приходилось всю физическую работу выполнять самим.

У коробки лифта, возле горки снаряжения, стояли Сонин и малыш Боримир Данич и смотрели на далекую цепь сизых холмов, плывущих в мареве испарений. Лидия Данич возилась с

Климовым в груде снаряжения, делясь впечатлениями о диком предположении Малютина, что крейсер сел не на Земле, а на похожей планете.

— Может быть, Олег и прав, — сказала Лидия, — но почему же тогда здесь воздух, как на Земле? Не может быть таких совпадений.

— Заканчивайте погрузку, — сказал Лозински им в спины. — Пора отправляться. Связь через каждые два часа на волне «сто».

Он залез в кабину куттера, похлопал Апхазаву по плечу, и тот, пожелав удачи, спрыгнул в грязь.

— Одну минуту, капитан, — окликнул вдруг Лозински Боримир.

Лозински очень удивился, но не подал виду, придержал фонарь кабины.

— Слушаю вас.

Данич, одетый в красный комбинезончик, подошел к аппарату.

— Мне кажется, будет лучше, если я пойду с вами.

Лозински несколько секунд смотрел на него с ничего не выражающим лицом, потом крякнул, сильно потер шею у затылка, посмотрел на Климова. Начальник отряда спасателей исподлобья глядел на него, засунув руки в карманы. В глазах его сомнение боролось с согласием.

Лозински крякнул еще раз.

— Понимаете... вы еще слишком... ребенок... простите.

— Вот и отлично, что ребенок. По детям они ведь не будут стрелять. У нас появится небольшое психологическое преимущество, а для первого контакта это очень важно.

— Он прав, — сказал вдруг Малютин, с уважением окинув взглядом фигурку мальчишки.

— А по-моему, нет, — возразил Апхазава, жестикулируя. — Они подумают, что мы испугались, и заставят...

Лозински остановил его жестом, посмотрел на Лидию.

— Вам слово, Лида, вы его мать.

Лидия Данич побледнела, но встретила взгляд командира твердо.

— Он решил правильно, пусть идет.

Лозински повернулся в нерешительности к Климову. Тот покачал головой.

— Я был за то, чтобы на контакт шли двое, но... можем ли мы рисковать жизнью ребенка?

Данич вдруг по-детски весело засмеялся.

— Этот вопрос давно решен на Земле. Ведь я работал на станции «Солнце-7», в атмосфере Солнца, где индекс опасности повыше, чем у косморазведки.

Малютин и Апхазава засмеялись следом, Климов усмехнулся, посмотрел на Сонина.

— Тогда мы тоже за.

Лицо Данича просияло, он бросился к матери, прижался к ней, сказав: «Вот увидишь, все будет в порядке, мамочка!» — и влез в кабину куттера, не обращая внимания на Лозински, которого снова взяло сомнение. Однако время уходило, а отказываться от собственных решений было не в его правилах.

— Поехали, психолог, — махнул он рукой.

Куттер, похожий на блестящую подкову, захлопнул фонарь, длинным прыжком метнулся в туман. Два раза блеснул сквозь серую пелену его корпус и пропал. А потом вдруг в той стороне вспыхнула над холмами яркая звездочка, и через несколько секунд донесся приглушенный расстоянием гром взрыва.

Мгновение люди у корабля оставались недвижимы, всматриваясь в безобидное с виду облачко дыма, потом закричала Лидия, Апхазава вышел из оцепенения, закричал тоже и бросился за улетевшей машиной командира.

Никто, кроме Климова, не заметил, как Сонин выхватил из груды снаряжения антигравпояс, мгновенно застегнул ремни и умчался к горизонту, сразу скрывшись из глаз.

ГЛАВА 9

В тот самый день, когда обитатели звездолета вышли наконец на землю, погода на Иранистанском полуострове резко изменилась. Наступили жестокие холода, редкие для побережья Персифрайского моря.

Гордоншах, уроженец Чахбехара, всегда плохо переносивший холод, проверял работу операторов бригады старта, пряча лицо в меховой воротник полевой куртки. Дул пронизывающий ветер, колючий и постоянный, как сквозняк. Стрелка термоизмерителя ушла за красную черту внизу шкалы.

— Командир! — крикнул, высовываясь из люка сторожевой башенки, техник связи. — Вас вызывает капитан Абдулхарун.

— Продолжайте, — буркнул Гордоншах операторам на ходу. — Вернусь через полчаса — повторим.

Зайдя в кабину поста, он откинул капюшон, направил на себя жерло термопечки и бросил вставшему Абдулхаруну:

— Что стряслось? Нашел место для разговора... хорошо хоть тепло здесь.

— Ты помнишь, как получилось с пришельцами? — начал сразу заместитель по вооружению.

— Еще бы, — проворчал Гордоншах: со времени инцидента прошло всего три дня. Воочию видеть это им не пришлось, но пересказ случившегося был известен всем.

Истина оказалась такой невероятной, что в нее отказывались верить: владельцы звездолета были... людьми! Землянами! «Звездной войны» под вывеской «Земля против космоса», о которой в шутку поговаривали в Аллахабаде и которую всерьез готовил Сарвар-центр, не получилось. Иранистан воевал не с чужими разумными существами, а со своими братьями по крови и родству, вернее со своими праправнуками! Правда — с шурави, неверными! На борту звездолета оказался лишь один уроженец Персиюга, да и тот не мусульманин.

В день, когда терпение Сарвар-центра окончательно иссякло, от звездолета отделилась вдруг блестящая капля и плавными прыжками двинулась к цепочке уползавших ракетных установок. Командир одной из них принял приближавшееся тело за управляемый снаряд, включил автоматику пуска и сбил.

Тело оказалось летательным аппаратом, внутри которого находились двое людей: мужчина в белом комбинезоне и мальчик лет десяти в таком же, но красном комбинезончике. По счастливой случайности они остались живы, хотя летательный аппарат буквально развалился на куски. Кроме пострадавших, никого и ничего в аппарате не оказалось, но спустя несколько минут со стороны звездолета показался летящий без крыльев и других видимых приспособлений второй пришелец. Ростом он не уступал Гордоншаху — шесть фаттов три дзига, но был шире в плечах и, вероятно, сильнее. Его окружили «черные тюрбаны», но он и не сопротивлялся, только взял ребенка на руки. Гордоншах видел стереофото этого человека, и он понравился ему сразу, особенно непоказным спокойствием, уверенностью и умом. Второго человека, прилетевшего вместе с ребенком, Гордоншах не видел — тот был серьезно ранен и находился у врачей.

— Что дальше? — спросил Гордоншах, нетерпеливо поведя плечом. — Что замолчал?

— Прилетели еще двое со звездолета, для выяснения обстоя-

тельств нападения. Держатся спокойно, без страха. — Абдулхарун сплюнул на пол. — Я слышал записи их переговоров с шишками из Сарвар-центра. Говорят они на странной смеси северных и атлантических языков, так что понять их трудно. Наши еще раз предъявили им требование покинуть звездолет, сдать имеющееся на борту оружие и объяснить принципы его действия. Все это якобы для компенсации «убытков» — уничтоженного озера с рыбозаводом... которого, конечно, никогда не было, «поселка» на берегу — на самом деле двух домиков дервишского кемпинга, и «станции космической связи» — в действительности старого телефонного ретранслятора. Иначе к заложникам будут применены более жесткие меры. — Абдулхарун снова сплюнул на жерло печки.

— Оба первых гостя сейчас в тюремном бункере, в том числе и раненый.

— А ребенок? — поинтересовался Гордоншах.

— Там же.

— Ну и что? — Гордоншаху стало жарко, и он расстегнул воротник куртки. — Звездолетчики еще не согласились, это раз, требовать могут и они, это два. Плюс кампания в защиту этих парней, поднятая во всем мире. Правительство не станет портить отношения с союзниками и странами «черного мира». На месте звездолетчиков я бы просто подождал помощи и не рыпался.

— Не получится, — вздохнул Абдулхарун. — Они, конечно, подождать могут, да наши ждать не станут.

— Ты думаешь?

— Уверен. Тем более что раненый — командир звездолета.

Гордоншах протяжно свистнул и задумался. Потом саркастически усмехнулся:

— Что-то я тебя не пойму. К чему ты клонишь? Призываешь поднять бунт и помочь пришельцам? Неверным?! Мне моя голова дороже.

— Не язви, — спокойно сказал Абдулхарун. — Есть люди, которым небезразлично, в чьи руки попадут сокровища звездолета, особенно оружие.

— Конечно, есть, — невесело согласился Гордоншах. — Шурави, например. Наш шейх, правители Поднебесной.

Абдулхарун остался невозмутим, голос его стал вкрадчивым:

— Ты в хорошем настроении, командир! Я знаю тебя давно и думаю, ты согласишься. Дело в том, что нам хорошо заплатят, если мы спасем заложников... и еще...

— Что?

— Дальше будет видно.

— И сколько же нам готовы заплатить?

— Полмиллиона тебе хватит?

Гордоншах снова присвистнул, с проснувшимся интересом разглядывая унылую физиономию заместителя.

— Неплохо! Я лично ценил свою жизнь дешевле. За такую сумму можно рискнуть. Допустим, я согласен. Что дальше? И кто эти доброхоты?

— Все узнаешь в свое время, — уклончиво ответил Абдулхарун. — И не ухмыляйся, дело стоящее.

— Что верно, то верно. Полмиллиона за такой пустячок: пойти и выпустить заложников, охраняемых, как золотой запас страны! Ты уже прикинул, как это сделать? Может быть, просто пойти и попросить тюремщиков?

— Шутник, — скривился Абдулхарун. — Хотя, кто знает, возможен и такой вариант. Спрашиваю серьезно: согласен?

Гордоншах перестал улыбаться.

— Ты или с ума сошел, или...

— Договаривай.

— Или провокатор

Абдулхарун сморщил в улыбке лицо, хотя в глазах его на миг всплыл лед неприязни.

— Ты мог бы обвинить меня в чем угодно, только не в провокации. Я пока не могу сказать, от чьего лица выступаю, но даю слово, скоро все узнаешь. Если тебе мало названной суммы, назови свою.

Гордоншах надолго задумался, уйдя мыслями в себя. Наконец сказал:

— Мне нужно время.

Абдулхарун кивнул.

— Думай, только недолго. Учти, что пришельцев ищут их родичи из будущего... хотя тут есть кое-какие неувязки с их положением. Но если ищут, то будь уверен — найдут. В настоящем положении сами они, конечно, ничего сделать не могут, но кто знает их возможности? Кстати, тот факт, что им может подоспеть помощь, и заставляет наших стратегов спешить. Боюсь, они не остановятся на угрозах.

Гордоншах бесцельно подергал кабель термопечки.

— Хорош узелок! Неужели они не могут отбить своих? Ведь звездолет — громадная сила! Разве не так?

— Понимаешь... — Капитан в задумчивости поскреб щетину на подбородке. — Их мораль настолько непривычна, что я не всегда способен их понять.

— Тогда их дело дрянь. Зачем им надо было высовываться из звездолета? Сидели бы и ждали помощи от своих...

— Наверное, были уверены в своих силах... или в наших дружеских к ним отношениях.

— После того, как мы их сбили?

— Ну, каждый судит о других в основном по себе.

— Что с раненым? Выживет?

— Врачей к нему допустили... один раз. Имею в виду — их врачей. Ходят слухи, что жить он будет. Я слышал разговор, будто он заметил ракету и успел повернуть аппарат так, что ракета ударила в бок со стороны его сиденья. Этим он спас малыша. Наши разрешили кормить его пищей со звездолета, привозят ее в прозрачных пакетах и банках. Позволили остаться при нем одному из них.

— Акт «гуманизма»... Врачей отпустили?

— Отправили обратно, надеются, что те уговорят оставшихся.

— Н-да. — Гордоншах почесал затылок. — Не знаю, что можно сделать. Напасть на гарнизон охраны и отбить?

Абдулхарун покачал головой.

— Силой не пробиться. Честно говоря, я и сам пока не знаю, что делать. Но все же мы расположены так удачно, что, считай, половина дела уже сделана. Другим надо было бы еще добираться к озеру сквозь неодолимый заслон оцепления. Необходимо что-то придумать, и в ближайшее время. Военная разведка и джамахерия безопасности готовят операцию «Помощь» — под видом оказания помощи предполагается проникнуть в звездолет и завладеть им. Нужно опередить их во что бы то ни стало. — Абдулхарун спохватился, что выболтал лишнее, но командир дивизиона этого не заметил.

Он поднялся, подозрительно посмотрел на капитана.

— Откуда ты знаешь такие подробности?

— Знаю. — Абдулхарун, кряхтя, встал. — У нас есть кое-какие связи с... кем надо.

Пока Абдулхарун нашел передвижной тюремный бункер, его четыре раза останавливали военные патрули, но пароль и карточка отдела спецопераций ДБ, переданные ему связным организа-

ции «Новый порядок», в которой он занимал пост советника, действовали безотказно, и он в конце концов достиг цели.

Бункер был смонтирован из стальных плит в котловане и вид имел такой, будто стоял здесь по крайней мере полвека.

«Типовой, быстро лепят, — усмехнулся про себя Абдулхарун. — Это мы у неверных быстро переняли. Пожалуй, можно будет подсказать шефу, что такой бункер вполне сгодится для подземного штаба организации. Его легко перевезти и собрать в любом месте».

— Стой! — лязгнул из темноты голос охранника. — Куда?

— Спецпоручение к Джуббу, начальнику блока.

— Имя, звание?

— Абдулхарун, бенбей отдела четыре, цвет белый.

— Ждите. — Тон охранника изменился, очевидно, он разбирался в цветах секретности джамахерии национальной безопасности.

Над землей выступало лишь метровое вздутие крыши бункера, похожее на выступ скалы. За крышей громоздился вал свежевыброшенной земли, за которым, в свою очередь, поднимался крутой склон холма. Прямо у ног капитана уходили вниз, теряясь в темноте, ступени из утрамбованного грунта, вход в бункер. Свет солнца в него не проникал. Абдулхарун чувствовал, что за ним следят, но кто и сколько их, определить не мог.

— Проходите, — проскрипел наконец снизу тот же голос. — Оружие сдать.

Абдулхарун спустился вниз, отцепил пояс с пистолетом, перешагнул через трубу и очутился в кубическом помещении, залитом тусклым желтым светом.

— Быстрее! — сказал ему худой и жилистый, как корень эвкалипта, охранник.

Перед капитаном распахнулась еще одна дверь, и он вошел.

Открывшееся помещение было треугольной формы. Там, где стены сходились углом, стоял стол с телевизором и маленьким пультом. Возле походной койки стоял начальник бункера джелалмалим — подполковник Джубб — и задумчиво жевал бетель. Круглое лицо его выражало безграничное спокойствие, и Абдулхарун в который раз поразился тому, как внешность может противоречить характеру.

— Какого дэва вам от меня нужно, бенбей? — резко сказал начальник тюрьмы, в то время как лицо его оставалось безмятеж-

ным и сонным. — Почему не предупредили заранее? Свободен! — рявкнул он охраннику.

Горилла в черной форме безмолвно исчезла за бронированной дверью.

— Ну? — Джубб окинул Абдулхаруна взглядом. — Что у вас? Побыстрее, мне некогда.

— Вам привет от «мисима», — сказал тот негромко. — А также от «нуля» и «двойки». А вы — «сотый».

В глазах Джубба мигнули колючие огоньки.

— Понятно. Я почему-то так и подумал. Отделу четыре джамахерии Б нечего делать в бункере правительственной изоляции. Чем вызван такой риск? Ведь вы не агент ДБ, надеюсь?

— Неужели заметно?

— У меня опыт. Итак? Времени у вас мало, порученцы обычно не задерживаются больше пяти-шести минут. Как вы на меня вышли? «Десятка»?

— Выше, «тройка».

— Саддам. Понятно. Слушаю.

— Мы хотим помочь пришельцам.

Джубб от неожиданности проглотил жевательный бетель.

— Вы что, издеваетесь?!

— Я рискую головой не для того, чтобы шутить, — холодно ответил Абдулхарун. — Меджлис организации решил захватить звездолет раньше, чем это сделают люди шейха. И тогда в наших руках окажется оружие, равного которому нет и не будет еще два столетия. Мы сможем диктовать волю любому правительству, в том числе и своему, которое срочно требует чистки от военных-пацифистов, всяких недобитых «левых» и «правых».

— Понял. Но я ничем не смогу помочь.

— Почему?

— Потому что послезавтра меня переводят в другой район, к морю. К тому же два часа назад достигнута договоренность между чужими и нашими спецами о «мирном урегулировании конфликта». Завтра раненого и здоровяка с ребенком отвезут на звездолет и «предоставят техническую помощь в его ремонте». Со всеми вытекающими последствиями.

— Вот как?! — медленно произнес Абдулхарун, облившись холодным потом. Встал. — Аллах акбар! Я не думал, что это произойдет так скоро... Который час?

— Девять. У вас в запасе всего тринадцать часов.

Абдулхарун задумался, отметив про себя это «у вас».

— Да, мы рассчитывали, что у нас есть по крайней мере суток трое. Придется менять план.

Джубб, шурша оберткой, развернул пакетик бетеля.

— Попытайтесь. Что я должен делать? Кстати, сколько у вас людей?

— Пока один, — равнодушно сказал Абдулхарун.

— Что?! — поперхнулся Джубб, багровея. — Вы с ума сошли! — Он замолчал, повинуясь жесту гостя.

— Этот один стоит роты. Или вы считаете, что у меня под рукой нашли «черные клинкиверы», полк фардаев?

— Шотт-им-апс! — выругался Джубб, щелкнул переключателем, рявкнул: — Саид!

— Слушаю, полковник, — отозвался динамик.

— Сколько на посту?

— Двадцать пять — первое кольцо, двадцать пять — второе, рота в зоне и рота в резерве.

Джубб выключил интерком, сел на стул и сгорбился.

— Слышал? И еще внешний гарнизон в бронеходах и с танками. А у вас один...

Абдулхарун прошелся из угла в угол.

— Я и не собирался нападать на гарнизон, в любом случае эта авантюра не пройдет. Мы сделаем вид, что выручаем пленников, везем к звездолету и во время передачи захватываем. Вертолеты с группой поддержки будут наготове в полусотне зхобов отсюда. Шеф сам изъявил желание участвовать в операции. А когда мы будем внутри звездолета, никто не станет разбираться, как это произошло.

— А потом?

— Что будет потом, не нашего ума дело. Нам платят не за глупые вопросы. А шанс справиться с этим делом есть. Одно то, что я почти без усилий проник в бункер, говорит о наших возможностях.

Начальник тюрьмы хмыкнул, выплюнул жвачку.

— Послушай, Абдул... ради чего ты рискуешь? Деньги, и только? Чушь! У тебя их мало?

— Не так много, как хотелось бы. Но есть еще кое-что, ты прав. И это «кое-что» — возможность всегда делать то, что хочется, и с теми, с кем хочется.

— Ну захватите вы звездолет, в чем я сомневаюсь, ну завла-

деете его оружием, а дальше? Где вы его будете хранить? Или применять?

— Времени на объяснения очевидных вещей у меня нет, но я отвечу. Звездолет — это прежде всего власть! Престиж организации несколько пошатнулся после некоторых наших... э-э... выступлений, и мы надеемся отыграться одним ударом со всеми, кто этого заслуживает. Надеюсь, я понятен?

— Ладно, не трать время, бенбей, — угрюмо буркнул Джубб, доставая новый пакет жвачки. — Давай о деле.

Несколько минут они обговаривали план действий, и Абдулхарун ушел. Выпустили его без вопросов.

ГЛАВА 10

Спенсер закончил еженедельное видеоселекторное совещание и вызвал Шелгунова. Начальник меркурианского Центра аварийно-спасательной службы откликнулся через две минуты.

— Когда вернулся?

— Всего полчаса назад.

— Все равно надо было доложить сразу. В десять нас приглашают к себе физики. Экипаж «Витязя» и поисковый отряд на дежурство не ставить, сутки пусть отдыхают. У них скоро появится работа.

Шелгунов вопросительно посмотрел на директора УАСС, но Спенсер ничего не стал объяснять.

— Не опоздайте на рандеву. Институт спейс-связи, демонстрационный зал номер два.

Ровно в десять Шелгунов, подтянутый и внимательный, вошел в зал под номером два.

Треугольный амфитеатр зала был невелик, на сто двадцать мест, и казался верандой, чудом выстроенной на скальном уступе. Панорама гор, открывшаяся «со скалы», могла бы в другое время и увлечь, вид был действительно хорош, но Шелгунов думал о другом и лишь мельком взглянул на пейзаж, сразу найдя Спенсера в нижнем ряду амфитеатра.

Кроме директора УАСС, в зале находилось еще человек пятнадцать, среди них начальник технического сектора Управления Данич и директор Института спейс-связи Роман Холод.

Спенсер кивнул Шелгунову на место рядом и дал знак Холоду. Тот взошел на небольшое возвышение с ярко-белым кольцом

приемника аппаратуры численных команд: зал имел встроенное инженерно-техническое обеспечение. Легкий шумок разговоров стих.

— Начнем, друзья. У нас в гостях дирекция Управления спасателей, ждущая от нас чуда, и мы это чудо ей представим. Но сначала покажем фильм.

Холод сел, горный пейзаж исчез, вместо него перед зрителями появилась ходовая рубка крейсера с неподвижными фигурами пилотов. Что-то лопнуло со стеклянным звоном, фигуры ожили. Командир крейсера повернул голову к соседу справа, и Шелгунов невольно вздрогнул — это был Лозински.

— Хорошо бы... — начал Лозински, но докончить фразу не успел; в рубке над пультом зажегся алый транспарант: «Тревога степени Д» — и приглушенно взвыл ревун...

Так начался фильм о том, как исчез крейсер спасательного флота «Славутич» с двадцатью членами экипажа и двадцатью спасенными из персонала станции «Солнце-7». Закончился фильм грандиозным зрелищем кипящего Солнца. Потом в центре видимого операционного поля фильма засиял ослепительный факел желто-голубого огня, и картина застыла. В зале вспыхнул свет.

Холод снова встал.

— Это не документальная запись, как вы подумали, а модель ситуации, построенная на основе анализа действий экипажа «Славутича», всех координирующих его работу служб и данных наблюдений этого участка солнечной поверхности. Институт смог воссоздать полную картину событий и построить, как нам кажется, достаточно адекватную модель инцидента. Станция «Солнце-7» прекратила существование через сорок две секунды после вывода с нее персонала, а «Славутич»... К сожалению, реализовалась самая невероятная гипотеза — петлевой хроновыверт. В результате спейс-старта в условиях внешней энергетической подкачки «Славутич» забросило не только в пространстве за сотни миллионов километров, но и во времени — на двести с лишним лет назад. Вот расчеты.

За спиной директора института возник экран, по которому поползли вереницы символов и цифр, трехмерные изображения узловых структур расчета, ряды цвето-пространственных сопряжений.

Шелгунов знал спейс-теорию в объеме институтского курса и

смог уловить только общие закономерности расчета, но изящность математического и этико-логического аппарата произвела впечатление и на него.

Экран исчез, на его месте появилось уменьшенное изображение голубого факела в месте старта крейсера.

— Именно петлевой хроновыверт объясняет, почему мы ничего не знаем о появлении нашего крейсера в окрестностях Земли два века назад: появление крейсера в прошлом спровоцировало временное ответвление — «хронокарман». Образовалась как бы виртуальная реальность, развитие цивилизации в этом «кармане» пошло по другому пути, в то время как мы с вами живем в основном потоке времени. Теперь обратите внимание на этот факел.

Солнце за спиной Холода ожило, факел вытянулся вверх, разошелся бутоном тюльпана, изменив цвет на зеленый, и стал съеживаться, превращаясь в шар. Шар этот сначала покраснел, прошел всю гамму цвета от красного до темно-вишневого и коричневого и превратился в черный зрачок, опушенный белым сиянием.

— До сих пор этот след старта крейсера... — Холод оглядел присутствующих, — не исчез! Он дышит, изменяется в размерах, но живет! Не следует, очевидно, рассказывать, чего нам стоило понять, что это такое, скажу одно: мы только сейчас поняли, какие возможности заложены в спейс-теории и какие эффекты она способна предсказать! Эта «черная дыра», — Холод указал на черный зрачок на фоне алого сияния Солнца, — вход в «хронокарман», в петлю виртуального времени, и «Славутич» имеет возможность вернуться, не нарушив закона причинности. Но — только если ему указать обратный путь из «кармана», где он находится на правах «реального призрака». Как это сделать, вопрос другой.

— Почему же другой? — сказал Данич. — У нас нет выбора — спасать или не спасать. Если есть хотя бы малейший шанс спасти экипаж крейсера, мы пойдем на любой риск.

Шелгунов с сочувствием посмотрел на начальника техсектора, жена и сын которого находились на борту «Славутича».

— Риск есть. — Голос Холода дрогнул: он понимал, что его работа закончилась, начиналась полоса работы спасателей, и волновался, потому что не имел права ошибиться в выводах. — Риск есть, по нашим подсчетам он равен восьмидесяти из ста.

Необходимо совершить бросок в «черный глаз» петли, найти «Славутич» и вывести обратно тем же путем. Тогда петля закроется и «хронокарман» исчезнет.

— Так просто! — с иронией бросил Спенсер и посмотрел на Шелгунова, как прицелился.

Шелгунов несколько мгновений смотрел в узкие глаза Джаваира, но сухое, бронзовое лицо командира группы оставалось бесстрастным. Наконец он произнес:

— Приказывать я не имею права, могу только просить. Вы согласны?

— Согласен, — помедлив, сказал Джаваир. — Но позвольте поговорить с группой самому.

Шелгунов досчитал до десяти и кивнул.

— Старт завтра, в три ноль-ноль по среднесолнечному. Если кто-нибудь откажется — не уговаривайте.

В глазах Джаваира мелькнули насмешливые огоньки.

— Позвольте решать этот вопрос мне. Мы будем готовы. Кто назначен начальником службы техобеспечения?

— Данич.

— Начальник десанта, таким образом, я. А начальник экспедиции вы?

— Да.

Джаваир кивнул и, не прощаясь, вышел, посеяв в душе Шелгунова сомнение в правильности его выбора. Все-таки Джаваиру шел восьмой десяток.

Подготовка экспедиции к рискованному броску в «черную дыру» временной петли заканчивалась. Физики сделали все от них зависящее, чтобы рассчитать варианты последствий броска, но их расчеты не могли обеспечить стопроцентную гарантию успеха. Даже удачные запуски зондов в петлю и их возвращение не разрешили всех проблем и не успокоили ответственных за экспедицию лиц. Базовым кораблем экспедиции был выбран крейсер «Витязь», лидер спасательного флота Земли. Специалисты технического сектора переоборудовали его в соответствии с предполагаемыми задачами и продолжали накачивать энергией и устанавливать дополнительные пояса защиты, дублирующие системы и комплексы контроля функционирования.

Когда все подготовительные работы были закончены, Спенсер собрал в конференц-зале Управления весь состав экспеди-

ции, произнес краткую речь о ее цели, мерах предосторожности во время пребывания в прошлом, о расчетах каждого шага, а потом предложил тем, кто сомневается в успехе или в своих силах, отвести свою кандидатуру.

Желающих отказаться от участия в экспедиции не нашлось.

Спустя двадцать суток после исчезновения «Славутича» крейсер «Витязь» вошел в фотосферу Солнца напротив дрейфующего по воле неизвестных сил входа в туннель, ведущий в прошлое. Двадцать человек спасательной команды во главе с Джаваиром заняли места в капсулах высшей защиты пассажирского отсека, в ходовой рубке крейсера остались только три человека экипажа и начальник экспедиции.

Спенсер находился в рубке второго крейсера, кружившего на расстоянии трех миллионов километров от Солнца, и видел старт «Витязя» через видеокамеры зондов, следивших за черным оком входа.

«Витязь» тщательно сориентировался по данным локаторов и начал разгон, когда до входа в петлю осталось пятьсот километров. Он вонзился в черный шар точно по центру, и — словно судорога перечеркнула недра Солнца — из-под черного шара вырвался факел огня, по экранам крейсера рассыпались огненные строчки бланк-сообщений, кричащие о зарождении вспышки и ливне жесткого гамма-излучения. Черный шар входа на полчаса скрылся в усилившемся сиянии атмосферы Солнца, а когда он снова появился в поле зрения, Спенсер облегченно вздохнул: он со страхом ждал, что вход исчезнет, а вместе с ним и надежда на благополучный исход экспедиции.

— Боялись? — спросил он присутствующих в зале крейсера ученых во главе с Холодом.

— И сейчас боюсь, — признался директор Института спейс-связи.

ГЛАВА 11

Джаваир повернулся к главному виому, в котором вариатор вырезал окно дальновидения. «Славутич» был виден отчетливо, сел он в озеро или в болото, окруженное черной каймой выжженной земли, а в радиусе двадцати километров вокруг него располагались три цепи машин, вызвавших мрачные ассоциации.

— Может быть, опустим к ним модуль? Быстро и надежно.

— Что быстро — согласен, но вряд ли надежно. Если корабль до сих пор не смог ответить на наши сигналы, значит, поврежден он серьезно. И еще учтите, что цивилизация Земли в этом «хронокармане» развивается не совсем по сценарию основного потока. На здешней Земле три четверти суши занимает мусульманский Союз, изобилующий зонами воинствующего фанатического фундаментализма, и лишь одну четверть — Христианский Союз. Ни русских, ни американцев — арии и балты, неверные, так сказать, шурави. Звездолет же, к великому сожалению, совершил посадку в самом центре «Твердыни Веры» — Иранистана, имевшего печальный опыт международного терроризма. Понимаете? Я не могу предсказать, во что выльется посадка модуля. Технически наши «предки» оснащены неплохо и среагировать могут далеко не лучшим образом, как уже и было. Я даже не уверен, что наше пребывание на орбите в режиме «инкогнито» не будет расшифровано через день-другой.

— Не исключено. — Джаваир оценивающе посмотрел на виом, в котором медленно вращался земной шар. — Но я все же склонен полагать, что вы переоцениваете возможности этих псевдоземлян.

Шелгунов не стал спорить, ему и самому хотелось верить в успех операции.

Через полтора часа инженеры связи нашли способ передачи информации на «Славутич» по радио без риска ее перехвата. Спустя несколько минут после этого экипажу спасательного крейсера стало известно, в каком положении находится корабль на планете.

— Что же предпринять? — негромко спросил Шелгунов, в глубине души потрясенный необычностью развязки спасательного рейда. — Не воевать же с ними?

Джаваир задумчиво щурил непроницаемые свои глаза, отчего они превратились в узкие щелочки.

— Увы, я пока тоже не знаю. Ах, Лозински, Лозински... Хотя кто мог подумать, что такое возможно? Милитаризм милитаризмом, вера верой, но стрелять по звездолету, взять заложников, требовать сдачи оружия!.. И у кого, можно сказать — у правнуков своих! Это выше моего понимания!

— Моего тоже. — Шелгунов нахмурился. — Сколько ему лет?

— Кому? Лозински? Сорок три. Опытный командир, и — такой прокол с контактом!

Помолчали. Потом начальник экспедиции потянулся к пульту и включил виом связи с рубкой.

— Слушаю, — отозвался командир крейсера, обратив к ним остроскулое, бледное лицо, на котором выделялись прозрачно-серые глаза.

— Сергей, мы можем с орбиты, километров этак с пятидесяти, вытащить крейсер с планеты? Энергии хватит?

Командир покосился влево, на своих бортинженеров.

— Минуту, сейчас посчитаем... Это будет стоить нам почти половины энергоресурса. Но дело осложняется тем, что напряженность силовых полей в точке захвата превысит деформационную устойчивость корпуса корабля. «Славутич» просто «потечет», несмотря на силовой каркас.

— Понятно. Хорошо, у меня пока все.

Шелгунов сцепил руки на груди и притих.

— Все равно это был бы не выход из положения, — сказал Джаваир. — Тех троих мы не спасли бы. Сначала надо вытащить Лозински, Сонина, Данича и Климова.

«Как?» — хотел спросить Шелгунов, но не спросил. С Земли никто не мог помочь ему советом, как выйти из положения, и принимать решения он должен был самостоятельно.

— Ваши предложения? — тихо сказал он, продолжая взвешивать все «за» и «против» пришедшей мысли.

Джаваир долго не отвечал, глядя на веселый золотистый шар солнца, окутанный волокнами протуберанцев, как волосами. Потом сказал:

— В любом случае надо посылать на планету команду. Грубая сила вроде мощи наших деформаторов пространства и лазеров не применима, но никакие законы не запрещают спасать людей, если тем угрожает опасность. Переговоры в таких условиях дело долгое и ненадежное, конфликт налицо, но мы имеем право бороться за то, что нам дорого. Я далек от сравнений, но ситуация похожа на дуэль, а поскольку перчатку бросили нам, мы вправе выбирать оружие.

— Вы словно доказываете свою правоту самому себе.

— Потому что я не вижу иного выхода, а этот связан с риском для жизни подчиненных. Или вы думаете, что можно привыкнуть посылать людей туда, откуда они могут не вернуться?

— Не думаю, — пробормотал Шелгунов. — Я думаю, что нам

нельзя ошибаться. Вы командир десанта и лучше знаете своих людей, кого пошлете первым? Зубавина?

Джаваир посмотрел на него с интересом.

— Похоже, вы знаете их не хуже меня.

— Тогда начинайте подготовку. Будет проситься вниз Данич, не разрешайте, его место на борту.

ГЛАВА 12

Бронетранспортер с ревом повернул налево, и Абдулхарун оглянулся на повороте. Второй бронеход с красной полосой личной гвардии шейха на лобовой броне, взревывая и раскачиваясь, полз в сотне шимов сзади. Блеснул и пропал огонек лазер-связи: водитель запрашивал инструкции.

— Не отставать, — буркнул Абдулхарун в микрофон, покосившись на угрюмую физиономию Гордоншаха.

— Понял, — скрипнул динамик в ответ. Водителя нашел Абдулхарун. Гордоншах не спрашивал — где, ему было все равно. На душе было тревожно, давило ощущение упущенной из виду важной детали.

— Когда пойдешь — побольше наглости, — продолжал инструктаж Абдулхарун, глядя в затылок командиру. — И презрения. Ты выше их по всей форме. И торопись медленно, чтобы не выглядеть подозрительно.

— Сам знаю, — буркнул Гордоншах, невольно ощупывая на плече аксельбант джемаладдина и планку уполномоченного ДБ по особым делам. Он до сих пор не пришел в себя от удивления, как это Абдулхарун смог его уговорить пойти на эту авантюру, что сработало в душе — сострадание к попавшим в беду пришельцам, которые вовсе не были пришельцами, желание заработать или жажда острых ощущений. Скорее последнее плюс еще одно обстоятельством: странные намеки капитана на цену помощи. Если организация сторонников мира, к которой якобы принадлежал Абдулхарун, освобождала пленников бескорыстно, по мотивам человеколюбия, то при чем тут деньги? Конечно, пятьсот баксов не помешают, но их еще надо будет получить. А шутки капитана о «колоссальных возможностях» тех, кто завладеет звездолетом, о «господстве над миром»? Не очень-то это вяжется с обликом сторонника мира и дружбы...

Гордоншах покосился на заместителя, жующего бетель. Лад-

но, посмотрим, что будет дальше. Интересно, что это за вертолеты, севшие вчера у границ дивизиона, и какое отношение имеет к ним Абдулхарун?..

Через полчаса быстрого хода — гул, тряска, мелькание теней и пятен по сторонам — они выехали на поляну, в центре которой виднелся смазанный в инфраоптике силуэт локатора и ферма передвижной зенитно-ракетной установки. Приблизилась двойная проволочная изгородь с воротами и башенками огнеметов.

Охранники появились словно из-под земли, хорошо видимые в свете включенного прожектора: двое в черном и серый офицер. Водитель остановил вездеход, и Абдулхарун открыл верхний люк. Застучав по металлу башмаками с коваными носами, Гордоншах вылез наверх, спрыгнул на землю. Хмурый альфазил — лейтенант в сером, — увидев мундир Гордоншаха, нехотя встал по стойке «смирно».

— Открывайте. Не видите знаков отличия на машине? — отрывисто осведомился Гордоншах. — Начальника охраны ко мне, живо!

Офицер скомандовал открыть ворота и исчез, будто провалился сквозь землю.

Гордоншах сделал знак рукой и пошел впереди бронетранспортера. Абдулхарун шепнул ему в спину:

— Действуй в том же духе. Через два часа начнет светать, учти.

Они проехали пулеметные вышки, остановились перед тюремным бункером. Спустя минуту прибежал недоумевающий начальник охраны.

— Абу л-Хасан, — представился Гордоншах, протягивая золотой жетон пропуска. — Уполномоченный по особым поручениям шах-инб-шаха обороны. Мне предписано забрать пришельцев и доставить в Сарвар-центр спецрейсом. Вертолеты по вполне понятным причинам сесть здесь не смогли и ждут нас в десяти зхобах к югу, вне пределов видимости звездолета. Кстати, — продолжал он, не давая опомниться начальнику охраны, — почему ваши олухи не спрашивают пароль?

— А-а... пароль... это... — забормотал сбитый с толку серый фарак — майор. — Я полагал, что за пришельцами приедут в десять часов. Была шифрограмма из Сарвар-центра. Инструкций по их передаче в ваши руки не получал...

— Операция и была задумана так, чтобы сохранить секретность до ее завершения. Свяжитесь с Центром по «красной ли-

нии». Меня не интересуют ваши предположения. Через десять минут пришельцы должны сидеть в транспорте. Охраны не надо, со мной взвод во втором БХ. Впрочем, я сам распоряжусь.

Гордоншах выставил вперед плечо с аксельбантом и направился к бункеру, горб которого торчал в двух десятках шагов, освещенный прожектором. Начальник охраны устремился вперед, на пункт связи, поручив мрачному лейтенанту сопровождать важных особ.

— Побежал звонить дежурному в Центр, — глухо сказал Абдулхарун. — А если там свяжутся с шефом разведки?

— Никуда он не дозвонится, — ответил Гордоншах. — Я перед походом узнал — у них нет прямой связи с Центром, только с базой Аб-Бас и армейским командованием гарама. Пока там будут разбираться, мы уйдем.

— Сюда, — сказал лейтенант, подсвечивая путь фонариком.

Они свернули и оказались у купола тюрьмы.

— Стой! — приказал из темноты хриплый голос. — Вход запрещен!

Абдулхарун незаметно снял автомат с предохранителя и огляделся. Без инфраочков он мало что увидел, но ему показалось, что кругом полным-полно охранников. Нервы сдают, что ли? Успеть бы смыться и дать сигнал десанту...

В нише бункера вспыхнул свет, и через порог скользнувшей в сторону двери шагнул низенький толстый комендант тюрьмы. Это был не Джубб.

«Конец! — мелькнуло в голове Абдулхаруна. — Джубб струсил, рассказал все кому следует. Мы в ловушке!»

— Пропуск! — пропищал фальцетом толстяк, не разглядев толком, кто перед ним.

— Я тебе покажу пропуск! — рявкнул вдруг Гордоншах так, что все вздрогнули. — Я Абу л-Хасан, полковник второго отдела серебряного цвета! С ума здесь все посходили! Пропустить!

Комендант остолбенел, на глазах усох, засуетился и, дрожащим голосом бормоча извинения, повел начальство в бункер.

— Я не заметил, господин полковник... темно... конечно, вы имеете право, но нам приказано никого... Вы потом доложите командованию, что исполняли обязанности... Сюда, теперь сюда, не упадите, здесь комингс, высоко... пошел вон! Извините, это не вам, естественно...

Прежде чем войти, Абдулхарун оглянулся, и ему показалось, что к тюрьме со всех сторон бегут вооруженные охранники.

Сонин проснулся от неясного предчувствия надвигающейся беды. Несколько секунд он лежал, не открывая глаз, прислушивался к далекому шуму: голос. Тяжелые шаги, лязг металла. Рывком сел.

По коридору бункера шли люди, остановились рядом, у соседней камеры. Короткие, лязгавшие металлом, — не разберешь, что говорят, — слова приказа. Звон сигнализации. Звук открывающейся двери... Что они делают? Стоп! Ведь где-то рядом в камере Климов и Лозински! Неужели пришли за ними?

Сонин напряг мышцы и, оглянувшись на спящего Боримира, бессильно опустился на пол.

Если бы он был один!.. С этими охранниками не надо было бы церемониться, интеллект их не превышал интеллекта крокодила, и тогда — сила на силу, грубость на грубость и ярость на ярость! Но если твоя сила нужна не только тебе и вынуждена сражаться с подлостью... если твой гнев, глубоко упрятанный гнев, натыкается всюду на равнодушное любопытство (бывает и такое!)... если твое возмущение тонет в ничем не потревоженной амебной тупости тюремщиков, количество желаний которых не превышает число естественных человеческих отправлений... если, если... вот тогда ты действительно бессилен. Все равно что мертв.

Дверь с отчетливым хрустом скользнула в сторону. Сонин зажмурился от брызнувшего желтого света, но тут же открыл глаза. Перед камерой стояли люди. Один из них, настоящий гигант, под стать Сонину, выделялся великолепным мундиром и тем особенным выражением глаз, которое выдает в человеке бойца и командира. Несколько мгновений они стояли друг против друга, потом гигант отступил назад и махнул рукой, приглашая к выходу.

Сонин взял спящего Боримира на руки, вышел в коридор, быстро повернул голову налево и встретил спокойный взгляд Климова, под руку поддерживающего забинтованного Лозински.

— Привет, — прохрипел Лозински, пытаясь улыбнуться одной стороной лица. — Живем?

— Живем, живем, — сказал Климов. — Не разговаривай, тебе еще вредно.

От врачей, приходивших к ним с крейсера, Сонин знал, что у Лозински был шок от контузии, травма головы плюс потеря кро-

ви, но вернуть его на крейсер тюремщики отказались, не подыскав даже серьезной мотивировки своим действиям.

Они вылезли из подземного бункера на поверхность и окунулись в ночь, поеживаясь от холода. Рассеянный свет фонарей какой-то громадной бронированной машины возле бункера почти ничего не позволял разглядеть, только обозначил вход в нее, похожий на распахнутый зев апокалипсического зверя.

У входа с кормы задержались. На освещенное место вбежал человек в чалме и сером мундире, отчаянно жестикулируя, стал что-то доказывать золотопогонному великану. Тот легонько отодвинул говорившего и снова махнул рукой — вперед!

Странность происходящего все больше заинтересовывала Сонина, насторожила и Климова. Сопровождавшие гиганта люди стали быстро и настойчиво подталкивать их к бронемашине, заставили влезть на броню и протиснуться в люк. Уже высунув голову наружу, Сонин увидел, как серый охранник отскочил в сторону, и тут же недалеко и пугающе громко взвыла сирена.

Гигант рявкнул что-то неслышимое из-за пронзительного воя, в два прыжка вскочил в машину, впихнул в люк спутников и нырнул туда сам. Он едва успел закрыть люк, как борт машины отозвался дробным звонким грохотом — по ним стреляли!

— Похоже, нас похитили! — прокричал Сонин в кабине машины на ухо Климову.

— Я догадался. Знать бы — друзья или враги.

Спасатели переглянулись, хорошо понимая друг друга.

— Посмотрим. От пятерых уйти легче, чем от охраны тюрьмы. Кулаки чешутся.

— У меня тоже.

Бронированный вездеход уже с ревом мчался куда-то в темноту, не включая прожекторов, со скрежетом продрался сквозь проволочное ограждение базы, свалил вышку с пулеметом. Неясные тени прочерчивали дуги по сторонам, их бросало и раскачивало, как в шторм. Там, откуда они так неожиданно бежали, в небо вонзались столбы света и частые строчки несущихся цветных огоньков. Охрана тюрьмы палила в ночь изо всех стволов.

Космолетчики сидели на полу кабины, зажатые между какими-то стойками, ребрами и ящиками, вдыхая забытые запахи солярки, металла, масел и пластмасс. Вездеход рычал, ревел, сотрясался и несся вперед, как пуля после выстрела в темноту.

Спустя несколько минут могучий командир похитителей, си-

девший на жестком сиденье у трубы перископа, оглянулся, что-то проговорил соседу справа, колдующему над рацией, потом встал и пробрался к спасенным. Нагнувшись, положил руку на плечо Климова и указал на свободное сиденье. При этом он улыбнулся, и хотя в кабине было темно, а мимика аборигенов все же отличалась от мимики «настоящих» землян, Сонин все же понял, что улыбка у гиганта добрая. Он помог Климову перенести на сиденье Лозински, устроил сгоравшего от любопытства юного Данича возле сиденья водителя и в свою очередь стал рассматривать великана.

Тот, покосившись на офицера рядом, ткнул себя пальцем в грудь:

— Фарад Гордоншах.

Сонин усмехнулся, потому что его явно приняли за главного в их четверке. Климов тоже это понял, но лишь подмигнул Сонину, не желая вмешиваться в диалог.

— Веня Сонин, — представился тот. — Это Назар Климов, руководитель десанта. Раненый — Питер Лозински, командир звездолета, малыш — Боримир Данич.

Гигант оглянулся на сопровождавших его военных, что-то сказал, разведя руками. Сонин уловил знакомые слова, но смысл фразы не понял. Зато поняли Лозински и Данич: Питер засмеялся хрипло, а Боримир сказал тонким голоском:

— Они думают, что мы считаем, будто они все — убийцы и везут нас на наши похороны.

Громадный предводитель команды похитителей перестал улыбаться, с недоумением посмотрел на Данича.

— Скажи ему, Боримир, что мы принимаем их за тех, кто они есть, — сказал Климов. — Пусть делают свое дело. Будет нужна наша помощь — пусть попросят вовремя.

— В таком объеме я их языка не знаю, но попробую. — Мальчик с серьезным лицом обратился к Гордоншаху на смеси английского и фарси. Тот выслушал, пребывая в явной растерянности, и, вытерев пот со лба, коротко сказал:

— Хайр!

Его товарищ с унылой физиономией вдруг засмеялся, уловив неведомый космолетчикам юмор ситуации. Но тут один из водителей вездехода поманил Гордоншаха, тот вернулся на свое сиденье.

Ночь кончалась. Слева по ходу движения над горизонтом

проступила серая полоса, расширявшаяся с каждой минутой. Небо над головой утратило антрацитовую черноту и распалось на клочковатую пятнистую пелену.

Вдруг вездеход резко клюнул носом. Сонин заметил мелькнувшую над ними — верхний люк был распахнут, иначе невозможно было бы дышать — крестообразную тень. Вездеход круто свернул с еле заметной дороги, сокрушил несколько сосен и остановился. Жесткая клепаная речь водителя бронемашины показалась пулеметной очередью.

ГЛАВА 13

— Лозински, Климов, Сонин и Данич, — продолжал доклад Зубавин, — находятся в подземном бункере, стены которого собраны из стальных плит, прозрачных для наших интравизоров. Вокруг бункера лагерь: дивизион систем залпового огня, две ракетные установки класса «земля — воздух», станция связи, всего около трехсот человек обслуживающего персонала. С трех сторон стоянка окружена лесом, с четвертой — холмы и болото, последнее — как раз в направлении на крейсер. — Зубавин показал минутный видеофильм, иллюстрирующий его речь. — Сам корабль окружен двумя цепями машин залпового огня и цепью ракетных установок типа «земля — воздух». А также тремя радарами, два из которых включены постоянно. Мы едва смогли пробраться к вам незамеченными.

— Каким же образом мы покинем корабль? — спросил Апхазава, буквально почерневший за последнее время. — Экипаж и работники экспедиции готовы к эвакуации давно.

— Шлюп придет ночью, — сказал Зубавин, понимающе глядя на бортинженера. — Придется сделать два-три рейса. Риск обнаружения таким образом увеличивается, но обойтись без него нельзя. Единственное, что меня беспокоит всерьез, каким образом пробраться к месту посадки шлюпа незаметно. А пробираться придется километра три, если не больше. Вот если бы вы смогли подготовить стартовую площадку своих разведкапсул...

— Подготовим, — сказал Апхазава. — Вызывайте «Витязь».

В два часа ночи шлюп без помех забрал последних людей со «Славутича», и крейсер наконец опустел, обреченный на «тихий» атомный распад. На нем, заполненном тишиной, остались Ли-

дия Данич, Апхазава, который должен был привести в действие аппаратуру распада, и оперативная группа спасателей во главе с Зубавиным.

Военные власти страны, очевидно, не подозревали еще о подоспевшем на помощь первому земному кораблю. Координатор ловил их перекрестные передачи, в которых преобладали служебные разговоры, приказы охране и упорно повторявшиеся призывы какой-то анонимной организации не верить лживым посулам военных «оказать помощь в ремонте крейсера».

— Завтра истекает срок нашего ответа, — сказала Лидия, прислушиваясь к переводу. — Вернее, уже сегодня, в шесть утра.

— В шесть? — повторил Зубавин. — А ночь кончится через четыре, и за это время надо успеть сделать все. На корабль мы уже не вернемся. Ждите нашего сигнала и уходите на «Витязь».

Спасатели принялись за экипировку: надевали пленочные, непроницаемые для пуль комбинезоны, генераторы защитного поля, делавшие их горбунами, кресты антигравов. Апхазава понаблюдал за ними, потом нерешительно подошел к Зубавину.

— Разрешите, я пойду с вами? Лидия справится и без меня.

Зубавин решил было отказать, но посмотрел на бортинженера и согласился.

В абсолютной темноте под невидимой, но ощущаемой тушей корабля, Зубавин задержал группу и сказал специально для новичка:

— Повторяю задание. Игорь и Саша со спецаппаратурой устраиваются возле лагеря, там же, где и в прошлый раз. Остальные к бункеру, связь постоянная. Будем действовать согласно обстановке. Высота полета не выше метра над лесом. Вперед!

Через двадцать минут они приблизились к лагерю с тюрьмой и увидели всю историю похищения из бункера заложников со «Славутича».

Первой мыслью Зубавина было вмешаться в события и в общем шуме выкрасть своих у одной из групп, между которыми возникли явные разногласия. Но потом он подумал, что вооруженное столкновение, будь оно даже кратковременным, может привести к гибели любого из участников, а это было недопустимо. Надо было действовать наверняка.

Выждав момент, Зубавин повел группу вслед за грохочущей боевой машиной похитителей, в которую посадили всех четверых космолетчиков. Сзади остался растревоженный лагерь, охрана которого вела бесполезную теперь стрельбу из всех видов

оружия. Зубавин не мог знать, с какой целью произошло похищение, но оно пока было на руку спасателям, так как отряд похитителей был мал, и договориться с ним, тем более что эффект внезапности был на стороне землян, не казалось делом безнадежным.

Чужая машина мчалась без остановки, направляясь к болоту, вторая машина отстала, может быть, специально, для обеспечения отхода.

— Следите за небом, — приказал Зубавин, опуская группу к дороге. — Наверняка будет погоня. Пока они идут прямо к кораблю, ничего предпринимать не будем. Вот если свернут...

И в это время сквозь приглушенный расстоянием грохот мчащейся бронемашины послышался нарастающий рокот и над летящими клином людьми промелькнула зловещая тень военного вертолета.

ГЛАВА 14

— Влево! — скомандовал Гордоншах. Водитель послушно развернул бронеход в просвет между деревьями, но Абдулхарун вдруг крикнул:

— Стойте!

Вездеход замедлил движение и остановился на дороге, заброшенной лет двадцать назад. Догнавший их вертолет завис над бронетранспортером и начал снижаться.

— В чем дело? — изумленно воскликнул Гордоншах. — Ты что, решил сдаться?!

— Это свои. — Абдулхарун спокойно выплюнул жвачку. — Все в порядке, командир, мы свое дело сделали. Через болото к звездолету на машине не пройти, оно еще не замерзло, вот мы и предусмотрели вертолеты. Высаживай пленников, дальше они будут транспортироваться по воздуху.

Гордоншах помедлил, внимательно всматриваясь в заместителя. Ему вдруг не понравилась усмешка Абдулхаруна, торжествующая и презрительная. В данной ситуации она была чужой, неуместной. И вертолеты, появляющиеся в нужный момент, тоже не пустяк... Откуда у организации сторонников мира такие связи? Вертолет явно военный, по силуэту новейший «Си Саббах»...

Гордоншах представил, как молодчики в черном, под видом «спасителей» доставившие пленников на звездолет, врываются в

коридоры, каюты, технические помещения и залы управления и стреляют, стреляют — в упор, от живота, не жалея патронов, не заботясь ни о чем, кроме одного — уничтожения сопротивляющихся и захвата «звездной крепости»...

— Разворачивай! — бросил он водителю.

— Стоять! — отозвался Абдулхарун, вытаскивая пистолет. — Ты не понял? Высаживай звездолетчиков, у нас мало времени.

С пульта вдруг заговорил динамик кодовой связи:

— «Пятый», в чем дело? Где пленники? Через несколько минут здесь будут перехватчики с базы «Абульфазбей»!

— Все в порядке, — ответил Абдулхарун, выдернув микрофон из гнезда. — Выходим. — Он направил пистолет на Гордоншаха, лицо его окаменело. — Поживей, Фарид, не усложняй себе жизнь.

Вертолет с опознавательными знаками полевой зульфакарии уже сел в ста шагах от бронетранспортера, из его чрева выбрасывались десантники в черных комбинезонах с автоматами в руках и, пригибаясь, бежали к вездеходу. По форме Гордоншах узнал в них молодчиков из полуофициальной неофундаменталистской организации «Рахмдил порядок», проявивших себя в Азрааме при подавлении расовых волнений и движений молодежи против терроризма и войн, а также разгроме мирных манифестаций некоренного населения, уничтожении помещений христианских миссий во многих городах, погромах в черных кварталах. А теперь, похоже, они пытаются захватить звездолет раньше, чем это наметили государственные власти, смотревшие сквозь пальцы на «шалости» садистов.

— Я догадывался, — сказал Гордоншах брезгливо, — но не хотел верить. С какой же мразью ты связался! Отдай пистолет или помоги лучше утереть нос этой компании.

Абдулхарун повел стволом пистолета, у него дергалось веко.

— Выходи, Фарид. Я думал, ты умней. Ну, быстро!

В следующее мгновение водитель тронул бронетранспортер с места. Абдулхарун выстрелил от неожиданности, не попал, взмахнул руками и рухнул в проходе. Встать он не успел. Сонин неуловимым движением вырвал у него пистолет и бросил Гордоншаху. Тот поймал оружие, махнул водителю:

— Поворачивай к болоту, быстрей!

Вездеход свернул с дороги, распугав фигуры в черном, углубился в заросли тсуги.

Абдулхарун, ворочаясь на полу, грязно ругаясь, клялся рас-

правиться с «предателем», грозил страшными карами и пытался ударить Гордоншаха металлическим ящиком, потеряв свой презрительный вид и лоск офицера. Сонин успокоил его, тронув на шее нервный узел. Он понял, в чем дело, и без перевода.

Бронеход отмахал ползхоба и уперся в кочковатое мшистое болото, усеянное струйками испарений, с редкими осинами и купами кустарника. За болотом вырастал на полнеба угрюмый эллипсоид звездолета.

— Стоп! — приказал Гордоншах. Знаками показал людям на выход, и четверо космолетчиков заторопились из кабины.

— Спасибо, господин Фарид, — сказал ему мальчик на ломаном англо-персидском, глядя снизу вверх. — Мы все поняли, спасибо.

Гордоншах онемел, откашлялся, хрипло бросил:

— Чего уж там! Бегите к себе и больше не попадайтесь в руки этих горилл. Помоги вам Аллах! До звездолета около зхоба.

— Спасибо, — сказал самый рослый из звездолетчиков, который помог обезоружить капитана. — Мы справимся. — Он подал твердую руку Гордоншаху. — Ваш должник.

Из люка выпрыгнул по другую сторону машины Абдулхарун, отбежал и крикнул из-за кустов:

— Вы пожалеете, что родились! Далеко не уйдете!

Гордоншах выстрелил вверх, Абдулхарун исчез.

Климов тоже пожал руку Гордоншаху и увлек за собой соотечественников. И тут с неба на поляну буквально свалились пятеро людей в серо-синих блестящих комбинезонах, с горбами непонятных аппаратов на спинах.

Это было настолько неожиданно, что в первое мгновение Гордоншах решил, что с вертолета высажен десант, и едва не открыл стрельбу. Но возглас удивления, вырвавшийся у беглецов, сменился оживленной скороговоркой речи, на лицах появились улыбки, и майор, прислушиваясь одним ухом к приближающемуся вертолетному гулу, а другим к мягкой и плавной речи пришельцев, показал сам себе большой палец.

Люди совещались недолго. Двое из них сняли с поясов черные предметы, напоминавшие пистолеты, подхватили раненого на руки и унеслись в небо. Руководитель группы достал из ранца на спине нечто похожее на скрещенные ремни, передал их беглецам, и те ловко надели их на себя. Высокий подошел к вездеходу и протянул такие же ремни Гордоншаху, знаками показывая, как

их надо застегивать. Фарид понял: ему предлагали лететь с ними, предлагали спасение. Он покачал головой, развел руками.

— Я не один. А вы побыстрее улетайте, сейчас здесь будет жарко. И не судите нас строго, мы дети своего времени, — не все из нас законченные мерзавцы и убийцы.

К бронетранспортеру подошел малыш, державшийся как взрослый, включил лингвер:

— Вы не представляете, какой вы молодец!

— Благодарю, — пробормотал Гордоншах, не зная, что говорить еще. — Идите же, иначе будет поздно.

— Не беспокойтесь, — улыбнулся руководитель спасательной группы. — Вертолеты нам не страшны. Уходите отсюда сами. Спасибо за помощь.

Люди растаяли в утренней позолоте неба.

Некоторое время Гордоншах глядел им вслед, удивляясь, что до сих пор не появились вертолеты погони, потом звонко шлепнул ладонью по броне и заорал:

— Вперед, кляча!

Вертолеты появились через три минуты после того, как бронеход Гордоншаха углубился в полосу леса возле болота, пробираясь на восток, к побережью.

Первый из них они сбили с третьего его захода, а второй открыл ракетный огонь, так что Гордоншаху пришлось бросить пулемет и спрятаться за броню. Появился и третий вертолет, затеявший со вторым стремительную карусель атаки. Это были уже не «черные мальчики» из организации Абдулхарума, не убийцы безоружных — асы! Гордоншах понял, что долго им не продержаться. Он выругался сквозь зубы, демонстративно медленно вылез на крышу бронехода и стал за пулемет. Один из вертолетов он успел поймать в прицельный квадрат. Бледные трассы сошлись в темной точке, вертолет пропал за деревьями. И наступила тишина.

Не веря ушам, Гордоншах лихорадочно обшаривал глазами горизонт, но все было тихо, если не считать грохота двигателей бронехода.

— Останови! — крикнул он водителю.

Вездеход встал. Потрясающая тишина ударила по барабанным перепонкам, заставила напрячься в ожидании каких-то ужасных событий. И они не заставили себя ждать.

Казалось, застонал со всех сторон горизонт, и серия взрывов

подняла в воздух вокруг них цветную тучу: разбитые в щепу деревья, черные вихри размолотой почвы и перья огня.

— Проклятье! — с ненавистью процедил сквозь зубы Гордоншах. — Я совсем забыл... — Он нырнул в кабину, встретил взгляд водителя и прочел в нем приговор. Они остались один на один с военной машиной Сарвар-центра, стали чужими у себя на родине, изгоями. От враждебного мира родной планеты их отделяла теперь лишь тонкая оболочка брони. Помощи ждать было неоткуда.

— Что же теперь? — растерянно спросил водитель, которому исполнилось всего девятнадцать лет.

Поход с командиром он принял за необычную военную игру, за учения в условиях, приближенных к боевым, и к тому, что произошло, он готов не был.

— Мы еще живы, дэв побери! — медленно ответил Гордоншах. — И дело свое сделали хорошо. Потомки нас не забудут. Понял, юноша? Рация работает? Попробуем-ка рассказать миру всю правду о том, что здесь случилось... Гони к озеру, попробуем уйти.

ГЛАВА 15

— Они остались на верную гибель! — с холодной яростью сказал Сонин, глядя в узкие черные глаза Джаваира.

С высоты пятисот километров на выпуклом щите Земли-2 можно было разглядеть только крупные города, да и то ночью, по россыпи огней. Оранжевый кружок в левом углу одного из материков, очерчивающий район происшедших событий, был до смешного мал, и ни крейсера «Славутич», ни бронемашины офицеров, помогавших космолетчикам, в этом кружке не было видно.

— Что вы предлагаете? — спросил Джаваир, оглядываясь на молчащего Шелгунова.

— Их надо забрать с собой. Или хотя бы перебросить в другой район материка.

Сонин выдержал взгляды руководителей десанта и экспедиции, добавил твердо:

— Другое решение будет, мне кажется, предательством!

Крейсер неторопливо уходил прочь от псевдо-Земли, и она медленно округлялась в гладкий голубой шар, в глобус...

— Вы понимаете, что бросок вниз в таких обстоятельствах

равнозначен самоубийству? — произнес наконец Шелгунов. — Квадрат сейчас обстреливается ракетами! Кроме того, мы не имеем права ждать, петля времени вот-вот истает, а вместе с ней исчезнем и все мы!

— Самоубийство! — с горечью сказал Зубавин. — А они, когда шли на это, спасая нас, думали о себе? И мы не имеем права думать только о себе. Они наши предки, пусть и из другой реальности, и преподали хороший нравственный урок...

Шелгунов словно не замечал взглядов, обращенных к нему с надеждой и ожиданием. Он был начальником экспедиции, и его слово было решающим.

Таяли секунды. Внизу, на земле далекого прошлого, ставшего вдруг жестоким настоящим, двое людей, поверивших в то, что возможны другие миры, с более справедливым строем, увидевших чужую боль и муку, вели отчаянную борьбу за жизнь...

— Хорошо, — раздался наконец в тихом зале голос Шелгунова. — Подождем еще час. Добровольцы — шаг вперед!

СОДЕРЖАНИЕ

ПАЛАЧ ВРЕМЕН. *Роман*. 5

Часть I. А МЕЖДУ ТЕМ

Глава 1 7
Глава 2 19
Глава 3 26
Глава 4 35
Глава 5 44
Глава 6 54
Глава 7 65
Глава 8 76

Часть II. КАК БОГОМ РЕЧЕНО

Глава 1 87
Глава 2 97
Глава 3 107
Глава 4 118
Глава 5 129
Глава 6 141
Глава 7 151
Глава 8 160

Часть III. ЧЕЙ ПРОМЫСЕЛ

Глава 1 171
Глава 2 181
Глава 3 192
Глава 4 201
Глава 5 212
Глава 6 222
Глава 7 234
Глава 8 245

Часть IV. ПОСТИЧЬ НАМ НЕ ДАНО

Глава 1 258
Глава 2 267
Глава 3 276
Глава 4 287
Глава 5 298
Глава 6 306
Глава 7 313
Глава 8 323

Часть V. КАК БУДТО БЕЗ НАЧАЛА И КОНЦА

Глава 1 334
Глава 2 345
Глава 3 355
Глава 4 365
Глава 5 374
Глава 6 384
Глава 7 392

ВВГ, ИЛИ ВОЙНА ВРЕМЕН ГАРМОНИИ. *Роман* 395

Часть I. ХРОНОДРАЙВ

Глава 1 397
Глава 2 409
Глава 3 423
Глава 4 436
Глава 5 449
Глава 6 463
Глава 7 477
Глава 8 491
Глава 9 505

Часть II. S-ТРАФИК

Глава 1 520
Глава 2 532
Глава 3 547
Глава 4 561
Глава 5 575
Глава 6 587

Глава 7 601
Глава 8 616
Глава 9 632
Глава 10 645

Часть III. ES-УНИВЕРСУМ

Глава 1 654
Глава 2 668
Глава 3 680
Глава 4 690
Глава 5 705
Глава 6 715
Глава 7 727
Глава 8 737
Глава 9 748
Глава 10 755

ХРОНОВЫВЕРТ. *Повесть* 765

Литературно-художественное издание

Головачев Василий Васильевич

ЧЕТВЕРТОЕ ИЗМЕРЕНИЕ

Ответственный редактор *Д. Малкин*
Редактор *Е. Самойлова*
Художественный редактор *А. Сауков*
Технический редактор *О. Куликова*
Компьютерная верстка *Г. Клочкова*
Корректор *Е. Самолетова*

В оформлении переплета использована иллюстрация *В. Нартова*

ООО «Издательство «Эксмо»
127299, Москва, ул. Клары Цеткин, д. 18/5. Тел.: 411-68-86, 956-39-21.
Home page: **www.eksmo.ru** E-mail: **info@eksmo.ru**

Оптовая торговля книгами «Эксмо» и товарами «Эксмо-канц»:
ООО «ТД «Эксмо». 142700, Московская обл., Ленинский р-н, г. Видное,
Белокаменное ш., д. 1, многоканальный тел. 411-50-74.
E-mail: **reception@eksmo-sale.ru**

Полный ассортимент книг издательства «Эксмо» для оптовых покупателей:

В Санкт-Петербурге: ООО СЗКО, пр-т Обуховской Обороны, д. 84Е.
Тел. отдела реализации (812) 265-44-80/81/82.

В Нижнем Новгороде: ООО ТД «Эксмо НН», ул. Маршала Воронова, д. 3.
Тел. (8312) 72-36-70.

В Казани: ООО «НКП Казань», ул. Фрезерная, д. 5. Тел. (8435) 70-40-45/46.

В Самаре: ООО «РДЦ-Самара», пр-т Кирова, д. 75/1, литера «Е». Тел. (846) 269-66-70.

В Екатеринбурге: ООО «РДЦ-Екатеринбург», ул. Прибалтийская, д. 24а.
Тел. (343) 378-49-45.

В Киеве: ООО ДЦ «Эксмо-Украина», ул. Луговая, д. 9. Тел./факс: (044) 537-35-52.

Во Львове: Торговое Представительство ООО ДЦ «Эксмо-Украина», ул. Бузкова, д. 2.
Тел./факс (032) 245-00-19.

Мелкооптовая торговля книгами «Эксмо» и товарами «Эксмо-канц»:
117192, Москва, Мичуринский пр-т, д. 12/1. Тел./факс: (495) 411-50-76.
127254, Москва, ул. Добролюбова, д. 2. Тел.: (495) 745-89-15, 780-58-34.
Информация по канцтоварам: **www.eksmo-kanc.ru** e-mail: **kanc@eksmo-sale.ru**

Полный ассортимент продукции издательства «Эксмо»:

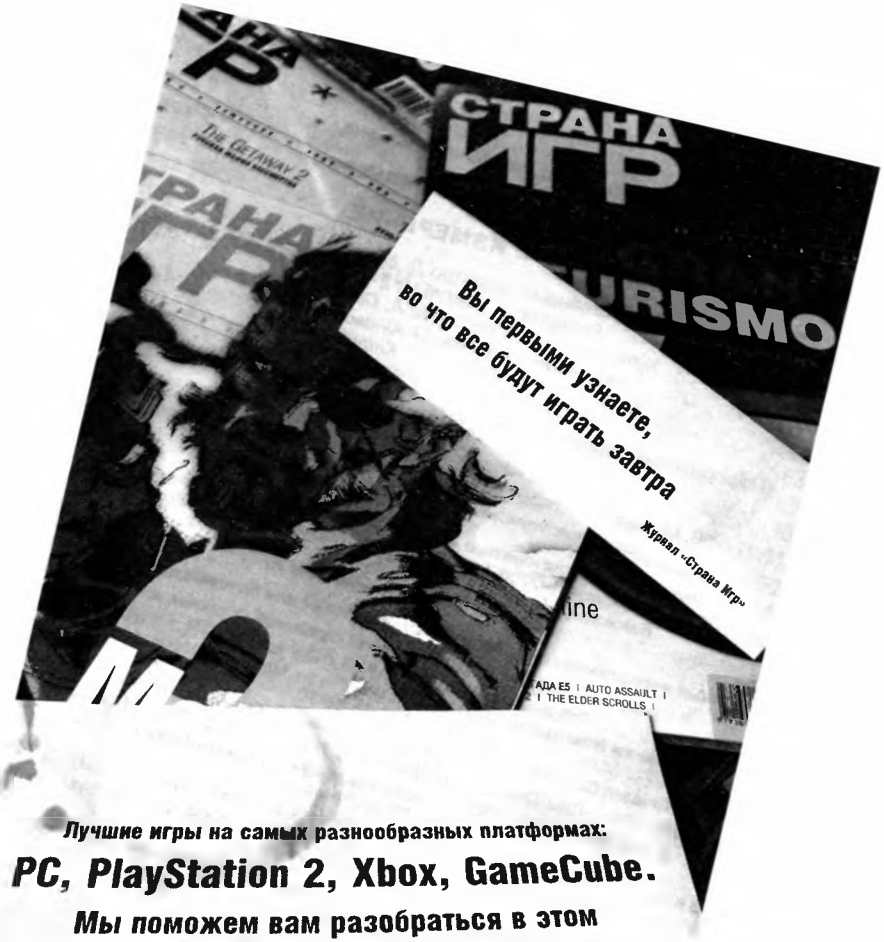
В Москве в сети магазинов «Новый книжный»:
Центральный магазин — Москва, Сухаревская пл., 12 . Тел. 937-85-81.
Информация о магазинах «Новый книжный» по тел. 780-58-81.

В Санкт-Петербурге в сети магазинов «Буквоед»:
«Магазин на Невском», д. 13. Тел. (812) 310-22-44.

По вопросам размещения рекламы в книгах издательства «Эксмо» обращаться в рекламный отдел. Тел. 411-68-74.

Подписано в печать 04.04.2006.
Формат 84x108 $^{1}/_{32}$. Гарнитура «Таймс». Печать офсетная.
Бумага тип. Усл. печ. л. 43,68.
Тираж 4000 экз. Заказ 6052

ОАО «Тверской полиграфический комбинат», 170024, г. Тверь, пр-т Ленина, 5.
Телефон: (4822) 44-52-03, 44-50-34, Телефон/факс: (4822) 44-42-15
Интернет/Home page - www.tverpk.ru Электронная почта (E-mail) - sales@tverpk.ru

Лучшие игры на самых разнообразных платформах:

PC, PlayStation 2, Xbox, GameCube.

Мы поможем вам разобраться в этом круговороте и сделать правильный выбор

КАЖДЫЕ 2 НЕДЕЛИ

192 СТРАНИЦЫ

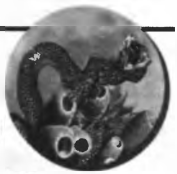
DVD 8,5 Гбайт

Издательство «Эксмо» представляет

АЛЕКС ОРЛОВ

В СЕРИИ РУССКАЯ ФАНТАСТИКА

Алекс Орлов – знаменитый писатель-фантаст!

Книги Орлова мгновенно становятся бестселлерами!

Многочисленные фэны называют Орлова «российским Эдмондом Гамильтоном»!

Роман «База 24» и его продолжения «Штурм базы» и «Испытание огнем» написаны в традиционном для автора жанре – «фантастический боевик»!

НОВАЯ КНИГА!

Также в серии:
«Тени войны»
«Атака теней»
«Двойник императора»
«Особый курьер»

www. eksmo. ru

ISBN 5-699-16388-3